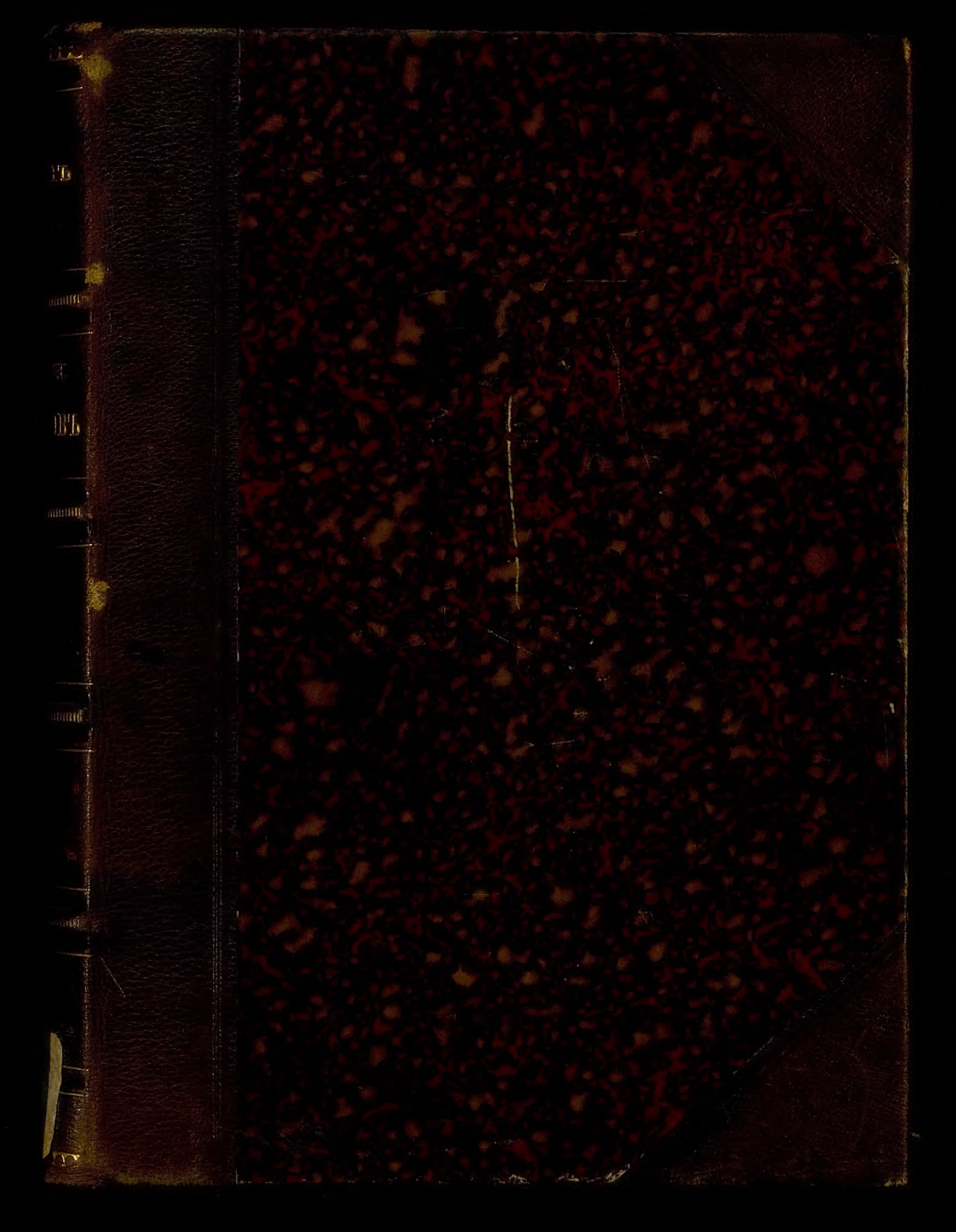

ИСТОРІЯ

СРЕДНИХЪ ВѢКОВЪ.

УНИВЕРСИТЕТСКІЯ ЧТЕНІЯ ПРОФЕССОРА

Н. А. ОСОКИНА.

ТОМЪ ВТОРОЙ. Часть первая.

(XIII СТОЛѢТІЕ).

1889.

Егору Егоровичу
Замысловскому
отъ автора

15 сент. 88 г.

ИСТОРІЯ
СРЕДНИХЪ ВѢКОВЪ.

ИСТОРІЯ

СРЕДНИХЪ ВѢКОВЪ.

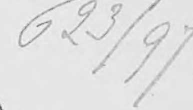
УНИВЕРСИТЕТСКІЯ ЧТЕНІЯ ПРОФЕССОРА

Н. А. ОСОКИНА.

ТОМЪ ВТОРОЙ. Часть первая.

(XIII СТОЛѢТІЕ).

1889.

КАЗАНЬ.

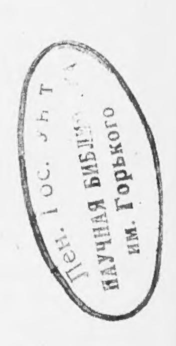

Типографія ИМПЕРАТОРСКАГО Университета.

Печатается по опредѣленію историко-филологическаго факультета Императорскаго Казанскаго Университета 15 декабря 1888 года.

(Приложеніе къ Ученымъ Запискамъ историко-филологическаго факультета Императорскаго Казанскаго Университета за 1889 г.).

ОГЛАВЛЕНІЕ
втораго тома.
(ЧАСТЬ ПЕРВАЯ).

VI.

VII.

VI.

ТОРЖЕСТВО ТЕОКРАТИЧЕСКОЙ ИДЕИ ВЪ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНѢ XIII ВѢКА.

ВРЕМЯ ПАПЫ ИННОКЕНТІЯ III И ИМПЕРАТОРА ФРИДРИХА II.

1) Папа Иннокентій III; его отношенія къ Западу и Востоку Европы.

Вторая половина среднихъ вѣковъ открывается полнымъ торжествомъ папской власти. Духовный авторитетъ римскихъ первосвященниковъ достигаетъ такой реальной силы, что папская курія начинаетъ оказывать вліяніе на политику и исторію не только всей западной Европы, но направляетъ судьбы нѣкоторыхъ государствъ и народовъ Востока. Эта духовная сила, облекшись политическими формами, получаетъ матеріальное могущество. Римъ становится не только духовнымъ, но и политическимъ центромъ. Въ немъ сходятся тѣ нити, которыя даютъ импульсъ исторической жизни Европы на цѣлое столѣтіе.

Общій характеръ XIII вѣка.

Передъ нами воскресаетъ въ самыхъ широкихъ предѣлахъ теократія отдаленной, библейской древности, теократія оригинальная, тайна обаянія которой утеряна для насъ. Тринадцатое столѣтіе — это время торжества папской власти по преимуществу. Но теократическая идея, хотя преобладающая, не составляетъ исключительнаго явленія этого вѣка. Рядомъ съ торжествомъ ея мы наблюдаемъ въ половинѣ XIII столѣтія одновременное развитіе всѣхъ другихъ идей, составляющихъ сущность средневѣковой жизни. Вмѣстѣ съ разви-

тіемъ католическихъ институцій рыцарство осуществляетъ свои высшіе идеалы, а оппозиція Римской Церкви собираетъ на Западѣ подъ свое альбигойское знамя все недовольное церковными порядками, объявляя папству непримиримую войну. Одновременно съ провозглашеніемъ единой имперіи подъ папской гегемоніей, отдѣльные народы заявляютъ свое право на самостоятельное развитіе и, сквозь подавляющій теократическій сумракъ, прорывается государственная идея, сперва въ сословной феодальной формѣ, а потомъ въ торжествѣ королевской власти, которая стремится получить повсюду высшій авторитетъ. Въ юридической области параллельно съ послѣднимъ движеніемъ сказывается преобладаніе идей римскаго права, на статуты котораго скоро обопрется королевская власть и въ нихъ будетъ искать свое оправданіе.

Все это заставляетъ считать XIII столѣтіе какъ бы фокусомъ средневѣковой исторіи. Вся цивилизація среднихъ вѣковъ, какъ мы привыкли понимать ее, воплощается въ немъ лучшими и существеннѣйшими своими сторонами; всѣ типичныя явленія средневѣковой жизни какъ бы торопятся въ немъ сосредоточиться.

Рядомъ съ богатствомъ фактовъ въ сферѣ церковной, политической и юридической, XIII вѣкъ представляетъ замѣчательную духовную производительность. Вѣкъ Перикла былъ характернымъ и центральнымъ во всей исторіи древнихъ эллиновъ; время Юлія Цезаря было типичнымъ въ общей исторіи древняго Рима; XIII столѣтіе, а преимущественно первая половина его, является съ такимъ же значеніемъ для средневѣковой исторіи.

Передъ нами пройдутъ самые энергичные образы исторіи средневѣковаго міра. Это вѣкъ Иннокентія III и Фридриха II, Фердинанда III и Альфонса X Кастильскихъ, Филиппа-Августа, Луи IX и Филиппа Красиваго, Іакова I Завоевателя, покорителя мавровъ, вѣкъ Альберта Великаго, Рожера Бэкона и Ѳомы Аквинскаго, наконецъ, на закатѣ своемъ, это вѣкъ Данте. То было время зачала аррагонской конституціи и англійскаго парламента, время славы коммунъ и цеховъ, время могущества Ганзы и городскихъ союзовъ въ Германіи, время феодальной расправы и тайныхъ судовъ Вестфаліи, судовъ, не признававшихъ силы слагавшихся статутовъ, время лучшихъ пѣсенъ трубадуровъ, обоготворенія женщинъ и философіи.

Когда всѣ существенныя идеи среднихъ вѣковъ проявились въ высшемъ своемъ развитіи, онѣ не могли оставаться долго на одной точкѣ. Историческая жизнь продолжала направляться присущимъ ей правильнымъ теченіемъ. Въ сущности основныхъ началъ средневѣковой исторіи лежало зерно развитія новыхъ историческихъ явленій. Это зерно сперва едва наблюдается, но оно постепенно разростается и наконецъ проявляется въ довольно осязательныхъ формахъ въ слѣдующіе вѣка. Такой эмбріологическій процессъ совершается во второй половинѣ XIII столѣтія. Этотъ вѣкъ кончается трагической катастрофой папства въ лицѣ Бонифація VIII и публичнымъ попраніемъ папскаго авторитета. Такое рѣзкое явленіе не могло совершиться безъ подготовки. Средневѣковыя основныя начала пытаются сохранить свое обаяніе въ XIII вѣкѣ, но новый духъ, чуждый теократіи, даетъ себя чувствовать на закатѣ этого столѣтія. Это столкновеніе идей ведетъ къ борьбѣ, которая особенно замѣтна въ десятилѣтія, непосредственно предшествовавшія XIV вѣку, и которая проявляется въ разныхъ сферахъ исторической жизни. Тутъ борьба Церкви съ оппозиціей еретиковъ; борьба клерикальнаго гнета съ проявленіями свободной мысли въ поэзіи сирвентовъ; борьба папъ съ свѣтской государственной властью, возставшей противъ теократіи; борьба старыхъ правдъ съ нивелирующей идеей римскаго права; борьба феодализма съ монархическимъ авторитетомъ; борьба патриціевъ съ цехами. Подобныя же боренія совершаются въ духовной сферѣ, гдѣ номиналисты борятся съ реалистами, а надъ идеалами трубадуровъ посмѣиваются мейстерзенгеры. — Но обаяніе Церкви тѣмъ не менѣе продолжаетъ царить въ исторіи этого вѣка.

Характеристика Иннокентія III (1198-1216 г.).

Торжеству Церкви главнымъ образомъ способствовала личность человѣка, который на рубежѣ XIII вѣка служилъ ея вождемъ и всестороннимъ представителемъ. Когда папству грозила опасность, оно стало пріобрѣтать искусствомъ этого вождя еще большую внутреннюю и внѣшнюю крѣпость. Геніальный государственный дѣятель, онъ будто нарочно былъ призванъ на сцену дѣйствія въ критическую минуту. Превосходною системою взялась заправлять рука человѣка, именемъ котораго обозначается цѣлая эпоха. То былъ папа Иннокентій III.

Рѣдкій первосвященникъ надѣвалъ тіару такъ рано и рѣдкій выступалъ на историческую сцену болѣе приготовленнымъ. Онъ приносилъ съ собою на папскій престолъ грандіозную и прочувствованную идею; она выработана была, правда, прежнею исторіею, но въ немъ нашла своего полнаго и лучшаго выразителя. Онъ призванъ былъ завершить и создать величавое, хотя не совсѣмъ безупречное, зданіе католицизма и потому его симпатіи лежали въ прошедшихъ идеалахъ; стоя на стражѣ минувшаго, онъ долженъ былъ охранять думы и убѣжденія прошлаго. Цѣлью Иннокентія III было закрѣпить владычество папъ надъ Европой.

Между тѣмъ около того времени палъ авторитетъ первосвященниковъ въ ихъ собственномъ государствѣ. Папы послѣднихъ десятилѣтій XII вѣка безсильны въ своей столицѣ; тіаристы находятся въ зависимости отъ городскихъ аристократическихъ партій. Тѣсно связанные съ ними, они не въ силахъ умиротворить городъ; такое безсиліе выдавалось тѣмъ съ большею яркостью, что по всему Западу сила ихъ казалась такъ грозною. Эти первосвященники почти всегда избирались въ преклонныхъ лѣтахъ; они были могучи не какъ личности, а какъ представители наслѣдственной политики римской куріи.

Не таковъ былъ человѣкъ, который водворился на папскомъ тронѣ въ 1198 году. Онъ самъ происходилъ изъ древняго римскаго рода графовъ Конти, извѣстность котораго уходитъ дальше времени, фактически извѣстнаго исторіи. Смѣлые генеалогисты связываютъ этотъ родъ преемственностью двѣнадцати столѣтій (1); знаменитаго папу считали потомкомъ перваго герцога Сполетскаго, получившаго свои владѣнія отъ лонгобардскаго короля Гримоальда еще въ VII вѣкѣ. Достовѣрнѣе, что знаменитость средневѣковаго Рима, префектъ Крешенци, былъ его предкомъ. Наслѣдственныя владѣнія графовъ Конти не давали имъ ни особой славы, ни достаточнаго для того богатства (2). Въ ряду не менѣе древ-

(1) Hurter. Geschichte Papst Innocenz des Dritten; 1834; erstes Buch, Anmerk. 3, 8, 15.

(2) У Конти были владѣнія въ Римѣ и окрестностяхъ; имъ же могло принадлежать графство Сеньи, въ Кампаніи, чѣмъ объясняется выраженіе оффиціальнаго біографа: «ex patre Transmundo de comitibus Signiae» (ed. Baluzii, Gesta Innocentii III; c. 1). «Famille des comtes de Segni, connue

ней аристократіи не имѣлъ значенія и графъ Тразимундо, отецъ будущаго папы ([1]). Его далеко оттѣсняли вліятельные на выборахъ: Орсини, Колонна, Франджипани, Савелли. Родъ Конти суждено было возвысить Джіованни Лотарю. Онъ родился около 1161 года ([2]). Мать дала ему возможность получить воспитаніе въ школѣ св. Іоанна Латеранскаго, которая была разсадникомъ католическихъ проповѣдниковъ. Онъ кончилъ свое образованіе въ парижскомъ и болонскомъ университетахъ,—тамъ онъ погрузился въ занятія современною философіей ([3]), но изъ его сочиненій видно, что онъ хорошо изучилъ и классиковъ. Парижъ славился богословіемъ и схоластикой; Болонья правомъ; это были главнѣйшіе разсадники средневѣковаго образованія ([4]). Въ Парижѣ учились много знаменитыхъ современниковъ Иннокентія; тутъ были и будущіе епископы и поэты, какъ Вальтеръ Фогельвейде. Здѣсь Лотарь сошелся съ Стефаномъ Лангтономъ и другими; товарищи дѣтства послужили орудіемъ выполненія плановъ Иннокентія III. Лотарь возвратился въ Римъ при папѣ Лучіи III, который тогда же далъ ему нѣсколько порученій, успѣшно исполненныхъ. Его полная извѣстность началась скоро. Григорій VIII дѣлаетъ его, еще молодаго, субъ-діакономъ (1187 г.). Конти выдвигается впередъ, благодаря нѣкоторымъ фамильнымъ связямъ, но главнымъ образомъ вслѣдствіе своихъ способностей.

---

encore aujourd'hui à Rome sous le nom de Conti» (Brequigny et La Porte du Theil. Diplomata, chartae ad res Francicas spectantia, Innocentii III papae regesta. 1791; intr.).

([1]) Raynaldi. Annales ecclesiastici, ed. 1647; I, 2; по другимъ варіантамъ Transmundo.

([2]) Gesta Innocentii III, c. 3,—такъ можно заключить изъ намека: «Clemens III papa promovit in diaconum cardinalem, vicesimum nonum aetatis annum agentem...», а это было въ 1190 году. Въ изданіи Migne—Patrologia, t. CCXIV, p, XVIII, nota 9, ошибочно показаны 1171—1172 годы.— Въ кодексѣ Amalrici Augerii два списка біографіи Иннокентія III, краткій—Bernardi Guidonis (Muratori, III, II, 480—486) и подробный—Baluzii (Muratori; III, II, 486—568).—Watterich. Pont. rom. vitae. L. 1862.

([3]) Gesta Inn. c. 2... Scholasticis studiis insudavit, et super coaetaneos suos tam in philosophica quam theologica disciplina profecit.

([4]) Hurter; I, 12—32,—университетская жизнь того времени. — Въ письмѣ къ Филиппу II французскому, Иннокентій вспоминаетъ съ признательностью о парижскомъ университетѣ (Regestorum l. II, ep. 17).

То было время Ричарда, Саладина; шелъ третій крестовый походъ съ Барбароссой во главѣ. Римская канцелярія была въ полной дѣятельности. Климентъ III, дядя Лотаря, дѣлаетъ его въ 1190 году кардиналомъ-діакономъ. Это равнялось званію государственнаго секретаря. Ему было тогда 29 лѣтъ. Такое назначеніе произвело общую радость въ Церкви, въ народѣ и „возбудило большія надежды“, неожиданно замѣчаетъ авторъ „дѣяній“ (1). Можно судить поэтому какую популярность пріобрѣлъ Лотарь. Молодаго кардинала уже тогда хватало на все; онъ развивалъ самые громадные планы и не упускалъ изъ вида мелочей дѣла. Но вотъ враждебная фамилія Орсини захватила престолъ. Целестинъ III удалилъ отъ должности Лотаря. Этимъ воспользовался будущій преемникъ Целестина, чтобы въ уединеніи, и думою, и литературными занятіями, развить свои духовныя силы. Въ эти промежуточныя шесть лѣтъ у него созрѣли тѣ теократическіе замыслы и та многосторонняя политика, которая можетъ возбуждать протестъ, но, какъ полезная для того времени, имѣетъ право на историческій смыслъ. Въ немъ совершалась внутренняя борьба. Въ сочиненіяхъ своихъ, написанныхъ въ это время, онъ томится міромъ, ищетъ покоя и уединенія, когда болѣе чѣмъ кто нибудь онъ былъ призванъ къ дѣятельности (2). А между тѣмъ какъ онъ, въ своемъ отшельническомъ уединеніи, живя въ Ананьи, окруженный всѣмъ книжнымъ запасомъ тогдашней учености, отрекался отъ міра,— этотъ міръ уже завязывалъ тѣ узлы, которые пришлось распутать ему.

Папа Целестинъ III (1191-1198 г.) и императоръ Генрихъ VI (1190—97 г.).

Императоръ Генрихъ VI терпѣлъ униженіе отъ Целестина III. Ему не отворяютъ главныхъ воротъ города; народъ не хочетъ видѣть ни одного нѣмца въ Римѣ. Старый Целестинъ принимаетъ Генриха въ своемъ загородномъ дворцѣ. Какъ ни гордъ былъ сынъ Барбароссы, онъ долженъ выносить оскорбительныя выходки первосвященника. Чтобы показать

(1) Procifiebat autem, sicut aetate, sic etiam probitate coram Deo et omni populo, ita ut omnes de ipsius sublimatione praesumerent et sperarent. Gesta, c. 3.

(2) De contemptu mundi sive de miseriis humanae conditionis помѣщено въ Патрологіи — Migne; CCXVII, 701—746. Напримѣръ: «Divitiae non liberabunt a morte, epulae non defendent a morte, nec deliciae a verme, honores non eripient a fetore (737).— Разборъ у Hurter; I, 49—55.

зависимость отъ Рима императорской короны, папа, сидя на возвышенномъ престолѣ, сбросилъ ее съ головы Генриха и лишь послѣ позволилъ ее падѣть снова. Это была дерзкая и неумѣстная выходка со стороны папы; впрочемъ достовѣрность этого разсказа хроникера подлежитъ сомнѣнію. Императоръ далъ присягу охранять всѣ права Церкви, соблюдать ея привилегіи, править по началамъ кротости и справедливости, не отчуждать римскихъ патримоній. Генрихъ шелъ на Неаполь наслѣдовать королевство обѣихъ Сицилій по праву своей жены, послѣдней норманки Констанціи. Это королевство было уже давно подъ покровительствомъ Церкви; оно считалось вассальствомъ римскимъ и болѣе соотвѣтствовало такому положенію, чѣмъ всѣ другіе мнимые феоды папъ. Но въ Неаполѣ былъ уже другой король, по избранію вольныхъ бароновъ, незаконный сынъ Рожера Апулійскаго, Танкредъ, графъ Лечче. Танкредъ былъ искуснѣе въ битвахъ. Генрихъ не могъ прогнать его. Танкредъ былъ сильно любимъ и баронами и народомъ, всегда продолжавшими хранить, какъ бы по преданію, вѣрность королевскимъ династіямъ. Генрихъ вернулся въ Германію. Когда Танкредъ умеръ, то его сынъ, молодой Вильгельмъ III, не могъ устоять противъ нѣмецкихъ латниковъ. Генрихъ овладѣлъ королевствомъ, и то лишь при помощи генуэзцевъ и пизанцевъ. Онъ захватилъ короля на условіяхъ оставить за нимъ графство Лечче, но измѣнически ослѣпилъ его, заключилъ въ тюрьму, переказнилъ весь родъ нормандскій, всѣхъ приверженцевъ его и принялъ такую истребительную систему, что заслуженно пріобрѣлъ себѣ прозвище „свирѣпаго циклопа“. Безсердечная жестокость была его свойствомъ, даже по сознанію швабскихъ хроникъ; онъ выказалъ ее въ поступкѣ съ Ричардомъ англійскимъ, чѣмъ возбудилъ противъ себя негодованіе всего рыцарства Европы. Дочери Танкреда были въ тѣсномъ заключеніи; нѣсколько лѣтъ онѣ никого не видали, кромѣ священника и тюремщика. Свирѣпость Генриха была уже не по силамъ неаполитанцамъ; подозрѣваютъ, что она была причиной его смерти, но достовѣрнѣе объяснить кончину его изнурительной лихорадкой. Папа тщетно останавливалъ Генриха отъ звѣрскихъ поступковъ и наконецъ отлучилъ его ([1]). Онъ умеръ

([1]) Otto de Sancto Blasio (Muratori. Scrip. rerum ital. VI, 901) только одинъ защищаетъ память Генриха VI, котораго такъ превознесъ Weber. Allg. Weltg. VII, 1.—Срв. Töche. Kaiser Heinrich VI (L. 1865) и Schirrmacher. Gesch. Kastiliens im XII und XIII Jahrh. (G. 1881).

отлученнымъ съ своими замыслами о мести Риму и о единой имперіи; ему было лишь 32 года (сент. 1197 г.). Онъ оставилъ послѣ себя четырехлѣтняго сына, знаменитаго впослѣдствіи Фридриха II (род. 26 декаб. 1194), общую ненависть къ своей памяти и междоусобія за престолъ въ Германіи.

Папамъ надо было дѣйствовать такъ, чтобы не только не потерять старыхъ пріобрѣтеній въ предстоящемъ замѣшательствѣ и безначаліи въ южной Италіи и въ Германіи, но чтобы, напротивъ, увеличить ихъ, пользуясь первымъ представившимся случаемъ.

Доселѣ, впродолженіи XII-го столѣтія, папы были побѣдителями Германскихъ императоровъ на столько, что могли раздавать и снимать короны. Это было обусловлено тѣмъ, что въ Ломбардіи не имѣлось намѣренія пропускать императора въ Римъ. Но если бы номинальные повелители имперіи, каковы были германскіе императоры, успѣли утвердиться въ южной Италіи, то, естественно, политическое положеніе папъ и Рима было бы стѣснено съ юга и сѣвера — со стороны южной Италіи и со стороны германскихъ императоровъ.

Избраніе Иннокентія III.

Вотъ въ это то время, когда Риму и всей Италіи, вмѣстѣ съ самими первосвященниками, грозила опасность подпасть императорской власти, необходимо было выбрать человѣка большой энергіи и талантовъ. Хотя умиравшій Целестинъ III указывалъ на своего друга Колонну, но его не слушали. Тогдашній конклавъ съ замѣчательнымъ единодушіемъ остановился на кардиналѣ-діаконѣ Лотарѣ Конти, который и былъ выбранъ, послѣ непродолжительнаго совѣщанія, подъ именемъ Иннокентія III въ 1198 г. Онъ былъ очень молодъ для этого высочайшаго поста въ католическомъ мірѣ; ему шелъ всего 38 годъ. Онъ не только не былъ епископомъ, но, служа послѣдніе годы въ папской канцеляріи, не имѣлъ даже священническаго рукоположенія. Пресвитерскій санъ онъ получилъ послѣ выборовъ. Для него было сдѣлано, въ виду важныхъ обстоятельствъ, такое рѣдкое, почти небывалое исключеніе. Несомнѣнно, конклавъ стоялъ на должной высотѣ; онъ одушевленъ былъ желаніемъ вручить власть достойнѣйшему. Впослѣдствіи Иннокентій III заявлялъ, что онъ долго отказывался отъ тіары, что онъ со слезами на глазахъ умолялъ кардиналовъ избавить его отъ той отвѣтственности, которую возлагали на него. Но конклавъ былъ

непоколебимъ въ своемъ рѣшеніи. Старшій изъ кардиналовъ подошелъ къ Лотарю Конти и нарекъ его Иннокентіемъ III. Тогда все было кончено. Избранникъ былъ торжественно провозглашенъ передъ римской толпой.

Современныя „gesta“ находятъ, что выборъ папы выгодно отразился на настроеніи Рима; прихотливая римская толпа была довольна; торжественная коронація заняла народъ, въ средѣ котораго новоизбранный былъ очень популяренъ. Но надо помнить, что власть папы мало значила въ самомъ Римѣ, подъ вліяніемъ борьбы аристократическихъ партій. Вообще бароны относились презрительно къ римскимъ первосвященникамъ; эта аристократія сильно мѣшала простору дѣйствій куріи; она привыкла заправлять народной силой. Такъ было въ XI, XII, такъ было и въ XIII столѣтіи. Извѣстно, что самъ Григорій VII, голосъ котораго грозно гремѣлъ во всей католической Европѣ, не переставалъ быть въ то же время игралищемъ аристократическихъ партій. Въ Италіи, въ самомъ Римѣ, папѣ не придавали никакого значенія; тамъ знали его въ домашнемъ быту, какъ бы запросто. Подъ вліяніемъ аристократическихъ партій народъ возставалъ массою, хотя продолжалъ служить только матеріаломъ въ рукахъ разныхъ Колонна и Орсини. Тѣмъ менѣе было возможности для императорской власти оказать свое вліяніе въ Римѣ; императорскій префектъ былъ орудіемъ римскихъ нобилей; онъ передалъ свои права сенату, который, идя часто врозь съ народомъ, юридически дѣйствовалъ отъ его имени, будучи независимъ отъ папы. Среди такой борьбы аристократическаго и демократическаго элементовъ власть папской куріи рѣдко проявлялась даже въ предѣлахъ Рима. А чтобы дѣйствовать съ достоинствомъ на всю Церковную область, надо было прежде всего закрѣпить свое вліяніе въ Римѣ. Иннокентій съ первыхъ же дней подчинилъ себѣ столицу. На другой день своего избранія онъ призвалъ къ себѣ городскаго префекта и заставилъ его дать клятву для блага и славы Церкви,—ни продавать, ни отчуждать никакимъ образомъ (nec locabo, nec infendabo, nec impignorabo) какую либо часть церковныхъ владѣній (¹). Онъ обѣщался оберегать замки и крѣпость, никогда не укрѣпляться въ нихъ, не сооружать новыхъ замковъ безъ согласія папы, во всемъ отдавать отчетъ папѣ и,

(¹) Migne. CCXIV, 529.

что̀ ему будетъ приказано первосвященникомъ или Церковью Римскою, безотлагательно исполнять. Префектъ обѣщалъ. Такимъ образомъ иноземныя претензіи, хотя номинальныя, уничтожились совершенно; городъ сдѣлался папскимъ, послѣ одного непродолжительнаго частнаго разговора. Вмѣсто меча, знака императорской инвеституры, папа вручилъ префекту золотую чашу, „какъ знакъ милости сюзерена". Съ своей стороны народъ поддерживалъ такое популярное дѣло, исходившее отъ такого популярнаго лица. Сенатъ сталъ дѣйствовать уже не отъ имени народа, а отъ лица папы. Такъ исчезли навсегда республиканскія вольности города, но ими давно пользовался не народъ, а патриціи; къ тому же онѣ вредили авторитету папы, являвшагося игралищемъ римскихъ партій. Главный сенаторъ принесъ присягу оберегать личность папы. Участіе Иннокентія въ облегченіи ужасовъ тогдашняго голода закрѣпило на долго связь между народомъ и папой и положило начало организаціи Церковной области. Въ такихъ предѣлахъ эта область сохранилась почти до нашего времени; лишь четверть вѣка тому назадъ была сокрушена власть, ставшая анахронизмомъ. Упрочивъ свое положеніе въ столицѣ, Иннокентій обратился къ дѣламъ Италіи и Германіи.

Южная Италія.

Незадолго до своей кончины Генрихъ VI успѣлъ овладѣть Анконской и Романской марками, передавъ ихъ Марквальду; въ Сполетто былъ другой нѣмецкій владѣтель Конрадъ. Такимъ образомъ почти вся Италія подпала нѣмецкому владычеству. Папа былъ на столько итальянецъ, что потребовалъ отъ Марквальда возвращенія всѣхъ владѣній Церкви. Марквальдъ отказался; его поддержалъ Конрадъ. Марквальдъ испыталъ дѣйствіе папскаго гнѣва. Народъ никогда не терпѣлъ нѣмецкой власти и папа получилъ желаемое. Въ Сполетто также произошло народное движеніе. Конрадъ бѣжалъ; нѣмцы были прогнаны и наслѣдство Матильды цѣликомъ вернулось въ папскія руки. Флорентійскіе города организовали свой союзъ, но и здѣсь вліяніе папы было велико; не прошло и года, какъ Церковная область достигла крайнихъ своихъ предѣловъ; она простиралась отъ Анконы и Перуджіи до Беневенто и Сполетто. Всѣ почти города сдавались добровольно. Національное чувство было возбуждено. Доселѣ Италія сильно терпѣла отъ нѣмецкой власти и только въ Римѣ восторжествовало начало національности. Теперь, уже надолго, части средней южной

Италіи подчинились папской власти. Замѣтимъ, что эта власть представлялась болѣе гуманной, чѣмъ власть феодаловъ; поэтому нельзя не относиться къ ней безъ нѣкотораго сочувствія. Прочно утвердившись и увеличивъ свои матеріальныя средства, Иннокентій заявилъ, что его система будетъ теократической. Деспотическій образъ дѣйствій, наступательный по своему характеру, не могъ не возбуждать къ себѣ недовѣрія, даже отвращенія. Теократизмъ означалъ главенство одного человѣка именемъ духа религіи надъ цѣлыми народами. Человѣкъ сколько нибудь энергичный, при малѣйшемъ честолюбіи, опираясь на теократизмъ, могъ быть въ высшей степени вреденъ для историческаго развитія. Но слѣдуетъ признать, что Иннокентій, установивъ эту власть, не думалъ требовать крайняго ея примѣненія. Этотъ теократизмъ при Иннокентіи въ Римѣ былъ оппозиціей нѣмецкой власти; курія тогда заботилась о массѣ; она защищала слабыхъ. Опираясь на представительство небеснаго посланничества, папы легко могли оказать большія услуги благосостоянію народныхъ массъ; угрожая отлученіемъ, они могли какъ крѣпкой уздой сдерживать сотни тѣхъ разбойниковъ, которые назывались баронами. Народъ былъ бы беззащитенъ отъ этихъ разбойниковъ, если бы онъ не нашелъ крѣпкой опоры въ рукахъ папы.

Понятно, что осуществляя свою систему, Иннокентій поступалъ не всегда безупречно. Завѣщая будущему свои теократическіе идеалы, онъ не всегда достигалъ ихъ мирными средствами; свѣтское честолюбіе было присуще ему. Обладая безусловной гегемоніей, этотъ человѣкъ часто сходилъ съ духовной почвы; иногда, подобно другимъ тіаристамъ, онъ злоупотреблялъ религіей. Но всѣ эти уклоненія съ прямаго пути ничего не значили въ сравненіи съ злоупотребленіями другихъ папъ; въ немъ никогда не исчезала идея о высшей справедливости. Онъ былъ искрененъ, когда провозглашалъ послѣднюю. Въ его перепискѣ находимъ много фактовъ, выставляющихъ его въ такомъ видѣ, какимъ мы его обрисовали. Характеръ теократіи.

Можно привести много данныхъ изъ разсказовъ современниковъ. Взглянемъ, какъ самъ папа понималъ смыслъ теократизма. Въ первые дни своей власти, онъ слѣдующимъ образомъ высказывалъ свою политическую и моральную доктрину. „На нашемъ попеченіи лежитъ забота о процвѣтаніи Церкви. И жизнь и смерть наша будутъ посвя-

щены дѣлу справедливости. Мы знаемъ, что наша первая обязанность блюсти права всякаго и ничто не заставитъ насъ уклониться съ этого пути. Передъ нами великое обиліе дѣла, ежедневныя заботы о благѣ всѣхъ церквей; мы потому не болѣе, какъ служители слугъ Божіихъ, согласно съ титулованіемъ нашимъ. На насъ тяжелый долгъ и мы слабы силами для выполненія его. Но мы вѣримъ, что волею Божіей возведены изъ ничтожества на этотъ престолъ, съ котораго должны творить истинный судъ и надъ князьями, и даже надъ тѣми, кто выше ихъ" ([1]). Есть много основаній, заставляющихъ вѣрить искренности этихъ словъ; въ общемъ приходится согласиться, что поступки папы не расходились со словами, что̀ и увидимъ изъ дальнѣйшаго изложенія.

Политическія обстоятельства сами по себѣ давали Иннокентію надежду на осуществленіе теократическихъ замысловъ. Это проявилось въ отношеніяхъ его къ Германіи, Франціи, Англіи, Испаніи, Португаліи, славянскимъ землямъ и даже Россіи.

Филиппъ (1198-1208 г.) и Оттонъ IV (1209-1219 г.) въ Германіи.

Въ Германіи продолжалось полное смятеніе; шла борьба за императорскій престолъ. Здѣсь авторитетъ папы опредѣлялъ надежды партій. Отъ папы зависѣло поддержать троихъ претендентовъ. То были: братъ и сынъ покойнаго императора Генриха VI, Филиппъ и Фридрихъ Гогенштауфены, затѣмъ Оттонъ, — герцогъ Брауншвейгскій. Существенно важенъ смыслъ тогдашней великой борьбы. То была война Гвельфовъ, сторонниковъ папы и Гибеллиновъ, поборниковъ свѣтской власти. Эти партіи возникли въ Германіи, затѣмъ перешли на почву Италіи и получили извѣстный смыслъ. Такимъ образомъ три претендента на германскій престолъ породили междоусобія на полуостровѣ; но то была война не народная; въ этихъ междоусобіяхъ принималъ участіе тотъ или другой кружокъ князей. Филиппъ и Оттонъ IV были выбраны германскими князьями почти въ одно время, каждый своей партіей. Между соперниками открылась война. На прямаго наслѣдника, Фридриха, не обращали никакого вниманія въ первое время.—Когда умеръ отецъ Фридриха, ребенокъ жилъ въ Италіи. Мать его Констанція торопилась короновать его королемъ Обѣихъ Сицилій. Въ Мессинѣ, весною 1193 года,

([1]) Innoc. Regest. I, ep. 15. 230.

собрались всѣ свѣтскіе и духовные вельможи сицилійскаго королевства. Но сицилійскіе аристократы не любили Гогенштауфеновъ; они не могли питать симпатіи къ нѣмецкой новой династіи, потому что съ ней было много связано кровавыхъ эпизодовъ. Вельможи присягнули сыну Констанціи послѣ увѣренія, что нѣмецкое вліяніе въ государствѣ будетъ уравновѣшено вліяніемъ мѣстныхъ вельможъ. Но надежда на сицилійскихъ вельможъ была слаба. Констанція обратилась къ папѣ; его могучей поддержкой она хотѣла обезпечить судьбу своего сына. Находясь въ такомъ безъисходномъ положеніи, она должна была принести присягу надъ Евангеліемъ. Отдавая себя и своего сына подъ покровительство папы, она обѣщалась платить ему ежегодно 2000 марокъ. Такимъ образомъ въ рукахъ папы очутился наслѣдникъ Гогенштауфеновъ, претендентъ на германскій престолъ. Конечно, провозглашать теперь ребенка было нельзя. Въ Германіи не желали его, боясь, чтобы новый императоръ не затѣялъ войны въ Италіи, какъ это было при Барбароссѣ, походы и честолюбіе котораго сильно ослабили нѣмецкое рыцарство. Самъ Иннокентій III въ первое время вовсе не желалъ соединенія Сициліи съ германской имперіей, не желалъ, чтобы его кліентъ сдѣлался германскимъ императоромъ. „Это будетъ, писалъ онъ, неудобно для Церкви. Едва ли императоръ дастъ клятву въ вассальной зависимости Св. Церкви за свои владѣнія: за Сицилію и нѣмецкія земли“. Однимъ словомъ самъ папа не признавалъ возможною кандидатуру Фридриха, но вмѣстѣ съ тѣмъ остановиться на кандидатурѣ Филиппа было нельзя, потому что тотъ, подобно Генриху, былъ отлученъ отъ Церкви Гоноріемъ и опустошалъ итальянскія земли. Онъ не обѣщалъ ничего хорошаго для Церкви, хотя былъ избранъ большинствомъ. Такимъ образомъ оставался одинъ кандидатъ, Оттонъ. Его правда выбрало меньшинство, но папа полагалъ, что лучше смотрѣть на качество, чѣмъ на количество избирателей. Оттонъ былъ Гвельфъ; онъ не будетъ, по крайней мѣрѣ, дѣлать зла Италіи; все это въ концѣ концовъ рѣшило его выборъ. Булла о подтвержденіи Оттона императоромъ была помѣчена январемъ 1202 года, но коронація оттянулась до смерти Филиппа.

Однако у Филиппа была большая и вліятельная партія. Его поддерживали: король Чехіи и Моравіи, Саксонія, Штирія, Австрія, цѣлый рядъ епископовъ, почти вся средняя и юж-

ная Германія; за Оттона же стояла сѣверная Германія. Князья вооружились противъ вмѣшательства папы и отъ лица этихъ князей пришло въ Римъ рѣзкое посланіе, которое доказало, какъ непрочно было вліяніе папъ въ Германіи. Князья такъ защищаютъ выборъ Филиппа: „Человѣческій разумъ не въ силахъ оцѣнить и неопытное простодушіе не можетъ повѣрить тому, чтобы произволъ господствовалъ тамъ, гдѣ правосудіе остается до сихъ поръ непоколебимымъ. Кто согласится, чтобы тамъ было суевѣріе, гдѣ должна обитать святость. Божественнымъ опредѣленіемъ, а не человѣческимъ рѣшеніемъ предусмотрѣно, чтобы Римъ, гдѣ недавно былъ король суевѣрія, обратился въ престолъ святости (ut in urbe Romana, ubi olim erat caput superstitionis, illic quiescevet caput sanctitatis). Всѣ желаютъ и молятся, чтобы не вернулся старый порядокъ вещей, чтобы опять не довелось обратиться отъ омеги къ альфѣ. Гдѣ вы читали, первосвященники, гдѣ вы слышали, святые отцы и кардиналы, чтобы ваши предшественники вмѣшивались въ выборъ римскихъ императоровъ? Отвѣчайте, если можете. Если міряninъ въ своемъ простодушіи (si laicalis simplicitas) изъ почтенія къ Церкви отказался отъ избранія папъ, которое принадлежало ему по праву, то неужели папа дерзаетъ простирать свою руку на избраніе императора? Можетъ быть святая курія въ своей родительской нѣжности считаетъ насъ за дополненіе къ римской имперіи (ascripti titulum). Если такъ, то мы не можемъ не заявить несправедливости всего этого. Если избраніе выйдетъ беззаконнымъ, то гдѣ будетъ высшій судья, который разберетъ дѣло. Нѣтъ, лишь одни князья могутъ избирать себѣ государя. Божественный посредникъ между небомъ и людьми, Христосъ, раздѣлилъ обѣ власти и каждой предоставилъ различное бытіе; тотъ, кто служитъ Богу, не долженъ заниматься мірскими дѣлами; а тотъ, кто посвящаетъ себя дѣламъ міра сего, не долженъ мѣшаться въ духовныя" [1]. За Филиппа ручались, что онъ окажетъ папѣ и Церкви все должное (Deo et vobis sua devotio reddet acceptum) и объявляли, что вся Германія будетъ стоять за Филиппа Гогенштауфена. Папу просятъ, чтобы онъ не сопротивлялся выбору князей и чтобы въ Римѣ не разстраивали коронаціи, когда она наступитъ (sicut vestri officii est) [2].

---

(1) Migne. CCXVI, 1063—1064. Abel. König Philipp. B. 1852.

(2) Ib. CCXVI, 1063—1064. Winkelmann. Philipp und Otto IV. (L. 2 B. 1873—78).

Папѣ приходилось отстаивать основы своихъ замысловъ. Онъ продолжаетъ развивать мысли Григорія VII и защищаетъ свои верховныя права въ отвѣтномъ письмѣ на имя герцога Тюрингенскаго слѣдующимъ образомъ: „Вы должны уяснить себѣ, на чемъ опирается наше право раздавать корону императорамъ. Не римская ли Церковь со времени Карла Великаго возъимѣла такое право, та Церковь, которая имперію перенесла отъ Грековъ къ германцамъ. Вы согласны, писалъ онъ, что папа коронуетъ императора? А если намъ принадлежитъ такое право, то вы должны знать, что можемъ по всей справедливости имѣть свой взглядъ на избираемаго; это уже общее право, что послѣднее слово принадлежитъ тому, кто возводитъ, кто посвящаетъ. Если бы князья, хотя единодушно, избрали святотатца, отлученнаго, помѣшаннаго, еретика, язычника—развѣ мы обязаны короновать таковогоˮ? Въ концѣ посланія онъ убѣждаетъ признать Оттона и заявляетъ князьямъ, что святая Церковь не можетъ оставаться безъ защитниковъ (¹).

Князья между тѣмъ отстаивали права Филиппа.

Напрасно Иннокентій отлучалъ всѣхъ, кто держалъ сторону Шваба. Епископы не слушались и продолжали священнослуженіе. Гогенштауфена стали поддерживать сильные вассалы. Настойчивость Иннокентія, его угрозы возбуждали только силы противной партіи. За Филиппа внезапно раздался сильный голосъ со стороны; за него неожиданно заговорилъ король французскій. Филиппъ II указывалъ, что вмѣшательство папы въ дѣла имперіи можетъ невыгодно отразиться во Франціи. Такимъ образомъ, перевѣсъ видимо склонялся на сторону Шваба. „Это несправедливо, пишетъ папѣ король французскій,—относительно всѣхъ государей. Мы спокойно перенесемъ многое, но никогда то, что позоритъ нашу честь и унижаетъ достоинство короныˮ. Слѣдовательно, въ то время въ понятіяхъ французскаго властителя возродилась мысль о національности, о вредѣ чуждаго вліянія, какое видѣли въ папѣ. „Если вы будете упорствовать въ вашихъ намѣреніяхъ, продолжаетъ король далѣе, мы съ своей стороны примемъ такія мѣры, которыхъ требуютъ наше положеніе и обстоятельства дѣлаˮ (²).

(¹) Migne. CCXVI, 1065—1067. Abel. Otto und Friedrich II. B. 1856.
(²) Ibid. CCXVI, 1068.

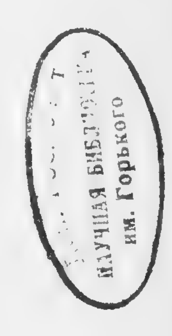
Иннокентій отвѣчалъ французскому королю своей аргументаціей; онъ кончалъ посланіе желаніемъ, чтобы никогда король французскій не оставлялъ римской Церкви, а римская Церковь—королевства франковъ (1).

Твердость папы боролась съ политикой. Изъ разсчетовъ онъ смягчился относительно Германіи и сталъ теперь подумывать даже объ уступкахъ. Филиппъ Гогенштауфенъ хотѣлъ войти въ родственныя связи съ папой; онъ предлагалъ свою дочь въ замужество одному изъ Конти. Иннокентій съ своей стороны рекомендовалъ Оттону выгоды соглашенія, — но неожиданное событіе удержало его отъ дальнѣйшихъ шаговъ на этомъ пути и избавило папу отъ необходимости отказываться отъ своихъ притязаній. 23 іюня 1208 года Филиппъ былъ убитъ въ Бамбергѣ, на мосту, своимъ личнымъ врагомъ Оттономъ Виттельсбахомъ, баварскимъ графомъ; причиной мести было оскорбленное самолюбіе. Участіе въ убійствѣ принимали нѣсколько князей, имена которыхъ неизвѣстны. Такимъ образомъ Оттонъ Брауншвейгскій остался безъ соперника, а партіи Гвельфовъ и Гибеллиновъ примирились на нѣкоторое время. Оттонъ женился на дочери Филиппа, Беатрисѣ и тѣмъ увеличилъ число своихъ приверженцевъ въ Германіи. Иннокентій, обрадованный тѣмъ, что теперь сама судьба за него, полагалъ, что уже не далеки его идеалы о вѣчномъ мирѣ. „И вотъ, мой любезный сынъ, наконецъ-то душа наша соединяется съ твоею, сердца наши сливаются; мы начинаемъ ощущать присутствіе одной души,— пишетъ папа Оттону IV въ порывѣ чувства. И что будетъ изъ того? Перо не въ состояніи изобразить, языкъ высказать, а умъ понять всѣхъ слѣдствій этого мира. Двоимъ намъ вручено теперь верховное управленіе надъ вселенной. Если мы будемъ жить въ согласіи, если мы соединимся чтобы дѣлать добро, тогда сбудутся слова Пророка: — солнце и луна придутъ въ свой порядокъ, все кривое будетъ прямымъ, все неровное сгладится, — для того чтобы мы, подъ покровомъ Божіимъ, не встрѣчая препятствія и сопротивленія, властвовали, владѣя этими двумя мечами и т. д.“ (2). Ученіе о двухъ мечахъ, т. е. силѣ слова и оружія (Лука XXII, 38), высказывалось двумя столѣтіями ранѣе, но никогда еще эти

(1) Migne. CCXVI, 1071.

(2) Ibid. CCXVI, 1162.

два меча не заключали столь тѣснаго союза; потому можно сказать, что нѣсколько лѣтъ папствованія Иннокентія были воплощеніемъ и осуществленіемъ этой идеи. Оттонъ между тѣмъ пріѣхалъ въ Римъ и былъ коронованъ на условіяхъ измѣненія въ пользу Рима Вормскаго конкордата. Грамотою въ Шпейерѣ Оттонъ отказался отъ императорскаго права регалій.—Шелъ 1209 годъ. Церковь теперь рѣшительно достигла своихъ цѣлей. У Оттона было много приверженцевъ въ сѣверной Италіи. Верона отворила ему свои ворота; тосканцы признавали его своимъ королемъ; будущее улыбалось ему; но онъ самъ испортилъ свое дѣло. Императорскому престолу онъ хотѣлъ подчинить владѣнія всѣхъ нѣмецкихъ князей, но такъ могъ дѣйствовать только человѣкъ гораздо бóльшей энергіи и силы.

Онъ напалъ на сицилійскія владѣнія Гогенштауфеновъ. Опираясь на свою итальянскую партію, Оттонъ началъ завоеваніе полуострова; онъ овладѣлъ всей Апуліей и захватилъ даже папскія владѣнія. Папа отлучилъ своего кліента. Такимъ образомъ дружба съ папой не продолжалась и года. Тогда счастіе стало быстро покидать Оттона. Отлученіе повліяло на массу: такъ могущественна была эта сила въ средніе вѣка. Когда умерла жена Оттона Беатриса, тогда порвалась послѣдняя связь съ партіей Гибеллиновъ.

Фридрихъ II Гогенштауфенъ (1212-1250 г.).

Вскорѣ по отлученіи Оттона, князья вспомнили о Фридрихѣ. Два швабскихъ вассала пробирались съ посланіемъ къ сицилійскому королю, предлагая ему германскій престолъ. Этотъ юноша, молодой Гогенштауфенъ—о которомъ говоритъ посланіе, что онъ, „надѣленный великими дарами природы, молодъ лишь по лѣтамъ, а старъ по уму и по опытности“—получилъ свое воспитаніе подъ наблюденіемъ Иннокентія III. Его главный наставникъ былъ кардиналъ Ченчіо, родственникъ Иннокентія, бывшій потомъ папою подъ именемъ Гонорія III.—У Иннокентія не было личныхъ видовъ на Фридриха. Въ 1208 году, въ Палермо, Иннокентій въ первый разъ увидѣлся съ Фридрихомъ и предложилъ мальчику жениться на аррагонской принцессѣ. Тогда же была приведена въ порядокъ администрація сицилійскаго королевства. Папа повелѣлъ, чтобы всѣ хранили миръ между собою. „Если кто будетъ оскорбленъ, тотъ долженъ прибѣгать къ суду графа, а не

къ собственной расправѣ: иначе грозила опала [1]. Изъ этого видно, что гуманное вліяніе Римской Церкви было необходимо и имѣло благодѣтельное вліяніе.

Фридрихъ получилъ многостороннее развитіе. Въ немъ совмѣстились три цивилизаціи: германская, итальянская и арабская. Онъ отличался такимъ свободомысліемъ, что не могло быть и рѣчи объ умственномъ гнетѣ со стороны папы. Желаніе избѣгать всякаго вліянія постороннихъ составляло, конечно, лучшую черту его характера. Мы въ свое время болѣе подробно остановимся на развитіи характера Фридриха и укажемъ, съ какими высокими побужденіями приступалъ онъ къ дѣлу и какъ далеко опередилъ свой вѣкъ. Теперь мы должны закончить наше изложеніе о дѣятельности Иннокентія по отношенію къ Германіи.

Предложеніе швабскихъ князей возбудило честолюбіе Фридриха. Иннокентій и самъ былъ не прочь отъ такого исхода; онъ надѣялся, что Франція останется въ хорошихъ съ нимъ отношеніяхъ. Такъ и случилось. Будущій императоръ, семнадцатилѣтній Фридрихъ пріѣхалъ въ 1212 году въ Римъ; тогда онъ былъ женатъ и уже имѣлъ сына. Онъ отказался отъ Сициліи въ пользу послѣдняго, младенца Генриха, отдавая его подъ покровительство папы; такимъ образомъ онъ хотѣлъ сосредоточиться на одной Германіи, за которой было болѣе обаянія и гдѣ онъ былъ бы сильнѣе, чѣмъ въ своемъ сицилійскомъ королевствѣ. Теперь Римъ считалъ возможнымъ довѣрить императорскую корону своему кліенту, какъ считали Фридриха въ Германіи. Но для послѣдняго трудно было добраться до Германіи; Фридриха сторожили приверженцы Оттона; у него была небольшая свита; проходы въ горахъ были неудобны. Только что Фридрихъ успѣлъ прибыть въ Констанцъ, какъ черезъ три часа передъ городомъ явился его соперникъ Оттонъ; ворота были заперты и Фридрихъ спасся. Три года долженъ былъ Фридрихъ бороться съ Оттономъ. Въ Германіи первый подалъ руку помощи Фридриху чешскій король Оттокаръ. Фридрихъ имѣлъ личное свиданіе съ принцемъ Луи, сыномъ Филиппа II. Король французскій также собрался на помощь

---

(1) Gesta Innocentii III, c. 30 и документы: comitibus, baronibus atc. Epist. XI, 130 и Ordinatio super succursu et adjuratio d. regis etc. Epist. XI, 132, 133.

Фридриху въ концѣ 1212 года. Черезъ три года за Фридриха была почти вся Германія; по крайней мѣрѣ у него не было явныхъ соперниковъ. Къ тому же Оттонъ сдѣлалъ непростительную ошибку, вторгнувшись съ войскомъ во Францію. При Бовинѣ онъ потерпѣлъ рѣшительное пораженіе, гдѣ потерялъ почти все рыцарство, и принужденъ былъ покориться Фридриху.

Фридрихъ торжествовалъ и въ іюлѣ 1215 года послѣдовала его коронація. То было вмѣстѣ и торжествомъ папской политики. Фридрихъ оставался въ дружбѣ съ Иннокентіемъ III до самой смерти послѣдняго. Имперія была такимъ образомъ подчинена папской волѣ, которая царила тогда вездѣ. Идеалы Иннокентія III сбывались... Оттонъ же удалился въ свои наслѣдственныя владѣнія, гдѣ и умеръ въ неизвѣстности въ 1218 г. Онъ никакъ не ожидалъ что „изъ медвѣженка Фридриха выростетъ сильный медвѣдь".

Отношенія Иннокентія III къ Франціи. Филиппъ II Августъ и Ингебурга.

По отношенію къ Франціи всѣ усилія Иннокентія были направлены на борьбу съ тогдашнимъ честолюбивымъ королемъ ея. Дѣло въ томъ, что Филиппъ II Августъ, оставшись вдовцемъ послѣ Изабеллы Гено, предложилъ Кануту IV, королю Даніи, отдать за него свою сестру. Это была датская принцесса Ингебурга. Бракъ съ Ингебургой имѣлъ прежде всего политическіе разсчеты. Филиппъ нуждался въ союзѣ съ Даніей противъ Ричарда, короля Англіи. Филиппъ былъ доволенъ своей невѣстой. По общему мнѣнію современниковъ, новая французская королева отличалась умомъ, любезностью и привѣтливостью; но разладъ съ королемъ вышелъ въ день коронованія, на другой день свадьбы. Говорили, что когда обрядъ приходилъ къ концу, король взглянувъ на жену, испугался, поблѣднѣлъ и едва дождался окончанія церемоніи. Съ этой минуты начинается ненависть Филиппа къ королевѣ. „Кудесничествомъ ли волшебниковъ, навѣтомъ ли діавола, только король безъ ужаса, съ нѣкотораго времени, не могъ видѣть своей жены, которую такъ любилъ невѣстой" (1). Филиппъ предложилъ Ингебургѣ развестись и возвратиться на родину, но она не согласилась. Тогда, по желанію короля, пріискали родство между первой и второй

---

(1) Rigordus. Philippi Augusti vita, 112; Guilelmus Brito. Historia, 210 (Collection de Guizot. 1825).

женой; соборъ, подъ предсѣдательствомъ архіепископа Реймскаго, дяди короля, разрѣшилъ разводъ. Несчастная королева присутствовала на этомъ соборѣ, не понимая, что дѣлается. Когда ей растолковали рѣшеніе собора, она воскликнула, вся въ слезахъ: „Male France, Rome, Rome“ какъ бы взывая тѣмъ къ верховному заступничеству главы Церкви ([1]). Ингебурга отказалась вернуться въ Данію и не думала о другомъ замужествѣ. Она просила, чтобы ей дали пріютъ въ какой нибудь обители и Филиппъ назначилъ ей самый дурной монастырь въ Турнэ, гдѣ ей, по его распоряженію, отказывали даже во всемъ необходимомъ ([2]). Оскорбленный братъ ея, король Датскій, Канутъ IV, жаловался въ Римѣ. Тогда папой былъ еще Целестинъ III. На его представленіе король отказалъ на отрѣзъ и черезъ два года женился на красивой Агнесѣ де-Меранъ, дочери одного тирольскаго князя. Целестинъ уничтожилъ рѣшеніе собора о королевскомъ разводѣ; ни на что большее онъ не рѣшался. Не таковъ былъ Иннокентій III. Онъ привыкъ, чтобы дѣла всѣхъ народовъ и государей рѣшались у него; уступокъ и снисхожденія онъ не оказывалъ и въ семейныхъ вопросахъ. Онъ напрямикъ потребовалъ, чтобы Филиппъ отослалъ любовницу, какъ онъ называлъ, третью жену. Изъ этихъ фактовъ видно, какъ была сильна идея теократизма. Въ 1198 году въ Парижъ былъ посланъ кардиналъ Петръ Капуанскій съ самыми рѣшительными полномочіями. Онъ заявилъ себя на первыхъ же порахъ. Въ соборѣ Notre Dame, только что отстроенномъ Филиппомъ II, совершалось ежегодное торжество со временъ язычества, извѣстное подъ именемъ праздника дураковъ: то была смѣсь сатурналій съ пародіей католическихъ обрядовъ. Кардиналъ, по пріѣздѣ въ Парижъ, рѣшительно запретилъ этотъ праздникъ, затѣмъ отправился къ королю исполнить свое полномочіе. Именемъ папы онъ просилъ, убѣждалъ, наконецъ, грозилъ. Филиппъ не соглашался ни на что. Папа могъ бы простить этотъ семейный грѣхъ французскаго короля, если бы его разсчеты были исключительно политическіе, но Иннокентій въ этомъ дѣлѣ выше ставилъ интересы нравственности. Для насъ важенъ одинъ отрывокъ, который показываетъ замѣчательную для

([1]) Henri Martin. Hist. de France; III. 561.

([2]) Спец. монографія объ Ингебургѣ въ Bibl. de l'Ecole des Chartes, 1844. t. I.—Géraud. Ingeburge de Danemark.

того времени строгость въ вопросѣ о публичной морали. Въ письмѣ къ Парижскому архіепископу, Иннокентій говоритъ о бракѣ и его важномъ, божественномъ происхожденіи. „Если позволить королю французскому развестись съ женой, то и прочіе государи, наконецъ и самые граждане послѣдуютъ такому примѣру. Таинство, освящаемое Церковью, сдѣлается простымъ наложничествомъ; зло надо остановить въ самомъ началѣ“. Въ рѣшительныхъ выраженіяхъ писалъ онъ къ Августу, какъ Филиппъ называлъ себя. „Внушаемые Богомъ, мы непреклонны духомъ и неизмѣнны въ намѣреніяхъ. Ни мольбы, ни могущество, ни любовь, ни ненависть не заставятъ насъ уклониться съ прямаго пути; идя по царственной стезѣ, мы не свернемъ ни на право, ни на лѣво, безъ страстей, безъ лицепріятія. Какъ бы ты высоко ни ставилъ свой санъ и могущество, все же ты не можешь противостоять лицу, не говорю нашему, а Божіему, котораго мы, хотя и недостойные, считаемся на землѣ представителями. Наше дѣло есть дѣло правды и истины“ ([1]).

Ровно годъ прошелъ въ переговорахъ. Когда всѣ убѣжденія были напрасны, легату разрѣшено было изъ Рима приступить къ дѣйствительному исполненію угрозы. Въ январѣ 1200 года французское духовенство приглашалось на соборъ въ Віенну. Колокола звонили погребально; иконы покрывались трауромъ; мощи прятали подъ спудъ; у епископовъ и священниковъ въ рукахъ были факелы. Легатъ въ черныхъ ризахъ объявилъ, что именемъ Іисуса Христа вся Франція предана отлученію отъ Церкви за грѣхи своего короля. Это было первое приведеніе въ исполненіе высшаго церковнаго наказанія народа. Франція, должно замѣтить, тогда не имѣла еще понятія, что такое папскій интердиктъ. Ея короли были наказываемы личнымъ отлученіемъ; но далеко это отлученіе не имѣло такихъ послѣдствій; прежде государи терпѣли отъ такого отлученія, а теперь страдала вся страна за грѣхъ одного человѣка. Такой интердиктъ, примѣненный къ дѣлу, замѣнялъ для папы блистательное сраженіе. Въ Римѣ убѣдились, что это средство, какъ ни мало было въ немъ христіанскаго, совершенно достигало своей цѣли. Интердиктъ долженъ былъ имѣть силу до тѣхъ поръ, пока король не прерветъ беззакон-

Отношеніе Франціи въ 1202 г.

([2]) Migne. Patrologia. CCXVI, 150.

ной связи съ наложницей. Какъ только рѣшительное слово было произнесено, разсказываетъ очевидецъ,—стонъ печали, рыданія стариковъ и женщинъ, даже плачъ дѣтей,—раздирающіе звуки раздались подъ сводами портиковъ вьенскаго каѳедрала. „Казалось, насталъ день послѣдняго суда".

Общій ужасъ овладѣлъ всѣми. Нельзя судить о впечатлѣніи папскаго интердикта по нашимъ понятіямъ. Надо мысленно перенестись въ средніе вѣка, чтобы понять его ужасающую силу. Всѣ привыкали считать неодолимымъ Филиппа; онъ былъ первымъ могущественнымъ собрателемъ французскихъ земель. Онъ былъ страшенъ даже для своихъ отдаленныхъ вассаловъ; его слова были закономъ. Франція въ это время готовилась перейти изъ феодализма въ монархію. Для всѣхъ Филиппъ, казалось, былъ идеаломъ самовластнаго государя и вдругъ нашлась власть болѣе его грозная. Вспомнимъ, что все тогда жило религіей, съ ея обрядами и вдругъ цѣлымъ массамъ запрещено было молиться. Въ это время всеобщаго безправія, церковь была одной отрадой въ жизни; теперь же она будетъ подъ запретомъ. Народу казалось, что въ самомъ воздухѣ носится что-то тяжелое; жизнь вездѣ замирала; удовольствія прекращались; о пирахъ не было слуха; прохожіе и проѣзжіе при встрѣчѣ боялись привѣтствовать другъ друга; на всемъ лежала печать покаянія; вездѣ траурныя одежды, небритыя бороды. Церковныя торжества не радовали болѣе народа; двери храмовъ были заперты, кресты на нихъ опрокинуты, колокола сняты, образа завѣшаны, мощи убраны. Гробовое молчаніе наводило общее уныніе; нельзя было ни крестить, ни вѣнчаться, ни хоронить; всему этому не было религіознаго напутствія. На кладбищѣ крестили умирающаго младенца; изрѣдка лишь вѣнчали около могилъ; мертвыхъ или оставляли гнить, въ надеждѣ на отпѣваніе или зарывали на дорогѣ, какъ скотъ или преступниковъ. Ужасъ за будущее овладѣлъ тогда народнымъ чувствомъ. Только крестоносцу было спасеніе; его напутствовали благословеніемъ, но отправляли умирать въ чужую землю, и народъ завидовалъ что онъ умретъ въ землѣ святой, а не на проклятой родинѣ. Наказаніе это тѣмъ болѣе было ужасно, что Франція первый разъ подвергалась такому отлученію. Когда опомнились, то нѣкоторые епископы просили папу смягчить интердиктъ, указывая на то, что народъ напрасно терпитъ, что этимъ не будетъ спасена нравственность христіанскаго міра. Папа соглашался съ

этимъ, но не смилостивился на отмѣну. Папа достигъ своей цѣли. Филиппъ понялъ свой промахъ, но его самолюбіе страдало; уступить ему не хотѣлось. Напрасно Филиппъ препятствовалъ исполненію интердикта; онъ грозилъ конфискаціей и смертью тѣмъ духовнымъ, которые будутъ вводить его. Всѣ его усилія были тщетны. Вездѣ былъ ропотъ на короля. Филиппъ понялъ, что онъ напрасно рискуетъ многимъ. Можно было стѣснить епископовъ, но потомъ слѣдовало приняться за феодаловъ, за народъ; пришлось бы разгромить все королевство. Но это было невозможно. Онъ видѣлъ, что отъ него отпадаютъ послѣдніе приверженцы, даже родные отшатнулись отъ него. Все корепилось въ томъ, что общее мнѣніе было за Иннокентія и король, наконецъ, понялъ это. Напрасно Агнеса явилась предъ съѣздомъ бароновъ; она хотѣла склонить дворъ короля на свою сторону. Какъ Андромаха, она думала умолить станъ греческій, замѣчаетъ хроникеръ. Отвѣтъ былъ одинъ: король долженъ покориться безусловно. Агнеса была удалена. Осьмимѣсячный интердиктъ былъ снятъ въ сентябрѣ 1202 года и вся страна вздохнула свободно; колокола зазвонили, храмы открылись. Безсильно было раздраженіе Филиппа. Уступая волѣ Иннокентія, король съ горечью произнесъ: „какъ счастливъ Саладинъ, что у него нѣтъ папы".

Въ замкѣ Пуасси умерла Агнеса; она оставила своему мужу двоихъ сыновей, которыхъ папа дозволилъ считать законными. Пораженный смертью любимой женщины, Филиппъ послѣдовательно вымещалъ свои несчастія на женѣ. Ингебурга не могла замѣнить Агнесу въ сердцѣ короля. Онъ заключилъ ее вторично. Такъ томилась она десять лѣтъ, всегда и вездѣ оскорбляемая. Ея несчастная участь глубоко печалила Иннокентія; онъ сознавалъ, что судьба опредѣлила ей послужить орудіемъ къ увеличенію его могущества. „Король долженъ дать дѣйствительное удовлетвореніе, писалъ папа въ томъ же году легату; онъ думаетъ обмануть насъ, но скорѣе самъ обманется; мы прольемъ, если то придется, нашу кровь за торжество правды и справедливости" [1]. Ингебурга писала папѣ въ отчаяніи: „Отъ васъ, св. отецъ, отъ васъ только я могу ждать облегченія моихъ страданій,

(1) Migne: CCXIV, 895.

самыхъ ужасныхъ, какія только могутъ быть ниспосланы. Поддержите меня, чтобы я не погибла; нельзя перечислить вамъ несчастій моихъ; такъ велики они. Все, въ чемъ не отказываютъ послѣдней христіанкѣ, отказано мнѣ; меня обвиняютъ въ томъ, въ чемъ не слѣдуетъ обвинять преступнѣйшую изъ женщинъ... Письма вашего святѣйшества не доходятъ до меня... Спасите меня хотя отъ смерти душевной, а смерть тѣлесная будетъ даже отрадна и сладка мнѣ горемычной, покинутой и презрѣнной всѣми" (1). Папа, обличая жестокость и все поведеніе Филиппа, нѣжно утѣшалъ королеву. „Мы понимаемъ всю тяжесть твоей участи... Богу угодно испытать твою добродѣтель... Переноси всѣ огорченія, всѣ несчастія, переноси ихъ съ твердостью не изъ крайности, но добровольно; не подчиняться только надо волѣ Божіей, а воспринимать се. Если что происходитъ въ жизни не по твоимъ желаніямъ, принеси то въ жертву Богу; въ нашей жизни необходимы такія жертвы всегда (quaedam necessaria sunt humanae vitae tributa)... Добродѣтель ослабѣваетъ безъ борьбы; все ея величіе, ея силы проявляются только въ терпѣніи; мы должны покоряться и несчастіямъ; тѣмъ печаль наша не увеличится, а душа укрѣпится" (2). Побуждая королеву къ христіанскому терпѣнію, папа не переставалъ обнадеживать улучшеніемъ ея тягостнаго положенія: „Тотъ, у кого въ рукахъ сердца царей, склонитъ къ тебѣ любовь супруга".— А между тѣмъ Иннокентій не переставалъ порицать Филиппа. Онъ писалъ ему, что съ законной женой своей позорно обходиться какъ съ рабыней, что слезы, день и ночь проливаемыя королевою, стали ея пищею, что вся жизнь ея отравлена. Папа грозилъ гнѣвомъ неба, взывалъ къ принципамъ чести, человѣчности; онъ напоминалъ, что смерть Ингебурги падетъ на голову короля (3). Время изгладило многое въ непонятной, но инстинктивной ненависти Филиппа; оно нѣсколько облегчило, но не исцѣлило горя Ингебурги.—Съ 1212 г. король вновь призвалъ се. Политическія обстоятельства были побудительною причиной къ тому. Филиппъ готовился къ походу въ Англію; онъ сталъ нуждаться въ поддержкѣ Рима и первымъ дѣломъ его было призвать и примириться съ

(1) Migne; CCXV, 86—88.
(2) Migne; CCXVI, 258.
(3) Migne; CCXV, 88.

Ингебургой. Но счастья ей не суждено было испытать; призракъ Агнесы всегда былъ между ней и королемъ. На нѣсколько лѣтъ она пережила своего мужа.

Такъ, даже надъ этимъ наиболѣе честолюбивымъ и энергичнымъ государемъ теократія восторжествовала.

Отношеніе Иннокентія III къ Англіи. Іоаннъ I (1199-1216 г.).

Еще скорѣе было сломлено королевское честолюбіе въ Англіи. Это государство также подпало римскому гнѣву; оно испытало тѣ же послѣдствія интердикта. И тутъ и тамъ причиной былъ скорѣе капризъ королевскій, чѣмъ другое уважительное побужденіе. Но такъ какъ въ Англіи былъ не даровитый Августъ Французскій, а взбалмошный и безхарактерный Іоаннъ, то Иннокентій вышелъ съ большими пріобрѣтеніями изъ борьбы. Его политикой Англія была унижена до того, что сдѣлалась вассальствомъ Рима. Іоаннъ упорно придерживался симоній; изъ за этого у него постоянно выходили серьезныя препирапія съ Римомъ. Дѣло началось съ 1205 года изъ за выбора архіепископа Кентерберійскаго уже рѣшительнымъ образомъ. Священники избрали на это мѣсто пріора Регинальда и просили утвержденія папы (1). Король провѣдалъ о томъ и, по обыкновенію пришелъ въ неумѣренную злобу. Онъ велѣлъ выбрать другого по своему назначенію и въ добавокъ совершенно пренебрегъ папскимъ утвержденіемъ. Иннокентій не одобрилъ ни того, ни другаго кандидата: въ духовныхъ онъ видѣлъ самовластіе, въ королѣ пристрастіе. Онъ велѣлъ произвести третьи выборы въ Римѣ. Изъ пятнадцати англійскихъ духовныхъ онъ указалъ на Стефана Лангтона, какъ на способнѣйшаго и патріота по убѣжденіямъ.

Король отказался принять прелата и въ порывѣ злобы послалъ двухъ отчаянныхъ рыцарей въ Кентерберійское аббатство на грабежъ. Иннокентій началъ съ увѣщаній, которыя поручилъ епископамъ Лондонскому и Ворстерскому. Королю стали грозить отлученіемъ. Іоаннъ отвѣчалъ на это заявленіемъ желанія изгнать все духовенство изъ Англіи, если только кто посмѣетъ произнести проклятіе или отлученіе, а всѣхъ итальянскихъ священниковъ и легатовъ грозилъ изувѣчить, чтобы вездѣ могли признать ихъ; онъ прогналъ всѣхъ увѣща-

(1) Подр. Rogerus de Wendover что вошло въ сокращ. хрон. Матвѣя Парижскаго въ изданіи Madden 1866 г. (II, 104—106)

телей съ глазъ подъ страхомъ истязаній и казни. Отвѣтъ былъ ясенъ; знавшіе характеръ Іоанна полагали, что онъ способенъ привести въ исполненіе свое обѣщаніе. Но не далѣе, какъ пять лѣтъ тому назадъ, Римъ заставилъ преклониться передъ собой горделивѣйшаго изъ государей и конечно, личность Іоанна обусловливала прозорливой и опытной куріи еще болѣе рѣшительное торжество. Интердиктъ былъ произнесенъ надъ всей Англіей съ тѣми же формальностями; онъ приносилъ съ собою для страны то же ужасное состояніе. Непостоянный, прихотливый, къ тому же жестокій, Іоаннъ никогда не пользовался любовью вассаловъ; его имя не было популярно и въ народѣ. Въ глазахъ горожанъ и крестьянъ оно не имѣло обаянія. Онъ не приносилъ пользы сословіямъ, уваженія къ нему могло быть еще меньше, Іоаннъ казался злымъ мальчикомъ на королевскомъ тронѣ. Общественное мнѣніе при немъ было также настроено, какъ и при отцѣ его. Генрихъ II, въ одеждѣ кающагося, колѣнопреклоненный надъ гробницей Бекета, не послужилъ ему примѣромъ. Чтобы сколько нибудь сопротивляться силѣ исторіи и народнаго настроенія, надо было имѣть особыя дарованія, какими вовсе не обладалъ Іоаннъ. Онъ думалъ все подавить жестокостью, но вся тиранническая система оказалась безполезною; онъ пролилъ только лишніе потоки крови. Король велѣлъ хватать, вѣшать, рѣзать тѣхъ духовныхъ, которые подчинятся интердикту. Король не довольствовался конфискаціей имѣній; въ порывѣ безумія онъ поощрялъ разбои и грабежи въ государствѣ, особенно если все это вредило духовнымъ. Онъ не замедлилъ обратиться и на свѣтскую аристократію, которую поголовно заподозрилъ въ римскихъ симпатіяхъ. Онъ отнималъ владѣнія, у кого былъ въ силахъ, бралъ заложниковъ въ богатыхъ семействахъ, запрещалъ охотиться за дичью въ лѣсахъ, своихъ оленей напускалъ на чужія поля, дѣлалъ всевозможныя мелкія притѣсненія и, одновременно раздраживъ противъ себя всѣ сословія Англіи, своими руками подготовилъ будущую Magna Charta, а съ ней свободу и парламентеризмъ. Народъ уже явно волновался вслѣдствіе церковнаго отлученія, а Иннокентій между тѣмъ шелъ дальше. Онъ произнесъ анаѳему на короля и на всякаго, кто будетъ поддерживать его (1209 г.), а черезъ три года рѣшился на послѣднее средство, которымъ ясно высказалъ свою теократическую тенденцію. Иннокентій разрѣшилъ англійскихъ вассаловъ отъ присяги, данной ими

Іоанну и дарилъ англійское королевство всякому, кто возьметъ на себя наказаніе „безбожнаго тирана". При другихъ обстоятельствахъ положеніе Іоанна заслуживало бы сочувствія, но за него не было никого и никого не могло быть. Лишенный всякихъ государственныхъ способностей, онъ съумѣлъ вооружить противъ себя всѣхъ и съ удивленіемъ понялъ всю оригинальность своего положенія, когда узналъ что у него нѣтъ ни войска, ни средствъ, ни партіи и что легаты папскіе благословляютъ французскій флотъ, который готовится сдѣлать высадку въ Англіи. Его королевствомъ распоряжался человѣкъ, который нѣкогда казался ему безсильнымъ.

Тогда король пришелъ въ себя и тотчасъ же упалъ духомъ. Первою его мыслью было полнѣйшее раболѣпство. Въ его понятіяхъ иного исхода быть не могло. Онъ изъявилъ желаніе не только смириться предъ силой духовнаго оружія, но отдаться во власть папы, какъ государя—„cum omni jure et pertinentiis suis". Мотивомъ отдачи выставлялось: „pro remissione peccatorum nostrorum et totius generis nostri, tam pro vivis, quam defunctis". Онъ отказывался отъ Англіи въ пользу Рима. Онъ, по доброй и свободной волѣ, какъ гласитъ актъ, передавалъ Англію и Ирландію на всѣхъ правахъ Богу, апостоламъ Петру и Павлу, Церкви Римской и своему владыкѣ, папѣ Иннокентію III и его католическимъ преемникамъ (¹). Отдавъ въ подданство государство Иннокентію, онъ получилъ его обратно отъ него, уже какъ „человѣкъ" папы, какъ его „homo", пребывать вѣрнымъ которому онъ обѣщалъ съ самаго часа клятвы на вѣки, обязываясь сверхъ того вносить ежегодно дань въ количествѣ 1000 марокъ—700 за Англію и 300 за Шотландію. Повторилась сцена, которою наносилъ Римъ такіе страшные удары свѣтской власти, заявляя тѣмъ свое духовное первенство и свое политическое искусство. Каносса и Кентербери повторились въ Дуврѣ. Въ дуврскомъ каѳедралѣ 15 мая 1213 года Іоаннъ торжественно сложилъ корону и скипетръ предъ алтаремъ. Папу замѣнялъ его суровый легатъ, кардиналъ Пандольфо. Человѣкъ святой жизни, по словамъ современниковъ, онъ непреклонностью своего характера напоминалъ лучшихъ представителей римскаго сената. Король опустился передъ нимъ на колѣни, легатъ прочелъ надъ нимъ молитву. Король, на

(¹) Migne; CCXVI, 880.

колѣняхъ же, произнесъ ленную присягу. Тогда легатъ передалъ ему изъ своихъ рукъ корону и скипетръ обратно, уже милостію папы. Подъ вассальной грамотой, какъ свидѣтели, указываются: архіепископъ Дублинскій, епископъ Норвичскій, графы Эссексъ, Пемброкъ, Варренъ, Арондель и семеро другихъ. Король обѣщался надъ Евангеліемъ защищать, на сколько силъ хватитъ (pro posse meo), церковныя владѣнія, а особенно все англійское королевство, держать въ тайнѣ тѣ совѣты, тѣ намѣренія, которые благоволитъ сообщить ему святой отецъ или его легаты ([1]). Одно утѣшеніе оставалось Іоанну. „Онъ владѣлъ теперь, по словамъ Иннокентія, своимъ государствомъ съ бóльшею славою и съ большимъ правомъ, такъ какъ оно сдѣлалось теперь государствомъ священнымъ, согласно Писанію, а вѣдь этимъ способомъ и самъ онъ скорѣе можетъ достигнуть блаженства вѣчнаго“ ([2]).

Отношенія къ Пиринейскому полуострову. Кастилія и Леонъ.

Не одну англійскую корону держалъ въ своихъ рукахъ Иннокентій. Еще раньше того онъ принималъ и передавалъ короны королевскія. На Пиринейскомъ полуостровѣ шла тогда борьба съ маврами. Въ это время тамъ образовалось нѣсколько самостоятельныхъ государствъ: всѣ они были слишкомъ не сильны порознь, пока не сложились въ болѣе крупныя единицы. Португалія была отдѣльнымъ государствомъ уже съ 1139 года. Леонъ, Кастилія, Наварра, Каталонія, Аррагонія, независимые графства и города, княжества мусульманскія—вели свое отдѣльное существованіе. Зарождалась аррагонская конституція и „communidades“ подъ звуки пѣсенъ „веселой науки“ (gaya ciençia), которая вдохновлялась боевой жизнью, любовью, наслажденіями, безпрерывными походами на невѣрныхъ. Альфонсъ VIII кастильскій (1185—1214 г.) особенно ознаменовалъ себя ревностью въ борьбѣ съ мусульманами. Онъ былъ одинъ на поляхъ Аларкоса, когда, въ 1195 году, встрѣтился съ воинственнымъ племенемъ, которое было одушевлено фанатизмомъ своего пророка Могади. Частныя междоусобія отвлекали королей норманскихъ отъ единодушныхъ дѣйствій, парализуя тѣмъ успѣхи и торжество креста. Альфонсъ VIII былъ разбитъ наголову Юсуфомъ; эта была одна изъ блестящихъ побѣдъ мусульманъ. Альфонсъ, немного оправившись, обратилъ

([1]) Reg. Inn. III; l. XVI, ep. 77.

([2]) Migne; CCXVI, 881.

свое оружіе на королей Леона и Наварры. Жестоко тѣснимая имъ, Наварра принуждена была,—что должно было произвести тогда ужасное впечатлѣніе,—искать защиты у арабовъ. Папа Целестинъ III за это отлучилъ отъ Церкви Наваррское королевство. Между тѣмъ Альфонсъ VIII помирился съ королемъ Альфонсомъ IX и чтобы сдѣлать миръ болѣе прочнымъ, отдалъ свою дочь Беренгарію въ замужество королю Леону своему недавнему противнику. По старымъ родственнымъ связямъ между двумя королевскими домами дѣйствительно нарушалось каноническое правило брака. Целестинъ не призналъ этотъ бракъ. Всегда вѣрный самому себѣ Иннокентій III, хотя понималъ хорошо политическія выгоды для христіанства отъ этого союза, не соглашался все таки освятить его. Для него это было соблазнительное средство къ достиженію хорошей цѣли. Онъ не санктировалъ его, давая тѣмъ знать, что для него интересы публичной нравственности выше политическихъ интересовъ. Дѣло Беренгаріи совпадало съ дѣломъ Ингебурги; и въ томъ и въ другомъ папа дѣйствовалъ рѣшительно. Иннокентій грозилъ Леону тѣмъ же интердиктомъ, какой недавно постигъ Францію; примѣръ былъ слишкомъ поучителенъ и къ тому же на Пиринеяхъ крѣпче держалось христіанское чувство отъ непрерывной крестовой борьбы. Альфонсъ VIII, опираясь на волю папскую, снова началъ войну съ Леономъ. Въ 1204 году Беренгарія вернулась къ отцу и война прекратилась. Иннокентій, для всѣхъ нелицепріятный, призналъ законность ея сына, который былъ провозглашенъ наслѣдникомъ леонскаго королевства. Церковь тѣмъ много выиграла. Сыномъ Беренгаріи былъ, столь знаменитый послѣ король Кастиліи, Фердинандъ III, прозванный святымъ (1217—1252 г.) Альфонсъ VIII не имѣлъ другихъ дѣтей кромѣ сына Генриха, еще несовершеннолѣтняго, правившаго лишь три года (1214—1217 г.) послѣ его смерти, и дочери Беренгаріи, смѣнившей Генриха, такъ какъ кастильскіе государственные законы не устраняли женщину отъ престолонаслѣдія. Эта была вдовствующая королева при живомъ и любившемъ ее мужѣ. Она отреклась отъ короны въ пользу своего сына, который черезъ 13 лѣтъ наслѣдовалъ и леонское королевство. Такимъ образомъ въ 1230 году совершилось соединеніе Кастиліи съ Леономъ, которое и было объявлено кортесами нераздѣльнымъ и ненарушимымъ. Въ Фердинандѣ III Церковь видѣла надежнаго ревнителя; это

былъ прототипъ будущихъ католическихъ энтузіастовъ на испанскомъ тронѣ. Мы еще встрѣтимся съ его дѣятельностью въ тѣхъ войнахъ съ маврами, которыя онъ предпринялъ вмѣстѣ съ Іаковомъ I Завоевателемъ, королемъ аррагонскимъ, съ которымъ такъ связывало его единство намѣреній, убѣжденій, даже характеровъ. Вдвоемъ они кладутъ такой воинственный отпечатокъ, полный движенія и событій, на жизнь полуострова въ XIII вѣкѣ. Христіане овладѣли тогда Валенсіей, Мурсіей, значительной частью Андалузіи и самой Севильею.

Подданство Аррагоніи Риму въ 1204 г.

Предокъ этого Іакова, Раймундъ Беренгарій IV, еще въ половинѣ XII вѣка, брачнымъ союзомъ присоединилъ Аррагонію къ поэтической Каталоніи ([1]). Его внукъ Педро II (1196—1213 г.) былъ современникомъ Иннокентія III. Поэтъ въ душѣ, рыцарь по характеру, увлекавшійся всякимъ обаяніемъ даровитости, онъ не могъ не подчиниться сильному уму папы. Увлекся-ли онъ грандіозными планами мировой теократіи, руководился-ли онъ чувствомъ благодарности за благотворное вліяніе Иннокентія въ его дѣлѣ съ матерью ([2]), подчинялся-ли онъ внушенію другихъ побужденій,— только у него явилось желаніе сдѣлаться однимъ изъ орудій папскаго всевластія ([3]). Онъ первый хотѣлъ показать примѣръ добровольнаго подчиненія Риму. Въ 1204 году онъ пріѣхалъ въ столицу первосвященника. Его клятва, первоначально произнесенная въ монастырѣ Св. Панкратія, за Тибромъ,—состояла въ слѣдующемъ. „Я Петръ,—король Аррагоніи, обѣщаюсь и клянусь торжественно быть всегда вѣрнымъ и послушнымъ моему господину папѣ Иннокентію и его преемникамъ, клянусь употреблять всѣ усилія, чтобы сохранить мое королевство въ послушаніи святой Церкви, обѣщаю защищать католическую вѣру, преслѣдовать злоухищренія ереси, покровительствовать свободнымъ правамъ Церкви и во всѣхъ земляхъ мнѣ подвластныхъ, содѣйствовать миру и правосудію“ ([4]). При-

---

([1]) Раймундъ, обыкновенно называемый графомъ Барселоны, обручился съ Петрониллою, тогда еще малолѣтней племянницей знаменитаго Альфонса Батальядора. Ея отецъ Рамиро II отказался отъ аррагонскаго престола и ушелъ въ монастырь. Это было въ 1197 году.

([2]) Hurter; I, 183.

([3]) Ferreras (Synopsis hist.-chron. de España. Madr. 1720; t. VI). Schmidt. Gesch. Arragoniens im Mittelalter (L. 1828).

([4]) Gesta Innocentii III, c. 120.

сягнувъ надъ Евангеліемъ, король отправился въ соборъ св. Петра, сопутствуемый папой. Тамъ онъ снялъ съ себя корону, отдалъ вмѣстѣ съ нею скипетръ Иннокентію и получилъ отъ него обратно вмѣстѣ съ мечами. На алтарь онъ самъ положилъ грамоту, которою свидѣтельствовалось его подданничество. Этотъ документъ очень интересенъ для характеристики времени. „Вѣруя, такъ начинался онъ, что римскій первосвященникъ есть истинный преемникъ апостола Петра и намѣстникъ Того, волею котораго царствуютъ всѣ государи, я поставилъ свое королевство подъ покровъ верховнаго апостола и обязался для спасенія души моей, а также моихъ предковъ платить, верховный господинъ, Иннокентій, тебѣ и твоимъ преемникамъ, ежегодную дань (1); за которую даю слово за себя и за моихъ преемниковъ. Въ возмездіе за то папа приметъ подъ свой кровъ меня, мои владѣнія и будущихъ королей Аррагоніи. Въ удостовѣреніе чего я изготовилъ сію грамоту съ приложеніемъ моей печати и съ одобренія вассаловъ двора моего, въ присутствіи архіепископа Арльскаго, моего дяди и другихъ лицъ“ (2). Несомнѣнно, этотъ документъ именно важенъ во всѣхъ отношеніяхъ для характеристики тогдашнихъ понятій о католицизмѣ. У Педро была въ высшей степени увлекающаяся натура. Теперь онъ сердечно отдавался Иннокентію, а послѣ съ тѣмъ же энтузіазмомъ шелъ на помощь альбигойцамъ, которые на смерть боролись съ Римомъ. Энтузіастомъ же онъ сложилъ голову подъ Мюрэтомъ за дѣло еретиковъ.

Такъ быстро развивалось могущество Иннокентія. Предъ нимъ склонили свои гордыя головы короли Европы. Иначе держалъ себя относительно Иннокентія король португальскій Санчо (1185—1211 г.), Земледѣлецъ (Labrador). Это **Португалія.**

(1) Въ количествѣ 250 massenatinae — сарацинская золотая монета.

(2) По лучшему «codex Vallicelanus» у Migne въ Gesta c. 121, pag. 160; у Raynaldi въ нѣкоторыхъ мѣстахъ неважныя уклоненія. Самая передача выражена: Ego Petrus Dei gratia rex Arragonum, comes Barcinonae et dominus Montis Pessulani, cupiens principaliter, post Deum, beati Petri et apostolicae sedis protectione muniri, tibi, reverendissime pater et domine summe pontifex Innocenti et per te, sacrosanctae Romanae Ecclesiae offero regnum meum, illudque tibi et successoribus tuis in perpetuum, divini amoris intuitu, et pro remedio animae meae et pro genitorum nostrorum etc.

былъ демократъ въ душѣ, человѣкъ безъ претензій выдаваться, блестѣть и уже безъ всякихъ увлеченій. Христіанскимъ фанатизмомъ онъ пользовался развѣ для расширенія своего небольшаго королевства. Онъ долженъ былъ встать въ оппозиціонныя отношенія къ Риму, когда задумалъ стѣснять независимость высшаго духовенства, отъ чего отказались уже давно даже императоры германскіе. Церкви, монастыри, епископы были богаче его, а экономическія реформы въ народномъ хозяйствѣ не могли обойтись безъ столкновеній съ духовнымъ сословіемъ, владѣвшимъ такими доменами. Ультракатолическіе историки отдаютъ должное его образу дѣйствій, хотя направленному противъ церковныхъ привилегій, считая его мудрымъ правителемъ ([1]). Онъ остановилъ платежъ обѣщанной еще давно дани Риму и сталъ облагать монастыри поборами. Изъ Рима послѣдовали замѣчанія. Но Санчо былъ слишкомъ не опасенъ для Иннокентія, который не видѣлъ особаго ущерба для католицизма въ осуществленіи многихъ намѣреній Санчо и который самъ часто ограничивалъ привилегіи духовенства въ денежномъ отношеніи, требуя отъ него прежде всего исполненія своихъ духовныхъ обязанностей. Но когда сынъ Санчо, Альфонсъ II Толстый (1211 — 1223 г.), заставилъ удалиться изъ Португаліи высшихъ духовныхъ лицъ, дѣйствуя съ явной враждебностью, то Римъ прибѣгнулъ съ своей стороны къ рѣшительнымъ средствамъ. Альфонсъ умеръ отлученнымъ ([2]).

Теократія на Западѣ. Такъ весь Западъ охваченъ былъ политикой Иннокентія ([3]). Это было въ то время, когда во имя его овладѣвали

([1]) Напр. Hurter (Inn. III) называетъ его weiser Herrscher; I, 185.

([2]) По сіе время важны спеціальныя сочиненія о Санчо и Альфонсѣ II въ формѣ хроники — Ruy de Pina, 1727; Lisb. fol. на португальскомъ языкѣ, о каждомъ отдѣльно. Schäfer. Gesch. von Port. 1836.

([3]) Нельзя говорить о началѣ XIII вѣка, не поставивъ во главѣ литературы вопроса книгу, которая полстолѣтія не потеряла своего руководящаго значенія. Фридрихъ Гуртеръ, занимая оффиціальное мѣсто пастора въ одномъ швейцарскомъ мѣстечкѣ, долго и постепенно собиралъ всевозможные матеріалы для исторіи Иннокентія III. Достигнувъ особаго уваженія прихожанъ за достоинства своего характера и жизни, онъ сдѣлался президентомъ консисторіи въ Шафгаузенѣ. Онъ готовился къ прославившему его труду самымъ тщательнымъ образомъ и дѣйствительно подарилъ науку

Византійской Имперіей и водворяли снова католицизмъ въ Провансѣ. Три раза въ недѣлю собирался совѣтъ кардиналовъ

капитальнымъ для своего времени сочиненіемъ по средневѣковой исторіи— Geschichte Papst Innocenz des Dritten und seiner Zeitgenossen въ 4 убористыхъ томахъ (Hamburg 1834—42). Собственно біографія заключается въ 2 первыхъ томахъ, а послѣдніе могутъ назваться особымъ трудомъ — Kirchliche Zustände zu Papst Innocenz des Dritten Zeiten (франц. переводъ Saint-Cheron и Kohen такъ и сдѣланъ отдѣльно съ подробной біографіей автора). Этотъ трудъ неразлучно связанъ съ исторіографіей папства; онъ былъ и лучшимъ трудомъ самого Гуртера и однимъ изъ важнѣйшихъ явленій нѣмецкой науки; ни прежде (въ ист. Өеодорика готскаго), ни послѣ (въ ист. имп. Фердинанда II), Гуртеръ не создавалъ равнаго ни по эрудиціи, ни по историческимъ достоинствамъ. Гуртеръ принадлежалъ къ числу страстныхъ натуръ, на сколько таковымъ можетъ быть нѣмецкій ученый. Если ему не данъ талантъ художественности, то у него много сердечнаго увлеченія и притомъ серьезнаго, опирающагося на дослѣдованную истину. Величіе излагаемыхъ явленій,—Церкви въ ея апоөеозѣ съ геніальнымъ представителемъ, темныя стороны котораго совершенно искупляются грандіозностью и чистотою побужденій,—произвело не одно только поверхностное увлеченіе въ авторѣ, но оно самого его заставило сдѣлаться вѣрнымъ адептомъ папства. Идеализація, составлявшая принадлежность его природы, облекла особымъ ореоломъ предметъ, сдѣлавъ его необыкновенно привлекательнымъ. Католицизмъ, изучаемый авторомъ въ исторіи, увлекъ пастора до того, что онъ самъ сдѣлался католикомъ, когда уже сталъ кончать свою книгу (лѣтомъ 1841 г.). Замѣчательно, что постепенное развитіе его религіозныхъ убѣжденій шло рядомъ съ продолженіемъ его труда. Къ неизмѣнному рѣшенію побудила его внезапная смерть двухъ любимыхъ дочерей, страшно потрясшая его и сдѣлавшая изъ него мистика. Католическая апологія въ книгѣ, написанной учителемъ протестантовъ, — апологія, явившаяся лишь слѣдствіемъ удачно выбраннаго момента исторіи католицизма, — сильно поддержала обаяніе католицизма; притомъ, это было время политической и церковной реакціи. Можно судить, какъ возненавидѣли Гуртера его простестантскіе собратья. Никто не хотѣлъ вѣрить, что ренегатство произошло лишь по сознательному увлеченію, вслѣдствіе глубокой внутренней причины, что, если оно бросаетъ тѣнь на его характеръ, то не имѣетъ соотношенія къ его честности. Клеветы на пастора, всякія выходки не имѣли успѣха. Слѣды ненависти его прежнихъ единовѣрцевъ не умолкли съ годами. Такъ Гельбигъ въ статьѣ о Гуртерѣ (у Зибеля въ Hist. Zeitschrift; 1860, № 4) отзывается о немъ какъ о человѣкѣ, вполнѣ неспособномъ; ему отказывается во всѣхъ качествахъ историка, — «er hat keinen historischen Sinn und keine historische Bildung (с. 176)»; все это изъ религіозныхъ принциповъ и вражды

подъ его предсѣдательствомъ, въ его кабинетѣ. Онъ самъ

къ клерикально-австрійской партіи (183). За то католики превозносятъ его даже за послѣднее сочиненіе по 30-лѣтней войнѣ, гдѣ онъ дошелъ до клерикальности въ ущербъ истинѣ и самого изложенія, сдѣлавшагося чисто полемическимъ. Но это не относится къ его «Жизни Иннокентія III», которая вмѣстѣ съ «Исторіей Гогенштауфеновъ Раумера» (1840, 6 v.) можетъ назваться лучшимъ пособіемъ по XIII вѣку во всѣхъ отношеніяхъ. Но Гуртеръ поклонникъ не папской системы; онъ преклоняется лишь передъ личностью Иннокентія; онъ не былъ тогда еще апологетомъ первой. «Всякое понятіе можетъ быть или справедливо или ошибочно; соглашается-ли мысль о папскомъ идеалѣ съ широкопонятымъ христіанствомъ, вытекаетъ ли такая система изъ ученія Основателя религіи или нѣтъ, — объ этомъ не спрашивайте историка; такое разбирательство падаетъ на догматика или полемика; для историка важно собственно то,—производится ли подобное явленіе эпохою, какъ глубоко оно коренится въ человѣческихъ учрежденіяхъ, что оно создаетъ въ свою очередь, прогрессивно ли оно такъ разсуждаетъ Гуртеръ пр. V—VI...). Ничего не можетъ быть несправедливѣе отрицать высокія качества ума и характера (hohe ethische Würde) лишь потому, что не понимаютъ и не сочувствуютъ тѣмъ внѣшнимъ формамъ и обстоятельствамъ, въ которыхъ случайно проявляется дѣятельность извѣстныхъ людей. А между послѣдними никто не превзошелъ Иннокентія, если принять въ соображеніе его проницательность, его свѣдѣнія, его неутомимую дѣятельность, его нравственныя добродѣтели, его величавость, когда онъ говоритъ о своемъ призваніи, его смиреніе, которое просвѣчиваетъ сквозь всю его личность. Если изучать процессъ его жизни, все что онъ сдѣлалъ и что онъ хотѣлъ сдѣлать, то надо придти къ убѣжденію, что Иннокентій имѣлъ ясное сознаніе о томъ, что лишь предчувствовалъ Григорій VII. То, что было въ помыслахъ Гильдебранда, получило полное развитіе въ Иннокентіи III; мысль, за которую Александръ III такъ долго сражался съ древне-римской стойкостью, всегда выставлялась на видъ въ его дѣйствіяхъ».—Главнымъ источникомъ были для Гуртера, конечно, письма Иннокентія, которыя дошли до насъ не въ полномъ видѣ. Они сгруппированы въ книги. Не цѣликомъ имѣлись 3 и 5 книга; вовсе не было 4, 17, 18. Кромѣ Балузія (Epistolarum Innocentii III Romani pontifici libri XI, P. 1682, 2 f.), они изданы у Bréquigny et La-Porte du-Theil (Diplomata et alia documenta ad res Francicas spectantia, въ Парижѣ 1791, 2 v.). По поводу ихъ Дю-тейль, раціоналистъ и республиканецъ, рисуетъ вѣрными красками личность папы. Его сужденіе практически вѣрно; онъ не скрываетъ, что глазами строгаго моралиста нельзя мѣрить историческую личность (Il n'a pas été celui, dont l'ambition ait eu le moins de palliatifs et d'excuses), что къ суду призвано лицо, а не система. «Имя Иннокентія III всегда будетъ наводить воспоминаніе о человѣкѣ, который дѣйствовалъ

вникалъ въ каждое дѣло до всѣхъ мелочей, было ли оно по-

на сценѣ міра съ сильнымъ блескомъ и въ которомъ безпристрастная философія будетъ умѣть всегда различить добродѣтель и проступки. Когда я говорю о проступкахъ (défauts), то думаю о тѣхъ, которые читали сочиненія политическія и историческія, гдѣ этотъ папа такъ положительно обвиняется въ рѣшительныхъ преступленіяхъ». Признавая, что лишь тенденціозность и радикализмъ могутъ держаться такого убѣжденія и что подобный пріемъ не имѣетъ права на авторитетъ въ вопросахъ философско-историческихъ,—Дю-тейль отдаетъ полную справедливость достоинствамъ папы (une fermeté d'âme à l'épreuve, une constance inébranlable dans les projets, une zèle infatigable pour la chose publique, une pureté des moeurs sans reproches). Тутъ изданы письма полнѣе; еще лучше классическое изданіе у Migne (Patrologia въ т. 214—216, Парижъ 1855) съ дополненіями, проповѣдями и всѣми сочиненіями (т. 217),—которое мы и будемъ цитировать. Одно неизданное письмо помѣщено въ Bibl. de l'Ecole des Chartes въ 1872 г. Важныя дополненія къ письмамъ помѣщены у Theiner (Mon. Slavorum mer.) и въ капитальномъ изданіи Potthast (Regesta pont. Rom. ab 1298 ad a. 1304, Ber. 1873), который въ трехъ первыхъ выпускахъ изъ 10 напечаталъ 5316 посланій Иннокентія III, этого «величайшаго изъ папъ» и 143 посланія Григорія III. Но въ это изданіе регестъ не входитъ полный текстъ писемъ. Въ томъ же 1873 г. Rocquain въ Journal des Savants (6—8) помѣстилъ немного новаго матеріала въ своемъ очеркѣ—Lettres d'Innocent III. Эта сжатая, но отчетливая картина грандіозной дѣятельности папской канцеляріи того времени.—Кромѣ писемъ мы имѣемъ еще старыя біографіи Иннокентія. Извѣстно, что въ трехъ кодексахъ содержатся жизнеописанія папскія. Древнѣйшія принадлежатъ архиваріусу папскому Анастасію, который дошелъ лишь до Николая I (Muratori. Script. III. p. I; 93—277) и пользоваться которыми надо по критическимъ диссертаціямъ Чіампини и Бланкини (idem 33—55, 55—93). Съ Льва IX—до Іоанна XXII довелъ кардиналъ Николай аррагонскій (id. 277—685). Полный кодексъ другой редакціи, но съ той же узкой папской точки сведенъ Амальрикомъ Авгеріемъ изъ мелкихъ біографій до Сикста IV включительно, занимая особый фоліантъ Муратори. Для Иннокентія III имѣются здѣсь два списка: краткій Бернара Гвидона (Mur. III, p. II, 480—486) и большой Ст. Балузія (id. 486—568). Собственно церковная исторія для XIII ст. въ хроникахъ Nicolai de Syghen (конца XV в.) и Joh. Stellae. Болѣе обширная —Ptolomaei Lucensis до 1312 г., доминиканца (Mur. XV, 741). Новѣйшее изданіе всѣхъ папскихъ біографій сдѣлано въ Германіи Ваттерихомъ (Pont. Rom. vitae; Leipz., 1862). Но этими біографіями, весьма односторонними, довольствоваться нельзя; тутъ вовсе не приводится документовъ, для чего обыкновенно употребляютъ многотомный Bullarium Romanum. Подробное содержаніе церковной исторіи по ватиканскимъ архи-

литическое или частное. Нельзя не удивляться массѣ остав-

вамъ предпринялъ въ концѣ XVI вѣка кардиналъ Baronius († 1607)—Annales ecclesiastici a Chr. nato ad annum 1198 (лучшее отдѣльное изд. въ Майнцѣ 1706, 12 f., просмотрѣнное авторомъ)—по порученію Рима. Естественно, оно не можетъ быть причислено къ числу безпристрастныхъ; тутъ есть и фактическое извращеніе и фальшивые документы и стихотворныя повѣтствованія, саги, легенды. Тѣ же свойства и у его продолжателей, поставленныхъ въ такія же условія: кардинала Одерикъ Райнальди († 1670), дошедшаго до 1565 (9 f.), Ладерки, добавившаго еще 6 лѣтъ и Пагги, составившаго нѣсколько критическихъ статей и указатель. Все это вмѣстѣ составляетъ въ лучшемъ Лукскомъ изданіи 35 т. текста и 3 указ. (1738—59).—Литература будетъ указываться въ своемъ мѣстѣ, какъ для Иннокентія III, такъ и для другихъ вопросовъ исторіи XIII вѣка. Но нельзя оставить безъ упоминанія, рядомъ съ классическими трудами, сочиненій графа Riant, особенно: Innocent III, Philippe de Souabe et Boniface de Montferrat (Revue des quest. histor. 1875) и отдѣльно въ томъ же году. Эта небольшая по объему, но весьма содержательная книга по критикѣ матеріала, стоила автору большихъ трудовъ. Въ томъ же смыслѣ важенъ вообще для первой половины XIII вѣка трудъ Klimke (1875) объ источникахъ IV крестоваго похода.

Теперь обратимся къ памятникамъ позднѣйшей эпохи.

Мы должны отмѣтить лишь тѣхъ лѣтописцевъ, которые писали въ XIII столѣтіи общую исторію своего времени и которые слѣдовательно имѣютъ значеніе для всѣхъ отдѣловъ нашего курса.—Преемственный рядъ таковыхъ въ слѣдующемъ порядкѣ: Radulphus de Diceto, деканъ лондонской церкви св. Павла († 1210); его «сокращеніе хроникъ» заключаются между 598—1198, а «историческія изображенія»—1148—1200 г. По сіе время нѣтъ хорошаго изданія (въ отрывкахъ у Bouquet XIII, 183—205; XVII, 616—660). Какъ и всѣ средневѣковые хроникеры въ началѣ онъ списываетъ своихъ предшественниковъ, сокращая ихъ, или даже цѣликомъ, ручаясь лишь за тѣ годы, которыхъ былъ очевидцемъ въ Англіи изъ своего кентерберійскаго архіепископства. Въ нашей «Исторіографіи» указанъ характеръ средневѣковыхъ лѣтописцевъ, ихъ убѣжденія, ихъ пріемы, ихъ воззрѣнія. Они не перемѣнились къ XIII столѣтію. Они по прежнему бились надъ вопросомъ объ отношеніи духа къ тѣлу, неба къ землѣ, власти духовной къ свѣтской. Средневѣковое міросозерцаніе отражается въ прологахъ этихъ лѣтописей, какъ напримѣръ у лучшаго изъ авторовъ — Оттона Фрейзингенскаго. «Часто и много размышляя о перемѣнчивости земныхъ дѣлъ, о ихъ непостоянствѣ, разнообразномъ и безпорядочномъ ходѣ, я убѣдился и рѣшилъ, что мудрый человѣкъ долженъ не останавливаться на нихъ, но удаляться отъ нихъ. Какой здравомыслящій человѣкъ не согласится, что мудрецъ долженъ обратить свой взоръ къ неизмѣнному и вѣчному государству, такъ какъ движенія временъ остановить нельзя.

ленныхъ имъ писемъ, декретовъ, буллъ, когда узнаемъ, что

Это есть царство Божіе, небесный Іерусалимъ, по которомъ тоскуютъ дѣти Божіи, живущіе на чужбинѣ и лишь тяготящіеся землею, какъ плѣненіемъ вавилонскимъ. Лишь два существуютъ царства, одно временное, другое вѣчное: одно земное, сатанино, другое небесное, Христово». Этими словами характеризуется общій тонъ средневѣковыхъ лѣтописцевъ, такъ любившихъ мистику; къ исторической достовѣрности надо относиться также съ осторожностью, допытавшись прежде подробностей жизни и симпатій. Большіе Кельнскіе Анналы съ 516 до 1237 г., важны по отношенію къ Гогенштауфенамъ, а съ 1198 г. преимущественно. Они состоятъ изъ 3 различныхъ рецензій; древнѣйшая рукопись открыта не очень давно, —въ 1857 г. Долго ошибочно приписывали ихъ монаху Годфриду (S. Pantaleonis); иногда лѣтопись эта называлась chronica regia S. Pantaleonis. Анонимъ загадочно называетъ себя porfirogenitus et primitivus filius. Ваттенбахъ думаетъ, что часть анналъ принадлежитъ нотаріусу Бурхарду, спутнику Фридриха I; имя продолжателя для позднѣйшаго времени и для XIII вѣка неизвѣстно. По убѣжденіямъ онъ долженъ быть горожаниномъ, партіи императорской; онъ то на сторонѣ Оттона IV, то Фридриха II, преслѣдуемыхъ папами. Такой главнѣйшій памятникъ нѣмецкой исторіи не изслѣдованъ должнымъ образомъ за трудностью, даже въ нѣмецкой наукѣ. За то совершенно ясны Annales Stadenses, достигающія до 1256 г., авторомъ которыхъ былъ Альбертъ, настоятель маріинскаго монастыря въ г. Штадѣ. Оставивъ аббатство, онъ пошелъ въ 1240 г. въ францисканцы и сдѣлался генераломъ ордена, когда и окончилъ свою хронику. Онъ держится извѣстныхъ трудовъ Еккегарда, Адама Бременскаго, Беды, Гельмольда; но его работа слабѣе; факты чередуются сказками; много хронологическихъ ошибокъ, хотя у другихъ еще больше. Онъ не рабски держится папской партіи. Такъ, по поводу низложенія Фридриха II на ліонскомъ соборѣ, онъ замѣчаетъ, что папамъ не прилично осуждать, а тѣмъ болѣе низлагать государей, что ихъ дѣло лишь короновать избранныхъ. Годъ его смерти неизвѣстенъ. Напрасно обвинять его, слѣдуя Ваттенбаху, въ недостаткѣ внутренней послѣдовательности (с. 498); это уже общее свойство всякаго лѣтописнаго изложенія. У Альберта богатство фактовъ и неотъемлемая достовѣрность большей части изъ нихъ. — Но самое важное значеніе при занятіяхъ XIII вѣкомъ имѣетъ такъ называемая Historia major Angliae, неразлучно связанная съ именемъ Матвѣя Парижскаго до 1273 г., какъ лучшаго средневѣковаго писателя Запада, такъ и замѣчательнаго національнаго англійскаго историка. Въ сущности ему принадлежитъ лишь обширнѣйшая часть ея для небольшаго, но важнѣйшаго періода 1235—1259 г.; его предшественникомъ былъ Рожеръ Вендоверъ, писавшій отъ 1066 до 1235 г. такъ называемую «flores historiarum», а продолжателемъ Вильямъ Рисгангеръ, записавшій сжато 1259—1273 г. Чаще всего это сводное сочиненіе цитируютъ именемъ Матвѣя.

онъ лично имѣлъ еще время и охоту съ судейскаго кресла

Все вмѣстѣ это лучшій памятникъ старой англійской исторіографіи для громаднаго періода двухъ столѣтій изъ года въ годъ съ обзоромъ всѣхъ современныхъ событій европейскихъ, особенно фазисовъ папско-императорской борьбы; для нея онъ одинъ изъ первыхъ источниковъ. Родившись въ Англіи, Матвѣй воспитывался въ Парижѣ и на 20 году постригся въ монахи въ знаменитомъ по всей Англіи монастырѣ С. Альбани (на сѣверъ отъ Лондона, на мѣстѣ римскаго Верулама). Онъ пріобрѣлъ между товарищами извѣстность какъ ученый и каллиграфъ. Аббатъ поручилъ ему продолжать Вендовера. Матвѣй, какъ оффиціальный лѣтописецъ, пріобрѣлъ важное общественное положеніе; онъ былъ лично знакомъ съ королями англійскимъ, французскимъ, нормандскимъ. Онъ имѣлъ случай вручить письмо Луи IX Св. Гакону V норвежскому; по личной просьбѣ Генриха III описываетъ лондонскій соборъ, говоритъ о священномъ сосудѣ съ кровью Спасителя, въ подлинности которой убѣждалъ доставившій ее тампліеръ; вслѣдствіе убѣжденія норвежскихъ монаховъ, онъ умиротворяетъ гольмскій монастырь (Въ «Исторіографіи» пропущена статья о немъ Бильбасова въ Унив. Изв. Кіевск., 1867 г. № 4). Благодаря своимъ связямъ и покровительству королевскаго дома, Матвѣй могъ собрать до 250 документовъ, которые и помѣстилъ въ свою исторію. Впрочемъ, знатокъ англійской исторіи, Pauli (G. von England. 1853; III, 883) умаляетъ достоинство этихъ документовъ; онъ приписываетъ имъ «eine unverdiente Abgötterei». По сознанію нѣмецкой критики, Matthaeus Paris. такъ важенъ, напримѣръ, для Гогенштауфеновъ, что долженъ быть цитуемъ какъ главный источникъ, тѣмъ болѣе что онъ всегда объясняетъ отношенія Германіи къ другимъ странамъ (Wattenbach, 505), благодаря достоинству и обилію приводимыхъ фактовъ. Онъ писалъ до самой смерти и часто былъ лично посѣщаемъ королемъ, съ которымъ бывалъ и за столомъ, и во дворцѣ и въ спальнѣ (et in thalamo) и который рачительно и дружески руководилъ его перомъ (direxit scribentis calamum satis diligenter et amicabiliter). Самый монастырь, почти первый въ Англіи, игралъ роль въ событіяхъ; его монахи были посылаемы иногда въ Римъ, и оттуда они привозили акты, заносимые въ «англійскую исторію". Взглядъ Матвѣя Пар. достаточно либераленъ, что дало поводъ подозрѣвать въ его трудѣ сильную протестантскую интерпелляцію. Онъ часто любитъ анекдоты, но не нарушаетъ тѣмъ истины. Его достоинства таковы, что самъ Baronius называетъ его работу золотою книгой—«aureum sane commentarium». Лучшимъ изданіемъ по прежнему остается Wats'a (Lond. 1684); полный французскій переводъ сдѣлалъ Huillard Bréholles, лучшій знатокъ XIII вѣка вообще (Par. 1849. 9 v.); къ переводу приложена обстоятельная статья de-Luynes. Въ другомъ, сжатомъ видѣ сочиненія Матвѣя изданы лишь въ 60 годахъ въ большой коллекціи Romilly (Rer. Brit. medii aevi script.),—hist. Anglorum seu h. minor Angliae (въ 1866 г. доведено до 1245 г. въ 2. т.) подъ редакціей Madden (рецензія у Зибеля

разбирать дѣла римскихъ гражданъ и своихъ непосредствен-

въ Hist. Zeitschrift; 1867, № 3, стр. 213—218). Продолженіе его,—сдѣланное Рисгангеромъ, сжато, на манеръ всѣхъ хроникъ, — выдается фактической сухостью и весьма кратко (въ томъ же Rer. brit. 1865 изд. Риля). Рѣшеніе вопроса о Матвѣѣ принадлежитъ Коксу, изд. Вендовера (въ English historical Society въ 5 т. 1841—44). Прежде всѣ три лѣтописи считали за одну.— Рядомъ съ такимъ богатымъ развитіемъ англійской исторіографіи идетъ полный упадокъ ея въ Германіи, гдѣ въ XII — XV ст. встрѣчаемъ лишь компиляціи и ничтожныя монастырскія анналы. Только нѣсколько разнообразится она появленіемъ новаго пріема—синхронистическаго по отношенію папъ къ императорамъ; это попытка на учебникъ. Изъ такихъ извѣстны для того времени три: анонимная до 1215, Гильберта до 1226 (не изданы) и чешскаго монаха Мартина изъ Троппавы (Chr. de summis pontificibus atque imperat. usque ad Rudolphum I et Nicolaum III—изд. въ Кельнѣ 1616 г. и у Böhmer'a въ Fontes во 2-мъ томѣ). Послѣдній заслуживаетъ большую извѣстность, какъ даровитый славянинъ. Онъ принадлежалъ къ доминиканскому ордену; папа сдѣлалъ его своимъ капелланомъ (penitenciarius et cepellanus). Долго пробывъ въ такомъ званіи, онъ въ 1278 г. былъ назначенъ архіепископомъ въ Гнѣзно, почему его и называютъ Martinus Polonus. Это тѣмъ болѣе неосновательно, что онъ даже не доѣхалъ до Польши и умеръ дорогою. Онъ говорилъ и писалъ много проповѣдей, много трудился въ Римѣ по редакціи каноническаго права и составилъ свою исторію для употребленія богослововъ и канонистовъ, для которыхъ, онъ говоритъ, «необходимо знать исторію папъ, императоровъ, и другихъ современныхъ государей». Его книга предназначалась быть учебникомъ и въ то же время популярнымъ сочиненіемъ. Согласно духу времени, въ нее внесены всѣ басни, которыя и упрочились потому надолго. Имена папъ и императоровъ помѣщены на противоположныхъ страницахъ; на каждой страницѣ 50 строкъ, изъ которыхъ для каждой опредѣленъ годъ времени; такъ сдѣлано первое изданіе. У Бёмера, лишь не очень давно, доведена лѣтопись до 1277 г. Въ его хроникѣ, изъ любви къ анекдотамъ, помѣщена замѣтка о паписсѣ Іоаннѣ, совершенно неумѣстная; она дала поводъ къ той громадной литературѣ и полемикѣ, которая порѣшена лишь въ послѣднее время опроверженіемъ басни, созданной легендарнымъ воображеніемъ новеллистовъ и протестантовъ. Scheffer-Boichorst въ своей критической, хотя весьма натянутой статьѣ, — желая во что бы то ни стало доказать подложность хроники Малеспини (Die flor. Gesch. der Malespini eine Fälschung — Hist. Zeitschrift. 1870, XXIV), съ чѣмъ никакъ нельзя не согласиться по причинамъ, о коихъ скажемъ въ своемъ мѣстѣ, — сопоставленіемъ доказываетъ какъ усердно переводилъ Мартина знаменитый Джіованни Виллани. Сочиненіе Мартина возбудило подражателей, а факты мало заслуженный авторитетъ. Впрочемъ Ваттенбахъ слишкомъ рѣзко называетъ хронику «ein jämmerliches Gemisch von Fabeln und Unwahrheiten (514)».—

ныхъ подданныхъ ([1]). Доступъ къ нему былъ открытъ для

По времени слѣдуютъ арабское соч. Абуль-Фарагія — въ латинскомъ переводѣ: historia compendiosa dinastiorum seu hist. universalis ab a. c. usque ad 1280 (съ арабскимъ и лат. текстомъ 1663, 2 v.) по важности иновѣрнаго взгляда. По отношенію къ итальянской исторіи — оффиціальныя Генуэзскія анналы 1100—1253 г. (Muratori; VI, 241—607), писанныя 19 авторами послѣдовательно. Какъ государственная лѣтопись, веденная современниками по документамъ, она составляетъ важнѣйшій историческій источникъ для итальянской исторіи, особенно по широкой аренѣ событій для XIII вѣка вообще. Вся лѣтопись дѣлится на 10 книгъ. Отношенія къ Риму занимаютъ первое мѣсто послѣ дѣлъ мѣстныхъ. Послѣдней общей хроникой будетъ соч. моралиста XIV вѣка, каноника въ Шартрѣ, француза,— Landulphus de Columna (breviarium historiale usque 1320 изд. вполнѣ только въ 1479 г.); онъ былъ современникомъ паденія папскаго могущества и торжества королевской власти.—Нѣкоторыя общія хроники по XIII ст. вовсе не изданы или изданы не вполнѣ, какъ стихотворная «Всемірная Исторія» Рудольфа Эмскаго († 1254), составленная для Конрада IV. Эта поэма-хроника весьма обширная; она существуетъ въ двухъ разныхъ редакціяхъ. Для исторіи нравовъ и духовнаго состоянія общества полезны, какъ его отраженія, такъ называемыя «Историческія зеркала» Адама Клермонскаго (до 1270 г.) и Викентія Бовэ, тоже пока въ старыхъ изданіяхъ (Ven. 1494).—весьма популярныя въ вѣкъ Возрожденія.

([1]) Fuit vir perspicacis ingenii et tenacis memoriae, in divinis et humanis litteris eruditus, sermone tam vulgari quam litterali disertus, exercitatus in cantilena et psalmodia, statura mediocris et decorus aspectu, medius inter prodigalitatem et avaritiam, sed in eleemosynis et victualibus magis largus et in aliis magis parcus, nisi cum necessitatis articulus exigebat; severus contra rebelles et contumaces, sed benignus erga humiles et devotos, fortis et stabilis, magnanimus et astutus; fidei defensor, et haeresis expugnator; in justitia rigidus, sed in misericordia pius; humilis in prosperis, et patiens in adversis; naturae tamen aliquantulum indignantis, sed facile ignoscentis». Gesta Innocentii III; c. 1. — Рѣдкая личность и общественная дѣятельность вызываютъ столь единодушное сочувствіе историковъ и изслѣдователей. Всѣ политическіе и религіозные оттѣнки въ убѣжденіяхъ сглаживаются при оцѣнкѣ историческихъ заслугъ и частнаго характера даровитѣйшаго изъ папъ. Болѣе взыскательны, если не считать Вольтера и Дрепэра, сколько намъ извѣстно, приговоры Неандера и Шеррье. «Doch da er für jenes System der geistlichen Weltmonarchie, in welchem Weltliches und Geistliches schon so sehr mit einander vermischt worden, als ein auf göttlichem Rechte gegründetes, eiferte; da er dies System gegen die von einem gutem, wie die von einem schlechtem Geiste ausgehenden Reactionen vertheidigen musste: so wurde er durch die schlechte Sache zum Gebrauch schlechter Mittel fortgerissen» (Neander. Gesch. der christlichen

всѣхъ. Разрѣшая мелкія тяжбы, онъ обсуждалъ въ тоже время до всѣхъ подробностей обширныя государственныя соображенія. „На совѣщаніяхъ кардинальской коллегіи, говоритъ про него Раумеръ, онъ разбиралъ и изучалъ всякое показаніе съ такою честностью и проницательностью, обнаруживалъ такое безпристрастіе и благородство, что и теперь, дошедшія до насъ письма его, какъ по формѣ, такъ и по содержанію, могутъ служить образцомъ юридическихъ разборовъ и рѣшеній“ ([1]). Это былъ, по удачному выраженію Грегоровіуса, пылкій идеалистъ на папскомъ тронѣ и въ тоже время самый практическій государь ([2]). Онъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ неутомимымъ писателемъ-богословомъ, при чемъ обнаружилъ философскую подготовку. Работая надъ церковнымъ ритуаломъ, почти созидая его, вникая въ исполненіе всѣхъ обрядностей богослуженія, онъ объяснялъ католическую догматику въ ея деталяхъ раньше Ѳомы Аквинскаго и оставилъ массу проповѣдей и солидныхъ сочиненій, которыя составляютъ компактный и массивный томъ латинской „Патрологіи“ ([3]).

Отношенія къ Норвегіи.

Замыслы Иннокентія III не ограничивались однимъ Западомъ. Съ первыхъ же годовъ своего папствованія онъ обратилъ вниманіе па Сѣверъ и Востокъ. Въ Норвегіи онъ укротилъ свирѣпыя наклонности варяга Сверера. Тамъ, въ тотъ вѣкъ уже укрѣплялось христіанство; въ Швеціи оно лишь проповѣдывалось въ разныхъ мѣстахъ. Но понятно, что христіанская цивилизація была слишкомъ непрочна въ Норвегіи. Свереръ, напримѣръ, занимался открытымъ грабежомъ, жилъ съ двумя женами, раззорялъ духовныхъ и церкви, когда мѣшали ему; то давалъ, то отнималъ церковныя имущества. Целестинъ III пробовалъ посылать туда легата; кунингъ прогналъ его съ бранью. Иннокентій, всегда изворотливый, понялъ ха-

Religion und Kirche; 1841; V, I, 334).— «Cet assemblage de bien et de mal, de grandes qualités et d'actes répréhensibles doit, dans le jugement à porter sur ce pontife, en faire écarter les louanges excessives et le blâme absolu» (Cherrier. Histoire de la lutte des papes et des empereurs de la maison de Souabe; 2 éd. I, 481).

([1]) Raumer. Gesch. der Hohenstaufen und ihrer Zeit. III, 247.

([2]) «Ein kalter Jurist»... Gregorowius. Rom im Mittelalter. 1865; V, 100.

([3]) Migne. CCXVII. Это послѣдній томъ громаднаго изданія Патрологіи.

рактеръ этой полудикой натуры; онъ скорѣе достигъ цѣли. Папа заручился его расположеніемъ, потомъ постепенно подчинилъ себѣ его порывы. Онъ не только заставилъ его повести болѣе приличную жизнь, но даже сдѣлался послѣ судьей между двумя соискателями норвежской короны. Скандинавія вообще подчинилась вліянію Рима. Въ тоже время Иннокентій дѣлалъ обширныя пріобрѣтенія католицизму въ земляхъ прибрежныхъ Балтійскому поморью.

Прибалтійскій край.

Прибалтійскій край уже давно занималъ мысли папъ. Германская склонность распространять свою цивилизацію, хотя бы насильственно, прекрасно способствовала видамъ Рима. Тутъ можно было бы встрѣтить одно сопротивленіе — со стороны русскихъ, но холодное равнодушіе къ интересамъ своей вѣры составляло тогда характерную черту обитателей восточной равнины Европы. Тутъ духовенство было слишкомъ апатично къ расширенію своего вліянія и распространенію своей паствы. Въ князьяхъ же русскихъ нѣмцы могли встрѣтить враговъ лишь тогда, когда бы на нихъ самихъ обратили свою пропаганду. Въ 1158 г. купцы изъ Бремена пришли къ устью Двины и завели съ жителями края торговыя сношенія; къ торговлѣ присоединилось просвѣтительное дѣло вѣры (1). Ливь, латыши, леты, чудь, эсты занимали эту скудную и сырую полосу — до протяженія Финскаго залива. Всѣ они хранили крѣпкую привязанность къ своимъ богамъ и даже христіанами не могли разлучиться съ понятіями о Торѣ, Перунѣ, Земиникѣ, этомъ богѣ земныхъ плодовъ. Главнаго идола Юмалу ливь и чудь считали за творца вселенной, которая ограничивалась ихъ бѣднымъ краемъ (2). Когда нѣмцы стали склонять ихъ къ христіанству, они, по преданію, бросили жребій, какая вѣра лучше: отечественная или католическая и

(1) Scriptores rerum Livonicarum. Riga. 1847—49; 3 ч. и въ 1853,— Разборъ хроникъ у Gadebusch, B. 1832 и Napiersky, 1840. Съ 1876 г. въ Ригѣ издается Сборникъ матеріаловъ и статей по исторіи Прибалтійскаго края. Въ 1 томѣ помѣщена въ русскомъ переводѣ интересная хроника свящ. Генриха Латышскаго, весьма важная для начала XIII вѣка. По латыни онъ назывался Henricus de Lettis.

(2) Подробности въ лучшей лифляндской хроникѣ, написанной на platt-deutsch — Бальтазара Руссова Scrp. rer. Liv. t. I.

судьба рѣшила въ пользу послѣдней. Но достовѣрнѣе, что ей было оказано сильное сопротивленіе. Каждый разъ, когда миссіонеры оставляли язычниковъ, они въ рѣкѣ смывали съ себя воду крещенія. Они по прежнему ходили молиться въ лѣса, обожали деревья и, даже будучи христіанами, хоронили мертвыхъ по языческому обряду съ оружіемъ и припасами и, угнетаемые, утѣшали себя напутствіемъ лучшей жизни покойнику, который на томъ свѣтѣ избавится хотя отъ нѣмцевъ, ставшихъ теперь господами. Бременскіе купцы привезли съ собой августинскаго священника Мейнгарда, энергичнаго старика, энтузіаста своей вѣры; онъ напоминалъ Бонифація и другихъ католическихъ просвѣтителей ([1]). Въ Икесколѣ онъ основалъ первую христіанскую церковь (Uxcul, ниже Риги на Двинѣ). Въ Бременѣ посвятили его въ санъ перваго епископа Ливонскаго. Когда онъ вернулся, ему пришлось начать дѣло съизнова; почти всѣ новообращенные приняли язычество; противъ христіанства началась борьба ([2]). Его преемникъ Бертольдъ долженъ былъ бѣжать; всѣмъ христіанамъ грозили смертью.

([1]) «Названный священникъ, достопочтенный и посѣдѣвшій въ благочестіи мужъ, разсказываетъ Henricus de Lettis, получивъ позволеніе на проповѣдь христіанства отъ короля плоцескаго (полоцкаго князя), Владиміра, которому языческіе ливы платили дань, и вмѣстѣ съ тѣмъ подарокъ отъ него, приступилъ усердно къ божескому дѣлу и, проповѣдуя христіанство ливамъ, воздвигъ церковь въ деревнѣ Икесколѣ. Въ этой деревнѣ прежде всѣхъ крестились Ило, отецъ Кулева, и Вицо, отецъ Ало, а за ними послѣдовали и другіе». Матеріалы по исторіи Прибалтійскаго края; I, 74.

([2]) Одинъ изъ ближайшихъ сотрудниковъ Мейнгарда, цистерціанецъ Теодорихъ, бывшій послѣ епископомъ Эстонскимъ, едва не сталъ мученикомъ за вѣру. Ливы, разсказываетъ Генрихъ Латышскій, въ окрестностяхъ Трейдена (на рѣкѣ Аа) рѣшили принести его въ жертву своимъ богамъ: «дабы посѣвы на ихъ поляхъ были плодоноснѣе и нивы ихъ не терпѣли отъ ливней. Народъ собрался. Чтобы узнать волю боговъ на счетъ жертвоприношенія, бросили жребій. Положили копье на землю и повели черезъ него коня; конь ступилъ, по волѣ Божіей, черезъ копье ногою, опредѣленною для жизни. Монахъ въ это время молился и рукою благословлялъ народъ. Кудесникъ утверждалъ, что христіанскій Богъ сидитъ на хребтѣ коня и направляетъ конскія ноги и что потому надобно обмыть хребетъ коня, чтобы сбросить Бога. Когда это сдѣлали и конь снова ступилъ черезъ копье ногою жизни, брата Теодориха оставили въ живыхъ. «Хроника Генриха»; I, 10—въ Матеріалахъ по исторіи Прибалтійскаго края; I, 76

Иннокентій III не могъ отнестись равнодушно къ такому ходу дѣла. Посылка миссіонеровъ въ тотъ далекій и незнакомый край, оказавшій уже такое рѣшительное сопротивленіе, не могла принести Риму желаемыхъ цѣлей. Надо было или отказаться отъ начатаго, уступить язычеству, сознать безсиліе католицизма, или дѣйствовать силою. Иннокентій объявилъ крестовый походъ на язычниковъ, но онъ старался по возможности ограничить неумѣстную ревность и проявленіе всякаго насилія. Не слѣдуетъ ставить въ вину и самую систему насильственнаго просвѣщенія. Надо вспомнить, что послѣ самъ либеральный Фридрихъ II, врагъ Рима, дѣлалъ подобное же воззваніе къ Европѣ въ болѣе рѣзкихъ выраженіяхъ; онъ говорилъ, что Господь для того и даровалъ силу царямъ земнымъ, чтобы они пеклись о распространеніи вѣры между язычниками. Крестоносцевъ, по зову Иннокентія, нашлось много. Ливоніи отдавали преимущество предъ Палестиной, гдѣ теперь восторжествовало мусульманское оружіе. Скоро убѣдились, что до тѣхъ поръ не можетъ быть прочныхъ успѣховъ, пока не возьмутся за нѣмецкую колонизацію страны. Епископъ Альбертъ въ 1199 г. прибылъ съ новымъ ополченіемъ и съ мыслью о цѣломъ братствѣ, которое должно было посвятить себя дѣлу распространенія христіанства въ Ливоніи. Иннокентій одобрилъ это и преимущественно изъ нѣмцевъ возникло общество „Brüder des Ritterdienstes Christi“ — или иначе Меченосцевъ — отъ изображенія меча съ крестомъ на орденскомъ плащѣ. Чтобы доставить рыцарямъ пунктъ соединенія, въ 1200 г. была основана Рига ([1]).

Отношенія къ Литвѣ.

Замыслы ордена обнимали не однихъ ливонскихъ и эстскихъ язычниковъ. Рыцари думали и о Литвѣ. Иногда они встрѣчали сопротивленіе въ русскихъ князьяхъ, которые помогали литовцамъ, но это бывало очень рѣдко, — а одинъ

([1]) «Передъ отъѣздомъ епископа въ Германію ливы отвели ему мѣсто для города, которое онъ назвалъ Ригою, — отъ озера ли Риги, или какъ мѣсто орошенное (irrigua), ибо это мѣсто имѣло воды вверху и воды внизу, орошаясь снизу рѣкою, или же потому что въ ней грѣшники получили прощеніе грѣховъ, чрезъ что получали орошеніе сверху, сподобляясь царства небеснаго; или же Рига значитъ орошенная (rigata) новою вѣрою и служащая источникомъ крещенія сосѣднимъ съ нею язычникамъ» (Хроника Генриха; IV, 5. Матеріалы; I 86). Въ XIII вѣкѣ даже имена городовъ толковались съ церковной точки зрѣнія.

изъ русскихъ князей Всеволодъ двинскій сдѣлался даже данникомъ ливонскаго епископа и орудіемъ римской Церкви. Альбертъ, овладѣвши Кукейносомъ и прогнавъ русскихъ, приступилъ къ Герсину (нынѣ Крейцбургъ); онъ побѣдилъ Всеволода, взялъ и сжегъ Герсинъ, а княгиню полонилъ. Онъ освободилъ ее лишь на условіяхъ подданства Всеволода. Князь подъ знаменами клялся вѣрно служить Богородицѣ; онъ торжественно назвалъ Альберта своимъ отцемъ, а себя его намѣстникомъ въ Герсинѣ. Успѣхи меченосцевъ увеличились съ прибытіемъ лунденскаго архіепископа Андрея и союзнаго датскаго флота. Русскіе не хотѣли уступить нѣмцамъ только сѣверной Ливоніи. За то часто страдалъ Псковъ, такъ что князь Владиміръ Мстиславовичъ вступилъ наконецъ въ тѣсный союзъ съ орденомъ и даже въ родство съ братомъ Альберта, Дитрихомъ. Но за этими предѣлами наблюдалъ знаменитый Мстиславъ Новгородскій, — стражъ сѣверной Россіи (¹). Овладѣвъ чудскими берегами, онъ обѣщалъ было прислать язычникамъ русскихъ священниковъ, но послѣднимъ трудно было бы бороться съ Альбертовыми миссіонерами. Нѣкоторое сопротивленіе оказалъ рыцарямъ полоцкій князь Владиміръ. Онъ потребовалъ свиданія съ Альбертомъ. Князь просилъ не трогать язычниковъ и, конечно, совершенно напрасно. Отвѣтъ былъ одинъ — „такъ угодно Богу и господину папѣ". Князь грозилъ обратить въ пепелъ Ригу и тутъ же обнажилъ было мечъ; ихъ розняла сынъ Мстислава. Владиміръ полоцкій умеръ, когда сбирался въ походъ на Ригу. Съ нимъ прекратилась мысль о всякомъ сопротивленіи; впрочемъ оно становилось безполезнымъ. Теперь съ Меченосцами дѣйствовало Тевтонское братство, призванное просвѣщать пруссовъ оружіемъ и проповѣдями бернардина Христіана, перваго епископа Прусскаго. А когда палъ Царьградъ, то въ Римѣ стали думать о пріобрѣтеніи католицизму и Россіи, гдѣ проповѣдывать когда то предлагали еще св. Бернарду (²).

Отношенія къ Руси.

Съ Иннокентіемъ III неразлученъ сводъ подобныхъ попытокъ. Извѣщая русское духовенство о взятіи Царьграда, Иннокентій съ буллой — „archiepiscopis, episcopis per Ru-

(¹) Такъ называетъ его Карамзинъ, Исторія госуд. Росс. III, 87—90.

(²) Объ этомъ упоминаетъ Длугошъ въ Historia polonica, указывая на письмо краковскаго епископа отъ XII вѣка.

theniam constitutis“ — посылалъ въ Россію кардинала для проповѣдыванія и убѣжденія князей. Указывая на паденіе греческой имперіи, онъ совѣтовалъ русскимъ не сопротивляться и не отпадать отъ единой паствы Христовой ([1]); вся булла написана очень сдержанно и кончается выраженіемъ надежды единенія. Понятно, что такія попытки, обращаемыя къ русскимъ, всегда должны были оставаться безполезными. Также напрасны были усилія Иннокентіева посла убѣдить Романа Мстиславича Галицкаго; князь отвѣчалъ послу указаніемъ на собственный мечъ. Тутъ встрѣтилась съ итальянскимъ искусствомъ сила живаго убѣжденія. Слѣдуетъ замѣтить, что мысль о соединеніи Церквей возникла у Иннокентія еще въ первый годъ его папства. Онъ повторилъ свой маневръ черезъ три года, отправляя кардинала Виталиса въ Россію съ предложеніемъ духовенству и народу перейти въ католичество ([2]). Свои доводы о соединеніи Церквей Иннокентій развиваетъ въ буллѣ къ болгарскому царю ([3]); они весьма обыкновенны. При великихъ преданіяхъ Восточной Церкви они не могли имѣть силы убѣжденія и не давали надеждъ раньше тѣхъ событій, которыми ознаменовалось покореніе Царьграда.

Отношенія къ Сербіи и Далмаціи.

То же сопротивленіе, какое встрѣтилъ Иннокентій въ Россіи, пыталась оказать ему Сербія; но здѣсь не было непреклоннаго хладнокровія и религіознаго единодушія русскихъ князей.—Замыслы Иннокентія простирались на всѣхъ славянъ. Между славянами западными, у чеховъ и поляковъ, крѣпко внѣдрилось католическое вѣроисповѣданіе; въ Чехіи Иннокентій подтвердилъ лишь королевскій титулъ, данный еще Барбароссою Владиславу II. Духъ Иннокентія требовалъ безпрерывной пропаганды. Обстоятельства нѣсколько благопріятствовали ему въ Сербіи.— Мы узнаемъ послѣ, какъ великій объединитель сербской земли Стефанъ Неманя, одолѣвъ старшихъ братьевъ, создалъ крѣпкое православное сербское царство. Сокрушивъ еретиковъ богомиловъ, загнавъ ихъ въ Боснію, онъ уничтожилъ самостоятельность областныхъ жупановъ и обратилъ ихъ въ туземныхъ бояръ. Онъ правилъ до 1195 г.; затѣмъ, вѣнчавъ своего сына Стефана великимъ жу-

([1]) Изъ Витербо, отъ 7 окт. 1207 г. Migne t. CCXV, p. 1232—34; epist. l. X, 138.

([2]) Графъ Д. А. Толстой (Римскій катол. въ Россіи; I, 5—6) на основаніи Hist. Russiae monumenta.

([3]) Migne. CCXV, 277—280.

паномъ, постригся въ монахи и умеръ на Святой Горѣ въ Хиландарской обители въ 1200 г. Младшему сыну Вукану онъ далъ Зету и Хлумъ съ титуломъ великаго князя. Стефанъ и Вуканъ были въ ссорѣ между собою. Король венгерскій, пользуясь ихъ раздорами, отнялъ Боснію и предложилъ папѣ воспользоваться рознею для извлеченія выгодъ католицизму. Вуканъ измѣнилъ своей вѣрѣ и народу; онъ сталъ поддерживать латинство. Онъ заключилъ договоръ съ Андреемъ венгерскимъ (который считалъ себя королемъ Сербіи до 1203 г.), этимъ вѣрнымъ слугою папы, и послалъ въ Римъ просить легатовъ для просвѣщенія Сербіи католицизмомъ. Иннокентій выбралъ двухъ искусныхъ на такое дѣло людей и отправилъ ихъ въ Далмацію, гдѣ собственно правилъ Вуканъ. За нимъ былъ подтвержденъ королевскій титулъ и онъ сдѣлался также ленникомъ римскимъ. Его вездѣ именуетъ Иннокентій: illuster rex Dalmatiae et Diocleae (¹). Архіепископу Діоклейскому былъ посланъ палліумъ. Далмація окончательно закрѣпилась за католичествомъ и скоро сдѣлалась страною полуитальянскою, — послѣ венеціанскаго завоеванія. Отъ политики Иннокентія, начатой еще Григоріемъ VII, много зависѣла историческая судьба этой небольшой области. Тутъ папа не встрѣтилъ такого сопротивленія, какъ на Руси и въ Сербіи. Измѣнившему завѣтамъ отца, Стефану Сербскому Гонорій III даровалъ было въ 1217 г. королевскій титулъ, но всѣ попытки черезъ Далмацію склонить къ себѣ восточную Сербію не принесли успѣха. Скоро св. Сава, братъ Стефана, создалъ устои православной Церкви въ Сербіи и самъ вѣнчалъ Стефана на королевство въ 1222 г., назвавъ его первовѣнчаннымъ, какъ бы презирая папское вѣнчаніе. Здѣсь было рѣшительное сопротивленіе со стороны той религіи, которая если не имѣла духа наступательнаго, то по крайней мѣрѣ была крѣпка въ своемъ охранительномъ началѣ.

Отношенія къ Болгаріи.

Политическіе разсчеты впрочемъ заставили государя другой славянской земли — Болгаріи, царя Іоанна изъ династіи Асеней, временно войти въ унію съ Римомъ, но въ народѣ болгарскомъ латинство не могло пустить корней. Ренегатство проявилось лишь въ высшей сферѣ и было крайне непродолжительно. Для уясненія этихъ отношеній мы должны вернуться нѣсколько назадъ и остановиться на фактахъ исторіи втораго болгарскаго царства. Первое,—благодаря главнымъ образомъ

(¹) Ibid. CCXIV, 280—282. — Майковъ. Ист. серб. языка; 219—220.

ограниченности неудавшихся преемниковъ великаго Симеона (I. 341),—прекратилось въ 1018 г. полнымъ погромомъ Болгаріи и подчиненіемъ ея Византіи, при чемъ усиленная греческая колонизація направилась въ Македонію, Албанію и южную Ѳракію, стараясь смести слѣдъ болгарской національности. Почти 170 лѣтъ Болгарія не существовала, хотя былъ болгарскій народъ. Только съ 1185 г. зародилась мысль о возстановленіи болгарской самостоятельности, о второмъ болгарскомъ царствѣ, имѣющемъ важное значеніе въ послѣдующихъ событіяхъ.

Второе болгарское царство. Братья Асени.

Эту патріотическую мысль осуществили послѣ долгой и геройской борьбы отважные братья: Петръ, Асень и Іоаннъ, носившіе общее имя Асановъ или Асеней, имя, происхожденіе котораго можетъ быть восточное, можетъ быть румынское, а вѣрнѣе всего болгарское ([1]). Младшій братъ съ молодыхъ лѣтъ жилъ въ Византіи, гдѣ учился военному и административному искусству побѣдителей. Старшіе были „жупанами“, властелями своихъ родовъ, хотя греческіе историки съ простодушной злобой считаютъ ихъ пастухами. Они хотѣли поступить на службу къ императору Исааку Ангелу, но ихъ предложеніе было отвергнуто. Это будто еще болѣе озлобило ихъ противъ грековъ. Они сперва призвали свои роды къ возстанію, а потомъ набрали значительныя силы среди вѣчно недовольныхъ, подвижныхъ, но храбрыхъ валаховъ, находившихся еще въ язычествѣ—предковъ нынѣшнихъ румынъ, которые должны были оказать поддержку болгарамъ въ своихъ собственныхъ интересахъ.

Движеніе шло изъ Добруджи. Мало по малу возставшіе утвердились въ восточной части нынѣшней Болгаріи; о Македоніи и Ѳракіи, при тогдашнихъ обстоятельствахъ, братья пока не думали. Скоро къ нимъ прибылъ изъ Византіи младшій, Калоянъ или Іоаннъ, которому судьба опредѣлила прославить домъ Асеней и возстановить болгарское царство. Братья пришли къ мысли раздѣлить отвоеванную Болгарію на удѣлы: въ Прѣславѣ (Силистріи) сѣлъ Петръ, въ Тырновѣ — Асень, въ Провадѣ (Овечъ) — Іоаннъ.

Возстаніе бояръ. Иванъ-Алексѣй.

Византійское правительство поспѣшило по своему обыкновенію, прибѣгнуть къ интригѣ и уже готовилось пожать ея плоды. Оно склонило одного изъ бояръ, Ивана, возстать противъ князей Асеней, которые вообще не щадили своево-

---

([1]) О происхожденіи Асеней подр. у Успенскаго. Второе болгарское царство, 105—108.

лія бояръ. Иванъ обѣщалъ друзьямъ и товарищамъ своимъ возстановить боярскія вольности, т. е. самоуправство, ограниченное князьями. Возстаніе уже удавалось. Асеня былъ убитъ мятежниками; Иванъ овладѣлъ Тырновымъ, но князь Петръ осадилъ его и принудилъ бѣжать въ Византію, гдѣ его немедленно вознаградили за измѣну. Здѣсь Иванъ нашелъ себѣ надлежащее мѣсто; онъ выдвинулся на столько, что вступилъ въ родство съ императорскимъ домомъ, вслѣдствіе чего получилъ царскій титулъ, наименовавъ себя Иваномъ-Алексѣемъ. Оказалось, что новый царь слишкомъ поторопился. Ему поручено было отъ императора усмирить возстаніе болгаръ, для чего предоставлена была большая военная сила вмѣстѣ съ постомъ филиппопольскаго губернатора. Но онъ не могъ вновь склонить подъ ярмо своихъ соотечественниковъ. Хотя князь Петръ былъ вскорѣ убитъ измѣнниками, болгаре не теряли энергіи.

Царь Іоаннъ Асеня († 1210 г.).

У нихъ остался самый энергичный дѣятель и вождь, младшій Асеня, Іоаннъ. Онъ крѣпко взялъ въ руки единоличную власть, завелъ сношенія съ западными болгарами и скоро всѣ пограничныя области охватило возстаніе. Конецъ XII вѣка застаетъ Болгарію увлеченною единодушнымъ патріотическимъ порывомъ.

Молодой и увлекающійся „царь“, какъ титуловалъ себя Іоаннъ, готовъ былъ на все для осуществленія своего политическаго идеала; онъ готовъ былъ войти въ сдѣлку съ римскимъ первосвященникомъ, заключить унію, пожертвовать всѣмъ, чтобы добыть только право считаться въ ряду самостоятельныхъ государей. Вѣроятно въ Римѣ провѣдали о такомъ настроеніи отважнаго честолюбца и спѣшили воспользоваться благопріятнымъ случаемъ. Славянинъ самъ шелъ въ римскія сѣти. Переписка Иннокентія III съ Іоанномъ начинается съ 1199 г. Очевидно, царь прежде чѣмъ рисковать войною запасался могущественными союзниками, хотя дѣйствовалъ очертя голову.

Попытки уніи въ 1199 г.

Изъ сохранившихся документовъ видно, что сношенія завязаны были самимъ папою. Онъ съ ловкостью итальянскаго дипломата счелъ нужнымъ польстить „варвару“. Онъ открылъ „римское“ происхожденіе его династіи. Для Іоанна это было весьма цѣнное сообщеніе; онъ могъ упрочить свой домъ на западныхъ основахъ.

— „Услышавъ, что предки твои, пишетъ папа, проис-

ходятъ изъ благороднаго племени римскаго и что ты унаслѣдовалъ отъ нихъ и чистоту крови и искреннюю преданность, которую ты питаешь къ римскому престолу, какъ бы по наслѣдственному праву, еще прежде вознамѣрились послать тебѣ грамоты и пословъ (1)". Неизвѣстно что отвѣчалъ царь, но онъ былъ польщенъ и далъ вѣроятно просторъ католической пропагандѣ. Впрочемъ военныя приготовленія отвлекли его отъ уніи съ Римомъ.

Война за освобожденіе болгаръ.

Весною 1201 г. Іоаннъ началъ войну. Она была необыкновенно счастлива для болгаръ. Занявъ выгодную позицію между Филиппополемъ и Адріанополемъ, царь болгарскій бросился на Варну, хорошо укрѣпленную греками при помощи итальянцевъ. Въ три дня крѣпость была взята. Это было въ страстную субботу. Всѣхъ плѣнниковъ Іоаннъ, не стѣсняясь святостью дня, велѣлъ бросить въ ровъ и заживо похоронить (2).

Императоръ Алексѣй Ангелъ поспѣшилъ заключить миръ и уступилъ побѣдителю, какъ можно полагать, всю забалканскую Болгарію. Этимъ онъ признавалъ начало втораго самостоятельнаго царства Болгарскаго. Формально же оба государя обязались быть въ дружбѣ.

Сношенія Иннокентія III съ Іоанномъ.

Но Іоанну этого было недостаточно. Успѣхи окрылили его. Его манила честолюбивая мысль провозгласить себя императоромъ, равнымъ Византійскому. Онъ хотѣлъ имѣть свою автокефальную Церковь. Всего этого нельзя было получить изъ Царьграда. Онъ не стѣснился обратиться въ Римъ, откуда уже разъ послѣдовало любезное обращеніе. Царь осенью 1202 г. вошелъ въ переписку съ Иннокентіемъ III. Онъ просилъ у папы корону и за нею отправилъ болгарскаго священника Власія; Іоаннъ полагалъ, что такъ поступали прежніе цари Петръ, Самуилъ и другіе, желая тѣмъ оправдать свои заискиванія. Съ той же просьбой обратился и архіепископъ тырновскій Василій. Но папа не думалъ дешево предлагать свои услуги. Онъ прямо потребовалъ уніи, т. е. признанія своего главенства. Препровождая архіепископу Василію палліумъ, Иннокентій увѣщеваетъ его „признать власть

---

(1) Въ изд. Theiner, ep. 18. Въ извлеченіи у Успенскаго, 112.

(2) Такъ сообщаетъ враждебный болгарамъ, греческій историкъ Никита Акоминатъ.

и первенство апостольскаго престола — Magisterium et Primatum sedis Apostolicae— твердо стоять въ преданности намъ и Римской Церкви, дабы тѣ, которые произошли отъ римлянъ, слѣдовали учрежденіямъ Римской Церкви (¹)".

Такъ дорого для болгарскаго царя должно было обойтись удовольствіе считаться въ родствѣ съ „римлянами". Подобно германскимъ старымъ кунингамъ, приходилось разрывать всякую связь съ прошлымъ.

Іоаннъ находилъ цѣну союза очень дорогою. Онъ не отказывался быть „рабомъ Рима", добровольно надѣвалъ на себя узы, но просилъ императорскаго титула и особаго патріархата, прибавляя что таковыя предложенія ему были уже сдѣланы греками (²). Онъ послалъ архіепископа за посвященіемъ въ Римъ, но путешествіе Василія не удалось. Тѣмъ не менѣе тырновская каѳедра была объявлена приматствомъ. Но все это было не то, чего домогался честолюбивый царь, уже измѣнившій завѣтамъ прошлаго. Онъ просилъ патріархата съ правомъ самостоятельнаго посвященія и избранія высшихъ іерарховъ, настаивалъ на дозволеніи варить въ Тырновѣ св. мvро, а для себя просилъ императорской короны и приглашалъ прислать кардинала для совершенія коронаціи.— „Если все это будетъ исполнено, клялся царь, *то я съ потомствомъ моимъ и со всѣми грядущими поколѣніями болгаръ* и валаховъ буду считать себя возлюбленнымъ сыномъ св. Римской Церкви" (³).

Подчиненіе Болгаріи Риму въ 1204 г.

Наконецъ, желанія болгарскаго царя исполнились. Папа въ ноябрѣ 1204 г. прислалъ полномочнаго легата въ Тырново, кардинала Льва. Онъ долженъ былъ короновать „Кало-іоанна" въ „короли", но за это взять отъ него и отъ высшаго духовенства письменную присягу на вѣрность и послушаніе Риму. Василію было растолковано, что примасъ и патріархъ одно и тоже, что св. мvро впредь могутъ варить въ Тырновѣ, но что бывшіе священники-схизматики теперь же должны быть вновь помазаны мvромъ въ знакъ своего очищенія.

(¹) Theiner, ep. 29.

(²) Migne; CCXV, 155 (VI, 142). Theiner, 36.

(³) Theiner; ep. 46.

Но кажется самого Іоанна не убѣдили что „rex“ и „imperator“ также одно и то же. По крайней мѣрѣ, онъ не чувствовалъ себя вполнѣ удовлетвореннымъ.

Легатъ ласково принятъ при дворѣ ренегата. 8 ноября 1204 г. совершилась коронація и заключено условіе между Римомъ и Болгаріей. Царь, принимая спорные догматическіе пункты, подчиняясь Иннокентію, не давалъ однакоже большихъ правъ Риму въ своихъ внутреннихъ дѣлахъ, устраняя тутъ всякое вмѣшательство. Но онъ за то обязался всѣ земли, которыя впредь отойдутъ къ Болгаріи, языческія или христіанскія, обращать въ католичество. Черезъ недѣлю легатъ выѣхалъ въ обратный путь съ благодарственнымъ письмомъ отъ царя, который, упорно отстаивая свое, подписался: „Imperator Bulgariae Calojoannes“. Между Болгаріей и Римомъ при Иннокентіи III были частыя сношенія ([1]), но о полномъ измѣненіи болгарскаго народнаго исповѣданія нельзя было думать; весь ходъ дѣла былъ обусловленъ событіями въ судьбахъ Латинской имперіи въ Константинополѣ. Съ политической точки правильнѣе смотрѣть на унію, хотя тѣмъ не менѣе нельзя не отнести паденіе византійскаго церковнаго авторитета въ Болгаріи, хотя бы то было и временное, къ недостатку дѣятельности и просвѣщенія въ восточномъ духовенствѣ.

Отношенія къ Арменіи. Другія страны, какъ Арменія, подчинялись Иннокентію помимо всякой пропаганды. Въ 1202 г. прибыло въ Римъ посольство отъ армянскаго князя Льва. Послы говорили, что вѣра ихъ во всѣхъ существенныхъ пунктахъ сходится съ Римской, но прибавляли, что на это не смотрятъ „подданные папы“. Жаловались, что крестоносцы, владѣтели Палестины и Антіохіи, для нихъ хуже самыхъ невѣрныхъ, что они оказываютъ всякое противодѣйствіе христіанскому дѣлу и только одни Тампліеры честно исполняютъ свое назначеніе; лишь они помогаютъ иногда армянамъ въ борьбѣ съ мусульманами и, что при такомъ разладѣ, дѣла не могутъ хорошо идти на Востокѣ ([2]). Владѣтелю Арменіи въ знакъ вниманія папы

([1]) Всѣ подр. въ Gesta c. 65, 70—77, 80 и въ Epist. VII, 1—14, 126; 137, 230, 231.

([2]) Reg. Inn. CCCXIV, 819. — Rohde. K. Leo II von Kleinarmenien. G. 1869.

данъ титулъ короля. Католикосъ армянскій также писалъ отъ себя папѣ и получилъ отъ него священныя одежды.

Такъ широко осуществлялись чуть не фантастическіе замыслы папства. Въ личности Иннокентія III идеалъ католицизма достигаетъ высшаго разцвѣта. Мечтанія честолюбивѣйшихъ первосвященниковъ, мечтанія самыя смѣлыя и, казалось, самыя неисполнимыя, получили осуществленіе. Голосъ Римской куріи громко и повелительно раздается не только съ одного конца Европы до другаго, но слышится въ Азіи. Народы, не имѣвшіе между собою ни племеннаго, ни культурнаго сродства, рабски склоняются передъ волею человѣка, въ рукахъ котораго нѣтъ никакой физической силы, который не располагаетъ ни однимъ воиномъ, который уже по положенію своему не можетъ прибѣгнуть къ мечу. Точно околдованные этою магическою волею, колѣнопреклоненные народы съ ихъ вождями исполняютъ велѣнія римскаго монаха. Иннокентій III остался вѣренъ себѣ всю жизнь; онъ никогда не думаетъ о себѣ, о выгодахъ своего дома, объ увеличеніи непосредственно папскихъ владѣній. Онъ думаетъ о мірѣ и въ этихъ стремленіяхъ вездѣ водворить духовный авторитетъ нѣтъ предѣловъ его дѣятельности. Англія, Аррагонія, Венгрія, Арменія, Болгарія увеличили собою тотъ длинный списокъ римскихъ ленниковъ, которымъ кичатся папы и который находится въ Ватиканской библіотекѣ, какъ ея горделивѣйшее украшеніе ([1]).

Его открываетъ рядъ королей, за ними—князья, графы, епископы, города, бароны....

Въ этомъ длинномъ спискѣ вассаловъ римскихъ выразилось торжество духовной идеи и политическаго искусства. Могущество католицизма достигло своего апогея. Это была могущественнѣйшая имперія, управляемая духовнымъ авторитетомъ, имперія, которая въ милліонахъ своихъ подданныхъ считала имена государей.

([1]) Подъ № 3535, см. Gregorowius. Rom. im Mittelalter; V, 102.

2) Четвертый крестовый походъ и Латинская имперія въ Византіи.

Мы пытались представить общую картину дѣятельности папы Иннокентія III по отношенію къ западной Европѣ. Но не одинъ Западъ привлекалъ на себя вниманіе этого первосвященника. Восточная имперія, державшаяся особаго религіознаго обряда, издавна обращала на себя завистливый взоръ римской куріи. Но впродолженіи двухъ, даже трехъ столѣтій не было удобнаго момента, чтобы снова объединить Востокъ съ Западомъ въ религіозномъ отношеніи. Правда, крестовые походы возбуждали нѣкоторыя надежды на соединеніе, но всегда недоразумѣнія устранялись и греки такъ или иначе оказывали содѣйствіе крестоносцамъ, спѣша переправить ихъ въ Азію. Болѣе выгодныя условія для объединенія Востока съ Западомъ настали въ началѣ XIII столѣтія. Иннокентій желалъ возвращенія Іерусалима изъ рукъ невѣрныхъ съ одной стороны и извѣстнаго компромисса, такой сдѣлки, которая умиротворила бы Церкви, — съ другой. Хотя обстоятельства въ то время были равно благопріятны для того и другаго дѣла, но онъ никогда не желалъ, чтобы греки платились своимъ имуществомъ, даже своею жизнію за корыстолюбивые замыслы крестоносцевъ (1).

(1) Обращаясь къ исторіи Латинской имперіи, мы укажемъ источ-
ники, которые служатъ для изученія этой эпохи. Эти источники принад-
лежатъ къ двумъ категоріямъ: одни западные, другіе восточные. Въ числѣ
первыхъ главное мѣсто занимаетъ обширная переписка папы Иннокентія III
съ различными лицами о новомъ (четвертомъ) крестовомъ походѣ. Пере-
писка Иннокентія III имѣла нѣсколько изданій (Балузія, Минья и др.), о
чемъ было говорено въ своемъ мѣстѣ.—Между греками первое мѣсто занима-
етъ Никита Акоминатъ или Хоніатъ, названный такъ по мѣсту сво-
его рожденія въ городѣ Хонѣ (Колоссеяхъ) во Фригіи. Получивъ воспитаніе
въ Константинополѣ, онъ занималъ впослѣдствіи различныя важныя долж-
ности и достигъ наконецъ званія логоѳета (канцлера). Въ эпоху взятія
Константинополя латинами Никита находился въ столицѣ, едва успѣлъ
спастись и удалился въ Никею, гдѣ и провелъ остатокъ жизни, посвятивъ
себя описанію плачевныхъ событій, которыя ему пришлось пережить. Никита

Византія въ концѣ XII вѣка.

Прежде чѣмъ приступить къ изложенію исторіи латинской имперіи, бросимъ взглядъ на Византію, передъ завоеваніемъ ея крестоносцами. Тогда въ ней царили Комнены. Начиная со времени Юстиніана Византія переживаетъ однообразную судьбу при всѣхъ династіяхъ. Всегда Византія нахо-

оставилъ послѣ себя большую хронику, Ἱστορία, которая обнимаетъ періодъ византійской исторіи въ 1118—1206 г. (О ней подробнѣе см. въ «Очеркѣ средневѣковой Исторіографіи», стр. 81—84). Какъ бы въ дополненіе этой хроники Никита написалъ особый трактатъ Περὶ Κωνσταντινουπόλεως, гдѣ онъ описываетъ памятники древняго искусства, которыми были украшены площади Византіи до завоеванія ея латинами и которые погибли отъ варварства побѣдителей. Исторія Никиты Хоніата издана въ сборникѣ Нибура (t. 48 — Corpus scriptorum historiae Byzantiae). Она переведена на русскій языкъ два раза. Для изученія этого писателя мы имѣемъ критическую монографію г. Успенскаго, вышедшую въ 1874 году. Никита Хоніатъ пишетъ для всѣхъ, сколько для образованныхъ, столько для массы; онъ пишетъ просто, ясно, но не безпристрастно, потому что онъ заинтересованъ въ событіяхъ. Сочиненіе его пополняетъ значительный пробѣлъ въ византійской исторіи, которая не богата для второй половины XII вѣка. Онъ весьма высоко цѣнитъ исторію. Но Никита относится къ исторіи съ дидактизмомъ; онъ видитъ въ событіяхъ уроки для современниковъ. По отношенію къ завоевателямъ его родины онъ, понятно, слишкомъ раздраженъ, чтобы могъ простить имъ ихъ истребительную систему. «Проклятые латины», такъ выражаетъ онъ свое негодованіе противъ завоевателей, «считая нашу землю раемъ, стараются строить козни противъ насъ и успѣли въ этомъ». Никита вѣритъ въ сверженіе этой чужеземной власти; но онъ далеко не дожилъ до того: онъ умеръ въ 1218 году, когда на греческой почвѣ продолжала господствовать латинская власть. Для позднѣйшей византійской исторіи укажемъ на Никифора Грегораса, исторія котораго обнимаетъ время 1204—1359 г. (см. Очеркъ среднев. ист. 84). Затѣмъ надо вспомнить Георгія Пахимера, который считается талантливымъ писателемъ и который спеціально изложилъ намъ царствованіе Михаила — перваго Палеолога, свергнувшаго въ 1261 году чужеземную власть.

Первый по времени и первый по значенію историческій памятникъ для даннаго вопроса даетъ Франція. Жоффруа де Вильгардуэнъ (Geoffroy de Ville-Hardouin), одинъ изъ участниковъ латинскаго завоеванія, маршалъ Шампаньи, получившій по завоеваніи въ управленіе значительную провинцію Романію (Румелію), оставилъ намъ свои мемуары за 1198—1205 г. Онъ жилъ около 1150—1218 г. Во время похода и осады Византіи Жоффруа принималъ участіе во всѣхъ важныхъ дѣлахъ, а потому хорошо зналъ происходившее въ лагерѣ; но, какъ участникъ движенія, онъ заставляетъ критически относиться къ его словамъ. Его мемуары от-

дилась въ соприкосновеніи съ славянскими народами, жившими на Балканскомъ полуостровѣ. Къ XIII вѣку среди этихъ славянскихъ земель выдвигаются царство Сербское гдѣ процвѣтаетъ династія Неманичей, и царство Болгарское, гдѣ царствуетъ могущественный и честолюбивый Іоаннъ Асепя. Между

личаются полнотою изложенія и весьма важны для пониманія нравовъ и обычаевъ того времени (Подробнѣе въ ст. Natalis de Wailly въ предисловіи къ изд. и въ Очеркѣ среднев. Исторіогр. 35). Они написаны на старо-французскомъ языкѣ. Лучшія изд. Ducange (1657) и Natalis de Wailly (2 éd. 1874).—Остальные записные историки писали по-латыни; ихъ лѣтописи служатъ источниками крестовыхъ походовъ вообще. Такъ Вильгельмъ Тирскій написалъ Belli sacri historia, которая обнимаетъ собою время крестовыхъ походовъ отъ ихъ начала до 1184 года; исторію Вильгельма Тирскаго продолжилъ до 1229 г. Эрнуль; до 1231 г., а можетъ быть и до 1230 г. велъ ее сотрудникъ императора Фридриха II, его казначей Бернардъ; неизвѣстное лицо, или нѣсколько лицъ одно за другимъ довели хронику до 1275 года. Эта хроника помѣщена въ ново-французскомъ переводѣ въ коллекціи Гизо, т. XIX. Обыкновенно все продолженіе отъ 1184 до 1250 приписываютъ Бернарду. — Изъ англійскихъ лѣтописцевъ укажемъ на Рожера Вендовера; его лѣтопись доведена до 1240 года.

Интересно, что судьбы византійской имперіи нашли отголосокъ въ нашихъ лѣтописяхъ, которыя извергаютъ всевозможныя проклятія на еретиковъ; можно указать на новгородскія лѣтописи, помѣщенныя въ полномъ собраніи русскихъ лѣтописей въ III т. Отдѣльно изданы Яковлевымъ — Сказанія о Царѣградѣ, (П. 1868) по древнимъ рукописямъ съ варіантами. Эти сказанія слѣдующія: объ основаніи Цареграда, объ осадѣ его персами, о взятіи латинами, о покореніи турками. Здѣсь интересно наблюдать, какъ событія византійской исторіи отражались въ умахъ русскихъ лѣтописцевъ, очевидно интересовавшихся судьбами Византіи. Понятно, вслѣдствіе безграмотности, имена извращены до того, что дѣлаются неузнаваемыми. Такъ, въ сказаніи о взятіи Константинополя латинами, читаемъ: «Се же бяше воеводы Фрягомъ: первый Маркосъ отъ Рима изъ града Берны (это никто другой какъ маркграфъ Монферратскій Бонифацій) идѣже бѣ жили поганый и злый Дедрикъ (Теодорикъ Великій), вторый же Кондофъ Фладръ (Балдуинъ графъ Фландрскій), третіи же именемъ Доужъ отъ Маркова острова Венедиктъ» (дожъ Венеціи Генрихъ Дандоло) и пр. При этомъ ослѣпленіе дожа приписывается «царю Мануилу».

Источники лѣтописные собраны въ академическомъ изданіи: Recueil des historiens des Croisades (3 f. P. 1859—75, hist. occidentaux, hist. grecs, hist. orientaux); Вильгардуэнъ сверхъ того въ цѣнномъ изданіи: Histoire de Constantinople sous les empereurs français par Ducange (P. 1657, въ 1 ч.), при чемъ вторая имѣетъ предметомъ — Histoire générale de ce que les Français et les Latins ont fait de plus memorable dans l'Empire de Constantinople, а въ концѣ ея документы интересные для исторіи ла-

этими двумя славянскими народами, изъ которыхъ одинъ хотѣлъ поглотить другой, происходитъ постоянная борьба, которая и была существенною причиной продолжительнаго существованія Византіи. Столицу гарантировало ея топографическое положеніе, а прочности имперіи содѣйствовалъ механизмъ

тинской имперіи скомпонованы въ «Recueil des diverses Chartes».—Отрывочныя свѣдѣнія даютъ слѣдующіе современные итальянскіе лѣтописцы: Richardus de S. Germano (до 1243, Muratori; VII, 963—1052), Sicardus episcopus Cremonensis (до 1215, Mur. VII, 521—626), Otto de S. Blasio (до 1223, Mur. VI, 865—910) Annales Genuenses (l. IV—VI, составленные Огеріемъ Панисомъ, Маркизіемъ, Бартоломеемъ, Mur. VI, 300 — 380). Изъ нѣмецкихъ—Annales Colonienses maximi (до 1237 г.) et minimi до 1206 г. (Pertz; XVII и въ XII томѣ Fontes rerum austriacarum W. 1856) главнымъ образомъ по отношенію къ венеціанскому вмѣшательству. Документы и письма съ французской стороны въ XVIII т. Bouquet подъ редакціей Бріаля.—Для исторіи Венеціи, кромѣ основной хроники Іоанна Діакона, относящейся къ болѣе раннему періоду и доведенной до 1008 г. (Pertz; VII, 4—38) существенная — Martino da Canale до 1275 (Archivio storico italiano 1845; VIII, 267—766). Разборъ источниковъ въ монографіяхъ: Michaud (Bibliographie des Croisades, 2 vls. P. 1822), Klimke (Die Quellen zur Gesch. des IV Kreuzzuges. Br. 1875), Hopf, труды котораго (Griechenlands Geschichte, въ 85 и 86 т. Энцикл. Эрша и Грубера L. 1867) направлены противъ славянской теоріи Фальмерайера о заселеніи средневѣковой Греціи, Finlay (A history of Greece, v. IV, Oxf. 1877). Изъ пособій, кромѣ уже названныхъ въ первомъ томѣ старыхъ сочиненій Гиббона, Геллера, Функа, Шпитлера, Мишо, Вилькена, Ле-Бо, Сегюра и прежнихъ византологовъ, русской монографіи Медовикова (Латинскіе имп. въ Конст. М. 1849), разобранной въ свое время Грановскимъ, популярнаго соч. Куглера (G. der Kreuzzüge. B. 1880 въ колл. Онкена),—новый свѣтъ пролили на вопросъ статьи графа Riant: Inn. III, Philippe de Souabe et Boniface de Montferrant (Revue des questions histor. 1875, t. XVII, XVIII и отдѣльно; тамъ же письмо N. de-Wailly), Des dépouilles religieuses enlevées à Constantinople au XIII siècle par les Latins (Mém. de la Soc. des Ant. 1875 и отдѣльно) и обширное его же изданіе—Exuviae Sacrae Constantinopolitanae (P. 2 vls. 1876), также Le changement de direction de la IV croisade (R. des quest. hist. 1878), Hanotaux, Les vénitiens ont-il trahi la chrétienté en 1202, написанныя въ защиту Венеціанской республики (P. 1877) и Streit (Beiträge zur G. des IV Kreuzz. A. 1877). Для исторіи Венеціи старое соч. Daru и новыя Galibert и Romanini. Для славянскихъ отношеній русскія монографіи Макушева (Болгарія въ концѣ XII и въ началѣ XIII в. въ Варш. Ун. Изв. 1872) и Успенскаго (Образованіе втораго Болгарскаго царства. Од. 1879). Случайно касающіяся вопроса замѣтки разсѣяны въ Historische Zeitschrift, напр. по поводу трудовъ Ріана и Климке (XXXVI, 500), изданія Регестъ (Pothast. Reg. pont. Rom. 1873; XXXI, 171) и пр..

администраціи, унаслѣдованный отъ Рима, тотъ механизмъ, который опирался на письменное право и централизацію. Наконецъ, одна изъ причинъ долгаго существованія имперіи заключалась въ религіозномъ объединеніи всего греко-восточнаго міра подъ знаменемъ православія. Это были положительныя условія существованія Византіи. Но внутренній бытъ государства былъ въ страшномъ разложеніи. Дворъ находился въ рукахъ женщинъ. Къ этому присоединялся произволъ чиновниковъ, монополія крупныхъ фамилій въ торговлѣ и собираніи налоговъ и вражда религіозныхъ партій. Западъ не имѣлъ понятія о столькихъ ересяхъ, которыя явились на византійской почвѣ. XII вѣкъ былъ лучшею эпохою Византійской исторіи: императоры счастливо отражали внѣшнихъ враговъ и смиряли внутреннія крамолы. Но весь этотъ успѣхъ основывался на личностяхъ правителей. То были Алексѣй I Комненъ и два его преемника Іоаннъ и Мануилъ, умершіе въ 1180 году. Достаточно было нѣсколько лѣтъ по смерти Мануила, чтобы язвы византійскаго общества обнаружились вполнѣ и сдѣлали понятною легкость завоеванія имперіи латинянами.

Императоръ Андроникъ I (1183-1185 г.).

На престолѣ византійскомъ мы видимъ человѣка, сидѣвшаго въ тюрьмѣ, прошедшаго всѣ ступени общественнаго положенія отъ низкаго преступника до императорскаго престола. Андроникъ, хотя и принадлежалъ къ династіи Комненовъ, но незаконно, силою и преступленіями овладѣлъ престоломъ.

Мануилъ, передавая престолъ малолѣтнему своему сыну Алексѣю II, надѣялся, что Андроникъ поддержитъ своего племянника и будетъ его надежнымъ опекуномъ; но на дѣлѣ вышло не то. Андроникъ вѣроятно убилъ Алексѣя, когда тотъ очутился въ его рукахъ, и самъ воцарился, устранивъ законнаго императора. Нѣкоторые историки, не смотря на эти преступленія, видятъ и симпатичныя черты въ дѣятельности Андроника—строгость къ продажнымъ чиновникамъ, къ казнокрадамъ, любовь къ народу. Но нельзя полагать, чтобы эти стремленія были присущи Андронику; скорѣе они были случайными явленіями. Чтобы изобразить ту кровожадность, съ какою онъ истреблялъ всѣхъ, которые его ненавидѣли, или могли уличить, достаточно указать на то, что недѣля, въ которую онъ, будучи императоромъ, не пролилъ крови,

называлась „временемъ счастливыхъ дней“ лѣтописцами его жизни. Андроникъ не могъ долго править государствомъ и чрезъ два года былъ лишенъ престола негодовавшимъ народомъ, схваченъ въ театрѣ, растерзанъ и въ заключеніе повѣшенъ за ноги между двумя колоннами, на верху которыхъ были прицѣплены волкъ и свинья.

Новый императоръ Исаакъ, изъ династіи Ангеловъ, только по женской линіи связанный съ Комненами, держался другой политики, менѣе національной. При немъ цѣлыя улицы въ Византіи были полны иностранцами,—венеціанцами, генуэзцами, пизанцами, которые жили въ Византіи съ торговою цѣлью и пользовались огромными привилегіями. Они никогда не прерывали связи съ своей родиной, усердно колонизировали Царьградъ и можно было предвидѣть, что черезъ 30 или 40 лѣтъ Византія сама собою сольется съ Западомъ. Византіи нужно было придать новую силу и жизнь; западные выходцы приносили съ собою эти новые взгляды на вещи и новыя симпатіи. Выходило такъ, что Исаакъ Ангелъ, который опирался на эту иностранную партію въ Византіи, въ сущности дѣйствовалъ весьма исторично, но и въ немъ, во всякомъ случаѣ, продолжала таиться подозрительность и ненависть къ крестоносцамъ. Онъ ревниво смотрѣлъ, какъ новыя толпы крестоносцевъ съ Запада проходили чрезъ его владѣнія въ Палестину, какъ каждая изъ этихъ проходившихъ партій оставляла слѣды своего пребыванія въ Византіи. Надо замѣтить, что Исаакъ Ангелъ чуть было не погубилъ Барбароссу и только великодушіе послѣдняго отстранило возможность непріятнаго и страшнаго столкновенія. Третій крестовый походъ не принесъ, какъ извѣстно, рѣшительныхъ результатовъ. Филиппъ Августъ вернулся во Францію; Барбаросса погибъ во время переправы чрезъ Каликадну въ Малой Азіи. Оставался Ричардъ, король англійскій, который не могъ овладѣть Іерусалимомъ и подъ конецъ опять пріѣхалъ въ Европу (*Ист. ср. вѣковъ*; I, 590—591).

Династія Ангеловъ: Исаакъ (1185-1195 г.).

Необходимо замѣтить, что въ концѣ XII вѣка среди христіанъ Европы, которые въ то время болѣе жили чувствомъ, нежели умомъ, послѣ значительнаго отдыха, снова возбуждается религіозное чувство, желаніе спасти своихъ единовѣрцевъ. Въ этотъ самый моментъ вступилъ на папскій престолъ Иннокентій III. Его завѣтною мыслію было снова

возбудить крестовое движеніе. Но судьба сыграла съ нимъ злую шутку; онъ никакъ не думалъ, что крестоносцы опозорятъ себя „измѣной“ и обратятъ свое оружіе на истребленіе христіанъ.

Приготовленія къ IV крестовому походу.

Нѣтъ основаній сомнѣваться, что лучшею мыслію Иннокентія III при его вступленіи на папскій престолъ была организація крестоваго предпріятія, которому, казалось, обстоятельства благопріятствовали, такъ какъ сыновья Саладина, раздѣлившіе по смерти отца его обширное государство, постоянно ссорились между собою и станъ невѣрныхъ представлялся безсильнымъ. Иннокентій составилъ планъ новой крестовой экспедиціи. Онъ назывался — „Expiditionis pro recuperanda terra sancta ordinatio“. Въ видахъ освобожденія святой земли отъ невѣрныхъ, Иннокентій III дѣлалъ обязательнымъ для каждаго католика участіе въ походѣ на Востокъ, участіе или личное или посредствомъ пожертвованій. Папа предлагаетъ королямъ и баронамъ, городскимъ и сельскимъ общинамъ, чтобы всѣ тѣ, которые сами лично не отправятся на помощь святой землѣ, поставили соотвѣтственное число воиновъ и взяли на себя необходимые расходы на три года, во отпущеніе грѣховъ даже тѣмъ, кто будетъ строить корабли. „Мы сами и наша братія кардиналы будемъ вносить десятую часть въ продолженіе трехъ лѣтъ, возвѣщаетъ папа всему Западу. Мы постановили, чтобы и остальные клирики, какъ подчиненные, такъ и прелаты представляли въ теченіе трехъ лѣтъ двадцатую часть церковныхъ доходовъ. Мы даемъ особенныя преимущества крестоносцамъ со времени ихъ отправленія въ походъ; они пользуются освобожденіемъ отъ всѣхъ налоговъ; кромѣ того назначаются еще особые защитники для наблюденія за цѣлостью и неприкосновенностью ихъ имуществъ. Если кто нибудь замыслитъ противъ нихъ злое, то будетъ судимъ церковнымъ судомъ, а если заимодавцы задержатъ кого нибудь изъ крестоносцевъ, принуждая внести клятвенно утвержденные проценты, то Церковь предписываетъ съ такою же строгостью заставлять таковыхъ отказаться отъ данной имъ клятвы. „Хотя на различныхъ соборахъ вообще запрещали турниры подъ угрозою извѣстныхъ наказаній, но „такъ какъ въ нынѣшнее время они служатъ большимъ препятствіемъ крестоносному дѣлу“, то папа запрещаетъ ихъ строжайше на три года подъ страхомъ отлученія“. Такъ

какъ для исполненія такого предпріятія въ особенности необходимо, чтобы князья и христіанскіе народы сохраняли миръ, то мы постановили, чтобы по крайней мѣрѣ въ теченіе четырехъ лѣтъ сохранялся всеобщій миръ на всей землѣ христіанской. Кромѣ церковной власти на нарушителей этого мира призывается свѣтская власть. Отпущеніе грѣховъ даруется всѣмъ, кто какимъ либо образомъ поможетъ крестовому дѣлу".

Фульконъ и его проповѣдь.

Изъ всего этого можно видѣть, какъ любовно, какъ горячо относился къ новому крестовому подвигу Иннокентій. Роль провозвѣстника новой священной войны онъ возложилъ на французскаго священника Фулькона Нейльи, ибо слава о пламенныхъ проповѣдяхъ, святости и чудесахъ послѣдняго разнеслась по всѣмъ католическимъ землямъ и дошла до Иннокентія. Описаніе проповѣдей Фулькона и громаднаго вліянія, какое производилъ онъ на массы, находимъ у лѣтописца этого времени Якова, епископа Витрійскаго. Не разъ случалось что толпа сдавливала проповѣдника невыносимымъ образомъ, и онъ билъ палкой тѣхъ, которые приставали къ нему; онъ боялся погибнуть отъ экзальтированнаго выраженія чувствъ своихъ многочисленныхъ поклонниковъ, которыхъ безъ всякихъ околичностей билъ посохомъ. Тѣ, которые страдали отъ его ударовъ, не оскорблялись и не роптали въ избыткѣ своего благочестія и, увлеченные фанатизмомъ, цѣловали собственную кровь, „какъ освященную Божіимъ человѣкомъ". Господь исполнялъ его слова такимъ авторитетомъ и такою благодатью, что магистры и схолары, т. е. студенты города Парижа записывали за нимъ его рѣчи, но слова не имѣли уже столько силы въ устахъ другаго и не были столь плодотворны при своемъ повтореніи ([1]). Съ неутомимой ревностью онъ проповѣдывалъ походъ, и въ этомъ ему сильно помогали лучшіе ученики парижскаго университета, прославившіеся послѣ, какъ ученые, кардиналы и государственные люди.

Крестъ приняли Бонифацій—маркграфъ Монферратскій, Балдуинъ—графъ Фландрскій, Симонъ Монфоръ—тотъ самый, который позже игралъ главную роль въ Альбигойскихъ войнахъ и многіе другіе.

([1]) Jacobus de Vitriaco. Historia orientalis; l. III. Этотъ интересный для изученія эпохи памятникъ переведенъ въ XXII т. коллекціи Guizot и въ отрывкахъ въ III т. у Стасюлевича.

Вражда греков и латинян. Крестоносцы никакъ не предполагали, что они останутся въ Византіи и „искупаются не въ крови невѣрныхъ, а въ крови христіанъ“ и въ вознагражденіе получатъ куски греческой имперіи. Иннокентій могъ думать объ этомъ менѣе, чѣмъ кто нибудь другой. Правда, латинскіе крестоносцы всегда враждовали съ греками. Католики презирали грековъ за ихъ слабость, за лицемѣріе — это качество слабыхъ,—и считали ихъ виновниками ересей. Въ свою очередь греки по прежнему называли латинянъ варварами и, по словамъ современника, считали ихъ не людьми, а собаками, пролить кровь которыхъ ничего не значитъ. По словамъ Балдуина (изъ его письма къ Иннокентію III): laicos omnes non hominum nomine dignabatur, ses canum, quorum sanguinem effundere, pene inter merita reputabant. Греки уживались скорѣе съ мусульманами, чѣмъ съ такъ называемыми франками. На улицахъ своихъ городовъ они нерѣдко защищали мусульманъ отъ мечей крестоносцевъ. Таково было враждебное настроеніе обоихъ народовъ, близкое къ взрыву.

Крестоносцы рѣшились отправиться въ Палестину моремъ, такъ какъ прежніе походы доказали неудобство сухопутныхъ экспедицій, но у нихъ не было кораблей. Мы говорили, что на Западѣ всѣ сословія и всѣ народы были возбуждены идеей крестоваго похода, кромѣ тѣхъ, которые жили не идеалами, а руководились практическимъ смысломъ, всѣ, кромѣ торговыхъ итальянскихъ республикъ, для которыхъ каждый крестовый походъ былъ выгодной спекуляціей. Такъ какъ въ то время Генуя и Пиза вели между собой кровавую войну, то крестоносцы, для заключенія договора о перевозкѣ, обратились къ Венеціи, что дало всему дѣлу совершенно неожиданный оборотъ.

Венеція: ея начальная исторія. Здѣсь мы должны прервать наше изложеніе и перенестись на лагуны Адріатики, чтобы познакомиться съ главными фактами прошлой жизни Венеціи, которой надлежало играть не только такую важную роль въ судьбахъ четвертаго крестоваго похода и въ исторіи Византійской имперіи, но которая вообще получила такое вліятельное мѣсто въ исторіи всемірной.

Основаніе Венеціанской республики относится къ начальному періоду среднихъ вѣковъ. Одинъ изъ первыхъ лѣтописцевъ Венеціи, діаконъ Іоаннъ, которымъ пользовались

всѣ прочіе историки знаменитой республики, такъ разсказываетъ о началѣ Венеціи, на первыхъ страницахъ своей хроники. Его повѣствованіе отличается простотою, наивностью и точностью [1].

«Венецій было двѣ. Объ одной Венеціи говорится въ древнѣйшихъ историческихъ памятникахъ. Она простиралась отъ границъ Панонніи до рѣки Адды. Главнымъ городомъ этой Венеціанской области была Аквилея (Aquilegia), въ которой блаженный евангелистъ Маркъ, озаренный божественной благодатью, прославлялъ Господа Іисуса Христа. Другая же Венеція та, которую мы знаемъ расположенной на островахъ, удивительнымъ образомъ связанныхъ волнами въ заливѣ Адріатическаго моря и населенныхъ множествомъ жителей. Жители эти, насколько можно судить по ихъ имени и насколько доказывается лѣтописными хартіями, ведутъ свое происхожденіе изъ первой Венеціи. Причина же, почему они поселились на этихъ островахъ, была слѣдующая: народъ Вениловъ и Лангобардовъ, вышедшій съ береговъ Сѣвернаго океана, обошелъ войной различныя страны и наконецъ пришелъ въ Паннонію. Здѣсь они засѣли, не осмѣливаясь далѣе двигаться. Прошло 42 года послѣ того, какъ этотъ народъ поселился на томъ мѣстѣ. Въ это время въ Константинополѣ управлялъ Римской имперіей Юстиніанъ, одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ римскихъ императоровъ. Этотъ Юстиніанъ послалъ въ городъ Римъ патриція Нарзеса, евнуха, съ тѣмъ чтобы тотъ съ Божьей помощью уничтожилъ войско Тотилы, царя Готскаго, которое опустошало тогда Италію. Нарзесъ, вступивъ въ Италію, сперва заключилъ миръ съ Лангобардами, а потомъ, направился противъ Готовъ, уничтожилъ царя Тотилу и самый народъ готовъ и завладѣлъ такимъ образомъ всей Италіей.

Въ это время Римскою церковью управлялъ папа Бенедиктъ, мужъ очень святой. Въ Аквилеѣ же патріархомъ былъ Павелъ, который, боясь свирѣпости Лангобардовъ, бѣжалъ изъ Аквилеи на островъ Градусъ, захвативъ съ собою мощи блаженнаго мученика Гермахора и другихъ святыхъ, которые тамъ были похоронены. На этомъ островѣ онъ основалъ укрѣпленный городъ, названный имъ Новой Аквилеей. Въ этомъ самомъ городѣ нѣкоторое время спустя Геліасъ (Helyas), славный патріархъ, принявшій

---

[1] Авторство Іоанна діакона (Urseolus) установлено съ достаточными основаніями, хотя хроника анонимная и ранѣе приписывалась Giovanni Sagornini. Объ этомъ статья—Gar (Archivio storico italiano, V, 283). Тотъ же Іоаннъ оставилъ Chronicon Gradense usque ad a. 1008, что и навело на соображенія объ его авторствѣ.

управленіе Церковью послѣ Павла, получивъ согласіе блаженнѣйшаго папы Пелагія, созвалъ соборъ изъ 20 епископовъ, на которомъ было постановлено, чтобы Граденскій городъ былъ метрополіей всей Венеціи. Этому городу впослѣдствіи императоръ Гераклій, движимый любовью къ святынѣ, даровалъ престолъ блаженнѣйшаго Марка, когда-то перенесенный изъ Александріи Еленой, матерью Константина. Этотъ престолъ и до сихъ поръ тамъ почитается наравнѣ съ каѳедрой, которую занималъ блаженный мученикъ Гермахоръ. Но когда прошло 540 лѣтъ отъ Р. Хр., пришли въ Венецію, эту пограничную область Италіи, Лангобарды. Они завоевали Виченцу, Верону и многіе другіе города, за исключеніемъ Падуи, Опитергіума, Мантуи и Альтины. Жители этой провинціи, не желая подчиниться власти Лангобардовъ, направились къ ближнимъ островамъ. Этимъ островамъ они передали имя Венеціи, изъ которой вышли; сами же стали называться Венеціанцами. Греки называютъ ихъ Генетами (Heneti), что гораздо правильнѣе; у Латинянъ же можно одну букву прибавить. Рѣшившись поселиться на этихъ островахъ, они построили нѣкоторыя укрѣпленія и города и такимъ образомъ воспроизвели себѣ новую Венецію. Теперь же необходимо перечислить названія этихъ острововъ. Первый изъ нихъ называется Градо (Gradus). Онъ существуетъ еще теперь, украшенный высокими стѣнами и множествомъ церквей и охраняемый помощью святыхъ точно такъ же, какъ Аквилея прежней Венеціи. Этотъ островъ можно назвать метрополіей всей новой Венеціи.

Второй островъ называется Бибіо (Bibiones).

Третій—Caprulas (Caorle). Сюда пришелъ епископъ изъ Конкордіи съ жителями своей епархіи, спасаясь отъ свирѣпости Лангобардовъ. Съ разрѣшенія папы Деодата (Deusdedi), онъ утвердилъ на будущее время на этомъ островѣ свою епископію и резиденцію.

На четвертомъ островѣ Гераклієвомъ, еще прежде былъ построенъ императоромъ Гераклиемъ городъ, но онъ уже развалился отъ древности. Венеціанцы возобновили его въ маломъ видѣ. Когда же городъ Опитергіумъ былъ завоеванъ королемъ Ротарикомъ, епископъ этого города, съ разрѣшенія папы Северіана, направился на Гераклею и тамъ утвердилъ свою епархію.

Пятый островъ называется Equilus (Jesulo). Онъ сначала не имѣлъ епископскаго престола, только впослѣдствіи было учреждено тамъ новое епископство.

Шестой островъ—Torcellus,—хотя менѣе замѣчателенъ городскими зданіями, но за то считается самымъ безопаснымъ, такъ какъ окруженъ укрѣпленіями другихъ острововъ.

Седьмой островъ—Morianas (Murano).

Восьмой островъ называется Rivoaltus (Rialto). Хотя онъ былъ заселенъ послѣ всѣхъ, однако же считается самымъ богатымъ и

лучшимъ изъ всѣхъ острововъ. Онъ отличается не только отдѣлкой церквей и домовъ, но здѣсь находятся и дожескій тронъ и епископскій престолъ.

Девятый островъ—Metamaucus (Malamocco)—не имѣетъ никакого городскаго укрѣпленія, но за то окруженъ почти со всѣхъ сторонъ прекраснымъ морскимъ берегомъ. Жители этого острова съ папскаго разрѣшенія имѣютъ особое епископство.

Десятый островъ—Pupilia (Poveglia).

Одиннадцатый—Minor Clugies (Chiozza) съ монастыремъ Св. Михаила.

Двѣнадцатый—Clugies Major.

На крайнемъ пунктѣ Венеціи находится крѣпость, называющаяся Caput Argilis (Capo d'Argine). Кромѣ того на этой же окраинѣ находится безчисленное множество острововъ, также населенныхъ.

Когда умеръ въ Аквилеѣ патріархъ Пробинъ, правившій церковью только впродолженіи одного года, патріархомъ этой церкви былъ избранъ Геліасъ, который чудеснымъ образомъ собралъ упомянутыя мощи святыхъ, и надъ соборнымъ постановленіемъ приписалъ: «Любезнѣйшіе братья! насъ постигаютъ различныя несчастія, ежедневно насъ поражаетъ вражескій бичъ. Уже прежде нашъ городъ Аквилея былъ до тла раззоренъ Атилою, царемъ Гунновъ, затѣмъ, подвергнувшись нашествію Готовъ и другихъ варваровъ, онъ едва держался. Теперь же мы не можемъ воспрепятствовать нашествію ужаснаго народа Лангобардовъ. Въ виду этого мы думаемъ, если это угодно будетъ Вашему Святѣйшеству, утвердить нашу метрополію въ крѣпости Градо».

Избраніе дожа.

Когда число жителей Венеціанской области увеличилось, они пожелали быть управляемыми трибунами. Теперь они скорбѣли о томъ, что предѣлы ихъ отечества были заняты варварами, которые часто нападали на нихъ и приносили имъ различныя бѣдствія и опустошенія. Въ царствованіе же императора Анастасія и Ліутпранда, короля Лангобардовъ, всѣ Венеціанцы, собравшись вмѣстѣ съ патріархомъ и епископами, на общемъ совѣтѣ постановили, что съ этого времени достойнѣе повиноваться (герцогамъ) дожамъ, чѣмъ трибунамъ. Послѣ долгихъ разсужденій, кого возвысить въ это достоинство, остановились на весьма опытномъ и знаменитомъ мужѣ Павликонѣ (Paulitio). Давши ему присягу въ вѣрности, они утвердили его дожемъ въ Гераклін. Онъ былъ очень справедливъ и всѣхъ своихъ подданныхъ судилъ съ одинаковой строгостью. Съ королемъ Ліутпрандомъ онъ заключилъ вѣчный миръ; отъ него же онъ получилъ мирныя условія, которыя и теперь (т. е. въ концѣ X вѣка) въ силѣ между Венеціанцами и Лангобардами. Онъ же установилъ съ королемъ границы новаго государства,

которыми Венеціанцы и до сихъ поръ владѣютъ. (т. е. до начала XI вѣка). Эти границы слѣдующія: отъ рѣки Плавы (Піавы) внизъ по ея теченію до Плавизы (Piavisella) ([1]).

Это было около 697 г. Выгодное топографическое положеніе Венеціи вообще дѣлало ея неуязвимой для внѣшнихъ враговъ. Это же условіе наложило особую печать на ея внутреннее развитіе. Оно содѣйствовало образованію своеобразнаго государственнаго строя, а послѣдній въ свою очередь содѣйствовалъ экономическому преуспѣянію Венеціи. Это матеріальное развитіе, дававшее республикѣ огромныя богатства, было на столько существенно, что повліяло на ходъ европейской цивилизаціи вообще. Маленькія общины рыбаковъ, разбросанныя на небольшихъ островахъ лагунъ, таили въ себѣ зерно высшаго историческаго порядка. Водвореніе прочной власти, т. е. избраніе одного властителя, хотя и безъ наслѣдственныхъ правъ, создало политическую силу. Если Венеція продолжала до XII вѣка признавать власть византійскаго императора, какъ послѣ того номинальную власть повелителя Священной Римской Имперіи, то въ сущности она была независима. Центральная власть перешла сперва на островъ Маламокко, а въ 810 г. на Ріальто. По общему характеру своему, новое оригинальное маленькое государство было морскимъ. На всемъ протяженіи его не было слышно лошадиныхъ копытъ, хотя острова, соединенные тогда же мостами, могли быть доступны для пѣшехода.

Покореніе Далмаціи. Столкновенія съ норманнами, арабами, славянскими пиратами вызвали развитіе морскаго военнаго могущества Венеціи. Въ началѣ XII вѣка въ городахъ Далмаціи начинаютъ постепенно утверждаться венеціанцы, начиная съ Виса. Медленно, но вѣрно, они итальянизируютъ далматинскихъ сербовъ, которые подъ властью венгровъ умѣли сохранить свою національность, свои политическія привилегіи, но которые оказались необычайно податливы при столкновеніи съ итальянцами ([2]). Договоры славянскихъ общинъ въ Далмаціи съ Ве-

---

([1]) Chronicon Venetum. Pertz. Mon. V, 4—5.

([2]) Въ русской ученой литературѣ спеціальный трудъ: И. И. Смирнова. Отношенія Венеціи къ городскимъ общинамъ Далмаціи съ XII до половины XIV вѣка (К. 1880).

неціанской республикой, положившие начало закабаленію и окатоличенію славянъ, обыкновенно начинались такъ: „изъ чувства самосохраненія и ради спокойствія города,—власти и община, послѣ долгаго размышленія, рѣшились обратиться къ покровительству Венеціи, гуманное и мягкое, для всѣхъ одинаковое управленіе которой они видѣли“... (1) Республика опутывала славянскія общины то залогами, то ссудами, то гарантіями, то, наконецъ, круговою имущественною отвѣтственностью, дѣлала ихъ своими данниками и, наконецъ, подданными. Такой участи подверглись Сплетъ, Трогиръ, Дубровникъ, Синь, Шибеникъ, Скрадинъ, Задръ, а затѣмъ Корчула и Хваръ, послѣ энергичнаго сопротивленія оказаннаго дожу Петру Орсеоли въ 997 г.

Совѣтъ приглашенныхъ.

Это было тогда, когда форма правленія въ Венеціи приняла аристократическій характеръ. Отъ торговли и, главнымъ образомъ, отъ эксплуатаціи славянъ, разбогатѣли многія семейства. Ихъ представители пріобрѣли потому вліяніе на выборы и привилегію на званіе дожа. Народныя собранія созывались рѣже и рѣже; выборы опредѣлялись по соглашенію нѣсколькихъ домовъ. Образовалась знать, nobili. Такъ въ X вѣкѣ выборы на высшую должность въ республикѣ упростились до того, что дожемъ могъ быть только или Кандіане или Партичипати. Эти счастливцы стали разыгрывать роль королей, опираясь на поддержку императоровъ. Хотя одинъ изъ Кандіане въ 976 г. былъ изгнанъ, но въ XI вѣкѣ ихъ примѣру слѣдовали Орсеоли, особенно Петръ Орсеоли II (991—1009 г.), который послѣ побѣдъ надъ славянскими общинами, въ 998 г. принялъ титулъ „герцога Далмаціи“ сдѣлавъ Венецію истинною царицею Адріатики. Его преемники и сыновья пытались удержать санъ дожа наслѣдственнымъ въ своемъ домѣ, пока этой узурпацией не вызвали народнаго возстанія. Послѣдствіемъ стремленій честолюбца было изгнаніе всѣхъ Орсеоли въ 1032 г. и ограниченіе власти дожа надзоромъ 2 вельможъ и учрежденіемъ совѣта приглашенныхъ синьоровъ — consiglio dei pregadi. Основательно предполагалось, что зависть честолюбивцевъ устранитъ опасность для республики.

---

(1) Ljubić. Monumenta spectantia Slavorum meridionalium; I, 331 etc.

Крестовые походы въ высшей степени содѣйствовали богатству сѣверныхъ итальянскихъ городовъ, а особенно Венеціи. Крестоносцы несли ей сокровища; для нея они закладывали и продавали свои наслѣдственныя имущества, земли, феодальныя права, оставляя себѣ только славу и раны. Этимъ экзальтированнымъ настроеніемъ умѣло пользовались разсчетливые венеціанцы, то принимая на себя перевозку крестоваго воинства, то снабжая крестоносцевъ припасами и оружіемъ, то ссужая ихъ деньгами подъ вѣрные залоги за большіе проценты.

Большой Совѣтъ.

Обогащеніе развивало политическое значеніе. Венеція, какъ извѣстно, пріобрѣла рѣшающій голосъ въ борьбѣ ломбардскихъ коммунъ съ Фридрихомъ I Барбароссой. Папа Александръ III считалъ венеціанцевъ опорою папства и независимости Италіи. Подъ сводами каѳедрала св. Марка гордый и дотолѣ непобѣдимый Гогенштауфенъ, распростерся передъ папой, на глазахъ венеціанской знати и народа (см. I, 547). Тогда же Венеція вступила въ борьбу съ Византійской имперіей за Анкону, на которую въ Константинополѣ рѣшились заявить старинныя историческія претензіи. Эта борьба была неудачна; къ тому же въ Венеціи распространился моръ. Народъ взволновался, заподозрилъ дожа Микіэли въ измѣнѣ и убилъ его въ 1172 г. Послѣдствіемъ возстанія было новое ограниченіе центральной власти. Каждая изъ 80 частей города стала избирать своего представителя для участія въ государственныхъ дѣлахъ. Такъ составился Большой Совѣтъ — il Consiglio Grande, имѣвшій наблюдать за дожемъ, руководить дѣйствіями его, а равно и синьоріей, непосредственно состоявшей при особѣ правителя. Слишкомъ многочисленный составъ коллегіи лишалъ ее должнаго значенія. Такой совѣтъ могъ съ успѣхомъ проявлять лишь контролирующую власть; вмѣшательство же его въ государственныя дѣла, а особенно въ область внѣшней политики, приносило скорѣе отрицательные результаты, такъ какъ онъ состоялъ изъ людей случайныхъ и неопытныхъ.

Но къ счастію Венеціи, во главѣ исполнительной власти къ началу XIII вѣка, стоялъ человѣкъ съ выдающимися государственными и военными способностями, съ закаленной энергіей, неразборчивый въ средствахъ, лукавый и хитрый отъ

природы, притомъ одушевленный честолюбіемъ, отвагой, предпріимчивостью (¹).

Энрико Дандоло.

Энрико Дандоло считалъ себѣ много лѣтъ, когда въ 1192 г. былъ почтенъ званіемъ дожа. Онъ славился какъ морякъ, избороздившій Адріатику и Средиземное море. Онъ давно потерялъ зрѣніе, но тѣмъ энергичнѣе работало его честолюбіе. Приближеніе крестоносцевъ возбуждало его надежды, которымъ казалось трудно было осуществиться. Дѣло въ томъ, что въ послѣднее время Задръ (Зара) въ Далмаціи отложился отъ Венеціи и передался венгерскому королю Белѣ. На морѣ венеціанцы были сильны, но бороться съ венгерцами было рискованно. Появленіе первыхъ партій крестоносцевъ въ Венеціи навело стараго дожа на цѣлый рядъ смѣлыхъ мыслей. Слѣдовало только воспользоваться затруднительнымъ положеніемъ крестоносцевъ, которые не могли безъ содѣйствія венеціанскаго флота переправиться на Востокъ. То, чего не могли пришельцы заплатить деньгами, они могли доплатить, по разсчетамъ дожа, своею кровью.

За перевозку крестоносцевъ венеціанцы запросили 85,000 марокъ серебра. Это соотвѣтствуетъ $4\frac{1}{2}$ милліонамъ франковъ. На сколько тутъ они соблюдали свои выгоды можно видѣть изъ того, что въ то время цѣлыя княжества продавались за 10,000 марокъ, а за боеваго коня платили 15 марокъ. Рыцарей и бароновъ изумила эта сумма, но религіозный экстазъ былъ слишкомъ великъ. Жоффруа Вильгардуэнъ, участникъ четвертаго крестоваго похода, говоритъ, что бароны готовы были отдать послѣднія свои драгоцѣнности, но и тогда многаго не достало бы до условленной суммы. Дожъ соглашался ждать недостающихъ денегъ, имѣя свои виды....

Походъ на Задръ.

Очень обрадовался высокій дожъ Венеціи, старый мессиръ Дандоло,—разсказываетъ венеціанскій хроникеръ Мартино да-Канале со словъ современниковъ, когда ему передали просьбу французскихъ рыцарей о переправѣ. Это было въ половинѣ февраля 1201 г. (²). Онъ сдѣлался очень веселъ

(¹) «Dux, licet, senex et visu debilis, fortis tamen et fraudus animo». Andreae Danduli Chron. (Muratori; XII, 322). Западныя свидѣтельства также сходятся въ этой характеристикѣ.

(²) Такъ вычисляетъ Klimke. Die Quellen, 82.

и, принявъ пословъ на аудіенціи, отпустилъ ихъ съ слѣдующими словами:

— Идите и скажите господамъ баронамъ, что какъ только они захотятъ прибыть въ Венецію, такъ сейчасъ найдутъ корабли готовыми для переправы. И я самъ съ собственнымъ отрядомъ пойду съ ними послужить Св. Церкви (1).

Но посольство не отдѣлалось такъ просто. Было заключено условіе, въ силу котораго французамъ предоставлялось 50 галеръ за уплату вышесказанной суммы, но съ тѣмъ что завоеванія, которыя произведутъ крестоносцы, дѣлятся пополамъ. Французы стали съѣзжаться въ Венецію, гдѣ въ честь ихъ устраивались празднества и увеселенія. Скоро имъ пришлось разочароваться. Чтобы заплатить за переправу пришлось разстаться съ драгоцѣнностями. „Сколько прекрасной золотой и серебряной посуды было снесено во дворецъ дожа для уплаты",— сожалѣетъ Вильгардуэнъ. Венеціанское правительство, такъ искусившееся на сдѣлкахъ и торговыхъ операціяхъ, потребовало деньги впередъ. Все таки не хватило 34 тысячъ марокъ. Дожъ, какъ искусившійся ростовщикъ, поставилъ это на счетъ крестоносцамъ, зная что все вернетъ съ лихвой.

Къ тому времени прибылъ въ Венецію папскій легатъ, который былъ уполномоченъ дать впередъ крестоносцамъ разрѣшеніе отъ всѣхъ прегрѣшеній. Тогда и самъ свѣтлѣйшій дожъ, исполняя „свое обѣщаніе, принялъ крестъ вмѣстѣ со многими венеціанцами" и занялъ мѣсто на адмиральскомъ кораблѣ во главѣ крестоносцевъ. Французскіе герцоги и графы сѣли на корабли для нихъ приготовленные; рыцари же съ оруженосцами и слугами на другіе суда, на которыхъ были размѣщены и ихъ лошади.

Скоро, благодаря попутному вѣтру, венеціанская экскадра подошла къ берегу, гдѣ на крутой скалѣ высились стѣны Задра.

— Синьоры, видите вы этотъ городъ, воскликнулъ дожъ. Знайте, что онъ мой, но жители его такъ высокомѣрны, что отвергаютъ мое владычество. Я желалъ бы, чтобы вы подождали меня здѣсь и видѣли какъ расплачиваются съ тѣми, кто отвергаетъ власть сюзерена.

— Сиръ, мы готовы помогать Вашей Свѣтлости вмѣстѣ съ рыцарями, отвѣчали французы.

(1) Martino da Canale. Cronica veneta, c. 32.

— Клянусь Господомъ, прервалъ ихъ дожъ; да не сойдетъ никто изъ васъ на эту землю. Вы только посмотрите, какъ я съ моими венеціанцами одинъ раздѣлаюсь съ ними (1).

Но дожъ хвасталъ, если только дѣйствительно происходилъ этотъ разговоръ. Онъ не могъ одинъ сладить съ укрѣпленнымъ славянскимъ городомъ. Жители энергично защищались и долго не допускали десанта на берегъ. Надо полагать, французы сами рвались помочь венеціанцамъ. Романцы, подобно германцамъ, смотрѣли на славянъ а тѣмъ болѣе на православныхъ, не лучше чѣмъ на невѣрныхъ. Во всякомъ случаѣ содѣйствіе французовъ входило въ дальновидные разсчеты дожа. Нельзя утвердительно сказать, что походъ на Задръ былъ условленъ ранѣе, хотя французскій и нѣмецкій лѣтописецъ—оба современники, изъ коихъ первый былъ участникъ похода, констатируютъ что подобное предложеніе было сдѣлано (2). Но дожъ зналъ, что французы не будутъ простыми зрителями штурма Задра. Какъ бы то ни было, вопреки запрещенію легата, крестоносцы вмѣшались въ чужое дѣло, и подъ стѣнами Задра пролили обильно христіанскую кровь. Венеціанцы очень ловко заставили воиновъ Христа дѣйствовать во имя совершенно противоположныхъ интересовъ. Папа былъ очень недоволенъ разграбленіемъ христіанскаго города, такъ какъ въ Зарѣ (по итальянскому названію) была значительная масса католиковъ. Крестоносцы старались оправдаться, послали посольство съ цѣлью умилостивить папу; венеціанцы же не обратили вниманія на выговоръ первосвященника. Ихъ мало интересовало крестовое дѣло.

Напротивъ, венеціанцы, а тѣмъ болѣе дожъ Дандоло, способны были на нѣчто худшее. Ходили темные слухи про то, что Венеція продала дѣло Креста, что отъ египетскаго султана Малекъ эл-Аделя пріѣзжало посольство къ правительству республики съ богатыми подарками и съ проектомъ выгоднаго для венеціанскихъ купцовъ торговаго договора.

---

(1) Martino da Canale, Cronica c. 28—29.

(2) Villehardouin, c. 33. — Albericus (Chronicon usque ad 1241) замѣчаетъ подъ 1202 г., что венеціанцы заранѣе предусмотрѣли необходимость поддержки со стороны французовъ: Venetianis callide cogitantes.... Juraverunt et cum ipsis navigantes Jazeram obsederunt, ceperunt et Venetianis subegerunt (Bouquet; XVIII, 765). Надо оговориться, что монахъ Альберикъ слышалъ это долгое время спустя.

Султанъ просилъ только объ одномъ: нельзя ли сдѣлать такъ чтобы христіане вовсе не пошли въ египетскую землю. Этотъ фактъ былъ занесенъ нѣкіимъ Эрнулемъ въ продолженіе крестовой исторіи Вильгельма Тирскаго. Мало въ старое время придавали значенія этому извѣстію; потомъ оно рѣшительно было отвергнуто, но въ послѣдніе годы историческая критика вновь установила вопросы объ этомъ великомъ историческомъ преступленіи венеціанцевъ. По крайней мѣрѣ такіе знатоки какъ Гопфъ и Ріанъ считали правдоподобнымъ предательскія сношенія Венеціи съ султаномъ [1].

Предательство венеціанцевъ.

[1] Этотъ вопросъ объ «измѣнѣ» очень интересенъ. Теперь думаютъ что Hernoul, а не Bernard le Trésorier былъ авторомъ лѣтописи отъ 1184 —1229, хотя «Histoire de Eracles empereur» цитуется подъ его именемъ. Это мѣсто находится во 2 гл. XXXVIII кн. и повторяется въ 14 гл. Затѣмъ этотъ же фактъ голословно передаютъ: Chronicon Gallicum ineditum (это компиляція Бодуэна д'Авенскаго, жившаго послѣ въ Константинополѣ), Chron. Flandriae (Fontes rerum Austriacarum; XII, 296, 332), Galeotto del Carreto (Hist. patriae monumenta; XII, 1139—почти буквальный переводъ изъ текста, когда то приписываемаго Бернару — pregandolo volesse far tanto, che gli christiani non passavero nella terra d'Egytto, prometten-doli dar ancora gran valsente, et farli gran francheze et immunitate al porto de Alexandria) и, наконецъ, Ricobaldo Ferrarese (Historia imperiale; Muratori; IX, 417). Послѣднее свидѣтельство можетъ казаться болѣе достовѣрнымъ; до автора дошли какіе-то другіе источники. Онъ разсказываетъ, что султанъ послалъ отъ себя пословъ не только въ Венецію, но въ Пизу и Геную, чтобы помѣшать нашествію крестоносцевъ; всѣмъ тремъ республикамъ предлагалъ льготы и привилегіи, если только итальянцы откажутъ въ транспортныхъ средствахъ. Генуэзцы и пизанцы будто не приняли пословъ и немедленно отослали ихъ назадъ, но въ Венеціи они пробыли довольно долгое (più lungamente) время. «Неизвѣстно, какое соглашеніе состоялось, но послѣдствія послѣ сказались. Бароны, которые должны были переправляться на венеціанскихъ судахъ, были отклонены съ пути (furono per opera loro divietati dal santo pelerinaggio) и не могли достигнуть Святыхъ мѣстъ» и пр. Всѣ эти отрывочныя и голословныя указанія не имѣли бы значенія, если бы недавно не появилось въ XIII томѣ «Австрійскихъ источниковъ» четырехъ неизданныхъ ранѣе документовъ. Въ нихъ помѣщенъ текстъ союзныхъ договоровъ венеціанцевъ съ султаномъ Абу-Бекромъ бэнъ Эйюбомъ (извѣстнымъ подъ именемъ Малекъ эл-Аделя). Издатели Тафель и Томасъ относятъ ихъ къ 1217 г., но этимъ годомъ помѣчены только два послѣднихъ; прочіе, къ сожалѣнію, безъ датъ и видимо имѣютъ одно происхожденіе, будучи частями цѣлаго; они написаны государственнымъ секретаремъ Венеціи Вивіаномъ, тѣмъ самымъ, который

Предложеніе царевича Алексѣя и походъ на Царьградъ.

Разграбивъ Задръ, крестоносцы думали отправиться въ дальнѣйшій путь, въ Святую землю, какъ вдругъ были остановлены пріѣзжимъ царевичемъ Алексѣемъ. Теперь онъ былъ даже не царевичъ, а скиталецъ,—жертва насилій своего дяди. Его отецъ Исаакъ, законный императоръ, хотя слабый и раз-

контрасигнировалъ акты заключенные дожемъ Энрико Дандоло съ Бонифаціемъ Монферратскимъ, раннія копіи которыхъ находятся въ Вѣнѣ и можетъ быть найдутся со временемъ въ Венеціанскомъ Государственномъ Архивѣ. Изданные Тафелемъ и Томасомъ документы помѣчены 19 луннаго мѣсяца шабана, т. е. той датой, которая по всему вѣроятію совпадаетъ съ переговорами въ Каирѣ венеціанцевъ съ султаномъ въ маѣ 1201 г. или въ мартѣ 1208 г. Первый обратилъ вниманіе на это обстоятельство и выставилъ улики противъ Венеціи Ma-Latry (Hist. de l'île de Chypre, 1861, I, 161—164). Вскорѣ знатокъ средневѣковой Греціи, достойный соперникъ Фальмерайера, Hopf, кенигсбергскій профессоръ, въ 1867 г. въ «Исторіи Греціи» развилъ мнѣнія Ма-Латри но, подводя дату договора къ христіанскому календарю, допустилъ натяжки, желая непремѣнно уличить венеціанцевъ. «Вскорѣ послѣ того какъ Венеція заключила союзъ съ французскими баронами, говоритъ Гопфъ, по поводу крестоваго похода противъ Малекъ эл-Аделя, можетъ быть вслѣдствіе приглашенія, полученнаго въ Венеціи отъ султана, Марино Дандоло и Доменико Микіели была отправлены въ посольство въ Каиръ. Они были встрѣчены султаномъ съ знаками самаго горячаго расположенія и скоро сговорились. Дожъ объявилъ себя честнымъ и вѣрнымъ другомъ Эйюбидовъ и обѣщалъ султану свое расположеніе безъ обмана и хитрости. Пока крестоносцы на Лидо съ большимъ нетерпѣніемъ ожидали часа отправленія въ походъ противъ невѣрныхъ, венеціанское посольство дѣйствительно *13 мая 1202 г.* заключило торговый договоръ, который составляетъ предметъ спора. Чтобы скрѣпить договоръ былъ посланъ въ Венецію эмиръ Сеадъ-Эддинъ. Предложенныя Малекъ эл-Аделемъ условія, столь выгодныя для республики, рѣшили участь крестоваго похода». Но Гопфъ не доказалъ главнаго; слѣдуетъ ли 19 шабана считать непремѣнно въ маѣ — и притомъ 25 мая 1201, 14 м. 1202, 4 м. 1203, какъ хотѣлось ему, игнорируя что по L'Art de vérifier les dates (чѣмъ послѣ воспользовался Hanotaux. R. des quest. hist.) эта дата падаетъ также на 9 марта 1208. 21 марта 1207 и 31 марта 1206 г. Потому всѣмъ этимъ доводамъ въ 1873 г. не придавалъ никакого значенія извѣстный Natalis-de Wailly (въ приложеніяхъ къ изд. Вильгардуэна) и горячо отстаивалъ Венецію и историка, «который будто скрылъ истину». Обходя трудности вопроса, онъ между прочимъ опирается на посланіе Иннокентія III въ маѣ 1205, которое только что тогда издалъ Deslisle, гдѣ выражается увѣренность, что крестоносцы направятся безотлагательно въ Св. землю. «Между крестоносцами не было ни глупцовъ, ни измѣнниковъ», рѣшаетъ французскій ученый. По Riant черезъ 2 года, въ своемъ соч. о IV кресто-

вращенный, былъ свергнутъ съ престола своимъ честолюби-
вымъ братомъ Алексѣемъ, который провозгласилъ себя
императоромъ, а Исаака приказалъ ослѣпить (8 апрѣля
1195 г.). Царевичъ Алексѣй успѣлъ ускользнуть изъ рукъ
дяди и бѣжалъ въ Римъ просить заступничества папы. Отсюда
его послали въ Германію. Императоръ Филиппъ приходился
ему родственникомъ по женѣ, но не могъ ничего сдѣлать и
рекомендовалъ побывать въ Венеціи, куда собиралось фран-
цузское рыцарство. Не здѣсь-ли зародилась первая мысль о
томъ, чтобы воспользоваться силами крестоносцевъ? Въ Ве-
неціи Алексѣй не засталъ дожа и французовъ. Онъ предсталъ
предъ ними подъ стѣнами Задра и униженно просилъ ихъ
защиты правому дѣлу. Напрасно легатъ увѣщевалъ кресто-
носцевъ не вмѣшиваться въ чужія дѣла; напрасно самъ Инно-
кентій III въ посланіи рѣшительно воспретилъ всякія попытки
противъ Византійской имперіи и вновь грозилъ отлученіемъ.
„Non est tamen vestrum de ipsorum judicare delictis“, писалъ
онъ. Дандоло игралъ роль соблазнителя. Онъ прельстилъ
крестоносцевъ легкостью завоеванія Византіи, громадностью
добычи и поддержкою, которую можетъ оказать новый импе-
раторъ въ крестовомъ походѣ. Но уговаривая такимъ обра-
зомъ крестоносцевъ, Дандоло вовсе не хотѣлъ поддержать
царевича Алексѣя... Онъ имѣлъ совершенно другіе планы.

Честолюбивый дожъ хотѣлъ утвержденія венеціанскаго
владычества въ Византіи; крестоносцы были для него только
орудіемъ. Казалось, что обѣщанія Алексѣя прежде всего
подѣйствовали на Дандоло и венеціанцевъ, которые уже убѣ-
дили потомъ крестоносныхъ вождей обратить оружіе про-
тивъ Константинополя и противъ императора, ослѣпившаго
Исаака. Это заставляетъ думать, что у Дандоло были заранѣе
обдуманы замыслы на счетъ Константинополя, а дѣло царе-
вича было пущено въ ходъ, какъ предлогъ. Всякій могъ
догадаться, что условія, которыя предлагаетъ царевичъ, не мо-
гутъ быть выполнены. Онъ обѣщалъ выплатить венеціанцамъ

вомъ походѣ, возсталъ противъ увѣреній де-Вайльи, вновь пересмотрѣлъ
вопросъ, подвелъ дату договора къ 4 маю 1203 и выдвинулъ впередъ ин-
триги и вліяніе императора Филиппа Швабскаго. Это еще сильнѣе развито
имъ въ статьѣ Le chang. de dir. de la IV croisade (i b. 1878). Можно сказать,
что теперь обвинители Венеціи имѣютъ на своей сторонѣ нѣсколько болѣе
обставленныя улики, хотя Hanotaux опровергъ Ріана по отношенію къ
датѣ, доказавъ что спорные документы относятся къ марту 1208 г.

и французамъ по 100 тысячъ марокъ ([1]), безплатно перевезти ихъ въ Палестину, выставить 10 тысячъ своего войска, навсегда содержать тамъ 500 рыцарей, и въ заключеніе обнадежилъ соединеніемъ Церквей греческой и латинской. Изъ этихъ условій послѣднее всего менѣе имѣло основаніе быть выполненнымъ. Нужно было предположить, что Алексѣй или говоритъ вздоръ, или же хочетъ втянуть латинянъ въ бѣду. Во всякомъ случаѣ только одинъ Дандоло проникалъ истинныя цѣли предпріятія. Впрочемъ настоянія папы не были совершенно безплодны: отъ крестоносцевъ отдѣлился съ своими друзьями Симонъ Монфоръ, храбрѣйшій изъ тогдашнихъ рыцарей, будущій палачъ Альбигойцевъ, который исполнялъ безпрекословно всѣ велѣнія первосвященника. Его не прельщала даже слава содѣйствовать соединенію Церквей.

Алексѣй сопутствовалъ завоевателямъ своего отечества; 23 іюня 1203 года союзники были уже въ виду Цареграда, который своимъ величественнымъ видомъ, громадными стѣнами и башнями окружавшими городъ, великолѣпными дворцами, безчисленнымъ множествомъ куполовъ долженъ былъ поразить крестоносцевъ. Тогда Константинополь былъ въ пять разъ населеннѣе самыхъ большихъ городовъ Запада. Крестоносцы высадились частью въ Санъ-Стефано, частью на азіатскомъ берегу Босфора. Императоръ Костантинополя Алексѣй III отправилъ къ нимъ парламентера, изъявлялъ готовность всѣми силами содѣйствовать освобожденію Святой земли отъ невѣрныхъ; онъ просилъ только не мѣшаться въ его дѣла и, давая объясненія по поводу ослѣпленія отца Алексѣя, старался оправдать себя. Но бароны гордо отвѣтили, что они презираютъ его оправданія и обѣщанія, хотя согласны дать ему прощеніе, если только онъ откажется отъ короны въ пользу законнаго императора, который находится въ ихъ станѣ.

Началась энергичная осада Константинополя, дѣлались вылазки, происходили битвы. 17 іюня былъ назначенъ общій приступъ. Венеціанцы дѣйствовали съ моря, въ то время какъ итальянцы и французы приступали съ суши. Французы были опрокинуты, но венеціанцы успѣли занять до двадцати пяти городскихъ башенъ. Когда французы съ сухаго пути были оттѣснены греческой кавалеріей, Дандоло имѣлъ благоразуміе поспѣшить имъ на помощь. Греки были обратно прогнаны въ городъ.

([1]) Riant (Revue; XVIII, 36) говоритъ о 300 тыс. марокъ.

Бѣгство Алексѣя III.

Никто не ждалъ чтобы это сраженіе имѣло какія нибудь важныя послѣдствія, но совсѣмъ оробѣвшій, Алексѣй III, захвативъ государственную казну, убѣжалъ изъ Константинополя и скрылся въ Балканскихъ проходахъ. Оставленный своимъ императоромъ, народъ возмутился, бросился къ тюрьмѣ ослѣпленнаго Исаака и провозгласилъ его вновь. Такимъ образомъ царевичъ Алексѣй былъ удовлетворенъ; его отецъ былъ на престолѣ. Тѣ же придворные, которые посадили Исаака на тронъ, полагая, что дѣло кончено, отправились въ непріятельскій лагерь и просили царевича идти царствовать вмѣстѣ съ отцемъ. Но крестоносцы не хотѣли выпускать отъ себя Алексѣя, пока его обѣщанія не будутъ подтверждены его отцемъ. Для этого они отправили въ столицу пословъ; между ними былъ и знакомый намъ историкъ Жоффруа Вильгардуэнъ.

— „Государь, ты знаешь, какую услугу мы оказали твоему сыну, и какъ мы выполнили заключенное съ нимъ соглашеніе. Но онъ не можетъ войти въ городъ, пока самъ не выполнитъ условій съ своей стороны. Онъ проситъ теперь, какъ вашъ сынъ, чтобы вы утвердили его договоръ съ нами".—Такъ говорили послы.

Затѣмъ они передали условія договора.

— Условія эти тяжки, отвѣчалъ слѣпой императоръ; ихъ трудно выполнить: но вы оказали такую услугу и ему и мнѣ, что если бы вамъ отдать всю имперію, то и это было бы сообразно съ вашею услугой.

Какъ бы то ни было, приходилось утвердить договоръ. Алексѣй вступилъ во дворецъ и короновался въ храмѣ св. Софіи, какъ соправитель отца. Крестоносцы заняли Галатъ: ихъ не было и 20 тысячъ, а населеніе Константинополя простиралось до полумилліона. Царевичъ просилъ крестоносцевъ повременить исполненіемъ договора до марта слѣдующаго года. Между тѣмъ Балдуинъ Фландрскій утвердился въ столицѣ. Императоръ объявилъ налогъ въ уплату за содѣйствіе крестоносцамъ, но, не дожидаясь поступленій, по требованію незваныхъ пришельцевъ, онъ сталъ хватать священные предметы изъ церквей и грабить церковную казну. Такое святотатство возбудило вооруженное возстаніе византійцевъ. Духовные подбивали народъ, боясь предстоящаго соединенія Церквей. На улицахъ стали чаще и чаще повторяться столкновенія между западными рыцарями и византійцами. Однажды рыцари начали разрушать мечеть; греки вступились за мусульманъ,

вступились за ихъ святыню, собственно изъ ненависти къ католикамъ. Началась рѣзня, которая повела къ тому, что рыцари французскіе и итальянскіе ворвались въ городъ, но, опасаясь народной массы, они должны были на другой день оставить столицу.

Исаакъ и его сынъ были въ самомъ злополучномъ положеніи; они должны были дѣйствовать по волѣ крестоносцевъ и въ тоже время предвидѣли опасность народнаго волненія. Отецъ и сынъ находились между двухъ огней, между крестоносцами съ одной стороны и озлобленнымъ народомъ съ другой. Гнѣвъ буйныхъ рыцарей дошелъ наконецъ до того, что они послали къ императору депутатовъ, поручивъ имъ настоятельно требовать выполненія обязательствъ, а если оно не будетъ исполнено, сдѣлать Исааку формальный вызовъ. Тогда снова начались непріятельскія дѣйствія: крестоносцы начали грабить окрестности, а греки задумали сжечь венеціанскій флотъ, но неудачно.

Народное возстаніе и взятіе Византіи крестоносцами 12 апрѣля 1204 г.

Наконецъ въ Византіи возмутившійся народъ потребовалъ избранія новаго императора. Династія Ангеловъ была свергнута. Выборъ палъ на молодаго Николая Канаву. Между тѣмъ Алексѣй тайно вступилъ въ соглашеніе съ латинянами, но онъ былъ постыдно обманутъ Мурзуфломъ, которому поручилъ вести переговоры. Послѣдній подкупилъ гвардію и распустилъ въ городѣ слухъ, что императоръ сносится съ латинянами. Мурзуфлъ былъ провозглашенъ императоромъ. Онъ приказалъ убить Алексѣя „по волѣ народа“, вѣру котораго тотъ хотѣлъ попрать. Престарѣлый Исаакъ умеръ отъ одного страха, а Николая Канаву бросили въ темницу.

Мурзуфлъ вступилъ въ переговоры съ латинянами и отвѣчалъ на ихъ предложенія, что о деньгахъ можно еще сговориться, но что онъ скорѣе дастъ себя изрубить въ куски, чѣмъ признаетъ папу главою Восточной Церкви. Крестоносцы торжественно объявили, что греки измѣнили своему обѣщанію присоединиться къ Римской Церкви, что они обманули Господа и папу, а потому война противъ нихъ священна и законна. Иннокентій не раздѣлялъ такого убѣжденія, онъ тогда вовсе не настаивалъ на присоединеніи грековъ къ западной Церкви. Крестоносцы приготовились къ штурму Константинополя, разсчитывая заранѣе, что дряхлое государство не устоитъ въ борьбѣ; венеціанцы заключили съ крестоносцами въ мартѣ 1204 г. новый договоръ относительно пред-

стоящаго завоеванія. Избранный императоромъ получитъ въ пожизненное владѣніе четвертую часть имперіи, остальное дѣлится поровну между венеціанцами и крестоносцами. Патріархъ въ новомъ государствѣ будетъ выбранъ изъ среды той націи, изъ которой не будетъ выбранъ императоръ.

Мартъ прошелъ въ переговорахъ. Наконецъ, крестоносцы рѣшились на штурмъ. Первый приступъ 9 апрѣля былъ отбитъ. Затѣмъ послѣдовалъ второй приступъ 12 апрѣля. Два корабля венеціанскихъ опять придвинулись къ стѣнамъ города, успѣли сбросить на валы мостики, завладѣли нѣсколькими башнями и отворили ворота. Крестоносцы ворвались въ городъ. Греки разсыпались какъ песокъ, испарились какъ дымъ (1). Мурзуфлъ бѣжалъ.

Съ первыхъ же дней начался грабежъ. Латиняне, сгорая корыстолюбіемъ, разсказываетъ Никита Акоминатъ, изобрѣли новый способъ грабежа, не испытанный еще никѣмъ изъ тѣхъ, кто до того времени грабилъ Константинополь. Вскрывъ гробницы императоровъ и погребенныхъ въ храмѣ героевъ, они разграбили тамъ все что нашли и набили себѣ пазухи съ неслыханной дерзостью золотыми украшеніями, алмазами и чистѣйшими драгоцѣнными каменьями. Приступивъ къ трупу Юстиніана, они хотя и взирали на него съ изумленіемъ, но все же не удержались отъ того, чтобы не содрать съ него украшеній. Потому справедливо говорили, что западные люди не щадятъ ни живыхъ ни мертвыхъ и въ хищеніи ни для кого не дѣлаютъ исключенія. Нѣсколько времени спустя они разхитили завѣсу главнаго храма, которая цѣнилась въ нѣсколько тысячъ минъ чистаго серебра, потому что была заткана золотомъ (2). Запрестольный образъ св. Софіи былъ искрошенъ въ мелкіе куски.

Скоро хищническія страсти, полному проявленію которыхъ не было запрета, разгорѣлись и настала анархія. Грабители, не довольствуясь разносомъ частныхъ домовъ, совершали насилія надъ женщинами; затѣмъ начались убійства безъ различія пола и возраста. Храмъ св. Софіи, послѣ грабежа, былъ обращенъ въ католическій; причтъ былъ разогнанъ, священниковъ силою заставляли принимать иновѣріе. Другія церкви пострадали еще болѣе. Образа были перело-

---

(1) Sicardus (Chronicon; Muratori; VII, 620) выражается: «gens illa sicut pulvis disperiit, sicut fumus evanuit».

(2) Подробностей въ этомъ родѣ очень много у Никиты. Онъ, наконецъ, отказывается «передавать потомству дѣла варваровъ».

маны и осквернены, мощи святыхъ мучениковъ выброшены въ ямы, наполненныя нечистотами. По свидѣтельству греческаго историка, латиняне, вторгаясь въ церкви во время богослуженія, разбрасывали и разливали по полу Св. Дары.

Скоро начались пожары. Они могли быть вызваны случайностями во время уличныхъ безпорядковъ и разбоевъ. Но разъяренные побѣдители первое время, считая себѣ все позволеннымъ, конечно, не желали щадить и собственность схизматиковъ. Столица, роскошнѣе которой ничего не могли себѣ представить грубые крестоносцы, запылала. Сгорѣло столько домовъ, сколько ихъ было въ трехъ большихъ городахъ Франціи; добычи награблено было столько, что она заняла три храма, куда снесено было для раздѣла 400 тысячъ марокъ серебра. Но что заслуживаетъ особеннаго сожалѣнія—это истребленіе рукописей, разрушеніе памятниковъ искусства.

Иннокентій, исполненный негодованія, возмущенный до глубины души, писалъ что нельзя думать о соединеніи Церквей, когда католики, подъ видомъ богоугоднаго дѣла, творятъ дѣла тьмы.

Завоеваніе Византійской имперіи латинянами совершившееся непредвидѣнно для Римской куріи [1], обрушилось всею тяжестью вмѣсто мусульманъ на грековъ. Хотя въ помыслахъ Иннокентія III и было объединеніе греческой Церкви съ католической, но насильственныя мѣры и притомъ въ данное время для достиженія этой цѣли никогда не входили въ его планы. Но мнимые крестоносцы менѣе всего думали о Церкви. Они поспѣшили удовлетворить свои личные интересы.

Балдуинъ I, латинскій императоръ (1204-1206г.).

Прошло двѣ недѣли послѣ штурма; анархія продолжалась. Настала Пасха. Она приходилась въ этотъ годъ 25 апрѣля. Въ этотъ великій день, который чествовали одновременно и побѣдители и побѣжденные, рѣшено было устроить порядокъ и выбрать императора. Кандидатовъ было трое; венеціанцы, конечно, имѣли въ виду своего дожа, этого „мудрѣйшаго изъ мудрыхъ“, но Дандоло поспѣшилъ отказаться. Затѣмъ симпатіи крестоносцевъ дѣлились между Балдуиномъ, графомъ Фландріи и Бонифаціемъ, маркизомъ Монферрата. Трудно было сказать, кто одолѣетъ, но во всякомъ случаѣ торжество одного грозило опасностью для латинянъ. Привер-

---

[1] Riant (Innocent III etc. Revue des questions hist. XIII, 56.) особенно старался доказать этотъ безспорный фактъ.

женцы противника могли вмѣстѣ съ своимъ кандидатомъ оставить столицу, ослабить силы и тѣмъ дать возможность грекамъ восторжествовать. Нѣчто подобное дѣйствительно произошло въ Іерусалимѣ въ 1099 г., при выборахъ Готфрида Бульонскаго, когда огорченный соперникъ, Раймондъ Тулузскій оставилъ крестоносцевъ и увелъ много бароновъ, едва не погубивъ дѣло христіанъ. Наученные такимъ историческимъ примѣромъ, эти псевдо-крестоносцы прибѣгнули къ сдѣлкѣ. Рѣшено было предоставить выборъ изъ двухъ кандидатовъ особому совѣту 12 выборщиковъ, но съ тѣмъ что неизбранный получитъ азіатскія земли имперіи и островъ Кандію на условіяхъ вассальства.

Выборщики серьезно отнеслись къ возложенному на нихъ порученію. Уже по составу ихъ можно было опредѣлить, что восторжествуетъ Балдуинъ. За него вотировали 5 венеціанцевъ и духовные. Интересъ бароновъ и рыцарей былъ крайне возбужденъ. Всю ночь стояла толпа ихъ передъ закрытыми дверями часовни императорскаго дворца. Провозглашеніе Балдуина, графа Фландріи, императоромъ Константинопольскимъ, вызвало энтузіазмъ. Его соперникъ, Бонифацій, первый склонился предъ нимъ.

Феодализмъ въ Византійской имперіи.

Раздѣлъ не встрѣтилъ затрудненій. Маркизъ отказался отъ того, на что имѣлъ право, можетъ быть потому что Анатолію не такъ легко было покорить, какъ Царьградъ. Бонифацій удовольствовался Македоніей и титуломъ короля Ѳессалоники. Кандію онъ продалъ Венеціи за 1000 марокъ: такъ дешево пошелъ богатый островъ. Маркизъ присоединилъ къ Македоніи Аѳины и Ѳивы, передавъ оба города своему сыну Оттону съ титуломъ герцога Аѳинскаго. Вильгельмъ, графъ Шампаньи утвердился въ Пелопоннесѣ (¹) съ титуломъ герцога Ахайскаго; туда же онъ повезъ съ собою историка Вильгардуэна, своего маршала и вассала. Въ Аргосѣ и Коринѳѣ недолго властвовалъ грекъ Левъ Скуръ; его скоро вытѣснилъ племянникъ Вильгардуэна, Готфридъ который завоевалъ всю т. н. Морею и унаслѣдовалъ послѣ графа Шампаньи титулъ герцога

(¹) Подъ вліяніемъ романскаго завоеванія скоро Пелопоннесъ сталъ именоваться Мореею, Μωρέας или Μωραΐας (вмѣсто Ῥωμαΐα)—т. е. страна ромеевъ, грековъ.

Ахайи. Въ Эпирѣ засѣлъ Михаилъ Комненъ, именовавшійся деспотомъ. Въ Азіи возникли два латинскихъ владѣнія, въ которыхъ надлежало еще упрочиться: герцогства Никейское (Виѳинія) и Филадельфійское, гдѣ считались синьорами Луи Блуа и Стефанъ де-Перше. Но рядомъ съ ними, въ Анатоліи, какъ залогъ болѣе счастливаго будущаго, какъ опора освобожденія, образовались національныя греческія царства: Никейское, гдѣ утвердился Ѳедоръ Ласкарисъ, увлекая за собою патріарха, и Трапезундское, гдѣ водворился Комненъ. Здѣсь скрывалась могущественная оппозиція; покоренные и забитые греки, впродолженіи полувѣка, ждали отсюда возрожденія. Въ Европѣ національный элементъ таился только въ городахъ и ущельяхъ Ѳессаліи,—это т. н. Влахъ (*Μεγα—Βλάχος*); но и здѣсь десятки лѣтъ онъ оставался несокрушимымъ.

9 Мая 1204 г. происходила коронація Балдуина. Онъ понималъ, что его выбрали собственно венеціанцы. Дѣйствительно, получивъ корону, Балдуинъ лишался права на богатый островъ Кандію, которымъ онъ съ своими отличными моряками и флотомъ сумѣлъ бы воспользоваться въ ущербъ торговымъ и политическимъ интересамъ венеціанцевъ, тогда какъ Бонифацію Монферратскому, не имѣвшему приморскихъ владѣній, ничего не оставалось дѣлать съ доставшимся ему по условію островомъ, какъ только уступить его венеціанцамъ. Такимъ образомъ послѣдніе ловко и хитро достигли своихъ существенныхъ цѣлей. Балдуинъ сталъ называться „Dei gratia fidelissimus in Christo imperator, a Deo coronatus, Romaniae moderator et semper Augustus“, но не присвоилъ себѣ наименованія „автократора“, которымъ титуловались греческіе императоры. Доселѣ въ Византіи господствовалъ неограниченный деспотизмъ; императоры были полными распорядителями жизни, совѣсти и имущества гражданъ. Этотъ деспотизмъ особенно окрѣпъ подъ вліяніемъ сосѣдства съ азіатскими государствами. Теперь западные завоеватели, потомки франкскихъ кунинговъ, воспитанные въ другихъ условіяхъ, приносили съ собою новый общественный порядокъ въ страну, надъ которой около десяти вѣковъ тяготѣлъ неограниченный произволъ всевластныхъ повелителей. Западные завоеватели на восточную почву Византіи старались насадить совершенно новыя формы политическихъ и общественныхъ отношеній. Императоръ стоялъ во

главѣ длинной феодальной іерархіи, которая развѣтвлялась по всѣмъ общественнымъ должностямъ.

Положеніе латинскаго императора въ Константинополѣ имѣло много сходства съ положеніемъ германскихъ кунинговъ, занявшихъ въ эпоху великаго переселенія народовъ римскую почву, и съ положеніемъ германскаго императора, какъ представителя и вождя всего феодальнаго общества на Западѣ. Новая государственная система представляла смѣсь элементовъ, аналогичныхъ съ одной стороны съ республиканскимъ строемъ итальянскихъ коммунъ: демократической Флоренціи, аристократической Венеціи, съ другой—съ строемъ феодальной Германіи. Византійская имперія стала теперь громаднымъ леннымъ государствомъ, разбросаннымъ въ предѣлахъ всего Балканскаго полуострова.

Іерусалимскіе ассизы.

Административный строй этого государства, надо полагать, представлялъ повтореніе государственнаго строя іерусалимскаго королевства, которое также было создано мечами крестоносцевъ и утверждено на феодальныхъ началахъ. Западные завоеватели, есть основаніе заключить, примѣнили къ новому государству іерусалимскія постановленія (Assisi regni Hierosolymitani). Но была и разница въ устройствѣ Латинской имперіи и Іерусалимскаго королевства. Въ Палестинѣ духовенство имѣло больше силы и значенія; мы усматриваемъ здѣсь обоюдное воздѣйствіе элементовъ феодальнаго и духовнаго. Правда, такое воздѣйствіе не было чуждо и Латинской имперіи въ первые годы ея существованія, но съ теченіемъ времени оно перешло въ упорную борьбу между феодалами и духовенствомъ, не хотѣвшимъ раздѣлять съ первыми повинностей, сопряженныхъ съ землевладѣльческими правами.

Главную силу въ Латинской имперіи имѣли венеціанцы; они захватили въ свои руки всѣ выгоды завоеванія и вліяніе ихъ обнаруживалось во всѣхъ частяхъ государственнаго строя. Избравши императора, они возвели на патріаршій престолъ Ѳому Морозини, происходившаго изъ знатной венеціанской фамиліи. Онъ привлекъ за собою большое число духовныхъ лицъ, изъ которыхъ каждое—отъ епископа и прелата до послѣдняго причетника—должно было, по западнымъ понятіямъ, пользоваться землею на ленныхъ условіяхъ. Такой порядокъ казался страннымъ и непонятнымъ для Византіи, такъ какъ здѣсь право владѣнія землею предоставлялось однимъ монастырямъ, при чемъ ленниками считались не настоятели

ихъ, а самые монастыри. Въ виду нашего предположенія, что въ Латинской имперіи примѣнялись порядки Іерусалимскаго королевства, мы остановимся на той редакціи, которую въ половинѣ XIII вѣка составилъ для Іерусалима графъ Яффы, Jean d' Ibelin. Этотъ трудъ извѣстенъ подъ названіемъ „Livre des assises et des bons usages dou royaume de Iherusalem". Въ государственномъ венеціанскомъ архивѣ сохранился итальянскій переводъ старо-французскаго списка, который и можетъ служить источникомъ для изученія государственнаго порядка не только въ предѣлахъ іерусалимскаго королевства, но и въ тѣхъ владѣніяхъ, гдѣ утвердилась западная власть ([1]).

Дворъ и ленники.

Во главѣ новаго государства стоялъ избираемый императоръ, ограниченный избирателями, пользовавшійся титуломъ и положеніемъ императора. Его дворъ напоминалъ французскій не однимъ языкомъ; вокругъ его были тѣ же придворные чины: сенешалъ, коннетабль, маршалъ, каммергеръ или великій гардеробъ-мейстеръ и пр. Такъ было въ Іерусалимѣ, такъ стало въ Византіи подъ латинскою властью.

Ленныя отношенія основывались на обоюдномъ договорѣ между сюзереномъ и вассалами. Всѣ, получившіе лены, должны были давать ленную присягу и изъявлять покорность (faire homage) своему сюзерену. Одинъ дожъ венеціанскій былъ свободенъ отъ обязанности давать присягу на вѣрность императору. Когда ленникъ получалъ отъ императора землю, то въ первыхъ словахъ присяги клялся въ безусловной преданности и обязывался всячески помогать ему, что однако исполнялось рѣдко. „Государь! говорилъ онъ, я дѣлаюсь вашимъ ленникомъ (votre homme lyè de tel fiè) и обѣщаю защищать Васъ противъ всѣхъ людей (qui vivre et morir puissent), которые могутъ жить и умереть".

Обязанности вассала къ сюзерену, въ силу договора, заключались: во 1-хъ въ томъ, что вассалъ никогда не долженъ поднимать руки на сюзерена; во 2-хъ—обладаніе ленами обязывало владѣльцевъ участвовать въ войнахъ по вызову сюзерена; въ 3-хъ—вассалъ долженъ былъ всѣми мѣрами заботиться о своемъ патронѣ, защищать его отъ заочной брани,

---

([1]) Ассизы вошли въ академическій сборникъ Recueil des historiens des croisades съ предисловіемъ Beugnot и изданы отдѣльно Foucher (старо-франц. и итальянскій тексты) съ примѣчаніями и комментаріемъ. Въ извлеченіи на русскомъ языкѣ они помѣщены въ III т. изданія г. Стасюлевича (стр. 792—817).

ограждать честь и безопасность всего его семейства, жены, дѣтей и всякихъ родственниковъ, являться немедленно на судъ сюзерена, ручаться за него во всѣхъ его дѣлахъ, даже отдавать себя въ залогъ, освобождать изъ тюрьмы сюзерена и т. п.

Въ вознагражденіе за такія услуги сюзеренъ обязывался защищать честь и имущество вассала, помогать ему противъ его притѣснителей. Безъ приговора суда пэровъ сюзеренъ не могъ заключить вассала въ тюрьму. Если сюзеренъ выходилъ изъ круга своихъ правъ относительно вассаловъ, то они могли отказать ему, по общему согласію, въ подчиненіи и даже прибѣгать къ силѣ.

Такимъ образомъ феодальныя отношенія были укрѣплены взаимнымъ обязательствомъ сюзереновъ и вассаловъ. Въ основѣ этого обязательства лежали нравственныя начала — сознаніе долга и политическая честность.

Эта черта составляетъ отраднѣйшую сторону средневѣковой исторіи. Что дѣйствительно ленный порядокъ исходилъ изъ понятій вѣрности и чести,—это можно видѣть изъ того, что въ противномъ случаѣ онъ не могъ бы долго существовать и смѣнился бы господствомъ физической силы, торжествомъ кулачнаго права. Поэтому тѣ укоризны, которыя обращаютъ огульно къ ленной системѣ, должны быть пріурочены лишь къ эпохѣ перерожденія членовъ феодальнаго общества, къ XIV вѣку, когда были нарушены условія ленныхъ отношеній.

Вассалъ, недовольный своимъ сюзереномъ, могъ прибѣгать къ помощи суда. Арестовать вассала можно было только за измѣну или убійство; за все другое онъ подвергался отнятію лена на одинъ годъ, или пожизненно, смотря по винѣ.

Судъ. Судебная власть тогда смѣшалась съ административной. Верхняя палата, которая изображала кассаціонную инстанцію, въ то же время обладала властью законодательной и исполнительной. Эта maior curia имѣла значеніе верховнаго судилища, въ которомъ предсѣдательствовалъ самъ король или императоръ, а членами были сильнѣйшіе рыцари и бароны. Нижняя палата состояла также изъ рыцарей и депутатовъ городовъ. Въ каждомъ городѣ дѣйствовали нижніе суды (curiae minores), гдѣ предсѣдательствовалъ виконтъ, назначаемый императоромъ. Кодексъ ассизовъ былъ переведенъ на греческій языкъ, но имѣлъ непосредственное примѣненіе только къ западнымъ

феодаламъ, опредѣляя ихъ обязанности ко главѣ имперіи и взаимныя отношенія. Что касается до греческаго населенія, то оно не находило въ немъ защиту своихъ правъ отъ произвола рыцарей. По свидѣтельству лѣтописей, греки терпѣли отъ пришельцевъ постоянныя притѣсненія, доходившія до грабежа и разбоя. Низшіе слои общества, какъ то, поселяне, плѣнные, рабы, составляя собственность владѣльцевъ, находились въ полной отъ нихъ зависимости. Если по смыслу 24 статьи кодекса государь долженъ наблюдать, чтобы бароны ничего не отнимали у вилланов насильственнымъ образомъ, то 174 статья предоставляетъ барону право лишать ихъ дома и движимаго имущества, оставляя самое необходимое для содержанія. Виконты, уполномоченные императоромъ вершить судъ и расправу, какъ предполагалось, должны были любить Бога и творить правду, внимательно выслушивать жалобы и дѣлать по нимъ безпристрастныя рѣшенія, чего они далеко не исполняли на дѣлѣ.

Приговоры по гражданскимъ дѣламъ выражались денежными взысканіями, и только въ важныхъ случаяхъ предписывались поединки. Всѣ бароны были вполнѣ независимы въ своихъ діоцезахъ; они могли вести войну между собою, строили замки и крѣпости, имѣли право уголовнаго суда надъ своими подданными; они же предсѣдательствовали въ судахъ своихъ вассаловъ и назначали виконтовъ въ городскіе трибуналы. Здѣсь опредѣленія сюзерена получали силу только послѣ подписи и приложенія печати барона.

Всѣ, получившіе лены въ покоренной странѣ,—бароны, вассалы, духовенство и рыцари,—составили высшій слой общества. Другую и гораздо большую часть его представляли вилланы, служившіе своимъ владѣльцамъ, и горожане, находившіеся подъ управленіемъ собственныхъ вождей. Первые поселились на земляхъ своихъ владѣльцевъ, а вторые въ городахъ, куда выписали свои семейства, проявивъ торговую и промышленную дѣятельность.

Города Латинской имперіи.

Послѣдніе приносили съ собою начала городскаго корпоративнаго строя и составили городскія общины по образцу западныхъ, но коммунальная организація могла развиться только въ тѣхъ владѣніяхъ, гдѣ поселились пришельцы изъ городовъ адріатическаго прибрежья, близкихъ къ Венеціи.

Многіе греческіе города сохранили прежніе порядки и были вполнѣ самостоятельны въ области внутренняго управленія. Сами западные рыцари не особенно сочувствовали развитію на Востокѣ муниципальнаго строя. Видя подъ своею властью забитыхъ, безгласныхъ грековъ, вассалъ переставалъ ограничивать личный произволъ и скоро входилъ въ роль прежнихъ деспотическихъ намѣстниковъ греческаго императора. Съ той минуты, когда въ какомъ либо городѣ поселялся западный рыцарь, горожане лишались гарантій порядка. Причиною чрезмѣрныхъ жестокостей, доходившихъ до самыхъ отдаленныхъ деревень и хижинъ, были невѣжество, фанатизмъ и бѣдность рыцарей, возбуждавшіе ихъ къ постояннымъ грабежамъ и разбоямъ среди туземнаго населенія.—Въ такомъ тяжеломъ положеніи греки искали помощи у разныхъ туземныхъ владѣльцевъ, усилившихся въ нѣкоторыхъ областяхъ имперіи.

Національныя движенія среди византійцевъ.

Желаніе освободиться отъ чужеземнаго господства вызывало частыя столкновенія между греками и католиками. Борьба должна была особенно усилиться съ ослабленіемъ латинской власти. Если при самомъ началѣ имперіи значительная часть греческаго народа могла сохранить нѣкоторую самостоятельность, то по мѣрѣ ослабленія чужеземнаго господства стремленіе къ свободѣ обнаруживалось сильнѣе и дѣлалось общимъ, такъ что въ половинѣ XIII вѣка, во время упадка латинской власти, ей были покорны только жители Царьграда, а остальные греки, подъ начальствомъ то владѣтеля Эпирскаго, то царя Болгарскаго, то наконецъ императора Никейскаго, изгоняли иноземное владычество изъ своихъ городовъ. Даже населеніе столицы было враждебно къ латинянамъ до послѣдней минуты ихъ господства и радостно привѣтствовало возвращеніе туземнаго государя.

Непріязненное чувство въ грекахъ особенно возбуждалось униженіемъ православія, введеніемъ латинскаго богослуженія и обрядовъ и изгнаніемъ православныхъ священниковъ. „Вы властны въ нашемъ тѣлѣ, а не въ душѣ и совѣсти“, говорили греки рыцарямъ, когда послѣдніе хотѣли обратить ихъ въ католичество. Но были между греками и такіе люди, которые изъ практическихъ выгодъ принимали религію завоевателей. Нашъ Никоновскій лѣтописецъ говоритъ: „и мнози греци въ ихъ законъ и обычай внидоша, и спроста рещи,

вся быша въ Царѣ-градѣ по римскому закону творима и совершима“ (¹). Исторія латинскаго владычества въ Византійской имперіи показываетъ, что оно было прочнѣе въ тѣхъ областяхъ, которыя испытывали меньше притѣсненій въ дѣлахъ вѣры. Поэтому не только Иннокентій III, но и его преемники предписывали своимъ миссіонерамъ пропагандировать католическое ученіе не оружіемъ, а силою слова, добрымъ примѣромъ и терпѣніемъ.

Покореніе Византіи далеко не оправдало тѣхъ преобразовательныхъ цѣлей, какія западные завоеватели хотѣли въ ней осуществить. Слабѣвшее тѣло Восточной имперіи было неспособно воспринять въ себя жизненныя силы Запада, и стремленіе ввести въ ней новые порядки подняло противъ латинянъ отдаленныя провинціи, гдѣ греки искали убѣжища, чтобы сохранить неприкосновенность своей вѣры и національности. Греческіе вельможи, отличавшіеся изнѣженностью, прониклись дотолѣ чуждымъ для нихъ мужествомъ въ борьбѣ за вѣру и народность, тогда какъ завоеватели, подъ вліяніемъ новаго климата и вполнѣ обезпеченнаго положенія, предались роскоши и порокамъ. Когда силы ихъ видимо ослабѣли, ѳракійскіе греки сдѣлали попытку сбросить латинское иго.

Болгарія и битва при Адріанополѣ въ 1205 г.

Они помирились для этой цѣли съ своими злѣйшими врагами — болгарами, валахами и половцами и подъ предводительствомъ Болгарскаго царя Іоанна вступили въ борьбу съ латинянами. Не задолго до взятія Константинополя, Іоаннъ, съ цѣлью упрочиться въ своемъ государствѣ, призналъ надъ собою власть папы и, получивши отъ Иннокентія III королевскій титулъ, былъ коронованъ его легатомъ (²). Такъ какъ латинское правительство не хотѣло его признать самостоятельнымъ государемъ и стремилось поставить въ ленную зависимость отъ императора, то тотъ же Асеня вступилъ съ 14,000 войскомъ въ предѣлы Латинской имперіи.

Получивъ объ этомъ извѣстіе, Балдуинъ, не дождавшись возвращенія изъ Азіи своего брата Генриха, поспѣшилъ къ мѣсту возстанія — Адріанополю, въ сопровожденіи 140 рыцарей и незначительнаго войска; къ нимъ присоединился дожъ Дандоло съ небольшимъ отрядомъ. Лишь только лати-

(¹) Никоновскій Лѣт. стр. 278.
(²) См. выше у насъ, стр. 51.

няне начали осаду Адріанополя, ихъ со всѣхъ сторонъ окружили войска царя Болгарскаго. Балдуинъ въ сопровожденіи небольшого числа рыцарей, обманутый притворнымъ бѣгствомъ половцевъ въ разсыпную, пустился ихъ преслѣдовать. Черезъ двѣ мили бѣжавшіе половцы остановились, уничтожили почти весь отрядъ рыцарей и взяли въ плѣнъ Балдуина. Только Жоффруа де Вильгардуэнъ, принявшій начальство надъ уцѣлѣвшимъ отрядомъ, сдѣлалъ мастерское отступленіе и привелъ своихъ въ Родосто.

Битва при Адріанополѣ (14 апрѣля 1205 года) распространила паническій страхъ въ Константинополѣ. Нѣсколько тысячъ франковъ, въ томъ числѣ многіе рыцари, поспѣшили удалиться въ свое отечество, между тѣмъ греки, славяне и половцы продолжали и учащали свои нападенія.

Въ такомъ опасномъ положеніи имперіи защиту ея взялъ на себя братъ плѣннаго императора Генрихъ, возвратившійся изъ Азіи и выбранный въ правители государства съ титуломъ регента.

Императоръ Генрихъ I (1206-1216 г.). Послѣ пораженія латинянъ при Адріанополѣ, національная партія въ Византіи оживилась и патріоты стали заботиться о сверженіи латинскаго ига. Потому отъ Генриха, отъ его личныхъ качествъ зависѣло удержать хотя бы на время господство латинской власти въ Византіи. Въ августѣ 1206 года, когда было получено извѣстіе о смерти Балдуина въ плѣну, Генрихъ былъ возведенъ на императорскій престолъ и коронованъ. Болгарскій царь, снова подступившій съ своими войсками къ Адріанополю, узнавъ объ избраніи Генриха въ императоры, отошелъ къ Балканамъ. Генрихъ преслѣдовалъ его въ Болгаріи, отбилъ у него множество плѣнныхъ грековъ, разрушалъ города и селенія, обращая въ пустыню страну, чрезъ которую проходилъ. Усмиривши Болгарскаго царя, Латинскій императоръ затѣялъ борьбу съ греческими владѣтелями: Михаиломъ Комненомъ, деспотомъ Эпира, Этоліи и Акарнаніи и Ѳеодоромъ Ласкарисомъ, государемъ Никейскимъ. Владѣнія ихъ служили притономъ эмигрантовъ, недовольныхъ латинскими порядками, являясь центромъ оппозиціи противъ имперіи. Отсюда патріоты ждали спасенія самостоятельности греческой имперіи, ея возрожденія; здѣсь выростали цѣлыя поколѣнія въ духѣ непримиримой ненависти къ завоевателямъ.

Михаилъ Комненъ и Θедоръ Ласкарисъ.

Михаилъ эпирскій представляетъ типъ жестокаго восточнаго тиранна, безпощадно истреблявшаго враговъ своихъ латинянъ. Вынужденный обстоятельствами, онъ однажды подчинился Генриху и призналъ себя вассаломъ имперіи, но черезъ годъ, вопреки договору, возобновилъ военныя дѣйствія. Захвативши въ плѣнъ многихъ рыцарей, онъ закопалъ большую часть плѣнныхъ въ землю. Противъ латинянъ онъ велъ постоянную упорную борьбу, до конца которой Генрихъ не дожилъ.

Болѣе сильнымъ противникомъ оказался Θедоръ Ласкарисъ, зять Алексѣя III, основавшій самостоятельное греческое государство, столицею котораго была Никея. Послѣ Адріанопольской битвы онъ овладѣлъ всѣми приморскими городами, принадлежавшими Латинской имперіи и господствовалъ отъ береговъ Пропонтиды до Эфеса — надъ Виθиніею, Лидіею и частью Фригіи. Въ борьбѣ съ Генрихомъ честь побѣдителя по большей части доставалась ему. Постоянно получая подкрѣпленія отъ туземнаго населенія, Ласкарисъ становился и послѣ пораженій еще болѣе дѣятельнымъ, еще болѣе сильнымъ. Генрихъ принужденъ былъ заключить съ нимъ перемиріе на два года и уступить ему между прочимъ городъ Никомидію. Султанъ Иконійскій, возбужденный Алексѣемъ III, требовалъ отъ Ласкариса, чтобы тотъ отказался отъ власти въ пользу своего тестя, какъ законнаго императора. Но Θеодоръ не согласился, вступилъ въ борьбу съ султаномъ и проигралъ битву на берегахъ рѣки Меандра. Здѣсь 800 храбрыхъ французовъ пали за иновѣрнаго государя.

Гибель султана, неосторожно преслѣдовавшаго грековъ, возстановила счастіе Ласкариса. Онъ долженъ былъ начать войну съ Генрихомъ, вступившимъ во владѣнія деспота Θедора. Послѣдній нашелъ отличнаго полководца въ своемъ зятѣ Андроникѣ Палеологѣ, который сумѣлъ остановить нападеніе латинянъ на Никею. Война кончилась миромъ въ 1214 г., по которому Ласкарисъ удержалъ всѣ свои владѣнія, а латиняне не получили никакой выгоды. Черезъ два года Генрихъ умеръ, и съ его смертію настала для Латинской имперіи эпоха быстраго, неудержимаго паденія. Если мужество Балдуина и благоразумная твердость Генриха не могли упрочить на Востокѣ латинской власти, которая уже въ самомъ началѣ обнаруживала признаки скораго паденія, какъ введенная насильственно,—то тѣмъ менѣе могла сохранить самостоятельность

эта феодальная федерація, когда во главѣ ея не стало искусныхъ руководителей.

Императоръ Петръ де Куртнэ (1216-1219 г.).

По смерти Генриха бароны вступили въ пререканія относительно выбора новаго императора: одни хотѣли видѣть на престолѣ короля Венгерскаго Андрея II, другіе, преимущественно венеціанцы,—Петра де Куртнэ, мужа сестры покойнаго императора Іоланты и родственника французской королевской и германской императорской фамилій. Выборъ палъ на послѣдняго. Въ Римѣ онъ былъ коронованъ Гоноріемъ III, какъ императоръ Константинопольскій. Но этотъ несчастный императоръ не имѣлъ даже денегъ на проѣздъ въ свою столицу. Тѣ же венеціанцы взялись довести его со свитой на своихъ судахъ въ Константинополь безплатно. Они же устроили ему обстановку, приличную особѣ императорской.

На пути въ Византію венеціанцы хотѣли возвратить себѣ изъ подъ власти Өедора Эпирскаго — Дураццо, но это предпріятіе имъ не удалось. Тогда Петръ де Куртнэ отправился вмѣстѣ съ папскимъ легатомъ сухимъ путемъ и попалъ въ плѣнъ къ эпирскому деспоту, который въ два года уморилъ его въ тюрьмѣ.

Когда огласилось заключеніе Петра, въ Европѣ начали проповѣдывать крестовый походъ, который далъ бы Петру де Куртнэ средства поддержать себя, но въ это время его уже не было въ живыхъ. Императрица Іоланта замѣнила своего мужа на престолѣ, но и она умерла въ слѣдующемъ 1220 году.

Императоры: Робертъ де Куртнэ (1221-1228 г.) и Өедоръ Ласкарисъ (1204-1222 г.).

Право на престолъ принадлежало старшему сыну Петра де Куртнэ—Филиппу, но онъ, наученный примѣромъ отца, отказался отъ предлагаемой ему короны и бароны долго убѣждали вступить на престолъ его втораго сына Роберта (1221 г.). Пріѣхавъ въ Константинополь, онъ короновался, по примѣру предшественниковъ, въ Софійскомъ храмѣ и немедленно подтвердилъ всѣ права и привилегіи латинскаго духовенства и феодаловъ. Положеніе имперіи становилось все печальнѣе. Ее продолжали терзать съ разныхъ сторонъ: и деспотъ эпирскій, и царь болгарскій, и императоръ никейскій. Въ добавокъ латинская власть сама подрывала свою силу притѣсненіемъ туземнаго населенія въ дѣлахъ вѣры, такъ что папа принужденъ былъ требовать отъ своихъ миссіонеровъ, чтобы они не прибѣгали къ насилію при исполненіи возложенныхъ

на нихъ обязанностей. „Volo procedere, писалъ онъ, mansuetudine potius, quam rigore“.

Въ то самое время, какъ Робертъ короновался въ Константинополѣ, Ѳедоръ Ласкарисъ уже давно разыгрывавшій независимаго государя, провозгласилъ себя Византійскимъ императоромъ, такъ что явилось два императора. Ласкарисъ, не смотря на то, что былъ женатъ на сестрѣ Роберта, никогда не отступалъ отъ своей цѣли уничтожить латинское господство въ Византіи. Робертъ поспѣшилъ войти съ нимъ въ мирныя сношенія; но когда, по смерти Ласкариса (въ 1222 году), на престолъ никейскій вступилъ его зять Іоаннъ Дука Ватацесъ, еще болѣе сильныя несчастія обрушились на импровизованную имперію.

Іоаннъ Ватацесъ (1222-1255 г.).

Въ Іоаннѣ греки нашли новую, давно забытую силу, которая можетъ быть на полвѣка приблизила освобожденіе Византіи отъ иноземнаго владычества. Черезъ два года по вступленіи на престолъ, Ватацесъ нанесъ Роберту рѣшительное пораженіе. Безсиліе и униженіе латинскаго императора доходило до того, что онъ искалъ покровительства у болгарскаго царя Іоанна Асени II (1210—41 г.) и предложилъ ему быть своимъ соправителемъ. Царь принялъ это предложеніе и, разбивъ врага латинянъ, эпирскаго деспота, скоро соединился съ своими прежними союзниками половцами и пошелъ съ ними на Константинополь. Византійскій флотъ, о которомъ такъ заботились греческіе императоры, на этотъ разъ спасъ Латинскую имперію.

Отвсюду стѣсненный, нигдѣ не находившій помощи, Робертъ отправился въ Римъ искать покровительства папы, но тотъ посовѣтовалъ ему возвратиться въ свою столицу, на пути къ которой онъ умеръ (1228 г.).

Іоаннъ Бріенскій, король Іерусалима († 1237 г.) и императоръ Балдуинъ II (1228-1275 г.)

Третьему сыну Петра де Куртнэ—Балдуину II было въ это время только одинадцать лѣтъ. Его признали императоромъ, но при затруднительномъ положеніи имперіи во главѣ ея долженъ былъ стоять человѣкъ, способный управлять государственными дѣлами и предводительствовать войскомъ. Потому бароны предложили регентство Іоанну Бріенскому. Рожденный простымъ рыцаремъ, Іоаннъ носилъ такимъ образомъ двѣ короны — королевскую и императорскую, былъ зятемъ двухъ королей, тестемъ двухъ императоровъ. Ему было 89

лѣтъ, когда онъ сдѣлался Константинопольскимъ императоромъ. Не смотря на храбрость и энергію, которыя сохранились у Іоанна и въ старости, онъ однако не могъ принести большой пользы Латинской имперіи, доведенной до крайняго истощенія силъ и, умирая, оставилъ государство Балдуину II въ такомъ же бѣдственномъ положеніи, въ какомъ принялъ его.

Смерть Іоанна Бріенскаго нанесла новый ударъ латинянамъ, такъ какъ въ немъ они лишились императора, имѣвшаго большія родственныя связи съ государями Европы и репутацію доблестнаго рыцаря. Титулярный императоръ Балдуинъ II цѣлыхъ два года странствовалъ по Европѣ, вымаливая у папы и королей денегъ и войска для своего государства. Просьбы его не остались безъ успѣха. Многіе французскіе феодалы приняли крестъ, чтобы поддержать романскую власть на Востокѣ. Король англійскій Генрихъ III подарилъ Балдуину 700 марокъ серебра. Гораздо болѣе помогли Константинопольскому императору французскій король Луи IX и папа; первый предоставилъ ему сборъ налоговъ, взимавшихся во Франціи съ евреевъ, а второй, приглашая королей на помощь Балдуину, съ своей стороны назначилъ на издержки предстоящаго похода суммы, отчасти принадлежавшія къ церковнымъ доходамъ, отчасти собранныя для Палестины. Но такая помощь далеко не соотвѣтствовала нуждамъ Латинской имперіи. Потому Балдуинъ, чтобы добыть денегъ, заложилъ собственное Намюрское графство и, наконецъ, собравши значительное наемное войско, отправился съ нимъ въ Константинополь. Отсюда онъ предпринималъ нѣсколько походовъ, но вскорѣ его казна истощилась, и онъ принужденъ былъ распустить приведенныхъ съ Запада наемниковъ, которые перешли къ его противнику—императору Никейскому.

Пользуясь затруднительнымъ положеніемъ Балдуина, Ватацесъ съ успѣхомъ расширялъ свои владѣнія на счетъ Ѳракіи, Македоніи и Ѳессаліи и такъ близко подошелъ къ Царьграду, что послѣдній казался островомъ среди туземнаго и славянскаго населенія. Ватацесъ успѣлъ взять въ плѣнъ эпирскаго деспота и подчинить себѣ остальныхъ членовъ эпирской династіи. Балдуинъ, встревоженный его побѣдами, искалъ помощи у Иконійскаго султана, обѣщая ему для гарема одну изъ своихъ племянницъ, а затѣмъ опять отправился нищен-

ствовать по Италіи и Франціи, но черезъ четыре года возвратился въ Византію, ничего не добившись.

До самой смерти этотъ бѣднякъ былъ въ положеніи унизительномъ даже для частнаго человѣка. Все, что могло быть употреблено на монету, было обращено въ нее. Латиняне не пощадили даже свинцовыхъ крышъ дворцовъ и церквей. Заложивъ всѣ церковныя имѣнія, Балдуинъ дошелъ наконецъ до такой бѣдности, что жилъ съ своей женой милостыней, вымоленной у французской королевы.

Въ то время какъ латинская имперія доживала свои послѣдніе дни, Никейское государство достигло замѣчательной силы и процвѣтанія. Ватацесъ подчинилъ себѣ еще дотолѣ независимыхъ владѣтелей Ѳессалоники Іоанна и Димитрія, а также Михаила Ангела Комнена, владѣвшаго частью Ѳессаліи. Всѣ они признали верховную власть Никейскаго владыки, которому патріотическая партія дала титулъ императора. Собирая вокругъ себя силы, Ватацесъ велъ дѣло съ замѣчательной осторожностью и искусствомъ. Онъ старался расположить въ свою пользу даже папу, указывая ему въ недалекомъ будущемъ на возможность соединенія Церквей. Смерть въ 1255 году прекратила многостороннюю дѣятельность Ватацеса, завѣщавшаго довершеніе намѣченныхъ плановъ своему сыну Ѳеодору II Ласкарису. Но послѣдній не могъ исполнить этого завѣщанія, такъ какъ далеко уступалъ своему отцу въ политической мудрости. Ѳеодоръ II оставилъ престолъ малолѣтнему сыну Іоанну, поручивъ опеку надъ нимъ своему любимцу Георгію Музалону и патріарху Арсенію. Но Георгій скоро погибъ жертвой заговора, главнымъ участникомъ котораго былъ Михаилъ Палеологъ, занявшій должность опекуна и регента.

Михаилъ Палеологъ (1260-1282 г.) и возстановленіе греческой имперіи въ 1261 г.

Ставши во главѣ Никейскаго царства, Михаилъ Палеологъ роздалъ важнѣйшія мѣста своимъ знакомымъ, друзьямъ и роднымъ, привязалъ къ себѣ войско и провозгласилъ себя императоромъ. Черезъ два года онъ велѣлъ ослѣпить и посадить въ темницу молодаго царевича Іоанна, послѣднюю отрасль Ласкарисовъ. Этотъ поступокъ поставилъ его въ непріязненныя отношенія къ патріарху Арсенію, но когда послѣдній удалился въ монастырь и на его мѣсто былъ выбранъ другой, Михаилъ приготовился къ окончательному сверженію латинскаго ига.

Напрасно Балдуинъ отправилъ къ Михаилу пословъ, изъявляя готовность признать Михаила императоромъ Никеи, если онъ откажется въ пользу латинянъ отъ Өессалоники и всѣхъ своихъ завоеваній въ Македоніи и Өессаліи. Палеологъ отвѣчалъ требованіемъ дани, немедленно выступилъ въ походъ подъ Константинополь и безъ труда покорилъ окрестности Византіи, но, получивъ извѣстіе о вторженіи монголовъ во владѣнія Иконійскаго султана, рѣшился отступить, оставивъ въ завоеванныхъ пунктахъ свои гарнизоны и заключивъ съ Балдуиномъ перемиріе на одинъ годъ.

Когда опасность отъ монголовъ миновала, Михаилъ, не дождавшись срока перемирія, быстро двинулся къ Константинополю, приблизился къ нему въ темнотѣ и, пославъ 50 человѣкъ взобраться на стѣны и отворить ворота, безпрепятственно утвердился въ столицѣ. Онъ зажегъ ее въ нѣсколькихъ мѣстахъ, чтобы выжить латинянъ изъ города. Дѣйствительно пришельцы, съ Балдуиномъ во главѣ, устремились на корабли съ цѣлью отплыть въ западную Европу. 15-го августа 1261 г. Михаилъ Палеологъ вступилъ за торжественнымъ крестнымъ ходомъ чрезъ Золотыя ворота въ Царьградъ, слѣдуя за иконой Богоматери пѣшкомъ, съ обнаженной головой и безъ всякихъ знаковъ царскаго достоинства.

Слѣдствія латинскаго завоеванія.

Утвердивъ свою власть, онъ принялъ всѣ мѣры, чтобы залѣчить раны государства и уничтожить слѣды разрушенія, которое всюду оставило иноземное господство. Но нельзя было возстановить памятниковъ искусства, этихъ замѣчательныхъ статуй, зданій и храмовъ,—нельзя было возродить дорогихъ рукописей, находившихся въ такомъ обиліи въ монастырскихъ библіотекахъ.

Были и другіе практическіе слѣды латинскаго владычества. До того греки находились въ мирныхъ отношеніяхъ съ славянами, поддерживали ихъ взаимныя ссоры и тѣмъ отвращали ихъ отъ нападеній на Византію. Теперь же славяне почувствовали силу и нашли возможнымъ противодѣйствовать ея завоевательнымъ притязаніямъ. Такимъ образомъ измѣненіе отношеній славянъ къ Византійской имперіи было непосредственнымъ результатомъ латинскаго владычества, во время котораго славяне успѣли познать внутреннюю несостоятельность имперіи. Мы подробнѣе будемъ говорить объ этомъ, когда займемся судьбою балканскихъ славянъ въ XIII и

XIV вѣкахъ. Политическое обновленіе царствъ сербскаго и болгарскаго, ихъ полная національная самостоятельность есть прямое слѣдствіе этой эпизодической имперіи, пронесшейся тяжелымъ метеоромъ надъ Византіей.

Съ вступленіемъ на престолъ династіи Палеологовъ въ Византіи водворился прежній деспотическій порядокъ, а съ нимъ и всѣ его дурныя послѣдствія—притѣсненія населенія, нравственное растлѣніе правителей и народа. Что касается до латинскихъ порядковъ, то они, какъ совершенно чуждые Востоку, нисколько не привились на его почвѣ, такъ что спустя два вѣка, когда османскіе турки взяли Константинополь, не было видно даже слѣдовъ латинскаго владычества. Нѣкоторые клерикальные западные историки думаютъ, что завоеваніе Константинополя было карой Божіей за незаконное отнятіе престола у западныхъ завоевателей.

Крестовые походы дѣтей.

Это было горькое утѣшеніе. Латинское господство имѣло вліяніе на крестовыя движенія, поглотивъ въ себя силы, предназначенныя совсѣмъ для другой цѣли. Что ревность къ крестовымъ походамъ нисколько не ослабѣла въ ту пору, это видно изъ походовъ дѣтей. Эти походы, которые пытались отвергать нѣкоторые историки, дѣйствительно происходили. Первый относится къ 1212 году или 1213 г. (1). Поводомъ къ походу были слухи, что засуха въ этотъ годъ будетъ очень велика, море пересохнетъ, такъ что можно будетъ дойти до Константинополя сухимъ путемъ. Такое странное въ исторіи явленіе, какъ движеніе среди юношей, показываетъ, что мысль тогдашняго общества жила въ области мистическихъ и идеальныхъ представленій и что религіозное одушевленіе было очень сильно, если имъ могли проникнуться даже дѣти.

Юные крестоносцы принадлежали къ двумъ націямъ—французской и итальянской. Предпріятіе, конечно, имѣло очень грустный исходъ. Дѣти раздѣлились на два отряда: одинъ прибылъ въ Генную, другой въ Марсель. Послѣдній отрядъ взяли подъ свое покровительство марсельскіе купцы; они ловко заманили дѣтей на свои суда и немедленно повезли

(1) Des Essarts. La croisade des enfants (P. 1875).—Статья Röhricht. Der Kinderkreuzzug (Hist. Zeitschrift; XXXVI, 1—3). Эти походы констатируютъ: Albericus подъ 1212 и 1228, Annales Colon. maximi, Ann. Plac. и другіе лѣтописцы.

ихъ вмѣсто Палестины—къ африканскимъ мусульманамъ для продажи. Изъ тысячи плѣнныхъ дѣтей въ живыхъ остались немногія, которыхъ принудили принять мусульманство. Что касается до другой партіи дѣтей, то генуэзцы нашли лучшимъ сдѣлать ихъ матросами, чѣмъ крестоносцами.—Нѣсколько лѣтъ спустя, юные нѣмцы въ числѣ 20 тысячъ, подъ начальствомъ 10-лѣтняго мальчика Николая, перевалили Альпы; большая часть разбѣжалась, другихъ вернули изъ Піаченцы. Во всей Европѣ обнаружилось сильное возбужденіе юнаго поколѣнія, неудержимо стремившагося противъ невѣрныхъ; какая-то непонятная сила одушевляла юношество. Когда отцы семействъ начали удерживать и запирать дѣтей, то они разбивали замки, рвали веревки. Очень можетъ быть что эти юные воители были плодомъ того нервознаго поколѣнія, которое страдало крестовой mania religiosa, плодомъ тѣхъ матерей, которыя бились въ конвульсіяхъ на площадяхъ городовъ, взывая къ Гробу Господню (¹). Къ дѣтямъ присоединялись бродяги, искатели приключеній, монахи....

Когда Иннокентій III узналъ о дѣтскомъ походѣ, то говорилъ что дѣти служатъ укоризной старшимъ, остававшимся въ бездѣйствіи. Конечно онъ не могъ раздѣлять дѣтскихъ увлеченій, но масса сочувствовала дѣтямъ-крестоносцамъ, такъ какъ думала, что Богъ будетъ благосклоненъ къ безгрѣшнымъ дѣтямъ и поможетъ имъ въ борьбѣ съ невѣрными.

Что касается до болѣе серьезнаго крестоваго предпріятія на Востокъ, который хотѣлъ возбудить Иннокеній III, то оно не состоялось. Вниманіе римскаго первосвященника и его куріи было отвлечено другимъ болѣе опаснымъ и даже грознымъ движеніемъ, проявившимся по сосѣдству съ Италіей и имѣвшимъ характеръ ереси. Въ подавленіи этого движенія обнаружилось много отрицательныхъ сторонъ какъ въ самой теократической идеѣ, такъ и въ нравахъ католическаго духовенства.

Переходимъ къ этой великой и кровавой борьбѣ, вызванной ересью такъ называемыхъ Альбигойцевъ.

(¹) Объ этомъ, на основаніи свидѣтельства Alberti Stadensis, говоритъ Preger. G. der deutschen Mystik im Mittelalter; I, 54.

3) Развитіе еретическихъ ученій подъ славянскимъ вліяніемъ. Богомилы, патарены, катары и вальдензы. Альбигойскія войны и послѣдствія ихъ. Подчиненіе Лангедока французской коронѣ.

Въ изложеніи дѣятельности Иннокентія III мы усмотрѣли, какъ широко охватывала его власть тогдашній западный міръ. Мы видѣли, что въ отношеніяхъ ко всѣмъ европейскимъ государямъ онъ оставался безграничнымъ повелителемъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, послѣ побѣды теократіи на Западѣ, Иннокентію, казалось, представилась возможность водворить то единство каѳолической Церкви, какое было четыре вѣка тому назадъ. Въ этихъ видахъ, четвертый крестовый походъ давалъ нѣкоторыя надежды римской куріи присоединить къ своей Церкви эту твердыню православія, Византійскую имперію. Изъ очерка судебъ Латинской имперіи въ Константинополѣ можно убѣдиться, какъ ошибочны были такія надежды и какъ мало расположенъ былъ тамъ народъ къ перемѣнѣ православія на католичество. Ни патріархи латинскіе, ни іерархія католическая, ни искусство пропаганды, ни личность Иннокентія III сама по себѣ — ничего не могли сдѣлать для церковнаго объединенія Востока съ Западомъ. Этотъ широкій замыселъ римской куріи былъ оригиналенъ уже и потому, что въ это время побѣдоносная курія страдала болѣзнями, вытекавшими изъ склада ея собственнаго организма. Для папской власти появилась опасность въ видѣ ереси тамъ, гдѣ, конечно, можно было ожидать ее всего менѣе. Громадное тѣло католицизма представило такую брешь, которая грозила ему разрушеніемъ и была подготовлена рядомъ предшествовавшихъ событій. Разумѣемъ протестантскія ученія, которыя въ XII вѣкѣ были особенно сильны на почвѣ южной Галліи, въ областяхъ, говорившихъ языкомъ провансальскимъ, въ нынѣшней южной Франціи, преимущественно на правомъ берегу средняго теченія Роны.

Графство Тулузское.

Здѣсь были расположены владѣнія съ отдѣльнымъ, самостоятельнымъ управленіемъ въ каждомъ городѣ. Эти домены и города только номинально подчинялись власти своихъ феодаловъ, тѣхъ феодаловъ, которые въ свою очередь считали своимъ сюзереномъ то герцога Аквитаніи, то короля Арраго-

ніи, то короля Франціи. Изъ этихъ владѣтелей выдавался въ началѣ XIII вѣка герцогъ тулузскій Раймондъ VI, которому принадлежали: герцогство Нарбонна, графства Венэссенъ, Санъ-Жиль, Де Фуа и Коммепгъ, викоптства Альбижуа, Вивофэ, Геводанъ, Велэ, области Руэргъ, Аженуа и Керси.

Династія Раймондовъ была извѣстна еще въ VIII вѣкѣ. Около Раймунда VI собирались трубадуры, подсмѣивавшіеся давно надъ католической Церковью; при его дворѣ происходили суды любви, возбуждавшіе столько вопросовъ во взаимныхъ отношеніяхъ мужчины и женщины, дававшіе свѣжія краски пѣснямъ трубадуровъ. Эти графы, окруженные лучшими представителями древней культуры, не чуждые прикосновенія съ саррацинской цивилизаціей, жили въ особенно дружескихъ отношеніяхъ съ своимъ роднымъ городомъ Тулузой. Со времени римлянъ города латинскіе,—такъ назывались коммуны южной Галліи, и Тулуза въ томъ числѣ,—пользовались полной самостоятельностью, управлялись преимущественно консулами и имѣли письменные римскіе кодексы. На этомъ благодатномъ Югѣ феодальные властители чувствовали себя пришельцами. Даруя самоуправленіе горожанамъ, они должны были защищать ихъ отъ покушеній болѣе крупныхъ феодаловъ, герцога Аквитаніи, королей Аррагоніи и Франціи.

Графы Тулузскіе, еще съ конца IX столѣтія, владѣли областью Альбижуа, названной такъ по имени города Альби, города, получившаго потомъ столь громкую извѣстность, какъ центръ ереси, извѣстной подъ именемъ ереси „Альбигойцевъ“.

Происхожденіе альбигойскаго катаризма.

Здѣсь собственно проявилось два церковныхъ направленія, кромѣ ортодоксальнаго: *одно* вело свое происхожденіе отъ восточныхъ гностическихъ и манихейскихъ ученій и отличалось восточнымъ мистицизмомъ; *другое* было болѣе близко къ Европѣ и представляло изъ себя раціональное развитіе тогдашняго христіанства. Первое направленіе составляетъ собственно догма альбигойцевъ или катаровъ, второе — ученіе такъ называемыхъ вальдензовъ. Должно замѣтить, что оба эти направленія часто безразлично называются ересью альбигойцевъ и даже церковные историки нашего времени, не всегда умѣя ихъ различить, часто обвиняютъ вальдензовъ въ тѣхъ фантазіяхъ и заблужденіяхъ, которыя всегда проявляли лишь альбигойцы катары. Это альбигойское вѣроученіе, жестоко заклейменное католиками, было тоже не самостоятельно. Пока

займемся альбигойскимъ направленіемъ собственно, т. е. восточной вѣтвью ереси, которая имѣетъ свой корень въ ученіи персидскихъ маговъ, въ бредняхъ гностиковъ, манихейцевъ и павликіанъ.

Вѣками оно шло и надвигалось съ Востока на Западъ, идя упорно, оставляя послѣ себя слѣды въ церковныхъ догматическихъ положеніяхъ. Можно опредѣлить каждый моментъ постепеннаго развитія этого, такъ называемаго альбигойскаго вѣроученія, исходившаго изъ восточныхъ источниковъ. Можно отмѣтить также тѣ слѣды, которые оставляло оно въ своемъ шествіи до появленія на почвѣ южной Галліи. Манихейцы, бывшіе, какъ извѣстно, послѣдователями ученія Манеса, который въ свою очередь былъ ученикомъ Зороастра, и павликіане, развившіе ученіе манихейцевъ, — тѣ и другіе породили эти не столько богословскія, сколько фантастическія идеи на Балканскомъ полуостровѣ. *Послѣдователи Манеса были первымъ звеномъ въ образованіи ученія катаровъ.* О нихъ мы говорили въ свое время (I, 20—23) въ первомъ томѣ нашего труда [1]. Изъ глубины Азіи манихейцы перенесли свои мечтанія на Балканскій полуостровъ въ предѣлы имперіи. Ихъ догма удерживала существенный характеръ; мѣнялись только подробности отъ разныхъ наслоеній.

Павликіане.

Однимъ изъ рѣшительныхъ моментовъ въ исторіи образованія дуалистической догмы катаровъ было обращеніе ея въ греческія формы „павликіанъ и эвхитовъ" и въ славянскія тенденціи „богомиловъ". Въ этихъ своихъ формахъ манихеизмъ еще одною ступенью приблизился къ альбигойству.

Еретиковъ въ Восточной имперіи распространилось болѣе чѣмъ въ Западной. Что они тамъ составляли вмѣстѣ и политическое общество, это видно на исторіи восточныхъ павликіанъ, которыхъ слѣдуетъ отличать отъ западныхъ, гдѣ эта секта далеко не имѣла такого значенія. Павликіане вышли изъ Арменіи. Тамъ былъ главный центръ этой ереси. Когда часть ихъ исчезла на Западѣ Европы, остальные представили тѣмъ болѣе грозную силу въ предѣлахъ Византійской имперіи. Они рано сложили догму своей религіи подъ вліяніемъ теологическихъ идей Востока и позже своихъ западныхъ со-

---

(1) Еще подробнѣе въ Исторіи Альбигойцевъ; I, 117—121, гдѣ приведена литература вопроса.

братьевъ вступили на сцену исторіи. Нѣкогда они называли себя дѣтьми солнца, т. е. его слугами. Ихъ проповѣдники: Константинъ (въ VII вѣкѣ) и его преемники Симеонъ, Павелъ, Іосифъ (въ VIII вѣкѣ), постепенно распространили павликіанскую догму въ Малой Азіи, учредивъ административный центръ своего общества въ Фанарѣ на Геллеспонтѣ. Они умѣли ладить съ арабами и греками; пользуясь тогдашними политическими событіями, они пріобрѣли себѣ самостоятельность. Когда императоры приказали ихъ преслѣдовать, то встрѣтили въ лицѣ ихъ пророка и вождя Кордбеаса энергическое сопротивленіе. Всѣ мелкія секты соединились вокругъ него и сдѣлались даже нападающею стороной. Исповѣдники павликіанства составляли какъ бы status in statu; они имѣли своего вождя, свое почти независимое общество, свою территорію. Они вели прямую войну съ императоромъ Василіемъ; ихъ полководцы, послѣ многихъ неудачъ, подчинились правительству. Іоаннъ Цимисхій далъ имъ землю для поселенія, обязавъ защищать ее отъ „хищничества скиѳовъ", предоставляя за то павликіанамъ свободу вѣры. Это была большая страна во Ѳракіи, около Филиппополя, имѣвшая такое большое значеніе въ глазахъ альбигойцевъ, какъ центральный источникъ еретическаго ученія. Скоро, говоритъ Анна Комненъ, все кругомъ Филиппополя стало еретическимъ (¹). Страна эта сдѣлалась мѣстомъ спасенія всѣхъ преслѣдуемыхъ и гонимыхъ за убѣжденія, преимущественно религіозныя; она покрылась общинами еретиковъ.

Эвхиты.

Эвхиты и мессаліане были однимъ изъ такихъ обществъ, вѣтвью павликіанъ. Лукапетра и его ученика Сергія они считали своими ересеначальниками, выработавшими ихъ догму. Сергій считался также реформаторомъ общественнымъ. Для доказательства своихъ убѣжденій, еретики перетолковывали нѣкоторыя мѣста евангелія отъ Матѳея. Новый завѣтъ они принимали не вполнѣ, ограничиваясь четверо-евангеліемъ, четырьмя посланіями Павла, посланіями Іакова, Іоанна, Іуды и Дѣяніями. Скорѣе католики чѣмъ дуалисты, они не остались однако чуждыми нѣкоторымъ обрядамъ и обычаямъ манихейства и магіи. Ихъ упрекали между прочимъ въ сно-

(¹) Annae Comnenae Alex. l. XV (ed. Niebuhr, 1839).

шеніяхъ съ духами, которыхъ они одолѣвали молитвою и изгоняли, совершая различныя тѣлодвиженія. Но, придя въ страну дуализма, они должны были заимствовать чужое ученіе, сочетать съ нимъ свое и составить систему, которая вышла въ нѣкоторыхъ частяхъ мистическою, въ остальныхъ же манихейскою. Крещеніе они отвергнули; церковная внѣшность была для нихъ дѣломъ постороннимъ. Въ каждомъ человѣкѣ, по убѣжденію евхитовъ, присутствуютъ демоны, съ самаго дня рожденія: исцѣлиться отъ нихъ можно только неустанною молитвою. Потому качество пищи не казалось важнымъ; воздержаніе отъ мяса было необязательно. Но аскетизмъ и иноческая жизнь требовались этою системою болѣе, чѣмъ какою либо изъ манихейскихъ. Страна скоро покрылась монастырями, около которыхъ стали появляться отшельники. Мессаліане давно таили въ себѣ призваніе къ подвижнической жизни — съ тѣхъ поръ, какъ только запоминали себя въ предѣлахъ Месопотаміи, Сиріи и Памфиліи. Догматика секты состояла въ признаніи вѣчной борьбы добраго Бога съ злымъ демономъ, въ изчезновеніи души въ звѣздныхъ сферахъ, въ необходимости отчужденія отъ злаго духа. Православные греки разсказывали про тайныя собранія еретиковъ много ужаснаго, упоминали про свальный грѣхъ, про умерщвленіе младенцевъ, кровь и пепелъ которыхъ они-де истребляли, но подобные разсказы передавались и про первыхъ христіанъ и про другія общества, уклонившіяся отъ правовѣрія, если только оба пола участвовали на такихъ собраніяхъ. Евхитовъ иначе называли греки энтузіастами или пневматиками. Зенды, сирійскій гнозисъ, манихеизмъ, всѣ эти стороны азіатскаго философскаго духа оказали вліяніе на фанатическое ученіе эвхитовъ, современное развитію религіозныхъ созерцаній богомиловъ Болгаріи (¹). Собственно послѣдніе вводятъ насъ во *второй періодъ альбигойства*, *періодъ славянскій*.

Славянскія вліянія.

Такъ называемое богомильство послужило переходомъ къ альбигойству. Богомильство есть продуктъ или точнѣе разви-

(¹) Schnitzer. Die Euchiten im XI Iahrhundert (Studien der Geistlichkeit Würtemberg's; B. XI, № 1, J. 1839). — Gieseler. Untersuchungen über die Gesch. der Paulicianer (Theologische Studien und Kritiken. J. 1829, № 1).— Petri Siculi hist. Man. et Paulic.—F. Schmidt. Hist. Paulic. orientalium. 1826. — Источникомъ служитъ: Euthymius Zygabenus. Triumphus de secta Messalianorum qui et Bogomili, nec non Euchitae, Enthusiastae, Encratitae et Marcionitae appellantur (Bibl. Max. Patrum; XIV, 293 etc.).

тіе манихейскаго ученія, которое среди мѣстныхъ политическихъ и религіозныхъ условій балканскихъ славянъ нашло себѣ благопріятное развитіе. Самый складъ первобытныхъ религіозныхъ вѣрованій древнихъ славянъ-язычниковъ не остался безъ вліянія на дальнѣйшую судьбу христіанства въ Болгаріи. Объяснить распространеніе ереси между слявянами исключительно посредствомъ одной пропаганды павликіанъ, — нельзя. Въ другихъ концахъ балканскаго полуострова, кромѣ окрестностей Филиппополя, дуалисты имѣли свои церкви еще раньше. Такъ было въ западной Македоніи, между прочимъ, въ городѣ Филиппахъ; такія еретическія церкви попадались до павликіанъ въ Ахаіи. Но тѣмъ не менѣе манихейство упрочилось въ Болгаріи и переработалось тамъ въ новую систему. Болѣе того: существуя въ странѣ издавна, оно противодѣйствовало распространенію въ ней христіанскаго ученія. Великіе просвѣтители и апостолы славянскіе, по обращеніи Бориса, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Болгаріи оставили язычество санеискорененнымъ; тамъ оно продолжало существовать до самаго царя Петра Симеоновича. Оставшееся язычество стало предметомъ прозелитизма манихейцевъ, имѣвшихъ своихъ проповѣдниковъ и вліятельныхъ представителей во всѣхъ предѣлахъ имперіи. Еретики отличались радушіемъ, общительностью, краснорѣчіемъ. Іоаннъ, извѣстный экзархъ болгарскій, въ своемъ четвертомъ словѣ, смѣшиваетъ язычниковъ съ еретиками: „да ся срамляютъ убо вси пошибени и сквернiи Манихеи и вси погани Словени и вси языцы зловѣрнiи", говоритъ онъ (¹). Не успѣлъ еще умолкнуть послѣдній звукъ поученія просвѣтителей Болгаріи, какъ туда прибыли павликіанскіе миссіонеры изъ Арменіи (²). Они повели дѣло съ необыкновеннымъ успѣхомъ и скоро ихъ заблужденія стали грозить православію. Если не стало язычниковъ, то появилось несравненно болѣе опасное и страшное общество, сочлены котораго пользовались большими средствами и нравственнымъ авторитетомъ. Еще опаснѣе стали они, когда явился между ними одинъ изъ тѣхъ вождей, которые призваны быть ересіархами. Онъ совершилъ реформу въ манихеизмѣ и создалъ особый видъ этой ереси, прозванной по его имени.

(¹) С. П. Палаузовъ. Вѣкъ болгарскаго короля Симеона; 92.

(²) Petri Siculi—hist. Man. 2,—въ письмѣ къ архіепископу болгарскому, для котораго предназначалось все сочиненіе; онъ узналъ о посольствѣ отъ павликіанъ армянскаго мѣстечка Тигрикъ.

Причины и условія успѣховъ ереси среди славянъ.

Это былъ попъ именемъ Богоумилъ, о которомъ замѣтилъ православный обличитель — „а по истинѣ Богоу не милъ“ ([1]). Онъ, — это было въ концѣ X вѣка, — жилъ въ царствованіе Самуила ([2]). Успѣхамъ этого славянскаго Манеса способствовали политическія обстоятельства и основныя причины. На болгарахъ и прочихъ славянахъ столкнулись претензіи двухъ властей церковныхъ: папы римскаго и патріарха константинопольскаго. Польскій историкъ Мацеёвскій, убѣдительно доказалъ, что первый свѣтъ христіанства на славянъ былъ пролитъ съ Востока, что они издавна входили въ составъ восточнаго патріархата, но папы съ своими свѣтскими стремленіями насильственно вовлекали славянъ въ лоно католической Церкви ([3]). Характеръ проповѣдей тѣхъ и другихъ миссіонеровъ значительно различался въ пріемахъ. Рѣчь западныхъ была на непонятномъ языкѣ; она часто приносила съ собою только притѣсненія и нищету для обращаемыхъ; греческая же проповѣдь обладала тайною успѣха. Славяне, обитавшіе вблизи Византіи, охотно принимали христіанство, потому что святые апостолы объясняли имъ таинства вѣры на понятномъ для нихъ языкѣ. Хотя они и любили языческіе обряды, продолжая слѣдовать имъ, даже будучи христіанами, но никогда не защищали ихъ съ оружіемъ въ рукахъ. Потому сцена проповѣди греческихъ монаховъ распространилась до далекихъ предѣловъ. Католическимъ же ученымъ—особенно Мацеёвскому—принадлежитъ честь сознанія,

---

([1]) Слово свѧтаго Козмы презвитера на еретики препреніе, въ редакціи XVI вѣка, по рукописи Московской Духовной Академіи напечатано въ Arkiv za povjestnicu jugoslavensku (v Zagrebu); od god 1857, knjiga IV; 72) а по рукописи Соловецкой, находящейся въ Казанской Академіи, въ Православномъ Собесѣдникѣ 1864 (I, 486—500, II. 82, 198, 310, 411). Это лучшее и болѣе научное изданіе.

([2]) Такъ показываетъ и другое свидѣтельство, записанное о Богомилѣ въ синодикѣ царя Бориса отъ 1210 года. См. А. Ө. Гильфердинга. Письма объ исторіи Сербовъ и Болгаръ; I, 172. (М. 1856—57).—По Euthymius Zyg. именованіе секты происходитъ отъ «Боже милуй». Chr. Wolf. Historia Bogomilorum (Witt. 1712, in) 4); p. 1.

([3]) Maciejewski. Pierwotne dzieje chrzc. kośc. u Slowin—въ Pamiętniki o dziejach Słowian (Pet. 1839; t. I. 41—193). Русскій переводъ отдѣльнымъ сочиненіемъ Евецкаго (Исторія первобытной христіанской Церкви у Славянъ. 1840), стр. 17—18.

что во всѣхъ славянскихъ земляхъ, до горъ Татры, первоначальнымъ христіанствомъ было восточное и что только искусствомъ и политикою Рима оно замѣнилось латинскимъ ([1]). Оно съ изначала было посѣяно въ Моравіи ([2]), Чехіи ([3]), Кроаціи ([4]), Силезіи ([5]), даже въ Польшѣ ([6]) и наконецъ въ Венгріи ([7]). — Возвращаясь для уясненія богомильства къ эпохѣ распространенія христіанства въ Болгаріи, замѣтимъ прежде всего, что въ то самое время, когда казалось были навсегда утеряны для католицизма славянскія страны, римская курія съ удивительною прозорливостію не только уничтожила среди западныхъ славянъ слѣды греческаго миссіонерства, но даже умѣла склонить болгаръ къ отложенію отъ восточной Церкви, только что усыновившей ихъ Едва успѣлъ императоръ Михаилъ удалить римско-католическаго епископа, какъ поспѣшилъ дать большія права болгарской Церкви, чтобы удержать ее за собой; ея архіерей получилъ второе мѣсто послѣ константинопольскаго, а около половины X вѣка сдѣлался независимымъ патріархомъ, но впрочемъ не надолго. Болгарія, возбуждавшая зависть папъ, была долго предметомъ вражды двухъ великихъ Церквей; она послужила наконецъ одною изъ причинъ ихъ раздѣленія. Важно то, что въ отношеніи Болгаріи столько же играли роль экономическіе интересы папъ, сколько универсальные виды герман-

([1]) Maciejowski замѣчаетъ по этому поводу: «Дѣйствительно иностранцы спѣшили водворить за Карпатами западную образованность, зная, что чужеземное растеніе, пересаженное на чуждую для него почву и воспитанное нерадивымъ наемникомъ, не улучшитъ земли, въ которую оно пуститъ корни, а напротивъ повредитъ ей, поглощая питательные соки, необходимые для произращенія чужеземныхъ растеній». Таково было и вліяніе чужой цивилизаціи. Pamiętniki; I, 112.

([2]) Мацеёвскій. Ист. первобытной христ. Церкви у Славянъ; 55, 84.

([3]) Тамъ-же; 162.—Е. Новиковъ. Православіе у Чеховъ. М. 1848.— Остатки слов. богослуженія у Чеховъ. изд. Ганки. Прага, 1859.

([4]) Мацеёвскій; 55.

([5]) Тамъ-же; 165.

([6]) Тамъ-же; 163. Фризе, Бандтке, Оссолинскій, Сярчинскій и Семенскій, — принимаютъ греко-славянское вѣроисповѣданіе древнѣйшимъ.

([7]) Мацеёвскій; 72—75. Въ маджарскомъ языкѣ сохраняются греческія слова по предмету богослуженія. Также замѣтны кое-гдѣ остатки греко-славянскаго богослуженія въ т. н. «гайдукскихъ» городахъ.

скихъ императоровъ. Въ болгарской странѣ, гдѣ дьяволъ и нѣмецъ стали синонимами, вмѣстѣ съ римской пропагандой грозило и онѣмеченіе, уничтоженіе національности въ будущемъ (1). Въ силу того папская политика упорно сопротивлялась введенію отечественнаго языка въ богослуженіе въ то время, когда нѣмецкая цивилизація, по сознанію самого Раумера, напрягала съ своей стороны усилія къ уничтоженію славянскаго языка и народности между западными славянами (2). Надо замѣтить, что такая непріязненная политика, какъ увидимъ сейчасъ, должна была сильно способствовать образованію славянскаго дуализма, который въ свою очередь сталъ непосредственнымъ предшественникомъ катаризма альбигойцевъ. Принятіе христіанства славянами изъ Цареграда и обусловливалось именно характеромъ византійской церковной пропаганды, которая никогда не устраняла мѣстной церковной особности. „Восточное христіанство никогда не обращало обращаемыхъ въ рабовъ, проповѣдуя слово Бога на ихъ языкѣ и охотно дозволяя перелагать его на всевозможные глаголы человѣческіе“ (3). Не такъ поступала Римская Церковь, имѣвшая, на основаніи историческихъ традицій, великіе унитарные виды.

Когда, вслѣдствіе указанныхъ несогласій съ греками, болгары стали колебаться между верховными Церквами, а чехи и мораване совершенно подчинились Риму, то эта политика папъ, проводимая со всѣмъ искусствомъ, послужила причиною зарожденія оппозиціи, отклонявшейся отъ чистаго христіанства и ради любви къ національному культу склонявшейся на сторону манихейскаго вѣроученія, которое между тѣмъ не переставало до и послѣ богомиловъ вести свою пропаганду. Рядъ папскихъ грамотъ направленъ противъ славянскаго языка. Первыя изъ нихъ еще дѣлаютъ нѣкоторыя уступки. Тогда еще живы были просвѣтители, тогда необходимо было заручиться расположеніемъ новообращаемаго племени и отвратить его отъ враждебныхъ грековъ. Такой снисходительной политики держатся Адріанъ II (4) и Іоаннъ VIII

(1) Мацеёвскій. 72 и др. Также думалъ ученый Engel. Gesch. des ungrischen Reichs (Wien, 1813); I, 87.

(2) У Мацеёвскаго прим. 168.

(3) О. М. Бодянскій. О времени происх. слав. письменъ; 380.

(4) Erben. Regesta Bohemiae et Moraviae; I, 14—15 (1855). — Папа

(867—882 г.), изъ которыхъ послѣдній сперва запретилъ славянскій языкъ (1), но потомъ, послѣ принесенія оправданія, защитилъ Меѳодія отъ постоянныхъ нападокъ нѣмецкаго духовенства (2). Стефанъ V (885—891 г.) возстаетъ противъ мѣстнаго языка съ такою рѣшительностью, которая показываетъ всю настоятельную важность его для интересовъ славянскаго населенія (3), неправильно понимавшаго догматъ о Троицѣ. Культъ славянскаго богослуженія распространенъ былъ даже въ тѣхъ странахъ, которыя всегда имѣли связь съ Римомъ своимъ духовнымъ просвѣщеніемъ. Іоаннъ X (812—928 г.) въ посланіи къ сполатрскому духовенству требуетъ непремѣннаго употребленія латинскаго языка (4), и въ грамотѣ къ Томиславу, королю хорватскому, замѣчаетъ, что много неправильностей въ книгахъ славянскихъ (5). Далмація и Славонія, о которыхъ папа такъ заботился, дѣйствительно послужили послѣ посредствующимъ пунктомъ въ передачѣ богомильскихъ воззрѣній въ Италію къ патаренамъ и въ Лангедокъ къ альбигойцамъ. Римъ такимъ образомъ давно предчувствовалъ опасность. Въ той же Далмаціи, сплѣтскій соборъ въ 925 году постановилъ, что „епископъ не можетъ посвящать въ какой либо церковный санъ того, кто знаетъ только славянскій языкъ“ (6). Іоаннъ XIII (964—972 г.) въ

позволялъ читать Апостолъ и Евангеліе по славянски, но только въ видѣ перевода послѣ латинскаго чтенія.

(1) Erben, Regesta; I, 16.

(2) Меѳодій вернулся изъ Рима, куда вызывалъ его папа, оправданнымъ отъ всѣхъ взводимыхъ на него обвиненій. Іоаннъ VIII соглашался на условія Адріана II; Erben. I, 17—18. По поводу суда надъ Меѳодіемъ см. розысканія Лавровскаго (Кириллъ и Меѳодій, какъ правосл. пропов. 1863; 413—416) и Бильбасова (Кир. и Меѳодій, II. 1868; I, 88—92). Объ этомъ у насъ въ Ист. ср. вѣковъ, въ первомъ томѣ, стр. 350.

(3) Wattenbach. Beiträge zur Gesch. der christichen Kirche in Mähren und Böhmen (W. 1849); 43.—Erben полагаетъ принять датой 884 г.; I, 20.—О спорныхъ вопросахъ относительно этого письма, въ подлинности котораго нѣтъ достаточнаго основанія сомнѣваться, см. у Лавровскаго (Кириллъ и Меѳодій, какъ прав. проп. стр. 17—27) и Е. Голубинскаго (Очеркъ исторіи прав. Церквей болг., сербской и румынской М. 1871).

(4) Farlati. Illyricum sacrum; III, 93—94.

(5) Farlati; III, 94—96.

(6) Artic. X въ постановленіяхъ этого собора,—у Farlati; III, 97.—Статья въ Прав. Соб.—«О сербской Церкви»; 1866 г. II, 36.

посланіи къ Болеславу II чешскому, разрѣшая ему учредить свою епископію, обязываетъ его непремѣннымъ условіемъ совершать богослуженіе „не по обряду и сектѣ народовъ болгарскаго или русскаго, и притомъ не на славянскомъ языкѣ, а слѣдуя въ точности учрежденіямъ и постановленіямъ (?) апостольскимъ“ (1). Въ половинѣ слѣдующаго столѣтія новый сплѣтскій соборъ считаетъ полезнымъ подтвердить запретъ славянскаго церковнослуженія, постановивъ при этомъ, что ни одинъ славянинъ не можетъ быть возведенъ въ священническій санъ (2). Еще болѣе побудительныя основанія для оппозиціи католичеству должны были существовать на Балканскомъ полуостровѣ, въ предѣлахъ Болгаріи, Сербіи, Босніи, Далмаціи, Хорватіи, особенно при Гильдебрандѣ, который исходилъ изъ крайнихъ воззрѣній католической исключительности (3).

Впрочемъ были и прямыя причины подготовившія почву для дуализма.

Дуализмъ у Славянъ.

Мы замѣтили въ свое время (I, 339) что, съ самыхъ древнихъ временъ, славяне предрасположены были къ дуалистическому представленію о высшихъ правящихъ силахъ. Дуализмъ былъ сроденъ славянской натурѣ; еще язычникомъ, славянинъ зналъ о немъ. То показываетъ славянская миѳологія, которая не объединяла понятіе о божествѣ, а напротивъ раздробляла его. Славянское человѣчество привыкло издревле выражать свое счастіе бѣлымъ цвѣтомъ или свѣтомъ, а несчастіе чернымъ или мракомъ. Въ основѣ того лежала холодная метафорическая мысль о причинахъ. Потому, олицетворивъ невѣдомую причину, славянинъ основалъ свое вѣрованіе на мысли, что „доброе начало всегда производитъ для человѣка только добрыя послѣдствія, а злое—всегда только пагубныя“. Отъ этой мысли произошло раздѣленіе и самыхъ олицетвореній на „бѣлыхъ боговъ“, которые уже никогда не дѣлали зла, и „черныхъ“, которые никогда не дѣлали добра (4). Между собою они всегда враждуютъ; добрые и злые духи соблюдаютъ и защищаютъ свои интересы,—свидѣтельствомъ того служатъ

(1) Erben. Regesta; I, 29.

(2) «In primis proscripta fuit atque interdicta liturgia Slavonica, et gravissimis poenis interpositis cautum est, ne quis in posterum alia lingua, nisi aut Latina, aut Graeca ad rem divinam faciendam precesque publicas Deo divisque adhibendas uteretur». Farlati; III, 128—130.

(3) Erben; I, 70.—Статья о болг. Церкви въ Прав. Соб. 1865 г. кн. IX.

(4) Венелинъ. Древніе и нынѣшніе Болгаре (М. 1829—41); II, 151.

произведенія славянской народной поэзіи (1). Дуализмъ, присущій религіозно-христіанскимъ вѣрованіямъ славянскаго племени, былъ отмѣченъ священникомъ бюцовскимъ Гельмольдомъ, путешествовавшимъ между померанскими славянами во второй половинѣ XII вѣка. Языческій культъ дуализма не переставалъ рѣшительно прорываться среди христіанства. „Удивительно заблужденіе славянъ, говоритъ Гельмольдъ въ своей хроникѣ; на сходбищахъ своихъ и играхъ, они обносятъ круговую чашу, возглашая надъ ней слова не скажу, благословленія, но проклятія, именемъ боговъ добраго и злаго, ибо они ожидаютъ отъ добраго Бога счастливой доли, а отъ злаго несчастливой; потому злаго бога и называютъ на своемъ языкѣ діаволомъ или Чернобогомъ, т. е. богомъ чернымъ, а добраго Бѣлбогомъ“ (2). Славянскіе Бѣлбогъ и Чернобогъ были обоготвореніемъ противоположныхъ началъ, столь вліятельныхъ въ судьбѣ человѣка, первое какъ символъ развитія, второе—увяданія. „Такое двойственное воззрѣніе, говоритъ одинъ изъ русскихъ спеціалистовъ славянской науки, воззрѣніе на природу, въ царствѣ которой дѣйствуютъ и добрыя и злыя силы, должно было наложить свою неизгладимую печать на всѣ религіозныя представленія. Поклоняясь стихійнымъ божествамъ, человѣкъ одни и тѣ же явленія различалъ по мѣрѣ участія ихъ въ созданіи и разрушеніи міровой жизни, по степени ближайшей или отдаленнѣйшей связи ихъ съ элементами свѣта и тепла. Такъ, опустошительныя бури и зимнія вьюги почитались порожденіемъ нечистой силы,—рыщущими по полямъ бѣсами, тогда какъ весенніе вѣтры, пригоняющіе

(1) Тамъ-же; II, 154.

(2) «Est autem Slavorum mirabilis error, nam in conviviis et compotationibus suis pateram circumferunt, in quam conferunt non dicam consecrationes, sed execrationis verba, sub nomine deorum boni scilicet atque mali, omnem prosperam fortunam a bono deo, adversam a malo dirigi profitentes; ideo etiam malum deum sua lingua diabol sive Zcerneboch, id est nigrum deum, appelant. — bonumque Belboch» (прибавляется по инымъ спискамъ). Helmoldus. Chronicon sive Annales Slavorum; l. I, c. 52. Въ другомъ мѣстѣ (I. 24), онъ признаетъ у славянъ единаго Бога на небесахъ повелѣвающаго другими, всемогущаго Бога боговъ, заботящагося только о небесномъ (И. И. Срезневскій. Языческое благослуженіе др. Славянъ; срв. стр. 2 и 19).—Такое сочетаніе представленій издревле способствовало устраненію крайностей дуалистическаго направленія. Gieseler, Ueber den Dualismus der Slaven (Theolog. Studien und Kritiken. 1837; II, 357).

дождевыя облака и очищающіе воздухъ отъ вредныхъ испареній, признавались благодатными спутниками Перуна, его помощниками въ битвахъ со злыми духами (1)". Черезъ нѣкоторое время, славянинъ перенесъ власть злой силы на все имѣющее подобіе мраку, разрушенію въ мірѣ нравственномъ и ставилъ то ей въ подначаліе,—подобно тому какъ съ Бѣлбогомъ онъ слилъ понятіе о Свѣтовидѣ, на основаніи тождества представленій о бѣломъ и свѣтломъ. Древняя дуалистическая система принадлежала всему славянскому племени. Въ странахъ имъ занимаемыхъ, даже въ Россіи, сохранились доказательства того въ остаткахъ географическихъ названій. Въ землѣ лужичанъ, близь Будишина, есть гора Чернобогъ, и не подалеку отъ нея другая Бѣлбогъ и здѣсь же по преданію были мѣста языческаго служенія (2); слѣдовательно—каждому богу полагался отдѣльный культъ служенія. Наконецъ убѣдительное доказательство того, сколько благопріятныхъ элементовъ для дуалистическаго христіанскаго культа представлялось въ язычествѣ,—такое доказательство представляетъ мѣсто изъ Густинской Лѣтописи, гдѣ стариннымъ волхвамъ славянскимъ приписывается убѣжденіе: „два суть бози: единъ небесный, другой во адѣ" (3). Все это показываетъ, какое предрасположеніе къ дуалистической ереси было вообще въ славянскомъ духѣ. Въ свою очередь политическія событія, честолюбивыя стремленія папъ, неопредѣленность отношеній Болгаріи къ Византіи, ея колебанія между Греческою и Римскою Церковью, вѣчныя опасенія населенія подпасть Римскому духовенству въ виду исключительной политики первосвященниковъ,— съ своей стороны побуждали ожидать серьезнаго и стройнаго проявленія недовольства между болгарами.

(1) А. Аѳанасьевъ. Поэтическія воззрѣнія Славянъ на природу (М. 1865); I, 112 и вообще I. 89—113.

(2) И. И. Срезневскій. Языч. богосл. др. сл. 13. — Аѳанасьевъ. Поэт. воззр. Сл. I. 93. Воспоминанія въ слѣд, мѣстностяхъ Россіи: урочище Бѣлые боги за Москвой, Троицко-Бѣлбожскій монастырь въ костромской губ. и Чернобожье. Въ Бамбергѣ былъ найденъ идолъ Чернобога въ видѣ волка,—какъ миѳическаго представителя ночи, тучъ и зимы,—съ рунической надписью.

(3) Густинская лѣтопись подъ 1070 годомъ. См. Полное Собраніе Русскихъ Лѣтописей; II, 273.

И дѣйствительно, въ Болгаріи изъ манихейско-павликіанскихъ воззрѣній образовалась Церковь съ тою іерархіей и догматикой, которыя послужили послѣ образцомъ для провансальскихъ катаровъ.

Богомилъ и его послѣдователи.

Богомилъ, по инымъ онъ же и Іеремія, вождь первыхъ еретиковъ Болгаріи, создавъ эту Церковь въ главныхъ манихейско-павликіанскихъ основаніяхъ ея, оставилъ продолжать дѣло взлелѣянной имъ вѣры своимъ ученикамъ. „Синодикъ царя Бориса", предавая всѣхъ ихъ анаѳемѣ, перечисляетъ имена проповѣдниковъ и разсадниковъ славянскаго дуализма. То были Михаилъ, Ѳеодоръ, Добря, Стефанъ, наконецъ, Василій и Петръ (1). Каждый изъ нихъ выдавалъ себя за Іисуса, какъ пророки русскихъ духоборцевъ и подобные имъ сектаторы, окружая себя апостолами, а иногда и простыми учениками. Одинъ изъ нихъ, Василій дѣйствовалъ съ особой ревностію. Онъ давно прославился искусствомъ проповѣди и тайной вліянія. Онъ былъ уже въ лѣтахъ, когда вышелъ на проповѣдь. Онъ носилъ иноческую рясу, но оставался врачемъ по ремеслу во все продолженіе своей 50-лѣтней проповѣди. Онъ назывался то апостоломъ Петромъ, то самимъ Спасителемъ (2). Тогдашній императоръ Алексѣй Комненъ отличался ревностью прозелита къ православію. Еще въ Филиппополѣ, пользуясь своимъ пребываніемъ въ этомъ городѣ, онъ принялъ мѣры противъ павликіанъ. Негодованіе его усилилось, когда онъ узналъ, что еретики, послѣдователи и ученики Василія, скрываются въ самомъ Царьградѣ. Императоръ велѣлъ захватить престарѣлаго проповѣдника. Но напрасно царь истощалъ все свое краснорѣчіе; онъ не получилъ надежды когда либо убѣдить его. Василій былъ осужденъ на сожженіе. Его ученики были заключены въ тюрьмахъ, гдѣ отецъ ученой Анны самъ навѣщалъ ихъ (3). Тѣмъ не менѣе, мученическая судьба Василія нисколько не потрясла церкви Богомила. Центромъ ереси продолжалъ быть

(1) Приведено къ книгѣ А. Ѳ. Гильфердинга. Письма о Серб. и Болг. I, 172.—Объ имени Іеремія, см. Šafarik. Památky hlaholského písemnictví (Pr. 1853); úvod; p. LX.

(2) Euthymins Zygabenus. Victoria de Messal. secta apud Schmidt. Hist. des Cathares; I. 13.

(3) Anna Comnena. Alex. I. XV.

Филиппополь. Отсюда-то богомильство распространилось за Балканы, на Западъ, гдѣ предстояла ему цѣлая исторія, полная грустнаго и вмѣстѣ драматическаго содержанія.

Толки богомильства.

Тѣснимое и гонимое властями, богомильство не думало совершенно покидать своей отчизны, гдѣ слѣды его, какъ отдѣльной организаціи, съ особымъ богословіемъ Константина Хризомата, можно отчетливо наблюдать до XII столѣтія. *Богомилы называли себя* также и греческимъ словомъ *„катары“*, тѣмъ именемъ, которое, слѣдуетъ замѣтить, еще съ первыхъ вѣковъ христіанской вѣры, прилагалось ко всѣмъ измышленіямъ, имѣвшимъ между прочимъ въ предметѣ нѣкоторое воздержаніе. Чтобы жизнь вполнѣ соотвѣтствовала такому названію, духъ долженъ осуществить полную побѣду надъ грубымъ матеріальнымъ бытіемъ, побѣду надъ діяволомъ, который хочетъ быть совершенно равносильнымъ Богу. Признаніе Новаго Завѣта, переведеннаго съ греческаго текста на славянскій, отверженіе Ветхаго какъ изобрѣтенія діявольскаго, общедоступная проповѣдь на отечественномъ языкѣ въ видахъ распространенія пропаганды, отрицаніе Крещенія и Причащенія, мысль, что Христосъ имѣлъ только видимое тѣло, непринятіе образовъ и креста, соблюденіе нѣкоторыхъ практическихъ обрядовъ, — все это связывало богомильство съ предшествовавшимъ ему манихействомъ и восточнымъ павликіанствомъ, изъ которыхъ оно органически развилось. Собственно богомилами выработанъ обрядъ возложенія рукъ для сообщенія Духа Святаго, вполнѣ заимствованный отъ нихъ альбигойцами (consolamentum). Фактическое раздѣленіе сектантовъ на два толка, безусловнаго дуализма и смягченнаго, повторилось въ непосредственной исторіи альбигойцевъ.

Дѣло въ томъ, что съ древнѣйшихъ временъ, ранѣе Зороастра, *системою маговъ, былъ высказанъ суровый принципъ исконнаго и вѣчнаго бытія двухъ* равносильныхъ, равноправныхъ и *между собою враждебныхъ боговъ*, чему слѣдовалъ и Манесъ; для богомиловъ это былъ толкъ безусловнаго дуализма. Еще *Зороастръ рѣшился смягчить неутѣшительную*, фатальную *основу маговъ* и мысль его не утерялась среди тысячелѣтняго ряда системъ. Онъ полагалъ, что искони существовало только одно божество; оно произвело изъ себя, какъ называли болгары, Христа и Сатанаила, доброе и злое начало. Сатанаилъ создалъ перваго человѣка и весь види-

мый міръ, подобно злому духу манихейцевъ и павликіанъ; Христосъ же открываетъ человѣку путь ко спасенію. *Въ Болгаріи оба толка*, существовавшіе тамъ издавна, *получили самостоятельное значеніе*. Это были двѣ церкви, которыя инквизиторъ Райнеръ считаетъ отдѣльными въ ряду прочихъ церквей, исповѣдывавшихъ катаризмъ. По предположенію нѣкоторыхъ русскихъ ученыхъ, ихъ отдѣльность доходила до того, что еретики имѣли даже особую азбуку, т. н. глаголитскую, которую будто еще въ IX столѣтіи они изобрѣли вмѣстѣ съ отдѣльнымъ вѣроисповѣданіемъ, враждебнымъ греческому; эта гипотеза принадлежитъ „къ числу вопросовъ пока безотвѣтныхъ, однакоже возможныхъ для филологіи славянской“ ([1]).

Двумя сказанными толками не ограничивались церкви еретиковъ балканскаго полуострова. Какъ ни неохотно говоритъ о нихъ католическій монахъ, онъ находитъ однако необходимымъ насчитать число всѣхъ дуалистическихъ церквей ему современныхъ до 16. Должно замѣтить, что вся разница ограничивалась одною мѣстностью, ибо внутреннихъ особенностей въ большинствѣ не существовало. Изъ словъ Райнера видно, что многія изъ этихъ церквей существовали еще въ это время между славянами и греками. Это были: Ecclesia Sclavoniae, Ecclesia Latinornm de Constantinopoli. Ecclesia Graecorum de Constantinopoli (съ знаменитымъ патріархомъ Никитою, ставившимъ въ XII столѣтіи епископовъ альбигойскихъ епархій), Ecclesia Philadelphiae Romaniolae, Ecclesia Bulgariae, Ecclesiae Dugraniciae ([2]). Двѣ послѣднія, по словамъ Райнера послужившія источникомъ всѣхъ послѣдующихъ дуалистическихъ вѣроученій, обозначаютъ

([1]) И. И. Срезневскій. Древнія письмена Славянскія (Ж. М. Н. П. 1848 г.; ч. LIX, стр. 60).—С. Н. Палаузовъ. Вѣкъ Симеона; 130.—Мысль, что судьбы глаголитской азбуки соединены были съ гоненіемъ богомиловъ (у сербовъ назв. бабунами), принималъ В. И. Григоровичъ. О древней письменности Славянъ (Каз. 1852), стр. 13 и въ статьяхъ о др. слов. языкѣ (Каз. 1852); стр. 66.—Срав. Šafarik. Památky hlaholského pisemnictvi; uvod; p. XXIII) и мнѣніе О. М. Бодянскаго. Слав. письмена; 271.

([2]) Reinerus. Contra Wald. c. 6,—apud Gretser; XII, II, 35. Слово «Dugranicia» по другимъ чтеніямъ: Drogometia,— въ актахъ соборныхъ у Bouquet (XIV, 448), Druguria (Vignier. Hist. de l'Eglise, 258), Dugunthia (по старинному чтенію Гретсера).

смягченный и крайній толки богомильства или славянскаго катаризма, ибо то и другое, по нашему мнѣнію, равнозначительно и представляется синонимомъ.

Богомильское ученіе.

Неизвѣстно, каковы были первоначальныя вѣрованія дуалистовъ болгарскихъ, но несомнѣнно, что историческіе источники застаютъ ихъ за развитіемъ, однимъ изъ фазисовъ первоначальной системы. Воображеніе играетъ большую роль въ этой богословской эпопеѣ славянъ [1]. Злое и доброе начало богомилы, — будучи въ массѣ умѣреннаго толка, — считали порожденнымъ отъ высшаго, особаго верховнаго Существа и притомъ такъ, что Сатанаилъ былъ старшимъ его сыномъ, а Іисусъ младшимъ. Всѣ вмѣстѣ они составляютъ Троицу, надъ которою витаетъ еще вторая, явно гностическая, изъ Бога, Слова и Духа Святаго. Троица столь же духовна, какъ и само Существо, которое пребываетъ безтѣлеснымъ, но человѣкоподобнымъ—ἀνθρωπόμορφος, по выраженію Евѳимія. Сатанаилъ позорно властвуетъ надъ міромъ видимымъ. Полный гордости, онъ возмутилъ ангеловъ противъ Бога, отца ихъ, и послѣдній принужденъ былъ низвергнуть дерзкихъ съ неба. Сатана только того и ждалъ. И вотъ онъ, довольный видимымъ успѣхомъ своихъ замысловъ, основываетъ изъ новыхъ подданныхъ новое царство, міръ тѣлесный. Изъ матеріи, при помощи земли и воды, составляетъ онъ Адама. Первый человѣкъ уперся ногою въ землю и изъ ноги его потекла влажность, принявшая форму змія; затѣмъ потекъ духовный эѳиръ, по свойства нечистаго. Сатана думалъ обратить эѳиръ на человѣка, но попалъ въ змія. Са-

---

(1) Кромѣ «Слова Козьмы» источниками для богомильской ереси служатъ Euthymius Zygabenus (Panoplia dogmatica; pars II. titul. XXIV —κατά βογομίλων), спеціально изслѣдованный въ диссертаціи Chr. Wolfii (1712; Witt.) — а также Psellus. — περὶ ἐνεργείας δαιμόνων — Съ полемическимъ направленіемъ Nicetas Acominatus. Thesaurus orthodoxae fidei, fragmenta ex I. XIX,—apud Montfaucon. Paleog. graeca.—Пособія: Oeder. Hist. Bogomilorum critica. (Gött. 1743). Engelhardt. Die Bogomilen (Kirchengeschichtliche Abbandlungen. 1832; 157—206) Божидаръ Петрановић. Богомили, црьква босаньска и крьстяни (Задръ, 1887). Fr. Rački. Bogomili i Patareni. (Rad jug. Ak. t. 7, 8, 10). Райчо Королевъ. О богомильствѣ (Пер. Сп. Бр. кн. 3—8). Въ русской лит. нѣсколько страницъ у Голубинскаго (Ист. Церкви), Пыпина (Ист. слав. лит.) и монографія Левицкаго. Богомильство, болгарская ересь X—XIV в. (П. 1870).

тана обратился тогда съ молитвою къ верховному Богу и просилъ его дать ему одну изъ запасныхъ душъ; потомъ понадобилась другая для жены Евы. Но прежде чѣмъ допустить Адама до Евы, Сатана самъ сталъ ея мужемъ. Сынъ Каинъ и дочь Каломена были плодомъ этого союза; въ нихъ сѣмя великаго нечестія. Отъ Адама же Ева родила Авеля. Если тѣло людей губительно, то въ душахъ наслѣдственно продолжаетъ присутствовать часть небеснаго эѳира, какъ ни старается мрачный Сатана внести гибельное паденіе въ родъ человѣческій. Верховное Существо сжалилось. Господь послалъ другаго сына своего, Христа; имя ему Слово или архангелъ Михаилъ. Онъ вселился въ одного изъ ангеловъ, въ Марію, и пройдя черезъ ея ухо, какъ говоритъ тотъ же Евѳимій, остался чистъ и святъ по прежнему, съ тѣмъ же небеснымъ, призрачнымъ тѣломъ, чуждымъ земныхъ ощущеній, какое было у него всегда. Онъ погибъ ради спасенія людей, долго гонимый и наконецъ убитый своимъ могучимъ братомъ. Снизойдя во адъ, Іисусъ приковалъ Сатану, но не избавилъ отъ его происковъ, отъ его заразы родъ человѣческій, которому, дабы достигнуть спасенія, необходимо бороться съ плотью. Совершивъ свою спасительную миссію, Іисусъ вернется къ пославшему его, съ которымъ онъ и св. Духъ сольются во едино. Зло исчезнетъ тогда; никакого иного Бога не станетъ, кромѣ безтѣлеснаго, но человѣкоподобнаго существа верховнаго.

Мы увидимъ скоро, что все это ученіе, конспектъ котораго приведенъ нами, почти дословно было перенято большинствомъ альбигойцевъ. Мы убѣдимся тогда, что формами религіознаго вольнодумства сказалось великое значеніе славянской мысли для дальнѣйшей исторіи обще-европейской.

Богомильство искало выхода на Западъ; оно шло по историческому общему пути для всякой идеи. Оно не могло не остановиться въ сѣверной части Италіи, не могло не осмотрѣться прежде чѣмъ надвинуться на Галлію. Тамъ почва была предрасположена къ ереси предшествовавшими вѣками исторіи полуострова. Тамъ когда-то жгли манихейцевъ; тамъ противъ нихъ издавались указы Ѳеодорика; тамъ боролся съ ними Григорій Великій [1]. Обитатели долинъ Ломбардіи долго были аріанами; католическіе римляне презирались ими по

---

[1] Gregorii Magni Regest. l. II, ep. 37; l. V. ep. 8 (Migne; LXXVII, p. 575, 729).

привычкѣ; свободный духъ одушевлялъ города ихъ. А въ десятомъ столѣтіи, когда славяне почувствовали потребность дѣлиться своимъ катаризмомъ, духовенство Ломбардіи находилось въ весьма жалкомъ положеніи. Оно большею частію было невѣжественно въ дѣлѣ религіи до того, что врядъ ли могло ясно отличить противоположность новыхъ воззрѣній по отношенію къ ортодоксіи. Большинство веронскихъ клириковъ тогда не знало Символа Вѣры, а въ Винченцѣ иные священники простодушно представляли себѣ Бога съ человѣческими членами. Новое ученіе было заманчиво; много непонятнаго оно уясняло самымъ простымъ образомъ; жизнію своихъ послѣдователей оно внушало подражаніе. Дуализмъ сталъ легко распространяться въ Ломбардіи и готовить проповѣдниковъ для сосѣдней Галліи. Нельзя отмѣчать духовное движеніе точными цифрами; идея способна разноситься съ особенной быстротой и притомъ въ самыхъ широкихъ предѣлахъ. Оттого во Франціи ощутили появленіе болгарской системы почти въ то же время, какъ и въ Италіи, что объясняется сходствомъ манихейскихъ ученій старыхъ и новыхъ.

Переходъ богомильства въ Италію.

Въ Италіи и именно въ сѣверной, болгарство запечатлѣло свое движеніе даже географическими терминами. Въ округѣ туринскомъ еще ранѣе 1047 г. одно мѣсто носило названіе „Bulgaro" ([1]). Замокъ того же имени существовалъ и въ діоцезѣ Верчелли ([2]). Одна знатная фамилія въ Туринѣ называется—Булгарелло еще прежде 1116 года ([3]); подобные же роды жили въ Болоньѣ, Сіеннѣ и другихъ городахъ, какъ Bulgaro, Bulgarini. Около первой четверти XI вѣка дуализмъ заявляетъ себя торжественнымъ образомъ. Тогда онъ считалъ многихъ вліятельныхъ приверженцевъ въ аристократіи ломбардской.

Джерардо.

Замокъ Монтефорте, близъ Турина, соименный домену будущаго истребителя ереси, былъ мѣстомъ убѣжища проповѣдниковъ ученія. Джерардо, пылкій энтузіастъ, отличался между ними дарованіемъ и успѣхами. Онъ разносилъ воззрѣнія катаровъ дуалистовъ, хотя умѣлъ прикрывать ихъ видимымъ подобіемъ съ христіанской догматикой (il Padre è

(1) Monumenta historiae patriae (Turin, 1836),—chartarum; I, 262.
(2) Monum. hist. patr. I. 794.
(3) ibid. 741.

l'eterno, in cui e per cui tutte le cose sono; il Figliuclo è lo Spirito dell' uomo, cui Dio ama: lo spirito Santo è l' intelletto delle scienze divine, dal quale tutte le cose sono regolate). Онъ твердилъ, что жизнь — это цѣлое покаяніе; что, чѣмъ оно суровѣе, тѣмъ болѣе спасаетъ человѣка; рай открывается только путемъ земныхъ самоистязаній, подавленіемъ плоти и желаній; не только всякое наслажденіе чувственное губительно, но соучастіе со св. Духомъ само по себѣ требуетъ скорѣйшаго разлученія души съ тѣломъ, а мученическая смерть представляется отраднымъ блаженствомъ. Особенно сильно возставали послѣдователи Джерарда противъ папства и соблазновъ Римской Церкви. Архіепископъ миланскій Ериберто да-Канту, ненавидимый въ странѣ, противъ еретиковъ поднялъ окрестныхъ бароновъ. Готовность, съ какою послѣдніе спѣшили осадить замокъ, куда отвсюду стали сходиться еретики, объясняется развѣ тѣмъ отношеніемъ, въ которое поставило себя новое ученіе къ земледѣльцамъ. Слова Козьмы о богомилахъ: — „учать не повиноватися властелемъ своимъ, хуляще богатыя.... и всякому рабу не велять работати господину своему", — можно примѣнить и къ монтефортскимъ еретикамъ (1). Противъ нихъ были озлоблены именно феодалы. Важность задѣтаго вопроса всполошила ихъ. Замокъ былъ взятъ и разрушенъ. Монтефортцамъ предстояло или отречься отъ своей ереси, или умереть на кострѣ. Почти всѣ съ видимой радостью бросились въ огонь (2).

Это были первые мученики; примѣръ провансальцамъ былъ такимъ образомъ поданъ изъ Италіи, дуалисты которой только однимъ именемъ „патареновъ" отличались отъ альбигойцевъ (3).

(1) Это обстоятельство служитъ вмѣстѣ съ тѣмъ однимъ изъ подтвержденій нашего положенія о передачѣ на Западъ богомильской, а не отвлеченной катарской ереси, вымышленной К. Шмидтомъ.

(2) Landulphus Senior. Hist. Mediolanensis, apud Muratori. Scriptores; IV, 88—89.—Cantu. Gli eretici d'Italia, I, 76; discorso IV.

(3) Поводомъ къ этому имени послужило обстоятельство, не имѣвшее общихъ связей съ существенными стремленіями итальянскихъ катаровъ. То была реформа Гильдебранда. Сторонники ея въ Миланѣ, съ діакономъ Арнольдомъ въ главѣ, громко требовали уничтоженія браковъ въ духовенствѣ. Преслѣдуемые народомъ, новаторы заключились въ грязномъ городскомъ кварталѣ, называвшемся «Pataria», обыкновенно убѣжищѣ бродягъ, ветошниковъ и нищихъ. Народъ въ насмѣшку прозвалъ ихъ Патаренами

Мы не имѣемъ многихъ подробностей о судьбѣ богомильства въ Италіи, такъ какъ весь историческій матеріалъ относится къ тому времени, когда дуализмъ, назвавшійся альбигойствомъ, всецѣло упрочился въ южной Галліи, въ земляхъ провансальскаго языка. Мы знаемъ, что въ Ломбардіи еретики назывались разными именами: Gazari, Arnoldisti, Giuseppini, Insavattati, Leonisti, Bulgari, Circoncisi, Publicani, Comisti, di Bagnolo, di Concorezo, Vanni, Tursci, Romulari, Ceruntani (¹), —но всѣ они обобщались въ имени патареновъ. Церковь патареновъ имѣла постоянныя сношенія съ Болгаріей и Византіею. Изъ Болгаріи сюда доставленъ былъ апокрифъ евангелія св. Іоанна (²). Извѣстный патріархъ Никита давалъ ей епископовъ, какъ Марка, Іоанна еврея,— тогда какъ другой толкъ имѣлъ особыхъ духовныхъ начальниковъ. Часто архіереи богомильскіе сами появлялись въ Ломбардіи для проповѣди. Постепенное усиленіе ереси показываетъ всю важность посредствующей роли Ломбардіи. Напримѣръ, Миланъ, около половины XII вѣка, былъ скорѣе еретическимъ городомъ, чѣмъ католическимъ. Проповѣдники патареновъ учили публично на площадяхъ столицы. Усилія архіепископа Галлинга напрасно боролись съ торжествомъ ереси, за которую были всѣ городскія власти; Галлингъ палъ жертвою своихъ тщетныхъ усилій. Даже женщины, увлекаясь общимъ духомъ, дѣлались проповѣдницами и начальницами еретиковъ. Такъ въ Орвіето властвовали Милита и Джуліета, своею чистою жизнью возбуждавшія уваженіе и удивленіе. Изъ Феррары пришлось удалять еретиковъ силою оружія. Короче, въ концѣ XII вѣка, католики принуждены были сознаться, что города, бурги, замки наполнены лжепророками, что ересь стучитъ въ ворота самого Рима, что „пора идти на помощь Богу“ (³). Патарены.

и имя враговъ женатыхъ священниковъ было перенесено на ненавистниковъ брака вообще, на всѣхъ послѣдователей дуализма въ Италіи, такъ какъ эта сторона ихъ ученія скорѣе всего поражала воображеніе толпы. См. Ducange. Glossarium mediae latinitatis (1840); V, 137.—О другихъ невѣрныхъ объясненіяхъ см. Schmidt. Hist. des Cathares; II, 278—280.

(¹) Раздѣленіе патареновъ — по Cantu. Gli eretici d'Italia; I, 80.

(²) Benoist. Hist. des Albig. I, 296. Спец. соч. Venedey. Die Patar. im XI und XII Jahrh. 1854. Подробности въ новѣйшемъ соч. E. Comba. Hist. of the Waldenses of Italy, transl. from the author's revised edition by Teofilo Comba. L. 1888.

(³) Bonacursus. Manifestatio haeresis Catharorum,—apud d'Achéry. Spicilegium vet. scrp. I, 209. — Количество церквей еретическихъ въ Италіи вычисляетъ инквизиторъ Reinerus, Liber contra Waldenses. c. 6.

Кипучая жизнь апеннинскаго полуострова, занятаго исключительно экономическими и чисто гражданскими интересами, не дала возможности концентрироваться ереси въ видѣ отдѣльной плотной массы, какъ произошло послѣ въ Лангедокѣ. Въ Италіи слишкомъ развита была индивидуальность, преобладалъ интересъ частный, такъ что религіозный духъ не могъ господствовать; это и дѣлало изъ Ломбардіи удобный, посредствующій органъ. Потому Италія считалась разсадникомъ дуалистическаго ученія во Франціи и Фландріи, а Джерардо Монтефортскій могъ восклицать, что единомышленники его разсѣяны по разнымъ странамъ и что Духъ Святый невидимо и ежедневно посѣщаетъ ихъ (1). Неудержимо шла ересь по почвѣ итальянской, энергично и стремительно подвигаясь къ Западу. Только Океанъ могъ остановить ее.

Катары въ Лангедокѣ и ихъ памятники.

Должно замѣтить, приступая къ изученію провансальскаго богомильства или альбигойства собственно, что всѣ источники для исторіи такъ называемыхъ альбигойцевъ написаны католическими монахами, инквизиторами, непримиримыми врагами еретиковъ. Сочиненія же самихъ альбигойцевъ до насъ не дошли, хотя провансальскіе еретики имѣли громадную богословскую литературу. Маркизъ Монферратскій собиралъ впродолженіе своей жизни произведенія альбигойской богословской литературы и предъ смертью сжегъ всѣ эти сокровища. Тщательно истреблялись монахами всѣ произведенія альбигойцевъ. Намъ извѣстны только имена альбигойскихъ богослововъ. Таковы были итальянецъ Джіованни де Луджіо, Θеодорикъ Неверскій и Арнольдъ изъ Прованса. Такимъ образомъ весь матеріалъ для изученія альбигойскаго вѣроученія дали лишь католическіе инквизиторы (2). При такой односторонности источниковъ очень можетъ быть, что

(1) Land. Senior. Hist. Med. (Muratori; IV, 89).

(2) Латинскія обличенія ереси альбигойцевъ француза Петра изъ Сэрнэ, нѣмца Экберта, испанца Луки Туденскаго, миланца Боанакорсо, флорентійца Григорія и особенно инквизитора Рейнера Сакконн изъ Піаченцы (Liber contra Waldenses, Summa de Catharis et Leonistis) и Монеты изъ Кремоны (Adversus Catharos et Waldenses) — вотъ враждебные источники для изученія содержанія альбигойскихъ вѣроученій. Оцѣнку этихъ памятниковъ см. въ приложеніи къ 1 т. нашей Исторіи Альбигойцевъ (559—563, 581—582).

многое изъ еретическихъ ученій передано въ искаженномъ, превратномъ видѣ, — а между тѣмъ это единственный матеріалъ для ознакомленія съ альбигойствомъ.

Мы уже замѣтили, что катары отвергали Ветхій Завѣтъ, Новый же—альбигойцы имѣли въ провансальскомъ переводѣ, сдѣланномъ, вѣроятно, не съ латинской вульгаты, а съ греческаго текста, если не съ славянскаго кирилло-меѳодіевскаго перевода. Въ еретическихъ евангеліяхъ, употреблявшихся въ Италіи и Провансѣ, были тѣ же уклоненія отъ латинскаго текста, какія встрѣчаются въ греческомъ и славянскомъ. Такъ напримѣръ Молитва Господня кончается тамъ словами, смыслъ которыхъ: „яко твое есть царство, сила и слава во вѣки вѣковъ", — чего нѣтъ въ Вульгатѣ. Многимъ мѣстамъ альбигойцы придавали мистическій смыслъ и видимо выводили ученіе не изъ священнаго писанія, а напротивъ,—приноравливали къ своему ученію христіанскіе догматы. Такимъ образомъ, они не обосновывали свою систему евангеліемъ, а евангеліе объясняли этой самой системой. Поэтому-то альбигойство отличается не столько христіанскимъ, сколько философскимъ характеромъ, не смотря на все стремленіе альбигойцевъ привить къ своему философскому ученію начала христіанской догматики. Кромѣ Новаго Завѣта катары держались еще апокрифовъ и именно тѣхъ, составленіе которыхъ объясняется подъ восточнымъ вліяніемъ. Они принимали: „Видѣніе пророка Исаіи о существѣ Троицы и искушеніи рода человѣческаго", любимое гностиками, богомилами и крайними дуалистами, дошедшее до альбигойцевъ въ итальянской редакціи. Они принимали также Никодимовское евангеліе, запрещенное Церковью, и усердно цитировали: „Апокрифическое сказаніе о вопросахъ Іоанновыхъ и отвѣтахъ на нихъ Христовыхъ". Въ послѣднемъ Іисусъ бесѣдуетъ съ любимымъ своимъ ученикомъ, Іоанномъ, о тайнахъ творенія совершенно въ альбигойскомъ духѣ, въ смыслѣ дуалистическомъ. Въ его отвѣтахъ дуалисты читаютъ исторію творенія міра, при чемъ разрѣшаются вопросы о концѣ свѣта и общемъ судѣ. Греческій оригиналъ этого апокрифа былъ занесенъ изъ Болгаріи въ концѣ XII столѣтія. Все это показываетъ, что альбигойцы не были самостоятельны, что они въ существенныхъ вопросахъ догматики, въ обычаяхъ и даже въ ритуалѣ были безусловными послѣдователями болгарскихъ богомиловъ.

Тóлки альбигойскаго катаризма.

Альбигойцы были прежде всего высокіе идеалисты, но въ то же время оставались суевѣрами. Односторонніе въ своемъ увлеченіи, они сохраняли логичность въ выводахъ до крайнихъ послѣдствій. Думая поклоняться безсмертному духу, что было какъ бы въ природѣ многихъ азіатскихъ народовъ, они тѣмъ самымъ презирали смертное тѣло. Оттого-то искреннѣйшіе изъ нихъ, такъ называемые „совершенные“, съ такой охотою шли на казнь, что ихъ жизнь за рубежомъ смерти освѣщалась тѣмъ новымъ безконечнымъ сіяніемъ, предъ обаяніемъ котораго ничтожны были всѣ земныя страсти, страданія и наслажденія. По мнѣнію ихъ, злое божество было при самомъ началѣ творенія и долго оставалось равноправнымъ доброму божеству. Такъ, впрочемъ, думали лишь на первыхъ порахъ; съ теченіемъ же времени появился болѣе мягкій, примиряющій взглядъ на отношеніе дьявола къ человѣческому тѣлу, чѣмъ секта пріобрѣла скорѣйшій успѣхъ. Явилась гипотеза, что демонъ зла, созданный Богомъ, уклонился изъ подъ его воли, возсталъ противъ него, сдѣлался злымъ геніемъ и положилъ начало всему дурному. Послѣдователи первой системы (дреговичи на Балканахъ, албанцы въ Италіи) назывались крайними дуалистами; послѣдователи второй системы, признававшіе начальнымъ творцемъ единаго добраго Бога, назывались умѣренными дуалистами.

Послѣдніе были несравненно многочисленнѣе первыхъ. Во всякомъ случаѣ система умѣреннаго дуализма была порожденіемъ, или вѣрнѣе—уклоненіемъ системы дуализма крайняго. Вездѣ въ крайнемъ дуализмѣ ветхозавѣтный богъ считался злымъ демономъ, противоположнымъ божеству христіанскому. Потому-то альбигойцы не могли увѣровать въ ветхозавѣтныя книги; они видѣли въ нихъ противорѣчіе съ книгами Новаго Завѣта, видѣли громадную разницу въ ученіи Евангелія и въ ученіи Моусея. Что ветхозавѣтный богъ золъ, такъ разсуждали они, поверхностно скользя по Писанію, — это видно изъ всѣхъ его дѣйствій. Онъ произвелъ потопъ, разрушилъ Содомъ и Гомору, далъ законъ возмездія и не велѣлъ оставлять камня на камнѣ въ домахъ вражескихъ. Не то Іисусъ, посланный искупить человѣческія души, совершеннѣйшій изъ ангеловъ Божіихъ, существъ невидимыхъ, духовныхъ. Онъ былъ безтѣлесенъ. Въ самомъ дѣлѣ, позорно было бы для Бога быть заключеннымъ въ чревѣ жены. Поэтому учили, что Христосъ, какъ духъ, вошелъ въ одно ухо

Богородицы и вышелъ тѣмъ же путемъ. Умѣренные же дуалисты считали Богородицу однимъ изъ небесныхъ духовъ, также какъ Іоанна Крестителя, тогда какъ крайніе никакимъ образомъ не могли примириться съ Іоанномъ, крестившимъ водою, а не духомъ, бывшимъ посломъ сатаны.

Переселеніе душъ.

Добрый Богъ создалъ души человѣческія, дьяволъ облекъ ихъ плотью, которую онѣ носятъ до тѣхъ поръ, пока не освободятся отъ грѣховъ и земныхъ узъ. Со временемъ всѣ вернутся въ горнюю обитель, всѣ будутъ спасены. По Божьему предопредѣленію, ни одна душа, имъ созданная, не погибла со дня творенія; погибли только тѣла; душа же или достигла горней обители, если увѣровала въ альбигойское ученіе, или же еще пребываетъ и мучится на землѣ. Чтобы примирить ученіе объ общемъ блаженствѣ съ участью людей, умершихъ раньше появленія альбигойства, было принято азіатское ученіе о переселеніи душъ. Если душа не вернулась въ небесную незримую Церковь, если еще не увѣровала въ альбигойское ученіе, то, мучась, она непремѣнно блуждаетъ на землѣ, или въ другихъ людяхъ, или даже въ тѣлахъ животныхъ. Количество тѣлъ, доступныхъ блужданію душъ, было безпредѣльно. Оно не ограничивалось тѣлами человѣческими. Тѣ, которые упорно отказывались отъ покаянія, въ наказаніе помѣщаемы были въ животныхъ; для этого предназначались птицы, четвероногія и другія животныя, кромѣ гадовъ; погибшее отъ плоти и не увѣровавшее въ истинное ученію, да будетъ наказано плотью. Такъ какъ, истребляя животныхъ, можно было бы поглотить душу, то альбигойцы запрещали употреблять животную пищу; вслѣдствіе этого они не убивали животныхъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ они отрицали потребность въ загробной жизни по христіанскимъ понятіямъ.

При такомъ взглядѣ на твореніе не предстояло надобности ни въ общемъ воскресеніи, ни въ страшномъ судѣ. Такъ какъ исходная цѣль для всякой души—переселиться на небо уже въ силу одного существа ея, то понятно, что никакія молитвы земной церкви не могутъ оказать вспомогательнаго дѣйствія. Души, сотворенныя демономъ, не могутъ быть выручены ею, а для прочихъ молитва безполезна, ибо и безъ нея онѣ будутъ сопричастными небесной жизни. Добрыя дѣла живыхъ и заслуги святыхъ одинаково безсильны въ этомъ отношеніи.

Ученіе о спасеніи.

По ученію Луджіо, матерія существовала раньше творенія и оба божества находились во взаимной борьбѣ. Когда добрый Богъ творилъ духъ, то въ тоже время Сатаніилъ, духъ злобы творилъ тѣла. Такимъ образомъ эти оба божества суть дѣти единаго существа, неразрывно соединенныя съ земнымъ и небеснымъ міромъ. Одинъ изъ нихъ далъ людямъ плоть, другой—душу. Всѣ люди происходятъ отъ одной пары: отъ двухъ первоначальныхъ душъ рождаются всѣ послѣдующія, ибо, сказано въ Писаніи, „рожденное отъ плоти есть плоть, а рожденное отъ духа есть духъ". Спасеніе пріобрѣтается заслугами Богородицы, хотя принятіе альбигойства и есть непремѣнное условіе спасенія, къ осуществленію котораго служило посланничество Христа. Такъ думали только умѣренные альбигойцы, которые примирились съ Іоанномъ Крестителемъ, безусловно отринутымъ крайними дуалистами. Онъ является для нихъ посланникомъ Бога, а не дьявола, и принадлежитъ къ числу ангеловъ неба ([1]).

([1]) Пособія по исторіи альбигойцевъ-катаровъ касаются въ одинаковой степени и вальдензовъ, такъ какъ долго даже спеціалисты перемѣшивали тѣхъ и другихъ сектантовъ, не всегда различая ихъ и въ настоящее время. По своему направленію эта литература принадлежитъ въ большинствѣ къ католическому лагерю, въ меньшинствѣ къ протестантскому. J. de Tillet. Sommaire de la guerre faite contre les hérétiques albigeois (P. 1590), —кат.—J. Chassanion. Hist. des Albigeois (P. 1525), вальд.—I. P. Perrin. Hist. des chrestiens alb. (G. 1618),—гуг. пасторъ.— Benoist. Hist. des Albigeois et des Vaudois ou Barbets (P. 1691, 2 vls.),— домин.— I. B. Langlois. Hist. des croisades contre les Alb. (P. 1703), — іезуитъ.— Blair. Hist. of the Waldenses and Albigenses (Ed. 1633, 2 vls.), — калв. — J. de Parctelaine. Hist. de la guerre contre les Albig. (P. 1833).— Jas. De Waldensium secta ab Alb. bene distinguenda (L. 1834), — реформатъ. — Barrau et Darragon. Hist. des croisades contre les Alb. (P. 2 vls.). — Maitland. Facts, doctrine aud rites of the ancient Alb. and Wald. (L. 1838).— Stanley Faber. An inquiry etc. (L. 1838).—Hahn. G. der Ketzer im Mittelalter (St. 3 B. 1848—50). —C. Schmidt. Hist. et doctrine de la secte des Cathares ou Albigeois (2 v. P. 1849). — Bender. G. der Waldenser (Ulm. 1850). — Dickhoff. Die Waldenser (G. 1851).—Болѣе подробная оцѣнка пособій въ нашей Исторіи Альбигойцевъ и ихъ времени (К. 1869—1872, 2 т.); I, 583—587. — Послѣ выхода ея въ свѣтъ, — явились соч. Douais. Les Albigeois (P. 1880) и Molinier. L'inquisition dans le Midi de la France au XIII et XIV siècle (P. 1880). Авторъ послѣдняго труда пользовался тѣми же архивными коллекціями протоколовъ, тѣмъ же сборникомъ Doat, коимъ пользовались мы въ

Образъ жизни и обычаи альбигойцевъ.

Катары въ глазахъ самаго строгаго нравственнаго суда удовлетворяли тому названію, которое они возложили на себя. Только аскетическое подвижничество въ католической Церкви могло представлять явленіе аналогичное съ тѣми, которыя составляли обычныя черты послѣдователей альбигойства. Высшее духовное совершенство выставлялось цѣлью земнаго существованія катара; тяжелый путь велъ къ достиженію ея. Смертный грѣхъ представлялся всюду суровому ригористу альбигойскому. Эта секта смотрѣла на намѣреніе, какъ на преступленіе. Кодексъ ея воспрещалъ подъ страхомъ исключенія, вмѣстѣ съ убійствомъ, нанесеніемъ кровавыхъ ранъ, даже всякое обладаніе земными благами,—этой ржавчиной души (rubigo animae); этотъ кодексъ предписывалъ умудреніе души возвышеннымъ созерцаніемъ. Отсюда законъ о совершенномъ ниществѣ, почему сектанты часто называли себя нищими во Христѣ (nos pauperes Christi). Сношеніе съ людьми, не принадлежащими сектѣ, привязанными къ міру, могло быть только въ видахъ обращенія таковыхъ къ альбигойскому ученію. Отступничество отъ убѣжденій въ принципѣ преслѣдовалось, но тѣмъ не менѣе словесныя отпирательства и уклончивость по примѣру богомиловъ, практическое искусство хранить свою вѣру и избѣгать преслѣдованій,—встрѣчалось нерѣдко и между провансальскими катарами, хотя съ другой стороны часто были примѣры геройской честности и твердости. Божба и клятва не существовала въ альбигойскихъ общинахъ. Клятва не дозволялась даже при тѣхъ обстоятельствахъ, которыя могли обѣщать непосредственныя выгоды ереси. Передъ трибуналомъ инквизиціи, одинъ альбигоецъ объявилъ, что если бы клятва его въ святости исповѣдуемаго имъ ученія могла весь міръ обратить къ нему и изъ религіи гонимой сдѣлать религіею царствующею, то и тогда онъ не рѣшился бы дать такую клятву. Запрещая убійство, альбигойцы запрещали всякое кровопролитіе, вообще войну. Въ крайнемъ случаѣ, даже убиваемые за ученіе „совершенные" альбигойцы должны терпѣливо сносить раны и смерть и не поднимать руки въ свою защиту. „Хотя бы за самое святое дѣло проливалась кровь,—она не угодна Богу". Потому только непосвященные, простые вѣрующіе думали достигнуть спасенія

Національной Библіотекѣ въ Парижѣ; процессъ завоеванія Лангедока онъ оставляетъ въ сторонѣ. Новѣйшее соч. Comba (1888) касается собственно исторіи патареновъ.

путемъ мученичества, когда крестоносцы обагрили кровью долины Лангедока. Избѣгая убійства вообще, альбигойцы запрещали убивать всѣхъ животныхъ, кромѣ гадовъ, бывшихъ вмѣстилищемъ демоновъ и не приносившихъ ничего кромѣ вреда. Принятіе мясной пищи, какъ дѣло плотоугодія, считалось за тотъ же смертный грѣхъ, тѣмъ болѣе что мясо, даже сыръ и молоко служили орудіемъ и порожденіемъ діавольской силы. Наконецъ, съѣдая мясо, катаръ могъ помѣшать покаянію какой-либо души, облеченной въ этотъ моментъ въ плоть животнаго. Катары ссылались на апостола Павла, который писалъ: лучше не ѣсть мяса, не пить вина и не дѣлать ничего такого, отчего братъ твой соблазняется. Совершенные катары скорѣе умерли бы отъ голода, нежели позволили бы себѣ вкусить мяса. Рыба не запрещалась отчасти потому, что въ средніе вѣка полагали, что зарожденіе рыбы чуждо плотскаго акта, а также слѣдуя указанію Христа, вкусившаго рыбы и хлѣба и тою же пищею насыщавшаго другихъ. Дозволялось питаться хлѣбомъ, плодами, оливками, овощами, вообще произведеніями растительнаго царства, хотя нѣкоторые полагали, что и это все порожденіе діавола. Прекратить жизнь голодомъ нельзя было уже потому, что тѣмъ могъ остановиться процессъ покаянія. Лишь какъ на горькую необходимость катары смотрѣли на бракъ. Самъ по себѣ онъ вреденъ, онъ узаконяетъ наслажденіе, потворствуетъ губительнымъ страстямъ плоти; но, говорили крайніе дуалисты, если воспретить развитіе тѣлесной матеріи формъ человѣческихъ, то куда, послѣ смерти бреннаго тѣла, помѣститься душѣ, жаждущей покаянія. За то съ тѣхъ поръ, когда это покаяніе совершится, когда весь міръ приметъ чистую вѣру, то бракъ теряетъ свой смыслъ; организація новыхъ тѣлъ изъ прежнихъ прекращается. Между тѣмъ большинство умѣренныхъ, исходя изъ мысли постепеннаго продолженія грѣховныхъ душъ изъ первой пары, не находило повода къ оправданію брака, къ этому расположенію зла, и проповѣдовало его запрещенія. Въ Новомъ Завѣтѣ они встрѣчали свидѣтельства и за и противъ. Всегда злоупотребляя Евангеліемъ, они все неблагопріятное своей системѣ перетолковывали въ смыслѣ аллегорическомъ, говоря, что бракъ евангельскій означаетъ соединеніе души съ небеснымъ тѣломъ или съ Духомъ Святымъ, а положительное запрещеніе его высказано у Павла: „Добро человѣку женѣ не прикасатися

(Кор. VII, 1). Не плотскія дѣти суть дѣти Божіи, но дѣти обѣтованія признаются за сѣмя“ (Рим. IX, 8). Наконецъ, говорили они, самъ Христосъ сказалъ: „Чада вѣка сего женятся и выходятъ замужъ. А сподобившіеся достигнуть того вѣка и воскресенія изъ мертвыхъ, ни женятся, ни замужъ не выходятъ. И умереть уже не могутъ; ибо они равны Ангеламъ, и суть сыны Божіи, будучи сынами воскресенія“.

а) Совершенные.

Если цѣль жизни всякаго человѣка покаяніе, неразлучное съ исходнымъ пребываніемъ въ Церкви альбигойской, то принятіе въ нее, какъ важнѣйшій актъ жизни, должно было ознаменовываться особымъ обрядомъ. Крещеніе водою катары отвергали, какъ матеріальное, а въ замѣнъ того принимали „крещеніе духомъ“, называемое „consolamentum“, т. е. утѣшеніе души на время земнаго пребыванія посредствомъ духовнаго обѣтованія. Весь обрядъ состоялъ въ возложеніи рукъ съ произнесеніемъ извѣстныхъ символическихъ словъ. Получившій consolamentum, и слѣдовательно отрѣшившійся отъ власти демона, отъ увлеченій плотскихъ, назывался другомъ Божіимъ, добрымъ человѣкомъ (lo bos homes), добрымъ христіаниномъ, но чаще „совершеннымъ“ (perfectus). Метафорическими наименованіями ихъ, принесенными съ славянской и греческой почвы, были: отцы по Господѣ (θεότοκοι) и „утѣшенные“ или параклеты. Эту центральную силу ереси католики ненавидѣли особенно и называли „совершенныхъ“ еретиками по преимуществу; ихъ даже малосвѣдущіе писатели строго отличали отъ вальдензовъ. Остальную же массу катаровъ называли обыкновенно вѣрующими или вѣрными. Совершенные считали себя непосредственными преемниками апостоловъ; свое призваніе они ограничивали распространеніемъ и проповѣданіемъ истинной вѣры. Они отрѣшались отъ міра и общества; ихъ имущества принадлежали всей церкви и шли на ея цѣли такъ же, какъ и вклады, которые они получали отъ вѣрующихъ и отъ новообращаемыхъ, удостоенныхъ „утѣшенія“ во время болѣзней, или хотя бы въ минуту смерти. Ихъ жизнь была рядомъ аскетическихъ подвиговъ. Они отрекались отъ семейныхъ и родственныхъ узъ. Они давали обѣты цѣломудрія и нищеты. Четыре раза въ годъ они соблюдали великіе 40-дневные посты; три раза въ недѣлю они не ѣли ничего, кромѣ хлѣба и воды. За каждымъ изъ нихъ слѣдилъ

неотступный глазъ другаго. Подобно позднѣйшимъ іезуитамъ, „совершенные" не оставались на единѣ ни во время отдыха, ни во время занятій, ни въ путешествіи, ни въ молитвѣ. Имъ сопутствовали часто и непосвященные. „Какъ овцы среди волковъ,—говорили они про себя,—блуждаемъ мы отъ города до города; жизнь наша трудная и скитальческая, но святая и подвижническая. Мы терпимъ преслѣдованія и поношенія, подобно апостоламъ и мученикамъ; проводимъ время въ подвигахъ уничиженія, въ молитвахъ; въ трудахъ, которые ничто остановить не можетъ, — но все это не трудно намъ, ибо мы не принадлежимъ сему міру" ([1]). Черная одежда, кожаная сумка черезъ плечо съ провансальскимъ переводомъ Новаго Завѣта, составляла отличительные признаки странствующаго проповѣдника. Они узнавали другъ друга по особымъ жестамъ и символическимъ фразамъ. Ихъ дома также носили особые знаки, загадочные для другихъ, но понятные еретикамъ. Женщины также принимались въ число посвященныхъ. Онѣ также могли совершать consolamentum, но только въ крайнихъ случаяхъ; проповѣдывать же онѣ не имѣли права. Онѣ жили или уединенно въ отдѣльныхъ домахъ, или составляли особыя общины, въ которыхъ занимались рукодѣльными работами или воспитаніемъ дѣвочекъ, принимая также на свое попеченіе больныхъ. Это былъ родъ католическаго монастыря. Женщинамъ не дозволялось сидѣть за однимъ столомъ съ посвященными своими братьями. Сами инквизиторы свидѣтельствуютъ, что посвященные никогда не позволяли себѣ даже рукой прикоснуться къ женщинѣ ([2]). Число посвященныхъ того и другаго пола одинъ изъ инквизиторовъ половины XIII столѣтія насчитываетъ около четырехъ тысячъ человѣкъ; но тогда многіе погибли въ битвахъ и на кострахъ,—ибо преслѣдованіе всегда съ особенною силою направлялось на нихъ. Понятно, что они пользовались безграничнымъ уваженіемъ среди альбигойцевъ. Ихъ появленіе въ селѣ было праздникомъ; широко растворялись предъ ними ворота феодальнаго замка; гостепріимный владѣтель его велитъ нести всё лучшее для нихъ и ихъ спутниковъ, зная, что деньги и яства будутъ сбережены для бѣдныхъ и больныхъ общины; знатный и гор-

---

([1]) Evervini epist. (Mabillon. Vet. anal. III, 454).

([2]) Liber sentent. inquis. Tolosanae: «Non tangunt mulierem nec permitunt se tangi a muliere»,—apud Schmidt; II, 96, n. 5.

дый баронъ самъ служилъ при столѣ „утѣшителя"; онъ и его вассалы окружали плотною толпою проповѣдника; его поученія народъ ловилъ съ жадностію; его совѣтовъ нельзя было не исполнять,—онъ обладалъ сверхъестественною силой; это былъ чудотворецъ католическій. Внѣшность такихъ людей, величавая походка, ихъ манера говорить, напоминали жрецовъ Востока и судей еврейскихъ. Онѣ назывались иногда діаконами. Ихъ благословеніе считалось милостію неба. Въ обрядѣ благословенія видны воспоминанія славянскія. Склонивъ голову и поклонившись до земли, подходилъ къ проповѣднику альбигоецъ и говорилъ: „добрый христіанинъ, благослови меня" и, обнявшись три раза, припадалъ головой къ его плечу; женщины же складывали на груди руки и склоняли голову. —Да благословитъ васъ Господь Богъ, было отвѣтомъ. Передъ женщинами, удостоившимися благодати утѣшенія, складывали крестообразно руки и, преклонивъ голову, но не подходя близко, въ согбенномъ положеніи ждали благословенія, всегда цѣнили очень высоко. Входя въ чье-либо жилище и оставляя его, эти „святые" люди награждали домъ своимъ благословеніемъ.

б) Вѣрующіе и слушающіе.

Вся остальная масса дуалистовъ дѣлилась на вѣрующихъ (credentes) и слушающихъ (auditores), т. е. поучающихся ([1]). Послѣдніе, представляя третью низшую степень, были новичками въ альбигойской вѣрѣ и имѣли изъ нея только элементарныя свѣдѣнія. Философія ученія, символизмъ обрядовъ, — это было тайною для нихъ. Но надо полагать, что такой искусъ не составлялъ необходимости для каждаго, переходившаго въ альбигойство. Иногда представлялась возможность поступать прямо въ число „совершенныхъ"; иные на одрѣ смерти принимали consolamentum и о такихъ нерѣдко упоминаютъ памятники. Большинствомъ всегда были вѣрующіе. Они могли жениться, носить оружіе; имъ прощалось многое ради одного исповѣданія ученія. Но тѣмъ не менѣе они должны были хотя бы подъ конецъ жизни принять посвященіе; если этого не удавалось, то обрядъ совершался въ послѣднюю минуту жизни, чтобы умереть съ „хорошимъ концемъ".

([1]) Срв. у Martène et Durand (Veteri scriptores; I, 776) и Mabillon (Vet. anal. III, 455). «Habet enim (haeresis) auditores, qui ad errorem initiantur; habet credentes, qui jam decepti sunt».

Посвященіе к самоубійство.

Бывали примѣры, что надъ умершими младенцами совершали обрядъ т. н. посвященія, дабы не дать напрасно погибнуть душѣ. „Consolamentum“ замѣняло для еретиковъ и крещеніе, и причащеніе вмѣстѣ; въ послѣднемъ случаѣ оно называлось convenenza (stare in convenientia Dei). Этотъ обрядъ совершался надъ больными, особенно если болѣзнь грозила смертельнымъ исходомъ. Въ легкихъ болѣзняхъ діаконы не всегда соглашались на обрядъ, опасаясь, что если больной останется въ живыхъ, то не будетъ въ состояніи исполнить строгія правила посвященныхъ. Потому, если наступалъ благопріятный кризисъ, то обрядъ воспрещался. Впослѣдствіи вошло въ обычай придавать столь высокое значеніе этому рѣшительному обряду, что никто не рѣшался принимать его иначе, какъ въ самый часъ смерти, подобно тому, какъ въ IV столѣтіи христіане часто крестились только умирая, потому что великому таинству приписывали силу очищать всѣ прежніе грѣхи. Такъ какъ могло случиться, что принявшій утѣшеніе подвергался опасности совратиться и могъ потерять полученную благодать, то во избѣжаніе соблазна допускалось даже убійство; оно истекало изъ отвращенія къ матеріи. Это такъ называемая endura (1).

Такое добровольное убійство, предпринятое ради спасенія души, бывало двухъ родовъ: или мученическое или исповѣдническое. Въ первомъ случаѣ принято было удавленіе, во второмъ — голодная смерть. Часто прибѣгали къ самоубійству для избѣжанія пытокъ и костровъ инквизиціи; въ ваннахъ открывали жилы, принимали ядъ, пили толченое стекло. Такое геройство считалось признакомъ святости; оно не было доступно для всѣхъ; къ самоубійству дозволялось прибѣгать только въ крайнихъ случаяхъ. Жизнь альбигойца имѣетъ особую цѣну; онъ одинъ изъ послѣдователей истиннаго христіанства; всѣ прочіе мнимые христіане служатъ царству мрака и діявола. Достоинство этой церкви, ея превосходство предъ католическою, еще болѣе увеличивались тѣмъ кроткимъ духомъ, чуждымъ насилія и гоненій, который полагался въ основаніи ея, а также нравственною чистотою ея сочленовъ, среди коихъ были такъ называемые „совершенные“. Представляя

(1) Liber sent. inquis. Tolosanae apud Schmidt; II, 102—103.

собою много дѣйствительно замѣчательныхъ сторонъ, она считала себя въ правѣ поносить католическую вѣру.

Ритуалъ альбигойцевъ.

Альбигойцы сходились на молитву вездѣ, гдѣ представлялись къ тому нѣкоторыя удобства. Они собирались въ замкахъ, хижинахъ, на поляхъ и долинахъ, въ пещерахъ и лѣсахъ. Были и особые молитвенные дома тамъ, гдѣ альбигойство пользовалось уже признаннымъ авторитетомъ. Въ нихъ не было ни малѣйшей роскоши. Все убранство состояло изъ скамейки и простаго деревяннаго стола, накрытаго бѣлой скатертью; на немъ лежалъ Новый Завѣтъ, развернутый обыкновенно на первой главѣ Евангелія Іоанна. Въ молельняхъ не было каѳедры для проповѣдника; колокольный звонъ здѣсь не раздавался. Христосъ присланъ былъ освободить насъ отъ идолопоклонства, потому не прилично, разсуждали еретики, въ мѣстахъ, посвященныхъ его воспоминанію, обожать статуи, иконы, кресты; послѣдніе особенно должны быть отвратительны для взора христіанина, какъ орудіе торжества Сатаны надъ Богомъ. Еретики употребляли всѣ усилія, чтобы поселить отвращеніе къ предметамъ, обожаемымъ у христіанъ. Они не ограничивались отрицаніемъ иконъ. Они осмѣивали лица, на иконахъ изображаемыя, въ карикатурныхъ рисункахъ. Молитвенными собраніями еретиковъ руководилъ одинъ изъ священнослужителей или старшій между присутствовавшими „совершенными". Они открывались чтеніемъ какого-либо мѣста изъ Новаго Завѣта; проповѣдники толковали его въ смыслѣ альбигойскомъ, при чемъ объясняли отличіе отъ католическаго богословія и доказывали на сколько католицизмъ отступилъ отъ Евангелія. Послѣ проповѣди наступало такъ называемое благословеніе. Отъ нѣмецкихъ катаровъ мы имѣемъ даже подлинную молитву, составленную риѳмованною прозою:— „Nimmer müsse ich ersterben.— Ich müsse um euch erwerben,— Dass mein end gut werde".— а священникъ заканчивая, произносилъ: „Und werdest ein gut mann". Послѣ того все собраніе начинало пѣть молитву Господню, „единственно указанную истиннымъ христіанамъ". Молитва вообще, по ихъ мнѣнію, должна быть по возможности короче и никоимъ образомъ не обращаться къ святымъ и Богородицѣ или къ Сыну и Духу; она должна призывать только одного благаго Бога.

Вальдензы.

Альбигойцы манихейскаго толка не исчерпываютъ собой еретическихъ движеній на почвѣ Лангедока и Прованса въ XII и XIII вѣкахъ. Мы видѣли, что по догматикѣ и направленію нельзя назвать альбигойцевъ реформаторами. Реформа предполагаетъ преобразованіе въ чемъ нибудь, во всякомъ случаѣ стремленіе къ движенію впередъ. Альбигойцы же не шли впередъ, а отстали даже отъ тогдашняго узкаго круга идей и были врагами какъ свободы мысли, такъ вообще тѣхъ условій, на которыхъ зиждется прогрессивное движеніе. Но рядомъ съ этими философски-богословскими фантазіями альбигойцевъ развивалось раціональное направленіе, родственное и отчасти тождественное съ позднѣйшимъ кальвинизмомъ. Послѣдователи этого раціональнаго направленія назывались вальдензами. Ихъ ученіе было совершенно инаго характера. Раціоналистическое, нравственное по своей сущности, оно имѣло на своей сторонѣ многочисленныхъ приверженцевъ.

Вальдензы были искреннѣйшими протестантами; они поразительнымъ образомъ напоминаютъ позднѣйшихъ кальвинистовъ и по справедливости могутъ назваться провозвѣстниками протестантизма, предтечами прогресса Европы. Но и вальдензы не представляли изъ себя одного вѣроученія. Религія вальдензовъ была объединительнымъ терминомъ для многихъ сектъ раціоналистическаго, или точнѣе, реформатскаго направленія. Въ противоположность дуалистической церкви, начало которой исчезаетъ въ древности, каждая изъ сектъ реформатскихъ имѣла своего основателя, давшаго ей догматъ, моральный и практическій кодексъ.

Ранѣе всѣхъ началъ свою проповѣдь народу въ смыслѣ исправленія католицизма священникъ Петръ де Брюи, т. е. Петръ изъ Брюи. Его послѣдователи назвались петробрусіанцами.

Петръ де Брюи.

Петръ де Брюи дѣйствовалъ въ первые годы XII вѣка въ Гіени и Лангедокѣ. Извѣстно, что онъ былъ схваченъ католическими властями и сожженъ въ 1125 году въ городѣ Сенъ-Жиллѣ. Его ученіе записано католическимъ аббатомъ, Петромъ Достопочтеннымъ (Petrus Venerabilis). Оно заключается въ пяти пунктахъ. Въ первомъ пунктѣ запрещается крестить младенцевъ, — но не по тенденціи альбигойцевъ, которые, какъ враги всякой плоти, отвергали крещеніе, какъ матеріальное, — а только потому, что младенцы не сознаютъ

значенія этого таинства. Если же крещеніе, совершенное въ дѣтствѣ, не дѣйствительно, то не только прежнее человѣчество, но и самые такъ называемые отцы Церкви, мученики, тѣмъ болѣе всѣ папы, епископы, священники должны быть изъяты изъ христіанскаго общества и осуждены, какъ не христіане. По второму пункту ученія Петра де Брюи запрещается построеніе храмовъ, какъ излишнее: „ибо Церковь Христова складывается не изъ стѣнъ, не изъ камней, а изъ духовнаго соединенія вѣрующихъ". Также удобно молиться въ тавернѣ, какъ въ церкви, говорилъ Петръ; „передъ стойломъ также, какъ предъ алтаремъ, одинаково можно быть услышаннымъ Богомъ". По третьему пункту—кресты должны быть сломаны и сожжены, какъ орудіе, на которомъ мученически пострадалъ Спаситель и которое должно быть сопряжено въ умѣ христіанъ не съ почитаніемъ, а съ презрѣніемъ. Тоже утверждали и катары, но по другимъ мотивамъ. Послѣ казни Петра де Брюи послѣдователи его сожгли публично огромное множество крестовъ въ видѣ протеста противъ католической Церкви. Четвертый пунктъ гласилъ: тѣло и кровь Христовы ни силою божественной, ни заслугами священниковъ не претворяются. Потому еретики отвергали причащеніе. У нихъ не было даже внѣшняго напоминанія этого таинства. По пятому пункту они отвергали необходимость молитвы и милостыни для спасенія мертвыхъ; они предполагали, что душа уже заранѣе предназначена или на мученіе, или на жизнь вѣчную.

Еще разительнѣе было сходство съ Кальвиномъ у Петра де Брюи въ его антипатіи ко всякой церковной внѣшности, къ украшеніямъ, къ музыкѣ, орга́намъ католическимъ. Въ ихъ молитвахъ возбранялась всякая мелодія. За то съ другой стороны петробрусіанцы представляли сходство съ катарами въ томъ, что они принимали непреложнымъ только одно Евангеліе, отрицали Ветхій Завѣтъ, порицали Дѣянія и посланія Павла. Что касается до обычаевъ, то въ этомъ отношеніи петробрусіанцы не представляютъ ничего общаго съ катарами. Они ѣли мясо, сильно вооружались противъ католическихъ постовъ, отрицали необходимость плотскаго воздержанія и всегда признавали бракъ, столь ненавистный альбигойцамъ. Ученіе Петра имѣло много послѣдователей въ южной Галліи.

Генрихъ.

Оно было точнѣе формулировано и лучше развито современникомъ его Генрихомъ, національное происхожденіе котораго не вполнѣ извѣстно. Мы застаемъ его въ Лозаннѣ, небольшомъ городѣ, живописно расположенномъ на южномъ берегу Женевскаго озера, среди виноградниковъ; тамъ принимали Генриха за итальянца. Но врядъ ли онъ былъ родомъ изъ Италіи. Также сомнительно, зналъ ли онъ раньше Петра де Брюи. Надо думать, что онъ сталъ дѣйствовать самостоятельно, но потомъ былъ ученикомъ Петра де Брюи и заимствовалъ идеи послѣдняго. Съ первой проповѣди въ городѣ Мансѣ въ 1116 году, Генрихъ имѣлъ огромный успѣхъ. Толпа народа всегда окружала его. Въ черной рясѣ, истомленный бдѣніемъ, съ длинной бородой, съ крестомъ въ рукѣ, всегда поучающій пылкой рѣчью, онъ производилъ удивительное впечатлѣніе. Когда онъ сталъ говорить о фарисействѣ католическаго духовенства, толпа кинулась на присутствующихъ священниковъ, которые, избитые едва могли спастись. Изъ города Манса его изгналъ епископъ. Направившись въ Бордо, проповѣдникъ встрѣтилъ Петра де Брюи и сдѣлался его ученикомъ. Послѣ казни учителя, Генрихъ бѣжалъ въ Гасконь, гдѣ его схватили и отправили въ Римъ на судъ папы. Здѣсь, ко всеобщему удивленію, было поступлено съ нимъ снисходительно. Его поручили присмотру и наставленіямъ знаменитаго Бернара, который обращалъ тогда на себя вниманіе, какъ аскетъ и фанатикъ, какъ человѣкъ, почти поборовшій чувства и тѣлесныя побужденія. Бернаръ держалъ подъ своимъ вліяніемъ не только все тогдашнее католическое духовенство, но папъ, королей и императоровъ. Въ его натурѣ замѣчательно сочетаніе аскетизма монаха съ широтой взгляда философа. Папа склонялся предъ нимъ и Бернаръ властвовалъ въ католической Церкви, которая послѣ канонизировала его.

Предполагали, что такой святой человѣкъ способенъ отклонить даже закоснѣлаго ересіарха отъ всякихъ заблужденій. Но Генрихъ не поддавался. Онъ убѣжалъ отъ назиданій святаго въ Лангедокъ. Въ Тулузѣ онъ склоняетъ на свою сторону могущественнаго феодала, герцога Раймонда, а съ нимъ всѣ граждане стали открытыми послѣдователями Генриха. Въ Римѣ рѣшили воспользоваться словомъ Бернара, чтобы остановить распространеніе ереси. Когда Бернаръ. не боясь раздраженнаго народа, сталъ проповѣдывать въ тулузскомъ каѳедралѣ, мужчины и женщины плакали въ церкви, публично

каясь. Бернаръ увлекся своими первыми успѣхами. Онъ писалъ, что въ Тулузѣ нѣтъ ереси, а она только начиналась. Правда, Генрихъ былъ осужденъ на пожизненное заточеніе и скоро умеръ, но его ученіе не погибло съ его смертью. Петробусіанцы стали теперь называться генрисіанами.

Съ именами Генриха и Петра де Брюи связано начало раціональныхъ ересей. Отчетливыхъ подробностей о догматикѣ Генриха мы не имѣемъ. Можетъ быть, онъ допускалъ крестъ и въ этомъ отношеніи отличался отъ Петра. Во всякомъ случаѣ послѣдователи Петра де Брюи и Генриха слились въ одно; всѣ поборники реформаціоннаго направленія стали называться вальдензами.

Петръ Вальдо.

Когда явился Петръ Вальдо, бѣднякъ Ліонскій, самыя имена Петра де Брюи и Генриха стали исчезать въ памяти современниковъ. Оттого реформу Брюи и Генриха поспѣшили связать съ именемъ Вальдо. Это было въ концѣ XII вѣка на томъ же Югѣ, гдѣ такъ развита была ересь катаровъ. Но ересь катаровъ не была исторична, потому что она требовала такихъ подвиговъ, какіе трудно было переносить ради совершенно вредной цѣли, а новое ученіе, стараясь достичь нравственныхъ цѣлей, выставило на своемъ знамени свободу мысли и прогрессивное развитіе. Извѣстно, что Вальдо выступилъ на реформатскую арену около 1175 года. Богатый купецъ, пораженный смертью своего брата, Вальдо позналъ суету богатства; ради любви къ Богу и ближнимъ, онъ роздалъ все имѣніе и сталъ нищимъ для Господа. Интересно во всякомъ случаѣ то обстоятельство, что имя вальдензовъ встрѣчается два раза въ памятникахъ еще за 30 лѣтъ до появленія Вальдо. Въ первой половинѣ XII вѣка о „вальдензахъ" пишутъ Errard de Bethune и Bernard de Fontcaud. За 30 лѣтъ до появленія Вальдо—Фонко уже сочинилъ памфлетъ: Contra Valdenses et Arianos. Слѣдовательно подъ словомъ „вальдензы" эти авторы не могли понимать послѣдователей Вальдо, о которомъ тогда еще не слыхали. Слово „Valdenses" мы производимъ отъ слова „vallis"; оно означаетъ „обитателей долинъ", въ которыхъ долго проживали еретики. Добровольно сдѣлавшись нищимъ, Петръ Вальдо посвятилъ себя на проповѣдь Евангелія, которое сталъ толковать въ Ліонѣ, пользуясь провансальскимъ переводомъ, сдѣланнымъ для альбигойцевъ. Что касается до Пророковъ и Дѣяній апостольскихъ, то извѣстно,

что Вальдо перевелъ эти творенія на провансальскій языкъ. Петръ говорилъ, что въ дѣлѣ религіи надо повиноваться одному Богу, а не людямъ, что Римская Церковь отказалась отъ истинной вѣры и сдѣлалась вавилонской блудницей, тою безплодной смоковницей, которую проклялъ Іисусъ и повелѣлъ уничтожить. Вальдо вооружался противъ монастырей, противъ святыхъ, противъ обѣдни, противъ чистилища, противъ молитвъ за усопшихъ, называя все это изобрѣтеніемъ сатаны. Онъ обладалъ громаднымъ вліяніемъ на массы; народъ, увлекшись новой вѣрой, сталъ стремиться узнать истинное Евангеліе. „Большіе и малые, говоритъ лѣтописецъ, мужчины и женщины дни и ночи стали проводить въ томъ, что учили и учились“. Папа предалъ Вальдо анаѳемѣ. Тогда онъ бѣжалъ изъ Ліона сперва во Фландрію, а потомъ отправился на югъ, въ горы и ущелья Дофинэ и Пьемонта. Дальнѣйшихъ свѣдѣній о немъ нѣтъ.

Памятники, догма и жизнь вальдензовъ.

Извѣстно, что вальдензы засѣли въ Пьемонтѣ, гдѣ, благодаря условіямъ мѣстности, въ чистотѣ сохранили свое ученіе. Впослѣдствіи въ той самой мѣстности, гдѣ утвердилось ученіе вальдензовъ, нашли благопріятную почву Цвингли, Кальвинъ и другіе реформаторы. Тамъ, въ этихъ недоступныхъ ущельяхъ и горахъ, въ которыя можно было проникнуть только извилистыми тропинками, свято, изъ поколѣнія въ поколѣніе, передавали вальдензы свою церковную традицію и принципы свободы совѣсти, благоговѣйно сохраняя книги, въ которыхъ было выражено ихъ ученіе. Главнѣйшіе памятники, когда во время гоненій имъ стало грозить истребленіе, были перенесены въ Англію при Кромвелѣ. Съ 1658 г. эти рукописи хранятся въ библіотекѣ Кембриджа въ оригиналѣ на провансальскомъ языкѣ (1). Это множество памятниковъ богословскаго, назидательнаго, историческаго и обрядоваго характера. Важнѣйшіе изъ нихъ, — это „Катехизисъ“, затѣмъ „Исповѣданіе вѣры“, „Сокровище вѣры“, толкованіе молитвы Господней, „Духовный альманахъ“ (нравственный практическій кодексъ) и „Книга о дисциплинѣ“. Собственно для догматики служатъ „Катехизисъ“ и „Испо-

(1) Онѣ перепечатаны въ книгахъ Jean Leger (Hist. des Eglises Évangeliques des vallées de Piémont. Leyde, 1669) и Perrin (Hist. des Chrestiens Albigeois, Gen. 1618).

вѣданіе вѣры“. Изъ сличенія содержанія этихъ книгъ съ ученіемъ альбигойцевъ становится очевиднымъ, что между катарами и вальдензами не было ничего общаго въ догматикѣ. Послѣдніе признавали Троицу, говорили, что Богъ, будучи въ трехъ лицахъ, не перестаетъ быть единымъ; они не признавали борьбы добраго Бога со злымъ и принимали, согласно съ католиками, что Духъ святой исходитъ и отъ Сына (filioque). Катары отрицали свободную волю и вѣрили въ предопредѣленіе; вальдензы не признавали послѣдняго, доказывая, что Богъ предоставилъ человѣку на волю поступать хорошо или дурно. У вальдензовъ не было рѣшительной антипатіи, какъ у альбигойцевъ, къ Ветхому завѣту, который они даже любили цитировать, подобно позднѣйшимъ пуританамъ. Съ пуританами сближаетъ вальдензовъ также отношеніе къ католическимъ обрядамъ, къ постамъ, къ муссѣ, иконамъ, святымъ, къ молитвѣ за усопшихъ, къ освященію воды. Въ вопросѣ о таинствахъ было также существенное сходство между кальвинистами и вальдензами, ибо послѣдніе признавали только крещеніе и евхаристію, избѣгая примѣнять эти таинства къ дѣтямъ. Вальдензы также допускали бракъ своихъ бородачей (barbas), т. е. священниковъ.

Практическій кодексъ нравственной жизни вальдензовъ и обязанности духовенства ихъ предписываются стихами назидательной Nobla leyçon: „Пастыри церковные не должны проклинать и убивать лучшихъ людей и оставлять жить въ мірѣ злыхъ и обманщиковъ; этимъ доказывается только, что они пастыри не добрые, что они любятъ овецъ только для того, чтобы стричь ихъ. Но Писаніе гласитъ, да и видѣть теперь можно вездѣ, что есть добрые люди, любящіе Бога и Христа, которые не хотятъ ни злорѣчить, ни клясться, ни лгать, ни любодѣйствовать, ни убивать, ни красть, ни мстить своимъ врагамъ: это-то и есть вальдензы, за это-то ихъ и влекутъ на казнь. Тѣ злые пастыри совершаютъ много грѣховъ, за 100, за 200, за 300 лиръ они даютъ разрѣшеніе, а довѣрчивая паства не знаетъ, что этимъ впадаетъ въ смертный грѣхъ, ибо я могу сказать вамъ навѣрное (таковы слова барбы), что всѣ папы, послѣ Сильвестра до настоящаго времени, кардиналы, епископы, аббаты, всѣ вмѣстѣ не могутъ дать ни одного разрѣшенія и простить смертныхъ грѣховъ кому бы то ни было. Ибо одинъ Богъ прощаетъ, никто другой не можетъ, а истинные пастыри должны проповѣды-

вать народу и непрестанно внушать ему божественное ученіе, очищать его добрымъ примѣромъ (donanta lor deciplina) и добрыми увѣщаніями, заставить его покаяться, дабы идти по слѣдамъ Іисуса Христа, исполняя его волю, неуклонно соблюдая все, что повелѣлъ Господь. Только тѣмъ можно избѣжать антихриста и не подчиниться его дѣламъ и словамъ, а по Писанію уже много антихристовъ, ибо Антихристъ значитъ все противное Христу ([1])".—Частная жизнь этихъ сектантовъ была безупречна; она напоминаетъ намъ пуританъ XVII столѣтія, съ которыми вальдензы имѣютъ удивительное сходство. Подобно имъ, они доходили до ригоризма и, живя на почвѣ Юга, будто принесли туда начало сѣверной стойкости и неодолимой крѣпости духа въ виду соблазновъ міра. Подобно имъ, они любили говорить ветхозавѣтнымъ языкомъ, а кротость и молчаніе тѣхъ и другихъ могли обратиться въ неудержимое негодованіе только при видѣ иконы или католической статуи. Барбы вальдензовъ старались принимать внѣшность еврейскихъ судей. Вальдензы питали одинаковую съ пуританами ненависть къ свѣтскимъ удовольствіямъ, играмъ и танцамъ. Въ танцахъ грѣшатъ разными способами, какъ-то излишнимъ и долгимъ хожденіемъ, прикосновеніемъ къ женскому стану, блескомъ нарядовъ, пѣніемъ, суетой и пр. Дьяволъ въ началѣ, срединѣ и концѣ каждаго танца. Балъ и вообще увеселеніе съ участіемъ женщинъ угождаетъ дьяволу. Женщина, поющая на балу, — игуменья дьявола, вторящіе ей—клирики римскіе, зрители же — прихожане католическіе. Женщины на балахъ прельщаютъ тремя способами: своимъ прикосновеніемъ, взорами, слухомъ и этимъ завлекаютъ людей маломудрыхъ. Присутствующіе на балу грѣшатъ противъ всѣхъ 10 заповѣдей и каждой отдѣльно. Умерщвлять плоть, избѣгать праздности есть назначеніе и долгъ каждаго христіанина.

Этотъ образъ жизни вытекалъ не изъ тѣхъ началъ, которыми руководились дуалисты, т. е. альбигойцы. Собственно вальдензы проповѣдывали въ области политики безусловное повиновеніе властямъ и признавали, что всякіе нарушители общественнаго спокойствія заслуживаютъ мученія въ аду въ кипящемъ маслѣ. Вальдензы не были потому опасны свѣтскимъ властямъ, тогда какъ альбигойцы враждовали съ общественнымъ и государственнымъ строемъ. За то вальдензы

([1]) Leger. Hist. des Eglises Évangeliques de Piémont; I, 28—30.

внушали постоянное опасеніе Римской Церкви, которая и объявила имъ рядъ непримиримыхъ войнъ [1].

Альбигойскія войны имѣли рѣшительное вліяніе на судьбы провансальской національности, которая погибла въ пылу этихъ войнъ и такимъ образомъ навсегда исчезла для исторіи.

Первоначальное отношеніе Рима къ ереси.

Интересно наблюдать, какъ постепенно развивалась идея крестовыхъ походовъ противъ еретиковъ. Должно сознаться, что рѣшительный характеръ война съ альбигойцами приняла благодаря только случайности. Въ политикѣ Иннокентія III не было предвзятой цѣли истребить ересь насильственными мѣрами. Въ первые годы своего правленія онъ былъ противъ всякихъ жестокихъ мѣръ. По словамъ позднѣйшаго церковнаго католическаго историка, Иннокентій засталъ болѣе 1000 мѣстъ въ южной Галліи и столько же въ верхней Италіи, объятыми ересью съ многочисленными вѣтвями ея отъ богомильскаго дуализма и вальдензовъ до жидовствующихъ и перекрещенцевъ. Онъ засталъ аристократію Юга и Ломбардіи почти явно отложившеюся отъ католичества, расположеніе къ ереси даже въ Церковной области, отступничество въ духовенствѣ, между аббатами и священниками. И не смотря на все это, папа не былъ склоненъ прибѣгать къ внѣшней силѣ по отношенію къ еретикамъ. „Когда врачи узнаютъ содержаніе болѣзни, говорилъ онъ, тогда лишь приступаютъ къ ея исцѣленію. И мы думаемъ, что союзъ еретиковъ разрушится только солиднымъ и приличествующимъ увѣщаніемъ, ибо Господь сказалъ: не хочу смерти грѣшника, но да обратится и живетъ. Только проповѣдью истины подкапываются основы заблужденія“. Онъ вѣрилъ, что слова увѣщанія и проповѣди глубже проникаютъ, чѣмъ мечъ, не всегда надежный. И это говорилъ новый папа, когда города были

[1] Приступая къ изложенію альбигойскихъ войнъ, должно замѣтить, что для исторіи ихъ существуютъ два главныхъ, совершенно противоположныхъ источника. Это латинское сочиненіе француза Петра Сернейскаго (переведено въ т. XIV коллекціи Гизо) и стихотворная хроника неизвѣстнаго автора, написанная сочувственно еретикамъ, на провансальскомъ языкѣ, — La cansos de la crozada contr els ereges въ 9578 стиховъ (изд. Fauriel съ пер. P. 1837; стихотворный пер. Mary-Lafon—La croisade contre les Alb. P. 1868). Послѣдняя, которая можетъ имѣть только относительное значеніе, по своему содержанію распадается на двѣ или точнѣе на три части: церковную, феодальную и общественную. Разборъ въ приложеніи къ I т. Исторіи Альбигойцевъ, стр. 563—569.

переполнены еретиками, когда альбигойское ученіе проповѣдывалось и упрочивалось открыто, когда архіереи богомильскіе имѣли резиденціи въ Миланѣ, Мантуѣ и Брешіи, когда они имѣли смѣлость пробраться въ самый Римъ.

Въ первой буллѣ отъ 1 апрѣля 1190 года по дѣлу альбигойцевъ ([1]), обращенной къ одному изъ провансальскихъ архіепископовъ,—папа предписываетъ принимать противъ еретиковъ только такія мѣры, которыя были бы въ предѣлахъ духовно-церковной власти (ecclesiasticae districtionis), т. е. мѣры, чисто нравственныя. При дальнѣйшемъ сопротивленіи предполагалось прибѣгать къ репрессаліямъ и то только тогда, если бы потребовала необходимость (si necesse fuerit), можно обращаться, при посредствѣ государей и народа, къ силѣ свѣтскаго меча.

Для начала Иннокентій снялъ отлученіе съ графа тулузскаго Раймонда VI, но въ то же время отправилъ въ Лангедокъ двоихъ цистерціанскихъ монаховъ, Райнера и Гвидона, съ обширными полномочіями. Легаты немедленно взялись за дѣло, но послѣ полуторагодоваго опыта оказалось, что ихъ полномочія не приводятъ къ цѣлямъ. Въ самой Италіи, рядомъ съ папской резиденціей, безсильно папское вліяніе; ересь патареновъ стучится въ ворота Рима. Первосвященникъ римскій боится пріѣхать въ близкій ему — Витербо; городъ наполненъ еретиками. Казалось, это въ состояніи было привести его въ негодованіе, но и здѣсь онъ только повысилъ тонъ. Въ посланіи къ витербскимъ гражданамъ Иннокентій запрещаетъ повиновеніе еретическимъ властямъ, приказываетъ патаренамъ въ 15 дней оставить городъ, грозитъ городу отлученіемъ и прекращеніемъ богослуженія. Все это не производитъ никакого дѣйствія; отлученіе безсильно, прекращеніе католическаго богослуженія могло только радовать еретиковъ. Въ случаѣ упорства папа грозитъ войной; еретики смѣются въ отвѣтъ. Иннокентій затаилъ въ себѣ чувство ненависти.

Раймондъ VI Тулузскій. Витербскія и подобныя имъ сцены заставили наконецъ папу перемѣнить свой примирительный взглядъ на еретиковъ, побудили его обратиться къ мѣрамъ строгости. Его больше всего раздражало поведеніе Раймонда VI, графа тулузскаго, который явно покровительствовалъ ереси. На графа были обра-

([1]) Reg. Inn. III; l. I, ep. 84.

щены надежды послѣдователей новаго вѣроученія. Въ церковь онъ водилъ своего шута, который подпѣвалъ священнику, кривлялся, гримасничалъ и, стоя спиной къ алтарю, благословлялъ народъ. Владѣтель Тулузы не захотѣлъ наказывать даже самыхъ послѣднихъ гражданъ за ихъ явное кощунство, находя это дѣло пустымъ по своей сущности. Раймонда часто видали на торжественныхъ собраніяхъ еретиковъ. Онъ преклонялъ колѣна, выслушивая молитвы „утѣшенныхъ", или принималъ ихъ благословенія. Его лучшимъ желаніемъ было умереть на рукахъ „добрыхъ людей". Хотя оффиціально онъ и держалъ капеллана, но мало стѣснялся католическими приличіями и высказывалъ свои убѣжденія, не обращая вниманія на окружающихъ. „Сразу видно, что дьяволъ создалъ міръ, ничего въ немъ не дѣлается по нашему", говаривалъ онъ. Къ церковному скандалу Раймондъ перемѣнилъ пять женъ, и три изъ нихъ пережили его. Своимъ вліяніемъ онъ побуждалъ склоняться на сторону еретиковъ такихъ мужественныхъ своихъ вассаловъ, какъ виконты безьерскій и беарнскій, графъ де Фуа и др. Всѣ они впослѣдствіи жестоко пострадали вмѣстѣ съ своимъ сюзереномъ.

Легаты на Югѣ.

Между тѣмъ Иннокентій продолжаетъ приписывать весь неуспѣхъ дѣла неудачному выбору легатовъ. Онъ посылаетъ опять двухъ новыхъ, изъ цистерціанскихъ монаховъ: Петра де Кастельно и Рауля, полагая, что они не обманутъ надеждъ куріи. Первый славился энергіей характера и подвигами, искалъ вѣнца мученическаго; другой былъ образованный человѣкъ, имѣлъ степень доктора. Въ концѣ 1203 года легаты начали свою дѣятельность въ Тулузѣ. Они склонили на свою сторону народную партію, весь демократическій элементъ, хотя Раймондъ VI былъ гуманнѣйшимъ властителемъ. „Благородная" Тулуза, какъ онъ называлъ свою резиденцію, пользовалась полнымъ самоуправленіемъ. Горожане, подъ вліяніемъ пропаганды легатовъ, дали клятву блюсти католичество. Но ничего изъ этого не вышло. Между самими католическими властями начинаются раздоры; легаты ссорятся съ архіепископомъ нарбоннскимъ и другими провансальскими епископами и между собой. Слѣдуютъ доносы папѣ съ одной стороны на нерадѣніе къ Церкви, на симонію прелатовъ, съ другой на превышеніе власти. Понимая, что изъ такихъ раздоровъ не можетъ выдти ничего кромѣ вреда католическому дѣлу, Инно-

кентій въ маѣ 1204 года назначаетъ третье лицо, съ тѣмъ же званіемъ легата, но съ полномочіемъ еще болѣе обширнымъ. То былъ Арнольдъ, настоятель главнаго цистерціанскаго монастыря, прозванный потому аббатомъ аббатовъ, человѣкъ громаднаго авторитета въ церковномъ мірѣ, выдающагося краснорѣчія, энергичный, способный властвовать надъ сердцами и чрезвычайно хитрый. Онъ былъ поставленъ старшимъ надъ легатами.

Убійство Петра де-Кастельно.

По указу Иннокентія всѣ три легата начали дѣйствовать вмѣстѣ. Полагая, что причиной успѣховъ ереси служитъ нерадѣніе мѣстныхъ духовныхъ властей, они предаютъ ихъ проклятію, гонятъ съ каѳедръ, лишаютъ сановъ. Но ударъ былъ направленъ совсѣмъ не туда. Гораздо вѣрнѣе угадали они, когда обрушились на самого Раймонда. Графъ Тулузскій былъ отлученъ. Петръ де-Кастельно лично вручилъ ему отлучительную грамоту и произнесъ проклятіе въ довольно рѣзкой формѣ. Это проклятіе не могло не раздражить гордаго графа Тулузы. Раздраженіе перешло въ желаніе мести. Раймондъ поклялся отмстить, и не прошло одного дня, какъ монахъ Петръ былъ убитъ подкупленными убійцами при переправѣ черезъ рѣку.

Можно представить себѣ негодованіе папы и всего католическаго міра при вѣсти объ этомъ неслыханномъ злодѣйствѣ. Никогда курія не терпѣла такого страшнаго поношенія. Вѣсть объ избіеніи апостоловъ язычниками производила на первыхъ христіанъ впечатлѣніе гораздо болѣе слабое. Только оскорбленіе древнихъ римскихъ пословъ во времена республики возбуждало такое же волненіе въ стѣнахъ вѣчнаго города, какъ теперь въ католическомъ мірѣ вѣсть о злодѣйствѣ надъ легатомъ.

Чрезъ нѣсколько недѣль читали грамоту, въ которой Иннокентій оповѣщалъ весь міръ объ оскорбленіи, нанесенномъ ему лично и всей католической Церкви. Тонъ посланія былъ тѣмъ болѣе рѣзокъ, что тотъ же папа въ продолженіе девяти лѣтъ—выказывалъ примирительныя стремленія по отношенію къ еретикамъ; теперь онъ дѣлается непримиримъ и чуждается всякихъ дальнѣйшихъ сдѣлокъ съ альбигойцами; теперь онъ даетъ полную волю своему гнѣву.

Призывъ къ крестовой войнѣ.

Призывная грамота дышетъ жаждою мести. Папа призываетъ „universos fideles in obsequium Christi“ къ оружію, предписываетъ архіепископамъ и прочимъ легатамъ приглашать прихожанъ идти противъ еретиковъ. — Да будете вы подвижниками и защитниками святой вѣры! восклицаетъ онъ.

Это воззваніе произвело потрясающее впечатлѣніе на всемъ Западѣ. Крестоносцы стали собираться массами подъ знамена Церкви. Раймондъ испугался, смирился, принесъ папѣ въ залогъ семь лучшихъ замковъ. Папа не прочь былъ помириться лично съ графомъ, принялъ его замки, велѣлъ ему ждать рѣшенія суда, а дѣло организованія крестоваго похода продолжалъ; десятилѣтнимъ опытомъ онъ убѣдился въ необходимости энергическихъ мѣръ противъ еретиковъ.

Иннокентій прежде всего постарался склонить на свою сторону французскаго короля Филиппа Августа. Онъ пишетъ королю собственноручно письмо, призываетъ его возстать за дѣло Божіе, соглашается украсить его войска символомъ креста. Но хитрый и практичный Филиппъ отказывается отъ личнаго участія въ походѣ, хотя и не препятствуетъ,— да онъ и не могъ воспрепятствовать тому, такъ велико было религіозное движеніе, охватившее его подданныхъ, — чтобы вассалы его помогли папѣ. Напрасно секретарь папы уговаривалъ Филиппа. Августъ ссылался на войну съ Оттономъ германскимъ и на непріязненныя отношенія къ Іоанну англійскому. На самомъ же дѣлѣ французскій король былъ слишкомъ практиченъ, чтобы не воспользоваться готовой добычей, кровью и трудами другихъ. Какъ опытный хищникъ, онъ хотѣлъ выжидать результатовъ войны, выслѣживалъ провансальцевъ, равно какъ и крестоносцевъ, чтобы при случаѣ вмѣшаться и наложить свою крѣпкую руку.

За то миссіонеры дѣйствовали успѣшно въ предѣлахъ Франціи. Ихъ пропаганда проникла даже въ Германію; крестоносцы всѣхъ сословій, всѣхъ состояній собирались отовсюду. Простой народъ шелъ на войну, какъ ему казалось, священную, — шелъ изъ фанатизма, какъ послушное орудіе папства, увлекаемый индульгенціями и щедрыми обѣщаніями. Рыцари соблазнялись грабежемъ и доменами. Но не одна страсть къ грабежу руководила рыцарями сѣверной Франціи. Другая, болѣе внутренняя причина давала имъ толчекъ; то было желаніе поработить свободу Юга сѣверному абсолютизму. Это порабощеніе Юга, это уничтоженіе провансаль-

скихъ нравовъ, языка, коммунъ, духа свободы и оппозиціи, всего что было такъ ненавистно для французскихъ королей, — все это для сѣверныхъ французовъ было вопросомъ ихъ государственнаго развитія, задачею ихъ политическаго роста.

Сѣверъ и Югъ Галліи.

Короли французскіе, которые задались теперь идеей централизаціи своего государства, не могли выносить этого духа оппозиціи, негодовали на провансальскія коммуны, непризнавшія никакой власти. Новѣйшіе французскіе историки склоняются къ мысли, что сѣверное французское рыцарство помогало Церкви изъ желанія перенести свое владычество на почву южной Галліи. Въ продолженіе всей французской исторіи, оппозиція правительству всегда идетъ съ Юга, изъ этого порабощеннаго Прованса, лишеннаго своей цивилизаціи, своей самостоятельности, своихъ отличительныхъ, часто оригинальныхъ формъ. Югъ всегда превосходилъ Сѣверъ Галліи своей литературой, своей многосторонней, широкой жизнію, уступая ему въ воинственности.

На Югѣ отлично понимали конечную цѣль войны. Тамъ также готовились. Понятна вполнѣ ненависть жителей Прованса къ французамъ сѣвернымъ, ненависть слабыхъ, защищающихъ свою свободу отъ ея поработителей. Число крестоносцевъ стихотворная провансальская хроника опредѣляетъ до полумилліона, — цифра преувеличенная, но та сотня тысячъ, которая шла на Югъ, не могла не внушать ужаса.

Сборнымъ пунктомъ былъ назначенъ Ліонъ. Въ іюлѣ 1209 года на горахъ и улицахъ Ліона можно было видѣть всякій сбродъ; всюду было замѣтно какое-то дикое и мрачное настроеніе. Тутъ сновали монахи и пестрыя толпы поселянъ. Это была странная смѣсь племенъ; тутъ были воители изъ Нормандіи, Фландріи, Бургундіи, Лотарингіи, Италіи и даже Германіи. „И никогда, какъ я родился, восклицаетъ авторъ провансальской хроники, не видалъ столь великаго воинства.... Тутъ надѣли крестъ герцогъ Бургундскій, графъ Наварскій и другіе многіе синьоры.... Еще не былъ на свѣтѣ такой латинистъ, или такой ученый клирикъ, который изъ всего этого могъ бы разсказать половину или треть, или переписать имена всѣхъ священниковъ и аббатовъ, которые собрались въ лагерѣ подъ Безьеромъ, за стѣнами города, на поляхъ окрестныхъ“. Между воителями свѣтскими выдавался Симонъ Монфоръ, графъ лейчестерскій, между

духовными аббатъ Арнольдъ, онъ же папскій легатъ. Послѣдній былъ провозглашенъ номинально генералиссимусомъ всѣхъ крестоносныхъ войскъ.

Начало войны.

Въ іюлѣ же все пестрое многочисленное воинство, нашивъ кресты, переправилось за Рону. Передъ нимъ открылись прекрасныя провансальскія поселенія, съ богатой культурой, промышленностью, фабриками, съ народомъ, говорившимъ своимъ языкомъ, народомъ торговымъ, но никогда не отличавшимся воинственностью. Провансальцы напоминали собой древнихъ грековъ предъ лицемъ наступавшихъ римлянъ. Но вторженіе французовъ по своему характеру уподоблялось монгольскому нашествію. Крестоносцы были силой, способной только разрушать; они не были дисциплированы, не имѣли общаго вождя. Отъ этого отсутствія дисциплины и послѣдовало варварское истребленіе провансальской цивилизаціи. Воины Монфора мало отличались отъ воиновъ Чингиза и Батыя. Страна свободы вынесла отъ нихъ то, что черезъ 30 лѣтъ вынесли наши предки отъ восточныхъ завоевателей. Они не хотѣли давать пощады ни одному провансальцу. Страхъ далеко предшествовалъ имъ, распространяясь по странѣ Прованса съ самаго вторженія этихъ озлобленныхъ и фанатизированныхъ массъ.

Покаяніе Раймонда VI.

Раймондъ VI между тѣмъ переживалъ тяжелые дни. Онъ преклонялся предъ папой, призналъ себя виновнымъ, думая тѣмъ спасти себя и свою Тулузу, просилъ пощады и снятія отлученія. Назначено было публичное покаяніе. Папскій легатъ заставилъ его вынести позорное наказаніе. 18 іюля 1209 г. въ Санъ-Жиллѣ, томъ самомъ городѣ, гдѣ былъ похороненъ Петръ де Кастельно, на городской площади, въ присутствіи вассаловъ, среди толпы народа, склонился могущественный графъ Тулузскій къ ногамъ легата. Монахъ обнажилъ ему спину, ударилъ нѣсколько разъ веревкою, надѣлъ веревку на шею и повелъ въ каѳедральный соборъ. Въ слезахъ покаянія, а можетъ быть горькаго оскорбленія, Раймондъ распростерся на амвонѣ, принесъ покаяніе во грѣхахъ и въ сочувствіи еретикамъ. Тогда легатъ далъ ему отпущеніе именемъ „господина папы Иннокентія III“. Раймондъ долженъ былъ передать всѣ свои владѣнія папѣ, отъ котораго и получилъ ихъ обратно, какъ вассалъ. Такому позорному обряду былъ подвергнутъ сильный, любимый народомъ государь, вла-

дѣтель довольно обширной территоріи, родственникъ королей аррагонскаго, англійскаго и французскаго. Такъ рѣшительно проявилось папское могущество.

Погромъ Прованса.

Пока бичевали главнаго покровителя ереси, крестоносцы начали разрушать города Прованса. Первымъ долженъ былъ пасть подъ ихъ ударами Безьеръ, который былъ взятъ приступомъ, выжженъ и разрушенъ до основанія; пощады не было оказано ни полу, ни возрасту; 60,000 женщинъ и дѣтей погибло, по словамъ провансальскаго пѣвца, отъ меча и въ огнѣ. „Никогда, я думаю, со временъ самихъ саррацинъ, такого избіенія не было ни задумано, ни исполнено", говоритъ хроникеръ. Напрасно думать, будто Иннокентій одобрялъ всѣ эти ужасы. Когда легатъ съ восторгомъ доносилъ о преуспѣяніи дѣла Божія, о жестокой карѣ, постигшей еретиковъ, папа отвѣтилъ молчаніемъ. Отдохнувъ на развалинахъ Безьера, крестоносцы пошли далѣе. Власти Нарбонны, напуганныя безьерскими событіями, рѣшились издать декретъ противъ еретиковъ, покорились папской волѣ и прибыли въ лагерь крестоносцевъ. Путь крестоносцевъ лежалъ на Каркассону. Малодоступная по своему положенію, отчаянно защищаемая жителями, подъ начальствомъ самого виконта Раймонда Рожера, она должна была вынести осаду. Наскучивъ продолжительностью осады, крестоносцы пошли на приступъ, но потерпѣли рѣшительную неудачу. Тогда вожди ихъ, эти монахи въ бронѣ, рѣшились прибѣгнуть къ хитрости. Они заманили виконта въ свой лагерь и плѣнили. Граждане пали духомъ и сдались. Виконтъ Рожеръ былъ посаженъ въ тюрьму, подвергся оскорбленіямъ и истязаніямъ.

Симонъ Монфоръ.

Мало по малу изъ среды крестоносныхъ вождей выдвигается личность Монфора. Онъ дѣлается руководящимъ дѣятелемъ въ войнѣ, становится главнымъ лицомъ альбигойской драмы. Это герой французскихъ рыцарскихъ сказокъ. Современныя рыцарскія хроники исполнены хвалы ему. Это для нихъ какой-то богатырь, въ родѣ нашего Ильи Муромца, который способенъ творить подвиги сверхъестественные, который не знаетъ неудачъ, для котораго нѣтъ невозможнаго. Суровый характеромъ, онъ былъ способенъ ввести порядки своей родины на почву Юга. Онъ былъ до того грубъ, невѣжественъ и дикъ, что впослѣдствіи одно имя его способно было вызывать страшную непри-

миримую ненависть во всякомъ провансальцѣ. Еретикамъ же онъ напоминалъ того сатану, въ котораго вѣрили альбигойцы.

Происхожденіе Монфоровъ кроется въ отдаленныхъ преданіяхъ первыхъ варварскихъ поселеній. Этотъ родъ прекратился въ мужскомъ потомствѣ въ началѣ X вѣка; тогда послѣдняя въ родѣ Монфоровъ вышла за мужъ за графа Гено. Такимъ образомъ вождь крестоносцевъ носилъ имя Монфора по женской линіи.

Сынъ послѣдняго изъ Монфоровъ назывался Амори и въ началѣ X вѣка присоединилъ къ своему титулу старинное родовое имя матери. Отецъ Симона, получившаго столь кровавую извѣстность въ началѣ XIII столѣтія, былъ женатъ на англійской графинѣ Лейстеръ и распространилъ свои домены на два государства. Потому потомство Симона стало носить титулъ графовъ Лейстеровъ, проявивъ впослѣдствіи свою плодотворную дѣятельность въ исторіи Англіи (см. ниже II, 331—338). Надо было случиться, что съ памятью о Симонѣ-отцѣ сочеталось представленіе о гонителѣ и тиранѣ, а съ памятью о Симонѣ-сынѣ признательность всѣхъ сторонниковъ политической свободы въ Европѣ.

Въ представленіи современниковъ и позднѣйшихъ поколѣній, Симонъ Монфоръ-отецъ, графъ Гено, является воплощеніемъ жестокости, но въ то же время твердыней католицизма, преданнѣйшимъ слугою Церкви. Такимъ былъ въ XVI вѣкѣ испанскій герцогъ Альба. Впрочемъ Симонъ былъ свирѣпъ и жестокъ до того, что даже ультра-католическій историкъ Райнальди упрекаетъ его въ излишествахъ. Вѣрно то, что благодаря Монфору, папство могло съ перваго-же года похода гордиться успѣхомъ, отъ котораго впрочемъ приходится стыдиться. Какъ бы то ни было, на войско и рыцарство Симонъ производилъ впечатлѣніе своей воинственной наружностью и замѣчательной физической силой; онъ не былъ чуждъ военныхъ талантовъ и отличался необузданной храбростью и магическимъ вліяніемъ на преданныхъ ему воиновъ. Въ Монфорѣ выражается политическій смыслъ крестовыхъ войнъ,—подчиненіе самостоятельныхъ южанъ сѣвернымъ французамъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Монфоръ былъ той силой, благодаря авторитету которой, легаты, сопровождавшіе его, могли приводить въ исполненіе волю папы.

Вмѣшательство аррагонскаго короля.

Послѣ унизительнаго покаянія, Раймондъ Тулузскій, бывшій главнымъ покровителемъ ереси альбигойской, перешелъ въ лагерь католическій, но это не освобождало его отъ подозрѣнія куріи. Ему нужно было ѣхать въ Римъ лично

объясниться съ папой. Послѣдній принялъ его милостиво, выслушалъ его просьбу и, отпуская, далъ предписаніе легатамъ и Монфору не занимать владѣній графа. Но слабой стороной Иннокентія была всегда излишняя довѣрчивость съ его стороны къ исполнителямъ его воли.

Между тѣмъ,—въ виду явной враждебности легатовъ, въ виду обнаружившихся политическихъ и завоевательныхъ стремленій Монфора и вообще сѣвернаго рыцарства,—Лангедоку грозила опасность полнаго порабощенія. Покоренные, угрожаемые, офранцуживаемые провансальцы думаютъ найти единственное спасеніе въ чужой помощи, въ народѣ, который только одинъ во всей Европѣ былъ близокъ къ нимъ по родству, по исторіи, который только одинъ во всей Европѣ могъ симпатизировать имъ,—въ народѣ аррагонскомъ и его рыцарственномъ королѣ. Прямымъ предлогомъ для вмѣшательства аррагонскаго короля было отнятіе владѣній у графовъ Тулузскаго, де Фуа и др., а также и жестокости, совершенныя крестоносцами. Эти жестокости еще болѣе усилились, когда подъ Тулузой Монфоръ долженъ былъ понести пораженіе. Сперва аррагонскій король велъ войну тайно. Правда, и крестоносцы дѣлали диверсіи въ его подвассальныя владѣнія, но открыто противники не вступали въ войну.

По желанію донъ Педро аррагонскаго, папа далъ повелѣніе легатамъ удовлетворить всѣхъ утѣсняемыхъ владѣтелей Прованса. Но этимъ дѣло не поправилось. Хитрые монахи сумѣли обойти папскія повелѣнія; въ ихъ разсчеты входило завлечь Аррагонію и ея короля въ войну,—по возможности продолжительную. Вражда между донъ-Педро и Монфоромъ уже по существу была непримиримая и какъ бы національная. Легаты изъявляли притязаніе на свѣтскую власть. Арнольдъ, напримѣръ, уже былъ архіепископомъ Нарбонны съ 40,000 марокъ годоваго дохода. Самъ Монфоръ объявилъ себя виконтомъ безьерскимъ и даже домогался графства Тулузскаго.

Онъ предпринялъ важный шагъ къ упроченію сѣверныхъ порядковъ въ областяхъ завоеваннаго Лангедока. Имъ были введены такъ называемые статуты и ордонансы Памьерскіе въ 1212 году, впослѣдствіи названные Монфоровскими, въ силу коихъ регулировалась новая соціальная и государственная жизнь Лангедока. Акты эти были учинены при содѣйствіи духовныхъ властей и папскихъ легатовъ; они были скрѣплены ихъ подписями и печатями. Въ новыхъ кутюмахъ, въ этихъ обычныхъ законахъ, нельзя не видѣть политическаго вліянія идей Сѣвера на Югъ. Изъ вѣчно веселаго, ликовавшаго Юга статуты Памьерскіе сдѣлали угрюмый монастырь,

изъ царства трубадуровъ — царство прелатовъ съ невыносимѣйшимъ изъ гнетовъ, гнетомъ клерикальнымъ. Государство Монфора стремилось поработить и стереть мѣстную свѣтскую аристократію, замѣнивъ ее французской. Оно внесло въ страну не только незнакомое государственное начало, но сдѣлало изъ нея нѣчто въ родѣ французской области, находившейся на военномъ положеніи.

Столицею Монфора стала Каркассона, этотъ первый лавръ крестоносцевъ. Такъ Церковь открыто покровительствовала росту французской власти на почвѣ Лангедока. Король аррагонскій не стерпѣлъ этого присутствія французской власти въ Провансѣ. Онъ вступился за провансальцевъ, родственныхъ ему по духу и крови. Отправляясь въ Тулузу, онъ обѣщалъ своей возлюбленной вернуться побѣдителемъ. — „Благородная дама, говорилъ король по словамъ стихотворной хроники, я иду на Тулузу, я выгоню для Васъ французовъ изъ Лангедока“. Онъ принялъ вассальную присягу отъ графовъ Тулузскаго, де Фуа и другихъ, объявилъ себя защитникомъ угнетенныхъ, потребовалъ возстановленія ихъ правъ, а отъ Монфора присяги за нѣкоторыя занятыя послѣднимъ области. Монфоръ отвѣтилъ ему вызовомъ на смертный бой. Что касается Раймонда, то онъ уже слишкомъ много испыталъ превратностей судьбы, чтобы увлекаться. Онъ не ждалъ успѣха отъ случая, отъ счастія; онъ видѣлъ его только въ перемѣнѣ папской политики. Но теперь, когда король аррагонскій сталъ открыто противъ Церкви, онъ перестало даже вѣрить въ серьезную перемѣну къ лучшему, предвидя пораженіе донъ-Педро.

Битва подъ Мюрэ и ея послѣдствія.

Противники сошлись передъ замкомъ Мюрэ. Легаты хотѣли было помирить соперниковъ; но сами аррагонцы не допускали этого. Должна была состояться рѣшительная битва. Пылкій король хотѣлъ во что бы то ни стало помѣряться съ Монфоромъ и даже перемѣнилъ королевскую одежду на костюмъ простаго рыцаря. — „Я найду тебя, Монфоръ“, воскликнулъ онъ, бросаясь въ средину сражающихся. Эта битва была несчастна для аррагонцевъ и донъ Педро погибъ въ ней. Онъ самъ выдалъ себя. Два французскіе рыцаря погнались за нимъ и убили. Его трупъ былъ ограбленъ до нага и едва отысканъ по приказанію Монфора, который воздалъ подобающія почести тѣлу своего царственнаго противника. Монфоръ преклонилъ колѣна предъ мертвымъ королемъ, искренно опла-

кивалъ его, велѣлъ торжественно похоронить, передавъ трупъ на руки госпиталитовъ, чтобы тѣ отвезли его въ Аррагонію. Въ этой битвѣ погибло множество альбигойскихъ рыцарей, слѣдовавшихъ за аррагонскимъ королемъ.

Два года спустя Монфоръ былъ провозглашенъ повелителемъ всего Юга на соборѣ въ Монпелье.

Графъ Тулузскій сдѣлался частнымъ человѣкомъ; онъ удалился въ домъ одного тулузскаго горожанина; тамъ предстояло ему оплакивать свое сочувствіе къ альбигойцамъ. Опредѣленіе собора было отправлено на утвержденіе папы, но послѣдній не рѣшился на столь смѣлый шагъ, не далъ утвержденія соборнаго постановленія относительно Монфора. Папа предоставилъ ему право пользоваться доходами съ тулузскихъ доменовъ, творить тамъ судъ и расправу, совершать походы, но не согласился, чтобы Монфоръ былъ признанъ de jure владѣтелемъ Лангедока. Замки Раймонда были объявлены собственностью Церкви впредь до рѣшенія собора, который имѣлъ состояться на слѣдующій годъ.

Слѣдуетъ замѣтить, что около этого времени въ лагерѣ крестоносцевъ появляется сынъ французскаго короля, принцъ Луи, будущій король. Тогда же начался сильный споръ между духовными и свѣтскими властями, завоевавшими Провансъ. Монфоръ ни за что не хотѣлъ уступить легату папскому Арнольду—Нарбонну. Въ возникшемъ отсюда спорѣ принцъ Луи принялъ сторону Монфора, а архіепископъ жаловался папѣ. Для разбора этого дѣла, для окончательнаго рѣшенія судьбы Лангедока и для проведенія задуманныхъ Иннокентіемъ реформъ въ католической Церкви былъ назначенъ соборъ въ Римѣ, въ храмѣ Іоанна Латеранскаго, который существуетъ и до сихъ поръ.

Латеранскій соборъ 1215 г.

Время открытія собора было высшей степенью папскаго могущества. Иннокентій былъ на верху своего счастія. Всѣ замыслы его осуществились. Могущественные государи и народы были покорны ему. Французскій король смирился и изъявилъ повиновеніе; на престолѣ Германіи сидѣлъ преданный другъ Иннокентія, Фридрихъ II; Англія была у ногъ папы; Аррагонія и государства пиринейскія—подъ опекою легатовъ; ересь альбигойская, казалось, была истреблена; могущественный графъ тулузскій низложенъ; Византія покорена; на мѣстѣ греческой имперіи явилась латинская; непокорныя общины

Юга трепетали за свою безопасность; на дальнемъ сѣверѣ, у береговъ Балтійскаго моря, прививалась католическая проповѣдь. Было сдѣлано все, что въ силахъ сдѣлать человѣкъ, самый энергичный и геніальный для осуществленія своихъ идей.

Оставалось только сплотить все одной общей связью и тѣмъ завершить зданіе католицизма. Еще въ 1213 году папа думалъ созвать соборъ, но два года прошли въ приготовленіяхъ. Этотъ соборъ долженъ былъ заняться громадными общественными задачами. Цѣлью его, такъ гласили папскіе манифесты, было: искорененіе всякихъ пороковъ, насажденіе добродѣтелей, преобразованіе нравовъ, уничтоженіе ересей, укрѣпленіе вѣры, прекращеніе раздоровъ, закрѣпленіе мира, огражденіе свободы каждаго католика. Вмѣстѣ съ тѣмъ соборъ долженъ былъ рѣшить вопросъ о новомъ походѣ на невѣрныхъ,—эту любимую мечту Иннокентія, два раза уже неудавшуюся. Здѣсь же предстояло произвести измѣненія въ бытѣ высшаго и низшаго клира, опредѣлить отношеніе Церкви къ обществу. Наконецъ собору предстояло заняться вопросомъ о лангедокскихъ еретикахъ и рѣшить участь гонимыхъ провансальскихъ феодаловъ. Изъ каждой епархіи было назначено по два представителя изъ высшаго духовенства и столько же изъ низшаго. Всего на соборѣ 1215 года присутствовало 412 епископовъ, 900 аббатовъ и множество другаго духовенства. Тутъ были послы государей рядомъ съ латинскимъ патріархомъ Константинополя, тутъ сидѣлъ самъ патріархъ Іерусалимскій, делегаты другихъ восточныхъ патріарховъ, множество рыцарей, членовъ военно-монашескихъ орденовъ. Иннокентію удалось установить на этомъ соборѣ принципъ теократіи, насколько онъ могъ практически осуществиться. Онъ организовалъ строй католическаго міра такъ, что незримое но всевидящее папское око должно было оцѣпить весь міръ одной сѣтью, подчинить его своей власти. Каждая область была подъ строгимъ надзоромъ римской куріи.

Протоколы этого собора въ 70 канонахъ, исходившіе большею частію отъ самаго папы, вошли въ „Corpus juris canonici clausum", составивъ его существенное основаніе. Было опредѣлено, что каждый католикъ долженъ выбрать себѣ духовника, долженъ исповѣдаться и причащаться по крайней мѣрѣ разъ въ годъ. Каждый сообразуется въ дѣлахъ Его постановленія.

совѣсти съ совѣтами своего духовника. Сами духовники должны исповѣдываться у своихъ старшихъ, или у священника другаго прихода. Тутъ же были опредѣлены брачныя отношенія; родство даже въ четвертой степени признавалось препятствіемъ къ браку. Здѣсь же были положены основанія инквизиціонныхъ судовъ, вошедшія впослѣдствіи въ свѣтскій, гражданскій и уголовный кодексъ. Папа видимо хотѣлъ по возможности усилить наблюденіе со стороны католическихъ духовныхъ лицъ, чтобы имѣть въ своихъ рукахъ совѣсть цѣлаго Запада. Конечно все это было только на бумагѣ, но нѣтъ сомнѣнія, что нравственное положеніе народовъ нѣсколько повысилось. Особенныя усилія прилагалъ Иннокентій къ улучшенію нравовъ клириковъ. Духовные должны служить примѣромъ. Ихъ поведеніе опредѣлено со всею точностію. Они должны отказаться отъ всякихъ свѣтскихъ удовольствій; имъ воспрещались пышныя одежды. Священники должны быть особенно искусны „in officiis divinis“. При каѳедральныхъ церквахъ, для проповѣди, должны быть особые ученые магистры, а при епархіальныхъ церквахъ доктора богословія, которые поучаютъ священниковъ Писанію и душевному спасенію. Мало расположенный къ монахамъ, папа запретилъ имъ брать на руки деньги, безъ разрѣшенія аббата. Онъ не утвердилъ новыхъ монашескихъ орденовъ и даже постановилъ, что никто и впредь не можетъ основывать орденовъ,—распоряженіе, какъ увидимъ, впослѣдствіи отмѣненное куріей. Объ инквизиціи также говорилось на этомъ соборѣ, но регламента не было выработано. Духовенству дано право вмѣшиваться въ свѣтскую юрисдикцію, но оно не должно произносить и подписывать смертныхъ приговоровъ; духовнымъ запрещено лицезрѣть казни; они не должны ни подъ какимъ видомъ присутствовать при операціяхъ хирургическихъ, прижиганіяхъ, ампутаціяхъ; они должны избѣгать даже вида человѣческой крови.

Кромѣ этихъ законоположеній по отношенію къ жизни духовенства были разсмотрѣны нѣкоторые другіе существенные вопросы. Симонія снова строго запрещена во всѣхъ ея видахъ; таксы и подарки за духовныя мѣста уничтожены; запрещена торговля при монастыряхъ священными предметами, особенно мощами, запрещена плата за молитвы, молебны и таинства, запрещено злоупотреблять правомъ отлученія; предписано прибѣгать къ нему только по уважительнымъ причи-

намъ, въ исключительныхъ случаяхъ (manifesta et rationali causa). Въ награду за ограниченія, которыя были возложены на духовныхъ, имъ были даны особыя привилегіи: они не подлежали свѣтскому суду; аббаты не приносятъ міряниму клятвы въ вѣрности за земли; въ своихъ бенефиціяхъ они могутъ не исполнять приказаній сюзереновъ. Доходя до всѣхъ мелочей духовной и практической жизни, проникая въ частный бытъ семействъ, соборъ предписалъ особыя одежды евреямъ и сарацинамъ; онъ дозволилъ имъ занимать общественныя должности, но не подчинять себѣ христіанъ. Соборъ былъ жестокъ къ альбигойцамъ, хотя и не упоминаетъ о нихъ. Особенное вниманіе было обращено на вновь появившихся еретиковъ, послѣдователей монаха Іоакима, увлекшагося пантеизмомъ и религіею чистаго духа.

Латеранскій соборъ былъ послѣднимъ дѣломъ Иннокентія III. Онъ хотѣлъ дать нравственныя основы духовенству и тѣмъ заставить общество невольно подчиниться его превосходству. Мы увидимъ въ дальнѣйшемъ изложеніи, какъ мало привились къ жизни намѣренія Иннокентія, но во всякомъ случаѣ нельзя отрицать того благороднаго стремленія, которое было положено въ основаніе этого собора. Цѣлью его было преобразованіе Церкви въ широкомъ смыслѣ этого слова.

Лучшей мыслію послѣднихъ дней великаго папы былъ походъ европейскихъ государей на невѣрныхъ. Судьба уже два раза не дала исполниться его желанію; два похода были предприняты, но оба неудачно, такъ какъ оба преслѣдовали совсѣмъ другія цѣли. Не удалось папѣ видѣть осуществленія и новаго похода.

Кончина Иннокентія III.

Онъ понималъ, что для успѣшнаго исполненія замысла, нужно склонить на свою сторону итальянскія республики, которыя однѣ могли дать средства къ походу и перевезти крестоносцевъ въ Палестину. Эти республики, какъ и всегда, враждовали между собой. Чтобы примирить ихъ, папа хотѣлъ лично посѣтить нѣкоторые итальянскіе города. Весною выѣхалъ онъ изъ Рима. Дорогою онъ схватилъ лихорадку. Едва онъ успѣлъ доѣхать до Перуджіи; здѣсь, спустя нѣсколько дней, 17 іюля 1216 года, Иннокентія не стало.

Тѣло его похоронили въ Перуджіи. Простая гробница скрываетъ кости человѣка, слава котораго нѣкогда наполняла цѣлый свѣтъ, который одинъ могъ господствовать надъ этимъ

міромъ не силою оружія, а словомъ. Для всѣхъ ясны его ошибки, истекавшія изъ излишней довѣрчивости папы къ исполнителямъ его воли, его увлеченія, но нельзя отрицать того, что время его было въ высшей степени прогрессивно и плодотворно для католическаго міра, нельзя игнорировать его высокихъ стремленій и существенной важности нѣкоторыхъ реформъ, проведенныхъ на латеранскомъ соборѣ. Послѣдній годъ его жизни былъ высшимъ годомъ въ исторіи папства и послѣднимъ въ исторіи западной теократіи.

Католическое духовенство, ему современное, могло только радоваться смерти человѣка, который наложилъ на него нравственную узду. Избавившись отъ опеки, оно быстро пошло къ своему паденію, увлекая за собой и весь католическій міръ. Въ особенности были недовольны Иннокентіемъ крупные прелаты, привыкшіе къ пышной и роскошной жизни. Теперь они почувствовали себя на свободѣ. Это высшее духовенство, а равнымъ образомъ и еретики мстили памяти Иннокентія, какъ могли. Они сочинили сказку, что душа его по временамъ выходитъ изъ чистилища на землю и у креста вымаливаетъ прощеніе своихъ грѣховъ. Можно сказать, что эта легенда служитъ проявленіемъ того благочестиваго духа, который оскорбляется вмѣшательствомъ политики въ область духовную.

Борьба на Югѣ.

Когда умеръ Иннокентій III, чужеземная власть уже господствовала въ Провансѣ. Рѣшеніе латеранскаго собора, въ силу котораго земли графа тулузскаго передавались французамъ и Симону Монфору, нисколько не соотвѣтствовало желанію провансальцевъ. Признаніе Монфора государемъ на Югѣ могло быть достигнуто только насиліемъ; Монфоръ былъ тамъ совершенно чужой; съ именемъ же Раймонда соединилось все лучшее для провансальцевъ, счастье ихъ страны, честь, право, цивилизація, гуманность; его династія была вполнѣ національною. Франція, въ глазахъ южанъ, была страной насилій, всякихъ ужасовъ и несправедливостей (1).

Казалось ересь была уничтожена на дѣлѣ, но альбигойская вѣра обладала замѣчательною эластичностью; она внезапно то скрывалась, то опять появлялась, возрождаясь

(1) Подр. во II т. Исторіи Альбигойцевъ: Первая инквизиція и завоеваніе Лангедока французами (К. 1872).

при благопріятныхъ обстоятельствахъ. Это само по себѣ показываетъ, что альбигойское ученіе было явленіемъ національнымъ, что оно нравилось провансальской народности. Когда Раймондъ возвращался изъ Рима, послѣ свиданія съ папою, то городъ Марсель сдѣлалъ ему блистательную овацію, хотя не былъ подвластенъ ему. Марсель сочувствовалъ графу тулузскому, какъ покровителю провансальцевъ. Авиньонъ и Бокеръ, также не принадлежавшіе Раймонду, восторженно встрѣтили его и открыли ему ворота, какъ своему государю. Вездѣ выражалась открытая ненависть не столько къ французамъ, сколько къ католическому духовенству. Всѣ знали, что оно было главною причиною бѣдствій провансальцевъ. Попы и монахи лгутъ, толковали провансальцы, если говорятъ, что преслѣдуя графа, они служатъ христіанству. — „Придетъ часъ, когда злоба накипитъ вполнѣ у меня въ груди, говоритъ одинъ сатирикъ Прованса; я плачу ночью, вздыхаю днемъ, куда ни обращусь, все вижу одно: французы обираютъ до нага провансальцевъ. Господи! есть ли у нихъ сколько нибудь жалости, когда они идутъ на грабежъ. О Тулуза, о Провансъ, о Безьеръ, Каркассона, въ какомъ ужасномъ видѣ представляетесь вы мнѣ!“ — „Французы, вы ничего не оставляете при себѣ, съ ѣдкой ироніей восклицаетъ сатирикъ; вы готовы на самыя ужасныя лишенія, вы отдаете все, у васъ даже нѣтъ никакихъ желаній“.

Понятно, что враждебное чувство должно было накопиться у провансальцевъ противъ крестоносцевъ-завоевателей и противъ французской національности вообще. Принимая въ соображеніе эту ненависть, мы поймемъ, что при несчастіи Раймонда поднялся весь Провансъ. Въ Тулузѣ, этой столицѣ Юга, также началось сильное патріотическое движеніе. Монфоръ поспѣшилъ въ Тулузу, когда узналъ, что ея гарнизонъ не можетъ долго сопротивляться, и обманомъ взялъ городъ. Столица была ограблена и крестоносцы совершили возмутительныя жестокости. Вслѣдствіе этого произошло единодушное возстаніе жителей и крестоносцы должны были отступить изъ города, только что занятаго ими. Монфоръ снова обманомъ вошелъ въ Тулузу, захватилъ знатнѣйшихъ сановниковъ города, въ качествѣ заложниковъ, и потребовалъ 30 тысячъ серебряныхъ марокъ выкупу. Послѣ того, уже имѣя заложниковъ и думая, что городъ въ его рукахъ, Монфоръ уѣхалъ въ Авиньонъ. Но когда онъ мысленно наслаждался своимъ

счастіемъ, вѣстникъ изъ Нарбонны отъ его жены Алисы принесъ печальную вѣсть, что Раймондъ сдѣлалъ нападеніе на Тулузу и взялъ ее, перерѣзавъ при этомъ гарнизонъ. Монфоръ поспѣшилъ сюда, но, сознавая, что ему трудно будетъ взять городъ, наскоро укрѣпленный Раймондомъ, просилъ помощи у французскаго короля Филиппа, который до послѣдней минуты говорилъ, что еще не пришелъ его часъ. Наконецъ, до 100 тысячъ всякаго сброда подошли къ Тулузѣ.

Битва подъ Тулузой и смерть Симона.

25 іюня 1218 года произошла рѣшительная битва между тулузцами и крестоносцами. Графъ Раймондъ сдѣлалъ вылазку на зарѣ и произвелъ переполохъ въ спящемъ лагерѣ крестоносцевъ.— „Тулуза и смерть“, девизъ провансальцевъ, поднялъ на ноги воиновъ Монфора. Обѣ стороны дрались съ одинаковою храбростью и ни одна не поддавалась. Раймондъ руководилъ боемъ и ободрялъ своихъ собственнымъ примѣромъ; альбигойцы дрались съ отчаяніемъ и потѣснили крестоносцевъ. Вдругъ посреди непріятеля появился Монфоръ съ подкрѣпленіями. Стремительнымъ натискомъ онъ обратилъ въ бѣгство провансальцевъ и погнался за ними по пятамъ. Уже онъ былъ у самыхъ стѣнъ города, уже колонны крестоносцевъ готовы были взобраться на стѣны, какъ вдругъ камень, брошенный мѣткой рукой, пробилъ шлемъ Симона и почти раздробилъ черепъ. Вождь крестоносцевъ упалъ на землю, весь черный. Два рыцаря поспѣшили прикрыть его лицо платкомъ. Послѣднимъ конвульсивнымъ движеніемъ, умирающій ударилъ себя два раза въ грудь и испустилъ духъ. Когда этотъ атлетическій трупъ понесли съ мѣста боя, между рядами французовъ стало распространяться общее смятеніе. Крестоносцы проиграли битву. Въ то время когда пилигримы и крестоносцы били себя въ грудь, обливаясь слезами, провансальцы ликовали. Съ понятной быстротой распространилась радостная вѣсть по всей Тулузѣ. Горожане праздновали не побѣду, а смерть Симона. —„Онъ былъ злой и великій убійца (els com quera malignes e homicidiers), говорили они; оттого онъ и умеръ безъ покаянія, что самъ губилъ другихъ мечемъ“.

Амори Монфоръ.

Сынъ убитаго, Амори Монфоръ, назначенный по предложенію кардинала-легата вождемъ крестоноснаго ополченія, не былъ достойнымъ наслѣдникомъ своего отца. Тулуза на

нѣкоторое время была спасена; перевѣсъ былъ теперь вполнѣ на сторонѣ провансальцевъ. Отступивъ съ позоромъ отъ Тулузы, молодой Монфоръ со слезами просилъ крестоносцевъ не оставлять его. Его средства были ничтожны. Правда папа Гонорій III, преемникъ Иннокентія III, утвердилъ Амори государемъ Прованса, но Амори былъ владѣтелемъ только по имени. Сынъ несчастнаго Раймонда VI, Раймондъ Юный сталъ во главѣ національности провансальской еще при жизни отца. Онъ двинулся на Амори со всѣми силами, а французскіе прелаты, бывшіе въ его лагерѣ, видимо потеряли всякую энергію, встрѣчая общую ненависть жителей къ пришельцамъ. Они думали, что походъ обойдется имъ дешево, что они займутся только ловлей еретиковъ, что города, напротивъ, радостно откроютъ имъ ворота. Одинъ за другимъ они стали оставлять Амори, не желая подвергать свое войско случайностямъ серьезной битвы. Самъ по себѣ Амори былъ слабъ. Раймондъ наносилъ ему ударъ за ударомъ, гналъ его неустанно изъ мѣста въ мѣсто и наконецъ заперъ въ Каркассонѣ.

Больше 50 городовъ и замковъ, одинъ за другимъ, сдались безпрекословно Раймонду; ихъ отряды увеличили собою войско освободителя. Раймондъ VI, уже какъ независимый государь, отдаетъ теперь отъ своего имени повелѣнія и законы, установляетъ пошлины и налоги. Для того чтобы хотя чѣмъ нибудь залѣчить язвы страны, разоренной французами, онъ строитъ новые города у подошвы замковъ, содѣйствуетъ исправленію и заселенію старыхъ.

Освобожденіе страны приносило съ собой вѣротерпимость. Альбигойцы смѣло открывали свои соборы. Въ архивахъ инквизиціи подъ 1222 г. записано объ одномъ изъ нихъ. Онъ происходилъ въ Разесѣ, въ городѣ Пьессанѣ; на него собралось около сотни альбигойскихъ духовныхъ; тулузскій епископъ Гильябертъ предсѣдательствовалъ. Разесцы просили себѣ особаго епископа; ихъ желаніе было исполнено. Простымъ возложеніемъ рукъ былъ посвященъ въ эту должность Бенедиктъ изъ Тереса; онъ самъ избралъ себѣ по обычаю двухъ „сыновъ", старшаго и младшаго. Публичному совершенію альбигойскаго и вальденскаго богослуженія теперь никто не препятствовалъ. Мѣстное католическое духовенство настолько стало теперь вѣротерпимымъ, что не высказывало даже протеста.

Въ виду этого Римъ конечно напрягалъ всевозможныя усилія къ достиженію цѣли. Оба Раймонда подверглись по вому проклятію. Въ началѣ 1222 г. была получена такая папская булла:

„Нашъ возлюбленный сынъ, кардиналъ Бернардъ, легатъ Апостольской Церкви, принимая во вниманіе, что Раймондъ, сынъ Раймонда, бывшаго графа тулузскаго, не только подражаетъ злодѣяніямъ своего отца, но даже превзошелъ его въ нихъ, — лишилъ его Раймонда права на владѣніе всѣми доменами, которыя принадлежали его отцу и которыми въ бытность вышеназваннаго кардинала онъ владѣлъ. Мы же нашею апостольскою властью вполнѣ подтверждаемъ его рѣшеніе, какъ справедливое, произнесенное въ томъ видѣ, какъ оно изложено въ его оглашеніяхъ" ([1]).

Если это въ сущности не особенно пугало Раймонда, то иначе отразилось на немъ новое предложеніе папы, сдѣланное Филиппу Августу въ февралѣ 1222 г.—возродить дѣло Церкви, погибшей въ странѣ альбигойской ([2]). Вѣротерпимость Раймонда дѣлала его предметомъ ужаса и отвращенія для Рима. Тамъ порѣшили, какъ видно изъ Райнальди, что католическая Церковь въ Лангедокѣ не господствующая, а гонимая, что католиковъ всячески преслѣдуютъ, мучатъ, что оскорбляютъ поношеніями, пачкаютъ, оскверняютъ, топчутъ ногами иконы. Страшныя сцены языческихъ гоненій и мученичества представлялись напуганной куріи, въ которой находили мѣсто самые нелѣпые слухи. Изъ Раймонда дѣлали вождя иконоборцевъ, слугу сатаны. И все это, благодаря одному невмѣшательству графа въ дѣла церковныя, которое онъ унаслѣдовалъ отъ своихъ гуманныхъ предковъ.

При такихъ обстоятельствахъ Гонорій III представилъ Амори, что теперь не время думать объ его утвержденіи въ наслѣдствѣ отца, что онъ, прогнанный и побѣжденный Раймондомъ, не можетъ ничѣмъ помочь ни себѣ ни Церкви, что крестоносцы напуганы неудачами и что только одинъ сильный король французскій можетъ спасти святую вѣру въ Лангедокѣ. Фанатическое рыцарство, какъ всегда, готово было посвятить свои силы на служеніе Церкви, готово было жертвовать своими личными интересами великому дѣлу. Король, сю-

(1) Raynaldi, Annales ecclesiastici, p. 497, a. 1221.

(2) Duchesne. Francorum historiae scriptores; V, 547.

зеренъ, вѣрный своему слову, иначе не пойдетъ на завоеванie Лангедока, какъ послѣ пріобрѣтенія права на эту страну отъ Монфора. Амори предстояло отказаться отъ отцовскаго наслѣдія въ пользу французской короны. Счастіе повернулось лицомъ къ врагу, и онъ, повинуясь обстоятельствамъ, оставленный всѣми въ эту минуту и даже Римомъ, которому такъ ревностно служилъ его отецъ, отдалъ свой мечъ и владѣнія въ распоряженіе короля Франціи и сошелъ съ исторической сцены, на которой былъ такъ несчастливъ. Его утѣшало одно,—это было чувство мести. Онъ былъ увѣренъ, что его ненавистный соперникъ не дольше его будетъ торжествовать въ Лангедокѣ, что оружіе французовъ жестоко отмститъ ему. Онъ ждалъ скораго пораженія противника.

Передача папою завоеваній Монфора на Югѣ французской коронѣ.

14 мая 1222 г. Гонорій III послалъ Филиппу Августу грамоту, существенно важную для исторіи Франціи. Папство въ средніе вѣка присвоило себѣ право раздачи народовъ, скипетровъ, ссылаясь на волю Господа. И на этотъ разъ, руководимый ложнымъ опасеніемъ гибели вѣры, первосвященникъ санктировалъ за французской короной полное и нераздѣльное обладаніе прелестной страной, которая своими идеями, поэтическимъ духомъ, плодородной почвой, богатствомъ и промышленностью жителей, стала послѣ—ея драгоцѣннымъ украшеніемъ. Феодальныя обязательства, чувство государственной чести, были забыты; королю показали хорошую добычу и пригласили овладѣть ею по новому праву, по праву сильнаго.

„Ты знаешь, возлюбленный сынъ нашъ, писалъ папа, какъ сильно потрясена по грѣхамъ нашимъ въ настоящее время Церковь Христова (graviter sit concussa), особенно въ странѣ альбигойской, на границахъ твоего королевства. Еретики побораютъ ее, публично учатъ въ школахъ невѣрію и рядомъ съ нашими епископами ставятъ своихъ. Кто не знаетъ тѣхъ усилій, которыя употребляла Римская Церковь для уничтоженія этой язвы въ государствѣ твоемъ, а равно ея мѣропріятій не только духовныхъ, но и гражданскихъ. Тебѣ извѣстно, возлюбленный сынъ, что свѣтская власть имѣетъ право употреблять мечъ вещественный, когда духовный не въ силахъ остановить нечестіе, что государи должны изгонять дурныхъ людей изъ своихъ владѣній и что Церковь, въ случаѣ ихъ нерадѣнія, имѣетъ право отнимать ихъ достоянія.

Если мы обращаемся къ другимъ владѣтелямъ съ просьбой очистить ихъ земли отъ еретиковъ, и эта язва между тѣмъ вновь преуспѣваетъ въ твоемъ государствѣ, такъ что враги вѣры видимо гордятся силою и торжествуютъ надъ вѣрными, то тѣмъ болѣе подобаетъ твоему высочеству, если ты неравнодушенъ къ твоей чести и къ спасенію души твоей, сражаться всѣми силами и со всею скоростью противъ еретиковъ твоего государства и ихъ соумышленниковъ, дабы отъ медлительности не погибла вѣра вмѣстѣ съ остальною страною, которая пока во власти католиковъ, чтобы заблужденіе не проникло въ сосѣднія страны, чего слѣдуетъ особенно опасаться. Безъ сомнѣнія, твоему благоразумію не безъизвѣстно, какая опасность предстоитъ Церкви Господней и твоему государству".

„Потому, дабы впредь не было повода приписывать паденіе вѣры ни твоимъ ошибкамъ, ни намъ, которые обязаны взывать къ тебѣ объ изверженіи еретиковъ, въ недостаткѣ чего насъ уже неоднократно упрекали, мы просимъ твое высочество и увѣщеваемъ именемъ Господа, со всѣмъ благорасположеніемъ нашимъ, — поставляя тебѣ то во исцѣленіе грѣховъ, — съ общаго обсужденія и согласія нашихъ братьевъ, *присоединить къ твоимъ владѣніямъ всѣ земли, относительно которыхъ графъ Монфоръ состоялъ твоимъ вассаломъ*, ибо графъ этотъ не въ силахъ болѣе ихъ защищать. Онъ обѣщалъ ихъ тебѣ еще чрезъ епископовъ нимскаго и безьерскаго, а также въ своихъ недавнихъ письмахъ ко мнѣ, изъ которыхъ я усмотрѣлъ, что ты получаешь ихъ въ твое потомственное вѣчное владѣніе, и можешь владѣть ими ненарушимо. И такъ трудись неустанно и дружно вмѣстѣ съ нами, какъ и подобаетъ королевскому великолѣпію, для ускоренія этого дѣла, дабы кто другой не отнялъ эту землю отъ тебя или отъ дѣтей твоихъ". Цитируя постановленіе латеранскаго собора, по которому Раймондъ былъ лишенъ своихъ владѣній, законно переданныхъ Симону Монфору, папа успокоиваетъ совѣсть короля.—„Будь увѣренъ, что мы уже давно отлучили Раймонда, бывшаго графа тулузскаго, его сына и друзей ихъ, что мы увѣщевали ихъ съ кротостію, но они не хотѣли обратиться и упорствовали въ своемъ коварствѣ. Мы обѣщаемъ всякое содѣйствіе и помощь съ нашей стороны на все время, пока ты доброхотно будешь служить этому дѣлу, которое есть дѣло Христово, какъ относи-

тельно полудесятины, сбираемой для этой цѣли, индульгенцій, предназначаемыхъ тѣмъ, кто ополчится на альбигойцевъ, такъ и относительно покровительства и защиты земли твоей, если бы кто либо захотѣлъ напасть на тебя въ твое отсутствіе" (1).

Но Филиппъ Августъ, всегда сдержанный, не обнаружилъ своей радости. Онъ будто давно ожидалъ такого предложенія. Онъ смотрѣлъ на завоеваніе Юга, какъ на дѣло весьма серьезное. Больше осторожный, чѣмъ когда нибудь, онъ видимо это рискованное альбигойское дѣло хотѣлъ предоставить времени и своимъ преемникамъ. Занятый англійскими дѣлами, онъ придерживался своей постоянной политики, не мѣшалъ никому изъ своихъ сильныхъ вассаловъ вступить въ борьбу съ графомъ Тулузы. Онъ понималъ, что это—великолѣпное средство къ ослабленію и Лангедока и феодализма въ одно и то же время. Онъ не прочь былъ, чтобы долины и горы Прованса сдѣлались могилой для буйныхъ и непокорныхъ владѣтелей, недавно еще считавшихъ своего короля ничѣмъ инымъ, какъ первымъ между баронами. Когда Тибо, графъ Шампаньи, побуждаемый легатомъ, вызвался попытать счастье въ Лангедокѣ, король отвѣчалъ, что онъ не препятствуетъ, если это ничѣмъ не повредитъ прочимъ обязательствамъ графа предъ короной (in omnibus feodis et servitiis nostris sine quaestione et quando ea habere volumus). „Мы, пишетъ Филиппъ II, пока не хотимъ себя связывать никакими обѣщаніями въ этомъ дѣлѣ, потому что у насъ на рукахъ война съ королемъ Англіи, а перемиріе, съ нимъ заключенное, продлится не болѣе какъ на годъ до будущей пасхи.

(1) Raynaldi; p. 509—510; a. 1222.—Hoc interim spatio, замѣчаетъ Райнальди, haeretici Albigenses motus in Galliis excire, omnia perturbare, orthodoxos insequi et vexare, catholicam religionem afficere contumeliis, proterere, sacra denique inquinare, conculcare ac polluere. — Для исторіи Филиппа II Августа служатъ: Rigordus (Gesta Phil.), аббатъ св. Діонисія, южанинъ родомъ, но описавшій событія отъ 1179 до 1207 г. (Bouquet; XVII, 1—62) съ французской точки зрѣнія. Его продолжалъ Guilelmus Brito seu Aremoricus, капелланъ и спутникъ короля въ походахъ, разсказавшій въ Historia de vita et gestis Philippi Augusti время до 1219 г. (Bouquet; XVII, 62—116). Вильгельма продолжалъ анонимъ до 1223 г. Интересна поэтическая хроника или точнѣе эпопея—Philippidos l. XII (перев. Гизо, Coll. t. XII), воспѣвающая подвиги Августа впрочемъ безъ всякой художественности. О ней старая критическая дисс. Бартіуса (Zw. 1697), доказывающая поэтическія вольности автора и недостовѣрность фактовъ.

Не слѣдъ намъ заниматься какими либо предпріятіями (nec decet nos ut aliquas imprisias faciamus), которыя могли-бы отвратить насъ отъ защиты самихъ себя и нашего государства, ради чего мы должны бы были оставить всѣ прочія дѣла“ (¹).

Съ своей стороны и Раймондъ Юный думалъ подѣйствовать на великодушіе Филиппа Августа. При одинаковыхъ обстоятельствахъ онъ хотѣлъ повторить маневръ своего отца. Онъ простодушно разсчитывалъ тронуть короля и склонить его въ свою пользу:—„Я прибѣгаю къ вамъ, государь, какъ къ моему единственному покровителю, какъ къ старшему и господину (apud dominum meum et maiorem) и если смѣю такъ высказаться, къ моему единокровному. Я униженно васъ прошу и умоляю сжалиться надо мною, и помочь мнѣ, предъ очами Божіими возвратиться въ лоно св. Церкви, дабы тѣмъ избавленный отъ позора быть лишеннымъ своего наслѣдія, я бы могъ получить мое достояніе отъ васъ“.

Смерть Раймонда VI.

Въ этихъ строкахъ слышалась неподдѣльная мольба вассала, который не хотѣлъ бы навлекать на дорогой для него народъ бѣдствій непріятельскаго нашествія. Онъ писалъ это письмо на глазахъ хилѣвшаго отца. Раймондъ VI въ послѣднее время не принималъ никакого участія въ политическихъ дѣлахъ. Онъ былъ старъ и дряхлъ; ему шелъ 67 годъ. Столько бурныхъ годовъ пережившій въ своей жизни, сперва счастливый, потомъ публично опозоренный и униженный, влачившій дни въ изгнаніи среди чужихъ, насильственно принужденный стоять въ рядахъ враговъ своего народа и бороться съ тѣми, которыхъ такъ любилъ, — онъ наконецъ испыталъ рѣдкое счастіе—видѣть хотя кратковременное торжество своего праваго дѣла и на послѣдокъ дней своихъ вкусить высокую для изгнанника отраду, возможность умереть на родной землѣ, въ своей наслѣдственной столицѣ, среди дорогихъ для него друзей. Ненавидѣвшая его Церковь хотѣла сдѣлать изъ него еретика, но этотъ еретикъ сознательно пишетъ завѣщаніе, въ которомъ отдаетъ доходы съ своихъ тулузскихъ имѣній госпиталитамъ и тампліерамъ для раздачи бѣднымъ подъ наблюденіемъ своего душеприкащика и кузена графа Комменгъ и молодого графа де-Фуа. Всѣ свои владѣнія и имущество онъ завѣщалъ сыну Раймонду, на попеченіе ко-

(¹) Dom-Vaissete. Preuves de l'hist. de Languedoc (par du Mege, Toulouse, 1840); V, 615.

тораго оставлялъ втораго сына Бертрана (¹). Въ другомъ документѣ онъ изъявилъ желаніе принять посвященіе въ члены духовно-рыцарскаго ордена госпиталитовъ.

Чувствуя приближеніе смерти, Раймондъ VI просилъ тулузскаго коммандора госпиталитовъ Кабанеса не отказать ему въ послѣднемъ мѣстѣ успокоенія среди братьевъ столько послужившихъ Христу, если бы онъ умеръ, не успѣвъ принять посвященіе. Коммандоръ тогда же принялъ его въ братство именемъ пріора санъ-жилльскаго (²).

Смерть постигла его почти внезапно; онъ никогда не испытывалъ тяжелыхъ болѣзней. Въ одинъ изъ іюльскихъ дней, возвращаясь изъ церкви отъ обѣдни, онъ зашелъ къ одному знакомому горожанину. Почувствовавъ предсмертныя страданія, онъ поспѣшилъ послать за каѳедральнымъ аббатомъ, человѣкомъ глубоко религіознымъ и пользовавшимся его полнымъ расположеніемъ. Умирающій уже 10 лѣтъ находился подъ церковнымъ отлученіемъ. Онъ давно въ душѣ примирился съ Церковью. Въ такой торжественный часъ онъ надѣялся получить прощеніе у своихъ враговъ и думалъ, что на порогѣ могилы его не осмѣлятся лишить св. причастія и общенія съ вѣрными. Аббатъ долго не появлялся; между тѣмъ съ больнымъ началась агонія. Среди страданій, онъ спрашивалъ отчего нѣтъ священника; его томила тяжелая неизвѣстность; онъ страшился умереть отлученнымъ. Раймондъ шевелилъ губами, видимо молился, со слезами на глазахъ. Когда прибылъ аббатъ, графъ уже не владѣлъ языкомъ, хотя былъ еще въ памяти и сознаніи. Знаками умирающій просилъ аббата подойти ближе, протянулъ ему руку и крѣпко пожалъ ее, въ знакъ примиренія съ Церковью. Надъ нимъ совершена была глухая исповѣдь, но аббатъ не имѣлъ разрѣшенія пріобщить отлученнаго. Даже въ эту всепримиряющую минуту, Церковь не отказалась отъ своей вражды. Потухавшими глазами, полными слезъ, Раймондъ какъ бы молилъ о чемъ-то аббата. Руки графа лежали въ его рукахъ. Умирающаго окружали госпиталиты; они были свидѣтелями раскаянія и предсмертной борьбы графа. Одинъ изъ нихъ снялъ съ себя мантію съ бѣлымъ крестомъ и прикрылъ ею Раймонда.

(¹) La-Faille. Annales de Toulouse; I, 224.

(²) Catel. Histoire des comtes de Toulouse (1625), 318. — Percin. Monumenta conventus Tolosani; bellum Alb. p. 77, n. 17.

11

Аббатъ хотѣлъ сорвать ее,—но, прежде чѣмъ испустить послѣдній вздохъ, Раймондъ конвульсивнымъ движеніемъ ухватился за нее, притянулъ къ себѣ и благоговѣйно поцѣловалъ ся крестъ. Въ ту же минуту его не стало.

Слухъ о смерти графа быстро разнесся по городу. Густая толпа окружила домъ, гдѣ лежалъ трупъ человѣка, столь дорогаго для нея. Аббатъ вышелъ къ народу, извѣстилъ его о смерти графа, сказалъ что графъ умеръ, какъ приличествуетъ христіанину, и что теперь надо молиться объ успокоеніи его души. Онъ убѣждалъ народъ не давать тѣло графа госпиталитамъ, какъ просили тѣ въ силу завѣщанія, а похоронить его у св. Сатурнина, въ приходѣ котораго онъ скончался. Но госпиталиты уже завладѣли трупомъ, отнесли его въ свой домъ, хотя не рѣшились похоронить безъ разрѣшенія, такъ какъ Раймондъ умеръ отлученнымъ ([1]).

Ожидаемаго разрѣшенія не послѣдовало. Ни Гонорій III, ни его суровые преемники не хотѣли простить человѣку, имѣвшему нѣкогда смѣлость возстать противъ ихъ всемогущаго предшественника во имя вѣротерпимости и рѣшившагося протестовать противъ гнета совѣсти.

Трупъ Раймонда истлѣлъ безъ погребенія, обезображенный, ограбленный, на половину изъѣденный крысами ([2]). Еще въ началѣ XVI вѣка, показывали около кладбища тулузскихъ госпиталитовъ деревянный ящикъ, въ которомъ дотлѣвали кости героя альбигойской эпохи. Черепъ сохранился неповрежденный и современники видѣли на затылкѣ его небольшую, но очень отчетливую лилію красноватаго цвѣта, походившую очертаніемъ на лилію французскаго герба. Этотъ френологическій признакъ въ глазахъ наблюдателей служилъ предзнаменованіемъ присоединенія Лангедока къ королевской коронѣ Франціи ([3]). Національность провансальская должна была прекратить свое существованіе: невидимая рука какъ бы начертала таинственныя письмена объ ея судьбѣ на челѣ послѣдняго представителя независимости Лангедока.

([1]) Inquisitio de Raymundo comite Tolosano apud Percin. Monumenta, 76—82. изъ подлиннаго манускрипта; hist. conv. p. 53, N. 10. Допросные пункты послужили существеннымъ матеріаломъ для нашего разсказа.

([2]) Aymarus de Peyraci,—apud Vaissete; l. XXIII, c. 63.

([3]) Bertrandus. De gest. Tol. ibid.

Одновременно съ Раймондомъ VI умеръ и другъ его, графъ де Фуа. Старый Фуа, умирая, говорилъ сыну: „живи доблестно, дорогой мой сынъ, управляй твоимъ народомъ, какъ отецъ, и будь первымъ вассаломъ нашихъ законовъ; подавай примѣръ справедливости, милости и великодушія". Слова рѣдкія въ завѣщаніяхъ феодаловъ вообще; но эти рѣдкія явленія въ Европѣ не были исключеніемъ въ примѣненіи къ феодаламъ и рыцарямъ провансальскаго Юга...

Отношеніе Филиппа II Августа къ Югу.

Завѣщаніе графа не осуществилось на дѣлѣ; новые порядки наступили въ Лангедокѣ. Господство надъ всѣми провансальскими землями должно было перейти къ королю французскому, хотя онъ долго былъ безучастнымъ въ крестовой войнѣ; но это равнодушіе было только наружное. Филиппъ II понималъ, что соединеніе всѣхъ французскихъ земель въ одно политическое цѣлое, къ чему онъ стремился всю жизнь, можетъ быть достигнуто только послѣ истребленія могущественной тулузской династіи. Онъ всегда смотрѣлъ на завоеваніе Юга, какъ на дѣло весьма серьезное. Отказавшись отъ явной вражды, подъ видомъ нейтралитета, онъ велъ войну съ Лангедокомъ, скрытую, упорную, но болѣе гибельную. Не показывая никакого вида, онъ давно уже помогалъ крестоносцамъ, будто бы въ интересахъ Церкви, но въ сущности въ ожиданіи будущей добычи.

Французскій король продолжалъ оказывать наружное равнодушіе къ крестовой войнѣ и къ выгодамъ, которыми думали соблазнить его папскіе легаты.—„Я знаю, говорилъ онъ епископу Фулькону, что духовные употребятъ всѣ усилія, чтобы вмѣшать моего сына Луи въ альбигойскія дѣла. Но Луи и слабъ здоровьемъ и хилаго сложенія; онъ не вынесетъ этой войны и скоро умретъ. Я предвижу, что королевство попадетъ въ руки женщины и дѣтей и подвергнется большимъ опасностямъ" (¹).

Что касается до Амори Монфора, то онъ ни мало не безпокоилъ патріотовъ. Его собственное положеніе сдѣлалось оборонительнымъ. Онъ опустошилъ было альбійскій діоцезъ, но оба графа оттѣснили его на берега Гаронны и заставили принять мирныя условія. Онъ видѣлъ себя покинутымъ и при-

(¹) Guillelmus de Podio Laurentii. Bella adversus Albigenses ab 1092—1271 (Bouquet; XIX, 193—225, XX, 764—776); c. 34.

нужденъ былъ унизиться предъ счастливымъ соперникомъ. Положеніе крестоносцевъ, окруженныхъ провансальцами, было таково, что, по выраженію легата Конрада въ посланіи къ Филиппу Августу, они готовились „съ каждымъ днемъ къ смерти въ виду враговъ вѣры". Пока было заключено перемиріе; одна изъ сестеръ Амори была предназначена въ супруги Раймонду VII, чтобы тѣмъ приличнѣе могъ Монфоръ возвратить свои завоеванія.

Папа долженъ былъ признать фактъ. Съ свойственной куріи эластичностью и со всегдашнимъ умѣньемъ пользоваться обстоятельствами, Гонорій III приказываетъ своему легату позаботиться о выгодахъ епископовъ при заключеніи мира. Онъ теперь называетъ Раймонда „благороднымъ мужемъ" и не имѣетъ ничего противъ созыва собора въ Сансѣ (Sans), куда были перенесены вмѣстѣ и засѣданія изъ Санъ-Флора. Въ Сансъ съѣхалось 6 архіепископовъ и 20 епископовъ; отъ Тулузы былъ только одинъ Фулькопъ. Король Филиппъ Августъ изъявилъ желаніе присутствовать на соборѣ.

Король прибылъ въ городъ, но чувствовалъ себя весьма дурно. Онъ уже 10 мѣсяцевъ боролся съ лихорадкой; его крѣпкое здоровье стало слабѣть. Онъ просилъ, чтобы его скорѣе увезли въ Парижъ. Но ему не суждено было еще разъ увидѣть свою луврскую башню. Дорогой, въ городѣ Мантѣ, королевскій поѣздъ долженъ былъ остановиться. Здѣсь, 14 іюля 1225 года, Филиппъ скончался. Передъ смертью онъ хотѣлъ сдѣлать уступку духовенству. По завѣщанію, онъ оставлялъ 20 тысячъ ливровъ Амори Монфору на борьбу съ ересью.

Изъ этихъ данныхъ можно заключить, какъ смотрѣлъ король на свое пожертвованіе. Роль „великаго покровителя Церкви", какъ титулуетъ его оффиціальный хроникеръ, примѣнима къ нему весьма условно. Филиппъ Августъ прежде всего преслѣдовалъ политическую задачу, закрѣпляя французское королевство, собирая сосѣднія земли и разсчитывая возвести со временемъ свое государство на высоту монархіи Карла Великаго. Въ этомъ его историческое значеніе.

Луи VIII (1223-1226 г.). Его 36-лѣтній сынъ вступилъ на престолъ уже по праву наслѣдства, а не избранія. Такимъ образомъ, онъ былъ первый изъ Капетинговъ, который рѣшился презрѣть старый обычай, сдѣлавшійся однимъ воспоминаніемъ.

Это могущество новаго короля было побужденіемъ для духовенства начать свое предстательство объ уничтоженіи альбигойцевъ. Изъ Рима опять стали посылать буллы.

Едва успѣли опустить въ склепы Сенъ-Дени тѣло Филиппа, какъ легатъ Конрадъ уже побуждаетъ Луи VIII оказать содѣйствіе прелатамъ французскимъ въ войнѣ съ еретиками. Онъ сознавался, что безъ личнаго вмѣшательства короля теперь нельзя вести наступательной войны. Дѣла въ такомъ положеніи, что надо стараться спасти какъ нибудь остатки крестоносцевъ, стоящихъ въ нѣкоторыхъ замкахъ. На этотъ предметъ король велѣлъ отпустить половину суммы, назначенной въ завѣщаніи отца, но отказалъ въ личномъ участіи, такъ какъ хотѣлъ заняться покореніемъ Гіени. Луи VIII, по своей пылкой и вмѣстѣ набожной натурѣ, былъ всегда способенъ подчиниться вліянію крестовой идеи. Онъ разъ уже пробовалъ свои силы въ Лангедокѣ. Его совѣтники видѣли въ завоеваніи Юга задачу французской политики. Королевская власть сильно возрасла при немъ. Съ первыхъ же дней своего правленія, онъ нанесъ тяжелый ударъ пэрамъ и феодализму. Простымъ указомъ, изданнымъ молодымъ королемъ, было возвѣщено, что чиновники королевскіе, наравнѣ съ великими вельможами Франціи, имѣютъ право по волѣ короля засѣдать въ судѣ пэровъ. Рядомъ съ герцогомъ бургундскимъ и графомъ Шампаньи теперь сидѣли въ совѣтѣ канцлеръ, кравчій и камергеръ короля; они судили тѣхъ самыхъ пэровъ, которые прежде относились къ нимъ не иначе какъ съ презрѣніемъ. Это было началомъ паденія феодализма и знаменіемъ роста королевской власти.

Пока Луи VIII воевалъ въ Гіени, папа, прелаты и легатъ готовили его къ предпріятію славнѣйшему въ ихъ глазахъ. Возбуждая религіозное рвеніе, не забывали дѣйствовать и на корысть короля. Въ февралѣ 1228 г. Амори Монфоръ, по прибытіи ко двору въ Парижъ, составилъ формальную передачу своихъ владѣній уже отъ своего лица въ такой формѣ: „Вѣдайте всѣ, что мы Амори, синьоръ Монфора, оставляемъ нашему дражайшему господину Людовику, славному королю Франціи и его наслѣдникамъ, на вѣчныя времена, всѣ привилегіи и даянія, которыя Римская Церковь принесла Симону, нашему отцу, блаженной памяти,—въ полное его распоряженіе, во всемъ что касается графства тулузскаго и другихъ альбигойскихъ странъ, но подъ условіемъ,

что папа исполнитъ всѣ предложенія короля, сдѣланныя ему чрезъ архіепископа буржскаго и епископовъ лангрскаго и шартрскаго. Иначе, да будетъ вѣдомо, что ничего и никому не уступаемъ изъ владѣній нашихъ“ (1).

Послѣднее условіе было пустой оговоркой. Кто больше самого папы могъ стараться о скорѣйшемъ осуществленіи предпріятія и о принятіи мѣръ для успѣха дѣла? Когда три названные прелата прибыли къ королю, обѣщая отъ имени папы и кардиналовъ предоставить въ его распоряженіе всѣ сокровища Церкви на дѣло, которое они имѣли претензію считать святымъ,—то король, собравши свой совѣтъ, великодушно просилъ папу о самыхъ легкихъ для Рима услугахъ. Онъ желалъ прежде всего получить индульгенцію крестоносцевъ для себя и для тѣхъ, которые пойдутъ съ нимъ въ Альбижуа. Архіепископы буржскій, реймскій и санскій, должны были получить власть отлучать отъ Церкви и налагать интердиктъ на земли тѣхъ, которые осмѣлятся напасть на владѣнія или на лица, ополчившіяся во имя креста. Онъ же получитъ благословленіе поступать такъ со всякимъ барономъ Франціи, вассаломъ королевскимъ, который лично не пойдетъ въ походъ на альбигойцевъ или который, не будучи въ состояніи идти, не заплатитъ достаточной суммы на истребленіе враговъ вѣры; ибо бароны (неудачно мотивировалъ французскій дворъ) обязаны вѣрностью и присягой служить королю противъ всѣхъ, кто нападетъ на королевство, а государство не имѣетъ болѣе опасныхъ утѣснителей, какъ еретики. Всѣ эти отлученія и интердикты предполагалось снимать лишь послѣ полнаго удовлетворенія. Король требовалъ отъ папы изданія буллы, по которой Раймондъ VII и вассалъ его, виконтъ безьерскій, лишались графства тулузскаго и другихъ своихъ владѣній, какъ и всѣ тѣ, которые будутъ противиться этому предпріятію или станутъ противодѣйствовать силою. Всѣ эти земли даются на вѣчныя времена ко-

(1) Dom-Vaissete. Preuves de l'hist. de Lang.; V, 625. Сочиненіе Вессэ († 1756) — обширнѣйшая исторія Лангедока и одно изъ замѣчательнѣйшихъ классическихъ твореній въ наукѣ, которое стоило ученому бенедиктинцу 30 лѣтъ труда. Эта громадная работа состоитъ изъ текста, примѣчаній и «preuves» (изд. Alb. du-Mége, Toul. 10 vls, 1840 etc.).— Praecl. Franc. fac. a. 1224 — анонимная исторія о Монфорахъ крайне пристрастная.

ролю, его наслѣдникамъ или кому онъ прикажетъ, при сохраненіи сюзеренныхъ правъ его. Король желалъ имѣть при себѣ, въ качествѣ легата, архіепископа буржскаго, съ правами и властью кардинала Конрада, съ тѣмъ чтобы онъ проповѣдывалъ по всему королевству о походѣ на землю альбигойскую. Папа обязался также ходатайствовать предъ императоромъ Фридрихомъ II, чтобы король не встрѣтилъ какого либо препятствія изъ земель смежныхъ съ страною альбигойскою, т. е. съ Лангедокомъ (1). Не смотря на то, что граница имперіи была на Ронѣ, король выговорилъ себѣ право перейти эту рѣку и внести оружіе въ Провансъ, для окончательнаго искорененія ереси. Папа взялся хлопотать о продленіи на 10 лѣтъ перемирія, заключеннаго съ англійскимъ королемъ, такъ какъ война съ альбигойцами грозила затянуться на много лѣтъ и требовала большой затраты людьми и деньгами. Наконецъ король требовалъ у папы существенной услуги, платежа въ теченіе 10 лѣтъ ежегодно по 60 тыс. парижскихъ ливровъ (т. е. до 4 мил. нашихъ рублей) на военныя издержки (2). Сборъ полудесятины въ его пользу уже давно производился по распоряженію папы. „Если мнѣ обяжутся въ исполненіи этихъ условій, прибавлялъ король, то я лично пойду въ Альбижуа и вѣрно буду служить этому дѣлу. Римская курія предоставитъ мнѣ и моимъ наслѣдникамъ право утвердиться въ этой странѣ, занять ее и возвратиться когда намъ будетъ угодно. Если же наши предложенія не будутъ приняты, я не обязанъ буду идти въ Альбижуа или пойду, когда сочту это возможнымъ“ (3).

Въ дѣйствительности эта рѣшительная борьба Франціи и Лангедока началась лишь чрезъ два года. Раймондъ, въ виду грозы, пустилъ въ ходъ все свое дипломатическое искусство. Король англійскій Генрихъ III былъ его близкій

(1) «Item petit quod Dominus papa procuret erga imperatorem, quod terrae suae vicinae Albigesio non noceant regi in hoc negotio». Это мѣсто буллы важно, какъ доказательство широкаго географическаго понятія Альбижуа, въ смыслѣ еретической страны.

(2) Парижскій ливръ имѣлъ 20 пар. солидовъ; солидъ = 7 фр. 35 сант. Тогда деньги по Мартэну (H. Martin. Hist. de France, IV, 112) были приблизительно въ 6 разъ выше настоящей ихъ цѣнности. Потому 60 тыс. ливровъ = 9,720,000 франковъ.

(3) Preuves; V, 626.

родственникъ по матери. Онъ приказалъ своему послу въ Римѣ, епископу лигфельдскому, употребить всѣ усилія въ пользу графа тулузскаго. Съ своей стороны Раймондъ униженно склонялся передъ первосвященникомъ. Папа смягчился и обязалъ Раймонда немедленно изгнать еретиковъ и войти въ переговоры съ Амори. Къ тому же другія обстоятельства вліяли на Гонорія III. Фридрихъ II затѣвалъ походъ въ св. землю. Индульгенціи и расходы, предназначенные для альбигойцевъ, понадобились теперь для Палестины. Папа, видя что Раймондъ готовъ смириться изъ одного страха французскаго оружія, счелъ его добрымъ католикомъ.

Совѣщаніе нотаблей касательно Лангедока.

Этимъ король былъ недоволенъ. 28 января 1226 года, въ Парижѣ былъ съѣздъ нотаблей духовныхъ и свѣтскихъ. Король спрашивалъ ихъ мнѣнія объ альбигойскомъ дѣлѣ. Его предпріятіе одобрили и дали въ томъ письменныя увѣренія. Вассалы обѣщали помогать ему какъ государю во все продолженіе войны. На третій день король принялъ крестъ изъ рукъ легата. Проповѣдники пошли по всѣмъ концамъ страны поднимать народъ и вербовать дружины крестоносцевъ,—чтобы опустошить въ конецъ многострадальный Лангедокъ. Положеніе Раймонда и его друзей было ужасное. Они привыкли разгонять толпы крестоносцевъ, но имъ нельзя было разсчитывать выдержать борьбу съ регулярнымъ войскомъ Франціи, закалившимся на поляхъ Нормандіи, Пуату и Гіени.

Въ Европѣ онъ видѣлъ двухъ преданныхъ друзей; оба они были могущественными государями. Съ королемъ Англіи у него былъ заключенъ тайный трактатъ объ оборонительномъ союзѣ (¹), но изъ страха римскаго проклятія или по нерѣшительности, Генрихъ III не оказалъ содѣйствія въ рѣшительную минуту. Папское посланіе застало его во главѣ арміи. Говорятъ, что онъ хотѣлъ идти на помощь Раймонду, но астрологъ, бывшій при войскѣ, будто предсказалъ неудачу похода англичанъ. Другой сторонникъ Раймонда, позволявшій себѣ тогда изрѣдка посмѣиваться надъ вѣрой и куріей, молодой императоръ Фридрихъ II, не могъ не питать къ Раймонду живой симпатіи по радушію и впечатлительности своего характера. Но эта симпатія тоже не обратилась въ дѣло.

(¹) Въ 1225 году 14 авг. Rymers. Acta publica; I, 241.

Императоръ хворалъ и лѣчился въ Италіи, собираясь совершить прогулку въ св. землю и подтрунивалъ надъ усердными приготовленіями папы. Но симпатіи современниковъ перешли въ потомство и сантъ-альбанскій монахъ занесъ эти чувства въ свою великолѣпную лѣтопись. „Многимъ по истинѣ казалось великимъ злоупотребленіемъ объявить войну вѣрному христіанину, тѣмъ болѣе, что всѣмъ было извѣстно, какъ графъ настоятельно просилъ легата на буржскомъ соборѣ лично посѣтить его городъ и освѣдомиться исповѣдуетъ-ли онъ католическую вѣру. Что касалось лично до него, то онъ обѣщалъ, въ случаѣ, если въ чемъ прегрѣшилъ—хотя онъ не чувствовалъ себя ни въ чемъ виновнымъ, — оказать полное удовлетвореніе Богу и Церкви, и какъ слѣдуетъ вѣрному христіанину отвѣтить на всѣ вопросы о вѣрѣ, о которой легатъ найдетъ нужнымъ его спросить. Но легатъ пренебрегъ всѣми этими обѣщаніями, и графу, хотя вполнѣ католическому, нельзя было найти пощады у него, иначе какъ навсегда отказавшись отъ всѣхъ своихъ владѣній“ (1).

Раймондъ, какъ всегда въ тяжелыя годины, надѣялся на преданность своихъ подданныхъ, хотя понималъ, что имъ при всѣхъ своихъ усиліяхъ не устоять противъ соединенныхъ силъ Франціи. Онъ поспѣшно объѣзжаетъ страну, подтверждаетъ и раздаетъ привилегіи городамъ, слушаетъ вездѣ увѣренія и клятвы въ вѣрности. Его сопровождаетъ общая симпатія горожанъ; католики на его глазахъ клялись надъ Евангеліемъ умереть вмѣстѣ съ нимъ. „Если король французскій, крестоносцы или другіе люди ворвутся въ земли нашего господина графа, клялась община города Ажена со всѣми консулами, то мы безъ него, безъ его совѣта, безъ его воли, не заключимъ мира и соглашенія и никогда не откажемся отъ его синьоріи и отъ соблюденія вѣрности къ нему; все время мы останемся вѣрны и покорны (fiel e leial) его власти. Если бы даже Церковь или кто либо изъ прелатовъ захотѣли разрѣшить насъ отъ клятвы и обязанностей къ господину графу, то мы сами не будемъ считать себя разрѣшенными и свободными отъ заключенныхъ съ нимъ условій“ (2).

---

(1) Matthaeus Par. a. 1226. Эти слова могутъ быть приписаны и Рожеру Вендоверу, который, какъ извѣстно (Pauli—England's Geschichte; III, 881), былъ авторомъ Historiae majoris Angliae до 1235 года.

(2) Preuves; V, 637, См. также документы N. 129 и 133.

Увлеченіе было искреннее, всеобщее, но въ немъ было не мало и легкомыслія. Въ виду наступленія массъ была безсильна эта благородная преданность общинъ своему государю, проявившему такой рѣдкій въ исторіи примѣръ умѣренности, гуманности обхожденія и уваженія свободы. Раймондъ тѣмъ менѣе могъ надѣяться на обѣщанія южанъ, что зналъ по опыту ихъ невоинственность.

Вторженіе французовъ въ 1226 г.

Французская армія способна была привести въ трепетъ города Лангедока своимъ появленіемъ. Луи VIII велъ 50 тысячъ одпихъ рыцарей и оруженосцевъ; пѣхоты было столько-же, если не больше. Опытные полководцы сопровождали короля. Амори, съ новымъ саномъ конетабля Франціи и его дядя Гюи Монфоръ были въ свитѣ королевской. Французы пошли на этотъ разъ новымъ путемъ; они рѣшились двинуться съ восточной границы герцогства нарбоннскаго, а не съ сѣверной. Для этого слѣдовало овладѣть богатыми городами по Ронѣ. Въ Ліонѣ было приготовлено множество транспортныхъ судовъ. Обозъ, машины и припасы спустили внизъ по Ронѣ, а армія пошла берегомъ. Лишь только французы подошли къ владѣніямъ тулузскаго графа, ближайшія коммуны стали высылать депутаціи въ лагерь. Нимъ подалъ первый примѣръ. Онъ безусловно принесъ присягу на вѣрность коронѣ, чрезъ посредство своего епископа, обязуясь удовлетворить всѣмъ требованіямъ королевскимъ. Діоцезъ нимскій былъ тогда же присоединенъ къ коронымъ владѣніямъ. То же было съ Пюи-Лораномъ и Кастромъ въ Альбижуа. Королевскіе бальи смѣняли городскихъ властей, хотя армія была довольно далеко. Одинъ за другимъ сдавались отряды провансальскихъ рыцарей....

Авиньонцы, которые, какъ подданные императора, въ сущности были безопасны, съ своей стороны отправили депутацію къ Луи VIII и легату съ просьбою о снятіи отлученія и съ изъявленіемъ покорности. Они не желали, чтобы въ городъ вступила вся французская армія; они хотѣли принять одного короля съ его свитой. По требованію короля, было представлено въ лагерь 50 заложниковъ. Легатъ требовалъ безусловной сдачи, а община боялась мести короля за преданность графу тулузскому. Городъ могъ хорошо защищаться, благодаря выгодной мѣстности. Французы подошли къ берегу Роны въ огромныхъ массахъ и стали переправляться

черезъ мостъ. Граждане заперли ворота; съ другой стороны они были недоступны. Энергія охватила общину. Французовъ, которые были въ городѣ, убивали. Сообщенія арміи прервались, когда авиньонцамъ удалось сломать мостъ на Ронѣ. Легатъ проклялъ городъ и обрекъ его мести крестоносцевъ, какъ зараженный ересью. Король рѣшился приступить къ правильной осадѣ. Его нападенія во всѣхъ мѣстахъ были отбиты. Осада должна была затянуться. Прелаты, опасаясь, что императоръ вмѣшается въ войну, если узнаетъ о нападеніи на Авиньонъ, совѣтовали предупредить Фридриха объ этомъ обстоятельствѣ. Императора извѣщали, что французы осаждаютъ Авиньонъ, какъ простые пилигримы, во имя любви Божіей, для спасенія католической вѣры, такъ какъ въ этомъ городѣ живутъ еретики, ихъ укрыватели и соумышленники, что права императорскія не будутъ ни въ чемъ нарушены. Особое посольство должно было отвезти это письмо къ императору ([1]). Въ ожиданіи императорскаго отвѣта, король не терялъ времени за осадой. Удерживая Авиньонъ силою оружія, онъ дѣйствовалъ на Лангедокъ страхомъ своего имени. Надо удивляться той паникѣ, какая охватила эти всегда пылкія южныя общины, при приближеніи французской арміи.

Подчиненіе Лангедока и Прованса.

Лангедокъ точно прочелъ свою судьбу; онъ видѣлъ безполезность сопротивленія. Одного появленія короля да увѣщанія архіепископа нарбоннскаго было достаточно, чтобы замки и „добрые города“, на всемъ широкомъ пространствѣ отъ Гаронны до Роны, склонились подъ ярмо Церкви и Франціи. Синьоры, консулы текли въ станъ короля съ повинной головой ([2]). Даже сильная Каркассона прислала свои ключи Луи VIII. Графъ Комминга, Бернаръ VI, одинъ изъ союзниковъ Раймонда, прибылъ лично въ авиньонскій лагерь и присягнулъ королю, обѣщая помогать противъ враговъ, особенно противъ графа тулузскаго. Рожеръ-Бернаръ, графъ де-Фуа, положилъ оружіе, не поднимая его, если вѣрить лѣтописцамъ, и просилъ мира; но его условій не приняли. Можно бы заподозрить хронику, написанную офранцузившимся провансальцемъ

([1]) Это посланіе шло отъ духовныхъ и свѣтскихъ вельможъ Франціи за 20 печатями, изъ которыхъ одна принадлежитъ Амори Монфору. Preuves de l'hist. de Lang. N. 133.

([2]) Guil. de Podio Laur. c. 35.

изъ Пюи-Лорана, если бы не хранилось въ Національномъ Архивѣ Франціи документовъ ([1]) о сдачѣ самыхъ большихъ городовъ: Безъера (3 мая), Альби, замка Ажена, города Нима (3 іюня) и Каркассоны (14 іюля). Только Тулуза стояла по прежнему, гордая, непреклонная, отвергая всякую мысль о сдѣлкѣ съ врагомъ. Какова бы ни была несоразмѣрность силъ, но Лангедокъ первый разъ такъ позорно склонилъ голову передъ ярмомъ. Отдавать безъ боя крѣпкіе замки и города, не видя даже въ лицо вооруженнаго непріятеля, падать ницъ предъ католическимъ епископомъ, — со стороны полу-еретическихъ общинъ, изъ которыхъ каждая имѣла свою исторію,—было низкою слабостью. Трудно было бы подъискать хотя одно смягчающее обстоятельство для объясненія этого грустнаго и во всякомъ случаѣ страннаго явленія. Впечатлительность провансальцевъ, ихъ способность быстро переходить отъ радости къ отчаянію, присущая имъ въ большей степени чѣмъ французамъ, была бы сама по себѣ недостаточнымъ мотивомъ.

Должно замѣтить, что въ станъ альбигойскій проникла измѣна. Провансъ, т. е. заронскій край, въ такой же степени былъ пріютомъ новой вѣры, какъ и самый Лангедокъ. Борьба могла быть ведена только при общемъ единодушіи городовъ обоихъ береговъ Роны. Луи VIII своимъ движеніемъ по Ронѣ удачно раздѣлилъ союзниковъ и, прежде чѣмъ Лангедокъ могъ взяться за оружіе, — графъ Прованса Раймондъ-Беренгарій заключилъ союзъ съ Франціей. Онъ обязался помогать королю противъ Раймонда тулузскаго и защищать тѣ прирoнскія земли, которыя французы завоюютъ. Въ слѣдъ за своимъ графомъ, слабые вассалы провансальскіе въ числѣ пятнадцати „отдали себя, всѣхъ бароновъ и людей своихъ и всю землю свою въ полную волю возлюбленнаго господина своего Людовика, преславнаго короля французовъ“ и принесли ему свою вассальную присягу (faciunt ei homagium contra omnes homines et foeminas qui possunt vivere et mori) по французскому обычаю ([2]).

([1]) Для Альби въ коллекціи Кольбера, для прочихъ въ Thrésorier des Chartes (Archives de France).

([2]) Preuves; V. 632, 641; N. 125, 136.

Затѣмъ король, не смотря на протестъ императора, осадилъ Авиньонъ, который жилъ общими интересами съ Югомъ, но былъ зависимъ отъ другого верховнаго сюзерена. Три мѣсяца храбро защищались авиньонцы, показавъ благородный примѣръ, но изъ опасенія голода принуждены были сдаться (12 сентября 1226 г.). Триста лучшихъ людей было взято въ заложники. Городъ обязался повиноваться приказаніямъ Церкви. Въ наказаніе за сопротивленіе, городскія стѣны и укрѣпленія были разрушены. Жители были подвергнуты разнымъ наказаніямъ, въ знакъ покаянія, по распоряженію легата ([1]).

Взятіе Авиньона французами.

Когда городъ сдался, императоръ написалъ гнѣвное письмо папѣ съ жалобой на дерзость Луи VIII, покусившагося на предѣлы имперіи. Легату было приказано снять отлученіе и смягчить участь города. Но онъ былъ сильнѣе Гонорія III: онъ снялъ отлученіе, обложивъ городъ новымъ поборомъ въ семь тысячъ марокъ въ пользу Церкви и короля. Триста домовъ было при этомъ срыто въ городѣ. Ходатайство Фридриха не было уважено.

Такъ палъ Авиньонъ, занимавшій одно изъ первыхъ мѣстъ въ ряду провансальскихъ городовъ. Онъ на 80 лѣтъ сдѣлался резиденціею папы, но никогда уже не стоялъ на такой высотѣ промышленнаго и духовнаго развитія, какъ до нашествія Луи VIII. Нѣкогда онъ былъ прекраснымъ и всестороннимъ представителемъ провансальской національности, теперь низошелъ до степени заурядныхъ провинціальныхъ французскихъ городовъ, которыхъ одна слава заключается въ климатѣ и обаятельныхъ историческихъ воспоминаніяхъ.

Отступленіе и смерть Луи VIII.

Французы были уже близко отъ Тулузы. Столица ждала новой осады. Но судьба отсрочила ненадолго ея паденіе. Король уже давно чувствовалъ себя больнымъ, однако перемогался. Теперь, когда онъ достигалъ цѣли своихъ желаній, силы измѣнили ему. Въ его лагерѣ, послѣ авиньонской осады, свирѣпствовала зараза. Нѣсколько выдающихся лицъ при дворѣ уже стали ея жертвою. Король боялся заразиться и рѣшился оставить теперь же армію, надѣясь вернуться къ будущей кампаніи. Но, покидая Лангедокъ, онъ уносилъ съ собою зародышъ смерти.

([1]) Guil. de Podio Laur. c. 35.— Объ участіи Фридриха II — apud Raynaldi, p. 573.

Чрезъ Кастельнодари, Лаворъ, Альби король со всѣмъ дворомъ спѣшилъ въ Овернь. Изъ Альби, этого центра ереси, гдѣ была принесена ему жителями торжественная присяга, онъ назначилъ своимъ „лейтенантомъ" въ завоеванной странѣ Гумберта Божё, который былъ такимъ образомъ первымъ французскимъ намѣстникомъ въ Лангедокѣ, а послѣ сдѣлался великимъ конетаблемъ Франціи. Амори Монфоръ остался въ качествѣ его помощника. Большая армія, раскинутая по городамъ, была предоставлена въ распоряженіе Божё, до предстоявшаго возвращенія короля.

Луи VIII не суждено было больше вернуться въ покоренную имъ страну. Въ послѣднихъ числахъ октября онъ переѣхалъ старую границу Лангедока, но, миновавъ Клермонъ, не могъ продолжать путешествія. Въ замкѣ Монпансье силы окончательно оставили его и онъ слегъ въ постель. Придворные не знали причины страданій короля, но тѣмъ не менѣе пытались предложить оригинальныя и постыдныя средства излѣченія ([1]). За пять дней до смерти, 3 ноября, онъ призвалъ къ себѣ прелатовъ и главныхъ вассаловъ, заклиналъ ихъ присягой, которую они дали, вѣрно служить своему старшему сыну Луи, повиноваться ему какъ королю и господину, и короновать его какъ можно скорѣе, чтобы не произошло безпорядковъ въ государствѣ.

Такъ замѣчательно точно исполнилось предсказаніе Филиппа Августа. Луи VIII сталъ жертвою происковъ духовенства и повелъ французовъ на Лангедокъ. Онъ разстроилъ свое здоровье въ этомъ походѣ, не столько прославившемъ его оружіе, сколько унизившемъ провансальцевъ, и погибъ въ самомъ разгарѣ задуманнаго предпріятія, оставивъ государство въ рукахъ 12-лѣтняго сына и своей молодой жены.

Но дѣло имъ начатое и почти оконченное не могло погибнуть. Судьбы Лангедока были предначертаны. Со смертію короля Луи VIII провансальцамъ мудрено было стряхнуть съ себя французское владычество. Въ Альби и Каркассонѣ были не только французскія войска, но была прочная французская гражданская власть въ лицѣ намѣстниковъ и сенешаловъ, которая пускала свои вѣтви по всей странѣ и крѣп-

([1]) Guil. de Podio c. 36—передаетъ весьма нескромныя подробности по поводу попытокъ придворныхъ вылѣчить короля цѣною чести одной дѣвушки.

кими узами сбиралась притянуть къ Парижу и волѣ королевской каждый городской ленъ и каждаго рыцаря провансальскаго. Божё распоряжался самовластно. Онъ велѣлъ сжечь живымъ популярнаго альбигойскаго епископа Петра Изарна, осужденнаго архіепископомъ нарбоннскимъ, и тѣмъ открылъ казни инквизиціи.

Королева Бланка.

Вдовѣ Луи VIII, Бланкѣ Кастильской предстояло дѣйствовать въ самыхъ затруднительныхъ обстоятельствахъ. Она не потерялась на своемъ посту. Обладая замѣчательными правительственными талантами, она была способна защищать наслѣдіе Филиппа Августа. По словамъ французскихъ историковъ, Бланка была величайшею женщиною изъ всѣхъ носившихъ въ Галліи корону послѣ Брунгильды. У ней было много осторожности, предусмотрительности и энергіи, тѣхъ качествъ, которыя составляли славу Филиппа II. Въ независимости своего характера и въ превосходствѣ своего ума, она почерпнула умѣнье предохранить тронъ своего сына отъ подкоповъ феодаловъ и отъ покушеній клерикальной партіи. Натура гордая, призванная къ власти, она предалась своему дѣлу всецѣло. Страстно, до смѣшныхъ выходокъ ревности любя своего сына, она выдержала его въ суровой домашней школѣ. Она вселила въ него то стремленіе къ аскетическому идеалу, которое сдѣлалось послѣ основною чертою его характера „Я соглашусь лучше видѣть своего сына мертвымъ, хотя люблю его больше всего на свѣтѣ, говорила она, но не позволю ему полюбить постороннюю женщину и тѣмъ совершить смертный грѣхъ“. Тогдашніе школьные пріемы не отличались, не смотря на проповѣди св. Ансельма, мягкостью. Суровые прецепторы позорнымъ образомъ били и терзали дѣтей королевскихъ для внушенія имъ дисциплины и страха Божія. Такъ воспитывался и Луи IX, подъ зоркимъ наблюденіемъ матери, предоставивши дѣла государства на ея полное усмотрѣніе.

Заносчивые и могущественные феодалы почувствовали оскорбленіе, видя себя въ рукахъ иностранки, энергія которой доходила иногда до упорства, а твердость до деспотизма. Они не привыкли и въ короляхъ встрѣчать такую строго-выдержанную силу характера. Бланка доказала ее въ день коронованія Луи IX. По старому французскому обычаю, такой день былъ знаменуемъ дѣлами милости — по отношенію

къ заключеннымъ преступникамъ. Уже 12 лѣтъ томились въ тюрьмахъ королевскихъ графы фландрскій и булонскій и другіе бароны, посаженные туда Филиппомъ вопреки привилегіямъ феодаловъ, которыхъ должны были судить свои пэры. Земли ихъ были конфискованы Филиппомъ. Друзья требовали теперь ихъ освобожденія и возвращенія доменовъ. Бланка, поддерживаемая папскимъ легатомъ кардиналомъ Романомъ, съ которымъ она находилась въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ, рѣшительно отказала въ этой просьбѣ и совершила обрядъ коронаціи, въ присутствіи всѣхъ значительныхъ пэровъ Франціи. Королевѣ-матери была принесена такая-же присяга, какъ и ея сыну. Уже послѣ коронаціи, она освободила графа фландрскаго, но въ тоже время подтвердила сильному графу Шампаньи Тибо, своему поклоннику, запрещеніе строить новыя крѣпости. Это возмутило и Тибо и его друзей. Скоро на Западѣ Франціи, начиная съ Бретани, возникло волненіе противъ короны. Недавнее владычество англійскаго короля казалось баронамъ гораздо легче господства и тираніи женщины. Герцогъ Гвіенскій, братъ Генриха III и графъ де-Ла-Маршъ находили выгоднымъ поддерживать возстаніе въ этихъ провинціяхъ. Англійскіе агенты появились въ Нормандіи, Бретани, Анжу и Пуату и давали обѣщанія вольности баронамъ, надѣясь снова склонить ихъ на сторону Англіи. Королева лично повела королевскія войска и подавила возстаніе въ самомъ началѣ. Графъ Тибо не устоялъ противъ давнишней страсти и подъ вліяніемъ своего чувства, самъ явился въ лагерь королевы.—„Мое сердце и вся моя земля въ вашей власти; нѣтъ ничего, чего-бы я не сдѣлалъ согласно вашему желанію“, говорилъ онъ ей съ рыцарской любезностью. Его поступокъ склонилъ успѣхъ на сторону Бланки. Проклиная его, графы Бретани и де-Ла-Маршъ сдались тоже. Одинъ за другимъ являлись въ ея лагерь за прощеніемъ гордые графы и бароны. Казалось лига распалась, но она возродилась снова. Графъ Филиппъ булонскій составилъ заговоръ, чтобы захватить короля и его мать въ Орлеанѣ, и только вѣрность Тибо и живая преданность парижскаго населенія, которое выступило вооруженной массой по орлеанской дорогѣ при первомъ слухѣ объ опасности, спасли монархію во Франціи. Бланка торжественно вступила въ Лувръ, окруженная торговцами, студентами и ремесленниками (¹). Но въ Бретани опасность

(¹) Joinville. Hist. de S. Louys, c. 40.—Matth. Par. a. 1228.

не прекращалась. Бланка, прибывшая туда безъ войска для переговоровъ, благодаря новой измѣнѣ едва было не попалась въ руки графа Пьера Маклера, регента Бретани, и снова Тибо спасъ ее своимъ внезапнымъ появленіемъ, какъ рыцарь волшебныхъ сказокъ. Онъ же помогъ королевѣ смирить гордаго графа Бретани, заставивъ его сдаться и просить милости. Такая преданность къ ненавистной „чужестранкѣ" вызвала среди другихъ феодаловъ недовѣріе, а потомъ и явную вражду къ Тибо. Пустили слухи о его связи съ королевой, о насильственной смерти покойнаго короля, сведеннаго будто отравою въ могилу руками измѣнницы и фаворита. Интрига создала цѣлую лигу. Пэры и бароны изъявили желаніе мстить за Луи VIII. Они оставили королеву и самовольно, но единодушно кинулись на Шампань, кто съ сѣвера, кто съ юга. Шампань была страною по преимуществу демократической, благодаря своей промышленности и торговлѣ виномъ. Тамъ графы „больше дѣлали для буржуа и крестьянъ, чѣмъ для рыцарей", говоритъ мѣстный хроникеръ и понятно, что они были тамъ популярны. Графу стоило только стать во главѣ своихъ городовъ, и они принесли ему всѣ требуемыя жертвы. Чтобы не доставаться непріятелю, три города погибли въ пламени. Жители великодушно ихъ покинули, ради спасенія своего графа, который послѣ геройской защиты родной страны, дождался наконецъ прибытія союзныхъ королевскихъ войскъ. Феодальная сила такимъ образомъ была сломлена; мятежные вассалы принуждены были оставить Шампань, разсчитывая осуществить свои замыслы при другихъ обстоятельствахъ и на другомъ мѣстѣ. Всѣ города французскіе оказывали въ этой борьбѣ съ лигой искреннее содѣйствіе королевской власти. Въ концѣ 1228 г. магистраты всѣхъ коммунъ Франціи торжественно клялись защищать короля, его мать и братьевъ противъ всѣхъ и всякаго (¹). Это показывало, насколько созрѣло національное чувство во Франціи. Городское сословіе далеко опередило въ немъ феодальное. Это чувство было тѣмъ выше, что обнаружилось въ одну изъ минутъ испытанія; оно свидѣтельствовало объ историческомъ назначеніи Франціи, такъ какъ вокругъ королевскаго знамени неожиданно возникла новая сила, по своему духу представлявшая въ ряду средневѣковыхъ идей явленіе высшее, — сила націо-

(¹) Le Nain de Tillemont. Vie de S. Louis (P. 6 vls. 1847—51); I, 529.

нально-патріотическая. Черезъ два-три года, король, благодаря искусству своей матери и поддержкѣ добрыхъ городовъ, платившихъ съ своей стороны услугой за услугу, могъ спокойно властвовать не тол ко во Франціи, но и въ Лангедокѣ.

Договоръ о подданствѣ графства Тулузскаго королю Франціи въ 1229 г.

Несчастный Раймондъ VII, вновь отлученный и проклятый соборомъ былъ доведенъ до послѣдней крайности, и вотъ въ 1229 г. Парижъ былъ свидѣтелемъ такой сцены:—12 апрѣля около полудня городъ съ утра пришелъ въ необычайное движеніе. Народъ густыми толпами пробирался къ тѣсной площади предъ соборомъ Богоматери. Молодой король съ Раймондомъ VII, въ сопровожденіи блестящей свиты кардиналовъ, архіепископовъ и епископовъ, торжественно проѣхалъ среди многочисленнаго стеченія народа къ собору и занялъ мѣсто у великолѣпнаго портала. Среди площади возвышалась эстрада, на которой стоялъ аналой, а на немъ лежалъ великолѣпный манускриптъ евангелія. По данному знаку все затихло и королевскій клеркъ, поднявшись на ступени эстрады, прочиталъ статьи мирнаго договора между Луи, королемъ французскимъ и Раймондомъ тулузскимъ, по которымъ Раймондъ лишался своей независимости и дѣлался простымъ вассаломъ французскаго короля. Мирный договоръ заключался въ слѣдующемъ. Раймондъ получаетъ въ управленіе епископство тулузское, провинціи: Альби, Руэргъ, Ажснуа съ тѣмъ, чтобы дочь его вступила въ бракъ съ братомъ короля Альфонсомъ; всѣ же остальныя тулузскія владѣнія,—а это было по крайней мѣрѣ двѣ трети прежней территоріи Раймонда—графъ уступаетъ на вѣчныя времена королю французскому, которому онъ пребудетъ вѣренъ и послушенъ до самой смерти своей. Графъ обязуется вмѣстѣ съ своими вассалами искоренить ересь альбигойцевъ, а также содержать въ Тулузѣ на свой счетъ профессоровъ богословія и каноническаго права. Для искупленія своихъ грѣховъ онъ долженъ отправиться за море и служить пять лѣтъ противъ сарацинъ. Стѣны Тулузы онъ сроетъ до основанія, а вмѣстѣ съ тѣмъ разрушитъ стѣны 30 замковъ и городовъ. По прочтеніи этого акта, Раймондъ подошелъ къ эстрадѣ, положилъ руку на евангеліе и произнесъ клятву въ исполненіи пунктовъ договора. Потомъ проклятіе, такъ долго тяготѣвшее надъ нимъ и надъ его домомъ, было снято папскимъ легатомъ. При этомъ повторилась, хотя и не въ столь позорной формѣ, та унизительная сцена, которая была совершена надъ его отцемъ. — На подобныхъ же условіяхъ былъ

заключенъ миръ съ графомъ де-Фуа, а виконтъ безьерскій бѣжалъ въ Аррагонію, отдавая тѣмъ свои земли Франціи.

Раймондъ VII жилъ до 1249 г. и, умирая, долженъ былъ объявить наслѣдницей свою дочь Жанну, передавая тѣмъ остальную треть прежнихъ доменовъ въ руки французскаго правительства, такъ какъ Жанна не имѣла дѣтей.

Послѣдствія альбигойскихъ войнъ.

Инквизиція послѣ 1229 г. перешла къ доминиканцамъ и дѣятельными мѣрами этого ордена ересь была подавлена (¹). Только въ Босніи и Герцеговинѣ преслѣдованіе еретиковъ было безуспѣшно. Богомильство существовало на Балканскомъ полуостровѣ до XVI в. и уничтожено было турками, которые склонили послѣднихъ богомиловъ принять магометанство. Преимущественно отъ этихъ богомиловъ ведутъ свое происхожденіе настоящіе беги и аги Босніи.

Извѣстіе о смерти Раймонда застало Альфонса въ египетскомъ походѣ, несчастія котораго онъ раздѣлялъ съ братомъ своимъ, королемъ Луи IX. Альфонсъ былъ почти только номинальнымъ правителемъ Тулузы. Онъ умеръ въ 1271 году бездѣтнымъ, передавъ Югъ Филиппу III. Окончательное соединеніе послѣдовало почти чрезъ сто лѣтъ, а именно въ 1361 г., когда Югъ слился съ сѣверной Галліей, и когда французы нанесли національности провансальцевъ такіе рѣшительные удары, что теперь можно слышать звуки провансальскаго языка только въ пяти или шести деревняхъ около Тулузы.

Таковы были политическія послѣдствія альбигойской крестовой войны, предавшей весь Провансъ подъ власть сѣверной Франціи, мало сходной съ южанами и весьма имъ враждебной. Но кромѣ этихъ политическихъ результатовъ для Франціи, альбигойство важно во всемірной исторіи. Протестъ, поднятый альбигойцами, укрѣпилъ въ тогдашнемъ обществѣ вѣру въ свободу мысли, которая дала возможность зародиться Реформаціи. Мученичество и гоненія на альбигойцевъ способствовали только распространенію идеи свободомыслія.

Въ свою очередь папство, благодаря тому, что опозорило себя введніемъ инквизиціи и принятіемъ насильственныхъ мѣръ, лишилось своего высокаго и доселѣ незыблемаго авторитета. Теократіи папской уже не было болѣе мѣста.

(¹) Подробности этого вопроса относятся болѣе къ исторіи Церкви, и разработаны въ моемъ сочиненіи «Первая инквизиція». Существенные факты будутъ указаны ниже, въ слѣд. главѣ.

Сирвенты трубадуровъ.

Съ особенною яростью обрушились теперь провансальскіе сатирики на духовенство. Петръ Кардиналь, человѣкъ, принадлежавшій къ французской аристократіи, долго и много писалъ противъ священниковъ и монаховъ. Народная скорбь, лишеніе національнаго языка, старинныхъ правъ, послужили содержаніемъ для поэзіи сирвентовъ....

— „Французы и монахи зло считаютъ честью. *Они погрузили вселенную въ глубокій мракъ; теперь всякая новая вѣра будетъ знать свою участь.* Знаютъ-ли они, куда пойдутъ награбленныя сокровища? Придетъ другой суровый грабитель, который разоблачитъ насъ до нага. Для смерти, которая всѣхъ ждетъ, не надо этихъ сокровищъ. Она нагихъ также удобно уложитъ въ четыре ольховыхъ доски" ([1]).—Кардиналь не щадитъ и высшее духовенство. Въ сатирѣ на архіепископа нарбоннскаго онъ говоритъ, что тѣ, „кто носитъ митры на головахъ и бѣлыя одежды на плечахъ, несутъ на устахъ низость и измѣну, какъ волки и змѣи" ([2]).

— „Кто хочетъ слышать сирвенту изъ печали, покрытую гнѣвомъ? — спрашиваетъ онъ-же въ другомъ мѣстѣ. Люблю честныхъ и храбрыхъ, чуждаюсь злыхъ и клятвопреступныхъ, потому удаляюсь отъ беззаконныхъ клириковъ, которые совмѣщаютъ въ себѣ всю гордость, всѣ обманы и всю алчность нашего вѣка. Они торгуютъ измѣной и своими индульгенціями; они отняли у насъ все, что осталось. Не думайте излѣчить поповское племя; чѣмъ выше стоятъ они, тѣмъ больше въ нихъ обмана, тѣмъ меньше вѣры, меньше любви и больше жестокости. А рыцари, какъ унижены они теперь! Жизнь ихъ хуже смерти, священники ихъ попираютъ, короли грабятъ. Они подданные поповскіе по смерти, и еще болѣе при жизни. Между тѣмъ лукавые священники, обобравъ церкви, завладѣвъ всѣмъ остальнымъ, сдѣлались властителями міра. Тѣхъ, кто долженъ управлять, они попрали ногами своими.

— „Къ своимъ порокамъ они присоединяютъ измѣну, продолжаетъ Кардиналь. Они приказываютъ послушаніе фран-

(1) Въ сборникѣ Raynouard. Choix des poésies des troubadours (IV, 357). Полный нѣм. стих переводъ у Kannegiesser. Gedichte der Troub. 323.— Въ Nouveau choix des poés. orig. des troub. (Raynouard; Lexique roman, 1838; I, 437—464) помѣщено много подобныхъ сирвентъ Кардиналя.

(2) P. Cardinal, — Fauriel. Hist. de la poésie prov. (3 vls. 1846); I, 439.

цузамъ, этимъ куропаткамъ, этому низкому и измѣнническому племени А французы съ каждымъ часомъ приносятъ намъ свои обычаи, *свою привычку* уважать только тѣхъ, кто можетъ вдоволь попить и поѣсть, и *презирать бѣдняковъ*; они стремятся богатѣть и ничего не давать; ихъ правители изъ торговцевъ (brocanteur); они возвышаютъ измѣнниковъ и унижаютъ честныхъ людей. Да есть-ли нынче хоть одинъ человѣкъ, который бы не думалъ только о своемъ желудкѣ; только тѣ и счастливы. Тотъ, кто любитъ справедливость и негодуетъ противъ дурнаго, будетъ опозоренъ; кто начнетъ вести свѣтскую жизнь, того будутъ преслѣдовать. Теперь всякій обманщикъ торжествуетъ". Священники-же превосходятъ ихъ всѣхъ. „Вы никакъ не сосчитаете, когда они грѣшатъ, потому что это происходитъ цѣлый день и цѣлую ночь. Въ остальное время они прекрасные люди, не ненавистники, не симонисты, и ничего не берутъ насильно" [1].

Въ противоположность Кардиналю, Вильгельмъ Фигвейрасъ, столь же даровитый и смѣлый, вышедшій изъ простаго народа, служитъ выразителемъ настроенія массы. Его произведенія потому именно и драгоцѣнны для насъ. Сынъ тулузскаго ремесленника, бѣдный портной, онъ вмѣстѣ съ Пегвильей въ молодые годы вращался въ кругу рабочихъ, мелкихъ торговцевъ, жилъ въ трущобахъ бродягъ и обиженныхъ судьбой. Онъ хорошо зналъ, что думаетъ народъ; ему можно повѣрить, потому что онъ искрененъ. За то никто изъ поэтовъ Прованса не былъ такъ популяренъ. Въ его тенсонахъ и сирвентахъ провансальская поэзія рѣшительно измѣняетъ свой характеръ. Фигвейрасъ наноситъ ударъ лирикѣ рыцарской. Поэзія, нѣкогда пышная и чопорная, облачилась въ грубыя деревенскія одежды и посвятила себя на служеніе мести. Она уже никогда не получитъ прежняго отраднаго свѣтлаго колорита. Но если въ ней не видно уже прежней граціозности, то она стала болѣе существенною и искреннею. Эта муза такъ же сумрачна, такъ же печальна, какъ то несчастное отечество, которое она оплакиваетъ. Ее преслѣдуютъ; но пѣвцы изъ изгнанія распространяютъ свои бичующія сатиры съ тою же энергіей. Къ чему приведетъ ихъ месть? Враги ихъ такъ сильны; пѣвцовъ такъ немного; кажется они избрали орудіе самое слабое. Главный врагъ ихъ была

(1) Fauriel; II, 219.

римская тіара. Она была всесильна и, казалось, могла раздавить ихъ, какъ пигмеевъ. На Римѣ сосредоточивалось все чувство горечи и ненависти, которое кипѣло въ этихъ наболѣвшихъ сердцахъ. Изъ за Рима забыли французовъ. Предъ послѣдними народъ долженъ былъ склониться; онъ призналъ французскаго короля, онъ забылъ о Раймондѣ, но тѣмъ больше возненавидѣлъ ту страшную силу, которая была дѣйствительной причиной уничтоженія національности. И что же? Стоило только раздаться этимъ негодующимъ звукамъ, чтобъ страшная сила заколебалась, стала подозрительно оглядываться вокругъ себя, потеряла опору, почву подъ ногами, лишилась своего обаянія, лишилась прежней энергіи и съ недосягаемыхъ высотъ стала быстро спускаться въ бездну. Ее унизили теперь тѣ самые, которыхъ нѣкогда она сама попирала. Она была освистана общественнымъ мнѣніемъ и въ первый разъ національная литература, въ лицѣ Фигвейраса, выступила какъ двигатель событій, какъ историческое орудіе.

Фигвейрасъ о Римѣ.

Чтобы познакомить съ характеромъ этой новой исторической силы, приведемъ одну изъ лучшихъ сирвентъ Фигвейраса, проклявшаго Римъ за 250 лѣтъ до Лютера. Она имѣетъ всемірно-историческое значеніе.

— Я хочу написать сирвенту въ томъ же тонѣ, какъ пишу всегда. Я не хочу болѣе молчать. Я знаю, что наживу себѣ враговъ, такъ какъ пишу сирвенту о людяхъ, исполненныхъ лжи, о Римѣ, который причина всего зла и одно прикосновеніе котораго разрушаетъ все доброе.

— Римъ, я не удивляюсь нисколько тому, если весь міръ заблуждается; ты низринулъ нашъ вѣкъ въ тяжкія опасности и войну; ты мертвишь и истребляешь достоинство и добродѣтель. Вѣроломный Римъ, тобою былъ преданъ добрый англійскій король; ты вмѣстилище и источникъ всѣхъ золъ.

— Лживый Римъ, алчность увлекаетъ тебя; ты стрижешь слишкомъ коротко своихъ овецъ. Но св. Духъ, пріявшій плоть человѣческую, да услышитъ мольбы мои и сокрушитъ клювъ твой. Я отрекаюсь отъ тебя, Римъ; ты несправедливо и жестоко поступаешь какъ съ нами, такъ и съ греками.

— Римъ, ты сокрушаешь плоть и кости невѣждъ, а ослѣпленныхъ ты ведешь съ собою въ пропасть. Ты уже слишкомъ преступаешь повелѣнія Божіи. Твоя алчность такъ велика, что ты отпускаешь грѣхи за денаріи. Ты навлекаешь на себя страшную отвѣтственность.

— Знай же, Римъ, что твоею низкой торговлею и твоимъ безуміемъ погибла Даміетта [1]. Ты преступно царствуешь, Римъ; да разрушитъ въ прахъ тебя Господь, потому что ты лживо властвуешь. Ты низкой породы, Римъ; ты клятвопреступенъ.

— Римъ, намъ хорошо извѣстно, что глупостью одурачивъ народъ, подъ видомъ ложнаго снисхожденія, ты повергнулъ въ несчастіе бароновъ Франціи и народъ французскій. Даже добрый король Луи погибъ отъ руки твоей, потому что лживымъ предсказаніемъ ты удалилъ его изъ родины....

— Римъ, сарацинамъ ты нанесъ мало вреда; но ты въ конецъ уничтожилъ грековъ и латинянъ. Римъ, твое мѣсто въ пламени ада....

— Римъ, я хорошо вижу множество злоупотребленій твоихъ, о которыхъ неудобно говорить. Ты смѣешься надъ мученичествомъ христіанъ; въ какой книгѣ написано, Римъ, чтобы ты убивалъ христіанъ? Истинный Богъ, который посылаетъ мнѣ насущный хлѣбъ, да поможетъ мнѣ увидѣть отъ римлянъ то, что я желаю видѣть отъ нихъ.

— Теперь ты, Римъ, слишкомъ занятъ твоими предательскими проповѣдями противъ Тулузы; ты съ низостью кусаешь руки и сильныхъ и слабыхъ, подобно бѣшенымъ змѣямъ. Но если достойный графъ проживетъ два года, Франція почувствуетъ всю горечь твоихъ обмановъ.

— Моя надежда и утѣшеніе въ одномъ, Римъ, что ты скоро погибнешь; пусть только повернется счастье къ германскому императору, пусть только онъ поступитъ какъ слѣдуетъ съ тобой, тогда, Римъ, увидимъ какъ сокрушится твое могущество. Боже, владыка міра, соверши это скорѣе.

— Римъ, ты такъ хорошо забираешь въ свои когти, что отъ тебя тяжело отнять то, что захватилъ ты. Если ты вскорѣ не лишишься твоей силы, то это значило-бы, что міръ подчиненъ злому року и что онъ погибъ въ конецъ.

— Твой папа тогда сдѣлалъ-бы чудо, Римъ. Папа занимается дурнымъ дѣломъ. Онъ ссорится съ императоромъ и продаетъ его корону. Онъ прощаетъ его враговъ, а такое прощеніе, безосновательное и несправедливое, не заслуживаетъ похвалы, потому что въ корнѣ своемъ оно мерзко.

— Римъ, ты развращенъ до такой степени, что презираешь Бога и его святыхъ; вотъ до чего позорно царство твое, несправедливый, коварный Римъ. Вотъ почему въ тебѣ скрываются, гнѣз-

---

[1] Здѣсь поэтъ намекаетъ на несчастный походъ Андрея II венгерскаго, когда Даміетта, взятая 5 ноября 1219 г. христіанами, была уступлена въ августѣ 1221 г. султану Малекъ-эл-Камелю, о чемъ мы будемъ говорить въ другой главѣ.

дятся и развиваются пороки міра сего; такъ велика твоя несправедливость относительно графа Раймонда.

— Римъ, Богъ помогаетъ этому графу и даетъ ему власть и силу, ему, который рѣжетъ французовъ, сдираетъ съ нихъ кожу, вѣшаетъ ихъ и дѣлаетъ изъ нихъ мосты при осадахъ, когда ихъ много. А я, Римъ, страстно желаю, чтобы Богъ вспомнилъ о твоихъ злодѣйствахъ, чтобы вырвалъ онъ графа изъ твоихъ рукъ, то есть изъ объятій смерти....

— Римъ, мы часто слыхали, что у тебя пустая голова, потому что ты ее часто брѣешь; я думаю, что тебѣ и не надо много мозга, потому что ты властвуешь дурно, какъ и цистерціанцы. Въ Безьерѣ вы произвели страшную рѣзню.

— Римъ, своими лживыми соблазнами ты ставишь сѣти и пожираешь много дурныхъ кусковъ, раздирая на части нуждающагося въ утѣшеніи. Ты носишь личину кроткаго агнца, но внутри ты бѣшеный волкъ, порожденіе эхидны; ты *змья коронованная;* оттого-то дьяволъ называетъ тебя своимъ твореніемъ ([1]).

Это перечень преступныхъ дѣяній Рима; здѣсь ничего не забыто. Рѣдко сатира доходила до такой рѣзкости; сердце поэта накипѣло до того, что онъ не могъ сдержать своихъ порывовъ. Справедливо говорятъ, что эти стансы написаны кровью. Поэтъ къ небу взываетъ объ отмщеніи, и мщеніе для него самое высокое наслажденіе. Его въ отвѣтъ назвали еретикомъ; ему до того не было никакого дѣла. Онъ съ тѣмъ же огнемъ, съ тою же отвагой продолжаетъ бичевать „вѣнчанную змѣю“ и ея слугъ, которые своими лукавыми рѣчами *похитили у міра свѣтъ.* Неизвѣстно, когда возвратятъ его людямъ, спрашиваетъ поэтъ ([2])?

И такъ говорилъ не одинъ, не десятокъ пѣвцовъ, а почти всѣ представители тогдашней провансальской національности. Трубадуровъ насчитываютъ до 360; между ними только одинъ опозорилъ себя содѣйствіемъ крестоносцамъ и агитаціей въ пользу Монфора. За то онъ палъ подъ тяжестью отверженія и проклятія всего народа. Лишившись даже куска хлѣба, умирая съ голода, презираемый всѣми, онъ искалъ спасенія въ стѣнахъ монастыря ([3]). На него смотрѣли какъ на прокаженнаго. Тогда вся литература провансальская въ

([1]) Raynouard; IV, 309.— Переводы: франц. Villemain (Littérature du moyen âge, leç. VI), нѣм. Kannergisser, 355—365, но оба неполные.

([2]) G. Figueiras,—Choix; IV, 307.

([3]) Онъ назывался Perigon, — изъ Лесперона и былъ вассаломъ графа тулузскаго. О немъ Fauriel; II, 215.

своихъ лучшихъ представителяхъ приняла обличительное направленіе. Дѣло не въ красотахъ этихъ замѣчательныхъ произведеній, не въ ихъ частностяхъ, а въ томъ громадномъ вліяніи, какое они своими идеями оказали па Провансъ и на всю Европу. Грамотные попадались рѣдко; не всѣ трубадуры умѣли писать. Они наизусть разучивали сирвенты и чрезъ жонглеровъ разносили ихъ повсюду. Сирвента соотвѣтствовала нашимъ газетамъ (¹); она стала нравственною силою, общественнымъ мнѣніемъ. Перейдя за предѣлы Лангедока, она вооружила противъ папства и другіе народы, привила къ нимъ свое существенное содержаніе, — эту смертельную ненависть къ Римской Церкви и средневѣковому духовенству. Много новаго сказала она. Она познакомила другія страны Запада съ Провансомъ; она всѣмъ повѣствовала скорбное, полное ужасовъ сказаніе объ альбигойской рѣзнѣ и о тиранніи королей. Сирвента трубадуровъ приняла участіе въ подготовленіи народовъ Запада къ воспріятію Реформы. Въ этомъ — высокое историческое значеніе провансальской литературы. Но, если въ исторіи паденія папства, сирвента должна занимать одно изъ вліятельныхъ мѣстъ, то ея непосредственное вліяніе на развитіе національной литературы было пагубно. Поэзія Прованса погибла вмѣстѣ съ нею. Такое радикальное измѣненіе содержанія было ей не по силамъ (²). Новаго направленія она не могла принять. Прежняя исторія ея была такъ богата. Теперь нечему было радоваться, нечего было воспѣвать. Разрушенные замки, ограбленные города и села; пепелъ еретиковъ, тысяча людей заточенныхъ по тюрьмамъ, изгнанные патріоты, паденіе свободы, новый суровый порядокъ, продажная администрація, — все это могло возбудить лишь негодованіе, а когда относительно проявленій даже безмолвной оппозиціи были приняты строгія мѣры и страна была офранцужена, то и ему не было мѣста. Потому, когда замолкла послѣдняя сирвента, провансальская литература прекратила свое существованіе; она стала достояніемъ исторіи.

(¹) Brinckmeier. Die provenzalischen Troub. 77.

(²) «Die sonnige Provence, deren Bewohner bis dahin nur dem Tage gelebt, und am Morgen keine grössere Sorge gekannt hatten, als mit welchem Vergnügen sie den Tag ausfüllen würden, verlor den Reiz der dämmernden Ruhe, des Wohlgefühls, als Bigotterie und Blutdurst heimisch wurden. Der Krieg gegen die Albigenser gab der provenzalischen Poesie den Todesstoss, so dass sie nicht wieder aufblühte». Brinckmeier, 63.

Негодованіе противъ католической іерархіи растетъ съ годами и проникаетъ въ народъ. Нельзя сомнѣваться въ томъ, что нравственное паденіе католическаго духовенства, послѣдовавшее за ужасами альбигойской рѣзни и обусловленное этою рѣзнею, особенно содѣйствовало великой Реформаціи.

---

4) Римская Церковь въ XIII вѣкѣ и отношеніе къ ней общества. Монахи и инквизиція. Идеалы рыцарства и духовно-рыцарскіе ордена.

Изучая общественный строй средневѣковаго міра, мы должны съ особеннымъ вниманіемъ остановиться на католицизмѣ и рыцарствѣ. Католицизмъ не только былъ вопросомъ вѣры, но и обусловливалъ всѣ проявленія жизни государственной и частной. Католическія церковныя представленія проникли во всѣ сферы, но они долго не облекались въ прочныя, отчетливыя формы; эти формы были даны католицизму преимущественно Иннокентіемъ III. Конечно, это были такія формы, которыя соотвѣтствовали только духу средневѣковой цивилизаціи.

Значеніе Иннокентія III.

Политическія стремленія папы Иннокентія III, какъ ни были они обширны, не поглощали однако собою всей его дѣятельности. Они далеко не исчерпывали ея уже потому, что сами являлись результатомъ болѣе сложныхъ соображеній этого всесторонняго ума. Чтобы такія стремленія имѣли значеніе и смыслъ, надобно было создать силу, на которую они могли бы опереться; самое ихъ существованіе обусловливалось прочностью и достоинствомъ тѣхъ учрежденій, во имя которыхъ они имѣли право на осуществленіе и примѣненіе къ исторической жизни. Эта сила была, правда, духовная; но ей слѣдовало дать матеріальныя формы, помощію которыхъ она могла бы дѣйствовать систематично. И Иннокентій создалъ то, что̀ понимается обыкновенно подъ именемъ католицизма. Умирая, онъ оставлялъ внѣшнія формы этого грандіознаго зданія совершенно законченными. Онъ далъ іерархіи, законамъ, претензіямъ, наконецъ хозяйству католической Церкви ту окончательную форму, въ которой все это представляется обыкновенно въ исторіи. Ничто не миновало его

рукъ, его просмотра, исправленій; многое было изобрѣтено имъ самимъ, какъ идеалъ, завѣщанный Церкви. Его преемники могли развивать его трудъ, но уже съ нарушеніемъ правды и законности. Иннокентій работалъ для Церкви, для господства началъ христіанства, широко имъ понятаго, въ жизни государственной и частной; самое папство, по его понятіямъ, было лишь слугою Церкви, какъ это показываетъ вся его дѣятельность. Преемники же его въ XIII вѣкѣ задались мыслью подчинить самую Церковь папству; они дерзко извратили дѣло Иннокентія, и зданіе, пошатнувшееся въ главной основѣ, должно было клониться къ паденію. Для Иннокентія Римъ значилъ не больше, какъ резиденція верховнаго надъ духовенствомъ властителя; всякій уголокъ Европы былъ одинаково близокъ его сердцу. При его непосредственныхъ преемникахъ Римъ и Церковь стали разъединяться; всѣ силы напрягаются къ обогащенію Рима на счетъ довѣрчивой западной паствы, и напрягаются до тѣхъ поръ, пока въ борьбѣ съ прогрессомъ первосвященники вооружаютъ противъ себя все мыслящее въ Европѣ. Потому паденіе началось немедленно за смертью Иннокентія III. Послѣ него папы уже не возбуждали сочувствія; они перестали выражать собою задачи вѣка, и чѣмъ дальше шла исторія папства, тѣмъ большее негодованіе оно возбуждало противъ себя, подрывая своимъ нравственнымъ обликомъ авторитетъ Церкви. Какъ только гибельная мысль поставить папство выше Церкви созрѣла въ Римѣ,—былъ данъ сигналъ къ паденію католическаго идеала, а съ нимъ и самой римско-католической Церкви, ибо папство и Церковь были поставлены Иннокентіемъ въ тѣснѣйшую зависимость другъ отъ друга. Для Иннокентія, какъ справедливо выражается Гуртеръ, „высокій идеалъ Церкви былъ пульсомъ его жизни, его поступковъ“. Если Церковь и впредь хотѣла удержать вліяніе, она должна была бы дать возможность развиться въ ея нѣдрахъ живымъ формамъ, согласнымъ съ исторіей и успѣхомъ человѣческаго сознанія; но на погибель себѣ она сурово стала подавлять это сознаніе, и держась охранительныхъ принциповъ по внѣшности, а внутри попуская полную разнузданность, могла въ величавомъ своемъ видѣ просуществовать лишь недолго, и то въ силу старыхъ заслугъ своихъ и преданій. Весь этотъ процессъ ея внутренней исторіи мы увидѣли бы лишь послѣ всесторонняго изученія частностей; теперь же ознакомимся съ ея положи-

тельною стороной, съ формами зданія католицизма, то-есть Церкви католической, отчасти данными прежде, отчасти вновь созданными Иннокентіемъ. Но мы не вышли бы изъ предѣловъ церковной исторіи, если бы миновали существенную сторону дѣла; къ нашей цѣли также относится обзоръ того вліянія, которое послѣдовательно оказывала церковь на общество. Все это составитъ содержаніе настоящей главы, матеріалъ для которой почерпается въ массивной коллекціи писемъ и сочиненій, оставленныхъ Иннокентіемъ III, а также въ поэтическихъ памятникахъ эпохи и въ лѣтописяхъ (1).

Самая догма католическаго вѣроисповѣданія была усовершенствована и цѣлостно развита Иннокентіемъ III. Это показываютъ его богословскія сочиненія (2), и особенно его проповѣди (3), изъ которыхъ каждая развивала извѣстный католическій догматъ со всею логическою строгостью и законченностью, дѣлавшею его канонически прочнымъ. Въ проповѣдяхъ онъ подражалъ папамъ Льву I и Григорію I. Его понятія, его взгляды, самое изложеніе остались присущими католическому богословію. Онъ редактировалъ молитвы: изящные гимны Veni creator и Stabat mater составлены имъ вполнѣ. Даже въ письмахъ Иннокентія можно видѣть развитіе воззрѣній его объ основахъ христіанскаго ученія, о его будущности, какъ вселенской религіи, съ какими бы подраздѣленіями оно ни являлось, наконецъ, собственно латинскую догматику, понятія о Троицѣ, о таинствахъ, о прирожденномъ грѣхѣ, о молитвѣ, о праздникахъ, постахъ, предстательствѣ за умершихъ, о вѣрѣ и добрыхъ дѣлахъ, о спасеніи, обязанностяхъ священства,—короче, о всемъ католическомъ богословіи догматическомъ, полемическомъ и нравственномъ. До насъ все это не относится. Мы остановимся на понятіяхъ Иннокентія о его собственномъ санѣ, на мотивахъ папско-императорскихъ отношеній, что составляетъ существенный пунктъ средневѣ-

---

(1) Эта глава перепечатана съ нѣкоторыми измѣненіями и дополненіями, на основаніи позднѣйшихъ изслѣдованій автора, изъ Ж. Мин. Нар. Просв., ч. CXLXI.

(2) De contemptu mundi, Libellus de eleemosyna, Encomium charitatis, Mysterium evangelicae legis et sacramenti eucharistiae, Comment. in septem psalmos poenitentiales.

(3) 99 sermones in tempore, 31 serm. de sanctis, 12 in festis, 8 de diversis.

ковой исторіи, а потомъ обратимся къ очерку исторіи каноническаго права, къ составу іерархіи духовной, ея экономическому состоянію, папскимъ доходамъ, къ монастырямъ, къ инквизиціи, ея судилищамъ и производству въ нихъ, къ орденамъ монашескимъ и духовно-рыцарскимъ, наконецъ, къ правамъ и образу жизни католическаго церковнаго міра.

Ученіе о двухъ мечахъ.

Изъ исторіи развитія папской власти до XIII вѣка видно, что уже давно установилось понятіе о необходимости верховной духовной власти. Призваніемъ этой власти было, съ одной стороны, дѣйствовать на государей для блага народа (¹) и на народъ въ тѣхъ видахъ, чтобы ея авторитетомъ поддержать монархическую власть, если только она благотворна. Такъ училъ и Ѳома Аквинскій въ своемъ сочиненіи De regimine principum; онъ предписывалъ даже насильственное сверженіе монарха, если онъ не удовлетворяетъ своему назначенію, требованіямъ закона и справедливости. Лучшіе изъ папъ сознавали, что на нихъ лежитъ отвѣтственность передъ Богомъ за счастіе народа; потому-то Иннокентій III считалъ себя въ правѣ прибѣгать къ интердиктамъ, если государи не исполняли его увѣщаній. „Страхъ никогда не заставитъ меня — говорилъ въ этихъ случаяхъ Иннокентій — принести въ жертву вѣчныя и драгоцѣнныя нужды римской Церкви; идя по слѣдамъ моихъ предшественниковъ, я готовъ для такой цѣли презрѣть всѣ опасности и даже самую жизнь“. Если же папа бралъ на себя наблюденіе надъ государями, то значитъ, онъ присвоивалъ себѣ высшую степень власти. Но убѣжденіе въ превосходствѣ духовной власти надъ свѣтскою, явившееся какъ потребность эпохи, не могло быть навязано обществу, а должно было корениться въ сознаніи самого общества. Силою добыть себѣ такое право было нельзя; оружія у папъ не было; на религію, какъ ни могущественно было ея вліяніе, не всегда опирались папы. Если бы мы захотѣли изучить духовное настроеніе общества, то прежде всего встрѣтились бы съ благопріятнымъ для папскихъ притязаній настроеніемъ въ мысляхъ людей, высоко поставленныхъ. Самъ

(¹) «Ut vindictam in nationibus et increpationes in populis facere teneamur»,—какъ выражается Иннокентій въ письмѣ къ Льву, королю Арменіи, имъ же возведенному въ этотъ санъ.— Epist. l. XVI, ep. 2 (Migne; CCXVI, 785). См. выше, стр. 52 въ этомъ томѣ.

Барбаросса, въ письмѣ къ императору Мануилу, признаетъ за церковью два меча: свѣтскій и духовный. Извѣстная Элеонора Гвіенская, вдова двухъ королей, женщина легкой нравственности, вовсе не расположенная къ мистицизму, пишетъ папѣ Целестину III: „Власть апостольская царствуетъ и правитъ въ Римѣ, гдѣ съ достаточною твердостью произноситъ свой судъ надъ народами. Обнажайте противъ нечестивыхъ мечъ св. Петра; для этого онъ поставилъ васъ надъ царями и народами. Крестъ Христовъ долженъ быть впереди орловъ цезаревыхъ; какъ мечъ Петровъ сильнѣе меча Константина, такъ и Церковь апостольская сильнѣе власти императорской" (¹). Подеста въ Реджіо утверждаетъ, что одинъ папа можетъ совмѣстить въ себѣ и духовныя, и свѣтскія обязанности. Впрочемъ такое мнѣніе не было общимъ. Всѣ вѣрили, что если папа нуждается въ физической силѣ, то должно обращаться за этимъ къ свѣтской власти, обязанность которой была безпрекословно содѣйствовать первосвященнику. Отсюда понятіе о неразлучномъ дружествѣ духовной власти съ императорскою, какъ высшимъ выраженіемъ свѣтской власти. Такъ говорятъ всѣ памятники эпохи. Саксонское зерцало выражается на этотъ счетъ такъ: „Zwey Swert sinz Got in ertriche zu beschirmen dü christenheit, dem pabeste das geisliche, dem Kaiser das weltliche". Бонифацій VIII въ буллѣ „Unam Sanctam" говоритъ: „Uterque est in potestate ecclesiae, spiritualis scilicet et materialis gladius, sed is quidem *pro* ecclesia, ille vero *ab* ecclesia exercendus" (²). Намѣстникъ Арелатскаго королевства, посвящая одно сочиненіе Оттону IV, говоритъ въ предисловіи: „Священникъ призываетъ Бога; король управляетъ; первый отпускаетъ грѣхи, второй казнитъ и умерщвляетъ тѣло. Оба исполняютъ божественную волю и оба поступаютъ справедливо. Но королевская власть должна знать, что она лишь возсоединяется съ священной, и что надъ нею никакъ не можетъ быть поставлена; она должна только помогать какъ власть исполнительная" (³). Радость овладѣваетъ народомъ, когда обѣ власти живутъ въ дружбѣ. Тогда міръ хорошо управляется, тогда Церковь даетъ цвѣты и плоды. Но если есть несогласіе между ними, тогда

(¹) Rymes, Acte; I, 24.
(²) Hurter; III, 121.
(³) Ib. III, 129.

все малое перестаетъ рости, а все великое обращается въ прахъ.

Иннокентій, конечно, пользовался своевременно общественнымъ настроеніемъ, но не злоупотреблялъ имъ; вотъ въ чемъ глубокое значеніе его личности въ папской исторіи ([1]). Въ письмѣ къ Оттону IV,—которое пріобрѣло особенную извѣстность, благодаря классическому уподобленію властей духовной и свѣтской солнцу и лунѣ ([2]), — что̀ впервые, какъ извѣстно, было высказано не имъ, а Гильдебрандтомъ, — Иннокентій развиваетъ мысль, что папство имѣетъ то преимущество передъ монархическою властію, что почерпаетъ свою силу съ неба и отъ духа. Короли управляютъ государствами, областями, баронами. Петръ же, напротивъ того, превосходитъ всѣхъ ихъ и обширностью и авторитетомъ власти, потому что онъ намѣстникъ Бога. „Надобно притомъ больше искусства и мудрости, чтобы завѣдывать дѣлами духовными, убѣждаетъ папа далѣе, такъ какъ извѣстно, что никакой императоръ не пытался еще судить постановленій Римской Церкви“.

Если, по понятіямъ Иннокентія, такое высокое и независимое положеніе занимаетъ первосвященникъ западнаго міра, то страшно велика и отвѣтственность его. Онъ долженъ быть одаренъ великими способностями; ему нѣтъ отдыха; его дѣятельности нѣтъ предѣловъ. Онъ долженъ неуклонно идти по царственной стезѣ справедливости; онъ не будетъ презирать бѣднаго ради нищеты его и не станетъ предпочитать ему богатаго ради богатствъ его; онъ долженъ цѣнить истинную заслугу каждаго; примѣняясь къ просьбамъ, обращеннымъ къ нему, онъ творитъ правый судъ всѣмъ. Онъ поднятъ такъ высоко для того, чтобы быть слугою всѣхъ, чтобы имѣть попеченіе о всѣхъ церквахъ и помнить, что передъ безпри-

([1]) Только одинъ французскій историкъ высказываетъ противное. Это Cherrier въ Histoire de la lutte des empereurs de la maison de Souabe (2 éd. 3 vols. 1858). Но мнѣніе его бездоказательно. «Assemblage de bien et de mal, de grandes qualités et d'actes répréhensibles doit, dans le jugement à porter sur ce pontife, en faire écarter les louanges excessives et le blâme absolu» (I, 481).

([2]) ...«Sicut circa mundi creationem et saeculorum initia duo magna luminaria in firmamento coeli constitut, unum quod illuminaret diem, alterum quod in tenebris radiaret, sic processu temporum ad firmamentum Ecclesiae, quae coeli nomine designatur duas magnas instituit dignitates». Registrum super negotio Romani imperii (Migne; CCXVI, 1055), ep. 32.

страстнымъ судомъ онъ отвѣчаетъ не за одного себя, а за все христіанство.... „Кого не смутятъ“— пишетъ папа —„тѣ обязанности, которыя возлагаетъ на епископа апостолъ Павелъ“? Впрочемъ Гильдебрандъ и Иннокентій III приблизились къ нимъ болѣе, чѣмъ кто-либо изъ папъ. Иннокентій удовлетворялъ имъ самимъ начертанному идеалу. Ставя такъ недосягаемо эту власть и требуя такой тяжелой нравственной подготовки къ ней, онъ считалъ всѣ другія духовныя степени ниже папской, черезъ которую прямой путь къ небу. Иннокентій распредѣлилъ градаціи духовныхъ должностей. Никто не могъ стоять съ нимъ рядомъ, каково бы ни было мѣсто, занимаемое имъ въ Церкви; каждый находился въ извѣстной подчиненности къ первосвященнику. Право на палліумъ принадлежало только ему; онъ удѣлялъ его съ извѣстными ограниченіями архіепископамъ. Работавшіе съ нимъ кардиналы были ближе всѣхъ къ папскому престолу; они дѣлили его труды и заботы; но при всей громадности дѣла, они были лишь исполнителями его предначертаній. Непосредственная власть папы въ тотъ вѣкъ простиралась на всѣ лица, причастныя къ отправленію духовныхъ обязанностей (1), на всю церковную собственность, гдѣ бы она ни была (2). Эта власть не ограничена по своей природѣ; она даетъ папѣ право не только судить, но и приказывать. Въ силу такой власти всѣ церковныя дѣла, а важнѣйшія исключительно, повергаются на его разсмотрѣніе; онъ, смотря по обстоятельствамъ, можетъ прибѣгать къ милости и строгости. Онъ, лично, или черезъ посланныхъ, слѣдитъ за всею католическою Европой, наблюдая за исполненіемъ его распоряженій; его глазъ долженъ предвидѣть всѣ бѣдствія и несчастія, какія могутъ постигнуть Церковь; онъ останавливаетъ ихъ въ самомъ началѣ. Какъ верховный правитель, онъ слѣдитъ, чтобы Церковь не умалилась ни въ своихъ правахъ, ни въ силѣ. Въ случаяхъ затруднительныхъ, архіепископы и епископы обращаются къ нему, какъ къ источнику церковнаго права; онъ лишь одинъ рѣшаетъ спорные вопросы по этому предмету, когда они имѣютъ существенную важность. Всякій духовный можетъ быть увѣренъ, что его сомнѣнія разрѣшатся въ Римѣ; всякій міряринъ соображаетъ свою жизнь и поведеніе съ ука-

(1) Gesta Innocentii III, apud Migne; t. CCXII, c. 103.
(2) Inn. III Regestorum; II, 1; X, 200.

заніями, полученными изъ Рима. При такой системѣ выходило, что папа заправлялъ всѣмъ какъ въ частной, такъ и общественной жизни; что̀ казалось хорошимъ ему, вводилось вездѣ, какъ обязательное; все порицаемое и отвергаемое имъ, порицалось и отвергалось обществомъ. Въ Римѣ сходились узлы богословскіе съ литературными, юридическіе съ нравственными, экономическіе съ житейскими. „Никогда — говоритъ Гуртеръ — свѣтъ не видѣлъ такой удивительной организаціи, организаціи болѣе проникнутой однимъ духомъ, тверже прикрѣпленной къ одному центру, исчезавшей въ отдаленныхъ концахъ міра и соединявшей въ себѣ столько различныхъ народовъ; организаціи, сдѣлавшей изъ исторіи всеобщей исторію Церкви; достигшей высшей точки своего развитія и своей крѣпости прежде нежели суждено было ей уклониться съ истинной дороги для преслѣдованія личныхъ цѣлей вождей католицизма, цѣлей часто свѣтскихъ и матеріальныхъ, и потому ослабившихъ ея строй ложнымъ направленіемъ, въ которое, къ собственному ущербу и гибели, Церковь была вовлечена многими римскими владыками своими“ ([1]).

Юридическое положеніе католицизма въ гражданскомъ быту обусловливалось тѣмъ же каноническимъ правомъ, которое опредѣляло его формы въ области непосредственно церковной. Свѣтская власть сама давала духовенству привилегированное положеніе. Крѣпко сплоченная организація его подчинила ему средневѣковую жизнь во всѣхъ ея подробностяхъ. Священники и монахи являлись вездѣ съ своимъ словомъ дозволенія и запрета, и во дворцѣ, и на рынкѣ. Духовенство уже давно имѣло свои собственныя судебныя учрежденія; передъ нимъ преклонялись варвары; оно властвовало надъ сердцами Карловинговъ; свободное отъ податей, держа ключи къ будущей жизни, оно богатѣло въ этой. Убѣжденіе, что духовенству принадлежитъ первое мѣсто въ свѣтскомъ обществѣ и что во всемъ міряне подчинены ему, сдѣлалось въ XIII вѣкѣ общимъ (sacerdotes a regibus honorandi sunt, non judicandi). Иннокентій III выразилъ это подчиненіе своимъ распоряженіемъ о правѣ аппеляцій епископамъ на свѣтскіе суды; епископы же передавали дѣла особой важности на судъ самого папы. Наконецъ духовенство рѣ-

Каноническое право.

([1]) Hurter. III, 116.

шительно вторглось въ свѣтскую область; особые церковные суды рѣшали дѣла гражданскія рядомъ съ свѣтскими судами. Они привлекали къ себѣ большее число тяжущихся, такъ какъ руководились ясными и положительными формами римскаго права. Всякое дѣло, въ которомъ предполагалось участіе ереси и колдовства, рѣшалось исключительно въ церковныхъ судахъ; на всѣ дѣла, въ которыхъ играли роль вопросы чести, гдѣ страдали нравственные и религіозные интересы,—а понимать это можно было въ широкихъ размѣрахъ,—папы XIII вѣка изъявляли притязанія. Церковь хранила завѣщанія, исправляла обязанности нотаріуса и маклера, и въ случаѣ чьей-либо кончины безъ предсмертныхъ распоряженій, брала себѣ долю имущества покойнаго, на поминъ души.

Источники церковнаго права—fontes juris spiritualis seu juris ecclesiastici (для насъ каноническаго, отъ слова κανών, означавшаго на греческомъ языкѣ соборное постановленіе въ противоположность свѣтскому закону, который назывался νόμος), составились еще въ IV вѣкѣ изъ правилъ церковной и нравственной дисциплины [1]. Ранѣе 500 года уже были извѣстны два сборника каноновъ и папскихъ указовъ (декреталій), собранные монахомъ Діонисіемъ Малымъ; они были примѣнены въ Испаніи, Англіи и у франковъ. Въ 636 г. епископъ Исидоръ Севильскій составилъ Hispala съ подобною же цѣлью, но тѣмъ не менѣе для обширной имперіи Карла Великаго былъ обязателенъ сборникъ Діонисія, рекомендованный императору папой Адріаномъ I въ 774 г., съ небольшими дополненіями. Въ 857 году въ Майнцѣ явились поддѣльныя, извѣстныя подъ именемъ епископа, такъ-называемыя лже-исидоровскія декреталіи, авторомъ которыхъ считается Isidorus Mercator. Этотъ несомнѣнно поддѣльный сборникъ дѣлится на три части. Въ первой 60 подложныхъ папскихъ декретовъ, частію въ формѣ посланій отъ папы Климента до Мельхіада, носившаго тіару въ началѣ IV вѣка. Во второй части фигурируетъ дарственная грамота императора Константина I папѣ Сильвестру, затѣмъ соборныя постановленія. Въ третьей части декреты папъ отъ Сильвестра до Григорія II, т. е. до 731 г. Въ мас-

---

(1) Fontes jur. eccl. изданы въ Боннѣ въ 1862 году Вальтеромъ, которому принадлежатъ общіе труды и по исторіи церковнаго права, какъ напр. Lehrbuch des Kirchenrechts aller christlichen Confessionen (14 Ausg. Bonn, 1871), также Friedberg, L. 1876.— Новѣйшее: Richter. Lehrbuch des kathol. und evangel. Kirchenrechts, 1886 (8 изд. въ переработкѣ — Dove und Kohl). — Schulte. Quellen und Liter. des kanon. Rechts.

сѣ этихъ декретовъ 35 подложныхъ; на нихъ-то опирались всѣ главныя претензіи римскихъ тіаристовъ на первенство надъ другими патріархами. Болѣе полная редакція каноническаго права, съ характеромъ обширнаго учебника, сдѣлана была въ Болоньѣ монахомъ Граціаномъ въ 1110 году. Это Decretum Gratiani самъ авторъ называлъ „Discordantium canonum concordia". Въ Италіи проводилась тогда въ жизнь императорская идея; тамъ, преимущественно съ каѳедръ Болонскаго университета, прославлялось достоинство римскаго права. Понятно, что всѣ юридическія постановленія этого сборника опирались на античныя правовыя идеи, а наставленія практической нравственности исходили изъ поученій отцевъ Церкви и изъ посланій патріарховъ и епископовъ. Декретъ Граціановскій дѣлится на три части: въ первой 101 distinctiones говорятъ о раздѣленіи каноническаго права, а также о правахъ и обязанностяхъ духовныхъ лицъ; во второй 36 causae о судебныхъ и непосредственно церковныхъ дѣлахъ; въ третьей 5 consecrationes заключаютъ въ себѣ постановленія о священныхъ вещахъ и о богослуженіи. Въ Decretum Gratiani важна связь католическаго церковнаго права съ идеями и канонами Вселенской Церкви. Вообще онъ легъ въ основу позднѣйшаго латинскаго Corpus juris canonici. Впослѣдствіи сохраняли старое право, дѣлая къ тексту лишь добавленія. Такъ въ 1234 году папа Григорій IX ввелъ дополнительные „Extravagantes" (то-есть, quae extra decretum vagabantur); тутъ были исключительно соборныя рѣшенія и папскія постановленія, по преимуществу за послѣднее время и случайно пропущенныя прежде. Такъ какъ главный матеріалъ заимствовался изъ указовъ римской коллегіи, то сюда много вошло того, что не соотвѣтствуетъ прямому назначенію Церкви. Этимъ изданіемъ завѣдывалъ, по повелѣнію Григорія IX, Raymundo de Pegnaforte. Онъ раздѣлилъ Extravagantes на пять книгъ по содержанію каждой: judex, judicium, clerus, connubia, crimen. Шестая книга, обыкновенно цитируемая какъ „liber sextus", прибавлена въ 1298 году папою Бонифаціемъ VIII (изъ 185 титуловъ), хотя сама по себѣ она дѣлилась на 5 отдѣльныхъ частей, сообразно характеру предшествовавшаго сборника [1]. Седьмая

[1] За эту дѣятельность Данте въ «Раю» порицаетъ Бонифація VIII (c. IX, v. 174—177), замѣчая, что тогда «никто не изучалъ съ толкомъ церковныхъ проповѣдниковъ, — за то внимательно законы изучаютъ».

и послѣдняя книга, „liber septimus“, была издана при Іоаннѣ XXII въ 1313 году изъ постановленій Климента V и рѣшеній Вьеннскаго собора, почему глоссаторами она была переименована въ Constitutiones Clementinae. Всѣ эти сборники, вмѣстѣ съ „Paleae“, составляютъ „Corpus juris canonici clausum“ и цитируются нынѣ въ окончательной редакціи XVI вѣка и съ исправленіями „корректоровъ“ Пія IV.

Кромѣ общаго развитія, обязательнаго по своему содержанію для всего духовенства, каноническое право имѣло еще развитіе частное. Провинціальное католическое духовенство съѣзжалось на соборы; папскій легатъ, если онъ былъ по близости, обыкновенно принималъ предсѣдательство; но примѣненіе такихъ рѣшеній, конечно, могло быть только мѣстное. Народъ охотно подчинялся каноническому суду и свѣтская власть тому не препятствовала. Въ этомъ сходились и Барбаросса и Рудольфъ I Габсбургскій; оба императора сдѣлали рѣшенія мѣстныхъ соборовъ обязательными для имперіи. Во Франціи противъ такихъ церковныхъ приговоровъ возставали бароны; они говорили противъ сильнаго распространенія власти церковныхъ судовъ и противъ строгости папской, отлучавшей отъ Церкви даже такихъ христіанъ, которые были не въ состояніи заплатить своихъ долговъ.

Курія и кардиналы.

Взглянемъ теперь на тѣ стороны каноническаго права, которыя опредѣляютъ степени и обязанности представителей церковной іерархіи, особенно въ XIII вѣкѣ.

Послѣ папы высшее мѣсто въ католической іерархіи занимали кардиналы. Единству дѣйствій и вѣрно опредѣленной цѣли ихъ кардинальская коллегія обязана своими успѣхами, такъ какъ выгоды ея и правившаго папы были неразлучны. Прежде всего въ исторіи ея поражаетъ слѣпая и безусловная покорность человѣку, который былъ выбранъ коллегіей изъ ея же среды на высочайшую степень властвованія, человѣку, по отношенію къ которому прежде, можетъ быть, бо́льшая часть членовъ коллегіи питала недружелюбныя чувства. По сану своему, кардиналы, подобно епископамъ, братья папы; они—постоянные совѣтники его; всякое рѣшеніе имѣетъ въ заголовкѣ: „Consilio et assensu venerabilium fratrum nostrorum“. Сверженіе Іоанна, короля англійскаго, провозглашено послѣ совѣщанія съ кардиналами, епископами и по совѣту „aliorum virorum prudentium“. Гонорій III не рѣшался ни на одно важное дѣло, хотя свирѣпствовавшая тогда

malaria вынудила многихъ кардиналовъ уѣхать изъ Рима. Каждый изъ кардиналовъ имѣетъ на своемъ попеченіи какую-нибудь римскую городскую церковь въ качествѣ діакона, священника и даже викарія. Отъ нихъ зависѣлъ прежде выборъ папы, сперва въ цѣлой коллегіи, а послѣ, при папѣ Николаѣ II, право избранія дано лишь семи кардиналамъ-епископамъ; впрочемъ послѣдніе не пользовались своимъ правомъ исключительно, допуская къ выбору и прочихъ кардиналовъ, не епископовъ. Доходы они получали съ своихъ римскихъ приходовъ, и суммы ихъ были довольно значительны; иногда они обращались въ пенсію. Разъ Климентъ IV назначилъ пожизненную ренту въ 300 марокъ одному бѣдному кардиналу. Большинство кардиналовъ принадлежало къ родовой римской аристократіи, но встрѣчались имена и изъ городскаго класса. Много въ католической іерархіи значилъ умъ, заслуги, государственная опытность и ученость. Такъ въ XIII вѣкѣ выдались между прочими кардиналами Стефанъ Лангтонъ и Яковъ Витрійскій. Образъ жизни кардиналовъ былъ почти всегда свѣтскій и пышный. Каноническое право развивалось подъ вліяніемъ кардиналовъ; одни изъ нихъ собирали и сводили папскіе декреты, другіе комментировали ихъ. Большею же частію они занимались церковною литературой и вообще писательствомъ. Яковъ Витрійскій трудился надъ исторіей крестовыхъ походовъ и святой земли. Пандольфо Маска составилъ исторію папъ отъ Льва IX до Иннокентія II и исторію Пизы, своего роднаго города. Лангтонъ оставилъ послѣ себя біографіи Ѳомы кентерберійскаго, короля Ричарда и Магомета, а Оттонъ Монферратскій возбудилъ подозрѣнія въ чернокнижничествѣ, такъ какъ занимался математикой и астрономіей, что совпадало тогда съ астрологіей.

Легаты.

Кромѣ непосредственныхъ совѣтниковъ, папамъ необходимо было имѣть довѣренныхъ людей, которымъ можно было бы поручать присмотръ на мѣстахъ за ходомъ и интересами католической и теократической пропаганды. Страданія народа не могутъ доходить до Рима по отдаленности, но они не могутъ также оставаться безъ его вниманія и сочувствія, и съ этою цѣлью,— подобно Моисею, который въ такихъ случаяхъ назначалъ судей, чтобы выслушивать народъ,—папа поручаетъ своимъ легатамъ и делегатамъ заботы о дѣлахъ въ

странахъ отдаленныхъ (1). Какъ ни обширна ихъ власть, но въ сомнительныхъ случаяхъ однако они должны обращаться за совѣтами и наставленіями въ Римъ. Съ именами легатовъ связаны всѣ великія событія въ исторіи общей и церковной. Они поднимали крестовые походы, они присутствовали при подавленіи ересей; они приводили въ исполненіе папскіе интердикты; они принимали и раздавали королевскія короны. Ихъ особа окружалась особеннымъ почтеніемъ, какъ священная и неприкосновенная. Древніе римляне не дорожили такъ честію своего представителя. Изъ-за убійства легата разгорѣлась альбигойская война. Легаты избирались изъ ближайшихъ къ папѣ и наиболѣе значительныхъ, если не по свѣдѣніямъ, то по характеру, духовныхъ лицъ. Первое время ихъ дѣятельность была благотворна и часто проявлялась подвигами. Впослѣдствіи легатство сдѣлалось однимъ изъ поводовъ къ нападенію на самоуправство Церкви; оно посеяло раздоръ въ самомъ строѣ Церкви. Легаты дерзко и презрительно стали обходиться съ мѣстнымъ духовенствомъ, высшимъ и низшимъ; они требовали архіепископовъ къ себѣ на судъ и вмѣшивались въ ихъ дѣла. Предсѣдательствуя на мѣстныхъ соборахъ съ неограниченною властью, они часто, вслѣдствіе одного самолюбія, становились въ самыя враждебныя отношенія къ духовенству; они злоупотребляли именемъ своихъ довѣрителей. Монастыри и епископы должны были доставлять легату, во время пребыванія его въ странѣ, продовольствіе и деньги. Эти такъ-называемыя прокураціи становились часто весьма разорительными. Еще въ XII вѣкѣ св. Бернаръ писалъ папѣ Евгенію III, что „его легатъ совершенно ограбилъ деревни на всемъ пространствѣ отъ Альпъ до Пиринеевъ, такъ что можно подумать, будто мадьяры были въ этой странѣ“. А Іоаннъ Салисберійскій замѣчаетъ, что „когда римскій легатъ пріѣзжаетъ въ провинцію, то все равно, что діаволъ, мучившій Іова, исходитъ отъ Господа для опустошенія земли“. Личности, въ родѣ кардинала Петра Даміани и Готфрида шартрскаго, становились весьма рѣдкими. Съ общимъ обновленіемъ католицизма улучшились и нравы духовенства, а съ ними вмѣстѣ и пріемы легатовъ. Жана Санъ-Поля не могли преклонить всѣ соблазны и мольбы гордаго и могущественнаго Филиппа II французскаго. Но послѣ Инно-

(1) Epistolae Inn. III; XVI, 12.

кентія III нравы духовенства, только что улучшившіеся, стали постепенно измѣняться къ худшему. Борьба Церкви съ Фридрихомъ II требовала сильныхъ поборовъ; легаты стали снова возбуждать противъ себя справедливое негодованіе. На Ліонскомъ соборѣ, когда Иннокентій IV торжественно отлучалъ Фридриха II, противъ нихъ особенно протестуютъ; самыя рѣзкія жалобы слышатся отъ англичанъ.

Архіепископы.

Власть архіепископская по характеру своему нѣсколько подходила къ обязанностямъ и значенію папскаго легата. Архіепископъ представлялъ собою папу въ извѣстной территоріи; нѣсколько епархій соединились въ его рукахъ. Ему не подчинялись только дворцовые капелланы и иногда привилегированные монашескіе ордена. Въ католическомъ чиноначаліи архіепископъ слѣдовалъ непосредственно за папою, хотя кардиналы пользовались лучшимъ положеніемъ. Нѣкоторые сильные архіепископы, по отдаленности и при удобныхъ условіяхъ, пытались основать отдѣльную Церковь и думали отложиться отъ Рима, какъ, напримѣръ, Адальбертъ, архіепископъ бременскій, который игралъ такую важную роль въ Германіи въ малолѣтство императора Генриха IV (¹). Адальбертъ задумалъ основать сѣверную славянскую Церковь, независимую отъ Рима; но это не могло осуществиться до тѣхъ поръ, пока въ національныхъ католическихъ Церквахъ не произошло внутренняго движенія. Архіепископъ майнцскій всегда игралъ въ политическихъ и церковныхъ дѣлахъ Германіи первенствующую роль, также какъ архіепископъ кентерберійскій въ Англіи. Папы всегда слѣдовали ихъ голосу и поддерживали ихъ интересы, тѣсно закрѣпляя между собою и ими нравственныя и іерархическія связи. Препятствіе къ пріобрѣтенію архіепископами самостоятельности лежало въ томъ, что какъ только они заявляли притязанія на равноправность съ римскимъ первосвященникомъ, тотчасъ въ подобныя же отношенія они становили относительно себя подчиненныхъ имъ епископовъ. Положеніе, занимаемое ими, было бы рѣшительно для судебъ католицизма, если бы, съ одной стороны, эти архіепископы не должны были находиться въ нѣкоторой зависимости отъ свѣтской власти, и если бы, съ другой стороны,

(¹) О немъ спеціальная монографія на русскомъ языкѣ В. К. Надлера: Адальбертъ Бременскій, 1867, Харьковъ.

ихъ положеніе имѣло болѣе прочную почву подъ собою. Они не были, подобно епископамъ, божественнымъ установленіемъ, хотя и выходили изъ ихъ рядовъ; они не принимали особаго рукоположенія. Поэтому Иннокентій III, понявшій ихъ затаенные помыслы, ссылался именно на эту слабую сторону ихъ. Онъ говоритъ ([1]), что все существованіе ихъ связано съ главенствомъ папы; они лишь „subditi“ относительно его; ихъ обширная мѣстная власть проистекаетъ отъ обилія могущества папскаго. Папа давалъ имъ палліумъ; еще съ IX вѣка они могли законно требовать его изъ Рима. Въ ознаменованіе ихъ намѣстничества, они носятъ палліумъ лишь въ предѣлахъ своего архіепископства, и то лишь въ большіе праздники. Раздача палліума еще болѣе упрочивала убѣжденіе въ томъ, что архіепископства зависятъ „отъ общей матери Римской Церкви“. Но если архіепископъ имѣлъ обширныя права, если онъ могъ по своей волѣ отлучать отъ Церкви даже епископовъ, то это нисколько не избавляло его, въ свою очередь, отъ отвѣтственности передъ папскими легатами. Наконецъ, въ Римѣ, особенно при Иннокентіѣ III, слѣдили за тѣмъ, чтобъ архіепископы не уклонялись отъ исполненія своихъ вассальныхъ обязанностей по отношенію къ королю въ тѣхъ странахъ, гдѣ эти обязанности признавались Церковью ([2]). Архіепископы пользовались и доходами болѣе значительными, чѣмъ епископы.

Епископы.

Бо̀льшею легальностью отличалось положеніе епископовъ. Между тѣмъ на ихъ долю оставалось только сознаніе, что права ихъ узурпированы папами. Эти права опирались на болѣе чистую и болѣе прочную почву. Въ случаѣ борьбы, добиваясь самостоятельности, они могли указать на себя какъ на равныхъ папамъ. Лже-Исидоровскія декреталіи, демократическія по своимъ церковнымъ взглядамъ, поставили ихъ въ зависимость отъ главенства Рима. Имѣя въ виду осуществленіе великой исторической задачи, Григорій VII сумѣлъ подчинить себѣ епископовъ. Все стало исходить изъ Рима; слѣдовательно, власть и права епископовъ считались лишь даяніемъ Рима. Папы присвоили себѣ общую епископскую власть; по взгляду истинной Церкви они поступили несправедливо. Каждый епископъ долженъ былъ имѣть независимую юстицію въ своей епархіи;

([1]) Epist. Inn. III; X, 68.

никто, кромѣ собора, не имѣлъ права дѣлать ему замѣчаній или давать приказанія. Между тѣмъ римскіе епископы отняли у прочихъ всякую тѣнь самостоятельности, сдѣлавъ ихъ своими орудіями, даже подчинивъ наблюденію и контролю со стороны архіепископовъ и легатовъ. Гильдебрандъ безусловно заставилъ всѣхъ ихъ давать Риму ленную присягу; сначала она требовалась только отъ епископовъ Церковной области, потомъ стали ее требовать отъ всѣхъ итальянскихъ епископовъ. Уже послѣ миссіонерской дѣятельности первыхъ просвѣтителей Англіи и Германіи идея церковнаго, моральнаго, даже умственнаго объединенія западной Европы стала казаться серьезной. Григорій VII строилъ это зданіе; Иннокентій III завершилъ его. Упомянутое миссіонерство послужило имъ главною опорою; чрезъ него Римъ становился метрополіей церковныхъ колоній, ставшихъ прямо въ подданническія отношенія, окрѣпшихъ благодаря общимъ интересамъ и традиціонной политикѣ Рима. За присягою первыхъ архіепископовъ послѣдовало іерархическое подчиненіе всѣхъ духовныхъ лицъ и прежде всего епископовъ. Выборное начало было уничтожено. Папы сперва утверждаютъ и посвящаютъ заочно; если епископъ умираетъ въ Римѣ, то папы сами назначаютъ ему преемника; наконецъ они начинаютъ назначать епископовъ во всѣхъ случаяхъ. А въ томъ правителѣ, который одинъ имѣетъ право назначенія и утвержденія духовныхъ лицъ, заключается и источникъ всякой церковной власти.

Въ исторіи городскихъ общинъ можно наблюдать политическое значеніе епископовъ въ качествѣ владѣтелей и покровителей коммунъ. Владѣнія епископскія пользовались особыми политическими привилегіями; власть епископа какъ-бы освящала подчиняемыхъ, и потому такъ домогались ея въ первое время города итальянскіе. Епископы правили то черезъ своихъ намѣстниковъ, то сами; они ходили въ походы вооруженные, дрались на коняхъ и часто переходили въ ряды свѣтской аристократіи. Рѣзкій примѣръ этого составляютъ судьбы дома Висконти; ихъ предокъ имѣлъ архіепископскую власть въ Миланѣ; въ этой династіи духовный санъ принадлежалъ нѣкоторымъ ея членамъ и послѣ того. Такія явленія впрочемъ не современны Иннокентію III. Епископскіе города выраб-

(1) Примѣръ см. въ Gallia Christiana; II, 63.

тали себѣ право независимаго суда, имѣли свои статуты, какъ напримѣръ, въ Ломбардіи, которая управлялась ими не исключительно впрочемъ, а съ примѣненіемъ дополнительныхъ положеній императорскаго леннаго права. Въ сущности эти статуты составляли члены городскаго совѣта, а епископы, въ большинствѣ случаевъ, только утверждали ихъ. Такіе епископы пользовались и исключительными богатствами отъ своихъ вассальныхъ городовъ. Въ XIII вѣкѣ они встрѣчаются рѣдко; это—явленіе болѣе ранней эпохи. Ихъ экономическій бытъ при Иннокентіѣ III сложился на каноническихъ основаніяхъ, сдѣлавшихся общими; средства ихъ существованія состояли въ доходахъ съ паствы. Эти доходы можно раздѣлить на чрезвычайные и обыкновенные. Первые — состояли изъ земель, которыя дарились Церкви на поминъ души; епископы пользовались ими на правахъ собственности; съ нѣкоторыхъ изъ нихъ доходы назначались на хозяйство епископа, съ другихъ на его столъ. Сбереженія изъ нихъ составляли сокровища церквей; епископы извлекали изъ такихъ земель еще бо̀льшія выгоды, чѣмъ свѣтскіе владѣтели; напримѣръ, во время общаго интердикта они снимали отлученіе съ нѣкоторыхъ лицъ за извѣстную сумму. Противъ этого обычая сильно возставалъ Иннокентій III (¹). Случалось, что епископскія земли находились въ чужой епархіи.

Каноники. Непосредственное отношеніе къ народу имѣли каноники. Ихъ организація была создана еще блаженнымъ Августиномъ. Они дѣлились на три степени: священниковъ, діаконовъ и иподіаконовъ. Они составляли совѣтъ своего епископа, подобно тому какъ кардиналы, тоже трехъ степеней, были совѣтниками папы. Архидіаконы же, образовавшіеся въ XII вѣкѣ изъ „episcopi regenarii“, были епископскими блюстителями за клиромъ, а одинъ изъ старшихъ настоятелей занималъ должность епископскаго викарія. Съ постепеннымъ развитіемъ богатствъ и силы церковной росла численность мелкаго духовенства. Въ XI вѣкѣ въ Миланѣ насчитывалось 24 священника, 7 діаконовъ, 7 иподіаконовъ, нѣсколько нотаріусовъ церковныхъ, 28 пис-

(¹) Напр. въ Regestorum (I, 181) находимъ: «Indulgemus etiam vobis ut, si quando homines monasterii vestri vinculo tenentur excommunicationis astricti, pro eorum absolutione praefatus episcopus vel quilibet alius potestatem non habeat pecuniam extorquendi». Migne; CCXIV, 163.

цовъ, 16 старостъ изъ лучшихъ фамилій города. Въ Сенъ-Клермонѣ самъ Иннокентій III признавалъ необходимымъ 40 каноииковъ, а въ Блуа 80. Лучшіе изъ папъ старались уравнять число духовныхъ съ доходомъ, чтобъ устранить излишнее обогащеніе; епископы не противились тому. Папы присылали часто своихъ канониковъ, на основаніи такъ-называемыхъ reservationes или provisiones. Еще во время борьбы за инвеституру иныя церкви обращались къ папѣ за указаніемъ достойныхъ лицъ. Адріанъ IV первый сталъ самъ присылать канониковъ. Когда епископы стали было сопротивляться, то Александръ II высказался категорически. Иннокентій III въ 1210 году объявилъ прямо, что въ силу его власти онъ можетъ назначить надежнаго и хорошо послужившаго клирика на всякую свободную бенефицію, гдѣ бы она ни была. Но Иннокентій III всегда давалъ мѣста людямъ способнымъ, ученымъ и примѣрной нравственности; потому-то его система проявлялась благотворно, ибо устраняла всякую симонію, тогда какъ его преемники, нуждаясь въ средствахъ, стали злоупотреблять своею властью. Матвѣй Парижскій записалъ подъ 1240 годомъ, какъ 300 итальянскихъ клириковъ были присланы тремъ англійскимъ епископамъ, потому что они купили свои мѣста въ папской канцеляріи. Потому въ 1251 г. парламентъ издалъ постановленіе, устранявшее назначеніе изъ Рима на духовныя мѣста въ Англіи. Прежде сама Церковь ратовала противъ такой постыдной торговли; при Иннокентіѣ III о ней не было слышно. Понятно, когда торги открылись въ самомъ средоточіи церковной власти, то некому было „опрокидывать столовъ съ деньгами". Между тѣмъ, чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе возрасталъ произволъ папъ. Авиньонскіе папы пріобрѣли въ этомъ отношеніи „plenam et liberam auctoritatem", которая простиралась на всѣ церковныя должности и званія. Булла „Execrabilis", обнародованная Іоанномъ XXII въ 1317 году, открыла общую продажу должностей. Между сотнями епископовъ, тогда, по словамъ современника, былъ развѣ одинъ, про котораго можно было сказать, что онъ пріобрѣлъ свое званіе достойнымъ образомъ.

Доходы духовенства.

Обыкновенно доходы епископовъ состояли изъ четвертой доли сбора десятинъ съ земель, приписанныхъ къ церквамъ, такъ какъ всякая десятина дѣлилась между каѳедраломъ, его

причтомъ, бѣдными и епископомъ ([1]); ему же шла четвертая доля всѣхъ стороннихъ пожертвованій церквамъ, если завѣщатель не опредѣлялъ ему бо̀льшаго особымъ распоряженіемъ. Въ знакъ зависимости отъ епископа, каждый приходъ платилъ ему небольшую подать (synodaticum); кромѣ того всякій пріѣхавшій представляться епископу платилъ на украшеніе его храма, а при ревизіяхъ приходъ долженъ былъ довольствовать епископа припасами. Епископъ въ свою очередь, удѣливъ долю архіепископу, платилъ куріи ([2]). Интересно опредѣлить цифрами богатства епископовъ. Замѣтимъ прежде, что въ то время цѣнность монеты приблизительно была не менѣе какъ въ пять разъ выше нынѣшней; это опредѣлялось въ частности экономическимъ развитіемъ страны; о точныхъ и опредѣлительныхъ цифрахъ, за отсутствіемъ указаній, конечно, нельзя и думать. Епископъ въ Тулѣ, напримѣръ, считался богачемъ при 1.000 ливровъ; чтобы усвоить эту цѣнность, надобно замѣтить, что, напримѣръ, однажды Иннокентій III роздалъ 17 ливровъ на 1.300 человѣкъ нищихъ ([3]). Иннокентій впрочемъ считалъ для епископа всегда достаточнымъ 30 ливровъ, и это онъ давалъ въ пенсію тулузскому епископу. За то въ богатой Италіи простой священникъ получалъ 1.000 ливровъ изъ доходовъ веронскаго епископства только въ пенсію. Иннокентій иногда вдвое увеличивалъ причтъ, чтобъ соразмѣрять доходы каждаго лица отдѣльно. Въ Англіи ежегодный доходъ долженъ былъ доходить до 10 ф. стерлинговъ въ мѣсяцъ. Тамъ, при слабости экономическаго развитія, только духовенство и пользовалось преимуществомъ, а указанная цифра была minimum для приличнаго обезпеченія. Іоркскія богатства составляли исключеніе; въ концѣ XII вѣка въ Іоркскомъ монастырѣ насчитывалось нѣсколько пудовъ серебряныхъ сосудовъ, 300 золотыхъ и 11.000 старыхъ серебряныхъ монетъ. Такія же условія были въ Даніи. Архі-

([1]) Regest. V, 5.

([2]) Плата за требы здѣсь была замѣчательно высокая. Разъ, на похоронахъ одного владѣтельнаго синьора, духовныхъ наградили слѣдующимъ образомъ: епископамъ по 100 лиръ, аббатамъ по 60, пріорамъ по 40, священникамъ до 20 л., простымъ клирикамъ по 2 л. (Cibrario, Economia pol. del medio evo; III, 338).

([3]) На долю каждаго пришлось 3 динарія, слѣдовательно, въ ливрѣ или фунтѣ считалось 230 динаріевъ—французскихъ «deniers».

епископъ лунденскій имѣлъ въ срединѣ XIII вѣка 8.000 золотыхъ флориновъ. За то нѣкоторыя епископства были очень бѣдны. При Александрѣ III на соборъ прибыли два шотландскіе епископа; у одного была только верховая лошадь, у другаго былъ только слуга. Одинъ ирландскій епископъ, при общемъ хохотѣ своихъ итальянскихъ и английскихъ товарищей, разсказывалъ, какъ все его богатство состояло изъ двухъ коровъ, которыхъ даже и прокормить было нечѣмъ. Взоры епископовъ часто обращались на монастыри, которые они изъяли изъ вѣдѣнія строителей и брали себѣ; помѣстные соборы противились этому. Въ Утрехтѣ рѣшили, что если епископъ по востребованіи не возвратитъ похищеннаго черезъ двѣ недѣли, то всѣ церкви могутъ соединиться противъ него и жаловаться архіепископу и даже прямо папѣ.

Подобно епископскимъ, доходы священниковъ также были чрезвычайные и обыкновенные. Къ первымъ причислялись плата за требы и пожертвованія на церковь или личность; въ случаѣ смерти священника безъ завѣщанія, его имущество переходило къ церкви, при которой онъ служилъ. Доходы обыкновенные состояли изъ десятинъ, земельнаго оброка и натуральныхъ повинностей; иногда источники расходовъ были очень оригинальны. Такъ Фридрихъ II отдалъ палермскому собору въ распоряженіе всѣхъ евреевъ, для сбиранія съ нихъ денегъ, что̀ составляло особую привилегію этого собора. Чѣмъ церковь была старѣе, тѣмъ обширнѣе были ея доходы; иныя же едва могли существовать. Палермскій соборъ былъ одинъ изъ богатѣйшихъ; доходъ его деньгами простирался до 30 тысячъ тариновъ; о цѣнности этой суммы можно судить по тому, что при всей роскоши торжественнаго богослуженія въ большіе праздники, оно обходилось въ 200 тариновъ и что по 30 тысячъ тариновъ Констанція обязалась вносить Иннокентію III, какъ опекуну малолѣтняго Фридриха. Церковь получала свои деньги помѣсячно изъ городскихъ доходовъ; кромѣ того, натурою 200 salmi ржи и 70 ячменя—съ городскихъ и 100 s. ржи и 30 ячменя—съ королевскихъ десятинъ, а также отъ двора 200 бочекъ сладкаго и 100 бочекъ крѣпкаго винограднаго вина. Какія богатства сосредоточивались вообще въ рукахъ духовенства, можно судить по тому, что въ Англіи изъ 60.215 ленныхъ участковъ на долю церквей приходилось 28.015. Съ богатствомъ духовенства связано было матеріальное обезпеченіе папы. Значительная часть суммъ,

проходя черезъ руки епископовъ и архіепископовъ, достигала и Рима, гдѣ, составляя долю папской казны, содѣйствовала извѣстнымъ образомъ успѣху теократическихъ цѣлей.

Папскій бюджетъ.

Для изученія папскаго бюджета въ XII вѣкѣ мы имѣемъ прекрасный источникъ въ трудѣ кардинала Ченчіо, составленномъ въ 1192 году, при папѣ Целестинѣ III, подъ заглавіемъ: *Liber censuum Romanae Ecclesiae a Cencio Camerario compositus secundum antiquorum patrum regesta et memorabilia diversa* (¹). Папы съ давнихъ поръ вели подобные счеты: тамъ помѣщались списки церквей, монастырей, дворовъ, замковъ, городовъ, земель, баронствъ, бывшихъ въ непосредственной зависимости отъ Римской Церкви. Въ нихъ часто приходилось дѣлать измѣненія, такъ какъ нѣкоторыя вассальства составляли отдѣльныя области, преимущественно въ Италіи, и въ то же время прибывали новыя владѣнія въ церквахъ, монастыряхъ, графствахъ, большихъ городахъ, славныхъ богатствами, какъ Монпелье при Иннокентіѣ III и Марсель при Григоріѣ IX. На это обстоятельство указываетъ Ченчіо,—родственникъ, и вѣроятно, казначей папскій,—какъ на поводъ къ составленію полной и новой редакціи счетной книги. Она описываетъ папскую казну именно въ то время, которое подлежитъ нашему изложенію, и регистры ея были приняты за основу дальнѣйшихъ работъ по этой части, благодаря удобству системы и богатству матеріаловъ, коими пользовался авторъ. Ченчіо дѣлитъ всѣ епископства на платящія и не платящія въ папскую казну. Всѣхъ католическихъ архіепископствъ и епископствъ составитель насчитываетъ въ свое время 633; изъ нихъ платящихъ было 330; многія вносили плату натурой. Трибуты съ однихъ были опредѣлены вѣчные, съ другихъ временные, съ третьихъ чрезвычайные: все зависѣло отъ отдаленности мѣста, отъ тѣхъ или другихъ экономическихъ условій страны. Нѣкоторые церкви и монастыри были обложены предметами, необходимыми для богослуженія въ папскихъ базиликахъ; иныя земли поставляли 18 фунтовъ ладана и 110 фунтовъ воска, чѣмъ и ограничивался доходъ съ нихъ. Папы часто раздавали принадлежавшіе имъ

(¹) Помѣщено въ лат. изд. Muratorius, Antiquitates italianae medii aevi (Mil. 1738—42), t. V, p. 851—910 съ спеціальнымъ изслѣдованіемъ издателя по этому вопросу; V, 797. Послѣднее изсл. Woker. Das Kirchliche Finanzwesen der Päpste (Nördl. 1878). Въ приложеніи перепечатана книга обложеній съ изд. 1520 г., которая велась въ папской канцеляріи.

въ разныхъ частяхъ Европы феоды за извѣстную сумму; это значилось также въ числѣ особыхъ доходовъ. Такъ графу Оверпскому курія дала въ аренду замокъ d' Ussom съ окрестностями за унцію золота (2 лота); на этомъ же основаніи графы Неверскіе и принцы Оранскіе были одно время вассалами Церкви. Многіе, особенно въ Провансѣ во время альбигойскихъ войнъ, добровольно отказывались отъ своихъ владѣній въ пользу Церкви, чтобы спасти только землю отъ разоренія, и послѣ получали домены снова; такой оборотъ доставлялъ большія выгоды; ради покровительства Рима не жалѣли денегъ, потому что папское господство было самое удобное для вассаловъ. Замѣчательно, что въ эпоху Иннокентія III подать вездѣ является, какъ даяніе добровольное, не Римомъ опредѣляемое; отъ того такая разница въ суммахъ. Церкви чешскія, польскія, ирландскія вовсе ничего не платили. Странно, что богатые монастыри также уклонялись отъ взносовъ, какъ, напримѣръ, знаменитое Вестминстерское аббатство, а монастырь св. Діонисія во Франціи только въ концѣ XIII вѣка сталъ вносить по одной унціи золота. Въ регистрѣ показано всего 375 платящихъ монастырей, преимущественно итальянскихъ. Датскіе монастыри вовсе не дѣлали взносовъ, хотя были довольно обезпечены; такую же привилегію имѣли монастыри картезіанскаго ордена. Нельзя опредѣлить всю сумму сбора съ церквей и монастырей, ибо она выражалась мѣстными монетами каждой страны, ключъ къ опредѣленію цѣнности которыхъ теперь потерянъ въ большинствѣ случаевъ, да и сумма эта не была особенно значительна.

У папъ были самые разнообразные финансовые источники; всякая статья дохода предназначалась на извѣстныя потребности. Такъ папскія кабинетныя деньги получались съ римскаго собора св. Петра; папа могъ, сверхъ того, располагать всѣми драгоцѣнностями этого собора въ вещахъ и монетѣ. Если онъ лично служилъ литургію въ соборѣ, то получалъ за это 3 ливра и 4 бутылки дорогаго краснаго вина; когда онъ говорилъ одну вечерню, то получалъ только 2 ливра, то-есть, около 25 солидовъ (solidus = унціи сер. = 20 динаріямъ). Иннокентій III не бралъ ничего, а отдавалъ свою долю бѣднымъ и нищимъ. Кромѣ того папа получалъ въ періодъ времени между днями св. Григорія и Пятидесятницы (съ февраля по іюнь мѣсяцъ) по 12 динаріевъ въ сутки.

Собственно государственные доходы съ Церковной области извѣстны менѣе всего. Деревни и города Сполетскаго герцогства были обложены 1.080 ливрами и 1.038 солидами и еще нѣсколькими другими поборами. Съ Сабины получалось 154 ливра и 10 солидовъ; съ иныхъ мѣстъ шли только припасы; другихъ указаній въ этомъ родѣ нѣтъ. Какъ государь, папа содержалъ на своей счетъ гарнизоны въ нѣкоторыхъ городахъ области и строилъ съ этою цѣлью свои замки, укрѣпленные башнями и бойницами. Почти всѣ католическія государства вносили ежегодную подать въ Римъ, считая это тѣмъ же дѣломъ благочестія, какимъ было, съ ихъ стороны, построеніе церквей и монастырей. Между ними были такія, властители которыхъ приносили папѣ присягу за себя и народъ свой, становясь тѣмъ совершенно въ подданническія отношенія. Англія еще со времени Ины Вестсекскаго платила дань Риму, и тогда каждый домъ вносилъ на это динарій подъ видомъ поддержанія англійской церкви, сооруженной въ Римѣ; при Оффѣ требовалось уже по 30 динаріевъ, такъ что ежегодный платежъ доходилъ до 300 марокъ,—суммы, громадной по тому времени, составлявшей нѣсколько пудовъ золота [1]. Генрихъ II обѣщалъ вносить и за Ирландію. При Иннокентіѣ III эта регулярная дань, главный источникъ папскихъ капиталовъ, дошла до 1.000 марокъ. Данія со времени Канута Великаго присылала деньги непосредственно папѣ; этотъ сборъ сдѣлался послѣ обязательнымъ для всѣхъ епископовъ, которые передавали суммы черезъ лунденскаго архіепископа. Адріанъ IV, еще будучи кардиналомъ, обязалъ къ тому же Норвегію и Швецію, въ знакъ единенія съ Римскою Церковью. Гуртеръ приблизительно опредѣляетъ доходъ со всей Скандинавіи въ 300 марокъ, но эта сумма кажется слишкомъ большой для этой земли. Григорій VII пытался подобнымъ же образомъ воспользоваться Франціей и Кастиліей, указывая первой на примѣръ Карла Великаго, а послѣдней,—и вообще государствамъ Пиринейскаго полуострова,—на свое содѣйствіе къ изгнанію магометанъ, но успѣха не имѣлъ. Аррагонія же при Иннокентіѣ III сама подчинилась Риму и стала вносить 250 золотыхъ оболовъ. Мелкія государства сами искали покровительства Рима, ибо

[1] Еще въ 1213 году марка стоила отъ 5 до 30 солидовъ, а во Франціи до 1305 г. = 55 sols 6 deniers, или $50^1/_2$ франкамъ.

посредствомъ его избавлялись отъ притѣсненій могущественныхъ сосѣдей; такъ было со Стефаномъ венгерскимъ, который впрочемъ былъ освобожденъ отъ платы, и съ Давидомъ шотландскимъ. Съ нѣкоторыхъ государствъ поборы были только номинальны; такъ Польша заплатила всего 4 марки въ три года ([1]); графъ барцелонскій 25 серебряныхъ ливровъ въ 5 лѣтъ; Альфонсъ I португальскій внесъ за титулъ короля всего 2 марки золотомъ. Въ совершенно иныя отношенія къ папамъ было поставлено королевство Неаполитанское. Оно было обложено сборомъ по большей части доходныхъ статей, главнымъ же образомъ съ тягла, что составляло 12 тысячъ денаріевъ съ острова Сициліи и 1.000 золотыхъ монетъ съ Апуліи. Ченчіо не даетъ итога валоваго дохода папскаго, такъ какъ въ то время въ столицѣ западнаго міра были въ ходу всевозможныя деньги. Во всякомъ случаѣ средства были достаточны для того, чтобы Иннокентій III а также IV могли вести свои обширныя предпріятія и крестовыя войны, поддерживать свои партіи въ разныхъ странахъ, для чего золото требовалось независимо отъ духовнаго авторитета, содержать наемниковъ въ Церковной области и расширять ее. Опредѣлить подробно каждую статью расхода нельзя; извѣстно, что большія суммы сберегались въ Римѣ, хотя много шло на дѣла благотворенія. Преемники Иннокентія III не довольствовались своими богатствами. Иннокентій IV, увлеченный борьбою съ Гогенштауфенами, ввелъ новые рессурсы, не совсѣмъ законные; они же и послужили послѣ предлогомъ къ взрыву негодованія въ разныхъ странахъ католической Европы. Папы конца XII вѣка и позднѣйшіе стали раздавать аннаты, то-есть право на доходы съ вакантныхъ мѣстъ въ продолженіе одного года, стали продавать индульгенціи за грѣхи и обѣты. Они за деньги готовы были дѣлать исключенія изъ каноническихъ правилъ. Увеличивая плату за посвященіе епископовъ и аббатовъ, они въ то же время издерживали въ интересахъ Церкви и своего честолюбія громадныя суммы на крестовые походы. Они рѣшались на поступки весьма темнаго свойства; но все это постигло Римскую Церковь съ конца XIII вѣка, возрастая прогрессивно ([2]). Послѣ Иннокентія III, Церковь продолжаетъ

([1]) Inn. III Epist. XIV, 44; въ «liber censuum» по ошибкѣ переписчика показано 4 тысячи.

([2]) Acosta. Hist. de l'origine et du progrès des revenues ecclès. 1874.

еще стоять нѣкоторое время на нравственной высотѣ; но въ половинѣ XIII вѣка уже обнаруживаются признаки паденія. Это можно узнать изъ цитованной росписи доходовъ, въ которомъ впрочемъ еще не значатся источники, послужившіе впослѣдствіи главнымъ обвиненіемъ противъ папства. Но по мѣрѣ того, какъ совершаются измѣненія въ римской финансовой системѣ, самое папство начинаетъ клониться къ паденію. Постоянно требуя денегъ на цѣли чисто мірскія и даже личныя, папы съ высоты идеала спустились въ житейскія дрязги и дали возможность народамъ отнестись къ себѣ съ тѣмъ скептицизмомъ, которое выработалъ тогда духъ вѣка. Самый бытъ духовенства, которое, смѣло можно сказать, при Иннокентіѣ III стояло въ большинствѣ на должной высотѣ, теперь измѣнился. Съ возрастаніемъ папскихъ доходовъ увеличились финансовые источники духовенства вообще. Отражая на себѣ духовное состояніе общества, оно подчинилось невольно тому духу новизны, который готовился повѣять въ этомъ обществѣ, такъ какъ средневѣковыя формы были уже доведены до высшаго развитія. Монастыри, епископы, священники не могли уже получить ни нравственной крѣпости, ни примѣровъ чистоты въ жизни оттуда, гдѣ полвѣка тому назадъ всѣ почерпали высокій образецъ историческаго подвига и строгаго жизненнаго благородства. Живительный прогрессъ теперь уже покидалъ стѣны Рима; его придется искать въ противоположномъ лагерѣ; онъ на сторонѣ протестующихъ. Церковь побѣдила, но проиграла свое счастье; идеи враждебныя теократіи были временно побѣждены, но въ слѣдующихъ вѣкахъ онѣ восторжествовали въ исторіи. Дѣло альбигойцевъ, неправое въ глазахъ Иннокентія III, стало пониматься иначе, а несчастные мученики Прованса, послуживъ живымъ укоромъ папству за убѣжденія, посрамили Римъ своимъ подвигомъ.

Монастыри. Главная опора нравственнаго авторитета Рима заключалась часто въ монастыряхъ; когда упадали они, начиналось и нравственное паденіе Рима. Такъ-называемая иноческая жизнь, въ какой бы вѣкъ и въ какой бы религіи она ни проявлялась, по существу своему должна быть лучшимъ отраженіемъ жизни общественной; она можетъ служить пульсомъ послѣдней. Въ монастырь удаляется то, что ищетъ духовныхъ подвиговъ; тамъ успокоиваются страсти; тамъ живутъ

дружно и ученый, и воинъ, и нищій, и богачъ. Въ то бурное время нигдѣ нельзя было найти себѣ болѣе спокойнаго пріюта, какъ только въ стѣнахъ монастырскихъ, гостепріимно открывавшихъ свои кельи всякому безъ различія возраста и происхожденія. Монастыри созидались на мощахъ святыхъ; тѣ варвары, для которыхъ не было ничего святаго въ мірѣ, съ благоговѣніемъ проходили мимо воротъ монастырскихъ. При такихъ условіяхъ монастырь могъ служить отраднымъ пріютомъ образованности; тамъ бережно хранились памятники классической литературы; въ монастырскихъ стѣнахъ росла средневѣковая наука, при всей ограниченности своей, единственное умственное достояніе эпохи; обители приготовили тѣ элементы, изъ которыхъ сложилось отчасти Возрожденіе. Въ нихъ же оберегались идеалы нравственной чистоты и истинно-серьезнаго отношенія къ жизни; ихъ примѣрами прививалось христіанство въ тѣхъ странахъ, гдѣ распространилось болѣе или менѣе случайно. Цивилизующее значеніе монастыря прекрасно характеризовалъ Дрэперъ: „Путь къ цивилизаціи — говоритъ онъ — былъ указанъ сельскому классу Европы главнымъ образомъ монастырями. Религіозные обряды и подвиги милосердія; суровая жизнь братьевъ; ихъ воздержность въ пищѣ; ихъ бѣдная одежда, самая дешевая въ странѣ, гдѣ они жили; ихъ выстриженныя головы или капишонъ, скрывавшій отъ глазъ грѣховные предметы; длинная палка въ ихъ рукахъ; ихъ голыя ноги; ихъ путешествія вдвоемъ, при чемъ каждый былъ блюстителемъ другаго брата; запрещеніе ѣсть внѣ стѣнъ монастыря, который имѣлъ свою собственную мельницу, свою пекарню и все, что нужно было для умѣреннаго домашняго хозяйства; ихъ безмолвное гостепріимство относительно путниковъ, которые находили отдохновеніе въ особыхъ комнатахъ; земля около ихъ построекъ, обращенная изъ пустыни въ садъ, и всего больше — трудъ, возвышенный и облагороженный ихъ святыми руками и безбрачіе навсегда, въ глазахъ простаго народа служившее доказательствомъ удаленія отъ міра и жертвы небу,—всѣ эти вещи привлекали вниманіе европейскихъ варваровъ и вели ихъ къ цивилизаціи.... Съ помощью досуга, доставленнаго имъ богатствами, западные монастыри произвели много людей, занимавшихся литературой, и сохранили для насъ литературные остатки древнихъ временъ. Счастливый былъ тотъ день, когда монахъ отъ плетенія цыновокъ обратился къ списыванію

рукописей; счастливый день, когда онъ началъ составлять тѣ благородные гимны и музыкальныя молитвы, которые будутъ жить всегда. Изъ величаво-погребальнаго „Dies irae“ звучитъ высокая поэзія даже въ монашеской латыни. Постоянныя движенія монашескихъ орденовъ дали жизнь Церкви. Протестантъ соглашается, что Реформація была совершена рѣшительнымъ монахомъ“ (¹). Жизнь монастырская не требуетъ аскетизма, который, будучи крайностью, является не надолго лишь какъ реакція послѣ паденія прежнихъ идеаловъ. Аскетизмъ христіанскій проявляется рѣдко въ исторіи и въ самой меньшей степени — въ германской. Бенедиктинскій орденъ, при своемъ основаніи, имѣлъ довольно суровыя задачи, но потомъ онъ измѣнилъ свои цѣли: никакое общество не оказало столько услугъ дѣлу цивилизаціи и образованія, какъ члены этого ордена взятые вмѣстѣ. Доминиканцы и францисканцы задались такою же задачею, но, какъ извѣстно, скоро измѣнили ее въ интересахъ прозелитизма: первые распространяли католицизмъ словомъ, вторые—примѣромъ. Самые картезіанцы и траписты, которые болѣе всего посвятили себя подвижничеству, не строго относились впослѣдствіи къ своему идеалу. Опираясь на ту исходную мысль, что исторія монашества отражается на исторіи общественной нравственности, и что въ свою очередь она находится въ тѣсной связи съ состояніемъ духовенства вообще, мы должны обратиться къ этой сторонѣ католицизма (²). Прослѣдивъ въ сжатомъ очеркѣ исторію монашескихъ орденовъ, мы остановимся на знаменитыхъ братствахъ XIII вѣка.

Монашескіе ордена: *Бенедиктинцы.*

Начало монашескаго общежитія идетъ съ Востока. Египетъ былъ особенно богатъ явленіями этого рода; тамъ, всякій жизненный подвигъ направлялся къ борьбѣ съ подавляющею, но соблазнительно чувственною силою природы. Изъ пустынь Ѳиваиды монашество проникло въ Италію. Въ лѣсахъ, около пещеръ, прославленныхъ чудодѣйственными подвигами анахорета, возникали монастыри, благоговѣйно хранившіе останки

(¹) Ист. умств. разв. Европы въ пер. А. Н. Пыпина (1 р. изд. 1866); 1, 363.

(²) По настоящее время самымъ полнымъ пособіемъ къ исторіи монашества остается обширный трудъ: Helyot, Histoire des ordres monastiques religieux et militaires. 8 v., P. 1715. Изъ новыхъ: Montalembert, Des moines de l'Occident depuis St. Benoit jusqu'à St. Bernard, 2 vols. 1860.

своихъ основателей. Подражая въ жизни подвижникамъ этихъ мѣстъ, монахи отказывались отъ удовольствій, имуществъ, преодолѣвали чувство голода, жажды и истомленія. Когда такіе примѣры оказывались плодотворными, то находились люди въ родѣ Василія, епископа Кесарійскаго (*Базиліанскій орденъ*, 370 года), которые связывали узами однихъ и тѣхъ же правилъ монастыри, разбросанные въ разныхъ предѣлахъ и странахъ. Къ числу такихъ людей принадлежалъ и знаменитый Бенедиктъ, родомъ изъ Нурсіи (480 до 543 г.), оставившій наслажденія жизни въ ту эпоху всеобщаго запустѣнія и разложенія, которая ознаменовалась переходомъ древняго міра въ средневѣковой. Въ Римѣ онъ посвятилъ себя наукамъ, а потомъ, въ горныхъ ущельяхъ Симбруинскихъ (на берегахъ р. Аніо), отшельничеству. Его монастырь, устроенный въ 529 году послѣ долгаго подготовленія со стороны основателя, послужилъ первообразомъ римско католическихъ монастырей. Онъ былъ построенъ въ Кампаніи, на Monte-Cassino; имъ открывается богатая исторія *Бенедиктинскаго* ордена (¹). Въ IX вѣкѣ былъ пересмотрѣнъ его уставъ; члены ордена обязывались только достойною и мудрою жизнью (vitae merito et sapientia abbas eligatur). Въ монастырѣ было прекрасное убѣжище для всего, что выдавалось умомъ и руководилось честностью жизненныхъ правилъ. Этотъ орденъ породилъ изъ себя много другихъ, слагавшихся подъ стремленіемъ возвратить разложившуюся отъ времени конгрегацію на истинную дорогу, указанную ей основателемъ.

Клюнійцы.

Въ X столѣтіи въ Бургундіи, близь Макона, въ нынѣшнемъ департаментѣ Saône et Loire, возникъ знаменитый *Клюнійскій* монастырь, аббаты котораго въ періодъ темныхъ вѣковъ играли бо́льшую роль, чѣмъ короли французскіе. Монастырь основанъ былъ Берноном, по организацію далъ ему Одонъ, бывшій аббатомъ съ 927 по 942 годъ. Его цѣлью было обновленіе общества живымъ примѣромъ умѣренной и плодотворной жизни. По этому образцу возникли прочіе клюнійскіе монастыри во Франціи, Германіи и Италіи. Вспомнимъ, что изъ римскаго клюнійскаго монастыря (S. Paolo fuori le mure) вышелъ Гильдебрандъ. Благодаря чистотѣ

(¹) Mabillon. Annales Ordinis S. Benedicti. P. 1700—53, 4 fol. и его же изд. жизнеописаній святыхъ изъ этого ордена въ 9 fol.

жизни своей, настоятели Клюньи дѣлаются къ концу X вѣка судьями государей западной Европы. Одилонъ былъ изъ числа знаменитыхъ аббатовъ этого монастыря (отъ 993 до 1047 года); онъ далъ ордену и его учрежденіямъ рѣшительное направленіе. Въ XII вѣкѣ клюнійскому аббату Петру Почтенному было подчинено до тысячи монастырей, такъ что настоятель получилъ епископскія права. Въ Клюньи соединялись удобства жизни съ служеніемъ духу. Этотъ монастырь смотрѣлъ не обителью, а небольшимъ городкомъ.

Въ Германіи монастырю Клюньи соотвѣтствовалъ бенедиктинскій Санъ-Галленскій монастырь, анналы котораго весьма извѣстны въ средневѣковой исторіографіи. Планъ этого монастыря сохранился; онъ относится къ 820 году (1). Благодаря этому плану, мы можемъ представить себѣ внѣшность учрежденія, еще болѣе разбогатѣвшаго въ позднѣйшее время. Въ серединѣ обширнаго двора возвышалась церковь съ мощами святаго; къ ней примыкали кельи монаховъ, библіотека, внутренняя школа для послушниковъ, кладовыя, необходимыя мастерскія и огромная столовая съ общею залою для совѣщаній; все это было обнесено рѣшеткою. Но цѣлый міръ самой разнообразной дѣятельности скрывался за этою оградою. Дворецъ настоятеля имѣлъ свое отдѣльное хозяйство съ особымъ дворомъ, далѣе была обширная школа для прихожанъ, странноріимный домъ въ родѣ гостинницы для путешественниковъ и посѣтителей мірскихъ и духовныхъ; далѣе больницы, а при нихъ аптека съ квартирою врача изъ монаховъ. Еще дальше помѣщались мастерскія ремесленниковъ и художниковъ, иконописныя, ювелирныя, оружейныя, сѣдельныя и др. Всѣмъ занимались монахи, для помѣщенія которыхъ отводилась только рабочая комната и небольшая келья. Наконецъ шли принадлежности обширнаго хозяйства: конюшни, людскія, амбары, пивоварни, кладовыя, птичники, ботаническій и аптекарскій сады, огороды, овощами которыхъ довольствовался весь этотъ городокъ, а тамъ вглубь уходилъ церковный погостъ, служившій вмѣстѣ съ тѣмъ и фруктовымъ садомъ. Всѣ зданія и отдѣльныя строенія были раздѣлены небольшими улицами и тропинками, изгородями или стѣнами. Весь этотъ міръ тружениковъ былъ хранителемъ наукъ, ремеслъ, а иногда и памятниковъ литературы и поэзіи. Снаружи ихъ

(1) Изданъ Келлеромъ въ 1844 году.

пріютъ представлялъ замкнутый четыреугольникъ, обнесенный сперва частоколомъ и рвомъ, а позже стѣнами и башнями, именно съ тѣхъ поръ, какъ кулачное право не стало щадить и этихъ пріютовъ міра.

Значеніе и заслуги монастырей опредѣляются цифрами дѣятелей бенедиктинскаго ордена. То вліяніе, какое имѣлъ этотъ орденъ, выразилось ко времени Констанскаго собора внушительными цифрами. Изъ его среды вышло 35 папъ, 200 кардиналовъ, 1.164 архіепископа, 3.512 епископовъ, безчисленное множество писателей, тысячи монаховъ и монахинь [1]. Почти всѣ владѣтельныя особы Запада, короли, королевы и императрицы считали за честь записываться въ это громадное, безпримѣрное общество, изъ котораго 55.460 человѣкъ было канонизовано за святую жизнь и заслуги Церкви. Изъ этой среды вышло множество ученыхъ людей, пріобрѣвшихъ извѣстность на томъ или другомъ поприщѣ, какъ напримѣръ, Рабанъ въ Германіи и Алкуинъ во Франціи, какъ Діонисій Малый съ своимъ календаремъ, Гвидо д'Ареццо съ нотною азбукой, замѣнившею неудобный греческій уставъ. Бенедиктинцами пополнялись силы католицизма, изъ этой среды получившаго проповѣдниковъ до учрежденія доминиканскаго ордена. Большинство изъ нихъ занималось литературною работой, слѣдуя главному пункту орденскаго устава, укрѣпившемуся обычаемъ. Турскій аббатъ, 90-лѣтній баварецъ Виктердъ, полуслѣпой, слабою рукой дописывалъ свою предсмертную рукопись, сидя за которой скончался. Только въ бенедиктинскихъ монастыряхъ можно было встрѣтить въ эту эпоху развитыхъ женщинъ, въ родѣ извѣстной Гросвиты, племянницы императора Оттона I, обитавшей въ саксонскомъ королевскомъ монастырѣ близъ Гандерсгейма. Надобно впрочемъ прибавить, что въ большинствѣ случаевъ эти монастыри носили аристократическій характеръ, наполняясь преимущественно высшимъ сословіемъ; этимъ отчасти объясняется ихъ направленіе, чуждое аскетизма и христіанскаго подвижничества, предаваться которому начали съ особенною ревностью минориты-францисканцы, уже въ XIII столѣтіи. Монастыри располагали большими суммами, и слѣдуя уставу, значительную долю ихъ удѣляли на собираніе рукописей, кото-

[1] См. G. Freytag, Bilder aus der deutschen Vergangenheit; въ русскомъ переводѣ—Картины средневѣковой жизни. М. 1868, стр. 222.

рыми такъ богаты бенедиктинскія библіотеки; традиціонное трудолюбіе и любовь къ книгамъ перешли на отдаленныя поколѣнія бенедиктинскихъ монаховъ (1).

Камальдолы. Когда въ обществѣ возникли новыя духовныя потребности, то въ XI вѣкѣ явились три равно замѣчательныхъ ордена: итальянское братство *Камальдоліанцевъ* и возникшіе въ предѣлахъ Франціи *Картезіанскій* и *Цистерціанскій* ордена, созданные на строгихъ началахъ, отчасти сохранившихся и по настоящее время. Ромуальдъ изъ Равенны въ 1012 году построилъ первый камальдоліанскій монастырь въ дикой долинѣ Аппенинскихъ горъ, между Флоренціей и Ареццо, среди скалъ, покрытыхъ снѣгомъ впродолженіе двухъ третей года. Ромуальдъ происходилъ изъ владѣтельнаго герцогскаго дома; въ молодости онъ велъ бурную и развратную жизнь. Одно приключеніе на охотѣ и трагическое событіе въ семействѣ, когда одинъ изъ его родственниковъ былъ убитъ на дуэли его отцемъ, было причиной его душевнаго потрясенія и глубокаго раскаянія. Онъ не могъ остаться довольнымъ Монтекассинскимъ бенедиктинскимъ монастыремъ, въ которомъ главное вниманіе было обращено тогда на занятія литературныя, и собравъ монаховъ и мірянъ, склонныхъ къ аскетическимъ подвигамъ, пошелъ искать другаго убѣжища. Въ уставѣ камальдоліанскомъ первое время было запрещено пріобрѣтать научныя свѣдѣнія, которыя замѣнялись подвижничествомъ и отшельничествомъ (2). Вся пища по возможности ограничивалась кореньями и хлѣбомъ, что добывалось собственными руками даже людьми слабыми; питьемъ была только одна вода. Когда къ XIII вѣку орденъ сталъ уклоняться отъ прежнихъ суровыхъ правилъ, то пріоръ Плачидій († 1199 г.), а впослѣдствіи и самъ Иннокентій III, преобразовали уставъ, подчинивъ орденъ пріору д'Авизскаго монастыря (d'Avesa), который былъ утверждаемъ непосредственно папою.

Картезіанцы. Брунонъ изъ Кёльна въ 1086 году построилъ первый картезіанскій монастырь въ угрюмой долинѣ Chartreux, близь Гренобля. Здѣсь также господствовало аскетическое направ-

(1) Ихъ гигантскія, изумительныя по трудолюбію, изданія памятниковъ по исторіи Церкви, а особенно по политической и литературной исторіи Франціи — безцѣнны по сіе время.

(2) Жизнь св. Ромуальда описана кардиналомъ Петромъ Даміани въ Acta Sanctorum, подъ VII числомъ февраля.

леніе. Пища первыхъ братьевъ состояла только изъ хлѣба и кореньевъ; разговоръ допускался лишь въ крайнемъ случаѣ; умерщвленіе плоти, власяница, ночныя бдѣнія были обязательны. Картезіанцы пріобрѣли репутацію очень строгихъ монаховъ.

Цистерціанцы и св. Бернаръ.

Цистерціанскій орденъ конца XI вѣка былъ реорганизаціей клюнійскаго ордена, сдѣланною св. Робертомъ въ 1098 году въ монастырѣ Сито (Cisterium, Citeaux), основанномъ близъ Дижона, на суровыхъ правилахъ, такъ какъ бенедиктинцы и клюнійцы уже не удовлетворяли аскетизму, а послѣдній сталъ потребностью общества (1). Св. Бернаръ особенно поддержалъ славу этого ордена, принявъ въ немъ непосредственное участіе. Онъ упрочилъ строгость его устава основаніемъ подвижническаго монастыря въ долинѣ Clairvaux, въ Бургундіи же (Claravallis, ясная долина). Личностью Бернара (1091—1153 г.), какъ ее изобразили намъ современники (2) характеризуется образъ жизни аскетовъ той эпохи. Бернаръ притупилъ свои чувства; воздержаніе сдѣлалось его природой; онъ не понималъ разницы въ пищѣ; онъ не отличалъ масла отъ воды. „Приступая къ ѣдѣ — говоритъ очевидецъ — Бернаръ, еще не садясь за столъ, насыщался уже одною мыслію объ яствахъ, а потому и шелъ къ столу, какъ на казнь; желудокъ его былъ такъ испорченъ, что онъ немедленно извергалъ ртомъ еще непереваренную пищу. Поглощенный весь духомъ, направляя свои упованія къ Богу, занятый лишь духовными упражненіями, Бернаръ видя не видѣлъ, слушая не слышалъ; вкушаемое не имѣло для него никакого вкуса и съ трудомъ какой-нибудь изъ органовъ чувственнаго воспріятія доводилъ до его свѣдѣнія впечатлѣнія внѣшняго міра. Онъ прожилъ уже цѣлый годъ въ кельѣ послушниковъ, и выйдя оттуда, все еще не зналъ, былъ ли тамъ потолокъ, называемый обыкновенно сводомъ; ему случалось нерѣдко посѣщать помѣщеніе монаховъ, входить туда и

---

(1) Winter. Die Cistercienser des nordöstlichen Deutschlands bis zum Auftreten des Bettelorden (G. 1868). — Janauschek. Origines Cistercienses, t. I. W. 1877.—О клюнійцахъ спеціальное соч. Pignot. Hist. de l' ordre de Cluny 909—1157 (3 vls. 1868).

(2) Монахъ Вильгельмъ до 1130 года, аббатъ Арнольдъ до 1140 и секретарь его, монахъ Готфридъ до 1153 въ общей Vita S. Bernardi, abbatis Claraevallensis primi въ Acta Sanctorum подъ 20-мъ августа (см. I, 570).— Neander. Der heilige Bernard. B. 1848. — Ratisbonne. Hist. de S. Bernard. P. 1842.

выходить, а онъ все-таки продолжалъ думать, что тамъ было одно окно впереди, между тѣмъ какъ ихъ было три. Подавивъ въ себѣ всякое любопытство, онъ не получалъ внѣшнихъ впечатлѣній, и если, случайно, приходилось ему взглянуть на что-нибудь, то занятый другими мыслями, онъ ничего не замѣчалъ" ([1]).

Кармелиты. Изъ бенедиктинцевъ же вышли премонстраты въ 1120 году (близь Лана), разсѣявшіеся послѣ по Германіи, и кармелиты въ Палестинѣ (первымъ изъ коихъ былъ Брокардъ, въ концѣ XII вѣка). Число монастырей кармелитскихъ, мужскихъ и женскихъ, увеличилось, распространяясь по Европѣ, въ XIII вѣкѣ, когда Иннокентій III въ 1209 году утвердилъ орденскій уставъ, составленный Альбертомъ, патріархомъ Іерусалимскимъ, на началахъ демократическихъ.

Средства монастырей. Количество монаховъ часто ограничивалось законами; это было необходимо, особенно въ примѣненіи къ женскимъ монастырямъ, которые существовали лишь въ частныхъ видахъ, безъ религіозныхъ цѣлей. Такъ во Франціи Луи VII запретилъ имѣть въ Фармунтье болѣе 100 монаховъ, а Филиппъ II ограничилъ женскій Суассонскій монастырь 216 монахинями. Въ самомъ Клюньи обыкновенно бывало около 200; это немного по сравненію съ восточными монастырями, напримѣръ, константинопольскими, гдѣ бывало по 1.000 монаховъ. Матеріальныя средства монастырей были большею частью въ прекрасномъ состояніи; монастыри выдерживали цѣлыя войны, осады, какъ напримѣръ, Монте-Кассино, св. Діонисія, Клюнійскій. Къ монастырямъ приписывались земли, лѣса, деревни, мызы, церкви, часовни и разныя угодья. Такъ инымъ принадлежало до 200 церквей; аббаты имѣли по нѣскольку блестящихъ резиденцій. За то нѣкоторые монастыри страдали крайнею бѣдностью, такъ что одинъ англійскій аббатъ принужденъ былъ заложить еврею руку отъ св. мощей. Иннокентій III пользовался этимъ въ видахъ сокращенія монастырей, за крайнею бѣдностью и малочисленностью монаховъ. Онъ вообще не былъ расположенъ къ увеличенію орденовъ. Францисканскій и доминиканскій ордена возникли безъ всякаго содѣйствія съ его стороны. На IV Латеранскомъ соборѣ, который былъ вмѣстѣ предсмертною апоѳеозою папы, въ 1216 году было постановлено: „Дабы отъ многообразія орденовъ не произошло замѣшательствъ въ Церкви Божіей, мы

([1]) Guillelmus. Vita S. Bernardi, c. 4. Acta Sanct. aug. IV, 268.

запрещаемъ впредь учреждать какой-либо новый орденъ. Если кто пожелаетъ поступить въ монашескій чинъ, пусть изберетъ одинъ изъ тѣхъ, которые уже существуютъ. Мы запрещаемъ также, чтобы одно и то же лицо считалось монашествующимъ въ разныхъ монастыряхъ, и чтобы одинъ аббатъ управлялъ разными монастырями". Но этому распоряженію не слѣдовала позднѣйшая Церковь. Ордена продолжали размножаться и послѣ августинцевъ, францисканцевъ и доминиканцевъ, возникшихъ въ XIII вѣкѣ (орденъ целестинскій въ 1264 году, іеронимиты въ 1373 году, паулины въ XV вѣкѣ, капуцины и іезуиты въ XVI вѣкѣ, мавры и траписты въ XVII столѣтіи), хотя аскетизмъ францисканцевъ и невѣроятное увеличеніе монастырей миноритовъ, какъ скоро увидимъ, должно было бы удовлетворить стремленіямъ общества.

Августинцы.

Эти стремленія всегда проявляются въ моменты увлеченія матеріализмомъ, когда законъ исторіи требуетъ примѣненія физическихъ законовъ равенства угловъ паденія и отраженія. Исправленіе нравовъ духовенства въ XI вѣкѣ реформою Гильдебранда совпадало съ вѣкомъ цистерціанцевъ, картезіанцевъ и камальдоліанцевъ. Послѣ того дѣло нравственности опять колеблется. Къ концу XII столѣтія наступаетъ полное торжество теократіи, но это не способствовало улучшенію общественной нравственности, такъ какъ теократія произвела ослабленіе энергіи и задержала развитіе. Въ концѣ этой главы мы остановимся на такихъ явленіяхъ по отношенію къ монашеству и бѣлому духовенству. Въ эпоху Иннокентія III эти интересы не могли остаться въ забвеніи; имъ посвящены были лучшіе помыслы папы. Тогда-то, рядомъ, идетъ самостоятельная попытка въ средѣ общества ко внутреннему его обновленію, въ формѣ развитія монашескихъ орденовъ. Старыя мысли св. Августина, сохранившіяся въ письмѣ его къ сестрѣ ([1]), теперь получили новое обаяніе. Августинъ ратовалъ за благочестивую жизнь въ обществѣ вдовъ и сиротъ; помнили также, что въ Африкѣ, въ Гиппонѣ, онъ примѣнилъ свои убѣжденія къ дѣлу, окруживъ себя священниками и діаконами съ общеніемъ имущества, на основаніи примѣра апостольскаго. Послѣ всякая попытка провести это на практикѣ въ священнической средѣ вѣнчалась именемъ Августина. Такія общества, руководимыя лишь евангельскими уставами, не походили на монастыри, а

(¹) Migne. Patrologia. Epist. Augustini; XLVII, 109.

скорѣе на церковныя коммуны. И вотъ, въ первые годы XIII столѣтія четыре лучшихъ профессора Парижскаго университета, славившіеся умомъ и характеромъ, Вильгельмъ Ланглоа, Ричардъ, Эвраръ и Манассія, увидѣли въ одну ночь одно и то же видѣніе, которое велѣло имъ всѣмъ посвятить себя подвижнической жизни. Пѣшіе, они вмѣстѣ двинулись въ путь. Недалеко отъ Лангра, въ каменистыхъ ущельяхъ, они выбрали удобную мѣстность для построенія себѣ жилища; четыре хижины появились между скалъ. За профессорами двинулось 37 парижскихъ студентовъ, и возникла конгрегація Vallis Scholarium, уставъ которой былъ составленъ Вильгельмомъ въ 1216 году, на началѣ тѣсной зависимости последующихъ общинъ отъ первой, про членовъ которой говорили, что они: „erant viri divinis et humanis disciplinis ad plenum eruditi et famosissimi“. Орденъ былъ посвященъ церковному священнослуженію и богословію; онъ жилъ не подвигами, а мыслію. Безъ согласія мѣстнаго епископа Лангрскаго уставъ не могъ быть измѣняемъ. Черезъ 20 лѣтъ, 16 другихъ церковныхъ коммунъ были основаны съ тою же цѣлью. Но такимъ братствомъ эпоха не могла довольствоваться. Когда возникалъ орденъ августинцевъ, фанатики своихъ убѣжденій, св. Доминикъ и св. Франческо, съ мечтательно настроеннымъ воображеніемъ и изможденнымъ тѣломъ, приступили къ своему замѣчательному плану нравственнаго обновленія общества.

Нищенствующіе ордена.

Доминикъ д'Аца.

По католическимъ легендамъ, видѣнія и чудеса предупредили рожденіе Доминика. Онъ былъ родомъ изъ мѣстечка Каларнохa. Отца его звали Феликсомъ, мать Іоанной. Семейство д'Аца, извѣстное въ околодкѣ благочестивою жизнію, было въ родственныхъ связяхъ съ мѣстными епископами. Основатель доминиканскаго ордена родился со звѣздою на челѣ, какъ бы съ печатью избранія. Еще до рожденія этого избранника, матери казалось, что она носитъ въ утробѣ щенка, который лаемъ всегда напоминаетъ о себѣ; иногда видѣлось ей, что она родила младенца, который зажегъ весь міръ своимъ свѣтильникомъ. „Добрыя были предзнаменованія“, замѣчаетъ біографъ. Дядя епископъ руководилъ воспитаніемъ ребенка. Онъ вмѣстѣ съ матерью направлялъ его къ смиренію, дѣламъ благочестія, умудряя чтеніемъ Библіи. Отправляясь учиться въ Паленсію, въ этотъ „museum“, изъ котораго послѣ возникъ саламанкскій университетъ, Доминикъ первымъ дѣломъ

поспѣшилъ продать свои книги, употребивъ вырученныя деньги на бѣдныхъ. Онъ чуждался общества сверстниковъ, не шутилъ, не смѣялся, велъ затворническую жизнь, не ѣлъ мясной пищи, спалъ на камняхъ или на голой землѣ. Его видѣли только въ церквахъ, гдѣ онъ съ напряженнымъ вниманіемъ вслушивался въ проповѣди. Когда богословское образованіе юноши кончилось, Діэго—такъ звали епископа—указалъ ему на духовную карьеру, исключительно подходившую къ одностороннему аскетическому складу его натуры, и тогда же сдѣлалъ его каноникомъ въ своей церкви, посвятивъ въ августинскій орденъ. Душа молодаго августинца не могла удовлетвориться тѣснымъ кругомъ проповѣднической дѣятельности въ какой нибудь Паленсіи. По выраженію поклонника Доминика, Апольды, слова его зажигали слушателей, подобно свѣтильнику Иліи. Онъ готовъ былъ, говоритъ Бартоломей Тридентскій, разорвать тѣло свое на куски изъ ревности къ вѣрѣ, а любви божественной въ немъ было такъ много, что для выгодъ христіанства онъ готовъ былъ пожертвовать собою, продать себя, если бы то потребовалось. Сама судьба привела его въ Лангедокъ въ свитѣ донъ-Діэго. Гдѣ какъ не тамъ предстояли подвиги для ревности католическихъ духовныхъ? Отъ катаровъ, отъ этихъ гонимыхъ еретиковъ, Доминикъ предлагаетъ заимствовать чистоту жизни, ихъ воздержаніе, ихъ презрѣніе плоти.

— „Не такъ, братья, не такъ надо дѣйствовать, твердилъ Діэго, а за нимъ и Доминикъ, обращаясь къ блестящимъ легатамъ и ихъ изнѣженнымъ спутникамъ. Мнѣ кажется, что невозможно обратить этихъ людей словами; скорѣе дѣломъ и примѣромъ вы исправите ихъ, тѣмъ болѣе, что на ихъ сторонѣ основаніе безнаказанно выхвалять свою собственную жизнь“. — Какой же совѣтъ ты дашь намъ, отче, говорили аббаты?—„Дѣлайте то, что вамъ слѣдуетъ дѣлать“.— И онъ посовѣтовалъ имъ отказаться отъ экипажей, слугъ и всѣхъ удобствъ житейскихъ, которыя сопровождали ихъ путешествіе; пѣшими и нищими, по примѣру апостоловъ, спѣшить укрѣплять вѣрныхъ и направлять колеблющихся. Преобразились аббаты, а вмѣстѣ съ тѣмъ слава проповѣдника привлекла къ нему 12 учениковъ. Доминикъ, тринадцатый между ними, сдѣлался ихъ начальникомъ; въ него вѣрили и всѣ единодушно считали его истиннымъ „учителемъ и господиномъ“ (¹).

(¹) Duodecim patres conjunxit sibi verbo et exemplo tertius decimus

Какими поступками, какъ не мнимою способностью къ чудотвореніямъ, можно было производить обаяніе въ тотъ суевѣрный вѣкъ? Только на нихъ могла опираться прочная сила и популярность человѣка, замыслившаго нравственное обновленіе католическаго общества. И дѣйствительно, куда и когда ни показывался этотъ человѣкъ, онъ вездѣ производилъ сильное вліяніе на массу своею личностью, огненною рѣчью и особенно обаяніемъ чудесъ. Шли слухи, что онъ обладаетъ тайной исцѣлять самыя разнообразныя болѣзни, своими молитвами становитъ на ноги умирающихъ, излѣчиваетъ сумасшедшихъ, изгоняетъ нечистыхъ духовъ, которые повинуются одному его мановенію, наконецъ что онъ можетъ даже воскрешать умершихъ. Послѣ его смерти, одна женщина, которая не совсѣмъ довѣряла этимъ слухамъ, злобно посмѣиваясь надъ чудесами святаго, была наказана жестокими язвами и болѣзнію, отъ которой не могли пособить никакія усилія тогдашнихъ медиковъ; только одно раскаяніе передъ образомъ святаго, въ день его праздника, сразу превозмогло всѣ пособія врачей и совершенно исцѣлило больную (1). По кончинѣ Доминика, въ тѣлѣ его, какъ извѣстно, сохранилась та же таинственная цѣлительная сила, помогавшая вѣрующимъ, какую онъ имѣлъ способность обнаруживать при жизни. Цѣлые списки чудесъ помѣщаются обыкновенно въ приложеніи къ его житіямъ. Они подписаны 300 и болѣе свидѣтелей; доминиканцы, инквизиторы, посторонніе мужчины и женщины, всѣ подъ присягою свидѣтельствуютъ достовѣрность сказаннаго ими и записаннаго. На сколько условна такая достовѣрность, видно изъ свидѣтельства нѣкоей Беренгаріи, бывшей еретички, обращенной Доминикомъ. Она собственными глазами видѣла бѣса, который сидѣлъ въ девяти еретикахъ и вышелъ изъ нихъ по мановенію святаго, причемъ Беренгарія успѣла тщательно опредѣлить формы и размѣры этого загадочнаго существа. По ея словамъ, вылетѣвшій бѣсъ величиною былъ съ собаку, похожъ на кота, глаза какъ у быка, весь красный какъ въ пламени, языкъ у него съ полфута, а хвостъ съ поллокта (2). Нѣкоторыя изъ чудесъ, совершенныхъ мо-

pater patrum et patriarcha factus, quem tamquam magistrum et dominum unanimiter sequebantur. Theodoricus de Appoldia. Acta ampliora ord. Praedic. c. 30, Acta Sanctorum (P. 1867) aug. t. I, p. 565.

(1) Acta Sanct. ib. p. 647.

(2) Acta Sanct. ib. 643. Epist. authentica qua subdelegati inqui-

литвами Доминика, уже послѣ кончины его, были довольно страннаго свойства. Одна дѣвушка, желая посвятить себя иноческой жизни, отказывалась отъ замужества, вопреки настояніямъ отца. Когда всякое дальнѣйшее сопротивленіе становилось безполезнымъ, она обратилась къ предстательству святаго Доминика и по его молитвамъ въ канунъ назначеннаго брака, невѣста проснулась съ такимъ обезображеннымъ лицомъ, что жениху оставалось отказаться и предоставить дѣвушкѣ идти въ орденъ доминиканскій ([1]). По своему произволу Доминикъ могъ мѣнять органы человѣческаго тѣла. Такъ случилось съ однимъ испанскимъ юношей, который матерью былъ предназначенъ въ доминиканцы и организмъ котораго было нѣсколько уродливымъ; молитвами святаго физическій недостатокъ будущаго монаха былъ исправленъ.

Личное подвижничество Доминика также было засвидѣтельствовано очевидцами, какъ и чудеса его. Онъ подвергалъ себя тяжелому изнуренію, носилъ вериги, власяницы. Въ двухъ, трехъ мѣстахъ онъ названъ „преслѣдователемъ ереси, упорнымъ гонителемъ ея и словомъ и примѣромъ“, но всюду личность его представляется кроткою, щедрою, радушною, скромною, готовою на всякія жертвы для блага *всѣхъ* христіанъ, чуждою суетъ нашего міра ([2]). Но нѣтъ сомнѣнія, что слѣпой фанатизмъ, свойственный ему, способенъ былъ не разъ запятнать исторію католичества. Въ этомъ отношеніи бо́льшая отвѣтственность лежитъ на его ученикахъ и послѣдователяхъ, которые въ своемъ увлеченіи не стѣснялись въ выборѣ средствъ.

Слава подвижника и необычайнаго человѣка была пріобрѣтена Доминикомъ съ первыхъ годовъ его проповѣди и пребыванія въ Лангедокѣ. Вмѣстѣ съ Діэго онъ обдумывалъ органическій планъ духовнаго воздѣйствія на ересь. Назиданіе и христіанское воспитаніе обращенныхъ согласовались съ помыслами тогдашняго папы Иннокентія III. Братство, составъ и характеръ котораго онъ уже предначерталъ, думая о томъ еще на родинѣ, могло, по его разсчетамъ, удов-

sitores exponunt ea, quae circa virtutes et miracula S. Dominici (Quetiv et Echard, Scrp. ord. praed. I, 56. Acta Sanct. aug. t. I, p. 641—643), c. 11.

([1]) Acta Sanct. ib. p. 652.

([4]) Epist. auth. p. 641—643. Доминику приписываютъ молитву за грѣхи всѣхъ людей: «Domine miserere populi. Quid facient peccatores»? Et sic noctes ducebat insomnes plorando et ejulando pro peccatis aliorum (p. 642).

летворить стремленіямъ первосвященника. Прежде чѣмъ просить духовнаго разрѣшенія объ утвержденіи цѣлаго общества, имѣвшаго въ виду обнять весь католическій міръ, Доминикъ захотѣлъ примѣнить теперь же нѣкоторыя свои предположенія. Скоро узнали, что онъ основалъ, по благословенію Діэго, собственный монастырь Прулліанскій (de Prouille), недалеко отъ Монреаля, на землѣ тулузскаго епископа. Онъ предназначался для укрѣпленія въ вѣрѣ обратившихся еретичекъ, преимущественно изъ извѣстныхъ провансальскихъ фамилій; на первое время тамъ помѣщено было одиннадцать дѣвицъ. Учащимся было запрещено оставлять свое жилище и предписывалось работою разгонять скуку. По иниціативѣ Доминика, возникли и мужскія школы, питомцы которыхъ были подготовляемы къ проповѣдыванію слова Божія и къ обращенію еретиковъ. Мало по малу стали открываться монастыри общества „бѣдныхъ католиковъ",—эти родоначальники доминиканскихъ. Сюда стремились поклонники Доминика, его первые послѣдователи. Братія и ученики жили милостыней. Иннокентій III принималъ эти монастыри подъ свое покровительство ([1]), но еще не учреждалъ доминиканскаго общества, не утверждалъ особой конгрегаціи, такъ какъ далъ себѣ обѣщаніе не разрѣшать ихъ въ виду многочисленности прежнихъ орденовъ. Діэго не суждено было дожить до осуществленія мечтаній своего питомца. Онъ вернулся въ Кастилію, гдѣ скоро умеръ. Доминикъ остался одинъ съ своею упрочившеюся популярностью и сталъ бороться съ ересью.

Когда д'Аца частнымъ образомъ основывалъ свое братство, желая служить примѣромъ для небольшаго кружка истинно благочестивыхъ католиковъ, то врядъ ли тогда въ головѣ его носились картины допросовъ, пытокъ, казней, костровъ и всего того, что сдѣлало столь страшнымъ инквизицію. Напротивъ, есть причины думать, что онъ имѣлъ въ виду исключительно духовное назиданіе. Два года уже онъ хлопоталъ объ учрежденіи регулярнаго братства для содѣйствія дѣламъ церковнымъ въ Лангедокѣ. Какъ ни трудно было получить такое разрѣшеніе отъ Иннокентія III, Доминикъ выхлопоталъ его на томъ самомъ латеранскомъ соборѣ, на которомъ между прочимъ было постановлено не допускать новыхъ духовныхъ

([1]) Regestorum Innocentii III; l. VI, ep. 196, 197, 199; l. XII. ep. 17, 66—69; l. XIII, ep. 63, 77, 78; l. XV, ep. 82, 90, 93, 96.

орденовъ. Доминикъ долженъ былъ подчиниться съ своею братіею какому либо прежнему уставу. Онъ избралъ новѣйшій августинскій, къ которому принадлежали преимущественно ученые духовные, но присоединилъ къ уставу нѣсколько строгихъ житейскихъ правилъ, согласно своему личному воззрѣнію. Такъ какъ цѣлью братства была проповѣдь въ разнообразныхъ мѣстностяхъ, то орденъ не долженъ былъ пріобрѣтать недвижимостей для своего обезпеченія, а довольствоваться сборами и даяніями. Когда съ этимъ желаннымъ разрѣшеніемъ, осуществлявшимъ болѣе половины его претензій, Доминикъ вернулся въ Тулузу, то городъ, по настоянію епископа Фулькона, предложилъ въ его распоряженіе особую церковь съ монастыремъ по имени S. Romain. Въ это пріорство въ 1216 году перебралось 16 первыхъ доминиканцевъ изъ своего прежняго помѣщенія, названнаго впослѣдствіи инквизиціоннымъ домомъ и занятаго судилищемъ. Тамъ открылась школа, изъ которой вышли первые проповѣдники (¹).

Но этимъ первообразомъ ордена, этимъ полузаимствованіемъ, не могъ удовольствоваться человѣкъ, считавшій себя призваннымъ свыше создать особое, самостоятельное учрежденіе въ Римской Церкви. Онъ мучился, что умретъ не завершивъ своихъ начинаній. Въ томъ же году, онъ опять пошелъ въ Римъ, дабы у ногъ Гонорія III вымолить разрѣшеніе особаго проповѣдническаго братства. Доминикъ очевидно, при всей готовности къ самопожертвованію, не чуждъ былъ тщеславной мысли оставить свое имя въ исторіи церковно-католическихъ учрежденій. Онъ усердно молился въ церквахъ вѣчнаго города прежде чѣмъ предстать предъ первосвященникомъ. Разъ ночью, послѣ напряженнаго бдѣнія, было ему видѣніе, которое записали набожные біографы. Онъ видѣлъ Сына Божія, возсѣдавшаго на высокомъ тронѣ, въ предѣлахъ горнихъ, по правую сторону Бога Отца. Онъ сидѣлъ гнѣвный, раздраженный, передъ толпою грѣшниковъ, поникшихъ передъ нимъ. Въ рукахъ его было три копья, предназначенныхъ для истребленія прегрѣшившихъ: одно для гордыхъ, другое для скупыхъ, третье для развратныхъ. Пресвятая Матерь обнимала его ноги, умоляя о милосердіи къ падшимъ, о смягченіи ихъ участи.—„Развѣ не видишь ты,

(¹) Подробности въ новѣйшемъ изслѣдованіи Douais. L'organisation des études dans l'ordre des frères precheurs (1216—1342). P. 1885.

отвѣчалъ Ей Іисусъ, сколько неправды они содѣлали мнѣ? Моя справедливость не потерпитъ втупѣ столько зла безнаказаннымъ".—Тогда Пресвятая Дѣва сказала ему:—„Ты вѣдаешь, Господи, какимъ путемъ надо направить ихъ. Я знаю вѣрнаго слугу, котораго ты пошлешь въ міръ, дабы онъ возвѣстилъ ученіе твое; тогда всѣ познаютъ и обрящутъ тебя. Я дамъ ему въ помощники еще другаго слугу, который совершитъ то же дѣло". По желанію Господа, котораго смягчили Ея просьбы, Она подвела Ему монаха, въ чертахъ котораго Доминикъ узналъ самого себя. — „Онъ способенъ исполнить то, что сказала ты", изрекъ Господь. Слѣдомъ за нимъ Она подвела другаго монаха, который предназначался въ соратники ему. Лицо его было незнакомо; Доминикъ никогда не видалъ его прежде. Но, придя на другой день въ церковь, онъ нашелъ его между молящимися и тогда, смѣло обратившись къ нему, воскликнулъ:—„Ты товарищъ мой, ты пойдешь вмѣстѣ со мною; будемъ дѣйствовать вмѣстѣ и никто не одолѣетъ насъ". — Новаго знакомца звали Францискомъ ([1]). Это былъ другой фанатикъ своихъ убѣжденій.

Франческо Бернардоне. Онъ жилъ въ Римѣ съ тою же цѣлью, какъ и Доминикъ. Онъ имѣлъ съ нимъ удивительное сходство по подвижничеству, по симпатіямъ. Его помыслы клонились къ тому же возрожденію католическаго духовенства отъ долгой апатіи,

---

([1]) Gerardus de Fracheto. Vitae fratrum; Acta Sanct. p. 441. — Разсказанное видѣніе и сближеніе Доминика и Франциска даетъ случай Апнольдѣ высказать цѣль миссіи того и другаго дѣятеля: «Mihi vero de divina providentia admiranti dixit Dominus (такимъ смысломъ облекаетъ онъ свое сужденіе): Servum meum electum Franciscum ad hoc in mundum destinavi, ut clericorum avaritiam malam, irrationabilem et detestabilem ostenderem, quaestumque inutilem et damnabilem confutando libertatem misericordiae imitabilem, humilitatemque virtutum omnium eximiam in ejus conversatione mihi placitam declararem, paupertatemque evangelicam cunctis venerabilem, meisque conspectibus acceptabilem comprobarem.... Et famulum meum Dominicum verbi mei bajulum ac praedicatorem inclytum ad incredulorum duritiam, haereticorumque perfidiam conferendam direxi, Ecclesiaeque meae aream ab erroribus doctrinae exempli ventilabro permutandam. Dedi eum in lucem gentium, ut sapientibus et insipientibus debitor illuminet eos, qui in tenebris et in umbra mortis sedent, dans salutis scientiam plebi meae, fiantque oris ejus verba sustentantio lassorum, consolatio afflictorum, et medicina saluberrima peccatorum» (id. 623).

къ тому же нравственному обновленію общества, но идеалы Франциска были исключительно аскетическаго свойства. Ознакомиться съ этою личностью весьма важно для изученія той эпохи.

Франческо Бернардоне былъ сынъ богатаго купца изъ итальянскаго города Ассизи ([1]). Онъ съ дѣтства почувствовалъ свое призваніе. Съ первыхъ годовъ молодости онъ удерживалъ вырученныя за товары деньги для бѣдныхъ и больныхъ. Разъ, когда въ храмѣ читали объ евангельскомъ отреченіи отъ всѣхъ земныхъ благъ ради имени Христова, его экзальтированная натура, уже давно настроенная къ тому постами и молитвами, была надломлена окончательно. Онъ отказался отъ богатствъ отцовскихъ и въ рубищѣ, босой, сталъ ходить по городу, питаясь милостыней. Съ нимъ начались галлюцинаціи; онъ видѣлъ видѣнія, слышалъ пѣніе ангеловъ, бесѣдовалъ съ Богомъ. Отецъ, черезъ епископа, прибѣгнулъ къ увѣщанію, а потомъ и къ мѣрамъ строгости. Семья презирала его и оттолкнула; Франческо расторгъ всѣ связи съ ней и сталъ проповѣдывать о необходимости строгаго покаянія, суровой жизни и отреченія отъ мірскихъ благъ. Онъ притупилъ свои чувства и тѣло. Передъ этимъ героизмомъ лишенія начали склоняться. Одинъ богачъ ассизскій смѣялся надъ Франческо, но, послѣ одной страстной проповѣди, распродалъ свои богатства и пошелъ за этимъ человѣкомъ, оригинальнымъ, но магнетически обаятельнымъ. Еще шесть человѣкъ пристало къ нему тогда. Всѣ они поселились у ручья въ тѣсномъ шалашѣ, въ окрестностяхъ города; попеременно они ходили на проповѣдь. Тогда Оттонъ IV короновался въ Римѣ (1207 г.); Франческо послалъ напомнить императору о

([1]) Первымъ біографомъ св. Франциска слылъ его ученикъ I. Bonaventura; къ слѣд. принадлежатъ: Th. Celano, I. de Ceperano. Въ Acta Sanctorum (oct. t. II, 1866) помѣщено, кромѣ соч. Бонавентуры (742—798), краткое дополненіе къ житію, приписываемое тремъ друзьямъ Франциска,—auctore Leone, Rufino et Angelo (723—742). См. Wadding (Annales Ordinis Minorum. Roma, 1731—1846, 22 f.).—Изъ пособій, которыя въ большинствѣ принадлежатъ къ клерикальному направленію, лучшее: Ed. Vogt, Der heilige Franciscus von Assisi, biographischer Versuch (Tüb. 1840), и протестантское Hase, Franz von Assisi, ein Heiligenbild (Lpz. 1856).—Важны новѣйшія работы: Karl Müller, Die Anfänge des Minoritenordens (Fr. 1885, B. I), по новымъ изысканіямъ о первыхъ фактахъ орденской исторіи и цѣннымъ приложеніямъ,—особенно второе съ древнѣйшимъ регламентомъ ордена,—и Evers, Analecta ad fratrum minorum historiam (L. 1881).

суетѣ мірской и о томъ, что вся слава его пройдетъ какъ сонъ. Его страстная натура не могла успокоиться самоуглубленіемъ и созерцаніемъ. Онъ старался измождить свое тѣло. Трижды въ ночь онъ бичевалъ себя: одинъ разъ за свои грѣхи, другой за живущихъ, третій за души въ чистилищѣ. Чтобы притупить тѣлесныя ощущенія, онъ нагой кидался въ снѣгъ, и умирая, распростертый на сырой землѣ, онъ оставался тѣмъ же героическимъ аскетомъ, какимъ былъ всегда при жизни. Добиваясь невѣдомыхъ и томительныхъ подвиговъ, Франческо кинулся изъ Ассизи въ Мараско; потомъ, напрасно испрашивая у Иннокентія III разрѣшенія открыть братство „нищенствующихъ францисканцевъ", обошелъ всю южную Италію и бросился въ Палестину. Онъ былъ въ Сиріи и Египтѣ; всюду его сопровождала молва чудотворенія. Говорили, что жизнь его напоминаетъ жизнь Спасителя отъ самаго рожденія, что онъ даже превосходитъ Христа своими подвигами [1]. Его миссіонеры распространяли идею отреченія отъ міра въ Испаніи и Франціи, сѣверной и южной; въ Германіи ихъ постигали неудачи.—„Германія не для насъ, любилъ повторять Франческо, избави насъ Господи отъ нѣмцевъ". Вторично онъ явился въ Римъ въ концѣ 1216 года, одновременно съ Доминикомъ, но опять потерпѣлъ неудачу.

Доминиканцы.

Между тѣмъ Доминикъ скорѣе достигъ цѣли, онъ былъ счастливѣе своего друга Франческо. Орденъ „проповѣдниковъ" былъ наконецъ утвержденъ Гоноріемъ III. Необходимость бороться словами съ ересью альбигойцевъ и вальдензовъ, которые не переставали безпокоить Церковь, была, вѣроятно, побудительною причиною, въ силу коей папа, 22 декабря 1216 года,— съ цѣлью учрежденія общества на началахъ „Божіихъ и правилахъ св. Августина" — далъ „брату Доминику, пріору S. Romanis въ Тулузѣ", утвердительную буллу, оставивъ разрѣшеніе вопроса о францисканскомъ братствѣ до другаго времени. Франческо суждено было увидѣть исполненіе своихъ завѣтныхъ мечтаній лишь спустя шесть лѣтъ, когда число его

(1) Весьма рѣдкое теперь соч. B. de Pisis. Liber conformitatum vitae S. Francisci cum vita Iesu Christi (Med. 1513, f.); слѣд. изд. съ пропусками. Францискъ былъ канонизированъ Григоріемъ IX въ іюлѣ 1228 г. (см. лѣтопись Riccardo di S. Germano. Muratori; VII, 992), потому-де что онъ открыто совершилъ два чуда: возвратилъ зрѣніе слѣпому и исцѣлилъ хромаго.

„кающихся“, послѣ назвавшихся „меньшими братьями“, удивило Церковь своею громадностью, своимъ полнымъ презрѣніемъ благъ міра, которыя они старались не видѣть изъ-за капюшона своей убогой одежды, и своею способностью фанатизировать проповѣдями простой народъ ([1]). Но и теперь уже за Франческо стояло нѣсколько тысячъ послѣдователей. Ему отчасти былъ обязанъ Доминикъ своими успѣхами въ Римѣ. Франческо безкорыстно поддерживалъ его передъ папой и кардиналами, забывая на время свое собственное дѣло.

Новое доминиканское братство имѣло цѣли мирныя, невоинственныя. Проповѣдь, и только, была его непосредственнымъ назначеніемъ. Самое названіе „проповѣдническое“ вытекало изъ обращенія, какое сдѣлалъ къ Доминику Гонорій III въ своемъ посланіи: „Fratri Dominico et cum eo praedicantibus in partibus Tolosanis“, и которое папа вскорѣ же велѣлъ замѣнить словами: „Magistro Dominico et fratribus praedicatoribus“ ([2]). — „Принимая въ соображеніе, такъ начиналась папская булла, что братья вашего ордена, всегда будутъ защитниками вѣры и истинными свѣточами міра, мы утверждаемъ орденъ со всѣми его имуществами и правами“ ([3]). Другая грамота содержала въ себѣ 14 статей. Папа бралъ подъ свое покровительство церковь св. Романа и соглашался чтобы орденъ канониковъ, который имѣлъ тамъ пребываніе, существовалъ на вѣчныя времена. Онъ предоставлялъ братству обладаніе его церковнымъ имуществомъ и всѣмъ тѣмъ, что оно пріобрѣтетъ въ послѣдствіи, освобождая братьевъ отъ платежа десятины съ новинъ, которыя они обработываютъ своими руками или на свой счетъ, а также и отъ натуральныхъ церковныхъ повинностей. Братство должно обращаться къ мѣстнымъ епископамъ за святымъ мvромъ, и приглашать ихъ для освященія алтарей и церквей и для посвященія клириковъ. Пріюты въ монастыряхъ должны выбираться монахами свободной подачей голосовъ, безъ всякаго посторонняго вліянія ([4]). Въ этомъ первомъ видѣ, орденъ еще не былъ нищенствующимъ; это было братство обыкновенныхъ канониковъ; обѣты нищеты, цѣломудрія и послушанія опре-

([1]) Karl Müller недавно доказалъ, что первоначальнымъ наименованіемъ общины францисканской было не «fratres minores», а «viri poenitentiales de civitate Assisi oriundi».

([2]) Acta Sanct. aug. t. I, 447.

([3]) Raynaldi. Annales eccl. (ed. 1747. Lucca), a. 1216, p. 402.

([4]) Bullarium Romanum (ed. 1857, Turin), III, 309.

дѣлились впослѣдствіи; пока выяснилось только непосредственное значеніе братства—проповѣдь и обращеніе еретиковъ. Гонорій III не рѣшался такъ скоро уничтожить формальное запрещеніе своего предшественника.

Учрежденіе нищенствующихъ орденовъ знаменуетъ довольно отчетливый переломъ въ нравственномъ настроеніи тогдашняго общества. Это была реакція успѣхамъ ереси, которая доселѣ проявлялась въ массахъ. Мы имѣли случай замѣтить, что съ 1216 года, когда начались засѣданія четвертаго латеранскаго собора, альбигойская ересь теряетъ то значеніе знамени патріотическихъ интересовъ, какое имѣла доселѣ, и существуетъ скорѣе какъ сердечное вѣрованіе отдѣльныхъ личностей [1]. Что реакція была сильна, что идеалы нищенствующихъ коренились въ самомъ обществѣ, что на нихъ сильно отзывались — видно изъ той изумительной быстроты, съ какою размножалось число послѣдователей Доминика и Франциска. Не прошло и 20 лѣтъ со дня утвержденія орденовъ, какъ въ западной Европѣ было 400 доминиканскихъ и 1000 францисканскихъ монастырей; между тѣмъ, чтобы быть францисканцемъ того перваго времени требовалось много энергіи и самоотверженія [2]. Эти годы принадлежатъ къ эпохѣ нравственнаго обновленія общества.

Францисканцы-минориты. Всякій, поступавшій въ орденъ нищенствующихъ, уже тѣмъ самымъ отказывался отъ настоящей и будущей собственности. Никто не могъ имѣть въ рукахъ денегъ; самая одежда, сѣрая или коричневая ряса, прикрывавшая тѣло, принадлежала всему ордену, который обязывался не пріобрѣтать имѣній и чего либо свыше необходимаго. Церкви францисканцевъ были тѣсны и безъ украшеній; ихъ пища едва удовлетворяла чувство голода. По степени подвижничества и по образу жизни, францисканцы послѣ раздѣлились на конвентуаловъ, спиритуаловъ, босоногихъ и пр. Капуцины вышли также изъ ихъ среды. И доминиканскій и францисканскій орденъ, при полной организаціи, управлялись каждый своимъ „minister generalis"; отдѣльными провинціями завѣдывалъ „minister provincialis"; непосредственная власть была у „minister guardianus". Терціаты или кающіеся составляли первую сту-

(1) См. нашу Исторію Альбигойцевъ; I, 553.

(2) Въ 1220 году пятерыхъ францисканцевъ замучили въ Марокко (K. Müller. Die Anfänge, 3 прил.); но это не испугало ихъ.—Не смотря на нерасположеніе къ нѣмцамъ, въ 1226 г. подъ начальствомъ брата Цезаря Шпейерскаго францисканцы вполнѣ упрочились въ Германіи.

пень отреченія; они жили въ свѣтѣ, хотя принадлежали къ францисканскому братству. Не обязанные всею строгостью монашескихъ обѣтовъ, они были необходимы для цѣлей общества; живыми примѣрами они указывали испорченнымъ современникамъ образецъ простой умѣренной жизни, чуждой крайностей того и другаго направленія.

Такъ формировалось новое воинство для борьбы съ ересью...

Первая доминиканская инквизиція.

Многіе историки, старые и новые, католическіе и протестантскіе безразлично, съ удивительной развязностью приписываютъ учрежденіе инквизиціи тому самому Доминику, который былъ основателемъ братства проповѣдниковъ; они склонны даже смѣшивать доминиканскій орденъ съ инквизиціоннымъ трибуналомъ. Это мнѣніе — вполнѣ ошибочно. Полицейская система допросовъ, розыска по дѣламъ церковнымъ, съ ихъ извѣстными всякому послѣдствіями, постоянное примѣненіе свѣтскаго меча, все это развивается изъ сущности римско-католическихъ воззрѣній, укрѣпившихся исторіею. Эта система не входила, конечно, въ католическое ученіе непосредственно, но привлекалась къ нему лжеумствованіями, софизмами, низкими страстями духовенства, — когда въ примѣненіи ея чувствовалась надобность, когда опасность начинала грозить католической Церкви, когда слово убѣжденія становилось недѣйствительнымъ и ощущалась потребность въ содѣйствіи той темной силы, которая для извращеннаго пониманія представлялась способной возмѣстить силу духа и убѣжденія.

Инквизиція, повторяемъ, развилась незамѣтнымъ путемъ. Въ силу того, что фактически она всегда существовала и притомъ отражалась на многихъ весьма чувствительно, всѣ позднѣйшіе документы касательно ея организаціи и устройства имѣли лишь значеніе теоретическое. Она шла не изъ бумаги въ жизнь, а обратно.

Но что разумѣется подъ институціей первой инквизиціи?

Этотъ терминъ необходимо выражаетъ сочетаніе двухъ понятій, особаго судопроизводства и участія въ немъ т. н. нищенствующихъ монаховъ. Самый принципъ ея, наказанія, участіе свѣтской власти, все это выработывалось ранѣе долгой подготовительной исторіей.

Первое понятіе, т. е. особое судопроизводство сдѣлалось фактомъ въ 1229 году, второе, особенно спорное, руководящее, т. е. участіе доминиканцевъ, проявилось въ 1233 году.

Въ рукописяхъ королевскаго испанскаго архива, въ сборникѣ соборовъ, имѣется окружная булла Григорія IX отъ 8 ноября 1235 г. Въ ней предлагается соблюдать относительно еретиковъ извѣстные законы 1231 г., направленные противъ римскихъ патареновъ, и въ виду того, что доминиканцы особенно успѣшно ведутъ борьбу съ еретиками, имъ предписывается исполненіе буллы. При этомъ дѣлается ссылка на бреве 20 мая 1233 г., обращенное къ доминиканскому пріору Ломбардской провинціи, въ которой дѣйствовали способнѣйшіе изъ проповѣдниковъ.

Оно начинается негодованіемъ папы на дьявола, который заразилъ тулузскіе предѣлы. „Не будучи достаточно сильны, продолжаетъ Григорій IX, остановить такое поношеніе Создателя, но желая прекратить эту опасность гибели для душъ заблудшихъ, мы просимъ тебя, убѣждаемъ и приказываемъ, симъ апостольскимъ посланіемъ, подъ страхомъ божественнаго суда, дабы ты тѣхъ изъ братьевъ ввѣренныхъ тебѣ, которые научены закону Господню и которыхъ ты признаешь склонными къ этому дѣлу, разослалъ по разнымъ сопредѣльнымъ мѣстамъ твоего надзора, дабы они поучали клиръ и народъ общею проповѣдью, гдѣ сочтутъ ее удобной. Для основательнаго исполненія этого дѣла они изберутъ себѣ разныя мѣстности и займутся съ особеннымъ стараніемъ еретиками и отлученными (infamatis). Если виновные и отлученные, будучи допрошены, не захотятъ вполнѣ подчиниться приказаніямъ Церкви, то братья станутъ исполнять относительно ихъ наши справедливые статуты противъ еретиковъ, вновь обнародованные, направленные на укрывателей, защитниковъ и покровителей еретиковъ, дѣйствуя однакожъ въ предѣлахъ этихъ статутовъ (secundum eadem statuta nihilominus processuri)“. Тѣ, которые, отрекшись отъ ереси, захотятъ обратиться къ Церкви, могутъ получить общеніе и разрѣшеніе по обрядамъ церковнымъ и возсоединиться съ нею, если того заслуживаютъ, смотря по степени ихъ заблужденія и по статутамъ. Папа давалъ 20-дневную индульгенцію тѣмъ, которые будутъ присутствовать при проповѣди доминиканцевъ; самимъ же братьямъ-проповѣдникамъ, рѣшившимся взяться за это дѣло, обѣщалъ полную индульгенцію во всѣхъ грѣхахъ, въ которыхъ они принесутъ покаянія. Въ то-же время, и даже нѣсколько раньше, французскіе прелаты получили отъ папы извѣщеніе о предпринимаемой имъ мѣрѣ.

Григорій IX понялъ, что дѣлаетъ рѣшительный шагъ, отнимая отъ епископовъ право, которымъ они весьма дорожили. Довольно искусно папа обошелъ щекотливый вопросъ. Онъ старался накинуть покровъ на сущность дѣла, смягчить подробности; при этомъ онъ задобриваетъ, льститъ прелатамъ, не желая изъ понятныхъ разсчетовъ поселить раздоръ въ администраціи Церкви наканунѣ предстоящихъ ей усилій, требовавшихъ безусловнаго единодушія. Но Пеньафорте, начавшій тогда составлять собраніе церковныхъ каноновъ и декретовъ, достаточно хорошо изучилъ ихъ, чтобы допустить возможность мысли о какомъ либо протестѣ или противодѣйствіи епископовъ, уже 400 лѣтъ закабаленныхъ „намѣстнику Христа". Папа находитъ нужнымъ чтобы бремя ихъ (onera vestra) было раздѣлено съ другими, и указывая на примѣръ Спасителя, который избралъ не только 12 апостоловъ, но и 72 учениковъ, пославъ ихъ проповѣдывать по двое, — предназначаетъ доминиканцевъ дѣйствовать противъ ереси во Франціи и прилежащихъ къ ней провинціяхъ. Епископамъ предлагалось благосклонно принять ихъ, оказывать имъ помощь, давать совѣты и вообще относиться со всѣмъ вниманіемъ (honeste tractantes), дабы они могли исполнить свое назначеніе, а папа могъ достаточно и по заслугамъ оцѣнить искреннюю ревность епископовъ (1).

Черезъ мѣсяцъ были написаны въ Латеранѣ подобныя же сообщенія баронамъ Франціи и Аквитаніи, графу де-Фуа, графу Раймонду VII и капитулу Тулузы. Но издавъ буллу, Римъ не придавалъ ей широкаго значенія. Онъ смотрѣлъ на трибуналъ, какъ на дѣло временное. Рѣшительное распоряженіе, обобщавшее инквизицію и заносившее ее навсегда въ исторію, послѣдовало лишь въ 1254 и 1261 годахъ.

Во всякомъ случаѣ съ 1233 г. могли открыться дѣйствительные спеціальные суды по дѣламъ ереси. Доминиканцы разсыпались по всей Италіи и Лангедоку. Ихъ инквизиторы съ папскимъ полномочіемъ въ рукахъ даже опередили лангедокскихъ собратьевъ въ Кастиліи, Наваррѣ, Аррагоніи,

(1) Percin (Monum. ib.) помѣстилъ буллу, но только въ извлеченіи. Она помѣчена idibus Aprilis, pontif. a. VII.— Въ рукописяхъ Doat изъ тулузскаго архива мы нашли подобную буллу къ франц. прелатамъ объ оказаніи содѣйствія и о покровительствѣ доминиканцамъ. Но на недѣлю числа не сходятся; она 20 апрѣля 1234 г. (XXXI, 21—25).

Португаліи, Франціи и Германіи. Средоточіемъ и опорой ихъ дѣйствій были монастыри, къ тому времени насажденные въ достаточномъ количествѣ.

Первые трибуналы съ 1237 г.

На сколько можно добиться истины, при отсутствіи актовъ и по одному наведенію,— первый трибуналъ былъ устроенъ въ испанскомъ городкѣ Лерида [1]. Но первыя дѣйствія испанскихъ доминиканцевъ оказались неудачны. Въ Каталоніи, въ городѣ Ургелѣ, въ томъ же году, жители возмутились противъ инквизитора, монаха Петра, и убили его. Онъ скоро былъ сопричтенъ къ святымъ, какъ мученикъ, а трупъ его по сіе время покоится въ каѳедральномъ соборѣ города. Новый инквизиторъ Понсъ д'Эспира былъ отравленъ еретиками въ 1242 году.

Доминиканцы въ Лангедокѣ дѣйствовали осторожнѣе. Но и тамъ трое также пострадали въ эти годы отъ тайныхъ убійцъ изъ Кордеса. Хотя Раймондъ VII противъ воли оказывалъ инквизиторамъ всякое содѣйствіе, но они не сразу открыли свои трибуналы и первый разъ протоколъ тулузскаго инквизиціоннаго суда *подписанъ 26 мая* (VI kal. jun.) *1237 года* [2]. До сихъ поръ постояннаго трибунала видимо не существовало, а если онъ и былъ, то о дѣятельности его мы имѣемъ только три случайныхъ постановленія. Преслѣдованіе получило скоро систематическую, вполнѣ прочную организацію. Эта организація уничтожала всякую надежду на слабость, снисхожденіе, сдѣлку и отступленіе; она была заправляема самыми энергическими людьми, основательно знавшими альбигойскую догматику, одинаково ненавидѣвшими и ересь и еретиковъ. Альбигойство, въ комъ оно не скользило, а дѣйствительно существовало, должно было скрываться; высказавшись, оно не только не могло побѣдить такихъ искусныхъ судей, но не могло и существовать. Ему оставалось только умереть. И вотъ начинаются длинные ряды сентенцій инквизиціи, которые только въ извлеченіи занимаютъ десятки фоліантовъ Національной библіотеки Франціи.

---

(1) Fr. Diago. Hist. de los predicadores de la provincia de Aragon, l. I. c. 3.—См. Llorente. Hist. de l'inq. I, 68.

(2) Рукописный сборникъ Doat (XXI, 143) по дѣламъ инквизиціи, которымъ мы пользовались въ Парижѣ. На листахъ 160 — 166 этого тома есть три сентенціи, болѣе раннія (4 id. nov. 1235, id. febr., 6 non. mart. 1236), но онѣ не характеризуютъ постояннаго трибунала.

Начало существованія инквизиціи ознаменовалось гибелью ея служителей. Это былъ не одиночный фактъ. Причина скрывалась въ производствѣ процесса. Народъ на всемъ Западѣ слишкомъ привыкъ къ старымъ римскимъ формамъ судопроизводства. Сама Церковь это понимала. Въ силу каноническаго права, при Иннокентіѣ III и Гоноріѣ III, обвинительные процессы производились на основаніи римскаго кодекса, чѣмъ бы процессъ ни возбуждался: донесеніемъ, слѣдствіемъ или розыскомъ. Еретики, какъ и прочіе подсудимые, могли знать имена своихъ обвинителей и свидѣтелей, имѣли защитниковъ и судились гласнымъ судомъ. О тайномъ судопроизводствѣ нигдѣ не имѣли понятія до тулузскаго собора 1229 г. ([1]). Когда душегубцы, закоренѣлые преступники и отъявленные негодяи имѣли право защиты, заподозрѣнные въ ереси, безъ различія происхожденія, лишались ея, отдаваясь вполнѣ въ руки судей, относившихся къ нимъ заранѣе съ затаенною ненавистью или, при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ, съ нерасположеніемъ. Отсюда уже оставался шагъ до пытки, какъ средства принудить (compellere intrare) согласиться съ извѣстными и заочными свидѣтелями, часто подставными. Наказанія, налагаемыя доминиканскими инквизиторами, не были въ началѣ особенно тяжелы, но одного измѣненія формъ уголовнаго судопроизводства, сдѣланнаго ими такъ внезапно, было достаточно, чтобы вооружить противъ монаховъ населеніе. Оно задѣвало самыя дорогія права, а народъ думалъ отстоять ихъ, если убьетъ того или другаго инквизитора. Прежде чѣмъ тулузскіе доминиканцы задумали открыть свой трибуналъ, они получили извѣстіе о гибели знаменитаго нѣмецкаго инквизитора Конрада марбургскаго. Богатыя способности этого человѣка направлялись на преслѣдованіе себѣ подобныхъ. Всюду онъ приносилъ съ собою проклятіе и безжалостный судъ. Попасть въ его руки значило или проститься съ жизнію, или навсегда опозорить себя. Его примѣру подражали прочіе инквизиторы. Онъ прощалъ еретиковъ не за сознаніе, а за доносъ на друзей; протестъ грозилъ костромъ; приговоръ постановлялся въ тотъ же день. Судъ однимъ взмахомъ вершалъ быстро и безпощадно, не требуя сознанія и не разбирая званія подсудимыхъ. Въ гла-

([1]) Cantu (Gli eretici d'Italia; 1, 107) неосновательно приписываетъ Бонифацію VIII введеніе тайнаго процесса, установленнаго гораздо раньше.

захъ его палачей всѣ были равны. Онъ началъ поселянами, а окончилъ баронами. Въ торопяхъ, въ этой „ревности не по разуму“, онъ дѣйствительно сжегъ много знатныхъ, а нѣкоторыхъ совершенно напрасно. Аппеляціи не допускалось, такъ какъ не было защиты, а личные протесты не принимались. Архіепископы кельнскій, трирскій и майнцскій пытались остановить его свирѣпость. Конрадъ не только не слушалъ ихъ, но, оскорбленный ихъ вмѣшательствомъ, объявилъ крестовый походъ. Неизвѣстно чѣмъ бы окончилось это интересное столкновеніе, если бы Конрадъ не палъ отъ руки неизвѣстныхъ убійцъ. Его убили 30 іюля 1233 г. люди, къ которымъ онъ самъ никогда не имѣлъ никакой жалости и терпѣніе которыхъ превзошло всякую мѣру. Марбургъ, а затѣмъ вся Германія радовались; освобожденные отъ тирана торжествовали. Помѣстный соборъ нѣмецкаго духовенства, подъ впечатлѣніемъ радости, постановилъ прекратить инквизиторскія слѣдствія въ Германіи и закрыть трибуналы. Но это не продолжалось и года. Въ 1235 г. въ Бреве отъ 31 іюля, Григорій IX велѣлъ возобновить ихъ и снова завести духовные суды по всей имперіи.

Для того чтобы болѣе поощрить доминиканцевъ, папа подтвердилъ канонизацію знаменитаго основателя ихъ ордена. Предъ лицомъ всего католическаго міра отъ 3 іюля 1234 г., онъ снова и болѣе торжественно заявилъ о великихъ заслугахъ Доминика, назвалъ его пастыремъ и вождемъ народа Божьяго, свидѣтельствовалъ объ его дарѣ чудотворенія, которое осталось присущимъ и его тѣлу, и предписалъ включить усопшаго въ число святыхъ, праздновать его память 5 августа, объявивъ при этомъ, что за посѣщеніе его гробницы дается индульгенція и прощеніе грѣховъ всѣмъ вѣрующимъ на одинъ годъ (1). Все это должно было возвысить доминиканцевъ въ глазахъ прочаго духовенства, которое относилось къ нимъ съ понятной ревностью. Ихъ опора и авторитетъ скрывались въ обаяніи все еще живыхъ воспоминаній о Доминикѣ, ходившихъ въ народѣ, но для остальнаго духовенства они оставались новыми, еще начинающими и неопытными дѣятелями.

Особенно были недовольны новой инквизиціей епископы. Они оказывали ей глухую оппозицію. Въ этой оппозиціи за-

(1) Bullarium Romanum; III, 483.—Срв. Ricc. di S. Germano. Muratori; scrp. VII, 992.

ключалась одна изъ причинъ трудности и медленности введенія инквизиціи. Къ столкновенію были поводы уже потому, что о новыхъ правахъ, предоставленныхъ доминиканцамъ, не было повѣщено оффиціальнымъ порядкомъ, какъ можно было ожидать. Фактъ существовалъ, опираясь лишь на частные документы, данные ломбардскимъ, лангедокскимъ и испанскимъ доминиканцамъ, но еще не прошелъ обыкновеннымъ порядкомъ. Епископы, не имѣя формальной окружной буллы, которую Римъ будто всё боялся издать, могли законно отстранять инквизиторовъ отъ исполненія ихъ новыхъ обязанностей. По канонамъ и преданіямъ духовный судъ всецѣло принадлежалъ епископамъ. Въ новомъ распоряженіи, въ которомъ имъ предлагали молодыхъ монаховъ, они видѣли деспотическое нарушеніе своихъ правъ и привилегій. Если велико было почтеніе къ папскому престолу, то паствы не менѣе уважали и епископскій санъ, который вліялъ на нихъ непосредственнѣе. Съ понятіемъ о соборѣ, какъ высшей власти церковной и народной, связывалось представленіе о высокомъ смыслѣ епископскаго сана, въ дѣйствительности потерявшаго прежнее значеніе. Другое препятствіе учрежденію инквизиціи заключалось въ государственной власти. Нельзя было лишить свѣтскихъ судей ихъ права участвовать въ процессахъ еретиковъ, что было утверждено за ними послѣдними законами. Свѣтской власти приходилось-бы дѣлиться съ молодымъ орденомъ верховнымъ правомъ жизни и смерти, подобно тому какъ епископы дѣлились съ нимъ своимъ значеніемъ и привилегіями. Встрѣтивъ такую усиленную оппозицію, всякій другой папа, менѣе энергичный, отказался-бы отъ рискованнаго предпріятія. Но не таковъ былъ Григорій IX и его другъ Пеньафорте, люди, никогда не отступавшіе отъ разъ поставленной задачи.

Пеньафорте употребилъ все свое искусство, чтобы осуществить задуманную мысль, ловко провелъ новый корабль чрезъ всѣ подводныя скалы и крѣпко поставилъ его на якорь. Епископамъ внушили, что они ничего не теряютъ, что они имѣютъ право судить совмѣстно съ инквизиторами, когда того желаютъ. Ихъ утѣшили игрушкой права, такъ какъ хорошо знали, что при многочисленности ихъ занятій и ихъ склонности къ почестямъ, а не къ дѣйствительнымъ привилегіямъ, они никогда сами не придутъ въ трибуналъ. Они стали потому тѣнью судей, а вся сила, знаніе и власть остались за инквизиторами, которые со временемъ могли совершенно ихъ

вытѣснить и дѣйствовать не только вполнѣ самовластно, но даже какъ безаппеляціонное учрежденіе, независимо отъ римскаго престола. Что касается свѣтской власти, то одной анаѳемы, которая безгранично расточалась папами въ то время, было бы достаточно, чтобы заставить непокорныхъ государей привести въ исполненіе всякую мѣру латеранскаго двора. Но, не пользуясь своимъ историческимъ могуществомъ, папство хотѣло съ обоюднаго согласія провести новую мѣру. Свѣтскимъ судьямъ предоставили также мнимое участіе въ трибуналѣ. Правительство и городъ назначили своихъ ассессоровъ и другихъ членовъ въ трибуналъ, которые постепенно лишались всякаго голоса въ каноническихъ дѣлахъ, имъ мало знакомыхъ, и которые, опасаясь невольнаго, но легко возможнаго перемѣщенія на скамью подсудимыхъ, должны были подтверждать приговоры инквизиторовъ. Третья часть конфискованныхъ имуществъ шла въ вознагражденіе правительству за такую сдѣлку.

Преодолѣвъ эти препятствія, инквизиція встрѣтила новыя. Они заключались въ прінсканіи средствъ къ существованію трибуналовъ. Надо было платить свѣтскимъ судьямъ, содержать инквизиторовъ и тюрьмы, кормить плѣнниковъ, съ достаточной церемоніей исполнять постановленія инквизиціи. Для этого изыскивали разные источники, но, не желая вооружить народъ новыми десятинами, сошлись на томъ, чтобы городъ содержалъ трибуналы на свой счетъ, а въ вознагражденіе пользовался долею конфискацій и штрафовъ. Заручившись правомъ существованія, скоро сдѣлавшись вполнѣ самостоятельной, инквизиція черезъ четыре столѣтія, стала не только грозою тѣхъ же епископовъ, но вмѣстѣ и императоровъ и даже самого римскаго престола, который подчинила своему контролю. Она совершала безнаказанно всякія злодѣйства, потому что убѣжденіе въ ея силѣ и даже святости укоренилось въ умахъ.

Она назвалась Officium Sanctae inquisitionis. Уже первыя возстанія противъ нея окружили ее ореоломъ какого-то страдальчества за правду. Протестъ, который сопровождалъ первые, робкіе шаги ея, выходилъ даже отъ самыхъ ревностныхъ католиковъ. Онъ вырывался какъ вопль негодованія средневѣковой общины, которая видѣла, что теряетъ свои существенныя привилегіи, первой изъ которыхъ было право всякой личности судиться гласнымъ, болѣе или менѣе гуман-

нымъ и независимымъ судомъ. Для массы, въ первый еще разъ, послѣ введенія христіанства, религія явилась какимъ-то гнетомъ. Уничтоженіе ереси не могло искупить всего зла, какое приносилъ съ собою этотъ чуждый, азіатскій юридическій принципъ. Либеральныя римскія и германскія формы суда успѣли пустить глубокіе корни на Западѣ; вырвать ихъ могли лишь послѣ сопротивленія и именно только авторитетомъ религіи. Вопли негодованія послышались во всѣхъ странахъ и нельзя не подмѣтить въ нихъ борьбы за старое право противъ новаго, которое впослѣдствіи организовалось у Ле-Бутельера и въ Каролинѣ по инквизиціонному образцу.

Инквизиціонное судопроизводство.

Засѣданія происходили въ опредѣленные дни и часы. Въ каждомъ большемъ городѣ Европы былъ непремѣнно доминиканскій монастырь. Одну изъ залъ его очищали для засѣданій трибунала. Въ Тулузѣ онъ имѣлъ даже особый домъ, этотъ первообразъ всѣхъ доминиканскихъ монастырей. Такой же домъ былъ въ Каркассонѣ, богатый архивъ которой служитъ источникомъ для исторіи инквизиціи. При такихъ монастыряхъ, въ подвальныхъ этажахъ, обращенныхъ во дворъ, часто устраивали тюрьмы съ желѣзными дверями и рѣшетками, безъ пола и безъ свѣта. Если въ какомъ монастырѣ тюрьмы не было, то городъ обязанъ былъ или приготовить особое помѣщеніе для церковныхъ преступниковъ въ своей темницѣ или выстроить особую тюрьму.

При входѣ въ монастырь и въ залъ трибунала, стояла инквизиціонная стража. Въ низенькой, но большой комнатѣ, въ которую едва прорывался слабый свѣтъ изъ маленькихъ оконъ, невзрачной, какъ всѣ помѣщенія того времени, съ узорчатымъ деревяннымъ потолкомъ, за длиннымъ столомъ, на широкой лавкѣ сидѣли инквизиторы въ бѣлыхъ и коричневыхъ сутанахъ, съ шапочками на головахъ, подпоясанные веревками. Около нихъ помѣщался архіепископъ, епископъ или архидіаконъ въ парадномъ костюмѣ, за ними нѣсколько священниковъ и человѣкъ 10 или 20 черныхъ оффиціаловъ трибунала. На стѣнѣ висѣли—булла и крестъ, эмблема инквизиціи. На особомъ мѣстѣ помѣщался нотаріусъ или секретарь, чаще всего тоже изъ духовныхъ, а иногда одинъ изъ консультантовъ, къ которымъ судьи обыкновенно мало обращались. Сперва приглашали свидѣтелей и, послѣ прочтенія краснорѣчиваго внушенія, отбирали и записывали ихъ показанія.

Такимъ образомъ составлялся цѣлый актъ, который снова прочитывался вслухъ свидѣтелямъ, при чемъ спрашивали ихъ подтвержденія. По этому акту постановляли приговоръ объ арестѣ обвиняемаго. Въ тотъ же день его сажали въ тюрьму. На слѣдующее засѣданіе стража вводила подсудимаго. Ему прочитывали обвиненія неизвѣстнаго лица, гдѣ рядомъ съ истинными подробностями естественно перемѣшивались ложь и клевета. Немногіе имѣли смѣлость сразу и прямо признавать себя еретиками. Съ ними дѣло кончалось скоро или обращеніемъ, соединеннымъ съ наказаніемъ, или казнію въ случаѣ упорства. Обыкновенно главный инквизиторъ начиналъ допросъ подсудимаго, искусно испытывая его въ вѣрѣ. Для этого у инквизитора имѣется особая инструкція „ad haereticos". Допросы по пунктамъ незначительно варіировались, смотря по роду обвиненія. Но количество вопросовъ оставалось почти всегда одинаковое. Записавъ показанія, инквизиторъ сравнивалъ ихъ съ словами доносчиковъ и допрошенныхъ свидѣтелей. Въ случаѣ, если подсудимый начиналъ сбиваться, противорѣчить самому себѣ, обвинять въ клеветѣ неизвѣстнаго доносчика, то снисходительный инквизиторъ могъ показать ему копію доноса, но съ пропускомъ именъ. Онъ могъ спросить его: — нѣтъ-ли у него личныхъ враговъ, давно-ли и почему они питаютъ злобу къ нему и кто именно? Онъ также будто случайно напоминаетъ ему имена лицъ, сопричастныхъ обвиненію, интересуется въ какомъ отношеніи онъ находится къ нимъ, а если оказывалось, что подсудимый не имѣетъ противъ нихъ ничего, то уже не могло быть мѣста оправданію. Продолжая упорствовать, онъ одинаково навлекалъ на себя или осужденіе, если попадалъ въ руки снисходительныхъ, или мученія пытки, если имѣлъ несчастіе стать жертвою какого нибудь суроваго фанатика.

Еще до введенія инквизиціи, на всемъ Западѣ прибѣгали къ испытанію огнемъ и водою, какъ къ средству дознанія истины. Такой обычай господствовалъ и въ варварскіе и въ темные вѣка. По древнимъ германскимъ преданіямъ еще языческой эпохи, всякій, выдержавшій такое испытаніе, считался оправданнымъ. Судъ огнемъ и водой былъ короткимъ и правымъ въ глазахъ людей, не вышедшихъ еще изъ дикаго кочеваго состоянія. Этимъ людямъ могло казаться, что само божество вмѣшивается свыше въ положеніе человѣка и посылаетъ слабому смертному могучія силы выдержать

страшное испытаніе. Введеніе пытки въ процессахъ религіозныхъ было однимъ изъ наслѣдій, переданныхъ германскимъ язычествомъ христіанскому міру и Церкви. Ордаліи въ сущности были пыткой; за то, вынесшій испытаніе безусловно считался оправданнымъ. Но служители христіанскаго Бога оказывали несравненно меньшее сострадание къ вынесшему пытку, чѣмъ язычники; первые не признавали его правымъ, если бы онъ продолжалъ отрекаться отъ ереси, если бы даже на ихъ глазахъ оказалъ чудеса геройства, потому что эти люди не могли примириться ни съ какою уступкой, не нарушивъ своихъ основныхъ принциповъ. Понятно, что ордаліи дикихъ, грубыя сами по себѣ, являлись чѣмъ-то благороднымъ, сравнительно съ пыткою, введенною въ трибуналахъ инквизиціи. Развившись изъ языческихъ ордалій, пытка сперва и носила такой характеръ. Извѣстія о первыхъ пыткахъ въ религіозныхъ дѣлахъ тщательно занесены въ лѣтописи. Въ 1144 г. въ Суассонѣ въ первый разъ подвергли испытанію водой найденныхъ тамъ катаровъ, потомъ въ Арассѣ въ 1182 году. На реймскомъ соборѣ 1157 г. было постановлено пытать еретиковъ раскаленнымъ желѣзомъ. Въ Безансонѣ въ 1209 г. и въ Страсбургѣ въ 1212 г. такая пытка была примѣнена къ вальдензамъ (1). Это привело въ негодованіе папу Иннокентія III, который сдѣлалъ строгій выговоръ епископамъ и на латеранскомъ соборѣ 1215 г. въ XVIII канонѣ воспретилъ это варварство. Но послѣ его смерти, злоупотребленія епископовъ возобновились. Въ 1217 г. пытали еретиковъ въ Камбре (2). Но тогда выдержавшій пытку могъ еще надѣяться получить оправданіе. Когда инквизиція упрочилась съ 1233 г., то она эксплуатировала эту наивную вѣру германскихъ племенъ въ ордаліи. Въ ея рукахъ испытаніе сдѣлалось лишь принудительнымъ средствомъ къ сознанію.

Такъ какъ вообще инквизиторы не нуждались въ сознаніи подсудимаго, то пытка являлась ничѣмъ инымъ, какъ орудіемъ жестокости. Впрочемъ должно замѣтить, что она была заимствована изъ свѣтскихъ судовъ. Одинъ изъ инквизиторовъ наединѣ руководилъ истязаніями; ему нужны были только служители и иногда секретарь; послѣдній былъ тоже изъ духовныхъ. Конрадъ марбургскій отличался особенной изобрѣ-

(1) Regest. Innoc. III; XI, 46; XIV, 138.
(2) Ces. Heisterbacensis. Illustria miracula, 167.

тательностію въ пыткахъ; онъ говорилъ, что добивается признанія только для оправданія своей совѣсти. Но личности въ родѣ Конрада марбургскаго или Петра веронскаго были исключеніями даже между инквизиторами. Сравнительно съ испанской эпохой, инквизиція Лангедока и Италіи употребляла пытки весьма рѣдко. Тогда какъ въ Испаніи инквизиторы почти все дѣло производили въ пытальной камерѣ, доминиканцы перваго времени, за ничтожными исключеніями, относились къ пыткѣ съ внутреннимъ отвращеніемъ. Они старались дѣйствовать не на тѣло, а на духъ подсудимаго. Они никогда правда не стѣснялись обманомъ и лукавствомъ, хотя дѣйствовали вообще осторожно. Большинство инквизиторовъ разсчитывали на свою итальянскую ловкость и на краснорѣчіе ([1]). Они пугали подсудимаго страхомъ смерти, рисовали ему ужасы ада. Въ темницѣ грозили ему дать очную ставку съ свидѣтелями, что отстраняло само собою всякое снисхожденіе. Наконецъ въ казематъ являлись бывшіе знакомые и друзья несчастнаго, подосланные трибуналомъ. Они уговаривали его во всемъ сознаться, чтобы избѣгнуть смерти. Тотъ увѣрялъ ихъ, что обвиненіе вымышлено, что онъ честный католикъ, въ чемъ приносилъ клятву. Тогда инквизиторъ приказывалъ привести жертву въ пытальную камеру. Страшныя орудія, хотя не доведенныя еще до позднѣйшаго усовершенствованія и артистической утонченности, непривѣтливо выглядывали съ разныхъ концевъ. Жертва была непреклонна. Инквизиторъ говорилъ подсудимому, что его клятва ложна, что онъ напрасно клевещетъ на себя и навлекаетъ тѣмъ на инквизицію тяжелую обязанность ([2]). Пытки одна за другой слѣдовали по ихъ тяжести: —дымомъ, водой и огнемъ. Немногіе могли дотянуть до третьей. Это разнообразіе и методичность истязаній могли появиться только послѣ буллы Иннокентія IV 1252 г., гдѣ вѣжливо пытка была замаскирована словами „умаленіе членовъ". Инквизиція

([1]) Нотаріусъ и секретарь, выбранные изъ священниковъ или мелкаго духовенства, въ силу буллы отъ 9 дек. 1256 г., отнимали всякій характеръ правосудія и самостоятельности отъ трибунала. Въ буллѣ не скрывали цѣли: Nos tamen in favorem fidei, cujus in hac parte negotium geritur etc. (Doat; XXXI, 198, также f. 271), что подтверждено въ 1260 г. Но впослѣдствіи явились во Франціи широкія гарантіи для нотаріусовъ, ставшихъ агентами королевскаго прокурора; объ этомъ у Doat. XXXI, 15.

([2]) Ivonetus. Tract. de haer. paup. de Lugduno,—Mart. et Dur. V, 1789.

взяла отъ свѣтскихъ судовъ готовыя формы пытки и ея орудія. Постоянное вздергиваніе на блокѣ, отъ котораго растягивались мускулы и хрустѣли кости въ обыкновенной пыткѣ испанскихъ инквизиторовъ, нѣсколько подходило къ смыслу этого выраженія, но это ничѣмъ не напоминало германскія ордаліи. Палачи были одѣты въ длинную черную одежду кающихся; ихъ голова была закрыта капишономъ, въ которомъ прорѣзаны были только отверстія для глазъ, носа и рта. Они связывали назадъ руки подсудимаго, поднимали его по блоку на воздухъ за веревку, нѣсколько времени держали въ такомъ положеніи на воздухѣ, и потомъ сразу кидали на полъ. Ужасныхъ криковъ, которые тогда издавала жертва, никто не слышалъ, такъ какъ пытки производились обыкновенно ночью, въ глухомъ подвалѣ, откуда не проникалъ ни одинъ звукъ. Давъ пытаемому придти въ себя, приступали къ нему тотчасъ же или немного спустя съ новыми допросами, за которыми могла послѣдовать пытка водой. Подсудимаго опаивали, вливали воду въ носъ и въ уши до онѣмѣнія. Это сопровождалось еще наружными истязаніями, страшной болью отъ гвоздей, которыми была истыкана скамья и которые впивались въ тѣло. Еретикъ истекалъ кровью, но его могли подвергнуть новой ужаснѣйшей пыткѣ: разводили огонь, клали ногами къ пламени и палили въ такомъ положеніи медленнымъ огнемъ (¹). Каждая пытка продолжалась около часа. Но, повторяемъ, разукрашенныя подробности пытокъ, которыя связаны съ памятью объ инквизиціи, относятся преимущественно къ испанской эпохѣ, къ временамъ истребленія мавровъ, евреевъ, колдуновъ, вѣдьмъ, къ XV и XVI столѣтіямъ. Въ XIII и XIV вѣкахъ въ Ломбардіи, Лангедокѣ, Франціи и Италіи, пытка примѣнялась рѣдко; орудія ея не были замысловаты; системы и утонченностей почти не существовало. Личная жестокость какого нибудь инквизитора значила здѣсь столько-же какъ отдѣльный фактъ свирѣпаго насилія, деспотизма и имѣла смыслъ частнаго явленія. Въ 1311 г. Климентъ V, если не могъ возбранить пытку, то по крайней мѣрѣ ограничилъ ея приложеніе. Въ силу „Климентинъ“ для нея требовалось непремѣнное согласіе епископа.

(¹) Mém. conc. l'inq. p. 27.—Подробнѣе Llorente для позднѣйшаго времени, т. е. примѣнительно къ испанской инквизиціи.

Такъ или иначе, но признаніе отъ подсудимаго добывали. Защитить его никто не могъ. Трибуналъ былъ учрежденіемъ закрытымъ; проникнуть въ него постороннему безъ приглашенія было почти невозможно. Всякая дружба, преданность, энергія замирали на его порогѣ. Но въ свободныхъ городахъ Италіи и Лангедока, съ издавна привыкшихъ къ суду гласному, съ присяжными и защитниками, не могло не проявиться попытки внести защиту и въ духовный трибуналъ. Вѣроятно вслѣдствіе этого Григорій IX издалъ буллу, въ которой запрещалъ свѣтскимъ судьямъ, адвокатамъ, нотаріусамъ оказывать какую либо защиту подсудимымъ, подъ опасеніемъ лишенія должностей. Единственно, что допускалось,—и то вѣроятно для лицъ высокопоставленныхъ въ должностной и свѣтской іерархіи,—это аппеляція къ папѣ. Тогда всѣ документы, протоколъ и приговоръ, посылали въ Римъ. Тамъ, согласно каноническому праву, папа утверждалъ или измѣнялъ сентенцію. Инквизиторы лично ѣздили въ Римъ оправдываться и давать объясненія. Только папа могъ взять осужденнаго подъ свое покровительство. Кардиналы изрѣдка являлись разбирать жалобы на инквизиторовъ. Такъ продолжалось до половины XIV столѣтія. Но потомъ и эта слабая узда была снята.

Впрочемъ провансальская инквизиція не всегда была безпощадна; она знала оправдательные приговоры. Тогда трибуналъ выдавалъ подсудимому копію съ своего постановленія, въ которомъ имя обвинителя конечно не упоминалось. Тѣнь подозрѣнія все-таки оставалась; подсудимый былъ близокъ къ преступленію по убѣжденію инквизиторовъ, и легкое дисциплинарное наказаніе, какъ то: усиленная молитва, земные поклоны считались необходимыми. Въ то же время, оправданный получалъ отъ инквизитора секретно, ad cautelam, разрѣшеніе отъ всякаго дальнѣйшаго преслѣдованія за свой мнимый проступокъ.

Приговоры инквизиторовъ.

Разбирая громадную массу протоколовъ, чаще всего встрѣчаешь приговоръ, объявлявшій подсудимыхъ въ положеніи подозрѣваемыхъ. При многочисленности подсудимыхъ, при томъ характерѣ процесса, когда малѣйшаго желанія всякаго лица было достаточно для привлеченія кого угодно къ отвѣтственности, — это было весьма естественно. Улики были ничтожныя, свидѣтель твердилъ однѣ стереотипныя

фразы: я слышалъ, такъ говорили, и т. п. Подсудимый оказывался съ виду истиннымъ католикомъ, но разъ закравшееся подозрѣніе нельзя было уничтожить никакими доводами. Подозрѣніе формулировалось трояко: слабое, тяжкое и сильное. Но должно замѣтить, что даже для права быть въ подозрѣніи требовалось все таки оправданіе отъ обвиненія, а слѣдовательно, казалось бы и отъ всякаго соучастія. За симъ слѣдовало полное клятвенное отреченіе отъ всякихъ видовъ ереси, которой прежде можетъ быть вовсе и не зналъ подозрѣваемый. Тогда съ него снимали отлученіе и принимали въ лоно Церкви какъ обращеннаго (reconciliatus), но присуждали все же къ церковному покаянію на три года. Это значило оставить въ самомъ легкомъ подозрѣніи.

Тотъ, который послѣ всѣхъ допросовъ, даже пытки, отказывался дать отреченіе отъ ереси, можетъ быть не чувствуя за собой никакой вины и не желая клеветать на себя, а можетъ быть и по упорству, наказывался собственно по категоріи подозрѣваемыхъ. Такіе считались оставленными въ тяжкомъ и сильномъ подозрѣніи. Они состояли подъ анаѳемой и, если въ продолженіи года не пріобрѣтали права освободиться отъ нея, то считались еретиками упорными (obstinati), хотя бы противъ нихъ въ этотъ годъ не было представлено никакихъ обвиненій. Тогда ихъ снова приводили въ трибуналъ и безповоротно рѣшали ихъ участь, передавая въ руки свѣтской власти. Вполнѣ отрекшійся и получившій прощеніе, но послѣ снова впавшій въ ересь или заподозрѣнный, уже не получалъ никакого снисхожденія, а признавался отпавшимъ (relapsus). Ему былъ одинъ исходъ — смерть на кострѣ, — судьба еретика нераскаяннаго и необращеннаго. Обратившійся къ трибуналамъ съ раскаяніемъ раньше года получалъ прощеніе, снятіе отлученія, но подъ условіемъ примѣненія особыхъ дисциплинарныхъ наказаній, весьма тяжелыхъ. Онъ долженъ былъ носить покаянную одежду темнаго цвѣта, сшитую на манеръ сутаны съ большимъ крестомъ на груди и на спинѣ—saco bendito, san benito (zamarra у испанцевъ)—мѣшокъ, въ который просовывалась одна голова. Онъ долженъ публично бичевать себя и примириться съ путешествіями къ св. мѣстамъ, бдѣніемъ, постомъ, истязаніями и постоянной молитвою въ продолженіи опредѣленнаго времени. Самый обрядъ разрѣшенія, по истеченіи срока

эпитимьи, совершался торжественно въ главной церкви города, въ присутствіи разрѣшеннаго.

Acta fidei.

Первая инквизиція несравненно болѣе дорожила жизнію человѣка, чѣмъ испанская. Казни сравнительно были ничтожны. Это происходило не столько отъ духа ея законодательства, хотя послѣ оно стало значительно суровѣе, сколько отъ условій средневѣковыхъ ересей. Большая часть альбигойцевъ предпочитала обращеніе и покаяніе, хотя и притворное; не только подозрѣваемые соумышленники, даже прямые еретики, въ большинствѣ случаевъ сознавались при началѣ допроса; многіе являлись добровольно, разсчитывая на снисхожденіе. Мы говорили, что альбигойство, по самому принципу своихъ доктринъ, не любило и не цѣнило мученичествъ. И потому въ нѣсколькихъ фоліантахъ протоколовъ передача въ руки свѣтской власти, т. е. смертный приговоръ, встрѣчается весьма рѣдко, какъ исключеніе. За то въ большихъ городахъ рѣдкое воскресенье въ доминиканскихъ монастыряхъ и въ каѳедралахъ не было обращенія какого нибудь еретика и подозрѣваемаго, а по улицамъ провансальскихъ и ломбардскихъ городовъ постоянно сновали взадъ и впередъ черные люди съ двумя крестами на груди, а нерѣдко съ опущенными на лицо капишонами, а также женщины съ желтыми крестами на черныхъ вуаляхъ. Такъ какъ казни были рѣдки, то актъ вѣры, actum fidei, atto di fede, а у испанцевъ auto da fe, какъ единственный публичный обрядъ инквизиціи, привлекалъ къ себѣ все вниманіе публики и потому совершался съ нѣкоторою торжественностію. По воскресеньямъ обыкновенно читали въ церквахъ, кого, гдѣ и когда будутъ принимать въ лоно католичества, и приглашали народъ слушать проповѣдь такого-то отца инквизитора. Если обращенный былъ изъ числа сильно подозрительныхъ, то во всѣхъ церквахъ въ назначенный день не допускали проповѣди, чтобы сосредоточить все вниманіе на одномъ мѣстѣ. Какъ на праздникъ, народъ устремлялся въ соборъ смотрѣть на еретика. По большей части это былъ человѣкъ ничѣмъ не причастный къ альбигойству, а такой же католикъ какъ и другіе, имѣвшій счастіе быть оставленнымъ въ слабомъ подозрѣніи. Онъ стоялъ на особой эстрадѣ, босой, въ простой черной одеждѣ. Начиналась обѣдня. Послѣ Апостола, отецъ инквизиторъ велерѣчиво громилъ еретиковъ. Потомъ онъ переходилъ къ предмету торжества. Онъ разсказывалъ, какъ было дѣло,

скрывая имена, и заключалъ, что подсудимому дозволено отречься въ присутствіи всѣхъ предстоящихъ. Тотъ клялся надъ крестомъ и Евангеліемъ, подписывалъ актъ отреченія, если умѣлъ писать, инквизиторъ разрѣшалъ его и внятно прочитывалъ то каноническое наказаніе, которому онъ подвергался.

Наказанія.

Оно различествовало по степени подозрѣнія и по прихотливой изобрѣтательности различныхъ соборовъ. Постановленія, начертанныя самимъ Доминикомъ, служили основой всякой эпитимьи [1]. Но костюмъ и другія условія покаянія разнообразились. Простые еретики и подозрѣваемые носили два желтыхъ креста, но бывшіе „совершенными" и духовными альбигойскими носили третій крестъ, мужчины на капишонахъ, а женщины на вуаляхъ. Капишонъ спускался на лицо; въ немъ были прорѣзаны отверстія для глазъ и губъ. Въ такомъ нарядѣ, обращенный еретикъ походилъ на фигуру восточнаго схимника. При каждой церковной процессіи всѣ кающіеся должны были присутствовать. Вмѣсто свѣчей они несли розги. По окончаніи крестнаго хода они подходили къ священникамъ для полученія слѣдуемыхъ ударовъ. Разъ въ мѣсяцъ они должны были являться съ такой же странной просьбой въ тѣ дома, гдѣ прежде они встрѣчались съ еретиками. Они три раза въ году пріобщались; дома и въ церкви клали учащенные поклоны. Они не могли пропускать ни одной службы и соблюдали посты. Въ этомъ отношеніи каявшемуся предлагалась цѣлая діэта, тщательно опредѣлявшая, въ какой день ему слѣдовала какая пища. Во время поста онъ стоялъ за дверью церковной до Великаго Четверга. Ему предписано было обойти замѣчательные храмы и монастыри Франціи, Италіи и Испаніи, славные или своими мощами или воспоминаніями.

Гораздо безпощаднѣе относилась инквизиція къ тѣмъ, кто предъ лицомъ ея сохранялъ упорство въ своей вѣрѣ и, горделиво не отрекаясь отъ ереси, провозглашалъ свою вѣру святой или кто только на пыткѣ сознавался въ ереси. Первое влекло къ костру, второе къ пожизненному заключенію въ государственной тюрьмѣ. То и другое сопровождалось про-

---

(1) «Hoc officium delegatae Inquisitionis generalis inquisitor Dominicus pro toto mundo esse creatum». Ludovicus a Paramo. De origine et progressu S. Inquis. C. I, c. 2. Въ рукописныхъ протоколахъ passim, напр. Doat; XXXI, 2 etc.

клятіемъ. Каждое воскресенье повторялась эта анаѳема на страхъ всѣмъ вѣрнымъ. Во время чтенія похороннаго списка, молящіеся тушили свои свѣчи, а колокола погребально звонили.

Отношеніе государственной власти.

Государственная власть съ своей стороны бралась быть орудіемъ исполненія приговора и въ вознагражденіе получала большую долю изъ имущества осужденнаго. Обыкновенно коммуна, инквизиція, епископъ одинаково были наслѣдниками всего достоянія казненнаго. Коммуну смѣнилъ впослѣдствіи королевскій фискъ, когда Лангедокъ сталъ принадлежать королевской коронѣ, а въ Италіи — мѣстные принчипи, когда исчезла независимость городовъ (1). Описанная движимость шла на тюрьмы и на содержаніе служителей трибуналовъ. Дома, въ которыхъ жили еретики, не доставались никому. Они, какъ оскверненные, должны быть разрушены; на то мѣсто, гдѣ они стояли, свозили нечистоты (2). Всякій, кто сталъ бы строиться тутъ или предполагалъ очистить и культивировать такое мѣсто, подвергался отлученію. Инквизиція въ точности опиралась на законы Фридриха II. Раймондъ VII тулузскій до того простеръ свою ревность къ истребленію альбиойскихъ жилищъ, что даже озаботился сносить отдаленныя хижины въ лѣсахъ и горахъ. Интересно наблюдать въ документахъ эту сдѣлку. За сколько продавали себя инквизиторамъ католическіе государи?

Содѣйствіе королей Франціи.

Во Франціи могущественная королевская власть цѣлыя столѣтія служила инквизиторамъ своими прокурорами и нотаріусами для производства дѣла. Съ теченіемъ времени, около XIV столѣтія, когда послѣдніе встали подъ наблюденіе прокурора, тотъ предписывалъ имъ слѣдить чтобы не было злоупотребленій и грабежа (pilleries) монаховъ въ трибуналахъ. Нотаріусы, прежде весьма скромные, стали теперь значить болѣе чѣмъ секретари; они назначались изъ легистовъ

---

(1) Альфонсъ, графъ Тулузы, не выѣзжавшій почти изъ Франціи, особенно заботился объ этой статьѣ своихъ доходовъ. Онъ часто напоминалъ о томъ своимъ viguiers. Doat. XXXI, 228, 254 etc. Тамъ же IX булла Иннокентія IV; f, 71.

(2) Fiat sordium receptaculum, писалъ еще Иннокентій III въ Reg. X, 130, — Sententia contra pomos in quibus fuerunt personae hereticate, произнесенная въ 1309 г., подтверждается въ Liber sent. inq. Tolosanae.

съ учеными степенями докторовъ и баккалавровъ. Они сами и ихъ помощники должны были непремѣнно присутствовать при каждомъ процессѣ. Они скрѣпляли, подписывали приговоръ и прикладывали къ нему печать (praesens interfui, recepi et solito signo meo hic manu propria me subscripsi). Всѣ легаты заботились лишь о выгодѣ королевскаго фиска, и имъ было съ руки подобное учрежденіе, которое легко могло подъискивать внезапные источники доходовъ. Мы знаемъ, что послѣ короли довели свою законную треть до половины. При канцеляріяхъ инквизиціи открылась особая канцелярія нотаріуса. Королевскій прокуроръ просматривалъ всѣ процессы, которые нотаріусъ обязанъ былъ препровождать къ нему подъ опасеніемъ штрафа въ 100 солидовъ. Прокурора интересовалъ собственно доходъ, а вовсе не юстиція, потому что онъ на каждой страницѣ видѣлъ ея посмѣяніе.

Обѣ стороны жили въ тѣсной дружбѣ. Одна изъ другой извлекала возможныя выгоды. Ни нотаріусъ, ни кто либо изъ свѣтскихъ лицъ не могли касаться духовныхъ дѣлъ безъ полномочія инквизиторовъ. Никто не могъ быть арестованъ по какому бы то ни было церковному дѣлу безъ приказанія инквизиторовъ, а это была обширная подсудность, такъ какъ сверхъ всего трибуналъ наблюдаетъ еще за благочиніемъ и жизнью священниковъ, благочиніемъ церковнымъ и порядкомъ богослуженія ([1]). Что могло избавить и обезопасить отъ знакомства съ застѣнками инквизиціи, особенно при такихъ отношеніяхъ къ ней свѣтской власти? Послѣдняя за всѣ свои услуги требовала одного, чтобы ей сообщали объ арестахъ и осужденіяхъ — „et ouy le procureur du Roi afin que le droit du Roy soit garde et justice decisement administrée“ ([2]). Такимъ удовлетвореніемъ личнаго самолюбія до-

---

([1]) Это видно изъ «Forma sent. degraditionis et immurationis contra aliquem sacerdotem vel clericum aut personam Ecclesiasticam qui baptizavit aliquos imagines in fontibus baptismalibus in formam baptismii in Ecclesia aliqua vel exiam contra Ecclesiam ad feciendum aliqua sortilegia, vel maleficia, seu ad aliquos actus illicitos, vel in debite procurandum.... Item qui hostiam non consecratam ministravit scienter alicui loco hostiae consecratae cum pari reverentia et honore». Doat: XXIX, 259 — 263. «Procedere contra omnes qui se opposuerunt contra officium seu negotium fidei sibi commissum». XXX, 23.

([2]) Doat; XXXI, 17.

вольствовалась монархическая власть. Никакой королевскій чиновникъ не могъ освободить изъ тюрьмы человѣка, заключеннаго инквизиторами. Такая попытка судилась-бы на равнѣ съ еретичествомъ. Бонифацій VIII подтвердилъ это своими декреталіями (1).

Всякій гражданинъ, подданный короля, подвергнутый заточенію, становился собственностью инквизиціи или лучше одного папы. На вѣчное заточеніе обрекались тѣ подсудимые, которые только послѣ крайнихъ угрозъ и пытки, отрекались отъ ереси. Заточеніе могло быть временнымъ, если преступникъ обнаруживалъ признаки искренняго раскаянія. Но это было исключеніемъ и нуждалось въ особомъ утвержденіи епископа. По освобожденіи, обращенный былъ обязанъ самъ преслѣдовать еретиковъ. Просидѣвшій въ заточеніи опредѣленное время, всегда могъ быть снова привлеченъ къ наказанію, если того требовала польза вѣры, а поводовъ къ тому всегда бывало достаточно.

Казни еретиковъ.

Еретики, отъ которыхъ судъ не могъ вынудить отреченіе, такъ называемые упорные (impenitenter obstinati) и вторично отпавшіе (relapsi),—присуждались къ смерти, безъ упоминанія слова казнь. Трибуналъ въ такихъ случаяхъ постановлялъ: предать виновнаго въ руки свѣтской власти. Послѣдняя знала, что́ скрывается подъ этими лаконическими словами. Такъ велось съ веронскаго собора 1183 г. Въ свою очередь властямъ нельзя было не совершить казни надъ осужденнымъ, ибо это равнялось ослушанію воли и распоряженія трибунала. Должно замѣтить, что инквизиторы вообще избѣгали этой формулы. Они употребляли всѣ искреннія усилія, чтобы одолѣть нераскаяннаго и не допустить его до костра. Они понимали, что казнь за убѣжденія не есть само по себѣ ни исправленіе, ни наказаніе, что она осѣняетъ преступника вѣнцомъ мученика и многихъ подчиняетъ его примѣру. Они высоко цѣнили жизнь человѣка. Все, что внушало имъ благоразуміе, діалектика, искусство убѣжденія — они прилагали къ дѣлу; они всѣми мѣрами строгости и кротости старались подѣйствовать на нераскаяннаго, чтобы вернуть его къ Церкви. Ему давали время одуматься. Родные, друзья, ловкіе проповѣдни-

(1) Traité sur les privilèges de l'inq.—Doat, XXX, 21.

ки навѣщали его въ тюрьмѣ и бесѣдовали съ нимъ. Наконецъ приходилъ самъ епископъ. Еретикъ уже требовалъ казни; онъ видимо горѣлъ нетерпѣніемъ погибнуть на кострѣ. Но инквизиторы тоже не уступали; они удвоивали свои просьбы и свою любезность. Ему обѣщали облегчить заключеніе по возможности. Когда ничто не помогало — назначали день казни и снова отдаляли его. Иногда приговоръ смѣнялся заключеніемъ наканунѣ траурной церемоніи. Такъ какъ казни случались довольно рѣдко и были событіемъ, то онѣ обыкновенно волновали всю окрестность. Народъ стекался въ городъ, по особому извѣщенію, ко дню казни. Объ этомъ читали во всѣхъ церквахъ епархіи. На площади готовили подмостки съ связками дровъ. Осужденнаго приводили въ одной рубашкѣ, окруженнаго служителями инквизиціи. Въ его рукѣ былъ факелъ; передъ нимъ несли распятіе. Духовенство съ хоругвями открывало процессію, потомъ шелъ главный инквизиторъ, окруженный клирошанами, пѣвшими духовные гимны, и знаменосецъ инквизиціи. За нимъ, по два въ рядъ, шли члены трибунала. Народъ, переполнявшій площадь и кровли домовъ, падалъ ницъ передъ страшнымъ знаменемъ. Когда процессія останавливалась на мѣстѣ казни, то секретарь прочитывалъ краткое извлеченіе изъ дѣла и приговоръ инквизиціи. Тогда инквизиторъ всходилъ на трибуну. Онъ говорилъ объ ужасахъ и нечестіи ереси, передавалъ осужденнаго, какъ нераскаяннаго, въ руки свѣтскаго правосудія и произносилъ надъ нимъ проклятіе. Тогда окружалъ еретика отрядъ воиновъ, одинъ изъ королевскихъ чиновниковъ возглашалъ, что въ силу существующихъ узаконеній еретики предаются сожженію. Палачи связывали осужденнаго и костеръ поджигали.

Такъ какъ фанатичные еретики, не ожидая пощады, сами умерщвляли себя (endura) то инквизиціонная бюрократія выработала актъ объ особомъ осужденіи тѣхъ еретиковъ, которые наложатъ на себя руки (1).

Если агенты инквизиціи нигдѣ не находили еретика и онъ не являлся по вызову, то какъ contumax, ослушный, онъ тѣмъ самымъ признавалъ себя нераскаяннымъ еретикомъ. По этому заочный приговоръ составлялся обыкновенно въ этомъ смыслѣ, съ тою только разницей, что вмѣсто отсутствующаго горѣло его изображеніе деревянное, или бумаж-

(1) Doat; XXIX, 208—210.

ное. Дѣти и внуки погибшаго на кострѣ еретика были лишены всѣхъ гражданскихъ правъ; они не могли получить никакого гражданскаго и духовнаго мѣста, хотя бы оставались католиками. Надъ ними тяготѣло проклятіе отцевъ.

Страшныя жертвы, принесенныя инквизиціею во имя религіи, послужили не на пользу, а во вредъ ей. Церковь въ нихъ не могла нуждаться, потому что онѣ опозорили ее. Скоро и сами инквизиторы, хранившіе долго безстрастность и руководившіеся одною фанатическою ревностію къ своему дѣлу, подпали соблазну и стали злоупотреблять своей безотчетной и громадной властью. Уже въ XIII ст. раздался обвинительный голосъ противъ злоупотребленій. „Почему отказываютъ обвиненнымъ въ законномъ ихъ правѣ защищать себя? спрашивалъ одинъ изъ католическихъ богослововъ. Зачѣмъ обвиняютъ въ ереси честныхъ женщинъ, единственно за то, что онѣ отказываются удовлетворить безпутнымъ предложеніямъ нѣкоторыхъ священниковъ, тогда какъ въ то же время отпускаютъ безъ покаянія богатыхъ еретиковъ, которые могутъ заплатить судьямъ и откупиться?" ([1]).

Эти слова открываютъ такія тайны трибуналовъ, которыя никакъ не могли попасть въ оффиціальные протоколы инквизиціи. Значитъ позднѣйшіе инквизиторы, которые безчестили еретичекъ и мнимыхъ вѣдьмъ послѣ осужденія, или покупали ихъ расположеніе ложными обѣщаніями спасенія ихъ жизни, имѣли отчасти готовый примѣръ въ преданіяхъ трибуналовъ прежняго времени. Пылкая ненависть, которую всегда внушали къ себѣ католическіе духовные въ Лангедокѣ, бывшіе гасителями культуры и цивилизаціи страны, ненависть, художественнымъ памятникомъ которой служатъ вѣчно свѣжіе стансы провансальскихъ трубадуровъ, обязана своею силою болѣе всего дѣятельности инквизиторовъ, системѣ насилія, которую они приносили съ собою, ихъ методичной жестокости, особенно лицемѣрію, корыстолюбію и низости. Въ инквизиціи выразилась отрицательная сторона Римской Церкви, вредившая католицизму, ослаблявшая и подрывавшая его авторитетъ.

Перейдемъ теперь къ явленіямъ иного характера, къ положительной сторонѣ въ историческихъ судьбахъ этой Церкви.

([1]) Petrus Cantor. «Verbum abbreviatum». — Migne. Patr. CCV.

Рыцарство и его происхожденіе.

Общая картина жизни католической Церкви будетъ далеко не полна, если мы не представимъ развитія тѣхъ сторонъ ея и учрежденій, въ которыхъ выразилось ея соприкосновеніе съ самимъ обществомъ. Типичнѣе всего проявились эти стороны въ рыцарствѣ, духъ и организація котораго были обусловлены Церковью и еще ярче въ такъ называемыхъ духовно-рыцарскихъ орденахъ, блистательная эпоха существованія которыхъ принадлежитъ къ XIII столѣтію. Потому, прежде чѣмъ закончить эту главу разсмотрѣніемъ нравственнаго состоянія духовенства, слѣдуетъ съ должнымъ вниманіемъ, хотя не съ спеціальными подробностями, остановиться на происхожденіи, обычаяхъ, образѣ жизни рыцарей лучшей поры ихъ, а также на исторіи трехъ знаменитыхъ обществъ: госпиталитовъ, тампліеровъ и тевтоновъ. Этимъ выяснится и сила церковнаго вліянія на общество того времени, и тѣсная связь католицизма съ жизнію. Въ формѣ рыцарскихъ учрежденій общество вступило въ живое соприкосновеніе съ Церковью.

Рыцарство было порожденіемъ католической Церкви; оно выросло подъ ея крыломъ и окрѣпло въ ея нѣдрахъ; оно служило Церкви, а вмѣстѣ и общественному порядку, продолжая играть великую историческую роль, пока не образовались и не развились другія учрежденія на закатѣ среднихъ вѣковъ, болѣе соотвѣтствовавшія такому призванію. Что рыцарство было созданіемъ Церкви видно изъ того, что оно умерло съ упадкомъ религіознаго энтузіазма. Несправедливо думать что рыцарство возникло въ лѣсахъ полудикой Германіи; еще неосновательнѣе выводить его происхожденіе изъ условій воинственной жизни сарацинъ. И теперь еще, многіе историки объясняютъ возникновеніе учрежденій рыцарства указаніемъ на обычаи древнихъ германскихъ воиновъ, которые, препоясывая мечемъ своихъ сыновей, возлагали на нихъ руки, наставляли ихъ въ храбрости и брали съ нихъ клятву сражаться за родину. Эти воители отдаленныхъ вѣковъ не руководились тѣмъ возвышеннымъ духомъ самоотверженія, который составляетъ отличительную сторону рыцарства всѣхъ христіанскихъ народовъ безъ различія племени. Равнымъ образомъ нельзя, вмѣстѣ съ нѣкоторыми нѣмецкими историками, приписывать королю германскому Генриху Птицелову (918—936 г.) руководящую роль въ развитіи рыцарства. Это предположеніе основывается на боевой славѣ и гром-

кихъ побѣдахъ Генриха, одержанныхъ имъ надъ венграми, датчанами, славянами. Полагали, что этими побѣдами король былъ обязанъ усовершенствованію военнаго дѣла и преимущественно кавалерійскаго строя, вообще той дисциплинѣ, которую Генрихъ умѣлъ придать тогдашнему нѣмецкому воинству. Нѣкоторые нѣмецкіе историки шли еще дальше и утверждали, что именно въ 914 г., послѣ битвы съ венграми подъ Мерзебургомъ, король въ окрестностяхъ Геттингена устроилъ первый рыцарскій турниръ. Конечно, такія историческія явленія, какъ рыцарство, не создаются волею государей и ихъ повелѣніями. Рыцарство принимало постепенно ту сложную и типичную организацію, съ которою оно извѣстно въ исторіи. Надо замѣтить, что воображеніе средневѣковыхъ нѣмецкихъ лѣтописцевъ приписывало тому же Генриху Птицелову такія дѣянія, которыя были результатомъ исторіи цѣлыхъ столѣтій. Онъ считался, напримѣръ, виновникомъ возникновенія городскаго сословія. Что Генрихъ не могъ имѣть понятія о ритуалѣ рыцарей, тогда не существовавшемъ,—это несомнѣнно. Онъ самъ не былъ проникнутъ идеями рыцарства и, конечно, не могъ внушить ихъ другимъ. Между пограничной стражей въ маркахъ короля Генриха и рыцарствомъ среднихъ вѣковъ нѣтъ ничего общаго. Въ рыцарствѣ выразилось торжество идеальныхъ началъ надъ матеріальными условіями жизни. Духъ рыцарства,—въ коемъ объединяется весь Западъ и всѣ племена населявшія его,—приносилъ за собою прогрессъ. Мусульманскіе витязи вовсе также не расположены были погибать ради идеи служенія ближнему. Такой духъ только и могъ проявляться подъ вліяніемъ христіанства и особенно католицизма, подъ воздѣйствіемъ тѣхъ условій, которые переживалъ Западъ въ эпоху всеобщаго разложенія общественныхъ элементовъ, въ страшное время политической безурядицы и гражданскаго хаоса, когда чувствовалась необходимость нравственной сдержки. Тогда, какъ извѣстно, Римская Церковь пришла на помощь обществу. Она старалась спасти что было возможно, умиротворяя, подавляя насилія и раздоры, дѣйствуя словомъ проповѣди и страшнаго загробнаго наказанія на непокорныхъ. Благотворному вліянію и энергіи правящаго католическаго духовенства Западъ былъ обязанъ Божьимъ перемиріемъ, о чемъ мы говорили въ свое время (I, 424). Но и этого было мало. Надо было воззвать къ благороднымъ чувствамъ немногихъ, призвать ихъ на помощь

страдающимъ отъ насилія себѣ подобныхъ, надо было самоотверженными подвигами этихъ немногихъ, обнажившихъ мечъ въ защиту ближнихъ, устыдить тѣхъ, которые унизились до звѣрскаго состоянія. Этого Церковь достигла поученіями и назиданіями; она задѣла благороднѣйшія струны человѣческой природы и увидѣла, какъ тутъ и тамъ, на Западѣ воины-феодалы, чаще и чаще, становились защитниками храмовъ, слабыхъ, безпомощныхъ, женщинъ и дѣтей. Тогда-то и реализировалась христіанская идея любви къ ближнему въ т. н. рыцарствѣ [1].

Призваніе и обязанности рыцаря.

Истинный рыцарь былъ прежде всего воинъ (Ritter, chevalier), но подъ однимъ условіемъ борьбы въ защиту слабаго и обиженнаго. Нельзя документально прослѣдить исторію рыцарства; рыцарскіе уставы рѣдко регламентировались на бумагѣ; они сами собою проникали въ жизнь; ихъ знали всѣ, до кого они касались; ихъ не было надобности издавать.

Существеннымъ призваніемъ рыцарства было служеніе Богу, чести и женщинѣ. Во Франціи, гдѣ рыцарство нашло наиболѣе благопріятную почву, благодаря вліянію увлекающагося кельтскаго племени, въ XIII вѣкѣ сложился девизъ, выражающій это призваніе: A Dieu mon âme,—Ma vie au

---

[1] О рыцарствѣ много писали въ старое время. До сихъ поръ имѣетъ классическое значеніе сочиненіе: La-Curne de Sainte Palaye. Mémoires sur l'ancienne chevalerie, considérée comme un établissement politique et militaire. P. 3 vls. 1759—87; съ прим. Nodier, P. 2 vls. 1826.—Conz. Über den Geist und die Gesch. des Ritterwesens älterer Zeit, vorzüglich in Rücksicht auf Deutschland, G. 1786.—Ziegesar. Über Ritterwesen, Point d'honneur etc. Stg. 1793.—Kaiserer. G. des Ritterwesens im Mittelalter. W. 1804.—Büsching. Ritterzeit und Ritterwesen. L. 1823. — Gottschalk. Die Ritterburgen und Bergerschlösser Deutschlands. H. 9 B. 1835.—C. Mills. History of Chivalry, or Knighthood and it times. L. 2 v. 1826.—F. Serré et P. Lacroix. Vie militaire et religieuse au moyen âge et à l'époque de la Renaissance. P. 5 éd. 1876,—одинъ изъ 4 томовъ великолѣпно иллюстрированнаго и капитальнаго изданія по среднимъ вѣкамъ, единственный недостатокъ котораго отсутствіе указаній источниковъ и пособій. Прочіе томы посвящены искусству, наукѣ и литературѣ, обычаямъ и правамъ (5 изд. 1877). Изъ новѣйшихъ соч.—Prutz. Kulturgeschichte des Kreuzzüge, B. 1883.—Въ русской литературѣ заслуживаетъ вниманія статья Ешевскаго. Женщина въ средніе вѣка въ Западной Европѣ (Соч. т. III, 343—403).—Популярный очеркъ Петелина,—Рыцарство (Новь, 1888, № 21—24)—хорошо составленный, удобенъ для чтенія въ классахъ.

roi,—Mon coeur aux dames,—L'honneur pour moi. Это служеніе проявлялось въ борьбѣ съ оружіемъ въ рукахъ. Для рыцаря были обязательны слѣд. положенія, своего рода 10 заповѣдей, въ коихъ всѣ дѣйствія его были предусмотрѣны. Рыцарь долженъ былъ: 1) быть вѣрнымъ сыномъ католической Церкви, 2)—слугою ея и борцемъ, 3)—защищать слабыхъ и угнетенныхъ, 4)—любить родину, 5)—сражаться съ невѣрными, 6)—не отступать передъ врагами, 7)—повиноваться сюзерену, 8)—быть щедрымъ и милостивымъ ко всѣмъ, 9)—исполнять разъ данное слово, чего бы это ни стоило, 10)—бороться съ неправдой и съ насиліемъ, гдѣ бы рыцарь ни встрѣтилъ такое зло. Въ этихъ заповѣдяхъ выразилось все призваніе и назначеніе рыцаря, небеснымъ покровителемъ котораго по справедливости считался архангелъ Михаилъ, по Апокалипсису, низринувшій чудовищнаго дракона въ преисподнюю. Подобно ему, христіанскій рыцарь долженъ былъ карать и уничтожать всякое зло на землѣ.

Обстановка рыцаря соотвѣтствовала его призванію и назначенію.

Рыцарскіе замки.

Эти укрѣпленные непривѣтливые замки, называвшіеся донжонами, обнесенные стѣнами, широкими внизу и съуженными вверху, съ выступными въ стѣнахъ балконами, восточными мушараби и съ отверстіями вдоль ихъ, т. н. мамикулями, съ башнями и съ бойницами, опоясанные глубокими рвами, по первому знаку наполнявшимися водою, съ поднятыми перпендикулярно на цѣпяхъ подъемными мостами, эти узкіе, длинные, неубранные, съ каменнымъ поломъ покои, отъ которыхъ всегда вѣяло холодомъ и пахло сыростью и плѣсенью, гдѣ пауки свободно плели паутину, и гдѣ по ночамъ сновали летучія мыши, это отсутствіе всякихъ удобствъ и обстановки, эти голыя деревянныя скамьи вдоль стѣнъ, массивные сундуки, простые столы для трапезы, покои, украшавшіеся только гигантскими каминами, въ которыхъ сразу сгорали цѣлые стволы деревьевъ, неуютныя семейныя комнаты съ узкими окнами, въ которыхъ долго стекла замѣняли слюда, промасленная бумага и роговыя пластинки, едва пропускавшія свѣтъ, эти темницы въ подвалахъ для непокорныхъ слугъ и плѣнниковъ, которыя были немногимъ хуже помѣщенія свиты, эти потаенные ходы прорытые подъ оврагами, плохо сколоченныя деревянныя службы, напоминавшія простые сараи,—все это по-

казывало что обитатели рыцарскихъ замковъ не привыкли къ удобствамъ жизни и вовсе не были избалованы комфортомъ. Если король Филиппъ II Августъ и его супруга мѣняли платья только три раза въ годъ: на Рождество, въ Успенье и въ день св. Андрея, а бѣлье немного чаще, то во сколько разъ хуже была обставлена жизнь феодаловъ и прочихъ рыцарей. И мущины и женщины средневѣковаго времени жили въ грязи, носили бѣлье до износа и привыкали къ миріадамъ насѣкомыхъ, какъ къ обычнымъ своимъ житейскимъ спутникамъ.

Дѣтство рыцаря.

Къ этой суровой жизни, исполненной часто добровольныхъ лишеній, будущій рыцарь подготовлялся съ дѣтства. Когда мальчикъ достигалъ 7-лѣтняго возраста, мать предоставляла воспитаніе ребенка отцу, который черезъ 5—6 лѣтъ обыкновенно отправлялъ сына въ чужой домъ, чаще всего къ сюзерену, гдѣ его помѣщали въ числѣ пажей, нисколько не заботясь о какихъ либо удобствахъ. Въ рыцарскихъ романахъ часто изображаются трогательныя сцены прощанья отцовъ и матерей съ дѣтьми, осужденными, казалось, безъ всякой надобности, вести въ нѣжные годы скитальческую жизнь, обреченными питаться подачками съ чужаго стола, лишенными на долго материнскихъ заботъ и родительскихъ ласкъ. Въ этихъ наставленіяхъ выражаются взгляды людей тогдашняго такъ называемаго высшаго общества на задачи жизни.

—„Прежде всего, наставляли родители, помни что ты сынъ рыцаря, руководись всегда честью и храни славу своего рода. Будь храбръ и скроменъ вездѣ и со всѣми, потому что похвальба въ устахъ хвастуна есть порицаніе самого себя. Полагайся во всемъ на Бога. Когда выростешь, будь первымъ въ бою и послѣднимъ въ совѣтахъ; старайся хвалить подвиги не свои, а другихъ рыцарей, ибо тотъ кто скрываетъ славу рыцаря, есть грабитель его. Къ низшимъ будь добръ и снисходителенъ; за это отъ нихъ тебѣ воздастся сторицею противъ высшихъ, ибо люди сильные похвалы твои всегда примутъ за должное, а бѣдняки повсюду разнесутъ твою славу.“—Мать надѣвала на сына ковчежецъ съ мощами, отецъ вручалъ кошелекъ съ небольшимъ количествомъ монетъ на дорожные расходы, домашній капелянъ, совершивъ мессу, благословлялъ будущаго рыцаря, и вотъ мальчикъ, взобравшись на мула, сопутствуемый вѣрнымъ дядькой, переселялся къ своему сюзерену.

Пажи.

Здѣсь ему поручали разныя обязанности; очень часто изъ него дѣлали слугу. Онъ назывался во Франціи пажемъ, валетомъ, въ Германіи юнкеромъ. Онъ прислуживалъ госпожѣ, господину и ихъ гостямъ за столомъ, былъ на посылкахъ, сопутствовалъ въ прогулкахъ и на охотѣ, обучался пѣснямъ трубадуровъ, если имѣлъ призваніе, но всегда занимался физическими упражненіями, гимнастикою, въ которой достигалъ замѣчательнаго совершенства. Верховая ѣзда, искусство владѣть оружіемъ, копьемъ, мечомъ, алебардой и сѣкирой, охота—все это было на первомъ планѣ. Весьма часто молодые люди достигали удивительнаго развитія физической силы и изумительной ловкости. Они не только однимъ ударомъ копья пробивали насквозь металлическія латы, но взмахомъ сѣкиры или алебарды разбивали большіе камни; они должны были не только достигнуть совершенства въ управленіи боевымъ конемъ, но старались въ тяжелыхъ доспѣхахъ съ разбѣга вскочить на лошадь безъ стремянъ и, не довольствуясь тѣмъ, съ пріемами искуснѣйшихъ и отважныхъ наѣздниковъ, ухитрялись перепрыгивать черезъ коня и даже черезъ голову всадника, уцѣпившись за его плечи.

Оруженосцы.

Обыкновенно на 15-мъ году опытный и отважный пажъ становился оруженосцемъ своего господина. Для этого требовалась особая религіозная церемонія. Родители пріѣзжали въ замокъ принять участіе въ торжествѣ. Они подводили сына къ алтарю, имѣя зажженныя свѣчи въ рукахъ; капелянъ благословлялъ мечъ и кинжалъ, передавая то и другое будущему воину. Тогда обязанности юноши становились болѣе отвѣтственными и положеніе его въ замкѣ значительно улучшалось. Онъ становился членомъ семьи, если ему не давали спеціальныхъ порученій, напримѣръ, завѣдыванія столомъ, слугами, конюшней. Но обыкновенно было принято за правило проводить оруженосца по всѣмъ степенямъ домашняго хозяйства, прежде чѣмъ сдѣлать изъ него спутника и сотрудника въ походахъ. Въ бою оруженосцы,—имѣвшіе право носить кромѣ обычнаго платья только кожаный или шерстяной гобиссонъ, обыкновенно набитый паклей, стальную броню изъ колечекъ и шишакъ безъ забрала и нашлемника,—располагались во второй линіи. Они подавали рыцарямъ запасное вооруженіе, обмывали ихъ раны, исполняли обязанность слугъ и вступали въ бой только какъ резервъ, когда первая линія терпѣла пораженіе.

Оруженосцы не ограничивались службою у одного господина. Они переходили отъ одного къ другому, чтобы пріобрѣсти большую опытность въ военномъ дѣлѣ. Ихъ рѣдко допускали до участія въ турнирахъ, но имъ не возбранялось, а даже предлагалось устраивать примѣрные турниры, на которыхъ сражались оружіемъ неопаснымъ для противниковъ. Опытные рыцари руководили этимъ пробнымъ состязаніемъ.

Посвященіе въ рыцари.

Наконецъ, послѣ долгаго испытанія, наставала пора оруженосцу сдѣлаться рыцаремъ. Убѣдившись въ достаточной военной подготовкѣ оруженосца, а прежде всего въ его нравственныхъ качествахъ, въ преданности Церкви, въ честности и вѣрности слову, — синьоръ назначалъ день посвященія въ рыцари. Въ мирное, спокойное время эта церемонія обставлялась особою торжественностью и обыкновенно совершалась наканунѣ великихъ праздниковъ или дней, чествуемыхъ королевскимъ дворомъ. Она носила религіозный характеръ такъ какъ главное призваніе рыцаря заключалось въ защитѣ Церкви. Новиціатъ готовился къ рыцарскому посвященію строгимъ постомъ и молитвою. Послѣ исповѣди и причастія, онъ надѣвалъ на себя бѣлыя льняныя одежды и, становясь „кандидатомъ“ въ рыцари (отъ слова candidus), съ вечера удалялся въ церковь, гдѣ, послѣ вечерни, оставался на всю ночь, предаваясь благочестивымъ размышленіямъ. Рано утромъ являлись въ церковь воспріемники и уводили новиціата въ баню. Затѣмъ его клали на постель, одѣвали въ тѣ же бѣлыя одежды, опоясывали мечемъ, накидывали на плечи бѣлый или черный плащъ и вводили въ церковь. Обрядъ посвященія начинался въ церкви, а кончался въ большой залѣ донжона. Священники читали соотвѣтственныя молитвы надъ каждымъ предметомъ вооруженія и одѣянія рыцарскаго, но самое облаченіе совершалось въ залѣ замка, куда кандидатъ шествовалъ, при звукѣ трубъ и громѣ барабановъ, въ сопровожденіи свиты и пажей, несшихъ его доспѣхи и оружіе на бархатныхъ подушкахъ. Обрядъ посвященія совершало коронованное или знатное лицо, пользовавшееся громкою славою или особою извѣстностью. Посвящаемый падалъ ницъ передъ синьоромъ; тотъ давалъ ему лобзаніе и приказывалъ выслушать чтеніе рыцарскихъ законовъ. Длинный свитокъ развертывался на аналоѣ. Это было подробное изложеніе 10 основныхъ заповѣдей рыцаря. По выслушаніи поученія, синьоръ ударялъ

колѣнопреклоненнаго новиціата мечомъ по плечу три раза, цѣловалъ его и приказывалъ помазать елеемъ. При этомъ онъ произносилъ слѣдующую формулу:

— Именемъ Бога Всемогущаго, во славу Отца и Сына и Святаго Духа и св. великомученика Георгія, провозглашаю тебя рыцаремъ. Отнынѣ ты будешь соблюдать всѣ правила и добрые уставы рыцарства. Блюди вѣрность Богу, своему синьору и дамѣ. Помогай вдовамъ и слабымъ, щади сирыхъ, не спѣши карою и местью. Посѣщай храмъ Божій и твори милостыню. Служи женщинамъ и защищай честь ихъ, ибо слава рыцаря, послѣ Бога, создается женщиной".

— „Въ незримомъ соприсутствіи Господа Бога, отвѣчалъ рыцарь, передъ лицомъ моего синьора, возлагая руки на сіе Евангеліе, обѣщаюсь и клянусь соблюдать законы наши и служить вѣрно славному рыцарству нашему".

Съ этой минуты всѣ государи и могущественные синьоры становились равными посвященному.

Возложеніе доспѣховъ и оружія сопровождалось по ритуалу особыми возглашеніями и небольшими рѣчами, текстъ которыхъ въ разныхъ странахъ не представлялъ значительныхъ измѣненій. Надо замѣтить, что въ подробностяхъ самый ритуалъ выработался лишь въ позднѣйшее время, къ XIII столѣтію; въ X—XI вѣкахъ его не знали, такъ какъ посвящали въ рыцари чаще всего на боевомъ полѣ или на дворѣ замка, безъ особаго торжества. Но ударъ мечомъ колѣнопреклоненнаго оруженосца, краткое назиданіе въ нѣсколькихъ словахъ составляли постоянную и существенную часть обряда посвященія. Затѣмъ рыцарю подвязывали золотыя шпоры, подавали ему щитъ съ родовымъ гербомъ, знакомъ доблести предковъ, мечъ, копье, надѣвали на голову шлемъ съ рѣшетчатымъ забраломъ, которое закрывало лицо во время боя, и подшлемникомъ, на руки перчатки, на грудь панцырь. Этимъ церемонія кончалась. Рыцарь садился на коня, покрытаго богатой попоной съ гербами и роскошно убраннаго, при чемъ говорились реплики по поводу каждой части конскаго убора. Одна изъ красавицъ или супруга синьора въ заключеніе прикалывала перья къ шлему рыцаря и перевязывала его шарфомъ. Трубные радостные звуки заканчивали церемонію, за которою слѣдовалъ пиръ. На немъ посвященный, освободившись отъ доспѣховъ и вооруженія, занималъ почетное мѣсто, одѣтый обыкновенно въ мантію на бѣличьемъ мѣху (1).

(1) Сохранилась стихотворная эпопея Гуго изъ Тиверіады (Hugues de

Значительное большинство рыцарей вышло изъ среды потомковъ германскихъ и норманскихъ завоевателей. Но были рыцари и изъ народа. Тогда ихъ посвящали сами государи. Въ этомъ отношеніи былъ щедръ императоръ Фридрихъ I Барбаросса, часто посвящавшій храбрецовъ на полѣ битвы. Когда французскій король Филиппъ IV былъ разбитъ на голову фламандцами,—о чемъ мы будемъ говорить въ свое время,—то въ видахъ продолженія войны онъ объявилъ наборъ конницы безъ различія сословій, при чемъ отецъ, хотя бы то былъ виланъ, имѣвшій двухъ сыновей, долженъ былъ отдать одного для королевской службы, а имѣвшій трехъ сыновей — двухъ. Изъ этихъ рядовъ очень многіе простолюдины за выдающуюся храбрость были возведены королемъ въ рыцари. Но они никогда не могли быть знаменными рыцарями (le chevalier banneret, di bandiera, Bannerheer), которые имѣли привилегію надѣвать знамя на концѣ копья и которымъ предшествовало большое квадратное гербовое знамя.

Турниры.

Извѣстно, что въ средніе вѣка общественные элементы складывались не по національностямъ, а по сословіямъ. Рыцари всѣхъ странъ были близки между собою. Понятно, что они уже по уставу рыцарскому щадили другъ друга. Потому до изобрѣтенія пороха битвы не были кровопролитны. Воинственное возбужденіе поддерживали въ рыцарствѣ т. н. турниры. Эти примѣрныя сраженія были сперва практикою, средствомъ изученія военнаго дѣла, соотвѣтствуя нашимъ маневрамъ. Потомъ средство стало цѣлью и турниры устраивались совершенно самостоятельно между рыцарями одной націи даже въ военное время, въ промежуткахъ между сраженіями. Они бывали иногда также—и даже болѣе—кровопролитны какъ и настоящія битвы [1]. Это была дань храбрости, отвагѣ, стремленіе къ подвигу, прорывавшееся въ безцѣльной тратѣ физическихъ силъ, которыхъ чувствовался избытокъ. Церковь иногда

Tabaric) о посвященіи въ рыцари Саладина, въ которой художественно объясненъ каждый актъ церемоніи. См. F. Serré. Vie militaire et religieuse; 159—160. Это — поэтическое развитіе обращеній къ посвящаемому.

[1] Историки сохранили память о погибшихъ на турнирахъ. Такъ въ Саксоніи на турнирахъ 1175 г. пало 60 рыцарей, въ Нейссѣ — 42 рыцаря и много пажей. Особенно много погибло въ Шалонѣ въ 1273 г., почему шалонскій турниръ названъ «малой войной». Здѣсь сражался Эдуардъ I съ графомъ Шалонскимъ. Въ 1175 г. убитъ на турнирѣ молодой графъ Конрадъ Мейссенскій, а въ 1260 г. маркграфъ Іоаннъ Бранденбургскій.

препятствовала этимъ кровавымъ упражненіямъ, особенно если они сопряжены были съ гибельными послѣдствіями [1]. Папа Иннокентій II запретилъ предавать христіанскому погребенію убитыхъ на турнирахъ. Эти кровавые поединки большею частію въ глазахъ общества сочетались съ идеею преданности дамамъ, во имя которыхъ они обыкновенно устраивались, но очень часто красавица была только предлогомъ для схватки между двумя партіями рыцарей, коими руководило не сердечное чувство, а военное соревнованіе. Турниры велись по особому обстоятельно составленному уставу. Сословный, строго аристократическій принципъ лежалъ въ основѣ турнировъ. Сражаться могли рыцари равнаго происхожденія; на поединокъ выходили люди, гордившіеся не менѣе какъ четырьмя поколѣніями благородныхъ предковъ. Заподозрѣнные въ чемъ либо рыцари, происходившіе изъ горожанъ или хотя и знатные, но состоявшіе на жалованьи у городовъ, до турнировъ не допускались. Все это провѣрялось особою коммиссіею почетнѣйшихъ рыцарей. Одинъ изъ старѣйшихъ рыцарей былъ распорядителемъ и главнымъ посредникомъ; на его обязанности лежало слѣдить за ходомъ турнира; однимъ прикосновеніемъ своего копья онъ заблаговременно прекращалъ поединокъ, если исходъ его грозилъ смертельной опасностью той или другой сторонѣ.

О предполагаемомъ турнирѣ оповѣщали задолго, разсчитывая дать время приготовиться сторонникамъ, друзьямъ и знакомымъ обоихъ соперниковъ. Дамы и дѣвицы занимали почетнѣйшія мѣста. Пышно одѣтыя въ цвѣта той или другой партіи, онѣ пріѣзжали часто издалека. Въ нихъ заключался для рыцарей весь интересъ предстоящаго боя, ибо каждый воинъ избиралъ одну изъ нихъ предметомъ своей нѣмой страсти и считалъ отрадой пролить кровь ради ея улыбки. Получить за храбрость послѣ побѣды въ награду изъ рукъ дамы серебряный или золотой вѣнокъ, перстень или вышитую перевязь—считалось верхомъ блаженства. Предварительно герольды опредѣляли право участія въ бою рыцарей по гербамъ и шлемамъ, при чемъ недостаточно родовитые устранялись.

Раздавались звуки сигнальнаго рожка. Рыцари по-парно, подчиняясь жребію, выѣзжали на арену окруженную амфи-

(1) У Матвѣя Парижскаго подъ 1228 г. мы нашли интересное указаніе по поводу турнировъ. Баронъ Рожеръ Тони, котораго считали умершимъ, воскресъ, чтобы разсказать своему брату о томъ,—какія муки его ожидаютъ на томъ свѣтѣ за участіе въ турнирахъ.

театромъ, нижнія ступени котораго были унизаны дамами въ яркихъ платьяхъ, обшитыхъ золотыми и серебряными позументами, а верхнія—массою горожанъ, горожанокъ, цеховыхъ и вилановъ. По данному знаку рыцари начинали съѣзжаться сперва по двое, потомъ въ прогрессивно возрастающемъ количествѣ паръ, держа копья на перевѣсъ. Пораженные и выбитые изъ сѣдла, если на то соглашались побѣдители, могли драться на мечахъ пѣшими и иногда поединокъ кончался смертельной раной, если посредникъ не останавливалъ рѣзню во время. Обыкновенно ряды сражавшихся увеличивались появленіемъ новыхъ храбрѣйшихъ, часто неизвѣстныхъ рыцарей, объявлявшихъ свои имена только судьямъ турнира, намѣренно скрывавшихъ свой гербъ. Они чаще всего рѣшали исходъ турнира и, избѣгая огласки, добровольно лишаясь заслуженной награды изъ рукъ „королевы", спѣшили удалиться. Очень рѣдко ихъ успѣвали остановить и вручить призъ и еще рѣже убѣждали открыть свое имя.

Мы уже говорили, какъ неправильно приписывали Генриху I Птицелову учрежденіе турнировъ. Если начало ихъ нельзя относить къ 914 г., то несомнѣнно, что въ первой половинѣ XI вѣка турниры уже упрочились и стали обычнымъ рыцарскимъ упражненіемъ, потому что около 1050 г. Готфридъ Прельи (Geoffroi Preuilli) составилъ уставъ турнировъ. Такимъ образомъ первые поединки рыцарей, хотя безъ правилъ, могли происходить въ концѣ X вѣка или въ началѣ XI вѣка. Этимъ путемъ разрѣшается вопросъ о времени происхожденія рыцарства по крайней мѣрѣ въ сѣверной Галліи и въ Германіи. Это не значило что культъ рыцарства выработался въ это время повсюду. Въ Италіи, напримѣръ, слабо привилось рыцарство; тамъ оно было не популярно, ибо на апеннинскомъ полуостровѣ царила муниципальная идея, содѣйствовавшая болѣе другихъ прогрессу исторіи, идея, рядомъ съ которой рыцарство представлялось чѣмъ то отсталымъ. Рыцарство имѣло существенною задачей защищать слабыхъ, а въ Италіи это само собою достигалось законами, которые существовали не только въ бумажныхъ латинскихъ формулахъ, но и на самомъ дѣлѣ внушали къ себѣ уваженіе. Рыцарство защищало честь женщинъ, но послѣднія въ Италіи издавна были подъ гарантіей общественнаго высокаго культурнаго развитія. Рыцарство ратовало за вѣру, а въ Италіи, въ эпоху самаго горячаго энтузіазма, во время даже первыхъ крестовыхъ походовъ, относились скептически не только къ по-

бужденіямъ крестоносцевъ, но вообще къ вопросамъ вѣры. Тамъ старались извлечь коммерческія выгоды и изъ энтузіазма заальпійскихъ народовъ и изъ фанатизма крестоваго ополченія. Французы и англичане, испанцы и германцы поступали самоотверженно, а итальянцы расцѣнивали это самоотверженіе на деньги. Такимъ образомъ въ эпоху развитія рыцарства Италія заняла изолированное положеніе. Но за исключеніемъ Италіи повсюду на Западѣ было одинаковое настроеніе.

Служеніе Церкви было высшимъ призваніемъ и благороднѣйшимъ назначеніемъ рыцаря. Этимъ рыцарство отражало общее настроеніе громаднаго большинства населенія католическихъ государствъ западной и средней Европы.

Общественные типы.

Богатые и бѣдные, колоны и крѣпостные одинаково видѣли въ борьбѣ за вѣру свое призваніе въ жизни. Богатыя женщины поддерживали Церковь пожертвованіями. Самоотверженіе было въ жизни весьма обычнымъ явленіемъ; служеніе Богу понимается при такихъ условіяхъ даже лучшими людьми въ смыслѣ аскетическихъ подвиговъ. Въ отдѣльныхъ случаяхъ крайности такого рода встрѣчались тѣмъ чаще, чѣмъ ниже стояла практическая нравственность въ массѣ общественной. Генрихъ Бородатый, силезскій герцогъ, и его жена Гедвига тридцать лѣтъ жили подвижническимъ образомъ; они совершенно притупили свои чувства. Крайняя степень раскаянія послѣ бурной и разбойнической жизни овладѣвала страстными дѣятелями той эпохи; въ монастырѣ они терзали свое тѣло. Графъ Вильгельмъ Монпелье отказалъ бо̀льшую часть своихъ доходовъ и имущества духовенству: четырехъ сыновей онъ назначилъ въ духовное сословіе, а пятаго отдалъ въ опеку епископа до его совершеннолѣтія, оставивъ ему лишь часть законнаго наслѣдства. Все это дѣлалось подъ вліяніемъ религіознаго увлеченія, обратившагося въ потребность. Чтобы проникнуть въ ту эпоху и ея духовно-нравственные идеалы, надо ознакомиться съ спеціальными монографіями, хотя бы напримѣръ, о знаменитой подвижницѣ той эпохи, Елизаветѣ (1). Дочь венгерскаго короля, она была выдана за ландграфа Тюрингіи Людвига IV, въ которомъ предугадала человѣка, сходнаго съ ней по натурѣ. Онъ еще при жизни

(1) Montalembert. Hist. de Sainte Elisabeth de Hongrie.—Wegele. Die heilige Elisabeth von Thüringen.

считался святымъ. Елизавета завидовала его подвигамъ и вполнѣ слѣдовала его примѣру. Она любила мужа; у ней вырвался сердечный крикъ боли при извѣстіи о его кончинѣ: „все погибло для меня, весь міръ умеръ въ немъ“. Ея сынъ остался малолѣтнимъ; регентомъ былъ объявленъ ея шуринъ, будущій соперникъ Фридриха II, анти-императоръ Генрихъ IV Распе. Герцогиня осталась вдовою на 21 году; она рѣшительно отвергла всякія предложенія о замужествѣ; она презрѣла красоту свою. Прежде всего она открыла народу обширные хлѣбные и зерновые магазины; она быстро раздала хлѣбомъ и деньгами 64 тысячи флориновъ, сумму огромную для того времени, изъ собственной казны; она ежедневно кормила 900 человѣкъ нищихъ. Съ нѣжностью матери ухаживала она за больными женщинами въ устроенномъ ею лазаретѣ для простаго народа. Четыре года спустя, она умерла францисканкой. Страдальческій образъ этой женщины, столь типичной для оцѣнки лучшей стороны нравовъ той эпохи, не былъ исключительнымъ явленіемъ.

Культъ Мадонны.

Рыцарская эпоха цѣнила эти нравственныя доблести, но не ограничивалась ими. Рыцари искали чего-то неземнаго и находили это на небѣ. Тогда католическое богословіе разработало догматъ о Богородицѣ. Это поэтическое представленіе не могло не увлечь рыцарей, по крайней мѣрѣ благороднѣйшихъ и самоотверженнѣйшихъ изъ нихъ. Такіе рыцари посвятили себя всецѣло борьбѣ за идеально-небесную личность, которая постепенно приняла человѣческія формы въ ихъ пылко настроенномъ воображеніи, доходившемъ до болѣзненности.

Эта борьба вытекла изъ обожанія Мадонны, развившагося въ поклоненіе ей. Оботвореніе Богоматери, этого идеала высоко-вдохновенныхъ душъ, приводило часто къ самоубійству. Оно шло вмѣстѣ съ развитіемъ обожанія женщины; одно сильно вліяло на другое; скоро для иныхъ оба понятія, небесное и чувственное, смѣшались. Нашъ Пушкинъ воспроизвелъ такого рыцаря. Точно вызванный изъ могилы, грустный образъ витязя вновь ожилъ благодаря творчеству поэта (1).

(1) Пушкинъ. Сцены изъ рыцарскихъ временъ. (Соч. изд. Литер. фонда, 1887; IV, 328). «Жилъ на свѣтѣ рыцарь бѣдный.—Молчаливый и простой» и т. д. Окончаніе первоначальной редакціи не вошло въ извѣстное теперь стихотвореніе (см. тамъ же, стр. 334).

«И Пречистая сердечно — Заступилась за него
«И пустила въ царство вѣчно — Паладина своего.

Города, государства отдавались покровительству Богородицы. Культъ Св. Дѣвы былъ существеннымъ явленіемъ среднихъ вѣковъ. Мадонна сдѣлалась любимымъ образомъ поэтовъ. Рыцарь вспоминалъ, какъ ребенкомъ онъ слышалъ въ проповѣди: „Избери ее за мать, за супругу, за подругу. Какъ только ты полюбишь ее, то почувствуешь неизъяснимую сладость быть любимымъ взаимно и тогда уже нельзя будетъ полюбить никакую другую женщину“. Энтузіазмъ къ Мадоннѣ поддерживался легендами въ тѣхъ людяхъ, которые предпочитали обожаніе ея всѣмъ мірскимъ наслажденіямъ; умереть въ бою за нее было верхомъ и земнаго и небеснаго блаженства; то было мученичество. Конечно все это могли испытывать лишь тѣ, которые, чувствуя призваніе къ серьознымъ цѣлямъ жизни, отказывались отъ всякихъ земныхъ увлеченій. Въ одностороннe развитомъ воображеніи средневѣковаго рыцаря, при имени Дѣвы Маріи, являлось представленіе о томъ безмѣрно высокомъ положеніи, какое занимала она въ небесной іерархіи, являлось понятіе объ особомъ ея покровительствѣ всякому рыцарскому служенію во славу женщины; отсюда уже культъ переходилъ въ практическую жизнь.

Суды любви. Отношенія къ женщинѣ выработали цѣлый условный кодексъ чувствъ, выразившійся въ регламентаціи взаимныхъ отношеній, „въ судахъ любви“. Но это обожаніе женщины возвышало ее только въ обществѣ; въ семьѣ положеніе женщины оставалось такимъ же, какимъ оно было и прежде, если еще не сдѣлалось хуже. Никто изъ рыцарей не могъ уклониться отъ поклоненія красотѣ. Съ той минуты, какъ рыцарь получалъ посвященіе, онъ избиралъ себѣ даму, которой обязывался въ вѣрности, хотя бы онъ былъ семьяниномъ. Жена его оставалась низшимъ, закрѣпощеннымъ существомъ. Рыцарь, живя съ женой, переносилъ свою идеальную любовь на другую женщину. Конечно, разсчитывать на одни платоническія отношенія при этомъ было бы не вполнѣ справедливо. Часто эти платоническія отношенія не выдерживали и перваго опыта. Тѣмъ не менѣе было весьма обычно, если мужъ или жена, по взаимному безмолвному соглашенію, переносили свою идеальную любовь на постороннихъ лицъ. Ни тотъ, ни другая не имѣли права обижаться этимъ. Конечно это можетъ быть и смягчало нравы, способствовало развитію галантности въ обращеніи,—но все это вредило семейной жизни, не возвышало, а напротивъ, закрѣпощало женщину въ семьѣ.

Любовь имѣла свой кодексъ. Суды любви, развившіеся въ Провансѣ, рѣшали сложныя взаимныя отношенія между мужчиной и женщиной, борьбу чувственныхъ и идеальныхъ порывовъ. На этихъ судахъ выработались правила взаимныхъ отношеній, провозглашенъ былъ принципъ, что рыцарь не долженъ питать идеальной любви къ своей женѣ, ибо чувственныя отношенія препятствуютъ идеальнымъ.

Характеръ супружеской взаимности.

Этотъ вопросъ былъ рѣшенъ подъ предсѣдательствомъ графини Шампаньи 3 мая 1174 г. совершенно категорически въ слѣдующей латинской редакціи: — „Мы говоримъ и постановляемъ, что любовь не должна имѣть мѣсто между двумя особами состоящими въ бракѣ (amorem non posse inter duos jugales suas extendere vires). Дѣйствительно влюбленные согласны между собою во всемъ, безъ всякаго понужденія со стороны, но именно потому что эти отношенія не обязательны и не вызваны необходимостью. Между тѣмъ супруги по чувству долга должны взаимно подчинить свою волю, не отказывая ни въ чемъ одинъ другому. Да будетъ для васъ это рѣшеніе, произнесенное съ крайней осмотрительностью, по опредѣленію множества другихъ дамъ,—выраженіемъ вѣчной и ненарушимой истины (¹)“. На основаніи этого постановленія въ первый пунктъ кодекса или „Ученія о любви“, составленнаго итальянцемъ Барберини въ XIV вѣкѣ, вошла формула: „Causa conjugii non est ab amore excusatio recta“ (²).

Впослѣдствіи это опредѣленіе было рѣшительно подтверждено по слѣдующему случаю. На судъ знаменитой графини Элеоноры Пуатье отдано было дѣло объ обманѣ одной дамой рыцаря, надѣявшагося на любовь ея и отвергнутаго послѣ выхода ея въ замужество. Бракъ былъ по любви и собственно это побуждало рыцаря предъявить свои права, такъ какъ по общепринятому мнѣнію между супругами не должно быть любви. Претендентъ ссылался на то, что дама обѣщала ему полюбить его, если покинетъ того кого любила ранѣе; теперь, выйдя замужъ, она уже не могла ссылаться на свое чувство, такъ какъ сердце ея оставалось свободнымъ. Напрасно дама, отклоняя пылкаго рыцаря, доказывала что съ заму-

(¹) Приведено у Raynouard. Des troubadours, 107.

(²) Кодексъ цѣликомъ приводимъ ниже, на стр. 269. Кромѣ Барберини рыцарство изобразили Латуръ де Ландри въ концѣ XIV вѣка и графиня Элеонора Пуатье въ началѣ XV вѣка въ сочиненіи: Les honneurs de la cour.

жествомъ ея чувство еще болѣе окрѣпло. Рыцарь перенесъ дѣло въ судъ любви. Приговоръ послѣдовалъ въ пользу претензій рыцаря; этого и слѣдовало ожидать, зная воззрѣнія слишкомъ легкомысленной предсѣдательницы судилища. Она однако сочла полезнымъ сослаться на авторитетъ прежнихъ судовъ.— „Мы не можемъ противорѣчить рѣшенію графини Шампаньи, которая въ торжественномъ засѣданіи заявила, что между супругами не можетъ быть любви. Мы находимъ, что дама, о которой идетъ рѣчь, должна исполнить своё обѣщаніе". Отсюда возникала мысль, что послѣ брака отношенія между супругами должны получить основанія болѣе прозаическія, конечно съ точки зрѣнія рыцарскихъ судовъ (inter eos haud nefandum at jucundum judicamus amorem). Основаніе для такого оригинальнаго и неожиданнаго вывода заключалось въ томъ, по толкованіямъ рыцарскихъ поэмъ, что любовь супруговъ нисколько не возвышаетъ въ глазахъ ихъ самихъ достоинство другъ друга; изъ брака не выйдетъ ничего инаго, кромѣ того, что каждой сторонѣ обусловлено закономъ (1).

Задачи въ судахъ любви.

Иногда кодексъ рыцарской любви уходилъ въ дебри метафизики. Представлялся, напримѣръ, серьезнымъ вопросъ:— Какая любовь лучше, та-ли которая только что зарождается, или любовь, которая разгорается? Это было разрѣшено по слѣдующему поводу. Одинъ рыцарь просилъ позволенія дамы перенести свои чувства на другую. На это послѣдовало согласіе. Неожиданно, черезъ мѣсяцъ, рыцарь вернулся къ предмету своей первой страсти; онъ заявилъ что оставался ей вѣренъ и что все случившееся было невинною хитростью; рыцарь хотѣлъ-де убѣдиться въ ея вѣрности. Въ свою очередь дама отвергнула его, такъ какъ считала для себя унизительнымъ быть предметомъ его опытовъ. Судъ не согласился съ мнѣніемъ дамы, такъ какъ никогда рыцарю нельзя воспретить испытывать вѣрность и постоянство своей возлюбленной; это значило бы посягать на право поклонниковъ, отказывая имъ въ расположеніи, тѣмъ болѣе если они не нарушали своего долга и своихъ обязанностей и не давали повода къ обвиненію въ невѣрности. Таково уже свойство любви (ex amoris quippe cognoscimus procedere natum).

Такого же отвлеченнаго характера были слѣд. вопросы на судахъ любви:—Кто лучше изъ двухъ любящихъ: тотъ ли,

(1) Raynouard, 110.

кто умеръ отъ печали, не видавъ свою возлюбленную, или же тотъ, кто умеръ отъ радости, увидавъ ее?—Какой ревнивецъ болѣе сумасшедшій, имѣющій-ли красивую жену, или надѣленный безобразной супругой?—Что лучше: пить, пѣть и смѣяться, или плакать, страдать и любить?—Что болѣе внушаетъ чувство глаза или сердце? Какой народъ болѣе благороденъ и изященъ: провансальскій или ломбардскій?—Составъ судовъ любви былъ аналогиченъ съ составомъ обыкновенныхъ трибуналовъ и въ сѣверной и въ южной Франціи, гдѣ они назывались courts amoureuses. Они имѣли президентомъ до XV вѣка очень часто почетную и высокопоставленную даму. Въ Эксѣ (Aix) выше ихъ стояли „князья любви", избиравшіе своихъ замѣстителей (lieutenant), должность, которая была уничтожена закономъ 1668 г. вслѣдствіе значительныхъ суммъ, уплачиваемыхъ городомъ на содержаніе этого лица. Затѣмъ слѣдовали: аудиторы, совѣтники, товарищи генеральнаго прокурора, секретари. Эти чиновники пережили самые суды, которые дѣйствовали только въ лучшую пору средневѣковья, т. е. до XV столѣтія, когда рыцарство ослабѣло и потребность въ этомъ оригинальномъ учрежденіи прекратилась. На этихъ судахъ прежде выработывались статуты, обычаи любви, „права" любви, имѣвшіе въ рыцарскихъ кругахъ обязательное значеніе. Главнѣйшій изъ кодексовъ, состоявшій изъ провансальской редакціи въ 31 пунктахъ, необходимо было знать рыцарямъ (¹).

(¹) Онъ напечатанъ у Ренуара цѣликомъ, CV—CVI, прим. Вотъ въ оригиналѣ всѣ пункты кодекса: 1) Causa conjugii ab amore non est excusatio recta. 2) Qui non celat amare non potest. 3) Nemo duplici potest amore ligari. 4) Semper amorem minui vel crescere constat. 5) Non sest sapidum quod amans ab invito sumit amante. 6) Masculus non solet nisi in plenâ pubertate amare. 7) Biennalis viduitas pro amante defuncto superstiti præscribitur amanti. 8) Nemo, sine rationis excessu, suo debet amore privari. 9) Amare nemo potest, nisi qui amoris suasione compellitur. 10) Amor semper ab avaritiæ consuevit domiciliis exulare. 11) Non decet amare quarum pudor est nuptias affectare. 12) Verus amans alterius nisi suæ coamantis ex affectu non cupit amplexus. 13) Amor raro consuevit durare vulgatus. 14) Facilis perceptio contemptibilem reddit amorem, difficilis eum Carum facit haberi. 15) Omnis consuevit amans in coamantis aspectu pallescere. 16) In repentinâ coamantis visione, cor tremescit amantis. 17) Novus amor veterem compellit abire. 18) Probitas sola quemcumque dignum facit amore. 19) Si amor minuatur, citò deficit et rarò convalescit. 20) Amorosus semper est timorosus. 21) Ex verâ zelotypiâ affectus semper crescit amandi. 22) De coamante suspicione perceptâ zelus interea et

Странствующіе рыцари.

Давши клятву вѣрности дамѣ, положивъ торжественно свои руки въ ея руки, получивъ, колѣнопреклоненный, отъ нея шарфъ, перстень, поясъ, ленту или перчатку,—рыцарь долженъ былъ совершить рядъ подвиговъ во славу ея, въ честь красоты ея. Онъ долженъ былъ всюду, при каждомъ случаѣ, прославлять свою даму и быть готовымъ всегда обнажить мечъ противъ всякаго, кто чѣмъ нибудь выражаетъ недовѣріе къ его восторженнымъ словамъ. Подвиги рыцарей въ честь дамъ теперь могутъ вызывать улыбку, но въ свое время они были симпатичнымъ явленіемъ, потому что направлялись великодушнымъ порывомъ, готовностью къ самопожертвованію. По дорогѣ, во славу дамы, хорошій рыцарь считаетъ долгомъ заставить всякаго, кто къ нему обращался, признать красоту и достоинство его дамы. Онъ ломалъ копья со всѣми, кто дѣлалъ ему вызовъ и въ свою очередъ предлагалъ встрѣтившимся преломить съ нимъ копье, если онъ не признаетъ красоты его возлюбленной. Это конечно вызывало множество столкновеній и, при воинственныхъ склонностяхъ рыцарей, непривыкшихъ сдерживаться, отравляло путешествія мирныхъ гражданъ, которые всюду должны были исполнять прихоти рыцарей. Задолго до появленія великаго произведенія Сервантеса, на повалъ убившаго рыцарство, жизнь породила множество дѣйствительныхъ, невымышленныхъ донъ - Кихотовъ. Объ этомъ свидѣтельствуютъ памятники. Изъ любви къ дамѣ рыцари готовы были на всякія безумства; въ ихъ поступкахъ, подъ вліяніемъ экзальтаціи, можно было заподозрить проявленія психическаго разстройства, хотя причина, вызывавшая эти аномаліи, сама по себѣ заслуживала уваженіе. Еще прежде чѣмъ сдѣлать какого либо рыцаря другомъ, дама испытывала его чувство и не было никакого опыта, которому рыцарь не согласился бы подвергнуться. Въ этомъ отношеніи интересно повѣствованіе „О трехъ рыцаряхъ“ сохранившееся въ рукописяхъ туринской библіотеки ([1]).

---

affectus crescit amandi. 23) Minus dormit et edit quem amoris cogitatio vexat. 24) Quilibet amantis actus in coamantis cogitatione finitur. 25) Verus amans nihil beatum credit, nisi quod cogitat amanti placere. 26) Amor nihil posset amori denegare. 27) Amans coamantis solatiis satiari non petest. 28) Modica præsumptio cogit amantem de coamante suspicari sinistra. 29) Non solet amare quem nimia voluptatis abundantia vexat. 30) Verus amans assiduâ, sine intermissione, coamantis imagine detinetur. 31) Unam feminam nihil prohibet a duobus amari et a duabus mulieribus unum.

([1]) Ешевскій. Сочиненія; III, 376—377.

Содержаніе сказанія въ томъ, что три рыцаря молили супругу одного знатнаго феодала о любви. Она не знала кому отдать предпочтеніе и, пользуясь предстоящимъ турниромъ, придумала испытать степень преданности и вѣрности своихъ поклонниковъ. Она позвала надежнаго конюшаго и вручила ему свою сорочку съ тѣмъ, чтобы онъ тайно по очереди предложилъ каждому изъ трехъ рыцарей явиться на турнирѣ въ этомъ оригинальномъ нарядѣ, не имѣя на себѣ другихъ доспѣховъ и оружія, кромѣ шлема, наножниковъ, щита и меча. Кто согласится на это условіе и выдержитъ испытаніе, тотъ будетъ ея рыцаремъ и другомъ. Первый, къ которому обратился конюшій, согласился было на испытаніе, но при видѣ закованныхъ съ головы до ногъ въ желѣзо противниковъ, оробѣлъ и, возвративъ конюшему дамское одѣяніе, отказался отъ чести быть рыцаремъ гордой дамы. Другой на отрѣзъ отказался. Только третій, увлеченный истинной рыцарской любовью, принялъ предложеніе и въ этомъ неслыханномъ вооруженіи сразился на турнирѣ. Онъ, конечно, пострадалъ, но, къ общему изумленію, исколотый и изрубленный, онъ остался побѣдителемъ и былъ на рукахъ унесенъ съ поединка. Всѣ ждали его смерти. Дама была тронута, явилась къ умирающему рыцарю и объявила что отдаетъ ему свое сердце. Эта вѣсть подѣйствовала спасительно на рыцаря. Когда ему стало лучше, синьоръ замка далъ великолѣпный турниръ въ честь рыцарства. На пиршествѣ, которое слѣдовало за турниромъ, рыцарь, совершившій столь невѣроятный подвигъ въ честь дамы, въ свою очередь захотѣлъ испытать и ее. Онъ послалъ ей съ оруженосцемъ залитую кровью и изсѣченную сорочку, прося надѣть ее немедленно сверхъ платья и оставаться съ ней во время пира. Дама не колебалась ни минуты и исполнила въ точности желаніе рыцаря. Все общество было занято вопросомъ: чей подвигъ удивительнѣе, подвигъ-ли рыцаря или его дамы?

Бывали рыцарскія приключенія еще болѣе поразительныя. Одинъ провансальскій трубадуръ, авторъ замѣчательныхъ политическихъ сирвентъ, Петръ Видаль, въ угоду своей дамѣ, зашилъ себя въ волчью шкуру и съ воемъ на четвереринькахъ ползалъ по горамъ, пока овчарки не наказали его жесточайшимъ образомъ. Въ этомъ же родѣ были удивительными и въ то же время забавными похожденія нѣмецкаго рыцаря Ульриха фонъ-Лихтенштейна. Этотъ миннезингеръ

не только озаботился составленіемъ кодекса о служеніи женщинѣ, который назывался Trown-dienst, но старался на дѣлѣ осуществить собственными силами то, что развивалъ въ трактатѣ. Онъ еще въ дѣтствѣ посвятилъ себя служенію женщинамъ въ званіи пажа, но проявлялъ особенное увлеченіе по мѣрѣ приближенія къ старческому возрасту. По требованію издѣвавшейся надъ нимъ дамы, онъ обрѣзалъ себѣ нижнюю губу и палецъ, который приложилъ въ подлинникѣ къ посланію адресованному къ предмету страсти. Дама назначила Ульриху второе испытаніе. Онъ долженъ быть въ костюмѣ Венеры проѣхать изъ Венеціи въ Баварію. Онъ облекся въ женскій нарядъ, отпустилъ косы, подвязалъ голову платкомъ, поверхъ котораго надѣлъ шляпу съ павлинымъ перомъ—эмблемой вѣрности ([1]). По дорогѣ Ульрихъ вызывалъ на бой всякаго встрѣтившагося ему рыцаря, предлагая преломить копье въ честь Венеры и въ случаѣ побѣды получить таинственное кольцо, для передачи дамѣ; этотъ перстень обладаетъ способностью дѣлать свою владѣлицу еще прекраснѣе. Побѣжденный отдѣлывается очень просто: онъ долженъ поклониться на всѣ четыре стороны. Тревизскій подеста арестовалъ страннаго путешественника; дамы выручили его. Но Лихтенштейнъ не довольствовался этимъ убѣдительнымъ доказательствомъ своихъ чувствъ. По сумасбродному капризу своей дамы, онъ помѣщается въ толпу прокаженныхъ, этихъ несчастныхъ отверженниковъ средневѣковаго времени, добываетъ себѣ рубище и чашку прокаженныхъ, окрашиваетъ волосы сѣрою краскою. Чтобы уподобиться настоящему прокаженному онъ беретъ въ ротъ корень, отъ котораго его лицо пухнетъ и блѣднѣетъ. Въ такомъ убранствѣ, прекрасно играя свою роль, онъ проситъ милостыню. Когда послѣ подобныхъ 13-лѣтнихъ упражненій, дама все таки осмѣяла его, онъ выбралъ себѣ другую повелительницу сердца, такъ какъ въ средніе вѣка рыцарю нельзя было жить безъ дамы и любви. Ради этой новой дамы, миннезингеръ совершаетъ новое путешествіе, по пути сражается на всѣхъ турнирахъ, то въ качествѣ короля Артура, прибывшаго изъ рая возстановить общество волшебныхъ рыца-

([1]) Надъ жаренымъ павлиномъ, украшеннымъ перьями, рыцари обыкновенно за трапезой приносили клятву въ дружбѣ и взаимной вѣрности, а потомъ съѣдали павлина по кускамъ.

рей Круглаго Стола, то въ роли освободителя всѣхъ заколдованныхъ чарами кудесниковъ.

Правильное, достойное науки отношеніе ко всѣмъ этимъ безумствамъ требуетъ оцѣнки руководящихъ стремленій, того энтузіазма, той жажды подвига, тѣхъ идеальныхъ влеченій, которыми руководились странствующіе авантюристы, забавные по виду, но благородные по самоотверженію. Въ вопросы чувства рыцари внесли регламентацію, подчиняя его чуть не вычисленіямъ. Ихъ взгляды развиты въ пѣсняхъ трубадуровъ.—„Есть четыре степени любви, поетъ одинъ трубадуръ: первая степень—колеблющагося, вторая—молящаго, третья—выслушиваемаго, четвертая - друга. Тотъ, кто хотѣлъ бы любить даму и желалъ бы часто ее видѣть, но не смѣетъ говорить о любви, тотъ робкій колеблющійся. Но если дама дѣлаетъ ему честь и удостоитъ его одобренія, такъ что онъ осмѣлится сказать о своемъ страданіи, тогда его по справедливости можно назвать молящимъ. И если, говоря и моля, онъ поведетъ дѣло такъ хорошо, что дама удержитъ его и дастъ ему ленту, перчатку или поясъ — то онъ уже поднимается до степени выслушиваемаго; тогда онъ равенъ королю Кастиліи. Если же дамѣ угодно поцѣлуемъ оказать любовь вѣрному выслушиваемому, то она дѣлаетъ изъ него друга. Этого много, даже слишкомъ много для истинной любви". Другой трубадуръ прямо ограничиваетъ степень проявленій любви, которая всегда должна оставаться платоническою. —„Это уже не любовь, которая перестаетъ быть поклоненіемъ одного чувства и мысли. Сердце не дается по обязанности. Для друга довольно, если онъ имѣетъ отъ своей дамы кольцо или шнуръ. Онъ можетъ тогда считать себя равнымъ повелителю Кастиліи. Если онъ получитъ отъ нея какую нибудь драгоцѣнность а при случаѣ поцѣлуй,—этого много, даже слишкомъ много для истинной любви (1)".

Духовно-рыцарскіе ордена.

Такъ обстоятельно трубадуры Прованса, а частію труверы Франціи и миннезингеры Германіи выяснили законы любви, разработавъ ихъ съ большою подробностью. Службу Богу они ставили не выше своихъ обязанностей къ дамамъ. Но между рыцарями были особенныя монашескія корпораціи, которыя служили непосредственно католической Церкви и которыя явились непо-

(1) Ешевскій. Сочиненія; III, 373, 379.

средственнымъ звеномъ между свѣтскимъ и богословскимъ началами въ жизни. На ихъ судьбахъ отражается исторія духовенства въ его нравственномъ движеніи. У этихъ орденовъ было много общаго съ духовенствомъ относительно жизненныхъ правилъ, тогда какъ въ смыслѣ политическомъ они вліяли на исторію вмѣстѣ съ свѣтскимъ рыцарскимъ сословіемъ. Безъ ихъ исторіи средніе вѣка, и католицизмъ особенно, лишились бы самыхъ яркихъ красокъ; нравы и обычаи орденовъ принадлежатъ къ области католическихъ идеаловъ.

Эти ордена дѣйствовали на одинаковыхъ началахъ; разница была только въ ихъ политическихъ судьбахъ, такъ какъ они и сами по себѣ значительно повліяли на политическую исторію Франціи и Германіи, не говоря уже объ ихъ энергичной поддержкѣ крестоваго движенія. Призваніе и цѣль этихъ трехъ великихъ учрежденій были одинаковы, хотя ордена возникли порознь и не въ одинъ вѣкъ; три главнѣйшія націи западной Европы имѣли послѣдовательный починъ въ этомъ дѣлѣ ([1]).

Госпиталиты. По времени первыми были Іерусалимскіе рыцари или итальянскіе госпиталиты, продолжавшіе свое долгое существованіе подъ именемъ мальтійскихъ. Пилигримство въ Святую Землю удовлетворяло лучшимъ духовнымъ побужденіямъ средневѣковыхъ людей; отклонить отъ этихъ странствованій не могъ цѣлый рядъ бѣдственныхъ приключеній, какія приходилось испытывать путешественнику въ мусульманскихъ странахъ. Отправляясь въ дальнее странствованіе, полное опасностей, пилигримъ мечталъ о благополучномъ возвращеніи домой, по тѣмъ не менѣе благочестивыя цѣли оставались завѣтными, какъ святое завершеніе христіанской жизни. Потому въ 1048 году итальянскіе купцы изъ Амальфи, по торговымъ сношеніямъ своимъ очень близкіе къ арабамъ египетскаго и сирійскаго прибрежья, просили у египетскаго халифа владычествовавшаго въ Палестинѣ, разрѣшенія выстроить монастырь въ Іерусалимѣ. Выхлопотавъ позволеніе безъ особенныхъ трудовъ, они выбрали мѣсто около святаго Гроба и посвятили монастырь Богоматери. Скоро явился другой монастырь и христіанскій „госпиталь“ для пилигримовъ, гдѣ можно было получать пищу и одежду бѣднымъ безплатно, а прочимъ за

([1]) Общее пособіе (анонимное)—Das Ritterwesen und die Templer, Iohanniter und Marianer insbesondere. St. 1822, 3 B.

умѣренную плату. При больницѣ былъ устроенъ молитвенный домъ, посвященный св. Іоанну, отчего произошло и позднѣйшее наименованіе іоаннитовъ. Въ страннопріимномъ домѣ давали пріютъ и женщинамъ, почему основалось особое женское общество. Почти безъ матеріальныхъ средствъ, мужское и женское братства посвятили себя дѣлу призрѣнія. Эти люди сами довольствовались хлѣбомъ изъ отрубей, чтобы насыщать богомольцевъ; они сдѣлались истинными монахами по жизни и надѣли рясу съ бѣлымъ крестомъ. Черезъ 50 лѣтъ крестоносцы овладѣли Іерусалимомъ; изъ пришельцевъ іоанниты дѣлаются хозяевами въ городѣ, уже христіанскомъ. Ихъ начальникъ, французъ Герардъ, оказывалъ большое содѣйствіе осаждающимъ, за что и вытерпѣлъ тяжелое наказаніе ([1]). Готфридъ Буйльойнскій посѣщалъ заведенія госпиталитовъ; онъ тутъ же подарилъ имъ имѣнія въ Брабантѣ и наградилъ ихъ важными правами. Въ ихъ пользу назначались всѣ выморочныя владѣнія въ Палестинѣ, а также обезпечивались доходы съ владѣній, которыя они завоюютъ. Преемникъ Готфрида Балдуинъ назначилъ имъ десятую долю со всякой добычи на полѣ сраженія. Скоро со всѣхъ сторонъ полились богатства на рыцарей, но они честно исполняли свое призваніе. Всякій страдалецъ, единственно вслѣдствіе своего несчастія, дѣлается ихъ господиномъ, служить которому долженъ былъ рыцарь. Въ 1113 году папа Пасхалій II призналъ это общество въ качествѣ церковнаго ордена, со всѣми его привилегіями и владѣніями въ Европѣ и Азіи, избавилъ орденъ отъ сбора десятины церковной, которому подлежали всѣ земли, причисленныя къ приходамъ, даровавъ ему право на самоуправленіе и избраніе собственнаго начальника.

При преемникѣ Герара, крестоносномъ товарищѣ Готфрида, магистрѣ Раймундѣ де-Пюи, былъ пересмотрѣнъ и окончательно редактированъ орденскій уставъ. Братство сложилось изъ трехъ корпорацій: военной, духовной и слугъ ([2]).

(1) Guill. Tyr. VII, 23.

(2) Bosio, Istoria della sacra religione dell'illustrissima militia di San Giovanni Gierosolimitano. R. 3 f., 1602.—Vertot d'Auboeuf, Histoire des chevaliers de S. Jean. 1726, P. 6, 4 vls.—написанная тономъ апологіи, но съ увлеченіемъ, и Brès, Malta antica illustrata con monumenti e l'istorie. R. 1816. Изъ новыхъ сочиненій: Herquet, Chronologie des Grossmeister des Hospitalordens, während der Kreuzzüge (B. 1880)—важное собственно для третьяго крестоваго похода; оно доведено до 1291 г. Его же спеціальная монографія о гросмейстерѣ де-Герединѣ (1377—1391), Mühlhausen. 1878.

По примѣру монашествующихъ, въ основаніе были положены обѣты бѣдности, послушанія и цѣломудрія. Во имя бѣдности рыцарь долженъ былъ ѣсть только хлѣбъ, пить одну воду и носить самую простую одежду съ изображеніемъ бѣлаго креста на груди, какъ эмблемы своей чистой вѣры. Отлучаться изъ дома можно было только въ сопровожденіи другаго брата; рыцарь обязывается не принимать никакихъ услугъ отъ женщинъ и вездѣ творить дѣла милосердія. Запрещалось ѣсть болѣе двухъ разъ въ день; 70 дней передъ Пасхой и еженедѣльно по четвергамъ и субботамъ назначался строгій постъ. Ложась спать, рыцарь не долженъ былъ раздѣваться до нага и подъ страхомъ 40-дневнаго наказанія не долженъ былъ разговаривать, лежа на постели. Если кого уличали въ плотскомъ грѣхѣ, совершенномъ тайно, то виновнаго наказывали публично; если же онъ жилъ въ братскомъ домѣ (obedientia), то по воскресеньямъ публично сѣкли его розгами на мѣстѣ преступленія. Если кто заспоритъ съ братомъ и тѣмъ произведетъ раздоръ, то долженъ, въ продолженіе семи дней, принимать пищу, сидя на землѣ; если же ударитъ, то срокъ увеличивался до 40 дней; такое же наказаніе опредѣлялось за самовольную отлучку изъ дома, за доказанное пьянство; всякое укрывательство денегъ наказывалось тѣмъ же. Если кто оказалъ товарищу услуги за какое-либо вознагражденіе, то исключался изъ ордена. Всякій могъ уличить другаго въ присутствіи двухъ рыцарей, но для формальнаго обвиненія требовались доказательства. Рыцарь не могъ самъ ударить своего слугу, а долженъ былъ обратиться съ жалобою къ начальнику. Рука іоаннита могла подниматься только на невѣрныхъ. И битвы на Востокѣ рѣдко обходились безъ ихъ участія; часто они, вмѣстѣ съ тампліерами, склоняли успѣхъ сраженія на сторону христіанъ. Они послѣдніе оставили Палестину. Лишь въ 1285 году сдали они свои укрѣпленія торжествующимъ мусульманамъ. Тогда они удалились на Кипръ, гдѣ продолжали рядъ подвиговъ съ тою же мыслью о возвращеніи святаго Гроба, которая не покидала ихъ послѣ ни на Родосѣ, ни на Мальтѣ. Вездѣ они поддерживали дѣло Церкви, между прочимъ и въ Провансѣ, противъ альбигойцевъ, при чемъ впрочемъ обходились рыцарски съ побѣжденными,—и въ Испаніи противъ арабовъ, гдѣ на равнинахъ Толеды поддержали честь христіанскаго знамени. Иннокентій II избавилъ ихъ отъ сбора соляныхъ пошлинъ и грозилъ

отлученіемъ всѣмъ священникамъ, которые осмѣлятся дѣлать притѣсненія ордену. Рыцарь никогда не подлежалъ отлученію. Въ странѣ интердикта онъ спокойно продолжалъ священнослуженіе, къ которому могъ допускать избранныхъ по своему желанію; потому, если смерть застигала рыцаря въ землѣ отлученія, то онъ одинъ не лишался христіанскаго погребенія. Впослѣдствіи эти права и привилегіи сдѣлались общими для всѣхъ духовныхъ рыцарей.

Императоръ Фридрихъ I покровительствовалъ имъ наравнѣ съ папами: они были избавлены отъ всякихъ государственныхъ налоговъ и повинностей. Наконецъ Иннокентій III объявилъ, что такъ какъ для нихъ нѣтъ другаго епископа, кромѣ папы, то никакому иному церковному судилищу они не подлежатъ, и только папская булла можетъ когда-либо объявить ихъ въ немилости. Между тѣмъ ихъ богатства, составлявшіяся съ XI вѣка изъ скудныхъ частныхъ приношеній, возросли къ половинѣ XIII столѣтія до большихъ размѣровъ. Тогда насчитывалось около 19.000 участковыхъ владѣній и 3.500 орденскихъ церквей, а еще за 80 лѣтъ предъ тѣмъ братья вели трудовую жизнь, и на обществѣ считалось много долговъ. Одинъ изъ магистровъ XIII вѣка былъ уже вынужденъ издавать законы противъ роскоши, чѣмъ возбудилъ противъ себя неудовольствіе въ рыцаряхъ; ему отвѣчали, что онъ требуетъ невозможнаго. Онъ грозилъ наказаніемъ; тогда противъ него составили заговоръ, и Альфонсъ Португальскій нашелся вынужденнымъ сложить съ себя званіе магистра. При Григоріи IX жалуются на орденъ, что онъ укрываетъ преступниковъ, что рыцари сами разбойничаютъ на дорогахъ, поддѣлываютъ завѣщанія и укрываютъ еретиковъ. Папа отнесся къ доносу строго; это обстоятельство само по себѣ показываетъ, что подобные навѣты поддерживались прежними примѣрами. Архіепископъ Тирскій былъ облеченъ полною властью надъ орденомъ; ему поручалось даже ввести должныя преобразованія. Слѣдствіе впрочемъ открыло далеко не такія преступленія: виновны были лишь немногіе. Порча не проникла еще въ орденскую корпорацію, которая честно поддерживала свою репутацію; ее долго не покидали прежнія традиціи. Женскій орденъ также перешелъ въ Европу и нашелъ пріютъ у королевы Кастильской, дочери императора Альфонса. Въ этомъ роскошномъ монастырѣ, построенномъ отъ щедротъ королевы, недалеко отъ Сарагоссы (въ 1088 году),

всѣ инокини были знатнаго происхожденія. Въ этомъ только и состояло сходство этого привелегированнаго общества съ іерусалимскимъ братствомъ, доступъ въ которое, какъ и вообще въ духовное рыцарство, былъ открытъ только знатнымъ родамъ. На началахъ общежитія, по правиламъ св. Августина, госпиталитки составили особый орденъ, уставъ котораго былъ утвержденъ Целестиномъ III, разумѣется не на тѣхъ уже основаніяхъ, на какихъ созидалось іерусалимское братство.

Тампліеры. Съ тою же цѣлью покровительства пилигримамъ, только полвѣка спустя, возникло общество тампліеровъ (храмовниковъ). Въ 1118 году два рыцаря Hugues des Payens и Godefroi de Saint-Omer нашли себѣ пятерыхъ друзей. Всѣ вмѣстѣ они посвятили себя защитѣ странниковъ отъ арабовъ, египтянъ, бедуиновъ. Гуго ([1]) былъ первымъ магистромъ этого военнаго братства, которое одушевляла лишь одна фантастическая мысль объ особомъ покровительствѣ Святой Дѣвы. Первые рыцари были такъ бѣдны, что у основателей былъ одинъ общій конь, что̀ вошло въ гербъ ордена, означая вмѣстѣ съ тѣмъ тѣсный взаимный союзъ братьевъ ([1]). Король Балдуинъ далъ имъ уголъ своего дворца, захватывавшій часть мѣста стараго храма Соломона, отчего происходитъ ихъ наименованіе: „fratres militiae Salomonis", а также ихъ резиденцій въ Парижѣ и Лондонѣ (templi). Они жили скудною милостынею, довольствовались тѣмъ, что имъ давали, и часть сбора употребили на постройку страннопріимнаго дома, земля для котораго была куплена отъ церкви Святаго Гроба. Но ихъ положеніе поправилось въ короткое время, благодаря участію государей. Св. Бернаръ составилъ для нихъ уставъ, для насъ не сохранившійся; позднѣйшій составленъ подъ вліяніемъ строгихъ бенедиктинцевъ. Въ немъ предписаны тѣ же обѣты, что и въ уставѣ госпиталитовъ, только съ бо̀льшимъ элементомъ подвижничества. Тампліеры должны были обѣдать вмѣстѣ, молча, слушая душеспасительное чтеніе. Товарищи молятся за умершаго брата, и впродолженіе 40 дней его долею кормятся бѣдные. Каждому дню соотвѣтствовала извѣст-

---

([1]) По однимъ французъ, по другимъ провансалецъ, а по Du-Puy,— Hist. véritable des Templiers (P. 1654), стр. 2,—неаполитанецъ.

ная пища, посты были обременительны. Вечерніе разговоры допускались только о дѣлахъ важныхъ, и то по необходимости, если о нихъ не успѣвали переговорить днемъ. Цвѣтъ платья, сперва необязательный, послѣ былъ введенъ и узаконенъ—бѣлый для рыцарей съ краснымъ крестомъ въ знакъ крови за имя Христово, и черный—для непосвященныхъ. Всякія украшенія, золото и серебро на сбруѣ, воспрещались. Дома рыцарь въ цвѣтущую пору ордена не смѣлъ держать болѣе трехъ лошадей; онъ спалъ на соломѣ и носилъ льняное платье лѣтомъ и шерстяное зимой; шелковое одѣяніе, несмотря на дешевизну онаго въ странахъ Востока, было запрещено. Рыцарь не имѣлъ, наконецъ, своей воли; онъ весь былъ въ рукахъ магистра; дисциплинарныя наказанія были жестоки и отважный воитель у себя дома отдыхалъ по приказу и росписанію. Всякія мірскія стремленія подавлялись въ обществѣ рыцарей; даже упоминаніе свѣтскихъ удовольствій въ разговорѣ запрещалось. Между братьями не дозволялась купля и мѣна; рыцари не смѣли охотиться, и если сопровождали охотниковъ, то только для защиты ихъ отъ невѣрныхъ. Всякій долженъ былъ сдерживать гнѣвъ и личное раздраженіе, а тѣмъ болѣе злословіе на брата. За уклоненія отъ устава начальники подвергали воиновъ всѣхъ степеней опредѣленнымъ дисциплинарнымъ взысканіямъ до заключенія въ тюрьму и, уже послѣ всего,—исключенію изъ братства вмѣстѣ съ церковнымъ отлученіемъ. За то и поступленіе въ такое суровое братство было сопряжено съ рядомъ продолжительныхъ испытаній и систематическаго пребыванія въ услугѣ и военной наукѣ у старыхъ рыцарей. Самое братство представляло крѣпко испытанную фалангу: это были такъ-называемые fratres remanentes, далѣе—взятые на срокъ и на искусъ, ad terminum servientes, и наконецъ, женатые рыцари, сражавшіеся за орденъ и дѣлившіеся съ нимъ имуществомъ, но лишенные орденскаго костюма и привилегій. Главною обязанностью тампліеровъ осталась все-таки военная служба; храмовникъ не смѣлъ покидать поля битвы, имѣя противъ себя трехъ враговъ. Въ битвахъ они пріобрѣли огромную извѣстность отважными подвигами и военную репутацію на всю Европу. Они вели самостоятельныя войны; ихъ мечъ никогда не притуплялся на турокъ; одно появленіе бѣлаго тампліера гнало десятки непріятелей. Съ ними соревновало рыцарское самолюбіе на Западѣ. Зритель или участникъ турнира,—хра-

мовникъ всегда занималъ въ немъ почетное мѣсто. Европейскіе государи считали за честь ласкать ихъ. Императоры: Лотарь II и Барбаросса, короли: Генрихъ I и II англійскіе, Луи VII французскій, Раймундъ III, графъ барселонскій, принадлежали къ числу друзей тампліеровъ. Въ XIII вѣкѣ рѣдкій государь или баронъ умиралъ, не завѣщавъ землю или деньги ордену, или не назначивъ одного изъ сыновей въ это славное братство. Первые храмовники были подчинены патріарху Іерусалимскому; они платили десятины и только своимъ смиреніемъ и военною отвагой снискивали себѣ общую симпатію. Они до того прославились святостью своей жизни и заслугами, что вошло въ обычай, въ отлученныхъ земляхъ, дозволять хотя разъ въ годъ службу въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ прошла нога храмовника. Оффиціально только Александръ III избавилъ ихъ отъ десятины, по примѣру госпиталитовъ; даже можетъ быть еще во второй половинѣ XII вѣка, они пользовались этою привилегіей. Иннокентій III особенно увеличилъ ихъ права; онъ освободилъ отъ налоговъ и платежа пошлинъ всѣ тѣ предметы, въ которыхъ они имѣли надобность, объявивъ, что ихъ церкви и они сами—внѣ суда епископскаго и подлежатъ вѣдѣнію только одного папы; священнослужители тампліеровъ не присягали епископамъ, которые не могли отлучать ихъ даже за нарушеніе церковнаго благочинія; наконецъ, Иннокентій объявилъ ничтожнымъ всякій указъ, который пойдетъ противъ ихъ привилегій. Онъ требовалъ отъ нихъ только подчиненія своимъ легатамъ (1), по поводу чего поступали частые доносы въ Римъ. Въ одномъ письмѣ Иннокентія сохранился упрекъ, что тампліеры любятъ часто оправдываться невѣдѣніемъ и слабостью; тѣмъ не менѣе папа поручаетъ патріарху Іерусалимскому принять должныя мѣры (cum his autem qui hactenus simplicitate peccarunt, si urgens necessitas aut evidens utilitas postularit, mitius agere pateris, prout tuae discretionis prudentia viderit expedire). Трагическое паденіе ордена будетъ разсказано въ своемъ мѣстѣ, такъ какъ оно имѣетъ тѣсную связь съ политическими судьбами Фран-

(1) Wilcke, Gesch. des Tempelherren Ordens, 2 Aufl, Halle, 2 voll. 1860. H. Prutz, Geheimlehre und Geheimstatuten des Tempelherrenordens (B. 1879), на основаніи изд. Michelet, Procés des Templiers (въ Collection de Guizot, P. 2 vls. 1840—41). Изъ старыхъ, кромѣ De-Puy, выдержавшаго 5 изд., замѣчательно соч. Grouvelle, Mèm. hist. sur les Templiers (P. 1805).

ціи. Замѣтимъ пока, что причина гибели храмовниковъ скрывается въ громадныхъ богатствахъ тампліеровъ, возбудившихъ личную жадность французскаго короля, а отчасти въ легкомысленномъ ихъ отношеніи къ религіи, которое явилось слѣдствіемъ какъ изнѣженной ихъ жизни, такъ и неудачи крестовыхъ походовъ, развитія новыхъ общественныхъ отношеній, а равно возникновенія отрицательныхъ взглядовъ на религію. Такія убѣжденія коренились тогда не въ однихъ тампліерахъ; ихъ судьи, осуждая ихъ, лицемѣрили утонченнымъ образомъ. Тампліеры имѣли большую симпатію къ Востоку; они близко узнали личности султановъ и не могли не увлечься цвѣтущею цивилизаціей сарациновъ. При этихъ условіяхъ могла появиться въ извѣстныхъ размѣрахъ, въ средѣ общества храмовниковъ, склонность къ религіозному вольнодумству, къ чувственности, магіи, астрологіи, въ чемъ и обвиняли ихъ, хотя королевская партія, разрушая орденъ, въ сущности думала о грабежѣ. Уничтоженію храмовниковъ содѣйствовало насильственное возвышеніе королевской власти. Точно также, но при иныхъ условіяхъ, нѣмецкіе духовные рыцари были невольною причиною извѣстнаго развитія политическихъ событій въ сѣверной Германіи.

Тевтонцы.

Начало тевтонскаго ордена надобно искать въ похожденіяхъ дружины двухъ сѣверо-нѣмецкихъ городовъ. Когда извѣстіе о побѣдахъ Саладина и о близкомъ паденіи христіанскихъ государствъ въ Палестинѣ дошло до Европы, то общее отчаяніе овладѣло католическимъ Западомъ. Торговцы Любека и Бремена не остались чужды религіозныхъ сокрушеній. Они снарядили 400 человѣкъ, и, нашивъ имъ черные кресты на плечи, отправили ихъ въ армію Барбароссы, подъ начальствомъ графа гольштейнскаго Адольфа. Когда императоръ потонулъ, то Адольфъ вернулся, а его дружина осталась на службѣ Фридриха, герцога швабскаго. При военныхъ неудачахъ христіанскаго ополченія, рыцари сочли за лучшее посвятить себя дѣлу попеченія о раненыхъ, чѣмъ уже ознаменовали себя итальянцы и французы. Еще при осадѣ Акры тевтонскіе рыцари посѣщали больныхъ размѣщенныхъ въ парусинныхъ палаткахъ, а по взятіи города они устроили въ Акрѣ страннопріимный домъ, по примѣру того, который частнымъ образомъ существовалъ у нѣмцевъ въ Іерусалимѣ съ 1128 года и назвали его „Маріинскимъ нѣмецкимъ домомъ". Сюда стали приходить многіе знатные рыцари, которые посвя-

тили себя попеченію о несчастныхъ и освобожденію Святой земли. Ихъ было 40 человѣкъ, когда былъ избранъ первый великій магистръ Генрихъ Вальнотъ фонъ-Бассенгеймъ. Общество назвалось тевтонскимъ, а также „Marianenritter". По настоянію Фридриха швабскаго, Климентъ III и императоръ Генрихъ VI утвердили орденъ въ 1191 году (¹). Уставъ его сходенъ съ тампліерскимъ; сперва въ обществѣ были лишь рыцари и слуги, потомъ явилась духовная корпорація. По одеждѣ они также походили на храмовниковъ, отличаясь только цвѣтомъ креста. Папа Целестинъ III принялъ этотъ орденъ подъ свое особенное покровительство, давъ ему независимость отъ интердиктовъ и самостоятельную юрисдикцію. Иннокентій III предоставилъ имъ право имѣть своихъ священниковъ и освободилъ отъ взиманія десятины. Гонорій III ввелъ избраніе великихъ магистровъ цѣлымъ капитуломъ. Здѣсь всякое нововведеніе принималось только съ согласія цѣлаго ордена. Для обезпеченія общества были открыты сборы, но въ послѣдствіи цѣлыя владѣнія на Востокѣ и на Западѣ (въ Испаніи, Германіи, Венгріи) составили орденское достояніе и создали ему могущество. Императоры естественно отдавали ему преимущество; двое рыцарей, въ качествѣ представителей ордена, всегда находились при императорскомъ дворѣ.

Меченосцы и Добринцы.

Когда въ виды папства вошло просвѣщеніе прибалтійскихъ язычниковъ, то вмѣсто одного нѣмецкаго ордена ихъ стало три: въ Ливоніи былъ учрежденъ (около 1200 года), стараніями епископа ливонскаго Альберта, орденъ меченосцевъ, который при первомъ магистрѣ своемъ, Виннонѣ фонъ-Рорбахѣ, овладѣлъ Эстоніей, а въ Пруссіи, по настоянію епископа Христіана, составился изъ 13 членовъ орденъ Іисусовъ, послѣ названный Добринскимъ, по имени замка, гдѣ было первое и послѣднее пристанище его членовъ. Добринцы не только удержали свои владѣнія, но отняли еще у пруссовъ часть Кульмской земли. Ихъ оставалось только пять человѣкъ, когда они перебрались въ Плоцкъ къ отряду Мазо-

---

(¹) Bachem. Chronologie der Hochmeister des deutschen Ordens vom 1190—1601 etc. 1802.—Hennig. Die Statuten des deutschen Ordens. Kön. 1806.—Voigt. G. des Deutschen Ritterordens in seinen 12 Balleien. B. 2 B. 1857.—Prutz. Die Besitzungen des Deutschen Ordens im Heiligen Land. L. 1879.

вецкаго герцога, Конрада. Положеніе герцога и ихъ самихъ было безнадежно; приходилось покидать все завоеванное. Но у людей того времени было много вѣры въ свое дѣло, въ особенности, если оно касалось религіозныхъ интересовъ.

Тотъ же Христіанъ предложилъ призвать на помощь изъ Палестины тевтонскій орденъ, которому теперь было мало дѣла въ Святой Землѣ, такъ какъ тамъ вездѣ тѣснили христіанъ. Тевтонцамъ отдавалась въ собственность Кульмская страна; Христіанъ поѣхалъ съ этимъ предложеніемъ въ Римъ, потомъ въ Птолемаиду, гдѣ видѣлся съ великимъ магистромъ тевтонцевъ, Германомъ Зальцею. Соглашаясь на условія, Зальца послалъ двухъ рыцарей къ герцогу Конраду для переговоровъ, и въ то же время испросилъ одобренія императора и папы на уничтоженіе добринцевъ, сліяніе ихъ съ тевтонами и на занятіе послѣдними ихъ земель. Фридрихъ II указомъ изъ Римини (1226 года) призналъ за орденомъ всѣ земли, которыми онъ овладѣетъ въ Пруссіи, освободивъ вмѣстѣ съ тѣмъ рыцарей отъ всякихъ служебныхъ повинностей. Григорій IX подтвердилъ все это съ своей стороны. Зальца отдѣлилъ часть рыцарства вмѣстѣ съ ландмейстеромъ Германомъ Балкою, и эта дружина съ 1228 г. начала свои завоеванія основаніемъ городовъ, приглашеніемъ германскихъ колонистовъ, распространеніемъ по языческой еще странѣ нѣмецкихъ нравовъ, городскаго нѣмецкаго права; короче, положила зерно будущаго прусскаго государства. Въ 1229 г. самъ Зальца видѣлся въ Апуліи съ императоромъ, который вторичною грамотою (въ іюнѣ 1230 года) подтвердилъ за орденомъ Кульмерландію. Въ это же время второй магистръ меченосцевъ Вольквинъ (Фолькуинъ) Шенкъ, въ виду предстоявшей войны съ Даніей и опасаясь уже за пріобрѣтенныя выгоды, задумалъ слить свой орденъ съ тевтонско-добринскимъ. Онъ послалъ рыцаря Іоганна магдебургскаго къ Зальцѣ; тотъ засталъ магистра въ Римѣ. Здѣсь, во время переговоровъ, было получено извѣстіе, что одержана рѣшительная побѣда надъ меченосцами, и что самъ великій магистръ ихъ съ 48 рыцарями и множествомъ воиновъ погибъ въ сраженіи съ язычниками. Медлить болѣе было нельзя. Григорій IX одобрилъ планъ Зальцы. Даніи была уступлена Эстонія съ Ревелемъ, а остальное прибалтійское побережье предоставлено тевтонскому ордену. Въ Пруссіи и Ливоніи было учреждено девять епископствъ. Германъ Балка былъ названъ ланд-

мейстеромъ Пруссіи, вторымъ послѣ великаго магистра. И Балка, и Зальца умерли въ одинъ 1239 годъ. Обязанность рыцарей была проповѣдывать христіанство и защищать его оружіемъ. Мало по малу такое смѣшеніе духовной и военной власти породило жестокость и высокомѣріе въ нѣмецкомъ рыцарскомъ сословіи, въ замѣнъ прежней кротости. По этому исторія распространенія христіанства тевтонскими рыцарями среди латышей, эстовъ и пруссовъ полна крови и ужасовъ. Въ Пруссіи управлялъ ландмейстеръ съ огромною властью; его замѣнялъ иногда орденскій маршалъ; каждый замокъ съ своимъ округомъ подчинялся командорству. Въ трехъ епископіяхъ прусскихъ духовенство состояло также изъ рыцарей. Самъ великій магистръ избралъ своей резиденціей г. Мергентгеймъ (въ нынѣшнемъ Виртембергѣ). Съ переходомъ въ протестанство великаго магистра изъ Бранденбургскаго курфирстскаго дома, опредѣлилась будущность Пруссіи. Эта система орденскаго государства, представляя единственное явленіе въ исторіи, выражаетъ всю силу и гибкость католицизма.

Въ XV вѣкѣ уже замѣтно паденіе рыцарства; вмѣстѣ съ нимъ должны были потерять значеніе духовно-рыцарскіе ордена Тогда рыцарство сослужило свою службу: оно развило гуманныя чувства, галантность обращенія, упрочило идеальные порывы и высоко подняло надъ тогдашнимъ обществомъ знамя чести и долга.

Нравы духовенства.

Если таковыя настроенія могли возникать въ обществѣ, то духовнымъ по профессіи предстояло играть въ немъ первую роль, и духовенство играло ее. Богословскій духъ проникалъ во всю средневѣковую жизнь, а имъ руководило духовенство. Отъ духовенства, слѣдовательно, зависѣли интересы католицизма. Хотя оно не представляло изъ себя касту, тѣмъ не менѣе съ успѣхами католицизма связанъ былъ образъ жизни духовенства. Прослѣдить это развитіе общественнаго мнѣнія, значитъ объяснить нравственное развитіе духовенства и обратно. Исправленное усиліями и благотворнымъ вліяніемъ римской куріи отъ порчи прежней эпохи, общественное мнѣніе во многомъ способствовало торжеству клерикальной партіи надъ Фридрихомъ II. Довольствуясь побѣдой, оно впало въ апатію и изнѣженность, отъ которыхъ пробудилъ его язвительный смѣхъ сирвентъ до-

пѣвавшихъ свои пѣсни трубадуровъ. Уже опытному взору Иннокентія III въ сильной степени представлялось развитіе дурныхъ сторонъ стараго наслѣдія; его переписка обнаруживаетъ всѣ заботы его объ искорененіи пороковъ. Кромѣ того, мы имѣемъ еще матеріалъ для характеристики тогдашнихъ нравовъ въ памятникахъ провансальской поэзіи, въ т. н. сирвентахъ, этихъ общественныхъ политическихъ сатирахъ эпохи и между прочимъ въ трудѣ „Объ іерусалимской исторіи" епископа Якова Витрійскаго, довѣрять которому, впрочемъ, какъ увидимъ, надобно съ большою осторожностью.

Замѣтимъ прежде всего, что въ большинствѣ такихъ случаевъ изслѣдователь становится въ положеніе судьи не безпристрастнаго. Хорошія стороны общественной нравственности современники не имѣютъ причины выставлять; онѣ не поражаютъ ихъ, какъ явленіе нормальное, а всякое уклоненіе обнажается со всѣми подробностями, съ крайнимъ ригоризмомъ и преувеличеніемъ, особенно если лѣтописецъ самъ полуаскетъ. Документовъ юридическаго характера бываетъ мало въ такихъ случаяхъ; потому, при изученіи исторіи нравственности, надобно весьма осторожно относиться къ замѣткамъ и особенно поэтическимъ декламаціямъ современниковъ.

Сирвенты трубадуровъ о духовенствѣ.

Тѣмъ не менѣе нельзя ихъ игнорировать, такъ какъ и поэтическіе памятники берутъ факты изъ жизни. Обратимся собственно къ тѣмъ памятникамъ поэтическаго и чисто историческаго характера, которые рисуютъ тогдашніе нравы католическаго духовенства.—„Церковь,—восклицаетъ трубадуръ де ла Гарда,—пренебрегаетъ самыми священными обязанностями своими. Удовлетворяя корыстолюбію и жадности, она за низкую цѣну прощаетъ всѣ преступленія. Священники неумолкая твердятъ съ каѳедръ, что не слѣдуетъ желать благъ земныхъ, но они весьма непослѣдовательны. Они защищаютъ убійство и кощунство, такъ какъ сами повинны въ томъ и другомъ; по несчастію, нашъ вѣкъ идетъ по ихъ слѣдамъ.—Священники сдѣлались инквизиторами нашихъ поступковъ. Я не за то порицаю ихъ, что они судятъ, но за то, что они властвуютъ по своимъ капризамъ. Пусть они сокрушаютъ заблужденія,—говоритъ Монтаньагу по поводу мѣръ строго-

(¹) Pons de la Garda: «De la gleisa». Raynouard,—Choix; IV, 278.

сти, принятыхъ Римомъ относительно еретиковъ,—но безъ злобы, одною силою убѣжденія; пусть они съ добротою приводятъ къ истинѣ тѣхъ, которые отклонились отъ вѣры; пусть они даруютъ милость и пощаду кающемуся, дабы виновный и невинный одинаково не дѣлались несчастными. Напрасно твердятъ они, что золотыя парчи неприлично носить дамамъ; если бы священники не дѣлали другаго зла, если бы они не возгордились вообще, то красивый нарядъ никогда не лишилъ бы ихъ милости Божіей. Тѣ, которые исполняютъ обязанности свои къ Богу, не отталкиваются имъ, потому только что роскошны ихъ одежды. Точно также и священники и монахи не заслужатъ еще награды отъ Бога, если ничего лучшаго не сумѣютъ сдѣлать, какъ вырядиться въ черныя рясы и бѣлые капишоны“ (¹).

Такъ высказывалось общественное мнѣніе собственно въ виду крутыхъ мѣръ Церкви по отношенію къ ересямъ и еще ранѣе ихъ (²). Въ то же время, когда началась альбигойская рѣзня, голосъ трубадуровъ, полный ненависти и мести, поднялся еще выше. Своею роскошью, богатствомъ, недоступностью—высшее духовенство того времени само возбуждало противъ себя общее негодованіе. Веселая и роскошная жизнь вельможъ и купцовъ лангедокскихъ всегда служила предметомъ соревнованія въ духовенствѣ. Если ихъ жилища были убраны бархатомъ, шелкомъ, самитомъ, если камни и жемчуги блестѣли на ихъ женахъ, если одежды ихъ кидались въ глаза великолѣпными украшеніями, а головные уборы изысканной странностью, то не меньшей пышностью и роскошью отличались красные и бѣлые наряды духовныхъ. Ихъ помѣстья, десятины приносили имъ мѣшки стерлинговъ, солидовъ, марботиновъ. На ихъ конюшнѣ стояли тысячныя лошади, лучшія у всей знати. Тогда какъ буржуа прекрасно умѣли прожить сутки на 2 солида и только 12 динаріевъ обходился хорошій столъ,—священники растрачивали сумму въ 20 разъ большую на одни покои съ росписными плафонами, на старый ячменный хлѣбъ, такъ любимый въ то время, на рѣдкаго лосося, на изысканное кушанье въ родѣ соуса

(¹) Raynouard. Choix; IV, 335.

(²) О политическихъ сирвентахъ, направленныхъ собственно противъ французовъ и папства мы говорили выше (II, 180—185). Здѣсь идетъ рѣчь о сирвентахъ общественнаго характера, порицающихъ духовенство.

съ индійскимъ перцомъ и шафраномъ. Духовные не стѣснялись ежегодно перваго мая дарить своимъ возлюбленнымъ кольца, ожерелья, браслеты, драгоцѣнные камни. Отъ такой жизни не трудно было явиться распущенности нравовъ, понятной при всякой утонченной цивилизаціи. Эту жизнь уже давно изобличали трубадуры въ родѣ Вильгельма де ла-Фабръ и Вильгельма Лиможскаго. Ихъ сирвенты звучатъ грустью и страданіемъ за общество, но послѣ нихъ безнравственность въ этомъ обществѣ еще болѣе упрочилась преимущественно среди прелатовъ и священниковъ, которые даже превзошли свѣтскихъ феодаловъ. Сирвенты трубадуровъ, безпощадныя къ феодаламъ, презиравшія императора, съ запосчивыми выходками какъ у Сорделло,—поучавшаго всѣхъ государей Европы и совѣтывавшаго имъ съѣсть кусочекъ его сердца, чтобы вылѣчиться отъ трусости, тѣмъ смѣлѣе карали пороки духовенства: — „Чтобы излить свой гнѣвъ и печаль сердца (per espassar l'ira e la dolor), я, сильный моей надеждой на Бога, начинаю сирвенту противъ великаго безумія, которое, прикрываясь обманчивою наружностью, овладѣло этимъ двуличнымъ племенемъ,—такъ поетъ марсельскій трубадуръ при самомъ наступленіи XIII столѣтія. Племя это любитъ расточать хорошія слова, но поступать привыкло иначе. Тѣ, которые должны бы ходить по пути Господню, подвизаться въ жизни, по слабости человѣческой уклоняются и погибаютъ... Проповѣдникъ, внушающій надежду на Бога и убѣждающій къ добродѣтельной жизни, говоритъ прекрасныя вещи; но на дѣлѣ выходитъ другое. Истинная вѣра не нуждается въ мечѣ, чтобы губить, разить. О вы, лукавые, вѣроломные, клятвопреступные грабители, развратные, и нечестивые, вы столько уже совершили зла, что однимъ примѣромъ своимъ способны заразить всякаго. Св. Петръ не далъ вамъ права золотомъ уравновѣшивать грѣхи преступнаго (¹).... Къ чему, выряжаются клирики, къ чему эта роскошь, къ чему эти камни, когда Богъ жилъ такъ бѣдно и просто! Зачѣмъ клирики такъ любятъ брать чужое добро, когда они знаютъ хорошо, что отнимая крохи бѣдняка для своихъ яствъ, для своей роскоши—поступаютъ не по Писанію (²).... Я не испугаюсь

(¹) Raynouard Choix; IV, 284.

(²) «A! per que vol clercs bella vestidura». Bertrand Carbonel (Mary-Lafon, Midi de la France; II, 384).

и не оставлю бичевать гнусныхъ клириковъ; моими стихами да накажется низость этихъ душъ, это коварное поповское племя, которое чѣмъ больше имѣетъ силы, тѣмъ больше высказываетъ зла и неистовства. Всѣ эти ложные проповѣдники въ заблужденіе вводятъ свою паству; они совершаютъ смертный грѣхъ, и тѣ, которые поучаются у нихъ, подражаютъ тому же. Пастыри наши сдѣлались волками, грабителями: они грабятъ вездѣ, гдѣ могутъ и всегда съ видомъ ласковой дружбы. Они повергаютъ свѣтъ еще новому, а Бога еще большему униженію.... А между тѣмъ, если попробуете возвысить голосъ противъ священниковъ, то будете отлучены и если не отплатитесь, то не ждите ни любви, ни дружбы отъ нихъ; никто изъ нихъ не станетъ молиться за васъ. Пресвятая дѣва Марія! дай мнѣ хотя день прожить въ ладу съ ними и избѣгнуть ихъ господства. А ты, моя сирвента, лети и спѣши успокоить лукавыхъ пастырей; увѣрь ихъ, что тотъ подлежитъ смерти, кто осмѣлился бы не уважить ихъ могущество“ (¹).

Точно такъ высказывалась литература XVI столѣтія, въ эпоху Реформаціи. И тутъ и тамъ, литература беретъ на себя обличительную роль; и тутъ и тамъ, ея протестомъ руководятъ порывы свободной мысли и чисто христіанское желаніе остановить паденіе Церкви. И тутъ и тамъ были бы одни и тѣ же послѣдствія, если бы не крѣпость папской теократической системы, только что организованной Иннокентіемъ III. И тутъ и тамъ, побудительная причина протеста заключается въ условіяхъ нравственнаго состоянія духовенства.

Свидѣтельства документовъ.

Не однѣ сирвенты карали порчу этого сословія. Если нравы духовенства этой эпохи,—полной ослѣпительныхъ контрастовъ и цѣлостныхъ характеровъ,—не отличались чистотой, если примѣры насилія, жестокости, разврата въ разныхъ слояхъ свѣтскаго общества встрѣчались часто, и притомъ во всѣхъ странахъ западной Европы,—то отъ всѣхъ такихъ явленій не изъято было въ тѣхъ же предѣлахъ и духовенство. Торжество папъ надъ императорами въ XII вѣкѣ, выгоды, пріобрѣтенныя римской куріей въ ея вѣковой борьбѣ, дали много силы и авторитета клерикальному эле-

(¹) No m'laissarai per paor (ib. II, 388).

менту. Послѣ вѣковаго напряженія и труда наступили годы пользованія побѣдой. Пріобрѣтенныя выгоды соблазнительно вели клиръ къ злоупотребленію торжествомъ и властью. Идеалы Гильдебранда были забыты. Высокая идея Пасхалиса II,—исправить духовенство самоотреченіемъ—была благородной утопіею, неоцѣненной современниками. Рядъ сочиненій въ разное время появляется въ средѣ самихъ католическихъ духовныхъ съ нескрываемой печалью о порчѣ Церкви. Мы уже говорили (I, 411—415, 437) о томъ, что предшествовало Гильдебранду въ самомъ Римѣ и среди духовенства. Нравственной реформѣ, предпринятой Григоріемъ VII, нельзя отказать въ успѣхѣ. Но когда прекратилось дѣйствіе инерціи, данной католическому міру этимъ человѣкомъ, тогда стало грозить возвращеніе прежняго нравственнаго разложенія, хотя и не съ его крайностями. Симонія еще господствовала въ полной силѣ; свидѣтелемъ ея былъ Ивонъ Шартрскій, констатировавшій это явленіе спустя 20 лѣтъ послѣ кончины Гильдебранда (¹). Гильдебертъ, епископъ турскій, писавшій въ началѣ XII вѣка, изображаетъ правящее духовенство въ своемъ „Curiae romanae descripiio“ какъ такое сословіе, котораго надо опасаться.—„Они вездѣ стараются посѣять раздоръ и пользоваться смутами“, говоритъ онъ (²). Другой нѣмецкій аббатъ трактуетъ въ особомъ сочиненіи „О порчѣ Церкви при папѣ Евгеніи III“. Неслыханное дѣло, восклицаетъ авторъ, теперь вмѣсто *Церкви* римской стали говорить *курія* римская! (³). Англичанинъ Іоаннъ Сольсберійскій,—не щадившій, по словамъ поэта, ни друзей, ни недруговъ,—въ своемъ „Поликратикѣ или о лжи духовныхъ“, между прочимъ разсказываетъ, что, при свиданіи съ суровымъ папою Адріаномъ IV, онъ осмѣлился, увлекаемый побужденіемъ свободы и истины, откровенно высказать все, что дурнаго говорятъ въ далекихъ провинціяхъ про него и Римскую Церковь. „Она, мать всѣхъ Церквей, сдѣлалась теперь не матерью, а мачихой. Засѣдаютъ въ ней книжники и фарисеи; они возлагаютъ невыносимыя тяготы на плечи людей, а сами не дотронутся до нихъ пальцемъ, раздираютъ Церковь, возбуждаютъ вражду, воздвигаютъ народъ на духовенство. Они не сочувствуютъ несчастіямъ и страданіямъ

(¹) Migne. Patrologia.—Baronius Ann. eccl. t. XVIII; a. 1104.
(²) Apud Gieseler. Kirchengeschichte; 4 Ausg. B. II, Th. II. S. 248.
(³) Baluzius. Miscellanea (P. 1768); V, 63.

19

оскорбленныхъ; они радуются униженію Церкви (et quaestum omnem reputant pietatem)... Чаще всего они приносятъ вредъ, подражая бѣсамъ, обитающимъ въ нихъ и которые только тогда ихъ оставляютъ, когда тѣ перестаютъ вредить; исключеніе составляютъ немногіе,—тѣ, кои преисполнены понятія о долгѣ и обязанностяхъ пастырскихъ. Но и самъ первосвященникъ римскій ужаснѣе всѣхъ (omnibus gravis) и почти невыносимъ... Дворцы блистаютъ духовными особами и въ рукахъ ихъ помрачается Церковь Христова. Они извлекаютъ богатства провинцій, думая нажить сокровища Креза; епархіи часто преданы на разграбленіе самымъ низкимъ людямъ. И я полагаю, что до тѣхъ поръ, пока они будутъ блуждать въ такой дебри, бичъ Божій не перестанетъ грозить имъ. Ибо въ Писаніи сказано quo judicio judicaverint, judicabuntur, et sua mensura remitietur eis" (1). Въ половинѣ XII вѣка, одинъ клюнійскій монахъ сочинилъ поэму о развращеніи міра (de contemptu mundi ad Petrum abbatem suum) и въ ней говоритъ между прочимъ: „Римъ даетъ все, но лишь тѣмъ, которые даютъ ему; въ Римѣ все за деньги; тамъ, гдѣ, казалось, прибѣжище правды, погибло всякое право. Какъ колесо, стремится эта римская колесница. Вредящій Римъ вредитъ (Roma nocens nocet) и самъ же учитъ искусству вредить, научаетъ забывать правду, а думать только о пріобрѣтеніи барыша, да о покупкѣ епископскаго палліума" (2). Нѣсколько позже, въ концѣ XII столѣтія, тѣ же голоса, тѣ же латинскіе стихи слышатся изъ Англіи и Германіи. Это извѣстное: „In Romanam Curiam". По словамъ автора, Римъ сталъ ничѣмъ инымъ, какъ рынкомъ, гдѣ съ аукціона продаются сенаторскія мѣста и въ консисторіи все дѣлаютъ за деньги (3):—„Nisi det pecuniam, Roma totum negat,—Qui plus dat pecuniam, melius allegat". Еще большее значеніе имѣютъ обличенія французскихъ современниковъ. Одному изъ нихъ, строгому иноку клюнійскому, приписываютъ самое сильное, написанное около 1203 года,—въ фор-

(1) Polycraticus seu de nugis Curialium; I. VI, c. 24,—Gieseler; ibid.—Cave. Scr. eccl. hist. litt. 1745.

(2) M. Flacius. Varia doctorum piorumque virorum de corrupto Ecclesiae statu poëmata (Bas. 1754); 351.

(3) Waltherus Mapes apud Flacium; 420.

мѣ поэмы, носящей заглавіе: La Bible de Guiot de Provins (¹). Это памятникъ высокаго достоинства для ознакомленія съ той эпохою. Авторъ особенно нападалъ на высшее духовенство, кардиналовъ и легатовъ, которые, своимъ появленіемъ во Франціи и особенно Лангедокѣ, возбуждали, какъ позднѣе въ эпоху великой Реформаціи, сильное негодованіе. „Все пропадало и смущалось, когда наѣзжали кардиналы, всегда алчные, ищущіе добычи. Они приносятъ съ собою—симонію, показывая примѣръ нечестивой жизни; какъ бы неразумные, безъ вѣры, безъ религіи, они продаютъ Бога и Богородицу“ (²). А нѣсколько далѣе идетъ обличеніе даже столповъ католичества, хотя таковое нельзя относить къ личности самого папы; это скорѣе отраженіе старыхъ воспоминаній, плоды старой накипѣвшей злобы, какое-то разочарованіе въ возможности поворота къ лучшему. „Всѣмъ видимо, что Римъ унизилъ нашъ законъ. Князья, герцоги, короли должны о томъ безотлагательно подумать. Римъ насъ язвитъ и пожираетъ; онъ разрушаетъ и умерщвляетъ всѣхъ. Римъ—это каналъ нечестія, откуда изливается преступный порокъ, это бассейнъ полный гадовъ (Rome est la doiz de la malice—Dont sordent tuit li malves vice;—C'est un viviers pleins de vermine). Въ тѣ же самые годы аббатъ Іоакимъ, мистикъ и аскетъ, называетъ Римскую Церковь вавилонской блудницею. „На сколько она удалилась отъ чистоты первоначальной Церкви, явствуетъ изъ многаго“. Онъ уподобляетъ Церковь греческую Израилю, а латинскую Іудѣ, изъ которыхъ первую можно назвать противоборствующею (adversatrix), а вторую вѣроломной (praevaricatrix),—ибо иное дѣло уклоняться отъ вѣры и другое измѣнять ее“ (³). Еретики прямо выставляютъ главною причиною своей оппозиціи нравственное паденіе западной Церкви и апологеты послѣдней, полемисты съ ересью, сдѣлавшіеся инквизиторами по убѣжденію,—какъ напримѣръ, Рейнеръ Саккони,—сами сознаются въ томъ (⁴).

(¹) Barbazan. Fabliaux et contes des poëtes françois de XI—XV siècles: P. 4 v. 1808.

(²) La Bible de Guiot de Provins, v. 666—674 et v. 765—774.

(³) Apud Gieseler; B. II, T. II, S. 353.

(⁴) Reinerus. Contra Waldenses, c. 3, apud Grester. Opera (1738); XII, II, 27.

Правда, что съ самаго начала XIII столѣтія, новый Гильдебрандъ воцарился въ Римѣ, но ему досталось наслѣдіе слишкомъ запущенное, чтобы плоды его дѣятельности можно было ощутить немедленно. Иннокентій III положилъ лучшія усилія къ исправленію нравовъ духовенства, но ересь выросла подъ вліяніемъ условій, уже до него накопленныхъ исторіею. Онъ успѣлъ достигнуть своей цѣли лишь въ послѣдствіи, когда фактъ совершился, когда альбигойство было побѣждено насиліемъ. Самая ересь далеко опередила его появленіе, и не онъ виновникъ развитія ея. Потому, понятно, что образованныя лица, принадлежащія къ духовному сословію, и при немъ продолжаютъ рисовать жизнь духовенства мрачными красками.

Мы имѣемъ два свидѣтельства такого рода; оба они, какъ слова современниковъ начала XIII вѣка, требуютъ вниманія. Одно изъ нихъ, нѣсколько раннее, заключающееся въ хроникѣ пріора Готфрида, касается непосредственно соціальнаго быта Аквитаніи и Прованса и потому имѣетъ большое значеніе для исторіи эпохи, тѣмъ болѣе, что записанное въ 1185 году, представляетъ картину нравственнаго разложенія духовенства въ эпоху особеннаго процвѣтанія ересей. Уже тогда между католиками составилось убѣжденіе, что совершать таинство Евхаристіи не кому, такъ какъ достойныхъ для того лицъ во всемъ духовенствѣ не имѣется. О святости жизни въ духовныхъ пастыряхъ теперь не слышно. „Монахи, говоритъ по этому поводу настоятель восіенской обители, покидаютъ свое прежнее платье и ходятъ по улицамъ одѣтыми по новой модѣ; мясо они ѣдятъ, когда хотятъ. Самые неприличные раздоры совершаются въ монастыряхъ при избраніяхъ; такъ, я знаю монастырь, въ которомъ правятъ 4 аббата. Цистерціанцы еще чѣмъ нибудь заслуживаютъ похвалу; они расточаютъ большія милостыни, изучаютъ церковное пѣснопѣніе, творятъ много добрыхъ дѣлъ. Но и они искусны силой или хитростью присвоивать себѣ имущества и доходы другихъ орденовъ. Епископы же требуютъ съ приходовъ большія взятки, а мѣста продаютъ за деньги. Они не даютъ даромъ мѣстъ священнослужителямъ, а прежде требуютъ подарковъ, потому тѣ и стригутъ своихъ прихожанъ, какъ торговцы овецъ. Послѣдствія бываютъ еще ужаснѣе, когда священники подаютъ паствѣ примѣръ безнравственной жизни“. Все преисполнилось пороковъ, и, какъ видно изъ

словъ пріора, побудительная причина заключается въ безнравственной жизни духовенства (¹).

Яковъ Витрійскій.

Еще бо̀льшимъ аскетизмомъ характеризуется взглядъ другаго высокопоставленнаго духовнаго лица, свидѣтеля самаго разгара альбигойскихъ войнъ и проповѣдника похода на еретиковъ. Надо впрочемъ замѣтить, что личности въ родѣ Якова Витрійскаго, епископа палестинской Акконы,—появляются при исключительныхъ обстоятельствахъ. Полу-аскетъ въ жизни, съ идеаломъ духовнаго и тѣлеснаго подвижничества, суровый епископъ не хочетъ ничего видѣть въ современной ему эпохѣ, кромѣ зла, – а это было время самостоятельной цивилизаціи, осѣненное нѣкоторымъ блескомъ. Онъ былъ изъ тѣхъ служителей Церкви, которые закалились борьбой Иннокентія III съ старыми порядками, борьбою за идеалы нравственной чистоты, борьбой, породившей много неукротимыхъ ригористовъ, которые, съ вѣчными текстами на устахъ, въ пылу увлеченія думая вернуть неумѣстную патріархальность нравовъ, впали въ противоположную крайность (²). Тѣмъ не менѣе, уже одно появленіе такихъ сочиненій, какъ „Іерусалимская исторія", даетъ право вполнѣ повѣрить ироническимъ и озлобленнымъ трубадурамъ.

Замѣтивъ, что весь міръ потерялъ понятіе о добродѣтели, что все гибнетъ среди „пьянства, обжорства, пороковъ нравственныхъ и утѣхъ чувства, для которыхъ нѣтъ границъ даже въ различіи по̀ловъ", что религія падаетъ отъ нечестиваго кощунства,—суровый епископъ, переходя спеціально къ духовнымъ, такъ отзывается про монаховъ: „Отказавшись отъ свѣта и отъ самаго вѣка, связанные однимъ долгомъ молитвы и вѣры, они еще ниже пали нравственно

(¹) Gaufredus Lemovic. Chronicon, c. 74.

(²) Онъ, какъ фанатическій католикъ, принималъ дѣятельное участіе въ проповѣданіи крестоваго похода на альбигойцевъ. Мѣстомъ рожденія его былъ городокъ Витри близъ Парижа. Онъ умеръ въ Италіи кардиналомъ въ 1246 году. Guizot, издавшій въ 22 т. Collection des mémoires франц. переводъ его сочиненія, относится съ справедливымъ недовѣріемъ къ декламаціямъ автора, къ этому риторизму общихъ мѣстъ. «Un tel tableau, même à cette époque, ne saurait être pris à la lettre; c'est le propre des écrivains ecclésiastiques de représenter toujours le monde comme à la veille de sa fin et universellement en proie au péché» (intr. p. XI). (См. нашъ Очеркъ средн. исторіографіи, 46—49). Въ извлеченіи пер. у Стасюлевича; III, 482, 581.

послѣ своихъ обѣтовъ. Вѣчно безпокойные, никого не признающіе надъ собой, терзая другъ друга, они носятъ крестъ Христовъ будто повинность и нечестивые, невоздержные, живутъ по плоти, а не по духу" ([1]). Тѣмъ рѣзче епископъ акконскій говоритъ о своихъ высшихъ собратьяхъ по сану, объ этихъ „ненасытныхъ прелатахъ, которые изъ-за пламени страсти никогда не видятъ солнца справедливости... Грабители, а не пастыри, новые Пилаты, а не прелаты, они не только пускаютъ волковъ въ стадо, но даже дружатся съ ними. Имъ надо сказать вмѣстѣ съ Апостоломъ: врачъ, исцѣли самъ себя; проповѣдуя не красть, ты крадешь, говоря не прелюбодѣйствуй, ты самъ прелюбодѣйствуешь (къ Рим. II, 21—22). Невѣста Христова, Церковь Божія такъ отдана была на поношеніе и любодѣйство тѣми, кои призваны были оберегать ее. Снова распиная Сына Божія и ругаясь ему, они, въ своемъ алчномъ корыстолюбіи, не только обличаютъ самихъ себя, но и со священныхъ предметовъ снимаютъ всякую благость и позорятъ ихъ примѣромъ своей преступности ([2]). Тономъ рѣшительнаго памфлета написана характеристика нравовъ и жизни французскаго духовенства. Тогда духовенство Парижа развращено было, по его словамъ, болѣе нежели прочіе классы ([3]). Въ столичной жизни, частной и публичной, въ продолженіе второй половины XII вѣка, позорныя явленія стали общимъ правиломъ. Такъ узнаемъ, что черное духовенство, какъ и бѣлое, пріобщало отлученныхъ за деньги, что больныхъ навѣщали и напутствовали ради вознагражденія, что монахини выходили изъ монастырей, бродили по всѣмъ площадямъ ([4]). Священники часто покидали свои приходы ради женитьбы. Иные клирики давали своимъ поведеніемъ поводы потѣшаться народному остроумію ([5]). Значи-

---

([1]) Iacobus de Vitriaco. Historia orientalis seu hist. hierosolymitana abbreviata; l. II, intr. (Guizot; p. 280).

([2]) Idem. l. II, c. 4 (Guizot; p. 282—283)

([3]) Idem; l. II, c. 6; p. 290.

([4]) Idem l. II, c. 7; p. 291,—типичныя сцены во время крестовой проповѣди священника Фулько Нельи, сдѣлавшагося въ Парижѣ бичемъ разврата.

([5]) По этому поводу ходило между французскими жонглерами скабрезное стихотвореніе, помѣщенное у Capefigue (Hist. de Philippe Auguste, IV, 352) и намекающее на самыя грязные пороки католическихъ священниковъ:

Vilain mestier clercs nous apprennent etc.

тельная часть духовныхъ имѣла лучшія намѣренія и, считая среди себя людей справедливыхъ и богобоязненныхъ, соблюдала спасительныя правила и священныя учрежденія своихъ орденовъ, на сколько то было возможно среди общаго увлеченія,—„но нечестіе развращенныхъ и злонамѣренныхъ одерживало верхъ. Ихъ неправда была велика до того, что они часто допускали къ священному сану тѣхъ, на кого прелаты налагали запрещеніе. Оттого могущественныя узы церковной дисциплины ослабѣли; міряне и отлученные смѣялись надъ приговорами своихъ прелатовъ и презирали церковное правосудіе“.

Будущіе клирики съ молодыхъ годовъ получали дурное и безнравственное направленіе. Епископъ, близко знавшій бытъ парижскихъ студентовъ, не щадитъ при описаніи его самыхъ черныхъ красокъ, разсказывая возмутительныя вещи.

Впрочемъ всѣ эти обличенія епископа Акконскаго изображаютъ нравы не столько XIII, сколько второй половины XII вѣка. Это видно изъ словъ самого автора: „Все сказанное нами приводится не съ тѣмъ, чтобъ упрекать потомство, живущее нынѣ, за преступленія ихъ предшественниковъ, но единственно для того, чтобъ оно, омывъ свои ноги въ крови нечестія, научилось подражать добрымъ, проклинать и осуждать злыхъ“.

Ограниченность и пессимизмъ сужденій Якова видны изъ предисловія. Прежде, говоритъ онъ, такъ ревностно описывали дѣла язычниковъ, осужденныхъ Господомъ, а теперь, „въ наше время не найдется никого или очень мало, кто бы разсказалъ и описалъ битвы, преславныя побѣды и дивныя дѣла Царя Небеснаго, на славу и хвалу Того, Кто одинъ достоинъ хвалы и славы во вѣки.... Въ наши дни Господь совершилъ великія дѣла, достойныя восхваленія и воспоминанія людей, въ Испаніи противъ мавровъ, въ Провансѣ противъ еретиковъ альбигойцевъ, въ Греціи противъ схизматиковъ“. Короче, епископу вездѣ видится гибель и пропасть неисходная. Тогда общественное мнѣніе ожидало конца міра; потому мистическая грусть за погибающаго безъ покаянія, смѣшанная съ воплями негодованія, послужила отличительной чертой его обличительной проповѣди.

Свидѣтельства Иннокентія III.

Манера писать общими мѣстами, не указывая точныхъ фактовъ, — заставляетъ заподозрить историческое достоинство этого памятника и ставитъ его ниже писемъ Иннокен-

тія III. У послѣдняго, напротивъ, мы видимъ основательное изложеніе фактовъ, живые примѣры частной и общественной жизни духовенства. Говоря о томъ, что священники увлекаются слабостями, предаются пьянству, папа не забываетъ сказать, какъ отражалось это на другихъ, и даже подъ какимъ настроеніемъ могло уменьшиться развитіе пагубной страсти. Одинъ клирикъ, пившій запоемъ, излѣчился сновидѣніемъ; онъ увидѣлъ, какъ въ аду сатана торжественно пилъ кубокъ со смолой за его здоровье. Другой клирикъ, имѣвшій обычай въ пьяномъ видѣ плясать въ обществѣ женщинъ, упалъ за этимъ занятіемъ въ погребъ и убился до смерти. Этотъ примѣръ, какъ видимое наказаніе неба, исцѣлилъ другихъ, подверженныхъ той же склонности. Только одинъ случай кощунства въ духовенствѣ былъ извѣстенъ папѣ. Воообще всѣ доходившія до него свѣдѣнія влекли за собою рядъ мѣръ и предавались гласности.

Изъ тѣхъ оффиціальныхъ свѣдѣній, которыя занесены въ папскую переписку, можно заключить, что священники сдѣлались торговцами [1], процентщиками, фальшивыми монетчиками [2]. Они пьянствуютъ [3], разбойничаютъ [4], святотатствуютъ [5] и въ тоже время совершаютъ всевозможныя насилія надъ причтомъ и паствой [6]. Изъ Бордо доносили о кровопролитныхъ схваткахъ между священниками [7], изъ Прованса объ азартныхъ играхъ, при чемъ обвиненный объяснялъ, что нѣтъ причины отказываться отъ наживы и не пользоваться счастьемъ, тѣмъ болѣе что это укоренившійся обычай во всемъ французскомъ духовенствѣ [8]. Иннокентій прини-

---

(1) Innocentii III regest. l. XV, ep. 202,—Migne; CCXVI, 731.

(2) Hurter; III, 455.

(3) Regesta; l. VI, ep. 78.

(4) Id. I, 21; V, 54; V, 75; V, 95; VIII, 87.

(5) Regesta; l. V, ep. 54,—дѣло объ архидіаконѣ Ричмондскомъ (у Migne; CCXIV, 1021—1025), обвиняемомъ во множествѣ самыхъ ужасныхъ преступленій и между прочимъ въ вооруженномъ насиліи, поджогахъ и святотатствѣ.—О томъ же говоритъ Rogerius de Hoveden, подъ годами 1198, 1199 и 1201.

(6) Reg. l. I. ep. 209,—Migne; CCXIV, 181.

(7) Reg. l. VIII, ep. 151,—Migne; CCXV, 726.

(8) Reg. l. XI, ep. 264,—CCXV, 1576—1578. «Idem Petrus quod hoc fecerat juxta Gallorum consuetudinem clericorum, secundum quam fere clerici universi mutuant sic frequenter et ludunt».

малъ всѣ мѣры для уничтоженія и предупрежденія зла при каждомъ случаѣ. Онъ увѣщевалъ, наказывалъ, лишалъ сана, отлучалъ. Его проповѣдь, сказанная вскорѣ по вступленіи на престолъ, въ моментъ самый рѣшительный для Церкви,—объясняющая будущую систему его внутренней политики по отношенію къ духовенству, служитъ вмѣстѣ съ тѣмъ однимъ изъ матеріаловъ при изученіи нравовъ духовенства въ данное время. Рисуя идеалъ священника, съ авторитетностью государственнаго документа, рѣчь папы констатируетъ присутствіе въ духовенствѣ тѣхъ же самыхъ пороковъ, противъ которыхъ возставали трубадуры, Готфридъ и Яковъ Витрійскій. „Побужденія плотскія, соблазны глаза и личная гордость, вотъ тройныя узы грѣховнаго человѣка, говоритъ Иннокентій; онѣ опутываютъ и духовныхъ. Подъ тяжестью плотскихъ страстей, духовникъ не краснѣетъ. Узы похотей глаза въ томъ, что влекомые ими не стыдятся вести торговлю и заниматься ростовщичествомъ, при чемъ всѣ, отъ самыхъ высокихъ лицъ до малыхъ, совершаютъ тысячи обмановъ; они забываютъ, что священникъ, жадный къ деньгамъ, служитъ не Богу, а идолу. А тѣ, которые должны бы сдерживать другихъ, какъ собаки нѣмыя, боятся лишиться своихъ приношеній, десятинъ, богатствъ (oblationes, decimas, atque primitias).Изъ гордости происходитъ то, что мы склонны болѣе служить суетѣ, чѣмъ смиренію, выступая горделиво, разукрашенные нарядами, болѣе приличными людямъ свѣтскимъ, чѣмъ духовнымъ“ ([1])... Содержаніе папской проповѣди въ самыхъ сильныхъ размѣрахъ слѣдуетъ примѣнить къ положенію лангедокскаго католическаго духовенства предъ наступленіемъ альбигойскихъ войнъ.

Тамъ, въ это время, католическая Церковь находилась въ страшномъ униженіи. Тамъ раздаются горькія жалобы, что опустѣлые храмы разрушены или заросли мхомъ, что духовенству не платятъ десятинъ и что оно обречено на нищенство, что сильные феодалы спѣшили обложить церкви и монастыри налогами ([2]). Епископы не заботились объ интересахъ своей паствы, а, отправляясь въ крестовые походы, оставляли священниковъ въ жестокихъ тискахъ бароновъ. Бы-

---

([1]) Innoc. sermones de tempore, s. XII,—Migne; CCXVII, 368—369.

([2]) 5, 7 и 8 постановленія авиньонскаго собора 1209 г.—Schmidt. Hist. des Cathares; I, 192.

вали примѣры еще хуже. Одинъ изъ епископовъ нарбоннскихъ, для котораго, по словамъ Иннокентія, божествомъ были деньги, подрядился на войну съ разбойничьей шайкою (¹). Въ храмахъ народъ часто вмѣсто молитвы предавался танцамъ, (histrionicae saltationes obscoeni motus), сопровождая ихъ эротическими пѣснями (dicuntur amatoria carmina vel cantilenae ibidem). Авиньонскій соборъ 1209 года долженъ былъ составить особый канонъ по этому поводу (²)

Измѣненіе въ идеяхъ со второй половины XIII вѣка.

Личность и дѣятельность Иннокентія III сгладила тѣ рѣзкія стороны общественной нравственности, которыя принесла старая эпоха. Успѣхъ его стремленій доказывается тѣмъ, что за первую половину XIII вѣка уже не имѣется свидѣтельствъ, подобныхъ вышеприведеннымъ. Аскетическое движеніе было современно нравственному перерожденію общества; оно выразилось успѣхами нищенствующихъ орденовъ. Половина XIII столѣтія въ этомъ отношеніи лучшее время для Церкви. Но впослѣдствіи начинается паденіе; оно идетъ параллельно съ потерею довѣрія не только къ папской системѣ, но и къ самимъ истинамъ, провозглашеннымъ католицизмомъ. Крестовые походы, при всѣхъ жертвахъ и упованіяхъ западнаго міра, не удались; самыя напряженныя усилія оказывались напрасными. Покровительство неба христіанству теперь считали простымъ вымысломъ. Разочарованіе и недовольство Римомъ стало видимо проявляться. Папы нашли удобнымъ сослаться на грѣхи христіанъ; тогда стали съ особенною подозрительностью слѣдить за поведеніемъ римской куріи. Самихъ папъ XIII вѣка трудно было уличить въ оскорбленіи публичной нравственности и въ позорѣ христіанства, но подъ вліяніемъ подготовленнаго раздраженія сложились чудовищныя повѣсти о личности Бонифація VIII. Жестокости, совершенныя надъ альбигойцами, въ свою очередь, много содѣйствовали негодованію на духовенство и на папъ. Неудача крестовыхъ походовъ породила сомнѣніе въ существованіи извѣстныхъ отношеній между людьми и божествомъ; она поколебала многое изъ того, съ чѣмъ привыкли соединять понятіе о святынѣ. Папы имѣли неосторожность поставить вопросъ о крестовыхъ походахъ такъ, что отъ исхода дѣла

(¹) Regesta; l. III, ep. 24 (CCXIV, 903—906); l. X, ep. 68 (CCXV, 1165).
(²) Mansi. Concilia; XXII, 791.

зависѣло понятіе о правовѣріи, о достоинствахъ христіанской догматики, такъ какъ истиннымъ критеріумомъ религіи выставлялось обладаніе святыми мѣстами. Это скорѣе всего было соображено въ Провансѣ; тамъ издавна коренилось легкое отношеніе къ вопросамъ вѣры; теперь къ чувствамъ тамошнихъ трубадуровъ прибавилось личное раздраженіе. Тамъ накипѣла сердечная ненависть къ Риму; она разразилась тѣмъ громкимъ свистомъ, который способенъ былъ оглушать всю Европу; одни сочувствовали этому свисту, другіе въ ужасѣ разбѣгались. А этотъ свистъ, къ концу вѣка, подготовилъ то настроеніе общаго мнѣнія, подъ которымъ сталъ дѣйствовать король французскій Филиппъ IV Красивый.

Въ 1302 году внукъ Луи Святаго, Филиппъ Красивый сжегъ папскую буллу. Etats-généraux въ Парижѣ, публично созванные съ участіемъ средняго сословія, разбираютъ дѣло папы съ королемъ, а при французскомъ дворѣ, по разсказу официальнаго лѣтописца, публично представляется слѣдующая мистерія по поводу возведенія въ рыцарство сына короля: „И увидѣли“—пишетъ набожный лѣтописецъ—„ребенка, изображавшаго Спасителя, который рѣзвился около женщины, изображавшей Пресвятую Дѣву; съ апостолами прочелъ послѣ Спаситель „Отче нашъ“, а подъ конецъ при всей публикѣ воскрешалъ и судилъ мертвыхъ. Тутъ же были святые, пѣвшіе въ раю съ ангелами, и грѣшники въ мрачномъ и зловонномъ аду; тутъ же присутствовалъ и дьяволъ, издѣвавшійся надъ страданіями Спасителя. . И вотъ послѣ всего вышелъ передъ собраніе зрителей человѣкъ лукавый; сперва онъ былъ въ одеждѣ простаго причетника и пѣлъ псалмы Давида, потомъ онъ явился въ облаченіи епископскомъ, послѣ архіепископскомъ, наконецъ папскомъ; онъ истреблялъ передъ публикой огромное количество куръ и цыплятъ“... А дѣды не то видали въ этой странѣ, когда въ 1229 году три королевы: вдова Филиппа-Августа, Бланка Кастильская и королева Іерусалимская торжественною процессіей шли по городу обнаженныя съ благочестивою цѣлью [1]. Лѣтописецъ, записавшій приведенную мистерію, въ сильныхъ выраженіяхъ высказываетъ свое негодованіе, а не болѣе какъ черезъ три года, французскій чиновникъ, по приказанію сво-

---

[1] Mary Lafon. Midi; III, 268.

его короля, арестуетъ папу. Итальянскій авантюристъ даетъ ему публичную пощечину въ присутствіи владычествовавшаго надъ западнымъ міромъ клира, и мѣсяцъ спустя первосвященникъ Рима погибаетъ самымъ жалкимъ образомъ. Идеи альбигойцевъ изъ Прованса и штедингеровъ изъ Фрисландіи прививаются къ готовой почвѣ; трубадуры не стѣсняются въ выраженіяхъ о религіи. Поклоненіе дамѣ, а иногда и чувственности, ставится въ тотъ вѣкъ, который мы привыкли называть суевѣрнымъ, болѣе обязательнымъ для высшаго общества, чѣмъ почтительное отношеніе къ религіи.—„Да, я клянусь св. Евангеліемъ,—поетъ Hugues de la Bachilerie,— „что ни Андрей Парижскій, ни Флорисъ, ни Тристанъ, ни Амелисъ никогда не имѣли такой чистой страсти, такой вѣрной привязанности, какъ моя. Съ той минуты, какъ я поклялся служить моей дамѣ, я не прочту Pater Noster безъ того, чтобы въ словахъ „qui es in coelis“ не подумать всѣмъ сердцемъ о ней (¹)“.—Pons de Capdueil сознается, что не перестаетъ думать о своей дамѣ даже тогда, когда молитвы обращены къ Богу (²).—„Одинъ взглядъ моей дамы дѣлаетъ меня болѣе счастливымъ, даетъ больше радостей, чѣмъ попечительныя заботы 400 ангеловъ“, говоритъ Rambeaud d'Orange... „Я полагаю, что безъ моей дамы и рай не будетъ хорошъ“, восклицаетъ Boniface Calvo (³)... Эти стансы, въ которыхъ подъ наивностью поэзіи скрытъ легкомысленный и скептическій взглядъ на вѣру, и которые такой знатокъ, какъ Ренуаръ, называетъ l'abandon de la franchise, особенно зазвучали послѣ альбигойской рѣзни. Неудача крестовыхъ походовъ подорвала довѣріе къ тому особому покровительству небесъ, которое папство возводило въ догматъ; этому вторили уже бичующія сирвенты Монтаньягу и Фигвейраса, Пьера Кардиналя и др. „О Римъ, отъ тебя погибъ добрый король Луи (VIII), когда твои рѣчи завели его въ наши страны... Ты ведешь къ преступленію, потому что презираешь и Бога и святыхъ“. Мы привели большую балладу Фигвейраса въ 16 строфъ (II, 184), изъ которыхъ каждая начинается указаніемъ позора Рима; это громовое выраженіе безсильнаго гнѣва угнетенныхъ провансальцевъ кажется опередило свое время на

(¹) Raynouard, Choix; III. 342.
(²) Ibid. III, 174.
(³) Ibid. III; 16, 447.

нѣсколько столѣтій; тутъ слышится сердечная ненависть германскихъ реформаторовъ. То былъ поворотный пунктъ въ католицизмѣ, имѣвшій огромное значеніе для всемірной исторіи. Недовѣріе издалека касалось уже догмы, но вмѣстѣ съ такимъ скептическимъ отношеніемъ проявлялось и усвоеніе задачи христіанской жизни. Два столѣтія тому назадъ какой то суевѣрный рыцарь разъ возжелалъ стать Богомъ съ цѣлью отмстить своему врагу, а теперь у Жуанвиля встрѣчаемъ слѣдующее задушевное сказаніе.—„По улицамъ Дамаска проходилъ однажды доминиканецъ, сопутствовавшій Луи IX въ Палестину. Дорогой онъ встрѣтился со старою женщиной, которая несла въ правой рукѣ сосудъ съ огнемъ, а въ лѣвой кувшинъ съ водою. Братъ Ives (такъ звали монаха) спросилъ ее: „Что ты хочешь съ этимъ дѣлать“? И она отвѣчала ему, что хочетъ огнемъ поджечь рай, а водою потушить адъ, чтобы не было больше ни того, ни другаго. Тогда Ивъ спросилъ ее: „Зачѣмъ ты хочешь это сдѣлать“?—„Я хочу“, отвѣчала она, „чтобы никто не дѣлалъ добра ради вознагражденія въ раю, ни зла изъ страха ада, но чтобы добро дѣлалось единственно изъ любви къ Богу, въ которомъ заключаются всякія блага и который можетъ сдѣлать намъ все доброе“. Если Фридриха II современники обвиняли въ атеизмѣ, то Жуанвиль видимо проводитъ взглядъ будущаго протестанта, тотъ Жуанвиль, который откровенно сознавался Луи Святому, что согласится лучше сдѣлать тридцать смертныхъ грѣховъ, чѣмъ перенести проказу.

А между тѣмъ въ Провансѣ энергично продолжали порицать духовенство. Кастельно сожалѣетъ, что св. Петръ и Андрей перенесли столько мученій изъ-за рая, въ который можетъ попасть всякій монахъ, лакомый до яствъ и до наслажденій, а Вильгельмъ Монтаньягу еще съ большею горечью говоритъ про монаховъ, которые все спасеніе полагаютъ въ бѣлой и черной рясѣ: „Если послушать ихъ, то они не хотятъ ничего, а посмотрѣть, такъ берутъ все. Зачѣмъ монахамъ такая роскошь, если самъ Богъ ходилъ въ бѣдномъ платьѣ“ [1]. Сирвенты, одна передъ другою, соперничали въ выходкахъ противъ Рима. Очевидно, что авторитетъ духовенства начиналъ сильно ослабѣвать и оно лишилось прежняго обаянія.

---

[1] Mary Lafon. Midi; II, 384.

Данте о папахъ.

Геніальный современникъ этихъ событій въ слѣдующихъ чертахъ изображаетъ величавый по своей трагичности эпизодъ паденія папства. Въ невѣдомыхъ областяхъ чистилища, чудный грифъ мчитъ крылатую колесницу. Передъ нею 24 старца, съ золотыми свѣтильниками, во всемъ величіи Езекіиля. При пѣніи ангеловъ является Беатриче; колесница останавливается; орелъ низлетаетъ на нее и оставляетъ на ней нѣсколько перьевъ. Къ ней пробираются лисица и драконъ; на нее садится развратная женщина; ее хватаетъ великанъ, и воздушная колесница исчезаетъ вмѣстѣ съ нимъ въ лѣсу. Беатриче остается, прислонившись къ древу науки ([1]). Колесница—это Церковь; ее мчитъ Іисусъ Христосъ и его двойственная природа; орелъ—эмблема имперіи; его перья—церковныя имущества; лисица—ересь; позорная женщина—порочные папы; великанъ—Филиппъ Красивый.... Только руки этого призрачнаго великана недоставало еще, чтобы нанести тяжкій ударъ тому, что падало уже въ общественномъ мнѣніи Запада.

«Когда», говоритъ Данте,
«Я снова бросилъ взглядъ на колесницу
«То увидалъ на ней одну блудницу,
. . . .
. . . .
«Съ ней рядомъ я замѣтилъ великана,
«Который ту блудницу охранялъ.
. . . .
. . . .
«И грозно бичевать блудницу сталъ
«Безъ жалости тотъ великанъ громадный
«И въ гнѣвѣ колесницу отвязалъ,
«Съ которой скрылся въ лѣсъ онъ непроглядный.
«Обоихъ ихъ въ минуту слѣдъ простылъ.

Этою сценою поэтъ-патріотъ мстилъ папамъ за то равнодушіе, какое они обнаруживали къ политическимъ интересамъ Италіи; а въ исторіи ею закончилась та безграничность папской диктатуры, которая тяготѣла надъ западною Европой въ продолженіе цѣлаго ряда столѣтій.

([1]) Dante. Divina Comedia, Purgatorio, XXXII, 102—157 (пер. Минаева. Чистилище; 308—310).

5) Борьба за политическую свободу въ Англіи при Іоаннѣ I Безземельномъ и Генрихѣ III.

Теократическая идея не устраняла самостоятельнаго развитія западно-европейскихъ государствъ. Такъ исторія Англіи въ XIII вѣкѣ получила особый политическій интересъ. Въ этомъ столѣтіи прелаты и бароны, соединившись съ горожанами, добываютъ политическія права, гарантирующія свободу англійскаго народа, а въ концѣ этого столѣтія утверждается конституція Англіи. Это явленіе идетъ совмѣстно съ теократіей и только послѣ папство становится враждебнымъ движенію (¹).

Элементы англійскаго народа.

Англійская нація, какъ уже было изложено ранѣе (I; 159, 302), сложилась подъ взаимодѣйствіемъ трехъ племенныхъ элементовъ—кельтскаго, германскаго и норманскаго. Послѣдній

(¹) Лѣтопись «Historia major Angliae» бенедиктинца Матвѣя Парижскаго, съ 1066—или вѣрнѣе съ 1216 по 1259 г.—служитъ главнымъ источникомъ. Сперва не совсѣмъ точно приписывали часть хроники до 1235 г. Рожеру Вендоверу; во всякомъ случаѣ Матвѣй самостоятеленъ только съ 1235 г. До 1273 г. «Исторію» продолжалъ бенедиктинецъ Вильгельмъ Рисгангеръ, писавшій въ началѣ XIV вѣка по тому же широкому плану, захватывая событія на всемъ Западѣ (изд. Wats вмѣстѣ съ Матвѣемъ L. 1640, P. 1644, L. 1684, 1686. Отрывки у Bouquet; XVII, 679—768). Продолженіемъ служитъ Thomas Walsingham. Hist. Angliae brevis 1422—1273.—Изъ пособій: Pauli, Geschichte von England, и Hallam «View of the state of Europe during the Midle Ages» довольно сухое, но богатое въ фактическомъ отношеніи—хотя теперь устарѣвшее—сочиненіе. Въ послѣднее время вышелъ трудъ: Green, Hist. of the Englisch people (первый томъ, о которомъ мы упоминали своевременно—I, 577—посвященъ средневѣковью до 1461 г., L. 1877), и нѣсколько ранѣе капитальный трудъ оксфордскаго профессора Stubbs по конституціонной исторіи Англіи, доведенный до XVI вѣка въ 4 томахъ Constitutional history of England, Oxf. 1871—74 и его же Select Charters and other Illustrations English history from the earliest times to the reign of Edward I, Oxf. 1870. — Фриманъ и Стебсъ. Опыты по исторіи англійской конституціи (р. пер. подъ ред. М. Ковалевскаго. М. 1880). Гнейстъ. Исторія госуд. учр. Англіи (р. пер. Венгерова. М. 1885); его же болѣе раннія сочиненія: Gesch. und heutige Gestalt der englischen Kommunalverfassung (B. 1863), Das englische Verwaltungsrecht (B. 1867). — Виноградовъ. Изслѣдованія по соціальной исторіи Англіи (М. 1886). — Ясинскій. Исторія великой хартіи въ Англіи въ XIII вѣкѣ (Кіевъ, 1888).

былъ тоже германскаго происхожденія. Но англійскіе норманны обладали характеристическою особенностью, отличавшею ихъ отъ норманновъ другихъ странъ. Характеръ норманновъ измѣнялся, смотря по мѣстности, которую они заняли и отъ народа, вблизи котораго имъ пришлось жить. Такъ норманны съ острова Сициліи, итальянскіе норманны и норманны съ сѣверныхъ береговъ Галліи значительно разнятся другъ отъ друга. Три элемента, положившіе основаніе англійской націи, долго боролись, пока особенности ихъ не сгладились и они, смѣшавшись, образовали одну однородную массу, одинъ народъ. Исторія сплава враждебныхъ элементовъ есть „исторія несправедливостей, причиненныхъ и испытанныхъ различными племенами, которыя, правда, всѣ жили на англійской почвѣ, но относились одинъ къ другому съ такимъ отвращеніемъ, какое едвали когда нибудь существовало между обществами, отдѣленными другъ отъ друга естественными преградами“ (1). Въ этой борьбѣ болѣе всѣхъ пострадалъ элементъ кельтскій, а восторжествовалъ элементъ англо-саксонскій вмѣстѣ съ норманскимъ. Послѣднее, норманское вліяніе обозначилось особенно въ высшемъ, аристократическомъ сословіи Англіи; дворъ и англійская аристократія заговорили французскимъ языкомъ, который норманны усвоили, живя во Франціи, забывши свой родной скандинавскій языкъ. Этотъ новый норманно-французскій языкъ оказалъ сильное вліяніе на языкъ англо-саксскій. По смѣси тѣхъ и другихъ элементовъ въ англійской рѣчи можно опредѣлить качество и силу аггрегатовъ того или другаго языка. Каждое племя имѣло свою долю вліянія въ развитіи Англіи. Норманскій элементъ, прежде проявившій себя гнетомъ надъ другими, послѣ оказался благодѣтельнымъ для политическаго развитія страны, потому что англо-саксонцы содѣйствовали упроченію корпоративнаго строя городовъ. Такъ какъ то и другое племя—англо-саксы и норманны—германской расы, то и основы характера англичанъ—германскія; ихъ медлительность, терпѣніе, хладнокровіе, ихъ несокрушимая энергія, все это беретъ начало въ тевтонскомъ происхожденіи. Эта покорность судьбѣ, это отсутствіе иллюзій, всякихъ увлеченій и ложныхъ надеждъ, это упорное стремленіе не къ совершенству, а къ лучшему, этотъ наблюдательный умъ, все это объясняется происхожденіемъ англичанъ. Но торжество саксонцевъ и нор-

(1) Маколей. Введеніе къ исторіи Англіи, т. VI, р. пер. стр. 16.

манновъ не уничтожило всѣхъ особенностей кельтическаго племени, въ которомъ было столько поэтичности. Переживъ столѣтія, кельтскій элементъ часто выступаетъ сквозь саксонскій германизмъ; онъ замѣтенъ отчасти въ англійскомъ юморѣ, въ расположеніи англичанъ къ играмъ, пари и спорту. Остатки кельтовъ въ болѣе или менѣе чистомъ видѣ и теперь еще держатся въ Валлисѣ, сохраняя тамъ свою племенную особенность.

Въ началѣ XIII вѣка англосаксы и норманны, такъ долго враждовавшіе между собою, подали руки другъ другу, и примирились между собою, какъ скоро увидѣли, что у нихъ общіе интересы и общіе враги. Доселѣ норманскіе бароны на Англію смотрѣли, какъ на завоеванную провинцію; симпатіи тянули ихъ къ той странѣ, которая лежала по другую сторону пролива; но когда имъ пришлось дѣлать выборъ между островомъ и материкомъ, они предпочли быть сынами Британіи. Поэтому въ борьбѣ съ королемъ Іоанномъ Безземельнымъ, котораго одинаково ненавидѣли саксы и норманны за его тираннію, норманскіе бароны дѣйствуютъ за одно съ саксонскими горожанами, и только, благодаря этому единодушію, они пріобрѣли себѣ „великую хартію“, утвердившую на прочномъ основаніи политическую свободу англійскихъ гражданъ.

Начало конституціи въ Англіи имѣетъ связь какъ съ претензіями французскаго короля Филиппа II на обширныя домены англійскаго короля въ предѣлахъ Франціи, такъ и съ теократическими притязаніями на англійскую корону папскаго престола.

Іоаннъ I Безземельный (1199-1216 г.) и принцъ Артуръ.

Съ первыхъ дней вступленія на англійскій престолъ короля Іоанна проявились враждебныя къ нему отношенія честолюбиваго собирателя галльской земли, Филиппа II. Оба короля поссорились еще въ крестовомъ походѣ и злопамятный Филиппъ II, придравшись къ тому, что живъ сынъ старшаго брата Іоанна, Готфрида, принцъ Артуръ Бретанскій, не призналъ его королемъ, хотя Ричардъ Львиное Сердце еще при жизни назначилъ Іоанна своимъ преемникомъ. Игнорируя это послѣднее обстоятельство, Филиппъ вторгнулся въ континентальныя области англійской короны. Его походъ на этотъ разъ не удался; къ тому же Іоаннъ поспѣшилъ сдѣлать ему выгодныя предложенія. Онъ подарилъ сыну Филиппа, принцу Луи, или точнѣе его супругѣ Бланкѣ Кастильской (см. вы-

ше II, 175) графство Эвре на вассальныхъ условіяхъ. Самъ Филиппъ тогда предписалъ Артуру принести покорность дядѣ и присягу за Бретань. Миръ продолжался не долго. Въ слѣдующемъ году король Іоаннъ, плѣнившись красотой принцессы Ангулемской Іоанны, увезъ ее къ себѣ, не обращая вниманіе на помолвку ея съ графомъ Гуго де-ла-Маршъ. Въ рыцарское время такія обиды не проходили даромъ и оплачивались кровью. Хотя Гуго былъ вассаломъ Іоанна, но онъ немедленно поднялъ оружіе противъ англійскаго короля и обратился съ жалобою къ верховному сюзерену, Филиппу II. Это послужило прекраснымъ поводомъ послѣднему для возобновленія войны. На сторону Филиппа не замедлилъ встать принцъ Артуръ. Но подъ замкомъ Мирабо принцъ былъ окруженъ англійскими рыцарями подъ предводительствомъ самого короля и попалъ въ плѣнъ къ дядѣ, который отвезъ его въ Руанъ, посадилъ въ башню и черезъ нѣсколько дней умертвилъ. Вообще звѣрство, вмѣстѣ съ низостью, вѣроломствомъ и трусостью составляли отличительныя черты характера Іоанна.

Первое возстаніе бароновъ и вмѣшательство Филиппа II.

Все рыцарство Бретани возмутилось, узнавъ о смерти своего герцога, котораго когда-то считали претендентомъ на корону Англіи. Это негодованіе раздѣляли и другія сословія, которыя постепенно начинали сказываться какъ національные элементы. Государственные чины Бретани обратились къ королю Филиппу съ жалобою на насилія Іоанна и тотъ, пользуясь выгоднымъ случаемъ, вызвалъ Іоанна, какъ своего вассала, въ Парижъ на судъ пэровъ Франціи. Конечно англійскій король не явился. Тогда судъ приговорилъ Іоанна заочно къ лишенію всѣхъ леновъ въ предѣлахъ французской территоріи, которые такимъ образомъ переходили по ленному праву въ непосредственную собственность французскаго короля.

Это право можно было осуществить только оружіемъ. Въ 1203 г. Филиппъ II началъ войну. Напрасно Иннокентій III, который тогда еще не успѣлъ поссориться съ Іоанномъ, по просьбѣ послѣдняго, уговаривалъ Филиппа и предлагалъ посредничество. Французскій король быстро вторгнулся въ Нормандію, гдѣ тогда находился Іоаннъ и заставилъ бѣжать его въ Англію. Только Руанъ держался долго и сдался лѣтомъ 1204 г. Нормандія, послѣ трехвѣковаго отдѣльнаго существованія, опять возсоединилась съ прочими землями французскаго королевства. Въ томъ же 1204 и въ 1205 г. Фи-

липпъ II покорилъ Мэнъ, Тюрень, Анжу и часть Пуату. Тогда только, уже въ 1206 г., достигнувъ цѣли, онъ принялъ папское посредничество и согласился на перемиріе съ противникомъ, который все время игралъ жалкую роль. Іоаннъ пользовался этой войною не для возстановленія своей чести, а для обогащенія своей казны. Военныя дѣйствія все время были предлогомъ для поборовъ. Іоаннъ требовалъ ежегодно съ бароновъ, церквей и „добрыхъ городовъ“ новыхъ и новыхъ налоговъ. Въ этомъ отношеніи онъ отличался удивительной изобрѣтательностью. Онъ взималъ то щитовыя (¹), то ленныя, то вспомогательныя деньги, всегда съ цѣнности имущества, или съ тягла, или въ процентномъ отношеніи къ доходамъ; наконецъ въ 1205 г. дошелъ до загадочныхъ „pecuniam infinitam“ (²). Онъ постоянно жаловался, что бароны, покинувъ его, лишаютъ возможности отвоевать французскія области, а самъ боялся сдѣлать высадку, предпочитая прятать фискальныя суммы въ свои сундуки. Надо удивляться средствамъ тогдашнихъ феодаловъ, если земля могла выносить ежегодно возраставшіе налоги (³). Только разъ лѣтомъ 1205 г. попытался трусливый король оставить берега Англіи, но черезъ три дня поспѣшилъ вернуться назадъ, ссылаясь на то, что его не поддерживаютъ вассалы, тогда какъ самъ просилъ бароновъ вносить поголовный выкупъ вмѣсто ленной службы. Между тѣмъ бароны еще съ 1201 г. прямо ставили вопросъ о субсидіи въ связь съ обязательствомъ короля гарантировать ихъ политическія права. Они настаивали на томъ чтобы король пересталъ назначать произвольные поборы, которые грозили привести къ обѣдненію всю Англію. Оскудѣніе бароновъ отражалось на благосостояніи прочихъ классовъ: вассаловъ, подвассаловъ, горожанъ и виллановъ. Уже это одно

(¹) Scutagium, денежная повинность, которою вассалы откупались отъ дѣйствительной военной службы.

(²) Matthaeus Paris. Historia major Angliae, a. 1205.

(³) Такъ въ 1199 г. уплачено по 2 серебряныхъ марки съ каждаго лена, въ 1200 г. по 3 шиллинга съ каждой обработанной гиды, въ 1203 г. седьмая часть съ движимостей коронныхъ вассаловъ, въ 1204 г. уже $2\frac{1}{2}$ марки съ каждаго лена, въ 1206 г. сборъ—infinitam, въ 1207 г. болѣе 7% съ движимаго ($\frac{1}{13}$ долю) и даже недвижимаго имущества; въ 1210 г. общій сборъ въ усиленномъ размѣрѣ, при чемъ одно духовенство дало 100 т. фунтовъ стерлинговъ; въ 1211 г. опять по 2 марки съ лена и т. д. Стебсъ. Очеркъ конст. исторіи, 195—196 (предисловіе къ Select Charters).

призывало всѣ сословія къ единодушію въ борьбѣ съ хищничествомъ короля.

Перемиріе, заключенное съ Филиппомъ II, обрадовало Іоанна. Но короля ждали новыя испытанія и новыя бѣдствія. Освободившись отъ страха французскаго оружія, онъ нажилъ себѣ болѣе серьезнаго врага въ папѣ Иннокентіѣ III, вслѣдствіе своей всегдашней ограниченности, неумѣстной заносчивости и постоянной кичливости характера.

Мы уже говорили, что король Іоаннъ не устоялъ въ борьбѣ съ папою Иннокентіемъ III, который постарался привлечь на свою сторону французскаго короля Филиппа Августа номинальною передачею ему правъ на англійскій престолъ (II, 25—28). Іоаннъ, ненавидимый подданными, струсилъ и рѣшился примириться съ папою во что бы то ни стало; съ позорною слабостью онъ согласился стать ленникомъ и рабомъ св. престола. Этимъ король расположилъ къ себѣ папу, который простилъ ему даже часть денегъ, назначенныхъ въ вознагражденіе духовенству. Когда прелаты, соединившись съ баронами, стали во главѣ недовольныхъ и начали дѣйствовать противъ короля, папа принялъ сторону послѣдняго. Прелаты Англіи волею-неволею обязаны были повиноваться первосвященнику, но враги ждали только удобнаго случая предъявить королю свои требованія, заставить его преклониться предъ собой, какъ онъ самъ преклонился предъ папою. Случай унизить короля-тирана скоро представился. Онъ былъ вызванъ отношеніями Іоанна къ французскому королю.

Противъ Франціи заключенъ былъ союзъ между Оттономъ IV, германскимъ императоромъ и англійскимъ королемъ; къ нимъ примкнули графы фландрскій и булонскій, герцогъ брабантскій и другіе нидерландскіе владѣтели.

Битва при Бовинѣ 27 іюня 1214 г.

Весною 1214 г. союзники вторглись во Францію съ двухъ сторонъ; изъ Пуату и Гіени напалъ Іоаннъ Безземельный, а съ сѣверо-востока — Оттонъ германскій съ графами фландрскимъ и булонскимъ (II, 19). Первый былъ отраженъ съ позоромъ принцемъ Луи, а послѣдній въ концѣ іюля потерпѣлъ пораженіе въ кровопролитномъ сраженіи при Бовинѣ (между Лилемъ и Турнэ), гдѣ рядомъ съ рыцарями сражалась впервые народная милиція. Здѣсь множество плѣнныхъ, богатая добыча и слава побѣды надъ значительно сильнѣйшимъ войскомъ были наградою мужества французовъ. Въ числѣ плѣнныхъ находились оба союзника Оттона, графы булонскій и

фландрскій. Сраженіемъ при Бовинѣ рѣшена была судьба кампаніи, столь несчастной для союзниковъ. Для Іоанна пораженіе здѣсь было гибельно не только по своимъ непосредственнымъ результатамъ, но и по своему вліянію на положеніе, которое тотчас же заняли его непримиримые враги въ Англіи.

Архіепископъ Стефанъ Лангтонъ.

Еще ранѣе этой битвы, архіепископъ Лангтонъ, весьма энергичный борецъ свободы Англіи, указалъ собравшимся баронамъ и епископамъ на древнюю хартію, напомнивъ имъ о правахъ, данныхъ народу Эдуардомъ Исповѣдникомъ и подтвержденныхъ Генрихомъ I. Онъ склонилъ ихъ къ клятвенному обѣщанію начать противъ Іоанна войну, если король по возвращеніи не возстановитъ этихъ правъ (1). Когда король услыхалъ о волненіяхъ бароновъ, онъ бросилъ свои владѣнія во Франціи, бросилъ своихъ воиновъ и поспѣшилъ въ Англію. Но въ виду общаго раздраженія противъ себя, онъ укрылся въ своемъ замкѣ. Когда же онъ узналъ, что бароны положили настоять на своихъ требованіяхъ и опасаясь, чтобы они не рѣшились дѣйствовать силой, король захотѣлъ провести бароновъ, отвѣтивъ, что требованій ихъ не можетъ исполнить немедленно, такъ какъ дѣло это очень важное, которое сперва нужно основательно обсудить, и поэтому король просилъ отсрочки до Троицы, чтобы рѣшить это дѣло сообразно интересамъ бароновъ и королевскимъ. Бароны согласились дать отсрочку, когда за короля поручились архіепископъ кентерберійскій, епископъ винчестерскій и маршалъ королевства, —въ томъ, что въ извѣстный день король дастъ всѣмъ общее удовлетвореніе. Послѣ этого бароны разъѣхались и не было никого, кто бы заботился объ общемъ дѣлѣ. Это сообщеніе монаха хроникера. Очевидно, что современники сознавали, какое важное значеніе заключалось въ требованіяхъ бароновъ. Между тѣмъ король, желая усилить свою власть, искалъ себѣ союзниковъ, заставлялъ присягать себѣ новыхъ вассаловъ, преданныхъ монархическимъ интересамъ. Такіе поступки короля устраняли всякое сомнѣніе въ его намѣреніяхъ. Всѣмъ было ясно, что онъ, не желая уступать ничего изъ своихъ правъ, рѣшился

(1) Фриманъ въ своемъ «Очеркѣ англ. конституціи» замѣчаетъ, что Иннокентій III былъ послѣднимъ папою, «который сдѣлалъ добро Англіи, приславши Англіи Стефана Лангтона, хотя насильственный выборъ и назначеніе его было посягательствомъ на права англійской Церкви и народа» Опыты по исторіи англ. конст., стр. 71, 250.

сопротивляться баронамъ. Тогда крупные феодалы на общемъ съѣздѣ постановили оружіемъ отстаивать свои требованія. У оппозиціи составилась довольно внушительная армія, такъ какъ король Іоаннъ успѣлъ заслужить всеобщую ненависть. Вся почти знать пристала къ сторонѣ бароновъ, такъ что въ ихъ рядахъ было болѣе 2000 однихъ всадниковъ. Предводителями возстанія были Робертъ Готье, Ричардъ Перси, графъ Винчестеръ и друг., но главнымъ руководителемъ всей оппозиціи былъ Стефанъ Лангтонъ, архіепископъ кентерберійскій. Послѣдній впрочемъ не могъ дѣйствовать иначе, какъ тайно, ибо обязанъ былъ повиноваться папѣ, который поддерживалъ короля. То обстоятельство, что прелаты дѣйствуютъ за одно съ баронами, подтверждаетъ очень убѣдительно связь идей теократической и конституціонной, которыя проявились одновременно по отношенію къ исторіи Англіи. Это, конечно, не препятствовало лично первосвященнику относиться неодобрительно къ наступательной политикѣ бароновъ противъ короля, состоявшаго вѣрнымъ вассаломъ Римской Церкви.

Борьба за права.

Король находился во время съѣзда феодаловъ въ Оксфордѣ. Узнавши о рѣшеніи пэровъ и не надѣясь въ настоящее время подавить возстаніе, король послалъ архіепископа спросить, какихъ гарантій себѣ требуютъ бароны. Послѣдніе подали королю петицію, въ которой изложены были по большей части старые, англосаксонскіе законы (кутюмы) и права, данныя народу Эдуардомъ Исповѣдникомъ. Бароны оговорились, что если король не утвердитъ ихъ требованій, то они принудятъ его силой. Архіепископъ вернулся къ королю и показалъ ему грамоту, высказавъ содержаніе ея на словахъ по пунктамъ. Король, выслушавъ, сперва разсмѣялся, но потомъ пришелъ въ бѣшенство, говоря, что бароны требуютъ мало, что они могутъ потребовать отъ короля всего государства, назвалъ всѣ ихъ требованія вздорными, которыхъ они могутъ добиться только тогда, когда изъ короля сдѣлаютъ своего раба. Оставалось послѣднее средство — принудить короля къ уступкѣ силою. Бароны начали брать королевскіе замки, осадили Нортгамптонъ, но безуспѣшно. Бароны хотѣли было бросить дѣло и разъѣхаться по домамъ, какъ получили радостную вѣсть, что Лондонъ перешелъ на ихъ сторону и что лондонскій муниципалитетъ соглашается сдать городъ въ руки бароновъ. Послѣдніе поспѣшили въ Лондонъ, нашли одни изъ

воротъ города отворенными и въѣхали въ нихъ въ ночь передъ Вознесеньемъ (1215 г.). Поставивъ стражу у городскихъ воротъ, бароны стали хозяевами города, но они не дѣлали обидъ горожанамъ, понимая, что только вмѣстѣ съ ними они могутъ заставить короля подчиниться ихъ требованіямъ. Такъ въ самомъ началѣ возстанія было высказано столько политическаго пониманія всѣми сословіями, что дѣло обѣщало дать хорошій результатъ. Изъ Лондона возставшіе разослали письма къ тѣмъ баронамъ и рыцарямъ, которые еще держались короля, приглашая ихъ, оставивъ клятвопреступнаго сюзерена, пристать къ нимъ ради общаго дѣла, для защиты своихъ правъ, а ослушникамъ грозили разрушить ихъ замки и опустошить ихъ земли. Примѣру столицы послѣдовалъ Линкольнъ. Большая часть бароновъ и рыцарей явилась въ Лондонъ и соединилась съ возставшими, предоставивъ короля самому себѣ. Лондонъ, управляемый своимъ Большимъ Совѣтомъ, постепенно пріобрѣлъ политическое значеніе. Столица принимала участіе въ выборѣ королей еще въ XII вѣкѣ, рядомъ съ аристократіей свѣтской и духовной (1). Король въ свою очередь разослалъ грамоты по всѣмъ областямъ, утверждая, что всѣ возставшіе англичане клятвопреступники и всякій съ оружіемъ можетъ нападать на нихъ. Впрочемъ никто не вѣрилъ королю, никто не спѣшилъ къ нему на помощь. Никто изъ феодальной аристократіи не вносилъ теперь денегъ въ казну короля; средства его оскудѣли, казна его опустѣла и ему трудно было бороться съ пустыми руками. Король попался въ собственныя сѣти, иронически замѣчаетъ лѣтописецъ. Хроникеръ понималъ, какъ тяжело было королю уступать феодаламъ. Неутолимая ненависть къ баронамъ закралась въ душу короля, замѣчаетъ лѣтописецъ. Король рѣшился заключить съ возставшими притворный миръ, чтобы потомъ, разсоривъ ихъ между собою, уничтожить каждаго порознь. Онъ посылаетъ графа Пемброка, одного изъ немногихъ своихъ приверженцевъ, съ извѣстіемъ о своемъ согласіи утвердить всѣ требованія бароновъ. Въ Лондонѣ это извѣстіе произвело общую радость. Бароны назначили королю свиданіе для переговоровъ на лугахъ между Стэномъ и Виндзоромъ въ долинѣ Темзы.

(1) Въ памятникахъ прямо говорится: Londonienses qui sunt quasi optimates pro mansuetudine civitatis in Anglia.... Londonienses qui praecipue habebantur in Anglia, sicut proceres. См. ниже 2 прим. на стр. 316.

15 іюня 1215 года король прибылъ туда съ архіепископомъ кентерберійскимъ, который хотя по видимому былъ на его сторонѣ, но почти явно сносился съ врагами короля. Графы Пемброкъ и Сольсбери, которые до сихъ поръ были приверженцами Іоанна, на этотъ разъ предпочли дѣйствовать сообразно своимъ выгодамъ, а не интересамъ короля. Они рѣшились воспользоваться обстоятельствами, чтобы получить гарантіи политической свободы. Переговоры скоро кончились; ихъ вели уполномоченные съ той и другой стороны. Хроникеръ перечисляетъ приверженцевъ короля въ этомъ дѣлѣ, но отказывается перечислить враговъ, потому что всѣ бароны были въ рядахъ послѣднихъ, такъ какъ аристократія дѣйствовала въ этомъ дѣлѣ какъ одинъ человѣкъ.

Magna Charta libertatum.

Составленный здѣсь документъ носитъ названіе Magna charta. Доселѣ государствомъ правила королевская курія (curia regalis). Произволъ царилъ надъ всѣмъ, особенно при взбалмошномъ Іоаннѣ Безземельномъ, тѣмъ болѣе, что законы и учрежденія Эдуарда Исповѣдника давно уже не дѣйствовали. Новая хартія уже не носитъ исключительно феодальнаго характера; она столько же ограждаетъ интересы бароновъ, сколько интересы горожанъ, купцовъ и вилановъ. Она содержитъ въ себѣ 63 статьи. Это законодательный памятникъ, ограждающій права подданныхъ отъ незаконныхъ притязаній и невыгоднаго для нихъ вмѣшательства со стороны королевской власти. Здѣсь собраны и сведены въ одно тѣ гарантіи политической свободы гражданъ, которыя впослѣдствіи могли только развиваться, улучшая положеніе гражданъ, но не могли измѣняться въ своей сущности. Конечно, въ цѣломъ своемъ составѣ не всѣ статьи хартіи имѣютъ теперь значеніе, такъ какъ нѣкоторыя изъ нихъ касались тѣхъ условій жизни, которыхъ теперь не существуетъ, каковы, напримѣръ, статьи, относящіяся до сбора пошлинъ. Но въ сущности, какъ несокрушимое основаніе политической свободы, Великая хартія навсегда сохранила свое значеніе ([1]). Статьи 14, 21 и 39 самыя важныя: это основ-

([1]) Этотъ документъ, содержащій 63 статьи, касается феодальныхъ отношеній и управленія финансоваго и судебнаго (17—24, 31, 32, 40, 42, 44, 48, 53, 55, 59—62), гарантій личной свободы гражданъ (14, 20—22, 36, 38, 39, 51, 52, 54, 56, 61, 63), гарантій по имуществу гражданъ и законы о долгахъ и опекахъ (3—7, 9—12, 25, 27, 28, 29, 34, 40, 41, 45, 46, 55), гарантій для духовенства (1, 18, 22, 63); перечисляются права горожанъ,

ной камень, па которомъ покоится зданіе англійской конституціи, это неизмѣнныя гарантіи ея прочнаго существованія.

„Великая хартія“ гласила слѣдующее:

Іоаннъ, Божіею милостью, король Англіи, сеньоръ Ирландіи, герцогъ Нормандіи и Аквитаніи, графъ Анжу, архіепископамъ, епископамъ, аббатамъ, графамъ, баронамъ, судьямъ, лѣсничимъ, шерифамъ, прево, чиновникамъ, всѣмъ баллифамъ (нисшимъ чинамъ) и своимъ вассаламъ— привѣтъ! Да будетъ вамъ извѣстно, что мы, по внушенію Бога и для спасенія души нашей и всѣхъ нашихъ предшественниковъ и преемниковъ, ради славы Бога, величія святой Церкви и блага нашего королевства, по совѣту достопочтенныхъ отцовъ нашихъ: архіепископа Кентерберійскаго Стефана Лангтона, примаса всей Англіи и кардинала св. римской Церкви, архіепископа Дублинскаго Генриха, епископовъ — Вильгельма Лондонскаго, Петра Винчестерскаго, Джосцелина Батскаго и Гластонберійскаго, Гуга Линкольнскаго, Вальтера Ворчестерскаго, Вильгельма Ковентрійскаго и Бенедикта Рочестерскаго, магистра Пандульфа, субъ-діакона и друга владыки папы, брата Эмериха, магистра ордена Тампліеровъ въ Англіи, и знатныхъ лицъ: Вильгельма Маршалля, графа Пемброка; Вильгельма, графа Сольсбери; Вильгельма, графа Варенна; Вильгельма, графа Арундель; Алана Гальвэя, констабля Шотландіи; Варина, сына Герольда; Петра, сына Герберта; Губерта Бурга, сенешаля Пуату; Гуга Невилля; Матвѣя, сына Герберта; Ѳомы Бассета; Филиппа Альбиньяка; Роберта Роплэ; Іоанна Маршалля; Іоанна, сына Гуга и другихъ нашихъ вассаловъ.

1) Прежде всего во имя Божіе и этою предлежащею хартіею нашею, за себя и преемниковъ своихъ, навсегда подтверждаемъ, чтобы англійская Церковь была свободна и сохраняла свои права неприкосновенными, а свои вольности нерушимыми. И что мы желаемъ поступать такъ, это видно изъ того, что свободу выборовъ, которая признается для англійской Церкви весьма важной и крайне необходимой, мы чистосердечно и вполнѣ добровольно пожаловали и нашей хартіей утвердили, до возникновенія между нами и нашими баронами раздора, и *исходатайствовали у папы Иннокентія III ея подтвержденіе;* ее и мы будемъ соблюдать и желаемъ, чтобы преемники наши всегда добросовѣстно соблюдали. Далѣе, мы и наши въ грядущемъ преемники пожаловали всѣ нижеписанныя вольности всѣмъ свободнымъ людямъ нашего королевства, дабы они и наслѣдники ихъ владѣли и пользовались ими отъ насъ и преемниковъ нашихъ.

купцовъ, ремесленниковъ, сервовъ и пр. (26—31, 36—38 и др.). Затѣмъ рядъ статей содержитъ спеціальные законы, постановленія объ евреяхъ и частныя привилегіи.

2) Если умретъ кто изъ графовъ, бароновъ или другихъ вассаловъ, которые держатъ ленъ непосредственно отъ насъ за рыцарскую службу, а наслѣдникъ, при его кончинѣ, будетъ совершеннолѣтнимъ,—то съ него слѣдуетъ получить «рельефъ» [1], и онъ вступаетъ во владѣніе своимъ наслѣдствомъ по установившейся изстари уплатѣ, т. е. наслѣдникъ или наслѣдники графа за цѣлую графскую баронію уплачиваютъ по 100 фун. стер. [2], наслѣдникъ или наслѣдники барона за цѣлую баронію—по 100 фун. стер., наслѣдникъ или наслѣдники рыцаря за цѣлый рыцарскій феодъ—по 100 полновѣсныхъ шиллинговъ; съ кого же менѣе будетъ слѣдовать, тотъ пусть менѣе уплачиваетъ, на основаніи изстари установившагося феодальнаго обычая.

3) Если же наслѣдникъ кого-либо изъ упомянутыхъ лицъ окажется малолѣтнимъ и подъ опекою, то онъ вступаетъ, по достиженіи совершеннолѣтія (т. е. на 22 году), во владѣніе своимъ наслѣдствомъ безъ уплаты рельефа и взысканія.

4) Опекунъ имѣнія такого наслѣдника, который окажется малолѣтнимъ, пусть собираетъ въ имѣніи лишь законные доходы, законныя взысканія и законныя службы, и то безъ опустошенія и разграбленія собственности населенія; если мы поручимъ опеку надъ имѣніемъ кого-либо изъ такихъ наслѣдниковъ шерифу или кому другому съ тѣмъ, что онъ обязанъ давать намъ отчетъ о доходахъ, а онъ произведетъ разграбленіе въ имѣніи или опустошеніе,—то намъ взыскать съ него убытки, а имѣніе передать въ завѣдываніе двумъ свѣдущимъ и добросовѣстнымъ обывателямъ того феода съ тѣмъ, чтобы они давали намъ, или кому мы укажемъ, отчетъ о доходахъ. Если же мы передадимъ или отдадимъ на откупъ кому-либо опеку надъ имѣніемъ кого-нибудь изъ наслѣдниковъ, а тотъ произведетъ тамъ разграбленіе или опустошеніе, то лишить его самой опеки и передать таковую двумъ свѣдущимъ и добросовѣстнымъ обывателямъ того феода съ тѣмъ, чтобы они намъ давали отчетъ, какъ выше было объяснено.

5) Опекунъ же, пока онъ будетъ завѣдывать опекою надъ имѣніемъ, обязывается поддерживать дома, парки, садки, пруды, мельницы и прочія того имѣнія угодья изъ доходовъ того же

---

(1) Relevia, reliefs — въ силу права ленной опеки, предоставленной королемъ, до Генриха II были произвольны, а потомъ фиксировались. За каждый отдѣльный ленъ взималось 5 фунтовъ серебра или 100 шиллинговъ; за всю баронію 100 марокъ. Въ XI вѣкѣ цѣнность денегъ была въ 10 разъ выше, такъ что 100 ш., равняясь $7^1/_2$ марокъ, соотвѣтствовали 1000 талеровъ или 3000 нынѣшнихъ германскихъ марокъ, а 100 тогдашнихъ марокъ = 13000 талеровъ или 39000 нынѣшнихъ марокъ. Гнейстъ, 278—279.

(2) Фунтъ = ливру = 20 шиллингамъ или солидамъ, соотвѣтствуя по цѣнности 600 нынѣшнихъ марокъ, а 100 ф. = 60 тыс. марокъ.

имѣнія; онъ обязывается передать наслѣднику, когда тотъ достигнетъ совершеннолѣтія, все его имѣніе съ исправнымъ инвентаремъ и такъ воздѣланнымъ, какъ того требуетъ время обработки, и насколько доходы имѣнія давали возможность хозяйственно распорядиться.

6) Браки наслѣдниковъ заключались бы равные съ тѣмъ однако, чтобы до заключенія брака близкіе родственники самого наслѣдника были извѣщены.

7) Вдова по смерти ея супруга тотчасъ и безпрепятственно пусть получаетъ приданое и свою собственность, ничего не уплачивая ни за свою вдовью часть (1), ни за свое приданое, ни за свою собственность изъ того имущества, которымъ ея супругъ и она владѣли совмѣстно въ день кончины самого супруга, и оставалась бы въ домѣ супруга сорокъ дней по смерти послѣдняго, въ теченіе которыхъ пусть опредѣлятъ ей вдовью часть.

8) Никакая вдова пусть не приневоливается къ выходу замужъ, если желаетъ вдовствовать (2) съ тѣмъ однако, чтобы она дала обязательство не выходить замужъ безъ нашего согласія, если будетъ держать феодъ отъ насъ, или безъ согласія того сеньора, отъ котораго будетъ держать феодъ, если она будетъ держать оный отъ кого-либо другаго.

9) Ни мы, ни баллифы наши не вступали бы во владѣніе какимъ-либо имѣніемъ или доходомъ за долги, пока у должника хватаетъ движимаго имущества для погашенія долга, равно не привлекались бы къ уплатѣ поручители самого должника, пока самъ главный должникъ въ силахъ уплатить долгъ; но если главный должникъ окажется не въ состояніи уплатить долгъ, не имѣя къ тому средствъ, отвѣчали бы за долгъ поручители. Когда они пожелаютъ, то пусть владѣютъ имѣніями и доходами должника, пока не вознаградятъ себя за долгъ, который ранѣе они уплатили, если главный должникъ не докажетъ, что онъ свободенъ отъ обязательства по отношенію къ этимъ самымъ поручителямъ.

10) Если кто возьметъ у евреевъ нѣкоторую сумму, какъ бы велика она ни была, въ займы и умретъ, не уплативши того долга, то долгъ, пока наслѣдникъ, отъ кого бы онъ ни держалъ феодъ, будетъ малолѣтнимъ, не подлежитъ росту; а если тотъ долгъ попадетъ въ наши руки, то мы будемъ взыскивать лишь капитальную сумму обязательства.

11) Если кто умретъ и долженъ будетъ евреямъ, то его жена пусть получаетъ свою вдовью часть и ничего не платитъ въ

(1) Dos—доля вдовы—равнялось третьей доли имущества мужа.

(2) Это была выгодная статья для короля. Напримѣръ, что графиня Алиса Варвикъ уплатила 1000 ливровъ и 10 иноходцевъ, чтобы король не принуждалъ ее ко вторичному браку.

счетъ того долга; а если останутся малолѣтнія дѣти покойнаго, то доставлять имъ необходимое, соотвѣтственное лену покойнаго, содержаніе, а остающееся, по выполненіи слѣдуемыхъ сеньорамъ службъ, идетъ въ уплату долга евреямъ. Подобнымъ же образомъ поступать съ долгами, которые слѣдуютъ другимъ лицамъ, какъ бы съ долгами еврейскими.

12) Всякія щитовыя деньги и субсидіи [1] пусть назначаются въ нашемъ королевствѣ только общимъ нашего королевства собраніемъ, за исключеніемъ того, когда насъ выкупаютъ изъ плѣна, когда нашъ старшій сынъ посвящается въ рыцари, и наша старшая дочь выдается въ первый разъ замужъ, но при этомъ взимать лишь законную субсидію. Подобнымъ же образомъ взимать субсидію въ городѣ Лондонѣ.

13) Городъ Лондонъ пусть владѣетъ всѣми старинными вольностями по своимъ свободнымъ обычаямъ, и на сушѣ, и на водахъ [2].

[1] Король имѣлъ право требовать субсидію съ вассаловъ при замужествѣ старшей дочери. Духовные и свѣтскіе за выкупъ короля Ричарда изъ плѣна уплатили четвертую деньгу и сверхъ того по 20 шиллинговъ съ каждаго рыцарскаго лена.

[2] Еще въ англо-саксонскую пору городъ Лондонъ пользовался особенными вольностями и привилегіями, какъ можно видѣть изъ грамоты Вильгельма Завоевателя этому городу, данной на имя Лондонскаго епископа Вильгельма, городскаго альдермана (portirefan) Готфрида и всѣхъ горожанъ. Король желаетъ, чтобы горожане пользовались тѣми правами и законами, какіе у нихъ были во дни Эдуарда; изъ нихъ особо упоминается о равноправномъ наслѣдованіи всѣхъ дѣтей своимъ отцамъ. Гораздо подробнѣе хартія Генриха I городу Лондону: a) Лондонъ составляетъ графство Миддльсексъ, отданное за 300 фун. стер. на откупъ горожанъ, которые изъ своей среды избираютъ шерифа и юстиціарія для разбора судебныхъ дѣлъ; b) всѣ процессы, иски и судебныя дѣла горожанъ подсудны лишь городской юрисдикціи, т. е. юстиціарію или городскому суду, который засѣдаетъ еженедѣльно; процессы по имѣніямъ, которыми владѣютъ горожане внѣ городской территоріи, королевскіе судьи разбираютъ по закону города; должники горожанъ должны вести процессъ въ Лондонѣ, такъ какъ въ противномъ случаѣ долгъ съ нихъ взыскивается; c) горожане свободны отъ разныхъ налоговъ и никому не обязаны давать содержаніе, даже королю и его семейству, во время пребыванія въ ихъ городѣ; d) сами горожане и ихъ имущество свободны отъ платежа какихъ бы то ни было таможенныхъ пошлинъ по территоріи всей Англіи и во всѣхъ портахъ ея. Если же кто, вопреки тому, взыщетъ съ горожанина таможенную пошлину, то обязанъ не только возвратить взысканную сумму, но и вознаградить за убытки. Полное самоуправленіе городъ Лондонъ пріобрѣлъ въ 1161 году, когда онъ признанъ былъ коммуною. Грамота Іоанна Безземельнаго отъ 1215 года, утверждая за Лондонской коммуною всѣ прі-

Кромѣ того мы хотимъ и жалуемъ, чтобы всѣ другія общины, бурги, города и порты [1] владѣли всѣми вольностями и удержали свои свободные обычаи.

14) При созывѣ же общаго государственнаго собранія *для вотированія субсидіи* въ другихъ случаяхъ, помимо трехъ вышеупомянутыхъ, или для назначенія щитовыхъ денегъ, *приглашали бы мы архіепископовъ, епископовъ, аббатовъ, графовъ и крупныхъ бароновъ личными призывными грамотами за нашею печатью;* а кромѣ того черезъ шерифовъ и нашихъ баллифовъ окружною грамотою приглашали *всѣхъ тѣхъ, которые держатъ феоды непосредственно отъ насъ* къ опредѣленному дню, т. е. по меньшей мѣрѣ за сорокъ дней до срока и въ опредѣленное мѣсто; но во всѣхъ призывныхъ грамотахъ указывали бы причину приглашенія. Потому, когда уже разосланы пригласительныя грамоты, дѣло въ назначенный день подлежитъ рѣшенію, согласно съ мнѣніемъ присутствующихъ, хотя бы не всѣ изъ приглашенныхъ явились.

15) Мы не будемъ разрѣшать отнынѣ никому взимать субсидію съ его свободныхъ людей, за исключеніемъ того, когда его выкупаютъ изъ плѣна, когда старшій его сынъ посвящается въ рыцари и старшая дочь выдается въ первый разъ замужъ; но при этомъ взимать лишь законную субсидію.

16) Никого не принуждать къ отправленію большей службы съ рыцарскаго феода или другаго свободнаго лена, чѣмъ сколько слѣдуетъ.

17) Судъ Общихъ Тяжбъ пусть не слѣдуетъ за нашимъ дворомъ, но засѣдаетъ въ какомъ-либо опредѣленномъ мѣстѣ.

18) Слѣдствія о новомъ нарушеніи владѣнія, о смерти наслѣдодателя и о послѣднемъ назначеніи клирика на духовное мѣсто производить лишь по графствамъ, именно такимъ образомъ: мы или, если будемъ мы внѣ королевства, великій нашъ юстиціарій, отправляли бы двухъ объѣздныхъ судей въ каждое графство четыре раза въ годъ, чтобы они вмѣстѣ съ четырьмя рыцарями каждаго графства, выбранными въ графствѣ, произвели вышеуказанныя ассизы [2]

обрѣтенныя ею права, давала горожанамъ право избирать ежегодно изъ своей среды мэра. Stubbs. Select Charters. 82, 83, 108 etc. — Ясинскій, 18—19.

(1) Дувръ, Гайтъ, Гастингсъ, Сандвичъ, Ромни.

(2) Процессъ ассизовъ былъ слѣдующій. Четыре рыцаря, не обращая вниманія на то, присутствуетъ-ли или нѣтъ отвѣтчикъ, приступаютъ къ составленію судебнаго жюри изъ 12 рыцарей, которое въ назначенный день производитъ разслѣдованіе, хотя бы отвѣтчикъ отсутствовалъ; показанія двѣнадцати даются подъ присягою (поэтому они называются juratores) и должны основываться на ихъ собственномъ свидѣтельствѣ или словахъ заслуживающихъ полной вѣры лицъ. Въ число ихъ, разумѣется,

въ графствѣ въ день и на мѣстѣ засѣданія ширмота [1].

19) И если въ день засѣданія ширмота вышеуказанныя ассизы не могутъ быть произведены, то изъ засѣдающихъ въ тотъ день въ ширмотѣ лицъ оставалось бы такое количество рыцарей и свободныхъ владѣльцевъ, при участіи которыхъ возможно было бы удовлетворительно разсмотрѣть процессы, сообразно съ тѣмъ, насколько дѣло будетъ бо̀льшей или меньшей важности.

20) Свободнаго человѣка штрафовать за маловажный проступокъ лишь сообразно размѣру проступка, а за значительный проступокъ штрафовать сообразно его тяжести, оставляя виновному средства къ содержанію; и равнымъ образомъ купцу оставлять средства для торговли, а крѣпостному — необходимое его хозяйство, если они подвергнутся нашей опалѣ; но всякую изъ вышеуказанныхъ опалъ налагать только послѣ опроса, подъ присягою добросовѣстныхъ сосѣдей.

21) *Графовъ и бароновъ штрафовать лишь по суду пэровъ и сообразно качеству проступка.*

22) Всякаго изъ клириковъ штрафовать, на основаніи только его свѣтскаго лена, согласно вышеуказанному для другихъ порядку, но не сообразуясь съ величиною его духовной бенефиціи.

23) Ни деревню, ни жителя не принуждать строить на рѣкахъ мосты, если къ этому они не обязываются стариною и закономъ.

24) Никто изъ шерифовъ, констаблей, коронеровъ или другихъ нашихъ баллифовъ не рѣшалъ бы процессовъ, касающихся нашей короны.

25) Всѣ графства, сотни и другіе округи отдавать на откупъ по старой цѣнѣ безъ всякой прибавки; исключеніе представляютъ наши королевскіе домены.

26) Если кто изъ держащихъ отъ насъ свѣтскій феодъ умретъ, а шерифъ или нашъ баллифъ предъявитъ нашъ приказъ о взысканіи долга, который намъ слѣдовалъ съ покойнаго, то дозволяется шерифу или нашему баллифу наложить, въ суммѣ того долга, запрещеніе и описать, въ присутствіи свѣдущихъ людей, движимое имущество покойнаго, находящееся въ свѣтскомъ феодѣ, чтобы оттуда ничего не унесли, прежде чѣмъ намъ не будетъ уплаченъ предъявленный долгъ; но остальное предоставляется въ распоряженіе душеприказчиковъ покойнаго. Если же намъ ничего не слѣ-

---

могутъ избираться лишь знающіе дѣло; показанія ихъ въ виду этого должны быть единогласны; въ случаѣ разногласія жюри, члены онаго распускаются и составляется новое жюри.

[1] Ширмотъ (scyresmot), т. е. судъ графства, по законамъ Генриха I, собирался для разсмотрѣнія всевозможныхъ процессовъ дважды въ годъ. На ширмотѣ присутствовали епископы, графы, бароны и всѣ свободные жители графства.

дуетъ, то оставляли бы все движимое имущество покойнаго его супругѣ и дѣтямъ, при неприкосновенности ихъ законныхъ частей.

27) Если какой свободный человѣкъ скончается, не оставивши завѣщанія, то его движимое имущество, подъ контролемъ церковнаго суда, распредѣлить, при участіи близкихъ родственниковъ и его друзей, съ уплатою каждому долговъ, которые слѣдовали съ покойнаго.

28) Никто изъ констаблей или другихъ нашихъ баллифовъ не бралъ бы хлѣба и другаго движимаго имущества, безъ немедленной уплаты за это денегъ, если онъ не можетъ получить, съ согласія продавца, отсрочки.

29) Ни одинъ констабль не принуждалъ бы какого-либо рыцаря къ уплатѣ денегъ вмѣсто охраненія замка, если тотъ такое охраненіе пожелаетъ производить самолично или черезъ другое довѣренное лицо, если не можетъ самъ по законной причинѣ; но если мы поведемъ или пошлемъ его въ походъ, то онъ освобождается отъ охраненія замка въ теченіе того времени, пока изъ-за насъ будетъ въ походѣ.

30) Никакой шерифъ или баллифъ нашъ или кто другой не бралъ бы лошадей и подводъ какого-либо свободнаго человѣка для разъѣздовъ, безъ согласія самого свободнаго человѣка.

31) Ни мы, ни наши баллифы не брали бы чужаго лѣснаго матеріала для замка или другой нашей надобности, безъ согласія самого собственника.

32) Мы будемъ пользоваться имѣніями изобличенныхъ въ измѣнѣ лицъ только одинъ годъ и одинъ день, и тогда имѣнія передавать сеньорамъ феодовъ.

33) Отнынѣ уничтожить всѣ загражденія по Темзѣ, Медвэю и во всей Англіи, за исключеніемъ морскаго берега.

34) Отнынѣ не выдавать приказа никому на какой-либо ленъ, вслѣдствіе примѣненія котораго свободный человѣкъ могъ бы потерять свое право юрисдикціи.

35) Во всемъ нашемъ королевствѣ пусть будетъ одна мѣра вина, одна мѣра пива и одна мѣра хлѣба, т. е четверть лондонская, и одинаковая ширина суконъ крашеныхъ и красныхъ и матеріи, т. е. два локтя безъ кромки; съ вѣсами пусть будетъ, какъ съ мѣрами.

36) Ничего не давать и не брать впредь за приказъ о разслѣдованіи относительно жизни или увѣчья, но безвозмездно выдавать и не отказывать.

37) Если кто держитъ отъ насъ владѣніе,—феодъ, сокажъ (1),

(1) Сокажъ — всякое свободное владѣніе, господинъ котораго ограничивался уплатой налоговъ, но не обязанъ былъ военной службою; бургажъ это тотъ же сокажъ — въ предѣлахъ города. Виноградовъ. Соц. ист. Англіи, 100.

или бургажъ, — и отъ другаго лица держитъ феодъ за рыцарскую службу, то мы не будемъ пользоваться правомъ опеки надъ наслѣдникомъ и его имѣніемъ, — чужаго феода, на условіяхъ соотвѣтственныхъ нашему феоду или сокажу или бургажу; не будемъ пользоваться правомъ опеки надъ той феодо-фирмой, сокажемъ или бургажемъ, если съ самого феода не слѣдуетъ рыцарской службы. Мы не будемъ пользоваться правомъ опеки надъ наслѣдникомъ или его какимъ-нибудь имѣніемъ, которое онъ держитъ отъ другаго лица за рыцарскую службу, на основаніи какой-либо малой серженторіи [1], которую отъ насъ онъ держитъ, обязываясь доставлять намъ ножи, стрѣлы, или тому подобное.

38) Никакой баллифъ впредь никого не понуждалъ бы къ ордаліямъ, на основаніи простой жалобы, когда при этомъ не представлены добросовѣстные свидѣтели.

39) *Ни одинъ свободный человѣкъ пусть не подвергается аресту, заключенію въ тюрьмѣ, конфискаціи владѣній, лишенію покровительства законовъ, изгнанію или другой карѣ; мы не пойдемъ на него войною, не пошлемъ за нимъ войска, развѣ лишь по законному рѣшенію его пэровъ или по закону страны* [2].

40) Никому мы не продадимъ, никому не откажемъ и не отсрочимъ примѣненія закона и справедливости при разборѣ дѣла [3].

41) Всѣ купцы должны имѣть свободный и безопасный выѣздъ изъ Англіи, въѣздъ въ Англію, пребываніе и путешествіе по Англіи, на сушѣ и на водѣ, для купли и продажи, безъ всякихъ несправедливыхъ сборовъ, на основаніи старинныхъ и законныхъ обычаевъ, если только въ военное время они не будутъ изъ воюющей съ нами страны; и если такіе будутъ находиться въ странѣ нашей въ началѣ войны, то задержимъ ихъ, но безъ ущерба для здоровья и товаровъ, пока нами или нашимъ великимъ юстиціаріемъ не получатся свѣдѣнія о томъ, какъ обращаются съ купцами нашей страны, которые тогда окажутся въ воюющей съ нами странѣ;

---

[1] Parva sergenteria — владѣніе за особенную службу, исполняемую собственно по отношенію къ особѣ сеньора.

[2] Эта основная статья политическихъ правъ англійскаго гражданина повторена въ знаменитомъ (1679 г.) «Habeas corpus Act.»

[3] Въ объясненіе этой и 36-ой статьи надлежитъ замѣтить, что отправленіе юстиціи при норманскихъ короляхъ было проникнуто фискальнымъ духомъ, который поддерживался практикою казначейства; продавалось право судиться, помимо ширмота, въ королевскихъ судахъ, право аппеляціи и неподсудности (franchises); вошло въ обычай давать подарки королю. Изъ древнихъ актовъ казначейства видно, что жалобщики давали деньги, лошадей и разныя вещи, чтобы добиться справедливости, а то иногда какая-либо изъ тяжущихся сторонъ обѣщала королю половину, четверть или другую часть выгоды отъ процесса въ случаѣ выигрыша дѣла. Ясинскій, 26.

и если наши купцы тамъ неприкосновенны, то равнымъ образомъ и чужіе неприкосновенны въ странѣ нашей.

42) Дозволяется каждому впредь выѣзжать изъ нашего королевства и возвращаться свободно и безопасно, по сушѣ и водѣ, подъ условіемъ сохраненія намъ вѣрности, но въ военное время лишь на нѣкоторый короткій срокъ ради общей государственной пользы, за исключеніемъ однако заключенныхъ въ тюрьмѣ, лишенныхъ по обычаямъ страны покровительства законовъ, уроженцевъ воюющей съ нами страны и купцовъ, съ которыми будетъ поступлено, согласно вышесказанному.

43) Если кто будетъ держать ленъ отъ какой-либо эскеты (выморочнаго владѣнія) въ родѣ бароніи Валингфортской, Нотингамской, Бононской, Ланкастерской, или отъ другихъ эскетъ, которыя находятся въ нашихъ рукахъ, будучи бароніями, — и скончается, то наслѣдникъ его пусть не уплачиваетъ иной пошлины, не несетъ намъ иной службы кромѣ той, какую онъ несъ бы, если бы таковая баронія находилась въ рукахъ барона, а мы таковую такъ же будемъ держать, какъ баронъ ее держалъ.

44) Обыватели, которые проживаютъ внѣ лѣснаго округа, не являлись бы впредь на ассизы нашихъ судей лѣснаго вѣдомства, въ силу общихъ призывныхъ грамотъ, если только они не причастны процессу и не являются поручителями за кого-либо изъ тѣхъ, которые задержаны изъ-за лѣсной прерогативы.

45) Мы будемъ назначать судей, констаблей, шерифовъ и баллифовъ лишь изъ такихъ лицъ, которыя знаютъ законы королевства и желаютъ ихъ добросовѣстно соблюдать.

46) Пусть всѣ бароны, основавшіе аббатства и имѣющіе на это учредительныя грамоты англійскихъ королей или право давности, удержатъ право охраны, въ случаѣ вакантности этихъ мѣстъ, согласно обычаю.

47) Со всѣхъ лѣсовъ, на которые въ наше правленіе наложено запрещеніе, таковое тотчасъ снять; также поступить съ рѣками, на которыя въ наше правленіе было наложено запрещеніе.

48) Обо всѣхъ злоупотребленіяхъ въ пользованіи лѣсами и бобровыми гонами, со стороны лѣсничихъ и бобровниковъ, шерифовъ и ихъ подчиненныхъ, рыбными ловами, со стороны сторожей—тотчасъ произвести въ каждомъ графствѣ разслѣдованіе, при посредствѣ жюри изъ 12 рыцарей этого графства, которыхъ должны выбрать добросовѣстные обыватели того же графства. Въ теченіе 40 дней послѣ окончанія разслѣдованія, злоупотребленія должны быть уничтожены этими же лицами, такъ чтобы никогда не возобновлялись, но съ тѣмъ, чтобы мы объ этомъ были ранѣе увѣдомлены или нашъ великій юстиціарій, если насъ не будетъ въ Англіи.

49) Всѣхъ заложниковъ и тѣ поручныя записи, которыя намъ

были вручены англичанами, въ обезпеченіе мира и вѣрной службы, мы немедленно возвратимъ.

50) Мы совершенно удалимъ изъ балльяжей родственниковъ Герарда (de Athyes), чтобы впредь они не имѣли въ Англіи никакого балльяжа, также Энгеларда (de Cygoniis), Андрея, Петра и Гюно de Cancellis, Гюно de Cigoniis, Гальфрида (de Martyni) съ его братьями, Филиппа Марка и его братьевъ и Гальфрида, его племянника, и всю ихъ свиту.

51) И немедленно, по заключеніи мира, мы удалимъ изъ королевства всѣхъ чужеземныхъ рыцарей, стрѣлковъ, пѣхотинцевъ и наемниковъ, которые прибыли съ лошадьми и оружіемъ, ко вреду для королевства.

52) Если кто, безъ законнаго суда его пэровъ, будетъ лишенъ владѣнія или отстраненъ нами отъ имѣній, движимаго имущества, вольностей и права, то мы немедленно это ему возвратимъ; а если по этому поводу возникнетъ процессъ, тогда поступать по рѣшенію 25 бароновъ, о которыхъ, въ обезпеченіе мира, ниже (въ ст. 61) упоминается. Въ отношеніи же всѣхъ тѣхъ, которые безъ законнаго суда ихъ пэровъ были лишены владѣній или отстранены отцемъ нашимъ королемъ Генрихомъ или братомъ нашимъ королемъ Ричардомъ отъ того, что нынѣ находится въ нашихъ рукахъ, и что другіе держатъ подъ нашимъ сюзеренствомъ, мы предоставимъ отсрочку, какую обыкновенно даруютъ крестоносцамъ, за исключеніемъ тѣхъ лицъ, относительно которыхъ былъ возбужденъ процессъ или произведено, по нашему указанію, разслѣдованіе до принятія нами креста. Когда же возвратимся изъ крестоваго похода, или, если случайно не состоится наше пилигримство, немедленно въ этомъ окажемъ имъ полную справедливость.

53) Той же самой отсрочкой и въ томъ же порядкѣ мы предоставляемъ себѣ воспользоваться, дабы оказать справедливость—по вопросу о томъ, снять ли запрещеніе съ лѣсовъ, на которые его наложили отецъ нашъ Генрихъ, либо братъ нашъ Ричардъ, или удержать, а равно по отношенію къ опекѣ надъ имѣніями, принадлежащими къ чужому феоду, какого рода опеки и доселѣ мы имѣли, на основаніи феода, который отъ насъ держали за рыцарскую службу, также по вопросу объ основанныхъ не на нашемъ, а на чужомъ феодѣ аббатствахъ, на которыя сеньоръ феода, по его словамъ, имѣетъ право патроната. Когда же возвратимся, или если случайно не состоится наше пилигримство, то этимъ жалобщикамъ полную справедливость немедленно окажемъ.

54) Никого не подвергать аресту или заключенію въ тюрьмѣ по донесенію женщины, касающемуся смерти посторонняго человѣка, а не ея мужа.

55) Всѣ взысканія, которыя несправедливо и вопреки законамъ страны были произведены нами, и всѣ несправедливо и воп-

реки законамъ страны наложенные штрафы совершенно простить или поступить по рѣшенію 25 бароновъ, о которыхъ, въ обезпеченіе мира, ниже (въ ст. 61) упоминается, или по рѣшенію ихъ большинства, совмѣстно съ вышепомянутымъ Стефаномъ, архіепископомъ Кентерберійскимъ, — если ему будетъ возможно участвовать въ засѣданіи, — и съ другими лицами, коихъ онъ пожелаетъ къ себѣ для сего пригласить; но если ему не будетъ возможно засѣдать, то дѣло тѣмъ не менѣе подлежитъ рѣшенію безъ него, съ тѣмъ чтобы если одинъ или нѣсколько изъ вышеупомянутыхъ 25 замѣшаны въ однородной тяжбѣ, то были бы они устраняемы только отъ рѣшенія этого дѣла, а другія лица приглашались бы на мѣсто ихъ остальными изъ тѣхъ же 25, исключительно для этого дѣла выбранными, по принесеніи присяги.

56) Если мы лишили владѣнія или отстранили валлійцевъ отъ имѣній, вольностей или другаго имущества безъ законнаго суда ихъ пэровъ въ Англіи или Валлисѣ, то ихъ немедленно удовлетворить, а если изъ-за этого возникнетъ процессъ, тогда поступать въ маркѣ по рѣшенію ихъ пэровъ: относительно леновъ Англіи, сообразуясь съ англійскимъ закономъ, леновъ Валлиса — съ валлійскимъ закономъ, леновъ марки — съ закономъ марки. Также будутъ поступать валлійцы по отношенію къ намъ и нашимъ.

57) Въ отношеніи же всѣхъ тѣхъ изъ валлійцевъ, которые безъ законнаго суда ихъ пэровъ отцемъ нашимъ королемъ Генрихомъ или братомъ нашимъ королемъ Ричардомъ были лишены владѣній или отстранены отъ того, что теперь находится въ нашихъ рукахъ, и что другіе держатъ, подъ нашей гарантіей, мы будемъ имѣть отсрочку въ теченіе времени обычнаго для крестоносцевъ, за исключеніемъ тѣхъ лицъ, относительно которыхъ возбужденъ былъ процессъ или произведено, по нашему указанію, разслѣдованіе до принятія нами креста. Когда же возвратимся изъ нашего пилигримства, или если случайно не состоится наше пилигримство, то мы немедленно въ этомъ окажемъ полную справедливость, сообразно законамъ валлійцевъ и вышеуказанныхъ странъ.

58) Мы немедленно возвратимъ сына Левелина и всѣхъ валлійскихъ заложниковъ и тѣ поручныя записи, которыя намъ, въ обезпеченіе мира, были вручены.

59) Мы удовлетворимъ Александра, короля Шотландіи, въ отношеніи его сестеръ, возвращенія заложниковъ, вольностей и правъ, соотвѣтственно той формѣ, которою мы удовлетворили другихъ нашихъ бароновъ въ Англіи, если только это не будетъ противорѣчить хартіямъ, которыя мы имѣемъ отъ его отца Вильгельма, покойнаго короля Шотландіи; но это будетъ рѣшаться судомъ его пэровъ при нашемъ дворѣ.

60) Всѣ же эти вышеуказанные обычаи и вольности, которые мы пожаловали въ нашемъ королевствѣ, какъ долженствующіе

подлежать исполненію, сколько до насъ касается, по отношенію къ нашимъ вассаламъ, всѣ въ нашемъ королевствѣ, какъ духовные, такъ и свѣтскіе сеньоры, сколько до нихъ касается, соблюдали бы по отношенію къ своимъ вассаламъ.

61) Такъ какъ, ради Господа и для блага нашего королевства и скорѣйшаго прекращенія возникшаго между нами и баронами нашими раздора, мы все это вышеуказанное пожаловали, то, изъ желанія, чтобы этимъ неприкосновеннымъ и прочнымъ спокойствіемъ они вѣчно наслаждались, мы даемъ и жалуемъ имъ нижеслѣдующую гарантію: именно, чтобы *бароны избрали 25 бароновъ въ королевствѣ, какихъ пожелаютъ, обязанныхъ всѣми своими силами стараться поддерживать и принуждать къ тому, чтобы соблюдали миръ и вольности, которыя мы имъ пожаловали и этою предлежащею хартіею подтвердили*, т. е. такъ, чтобы если мы или юстиціарій нашъ, или баллифы наши, или кто изъ подчиненныхъ нашихъ, погрѣшилъ въ какомъ отношеніи противъ кого-либо или преступилъ какой пунктъ мира или гарантіи, а проступокъ будетъ указанъ четырьмя изъ вышеупомянутыхъ 25 бароновъ, — то эти 4 барона обращались бы къ намъ или къ нашему юстиціарію, если мы будемъ внѣ королевства; докладывая намъ о правонарушеніи, они должны просить, чтобы мы немедленно заставили исправить правонарушеніе. И если мы не возстановимъ права, или, если будемъ внѣ королевства, юстиціарій нашъ не возстановитъ, въ теченіе 40 дней, считая съ того времени, когда было указано намъ или юстиціарію нашему, если бы мы были внѣ королевства, то вышеупомянутые 4 барона передаютъ это дѣло остальнымъ изъ 25 бароновъ, и тѣ 25 бароновъ, при содѣйствіи всей страны, будутъ принуждать и преслѣдовать насъ всѣми способами, какими бы могли, т. е. захватомъ замковъ, имѣній, владѣній и другими способами, какими пожелаютъ, пока не послѣдуетъ удовлетвореніе, согласно ихъ волѣ, при неприкосновенности нашей особы, королевы и дѣтей нашихъ; когда же послѣдуетъ удовлетвореніе, то они будутъ повиноваться намъ, какъ ранѣе поступали. И кто бы въ странѣ ни пожелалъ, можетъ дать присягу, что для достиженія всего вышеуказаннаго будетъ повиноваться приказаніямъ вышеупомянутыхъ 25 бароновъ и будетъ съ ними насъ преслѣдовать по силѣ возможности, а мы открыто и свободно даемъ позволеніе всякому, кто ни пожелаетъ, приносить подобную присягу, и никому никогда въ этомъ не воспрепятствуемъ. Всѣхъ же тѣхъ въ странѣ, которые сами по себѣ и добровольно не пожелаютъ принести 25 баронамъ присягу, и будутъ принуждать и преслѣдовать насъ вмѣстѣ съ ними, мы заставимъ принести присягу нашимъ указомъ, какъ было выше сказано. И если кто изъ 25 бароновъ скончается, удалится изъ страны или какимъ другимъ образомъ будетъ поставленъ въ затрудненіе, то остальные изъ вышеупомянутыхъ 25 ба-

роновъ, дабы они въ той же степени были въ состояніи выполнить вышеуказанное, по своей волѣ, выбираютъ на его мѣсто другаго, который такъ же, какъ прочіе, принесетъ присягу. При выполненіи всего, что этимъ 25 баронамъ поручается, если случится, что сами 25 будутъ присутствовать и между собою относительно чего-либо будутъ несогласны, или нѣкоторые изъ приглашенныхъ не захотятъ и не будутъ имѣть возможности принять участіе въ засѣданіи, — тогда одобренное или предписанное большинствомъ присутствующихъ признается рѣшеннымъ и установленнымъ, какъ еслибы по этому вопросу были въ согласіи всѣ 25. Вышеупомянутые же 25 пусть принесутъ присягу, что все вышеуказанное добросовѣстно будутъ соблюдать, и, по мѣрѣ своихъ силъ, будутъ другихъ заставлять, чтобы соблюдали. Мы же, ни сами лично, ни черезъ другаго, ни отъ кого *не потребуемъ ничего такого, вслѣдствіе чего отмѣнялась бы или умалялась хотя одна пожалованная вольность; и если что-либо такое будетъ отнято, то пусть таковое остается не имѣющимъ силы и ничтожнымъ, а мы, ни сами лично, ни черезъ другаго, не будемъ этимъ пользоваться (et nunquam eo utemur per nos vel per alium)*.

62) Всѣ же зложеланія, обиды и оскорбленія, возникшія со времени раздора, между нами и вассалами нашими, духовными и свѣтскими, — мы всѣмъ вполнѣ отпустили. Кромѣ того, всѣ случаи измѣны, происшедшіе во время того же раздора, начиная съ Пасхи на 16-мъ году нашего правленія до заключенія мира, мы отпустили всѣмъ, духовнымъ и свѣтскимъ, и, сколько зависитъ отъ насъ, совершенно простили. Сверхъ же сего мы соизволили выдать имъ, за поручительствомъ отца Стефана Лангтона, архіепископа Кентерберійскаго, отца Генриха, архіепископа Дублинскаго, вышепомянутыхъ епископовъ и магистра Пандульфа, грамоты на ту гарантію и пожалованія вышеприсанныя.

63) И такъ, мы желаемъ и неизмѣнно предписываемъ, чтобы англійская Церковь была свободна, и чтобы всѣ жители нашего королевства имѣли и пользовались всѣми вышеисчисленными вольностями, правами и пожалованіями, прекрасно и мирно, свободно и спокойно, вполнѣ и неприкосновенно, сами и наслѣдники ихъ, отъ насъ и преемниковъ нашихъ, во всемъ и на всѣхъ мѣстахъ, вѣчно, какъ выше было сказано. Дана присяга съ нашей стороны и со стороны бароновъ соблюдать добросовѣстно и безъ злоумышленія всѣ эти вышеприсанныя постановленія. Дано нами, въ присутствіи вышеупомянутыхъ и многихъ другихъ свидѣтелей, на Руннимедскомъ лугу, между Венделесомъ и Стайною, іюня въ 15 день, въ годъ правленія нашего семнадцатый» (¹).

(¹) Мы воспользовались точнымъ переводомъ г. Ясинскаго (11—34), сдѣлавъ небольшія измѣненія въ нѣкоторыхъ мѣстахъ по сравненію съ оригиналомъ (Stubbs, Sel. Ch. 290—306 и въ новѣйшемъ изданіи Матвѣя Парижскаго — H. R. Luard. Rerum Brit. medii aevi scrp. (L. 1874; II, 589

Дѣйствительное значеніе Великой хартіи.

Изученіе этихъ статей доказываетъ, что въ нихъ преобладаетъ старинное обычное право англосаксовъ. Хартія отняла у короля право законодательной власти, его распоряженія безъ согласія парламента уже не могутъ имѣть силу закона. Въ силу хартіи парламентъ долженъ былъ состоять изъ представителей высшаго духовенства, графовъ, бароновъ и королевскихъ прямыхъ ленниковъ, но на самомъ дѣлѣ онъ состоялъ на первыхъ порахъ изъ представителей высшей аристократіи и только въ 1264 году въ первый разъ въ парламентъ, кромѣ аристократіи и высшаго духовенства, явились по два депутата отъ низшаго дворянства каждаго графства и извѣстное число представителей отъ городовъ, такъ что съ этого года впервые установились формы полнаго парламента послѣдующихъ эпохъ. Впрочемъ только при Эдуардѣ II совершилось окончательное раздѣленіе парламента на палату лордовъ и палату общинъ, а до него представители сословій не всегда раздѣлялись и часто засѣдали вмѣстѣ.

Значеніе Великой Хартіи для судебъ англійскаго парламентаризма обстоятельно выяснилъ Гнейстъ. Еще Галламъ замѣтилъ, что Magna Charta служитъ истиннымъ основаніемъ англійской свободы. Все достигнутое позднѣе въ этомъ направленіи было немногимъ болѣе комментарія къ ней. Если бы всѣ дальнѣйшіе законы были уничтожены, то все еще были бы замѣтны эти смѣлые штрихи, начертанные въ Великой Хартіи, отдѣляющіе свободную монархію отъ деспотической. Таковъ взглядъ Галлама. Гнейстъ, напротивъ, усматриваетъ въ этомъ документѣ гораздо менѣе формальныхъ конституціонныхъ правъ, чѣмъ обыкновенно думаютъ. „Тѣмъ не менѣе хартія уже заключаетъ въ себѣ главныя черты англійскаго характера и государственнаго устройства. Норманскіе крупные вассалы были принуждены теперь сдѣлать выборъ между островомъ и материкомъ. Въ Англіи они не могли защищаться отъ королевской власти въ стѣнахъ своихъ замковъ, а при невозможности отдѣльнаго сопротивленія должны были во всей совокупности, въ союзѣ съ духовенствомъ и опираясь на народныя симпатіи, сбросить господство произвола, добиться правъ и гарантій для себя и для народа, и такимъ образомъ основать государственный строй на личной свободѣ, на равномѣрной законной защитѣ личности и имущества.

—604). Рубриковка статей у каждаго издателя произвольна; въ подлинникѣ, конечно, статьи не обозначены, равно какъ и у Матвѣя Парижскаго.

Это дворянство, выносившее прежде всего на самомъ себѣ произволъ самовластнаго короля и бремя государственное, научилось сочувствовать страданіямъ народа и начало сознавать свое призваніе — находиться во главѣ націи въ дѣлѣ возникавшей конституціи. Въ этомъ смыслѣ Magna Charta была и залогомъ примиренія между сословіями. Ея возникновеніе и утвержденіе поддерживало въ теченіе столѣтій живое чувство общности извѣстныхъ основныхъ правъ для всѣхъ классовъ, — сознаніе, что дворянство не можетъ имѣть и отстаивать какія либо права и привилегіи безъ гарантіи личной свободы для болѣе слабыхъ классовъ населенія.... На пріобрѣтенныхъ основахъ всѣ дальнѣйшія стремленія не имѣли цѣлью создать для себя особое замкнутое право, а только желаніе регулировать закономъ права государственнаго верховенства и добиться конституціоннаго участія въ послѣднихъ....“

Дальнѣйшій ходъ конституціонной борьбы доказываетъ ту истину, что и самое справедливое сопротивленіе деспотизму и благороднѣйшій порывъ народнаго духа не могутъ сами по себѣ непосредственно вести къ политической свободѣ, а что нужна еще упорная работа и положительное преобразованіе государственнаго устройства, къ чему Великая хартія дала только толчекъ (1). Очередь была за представителями народа.

Палата общинъ стала истинною представительницею націи въ текущемъ XIX столѣтіи, притомъ болѣе могущественною, чѣмъ палата лордовъ и король вмѣстѣ. Одною изъ важныхъ причинъ, непосредственно содѣйствовавшихъ палатѣ общинъ занять первое мѣсто въ государствѣ торговомъ и промышленномъ по преимуществу,—было могущество капитала, которое обыкновенно дается городамъ. Общины потому и вотируютъ бюджетъ на нужды государства.

Нарушеніе королемъ Іоанномъ его обязательствъ.

Magna charta по справедливости считается великимъ пріобрѣтеніемъ въ развитіи англійской политической свободы. Много вѣковъ спустя, билль о правахъ только повторилъ ее по существу (2). Изъ началъ этой хартіи развилась конституція, представительное правленіе Англіи. Но король Іоаннъ конечно не предвидѣлъ этого. Этотъ безхарактерный и легкомысленный правитель предательски смотрѣлъ на хартію. Король хотѣлъ клочкомъ пергамента устранить угрожавшую ему

(1) Гнейстъ. Исторія гос. учр. Англіи; 276, 281.
(2) Фриманъ, Очеркъ разв. англ. конст. 73.

опасность со стороны бароновъ и горожанъ; онъ не заботился о приведеніи въ исполненіе дарованной имъ конституціи, и только единодушіе сословій и готовность бароновъ охранять дарованныя имъ права спасли хартію отъ уничтоженія и свободу англичанъ отъ лукавыхъ замысловъ короля. Намѣренія послѣдняго англичане расторгли тремя гарантіями. Король во 1-хъ долженъ былъ выслать изъ страны всѣхъ иностранцевъ, чиновниковъ и королевскихъ служителей, во 2-хъ распустить иностранныя войска, при помощи которыхъ онъ тиранствовалъ; послѣднее, третье средство—самое важное по существу—заключалось въ томъ, что баронамъ было представлено право избрать изъ своей среды комитетъ изъ 25 лицъ, обязанный наблюдать за королемъ и его чиновниками, останавливать его при каждомъ нарушеніи хартіи и призывать націю къ вооруженному возстанію, если въ теченіе сорока дней право не будетъ возстановлено. Это постановленіе повидимому водворяло въ Англіи олигархію и въ другое время могло бы дать преобладающее значеніе высшему дворянству, но при тогдашнихъ обстоятельствахъ оно послужило къ упроченію народной свободы.

Не смотря на торжественную присягу новому уложенію, Іоаннъ вовсе не думалъ держать своихъ обѣщаній. Онъ не выполнилъ главнаго обязательства въ интересахъ свободы; вопреки 51 ст., онъ не распустилъ наемныхъ войскъ. Такимъ образомъ новая междоусобная война была неизбѣжна. Іоаннъ готовилъ противъ подданныхъ и физическое и духовное оружіе. Онъ укрѣплялъ замки, спабжалъ ихъ провіантомъ, заготовлялъ военныя машины и оружіе, нанималъ новыя войска во Франціи и Нидерландахъ и въ тоже время осаждалъ папу просьбами о помощи. Иннокентій III принялъ его сторону и, какъ верховный сюзеренъ Англіи, издалъ буллу, которою уничтожалъ Великую хартію, и отрекаясь отъ даннаго имъ согласія, предалъ отлученію всѣхъ ея защитниковъ. Тогда Іоаннъ отказался выполнять требованія, налагаемыя на него статутами хартіи и началъ войну съ баронами, опустошая ихъ владѣнія огнемъ и мечомъ. Бароны, повидимому, не ожидали, что король такъ скоро нарушитъ клятву; они, проводя время въ занятіяхъ турнирами, не приготовились къ отпору.

Французы въ Англіи.

Чтобы избѣжать угрожавшей имъ опасности, бароны обратились къ французскому королю, предлагая ему ко-

рону. Изъ одной крайности они бросились въ другую, изъ огня попали въ полымя, такъ какъ Филиппъ нисколько не уступалъ въ деспотизмѣ Іоанну. Французскій король столько же заботился о законѣ и правѣ, какъ и англійскій король. Филиппъ Августъ отказался отъ предложенной ему короны; онъ на столько былъ благоразуменъ, что лично отказался вмѣшиваться въ дѣло, въ которомъ заинтересованъ былъ папа Иннокентій. Бароны лучше сдѣлали, когда обратились къ сыну Филиппа, принцу Луи, съ просьбой занять англійскій престолъ; Луи согласился. Союзъ бароновъ съ Франціей ставилъ Іоанна въ весьма затруднительное положеніе, но тутъ Иннокентій дѣйствовалъ, какъ вѣрный союзникъ; онъ послалъ легата къ французскому королю съ тѣмъ, чтобы положительно запретить ему вмѣшиваться во внутреннія дѣла Англіи. Филиппъ, въ то время нуждаясь въ папѣ, вывернулся посредствомъ хитрости. Онъ самъ заставилъ сына, въ присутствіи легата, отказать ему въ повиновеніи. Въ маѣ 1216 г. Луи высадился на островѣ, а въ іюнѣ короновался въ Лондонѣ королемъ Англіи. Обѣ стороны воевали съ большимъ упорствомъ. Іоаннъ и Луи поступали съ королевствомъ, какъ съ завоеванной страной. Іоаннъ велъ войну съ баронами, Луи тѣснилъ его самого, а папскіе легаты грабили обѣ стороны. Опустошительная война длилась уже болѣе года, какъ вдругъ, къ величайшей радости своихъ вѣрноподданныхъ, Іоаннъ умеръ въ октябрѣ 1216 года.

Генрихъ III (1216—1272 г.).

Его сыну и наслѣднику, Генриху III, было тогда всего девять лѣтъ, но это было великимъ счастьемъ для Англіи. Молодому королю суждено было противъ своей воли довершить развитіе англійской свободы. У бароновъ тогда начались несогласія съ принцемъ Луи, а опека надъ юнымъ Генрихомъ досталась въ руки человѣка, умѣвшаго превосходно вести такое дѣло. Это былъ графъ Вильгельмъ Пемброкъ, маршалъ покойнаго короля. Онъ не медля короновалъ Генриха, и, объявивъ себя протекторомъ государства, вошелъ въ переговоры съ возставшими феодалами. Большинство бароновъ перешло на сторону Генриха. Луи, оставшись съ одними французскими авантюристами, былъ разбитъ на сушѣ и на морѣ. Тогда онъ заключилъ миръ съ Пемброкомъ, отказавшись отъ правъ на Англію, а Пемброкъ, съ своей стороны, обязался не только объявить амнистію всѣмъ его сторонни-

камъ, но и упрочить ихъ права и привилегіи. Вскорѣ послѣ того какъ спокойствіе и порядокъ судопроизводства были водворены, Пемброкъ умеръ (1219 г.). Протекторъ правилъ государствомъ только три года. Смерть его для молодаго короля была большимъ несчастіемъ, имѣвшимъ вліяніе на будущія событія въ Англіи.

Такъ какъ Генрихъ былъ еще двѣнадцати-лѣтнимъ мальчикомъ и слѣдовательно не могъ править государствомъ, то эта обязанность выпала на долю двухъ приверженцевъ покойнаго короля, верховнаго судьи Англіи Губерта Борга и винчестерскаго епископа Петра де Рошъ—уроженца Пуату, слѣдовательно иностранца. Первымъ дѣломъ правителей было употребить насиліе противъ бароновъ, удерживавшихъ въ своей власти королевскіе замки. Начавшееся такимъ образомъ правленіе не предвѣщало ничего хорошаго. Виновникъ насилія надъ баронами, Боргъ сдѣлался предметомъ общей ненависти. Король же возбудилъ противъ себя недовѣріе тѣмъ, что вступая въ управленіе, не высказался о Великой хартіи. Однако возобновившаяся война, грозившая ему потерею англійскихъ владѣній во Франціи, а равно нужда въ деньгахъ заставили короля признать права народа и подтвердить Великую хартію. Сверхъ того бароны принудили короля отказаться отъ исключительныхъ правъ на лѣса и охоту, присвоенныхъ коронѣ еще Генрихомъ II, и вытребовали особую лѣсную грамоту (charta de foresta), которую король далъ крайне неохотно.

Такимъ образомъ свобода была возстановлена и правленіе по видимому начинало принимать конституціонныя формы. Но и Генрихъ III, какъ и отецъ его, не считалъ нужнымъ держаться данныхъ имъ обѣщаній. Какъ скоро миновала опасность, король, по совѣту Борга, отказался отъ выполненія обѣихъ хартій подъ тѣмъ предлогомъ, что утвердилъ ихъ своимъ подписомъ, будучи несовершеннолѣтнимъ. Папа, какъ и слѣдовало ожидать, во всемъ поддерживавшій короля, заключилъ съ нимъ союзъ и всѣми силами старался удерживать бароновъ въ повиновеніи королю. За то ни одна страна не страдала такъ сильно отъ папскихъ поборовъ, какъ Англія. Безстыдство легатовъ доходило до того, что однажды они потребовали, чтобы въ каждомъ монастырѣ было удержано нѣсколько доходнѣйшихъ мѣстъ въ пользу папы, и не разъ случалось, что у нихъ силой отнимали награбленное. Они

нашли однако способъ въ цѣлости пересылать въ Римъ собранныя сокровища, водворивъ въ Англіи своихъ изобрѣтательныхъ соотечественниковъ, промышлявшихъ и въ остальной Европѣ денежною торговлею. Итальянскіе мѣнялы и ростовщики ввели здѣсь векселя и вексельное право, выжимая изъ народа процентами то, что оставалось отъ жадности духовенства и поборовъ короля. Хотя Генрихъ III уже достигъ совершеннолѣтія, протекторатъ Борга надъ королемъ продолжался. Регентъ съумѣлъ отстранить епископа, своего товарища, отъ власти и отъ вліянія на короля. Петръ де Рошъ понятно не могъ равнодушно перенести свое паденіе. По возвращеніи изъ Палестины въ 1232 году, епископъ Петръ такъ успѣлъ настроить Генриха противъ регента, что король приказалъ схватить его и выдать народу. Только заступничество духовенства спасло его отъ народной ярости, но все же дѣло не обошлось безъ побоевъ. Схваченный королемъ вторично, онъ былъ посаженъ въ тюрьму; однако друзьямъ черезъ полгода удалось его освободить. Впрочемъ хорошаго изъ этого ничего не вышло. Одинъ королевскій любимецъ былъ замѣненъ другимъ. Петръ занялъ мѣсто Губерта. Но характеръ управленія оставался все тотъ же; тиранія даже усилилась. Недовольство подданныхъ противъ короля возрасло до высшей степени. Всѣ лучшіе люди оставили Генриха. Королевство представляло двѣ враждебныя партіи. Генрихъ долженъ былъ подчиниться народнымъ требованіямъ. Французы были удалены отъ двора, епископъ Петръ былъ отосланъ въ свое епископство. Но и это не помогло устранить сколько нибудь анархію въ Англіи. Все зависѣло отъ энергіи государя, а Генрихъ оставался тѣмъ, чѣмъ былъ. Это былъ злой, неспособный къ серьезнымъ занятіямъ человѣкъ, которому всегда нуженъ былъ опекунъ и руководитель.

Симонъ, графъ Лейстеръ.

Въ это время является ко двору новый вассалъ изъ Франціи, Симонъ де-Монфоръ. Это былъ второй сынъ извѣстнаго палача альбигойцевъ. Онъ наслѣдовалъ отъ матери графство Лейстерское и нѣкоторыя другія владѣнія, а также и долю отцовскихъ воинскихъ талантовъ. Это былъ человѣкъ твердаго, рѣшительнаго характера. Въ то время какъ старшій Монфоръ, Амори, дѣйствовалъ во Франціи, младшій боролся въ Англіи за права бароновъ. Въ этой дѣятельности онъ нашелъ блестящее примѣненіе своимъ способностямъ, весь отдавшись политиче-

скимъ треволненіямъ, которыя тогда обуревали Англію. Породнившись съ королемъ, онъ пріобрѣлъ большое вліяніе на управленіе королевствомъ, которое усыновило его.

Борьба бароновъ съ Генрихомъ III.

Вслѣдствіе того что Англія давно уже не вела внѣшнихъ войнъ, матеріальное благогосостояніе ея могло бы процвѣтать; но деньги, выжимаемыя королемъ всякими способами отъ его подданныхъ, шли на удовлетвореніе роскоши и мотовства двора, при чемъ часть ихъ предназначалась въ Римъ. Страсть къ роскоши по примѣру двора охватила всѣ сословія; иностранные товары сдѣлались обычною потребностью. Духовенство и горожане употребляли для домашняго обихода золотую и серебряную посуду, а рыцарство и бароны жили такъ пышно, что многіе изъ нихъ выписывали себѣ коней изъ Италіи. Однажды на придворномъ балѣ явилась чуть не тысяча рыцарей въ шелковыхъ костюмахъ, а на другой день гости одѣлись въ новые еще болѣе пышные наряды. При отсутствіи въ Англіи торговли и промышленности, эта роскошь добывалась плетями на спинахъ колоновъ и вилановъ. Въ то время римскіе поборы были особенно чувствительны не только для развитія торговли, но при чрезмѣрномъ отливѣ денегъ въ Италію, они порождали путаницу въ самомъ государственномъ управленіи. Папскіе поборы наконецъ вывели изъ терпѣнія самого короля. Пришлось серьезно позаботиться о финансахъ государства, предотвратить обѣдненіе страны. Созвавъ въ 1246 году феодальныхъ представителей и опираясь на нихъ, король постановилъ, чтобы никто не платилъ подать папѣ и не отсылалъ деньги въ Римъ, но потомъ самъ же малодушно отмѣнилъ свое распоряженіе. Въ 1248 году, когда денежныя затрудненія опять заставили короля созвать парламентъ, представители заговорили рѣшительнымъ языкомъ. Королю пришлось выслушать самыя жестокія укоризны за всѣ беззаконія, совершившіяся въ его царствованіе. Бароны напомнили королю, что онъ не замѣщаетъ вакантныхъ епископствъ и аббатствъ, незаконно пользуясь ихъ доходами, ежедневно нарушаетъ права гражданъ, не исполняетъ хартіи, данной его отцемъ, обращаетъ суды въ источникъ доходовъ и поборовъ. Королю нужны были деньги, поэтому онъ терпѣливо выслушивалъ жесточайшіе упреки и, публично извинившись въ нарушеніи обязательствъ, обѣщалъ исправиться. Но на этотъ разъ парламентъ далъ королю такъ мало, что для своихъ

собственныхъ издержекъ онъ принужденъ былъ продать все серебро и часть имѣній и едва вымолилъ небольшую сумму у жителей Лондона подъ предлогомъ крестоваго похода. Приближенные короля, почти исключительно французы, жили открытымъ грабежемъ, разбойничая по большимъ дорогамъ. Въ 1253 году денежныя затрудненія опять заставили короля созвать парламентъ. Король вновь явился съ повинной, но своею строптивостью возстановилъ противъ себя всѣхъ. Рыцарство сѣло на коней и заговорило такимъ тономъ, что Генрихъ поспѣшно распустилъ парламентъ, назначивъ новое собраніе въ Оксфордѣ. Тогда-то во главѣ недовольныхъ бароновъ сталъ Монфоръ, который имѣлъ давно личныя враждебныя отношенія съ королемъ. Графъ Лейстеръ не разъ дерзко называлъ короля въ глаза, при Ричардѣ и другихъ свидѣтеляхъ, лжецомъ и нехристемъ. Онъ пользовался огромнымъ вліяніемъ въ лигѣ недовольныхъ бароновъ.

Бѣшеный парламентъ 1258 г. и судьба Великой хартіи.

11-го іюня 1258 года собрался парламентъ въ Оксфордѣ, прозванный впослѣдствіи королевской партіею „Бѣшенымъ парламентомъ“. Онъ долженъ былъ прежде всего разрѣшить въ положительномъ смыслѣ обострившійся вопросъ по поводу возстановленія Великой хартіи, на которую феодалы и горожане одинаково смотрѣли какъ на палладіумъ политической и гражданской свободы. Собственно всѣ усилія собранія были направлены какъ на этотъ вопросъ, такъ и на организацію правительственнаго кабинета, который долженъ былъ сдерживать деспотическіе порывы королевской власти и регулировать теченіе государственной жизни.

Надо замѣтить, возвращаясь нѣсколько назадъ, что Великую хартію постигли измѣненія на другой годъ ея появленія. Эти измѣненія впрочемъ касались частностей, а не тѣхъ политическихъ прерогативъ сословій, которыя легли въ ея основаніе. Въ сущности хартія подтверждалась всегда болѣе или менѣе торжественно. При этомъ однѣ статьи вовсе отмѣнялись, другія замѣнялись и редактировались вновь. Такъ въ ноябрѣ 1216 г. въ Бристолѣ, при первомъ подтвержденіи хартіи, послѣдовавшемъ по вступленіи на престолъ Генриха III, отмѣнены были всѣ тѣ статьи, которыя послѣ кончины Іоанна I потеряли всякое значеніе или которыя невозможно было исполнить при измѣнившихся обстоятельствахъ. Тогда были вычеркнуты статьи: 12, 14, 15, 25, 27, 42, 45 и 61, при

чемъ право бароновъ опредѣлять т. н. щитовой сборъ, предусмотрѣнное въ ст. 12, осталось на дѣлѣ, такъ какъ въ 1220 г. правительство съ согласія бароновъ произвело таковой сборъ. Что касается до ст. 61, предоставлявшей высшій контроль комитету 25, то она отмѣнена была не надолго и послѣ возстановлена самымъ торжественнымъ образомъ въ Оксфордѣ, какъ увидимъ ниже. Тогда же былъ измѣненъ цѣлый рядъ статей съ цѣлью предоставить регентамъ бо̀льшій просторъ, а именно ст. 48—53, 55, 57, 58, 59, 62. Въ слѣдующемъ 1217 году хартія вновь подтверждалась съ уничтоженіемъ всѣхъ статей объ охранѣ лѣсовъ и съ разъясненіемъ и измѣненіемъ ст. 7, 13—15, 20, 34 и 35, касающихся судебныхъ и гражданскихъ дѣлъ. Въ дополненіе ст. 39 было запрещено продавать лены въ размѣрахъ превышающихъ то количество земли, какое необходимо леннику для отбыванія повинностей въ пользу сюзерена. Въ редакціи 1217 г. хартія дѣйствовала во все время правленія Генриха III. Не смотря на совѣты нѣкоторыхъ приближенныхъ, старавшихся провести мысль, что король не обязанъ былъ исполнять обязательства, навязанныя его отцу бунтовщиками, Генрихъ III, искренности котораго нельзя было вѣрить, по настоянію прелатовъ и бароновъ, подтверждалъ хартію въ 1223, 1225, 1237 и 1253 годахъ всегда при торжественной обстановкѣ. Духовенство въ полномъ облаченіи, съ зажженными факелами въ рукахъ, въ самыхъ покояхъ короля, въ Вестминстерской залѣ, произнесло отлученіе на всѣхъ, кто осмѣлится нарушить вольности, обѣщанныя хартіей. Епископы бросили свои факелы на землю со словами: „Пусть смердитъ и погибнетъ во адѣ душа того, кто навлечетъ на себя этотъ приговоръ“. Впрочемъ, король видимо не боялся ада.

Клятва не помѣшала королю вновь нарушать хартію. Какъ прежде (въ 1237, 1242, 1244, 1248, 1252 гг.), только необходимость въ деньгахъ заставляла его признавать обязательства, а болѣе или менѣе обезпеченное положеніе вызывало рядъ насилій, — при чемъ онъ однимъ почеркомъ пера самовольно отмѣнилъ (въ 1227 г.) лѣсную хартію, — такъ и послѣ 1253 года король оказался не на высотѣ положенія. Это и повело впослѣдствіи къ кровавому столкновенію.

Оксфордскія постановленія.

Бароны въ заявленіи, прочтенномъ въ засѣданіи Оксфордскаго парламента, пересчитали множество злоупотребленій, допускаемыхъ и поощряемыхъ королемъ. Каждое изъ нихъ

не представляется особенно важнымъ, но взятыя вмѣстѣ они должны были тяжело отражаться на феодализмѣ. Существенное нарушеніе хартіи заключалось въ самовольномъ распоряженіи выморочными имуществами и даже въ пользованіи чужими феодами и правами подъ видомъ выморочныхъ, въ насиліяхъ и вымогательствахъ королевскихъ чиновниковъ, а также во вмѣшательствѣ короля въ самостоятельность судовъ, въ освобожденіи многихъ лицъ за деньги отъ обязанности присутствовать въ ассизахъ, почему происходила проволочка въ судопроизводствѣ. Тогдашніе англичане были слишкомъ ревнивы къ малѣйшему нарушенію сословныхъ правъ, понимая, что всякое нарушеніе закона, напримѣръ, предоставленіе безконтрольнаго простора дѣйствія власти, ведетъ къ упроченію деспотизма.

Для того чтобы побудить короля къ исполненію Великой хартіи, бароны потребовали удаленія иностранцевъ изъ Англіи и установленія такой формы правленія, которая ограничивала бы королевскую власть. Въ Оксфордѣ была избрана коммиссія изъ двадцати четырехъ членовъ, назначенныхъ на половину королемъ и дворянствомъ, для управленія государствомъ, съ правами королевскими впредь до окончанія занятій. Она составила такъ называемую оксфордскую конституцію, замѣнившую монархію аристократіей. Великая Хартія была возстановлена во всей силѣ; назначеніе всѣхъ должностныхъ лицъ было предоставлено двадцати четыремъ. Коренная реформа судопроизводства и всего порядка управленія поручена государственному совѣту изъ пятнадцати членовъ. Въ помощь коммиссіи, которой впредь предоставлялось право наблюдать за всѣми дѣйствіями короля, въ каждомъ графствѣ учреждены были коммиссіи изъ четырехъ рыцарей для разбора жалобъ. Это было возвращеніе къ ст. 61 Великой хартіи. Въ заключеніи сдѣлано было постановленіе относительно созыва парламента.

Таковы были постановленія оксфордскаго парламента, подъ которыми король долженъ былъ подписаться и обнародовать ихъ, какъ собственное распоряженіе.

Оксфордская конституція не могла быть прочна. Дѣло въ томъ, что горожане, лучшіе до сихъ поръ союзники феодальной партіи, не получили никакихъ гарантій отъ оксфордскихъ заправителей. Власть переходила въ руки аристократіи, слѣдовательно горожанамъ не было интереса поддерживать

олигархическое правленіе. Возникли неудовольствія и волненія высшей аристократіи. Съ одной стороны протестовалъ сводный братъ Генриха, Ричардъ Корнваллійскій, избранный германскимъ императоромъ, съ другой аристократія разсорилась съ низшимъ дворянствомъ, предпочитавшимъ одного короля двадцати четыремъ. Между тѣмъ бароны дѣйствовали. Генрихъ, принуждаемый феодалами, еще два раза присягалъ подданнымъ и два раза нарушалъ присягу.

Наконецъ бароны попытались обратиться къ третейскому суду французскаго короля Луи IX, пользовавшагося славной репутаціей праведнаго и чуть не святаго. Послѣдній, по своимъ нравственнымъ принципамъ, не могъ благопріятствовать какой либо одной сторонѣ. Онъ произнесъ по своему безпристрастное рѣшеніе, выгодное для обѣихъ сторонъ. Въ Амьенѣ онъ постановилъ въ 1264 году—въ присутствіи короля Генриха и сына графа Лейстера—отмѣнить оксфордскую конституцію, даровать амнистію возставшимъ и гарантировать права англійскаго народа. Все это конечно не повело ни къ чему. Англичане отвергли приговоръ благочестиваго Луи IX, какъ рѣшеніе одного государя въ пользу другаго. Война опять возобновилась.

Битва при Льюисѣ въ 1264 г.

Положеніе короля сдѣлалось особенно опаснымъ, когда во главѣ противной стороны всталъ Монфоръ графъ Лейстеръ. 14 мая 1264 года произошло рѣшительное сраженіе при Льюисѣ (въ Суссексѣ). У короля было больше рыцарей, но за то графъ Симонъ былъ отличный полководецъ. Побѣда осталась на сторонѣ Лейстера. Ему удалось взять въ плѣнъ короля и его брата Ричарда. Хотя на слѣдующее утро заключено было условіе, по которому король и Ричардъ получали свободу, а заложникомъ оставался принцъ Эдуардъ, но оно не было выполнено баронами. Короля побѣдители возили за собой. Только королева избѣжала плѣна. Она удалилась во Францію и, собравъ войска въ Гіени и Пуату, предприняла высадку въ Англію, пытая счастья, но была разбита Монфоромъ.

Правленіе графа Лейстера.

Съ этихъ поръ Симонъ, графъ Лейстеръ сталъ настоящимъ правителемъ государства. Съ плѣннымъ королемъ онъ могъ дѣлать все, что хотѣлъ. Генрихъ безусловно соглашался на всѣ требованія побѣдителя, который взялъ на себя роль оберегателя не только феодальныхъ, но вообще народныхъ

интересовъ. Владычество Монфора продолжалось болѣе года. Главною опорою его былъ народъ, сочувствовавшій ему за мѣру въ высшей степени важную для развитія англійской конституціи. При немъ въ первый разъ, 20 января 1265 г., были приглашены въ Лондонъ по два депутата отъ городовъ, бурговъ и графствъ для участія въ парламентскихъ засѣданіяхъ.

Такъ возникла палата общинъ или коммонеровъ въ Англіи.

Вмѣстѣ съ тѣмъ Великая хартія и Лѣсная хартія были вновь подтверждены въ Лондонѣ 14 марта 1265 г. королевскимъ словомъ. Правда Генрихъ былъ принужденъ къ тому силою, будучи въ рукахъ грозныхъ побѣдителей, державшихъ его въ плѣну. Ни при какихъ другихъ обстоятельствахъ онъ не согласился бы предоставить баронамъ право возстанія въ случаѣ неисполненія королемъ обязательствъ, притомъ въ такихъ категорическихъ выраженіяхъ: liceat omnibus de regno nostro contra nos insurgere (¹).

Пока король и наслѣдникъ престола Эдуардъ были во власти бароновъ, феодальная партія, подъ руководствомъ Симона Монфора, вполнѣ владычествовала въ странѣ. Лейстера укоряли въ суровыхъ отношеніяхъ къ королю. Ему приписывали такія честолюбивыя стремленія, о которыхъ онъ можетъ быть и не помышлялъ. Говорили, что онъ хочетъ овладѣть престоломъ.... Во всякомъ случаѣ очень понятно было возникновеніе недоразумѣній и раздоровъ въ лагерѣ побѣдителей. Къ тому же графъ Лейстеръ, будучи чужеземцемъ, въ глазахъ кровныхъ англичанъ не могъ пользоваться симпатіями. Онъ не отличался ловкостью обхожденія, мягкостью характера. Человѣкъ честолюбивый, грубый въ пріемахъ, онъ не любилъ сдерживать своихъ порывовъ и во многомъ напоминалъ суроваго отца. Скоро онъ оттолкнулъ отъ себя большинство бароновъ. Крупные феодалы называли его тираномъ, а мелкіе инстинктивно опасались.

Битва подъ Эвесгемомъ.

Къ тому же сынъ и наслѣдникъ короля принцъ Эдуардъ, привлекшій къ себѣ всѣхъ рыцарской любезностью и ласкою, успѣвъ вырваться изъ плѣна, собралъ ополченіе для освобожденія короля. Неудача при Льюисѣ сдѣлала Эдуарда осто-

(¹) Такія обѣщанія не значили ничего. Гнейстъ высчиталъ что до конца среднихъ вѣковъ Великая хартія 38 разъ подтверждалась и отмѣнялась (Ист. гос. учр. Англіи, стр. 277).

рожнѣе; онъ долго уклонялся отъ битвы, пока не нанесъ непріятелю рѣшительнаго пораженія подъ Эвесгемомъ въ августѣ 1265 г. Здѣсь Монфоръ погибъ. Онъ умеръ геройскою смертію, какъ защитникъ народныхъ интересовъ.

Значеніе графа Лейстера.

Одинъ изъ новѣйшихъ англійскихъ историковъ слѣдующими словами характеризуетъ значеніе Симона Лейстера, этого французскаго выходца, ставшаго защитникомъ англійскаго народа: — „Намъ не изъ за чего досадовать, что этотъ боецъ, этотъ мученикъ — иностранецъ по происхожденію. Мы должны гордиться, что плѣнили своихъ побѣдителей и превратили ихъ въ столь же вѣрныхъ сыновъ нашей страны, каковы мы сами. Принимая, мы усыновляли ихъ, ассимилировали и тѣмъ, что было наиболѣе цѣнно у другихъ народовъ, мы обогатили англійскую націю. Поэтому-то на ряду съ людьми, родившимися въ Англіи, мы можемъ оказывать уваженіе и тѣмъ выходцамъ изъ другихъ странъ, которые сдѣлали для Англіи то, что развѣ сыновья сдѣлали бы для матери. Будучи иностранцемъ, высадившимся на наши берега, чтобы получить тѣ земли и почести, которыя слѣдовали ему по наслѣдству, онъ сдѣлался нашимъ вождемъ противъ чужеземцевъ другаго рода, противъ авантюристовъ, тѣснившихся около короля, врага своего народа. Уважая его при жизни, какъ вождя и избранника Англіи, народъ поклонялся ему послѣ его смерти, какъ мученику за народное дѣло. Въ ту эпоху религія одушевляла всѣ чувства; патріотъ, возставшій за правду и свободу, чтился наравнѣ съ пострадавшими за вѣру. Въ то отдаленное время почести, воздаваемыя государственному человѣку, мало чѣмъ отличались отъ поклоненія, воздаваемаго святому. Вальтофа, Симона Монфора, Ѳому Ланкастерскаго провозгласили святыми заступниками Англіи и говорили даже, что чудеса совершались на ихъ останкахъ и могилахъ. Поэты на трехъ языкахъ на перерывъ воспѣвали человѣка, боровшагося и пострадавшаго за право и Монфоръ, защитникъ Англіи на полѣ битвы и въ парламентѣ, сталъ еще болѣе вѣрнымъ ея покровителемъ на небѣ, откуда, какъ были убѣждены наши отцы, не въ силахъ прогнать его проклятія Рима“ (¹).

(¹) Фриманъ. Очеркъ англ. конст. — Опыты, 78.

Одно время казалось, что вмѣстѣ съ Симономъ Лейстеромъ погибло и его дѣло. Дѣйствительно король Генрихъ пересталъ обращаться къ парламентамъ и долго управлялъ неограниченно. Онъ издалъ въ Кенильвортѣ эдиктъ, которымъ устранялось политическое значеніе Великой хартіи. Энергичный принцъ Эдуардъ поддерживалъ отца въ этой политикѣ, враждебной народнымъ интересамъ. Онъ обѣщалъ совершенно подавить феодальную партію. Къ счастію для послѣдней, Эдуардъ былъ увлеченъ жаждой крестовыхъ подвиговъ и св. землю предпочиталъ Англіи. Самое извѣстіе о смерти отца застало его на возвратномъ пути изъ Палестины. Генрихъ III умеръ въ ноябрѣ 1272 г., на 66 году отъ роду, въ полномъ разладѣ съ сословіями.

Эдуардъ I (1272-1307 г.).

Эдуардъ I сразу проявилъ характеръ своей политики. Онъ издалъ послѣдовательно рядъ статутовъ, направленныхъ противъ привилегій феодаловъ, свѣтскихъ и духовныхъ. За то, когда честолюбивый король приступилъ къ покоренію Валлиса и Шотландіи, то потребность въ средствахъ заставила его обратиться къ тому же парламенту и волей-неволей созвать представителей графствъ и городовъ. Ему обѣщали собрать денегъ, но дали гораздо меньше, чѣмъ онъ просилъ. Тогда король рѣшился прибѣгнуть къ насилію. Онъ конфисковалъ имущества Кентерберійской епархіи и самовольно наложилъ пошлину на шерсть и кожи, приказывая захватывать въ портахъ суда и мѣшки съ шерстью, предназначенные къ отправленію на континентъ. Каждое графство должно было дать опредѣленное количество скота и хлѣба для войска, собиравшагося во Фландрію. Бароны сплотились. Тѣ могущественные феодалы, которые доселѣ были близки къ королю, какъ графы Норфолькъ и Герсфордъ, перешли на сторону оппозиціи. Эдуардъ приказывалъ Норфольку вести армію въ качествѣ маршала въ Гіеннь. Графъ рѣшительно отказался.

— Клянусь Господомъ, графъ, вы пойдете или будете повѣшены, воскликнулъ король.

— Клянусь всѣми святыми, отвѣчалъ маршалъ, я не пойду и не буду повѣшенъ.

Норфолькъ однако не счелъ удобнымъ оставаться при крутомъ королѣ. Онъ поспѣшилъ покинуть дворъ и увлекъ за собою много бароновъ и 1500 рыцарей. Тогда король долженъ былъ склониться. Онъ отмѣнилъ свои противозаконныя

распоряженія, велѣлъ возвратить то, что еще было можно изъ конфискованныхъ имуществъ и, отплывая во Фландрію, на словахъ обѣщалъ подтвердить Великую хартію. Но вельможи не довольствовались словами. Пользуясь отсутствіемъ короля, графъ Норфолькъ потребовалъ у его наслѣдника, принца Эдуарда, не только подтвержденія грамоты, но и расширенія политическихъ правъ. Принцъ убѣдилъ отца согласиться на то, что было теперь безусловно необходимо въ виду сплоченности феодальной партіи.

Хартія 1297 г. 10 октября 1297 г. во Фландріи король на старо-французскомъ языкѣ обпародовалъ, наконецъ, свою Confirmatio Chartarum. Ею не только возстановлялись Великая и Лѣсная хартіи, но установлялись окончательно основныя начала англійской конституціи ([1]). Всѣ нарушенія Magna Charta были признаны недѣйствительными; судопроизводство возстановлено по началамъ 1215 г.; въ силу 5 и 6 статей *всякіе денежные поборы, налоги, субсидіи, пошлины взимаются* только па основаніи обычая, *не иначе какъ съ общаго согласія и на общую пользу* (par commun assent de Rojaume, et a commun profit). Вскорѣ въ особомъ латинскомъ статутѣ (De talagio non concedendo), въ 3 статьѣ онаго, это положеніе облечено въ форму положительнаго закона. Этимъ самымъ упрочивался постоянный и правильный созывъ парламента въ томъ составѣ двухъ палатъ — феодаловъ и горожанъ, какой былъ намѣченъ графомъ Симономъ Лейстеромъ.

Король Эдуардъ I явился слѣдовательно продолжателемъ дѣла Симона Лейстера. По прекрасному выраженію Фримана, — на плечи Эдуарда упалъ плащъ Монфора; своему убійцѣ онъ передалъ факелъ, выпавшій изъ его холодѣющей руки. Можетъ быть противъ искренняго своего желанія, по политической прозорливости, король долженъ былъ твердою рукою держать этотъ факелъ, чтобы при его свѣтѣ найти средства къ укрѣпленію трона.

Такимъ образомъ все XIII столѣтіе въ Англіи прошло въ борьбѣ за конституцію. Для исторіи Британіи этотъ великій вѣкъ имѣетъ особенную важность. Никто не оцѣнилъ такъ вѣрно значеніе этого столѣтія для Англіи, какъ Маколей, этотъ вполнѣ паціональный историкъ своего народа. Его словами мы закончимъ нашъ очеркъ ([2]).

([1]) Помѣщена у Stubbs. Select Charters, 494 etc.
([2]) Маколей. Сочиненія; VI, 17—19.

Значеніе XIII вѣка въ исторіи Англіи.

„Источники благороднѣйшихъ рѣкъ, распространяющихъ плодородіе по материкамъ и несущихъ въ море богато нагруженные корабли, находятся въ дикихъ и безплодныхъ нагорныхъ мѣстностяхъ, неточно означаемыхъ на картахъ и рѣдко изслѣдуемыхъ путешественниками. Съ такою мѣстностью можно безъ грѣха сравнить исторію нашего отечества въ XIII вѣкѣ. Какъ ни безплодна и какъ ни темна эта доля нашихъ лѣтописей, въ ней должны мы искать начала нашей свободы, нашего благоденствія и нашей славы. То было время, когда образовался великій англійскій народъ, когда національный характеръ сталъ обнаруживать тѣ особенности, которыя онъ съ тѣхъ поръ постоянно удерживалъ, когда отцы наши сдѣлались въ полномъ смыслѣ слова островитянами, островитянами не только по географическому положенію, но и по своей политикѣ, своимъ чувствамъ и своимъ правамъ. Тогда впервые отчетливо обозначилась та конституція, которая съ тѣхъ поръ, вопреки всѣмъ перемѣнамъ, всегда сохраняла свое тожество; та конституція, съ которой скопированы всѣ прочія свободныя конституціи въ мірѣ, и которая, не смотря на нѣкоторые недостатки, имѣетъ право считаться наилучшею, при какой когда-либо существовало великое общество въ теченіе многихъ вѣковъ. Тогда-то палата общинъ, первообразъ всѣхъ нынѣшнихъ представительныхъ собраній, какъ въ старомъ, такъ и въ новомъ свѣтѣ, открыла первыя свои засѣданія. Тогда-то общее право возвысилось на степень науки и вскорѣ сдѣлалось достойнымъ соперникомъ государственной юриспруденціи. Тогда-то храбрость тѣхъ моряковъ, которые подвизались на грубыхъ баркахъ пяти портовъ ([1]), впервые сдѣлала англійскій флагъ грознымъ на моряхъ. Тогда-то основаны были древнѣйшія коллегіи, до сихъ поръ существующія въ двухъ великихъ національныхъ разсадникахъ учености. Тогда образовался англійскій языкъ. Тогда же явилось и первое слабое мерцаніе той благородной литературы, которая составляетъ самую блестящую и самую прочную славу многославной Англіи. Въ началѣ XIV вѣка племена слились почти оконча-

([1]) О пяти портахъ см. выше стр. 317. Они, преимущественно передъ всѣми прочими приморскими городами, обязаны были охранять государство отъ непріятельскихъ вторженій и потому пользовались особенными привилегіями, которыя въ значительной степени остались за ними и донынѣ въ силу благоговѣнія англичанъ передъ традиціями прошлаго.

тельно, и вскорѣ несомнѣнные признаки обнаружили, что народъ, ни въ чемъ не уступавшій другимъ существующимъ въ мірѣ народамъ, образовался путемъ смѣшенія трехъ отраслей тевтонскаго семейства другъ съ другомъ и съ первобытными бритами. Дѣйствительно между Англіею, въ которую Іоаннъ былъ прогнанъ Филиппомъ Августомъ, и Англіею, изъ которой войска Эдуарда III ходили завоевывать Францію, не было уже почти ничего общаго".

---

6) Императоръ Фридрихъ II гогенштауфенъ. Пятый и шестой крестовые походы.

Историческое значеніе извѣстнаго вѣка обыкновенно опредѣляется количествомъ великихъ умовъ въ политической и духовной жизни. Если это справедливо, то XIII вѣкъ въ этомъ смыслѣ долженъ считаться замѣчательнѣйшимъ. Въ ряду среднихъ вѣковъ ни одно столѣтіе не представляетъ такого количества выдающихся умовъ и талантовъ, какъ тринадцатое. Средніе вѣка сосредоточиваются въ немъ, какъ въ фокусѣ; его исторія есть, собственно, исторія всего средневѣковья. Это былъ періодъ самаго полнаго и широкаго развитія такъ называемаго средневѣковаго идеала со всѣми его сторонами. Но такова сила историческихъ явленій, что съ періодомъ высшаго развитія каждаго идеала соединяются первые моменты его паденія, а съ ними и появленіе новыхъ началъ. Такъ почти одновременно съ развитіемъ средневѣковыхъ формъ настаетъ и разложеніе жизни среднихъ вѣковъ. Застоя въ дѣятельности не существуетъ и столкновеніе разнородныхъ началъ вызываетъ переворотъ во всѣхъ сферахъ — государственной, церковной, умственной. Всюду слышится наступленіе новыхъ началъ, началъ новаго времени.

Параллель Иннокентія III и Фридриха II.

Типичнымъ лицомъ этого періода, кромѣ Иннокентія III, является Фридрихъ II гогенштауфенъ. Въ этомъ случаѣ поучительно прослѣдить дѣятельность того и другаго лица. Одинъ представляетъ собою начала минувшаго, другой будущаго. Оба они сыны одного еще вѣка, они жили на глазахъ почти одного поколѣнія, но въ ихъ образахъ удивительная противопо-

ложность. Великій папа стоялъ на стражѣ своего времени; онъ защищалъ идеалы и думы прошлаго. Другой воплощаетъ въ себѣ всѣ бурныя страсти эпохи, ея жажду перемѣнъ, ея стремленія къ иной новой жизни. Борьба идей проявляется—въ теократіи Иннокентія III, завѣщанной имъ послѣдующему времени, и въ противодѣйствіи ей Фридриха II, который хотѣлъ разрушить все, созданное сильными руками его воспитателя. Одинъ спокойно смотритъ на прошедшее и вѣнчаетъ зданіе католицизма; другой — Фридрихъ, одаренный геніальными способностями, но не знавшій вѣка и людей, мучится сомнѣніями и религіозный скептицизмъ приноситъ съ собою на престолъ Священной Римской имперіи. Фридрихъ воплощаетъ въ себѣ всѣ бурныя стремленія, направленныя противъ папскаго престола. Изъ глубины шести вѣковъ мы всегда узнаемъ въ Фридрихѣ знакомый намъ образъ и, конечно, ему не могло быть мѣста въ XIII столѣтіи. Онъ такъ далеко перегналъ свое время; въ его духѣ были такія силы, которыя не соотвѣтствовали самымъ смѣлымъ представленіямъ тогдашней эпохи. Онъ палъ въ неравной борьбѣ съ Римомъ, который такъ хорошо былъ организованъ къ борьбѣ его учителемъ и воспитателемъ. Его противниками были три достойные послѣдователи Иннокентія III. Это были: Гонорій III, Григорій IX и Иннокентій IV. Оба послѣдніе первосвященника были раньше друзьями императора, пока не надѣли тіару; первый, — даже больше того, — былъ его наставникомъ, и тѣмъ не менѣе готовъ былъ произнести отлученіе надъ своимъ питомцемъ. Конечно, каждая сторона въ этой борьбѣ выражала свои идеи и стремленія, имѣвшія высокое мѣсто въ исторіи. Всѣ три преемника Иннокентія III были поборниками идеи безусловной папской гегемоніи. Но дѣло потомства не осуждать, а изучать. Здѣсь, въ этой борьбѣ видимо дѣйствуетъ не эгоизмъ, а сила внутренняго убѣжденія а также завѣщанная предшествующими вѣками идея преобладанія духовной власти.

Средніе вѣка любили слѣпой фатализмъ, любили такую безвыходность положенія. Правда, что Фридрихъ II былъ менѣе историченъ въ сравненіи съ своими противниками; въ этомъ его преступленіе, въ этомъ же весь драматизмъ его личности. Поэтому понятно, что жизнь такого дѣятеля послужила ареной для состязаній партій. Одинъ изъ современниковъ говоритъ про него, что онъ omnibus fuit insuperabilis, и что онъ, превосходившій всѣхъ въ борьбѣ, поддался только смерти.

Между тѣмъ одинъ изъ новыхъ нѣмецкихъ ученыхъ клерикальный авторъ „Regesta imperii" находитъ, что Фридрихъ представляетъ собою воплощеніе жестокости, лжи и обмана—какъ императоръ, неблагодарности—какъ частный человѣкъ. И это было сказано лишь сорокъ лѣтъ тому назадъ. Для другихъ клерикальныхъ писателей, современныхъ и нынѣшнихъ, императоръ является чуть не шарлатаномъ, какимъ-то искателемъ приключеній. Правда, для нѣмцевъ, вообще для германской національности, Фридрихъ совершилъ сильное преступленіе. Нѣмецъ по рожденію, онъ и тѣломъ и духомъ слился съ любимымъ Неаполемъ, гдѣ онъ былъ королемъ и императоромъ болѣе, чѣмъ въ Германіи. Его итальянскій духъ не любилъ Германіи того времени; своею политическою дѣятельностью онъ отдалилъ объединеніе Германіи, особенно своею грамотою, благопріятствовавшею развитію феодализма. Поэтому при разборѣ памятниковъ и пособій о личности и дѣлахъ Фридриха II нужно быть весьма осторожнымъ ([1]).

([1]) Böhmer (Regesta imperii inde ab anno 1198 usque ad a. 1254. Stuttg. 1847—49) разработалъ факты основательнѣйшимъ образомъ и изложилъ ихъ въ точномъ хронологическомъ порядкѣ. — Почтенное явленіе составляетъ «Historia diplomatica Friderici Secundi sive constitutiones, privilegia, mandata, instrumenta quae supersunt istius imperatoris et filiorum ejus»; это богатый выборъ матеріаловъ, изданный историкомъ Huillard-Bréholles (P. 10 vls. 1852—61). Особенно интересенъ томъ, вмѣщающій предисловіе и введеніе. По этимъ документамъ составленъ въ послѣднее время обширный трудъ Ширмахера: Kaiser Friedrich der Zweite (4 v. 1859—65) и три диссертаціи бывшаго дерптскаго профессора Винкельмана, переработанныя въ монографію: Kaiser Friedrich II (B. 1865, Rev. 1865). Основательная монографія В. А. Бильбасова (П. 1863) относится собственно къ крестовому походу. Старыя біографіи Фридриха II съ католическимъ направленіемъ: Funck (1792 г.) и Höfler (M. 1844 г.) уже не имѣютъ значенія при массѣ новыхъ матеріаловъ, изданныхъ Бреголлемъ. Раумеръ, Гуртеръ, Вайтцъ и Шерръе такъ же важны для Фридриха II, какъ и для его предшественниковъ.—Главнымъ источникомъ служитъ хроника Матвѣя Парижскаго (мы пользуемся старымъ изд. Wats и новѣйшимъ H. R. Luard въ коллекціи Rerum Brit. medii aevi scriptores; L. 1872—77, I—IV до 1247 г.) и лѣтописи, помѣщенныя у Муратори, а именно латинскія Nicolaus de Jamsilla отъ 1210 до 1258 г. (VIII, 489—616), Richardus de S. Germano отъ 1189 до 1243 г. (VII, 963—1052) и только для юныхъ годовъ Фридриха II Otto de S. Blasio отъ 1146 до 1209 г. (VI, 865—910), итальянскія: Spinelli и Malespini. У Пертца, кромѣ спеціальныхъ хроникъ,—см. Albertus Stadensis до 1241 года (XVI, 283—378).

Юность Фридриха II.

Фридрихъ II родился въ маленькомъ папскомъ городкѣ Iези 26 декабря 1194 г. отъ матери Констанціи и Генриха VI. Съ самаго дѣтства его преслѣдовали клеветы. Долго не хотѣли признавать его сыномъ императора, думали, что онъ сынъ мясника, сокольничаго. Никто не хотѣлъ вѣрить, чтобы Констанція, не имѣя шесть лѣтъ дѣтей, могла подарить своему супругу наслѣдника. Ему отказывали въ законномъ происхожденіи отъ гогенштауфеновъ, хотя еще тогда, надо замѣтить, нѣкоторые писатели изъ современниковъ предполагали, что онъ соединяетъ въ себѣ твердость, силу и умъ гогенштауфеновъ и нормандцевъ. Съ большимъ трудомъ Фридриха II—двухлѣтняго ребенка—признали королемъ. Констанція была въ затруднительномъ положеніи вслѣдствіе волненій, возбужденныхъ въ королевствѣ варварствомъ ея мужа и своеволіемъ нѣмецкихъ князей и чиновниковъ. Она нуждалась въ папской защитѣ. Когда она обратилась въ Римъ, Иннокентій III согласился совершить обрядъ пожалованія ея леномъ, но съ тѣмъ условіемъ, чтобы она отказалась отъ упомянутаго права. Четырехъ лѣтъ мать короновала своего сына сицилійской короной и вскорѣ умерла, оставивъ его круглымъ сиротою. Впереди ему ничего свѣтлаго не представлялось. Констанція, умирая, въ завѣщаніи назначила опекуномъ надъ нимъ и регентомъ государства глубоко уважаемаго ею Иннокентія III. Въ силу завѣщанія послѣдній прислалъ легата принять отъ его имени присягу и поручилъ ему вмѣстѣ съ тремя епископами и государственнымъ канцлеромъ заботиться о несовершеннолѣтнемъ королѣ. Это было въ 1198 году. Легатомъ былъ тотъ, который сдѣлался преемникомъ Иннокентія III, принявъ папскую тіару подъ именемъ Гонорія III. Воспитаніе, ввѣренное главнымъ образомъ лицамъ духовнымъ, было далеко не одностороннимъ. Гуртеръ говоритъ, что познанія Фридриха всего лучше доказываютъ, что молодость его прошла не даромъ. Иннокентій III дѣйствительно заботился объ образованіи своего питомца совершенно безкорыстно. Онъ не препятствовалъ развитію интеллектуальныхъ способностей Фридриха II. Судьба сдѣлала Иннокентія III отчасти виновникомъ того, что онъ выростилъ такого могучаго соперника самому себѣ и Риму на борьбу съ теократіей. Самое рожденіе, жизнь и обстановка приготовили въ Фридрихѣ сильнаго противника теократическихъ тенденцій католической Церкви. Самъ Фридрихъ пишетъ въ одномъ письмѣ, что его жизнь протекла въ столкновеніи съ людьми столь преступными, что ни одинъ

король не претерпѣвалъ такихъ безнаказанныхъ злодѣяній, какія онъ долженъ былъ переносить. Съ самого дня смерти матери до своего совершеннолѣтія Фридрихъ былъ игрушкой и предметомъ спора для окружающихъ. Пять разъ онъ переходилъ изъ рукъ въ руки, „какъ ягненокъ убитый, но еще не съѣденный", говоритъ лѣтописецъ. Можетъ быть именно потому онъ и вышелъ такимъ могучимъ дѣятелемъ, что ему не пришлось подчиняться стороннимъ вліяніямъ окружавшихъ его лицъ.

Вѣнчаніе императорской короной.

Съ первыхъ же дней успѣхи сопутствовали юному королю. Почти неожиданно, по настоянію покровительствовавшаго ему папы, онъ получилъ императорскій престолъ. Пятаго декабря 1212 года князья и чины императорскіе избрали Фридерика Рожера, короля сицилійскаго, германскимъ императоромъ подъ именемъ Фридриха II, имя, которое за нимъ осталось и въ исторіи. Коронація была совершена въ Ахенѣ. Этотъ бѣлокурый рыцарь-императоръ, съ классическимъ профилемъ лица, съ чудными голубыми глазами, напоминалъ своею наружностью и пріемами сына обѣихъ націй—германской и итальянской. Онъ производилъ пріятное впечатлѣніе одновременно и на итальянцевъ и на германцевъ. Все же онъ былъ болѣе итальянецъ, чѣмъ нѣмецъ. Итальянцы справедливо считаютъ его болѣе своимъ, чѣмъ нѣмцы; въ немъ было больше крови матери, чѣмъ отцовской. Его имя связано неразлучно съ преданіями сицилійскаго королевства.

Здѣсь онъ очень рано отдался реформаторскимъ планамъ. Исполняя обѣщаніе, данное папѣ, онъ долженъ былъ короновать своего сына Генриха королемъ сицилійскимъ, конечно номинально, удерживая самъ всю власть въ своихъ рукахъ. Онъ уже заставилъ всѣхъ говорить о себѣ, а ему было едва 18 лѣтъ. Питая ненависть къ верхне-итальянскимъ городамъ, Фридрихъ въ 1224 году, какъ бы игнорируя совершенно Германію, открылъ въ Неаполѣ университетъ. Подрывая этимъ университетъ въ Болоньѣ, который привлекалъ къ себѣ болѣе 12 тысячъ иностранцевъ и который состоялъ подъ покровительствомъ Рима, Фридрихъ поражалъ разомъ и папу и ненавистный ему городъ. Это высшее учебное заведеніе прославилось лучшими профессорами философіи, богословія, правовѣдѣнія и медицины. Неаполитанскій университетъ въ скоромъ времени сравнялся и даже конкурировалъ съ своими старшими итальянскими собратьями въ Салерно, Падуѣ, Пизѣ и Болоньѣ.

По приказанію Фридриха, Петръ Винейскій составилъ сводъ старыхъ законовъ съ прибавленіемъ новыхъ, подъ названіемъ „Сицилійскихъ постановленій". Фридрихъ сдѣлалъ обязательными ихъ для своихъ итальянскихъ владѣній. Этотъ сводъ былъ обнародованъ и получилъ законную силу въ 1231 году [1]. Въ немъ Фридрихъ II платилъ дань вѣку. Первыя

Сицилійскія постановленія.

[1] Constitutiones regni Siciliae—замѣчательнѣйшій юридическій памятникъ среднихъ вѣковъ—имѣлъ значеніе не только для королевства обѣихъ Сицилій, въ предѣлахъ котораго «постановленія» были обязательны, но косвенно для всего Запада до обнародованія Каролины. Интересно предисловіе Петра Винейскаго, представляющее философію средневѣковаго права. Оно показываетъ какъ смотрѣли современники на законодательство.

Задачи власти.

— «По сотвореніи міра божественнымъ Провидѣніемъ и послѣ размѣщенія первоначальной матеріи въ образахъ существъ, созданныхъ для служенія высшей твари, Господь, осмотрѣвъ созданное и одобривъ оное, рѣшилъ, въ премудромъ совѣтѣ своемъ, предпочесть всѣмъ тварямъ въ подлунномъ мірѣ (a globo circuli lunaris inferius) человѣка, самое достойнѣйшее изъ твореній, созданное по собственному образу и подобію, которое почти сравнялъ съ ангелами. Взявши его изъ праха земнаго, онъ вдохнулъ въ него дыханіе жизни и, увѣнчавши его почетной и славной діадемой, далъ супругу и подругу, плоть отъ плоти его, и такъ ихъ превознесъ, что сначала сдѣлалъ обоихъ безсмертными; но однако постановилъ съ ними нѣкоторый завѣтъ (sub quadam lege precepti) — если его они не позаботятся сохранять, то въ наказаніе за грѣхопаденіе лишитъ дарованнаго имъ раньше безсмертія. Но чтобы не исказить такъ разрушительно и такъ неожиданно божественнаго милосердія ко всему предъ тѣмъ созданному и чтобы впослѣдствіи, за исчезновеніемъ человѣческаго образа, не послѣдовало расстройство прочаго, такъ какъ оно останется безъ опредѣленной цѣли, и польза отъ него не послужитъ для выгодъ человѣка, отъ сѣмени обоихъ, Богъ наполнилъ землю смертными и покорилъ ее имъ. Они не дѣлили отцовскаго, но, такъ какъ прародительскій грѣхъ распространился и на нихъ, они воспылали ненавистью взаимно другъ къ другу, подѣлили владѣніе имуществомъ, общее по естественному праву, и человѣкъ, котораго Богъ создалъ прямымъ и простымъ, не обошелся безъ того, чтобы не впутаться въ раздоры. Такимъ образомъ, когда такая необходимость обстоятельствъ побуждала, а немнѣе и по внушенію божественнаго Провидѣнія, избираются правители народные, которые могли бы сдерживать произволъ преступленій; они, властители жизни и смерти, составляютъ для народовъ нѣкоторымъ образомъ исполнителей божественнаго Промысла, какимъ бы счастьемъ, участью и положеніемъ каждый ни пользовался. Чтобы они могли вполнѣ отдать отчетъ за врученный имъ виноградникъ, Царь царствующихъ и Господь господствующихъ требуетъ особенно не допускать святую Церковь, мать

три главы имѣютъ въ виду суровую кару надъ еретиками, патаренами. Впрочемъ, съ теченіемъ времени, Фридрихъ мало по малу сталъ проявлять самую широкую и полную религіозную

христіанской религіи, быть запятнанной тайнымъ вѣроломствомъ отступниковъ вѣры (detractorum fidei), охранять ее отъ нападеній явныхъ враговъ силой матеріальнаго меча и по мѣрѣ возможности хранить для народовъ миръ, а если они умиротворены, то самое правосудіе, ибо то и другое, какъ два брата неразрывно связаны. Поэтому возведенные, сверхъ всякаго ожиданія, однимъ только могуществомъ божественной десницы, до высотъ Римской имперіи и до почестей другихъ государствъ, желая возвратить живому Богу двойной талантъ ввѣренный намъ, изъ благоговѣнія къ Іисусу Христу, отъ котораго получили все что имѣемъ, мы должны руководиться уваженіемъ къ справедливости и установленнымъ законамъ, заботясь прежде о той части нашего управленія, которая извѣстна за нуждающуюся въ нашихъ заботливыхъ дѣйствіяхъ относительно правосудія. Потому, такъ какъ королевство обѣихъ Сицилій, драгоцѣнное наслѣдіе нашего величества, подвергалось до сихъ поръ случайностямъ предыдущихъ безпорядковъ и по причинѣ нашего отсутствія, и вслѣдствіе нашего малолѣтства,—мы полагаемъ, что слѣдуетъ заботиться всѣми силами о правосудіи и успокоеніи того, что мы видимъ всегда готовымъ къ повиновенію нашей свѣтлости и покорнымъ, хотя нѣкоторые, будучи не изъ среды вышесказаннаго государства и не изъ нашего, сопротивляются. И такъ мы желаемъ удержать настоящіе наши именные указы только въ нашемъ Сицилійскомъ королевствѣ и требуемъ, чтобы они ненарушимо сохранялись на будущее время всѣми».

Королевскіе судьи и нотаріусы.

— «Мы хотимъ, чтобы никто съ недозволенной смѣлостью не похищалъ того, что почитается относящимся къ особенному преимуществу и прямой власти нашего величества. Потому этимъ закономъ нашего величества, имѣющимъ силу навсегда, мы настойчиво требуемъ отъ прелатовъ, церквей, графовъ, бароновъ, вассаловъ и городскихъ (locorum) коммунъ, чтобы они не осмѣливались завѣдывать въ своихъ земляхъ должностью юстиціарія или повелѣвать кому нибудь отправлять ее; но пусть обращаются къ начальнику юстиціаріевъ и юстиціаріямъ, поставленнымъ нашимъ величествомъ (excellentia). Виновныхъ же противъ нашего запрещенія мы наказываемъ какъ постановляющихъ, такъ и поставленныхъ въ юстиціаріи, продажей съ аукціона ихъ земли» (ст. 49).

— «Такъ какъ оффиціаловъ, поставляемыхъ нашей верховной властью, вполнѣ достаточно для того, чтобы всякій какъ въ гражданскихъ, такъ и въ уголовныхъ тяжбахъ могъ найти правый судъ, то запрещаемъ незаконное похищеніе власти, которое встрѣчается въ нѣкоторыхъ частяхъ нашего королевства. Повелѣваемъ, чтобы отнынѣ подесты, консулы, правители не избирались ни въ какихъ мѣстахъ, и никто не завладѣвалъ бы какой нибудь должностью или судебной властью въ силу какого либо обычая или по народному выбору; мы хотимъ, чтобы повсюду въ

терпимость. Онъ высоко поставилъ самостоятельность судебной власти со введеніемъ такъ называемаго обязательнаго наложенія защиты, уравнивавшей стороны, и строгимъ отноше-

---

королевствѣ существовали только оффиціалы, поставленные нашимъ величествомъ или по нашему повелѣнію, именно: начальники юстиціаріевъ, юстиціаріи, камераріи, баюлы и судьи, и такимъ образомъ они заботились бы какъ о нашихъ правахъ, такъ и о правахъ нашихъ вѣрноподданныхъ. Какая же община назначитъ подобныхъ впредь, подвергается уничтоженію навсегда, и всѣ жители того города пусть считаются навѣки податными. Того же, кто приметъ какую нибудь изъ вышеупомянутыхъ должностей, мы повелѣваемъ наказать смертью» (ст. 50).

— «Мы желаемъ чтобы въ мѣстахъ нашихъ владѣній, всюду по королевству, судей назначалось не больше трехъ, а нотаріусовъ—шесть, исключая только Неаполь, Салерно и Капую, въ которыхъ по нашему желанію должно постановляться пять судей и восемь нотаріусовъ,—въ этихъ городахъ почти всѣ контракты совершаютъ въ присутствіи судей и нотаріусовъ. Мы повелѣваемъ, чтобы они избирались не начальниками юстиціаріевъ или камераріями, какъ нѣкогда, но только нами (кромѣ судьи и актовыхъ нотаріусовъ — ихъ, какъ было предписано, могутъ назначать начальники камераріевъ). По нашему повелѣнію можно содѣйствовать имъ подъ тѣмъ необходимымъ условіемъ, чтобы никто не назначался въ судьи или общественные нотаріусы, если онъ не житель нашихъ владѣній, если онъ не занимаетъ никакого подчиненнаго положенія или должности, если не зависитъ ни отъ какой другой особы свѣтской или духовной, но только непосредственно отъ насъ. Вышеупомянутые—какъ судьи, такъ и нотаріусы,—пусть представляются намъ или тому, который вмѣсто насъ въ наше отсутствіе вообще будетъ управлять королевствомъ, съ письменнымъ свидѣтельствомъ жителей того мѣста, куда должно будетъ назначить избранныхъ. Это свидѣтельство должно заключать ручательство за надежность и нравственность постановляемаго судьи или нотаріуса, а потому онъ да будетъ свѣдущъ въ обычаяхъ той мѣстности. Испытаніе же знанія имъ грамоты и письменныхъ законовъ представляемъ нашей куріи» (ст. 79).

Гласный процессъ.

Законодатель высоко цѣнилъ независимость суда и старался внушить современникамъ уваженіе къ гласному судебному процессу. Такова 32 статья (и многія другія), начинающаяся многосодержательными словами: cultus justitie silentium reputatur.

— «Уваженіе къ суду выражается соблюденіемъ тишины. Потому, препятствуя неприличію тѣхъ, которые нарушаютъ часто порядокъ судопроизводства громкими криками, постановляемъ, чтобы тяжущіеся и всѣ другіе безъ различія, всѣ присутствующіе на судѣ, сохраняли тишину изъ уваженія къ правительству, дающему правый судъ. Пусть также не осмѣливаются выставлять свои права или просить за другаго, прежде чѣмъ получатъ по-

ніемъ къ судебной магистратурѣ онъ гарантировалъ правосудіе въ королевствѣ. Никто больше Фридриха II въ средніе и новые вѣка не оцѣнилъ достоинство и преимущества гласнаго суда, которому онъ убѣжденно покровительствовалъ и который считалъ опорой престола. Вообще, по своимъ идеямъ и

зволеніе отъ того, кто предсѣдательствуетъ на судѣ. Мы хотимъ, чтобы стороны на судѣ вполнѣ убѣжденно говорили въ защиту за себя или за другихъ, такъ что, если даже (помощникъ адвоката, coadvocatus) во время рѣчи адвоката пожелаетъ привести для памяти что нибудь изъ дѣла или изъ закона, пусть старается сказать, что ему нужно на ухо, шепотомъ; развѣ только рѣчь прервется въ виду необходимости быстраго протеста или потому, что кто нибудь тотчасъ захочетъ исправить ошибку адвоката, опасаясь вслѣдствіе молчанія дать поводъ къ преждевременному приговору суда (praejudicium). Если кто не замолчитъ, послѣ троекратнаго напоминанія баюломъ или судьей, или, какъ бываетъ обыкновенно, кто нибудь не захочетъ молчать послѣ запрещенія однократнаго, двукратнаго (съ нѣкоторымъ промежуткомъ), пренебрегая судьей и судомъ, тотъ вноситъ въ нашу курію, если будетъ графъ,— шестнадцать августалій; если баронъ,— восемь; если вассалъ,— четыре; если горожанинъ,— двѣ; если крестьянинъ,— одну августалію. Пусть всѣ наши оффиціалы твердо знаютъ, что если они изъ милости простятъ кому либо этотъ штрафъ, съ нихъ мы, не колеблясь, взыщемъ сполна изъ ихъ имущества».

Адвокатура и ея назначеніе.

— «Въ 83 ст. и др. превосходно разработано назначеніе адвокатуры въ слѣдующихъ выраженіяхъ. — «Мы считаемъ за благо симъ постановленіемъ учредить должность адвокатовъ, которые разбираютъ неясныя данныя процессовъ, считая эту должность не только полезной, но даже необходимой. Мы желаемъ назначать ихъ подъ тѣмъ условіемъ, чтобы они отважились защищать, будучи уже испытаны судьями нашей куріи и высочайше утвержденные. Подобнымъ образомъ они должны будутъ испытываться въ присутствіи областныхъ юстиціаріевъ судьями, которые будутъ присутствовать временно и послѣ того получатъ одобреніе отъ тѣхъ же юстиціаріевъ».

— «По нашей волѣ адвокаты, постановляемые какъ въ нашей куріи, такъ и въ присутствіи провинціальныхъ юстиціаріевъ и баюловъ, по всѣмъ частямъ нашего королевства, приносятъ до полученія должности клятву, коснувшись рукою св. Евангелія,— въ слѣдующемъ: Они постараются помогать сторонамъ, за защиту которыхъ они возьмутся, со всей добросовѣстностью и правдой, безъ всякихъ увертокъ; ознакомятъ послѣднихъ съ дѣломъ; сознавая истину, не станутъ представлять ничего противъ нея, а потому не возьмутся за безнадежныя дѣла, или если случайно возьмутся за какія нибудь, можетъ быть, представленныя превратно тяжущейся стороной, показавшіяся имъ сначала справедливыми, а при ходѣ дѣла оказавшіяся несправедливыми de facto или de jure, то оставятъ тот-

планамъ, Фридрихъ стоялъ гораздо выше своего вѣка. Онъ шелъ смѣло впередъ и въ реформахъ государственныхъ. Успѣху благопріятствовала самая почва неаполитанская, на которой еще раньше былъ выработанъ принципъ монархіи почти неограниченной. Тамъ еще до Фридриха II, король Рожеръ I

часъ защиту ихъ; оставленной сторонѣ, какъ было постановлено древними законами, должно отказать въ позволеніи прибѣгать къ отысканію защитника. Они поклянутся также, что не будутъ доискиваться увеличенія вознагражденія во время веденія дѣла и не вступятъ въ сдѣлки о своихъ интересахъ съ защищаемой стороной. Недостаточно, чтобы эта присяга давалась только однажды; они возобновятъ ее ежегодно, въ присутствіи начальника юстиціаріевъ и областныхъ юстиціаріевъ. Если же кто изъ адвокатовъ попытается идти противъ вышесказаннаго положенія и присяги въ какомъ незначительномъ или важномъ дѣлѣ, то лишится должностей, съ отмѣткой для всегдашняго посрамленія, и вноситъ въ казну нашей куріи 3 фунта самаго чистаго золота. Наконецъ мы запрещаемъ духовнымъ являться для защиты въ мірскихъ тяжбахъ и во всѣхъ дѣлахъ, кромѣ тяжбъ своихъ собственныхъ, семейныхъ, также тяжбъ церковныхъ, равно по довѣрію заслуживающихъ состраданія личностей, но съ тѣмъ что они будутъ защищать безвозмездно. Кто же изъ нашихъ (вѣрныхъ) оффиціаловъ допуститъ неправильно адвоката, пусть знаетъ, что вноситъ фунтъ золота въ нашу заего казну за невнимательность къ нашему настоящему постановленію; да и самъ адвокатъ, осмѣлившійся взять запрещенную защиту, долженъ будетъ подвергнуться тому же наказанію» (ст. 84).

Судебныя извѣщенія.

— «Желая сократить порядокъ объявленій о судѣ, установленный древними законами, чтобы впослѣдствіи не могло явиться никакого повода къ недоразумѣнію, мы повелѣваемъ въ весьма ясномъ постановленіи передавать повѣстки, составленныя баюлами и юстиціаріями, вызываемому на судъ не черезъ его противника, какъ нѣкогда, но отдавать обвиненному черезъ какого нибудь добраго мужа, который находится въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ по свѣдѣніямъ живетъ вызываемый. Заявлять такія повѣстки можно на основаніи частнаго заявленія призывающаго или на основаніи другихъ свѣдѣній, даже не письменно. Въ этой бумагѣ должно быть обозначено опредѣленно кому, кѣмъ, какого рода и по какому дѣлу представлена жалоба, а также точный срокъ, въ который призываемый долженъ явиться непремѣнно самъ, если слѣдствіе уголовное, и самъ или, замѣнивъ себя другимъ, если производится гражданское дѣло. Приглашеніе дѣлается одно для всѣхъ; оно будетъ содержать призывъ (peremptorium) и мѣсячный срокъ (и болѣе того), непрерывно считая отъ дня приглашенія, въ какой бы то ни было части королевства не пребывалъ приглашаемый. Большею же частью назначается болѣе короткій промежутокъ по характеру обстоятельствъ и по близости мѣстности, также если дѣло не терпитъ отлагательства, и

норманскій ранѣе всѣхъ законодателей провозгласилъ принципъ новой политической теоріи. Гогенштауфенъ же съ высоты неаполитанскаго трона опредѣлилъ въ рѣшительныхъ выраженіяхъ значеніе верховной королевской власти. Четвер-

если по чему либо нельзя согласиться на болѣе продолжительное время. Если же тотъ, кого должно призвать на судъ, находится внѣ королевства, то въ повѣсткѣ тогда будетъ обозначенъ срокъ на 60 дней. Въ назначенное же время приглашенный обязанъ будетъ явиться самъ или прислать повѣреннаго, если дѣло гражданское; онъ долженъ защищаться въ важномъ дѣлѣ или за него должно быть принято законнымъ образомъ представленное объясненіе, на основаніи котораго онъ не можетъ или не обязанъ являться въ курія въ вышеупомянутый назначенный ему срокъ» (ст. 97).

Начальникъ юстиціаріевъ. Учрежденіемъ должности верховнаго судьи, такъ называемаго начальника юстиціаріевъ (судей), Фридрихъ II вводитъ извѣстную дисциплину въ судебную магистратуру. Права этого лица разработаны особенно обстоятельно, дабы тѣмъ выяснить значеніе упрочиваемаго монархическаго порядка и власти королевской. Отъ этого лица требуется многое. Но предоставимъ говорить памятнику.

— «Мы желаемъ, чтобы среди всѣхъ обѣщаній, которыя содержатся въ клятвѣ, произносимой начальникомъ юстиціаріевъ (или юстиціаріями), когда они принимаютъ управленіе, должно въ особенности и яснѣе заключаться слѣдующее: имѣя передъ глазами Бога и правосудіе, пусть всякому просящему даютъ судъ правый, и будутъ стараться, какъ можно скорѣе, разрѣшать тяжбы» (ст. 36).

— «Мы хотимъ, чтобы начальникъ юстиціаріевъ великой нашей куріи, —какъ бы зерцало правосудія, помѣщенное въ судахъ нашего вѣдомства,— не столько именемъ начальника превосходилъ прочихъ юстиціаріевъ, сколько примѣромъ, чтобы прочіе низшіе чины видѣли въ немъ то, чему надлежитъ подражать имъ самимъ. Иное однако настолько связано съ его судебной властью, что разслѣдовать за него другому не слѣдуетъ, безъ особеннаго позволенія отъ нашего имени, именно: дѣла о графствахъ, баронствахъ, городахъ, замкахъ и большихъ феодахъ» (ст. 40, п. 2).

— «Отдавая нашей куріи надлежащую честь и преимущество, повелѣваемъ, что если когда вышеупомянутый начальникъ юстиціаріевъ вступитъ въ какой либо городъ или мѣсто, областной юстиціарій, находившійся тамъ, долженъ будетъ бездѣйствовать, пока начальникъ юстиціаріевъ самъ вмѣстѣ съ своими судьями будетъ представлять (tenuerit) нашу курію и творить судъ въ той мѣстности, подобно тому какъ меньшее свѣтило меркнетъ при восхожденіи большаго» (ст. 41).

Феодальный судъ. — «Чтобы сохранить всецѣло должное уваженіе ко всѣмъ и каждому изъ благородныхъ нашего королевства, мы предоставляемъ графамъ, баронамъ и прочимъ рыцарямъ самимъ судить другъ друга. Именно пусть вышеупомянутые, какъ обвиненные слѣдственнымъ порядкомъ и уголов-

тый пунктъ Сицилійскихъ постановленій гласитъ о томъ, чтобы никто не судилъ о дѣйствіяхъ и намѣреніяхъ государей. „Не должно разсуждать о королевскихъ приговорахъ, мѣрахъ и о сдѣланныхъ постановленіяхъ, о поступкахъ должностныхъ

нымъ судомъ, такъ и вызванные по гражданскому дѣлу, признаютъ приговоры окончательные и оспариваемые, а также всякія заключенія, предшествовавшія окончательному рѣшенію (praejudicium), въ важномъ дѣлѣ только отъ бароновъ, графовъ и отъ тѣхъ, которые отъ насъ только получили феоды, а не отъ тѣхъ, которые обязаны ими другимъ графамъ и баронамъ. Приговоры должны сообразоваться съ рѣшеніемъ добрыхъ мужей и съ совѣтомъ другихъ благородныхъ и рѣшаться тѣми же графами и баронами, а иногда, въ случаѣ ихъ несогласія, судьями нашей куріи. И такъ какъ иногда не всѣ присутствуютъ при разборѣ во всю сессію, то юстиціаріи и судьи, выслушавши и разобравши вполнѣ процессъ, разъяснятъ отдѣльно благороднымъ, которые должны будутъ произнести приговоръ. Такимъ образомъ вышеупомянутые графы и бароны постараются окончить приговоромъ процессъ, согласно съ требованіями неба и правосудія, по нашимъ священнымъ постановленіямъ или, при недостаткѣ ихъ, по дѣйствующимъ обычаямъ королевства, а потомъ по законамъ, которымъ не противорѣчатъ постановленія наши и нашихъ предшественниковъ и, наконецъ, принявши велѣніе отъ нашего величества, если сомнѣніе о дѣлѣ потребуетъ того. Если случится, что послѣ такого приговора обратятся къ благоусмотрѣнію высшихъ судей или нашего величества, возлагая апелляціонныя дѣла на нашъ судъ и справедливость, то апелляціонный судья, обыкновенный или назначенный нами съ тою цѣлью, графъ или баронъ, пусть постарается, посовѣтовавшись съ другими графами и баронами, судьями и добрыми мужами, рѣшить утвержденіемъ или отмѣной прежняго приговора. Мы желаемъ, чтобы это ненарушимо соблюдалось не только въ судахъ нашего вѣдомства, но вообще во всѣхъ, — производится ли слѣдствіе какъ особо важное или по обыкновенному порядку. А чтобы не могло быть никакого колебанія у вышепомянутыхъ судей, мы желаемъ, чтобы графы, бароны и другіе, которые должны будутъ de cetero присутствовать при приговорахъ въ великой нашей куріи или въ другомъ мѣстѣ, давали присягу, что они будутъ стараться постановлять приговоры отъ чистаго сердца, не надѣясь на чье нибудь расположеніе или благодарность, сообразно съ святѣйшими постановленіями нашихъ предшественниковъ, королей Сициліи, съ нашими именными указами, а потомъ по дѣйствующимъ обычаямъ нашего королевства, по законамъ и, наконецъ, по внушеніямъ своей совѣсти. Но приговоры, которые до изданія настоящаго закона были произнесены безъ вышеупомянутой формы надъ графами и баронами и другими, пусть остаются въ своей силѣ». — Памятникъ вполнѣ издалъ впервые Carcani (Constitutiones regum regni utriusque Siciliae, Nap. 1786). Мы цитуемъ по Huillard-Bréholles (Hist. dipl. t. IV,

лицъ, а также о томъ, достоинъ ли тотъ, кого избралъ и назначилъ король на свое мѣсто, — потому что разсуждать объ этомъ будетъ почти что святотатство“ ([1]). Покровительствуя всѣми силами торговли и промышленности, устраивая по городамъ ярмарки, Фридрихъ II въ то же время запрещалъ баронамъ укрѣплять замки, строить башни и стѣны гораздо раньше, чѣмъ это пришло на умъ заальпійскимъ государямъ, а духовнымъ запрещалъ пріобрѣтать въ собственность недвижимыя имѣнія. Это-то обстоятельство, вмѣстѣ съ фактами шестаго крестоваго похода, было побудительнымъ толчкомъ и главнымъ предлогомъ къ знаменитой борьбѣ Фридриха II съ папскою властью. Гонорій III (1216—1222 г.), Григорій IX (1227—1241 г.) и Иннокентій IV (1243—1254 г.)—эти три борца Церкви, получая тіару, дѣлались врагами Фридриха и возненавидѣли своего противника до того, что не страшились публично пользоваться религіею во зло для своихъ личныхъ цѣлей. Должно замѣтить, что въ великой средневѣковой борьбѣ христіанскія тенденціи часто забывались. Нерѣдко духовный вопросъ переносился на свѣтскую почву. Двѣ роковыя силы столкнулись для непримиримой борьбы.

Борьба Фридриха II съ Гоноріемъ III (1216-1222 г.).

Гильдебрандъ, врагъ государственнаго начала, былъ даровитѣйшій и самый сильный представитель теократическихъ стремленій, былъ лучшій борецъ своей идеи. Таковъ былъ и Иннокентій III, но его преемники часто прибѣгали къ злоупотребленіямъ своею властью; они переносили вопросъ о принципѣ на личную почву. Иннокентій III писалъ: „ошибаются тѣ, которые думаютъ, что Константинъ первый вручилъ власть папѣ, самъ Христосъ вручилъ ее папѣ. Іисусъ Христосъ основалъ царство и императорское и первосвященническое вмѣстѣ. Онъ далъ св. Петру право господствовать и надъ землей и надъ небомъ“. Такимъ образомъ папы XIII вѣка хотѣли сконцетрировать власть въ своихъ рукахъ. Но отъ существенной

p. 1—254).—Прочіе указы и постановленія см. у Pertz. Monumenta; leges; II, 223—360; 571—582. Передъ этими «leges», богатыми по содержанію, всесторонне разработанными, блѣднѣютъ отрывочныя распоряженія императоровъ, предшествовавшихъ Фридриху II, которые оставили лишь по нѣсколько главъ, за исключеніемъ Барбароссы.

([1]) Впрочемъ, слѣдующій capitulum требуетъ смягченія наказаній за святотатство, кромѣ случаевъ, когда съ явнымъ буйствомъ разрушаются храмы Божіи, похищаются св. Дары и священные сосуды (tit. 5—7).

органической причины борьбы надо отличать поводы къ ней. Поводами къ борьбѣ, наполняющей все царствованіе Фридриха II, служили: 1) соединеніе въ одномъ лицѣ, вопреки видамъ римскаго двора, короны неаполитанской и германской и 2) медленность, съ какою онъ снаряжался въ крестовый походъ. Это вызвало столкновеніе, которое поставило противниковъ въ положеніе Генриха IV и Гильдебранда.

Смыслъ борьбы.

По существу—это была борьба духа и физической силы, имѣвшая выяснить, какая власть выше, духовная или свѣтская. Еще святый Амвросій писалъ, что высота епископской власти не имѣетъ сравненія ни съ чѣмъ. Гильдебрандъ ставилъ духовную власть несравненно выше свѣтской. Имъ руководила божественность Церкви. Призваніе человѣка, по тогдашнимъ понятіямъ, умерщвлять свою плоть. Средневѣковой спиритуализмъ чуждался всякаго внѣшняго величія. Въ своемъ мѣстѣ мы говорили (I, 451—452) о взглядахъ Григорія VII на превосходство папской власти надъ свѣтской. Онъ замѣтилъ между прочимъ что въ то время какъ короли, увлеченные ложною славой, болѣе любили земное наслажденіе, папы заботились создать теократію. Но эти люди, которые хотѣли создать теократію, не прочь были воспользоваться свѣтскими выгодами. „Подобно тому, какъ Богъ, творецъ вселенной, говорилъ Гильдебрандъ, поставилъ два великія свѣтила на тверди небесной, одно бо́льшее—да властвуетъ оно днемъ, другое ме́ньшее—да царитъ оно ночью, такъ точно и на тверди вселенской Церкви поставилъ онъ два великіе сана: одинъ бо́льшій—да господствуетъ онъ надъ душами, и другой ме́ньшій,—да направляетъ тѣла; первый—это папское главенство, второй—государственная власть... Подобно тому какъ луна, низшая и по величинѣ и по качеству, по положенію и по силѣ, продолжаетъ онъ, получаетъ свѣтъ свой только отъ солнца, такъ и королевская власть получаетъ блескъ своего сана отъ первоверховнаго главенства папы“. Позднѣйшіе богословы отнеслись къ сравненію папы съ солнцемъ, а императора съ луной съ большою серьезностью и пустились высчитывать съ математической точностью размѣры солнца и луны, чтобы убѣдиться во сколько разъ солнце больше луны, т. е. во сколько разъ папская власть выше императорской. Одинъ изъ нихъ нашелъ, что папская власть больше императорской въ 1744 раза. Другой поправилъ это вычисленіе съ ироніей и высчиталъ нѣсколько ты-

сячъ съ дробями. Этими соображеніями папа хотѣлъ доказать, что онъ имѣетъ высокое положеніе предъ императоромъ и что императорская власть должна находиться въ зависимости отъ духовной. Въ силу этой доктрины Григорій VII считалъ Генриха IV вассаломъ. Хотя Генрихъ IV въ борьбѣ съ папой пострадалъ, но это нисколько не пугало Фридриха II, болѣе геніальнаго, образованнаго и свободномыслящаго дѣятеля въ послѣдніе годы его власти. Въ немъ смѣло проводимыя воззрѣнія папъ нашли себѣ рѣшительнаго противника.

Его правленіе было непрерывною борьбою папства съ императоромъ, изъ которой первое вышло однако побѣдоноснымъ. У него были обширные замыслы. Это показываетъ, что онъ во всякомъ случаѣ владѣлъ данными для выполненія своихъ намѣреній. Современные хроникеры, напр. Otto de Sancto Blasio говоритъ, что онъ думалъ доконать Византійскую имперію, завоевавъ Царьградъ, и возстановить въ полномъ единствѣ древне-римскую имперію въ эпоху полнаго ея могущества. Они же находятъ, что одна только смерть помѣшала исполнить эти великіе замыслы. Мы не можемъ разрѣшить трудный вопросъ, что сдѣлалъ бы Фридрихъ II, если бы не помѣшали ему папы. Можно сказать, что эта выдающаяся личность умѣла внушать уваженіе, соединенное со страхомъ. Мы узнаемъ послѣ, что смерть врага оставила курію въ какомъ то недоумѣніи. Западъ не вѣрилъ въ его смерть и въ самомъ Римѣ едвали не опасались возможности его воскресенія. У него встрѣчаются такія мысли, до которыхъ не возвышался ни одинъ изъ средневѣковыхъ государей. Онъ училъ своего сына забыть королевское происхожденіе, ибо онъ долженъ быть прежде всего гражданиномъ и заниматься науками. Онъ прямо говоритъ, что только наука даетъ власть надъ народомъ, даетъ всѣмъ счастіе и благосостояніе. Онъ оказалъ наукѣ огромную услугу, замѣнивъ подлиннымъ Аристотелемъ искаженные латинскіе списки дурныхъ переводовъ съ арабскаго. Онъ самъ перевелъ нѣсколько сочиненій Аристотеля. Владѣя свободно греческимъ языкомъ, онъ велъ переписку съ византійскими друзьями. Онъ покровительствуетъ не только ученымъ, писателямъ, художникамъ, но даже и тѣмъ, которые за неимѣніемъ средствъ не могли получить образованіе. Вообще онъ оказалъ великія услуги исторіи. Но нужно замѣтить, что Фридрихъ былъ воспитанъ въ арабской мудрости и съ дѣтства былъ окруженъ магометанскими учеными и политиками;

поэтому онъ чувствовалъ понятную склонность къ исповѣдникамъ ислама и оказывалъ сильное расположеніе къ образу жизни, нравамъ и міросозерцанію Востока. Это сочувствіе всему что было ненавистно на Западѣ — весьма не нравилось Гонорію III и особенно Григорію IX. Послѣдній говорилъ, что Фридрихъ II — еретикъ, что для него христіане и магометане — одно и тоже и что называетъ онъ Христа постыднымъ именемъ, кощунствуя надъ Господомъ.

Пятый крестовый походъ.

Есть основаніе думать, что крестовый походъ былъ лишь предлогомъ къ началу борьбы папы съ императоромъ. Только при Гоноріѣ III, благодаря энергіи Иннокентія III на латеранскомъ соборѣ, былъ предпринятъ пятый крестовый походъ. Въ немъ участвовали венгры подъ начальствомъ короля Андрея II и нѣмцы изъ разныхъ земель подъ начальствомъ герцога австрійскаго Леопольда VII, графа Вильгельма Голландскаго, также много духовныхъ и свѣтскихъ владѣтелей. Походъ не принесъ желанныхъ результатовъ. Венгерскій король, выступивъ въ августѣ 1217 года, осенью достигнулъ Сиріи. Здѣсь король Андрей ограничился мелкими схватками и весною 1218 г. съ большею частью своихъ спутниковъ поплылъ назадъ. Послѣ пораженія при горѣ Ѳаворѣ, — гдѣ необъяснимый страхъ охватилъ нѣмцевъ, не смотря на то что патріархъ возбуждалъ энтузіазмъ указаніемъ на частицу св. Креста, — пришлось покинуть Палестину. Нѣмцы, вмѣстѣ съ іерусалимскимъ королемъ, французскимъ рыцаремъ Іоанномъ Бріеннскимъ, пользуясь наемнымъ флотомъ, высадились въ Даміеттѣ въ іюнѣ 1218 г. При тогдашнемъ положеніи дѣлъ главный ударъ нужно было нанести Египту. Дѣйствія крестоносцевъ начались осадою Даміетты, обширнаго торговаго города, считавшагося по своимъ сильнымъ укрѣпленіямъ ключемъ всей страны [1].

Какъ разъ въ это время (31 августа 1218 г.) умеръ султанъ Малекъ эл-Адель, которому подчинялась и Сирія и Египетъ. Его монархія раздѣлилась. Въ Дамаскѣ ему на-

---

[1] Главный источникъ для V крестоваго похода Oliverus scholasticus изъ Кельна, написавшій Hist. Damiatina (Eccard. Corpus; II, 1797—1450). Его трудомъ очень усердно воспользовался извѣстный Яковъ Витрійскій въ своей Hist. orientalis. Онъ цѣликомъ почти списывалъ Оливера въ разсказѣ своемъ объ экспедиціи.

слѣдовалъ старшій сынъ Малекъ эл-Моаддемъ, а въ Египтѣ Малекъ эл-Камель. Крестоносцы разсчитывали на раздоры, но ихъ ожиданія не сбылись. Напротивъ, дамасскій султанъ послалъ войска на помощь своему брату, приказавъ имъ прогнать христіанъ отъ стѣнъ Даміетты. Здѣсь былъ собранъ цвѣтъ крестоваго воинства. Англія, Франція, Германія, даже Италія выслали отважнѣйшихъ сыновъ своихъ. Это была пестрая смѣсь воиновъ, одушевленныхъ однимъ духомъ. Крестоносцы, занявъ позицію на лѣвомъ берегу Нила, взяли съ геройскими усиліями башню на срединѣ рѣки, оберегавшую Даміетту и, пользуясь смятеніемъ среди мусульманъ, переправились въ бурную ночь на правый берегъ Нила. Казалось, что завѣтная цѣль достигалась. Вожди приказали приступить къ заготовленію машинъ и, не смотря на всѣ лишенія, упорно продолжали осаду Даміетты съ берега и съ суши впродолженіе зимы 1219 г. Тогда Камель, условившись съ своимъ братомъ, предложилъ крестоносцамъ оставить Египетъ, обѣщая за это возвратить христіанамъ всѣхъ плѣнниковъ, а вмѣстѣ съ ними все Іерусалимское королевство, за исключеніемъ двухъ небольшихъ укрѣпленій. Не было ничего выгоднѣе для крестоваго дѣла этого предложенія, хотя султаны говорили объ уничтоженіи стѣнъ Іерусалима. Крестоносные вожди съ радостью приняли условія, но вмѣшательство папскаго легата испортило все дѣло. Легатъ Гонорія III, а за нимъ іерусалимскій латинскій патріархъ доказывали, что св. городъ будетъ отнынѣ беззащитенъ противъ невѣрныхъ и при первомъ благопріятномъ случаѣ мусульмане не замедлятъ вновь отнять драгоцѣнную святыню отъ христіанъ. Они соглашались только тогда благословить договоръ съ невѣрными, когда султанъ Камель дастъ 300 тысячъ золотыхъ на возстановленіе стѣнъ и башенъ Іерусалима.

Взятіе Даміетты въ 1219 г.

Камель отказалъ христіанамъ въ ихъ требованіяхъ. Тѣмъ временемъ осада Даміетты продолжалась и, наконецъ, выморенное голодомъ, населеніе города сдалось въ началѣ ноября 1219 г. Если вѣрить арабскимъ историкамъ—изъ 70 тысячъ жителей Даміетты осталось не болѣе 3000 человѣкъ, но это были не люди, а живые трупы въ громадной могилѣ. Тотчасъ по занятіи Даміетты громадная мечеть ея, украшенная шестью обширными галлереями и 150 мраморными колоннами, была обращена въ храмъ Богородицы. Вскорѣ сдалась крѣпость

Танисъ. Христіане торжествовали. При нѣкоторой энергіи они могли прочной ногой встать въ Египтѣ и потребовать безусловнаго возвращенія св. Гроба.

Тогда раздоръ посѣтилъ христіанскій лагерь. Іерусалимскій король Іоаннъ, начальствовавшій крестоносцами, поссорился съ папскимъ легатомъ, и, досаждая ему, полтора года не хотѣлъ двигаться впередъ. Только лѣтомъ въ 1221 г., когда Людвигъ герцогъ Баварскій съ 400 нѣмецкихъ рыцарей, присланныхъ Фридрихомъ II, прибылъ въ Египетъ, крестоносцы, между которыми преобладали численностью нѣмцы, обильно снабженные припасами доставленными изъ Рима, двинулись впередъ на Каиръ. Тамъ, гдѣ Нилъ развѣтляется на два рукава, внезапно возникъ въ послѣднее время новый городъ Манзурахъ (побѣдоносный), который Камель оберегалъ лично, стараясь не допустить крестоносцевъ до переправы. Христіане смутились значительныхъ массъ мусульманъ. Они не могли рѣшиться на переправу и расположились на самой невыгодной позиціи, въ углу образуемомъ рукавами Нила. Здѣсь христіанъ постигла катастрофа. Большая мусульманская эскадра, проникнувъ въ рѣку черезъ дельту, показалась неожиданно на Нилѣ, ниже стоянки кораблей крестоносцевъ, которые теперь были отрѣзаны отъ Даміэтты. Неожидавшій непріятеля, христіанскій флотъ былъ окруженъ съ обѣихъ сторонъ и сдался. Въ то же время, къ ужасу христіанъ, Нилъ началъ выступать изъ береговъ. Крестоносцы 27 августа 1219 г. бросились бѣжать въ полномъ разстройствѣ, охваченные паническимъ страхомъ. Тогда мусульмане переправились черезъ Ашмонскій каналъ и, преслѣдуя христіанъ, подняли шлюзы и прорвали плотины. Началось наводненіе, послѣдствій котораго не испытали побѣдители, но которое всѣми своими ужасами обрушилось на христіанское воинство. По его пятамъ шли волны Нила, раздраженные враги и ужасы голода. Тѣ вожди, которые недавно горделиво отвергли обмѣнъ Даміэтты на все іерусалимское королевство, теперь молили о сохраненіи жизни и за жизнь воины креста сами предложили султану Даміэтту. Эмиры, упоенные побѣдой, не хотѣли принимать предложеній франковъ, разсчитывая на ихъ поголовное истребленіе, но Камель замѣтилъ имъ, что рано торжествовать надъ христіанами, что могутъ прибыть съ Запада новыя военныя силы и всѣ плоды побѣды будутъ потеряны.

Договоръ 1221 г. съ Камелемъ.

Переговоры продолжались недолго; 13 сентября 1221 г. вожди крестоносцевъ, потерявъ всѣ свои завоеванія, обязались сдать Даміетту, очистить Египетъ и не воевать 8 лѣтъ съ мусульманами, если только никто изъ коронованныхъ государей лично не возобновитъ войны. По вѣрному выраженію лѣтописца, крестоносцы „протянули руку египтянину и сирійцу, чтобы принять отъ него подачку хлѣба и убраться изъ Египта". Обѣ стороны обмѣнялись заложниками. Самъ король іерусалимскій Іоаннъ, герцогъ баварскій Людвигъ и отважный папскій легатъ, душа предпріятія, водившій христіанъ къ побѣдамъ, кардиналъ Пелагій, остались заложниками въ рукахъ султана, который отдалъ крестоносцамъ своего сына. Впрочемъ, скоро король іерусалимскій былъ освобожденъ и отплылъ въ Палестину.

Послѣдствія неудачи пятаго крестоваго похода отразились прежде всего на мѣстныхъ христіанахъ. Началось поголовное ихъ истребленіе. Тѣхъ, которыхъ не убили, ограбили. Церкви, которыя до сихъ поръ сарацины терпѣли въ долинѣ Нила, были разрушены и сожжены. Въ Акконѣ, этомъ послѣднемъ укрѣпленіи христіанъ на Востокѣ, извѣстіе о погромѣ подъ Даміеттой, произвело гнетущее впечатлѣніе. Тамъ потеряли всякую надежду на поправленіе крестоваго дѣла.

Въ неудачѣ египетскаго похода вся Европа обвиняла императора. Всѣ знали, что онъ еще въ 1215 г. въ Ахенѣ при коронаціи далъ обѣтъ предпринять походъ въ Палестину, что чрезъ пять лѣтъ, во время коронаціи въ Римѣ, повторилъ свое обѣщаніе и даже обязался выступить непремѣнно не позже какъ въ слѣдующемъ году.

Іоаннъ Бріеннскій.

Тогда король Іоаннъ іерусалимскій совершалъ свою поѣздку по западной Европѣ въ надеждѣ поддержать энтузіазмъ къ своему дѣлу. Его всюду принимали съ большимъ почетомъ, какъ героя и страдальца. Во всѣхъ городахъ власти и процессіи встрѣчали его со всею торжественностью и съ колокольнымъ звономъ; папа Гонорій III оказалъ ему величайшее вниманіе; при европейскихъ дворахъ къ нему относились съ благоговѣніемъ. Императоръ съ своей стороны привѣтствовалъ его съ знаками самой сердечной почтительности и по совѣту папы, просилъ руки его дочери Іоланты. Король охотно согласился. Этимъ онъ какъ бы передавалъ зятю свои права на Іерусалимъ и прямо заинтересовывалъ его въ пред-

пріятіи. Свадьба скоро была отпразднована, но Фридрихъ II не тронулся въ путь. Напрасно тесть, отдавшій всю жизнь крестовой идеѣ, старался воодушевить своего зятя тѣмъ огнемъ, который горѣлъ въ его душѣ; напрасно онъ твердилъ ему, что въ Палестинѣ и на всемъ Востокѣ ждутъ „императора съ такими же упованіями, какъ нѣкогда ожидали Мессію или Спасителя міра". Фридрихъ II нисколько не увлекался и продолжалъ тревожиться за участь своихъ владѣній. Бесѣды тестя съ зятемъ кончились ссорой; папа старался примирить обоихъ государей. Онъ тоже возмущался поведеніемъ императора, недостойнымъ имени „вождя католичества".

Папа Гонорій настаивалъ на томъ, чтобы императоръ немедленно ѣхалъ въ Палестину, но Фридрихъ медлилъ, успокоивая первосвященника разными обѣщаніями. Онъ могъ участвовать въ походѣ только ради политическихъ разсчетовъ, а не по энтузіазму, котораго даже не имѣлъ. Гонорій III, въ виду нежеланія Фридриха совершить обѣщанную экспедицію въ Палестину, уже рѣшился отлучить его отъ Церкви, но внезапная смерть помѣшала ему исполнить это рѣшеніе. Ему не удалось видѣть осуществленія своихъ лучшихъ мечтаній.

Папа Григорій IX (1227-1241 г.).

Гонорій III отличался мягкостью характера, но не таковъ былъ его преемникъ Григорій IX, бывшій кардиналъ Уголино, родной племянникъ Иннокентія III. Онъ былъ весь въ своего знаменитаго дядю по наружности, твердости и силѣ воли; онъ слылъ за человѣка религіознаго и всесторонне образованнаго. Онъ отличался воздержностью образа жизни и безукоризненною нравственностью. Его современники называли: exemplar totius sanctitatis. Онъ не могъ примириться съ императоромъ. Ему не нравился веселый образъ жизни, сарацинскій дворъ гогенштауфена, для котораго остроумныя бесѣды, музыка, трубадуры были необходимостью. Неудовольствія между папой и императоромъ росли постепенно; медленность императора раздражала папу. Тогда императоръ не могъ уже долѣе противиться настояніямъ папы. Онъ сталъ готовиться и принимать мѣры. Онѣ носили главнымъ образомъ фискальный характеръ. Въ виду издержекъ на крестовый походъ, Фридрихъ II налагаетъ на все королевство подать, при чемъ съ монастырскихъ земель было взято немного, а именно до 480 золотыхъ унцій; земли бароновъ были обложены дороже (1).

(1) Röhricht (Beiträge zur Gesch. der Kreuzzüge I, 62) считаетъ золотую унцію въ $61^1/_2$ фр. Слѣдовательно сборъ былъ въ 30 тысячъ франковъ, около 11 тысячъ рублей (по курсу).

Приготовленія Фридриха II къ походу.

Въ августѣ 1221 г. императоръ прибылъ въ Бриндизи, гдѣ уже собралось крестоносное ополченіе и гдѣ суда были уже готовы къ отплытію. Воины креста стеклись сюда изъ разныхъ странъ. Это было лѣтомъ; отъ страшнаго скопленія людей, — разсказываетъ современникъ, именно Риккардо изъ Санъ-Джермано, — припасы вздорожали, вслѣдствіе чего народъ сдѣлался менѣе разборчивъ на пищу, страдая отъ несвѣжихъ припасовъ; жара содѣйствовала быстрому распространенію заразы и несчастныя толпы крестоносцевъ, покинувшихъ ради великаго дѣла свою родину, дѣлаются жертвою ужасной эпидеміи. Они посылали нерѣдко проклятія тому, кто подвинулъ ихъ на это дѣло, кто обѣщалъ имъ благословеніе неба и отпущеніе грѣховъ. Не смотря на эти несчастныя предзнаменованія, императоръ дѣятельно готовился къ походу и въ день Рождества Богородицы отправился изъ Бриндизи въ Палестину, посадивъ почти все войско на суда. Черезъ трое сутокъ онъ достигъ лишь береговъ Кандіи. Здѣсь, изнуренный болѣзнью, которую получилъ еще въ Отранто, задержанный противнымъ вѣтромъ, Фридрихъ, наконецъ, долженъ былъ вернуться назадъ. И вотъ, 14 сентября императорское судно вошло въ гавань Бриндизи, пробывъ въ морѣ шесть сутокъ. Императоръ тотчасъ же поѣхалъ лѣчиться на воды въ Пуццоли и послалъ вѣстниковъ увѣдомить Григорія IX о своемъ возвращеніи. Узнавъ объ этомъ и опираясь на постановленія Санджерманскаго договора, папа въ послѣднихъ числахъ сентября отлучилъ Фридриха отъ Церкви. Въ изданной буллѣ папа съ удивительнымъ озлобленіемъ изливаетъ весь свой гнѣвъ противъ императора, оповѣщая міръ о наложеніи на Фридриха святаго проклятія. Императоръ послалъ къ Григорію „самыхъ знаменитыхъ людей своего королевства" въ качествѣ пословъ: двухъ архіепископовъ, герцога Райнольда Сполетскаго и графа Генриха. Они извѣщали папу, что Фридрихъ, дѣйствительно по болѣзни долженъ былъ вернуться, но это посольство императора къ папѣ не имѣло успѣха. Папа не захотѣлъ принять и выслушать делегатовъ и, собравши въ Римѣ итальянскихъ епископовъ, 17 ноября публично произнесъ вновь церковное отлученіе надъ Фридрихомъ, разославъ объ этомъ посланія по всему Западу. Этимъ папа какъ бы уничтожалъ навсегда попытку къ примиренію съ императоромъ. Фридрихъ отвѣчаетъ на это воззваніемъ ко всѣмъ христіанскимъ королямъ и вла-

стямъ, въ которомъ жаловался на несправедливый поступокъ святѣйшаго отца; всѣхъ и каждаго извѣщалъ императоръ, что вернулся обратно не по пустымъ причинамъ, какъ лживо писалъ папа, но вслѣдствіе опасной болѣзни, что онъ объ этомъ увѣдомлялъ папу и посылалъ къ нему посольство, но первосвященникъ не повѣрилъ тому, что говорили послы, и, ради личной прихоти, ради своего каприза произнесъ надъ нимъ столь страшный приговоръ.

Слѣдомъ за тѣмъ Фридрихъ собралъ въ Капую всѣхъ знатныхъ особъ своего королевства и на собранномъ здѣсь съѣздѣ постановилъ, чтобы всѣ вассалы внесли ему, каждый съ своего помѣстья, по 8 унцій золота (около 300 рублей), сверхъ того обязуясь вооружить на свой счетъ по одному воину; далѣе императоръ объявлялъ о своемъ намѣреніи отправиться въ походъ въ маѣ 1228 года и звалъ всѣхъ собраться великимъ постомъ въ Равенну, гдѣ по этому случаю назначался съѣздъ. Вслѣдъ за тѣмъ онъ послалъ въ Римъ Готфрида Беневентскаго, бывшаго профессора Болонскаго университета, съ порученіемъ составить въ городѣ императорскую партію. Посольство имѣло полный успѣхъ; порученіе было исполнено блестяще; многія могущественныя и аристократическія фамиліи перешли на сторону императора. Такимъ образомъ императоръ, искусно парализуя дѣйствія папскаго отлученія, рѣшился теперь дѣйствовать противъ самого папы Григорія IX. Его партія быстро усиливалась; уже въ самомъ Римѣ стали открыто порицать поступки папы. Григорій IX не привыкъ обращать вниманіе на ропотъ подданныхъ и въ четвергъ на страстной недѣлѣ, 23 марта 1228 года ([1]), снова произнесъ надъ императоромъ отлученіе, разрѣшая подданныхъ отъ присяги и налагая интердиктъ на все королевство. Тогда-то увеличился ропотъ; недовольные папою стали дѣйствовать смѣлѣе; во главѣ ихъ явились мѣстные крупные бароны. Разнаго рода возмутительными прокламаціями и соблазнительными обѣщаніями не трудно было увлечь народъ и воспламенить его къ возстанію. Римскій плебсъ возмутился противъ папы и преслѣдовалъ его до города Витербо. Испуганный Григорій IX бѣжалъ въ Перуджію, огульно громя народъ отлученіемъ, чѣмъ подорвалъ всякое уваженіе къ церковному наказанію.

([1]) По Raumer (III. 191)—27 марта; слѣдуетъ предпочесть выводъ, который сдѣлалъ Wilken (VI, 447).

Еще съ осени 1228 года императоръ дѣятельно готовился къ походу. Онъ собралъ необходимыя средства и запасы, и конечно самая большая часть поборовъ пала теперь на церкви и монастыри. Аббатъ Монтекассинскаго монастыря обязался содержать на счетъ обители сотню воиновъ и съ него взяли для того 1200 золотыхъ унцій (около 45 тыс. рублей). Въ мартѣ 1228 г. этотъ аббатъ получилъ приказаніе явиться къ императору въ Таренто; на пути къ нему присоединилось еще нѣсколько прелатовъ королевства, собиравшихся къ отплытію вмѣстѣ съ императоромъ.

Но не смотря на всѣ усилія Фридриха, не смотря на его можетъ быть и искреннія желанія спѣшить экспедиціей, приготовленія шли очень медленно. Даже Равеннскій съѣздъ, куда были приглашены и папскіе легаты, не состоялся, такъ какъ ломбардцы, вопреки даннымъ ими обѣщаніямъ, не пропустили чрезъ свои владѣнія германскихъ князей, спѣшившихъ на съѣздъ. Императоръ не протестовалъ и не хотѣлъ опять начинать распрю. Онъ спокойно и торжественно—хотя и отлученный—праздновалъ пасху въ Бароли. Не мало торжества и радости придало празднику извѣстіе изъ Палестины, присланное намѣстникомъ королевскимъ въ св. землѣ Ѳомою Аквинскимъ, графомъ Ацерры, о смерти дамасскаго султана; оно, по словамъ итальянскаго лѣтописца, не могло не порадовать императора. Папа, узнавъ о желаніи Фридриха исполнить свое обѣщаніе, не только не оказывалъ требуемаго содѣйствія къ успѣху экспедиціи, но, напротивъ, если вѣрить Матвѣю Парижскому и Риккардо, старался препятствовать походу всѣми мѣрами. Такъ папа будто разослалъ грамоты ко всѣмъ прелатамъ королевства, запрещая имъ оказывать помощь Фридриху; въ противномъ же случаѣ грозилъ имъ отлученіемъ отъ Церкви. Въ это же время супруга Фридриха Іоланта родила ему сына; новорожденный, будущій императоръ, былъ названъ „Конрадомъ“. Чрезъ нѣсколько дней послѣ родовъ, Іоланта умерла. Императоръ былъ въ Бароли, когда ему дали знать о рожденіи сына и смерти супруги. Это несчастіе, хотя тяжело отозвалось на немъ, но нисколько не остановило его кипучей дѣятельности. Близился май, а вмѣстѣ съ нимъ приближался и срокъ, назначенный самимъ императоромъ къ выступленію въ походъ. Уже не разъ сыпались на него обвиненія, что онъ не держитъ своего слова; потому Фридрихъ хотѣлъ теперь отправиться непремѣнно въ

маѣ. Въ концѣ апрѣля онъ уже сдѣлалъ нѣкоторыя распоряженія, касающіяся не только предстоящаго похода, но главнымъ образомъ управленія государствомъ въ его отсутствіе. Съ наступленіемъ мая императоръ пригласилъ въ городъ Бароли королевскихъ прелатовъ и вельможъ. Здѣсь засѣданіе происходило подъ открытымъ небомъ, такъ какъ собралось множество народа; пришлось изготовить импровизованный тронъ (parato sibi tribunali sub divo propter gentis multitudinem, quae copiosa erat). Императоръ объявилъ всѣмъ присутствовавшимъ свою послѣднюю волю, и прочелъ нѣсколько постановленій, походившихъ своимъ содержаніемъ на духовное завѣщаніе. Сначала шли распоряженія, касавшіяся любезнаго ему сицилійскаго королевства. Императоръ приглашалъ всѣхъ сицилійцевъ, прелатовъ, бароновъ и всѣхъ его подданныхъ жить между собою въ мирѣ и спокойствіи, какъ жили они во времена Вильгельма II; правителемъ королевства на время своего отсутствія онъ назначалъ Райнольда, герцога Сполетскаго. Въ случаѣ, если императоръ умретъ, говорилось въ этомъ завѣщаніи, въ имперіи и въ королевствѣ ему наслѣдуетъ старшій его сынъ Генрихъ; если же и Генрихъ умретъ, не оставя послѣ себя дѣтей, ему наслѣдуетъ младшій братъ его Конрадъ; если же и Конрадъ, подобно Генриху, умретъ бездѣтнымъ, ему наслѣдуютъ въ королевствѣ оставшіеся въ живыхъ сыновья императора отъ законной супруги. Всѣ жители королевства поклялись исполнять завѣщаніе, если король погибнетъ въ походѣ и не оставитъ другаго завѣщанія ([1]). Наконецъ, императоръ былъ вынужденъ вторично отправиться въ Палестину ([2]).

([1]) Этотъ документъ въ высшей степени важенъ; онъ показываетъ, что гогенштауфены не придавали значенія избирательному принципу и престолъ императорскій считали почти собственностью, считая излишнимъ даже обращаться къ избирателямъ. Завѣщаніе записано въ хроникѣ Riccardo di S. Germano, которой мы пользовались во всемъ этомъ разсказѣ.

([2]) Для VI крестоваго похода, который Kugler считаетъ пятымъ, принимая его за продолженіе экспедиціи короля Андрея венгерскаго (Gesch. der Kreuzzüge, 325—347),—тѣ же общія пособія, какія были указаны выше въ концѣ примѣчанія на стр. 57. Спеціальная монографія принадлежитъ В. А. Бильбасову (Крестовый походъ Фридриха II, Спб. 1863), который впервые воспользовался итинераріемъ Фридриха II (изданнымъ въ Hist. diplomatica Fr. II) и подвергнулъ научной критикѣ трактатъ о перемиріи (Transcriptum capitulorum treugae etc.). Трудъ русскаго ученаго замѣ-

Шестой крестовый походъ 1228—29 г.

Это было въ началѣ осени 1228 года—Фридрихъ II прямо направился въ Аккону, которую иначе называли Птолемаидой, куда прибылъ 7 сентября, торжественно встрѣченный самимъ патріархомъ, высшимъ духовенствомъ, великими магистрами тампліеровъ и іоаннитовъ, пилигримами. Тампліеры и іоанниты пали на колѣна. Это одно показываетъ, что отлученію, тяготѣвшему надъ императоромъ, не вездѣ придавали значеніе даже во вліятельномъ духовенствѣ. Правда, разсказываетъ лѣтописецъ, отношенія скоро перемѣнились къ худшему, вѣроятно потому, что папская интрига успѣла проникнуть вслѣдъ за прибытіемъ императора. Духовные стали избѣгать общенія съ Фридрихомъ, не являлись на приглашенія, не садились за одинъ столъ. Тогда императоръ обратился къ рыцарямъ и воинамъ, горько жалуясь на папу, произнесшаго надъ нимъ несправедливый приговоръ и „увѣрялъ, что его походъ на помощь св. Гробу былъ только имъ отложенъ вслѣдствіе тяжкой болѣзни, которая задержала его, а также по причинѣ многихъ другихъ дѣлъ важныхъ для всего христіанства" ([1]). Египетскій султанъ Камель, только что прибывшій въ Сирію, узнавъ о появленіи императора въ Палестинѣ, и, чувствуя свое безсиліе вслѣдствіе настоящихъ семейныхъ междоусобій, рѣшился склонить и Фридриха на свою сторону дарами. Онъ послалъ императору золото, серебро, шелковыя ткани, драгоцѣнные камни, а кромѣ того подарилъ слоновъ, медвѣдей, обезьянъ. Такимъ образомъ, съ перваго же дня пребыванія Фридриха II въ Палестинѣ, между имъ и мусульманами завязались дружескія сношенія. Это было большою ошибкой со стороны Фридриха и послужило главной причиной преслѣдовавшихъ его несчастій, такъ какъ давало матеріалъ для клеветы. Теперь лучшія намѣренія императора, клонившіяся прямо къ пользѣ дѣла, не удавались, потому только что Фридриху приписывали уступчивость и поблажку врагамъ креста. Языки папскихъ партизановъ и прелатовъ Палестины развязались. Что бы ни дѣлалъ императоръ, — его обвиняли въ тайной сдѣлкѣ съ врагомъ, въ предательствѣ христіанства.

чателенъ и по начитанности въ источникахъ, и по пріемамъ, и по изложенію. На дняхъ вышла инавгуральная небольшая работа Halbe (Friedrich II und die papstliche Stuhle, B. 1888), доведенная до ноября 1220 г.; въ ней изложены лишь обстоятельства, обусловившія враждебное отношеніе куріи къ императору.

([1]) Matthaeus Paris. Hist. major Angliae. a. 1228.

Тампліеры, іоанниты и прочіе рыцари ждали только прибытія Фридриха II чтобы начать войну. Великимъ магистрамъ принадлежало по праву первое мѣсто въ предстоящей экспедиціи, послѣ императора, который сталъ во главѣ 800 конныхъ и 10 тысячъ пѣшихъ воиновъ. Фридрихъ одобрилъ планъ похода. Въ половинѣ ноября крестоносцы достигли Яффы, гдѣ голодали цѣлую недѣлю, такъ какъ суда съ припасами разметало бурею. Когда море успокоилось, къ берегу пристали транспортныя суда съ огромными запасами, такъ что войско не чувствовало болѣе недостатка въ средствахъ.

Неизвѣстно, входило ли въ намѣренія Фридриха II движеніе на Іерусалимъ. Вѣрнѣе предположить, что въ Яффѣ императоръ предпочелъ безъ войны достигнуть великой цѣли, пользуясь тѣми выгодными политическими обстоятельствами, которыя ему представились въ Палестинѣ. Дѣло въ томъ, что Камель и его братъ Ашрафъ, имѣвшій удѣлъ на берегахъ Евфрата, раздѣлили земли, оставшіяся послѣ умершаго брата ихъ Моаддема (стр. 358), султана дамасскаго (или вавилонскаго), устранивъ законнаго наслѣдника, молодаго Давида и предоставивъ послѣднему только Эдессу, съ двумя маленькими мѣстечками. Ашрафъ взялъ себѣ Дамаскъ и ближайшую территорію, а Камель все остальное, т. е. города Сиріи и Палестину. Еще ранѣе этого дѣлежа, при жизни Моаддема, Камель, давно собиравшійся утвердиться въ Дамаскѣ, уже велъ тайные переговоры съ Фридрихомъ II; его послы тайкомъ были въ Сициліи (1). Есть основаніе думать, что императоръ плылъ въ Палестину съ намѣреніемъ помочь Камелю противъ Моаддема, за что получилъ бы Іерусалимъ, но когда Моаддемъ умеръ, то, поддерживая союзника, Фридрихъ готовъ былъ оказать содѣйствіе своему другу противъ Давида. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ императоръ извлекалъ прямые выгоды безъ всякаго риска. Этимъ объясняются богатые подарки, которыми султанъ привѣтствовалъ христіанскаго государя въ первые дни пребыванія его въ Палестинѣ. Впрочемъ султанъ долго не соглашался на уступку Іерусалима, считая этотъ городъ не менѣе священнымъ для мусульманъ, такъ какъ въ немъ „храмъ самого Господа“. Онъ боялся, что его сочтутъ за отступника (2). Всѣ знали, что переговоры между императо-

(1) Wilken. Geschichte der Kreuzzüge; VI, 463.

(2) Интересный въ этомъ отношеніи документъ у Huillard-Bréholles (Hist. dipl. III 480 — 489), извлеченный изъ архива Національной

ромъ, который весело провелъ въ Яффѣ всю зиму 1220 г. и султаномъ Камелемъ, ведутся безпрерывно. Скоро результаты ихъ не замедлили обнаружиться.

Перемиріе въ Яффѣ 18 февраля 1229 г.

Весною 1229 года въ Европѣ узнали, что императоръ сумѣлъ, не обнажая оружія, овладѣть Іерусалимомъ, возстановить христіанское королевство въ Палестинѣ, но что всѣ эти выгоды достигнуты цѣною значительныхъ уступокъ, такъ какъ мусульмане отнынѣ будутъ свободно молиться въ храмѣ Іерусалимскомъ и поклоняться своей святынѣ. Притомъ Фридрихъ выговорилъ не миръ, а перемиріе на 10 лѣтъ. На папскую партію, на все высшее духовенство это извѣстіе произвело ошеломляющее впечатлѣніе. Въ дипломатическомъ актѣ, которымъ гордился Фридрихъ, усмотрѣли предательство христіанскихъ интересовъ. Но при дворахъ, въ городахъ, въ рыцарствѣ, въ народѣ ликовали отъ такой безкровной побѣды, не обращая вниманія на подробности. — „Господь оказалъ милость своему народу и возвысилъ смиренныхъ.... Іисусъ Христосъ осыпалъ милостію своихъ людей.... христіане были отмщены“ — въ такихъ словахъ высказывали свою радость наиболѣе образованные современники, голосъ которыхъ всегда былъ за императора (1).

Предоставимъ самому Фридриху II разсказать объ условіяхъ договора, имъ заключеннаго съ султаномъ Камелемъ.

Императоръ въ посланіи къ англійскому королю Генриху III сознается, что онъ находился въ затруднительномъ положеніи. Мусульманскія войска могли стѣснить его съ двухъ сторонъ: Камель стоялъ подлѣ города Газы; Давидъ занималъ Схему. Передовыя линіи обоихъ отрядовъ были не болѣе какъ на одинъ день пути отъ позицій крестоносцевъ. Правда оба вождя были въ ссорѣ, но изъ ненависти къ христіанамъ они могли примириться.

— «Іисусъ Христосъ Сынъ Божій, пишетъ императоръ, взирая съ высоты небесъ на наше благочестивое терпѣніе и терпѣливое благочестіе и, сострадая въ своемъ милосердіи къ намъ, устроилъ такъ,

библіотеки,— варіантъ неизвѣстнаго продолжателя Вильгельма Тирскаго; султанъ замѣтилъ: tante pajenisme li corroit sus et lis caliphes mémes l' entendroit a mescreant de la loy (p. 486, c. 6).

(1) Къ числу таковыхъ принадлежалъ Матвѣй Парижскій, который не скрываетъ своего восторга.

что султанъ вавилонскій возвратилъ намъ св. городъ Іерусалимъ, мѣста, гдѣ ступала нога Его, мѣста, гдѣ почитатели истинной вѣры поклоняются Отцу въ духѣ и истинѣ. Не только возвращенъ намъ самый городъ, но вмѣстѣ съ нимъ и вся страна, которая лежитъ между Іерусалимомъ и Яффою. Такимъ образомъ на будущее время пилигримы могутъ свободно посѣщать Гробъ Господень и возвращаться безъ всякой опасности. При этомъ заключены слѣдующія условія. Сарацины, ради ихъ уваженія къ іерусалимскому храму, который они посѣщаютъ для молитвы и отправленія своихъ обрядовъ,—получаютъ отъ насъ право свободнаго доступа туда на будущее время, но мы предоставляемъ себѣ опредѣлить количество мусульманскихъ пилигримовъ. Они должны являться туда безъ оружія, должны жить не въ самомъ Іерусалимѣ, а за городомъ и по окончаніи молитвы немедленно удаляться. Далѣе, они уступаютъ намъ Виѳлеемъ и всю землю между этимъ городомъ и Іерусалимомъ, Назаретъ, и всю землю между нимъ и Аккономъ, всю провинцію Таронъ, весьма обширную и полезную для христіанъ, Сидонъ (Саидъ) съ окрестностями и прилегающей страной. Владѣніе послѣднимъ городомъ будетъ тѣмъ болѣе важно для христіанъ, что до сихъ поръ сарацины извлекали изъ него большія для себя выгоды. Дѣйствительно Сидонъ представляетъ собою превосходную гавань, откуда все отправляется въ Дамаскъ, а отсюда очень часто въ Каиръ, напримѣръ оружіе и съѣстные припасы. По сему договору намъ позволено (licet nobis secundum pactum), соорудивъ за ново стѣны Іерусалима (reedificare muros), а равно и замокъ въ Яффѣ, Кесаріи, Сидонѣ и замокъ св. Маріи Тевтонской, который начали строить братья этого ордена на горѣ сосѣдней Аккону,—и чего они до того времени не могли никогда исполнить,—но самъ султанъ обязался не строить никакого зданія или замка, пока не окончится срокъ перемирія, заключеннаго нами на 10 лѣтъ и подтвержденнаго 18 февраля клятвою съ обѣихъ сторонъ.... Признавая столь великое благодѣяніе и честь, которую даровалъ намъ Господь въ своемъ милосердіи, не взирая на ничтожество наше и *вопреки ожиданіямъ многихъ* (contra opiniones multorum), къ вѣчной своей славѣ, и желая лично въ самомъ святомъ мѣстѣ принести Ему въ жертву нашего агнца лобзанія (vitulum labiorum nostrorum), мы 17 марта, въ субботу, вступили въ Іерусалимъ вмѣстѣ съ прочими пилигримами, которые вѣрно служили Христу» (1).

(1) Matthaeus Paris, a. 1229, приводитъ письмо цѣликомъ, помѣчая его 17 марта. Циркулярное посланіе императора отъ 18 марта — Comitibus. baronibus, militibus caeterisque nobilibus per imperium constitutis —помѣстилъ H. Huillard-Bréholles въ Hist. dipl. (III, 93—99). Текстъ Матвѣя значительно полнѣе въ концѣ. Нѣтъ основанія думать, что лѣтописецъ прибавилъ весьма важныя фразы отъ себя. Варіантъ у Pertz (Monumenta; dipl. IV, 261—263) также отъ 17 марта.

Фридрихъ II въ Іерусалимѣ и возвращеніе его въ Европу.

Но Фридрихъ не досказываетъ что послѣдовало за тѣмъ. Если Яффскій трактатъ произвелъ тяжелое впечатлѣніе въ Римѣ, то тѣмъ сильнѣе было озлобленіе высшаго католическаго духовенства въ Палестинѣ. Оно мстило императору какъ могло, хотя собственно мстило за то, что „законъ Магомета былъ дозволенъ публично". Когда слѣдовало бы, въ порывѣ общаго увлеченія, забыть прежнюю вражду, и склониться передъ святыней, іерусалимскій патріархъ запретилъ священнослуженіе у св. Гроба и по всѣмъ св. мѣстамъ, потому что нога отлученнаго императора осквернила храмы и св. землю. Христіанскія церкви въ Іерусалимѣ, прежде или заброшенныя или занятыя подъ мечети, были очищены, вымыты, приведены въ порядокъ, но служеніе въ нихъ не дозволялось во все время пребыванія императора въ стѣнахъ Іерусалима. Такимъ образомъ вся прелесть торжества и все величіе минуты были отравлены. „Восторгъ христіанъ былъ великъ, казалось утѣхи неба сошли на землю", восклицаетъ лѣтописецъ, а между тѣмъ Іерусалимъ въ эти торжественные дни смотрѣлъ могилою.

Фридрихъ II не дожидался расположенія духовныхъ. Вступивъ въ Іерусалимъ съ подобающимъ торжествомъ въ субботу 17 марта 1229 г., онъ на слѣдующій день поспѣшилъ самъ короновать себя въ церкви Воскресенія, которую покинули священники. Онъ возложилъ на себя вѣнецъ іерусалимскихъ королей и, не снимая его, прошелъ по улицѣ въ императорской мантіи до своего помѣщенія. Патріархъ выходилъ изъ себя, но не уступалъ. На другой день послѣ коронаціи, Фридрихъ II, отклонивъ всѣ объясненія съ тампліерами по поводу возстановленія стѣнъ, оставилъ Іерусалимъ и перебрался въ Аккону.

Здѣсь его ждали новыя непріятности. Всѣ пилигримы, монахи, священники были возбуждены до крайности высшими духовными властями. Въ порывѣ раздраженія и негодованія на недостойные подкопы патріарха, Фридрихъ воспретилъ приглашеніе рыцарей для защиты королевства на счетъ патріарха и на средства военно-рыцарскихъ орденовъ, ссылаясь на условіе, заключенное съ султаномъ Камелемъ. Это дало поводъ заподозрить императора въ измѣнѣ христіанству, о чемъ громко разглашали написты по всей западной Европѣ. Патріархъ имѣлъ дерзость заявить, что онъ не считалъ для себя удобнымъ объясняться съ человѣкомъ, отлученнымъ

Церковью. Въ отвѣтъ на это императоръ приказалъ рыцарямъ всѣхъ націй, подъ страхомъ преслѣдованія, оставить немедленно Палестину, а тампліеровъ, которые ему особенно досаждали, запретилъ впускать въ городъ. Узнавъ, что доминиканцы и францисканцы хотятъ проповѣдывать въ вербное воскресенье, онъ приказалъ разогнать ихъ, при чемъ упорныхъ императорскіе стрѣлки таскали по землѣ, били и сѣкли.

Тогда враги Фридриха II, по словамъ Матвѣя Парижскаго, подтвержденнымъ однимъ мусульманскимъ историкомъ XIV вѣка,—рѣшились прибѣгнуть къ тайному убійству. Императоръ по слухамъ собирался идти пѣшкомъ на берега Іордана, въ сопровожденіи очень не многихъ близкихъ къ нему лицъ. Изъ Акконы извѣщали объ этомъ вавилонскаго султана, при чемъ очень прозрачно совѣтовали покончить съ безоружнымъ императоромъ. Султанъ, возмущенный предательствомъ измѣнниковъ, воскликнулъ: „вотъ какова вѣрность христіанъ“. Приближенные присовѣтовали Камелю отослать къ Фридриху письмо съ печатью „чтобы пристыдить христіанъ“. Султанъ такъ и поступилъ (1).

Между тѣмъ до императора уже дошли слухи о готовившейся засадѣ другимъ путемъ. Сообщеніе Камеля убѣдило его окончательно въ гнусной интригѣ. Онъ поспѣшилъ тогда (30 іюня 1229 г.) оставить Палестину, сожалѣя что судьба не сдѣлала его повелителемъ мусульманъ. Патріархъ не преминулъ распустить сплетню, что Фридрихъ большую часть оружія, хранившагося въ складахъ Птолемаиды, послалъ тайно султану, и что, не довольствуясь тѣмъ, приказалъ жечь корабли крестоносцевъ и транспортные суда, стоявшіе въ гавани Акконы. Наконецъ онъ уѣхалъ.... „Дай Богъ, чтобы и

(1) В. А. Бильбасовъ въ своей спеціальной монографіи замѣчаетъ по этому поводу: «зная стихійныя страсти и животныя побужденія папской партіи, мы хотя и не придали бы разсказу Матвѣя Парижскаго исторической достовѣрности, тѣмъ не менѣе должны были бы согласиться въ возможности подобной измѣны» (104). Авторъ проводитъ параллель съ извѣстнымъ разсказомъ о царѣ Пиррѣ и Фабриціи, хотя нельзя заподозрить заимствованія, и прибавляетъ: «мы и теперь смотримъ на это покушеніе только какъ на явленіе очень возможное».... Во всякомъ случаѣ нельзя вѣрить словамъ Фридриха II, будто самъ Григорій IX писалъ султану письмо, въ которомъ просилъ его не уступать Палестины императору. Это слишкомъ невѣроятно, хотя Фридрихъ увѣрялъ, что имѣетъ документы, свидѣтельствующіе о недоброжелательствѣ папы.

не возвращался“ воскликнулъ патріархъ, убѣдившись въ отъѣздѣ Фридриха.

Начало борьбы Фридриха II съ Римомъ.

По возвращеніи Фридриха въ Европу, Григорію IX стоило большаго труда выпутаться изъ бѣды, такъ какъ въ отсутствіе императора онъ слишкомъ ревностно занялся свѣтскими дѣлами. Навербовавъ солдатъ и изобразивъ на ихъ знаменахъ ключи святаго Петра, онъ послалъ ихъ въ южную Италію подъ предводительствомъ Іоанна Бріеннскаго и кардинала Колоны. Эти солдаты уже заняли было часть королевства, но Фридрихъ вернулся, прогналъ ихъ, благодаря мусульманскимъ наемникамъ и сталъ угрожать папскимъ владѣніямъ. Однако, не вступая въ нихъ, онъ пригласилъ къ себѣ германскихъ князей, прося примирить его съ папой. Въ Неаполь съѣхалось множество князей и епископовъ, которые начали переговоры, и Григорій долженъ былъ помириться.

Миръ въ Санъ-Джермано въ 1230 г.

Въ 1230 году былъ заключенъ миръ въ Санъ-Джермано (въ неаполитанскихъ предѣлахъ), по которому съ императора снималось отлученіе отъ Церкви, а онъ соглашался на всѣ требованія папы. Почтительно называя себя сыномъ Церкви и его святѣйшества, онъ говоритъ: „Отнынѣ мы перестаемъ вѣрить, что когда нибудь можетъ быть нарушена дружба отца и сына, напротивъ, мы убѣждены и потому объявляемъ всенародно, что двое насъ, какъ отецъ и сынъ, составляютъ одно существо (quod nos duo, velut pater et filius, unum sumus)“. Всѣ радовались и торжествовали на той и другой сторонѣ. „Снова солнце засвѣтилось надъ христіанскимъ міромъ“—восклицаютъ ликующіе лѣтописцы. Но это солнце скоро скрылось. Его почти не видалъ никто. Оказалось, что ни тотъ, ни другой изъ соперниковъ не считали примиреніе серьезнымъ и тотчасъ стали обманывать другъ друга. Императоръ, не смотря на видимое смиреніе, остался въ сношеніяхъ со всѣми врагами Григорія IX, особенно съ римскими мятежниками.

Папа сдѣлалъ противъ Фридриха два темныхъ поступка: онъ подстрекнулъ сына его противъ него и поднялъ ломбардскіе города. Фридрихъ смирилъ Генриха, подбитаго злонамѣренными совѣтчиками и испорченнаго обществомъ буйныхъ товарищей по охотѣ, странствующихъ скомороховъ и пѣвцовъ; онъ лишилъ его сана и велѣлъ отвести плѣн-

никомъ съ женою и дѣтьми въ южную Италію; тамъ въ одномъ замкѣ несчастный сынъ императора кончилъ свою жизнь. Наслѣдникомъ былъ провозглашенъ Конрадъ IV, послѣдній гогенштауфенъ. На него было безсильно вліяніе папы. Тогда клерикальная интрига проникла въ Ломбардію.

Война въ Ломбардіи и новое отлученіе въ 1239 г.

Когда императоръ задумалъ подчинить ломбардскіе города, сбросившіе въ сознаніи собственной силы и свободы нѣмецкую власть, то они возобновили свою прежнюю лигу и отказались признавать императора верховнымъ главою. Тогда возгорѣлась упорная война. Сначала въ союзѣ съ гибеллинами и при помощи своихъ надежныхъ сарациновъ и наемныхъ полчищъ, онъ нанесъ такое пораженіе соединенной арміи ломбардцевъ, что вскорѣ покорились всѣ города Ломбардіи, кромѣ Милана, Болоньи и немногихъ другихъ. Главный сановникъ ломбардской столицы былъ отправленъ на позорную казнь. Такъ какъ императоръ своею побѣдою пользовался слишкомъ безцеремонно и угрожалъ миланцамъ такою же расправою, какую произвелъ его дѣдъ,—когда онъ, не принявъ предложеннаго Григоріемъ IX третейскаго суда и посредничества, передалъ своему побочному сыну королевство Сардинію, на которое имѣли притязаніе папы, когда онъ сталъ угнетать Неаполь и Сицилію неслыханными поборами и военными налогами,—то престарѣлый папа возобновилъ въ 1239 г. церковное проклятіе, принялъ сторону ломбардцевъ и повсемѣстно старался возбуждать ненависть противъ императора, обвиняя его въ нечестіи и презрѣніи къ вѣрѣ. Это уже было не простое отлученіе отъ Церкви (excommunicatio) по правиламъ каноническимъ: это какое то озлобленіе,—апоѳеозъ святаго проклятья. Папа запрещаетъ всякое повиновеніе императору, отрѣшаетъ подданныхъ отъ ихъ клятвы, а его самого предаетъ сатанѣ на растерзаніе въ его предсмертный часъ: „Чудовище вышло изъ бездны моря. У него лапы медвѣдя, пасть льва, а туловище леопарда. Оно вѣчно святотатствуетъ именемъ Божіимъ; злобно оно оскорбляетъ и честную кровь Спасителя, и святыхъ обитающихъ въ предѣлахъ горнихъ. Прежде оно тайно строило свои козни противъ Церкви; теперь оно явно дерзаетъ поносить Искупителя рода человѣческаго“ (1). Собственно о самомъ крестовомъ походѣ, какъ нарочно, ни-

(1) Matthaeus Paris, a. 1239.

чего не упоминалось; только были слова: „за то, что дѣлу св. земли препятствуетъ (pro eo, quod per ipsum impeditus negotium Terrae sanctae)“. Обвиненія были или бездоказательны или незначительны; ихъ ничтожество бросалось въ глаза даже тѣмъ, которые по служебному долгу должны были привести буллу въ дѣйствіе. Когда священникъ парижской церкви S. Germain d'Auxerroix получилъ ее, то могъ только сказать своему приходу: „я отлучаю отъ Церкви одного изъ двухъ, именно того (alterutrum istorum), который несправедливо оскорбляетъ другаго и разрѣшаю того, который несправедливо страдаетъ“. Рѣзкія выраженія безтактной буллы сдѣлали изъ Фридриха какого-то страдальца; они вызвали къ нему всеобщее сочувствіе. Краснорѣчіе папское, обращенное ко всей Европѣ, не произвело должнаго дѣйствія и на владыкъ христіанскихъ. Напротивъ, даже такой христіаннѣйшій монархъ Франціи, какъ Луи IX Святой, рѣшился на открытое заступничество за Фридриха. Онъ положительно обвинялъ папу, какъ единственнаго виновника возобновленія вражды. Онъ рѣшительно не одобрилъ и не принялъ не только низложенія, но даже предлагаемаго отлученія Фридриха. Особенно досадовали французскіе бароны. „Мы убѣждены, во всеуслышаніе говорили они, что императоръ ревностно сражался во славу имени Господа нашего Іисуса Христа, геройски подвергаясь опасностямъ и на морѣ и на сушѣ. Подобной ревности мы однако не замѣчаемъ въ его святѣйшествѣ. Вмѣсто того, чтобы содѣйствовать императору, вмѣсто того, чтобы осѣнить его именемъ Божіимъ, — папа старается вредить ему всегда и вездѣ, папа безчестно рѣшается сгубить его“ (1).

Съ своей стороны императоръ постарался на дѣлѣ доказать Григорію свою ненависть къ свѣтской власти римскаго престола, и даже, къ ужасу вѣрующихъ, свой индифферентизмъ въ вопросахъ религіи. Правда онъ первое время сказалъ: „пусть Богъ разсудитъ насъ съ папою“,—однако не преминулъ допустить и свое собственное вмѣшательство въ спорное дѣло. Въ эту минуту ясно обнаружился его деспотизмъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ ясно высказалась та идея, для осуществленія кото-

(1) .... «Tantum religionis in Papa non invenimus: immo qui eum debuit promovisse et Deo militantem protexisse, eum conatus est absentem confundere et nequiter supplantare» (Matt. Par. a. 1239).

рой онъ рѣшался на все, даже, если угодно, рѣшался публично назвать себя еретикомъ.

Походъ на Римъ въ 1241 г.

Фридрихъ отмстилъ святому проклятію очень чувствительно. Всѣхъ монаховъ, которые имѣли тайное сношеніе съ папою, онъ выгналъ изъ королевства обѣихъ Сицилій. Изъ богатыхъ монастырей онъ обобралъ золото, серебро, драгоцѣнные камни, обращая все это въ деньги для борьбы съ папою. Своихъ подданныхъ онъ наказывалъ за одно сочувствіе къ Риму. Церкви, каноники, прелаты обязаны были платить подати соразмѣрно съ своими доходами. Имѣніе отсутствующаго духовенства было конфисковано. Всѣ сношенія съ римскимъ дворомъ были строго запрещены; письма туда и оттуда велѣно было перехватывать, а виновныхъ наказывать смертью. Наконецъ войска Фридриха показались въ Церковной области. Успѣхъ сопутствовалъ императору. Пылали села, сдавались папскіе города и замки. Уже паническій страхъ охватилъ римлянъ. Григорій IX велѣлъ проповѣдывать крестъ противъ императора. Но эти крестоносцы оказались ничтожествомъ на дѣлѣ; они разбѣгались. Фридрихъ велѣлъ ловить ихъ, четвертовать, выжигая крестъ на лбахъ воиновъ Христа. Перепуганный Григорій потерялъ всякую надежду на земныя средства. Однако его твердость, его энергія не поддавалась и не ослабѣвала въ виду успѣховъ разгнѣваннаго императора. Между тѣмъ Фридрихъ долженъ былъ отвлечься другимъ дѣломъ. Монголы завоевали восточную Европу; императоръ поднималъ противъ нихъ христіанъ (іюль 1241 г.). Потому-то онъ видимо склонялся на миръ съ Римомъ; наконецъ, будучи побѣдителемъ, онъ предлагаетъ его,—папа отказывается. Фридрихъ II стремительно кидается къ вѣчному городу; уже онъ въ девяти миляхъ отъ Рима. Папской столицѣ, раздираемой въ тоже время междоусобіями, грозятъ всѣ ужасы непріятельской осады. Григорій не уступаетъ; ежедневно религіозными процессіями онъ обходитъ городъ; его громовые циркуляры зовутъ епископовъ и прелатовъ всѣхъ католическихъ государствъ на соборъ римскій. Но къ дряхлому старику, все еще сохранившему непреклонный духъ, никто не является.... Императоръ прекратилъ всѣ сообщенія съ городомъ; проѣзжихъ духовныхъ задерживали и приводили къ нему.... Его свирѣпые наемники подходятъ ближе и ближе (21 августа 1241 г.).

Ихъ ряды, къ ужасу христіанскаго міра, состояли изъ сарацинъ. Уже они подъ стѣнами Рима....

Не смотря на крайне преклонные годы, этотъ столѣтній старецъ чувствовалъ въ себѣ силы титана. Григорій IX умираетъ въ самый рѣшительный моментъ. Онъ ни въ чемъ не измѣнилъ себѣ, а свою ненависть унесъ съ собой въ могилу.... Глубокимъ сочувствіемъ отмѣтили его жизнь папскіе лѣтописцы. „Послѣ многихъ треволненій и преслѣдованій, говоритъ одинъ изъ нихъ, отошелъ ко Христу (migravit ad Christum) папа Григорій, торжественно погребенный въ городѣ Римѣ духовенствомъ и народомъ. Болѣе четырнадцати лѣтъ управлялъ онъ Церковью въ то самое время, когда Фридрихъ тиранствовалъ въ имперіи" (¹). Фанатическій послѣдователь Иннокентія III, непреклонный боецъ за свою идею, этотъ энергичный и гордый владыка видѣлъ какъ Фридрихъ совершенно пересталъ стѣсняться въ выборѣ средствъ, выступая на роковую борьбу съ теократіей. Умирая, онъ не могъ не волноваться за судьбу папства.

Междупапствіе.

Его опасенія, казалось, оправдывались при обстоятельствахъ самыхъ плачевныхъ. Наслѣдовавшій Григорію IX, Целестинъ IV правилъ только 18 дней, съ конца октября до 19 ноября 1241 г. Онъ умеръ внезапно, отъ старческой слабости, а въ Римѣ говорили что старика отравили (²). Кардиналы были въ смущеніи. Суровый, озлобленный врагъ стоялъ у стѣнъ Рима; всякіе выборы теперь были бы произведены подъ его вліяніемъ и давленіемъ. Тогда всѣ усилія Григорія VII, Иннокентія III и Григорія IX, всѣ завоеванія ими сдѣланныя, пропали бы для куріи. Теократія становилась преданіемъ.... Что было дѣлать кардиналамъ-избирателямъ при такихъ обстоятельствахъ? Дисциплина, въ которой цѣлыми вѣками была воспитана римская курія, подсказала ей рѣшеніе. Предпочли—не выбирать никого въ папы. И вотъ ровно полтора года Римская Церковь (съ ноября 1241 г. до іюля 1243 г.) не имѣла главы. Наконецъ, въ концѣ іюня 1243 г., въ Ананьи, недалеко отъ Рима, конклавъ выбралъ кардинала Синибальдо Фіеско, генуезца родомъ.

(¹) Raynaldus. Ann. eccl. a. 1241.

(²) «Utinam non, ut dicitur, potionatus». Matt. Par. a. 1241.

Иннокентій IV (1243-1254 г.).

Онъ принадлежалъ ранѣе къ партіи гибеллиновъ, что было хорошимъ знакомъ для Фридриха. Иннокентій воспитывался у графа Фіеско — своего дяди, въ молодыхъ лѣтахъ сдѣлался каноникомъ, и въ Болоньи занимался изученіемъ каноническаго права. Григорій IX далъ ему кардинальское достоинство. Онъ считался другомъ Фридриха II, но если даже наставникъ императора, сдѣлавшись папой, измѣнилъ ему, то тѣмъ менѣе могъ разсчитывать Фридрихъ на любезность Иннокентія IV. Съ вступленіемъ на папскій престолъ онъ проявилъ ту же твердость духа. Впрочемъ, въ началѣ 1244 г., папа умѣлъ заключить съ Фридрихомъ II мирный договоръ, условія котораго были скрѣплены въ мартѣ 1244 года. Но императоръ немедленно нарушилъ соглашеніе. Иннокентій IV потребовалъ, чтобы императоръ или оправдался, или доказалъ чѣмъ либо свою покорность. Фридрихъ отвѣчалъ на это новымъ вторженіемъ въ Италію. Иннокентій IV бѣжалъ въ Геную, чуть было не попался въ плѣнъ, затѣмъ удалился изъ Италіи и укрѣпился въ Ліонѣ. Вообще, когда Фридрихъ встрѣтилъ въ новомъ папѣ врага столь же непримиримаго, то потерялъ всякую надежду. Потому онъ рѣшился или погибнуть или одолѣть во что бы то ни стало.

Ліонскій соборъ 1245 г.

Когда Иннокентій IV скрылся въ Ліонѣ, императоръ понялъ, что наступила рѣшительная минута. Ліонъ былъ независимъ отъ Фридриха; тамъ онъ только могъ явиться въ качествѣ подсудимаго, но никакъ не судьи. Ліонъ не зависѣлъ также и отъ французскаго короля, а зналъ только своего архіепископа. Тутъ папа созвалъ соборъ. На засѣданіяхъ собора была разсмотрѣна семейная жизнь Фридриха, его частныя дѣла, даже его помыслы. Непреклонная курія приготовила ему страшный ударъ. Въ одномъ изъ засѣданій, разсказываетъ Матвѣй Парижскій, папа появился въ парадномъ облаченіи; всѣ прелаты были также въ ризахъ. Иннокентій IV служилъ мессу, по окончаніи которой сталъ говорить проповѣдь. Его голосъ прерывался всхлипываньемъ и вздохами. Въ рѣчи своей онъ говорилъ о своихъ печаляхъ. Первою печалью его были безчеловѣчные татары, вторая причинена ему расколомъ Греческой Церкви и ея отпаденіемъ, третья — успѣхомъ новыхъ ересей, которыя запятнали многія годударства, четвертая—порабощеніемъ Святой Земли, гдѣ господствуютъ гнусные иновѣрцы и, наконецъ, пятая причинена владыкою

міра, императоромъ, который сталъ внутреннимъ врагомъ Церкви и гонителемъ намѣстника Христова. Долго святой отецъ стоялъ на послѣднемъ пунктѣ. Ручьи слезъ текли изъ его глазъ. Между многими жалобами папа указываетъ на то, что императоръ воздвигъ большой городъ и населилъ его сарацинами, что онъ публично подражаетъ обрядамъ сарацинъ, пренебрегая своими, что заключилъ союзъ съ султаномъ,—этимъ папа намекаетъ на тѣ обстоятельства, при которыхъ Фридрихъ получилъ отъ Камеля весьма выгодныя условія міра. Папа не призналъ этого договора, который назвалъ обманнымъ. За все это Фридрихъ низлагался, отлучался отъ Церкви, его подданные разрѣшались отъ клятвы, исполненіе его повелѣній объявлялось преступленіемъ и влекло за собою отлученіе.—„Я сдѣлалъ“, говорилъ папа въ послѣднемъ засѣданіи, то, что долженъ былъ сдѣлать; да исполнитъ Господь въ этомъ дѣлѣ то, что угодно ему“. Эдиктъ низложенія явился въ 1245 году. Онъ имѣлъ рѣшительное дѣйствіе на Фридриха. Въ Германіи началось броженіе. Не разъ было говорено о послѣдствіяхъ папскихъ интердиктовъ и о томъ ужасномъ состояніи страны, въ которое они повергали страну. Но помимо того важно было самое измѣненіе общественныхъ и политическихъ отношеній. Всякій феодалъ могъ безнаказанно не исполнять императорскихъ повелѣній. Каждый разбойникъ могъ свободно, даже съ благословенія Церкви, поднять на него оружіе. Особенно это было примѣнимо къ Германіи, гдѣ и безъ того императоръ не игралъ видной роли среди независимыхъ князей. Вотъ почему интердиктъ долженъ былъ тяжело отозваться на Фридрихѣ.

Начало борьбы съ теократіей и вопросъ о свѣтской Церкви.

Ему приходилось, конечно, защищаться всякими способами. Онъ разорвалъ тогда всякія узы съ Римомъ, съ папами, съ тѣмъ оффиціальнымъ католицизмомъ, который хотѣлъ задушить его и смести съ лица земли. Очень можетъ быть, что онъ тогда рѣшился бы пропагандировать идею преобразованія Церкви, но во всякомъ случаѣ, если такія попытки были, то онѣ не представляли чего либо серьезнаго, организованнаго.

Въ своихъ дѣйствіяхъ Фридрихъ II представляется непреклоннымъ врагомъ не только теократіи, но вообще папства въ принципѣ. Какъ человѣкъ энергичнаго почина и неустанной дѣятельности, Фридрихъ способенъ былъ возбуждать симпатіи и антипатіи. Нельзя отнять отъ него великаго ума, но не-

сомнѣнно, что совѣсть его была испорчена; въ немъ итальянскій духъ сливался съ восточными нравами. Въ немъ было много коварства, хитрости, даже изобрѣтательной жестокости. Нельзя не согласиться съ выраженіемъ Бреголля, что Фридрихъ II знаменуетъ собой наступленіе смутной эпохи скептицизма. Время не было достаточно подготовлено для дѣятельности Фридриха II. Какъ сынъ Генриха VI, онъ былъ болѣе привязанъ къ итальянской почвѣ. На папу онъ смотрѣлъ, какъ на свѣтскаго государя. Въ его стремленіяхъ заключались не только цѣли религіозныя, но также и политическія. Онъ стремился къ всемірному господству, думалъ объ объединеніи восточнаго и западнаго міра, при чемъ предоставлялъ себѣ первую роль. Онъ ратовалъ за перевѣсъ свѣтской власти, но идеаломъ его было объединеніе Италіи. Это заставляло его бороться съ папой, но изъ этого не выходило еще, чтобы онъ думалъ поставить себя на мѣсто папы и основать свѣтскую Церковь ([1]). Такое предположеніе могло воз-

([1]) Этотъ вопросъ былъ возбужденъ французскимъ изслѣдователемъ той эпохи (Huillard-Bréholles). Онъ былъ намѣченъ въ его предисловіи къ Historia diplomatica Friderici Secundi и развитъ въ спеціальной монографіи о Петрѣ Винейскомъ (Vie et correspondance de Pierre de la Vigne). Бреголль полагаетъ, что Фридрихъ II стремился основать новую Церковь, провозгласить себя намѣстникомъ Христа, а Петра Винейскаго хотѣлъ сдѣлать своимъ викаріемъ. Конечно такое оригинальное мнѣніе встрѣтило возраженія, высказанныя Вайцомъ и итальянскимъ историкомъ de Blasiis, который считаетъ эту мысль фантастическою (piu ingegnosa, che vera). Спеціальный біографъ императора также отвергаетъ это мнѣніе. Бреголль впалъ въ ошибку потому, что принялъ напыщенный тонъ современныхъ актовъ за буквальный, тогда какъ это есть ничто иное какъ библейское выраженіе, фразы, сказанныя сгоряча, подъ вліяніемъ извѣстныхъ обстоятельствъ. Спрашивается, на чемъ основано доказательство автора? «Приводится нѣсколько необдуманныхъ фразъ, которыя рекомендуютъ только свободное направленіе ума, цитуются высокопарныя выраженія о достоинствахъ римскаго императора, имѣющаго права и божескія и человѣческія; затѣмъ тщательно собраны ложныя толкованія, нелѣпые доносы и обвиненія со стороны Римской Церкви, и изъ всего этого составлено доказательство новой религіи Фридриха». При такомъ способѣ доказательствъ можно мечтать и фантазировать даже и по хорошимъ источникамъ и сооружать всевозможныя предположенія на основаніи актовъ, съ которыми не умѣютъ обращаться. Напротивъ, въ письмахъ и государственныхъ актахъ Фридрихъ II вѣрнѣйшій сынъ католической Церкви. Съ его устъ не сходятъ слова глубочайшаго почтенія къ Церкви, что отразилось и въ хроникахъ.— Объ этомъ вопросѣ см. въ книгѣ г. Бильбасова.

пикнуть только изъ наивнаго довѣрія, которое принимаетъ букву за дѣйствительность. Въ XIII столѣтіи существовало двѣ теоріи папской императорской власти: первая была выражена въ Швабскомъ Зерцалѣ, вторая въ Саксонскомъ. По первой свѣтская власть является ленникомъ папства; императоръ подчиненъ папѣ, какъ своему сюзерену. Вторая провозглашаетъ самостоятельность властей духовной и свѣтской, папы и императора. Эта вторая, императорская теорія возникла послѣ папской, подъ вліяніемъ наступательной политики гогенштауфеновъ. Еще при жизни Фридриха I былъ поводъ, который далъ ложное основаніе для мнѣнія, что Барбаросса мечталъ объ особомъ нѣмецкомъ папствѣ, но всѣ доказательства по этому дѣлу были признаны подложными (1). Но за Фридриха II нѣтъ даже подлинныхъ документовъ. Такое крайне голословное убѣжденіе можетъ составиться только при чтеніи какихъ нибудь панегириковъ или памфлетистовъ. Такъ Бреголль вѣритъ Альберту Бегаму, бывшему пассаусскому архидіакону, впослѣдствіи легату Григорія IX. Понятна та искренняя ненависть, которую Альбертъ питаетъ къ Фридриху. Онъ клеймитъ его разными наименованіями и обвиняетъ его въ стремленіи взобраться на небо Церкви, сдѣлаться не только равнымъ, но даже высшимъ, чѣмъ намѣстникъ Христа, въ намѣреніи самому стать папою съ воинственнымъ мечемъ. Подобныя фразы есть не болѣе какъ фигуральныя выраженія, которыя были приняты за чистую монету приверженцами теоріи, приписавшей Фридриху стремленіе основать новую Церковь. Фридрихъ подозрѣвалъ папу въ намѣреніи отравить его, потому что онъ хотѣлъ реформировать Церковь, исправивъ нравы духовенства. Это обстоятельство опять даетъ поводъ Бреголлю подтверждать свою теорію. Конечно все это ничего не доказываетъ. Для своихъ цѣлей Бреголль сшиваетъ отдѣльные отрывки и выводитъ свое заключеніе изъ того, что Фридрихъ II презрительно третировалъ Церковь, захватывалъ церковныя

(1) Упоминается объ этомъ только въ словахъ біографа Барбароссы, жившаго въ XIII вѣкѣ и котораго поддерживалъ въ послѣднее время только одинъ нѣмецкій историкъ Фикеръ въ монографіи (Reinhold von Dessau, 1850). Мнѣніе это несправедливо и имѣетъ весьма мало послѣдователей. Яффе доказалъ, что плана отдѣльной нѣмецкой Церкви не могло существовать; духовные князья не могли допустить этого. Германія находилась въ оппозиціи къ папѣ; та же оппозиція составилась бы и противъ втораго папы.

имущества, стремился вооружать других государей против Рима. Не объясняется ли все это гораздо проще, как слѣдствіе увлеченій самого Фридриха? Онъ старается оградить свои верховныя права, говоритъ Бреголль, и это какъ разъ тогда, когда, послѣ Ліонскаго собора, Фридрихъ,—совершенно забитый, уже не могъ думать объ успѣхахъ дальнѣйшей борьбы.

Однимъ изъ поводовъ приписывать Фридриху II стремленіе къ новой Церкви служатъ его отношенія къ восточному исповѣданію. Фридрихъ не скрывалъ симпатіи къ грекамъ. Въ одномъ мѣстѣ онъ пишетъ, что греки лучшіе христіане и удивляется, какъ осмѣливается папа называть ихъ еретиками; онъ жалуется на то, какъ можетъ папа, виновникъ раздѣленія Церквей, возводить обвиненія на невинныхъ. „О, счастливая Азія! о, счастливыя власти Востока!“ восклицаетъ онъ, „онѣ не боятся папскихъ козней“. Выводить отсюда какія либо рѣшительныя заключенія было бы слишкомъ смѣло. Надо помнить, что все это говорилось Фридрихомъ во время страстной борьбы обѣихъ сторонъ, когда выраженій не разбираютъ. Перенести на Западъ византійскій идеалъ отношенія властей было невозможно. Перевѣсъ свѣтской власти надъ духовной тамъ сложился долгимъ историческимъ процессомъ и при особыхъ условіяхъ.

Анти-императоры въ Германіи.

Между тѣмъ одними словами да намѣреніями въ отдаленномъ будущемъ нельзя было бороться съ Римомъ отлученному и свергнутому императору. Отлученіе и отрѣшеніе Фридриха II отъ императорскаго престола должно было отразиться страшнымъ ударомъ на будущей судьбѣ его. Это было самое чувствительное и самое дѣйствительное наказаніе, которое могъ нанести папа. Въ эту минуту казалось погибли бодрость и отвага Фридриха II. Онъ усталъ; его физическія силы утомились въ долгой борьбѣ. Вездѣ его преслѣдовала мрачная гроза святаго проклятія. Онъ сознавался въ глазахъ своихъ друзей, что его имперія не его королевство, а онъ самъ въ немъ не имѣетъ никакого значенія. Должно замѣтить, что въ первое время Фридрихъ продолжалъ разсчитывать, что народъ поддержитъ его въ борьбѣ съ папой. Онъ думалъ, что эпоха уже достаточно отрѣшилась отъ одностороннихъ клерикальныхъ интересовъ. Но теперь онъ могъ убѣдиться, что слишкомъ рано приступилъ къ неравной борьбѣ и что большинство современниковъ не понимало его. Тутъ-то и высказывается весь драматическій интересъ борьбы. Престолъ его

подвергнулся самой рѣшительной опасности. Въ первой половинѣ XIII столѣтія Германія и безъ того отличалась отсутствіемъ серьезной монархической власти. Эта страна никогда не была благоустроеннымъ государствомъ, а теперь тѣмъ менѣе. Она всегда была разрознена и представляла множество отдѣльныхъ частей, часто враждовавшихъ между собою. Прелаты, князья и города дѣйствуютъ сообразно съ своими личными интересами. Если въ Италіи можно было разсчитывать, что императора укроютъ въ томъ или другомъ городѣ, то въ Германіи нельзя было ожидать ничего подобнаго. Здѣсь чуть не главное мѣсто занимали лица духовныя. Агитація этихъ духовныхъ лицъ привела къ тому, что Фридриху II былъ выставленъ анти-императоръ. Въ первое время императорская идея стояла слишкомъ высоко, такъ что анти-императоры не имѣли никакого значенія. Князья не рѣшались на открытую вражду противъ законнаго императора, они видимо стѣснялись чего-то, но въ послѣдствіи одинъ за другимъ являются претенденты. Князья предлагаютъ императорскую корону то королю чешскому, то герцогу австрійскому, то маркграфу бранденбургскому. Обращались даже къ владѣтелямъ Саксоніи, Баваріи, Мейсена, Брауншвейга, Брабанта. Но эти попытки при дворахъ восьми государей не удались. Тогда папа велѣлъ обратиться къ регенту тюрингенскаго ландграфства Генриху Распе, происходившему изъ дома Людвига Бородатаго.

Генрихъ Распе (1246—47 г.).

Это былъ повелитель сравнительно небольшой территоріи и то не настоящій владѣтель, а лишь регентъ; онъ поэтому нисколько не былъ опасенъ для князей, но, будучи выдвинутъ куріей, становился опаснымъ соперникомъ Фридриху II ([1]). Это былъ человѣкъ предпріимчивый, находившійся пока въ плохихъ обстоятельствахъ. Какъ аферистъ, взялся онъ за это дѣло. У него достало таланта только на то, чтобы разбить подъ Франкфуртомъ Конрада, сына императора. Но онъ и года не считался римскимъ императоромъ, удовольствовавшись прозваніемъ „поповскаго короля". Онъ вершилъ дѣла только въ тѣхъ городахъ, гдѣ стояли его солдаты. Этого „поповскаго короля" вездѣ сопровождалъ папскій легатъ. Ему не удалось короноваться въ Ахенѣ вѣнцомъ Карла Великаго. Онъ умеръ отъ простуды въ 1247 году 17 февраля во время швабскаго

([1]) В. А. Бильбасовъ. Поповскій король Генрихъ IV Распе (Кіевъ, 1867).

похода. Императорскія хроники считали его безсильнымъ, слабымъ, но тѣмъ не менѣе онъ надѣлалъ много хлопотъ Фридриху II. Личность Генриха Распе имѣетъ только смыслъ какъ симптомъ паденія династіи гогенштауфеновъ и какъ орудіе могущественнаго духовенства, выдвинутое съ нѣкоторымъ успѣхомъ. Духовенство его избрало, оно же дало ему воиновъ и денегъ, но все это не ради его самого.

Междоусобія продолжались и послѣ смерти Генриха, въ особенности въ Эльзасѣ. Сынъ Фридриха, Конрадъ все время долженъ былъ усмирять волненія, начиная съ 1241 года. Это было первое междуцарствіе. Въ рейнскихъ земляхъ и въ Швабіи духовные проявили энергичную пропаганду. Въ Стадентскихъ анналахъ читаемъ по этому поводу слѣдующее: „Въ Церкви Божіей стали собираться еретики, которые звономъ колоколовъ собираютъ народъ и открыто проповѣдуютъ ему, что папа еретикъ, епископы и прелаты тоже еретики, что священники подвержены порокамъ и потому не могутъ вязать и разрѣшать, а только морочатъ людей. Еретики приглашаютъ молиться за императора Фридриха и за сына его Конрада, такъ какъ оба они храбры и доблестны“. Во многихъ мѣстахъ не признавали императорскую власть, и акты начинаются заголовкомъ: „Dei gratia“, а кончаются: „regnante Domino Iesu Christo“. Фридрихъ готовъ былъ войти въ сдѣлку съ папой въ настоящее время, но уже было поздно. Междоусобія.

Все было противъ императора. Онъ видѣлъ, какъ мало-по-малу уменьшалось число его сторонниковъ, какъ несчастія стали обрушиваться на него со всѣхъ сторонъ. Правда, онъ еще не былъ побѣжденъ, но положеніе его было незавидное. Надо было имѣть все величіе его духа, какъ говоритъ хроника (1), чтобы пораженному папскимъ проклятіемъ, съ глазу на глазъ передъ своимъ народомъ, геройски стоять за свое дѣло, чтобы продолжать отбиваться чуть не ежедневно. Съ твердостью стоика говоритъ онъ въ эту тяжелую минуту своей жизни: „Только для погибели моей папа созвалъ этотъ Ліонскій соборъ. Онъ лишилъ меня моей короны. Но нѣтъ! быть не можетъ! корона моя не потеряна! Ни папская злоба, ни соборное опредѣленіе,—ни что не въ состояніи отнять ее

(1) Superatus a divina potentia, quem gentes humanae non poterant superare.... Omnibus fuerat insuperabilis, solius mortis legi succubuit.

у меня. Только кровь и рѣзня могутъ вырвать ее изъ моихъ рукъ“.

Иннокентій IV рѣшился направить противъ Фридриха всѣ силы христіанскаго міра. Онъ проповѣдуетъ по Европѣ крестовый походъ уже не противъ мусульманъ, а противъ императора. Папа рѣшился уничтожить врага что называется въ конецъ. Онъ сыплетъ сотни индульгенцій тѣмъ, кто подыметъ оружіе противъ императора. „Кто пойдетъ на Фридриха, тому простится всякое преступленіе, простится даже то, что до сихъ поръ еще никому не прощалось“. Прощеніе объявлялось не только самимъ крестоносцамъ, но и ихъ матерямъ и отцамъ. Послѣ всего этого должно было рушиться и довѣріе къ папѣ. Страшными наказаніями грозилъ папа ослушникамъ: — „да ниспадутъ всѣ ужасы ада на тѣхъ, которые сохранятъ хотя малую привязанность къ королю“. Такіе города теряютъ свои привилегіи, бароны лишаются своихъ леновъ, духовные своихъ земель. Дальнѣйшія событія какъ бы отплатили папѣ за такую узурпацію. Фридрихъ пытался искать мира, но напрасно. Папа желалъ его смерти, ему нуженъ былъ его трупъ. Ходатайство Луи IX, благочестиваго короля французскаго, тоже ни къ чему не привело. Напрасно изъ Іерусалима молили папу прекратить раздоры въ христіанскомъ мірѣ и освободить изъ рукъ невѣрныхъ святой городъ. Патріархъ іерусалимскій писалъ, что Гробъ Господень опозоренъ, что послѣдователи Христа или въ бѣгствѣ, или въ кандалахъ. Иннокентій IV не обращаетъ на это вниманія. Его болѣе занималъ крестовый походъ противъ безбожнаго императора. Онъ прибѣгалъ и къ другимъ мѣрамъ. Есть подозрѣніе, что папа не остановился даже на этотъ разъ передъ отравой.

Смерть Петра Винейскаго.

Бенедиктинецъ Матвѣй Парижскій разсказываетъ, что орудіемъ Иннокентія IV на этотъ разъ сдѣлался любимецъ и другъ Фридриха, его министръ Петръ Винейскій, на которомъ Фридрихъ, какъ на камнѣ, хотѣлъ соорудить свою свѣтскую Церковь [1]. Но есть серьезныя основанія отвергнуть это преданіе и признать, что Петръ погибъ тремя годами ранѣе, вслѣдствіе интригъ. Во всякомъ случаѣ вопросъ этотъ требуетъ

[1] Кромѣ Матвѣя Парижскаго объ этомъ говоритъ и самъ Фридрихъ въ письмахъ, помѣщенныхъ въ изданіи Huillard-Bréholles (Historia diplomatica; VI, 709).

вниманія. Петра рекомендовалъ Фридриху архіепископъ палермскій, какъ опытнаго юриста. Онъ былъ неизвѣстнаго происхожденія, ребенкомъ собиралъ на улицахъ Капуи подаяніе, вышелъ, вѣроятно, изъ простаго народа, и уже по тому одному былъ по сердцу Фридриху. Скоро по окончаніи занятій въ Болонскомъ университетѣ, Петръ обратилъ на себя вниманіе императора; онъ сдѣлался нотаріемъ, судьей, намѣстникомъ Апуліи, потомъ протонотаріемъ, что соотвѣтствовало обязанностямъ канцлера. Онъ побуждалъ Фридриха къ реформаторскимъ предпріятіямъ, давалъ указанія относительно тѣхъ преобразованій, о которыхъ мы говорили выше. Онъ сталъ заклятымъ врагомъ Рима, а потому невѣроятно чтобы онъ вошелъ въ переписку съ папой и подкупилъ того врача, который взялся отравить императора. Теперь доказано, что Петръ умеръ ранѣе 1249 года, къ которому пріурочена попытка папы погубить Фридриха II, что онъ пострадалъ въ 1246 году отъ подозрительности послѣдняго, который не могъ простить канцлеру его бездѣятельности на Ліонскомъ соборѣ. Фридрихъ, не разобравъ дѣло, допустилъ себя обойти клеветникамъ и велѣлъ пытать Петра, затѣмъ, ослѣпивъ его, возилъ за собою во время странствія по городамъ. Всѣ документальныя свѣдѣнія о дальнѣйшей судьбѣ Петра Винейскаго сходятся въ томъ, что онъ, ослѣпленный, самъ окончилъ свою жизнь въ 1246 году. По первому свѣдѣнію, Фридрихъ велѣлъ выдать его пизанцамъ. Посаженный ими въ тюрьму, онъ раскроилъ себѣ черепъ о стѣну, къ которой былъ прикованъ. По второму извѣстію, взятому изъ одной флорентійской рукописи, онъ былъ посаженъ на мула и отправленъ въ городъ Пизу [1]. Ослѣпленный, онъ просилъ провести себя въ церковь и спросилъ сторожа, нѣтъ ли чего между имъ и стѣной и тогда ударился о стѣну. По третьему сказанію [2] онъ бросился со стѣны и загородилъ трупомъ дорогу Фридриху, который въ это время проходилъ по улицѣ. Данте, имѣвшій одинъ способность бесѣдовать съ мертвыми, объяснилъ вдохновеніемъ то, что не освѣщено въ историческихъ памятникахъ. Въ XIII пѣсни Ада

(1) Приведено у Raumer. Gesch. von Hohenstaufen; IX, 95. Въ сущности тоже разсказываетъ Матвѣй Парижскій, относя невѣрно событіе къ 1249 году.

(2) Пизанскій манускриптъ въ монографіи Huillard-Bréholles. Pierre de la Vigne, 88.

поэтъ встрѣтился съ этимъ сподвижникомъ Фридриха II въ загробныхъ мѣстахъ преисподней. Онъ увидѣлъ, что мнимый измѣнникъ наказанъ лишь за самоубійство, что онъ, обращенный въ колючее дерево, стонетъ, обливаясь черной кровью. Когда рука поэта пробовала отломить одну изъ вѣтвей таинственнаго кустарника, то Петръ сказалъ:

— „Я держалъ оба ключа отъ сердца Фридриха: отпиралъ и запиралъ его. Я потерялъ сонъ и силы, исполняя свои великія обязанности. Но прелестница (la meretrice), никогда не отвращающая очей своихъ отъ царственныхъ палатъ кесаря, эта общая язва и зло дворцовъ (т. е. зависть), зажгла всѣ умы противъ меня и отъ ихъ пламени воспламенился Августъ до того, что радостныя почести обратились въ печальный трауръ. Клянусь новыми казнями этого дерева, что я никогда не преступалъ обѣта вѣрности моему достойному всякаго почтенія государю.

«Клянусь теперь я смѣло,
«Что я ему ни въ чемъ не измѣнялъ
«И вѣрность сохранилъ къ нему всецѣло.
«Я Кесаря до смерти обожалъ
«Онъ стоитъ и любви и уваженья....
«Пусть тотъ изъ васъ, кому я жалокъ сталъ
«Пусть тотъ изъ васъ, кого ждетъ возвращенье
«Въ живущій міръ, тамъ честь мою спасетъ
«И возстановитъ истинное мнѣнье
«О грѣшникѣ, котораго гнететъ
«И клевета, и ненависть людская».

— Я не могъ говорить съ нимъ больше, заключаетъ Данте, „такая жалость овладѣла мною (tanta pietà m' acorra)" (¹).—Такимъ образомъ Данте, современнику первыхъ годовъ XIV столѣтія, когда страсти уже достаточно улеглись, удалось лучше, чѣмъ кому либо изъ лѣтописцевъ, понять личность главнѣйшаго сподвижника Фридриха II и выяснить, что Петръ погибъ совершенно безвинно.

Кончина Фридриха II.

Грустно прошли послѣдніе годы Фридриха послѣ смерти Петра Винейскаго. Ни въ чемъ не видѣлъ онъ утѣшенія, а несчастія сыпались на него одно за другимъ. Онъ умеръ въ одеждѣ цистерціанцевъ, на рукахъ своего любимѣйшаго сына

(¹) Div. Com. L'inferno. XIII, 82—122. Пер. Минаева. Адъ, 87—89.

Манфреда, такого же энтузіаста, какимъ нѣкогда былъ онъ самъ. Императоръ исповѣдывался и причастился изъ рукъ архіепископа Палермскаго, который его немедленно разрѣшилъ отъ отлученія, наложеннаго на него папою Иннокентіемъ IV. Смерть его была мучительна. По извѣстіямъ, передаваемымъ Матвѣемъ Парижскимъ, умирающій испускалъ страшные стоны и вопли и едва не проклиналъ день своего рожденія. Иногда стоны его утихали на нѣсколько минутъ; онъ сожалѣлъ, что взялъ на себя управленіе такими обширными странами, говорилъ, что испыталъ сильныя огорченія только за то, что желалъ возстановить и поддержать права имперіи. Накапунѣ его смерти ему сдѣлалось лучше. Онъ говорилъ, что хочетъ встать на другой день съ постели, но ночью ему сдѣлалось хуже, припадки обострились и утромъ 13 декабря 1250 года знаменитаго человѣка не стало. По завѣщанію императоръ роздалъ всѣмъ своимъ сыновьямъ, друзьямъ и приближеннымъ большія суммы денегъ, а своему любимцу Манфреду кромѣ того подарилъ Тарентъ и нѣкоторыя другія земли. Этотъ еретикъ и богохульникъ завѣщалъ своимъ дѣтямъ безусловную покорность св. Римской Церкви. Таковъ былъ финалъ великой борьбы. Еще разъ была принесена жертва ради преобладанія теократіи, но эта жертва была послѣднею.

Между тѣмъ вражда Рима достигала крайняго предѣла. Римъ не могъ простить даже умершаго Фридриха. Вотъ какъ ликовалъ верховный католическій первосвященникъ надъ холоднымъ трупомъ Фридриха:—„Какъ небеса не возрадуются, какъ земля не возвеселится; молніи и бури, такъ долго шумѣвшія надъ нами, наконецъ исчезли, благодаря милосердію Господа. Погибъ тотъ, который постоянно терзалъ Церковь“. Папы не хотѣли даже признать факта; они не хотѣли повѣрить, что ихъ врагъ умеръ естественною смертью. Вотъ что между прочимъ находимъ въ одной спеціальной папской хроникѣ (1). Фридрихъ-де былъ разбитъ войсками папскими на

(1) Amalricus Auguerius. Vita Innocentii IV (Muratori; t. III, pars II, p. 402, 403). Онъ же придумалъ другую клевету на Фридриха II, обвиняя императора въ умерщвленіи сына Генриха.... «У него былъ (ibid.) еще другой законный сынъ, котораго онъ самъ провозгласилъ королемъ германскимъ (Regem Alamanniae) и который послѣ возсталъ противъ отца своего. Фридрихъ приказалъ схватить его и заключить въ одну изъ самыхъ крѣпкихъ темницъ, гдѣ онъ послѣ былъ задушенъ (in quibus postea fuit soffocatus)».

голову“. Онъ лишился всего имущества; его оставили всѣ приближенные. Пораженный, онъ удалился въ Апулію и тамъ, снѣдаемый печалью, грустилъ безутѣшно. Манфредъ, его непризнанный сынъ, страстно желалъ овладѣть его престоломъ. Онъ тѣмъ болѣе могъ надѣяться на престолъ, что законный преемникъ Фридриха былъ еще малолѣтенъ. Этотъ-то Манфредъ, условившись съ секретаремъ Фридриха, задушилъ подушками своего отца, который недвижимо лежалъ на постели и былъ такъ слабъ, что не могъ оказать сопротивленія. Такимъ образомъ въ 1250 году, безъ св. причастія, проклятый, задушенный, погибъ схизматикъ.... Но иные, прибавляетъ хроникеръ, говорятъ, что передъ смертью онъ созналъ свою вину передъ Церковью и раскаялся во всемъ, въ чемъ только погрѣшилъ противъ нея. Раскаявшись, онъ приказывалъ не хоронить себя послѣ смерти съ приличными императору почестями“.—Такова папская фабула.

Народъ нѣмецкій долго помнилъ Фридриха. Особенно популярно было его имя въ Римѣ. Тамъ въ 1283 году сожгли самозванца, выдававшаго себя за какого-то императора. Явился другой, который былъ схваченъ, закованъ, но бѣжалъ, потомъ опять выдавалъ себя за Фридриха, былъ снова пойманъ и повѣшенъ. Таково было обаяніе гогенштауфена на современниковъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ нѣмецкій народъ соединялъ воспоминаніе о Фридрихѣ II съ надеждами на лучшее будущее.

Одинъ швейцарскій лѣтописецъ ([1]) въ 1328 году вотъ что записалъ по поводу слуховъ, ходившихъ спустя 78 лѣтъ послѣ смерти Фридриха: — „Онъ придетъ, нашъ спаситель, нашъ императоръ; если бы даже тѣло его было изрублено на 100 частей и превращено въ пепелъ, то онъ и тогда придетъ. Такъ постановлено въ Божьемъ совѣтѣ. Вдовамъ, сиротамъ и всѣмъ ограбленнымъ онъ отдастъ все имъ принадлежащее, всѣмъ окажетъ полную справедливость, бѣдныхъ дѣвушекъ отдастъ за богатыхъ, священниковъ же онъ будетъ преслѣдовать, будетъ преслѣдовать съ такой злобой, что они покроютъ свои подрясники грязью, чтобы ихъ только не узнали. Монаховъ же, особенно нищенствующихъ, которые распространяютъ папскія отлученія, онъ сотретъ съ лица земли. Затѣмъ, совершивши все это, онъ отправится за море на

([1]) S. Vitodurani, лѣтопись Витодуранскаго монастыря въ швейцарскомъ собраніи хроникъ—Füsslin. Thesaurus historiae Helvetiae I, 86.

Масличную гору и, въ виду Іерусалима, сложитъ свою императорскую корону". Впрочемъ лѣтописецъ смутился, справился у Іова и Соломона и нашелъ, что крайне глупо вѣрить, будто покойный императоръ, еретикъ, можетъ воскреснуть. Во всякомъ случаѣ это мѣсто важно, такъ какъ отражаетъ сужденіе народа чуть не сто лѣтъ спустя послѣ смерти Фридриха.

Дѣйствительно Фридрихъ II глубоко симпатиченъ своими несчастіями. Въ его историческомъ характерѣ былъ одинъ недостатокъ: въ немъ было слишкомъ мало любви къ современности. „Несчастіе Фридриха", говоритъ о немъ русскій историкъ, „состояло именно въ томъ, что онъ съ своимъ свѣтлымъ умомъ слишкомъ опередилъ свое время, и потому не находилъ въ немъ довольно сочувствія себѣ. И побѣды были не въ побѣды, когда противъ него было общее мнѣніе и національные интересы Италіи. Самыя крѣпкія силы должны были сокрушиться въ этой неравной борьбѣ мысли и духа одного человѣка противъ цѣлаго вѣка, и самая высокая доблесть оставалась безплодною. Мудрено-ли, что общее всѣмъ раздраженіе сообщилось и Фридриху? что онъ не разъ терялъ необходимое для великаго дѣла спокойствіе и выходилъ изъ предѣловъ благоразумной умѣренности? Враги искусно пользовались его ошибками, чтобы еще болѣе разжигать къ нему ненависть. Отчаявшись утомить самого Фридриха II, они старались по крайней мѣрѣ опутать его со всѣхъ сторонъ интригою и тѣмъ лишить его возможности дѣйствовать. Даже и онъ потерялъ бодрость и впалъ въ уныніе, когда измѣна проникла наконецъ въ его собственный лагерь и начала похищать у него, одного за другимъ, довѣреннѣйшихъ приверженцевъ, съ которыми онъ привыкъ дѣлить не только свои подвиги, но и самыя думы (¹)".

Явившись слишкомъ рано для борьбы съ теократіей, разойдясь съ современной эпохой, недостаточно поддержанный въ этой борьбѣ, онъ долженъ былъ пасть въ поединкѣ. Фридрихъ умеръ во враждѣ съ вѣкомъ, въ раздорѣ съ близкими къ нему людьми, не успѣвъ унести въ могилу надежды на приближеніе того лучшаго будущаго, котораго онъ такъ страстно домогался въ продолженіи своей бурной, кипучей дѣятельности.

(¹) Кудрявцевъ. Сочиненія; статья о Данте; I, 430.

VII.

ПРОТЕСТЪ ПРОТИВЪ ПАПСКОЙ ГЕГЕМОНІИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНѢ XIII ВѢКА.

1) Послѣдніе гогенштауфены.

Смерть Фридриха II гогенштауфена раздѣлила навсегда историческія судьбы Германіи и Италіи. Неаполитанское королевство, которое было чисто случайнымъ образомъ присоединено къ германской коронѣ священной Римской Имперіи, теперь отдѣлилось отъ нея. Только четыре года послѣ Фридриха II обѣ короны осѣняли одновременно главу императора и короля обѣихъ Сицилій. Затѣмъ обѣ короны раздѣлились навсегда. Въ этомъ папство одержало свою послѣднюю побѣду, пользуясь искусно борьбою политическихъ партій въ Италіи, враждой такъ называемыхъ гвельфовъ съ гибеллинами.

Гвельфы и Гибеллины въ южной Италіи.

Происхожденіе этой борьбы коренится въ спорахъ двухъ владѣтельныхъ домовъ въ Германіи за обладаніе престоломъ священной Римской Имперіи еще въ 1125 году. Когда въ 1138 г. императорская корона досталась дому Гогенштауфеновъ, то не менѣе если не болѣе сильный родъ Вельфовъ, господствовавшій въ Саксоніи и Баваріи, претендовавшій на германскій престолъ, какъ было сказано въ своемъ мѣстѣ (I, 525), сталъ съ оружіемъ въ рукахъ сопротивляться возвышенію ненавистныхъ гогенштауфеновъ. Извѣстна битва подъ Вейсбергомъ, въ которой Конрадъ III разбилъ Генриха Вельфа, при чемъ лозунгомъ обоихъ войскъ были клики Welf, Waiblingen (I, 425). Когда Барбаросса ввязался въ итальянскія дѣла и вступилъ въ несчастную для него борьбу съ коммунами Ломбардіи (I, 529—550), отдавшимися подъ

покровительство первосвященника, то все враждебное императорамъ освѣпялось именемъ Вельфа, хотя не становилось подъ его баварское знамя. Слово guelfo „гвельфъ“ стало своего рода лозунгомъ патріотовъ итальянскихъ, поборниковъ самостоятельности Италіи подъ покровительствомъ папы. Слово ghibellino, „гибеллинъ“, стало лозунгомъ сторонниковъ императоровъ Германіи. Это движеніе проявилось сперва съ сѣверной Италіи, а потомъ перешло и въ южную. Пока мы будемъ говорить о послѣднемъ.

Конрадъ IV (1250-1254 г.).

Послѣ Фридриха II, его сынъ, несимпатичный для итальянцевъ, Конрадъ I (IV какъ императоръ) занялъ его мѣсто на престолѣ обѣихъ Сицилій ([1]). Не совсѣмъ то желали его

([1]) Nicolaus de Jamsilla (Historia de rebus gestis Friderici II ejusque filiorum), представляя продолженіе хроники Риккардо Санъ-Джерманскаго, служитъ главнымъ источникомъ для эпохи послѣднихъ гогенштауфеновъ. Она написана не однимъ авторомъ, но двумя и помѣщена у Муратори (VIII, 489—616). Николай де Ямзилла свой разсказъ довелъ только до 1258 г., когда Манфредъ короновался королевской короной. Далѣе онъ не пошелъ въ изложеніи событій, можетъ быть, потому, говоритъ издатель въ предисловіи, что «Manfredum Romana Curia ferventius ejurare jam coeperat, eaque is agere videbatur, quae christiano ac honesto homini probari non poterant». Вторая часть хроники, изданная у Муратори подъ названіемъ «Supplementum anonymi» (VIII, 585—616), излагаетъ событія отъ 1258 г. до 1265 г., когда Конрадинъ прибылъ въ Италію. Эта часть значительно разнится отъ первой по своему языку, мѣстами весьма тяжелому и неудобочитаемому, и представляетъ собою сокращеніе—со многими измѣненіями въ воззрѣніяхъ—другого историческаго труда гвельфской партіи, именно, «Sabae vel Sabae Malaspinae historia»—Rerum Sicularum l. VI, отъ 1250 до 1285 (Muratori; VIII, 781—874). Относительно субъективныхъ воззрѣній автора на ходъ событій слѣдуетъ отмѣтить его приверженность къ партіи гибеллиновъ; всѣ его симпатіи всецѣло принадлежатъ дому гогенштауфеновъ. Хроника начинается краткимъ изложеніемъ событій, случившихся при Фридрихѣ II. Все изложеніе носитъ на себѣ характеръ панегирика, что видно уже изъ первыхъ, вступительныхъ словъ хроники: «между тѣми, о которыхъ сохранилась память, въ Римской имперіи болѣе всего выдавался императоръ Фридрихъ II, который, будучи славнаго происхожденія, такъ возвысилъ достоинство имперіи своей мудростью и благородствомъ, что должно думать, что онъ былъ украшеніемъ имперіи, а не на оборотъ». Указавъ на его походы противъ папы, итальянскихъ городовъ, невѣрныхъ, перечисливъ за тѣмъ его заслуги въ дѣлѣ образованія, государственнаго устройства, управленія и судъ, авторъ переходитъ къ

видѣть въ Неаполѣ. Папа жилъ въ Ліонѣ и не ѣхалъ въ Римъ, опасаясь сосѣдства гогенштауфеновъ. Съ сыномъ Фридриха II не могла примириться римская курія. Покойный императоръ былъ проклятъ Церковью со всѣмъ своимъ потомствомъ. Не многаго могла ожидать императорская партія отъ личности Конрада. По общему убѣжденію современниковъ, онъ стоялъ далеко ниже своего отца. Бароны и простой народъ какъ-то невольно пугались церковнаго проклятія со всѣми его страшными послѣдствіями и не рисковали ужасами ада для своихъ симпатій къ императору, а тѣмъ болѣе для совершенно чужаго имъ Конрада. Тяжелая рука Фридриха II уже не была страшна для болѣе распущенной знати. Даже Неаполь отказался отъ гибеллиновъ и сдѣлался гвельфскимъ городомъ. Названія гвельфовъ (они же „Черные") и гибеллиновъ (отчасти „Бѣлые") сдѣлались въ то время общими девизами папы и императора, особенно въ Италіи. Вражда этихъ факцій современна враждѣ духовной и свѣтской власти. На самомъ дѣлѣ послѣдніе термины были ничѣмъ инымъ, какъ символомъ вражды двухъ домовъ, поссорившихся между собою. Подъ этими-то символами объединились двѣ партіи: папская и императорская. Во второй половинѣ XIII вѣка борьба была въ разгарѣ на всемъ полуостровѣ, о чемъ будемъ говорить послѣ.

Когда Фридрихъ II умеръ, Конрадъ былъ въ Германіи. Тамъ приходилось ему защищать свои права на императорскій престолъ противъ оппозиціи, выдвинутой Римомъ, во главѣ которой стоялъ Вильгельмъ, графъ голландскій. Онъ не разсчитывалъ скоро быть въ Италіи, потому что папа Иннокентій IV употреблялъ всѣ усилія къ тому чтобы задержать Конрада, имѣя въ виду, при помощи своихъ приверженцевъ въ южной Италіи, воспользоваться городами неаполитанскаго королевства, въ которыхъ папскіе агенты произвели волненія.

Манфредъ и возстаніе общинъ въ Апуліи.

Здѣсь правилъ, за отсутствіемъ Конрада, въ качествѣ его намѣстника, младшій сынъ Фридриха II и графини Ланчіи, принцъ Манфредъ. Онъ пользовался большою популярностью и славился истинно рыцарскими доблестями. Южно-итальян-

---

Конраду, сыну его.—Прекрасно обработанное пособіе въ сочиненіи: Schirrmacher (Die letzten Hohenstaufen, G. 1871) изъ трехъ книгъ: о Конрадѣ, Манфредѣ и Конрадинѣ.

скія хроники говорятъ о немъ съ горячимъ сочувствіемъ. Ямзилла, напримѣръ, такъ отзывается объ этомъ дѣйствительно симпатичномъ юношѣ: „Природа надѣлила его всѣми дарами.... Съ дѣтства занимаясь философіей, онъ проявилъ еще тогда врожденныя критическія способности и тѣмъ доказалъ, какою мудростью онъ будетъ обладать въ зрѣломъ возрастѣ (1)“. Ему было только 18 лѣтъ, а онъ проявилъ уже много такта, исполняя обязанности правителя королевства. Онъ не смѣстилъ никого изъ прежнихъ сановниковъ, не дѣлалъ никакихъ нововведеній, ни въ администраціи, ни въ судѣ, но являлся вездѣ, гдѣ грозила опасность государственному порядку, который въ неаполитанскихъ предѣлахъ господствовалъ ранѣе чѣмъ гдѣ либо. Города, увлекшіеся папскими обѣщаніями, скоро почувствовали приближеніе грозы.

Возстаніе вспыхнуло въ Апуліи, а именно въ городахъ: Андрія, Бароли и Фогія, а затѣмъ перешло въ предѣлы Кампаніи и разразилось въ Неаполѣ. Гвельфскія общины образовали тайный союзъ, въ которомъ средства для борьбы явились въ изобиліи. Эта была послѣдняя попытка во имя коммунальной идеи въ предѣлахъ королевства обѣихъ Сицилій. Она не удалась. Нѣмецкіе наемные латники Манфреда, которымъ нечего было щадить, однимъ своимъ появленіемъ передъ Андріей, заставили населеніе бѣжать изъ города. Манфредъ пригласилъ жителей вернуться и, ограничившись легкою денежной пенею, простилъ общину, имѣя въ виду „лишь исправленіе ея, а не наказаніе“. Также принцъ поступилъ съ Фогіей, гдѣ женщины съ распущенными волосами, припавъ къ стопамъ Манфреда, ходатайствовали за своихъ мужей. Князь и здѣсь, въ замѣнъ поголовнаго тѣлеснаго наказанія, которое примѣнялось тогда въ подобныхъ случаяхъ, ограничился денежной пеней. Сверхъ того валы были срыты, а овраги засыпаны. Съ Бароли было поступлено хуже. Здѣсь самое движеніе носило болѣе обдуманный и серьезный характеръ. Граждане прогнали властей и судей, посаженныхъ Фридрихомъ и выбрали своихъ. Къ нимъ стало обращаться населеніе безъ всякихъ особыхъ распоряженій во всѣхъ дѣлахъ,

---

(1) Nicolaus de Jamsilla (Muratori; VIII, 498). По этому поводу хроникеръ пускается въ филологическія тонкости объ имени героя. «Manfredus, id est manus Frederici, ut pote sceptrum tenere dignus est, quod manus paterna tenuerat, vel Manfredus, id est mens Frederici» (ibidem).

гражданскихъ и уголовныхъ. Манфредъ пошелъ на Бароли и потребовалъ отворить ворота; въ отвѣтъ посыпались со стѣнъ камни и стрѣлы. Манфредъ, не обращая на это вниманія, первый бросился къ воротамъ; за нимъ рванулись другіе; такая отвага увлекала южанъ и всегда усиливала популярность князя. Городъ былъ взятъ, стѣны и укрѣпленія были разрушены и сравнены съ землею.

Послѣ такого погрома, города Апуліи смирились. Манфредъ, вмѣстѣ съ нѣмецкимъ наемникомъ графомъ Бертольдомъ, пошелъ на Неаполь, который также принялъ сторону папы. Здѣсь онъ встрѣтилъ грозныя приготовленія къ защитѣ и не посмѣлъ рискнуть осадой. Гордая столица съ многочисленнымъ населеніемъ смѣялась надъ усиліями Манфреда; обороной Неаполя заправляли папскіе агенты, хотя самъ Иннокентій IV скрывался тогда въ Ліонѣ. Манфредъ предложилъ сдѣлку и спросилъ объ условіяхъ. Папа изъ Ліона потребовалъ клятвы вѣрности Церкви со стороны принца, за что обѣщалъ ему въ ленъ Тарентъ; всѣ же прочіе города южной Италіи должны быть переданы папскимъ уполномоченнымъ. Конечно Манфредъ отвѣтилъ молчаніемъ.

Между тѣмъ лѣтомъ 1281 г. король Конрадъ поспѣшилъ въ Италію изъ Германіи, гдѣ монахи открыто проповѣдывали противъ него крестовый походъ. Въ Ломбардіи гибеллины встрѣтили сына Фридриха съ особымъ торжествомъ и дали ему средства для борьбы съ папою. Много ломбардскихъ рыцарей присоединилось къ его спутникамъ. Конрадъ, чтобы не проходить черезъ территорію Церковной области, съ своимъ отрядомъ сѣлъ на суда въ Навоне и высадился весною 1252 г. на берегахъ Апуліи, близъ Сапонта, встрѣченный братомъ. Конрадъ благодарилъ Манфреда за искусное управленіе королевствомъ, за его побѣды и, чтобы показать ему публично свое благоволеніе пригласилъ Манфреда идти рядомъ съ собою подъ балдахиномъ отъ берега до ближайшаго города, при чемъ Манфредъ, вѣрный завѣту отца и своей клятвѣ, изображалъ изъ себя „ревностнаго вѣрноподданнаго“.

Скоро дружескія отношенія между братьями охладѣли. Жадный и грубый Конрадъ поставилъ себѣ цѣлью отобрать отъ Манфреда его владѣнія. Онъ сперва просилъ и предлагалъ Манфреду показать примѣръ великодушія прочимъ вассаламъ, во имя блага государства, затѣмъ, пользуясь уступчивостью

брата, сталъ приказывать, лишая его постепенно того, что было предоставлено отцомъ и, наконецъ, ограничилъ его владѣнія однимъ Тарентомъ. И даже здѣсь Манфредъ былъ лишенъ права уголовной юрисдикціи, такъ какъ король въ видахъ централизаціи назначилъ своихъ юстиціаріевъ. Манфредъ не хотѣлъ заводить ссоры съ братомъ, къ которому относился со всею искренностью, какъ къ своему законному государю. Онъ пошелъ вмѣстѣ съ нимъ на Капую и на Неаполь и содѣйствовалъ взятію этихъ городовъ. Столица была жестоко наказана и лишена своихъ муниципальныхъ правъ. Старинныя стѣны города были разрушены; на гигантскаго коня, стоявшаго на главной площади, надѣли узду; архіепископъ неаполитанскій, руководившій защитой, былъ изгнанъ; другіе главные сторонники гвельфской партіи были казнены.

Послѣ своей побѣды Конрадъ, продолжая сознавать могущество папы въ Италіи, думалъ смягчить первосвященника любезностью. Но Иннокентій IV отвергнулъ его заискиванья. Онъ требовалъ признанія своего сюзеренства въ южной Италіи и на этихъ условіяхъ завелъ переговоры съ королями французскимъ, англійскимъ и съ другими властителями, всюду подыскивая надежнаго кандидата. Онъ еще съ бо̀льшею охотою раздѣлилъ бы южную Италію на отдѣльныя княжества и коммуны, что облегчило бы куріи неослабный надзоръ за страною. Папа въ одномъ случаѣ примирился бы съ существованіемъ этого королевства: если бы Конрадъ отказался отъ престола или если бы ненавистный гогенштауфенъ пересталъ существовать.

Смерть Конрада, которой желалъ папа въ это время и которая грозила внезапно дать другой оборотъ римскому дѣлу, казалось, открывала ему возможность скорѣе достичь осуществленія своего идеала, отдѣлить во что бы то ни стало сицилійское королевство отъ имперіи и отдать первое въ надежныя руки вѣрнаго вассала. Понятно почему. У Конрада остался бы тогда одинъ малолѣтній сынъ Конрадинъ (какъ называли его итальянцы), родившійся въ 1252 г. Ребенка не избрали бы императоромъ; въ такомъ случаѣ на императорскомъ престолѣ швабская династія должна была прекратиться. Конрадинъ остался бы только королемъ сицилійскимъ и въ этомъ санѣ не представлялъ бы собою какой либо политической силы. Между тѣмъ, при энергичномъ Конрадѣ IV со всѣхъ сторонъ грозила опасность церковнымъ владѣніямъ, а съ

тѣмъ вмѣстѣ и свѣтскимъ претензіямъ папъ. И съ сѣвера и съ юга расположились противники, руководимые однимъ умомъ, одною силою. Конечно, имперія была опаснѣе, но характеръ императорской власти не допускалъ стремительности или особенной быстроты въ военныхъ диверсіяхъ. Скорѣе и успѣшнѣе могло давить Римъ королевство обѣихъ Сицилій. Разъединеніе двухъ коронъ было задушевною мечтою римскихъ первосвященниковъ. Оно открывало въ будущемъ перспективу торжества болѣе легкаго надъ имперіей. Потому-то теперь всѣ стремленія папской куріи были направлены къ тому, чтобы исправить ошибку папъ, которые случайно и необдуманно допустили соединеніе обѣихъ коронъ; потому-то существенной цѣлью куріи была передача короны Неаполя другому дому; такимъ образомъ, избавившись отъ опасностей, папство могло бы обезсилить императорскую власть([1]). Въ это самое время (1254 г.) папа получаетъ радостное извѣстіе о кончинѣ Конрада, какъ писали,—отъ изнурительной лихорадки. Конрадъ IV собирался въ Германію для набора войска и смерть застала его за приготовленіемъ къ отъѣзду. — „Я безъ ума отъ радости; я увѣренъ, что всѣ дѣти римской Церкви возрадуются со мною“, воскликнулъ папа. Такая безумная радость и замѣчательно благопріятное стеченіе обстоятельствъ заставили подозрѣвать Иннокентія IV въ насильственной смерти Конрада. Но врядъ ли справедливо подобное подозрѣніе. Императоръ хворалъ почти цѣлый годъ; ядъ не могъ дѣйствовать такъ медленно ([2]).

Конрадинъ. Очень понятенъ былъ восторгъ папы при извѣстіи о смерти Конрада. Она осуществляла его планы, планы европейскихъ гвельфовъ, завѣтныя преданія римской куріи. Отнынѣ германская имперія и сицилійское королевство будутъ въ разныхъ рукахъ. Ошибка папы Урбана III, который нѣкогда допустилъ императоровъ на сицилійскій престолъ, который силою своей духовной власти не расторгнулъ брака сына Барбароссы съ Констанціей нормандскою, была заглажена. Малолѣтняго Конрадина папы смѣло могли принять подъ свое

([1]) Интересно, что Матвѣй Парижскій не скрываетъ своего сочувствія къ Конраду IV, о которомъ говоритъ такъ подъ 1552 г.: Conradus, tum propter sui generis praeclaram excellentiam, tum propter mam innatam benegnitatem, tum propter insuperabilem in militia strenuitatem» etc.

([2]) Jamsilla (VIII, 507). Тѣмъ болѣе нелѣпо подозрѣвать Манфреда въ смерти Конрада; этотъ слухъ пустили гвельфскіе лѣтописцы.

покровительство. Онъ былъ для римской куріи совершенно безопасенъ. Правда Иннокентій IV взялъ на себя дружелюбную отеческую роль опекуна надъ сиротой Конрадиномъ, но втайнѣ продолжалъ сноситься съ англійскимъ дворомъ, предлагая сицилійскую корону сыну Генриха III, принцу Эдмунду, брату будущаго короля Эдуарда I. Иннокентій IV считалъ себя вправѣ совершенно произвольно располагать престоломъ обѣихъ Сицилій. Онъ смотрѣлъ на это королевство, какъ на свой собственный ленъ. Однако онъ счелъ полезнымъ напомнить отечески нѣжный тонъ буллы, которою Иннокентій III когда-то заявилъ Европѣ свою тѣсную дружбу съ сильнымъ гогенштауфеномъ. Дѣйствуя такимъ образомъ, папа разсчитывалъ въ одно и тоже время обмануть и англійскаго короля и гибеллиновъ. Все показываетъ, что въ этотъ удобный моментъ папа полагалъ подчинить непосредственно себѣ южную Италію съ Сициліею. Этимъ онъ надѣялся расширить Церковную область. Совершенно деспотически распоряжались его легаты въ Палермо и Неаполѣ. Конечно врядъ ли бы удачно кончились эти продѣлки; слабы и недостаточно надежны были средства Иннокентія IV. Скорая смерть этого безспорно даровитаго человѣка вывела курію изъ ея заблужденія. Она поставила его преемниковъ на истинную дорогу. Въ его предсмертныхъ словахъ, въ его завѣщаніи непримиримой вражды къ швабскому роду, заключался единственно выгодный выходъ для папъ. Потому-то его преемникъ, Александръ IV, принявши тіару, положительно и откровенно высказался въ намѣреніяхъ латеранскаго кабинета. Его задушевнымъ желаніемъ было лишить наслѣдниковъ Фридриха II сицилійской короны и передать ее королю англійскому.

Тѣмъ болѣе такая политика становилась теперь необходимостью для Рима, что сицилійскій престолъ занялъ ненавистный для папъ Манфредъ. Разнесся слухъ о смерти Конрадина. Тотчасъ же бароны короновали Манфреда въ городѣ Палермо (11 августа 1258 г.). Личность короля привлекла всѣхъ. Онъ многимъ напоминалъ умнаго и пылкаго отца, хотя въ немъ и не было того генія, какой проявлялся въ дѣйствіяхъ Фридриха II. Хотя слухъ оказался совершенно несправедливымъ, однако коронованный Манфредъ не уступилъ своей короны и отказалъ нѣмецкимъ опекунамъ Конрадина, который все это время былъ невольнымъ свидѣтелемъ господства кулачнаго права и дикой безурядицы въ Германіи.

Въ это же время проявились въ имперіи первыя неясныя начала военнаго наемничества, сдѣлавшагося такою страшною язвою слѣдующаго вѣка. Развѣ только на полуразбойничьи банды, переходившія для дневнаго грабежа отъ одного владѣтеля къ другому, могли разсчитывать приверженцы Конрадина, который оставался между тѣмъ совершенно одинокимъ въ чужой странѣ, отданной на жертву самоуправства, кровавыхъ безпорядковъ и всѣхъ ужасовъ анархіи. Что касается до папы, то еслибы и не вступилъ Манфредъ на престолъ, тѣмъ не менѣе онъ рѣшительно возобновилъ бы войну съ гогенштауфенами. Александръ IV началъ съ того, что отлучилъ похитителя престола и его приверженцевъ. Однако изнуренные гвельфы не шевельнулись. Можно сказать, что съ Иннокентіемъ IV умерла тайна быстрыхъ успѣховъ Рима. Его преемники, до нельзя похожіе другъ на друга, дѣйствуютъ по его завѣщанію, идутъ по протоптанной имъ дорогѣ, стремясь всѣми силами къ разъединенію имперіи и сицилійскаго королевства. Этотъ политическій маневръ былъ послѣднимъ словомъ долгой борьбы. Достаточно было для папъ уже того, что они, не обладая особыми талантами, вѣрно слѣдуютъ указаніямъ Григорія IX и Иннокентія IV. Потому, когда (1261 г.) Александра IV смѣнилъ Урбанъ IV, то планъ остался тотъ же, измѣнившись только въ своемъ примѣненіи. Новый папа, придумывая различныя, болѣе или менѣе затѣйливыя прозвища Манфреду (virulentus, praescidus ad malum), придумалъ между прочимъ одну важную мѣру, рѣшившую судьбу королевства сицилійскаго. Долгіе переговоры съ Англіей не привели ни къ чему. Папы обратились въ другую сторону,—къ Франціи.

Карлъ Анжуйскій (1265—85 г.).

Тамъ продолжалъ царствовать Луи IX. Его братъ — Карлъ Анжуйскій (d'Anjou), женатый на Беатриче, которая принесла ему въ приданое Провансъ, предназначался папою въ короли обѣихъ Сицилій. Трудно подобрать такой рѣзкій контрастъ, какой представляли два родные брата, король Луи IX и Карлъ Анжуйскій. Они совершенно различались и характеромъ и наружностью. Женственный, кроткій типъ перваго смѣняется въ Карлѣ выраженіемъ суровости, энергіи. Всегда мрачный, молчаливый даже съ женой и друзьями, безъ улыбки на лицѣ, онъ былъ человѣкомъ неустаннаго труда, дѣльцомъ, думавшимъ только о достиженіи своихъ цѣлей. Онъ не любилъ

слушать ни мелодій арфиста, ни придворной баллады рыцаря, ни стиховъ трубадура, считая всѣхъ ихъ тунеядцами. Во всемъ онъ руководился политическими разсчетами. Въ немъ былъ обильный запасъ энергіи, доходившей въ иныхъ случаяхъ до пустаго упрямства. Какая-то пуританская суровость, эта нерѣдкая спутница великихъ историческихъ дѣятелей, не выдвинула его изъ ряда обыкновенныхъ королей. Причина заключалась въ томъ, что суровость его была именно только пуританскою. Она явилась слѣдствіемъ извѣстныхъ стремленій, честолюбивыхъ желаній, которыя, не двинутыя геніемъ и гуманнымъ развитіемъ, навсегда остались только одними стремленіями къ славѣ. Иначе нельзя объяснить такой двойственный характеръ. Казалось, что Карлъ насильственно стремился къ простотѣ, къ суровой оболочкѣ. Она вытекала необходимымъ слѣдствіемъ его скудной натуры. Карлъ не допускалъ физическихъ удобствъ, гордился спартанскою пищею, грубой одеждой; онъ презиралъ чувственность, вино и женщинъ. Онъ позволялъ себѣ для развлеченія только игру въ кости. „Черный человѣкъ, никогда не спавшій" (по словамъ Виллани), онъ старался быть воиномъ, а не королемъ, — и какъ на рубаку смотрѣли на него современники. Морщины бороздили его лицо еще въ то время, когда ему было только съ небольшимъ двадцать лѣтъ и когда къ нему только что пріѣхали папскіе послы. Эти морщины были печатью страстнаго желанія славы и ея подвиговъ. Надо прибавить, что французскій принцъ не пренебрегалъ никакими средствами, никакими путями для ея достиженія. Для него цѣль совершенно оправдывала всѣ средства. Такой человѣкъ безумно былъ радъ неожиданному предложенію славной и видной короны. Еще болѣе побуждала его къ тому жена, которую честолюбіе томило въ такой же степени, какъ и мужа. Молодой, пылкой женщинѣ было обидно смотрѣть, какъ ея три сестры, дочери Раймонда, графа Прованса, сидѣли на престолахъ властительными королевами, какъ Маргарита была французской королевой, Элеонора — англійской, какъ Санкція была женой номинальнаго императора германскаго. Ей предназначалась лучшая участь. Ея руки искалъ Педро аррагонскій, а также императоръ Фридрихъ II для своего сына Конрада. Все это Беатриче неотступно припоминала своему мужу.—„Не безпокойтесь, графиня, говорилъ ей Карлъ, вы будете такою же королевой, какъ и всѣ другія". Сдержать свое слово теперь ему было очень легко.

Не думая долго, анжуйскій принцъ безпрекословно согласился па всѣ условія, какія предложили ему послы Урбана IV отъ имени его святѣйшества. Скорая смерть первосвященника нисколько не измѣнила положенія дѣлъ. Мы уже замѣчали, что личности папъ ничего не значили въ этомъ вопросѣ. Одна общая идея одушевляла курію; ее послѣдовательно усвоивалъ цѣлый рядъ первосвященниковъ. Климентъ IV вполнѣ подтвердилъ условіе своего предшественника и быстро покончилъ дѣло, обязывая Карла немедленно явиться съ надежнымъ войскомъ для покоренія сицилійскаго королевства,— которое Римъ имѣлъ слабость считать своимъ леномъ. Папа издалъ „золотую буллу", передававшую королевство въ руки французскаго принца. Въ ней были подробно поименованы всѣ условія, которыя на вѣчныя времена обязывалась исполнять анжуйская династія. Вотъ главнѣйшія изъ 25 положеній этой инвеституры (¹).

Королевство передавалось подъ условіемъ вассальной покорности римскимъ первосвященникамъ, въ знакъ чего короли обязуются дарить ежегодно папѣ статнаго бѣлаго коня. Карлъ и его потомки должны давать клятву вѣрности при вступленіи на престолъ и оказывать должное почтеніе святой Церкви. Короли сицилійскіе никогда и ни подъ какимъ видомъ не вступятъ па императорскій престолъ,—эту тему папа развилъ особенно подробно. Карлъ и его наслѣдники не должны увеличивать своихъ владѣній на счетъ сѣверной Италіи или какихъ либо другихъ земель. Короли сицилійскіе обязывались платить Риму ежегодно восемь тысячъ унцій золота на праздникъ Петра и Павла, да еще сверхъ того должны подарить теперь же, въ видѣ взноса на соборную церковь, пять тысячъ серебряныхъ марокъ единовременно. Въ заключеніе, короли обязуются содержать въ папскихъ войскахъ на свой счетъ 300 хорошо вооруженныхъ ратниковъ.

Климентъ IV короновалъ его и Беатриче тотчасъ же по заключеніи условій въ 1265 году.

Быстро, съ отборными отрядами нагрянулъ анжуйскій претендентъ на южную Италію и храбро началъ воевать свое будущее королевство. Скоро золотыя лиліи на голубомъ полѣ завѣяли въ городахъ и замкахъ апулійскихъ. Необыкновенный успѣхъ шелъ слѣдомъ за Карломъ и его воинами,

---

(¹) Приведено цѣликомъ у Summonte. Storia di Napoli; II, 177—179.

приведенными изъ Прованса и Франціи въ счетъ будущихъ благъ королевства. Кругомъ Манфреда были предатели. Съ тайнымъ предчувствіемъ гибели, давалъ онъ врагу рѣшительную битву —при Беневенто въ 1266 году. Здѣсь ему измѣнили. Нѣсколько отрядовъ отказались идти за нимъ; начальники были подкуплены папскимъ золотомъ и церковными угрозами. Оставленный, покинутый всѣми, съ предсмертнымъ отчаяніемъ бросился Манфредъ въ густые ряды непріятельской пѣхоты (¹). Онъ палъ подъ французскими пиками. Черезъ нѣсколько дней нашли его трупъ и похоронили на полѣ битвы. Даже враги оказывали честь герою при погребеніи, но папскій легатъ велѣлъ вырыть трупъ короля и бросить на утесистой скалѣ, „какъ анаѳемскій прахъ нечестиваго еретика, недостойнаго погребенія“.

Скоро, къ величайшему удовольствію папы Климента IV, королевство сицилійское, въ цѣломъ составѣ, и материкъ и островъ, было въ рукахъ Карла I Анжуйскаго. Папа не совсѣмъ честно писалъ о новомъ королѣ, какъ объ „ангелѣ хранителѣ, избранномъ Господомъ для спасенія своего народа и для успокоенія вѣрныхъ“.

Между тѣмъ со всей изобрѣтательностью злобы пустился Климентъ IV на окончательное истребленіе гогенштауфеновъ. Какъ и слѣдовало ожидать, месть папъ не могла остановиться на половинѣ. Жена и четверо дѣтей Манфреда были заключены въ темницу. Тамъ умерла королева; дочь просидѣла въ заключеніи болѣе 18 лѣтъ, трое сыновей скончались въ тюрьмѣ. Одинъ изъ нихъ имѣлъ несчастіе страдать этой ужасной жизнью еще 43 года послѣ битвы при Беневенто. Все время заключенія только священникъ и медикъ входили въ комнаты арестантовъ.

Оставался одинъ Конрадинъ, но онъ самъ давался въ руки своихъ закоснѣлыхъ враговъ. Когда страшная тиранія „ангела хранителя“ вызвала контръ-революцію въ Неаполѣ, то пятитысячная итальяно-нѣмецкая дружина подъ начальствомъ одного изъ приверженцевъ гогенштауфеновъ, храбраго Фридриха Баденскаго (²), сверстника и друга пылкаго Конрадина, явилась защищать права гибеллиновъ въ Италіи. Въ

(¹) «Potius, inquit, hoc die volo mori rex, quam vivere exul et miser»... Это были послѣднія слова его.

(²) Оттокаръ II, король чешскій, лишилъ его австрійскаго наслѣдства; оттого онъ повелъ жизнь авантюриста.

войскахъ противниковъ были итальянцы, готовые погибать за знамена и гвельфовъ и гибеллиновъ.

Сирота съ колыбели, Конрадинъ несъ на себѣ проклятіе четырехъ папъ. Напрасно отецъ, умирая, поручалъ его покровительству святаго престола; въ Римѣ давно отдали его престолъ и опустошали земли гогенштауфеновъ. Вступая въ Италію, Конрадинъ издалъ манифестъ противъ Карла Анжуйскаго, какъ похитителя, но вмѣстѣ съ тѣмъ съ мольбой обращался къ папѣ.—„Смотрите, писалъ онъ, какъ крестъ Спасителя обращенъ противъ христіанина: сколько коварства было употреблено, чтобы довести насъ до ничтожества. Не довольствуясь тѣмъ, что отняли у насъ наше итальянское наслѣдіе, насъ преслѣдуютъ въ Германіи; намъ отказываютъ въ милосердіи, насъ хотятъ даже лишить королевскаго титула. Наконецъ преисполнили чашу нашихъ бѣдствій и дали Карлу даже достоинство викарія императорскаго; и будто всего этого недостаточно, чтобы унизить невиннаго, направили противъ насъ еще громы Церкви. Великій первосвященникъ! какое зло мы сдѣлали, чтобы съ нами обходились такимъ образомъ? Наше преступленіе въ твоихъ глазахъ—только одно существованіе наше, небо призываемъ въ свидѣтели, что на совѣсти нашей не лежитъ никакого преступленія и упрека. Повинуясь благороднымъ побужденіямъ своихъ друзей и желая показаться достойными нашихъ предковъ, мы обнажили мечъ, дабы съ Божіею помощью возвратить древнюю мощь нашего дома (alta potentia). Ничего не желая предпринимать противъ верховнаго первосвященника, нашего отца и государя, мы хотимъ только возвратить наши законныя права. Мы надѣемся, взывалъ онъ къ папѣ, что, узнавши нашу правоту, ты поможешь намъ совѣтомъ и милостью“. Папа тронулся воплями Конрадина, обѣщалъ особою буллою признать права его на королевства іерусалимское и обѣихъ Сицилій, но этимъ всталъ въ противорѣчіе съ своими прежними обѣщаніями, данными Карлу (1). Послѣдній, не обращая вниманія на папу, двинулся противъ Конрадина.

Битва при Тальякоццо въ 1268 г.

Рѣшительная битва близъ Тальякоццо на берегахъ Сальто, кончила дѣло въ пользу Карла. Это сраженіе было дано на развалинахъ Alba Fucentia, древнѣйшаго города этрусковъ,

(1) Булла у Raynaldi. Ann. eccl. a. 1254.

гдѣ нѣкогда римляне заточали покоренныхъ царей. Извѣстенъ конецъ этой отважной попытки юноши, который походилъ скорѣе на оруженосца какого нибудь рыцаря, а никакъ не на вождя политической факціи. Конрадинъ, спасавшійся бѣгствомъ изъ города въ городъ вмѣстѣ съ своимъ другомъ Фридрихомъ, былъ арестованъ гвельфомъ Франджипани и измѣннически преданъ Карлу, который давно рѣшилъ его судьбу.

Казнь Конрадина въ 1268 г.

Историковъ интересуетъ вопросъ, насколько папа Климентъ IV принималъ участіе въ гибели Конрадина? Однѣ лѣтописи утверждаютъ, что онъ совѣтовалъ королю казнить плѣнника, но не приводятъ доказательствъ. Другія—гвельфской партіи,—считаютъ его противникомъ такой мѣры. „Короля Карла отъ этого сильно удерживали папа и кардиналы (molto ripreso)“, говоритъ Малеспини. Виллани замѣчаетъ, что всѣ умные люди противились казни, „такъ какъ молодой государь былъ взятъ съ оружіемъ въ рукахъ и его скорѣе слѣдовало содержать въ тюрьмѣ, чѣмъ лишать жизни и хотя нѣкоторые склонны были увѣрять, что самъ владыка Церкви разрѣшилъ казнь, но мы этому не вѣримъ, заключаетъ Виллани, такъ какъ Климентъ былъ святой человѣкъ (1)“. По позднѣйшимъ свѣдѣніямъ, папа дѣйствовалъ уклончиво, не требовалъ казни, но „настаивалъ на правосудіи“. Другія повторяютъ басню древней исторіи, знакомую Геродоту; послы Карла, явившіеся за совѣтомъ, застали первосвященника въ саду за сбиваніемъ высокихъ верхушекъ деревьевъ. Между неаполитанскими учеными сохранилось убѣжденіе, что папа произнесъ рѣшительно: „Vita Conradini — mors Caroli; mors Caroli — vita Conradini“. Такъ полагаютъ позднѣйшіе историки: Колленуччіо, Суммонте, Фазелло, даже Джьанноне. Вѣроятнѣе всего, что Климентъ IV предоставилъ рѣшеніе участи Конрадина его собственному теченію,—но и это бросаетъ достаточную тѣнь на его личность и позоритъ папство, въ былыя времена старавшееся остановить всякое злодѣйство и вносить примиреніе.

Смертный приговоръ, произнесенный анжуйцами надъ Конрадиномъ и его отважнымъ другомъ, былъ результатомъ не судебнаго процесса, а преднамѣреннаго юридическаго убійства. Геройски умеръ Конрадинъ (29 окт. 1268 г.). Въ него,

(1) G. Villani. Historie fiorentine, l. III, c. 24.

въ эту послѣднюю минуту, какъ бы вдругъ вселилась вся гордость, вся мощь гогенштауфеновъ. Съ словами „о мать моя, въ какое страшное горе погрузитъ тебя вѣсть о моей смерти“,—голова его и Фридриха съ товарищами ихъ похожденій пала отъ руки палача на кармелитскомъ рынкѣ въ Неаполѣ. Трупу Конрадина было отказано въ молитвѣ и погребеніи ([1]). Тѣло послѣдняго представителя славнаго рода было выброшено на морской берегъ. По преданію нѣмецкому, орелъ виталъ надъ Конрадиномъ во время его казни и исчезъ, обагрившись въ крови императора, а палачъ былъ убитъ людьми въ маскахъ. Но наслѣдство Конрадина не много пользы принесло врагамъ. Сицилія навсегда ускользнула изъ рукъ анжуйскихъ, а на долю папъ, вслѣдствіе дальнѣйшаго развитія историческихъ событій, не досталось ничего кромѣ торжества тщеславія.

Современное мнѣніе о папахъ.

Общественное мнѣніе Запада еще раньше отвернулось отъ папъ; теперь оно уже не на ихъ сторонѣ. Доказательствомъ служитъ между прочимъ разсказъ, записанный сторонникомъ теократіи, англійскимъ монахомъ, хроникеромъ Сантъ-альбанскаго монастыря, такого содержанія. Прошло нѣсколько дней послѣ кончины Иннокентія IV, виновника гибели гогенштауфеновъ. Одному кардиналу, имя котораго лѣтописецъ не назвалъ однако изъ предосторожности (cujus nomen supprimitur ad cautelam), приснился страшный сонъ:—„На небѣ, на великолѣпномъ тронѣ, во всемъ своемъ величіи сидитъ Господь; вправо отъ него стоитъ Пресвятая Дѣва, Его мать; влѣво — прекраснѣйшая женщина; тѣло ея роскошно, ея строгое лицо внушаетъ уваженіе. Руки Господа простерты впередъ, въ лѣвой онъ держитъ храмъ, на лицевой сторонѣ котораго написано Ecclesia. На судъ божественнаго величія предсталъ папа Иннокентій IV. На колѣняхъ, съ сложенными руками, распростерся папа и проситъ милости, а не суда. Благороднѣйшая дама, стоявшая по лѣвую сторону отъ Господа, говоритъ:—„Всеправедный Судія! учини судъ праведный: Я обвиняю раба твоего въ трехъ преступленіяхъ. Во-первыхъ,

---

([1]) Barth. de Neocastro. Historia Sicula ab a. 1250—1294, c. 9—10 (Muratori. XIII, 1020). Изъ лѣтописцевъ за казнь Конрадина: Amalricus Augerius (Vita Clem. IV, Muratori, III, II, 423), Jamsilla и M. Spinelli (Diario napol. di 1247—1268; Mur. VII, 1058).

когда Ты учредилъ на землѣ Церковь, Ты даровалъ ей особыя милости, онъ же сдѣлалъ изъ нея покорнѣйшую рабыню. Во вторыхъ, Церковь основана ради спасенія грѣшника, т. е. ради стяжанія души несчастнаго, онъ же обратилъ ее въ мѣняльную лавку. Въ третьихъ, Церковь построена на твердой вѣрѣ, справедливости и истинѣ, онъ же, поколебавъ нравы и вѣру, уничтожилъ справедливость, помрачилъ истину. Учини же судъ праведный на мои обвиненія (justum ergo judicium redde mihi)". И отошла въ сторону. Тогда сказалъ Господь: —„Ступай и по заслугамъ твоимъ получи воздаяніе". И папа былъ увлеченъ (?). Когда кардиналъ проснулся, онъ весь дрожалъ; ужасный приговоръ испугалъ его страшно. Онъ сталъ кричать и долго не могъ прійти въ себя. Сбѣжавшіеся на крикъ, сочли его за помѣшаннаго. Когда первый испугъ прошелъ, кардиналъ началъ разсказывать о видѣніи, которое повсюду огласилось. Неизвѣстно, замѣчаетъ Матвѣй Парижскій, было-ли это видѣніе воображаемое; всегда ли оно могло устрашить многихъ; дай Богъ, чтобы оно очистило и дѣйствительно исправило кого слѣдуетъ" ([1]).

Поэтическій экстазъ, какъ убѣждаетъ приведенная легенда, не мѣшалъ средневѣковому человѣку мѣтко оцѣнивать земныя событія, отдѣлять идею отъ лица. Конечно понимать и сознавать ее могли люди болѣе или менѣе мыслящіе, но число послѣднихъ было тогда весьма незначительно. Авторитетъ духовенства сковывалъ мысль массы народной; могучее гвельфское вліяніе при самыхъ вопіющихъ событіяхъ преклоняло народы къ стопамъ папы, тогда какъ гибеллинъ могъ только подъ условіемъ личной геніальности обращать въ свою пользу симпатіи толпы. Папское дѣло, опираясь на католическіе аттрибуты, не требовало особеннаго искусства вождей, гибеллины же искали всегда сильныхъ талантовъ. Потому Фридрихъ II могъ бороться даже съ лучшими папами; Манфредъ и Конрадинъ не могли одолѣть даже посредственныхъ. Въ тѣсномъ смыслѣ кружокъ людей, съ искреннимъ убѣжденіемъ приверженныхъ къ той или другой партіи, т. е. крайнихъ гвельфовъ и гибеллиновъ, былъ незначителенъ. Дѣло необходимо рѣшала масса своими сочувствіями, а эти сочувствія извѣстно были къ кому и къ чему. Для гвельфской побѣды

([1]) Matth. Paris, a. 1254. Приведено въ монографіи Бильбасова безъ послѣднихъ строкъ, 168.

было потому всегда болѣе шансовъ, нежели для императорской. Папамъ вторилъ религіозный энтузіазмъ средневѣковаго человѣка.

Результаты побѣды папства.

Обращаясь къ продолженію нашего разсказа, надо замѣтить, что при всемъ значеніи одержаннаго перевѣса оригинальный оборотъ дѣла не позволилъ папамъ воспользоваться побѣдой въ томъ теократическомъ смыслѣ всемірной монархіи, къ которой такъ стремились первосвященники. Напротивъ, кратковременное, даже минутное упоеніе, — вотъ вся награда, весь результатъ ихъ тріумфа. Достигнувъ апогея величія, побѣдоносно озирая весь горизонтъ католическаго міра, нигдѣ не встрѣчая соперниковъ, они, въ тоже самое время, не могли воспользоваться ни выгодами, ни плодами побѣды. Въ самомъ дѣлѣ, что представилось папамъ? Гибеллиновъ въ смыслѣ органической факціи уже не существовало. Гвельфамъ не съ кѣмъ и не съ чѣмъ было бороться; они тотчасъ же спокойно отдѣлились отъ своего вождя, оставляя его одинокимъ, безъ друзей, безъ надеждъ. Въ борьбѣ съ будущимъ германскимъ императоромъ, папу никто не поддержитъ; его же собственное государство было слишкомъ ничтожно, чтобы уравновѣшивать силы имперіи. Оно не могло даже имѣть достаточнаго авторитета для какихъ нибудь анжуйцевъ, которые одни своимъ вліяніемъ могли перевѣсить силы Церковной области. И дѣйствительно, въ своихъ схваткахъ съ Римомъ, Неаполь почти всегда торжествуетъ. Замѣтимъ, что здѣсь борьба возникла противъ всякаго ожиданія папъ, которые думали обязать анжуйскую династію вѣчною благодарностью за пожалованный престолъ. Оказалось, что они жестоко ошиблись въ разсчетѣ и въ друзьяхъ нашли самыхъ опасныхъ враговъ.

Впрочемъ съ перемѣною династіи совершенно измѣнился характеръ борьбы. Она перестала быть идеальной, возвышенной, уступивъ мѣсто простому политическому антагонизму. Нельзя доискиваться религіознаго элемента въ домашнихъ раздорахъ анжуйцевъ съ государями Римской области.

Тѣмъ грустнѣе сдѣлалось положеніе папъ, что, обводя безнадежнымъ взоромъ всю Италію, они нигдѣ не надѣялись встрѣтить сочувствія своимъ интересамъ. Ломбардія скорѣе отличалась императорскими симпатіями по близости къ Германіи. Противъ нея скоро пришлось гремѣть интердиктами и вести

крестовые походы. Она не подчинилась римскому вліянію и распалась на отдѣльные болѣе или менѣе самостоятельные принципаты,—маленькія монархіи разныхъ Скала, Романо и Висконти. Тоскана почти вся съ гвельфскимъ перевѣсомъ (кромѣ Пизы, центра тосканскаго гибеллинизма) вступала въ то время со всею силою молодой жизни въ великій періодъ общинъ. Она развивала подъ протекторствомъ Флоренціи демократическій духъ городовъ, которые къ XV вѣку выработали внутреннюю организацію древнихъ греческихъ республикъ. Она занялась общиннымъ и цеховымъ вопросомъ, заключилась въ отдѣльную самостоятельную жизнь, не интересуясь судьбою папы, какъ государя. Тосканскіе города, правда, сохранили знамена гвельфовъ и гибеллиновъ; они дѣйствительно по прежнему рѣзались изъ за идеи императорскаго и папскаго авторитета, но эта борьба, вселившись внутрь городовъ, сдѣлалась вопросомъ чисто мѣстнымъ въ XIII и XIV вѣкахъ. Каждый городъ отнынѣ имѣетъ своихъ гвельфовъ и гибеллиновъ, которые, какъ приливъ и отливъ, вліяютъ на внутреннее состояніе общины. Эта безостановочная полуторавѣковая междуусобная вражда нисколько однако не губила страну, а напротивъ, электризовала ее, развивала въ умственномъ и политическомъ отношеніи, обогащая въ тоже время города богатой и плодоносной еще при римлянахъ Этруріи. Этотъ періодъ домашней борьбы можно назвать вторымъ фазисомъ рѣзни гвельфовъ и гибеллиновъ. Онъ же былъ послѣднимъ; его исторія смѣняется исторіею самостоятельныхъ центральныхъ группъ. Таковы были отношенія Тосканы къ Риму. На Венецію же, Геную, Пьемонтъ менѣе всего простиралось вліяніе папъ. На ихъ содѣйствіе, конечно нельзя было разсчитывать въ случаѣ войны съ Неаполемъ. Тамъ слабѣе всего боролись черные и бѣлые. Тамъ, слѣдовательно, мало оставалось историческихъ симпатій и воспоминаній.

Вотъ въ какомъ не блестящемъ положеніи были дѣла Рима въ то время, когда онъ только что успѣлъ одержать славную, но безвыгодную побѣду.

Утвержденіе французской власти въ Неаполѣ.

Мы упомянули про раздоры, которые возникли между папой и Карломъ анжуйскимъ тотчасъ по завоеваніи королевства. Надо отдать полную справедливость папамъ въ этомъ случаѣ; они вступились за права оскорбляемаго народа. Разбойническіе отряды французскихъ мародеровъ и сотни сопровож-

давшихъ ихъ чиновниковъ наводнили Неаполь, обкрадывая итальянцевъ на каждомъ шагу, оскорбляя ихъ семейства, вездѣ презирая національныя чувства покореннаго народа. Началась тиранія мести. Вѣшали, казнили, заключали въ тюрьмы всѣхъ, въ комъ подозрѣвали малѣйшія симпатіи къ падшей династіи. Конечно этимъ еще болѣе вызывались воспоминанія о гогенштауфенахъ, съ которыми народъ успѣлъ сдружиться въ продолженіе семидесяти двухъ лѣтъ. Мы говоримъ „о народѣ", потому что въ средніе вѣка феодальные бароны слабо были привязаны къ родинѣ. Смѣло можно сказать, что для итальянскаго аристократа „ближе былъ какой нибудь скандинавскій рыцарь, нежели бѣдный крестьянинъ, жившій у подножія его богатой виллы". Но таковы результаты угнетенія, что и бароны волновались въ видахъ гогенштауфенской пропаганды. Папа вступился за угнетаемыхъ. Онъ обвинялъ Карла въ беззаконныхъ притѣсненіяхъ, въ своевольномъ деспотизмѣ. Надо замѣтить, что какіе бы испорченные первосвященники ни сидѣли на римскомъ престолѣ (а такіе встрѣчались весьма часто), надъ ними всегда вѣяла возвышенная идея католичества, идея широко понятаго христіанства. Если же ей не всегда суждено было проявляться на дѣлѣ, то она всегда существовала въ принципѣ, какъ веха, поставленная для указанія пути человѣку, котораго природныя наклонности часто сбиваютъ съ прямой дороги добра и правды.

Протестъ Климента IV противъ Карла.

Руководимый такими побужденіями, Климентъ IV рѣшился остановить Карла. Онъ писалъ ему, полный негодованія:—„Только честолюбіе, развратъ, кровь! Вы не щадите ни церковнаго, ни мірскаго добра; не щадите ни состоянія, ни пола, ни возраста. Тѣ самые крестоносцы, которые должны бы были защищать церкви и монастыри, разрушаютъ и разоряютъ ихъ. Они сжигаютъ святыя иконы, они дерзаютъ прикасаться къ дѣвамъ, посвященнымъ Богу. И эти грабежи, эти убійства, эти беззаконія всякаго рода, не были послѣдствіями перваго пыла битвы. Нѣтъ, восемь дней продолжались они предъ твоими глазами и не было принято никакихъ мѣръ для прекращенія безпорядковъ. Такого зла не дѣлалъ даже врагъ Церкви,— императоръ Фридрихъ II.... Я требую, чтобы каждое преступленіе было наказано; чтобы все похищенное было возвращено; чтобы было принесено покаяніе".

Но на это предложеніе французы не обратили вниманія. Папа между тѣмъ продолжалъ свои укоры.—„Не перестаютъ губить страну лихоимствомъ и воровствомъ, не перестаютъ раздражать народъ грабежами, прелюбодѣяніями, тысячами преступленій, которымъ нѣтъ даже имени“. Еще сильнѣе загремѣлъ первосвященникъ, когда обратился прямо къ Карлу, своему прежнему кліенту. Онъ писалъ: — „Тебя считаютъ безчеловѣчнымъ, ты ни къ кому не имѣешь состраданія, тебя всѣ ненавидятъ. Неужели вопли и стоны твоихъ подданныхъ не доходятъ до твоихъ ушей? Ты проклятъ всѣми!“. Если эти слова писалъ папа, то позволительно уклониться отъ подробнаго описанія подвиговъ французовъ въ королевствѣ обѣихъ Сицилій. Собственно патріотическое движеніе на островѣ ставило Карла не разъ въ затруднительное положеніе. Необходимость частыхъ экспедицій въ Сицилію для подавленія національныхъ движеній связывала Карла, отнимала у него значительныя средства. Мы разскажемъ послѣ какъ сицилійцы добились самостоятельности.

Королю пришельцу предстояло бороться еще съ возстаніями на материкѣ. Въ одной неаполитанской лѣтописи есть извѣстіе, что король еще въ 1270 году продолжалъ утверждать свою власть ([1]). Слѣдовательно, болѣе пяти лѣтъ ушло на подавленіе внутреннихъ революцій. Воинственный духъ Карла искалъ только случая для борьбы, для подвиговъ, для неустанной дѣятельности. Но все проходило безъ слѣда для его славы. Неудача какъ бы силилась преодолѣть его предпріимчивость, его честолюбіе. Изъ Сициліи, изъ Неаполя, онъ бросился въ Тунисъ на помощь брату и привезъ оттуда только холодный трупъ святаго короля да номинальное обѣщаніе ежегодной дани въ 20 тысячъ пистолей, которой, разумѣется никто не заплатилъ. Однако, при всѣхъ своихъ неудачахъ, Карлъ I пріобрѣлъ значительный авторитетъ въ Италіи ([2]). Конечно его торжество, ограничиваясь

(1) Этотъ фактъ мы нашли въ Giornali Napolitani dall' anno 1266 sino al 1478. «Carlo, duca d'Angiò e di Provenza, fratello di Luigi, Re di Francia, quale morio avanti (1270), che Carlo fosse in ordine per venire a tale conquista» (Muratori; XXI, 1031). Срв. съ Cronica de' re della casa d'Angiò (Raccolta di varie croniche alla storia di Napoli; I, 102).

(2) Замѣчательно, что старые итальянскіе историки, какъ напр. Denina (Rivoluzioni), а особенно неаполитанскіе, какъ Summonte, Constanzo и особенно Giannone стараются скрыть факты тираніи Карла.

только нравственнымъ вліяніемъ, не приносило никакихъ матеріальныхъ выгодъ. Какъ сильнаго монарха, его опасались и республики средней Италіи и „принчипи“ верхней. Мелкіе владѣтели, невольно подчиняясь преобладанію сильнаго, искали союза Карла. Ссориться съ нимъ не хотѣли, потому что это было неудобно; стройная же оппозиція, при разъединенности интересовъ, не могла образоваться въ то время. Между тѣмъ—бурнаго тріумфа, цѣли своихъ задушевныхъ желаній Карлъ не встрѣтилъ. Тогда его постигло горькое разочарованіе, достигшее до полнаго презрѣнія жизни, которая не дала ему ничего, кромѣ безполезныхъ мукъ. Въ глубинѣ его души закопошилась злоба противъ самого себя. Карлъ не имѣлъ терпѣнія дождаться естественной смерти. Страшныя мученія неудовлетвореннаго честолюбія терзали его даже во время тяжкой болѣзни (1285 г.). Ночью, во время сильнаго припадка нервозной раздражительности, онъ схватилъ снурокъ и накинулъ его себѣ на шею, предупредивъ такимъ образомъ приближавшуюся смерть.

---

2) Святой король во Франціи. Седьмой и восьмой крестовые походы.

Характеристика Луи IX (1226—70 г.).

Въ одной изъ предшествовавшихъ главъ мы говорили о характерѣ дѣятельности императора Фридриха II, который у современниковъ не встрѣтилъ себѣ поддержки и сочувствія. Эта трагическая личность прекрасно выражаетъ собой ту борьбу, тотъ внутренній разладъ, которыми отличалась современная эпоха. Конечно его нельзя считать выразителемъ положительныхъ сторонъ эпохи. Эти стороны проявились въ другомъ современномъ государѣ, королѣ Франціи Луи IX, который воплотилъ въ себѣ лучшія черты минувшаго. Это былъ монахъ на престолѣ, строгій ревнитель вѣры, преслѣдовавшій страшными наказаніями всякое уклоненіе отъ католическаго благочестія. Въ воображеніи набожныхъ современниковъ

Денина былъ вовлеченъ въ ошибки пристрастіемъ къ провансальской хроникѣ Nostradamus и къ Chron. Placentinum. Изъ послѣдней выходило, что подданные обожали Карла.... ipsum volebant pro amico et non pro domino (Muratori; XVI, 476). Но масса фактовъ это опровергаетъ.

онъ представлялъ идеалъ христіанскаго аскета, защищавшаго знамя вѣры съ храбростью истиннаго рыцаря, хотя даже въ глазахъ простаго народа благочестіе короля часто вызывало упреки, такъ какъ святой государь не всегда стоялъ на высотѣ положенія. Онъ былъ послѣднимъ монархомъ поддерживавшимъ, вопреки династическимъ интересамъ, феодализмъ, который королямъ Франціи по самому существу своему былъ въ сильной степени враждебнымъ. Луи IX началъ свое правленіе съ того, что предложилъ возвратить своимъ политическимъ соперникамъ всѣ домены и провинціи, отнятыя у нихъ его дѣдомъ. Онъ удерживалъ за собою только Тулузу и заставилъ Раймунда VII присягнуть въ томъ, что тотъ откажется отъ своихъ владѣній въ пользу французскаго короля, если не будетъ имѣть наслѣдниковъ, но за то Луи уступилъ своимъ врагамъ другія пріобрѣтенія предковъ. Историки позитивной школы отзываются слишкомъ рѣзко о немъ. Напр. Дрэперъ находилъ, что Луи IX былъ фанатичнымъ представителемъ іерархической партіи, что онъ пользовался вліяніемъ, только благодаря своимъ связямъ съ Церковью, которой интересы онъ фанатически поддерживалъ и что относительно управленія своего народа онъ выказалъ себя не больше, какъ „недалекимъ простякомъ“. Дѣйствительно, въ надеждѣ удержать угрожавшее распространеніе ереси, онъ прибѣгалъ къ костру и мечу, полагая, что съ неправовѣрующимъ должно состязаться только насиліемъ и оружіемъ. Въ его вѣрѣ было дѣйствительно много наивнаго, грубаго и матеріальнаго (1). Тѣмъ не менѣе Луи IX, благодаря отличительнымъ свойствамъ своего характера, вносилъ въ средневѣковыя формы нѣкоторое начало новой гражданственности. Это новое начало проявлялось въ ограниченныхъ размѣрахъ, но факты показываютъ, что король иногда возставалъ противъ незаконныхъ отлученій отъ Церкви, къ которымъ высшія духовныя власти любили прибѣгать очень часто. Онъ ограничивалъ произволъ феодаловъ въ судебныхъ дѣлахъ, предоставивъ лицамъ, недовольнымъ рѣшеніемъ феодальныхъ судовъ, право апелляціи въ суды королевскіе. Во всемъ остальномъ онъ былъ поборникомъ чистѣйшихъ средневѣковыхъ идеаловъ; въ немъ не было даже тѣни гордости и тщеславія и въ этомъ отношеніи онъ является единственнымъ государемъ, за что съ особеннымъ сочувствіемъ

(1) Дрэперъ (Ист. умств. разв. Европы, р. пер. 1874; II, 63) — особенно рѣзко отзывается по поводу благочестія короля.

къ нему относится русскій историкъ, обладавшій тонкимъ пониманіемъ людей и событій. Грановскій, въ одной изъ своихъ лекцій, вѣрно отозвался объ этомъ популярнѣйшемъ изъ властителей. „Сравнивая съ суровыми лицами другихъ дѣятелей того времени задумчивый и скорбный ликъ Луи IX, мы невольно задаемъ себѣ вопросъ объ особенномъ характерѣ его дѣятельности. Въ чемъ заключалась тайна его вліянія и счастія? Въ великихъ ли дарованіяхъ? Нѣтъ. Многіе изъ современниковъ не только не уступали, но превосходили его дарованіями. Въ великихъ ли успѣхахъ и счастіи? Нѣтъ. Дважды, при Мансурѣ и подъ Тунисомъ, похоронилъ французскій король цвѣтъ своего рыцарства. Въ новыхъ ли идеяхъ, которыхъ онъ былъ представителемъ? Но онъ не внесъ никакихъ новыхъ идей въ государственную жизнь Франціи, а напротивъ, употребилъ всѣ свои силы на поддержаніе и укрѣпленіе существовавшихъ до него учрежденій. Значеніе его было другаго рода.... Вся жизнь его, во всѣхъ ея проявленіяхъ, была проникнута однимъ глубокимъ и горячимъ чувствомъ христіанской правды (1)“.

Впрочемъ было бы ошибочно думать, что Луи IX всегда отличался гуманностью; въ немъ было слишкомъ много фанатизма, доходившаго иногда до звѣрства. Если бы онъ не имѣлъ этихъ увлеченій, мы могли бы назвать его благороднѣйшимъ человѣкомъ среднихъ вѣковъ, но, какъ бы то ни было, онъ все таки остается типичнымъ представителемъ своего времени. Ради подданныхъ Луи IX не щадилъ собственной жизни; онъ умеръ за дѣло вѣры и послужилъ живымъ примѣромъ, какъ нужно жертвовать собой во имя идеи. Онъ былъ весь самопожертвованіе. Такимъ людямъ не всегда улыбается счастіе, особенно если съ нравственною чистотою они не соединяютъ практическихъ способностей. Дѣйствительно, благочестивый король былъ лишенъ такого рода талантовъ. Онъ былъ высокимъ идеалистомъ на тронѣ, но безъ призванія къ власти, безъ пониманія потребностей народныхъ. Въ своей дѣятельности онъ держался строгаго консерватизма и въ этомъ отношеніи стоитъ гораздо ниже очень многихъ своихъ современниковъ. Онъ всегда былъ готовъ жертвовать Церкви всѣми земными интересами.

Причиною его извѣстности, обаянія его имени въ потомствѣ было то, что онъ въ замѣчательной гармоніи вопло-

(1) Грановскій. Сочиненія; изд. второе. I, 366 и сл.

тилъ въ себѣ много лучшихъ сторонъ минувшаго. Онъ не обладалъ организаторскими способностями и ради небеснаго воздаянія жертвовалъ политическимъ благомъ Франціи. Онъ не скрывалъ этого отъ народа.— „Ты не король, а священникъ и монахъ“, сказала ему разъ одна женщина.—Да ниспошлетъ Богъ лучшаго государя Франціи, отвѣтилъ ей король и приказалъ наградить ее. — Послѣдній могиканъ средневѣковыхъ идей, онъ бьется какъ рыцарь, во славу вѣры и Мадонны, пытаясь на своихъ слабыхъ плечахъ поддержать феодализмъ; онъ былъ послѣднимъ государемъ, который питалъ сочувствіе къ феодализму вопреки династическимъ интересамъ; онъ никогда не хотѣлъ, да и неспособенъ былъ служить монархіи и самому себѣ. Его доблесть отличалась также вполнѣ средневѣковымъ характеромъ. Самопожертвованіе, аскетизмъ, страхъ грѣха были стимулами его существованія.

Уложеніе Луи IX.

Но если Луи IX презиралъ эгоизмъ и хотѣлъ жить для ближнихъ, то нельзя согласиться, что онъ евангельски понималъ христіанское ученіе. Воспитанный въ эпоху торжества узкихъ римскихъ идей, онъ въ своей кроткой и любящей природѣ затаилъ одну ненависть, которою жилъ онъ и которая постепенно разросталась. Прощая личныя поношенія, онъ не могъ простить оскорбленія вѣры. Онъ принялъ подъ свое покровительство нищенствующихъ монаховъ и опредѣлилъ въ 1229 году плату за обращенныхъ еретиковъ. Для него ересь стала болѣе чѣмъ государственное преступленіе. Пеня полагалась за недонесеніе. Эта мѣра естественно должна была повлечь за собою истребленіе заблуждающихся. Знаменитые Etablissements de S. Louis, изданные въ 1270 году, являются самымъ крупнымъ памятникомъ нетерпимости и исключительности въ вопросахъ совѣсти. Въ этомъ отношеніи „Уложеніе“ интересно сравнить съ юридическимъ памятникомъ не меньшей, едва-ли не бо̀льшей важности, съ „Сицилійскими постановленіями“ Фридриха II. Если Петръ Винейскій счелъ необходимымъ прежде всего, уступая духу времени, гарантировать государство отъ еретиковъ самыми строгими мѣрами, то имъ руководили главнымъ образомъ политическія соображенія, которыя для него представляли существенный интересъ во всѣхъ слѣдующихъ пунктахъ. Французскій король смотритъ на свою задачу совершенно иначе. Имъ руководитъ религіозный интересъ прежде всего и самъ по себѣ; въ немъ весь центръ тяжести „Уло-

женія". Объ авторитетѣ королевской власти говорится лишь мимоходомъ. Хотя за нею признается божественное происхожденіе, но тѣмъ не менѣе баронамъ предоставлено защищать феодальныя права съ оружіемъ въ рукахъ, особенно если король не будетъ оказывать правый судъ вассаламъ. Это была реакція старинѣ. Потому законодательство гогенштауфена, упредившее на 40 лѣтъ Уложеніе св. короля, вмѣстѣ съ тѣмъ далеко опередило его въ широтѣ идей и въ пониманіи потребностей народовъ. Оно могло уйти слишкомъ впередъ, но несомнѣнно что Луи IX слишкомъ усердно стремился вернуть и возстановить прошлое. Законы послѣдняго во многомъ опирались на мѣстные парижскіе кутюмы, которые усердно обрекали смертной казни еретиковъ ([1]). Такова была мораль среднихъ вѣковъ; даже самые чистые представители ея, кроткіе духомъ, какъ Ѳома Аквинскій и Луи IX, заражались злобой и местью, неприсущими ихъ натурамъ, когда шелъ вопросъ о религіи; ихъ душу не могла утолить одна внутренняя борьба. Луи IX считалъ себя и своихъ подданныхъ призванными мстить за Бога. Ни онъ, ни они не должны сами спорить съ врагами и еретиками". На обязанности всякаго мірянина, читаемъ у Жуанвилля, въ случаѣ оскорбленія христіанства, лежитъ долгъ прибѣгать къ мечу и „вонзать его въ тѣла хулителей и невѣрующихъ такъ глубоко, какъ онъ войти можетъ". Странно было бы объяснять эту свирѣпость Луи IX вліяніемъ на короля его друга св. Ѳомы Аквинскаго, который долго жилъ въ Парижѣ въ якобинскомъ монастырѣ, въ улицѣ Санъ-Жакъ,— какъ полагаетъ одинъ изъ французскихъ историковъ ([2]). Строжайшій принципъ мести и насилія въ дѣлахъ вѣры проводился и парижскими кутюмами и ассизами іерусалимскими ([3]). Энергичный легистъ и роялистъ, первый проповѣдникъ королевскаго самодержавія, Бомануаръ, и тотъ говорилъ, что если бы король издалъ что либо противъ Бога и добрыхъ

([1]) Etabl. de S. Louis; l. I. c. 85. Подробный разборъ этого замѣчательнаго памятника средневѣковаго права, весьма точно составленный, между прочимъ у Sismondi (Hist. des Français; VIII, 62—97).

([2]) H. Martin. Hist. de France; IV, 284.—Sismondi (VIII, 24) въ свою очередь приписываетъ много вліянія пріору доминиканцевъ въ Парижѣ.

([3]) Въ случаѣ обвиненія рыцаря или барона въ ереси (Patarin):— «ses Pers le doivent juger à arder, et tout quanque li a, escheit au seignor par droit». Assises du royaume de Jerusalem. c. 266 (Beugnot. Recueil des historiens des croisades; lois, t. I).

правовъ, то не слѣдуетъ ему повиноваться (¹). Въ Луи IX принципъ насилія совѣсти долженъ былъ воплотиться болѣе чѣмъ въ комъ нибудь изъ современниковъ, по искренности его натуры и по его способности фанатически отдаваться идеѣ. Онъ три раза въ недѣлю по постамъ жестоко бичевалъ себя плетью и три раза каждую ночь подпимался на молитву, какъ разсказываетъ его доминиканскій духовникъ. Онъ хотѣлъ быть королемъ по Писанію, судьею и царемъ ветхозавѣтнымъ. Онъ считалъ себя обязаннымъ давать отчетъ Богу въ своемъ правленіи. Онъ не слѣдовалъ примѣру Фридриха II, не считалъ ересь только государственнымъ преступленіемъ. Онъ не могъ владѣть собою отъ озлобленія, услышавъ, гуляя по улицамъ Парижа, какъ кто-то вслухъ оскорблялъ величіе Божіе; онъ велѣлъ схватить дерзкаго и заклеймить раскаленнымъ желѣзомъ его губы. Когда за это противъ короля послышался ропотъ, то онъ сказалъ, что „лучше позволитъ исклеймить себя, чѣмъ допуститъ, чтобы подобныя кощунства произносились въ его королевствѣ“. Папа Климентъ IV часто долженъ былъ удерживать короля отъ излишней жестокости и строгихъ мѣръ, поднятыхъ во имя Бога. Вмѣстѣ съ евреями и еретиками король изгонялъ католическихъ ростовщиковъ и банкировъ. Проценты были для него выраженіемъ личнаго интереса, а по его высоконравственной философіи эгоисты были неугодны Богу. Въ 1268 году онъ изгналъ такимъ образомъ 150 банкировъ и конфисковалъ у нихъ имущества на 800 тысячъ ливровъ. Онъ самъ ни во что ставилъ личное оскорбленіе королевскаго достоинства и когда въ Лангедокѣ вспыхнуло возмущеніе въ 1243 году онъ ничѣмъ не мстилъ послѣднему тулузскому государю, Раймонду VII, обязавъ его только оказать содѣйствіе въ изгнаніи еретиковъ. Онъ простодушно думалъ, что и духовенство руководится тѣмъ же безкорыстіемъ. Онъ полагалъ допускать католиковъ до владѣнія землями и замками еретиковъ, издалъ даже объ этомъ 1250 года особый ордонансъ, но инквизиторы тотчасъ стали противодѣйствовать ему и король уступилъ. По Уложенію 1270 года опредѣлено только движимость отдавать католическимъ наслѣдникамъ, а недвижимость конфисковать. Съ цѣлью разъяснить права той и другой стороны, короли назначали своихъ прокуроровъ

(¹) Coustumes de Beauvoisis (Beugnot, id.; II, 259).

во французскіе трибуналы. Они не имѣли вліянія на самое производство дѣлъ. Лучшія статьи уложенія Луи IX касательно судопроизводства—напримѣръ сообщеніе всѣхъ документовъ подсудимому, арестъ обвинителя въ уголовныхъ дѣлахъ наравнѣ съ обвиненнымъ, необходимость показаній по крайней мѣрѣ двухъ свидѣтелей для допущенія пытки, — не примѣнялись къ духовнымъ судилищамъ. По Уложенію, напримѣръ, ложное обвиненіе въ уголовномъ преступленіи вело на висѣлицу; для инквизиціи оно часто бывало необходимо Костеръ, на который обрекало еретиковъ Уложеніе, приравнивалъ ихъ въ юридическомъ смыслѣ къ развратникамъ и содомитянамъ. Всѣ прочія преступленія безпощадно наказывались висѣлицею, искалѣченіемъ, но не огнемъ. По своимъ сердечнымъ идеаламъ французскій король хотѣлъ пересоздать современное ему общество. Съ самоотреченіемъ и энергіей, но съ удивительнымъ заблужденіемъ, онъ стремился осуществить на землѣ царство Христа, чистые подвижническіе нравы; онъ хотѣлъ заставить развратныхъ, убійцъ и обманщиковъ пѣть хоромъ вѣчную молитву благодаренія Творцу. Онъ преслѣдовалъ эту цѣль до гроба. Для достиженія ея онъ имѣлъ одно орудіе — устрашеніе, средство, которое могло только развить зло, а не уничтожить его. Думая служить благу общества, Луи IX служилъ своимъ личнымъ чувствамъ и ненавистямъ, самъ не замѣчая того.

Жуанвилль.

Его историкъ Жуанвилль не можетъ не посмѣяться надъ нимъ при всей къ нему преданности. Личность талантливаго писателя, выражающая собою разложеніе тогдашняго рыцарства, заслуживаетъ особеннаго вниманія. Онъ происходилъ изъ одной знатной фамиліи въ Шампаньи. Въ началѣ своей дѣятельности Жуанвилль относился къ современности съ сочувствіемъ, которое перешло потомъ въ недовольство и выразилось въ насмѣшкахъ и издѣвательствахъ надъ нею. Будущій историкъ, оставившій первый историческій памятникъ на французскомъ языкѣ, получилъ воспитаніе при дворѣ Тибо, графа Шампаньи. Этотъ графъ славился какъ одинъ изъ лучшихъ труверовъ Франціи. Его стихи можно читать съ удовольствіемъ и теперь. Жуанвилль едва ли помогалъ графу въ его возстаніи противъ короля, такъ какъ искренне любилъ послѣдняго, но онъ поддался вліянію своего сюзерена съ другой стороны. Легкомысленный, часто скептическій духъ Тибо пере-

шелъ и къ Жуанвиллю, которому кромѣ того приходилось встрѣчать и слышать провансальскихъ трубадуровъ, навѣщавшихъ графа Шампаньи и разносившихъ либеральныя идеи, враждебныя католической вѣрѣ. Духъ скептицизма, нерѣдко возбуждавшій Жуанвилля къ диспутамъ съ богословами Сорбонны, проникъ и въ его „исторію". Извѣстно, что Луи IX ссорился съ своимъ будущимъ историкомъ за его легкомысліе. Близкій свидѣтель записалъ слѣдующій анекдотъ, выясняющій отношенія короля къ автору. Однажды король спросилъ его, что бы онъ предпочелъ: смертный грѣхъ или проказу.—„Лучше тридцать грѣховъ, чѣмъ проказу", поспѣшно отвѣтилъ рыцарь, къ крайнему прискорбію благочестиваго короля.—„Такой нѣтъ проказы, которая сравнялась бы съ смертнымъ грѣхомъ", строго замѣтилъ король ([1]). Остроты Жуанвилля, разсыпанныя въ его книгѣ, не всегда справедливы по отношенію къ королю. Когда въ 1245 году заговорили о крестовомъ походѣ, баронъ Жуанвилль сталъ собирать своихъ близкихъ и зависимыхъ отъ него рыцарей, не рѣшаясь отказаться раздѣлить судьбу короля. Онъ замѣчаетъ, что поступилъ такъ не изъ желанія помогать пилигримамъ, а по долгу вѣрности королю. Слѣдуетъ замѣтить, что крестовые походы для многихъ въ то время стали болѣе дѣломъ моды, чѣмъ вѣры. Жуанвилль сознавалъ, что рыцарю неблаговидно сидѣть дома, когда король жертвуетъ собой за общее дѣло. Онъ рѣшился идти за нимъ всюду, куда бы ни пришлось. Жуанвиллю было въ это время 22 года; онъ былъ уже женатъ, но ради святаго дѣла, онъ оставилъ жену и дѣтей, заложилъ родовыя земли и послѣдовалъ за своимъ государемъ, оставивъ семейству небольшую сумму на расходы. Аббатъ благословилъ Жуанвилля, далъ ему крестъ и вручилъ посохъ. Можетъ быть этотъ веселый баронъ думалъ пошутить, когда заказалъ своему аббату панихиду на всякій случай. Во все время своего разсказа Жуанвилль не прочь посмѣяться надъ самыми серьезными вопросами; въ этомъ заключается важная черта тогдашняго общества, начинавшаго скептически относиться къ религіи. Остротъ надъ своимъ положеніемъ, надъ обстоятельствами крестоваго похода встрѣчается очень много въ исторіи Жуанвилля ([2]).

([1]) Vie de S. Louis par le Confesseur de la reine Marguerite (Bouquet; XX, 87).

([2]) Жуанвилль дожилъ до глубокой старости и подъ конецъ жизни, по желанію наваррскаго короля, написалъ сочиненіе «Жизнь Святаго

Седьмой крестовый походъ.

Крестовыя войны Луи IX были послѣднимъ выраженіемъ искренняго религіознаго чувства, замѣтно ослабѣвшаго въ средневѣковомъ обществѣ. Король, благодаря своему характеру, не могъ довольствоваться тѣми полувыгодами, къ которымъ привелъ крестовый походъ Фридриха II. Онъ не удовлетворялся тѣмъ, что христіанамъ впродолженіи десяти лѣтъ предоставлялось право безпрепятственнаго посѣщенія Гроба Господня и хотѣлъ возстановить независимость Палестины отъ невѣрныхъ. Но чтобы вернуть ее, надобно было нанести

Луи IX», гдѣ онъ очень рельефно вывелъ скорбный ликъ короля. По внутреннимъ и внѣшнимъ достоинствамъ, исторія Жуанвилля принадлежитъ къ блестящимъ произведеніямъ средневѣковой исторической литературы и послѣ испанскихъ хроникъ занимаетъ первое мѣсто. Простой безъискусственный разсказъ автора не чуждъ поэтическаго одушевленія, красоты и изящества изложенія; не даромъ его сравниваютъ съ Гомеромъ и Геродотомъ. Первая часть сочиненія представляетъ характеристику Луи IX, во второй излагаются его войны съ вассалами, съ Генрихомъ III англійскимъ, а въ послѣдней спеціально описаны крестовые походы Луи IX. Хроника Жуанвилля даетъ обильный матеріалъ относительно всѣхъ сторонъ современной эпохи. Лучшее изданіе хроники сдѣлано Наталисомъ де Вальи. Оно повторено два раза, снабжено словаремъ, примѣчаніями, картами; см. также у Bouquet; XX, 190—304.—Sepet (Analyse de Joinville, P. 1874) и Очеркъ Ср. Исторіогр. 37.—Другой историкъ этого времени, доминиканскій монахъ Geoffroi de Beaulieu написалъ: «Vita Ludovici noni». Онъ былъ духовникомъ короля и сопровождалъ его во всѣхъ походахъ; его лѣтопись носитъ клерикальный характеръ; изд. Bouquet (XX, 1—27).—Для этой же эпохи надо указать на общую государственную лѣтопись Франціи Вильгельма де Нанжи. Эта лѣтопись составляетъ часть общей хроники Святаго Діонисія.—Затѣмъ—францисканецъ Вильгельмъ, бывшій духовникъ королевы Маргариты, оставилъ спеціальный трудъ о личности Луи IX, который по стилю близокъ къ Жуанвиллю (Vie de S. Louis par le confesseur de la reine Marguerite—Bouquet, XX, 59—121). Этотъ францисканецъ писалъ по просьбѣ дочери св. короля, Бланки, которая, овдовѣвъ послѣ смерти инфанта кастильскаго Фердинанда, поселилась въ монастырѣ кордильерокъ въ Парижѣ. Она желала увѣковѣчить память объ отцѣ, который былъ канонизованъ въ 1297 г. и съ этою цѣлью обратилась къ духовнику своей матери, который написалъ не исторію, а характеристику Луи IX, иллюстрируя фактами ту или другую черту его личности. Это произведеніе вышло потому весьма оригинальнымъ и интереснымъ.—Кромѣ того вышеназванный Guillaume de Nangis составилъ «Gesta Sancti Ludovici et Philippi III» (Bouquet; XX, 312—539). Его же столѣтняя хроника съ 1226 по 1327 г. (Bouquet; XX, 543—646). — Надо принять въ соображеніе и мусульманскія сказанія,

прежде рѣшительный ударъ центру мусульманскихъ владѣній, который былъ теперь не въ Сиріи, не въ Малой Азіи, а въ Египтѣ. Здѣсь утвердилась династія энергичныхъ и талантливыхъ мамелюковъ. Послѣдній крестовый походъ Фридриха II удался только относительно. Личное вліяніе побуждало халифовъ дѣлать христіанамъ рядъ уступокъ безъ войны, такъ какъ мусульмане любили императора, который не скрывалъ и своихъ симпатій къ нимъ. Но французскій король питалъ къ нимъ совсѣмъ иныя чувства и не симпатизировалъ политикѣ Фридриха II. Когда онъ организовалъ походъ, мусульмане были уже предувѣдомлены объ этомъ ихъ другомъ изъ Европы, императоромъ Фридрихомъ II. Это было явленіе невѣроятное, но ему нечего удивляться, принимая во вниманіе характеръ Фридриха II. Іерусалимское королевство, по истеченіи срока дѣйствія десяти - лѣтняго перемирія, нельзя было иначе назвать, какъ христіанской колоніей. Слѣдствіемъ послѣдняго крестоваго похода было пріобрѣтеніе права посѣщать Іерусалимъ, Виѳлеемъ и другіе священные города. Положеніе

которыя помѣщены въ извлеченіи у Мишо въ IV томѣ, у Вилькена и Рено (Bibl. des Croisades). Изъ мусульманскихъ писателей выдается Макризій, который можетъ даже соперничать съ Жуанвиллемъ, но онъ работалъ уже спустя сто лѣтъ послѣ Жуанвилля. Родомъ изъ Каира, Макризій занимается исторіею Мамелюковъ, которая извѣстна подъ оригинальнымъ названіемъ «Путь къ познанію правленія царей».—Въ 1859 году генуэзскій ученый Belgrano издалъ документы, заключающіе въ себѣ коммерческіе счеты генуэзской республики съ Франціей по поставкѣ матеріальныхъ предметовъ для крестоваго похода. Генуэзцы воспользовались походомъ короля и потребовали у него подтвержденія своихъ правъ. Интересно наблюдать по нимъ меркантильный духъ итальянскихъ республикъ, пользовавшихся крестовымъ движеніемъ для своего обогащенія, который въ то же время доказывалъ ихъ равнодушное отношеніе къ дѣламъ вѣры. Документы для эпохи Луи IX издалъ Beugnot. Les Olim ou Registres des arrtês rendus par la Cour-du Roi sous les règnes de Louis IX etc. (P. 1834—48 4 vls. въ Coll. de doc.). Монографій очень много; изъ нихъ замѣчательнѣйшія: Pierre Matthieu (P. 1618), Filleau de la Chaise (P. 1688, 2 vls.), Bury (P. 1775, 2 vls.), Hess (Fr. 1788), Prévault (H. Brun Lavainne. Lille, 1827, 1829, 1840, 2 vls.), Villeneuve-Bargemont (P. 1836, 3 vls.), Le Nain de-Tillemont (P. 1847—51, 6 vls.), Feuilleret (Taillebourg et S. Louis; expèdition en Saintonge, P. 1851). Biechy (France au XIII siècle, Limb. 1852). Walsch (S. Louis et son siècle, 2 éd. P. 1853). Faure (P. 1869), Boutaric (S. Louis et Alphonse de Poitiers, P. 1870), Wallon (S. Louis et son temps, P. 1871). Сверхъ того съ 1510 по 1800 г. издано 20 спеціальныхъ панегириковъ только на французскомъ языкѣ.

христіанъ въ Палестинѣ было очень затруднительно по причинѣ частыхъ партизанскихъ войнъ и тѣхъ раздоровъ, которые обуревали мусульманскихъ вождей. Если какой либо христіанскій городъ переходилъ на сторону одного князя, то онъ могъ разсчитывать, что завтра пострадаетъ отъ другаго. Одинъ изъ мусульманскихъ князей напалъ на христіанскія владѣнія, затѣмъ ворвался въ Іерусалимъ, перерѣзалъ всѣхъ пилигримовъ, пришедшихъ на поклоненіе Гробу Господню, умертвилъ правителей города и уничтожилъ его укрѣпленія. Бѣдственное положеніе христіанъ на Востокѣ стало извѣстно Европѣ, но всѣ напряженныя усилія Григорія IX поднять западныхъ государей противъ невѣрныхъ сначала не имѣли никакого успѣха. Папа болѣе всѣхъ королей разсчитывалъ на Луи IX, но тотъ, занятый борьбой сначала съ королемъ англійскимъ, потомъ съ наваррскимъ, не могъ согласиться на просьбу папы. Въ 1244 году Луи IX впалъ въ тяжкую болѣзнь и казалось былъ близокъ къ смерти. Одна изъ дамъ, ходившая за больнымъ королемъ, сочтя его умершимъ, хотѣла уже покрыть ему лицо, но замѣтила легкое дыханіе. Пока собравшіеся около короля спорили, умретъ онъ, или будетъ жить, „Господь даровалъ ему жизнь“,— разсказываетъ Жуанвилль. Тогда благочестивый король потребовалъ, чтобъ ему принесли крестъ, что было исполнено, и произнесъ обѣтъ крестоваго похода. Папа Иннокентій IV воспользовался настроеніемъ короля и началъ склонять къ походу французскихъ епископовъ и бароновъ. Король также употреблялъ всѣ средства, чтобы получить ихъ содѣйствіе. Въ 1245 году французскіе бароны были приглашены въ Парижъ. Въ праздникъ Рождества, послѣ ранней обѣдни, при слабыхъ лучахъ солнца, они съ удивленіемъ замѣтили, что у нихъ нашиты красные кресты. Этотъ неожиданный сюрпризъ былъ сдѣланъ по приказанію короля. Не желая снять эти кресты, бароны смѣялись до слезъ. Крестъ приняли братья короля, герцогъ бургундскій, множество бароновъ и прелатовъ. Впрочемъ король мало заботился о матеріальныхъ приготовленіяхъ къ походу. Онъ надѣялся получить содѣйствіе отъ Фридриха II, который между тѣмъ уже извѣстилъ мусульманъ объ угрожавшей имъ опасности. Не подозрѣвая этого, король началъ даже хлопотать за Фридриха II предъ Иннокентіемъ IV, произнесшимъ отлученіе его отъ Церкви, и словами Евангелія, въ самыхъ трогательныхъ и искреннихъ выраженіяхъ, умолялъ папу снять отлу-

ченіе съ государя, участіе котораго король считалъ весьма важнымъ въ предстоящемъ походѣ.

А между тѣмъ, приступая къ крестовому походу, онъ не дѣлалъ никакихъ рѣшительныхъ и серьезныхъ приготовленій. Всѣ серьезныя практическія соображенія были не въ его характерѣ, потому понятно, что несчастливы должны были быть предпріятія короля. Онъ относился къ вопросамъ внутренней политики также, какъ и къ дѣламъ внѣшнимъ; поэтому его политическіе планы кончались обыкновенно печально.

Французская эскадра пока состояла изъ 38 судовъ. Королева сопровождала своего мужа. Надо замѣтить, что она приносила собою больше энергіи и способностей, чѣмъ всѣ вожди. Первая станція крестоносцевъ была на островѣ Кипрѣ, въ Никозіи, гдѣ королю пришлось зимовать въ 1248 году. Оттуда онъ отправилъ посольство къ Гаюку, монгольскому хану. Онъ думалъ тѣмъ упрочить связи съ врагами египетскаго султана, разсчитывая на раздоры въ мусульманскомъ мірѣ. Монголы тогда привлекали всеобщее вниманіе, разграбивши восточную Европу и сдѣлавъ попытку ворваться даже въ среднюю Европу. Крестоносцы разсчитывали встрѣтить друзей среди дикарей; но изъ всего этого ничего не вышло. Посольство, которое отправилось въ далекую Монголію, — куда можно было, идя десять часовъ въ сутки, добраться только черезъ годъ,—иныхъ результатовъ, какъ научныхъ для любознательности, не могло принести. Французскіе доминиканцы открыли страну, неизвѣстную въ древности, и это одно могло только удовлетворить французскаго короля. Въ то же время посланнымъ было поручено изыскивать средства для пропаганды среди монголовъ. Луи IX имѣлъ цѣлью обратить въ католичество этихъ могучихъ владыкъ Азіи. На Кипрѣ во время зимовки подошло много другихъ судовъ. Но итальянцы не давали перевозочныхъ средствъ безъ большихъ денегъ, не снабжали припасами и обманывали. Наконецъ дѣло уладилось, соглашеніе состоялось, такъ что итальянскіе корабли присоединились къ французскимъ.

Едва въ маѣ 1249 года французская эскадра оставила берега Кипра, направляясь въ Египетъ. Плыло 140 судовъ, на нихъ сидѣло до 2800 рыцарей и нѣсколько десятковъ тысячъ простыхъ воиновъ. Силъ было весьма достаточно для того времени; но не было достойнаго вождя, способнаго вселить въ души мужество; одного вліянія короля было недоста-

точно. Буря разметала три четверти судовъ. Наконецъ знамя св. Діонисія 4 іюля 1249 года было водворено на берегу Египта. Крестоносцы опрокинули сарацинъ и заняли Даміетту, покинутую мусульманами. Но скоро обнаружились безпорядки въ христіанскомъ войскѣ, когда стали дѣлить добычу. Войско могло остаться безъ всякихъ средствъ для дальнѣйшаго существованія. Когда добыча была разграблена частными лицами, пришлось вождямъ заняться мародерствомъ и грабежемъ. Одни совѣтовали вернуться въ Александрію, другіе предлагали идти на Каиро. Послѣднее мнѣніе восторжествовало. Маргарита, жена короля, съ гарнизономъ осталась въ Даміеттѣ, а все войско двинулось въ путь. На Маргариту было возложено весьма важное порученіе готовить резервы на случай нападенія, и она, стоя на высотѣ задачи, лучше чѣмъ мужчины того времени, исполнила возложенное на нее порученіе. Въ то время, какъ крестоносцы подвигались вверхъ по Нилу, мусульмане были подъ предводительствомъ Факреддина. Послѣдній считался рыцаремъ, потому что лично былъ пожалованъ по преданію въ этотъ санъ самимъ императоромъ Фридрихомъ II, его другомъ. Онъ обладалъ замѣчательнымъ военнымъ талантомъ и безконечно превосходилъ своихъ христіанскихъ противниковъ.

Плѣненіе Луи IX (5 апр. 1250 г.). Христіане расположились противъ мусульманъ, выдвинули свои стѣнобитныя машины, навели мосты и готовились ударить на врага. Первыя двѣ битвы подъ Мансурой были удачны для христіанъ, которые даже отбили у мусульманъ ихъ метательныя машины. Но черезъ недѣлю послѣ того на крестоносцевъ съ противоположнаго берега былъ направленъ греческій огонь, представлявшійся имъ въ видѣ пламенной бочки; всѣ порывы храбрости исчезли при этомъ неожиданномъ фейерверкѣ греческаго огня. Французскіе рыцари такъ струсили, что оказались недостойными своего сана; самъ король испугался и закричалъ: „Господи, спаси меня и людей моихъ!“ Осадныя машины скоро запылали. Это еще болѣе усилило панику среди крестоносцевъ. Они отступили въ безпорядкѣ; сарацины ихъ преслѣдовали и остановили при Фарсикурѣ. Здѣсь произошла катастрофа. Факреддинъ былъ убитъ еще въ началѣ сраженія, но это нисколько не помѣшало успѣху сарацинъ, начальство надъ коими принялъ Бибарсъ, вождь мамелюковъ-багаритовъ, выходецъ изъ Средней Азіи, можетъ быть туркменъ. Послѣ продолжительной схватки мусульмане одолѣли.

По сообщеніямъ мусульманскаго историка, значительно преувеличеннымъ, 10 тысячъ христіанъ осталось на полѣ битвы; со стороны же мусульманъ какимъ-то чудомъ пало всего 100 человѣкъ. Побѣдители взяли будто 100 тысячъ плѣнныхъ, считая пилигримовъ и слугъ. Конечно, такая цифра фантастична, хотя самъ король свидѣтельствовалъ оффиціально, что изъ христіанскаго пѣшаго воинства никто не ушелъ, а спаслись только немногіе, успѣвшіе прорваться на судахъ внизъ по Нилу. Луи IX и его свита не были такъ счастливы. Когда мамелюки, предводимые Бибарсомъ, стали тѣснить крестоносцевъ, король удалился на ближайшій холмъ. Его замѣтили мусульмане и удвоили свои усилія. Они протѣснились до короля и плѣнили его. Луи IX и его братья, Карлъ Артуа и Альфонсъ Пуатье, сдались евнуху Мухсуну Эльзалиги, который приказалъ сейчасъ же набросить желѣзную цѣпь на плѣнниковъ.

Нельзя умолчать объ одномъ обстоятельствѣ, которое приводитъ Жуанвилль, разсказывая о плѣнѣ короля. „Когда король сдался, когда христіанамъ не оставалось никакой надежды, то болѣе храбрости оказали тѣ духовные, которые сопровождали войско, чѣмъ сами крестоносцы“. Страхъ былъ слишкомъ великъ, но христіане не допускали мысли, что они побѣждены. Монахи не хотѣли сдаваться и соглашались лучше погибнуть подъ копьями мусульманъ, „желая скорѣе умереть и наслѣдовать рай, нежели сдаться плѣнниками“. Таково было настроеніе французскихъ рыцарей (¹).

Жуанвилль, не отличавшійся особенной храбростью, нисколько не скрываетъ этого и не стѣсняется даже изобразить потомству свою собственную трусость. Онъ былъ на итальянской галерѣ; когда четыре бригантины султана, наполненныя 10 тысячами моряковъ, какъ со страха показалось графу, приблизились къ нему. „Клирикъ бывшій на суднѣ, разсказываетъ Жуанвилль, рѣшилъ что мы должны сами лишить себя жизни, чтобы отправиться въ рай. Но мы не хотѣли этому вѣрить,

(¹) Кромѣ обстоятельнаго и типичнаго разсказа Жуанвилля, плѣненнаго вмѣстѣ съ королемъ, духовника королевы Маргариты и Макризія, источникомъ для VII крестоваго похода служитъ письмо самого Луи IX — Epistola de captione et liberatione suo ad subditos suos (Bongars. Gesta Dei per Francos, 1196 — 1200), переведенное М. М. Стасюлевичемъ (III, 732—738).

ибо страхъ смерти слишкомъ сильно овладѣлъ нами. Когда я увидѣлъ что приходится сдаться, я схватилъ бывшую со мною шкатулку, гдѣ находились драгоцѣнности, а также священные предметы (et mes reliques aussi) и бросилъ все въ рѣку. И мнѣ сказалъ одинъ изъ моряковъ, что если я не позволю ему сказать, что я родственникъ королевскій, то они всѣхъ насъ убьютъ. И я ему отвѣчалъ, что онъ можетъ сказать все что хочетъ". Благодаря этой невинной хитрости, Жуанвилль спасъ себѣ жизнь. Когда его перетащили на берегъ и бросились на него съ ножами, то крикъ: „родственникъ короля" остановилъ убійцъ. — „А я уже чувствовалъ ножъ у горла, разсказываетъ историкъ, и опустился на колѣни.... И тотчасъ меня пробрала дрожь отъ великаго страха, мною испытаннаго, а также отъ болѣзни" (1). Жуанвилль скоро узналъ про судьбу несчастнаго короля.

Короля мусульмане заключили въ оковы, какъ и всѣхъ другихъ плѣнниковъ, и отвели въ такомъ видѣ въ Мансуру вмѣстѣ съ братьями подъ охраной евнуха; тамъ его заключили въ домѣ секретаря султана; пурпуровую съ сѣрымъ мѣхомъ шапку королевскую, какъ знакъ побѣды, отняли и отправили въ Дамаскъ. Обогатившись чрезмѣрнымъ числомъ плѣнниковъ, мусульмане начали безпощадно истреблять ихъ. Они сожгли большіе корабли, наполненные больными и ранеными христіанами. Затѣмъ устроены были цѣлыя гекатомбы. По словамъ духовника Маргариты, ежедневно убивали по 300 или 400 простыхъ воиновъ; такимъ образомъ погибло до 100 тысячъ французовъ; конечно, здѣсь разумѣется не одно только войско, но и та большая свита, которая, обыкновенно, сопровождала частныхъ лицъ. „Видя такую тиранію, говоритъ Жуанвилль, я замѣтилъ, что мусульмане поступаютъ несправедливо, противно предписанія язычника Саладина, повелѣвавшаго не убивать человѣка, а давать ему отъ своего стола

(1) «Et lors, pour la poour que je avoie, je commençai a trembler bien fort et pour la maladie aussi». Hist. de S. Louis, a. 1250 (Bouquet. XX, 240).— Интересно, что первый вопросъ эмира историку былъ объ императорѣ Фридрихѣ II (Ferri d' Alemaingne), его другѣ. Онъ справился не родственникъ ли онъ плѣннику? Жуанвилль поспѣшилъ присочинить родство со стороны матери, которая-де была двоюродной сестрой императору. Это эмиру понравилось. Онъ отвѣтилъ, что и за это любитъ меня еще болѣе» (tant mamoit il miex).

хлѣба и соли; но они отвѣчали мнѣ, что эти люди никуда негодятся и не могутъ ничего дѣлать; до того они больны и хилы". Впослѣдствіи, не разъ укоряя христіанъ, мусульмане говорили, что „если бы Магометъ принуждалъ ихъ столько страдать, сколько христіанскій Богъ, то они никогда не увѣровали бы въ него" (1). Тѣмъ не менѣе нѣсколько тысячъ крестоносцевъ приняли изъ страха мученій мусульманство и поселились навсегда въ Египтѣ.

Облегченію участи короля способствовали самыя обстоятельства: среди враговъ возникли разладъ и междоусобія, въ теченіи коихъ умеръ Неджъ-Эддинъ, халифъ Египта. Во время регенства султанши Шегеретъ-Эддуръ, смерть его скрывали и всѣ приказанія исходили какъ бы отъ него самого. Туранъ-Шахъ ѣхалъ изъ Месопотаміи, чтобы принять власть. Новый султанъ, прибывъ въ Египетъ, съ первыхъ дней отличился азіатскою жестокостью. Онъ велъ мрачную жизнь и отличался развратомъ. Онъ не могъ ладить съ мамелюками; тѣмъ болѣе опасны были эти послѣдніе, что ими предводительствовалъ Бибарсъ. Онъ сталъ притѣснять султаншу; она просила защиты, по напрасно; мамелюки возмутились и Бибарсъ за столомъ нанесъ первый ударъ Туранъ-Шаху. Султанша успѣла убѣжать съ сыномъ, которому отсѣкли обѣ руки. Они скрылись въ башнѣ; ее подожгли; преслѣдуемые бросились внизъ. Три дня трупъ Туранъ-Шаха пролежалъ на берегу и никто не рѣшался его похоронить. „Желѣзо, огонь и вода, говоритъ мусульманскій историкъ, соединились вмѣстѣ, чтобы рѣшить судьбу Туранъ-Шаха". Западный лѣтописецъ прибавляетъ, что мамелюки готовы были воспользоваться своей побѣдой, чтобы покончить разомъ и съ христіанскимъ плѣннымъ королемъ. Но Макризій не подтверждаетъ этого, напротивъ, приводитъ нѣкоторые примѣры великодушія. Во всякомъ случаѣ новое торжество могло помѣшать облегченію участи и освобожденію короля, ибо наступила анархія. Было время, когда плѣннику грозили даже пытками, чтобы получить большій выкупъ. Полудикіе побѣдители грозили отослать короля въ Багдадъ, гдѣ раздробятъ ему кости. Но Луи IX сохранилъ свое королевское достоинство; онъ предлагалъ за свою особу Даміетту, гдѣ мучилась Маргарита въ неизвѣстности объ участи своего супруга и гдѣ она родила сына, прозваннаго Три-

(1) Joinville, a. 1250 (Bouquet, XX, 241, 247).

стана, котораго поручила защитѣ окружавшихъ ее итальянцевъ, также собиравшихся отъ страха бѣжать. Призвавъ къ своей постели одного стараго рыцаря, королева заставила его дать клятву, что онъ отрубитъ ей голову, если невѣрные ворвутся въ Даміетту. Рыцарь поклялся весьма охотно (moult volontiers). Между тѣмъ королю предложили продолжать переговоры о выкупѣ. Султанъ самъ назначилъ полмилліона византійскихъ золотыхъ; но Луи согласился внести эту сумму за выкупъ лишь рыцарей, а за себя предлагалъ Даміетту. Тронутый этимъ самопожертвованіемъ и великодушіемъ французскаго короля, который не хотѣлъ торговаться и соглашался внести сумму, назначенную какъ maximum,—султанъ смягчился. „Передайте ему что я, сказалъ султанъ, скидываю съ той суммы 100 тысячъ ливровъ. Клянусь короной, щедръ и великодушенъ этотъ французъ, если онъ ничего не хочетъ выторговать изъ такихъ большихъ денегъ“.

Вообще благочестивый король произвелъ благопріятное впечатлѣніе на мусульманъ и въ свою очередь вынесъ отъ нихъ такое же благопріятное впечатлѣніе. Король былъ отпущенъ на тѣхъ условіяхъ, какія онъ предложилъ самъ. Его братъ Альфонсъ, графъ Пуатье, остался заложникомъ въ исполненіи договора.

Чрезъ два мѣсяца послѣ высадки, т. е. 20 мая 1250 года, французскій король сѣлъ на генуэзскую галеру и отправился, но не во Францію, куда ему было тяжело вернуться побѣжденному, а опять на новые подвиги—въ Палестину и Африку. Мамелюки хотѣли воротить его, но, къ счастію, король былъ уже далеко. Мусульманскій историкъ, разсказавъ объ удаленіи Луи IX, съ справедливою гордостью превозноситъ успѣхи оружія своего роднаго народа. „Смерть служителей Мессіи, говоритъ Макризій, была наградой, ниспосланной намъ съ неба Аллахомъ. Вы пристали къ Египту, разсчитывая имъ овладѣть. Вы вообразили себѣ, что страна населена трусами; о вы, барабаны, наполненные вѣтромъ. Вы думали, что минута погибели мусульманъ наступила и эта ложная мысль закрыла отъ васъ всѣ опасности. Безъ сомнѣнія, ваши муллы предсказывали вамъ побѣды. Они ошиблись. Могила разверзлась подъ стопами вашихъ воиновъ. Что осталось отъ 60 тысячъ, которыя васъ сопровождали. Пусть Аллахъ чаще внушаетъ вамъ подобныя намѣренія. Египту нечего опасаться васъ!... Если же жажда мщенія побудитъ

вновь вернуться въ Египетъ, то знайте что домъ Локмана (гдѣ былъ заключенъ король) еще стоитъ на мѣстѣ, что тетива готова и евнухъ не дремлетъ" (¹)... Тѣмъ не менѣе было заключено десятилѣтнее перемиріе.

Экспедиція Луи IX въ Палестину.

Султанъ еще при жизни утвердилъ за христіанами оставшіяся ихъ владѣнія въ Палестинѣ, больнымъ обѣщалъ покровительство и конвой, если они пожелаютъ отправиться въ Іерусалимъ. Все это было потдверждено регентствомъ; но послѣ гибели Туранъ-Шаха необходимъ былъ новый договоръ. Бибарсъ подтвердилъ только то, за что онъ могъ ручаться, такъ какъ его власть была незаконна и не простиралась на весь Востокъ. Христіанамъ пришлось переговариваться въ Палестинѣ съ другими халифами, потому то Луи IX и предпринялъ экспедицію въ Акру; онъ хотѣлъ побудить мусульманъ къ уступкамъ и издалъ манифестъ, призывая христіанскихъ рыцарей къ новому походу. Это было въ августѣ 1250 года. Онъ не успѣлъ забыть еще тѣхъ впечатлѣній, которыя вынесъ изъ перваго похода, и рискнулъ отправиться въ новую экспедицію. „Воспряньте воины Христовы, взывалъ король, соединитесь вмѣстѣ и послѣдуйте примѣру отцовъ, которые отличались своею горячею храбростью и наполнили весь міръ своею славой; послѣдуйте за нами и получите награду, хотя явитесь и поздно". Но къ задушевному и теплому голосу короля рыцари остались равнодушны. Онъ укрѣпилъ на собственныя средства Акру, Яффу, Сидонъ и Кесарію, самъ присутствуя при работахъ. Здѣсь король проявилъ примѣръ трогательнаго самопожертвованія. Во время работъ въ Сидонской крѣпости 2000 рабочихъ были умерщвлены сарацинами; ихъ тѣла были брошены на съѣденіе звѣрямъ. Луи IX поспѣшилъ изъ Яффы и увидѣлъ страшную картину разложенія массы труповъ подъ палящимъ зноемъ. Никто не хотѣлъ подойти къ тѣламъ христіанъ. Король взялъ на плечи останки одной изъ жертвъ и самъ перенесъ ихъ въ освященную заранѣе общую могилу:—„Дайте, друзья мои, сказалъ онъ, немного земли подвижникамъ Христовымъ". Тогда пристыженные спутники короля послѣдовали его примѣру. Пробывъ четыре года безцѣльно въ Палестинѣ, такъ какъ нельзя

(¹) Макризій. Путь къ познанію правленія царей. Франц. пер. у Petitot. Coll. des mémoires, t. III; извл. у Стасюлевича (III, 732—738).

было предпринимать войны съ ничтожными силами, Луи отправился въ Европу, чтобы лично убѣдить рыцарей къ новому походу. Луи оставилъ Палестину въ 1254 году; у Кипра его галера получила поврежденіе отъ подводныхъ камней. Онъ отказался пересѣсть на новый корабль, боясь, что это помѣшаетъ другимъ его спутникамъ достигнуть Франціи.—„Я лучше готовъ подвергнуть себя, королеву и дѣтей опасности, сказалъ онъ, чѣмъ причинить столько несчастій семействамъ моихъ подданныхъ, если я пересяду на новый корабль".

Это было трогательное заявленіе евангельской братской любви.

Возвращеніе во Францію. По возвращеніи на родину, Луи перешелъ отъ прежней гуманности къ другому образу дѣйствія. Настало время энергичныхъ распоряженій, которыя то шли въ разрѣзъ съ политикой королей и противорѣчили политическимъ интересамъ Капетинговъ, то возбуждали вражду духовенства. Его лангедокскіе подданные, вновь пріобрѣтенные, жаловались, что сенешалы мѣшаютъ торговлѣ. Король ограничилъ сенешаловъ съѣздами депутатовъ отъ всѣхъ сословій. Этимъ Луи IX незамѣтно, самъ того не думая, а можетъ быть и не желая, подточилъ феодальный строй. Вскорѣ онъ уступилъ по договору 20 мая 1259 году королю Англіи изъ своихъ прежнихъ французскихъ владѣній: Лимузенъ, Перигоръ, Анженуа, Керси и часть Сентонжа; въ замѣнъ чего Генрихъ, король англійскій, отказался навсегда отъ Нормандіи, Анжу, Мэна, Тюрени, Пуату и сѣвернаго Сентонжа. Это придало нѣкоторую внутреннюю связь владѣніямъ французскаго короля; правительство избавилось отъ обладанія тѣмъ, что приходилось было болѣе или менѣе постоянно держать въ страхѣ. Во всякомъ случаѣ въ этомъ распоряженіи короля выразился духъ самопожертвованія. „Я это сдѣлалъ, говорилъ король, чтобы установить миръ и любовь между моимъ наслѣдникомъ и Генрихомъ, которые между собой родственники, кузены, и думаю, что въ этомъ отношеніи поступилъ хорошо". Въ виду такихъ политическихъ соображеній можно думать, что государственныя распоряженія Луи исходили не столько отъ него самого, сколько отъ того кружка образованныхъ легистовъ, который окружалъ его. Во всякомъ случаѣ, если бы не легисты, то благу Франціи—при такомъ уже слишкомъ не честолюбивомъ и не эгоистичномъ королѣ—грозила серьезная опасность. Законоположенія касательно Церкви и нравственности изданы подъ его редакціей. Въ 1254 году евреямъ запреща-

лось жить въ городахъ Франціи. Король жестоко преслѣдовалъ евреевъ, велѣлъ имъ поселиться въ деревняхъ и запретилъ заниматься ростовщичествомъ. Но эта мѣра, направленная благими побужденіями, которой нельзя отказать въ оригинальности, принесла немного пользы. Ростовщичество перешло въ другія руки, именно къ итальянцамъ; спустя два года 150 банкировъ, большею частію изъ города Асти, были арестованы и изгнаны изъ Франціи. Такъ жестоко преслѣдовалъ король ростовщиковъ. Но сила вещей взяла свое; предосудительное занятіе, ростовщиковъ,—безъ котораго тогда не могло быть ни движенія торговли и промышленности, ни кредита,—искоренить было невозможно. Съ исключительно монашескимъ взглядомъ король относился и къ другимъ вопросамъ. Ему ничего не значило три раза въ теченіе ночи молиться и бичевать себя для собственнаго удовольствія веревкой; но предписывать такія испытанія подданнымъ было въ высшей степени нетактично. Всегда блѣдный, съ грустною думой, которою хотѣлъ искупить грѣхи христіанства, онъ не смѣялся никогда, и съ опущенными долу очами всегда думалъ о своихъ собственныхъ грѣхахъ. Онъ готовъ былъ сдѣлать монастырь изъ своего королевства и считалъ своею священною обязанностью во всякомъ случаѣ мстить за оскорбленіе и попраніе вѣры. Мы упоминали, какъ онъ велѣлъ выжечь клеймо на губахъ кощуна, возмутившаго его религіозное чувство. Неумѣстную ревность короля въ охраненіи христіанскаго благочестія Климентъ IV принужденъ былъ сдерживать въ виду тѣхъ жестокихъ мѣръ, какія король предпринималъ противъ еретиковъ. Самъ по себѣ Луи IX былъ весь смиреніе, имѣлъ на своемъ содержаніи 120 человѣкъ бѣдныхъ, нѣсколько разъ въ году садился за столъ съ прокаженными; но дѣлать это обязательнымъ для всѣхъ не вызывалось необходимостью. Легисты продолжали подкапываться подъ зданіе феодализма; бароны французскіе оказались безсильными защититься отъ нихъ въ самый роковой моментъ. Во Франціи аристократія пренебрегала своими правами, дальнѣйшее развитіе которыхъ могло выработать конституцію въ родѣ англійской. Пэры охотно передали свои права одному изъ старшихъ товарищей, а тотъ, невольно долженъ былъ приглашать себѣ работниковъ, искусныхъ юристовъ, учившихся въ Орлеанѣ и выходившихъ изъ простаго народа. Такъ называемые легисты изъ судовъ пробрались ко двору короля и сдѣлались его совѣтниками, тогда какъ ба-

роны занимались соколиной охотой. Появленіе такого новаго судьи въ доменѣ съ юридическимъ образованіемъ, знакомаго съ римскимъ правомъ, производило переворотъ въ данной мѣстности. Легистами — новымъ судебнымъ сословіемъ — и было составлено уложеніе, о которомъ мы говорили выше. Все остальное, относящееся къ строю государства, было также плодомъ трудолюбивыхъ юристовъ. Но забавнѣе всего представляются намѣренія короля улучшить нравственность французскаго народа и довести таковую до соотвѣтствующей высоты, когда приходится ознакомиться съ нравами духовенства.

Прежде всего само духовенство второй половины XIII вѣка нуждалось въ нравственномъ исправленіи болѣе, чѣмъ самъ народъ. Стоитъ только прочесть отрывки руанскаго епископа Евда Риго [1], относящіеся къ положенію дѣлъ въ его епархіи, чтобы убѣдиться какими пороками страдало французское духовенство.

Книга цеховъ.

Есть еще одна важная черта государственной дѣятельности Луи. Онъ покровительствовалъ среднему сословію, тогда еще только зарождавшемуся. Надо замѣтить, что съ „возлюбленнымъ“ парижскимъ населеніемъ связывали Луи IX особыя симпатіи. Разъ въ 1227 году на юнаго еще короля, недалеко отъ Парижа, въ Монлери напали бароны; парижане, узнавшіе объ этомъ, забили въ набатъ, пошли выручать короля и вырвали его изъ рукъ дерзкихъ феодаловъ. За это Парижъ получилъ самое широкое городское самоуправленіе на условіяхъ „коммуны“. Во главѣ столицы всталъ купеческій староста, prévôt des marchands; избираемый торговцами, онъ сдѣлался головой Парижа, правителемъ города, его хозяиномъ. Въ помощь ему для распредѣленія налоговъ на собственность (taille), для сбора подушной подати, назначаемой правительствомъ огульно въ общей суммѣ, выбирались депутаты, которые составляли думу, завѣдывавшую всѣмъ городскимъ имуществомъ. Самъ король и его дворъ подчинялись органамъ самоуправленія. Этотъ порядокъ казался удобенъ въ фискальныхъ цѣляхъ. Начальникамъ отдѣльныхъ цеховъ было предоставлено право вершить гражданскія судебныя дѣла въ первой инстанціи. Понятно, все это требовало упорядоченія, регламентаціи, письменныхъ кодексовъ. И вотъ около

---

[1] Registrum visitationum arch. Rothmagensis 1841—68. изд. Bonnin 1847.

1255 года, Этьенъ Буалевъ (Boisleve), городской голова Парижа, издалъ книгу, носящую названіе „Livre de métiers" (цеховъ); это сводъ всѣхъ правилъ, которыми пользовались цехи ([1]). Къ ней приложенъ тарифъ, по которому продавались товары; этотъ тарифъ служитъ цѣннымъ памятникомъ для изученія условій дѣятельности зарождавшагося торговаго сословія. Надо вспомнить, что тогда, а именно въ 1262 году, только что введена была общая монета во Франціи. Строгій блюститель правды, другъ народа, Луи IX завѣщаетъ своему преемнику заботу и любовь къ народу и, вообще, къ среднему сословію, „ибо иначе, продолжаетъ король, я предпочту любовь шотландца или другаго иноземца, чѣмъ тебя, дабы онъ правилъ по закону и чести". Между тѣмъ тотъ же государь прибѣгаетъ къ суровымъ мѣрамъ за ересь и пороки, господствовавшіе въ обществѣ, въ которыхъ не было безгрѣшно и само духовенство. За ересь предавали казни огнемъ, за воровство—отрѣзанію уха, за фальшивую монету—лишенію зрѣнія. Должно замѣтить, что пытка являлась тогда какъ бы органическимъ дополненіемъ къ судопроизводству; достаточно было двухъ показаній, чтобы виновнаго подвергнуть пыткѣ; жестокость была провозглашена, какъ основная сила правосудія. Правда, что факты слѣдствія сообщались обвиняемымъ, но при существованіи пытки это не могло имѣть смягчающаго значенія.

Прагматическая санкція 1269 г.

Судьба хотѣла, чтобы благочестивѣйшій изъ королей вооружился противъ самовластія иностраннаго духовенства во Франціи. Луи IX былъ виновникомъ Прагматической санкціи галликанской церкви, обнародованной въ 1269 году. Эта греко-восточная форма церковно-правительственныхъ отношеній встрѣчается уже въ указахъ Филиппа I въ 1105 году. Теперь она была развита гораздо точнѣе и опредѣленнѣе. По пятому параграфу ея запрещается вывозить излишнія деньги въ Римъ ([2]). Прагматическая санкція возстаетъ противъ симоніи епископовъ и защищаетъ право свободнаго избра-

---

([1]) Réglements sur les arts et métiers de Paris, rédigés au XIII siècle et connus sous le nom du livre des méties d'Etienne Boileau, publiés par Depping (P. 1837, въ коллекціи Гизо Coll. des doc.).

([2]) «A moins que la caisse n'en soit reconnue raisonnable, par le roi et par l'Eglise de France». Въ коллекціи Гизо напечатанъ въ 1855 г. томъ—Privilèges accordés à la couronne de France par le Saint-Siège.

нія священниковъ мѣстнымъ капитуломъ, аббатовъ—монахами, права прелатовъ на бенефиціи, выгораживая всѣ церковныя мѣста отъ алчныхъ претензій Рима. Тѣ, которые основывали монастыри и строили на свой счетъ церкви, получили права сюзереновъ и замѣщали мѣста, по своему усмотрѣнію. Вообще французское духовенство избавлялось отъ давленія дотолѣ всемогущей римской курiи, авторитетъ которой былъ такимъ образомъ потрясенъ руками благочестивѣйшаго изъ королей. Само собою разумѣется, что никто другой изъ католическихъ государей не осмѣлился бы рѣшиться на ограниченіе папскихъ прерогативъ въ годины высшаго могущества римскихъ первосвященниковъ. Искренность благочестія Луи IX была внѣ всякаго сомнѣнія; ссориться съ нимъ Риму было немыслимо, а передача ему доли правъ папскихъ представлялась умѣстною. Оттого прагматическая санкція не вызвала протеста.

Такъ въ тѣ годы, которые знаменуютъ начало паденія папства, Франція отпадаетъ отъ средневѣковаго Рима и ищетъ болѣе самостоятельнаго положенія въ церковныхъ дѣлахъ. Это отпаденіе особенно знаменательно тѣмъ, что исходило отъ одного изъ благочестивѣйшихъ королей.

Это не мѣшало впрочемъ сочувствію короля къ политическому расширенію предѣловъ Франціи и его готовности служить крестовой идеѣ до гробовой доски.

Процессъ сліянія Юга съ Франціей. Графъ Альфонсъ.

Такъ называемый Югъ, краса Галліи, постепенно отходилъ подъ суровую руку французскихъ королей.

Французскіе комиссары объѣхали всѣ земли Раймонда VII и вездѣ приняли присягу; они не были только въ Венессэнѣ, т. е. маркизатствѣ Прованскомъ, такъ какъ Церковь оспаривала права графовъ тулузскихъ на эту область и предоставила имъ одинъ титулъ. Тамъ города тѣмъ болѣе привыкли жить вполнѣ самостоятельно. Послѣ смерти Раймонда VII, общины Арль и Авиньонъ провозгласили себя республиками и выбрали трибуномъ Бараля де Бо. Арль принадлежалъ Карлу; Авиньонъ—графу Альфонсу и Церкви. Бараль отправился къ королевѣ-матери, чтобы войти въ соглашеніе, но изъ разговоровъ съ нею убѣдился, что кромѣ безусловной присяги онъ не можетъ выхлопотать ничего для своихъ согражданъ. Съ первыхъ же дней французская корона принесла строгій монархическій духъ и порядокъ, который противорѣчилъ историческимъ преданіямъ и обычаямъ Лангедока

и Прованса. Республиканскія начала не могли быть терпимы при новомъ правительствѣ. Альфонсъ велѣлъ вести кадастръ своимъ пріобрѣтеніямъ и составить счетъ доходовъ, который сообщить ему. Большія суммы капелланъ его успѣлъ собрать во время крестоваго похода и послать деньги Альфонсу при письмѣ, которое служитъ источникомъ свѣдѣній о строѣ тогдашней администраціи. Совершенно чужой для своихъ новыхъ подданныхъ, Альфонсъ смотрѣлъ на нихъ, какъ на простую статью дохода. Когда послѣ плѣна и неудачнаго похода, онъ вернулся во Францію и занялся прiисканіемъ средствъ помощи крестоносцамъ,—то, увлеченный порученіями короля, не поинтересовался даже взглянуть на свое наслѣдіе и проѣхалъ прямо въ Ліонъ къ папѣ, думая уговорить его помириться съ Фридрихомъ II, а послѣ направился къ англійскому королю, разсчитывая на сочувствіе послѣдняго къ крестовому дѣлу. Только послѣ всего онъ вспомнилъ о своихъ подданныхъ и рѣшился поѣхать къ нимъ. Весною 1251 года онъ прибылъ вмѣстѣ съ женою въ Авиньонъ. Здѣсь республиканская община отказала ему въ повиновеніи; въ союзѣ съ Карломъ, графомъ Прованса, онъ хотѣлъ принудить ее силою. Авиньонцы смирились и покорились, ограничившись присягой Альфонса ихъ старымъ вольностямъ. 23 мая графъ имѣлъ торжественный въѣздъ въ Тулузу, гдѣ, собравъ жителей, подтвердилъ клятвою ихъ вольности, но тутъ же объявилъ себя государемъ не по завѣщанію, а въ силу парижскаго договора.

Отмѣна завѣщанія Раймонда VII.

Такимъ образомъ французы явились обладателями лучшей и богатѣйшей части Юга по тому-же праву завоевателей, по которому они пріобрѣли домены въ 1227 году, съ тою впрочемъ разницею, что образъ дѣйствій правительства на этотъ разъ былъ гораздо безнравственнѣе. За завоеваніемъ послѣдовалъ подлогъ. Когда-то побѣдители утвердились въ странѣ насильственно, остріемъ меча, предводимые вооруженными монахами, теперь же они опирались на ложь и въ политическомъ подлогѣ искали средствъ и опоры для своего водворенія (1). Королевское правительство досадовало на завѣщаніе Раймонда VII, которое отдаляло богатый доменъ отъ короны. Альфонсу отдано было приказаніе уничтожить завѣщаніе. Но такъ какъ оно было уже обнародовано, то слѣдовало доказать его незаконность.

(1) См. третью главу нашего изслѣд. «Первая Инквизиція».

Здѣсь появляется на сценѣ новое орудіе. Крестоносцевъ смѣнили на этотъ разъ юристы. Имъ поручено доказать, что совершенно вѣрный документъ не вѣренъ и не имѣетъ значенія, а что подложная ссылка на парижскій договоръ—какъ нельзя болѣе справедлива. Если легисты вполнѣ достигли своей цѣли, то исторія не можетъ не признать, что повѣствованіе о подробностяхъ уничтоженія провансальской національности увеличилось еще одною темной страницей, что безчестный образъ дѣйствій еще разъ сталъ орудіемъ весьма важнаго историческаго факта.

Не было документа составленнаго болѣе формально и легально, какъ завѣщаніе Раймонда VII. Оно было написано въ здравомъ умѣ, въ присутствіи болѣе чѣмъ законнаго числа свидѣтелей и скрѣплено 21 печатями; завѣщатель не нарушалъ прежнихъ договоровъ и, какъ добрый католикъ, почти всѣ свои капиталы отказалъ на богоугодныя цѣли. Лучшіе французскіе юристы должны были выказать много дерзости, чтобы отвергнуть эти данныя; болѣе 20 легистовъ занялись этимъ дѣломъ. Между ними былъ ученый провансалецъ Гвидо Фулькодій, который послѣ сталъ папою подъ именемъ Климента IV. Онъ продалъ себя и самостоятельность своей родины французскому двору за блестящую карьеру ([1]). Юрисконсульты рѣшили, что для дѣйствительности завѣщанія не соблюдены условія, требуемыя гражданскими римскими законами, такъ какъ не имѣется удостовѣренія, что завѣщаніе прочтено передъ завѣщателемъ и свидѣтелями и что самъ завѣщатель не объявлялъ объ этомъ; другіе придирались, что печати приложенныя къ документу не замѣняютъ подписей и что свидѣтели не удостовѣрили ихъ, что завѣщаніе было вскрыто въ отсутствіи наслѣдниковъ и свидѣтелей. Подтвержденіемъ того, что всѣ такія толкованія были произвольны и имѣли одну цѣль—закрѣпощеніе страны за французскими принцами, служитъ признаніе законности дополненія къ завѣщанію, по которому король и папа должны были получить обратно свои деньги, и которое съ бо̀льшимъ основаніемъ слѣдовало бы отвергнуть, какъ составленное безъ всякихъ формальностей. Юристы, конечно, получили внушеніе, что двору вовсе нежелательно отказаться отъ такой значительной суммы. Не обозначала ли вся эта исторія съ завѣщаніемъ про-

---

([1]) Decamps. Traité de l'origine des dom. du roy au Lang.; LIX, 35.

извола прикрытаго бумажными формами, и чѣмъ разнилась эта мнимая законность отъ насилія и попранія всякой справедливости?

Французамъ невыгоденъ былъ одинъ документъ, — рѣшили, что онъ незаконенъ; имъ былъ полезенъ другой, — нашли, что онъ вполнѣ легаленъ.

Какъ бы то ни было, завѣщаніе Раймонда VII было объявлено недѣйствительнымъ. Іоанна была устранена отъ престолонаслѣдія, и братъ французскаго короля, или точнѣе самъ французскій король, сталъ государемъ Тулузы и ея областей.

Но въ Парижѣ забыли, что въ завѣщаніи заинтересованъ весьма вліятельный элементъ — церкви и монастыри, которые получали въ силу его значительные дары. Съ ними ссориться было опасно. Они протестовали. Альфонсъ предложилъ имъ сдѣлку, но жадность духовенства не допускала ущерба. Аббатство Фонтевро особенно домогалось завѣщанныхъ драгоцѣнностей покойнаго. Едва успѣли сойтись на обоюдныхъ уступкахъ, на уплатахъ и бенефиціяхъ, и то только благодаря тому, что Альфонсъ опирался на свой безупречный католическій авторитетъ и на услуги, оказанныя Риму. При этомъ графъ указывалъ на мнимую беззаконность документа, которая уничтожала всю силу записей. Онъ хотѣлъ казаться великодушнымъ, даже распоряжаясь чужой собственностью.

Подчиненіе всей восточной половины Юга коронѣ французской надо считать съ года смерти Раймонда VII, потому что Альфонсъ былъ лишь номинальнымъ государемъ. Принявъ присягу, онъ тотчасъ же оставилъ Лангедокъ, чтобы никогда въ него не возвращаться. Съ нимъ скоро сдѣлался нервный ударъ и онъ былъ не въ состояніи тронуться съ мѣста. Больной, изъ своего Венсенскаго замка, а послѣ изъ своего парижскаго дворца у воротъ S. Honoré, онъ управлялъ страной, собиралъ съ нея доходы и неуклонно вводилъ тѣ реформы, которыя указывало ему парижское правительство. Послѣднее даже не затруднилось распорядиться доменами Альфонса, какъ бы своими собственными; оно брало, отдавало и мѣняло его земли, не спрашивая согласія. Другимъ доказательствомъ парижскаго правительственнаго вліянія было то, что земли провансальскаго языка получили такое административное преобразованіе, которое сгладило въ нихъ мѣст-

ныя политическія и соціальныя особенности и приблизило по внутреннему строю къ землямъ сѣвернымъ, короннымъ.

Договоръ съ Генрихомъ III въ 1258 г.

Въ 1258 году Луи IX заключилъ въ Корбейлѣ трактатъ съ Іаковомъ I аррагонскимъ, а въ Аббевилѣ (¹) договоръ съ Генрихомъ III англійскимъ, который долженствовалъ прекратить вражду между тремя королевствами, причинявшую частыя опустошенія на Югѣ. Въ Корбейлѣ король аррагонскій отказался отъ своихъ правъ на нѣкоторые припиринейскіе домены и на нѣсколько кантоновъ въ Оверни, удержавъ за собою только сюзеренство Монпелье. Здѣсь не было даже и рѣчи о правахъ Альфонса, можетъ быть потому, что самыя владѣнія были спорны. Но иное дѣло былъ договоръ съ Англіей. Луи IX преслѣдовало довольно благородное, но не совсѣмъ практическое желаніе — поправить „великую несправедливость“ своего дѣда Филиппа II, который отнялъ у англійскаго короля Пуату и другія земли на Югѣ. Генрихъ III не въ состояніи былъ бы возвратить ихъ оружіемъ, но благодушіе Луи IX предупредило его. Ему стоило только указать, что его отецъ когда-то въ Лондонѣ обязался возвратить Англіи эти земли, и король почувствовалъ себя не въ правѣ ихъ удерживать, хотя послѣ Генрихъ III, нарушивъ свои обязательства и поднявъ оружіе, тѣмъ самымъ освобождалъ французскаго короля отъ нравственной отвѣтственности. Но получивъ соотвѣтственныя гарантіи отъ Генриха III, Луи IX возвратилъ и уступилъ вмѣстѣ съ своими доменами и то, что входило въ удѣлъ Альфонса и въ наслѣдство Іоанны, ни мало не спрашивая согласія графа, графини и ихъ народа. Въ Ангулемѣ, Лимузенѣ, Керси и Перигорѣ Луи IX не имѣлъ прямыхъ доменовъ, но только права на присягу (droit d'hommage) разныхъ феодаловъ, которые въ большинствѣ не любили англійскаго короля, хотя въ послѣдствіи стали во вражду съ Франціей, такъ какъ англійская власть оказалась болѣе гуманной къ ихъ національности. Изъ доменовъ Альфонса Луи IX уступилъ Англіи доходы Аженуа, по оцѣнкѣ особыхъ „добрыхъ мужей“ (prudes hommes), а также съ нижняго Керси и съ области Кагора. Такимъ образомъ приданое жены Раймонда VII отходило назадъ къ Англіи распоряженіемъ французскаго короля. Послѣ смерти графини де-Пуатье, т. е. Іоанны, Англія имѣла получить также южный Сантонжъ. Въ вознагражденіе за это, Генрихъ III и за себя и за на-

слѣдниковъ отказывался отъ всякихъ правъ на Нормандію, Анжу, Менъ, Турень, сѣверный Сантонжъ, Онисъ, Пуату и сверхъ того признавалъ себя вассаломъ французскаго короля за всѣ англійскія владѣнія на материкѣ, прежнія и новыя, вмѣстѣ съ Гіенью и Бордо. Послѣднее условіе должно было удовлетворить самолюбіе французскихъ вельможъ и самого короля, хотя и не давало никакихъ матеріальныхъ выгодъ. Въ самомъ дѣлѣ, средневѣковымъ французамъ, всегда тщеславнымъ и самолюбивымъ, было лестно имѣть своимъ вассаломъ безпокойнаго сосѣда и одного изъ могущественнѣйшихъ государей. По многимъ косвеннымъ доменамъ Франція ничего не теряла, по другимъ теряла доходы, власть въ городахъ, но сохраняла королевскій авторитетъ, который простирался теперь на вдвое большіе предѣлы. Французскіе королевскіе сенешалы попрежнему оставались въ уступленныхъ областяхъ рядомъ съ англійскими, а въ Перигорѣ появился новый, который напоминалъ собою верховную власть въ Гіени. Парижскій парламентъ, какъ видно изъ документовъ, принималъ по прежнему апелляціи на рѣшенія англійскихъ сенешаловъ и приводилъ въ исполненіе свои приказанія (¹). Но ежегодная уплата 3720 ливровъ за Аженуа, добровольно возложенная на себя королемъ, естественно раздражала французскій народъ, такъ какъ напоминала данническія отношенія и не могла загладиться тѣмъ, что Генрихъ III въ Луврской башнѣ преклонилъ колѣно предъ государемъ Франціи, чего не было уже 50 лѣтъ. Во всякомъ случаѣ Франція получила довольно выгодный миръ, а главное — спокойствіе и увѣренность за свои границы, хотя это достигалось нарушеніемъ самостоятельности провансальской національности (²). Желаній не только населенія, но даже бароновъ въ уступленныхъ земляхъ не спрашивали. Своему великодушію и личному спокойствію король, вопреки справедливости, приносилъ въ жертву законные интересы Юга. Замѣчательно, что онъ думалъ сдѣлать этимъ прекрасное дѣло (moult bonne oeuvre).

Отвѣтомъ на это служило общее недовольство и въ Лангедокѣ и въ самой Франціи, высказавшееся даже среди соб-

(¹) Подлинникъ помѣченъ 28 мая 1258 г.—Trésor des Chartes, J. 629, № 4. — У Martin въ Hist. (IV, 262) ошибочно — 20 мая 1259 г.

(²) Les Olim ou registres des arrêts rendus par la cour sous S. Louis etc. publ. par Beugnot; I, 533, 723.

ственнаго двора короля (¹). Воинственное рыцарство не хотѣло спокойно взвѣсить выгодъ трактата. Оно не вразумлялось, что гористый Перигоръ и бѣдный Лимузенъ стоятъ четырехъ лучшихъ провинцій Франціи.—„Государь, намъ кажется, что вы потеряли, когда увѣряете, что выиграли, сказали ему въ совѣтѣ".—Выходило, что потеряли обѣ стороны. Замѣчательно, что трактатъ, не удовлетворивъ французовъ, одинаково раздражилъ и англійскихъ бароновъ. Онъ былъ предлогомъ къ возбужденію возстанія вельможъ и городовъ въ Англіи, и едва Генрихъ III не поплатился за него короною. Существенной причиной революціоннаго движенія была зависть гіеньскихъ и англійскихъ вельможъ къ богатымъ бенефиціямъ, захваченнымъ итальянцами. Ненависть къ римскому церковному владычеству дошла до того, что образовались общества для убійства папскихъ гонцевъ съ іоркширскими рыцарями во главѣ.

Послѣдствія французской власти въ Провансѣ.

Провансальцы послѣ аббевильскаго трактата могли понять, что ими отнынѣ распоряжаются по произволу, какъ покоренными, что даже не желаютъ видѣть разницу между подданными короля и графа. Личность Луи IX не могла тамъ внушать симпатіи. Когда короля канонизировали, то во многихъ мѣстностяхъ Юга отказались признавать новый праздникъ. Для выраженія злобы противъ его братьевъ всюду не находили словъ. Въ самомъ дѣлѣ, французское управленіе, хотя приносило съ собою порядокъ, не могло внушить симпатіи ни въ одномъ слоѣ населенія. Французы начали ломать самыя дорогія начала самоуправленія. Легисты, которые тогда появились въ королевскомъ совѣтѣ, изъ университетовъ Италіи вынесли глубокое уваженіе къ государственнымъ принципамъ Римской имперіи, т. е. централизаціи и возвышенію монархи-

---

(¹) Beugnot (Essai sur les instit. pol. de S. Louis, p. 50), Michelet (H. de France; III, 348), H. Martin (IV, 262)—находятъ миръ невыгоднымъ. Съ большимъ основаніемъ взглянули на договоръ спеціалисты: Lenain de Tillemont (Vie de S. Louis; IV, 162) и Boutaric (Alphonse, 95).

(¹) Joinville: «Sire, nous nous merveillons moult que vostre volonté est tele que vous voulez donner au roy d'Angleterre si grant partie de vostre terre que vous et vostre devancier avez conquise sus li et par leur meffait. Dont il nous semble que se vout entendez que vous ni aiés droit, que vous ne fèsez pas bon rendage au roy d'Angleterre, se vous ne li rendez toute la conqueste que vous et vostre devancier avez faite».

ческаго сана. Въ Германіи и Англіи проявились тѣ же идеи, но тамъ ихъ постигла другая участь. Во Франціи онѣ побѣдили. Имперію и Англію эти попытки обезсилили.

Почва Лангедока и Прованса была покрыта сотнями муниципій. Ураганъ альбигойскихъ походовъ смылъ нѣкоторыя изъ нихъ, но во время мира они возродились снова и звукъ вѣчеваго колокола получилъ свое прежнее обаяніе. Французскіе сенешалы подъ вліяніемъ легистовъ противодѣйствуютъ этому. Они рѣшительно не допускали новыхъ общинъ. Они уничтожали старыя общины не прямо, а выискивали предлоги, которыми служило возмущеніе, неисполненіе обязательствъ и пр.

Восьмой крестовый походъ.

Неудача седьмаго крестоваго похода обусловливалась личными качествами французскаго короля и отсутствіемъ всякаго плана. Большія силы, двинутыя въ Египетъ, погибли напрасно. Казалось печальный опытъ и послѣднія тяжелыя испытанія должны были послужить серьезнымъ урокомъ, но, по возвращеніи во Францію, Луи IX не переставалъ мечтать о новомъ походѣ. Одушевленный искреннимъ участіемъ къ положенію Святой Земли, онъ не могъ отказаться отъ защиты ея; онъ не могъ успокоиться до тѣхъ поръ, пока не совершитъ, какъ онъ выражался, своего призванія. Онъ былъ вполнѣ человѣкомъ минувшаго. Ему ли было понять, что самый фактъ его плѣненія не произвелъ того паническаго впечатлѣнія на Европу, какое можно было ожидать? Могъ-ли онъ допустить мысль о томъ, что его идеалы отжили свой вѣкъ, когда онъ жилъ только однимъ прошлымъ. Онъ оставался тѣмъ же мягкимъ, чистосердечнымъ добрякомъ. Онъ все приносилъ въ жертву своей идеѣ; онъ думалъ успокоить разрозненные элементы своего государства, уступивъ англійскому королю лучшія провинціи, пріобрѣтенныя имъ прежде. Онъ сократилъ издержки своего двора. Онъ сталъ совѣщаться съ папой Климентомъ IV о новомъ походѣ; но даже папа, обязанностью котораго было возбуждать къ крестовому походу, сознательно затягивалъ дѣло и едва-едва согласился на допущеніе новаго похода, въ виду прежнихъ неудачъ. Легатъ папскій наконецъ явился въ Парижъ. Но какъ мало было сочувствія къ новому походу видно изъ того, что, по словамъ Готфрида Булье, вельможи и князья тогда только пошли за королемъ, когда получили отъ него хорошіе подарки. Можетъ быть изъ всего французскаго крестоноснаго воинства

только одинъ его вѣнценосный вождь увлекался чистою идеею. Предъ походомъ король созвалъ въ Парижъ прелатовъ, рыцарей, бароновъ и многихъ другихъ людей. Собравши ихъ вмѣстѣ, король сдѣлалъ воззваніе къ присутствующимъ. Онъ воодушевлялъ ихъ къ отплатѣ за оскорбленіе, нанесенное Христу. Послѣ короля говорилъ легатъ отъ имени папы. Онъ надѣлъ крестъ на короля и на его трехъ сыновей, на нѣсколькихъ прелатовъ, графовъ и бароновъ. Но прежняго одушевленія не было; замѣчательно, что готовность служить святому дѣлу отъ мужчинъ перешла къ женщинамъ. За герцогомъ бургундскимъ дала обѣщаніе послѣдовать его жена Іоланта, за Альфонсомъ графомъ Пуатье,—его супруга; кромѣ ихъ готовы были отправиться: графини Бретонская, Жанна Тулузская, Куртнэ. Но никто изъ крестоносцевъ не скрывалъ что идетъ въ походъ не по увлеченію, а изъ желанія сдѣлать угодное государю, котораго нельзя было не любить. Послѣднія несчастія охладили всѣхъ. Королева Маргарита, при всей преданности мужу, не рѣшилась сопровождать его. Передъ ней возставали страшныя воспоминанія о страданіяхъ въ Даміеттѣ; она видѣла то убійцъ около своего болѣзненнаго одра, то толпы вооруженныхъ сарацинъ, которые пришли отнять у нея и мужа и сына. На этотъ разъ измѣнилъ королю даже его преданный, старый другъ, баронъ Жуанвилль. Онъ разсчиталъ, что и прежнихъ подвиговъ во славу Креста съ избыткомъ достаточно. Разсказывая о приготовленіяхъ къ послѣднему походу, онъ не могъ не сострить, замѣтивъ что тѣ, „которые посовѣтовали королю это странствіе за море, совершили смертный грѣхъ“.

Три года прошло въ приготовленіяхъ къ походу. Насталъ уже 1270 годъ, послѣдняя весна для короля, а еще не все было готово. Чувствовался недостатокъ въ пѣшихъ воинахъ; приходилось платить имъ жалованье, снабдить деньгами на подъемъ, о чемъ прежде не было и помина, такъ какъ все это лежало на отчетѣ феодаловъ, часто продававшихъ свои земли передъ походомъ. Для того чтобы добыть необходимыя средства правительство ввело чрезвычайный поголовный налогъ. Знаменательно было то, что туже всего собирались деньги съ духовенства, которое жаловалось на тяжесть десятины. Наконецъ волей-неволей потянулись крестоносцы къ южнымъ гаванямъ, сосредоточиваясь въ Марсели и Эгъ-Мортѣ, гдѣ были приготовлены нанятыя у генуэзцевъ суда.

Экспедиція на Тунисъ.

Въ то же время крестовое движеніе проявляло послѣднія усилія въ Англіи, Кастиліи, Аррагоніи, Португаліи и въ Неаполѣ. Это былъ замиравшій блескъ гаснувшей свѣчи. Сынъ короля Генриха III, принцъ Эдуардъ, отличавшійся страшной физической силой, подавивъ возстаніе бароновъ, изъявилъ желаніе послужить Христу. Онъ умѣлъ увлечь своимъ примѣромъ тѣхъ, которые раньше были его врагами. Короли Аррагоніи, Португаліи и Неаполя отправились лично, имѣя въ виду встать подъ начальство Луи IX. На немъ сосредоточивались всѣ надежды. Король работалъ неутомимо; ускорялъ сборы, снаряжалъ корабли, но его часто обманывали. Его напутствовали на этотъ разъ слезы народа и печальныя предчувствія. Когда онъ прибылъ въ Эгъ-Мортъ, съ цѣлью отплыть, то оказалось, что нѣтъ судовъ, назначенныхъ для морскаго плаванія. Предварительнаго плана не существовало. Когда нужно было садиться на суда, то въ сущности никто не зналъ куда плыть. Одни говорили, что лучше ѣхать въ Египетъ, другіе — въ Палестину. Изъ гавани поплыли куда глаза глядятъ и только дорогою, по настоянію Карла, брата короля, рѣшили повернуть на Тунисъ, откуда халифатъ получалъ деньги. Это тунисское государство находилось тогда въ вассальной зависимости отъ вавилонскаго султана, который, въ сущности, не былъ опасенъ для христіанскаго дѣла. Вавилонскій же халифатъ господствовалъ вплоть до Каиро. Но Луи IX занимала еще новая мысль: онъ думалъ не только отстранить возможность содѣйствія тунисскому халифату, но хотѣлъ склонить тунисскаго бея на свою сторону, чтобы обратить его въ христіанство. Надо замѣтить, что сообщались превратныя извѣстія изъ Туниса; говорили, что тунисцы давно бы были христіанами, если бы мечи сарацинъ не удерживали ихъ отъ этого. Но во второй половинѣ XIII вѣка въ общество проникли свѣтскіе идеалы, такъ что игнорировались уже миссіонерскіе взгляды. Кто, какъ не Луи Святой способенъ былъ быть лучшимъ миссіонеромъ въ католическомъ мірѣ? Онъ во Франціи считалъ тотъ день счастливымъ, когда крестилъ какого нибудь еврея. Слѣдуетъ прибавить, что на одномъ изъ попутныхъ острововъ захватило Луи IX тунисское посольство, соглашавшееся на сдѣлку. Но Луи IX хотѣлъ непремѣнно окрестить тунисцевъ.—Онъ отвѣтилъ: „Скажите вашему повелителю, что я горячо желаю обращенія его, что я согласился бы провести всѣ дни моей жизни въ темницѣ, лишь бы только

вашъ государь и народъ отъ чистаго сердца сдѣлались христіанами".

Луи IX въ самомъ дѣлѣ вѣрилъ, что только страхъ меча удерживаетъ мамелюковъ отъ импровизованнаго обращенія въ христіанство. Король полагалъ, что если представить убѣдительныя живыя доказательства въ видѣ флота, то пропаганда будетъ успѣшна. Во всякомъ случаѣ съ тѣми силами, которыя были у крестоносцевъ, вступать въ борьбу съ сильнымъ государствомъ было опрометчиво. „Тенисъ", считавшійся богатымъ городомъ Африки, былъ расположенъ около развалинъ древняго Карѳагена, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ нѣкогда римляне дрались съ пунійцами. Французы одержали легкую побѣду въ битвѣ, но ихъ силы послѣ были растрачены въ безполезныхъ мелкихъ схваткахъ. Южный зной, отсутствіе воды и свѣжихъ продуктовъ были причиной эпидеміи; гнилая лихорадка распространилась въ лагерѣ крестоносцевъ. Смертность росла въ продолженіе четырехъ мѣсяцевъ. Теперь крестоносцы хотѣли было отступить, но было уже поздно. Много рыцарей погибло, но еще болѣе томилось въ тюрьмахъ. Въ это время въ лагерь прибылъ король Сициліи, который былъ задержанъ на пути, онъ еще былъ на берегу, ожидая свиданія съ братомъ, какъ короля уже не существовало. Неумолимая смерть приближалась къ святому королю тѣмъ болѣе, что онъ не берегъ своего здоровья, ухаживая за больными.

Кончина Луи IX.

Луи захватилъ сильную лихорадку и слегъ въ постель. Послѣдняя его мысль была обращена къ тунисскимъ дѣламъ. Онъ передъ смертью назначилъ извѣстнѣйшихъ доминиканскихъ монаховъ для христіанской пропаганды въ Тунисѣ. Предсмертныя наставленія его, обращенныя къ наслѣднику, касались дѣлъ Церкви и государства. Эти слова умирающаго служили въ то же время его исповѣдью ([1]). Извѣстно, что въ средніе вѣка существовала величавая утопія, что по принципу каждый государь долженъ уважать права народа и что малѣйшее расширеніе королевскихъ прерогативъ лишаетъ его обаянія. Такъ проповѣдывалъ въ XIII вѣкѣ канонизованный Церковью Ѳома Аквинскій, а именно что государь долженъ служить своему народу. Вотъ въ этомъ-то смыслѣ и Луи IX, умирая, говорилъ своему сыну слѣдующія глубоко содержательныя и теплыя слова: „Не уклоняйся ни на право, ни на лѣво и поддержи-

([1]) Оба лѣтописца, Жуанвилль и духовникъ, записали это «завѣщаніе».

вай бѣдняка въ его жалобахъ. Если кто будетъ имѣть до тебя дѣло, исполни его. Если у тебя окажется собственность, принадлежавшая другимъ, пріобрѣтенная тобою или предками, то возврати ее немедленно. Наблюдай неустанно, чтобы твои подданные жили въ мирѣ, особенно въ городахъ и коммунахъ нашихъ, ибо богатство и могущество ихъ есть богатство и могущество престола королевскаго. Твои враги и соперники, а особенно твои пэры и бароны перестанутъ тогда бороться съ тобой. Остерегайся поднимать войну противъ христіанъ безъ крайней необходимости. Наблюдай за твоими чиновниками и байльи, прелатами и другими; слѣди за ихъ управленіемъ. Исправляй постепенно и благоразумно всѣ недостатки въ законахъ королевства. Чѣмъ счастливѣе будутъ твои подданные, тѣмъ болѣе ты будешь великъ" ([1]). Въ этомъ наказѣ слышится вся политическая система Луи IX. Онъ умиралъ, но продолжалъ заботиться объ участи несчастныхъ своихъ сподвижниковъ. — „Кто отведетъ во Францію этотъ народъ, который я привелъ сюда", спрашивалъ онъ. Король уже отходилъ; надъ нимъ читали послѣднюю предсмертную молитву; онъ былъ въ монашескомъ одѣяніи; одежда его была посыпана пепломъ. „Господи Боже, произнесъ онъ, храни народъ твой и введи его въ свою страну (Beau Sire Diex, aies merci de ce peuple qui ici demeure, et le conduisen son pays)!" Съ этими словами Луи IX скончался ([2]).

Карлъ Анжуйскій, его братъ, прибылъ во французскій лагерь, какъ разъ въ то время, какъ съ королемъ началась агонія. Филиппъ, новый король, поручилъ дядѣ войну съ Тунисомъ, а самъ повезъ во Францію тѣло отца. Сердце и внутренности оставилъ Карлъ у себя. Духовенство и народъ со слезами на глазахъ встрѣтили печальную процессію, всѣ старались прикоснуться къ костямъ государя, котораго и при жизни считали святымъ. Личныя свойства и характеръ сдѣлали имя Луи IX и до сихъ поръ популярнымъ въ странѣ, несмотря на всю неспособность его въ практическихъ вопросахъ.

Король неаполитанскій подъ Тунисомъ.

Чрезъ два мѣсяца Карлъ принудилъ тунисское правительство къ миру. Мусульмане освободили плѣнниковъ, а въ

([1]) Joinville; Bouquet; XX, 300—302. Мы приводимъ завѣщаніе въ извлеченіи, притомъ не текстуально.

([2]) Conf. de la reine; Bouquet; XX, 121.

Тунисѣ дозволено было строить церкви, имѣть христіанскихъ проповѣдниковъ и миссіонерствовать католическимъ монахамъ. Тунисъ обязывался платить ежегодную дань сицилійскому королю 20 тысячъ унцій золотомъ и единовременно Франціи контрибуцію въ 210 тысячъ унцій золотомъ, т. е. около десяти милліоновъ франковъ. Половина этой дани была внесена теперь же. Въ ноябрѣ 1270 года флотъ крестоносцевъ отплылъ отъ Туниса въ Сицилію. Въ Триполи онъ долженъ былъ раздѣлиться на три части; одна вернулась во Францію, другая въ Палестину съ сыномъ англійскаго короля Генриха III, принцемъ Эдуардомъ, а третья эскадра отправилась на Константинополь. Какъ тесть послѣдняго византійскаго императора, Карлъ хотѣлъ воспользоваться наслѣдіемъ, которое составляло часть Восточной имперіи; онъ разсчитывалъ свергнуть Палеолога и хотѣлъ вырвать у него хотя Морею и Ахаію. Это былъ послѣдній могиканъ крестовой идеи. Буря поглотила значительное число кораблей съ тунисской добычей. Послѣ этой бури итальянскіе и французскіе рыцари, спасшіеся отъ гибели, вернулись въ свои владѣнія и дали обѣщаніе снова черезъ три года собрать крестовое ополченіе. Но желанію ихъ не суждено было исполниться. Что касается до Эдуарда, принца англійскаго, то онъ въ Палестинѣ прославился своимъ мужествомъ и геройствомъ, напоминавшимъ Ричарда.

Бибарсъ (1260-73 г.) и принцъ Эдуардъ.

Бибарсъ изъ рабовъ сдѣлался султаномъ подъ именемъ Малекъ-Бондогара; онъ простиралъ свою власть надъ всей Палестиной. Христіанскіе историки сравниваютъ его съ Юліаномъ по способностямъ, съ Нерономъ — по злодѣяніямъ. Онъ держался со всею надменностью восточнаго вождя. Онъ казнилъ тѣхъ, которые оказывали малѣйшую попытку къ сопротивленію. Онъ считалъ себя выше Магомета, презиралъ вино, чувственность, но не прочь былъ отъ вѣроломства и низости. Эдуардъ, прибывъ въ Палестину, оказался скорѣе авантюристомъ чѣмъ государемъ. Онъ выступилъ съ 300 воиновъ. Это были храбрые рыцари, готовые погибнуть. Но Бибарсъ задумалъ самъ погубить Эдуарда. Онъ поручилъ одному изъ своихъ эмировъ притвориться его другомъ и врагомъ Бибарса. Эдуардъ занялся обращеніемъ эмира въ христіанство и относился къ этому дѣлу серьезно. Эмиръ бывалъ въ домѣ принца и сдѣлался домашнимъ человѣкомъ. Разъ, онъ во-

шелъ ночью къ Эдуарду и, заставъ его съ переводчикомъ, нанесъ ударъ отравленнымъ кинжаломъ. Эдуардъ спасся, благодаря только физической силѣ. Онъ вырвалъ кинжалъ и убилъ имъ эмира. Сверхъ ожиданія Эдуардъ выздоровѣлъ и 300 человѣкъ его рыцарей, усиленныхъ 500 крестоносцевъ, привыкшихъ къ восточнымъ войнамъ, успѣли навести страхъ на мусульманскіе полки. Довольно того что Бибарсъ согласился на десятилѣтнее перемиріе, по которому предоставлялось христіанамъ право свободнаго посѣщенія городовъ и свободнаго проѣзда въ Іерусалимское королевство. Эдуардъ поспѣшилъ покинуть ненавистную ему Палестину. Это былъ послѣдній христіанскій государь, воевавшій Св. Землю.

Впрочемъ что же въ сущности побуждало мусульманъ соблюдать мирныя условія въ виду апатіи христіанскаго міра къ Палестинѣ и ея судьбамъ? Германія въ то время была раздираема кулачнымъ правомъ. Папы были вовлечены въ борьбу гвельфовъ и гибеллиновъ. Въ Англіи тогда обострилась борьба общинъ и аристократіи съ королемъ. Въ Испаніи былъ разгаръ политической и національной борьбы съ мусульманами. Преемникъ Бибарса, Келаунъ не могъ пока дѣйствовать наступательно на послѣднихъ христіанъ въ Палестинѣ; онъ былъ отвлеченъ отъ Палестины внутренними смутами. Но сынъ его Малекъ-Ашрафъ рѣшилъ покончить съ христіанами.

Паденіе Акры 18 мая 1291 г.

Послѣдняя опора прежнихъ завоеваній крестоносцевъ, Акра, была сокрушена въ 1291 году. Стремленіе изгнать христіанъ изъ Палестины — для мусульманъ сдѣлалось такимъ же національнымъ и религіознымъ дѣломъ, какъ прежде для христіанъ было истребленіе мусульманъ. По свидѣтельству Абулфеды въ его книгѣ „Блестящія звѣзды“ число воиновъ въ мусульманскомъ лагерѣ увеличивалось съ каждымъ днемъ. Лишь только разнесся слухъ, что халифъ хочетъ изгнать христіанъ, цѣлыя массы единовѣрцевъ собрались подъ знамена султана, и въ нихъ снова пробудилась жажда къ состязанію съ христіанами. Султанъ, устроивъ громадныя осадныя машины, приступилъ къ Акрѣ. Осада началась въ маѣ 1291 г.; защитники города приготовились къ упорной оборонѣ. Имъ нечего было надѣяться на Европу; они рѣшились защищать городъ до послѣдней крайности. Они руководились сознаніемъ долга, завѣтами своихъ предковъ и тѣмъ чувствомъ чести, которое связывало ихъ съ прежними рыцарями, посвятившими

всю жизнь защитѣ гроба Господня. Султанъ самъ водилъ мусульманскія войска на приступъ. Первая аттака мусульманъ была неудачна; они были отбиты, но кипрскій король измѣнилъ защитникамъ Акры. Онъ ночью уплылъ тайкомъ въ Европу; на другой день штурмъ возобновился. Бой барабановъ слился съ отчаянными предсмертными воплями осажденныхъ. Рвы и проломы наполнялись трупами. Мусульмане были снова отражены. Но черезъ двѣ недѣли пришлось покориться превосходству врага, его подавляющей численности, такъ какъ семь мусульманъ приходилось на каждаго христіанина. Престарѣлый патріархъ, съ крестомъ въ рукѣ, ободрялъ защитниковъ Акры. Великій магистръ тампліеровъ погибъ, сражаясь какъ простой воинъ. Великій магистръ іоаннитовъ получилъ тяжелую рану. Множество храбрыхъ крестоносцевъ было перебито: „по трупамъ ходили какъ по мосту". Побѣдители ворвались въ городъ; имъ пришлось брать отдѣльно чуть не каждый домъ и каждую церковь; сарацины поджигали храмы, наполненные женщинами и дѣтьми. Запылали цѣлые кварталы. Но когда мусульмане начали рѣзать, то отчаяніе перешло въ геройство. Оставшіеся защитники креста собрались въ церковь тампліеровъ, которая и была подожжена. Подъ развалинами ея погибли и осаждавшіе и защищавшіеся. Это были храбрѣйшіе изъ тампліеровъ. Они не хотѣли пережить своего пораженія. Тѣ жители, которые еще не успѣли испытать звѣрство побѣдителей, спѣшили, бросая все имущество, укрыться на итальянскихъ корабляхъ. Престарѣлаго патріарха увлекали силою его почитатели. Онъ долго противился и видимо искалъ смерти. Когда его усадили на корабль, то онъ потребовалъ чтобы не отказывали въ помѣщеніи на суднѣ всѣмъ воинамъ и жителямъ, которые въ страхѣ за жизнь тѣснились на берегу. Толпа хлынула на корабль, который не могъ выдержать такой массы людей и пошелъ ко дну, увлекая въ волны католическаго патріарха.

Остальные христіанскіе города сдались при извѣстіи о паденіи Акры. Населеніе Тира, Сидона, Бейрута и другихъ христіанскихъ мѣстечекъ было или перебито или отправлено въ невольничество. Халифъ приказалъ передъ началомъ новыхъ построекъ перерыть даже ту землю, которую попирали ноги христіанъ, чтобы смести самый слѣдъ христіанскаго завоеванія. Султана ожидали оваціи. Христіанскіе плѣнники украшали собой тріумфъ побѣдителя. За нимъ несли опроки-

нутое знамя. На закатѣ XIII вѣка исчезло такимъ образомъ Іерусалимское королевство со страницъ исторіи. Уничтоженіе христіанскаго авторитета въ мусульманскомъ мірѣ было дѣломъ популярнымъ. Въ Европѣ это извѣстіе произвело далеко не сильное впечатлѣніе; тамъ смотрѣли теперь на Востокъ съ практической точки зрѣнія. Итальянцы,—которые съ перваго крестоваго похода посмѣивались надъ рыцарями и высасывали послѣднее изъ нихъ, пользуясь ихъ увлеченіемъ, —теперь проводятъ меркантильный, практическій взглядъ на крестовыя предпріятія.

Проектъ Марино Санудо.

Чрезъ 30 лѣтъ послѣ паденія Акры, въ 1321 году венеціанецъ Санудо подноситъ папѣ новый проектъ о завоеваніи св. земли. Санудо былъ намѣстникомъ Крита, онъ изъѣздилъ чуть не всю Европу, былъ пять разъ въ Палестинѣ, зналъ Востокъ, посѣщалъ даже, какъ говорятъ, и славянскія земли. Свою книгу онъ называетъ: Liber secretorum fidelium Crucis super terrae sanctae recuperationae et conservationae, т. е. секретная книга крестоносцевъ о завоеваніи и удержаніи святой земли (¹). Санудо предлагалъ свой проектъ королямъ Англіи и Франціи, но неудачно. Въ этомъ проектѣ онъ указываетъ на необходимость дипломатическихъ мѣръ. Онъ говоритъ, что вернуть обратно святыя мѣста земли невозможно, но возможно эксплуатировать Востокъ въ коммерческомъ смыслѣ. Онъ предлагаетъ утвердиться на берегахъ Египта съ 15000 пѣхоты и съ 300 рыцарей; онъ первый оцѣнилъ преимущества пѣхоты и привелъ счетъ интендантскихъ издержекъ. Въ исторіи Венеціи онъ указываетъ на несокрушимость городовъ, владѣющихъ устьями судоходныхъ рѣкъ, глубоко входящихъ въ материкъ; на этомъ основаніи онъ полагаетъ, что обладаніе Даміеттой и Александріей существенно необходимо и должно быть цѣлью предпріятія. Всѣ свои соображенія онъ основываетъ на серьез-

(¹) Изд. у Bongars. Gesta Dei per Francos (Han. 1911; t. II съ 4 картами). Карты отдѣльно у Santarem. Essai sur l'hist. de cosm. et cartogr. pendant le moyen-âge (P. 1849, 3 vls. очень рѣдкая книга, изданная на счетъ португальскаго правительства). Разборъ сдѣлалъ Kunstmann, Studien über M. Sanudo (съ приложеніемъ его неизданныхъ писемъ въ Abh. der hist. Classe der Bayerl. Akad. VII, 1855). См. Очеркъ Средн. Исторіографіи, 54—56. Въ извлеченіи въ Ист. средн. вѣковъ Стасюлевича; III, 763—780.

ныхъ данныхъ. Онъ замѣчаетъ, что мудрость состоитъ не въ томъ, чтобы знать слово Божіе, а въ томъ, чтобы жить по слову Божію. Книга эта драгоцѣнна и, пользуясь ей, можно изложить экономическій бытъ средневѣковыхъ государствъ, можно опредѣлить мѣру вѣса, длины и емкости того времени; такъ напр. онъ опредѣляетъ, что на содержаніе воина въ то время на наши деньги выходило полтора рубля въ мѣсяцъ, или пять копѣекъ въ день, считая тутъ вино, свинину, хлѣбъ, бобы и проч. Процессъ, коимъ Санудо доходитъ до самыхъ выводовъ, въ высшей степени важенъ для исторіи политической экономіи. Но, несмотря на всю пользу этой книги, она не встрѣтила сочувствія въ тѣхъ властителяхъ, кому она была рекомендована. Папа отнесся къ ней не безъ скептицизма. Но тѣмъ не менѣе она остается памятникомъ замѣчательнаго переворота, происшедшаго въ образѣ пониманія средневѣковаго человѣка, переворота, впервые проявившагося въ Италіи.

---

3) Германія во второй половинѣ XIII и въ началѣ XIV вѣка. Развитіе городовъ и цеховъ.

Конрадомъ IV закончилась швабская династія, давшая столько блеска исторіи Германіи и заплатившая за этотъ блескъ столькими несчастіями. Конрадинъ уже собственно не былъ императоромъ Священной Имперіи. Не только во время малолѣтства его корону носили иноземцы, но и при отцѣ его Конрадѣ IV, который считается послѣднимъ императоромъ изъ гогенштауфеновъ. Умирая въ 1254 г., онъ чувствовалъ, что имперія на краю гибели. „Церковь, вмѣсто родительскихъ чувствъ, обходилась со мною и съ отцемъ, какъ мачиха, говорилъ онъ въ послѣдніе дни свои. Держава моя, начавшаяся съ Рождества Христова и доселѣ процвѣтавшая, теперь близка къ паденію“.

Одновременно съ нимъ корону носилъ Вильгельмъ Голландскій, кандидатъ папской партіи. До чего ничтоженъ былъ послѣдній, видно изъ того, что горожане кидали въ него безнаказанно камнями, а жену его разъ ограбили на большой дорогѣ. Въ 1256 году онъ завязъ въ болотѣ, фризы вытащили его, но узнавъ кто онъ, поспѣшили убить его.

Престолъ оставался тогда вакантнымъ. Въ виду этого князья поспѣшили намѣтить своихъ кандидатовъ изъ иностранныхъ государей, потому что между ними не было единодушія.

Многоцарствіе.

Тогда-то началось то многоцарствіе, которое неправильно называютъ междуцарствіемъ. Сами князья не рѣшались надѣвать корону, потому что имъ нельзя было справиться и съ наслѣдственными владѣніями. Правда, одинъ изъ нихъ, чешскій король Оттокаръ II, былъ не прочь отъ престола; онъ обладалъ для того всѣми данными, и выдающимися способностями и благороднымъ честолюбіемъ. Онъ оказалъ огромныя услуги имперіи и католицизму. По просьбѣ Иннокентія IV онъ совершилъ во главѣ 60 тысячъ чеховъ и нѣмцевъ походъ противъ язычниковъ пруссовъ, разбилъ ихъ, достигъ до ихъ священной рощи, сжегъ изображенія ихъ боговъ, крестилъ многихъ вождей и основалъ въ 1255 году городъ Кролевецъ, переименованный нѣмцами въ Кенигсбергъ, предложивъ упрочиться въ немъ тевтонскимъ рыцарямъ. Несмотря на такія заслуги Оттокара II, въ Германіи его не любили, потому только что онъ былъ славяниномъ. Кончили тѣмъ, что избрали одновременно двухъ властителей: Ричарда Корнваллійскаго, своднаго брата англійскаго короля Гейнриха III, который пользовался извѣстностью капиталиста, и Альфонса короля Кастильскаго, который славился свѣдѣніями по астрономіи. Хотя послѣдній именовался Мудрымъ, но не могъ сладить даже съ своимъ королевствомъ. Ричардъ привезъ съ собою 30 бочекъ золотыхъ гиней для раздачи кому слѣдуетъ, вслѣдствіе чего занялъ императорскій престолъ и короновался королемъ въ 1257 году. Онъ былъ всего четыре раза въ Германіи, а Альфонсъ вовсе не считалъ нужнымъ посѣтить имперію. Страна дошла до крайней степени разложенія; безпорядки и насилія умножались съ каждымъ днемъ; князья, рыцари, города враждовали и между собой и съ королемъ. Это дѣйствительно была война противъ всѣхъ и всего. Германія теперь вовсе не была управляема.

Положеніе Германіи въ XIII вѣкѣ.

Взглянемъ на составъ ея въ это время. Въ ряду государственныхъ чиновъ тогда были: одно королевство чешское, шесть великихъ герцогствъ — Баварія, Австрія, Хорутанія, Брауншвейгъ, Лотарингія, Брабантъ, Лимбургъ; два герцогства—Саксонское и Франконское; одно пфальцграфство—

Рейнское, около тридцати графствъ съ княжескою властью, нѣкоторыя съ герцогскимъ титуломъ, другія съ званіемъ ландграфовъ, бургграфовъ, какъ напр. нюренбургскіе Гогенцоллерны. Шестьдесятъ имперскихъ городовъ также входили въ составъ государственныхъ чиновъ вмѣстѣ съ шестью архіепископствами и 37 епископствами. Къ каждому архіепископству были приписаны епископскія каѳедры: при Майнцскомъ — 14, Кельнскомъ — 5, Трирскомъ — 3, Магдебургскомъ — 5, Бременскомъ—3, Зальцбургскомъ—6; къ этому надобно прибавить 70 владѣтельныхъ аббатовъ и аббатисъ. Всего такимъ образомъ въ составъ государства входило до 200 независимыхъ или косвенно зависимыхъ членовъ. Но въ выборѣ императора въ послѣднее время участвовали лишь 7 курфюрстовъ, о чемъ будетъ сказано ниже (стр. 475).

Вмѣстѣ съ тѣмъ измѣнились составъ и значеніе отдѣльныхъ владѣній. Такъ доселѣ сильная Швабія, старинное наслѣдіе гогенштауфеновъ, распалась съ прекращеніемъ этой династіи. Въ ней виднѣе другихъ были графы виртембергскіе изъ Штутгарда и графы баденскіе изъ дома Гохберговъ ([1]). Этотъ домъ еще съ начала XIII столѣтія воспользовался ландграфствомъ Брейсгау, наслѣдіемъ вымершихъ Церингеровъ. Другая часть владѣній Церингеровъ, въ Швейцаріи, досталась во власть Кобургамъ, а потомъ Габсбургамъ. Отъ Саксоніи къ тому времени совершенно отдѣлилось маркграфство Магдебургское на сѣверѣ и земли Вельфовъ на сѣверозападѣ. При тогдашнихъ условіяхъ избирательной системы невыгодно было носить императорскую корону. Послѣдняя обусловливала передачи родовыхъ земель въ чужія руки, потому что князья боялись императора, могущаго располагать большими владѣніями и территоріей. Этимъ объясняется безсиліе тѣхъ князей, которымъ приходилось носить эту незавидную, хотя почетную корону. Тюрингія, напримѣръ, усилилась въ ущербъ саксонской династіи, когда представители послѣдней сѣли на императорскій престолъ. Чехія всегда оставалась въ своихъ сравнительно широкихъ предѣлахъ, потому что ея короли были устранены отъ чести быть избираемыми въ императоры. Гейнрихъ Мейссенскій закрѣпилъ за собой всю Тюрингію (и сѣверную, и южную марку). Этотъ ландграфъ властвовалъ отъ береговъ Эльбы до Рейна. Тутъ

([1]) Stälin. Würtembergische Geschichte (St. 4 B. 1842—73). — Vierordt. Badische Geschichte (Tüb. 1865).

прославились ландграфиня св. Елизавета и Генрихъ Распе,— поповскій король, претендовавшій занять мѣсто Фридриха II. Съ 1264 года послѣдовалъ раздѣлъ владѣній. Гейнрихъ Мейсенскій считается родоначальникомъ нынѣшняго саксонскаго, а Генрихъ Гессенскій основателемъ гессенъ-дармштадскаго дома. Баварія въ XII и XIII столѣтіи въ родѣ Вительсбаховъ также вынесла на себѣ послѣдствія совершавшихся повсюду существенныхъ территоріальныхъ передѣловъ (1). Еще при саксонскихъ императорахъ отъ нея отдѣлилась Хорутанія, а потомъ, съ 1256 года, Австрія и Штирія, начавшія особое существованіе, которое привело къ могуществу и самостоятельности Австріи. Даже епископы, какъ напр. Регенсбургскій, пріобрѣтали постепенно независимость. Часть южной Баваріи въ концѣ XIII столѣтія отошла къ бургграфамъ нюренбергскимъ, Гогенцоллернамъ и образовала послѣ герцогства: Анспахъ и Байрейтъ (2). За то внѣ предѣловъ Баваріи Вительсбахи получили Рейнское пфальцграфство чрезъ женитьбу Оттона свѣтлѣйшаго на пфальцской принцессѣ изъ вельфскаго дома (3). Старшій сынъ баварскаго герцога Людвига Строгаго удержалъ чрезъ женитьбу (въ 1294 году) Рейнское пфальцграфство, а младшій сынъ присвоилъ Баварію. Рейнскому пфальцграфу принадлежалъ всегда вліятельный голосъ при выборахъ. Пфальцграфство на Рейнѣ составляло главную часть бывшей Франконіи, которую такимъ образомъ разобрали по частямъ въ XIII столѣтіи. Что касается до Лотарингіи, то она распалась на Лотарингію Верхнюю, или графство Эльзасъ, и Нижнюю, повелители которой называли себя герцогами брабантскими. Сверхъ того были немногіе владѣтели, которые считали себя непосредственными вассалами каждаго императора, напр. герцоги померанскіе, графы фрисландскіе, голштинскіе, голландскіе, люксенбургскіе, графы Юлихъ, Клеве, — все это составляло нѣкогда единую Германію, при чемъ отдѣльные владѣтели отдавали себя подъ императорскую руку. Важно то, что, въ виду постепеннаго ослабленія власти, каждый могъ распоряжаться землею, какъ наслѣдственнымъ достояніемъ. Но сила этихъ князей не обѣщала быть долговѣчною и даже сколько нибудь прочною.

(1) Buchner. Geschichte von Baiern (M. 1820—51, 8 B.).
(2) Schmid. Die älteste Gesch. der Hohenzollern (Tüb. 1884).
(3) Häusser. Gesch. der rheinischen Pfalz (Heid. 2 B. 1845).

Города. Былъ элементъ гораздо болѣе могущественный; — онъ заключался въ городахъ. Отъ крестовыхъ походовъ и сношеній съ Италіей развилось могущество и богатство городовъ. Они стали входить въ тѣ торговыя предпріятія, которыми прославились итальянскія республики (1). Товары шли въ Германію старымъ торговымъ путемъ чрезъ Альпійскія горы, преимущественно чрезъ С. Готтардскій проходъ; что не распродавалось въ Германіи, шло на сѣверъ къ балтійскимъ и скандинавскимъ народамъ, которые были въ средніе вѣка въ торговой зависимости отъ Германіи, чему впослѣдствіи всего болѣе способствовало образованіе Ганзейскаго союза. Такимъ образомъ богатѣли города, по мѣрѣ ихъ близости къ сѣверу, въ силу чего приморскіе пункты на Nordsee и Ostsee были поставлены въ особенно выгодныя условія. Франкфуртъ, Нюренбергъ, Регенсбургъ, Гамбургъ, Майнцъ, Бременъ и Любекъ, лежавшіе на трактахъ путей сообщенія, особенно разбогатѣли и легко свергли съ себя власть князей; они заняли мѣсто рядомъ со многими самостоятельными членами имперіи; число такихъ городовъ насчитываютъ до 60. Сперва иммунитеты, т. е. льготы, содѣйствовали процвѣтанію городовъ, а потомъ богатства, постепенно ими пріобрѣтаемыя. Прежде императоры давали иммунитеты преимущественно епископальнымъ городамъ, которые въ знакъ того, что пользуются иммунитетами, ставили на границахъ своихъ территорій изображеніе святаго, патрона города; отъ такого изображенія святаго (Weichbild) иммунитетъ назывался по-нѣмецки Weichbildrecht. Затѣмъ эти иммунитеты стали распространяться на всѣ епископальные и неепископальные города, которые только по своему богатству могли заставить императора дѣлать имъ уступки.

Издревле въ Германіи фогтъ имѣлъ исполнительную власть князя и въ епископскихъ и неепископскихъ городахъ, особенно если самъ владѣтель не жилъ въ городѣ, что случалось довольно часто, потому что феодалы предпочитали

---

(1) Мюнхенская историческая коммисія въ послѣднее время издала важныя городскія хроники: Аугсбургскую, Брауншвейгскую, Кельнскую, Магдебургскую, Нюренбергскую, Страсбургскую. См. Gengler, Codex juris municipalis Germaniae medii aevi (Eccl. 1863); Jastrow, Die Volkszahl deutscher Städte zu Ende des Mittelalters (B. 1888). Пособія въ трудахъ: Hüllmann, Gesch. des Ursprungs der Stände in Deutschland (B. 1830); Unger, Gesch. der deutschen Landstände (H. 1844); Mundt, Gesch. der deutschen Stände (B. 1854); Vischer, Gesch. der schwäbischen Städtebundes etc.

жить въ своихъ замкахъ, на горахъ, на неприступныхъ скалахъ, утесахъ. Фогтъ былъ такимъ образомъ княжескій агентъ. Но, будучи воиномъ, фогтъ не могъ править съ знаніемъ дѣла, а потому нуждался въ помощникахъ, которыхъ и нашелъ въ 12 гражданахъ, прозванныхъ по древне-римскому примѣру consules. Председатель совѣта этихъ консуловъ назывался бюргмейстеромъ. Тѣ, изъ которыхъ выбирались эти сановники, составляли высшій слой горожанъ, которые и назывались патриціями. Этотъ совѣтъ управлялъ общественными дѣлами и завѣдывалъ полиціей; со временемъ вся дѣйствительная власть перешла въ его руки, а бюргмейстеръ осилилъ фогта, за которымъ осталась только военная и судебная часть.

Вооруженныя силы городовъ, необходимыя для охраны ихъ благосостоянія, были такъ значительны, что внушали къ себѣ уваженіе. Географическое и политическое положеніе городовъ много способствовало къ усиленію вліянія ихъ, когда они имъ пользовались. Благосостояніе развилось въ нихъ со всѣми своими послѣдствіями—торговлей, промыслами, искусствомъ и наукой. Подъ защитой стѣнъ жители городовъ наслаждались свободой, которую доставляла имъ безопасность противъ внѣшнихъ и внутреннихъ враговъ; она дѣлала ихъ своего рода показателями благосостоянія нѣмецкой земли. Удобства жизни и блага ея разлились изъ городовъ на всю Германію. Въ стѣнахъ городовъ не знали того анархическаго безначалія и разстройства, которое часто проявлялось внѣ городовъ. Самое матеріальное богатство страны увеличилось благодаря живой, плодотворной дѣятельности городскаго населенія, и эта внутренняя дѣятельная жизнь горожанъ была въ средніе вѣка отраднымъ проявленіемъ счастливаго существованія.

Вслѣдствіе этого, городской бытъ и устройство постепенно измѣнились въ XIII, XIV и XV вѣкахъ и народное начало опять проявилось въ общественной жизни. Въ городахъ Италіи, а особенно Ломбардіи, видѣли нѣмецкіе горожане благодѣтельное муниципальное устройство, принесшее столько блага Европѣ. Тѣ, которые бывали въ Италіи, возвращаясь на родину, хвалили порядки въ итальянскихъ городахъ и совѣтовали перенимать ихъ. Примѣръ одного города дѣйствовалъ на другіе и скоро демократическое и аристократическое устройство итальянскихъ городовъ, подъ аналогичными формами и

видами, сдѣлалось общимъ и во всей Германіи. Какъ и въ Италіи, въ однихъ городахъ аристократическій, въ другихъ демократическій духъ являлся преобладающимъ.

Всѣ города считали себя маленькими республиками.

Такимъ образомъ почти во всѣхъ большихъ городахъ установилось самостоятельное городское управленіе, которое упрочивало гражданскую свободу и поддерживая уваженіе къ закону, распространяло порядокъ, а все, что было дурнаго во время феодальнаго господства, оно смягчало и сглаживало, ограничивая самовластіе феодаловъ. Оно заявляло при каждомъ случаѣ очень дѣятельное противодѣйствіе баронамъ. При феодальной безурядицѣ экономическихъ отношеній и народнаго хозяйства только городское населеніе регулировало ихъ, сообразно съ духомъ времени. Всѣ жители, сообразно избраннымъ ими ремесламъ, дѣлились на цехи, о которыхъ будемъ говорить ниже (стр. 461).

Управленіе всею общиною было ввѣрено магистрату, который состоялъ изъ представителей всѣхъ цеховъ и сословій города, безъ различія правъ и привилегій, и выбирался общей подачею голосовъ или, что случалось гораздо чаще, право участія въ управленіи городами и въ свободномъ выборѣ, были неодинаковы, такъ что только наиболѣе знатные и благородные изъ старыхъ патриціанскихъ древнихъ родовъ имѣли право на избраніе. Это по большей части случалось въ Майнцѣ, Франкфуртѣ, Аугсбургѣ и другихъ городахъ.

Сословія. Различіе во внутреннемъ, сословномъ строѣ городскаго управленія лежитъ въ первоначальномъ происхожденіи городовъ. Стеченіе людей, которые вслѣдствіе господства феодализма, не были равны по своимъ правамъ, должно было и въ общины занести сословныя различія и сообразныя съ ними привилегіи и преимущества. Это должно было ясно отразиться на характерѣ управленія городовъ или на магистратурѣ. Въ нѣкоторыхъ городахъ образовались касты гражданъ, совершенно различныхъ по правамъ. Рожденіе, воспитаніе, положеніе въ обществѣ обращали на себя большое вниманіе въ городахъ среднихъ вѣковъ. Личная независимость и владѣніе собственностью въ большей или меньшей степени создавали такъ называемую въ правѣ ingenuitas — родъ благородства, или раздѣльную линію между древними или настоящими горожанами и новыми или цеховыми горожанами; другими словами образовалось три класса горожанъ: патриціи, богатые

и бѣдные. Свободные роды—если они принадлежали къ дворянству, или отличались образованіемъ, лѣтами и многочисленностью своею,—превышали прочія сословія и по большей части преобладали надъ ремесленниками или торговцами въ своихъ общинахъ. Значеніе происхожденія и богатства было сильно въ городахъ и, возрастая съ теченіемъ времени у отдѣльныхъ родовъ, оно переходило наслѣдственно отъ одного поколѣнія къ другому. Люди изъ такихъ родовъ стояли довольно высоко въ общественномъ положеніи.

Богатство и наслѣдственное пользованіе первыми должностями по городскому управленію доставили имъ продолжительное вліяніе и они сдѣлались какъ бы прирожденными, настоящими и первыми кандидатами въ члены магистрата и въ должности по управленію. По сравненію съ землевладѣльческой феодальной аристократіей они сдѣлались городскою аристократіей. Они не принадлежали ни къ какой гильдіи или цеху, не занимались никакимъ ремесломъ, которое часто влекло за собой нѣкотораго рода зависимость. При ихъ богатствѣ, они не нуждались въ средствахъ, чтобы поддерживать свое значеніе. Власть, положеніе и богатство передавались имъ отъ отцовъ и отъ родныхъ. Такимъ образомъ въ городахъ образовался потомственный патриціатъ, аристократическія фамиліи, значеніе которыхъ, вслѣдствіе наслѣдственной власти и богатства, сдѣлалось очень сильнымъ. Потомъ они все болѣе и болѣе отдѣлялись отъ остальныхъ классовъ городскаго населенія и сдѣлались господствующими. Вообще существовало убѣжденіе, ставшее очень прочнымъ, что лучше повиноваться властямъ изъ тѣхъ фамилій, значеніе которыхъ отъ потомственнаго обладанія должностями по городскому управленію давно уже установилось. Такъ въ особенности смотрѣли на свою власть городскіе патриціи. Такимъ образомъ въ городахъ было двоякое населеніе — сановитые роды, которые представляли аристократическое сословіе, и плебсъ, представлявшій демократическое сословіе. Оба вмѣстѣ составляли два маленькія государства въ государствѣ.

Но подобная постепенность и различіе въ гражданскихъ правахъ въ городахъ не имѣли ничего общаго съ феодальнымъ устройствомъ. Патриціи были только знатными гражданами, не будучи вовсе феодальными или ленными владѣльцами.

Такъ образовался городской патриціатъ, а рядомъ съ нимъ цеховое или гильдейское мѣщанство. Это были свобод-

ные союзы для общей защиты, ради общаго стремленія къ благосостоянію. Единичная личность не могла преслѣдовать своего личнаго интереса, не принимая въ соображеніе интересовъ своихъ товарищей. Принципъ общей защиты, общей помощи, породилъ оба общинныхъ союза. Всѣ учрежденія были по его покрою. Эти отдѣльные союзы посредственно и непосредственно вели къ совершенству цѣлаго.

Въ главнѣйшихъ городахъ Германіи городское управленіе оставалось въ рукахъ родовъ до тѣхъ поръ, пока послѣдніе не заявили претензіи точно также сдѣлаться маленькими феодалами и пока они не двинулись въ Палестину. Они воздвигали монастыри, богато одаряли ихъ и такимъ образомъ, разоряясь на благочестивыя дѣла, объднѣли; а между тѣмъ цехи и гильдіи разбогатѣли отъ торговли и промысловъ. Вслѣдствіе этого цехи сдѣлались сильнѣе, проявляя предпріимчивость и энергію. Они уже начали тогда сводить свои послѣдніе счеты съ аристократіей посредствомъ организованной борьбы, которая оканчивалась по большей части въ пользу ихъ, такъ какъ цехи преобладали своею численностью надъ патриціями. Патриціи принуждены были искать помощи у земскихъ князей, или покидать родной городъ, или же уступать силѣ цеховъ.

Управленіе. Магистратъ управлялъ городскою общиной, онъ имѣлъ во главѣ своей бюргмейстера и состоялъ изъ меньшаго или большаго числа лицъ; иногда во главѣ его стояло два „бургомистра". Отдѣльныя отрасли управленія были ввѣрены казначею (Rechenmeister), начальнику публичныхъ зданій (Baumeister), начальнику монетнаго двора (Münzställemeister) и начальнику братства (Brudermeister). Городской синдикъ охранялъ городское право. Юридическая власть была выборная или, какъ часто случалось во многихъ городахъ (напр. въ Майнцѣ), предоставлялась епископамъ,—людямъ испытаннымъ въ правѣ. Эти люди заботились о правильномъ судопроизводствѣ и о правосудіи, слѣдили за исполненіемъ законовъ. Для этого по временамъ они совѣщались съ судьями въ судейскихъ коммисіяхъ и судебныхъ палатахъ. Полицейская власть была ввѣрена по большей части отдѣльнымъ спеціальнымъ чиновникамъ, которые носили въ различныхъ городахъ особенныя техническія названія; такъ напр. въ Майнцѣ они назывались гевальтсботами (Gewaltsbotte). Въ укрѣпленныхъ башняхъ, устроенныхъ подъ воротами города, находилась стража подъ

начальствомъ боцмейстра. Общая охрана распредѣлялась по частямъ города, чаще по четвертямъ, и бюргмейстеръ обыкновенно былъ предводителемъ городской стражи.

Въ городахъ на Рейнѣ военная сила на случай опасности была довольно значительна, какъ относительно приспособленія къ оборонительной войнѣ, такъ и для условій наступательной. Въ войнахъ наступательныхъ образовывались военныя товарищества, изъ которыхъ каждое имѣло при себѣ свое особенное знамя, хоругвь. Въ Майнцѣ было напр. знамя св. Мартина съ изображеніемъ на немъ майнцскаго городскаго и церковнаго патрона, осѣняющаго горожанъ своимъ плащемъ. Это знамя возилось на великолѣпной колесницѣ и всегда сопровождалось сильнымъ прикрытіемъ. Если военная повинность была такимъ образомъ распредѣлена одинаково между всѣми гражданами города, то патриціанскія фамиліи выдавались обыкновенно великолѣпіемъ своего вооруженія и составляли конницу, городское рыцарство или такъ называемый первый строй. Главное вооруженіе гражданъ были: копье, пика и самострѣлъ. Для упражненій въ этомъ оружіи существовали въ нѣкоторыхъ городахъ особыя мѣста, площади для состязаній въ стрѣльбѣ, какъ напр. Армбрустгартенъ въ Майнцѣ. Съ изобрѣтеніемъ пороха и введеніемъ огнестрѣльнаго оружія, устроены были мѣста за городомъ для стрѣльбы въ цѣль; впослѣдствіи же появились въ городахъ вольныя общества стрѣлковъ.

Подобное городское устройство при таковомъ смѣшеніи аристократическаго и демократическаго началъ соединяло хорошую администрацію съ дѣятельною исполнительною властью. Оно проявляло во внѣшнемъ и внутреннемъ своемъ строѣ образецъ гражданскаго управленія. Поэтому неудивительно, что имперскіе князья переносили иногда свою резиденцію въ провинціальные города. Въ то время, когда свѣтскіе и духовные имперскіе чины, благодаря произволу, увеличивая и расширяя свои права и привилегіи, достигли наконецъ того, что окончательно освободились отъ давленія императорской власти, тогда они захватили въ свои руки всѣ отрасли высшаго управленія въ странѣ.

Отношенія къ императорамъ.

Усилившись такимъ образомъ, они подчинили себѣ и все то, что оставалось свободнымъ, что имѣло поползновеніе противодѣйствовать имъ. Они достигли этого послѣ неравной и продолжительной борьбы. Имъ удалось, однимъ словомъ, какъ и выше было сказано, привести имперское начало почти въ

ничтожество. Благодаря этому обусловились первыя причины печальнаго разъединенія Германіи. Въ это время только одни города были на сторонѣ императора и примкнули къ нему, какъ къ главѣ имперіи. Городамъ, тѣснимымъ могущественными князьями имперіи, владѣнія которыхъ соприкасались съ владѣніями горожанъ, выгодно было прежде всего держаться императора. Они смотрѣли на императоровъ, какъ на своихъ защитниковъ противъ феодальныхъ господъ. Города сдѣлались такимъ образомъ преданнѣйшими и излюбленными подданными императора, его „младшими дѣтьми", какъ они любили себя называть Города часто обращались къ императору, какъ къ третейскому судьѣ между ними и феодалами. Поэтому ничего нѣтъ удивительнаго, что императоры смотрѣли на города, какъ на орудія, съ помощью которыхъ они могли противодѣйствовать непомѣрному могуществу великихъ вассаловъ имперіи и по примѣру королей Франціи совершенно ослабить ихъ. Оттого съ политическимъ тактомъ императоры возвышали значеніе свободныхъ городовъ при всякомъ удобномъ случаѣ, даруя грамоты и привилегіи. Мало того: они даже возвышали населенныя сельскія общины до значенія городовъ, даруя имъ городовое или т. н. муниципальное право. Такимъ образомъ многимъ общинамъ удалось освободиться отъ господства феодаловъ.

Эта политика императоровъ доставила городамъ возможность освободиться изъ подъ подсудности, протектората епископовъ и свѣтскихъ князей, которые постарались достичь этихъ правъ въ прежнее время, завладѣвъ на первыхъ порахъ нѣкоторыми значительными должностями въ общинѣ. Теперь не трудно было городамъ пріобрѣсти право самостоятельнаго выбора правителей и начальниковъ. Императоры не скупились на грамоты, узаконявшія подобное право, потому что возроставшее могущество и значеніе торговыхъ городовъ не угрожало такъ императорскому авторитету, какъ могущество феодальныхъ имперскихъ вассаловъ.

Ненависть и зависть, которую питали князья Германіи къ городамъ, была присуща и высшимъ и низшимъ феодаламъ. Это было очень естественно, такъ какъ города были удобнымъ прибѣжищемъ для крѣпостныхъ, невыносившихъ притѣсненій феодальнаго помѣщика. Тогдашнее военное искусство еще не достигло такого развитія, чтобы можно было предпринять что либо рѣшительное и вѣрное противъ крѣпкихъ городскихъ

стѣнъ. Многочисленность люда, скученнаго на небольшомъ пространствѣ, придавала правителямъ городовъ отважность и силу. Они могли вести войну не только оборонительную, но и наступательную противъ феодаловъ, могли дѣлать набѣги на домены бароновъ и рѣдко вообще ограничивались одною защитою своего роднаго города. Если они не хотѣли прибѣгнуть къ этому средству для расширенія и увеличенія своихъ владѣній, то у нихъ къ этому былъ еще другой способъ, съ помощью котораго они увеличивали свою территорію и число ея обитателей. Болѣе вѣрная безопасность, которую представляли своимъ жителямъ города, окруженные крѣпкими стѣнами и рвами, господствовавшій въ нихъ спокойный и удобный образъ жизни, все это было приманкою для высшаго и низшаго дворянства, не говоря уже о томъ, что города были надежнымъ прибѣжищемъ для свободныхъ и полусвободныхъ людей. Всякій старался поселиться въ городѣ, чтобы защитить себя отъ всякихъ золъ феодальнаго порядка и чтобы имѣть возможность вести спокойную жизнь.

Отношенія къ феодаламъ.

Тогда и феодалы явились въ городахъ въ качествѣ мирныхъ гостей, свозили туда свои богатства и распространяли ихъ между горожанами. Они пытались даже образовать въ городахъ касту, которая умѣла держаться въ сторонѣ отъ цеховыхъ и административныхъ властей и получила фактическія преимущества въ правахъ, т. е. привилегіи. Такъ удалось феодаламъ въ большей части городовъ захватить въ свои руки высшія должности и даже все городское управленіе за исключеніемъ цеховъ. Это участіе свободныхъ людей въ городской жизни имѣло благотворныя послѣдствія. Города расширились, нравы ихъ жителей стали смягчаться; грамотность, образованность и обмѣнъ мыслей породили въ нихъ внутреннюю силу и они сдѣлались центральными пунктами, откуда цивилизація стала распространяться по всей Германіи.

Не смотря на то, что въ германскихъ городахъ иногда царилъ патриціатъ, проявлялся сепаратизмъ и вообще всѣмъ двигалъ частный интересъ, порождавшій очень часто зависть, ненависть, злобу партій, а аристократическій и демократическій строй правленія подавалъ поводъ къ междуособіямъ,— несмотря на все это такой духъ партій былъ полезенъ. Каждый зорко подмѣчалъ слабыя стороны враждебной партіи и обнаруживалъ ихъ. Вслѣдствіе этого образовалась чуткость

къ охраненію городскихъ интересовъ. Такимъ образомъ духъ партій еще болѣе возбуждалъ и оживлялъ общинную жизнь, общинный духъ, столь благодѣтельный для цѣлаго. Одна дѣятельность пробуждала другую.

Майнцъ и многіе города южной Германіи на лѣвомъ берегу Рейна были римскими муниципальными городами и возникли изъ лагерей (stationes) римскихъ легіоновъ. Несомнѣнно, что во время римскаго владычества много римскихъ подданныхъ и урожденныхъ римлянъ поселилось въ этихъ городахъ. Они управлялись по римскому муниципальному праву, которое потомъ мало по малу измѣнилось.

Епископскіе города.

Устройство большихъ городовъ всюду стало служить образцомъ. Эмигранты занимались здѣсь промыслами и торговлей. Много этого торговаго люда оставалось и послѣ въ нѣмецкихъ городахъ, а документы IX вѣка упоминаютъ имена туземныхъ купцовъ изъ римлянъ и вообще итальянцевъ. Они находились повсюду, въ особенности въ Майнцѣ и Кёльнѣ, гдѣ пріобрѣтали посредствомъ торговли большія богатства. Какъ ни была печальна судьба городовъ и ихъ распорядителей въ первые вѣка христіанства, но однако, несмотря на это, торговля и промышленность въ нихъ развивались. Принесенный колонистами духъ самостоятельности и республиканской свободы продолжалъ существовать въ этихъ городахъ, хотя въ слабыхъ чертахъ. Ничто такъ не грозило свободѣ городовъ, какъ господство прелатовъ. Если епископы избирали города мѣстомъ своего постояннаго пребыванія, то, будучи духовными главами городовъ, они пытались подчинить себѣ города и въ гражданскомъ отношеніи. Этимъ объясняется то, что въ большей части городовъ на Рейнѣ епископскія каѳедры основывались въ главныхъ мѣстахъ провинцій. Богато одаряемые льготами отъ императоровъ и отъ папъ, епископы захватили въ свои руки городской судъ и даже общественныя обязанности и должности. Потомъ они пріобрѣтали въ городахъ поземельныя владѣнія въ собственность Церкви. Расширять все болѣе и болѣе эти территоріальныя пріобрѣтенія стало стремленіемъ духовенства и никакое средство не осталось неиспытаннымъ для того, чтобы вытѣснить изъ этихъ территорій всякую тѣнь городскаго гражданскаго вліянія. Императоры и короли, которые по большей части держали при своихъ дворахъ епископовъ въ качествѣ руководителей дѣлами страны, мало по малу склонились къ тому, чтобы отнять отъ свѣт-

ской власти отправленіе суда и передать его епископамъ. Духовенство такимъ образомъ достигло того, что ему было предоставлено номинальное право судебной власти. Самымъ близкимъ послѣдствіемъ этого вышло то, что право суда и судебныя должности тоже уже находились въ рукахъ духовныхъ верховныхъ пастырей и судьи, хотя они и избирались, сдѣлались ни больше, ни меньше, какъ служилыми людьми епископа. Точно также право пошлинъ и чеканки монеты перешло къ нимъ въ силу дарственныхъ, пергаментныхъ грамотъ императоровъ и королей, которые всегда смотрѣли на это право, какъ на королевскую регалію, предоставляя себѣ передавать таковую кому угодно.

Города и ихъ правители не могли принаровиться къ господству епископовъ и многіе изъ нихъ желали быть свободными, желали установить организацію самоуправленія, чтобы окончательно освободиться отъ феодальной опеки. Многимъ это удавалось. Для того они подрывали судебныя права епископовъ, освобождая духовенство отъ всѣхъ гражданскихъ обязанностей, а равнымъ образомъ и отъ налоговъ.

Торговля и богатство жителей городовъ возбудили также въ городахъ демократическій духъ, благодаря которому они достигли полной независимости.

Развитіе промышленности и торговли готовило новый корпоративный элементъ — цеховой.

Цехи.

Нельзя не признать великаго значенія цеховъ для успѣховъ промышленности [1]. Ремесленники по наслѣдству передавали свои знанія, свои тайны и обязывали своихъ наслѣдниковъ заниматься тѣмъ же ремесломъ. Только этой спеціализаціей занятія, въ виду слабости культуры, въ виду отсутствія знаній, можно было достичь чистоты и прочности отдѣлки. Но за-то спеціализація тормозила уже усовершенствованія тамъ, гдѣ практиковалась долѣе, чѣмъ слѣдовало. Напримѣръ, въ Англіи и Германіи цеховые законы дѣйствуютъ съ одинаковой силой и теперь, хотя исчезла всякая необходимость въ нихъ, хотя въ ремеслахъ нѣтъ уже никакой тайны. Тогда никто не могъ печь себѣ хлѣба, продать или купить что-нибудь безъ предварительнаго взвѣшиванія или осмотра особымъ для того назначеннымъ лицомъ. Раздѣленіе труда было строго регулировано закономъ. Тотъ, кто дѣлалъ лезвіе ножа, не смѣлъ

(1) Новыя изсл. Wild'а о гильдіяхъ въ средніе вѣка и Stiedt'а о возникновеніи цеховъ.

сдѣлать ручки къ нему; кто дѣлалъ сальныя свѣчи, не могъ дѣлать восковыя. Въ XII вѣкѣ во Франціи различнаго рода четки были дѣлаемы пятью разными цехами. Даже тотъ, кто жарилъ курицу на продажу, не могъ жарить говядины для рынка. Естественно, что при этомъ обманы въ торговлѣ были очень часты. Самая внѣшность городовъ имѣла мрачный и суровый характеръ: вездѣ затворы, желѣзныя ворота, которыя загораживали даже улицы. Въ нашихъ прибалтійскихъ городахъ, особенно въ Ревелѣ, можно еще и до сихъ поръ наблюдать слѣды этой средневѣковой обстановки. Въ виду того, что городъ, огороженный стѣнами, росъ, а въ ширь нельзя было строиться, то горожане устремлялись въ верхъ. Можно было поэтому встрѣтить дома въ одно окно, но въ семь этажей. Нѣсколько иной характеръ былъ въ итальянскихъ городахъ. Врожденный вкусъ давалъ итальянцамъ возможность создать замѣчательные архитектурные образцы готики и романизма. Города стараются избавиться отъ фогтовъ, поставленныхъ императорами. Это было сдѣлано въ однихъ городахъ раньше, въ другихъ позже, въ иныхъ насиліемъ, въ другихъ деньгами. Тамъ, гдѣ князья успѣли сохранить вліяніе, образовались земскіе города; гдѣ не было ихъ вліянія — появились вольные имперскіе города, составившіе впослѣдствіи главную силу въ Германіи. Города стали обноситься стѣнами, укрѣпляться палисадами. Окрестныя земли вошли въ подвластныя городамъ территоріи, а тѣ, которые жили въ этихъ земляхъ, приписывались къ городамъ и принимали на себя военныя обязанности для защиты городовъ. Военное значеніе городовъ вообще было не важно, и императоры не боялись ихъ военной силы и потому покровительствовали имъ, ища въ нихъ помощи противъ князей. Въ исторіи Германіи не было той интимности верховной власти съ городами, которая проявлялась иногда во Франціи и которая способствовала усиленію централизаціи. Во Франціи (см. I, 597) королевская власть, соединившись съ городами, обрушилась на аристократію и подавила ее. Въ Англіи вышло нѣчто обратное. Тамъ соединились города съ коммунами для обороны отъ королевской власти; оттого выработалась конституція. Въ Германіи же не было ни того, ни другаго, потому что не послѣдовало союза ни между императорами и городами, ни между городами и князьями. Императоры оставались нейтральны, а бароны не имѣли надобности соединяться съ городами

противъ императорской власти, потому что она и такъ была очень слаба. Такимъ образомъ въ Германіи каждый оставался при своемъ; оттого изъ нея никогда не могло выйти цѣльнаго организма. Разрозненность элементовъ Германіи вела государство къ политической слабости.

Богатства городовъ.

Нѣмецкіе города страдали отсутствіемъ связывающаго элемента. Сами по себѣ эти города были очень богаты; они росли послѣдовательно и правильно, ихъ счастіе не возмущалось междоусобной борьбой. Переносясь въ стѣны этихъ городовъ, мы являемся свидѣтелями весьма отрадныхъ картинъ. Не даромъ гордится своимъ дорогимъ Нюренбергомъ одна старая мѣстная хроника, указывая на благосостояніе города. Нюренбергцы были очень богаты, такъ что домашняя утварь у патриціевъ была изъ серебра и золота; но всего болѣе бросалось въ глаза ихъ дорогое оружіе, панцыри, палицы и т. п. Впрочемъ и у простаго горожанина оружіе было въ добромъ порядкѣ, такъ что при первомъ требованіи онъ могъ тотчасъ собрать его и явиться въ указанное мѣсто. Современниковъ поражала эта воинственность. Нѣмецкіе горожане не мотали денегъ, но, напротивъ, вели скромную и умѣренную жизнь. Мѣткій наблюдатель позднѣйшаго времени говоритъ (1): нѣмцы богаты, потому что они живутъ какъ бѣдняки; имъ ничего не нужно кромѣ здоровой пищи; деньги у нихъ не утекаютъ изъ страны, напротивъ сами они наживаютъ деньги отъ другихъ, продавая имъ собственныя издѣлія. Могущество Германіи, замѣчаетъ этотъ умный итальянецъ, заключается гораздо болѣе въ ея городахъ, нежели государствахъ. Корыстолюбивый духъ, врожденный напримѣръ итальянскимъ городамъ, не былъ характерной чертой нѣмецкихъ. Нѣмцы въ средніе вѣка если и были не прочь отъ наживы, то не приносили въ жертву золотому тельцу другихъ интересовъ.

Ганза и ея происхожденіе.

Между тѣмъ корпоративныя начала, которыя были такъ присущи германской расѣ, увлекали города къ союзамъ, но не съ политической цѣлью, какъ было въ Голландіи, а исключительно для торговыхъ видовъ. Организація этихъ союзовъ относится къ половинѣ XII столѣтія. Такъ образовались союзы Майнцскій, Швабскій, но важнѣе другихъ былъ союзъ

(1) Machiavelli, Ritratti delle cose dell' Alamagna (Opere, Par. 1851), 512—515: «La potenza della Magna si tiene: certo essere più assai nelle communitadi, che nello principi».

сѣверныхъ германскихъ городовъ, куда вошли города не только нѣмецкіе, но русскіе и шведскіе. Этотъ союзъ извѣстенъ подъ именемъ Ганзейскаго (1). Начало Ганзы коренится въ глубинѣ среднихъ вѣковъ: нѣкоторые нѣмецкіе города основывали склады, утверждали факторіи и платили „ганзу“ — пошлину; отсюда всякій союзъ съ чужестранцами, заключаемый для торговыхъ цѣлей, стали называть—ганзой. Слово „ганза“ на старо-фламандскомъ языкѣ означаетъ всякую подать, позднѣйшую ansaria; отъ смѣшенія понятій сталъ подъ этимъ именемъ извѣстенъ союзъ, члены котораго вносили деньги для какой-нибудь общей цѣли. Такъ, издревле были извѣстны въ Лондонѣ факторіи отъ городовъ Кёльна, Бремена, Любека и др. Въ 1241 году былъ заключенъ формальный союзъ между Любекомъ и Гамбургомъ, который считаютъ обыкновенно за начало Ганзы. Оба города, какъ равноправныя и независимыя государства, заключили союзъ, въ силу котораго они обязывались снаряжать суда и выставлять войско для защиты отъ разбойниковъ, бароновъ, князей и др. Къ названнымъ городамъ впослѣдствіи присоединились еще другіе.

Отношенія къ Новгороду. Уже въ XI вѣкѣ существовали частыя сношенія нѣмецкихъ городовъ съ другими. Во многихъ русскихъ городахъ въ XI столѣтіи, какъ видно изъ актовъ и лѣтописей, жили нѣмецкіе купцы и строили католическія церкви. Въ концѣ XII столѣтія торговыя сношенія Новгорода были регулированы, получили нѣкоторое постоянство и правильность; потребовалось устройство постоянныхъ факторій (2). Въ началѣ XII вѣка въ Новгородѣ была устроена Любекская торговая контора, но торгъ былъ не особенно значителенъ, чему мѣшалъ отпускъ товаровъ въ Бѣлое море и транзитная азіат-

---

(1) Объ этихъ союзахъ имѣются нѣмецкія сочиненія: Sartorius, Urkundliche Geschichte des Ursprungs der deutschen Hansa (Hamb. 1830) изд. Лаппенбергомъ. Шлецеръ, Бартольдъ, Вормсъ въ своихъ монографіяхъ повторяли Сарторіуса. По отношенію къ славянамъ изслѣдованіе кіевскаго профессора Ѳ. Фортинскаго—Приморскіе вендскіе города и ихъ вліяніе на образованіе ганзейскаго союза до 1370 г. (К. 1877).

(2) По разсматриваемому вопросу объ отношеніяхъ Ганзы къ Россіи имѣются изслѣдованія: Славянскаго «Историческое обозрѣніе торговыхъ сношеній Новгорода» (1847 г.), И. Е. Андреевскаго «Договоры Новгорода съ Готландомъ» (Пет. 1855 г.), Бережкова «Отношенія Новг. къ Ганзѣ».

ская дорога проходившая на Кіевъ. Въ XIII столѣтіи богатѣетъ Готландъ и заключаетъ союзы съ различными государствами, при чемъ эти союзы получали разныя привилегіи, распредѣлявшіяся па всѣ союзные города; ими пользовались всѣ въ одинаковой мѣрѣ. Въ этотъ союзъ впослѣдствіи былъ вовлеченъ и нашъ Новгородъ. Въ виду разности судопроизводства въ Новгородѣ сравнительно съ нѣмецкими бургами, ганзейскіе купцы энергично стали добиваться изъятій изъ новгородской подсудности, требуя при этомъ слишкомъ много измѣненій. Предложенный сначала ганзейцами договоръ пе былъ принятъ новгородцами, но въ 1270 году былъ заключенъ окончательный трактатъ по проекту, составленному нѣсколько раньше. Оригиналъ этого договора, написанный на нижне-нѣмецкомъ нарѣчіи, до сихъ поръ хранится въ Любекской городской библіотекѣ ([1]). Этотъ договоръ написанъ отъ лица Ярослава Ярославича, князя новгородскаго и посадника Павла. Убійство и воровство по этому договору оплачивалось, вопреки нѣмецкимъ уложеніямъ, пеней или вирой; такъ, за убійство посла назначалось 20 марокъ и 10 за купца; между тѣмъ какъ по нѣмецкому уложенію за эти преступленія были опредѣлены самыя строгія наказанія; раны, побои, пощечины также оплачивались вирой. Отсюда ясно, что нѣмцы рѣшились сдѣлать уступку упрямымъ новгородцамъ, согласились уважить ихъ обычаи и преданія.

Подобные договоры ганзейцы заключали и съ другими городами, примѣняясь по примѣру Новгорода къ мѣстнымъ обычаямъ. Союзники-ганзейцы заключали между собою договоры, или „скры", какъ называли славяне. Копія этихъ „скры" находится въ двухъ древнихъ спискахъ XIII вѣка, которые хранятся въ Любекѣ, а болѣе древній—въ Копенгагенѣ. Эти „скры" содержатъ въ себѣ 110 статей, между которыми на первомъ планѣ стоитъ обязательство, распространявшееся на всѣхъ торговцевъ, исполнять при въѣздѣ въ Неву требуемыя условія ([2]).

([1]) Онъ напечатанъ у Сарторіуса Лаппенбергомъ, а также въ «Codex diplomaticus Lubecensis» доведеннымъ до XV вѣка. Договоръ этотъ приведенъ въ диссертаціи Андреевскаго. Академикъ Куникъ разсматривалъ его въ Forschungen in der älteren Geschich. Russlands. 1848. 2 B.

([2]) Скры приведены Андреевскимъ въ его сочин. на стр. 42—94.

Составъ Ганзы.

Въ союзъ Ганзейскій входило внѣ Германіи до 77 городовъ, изъ которыхъ главными были: Кёнигсбергъ, Данцигъ, Рига, Ревель, Нарва, Торнъ, Висби (на островѣ Готландѣ) Стокгольмъ и др. Центральнымъ складочнымъ пунктомъ для Россіи былъ Новгородъ, для Англіи—Лондонъ, для Норвегіи —Бергенъ. Въ самой же Германіи ганзейскіе города группировались по четыремъ отдѣламъ: 1) Вендскій (1), гдѣ центромъ былъ городъ Любекъ 2) союзъ Вестфальскій съ городомъ Кёльномъ; 3) союзъ Саксонскій съ Брауншвейгомъ, и затѣмъ 4) Прусскій союзъ съ городомъ Данцигомъ; сюда же входила Лифляндія. Богатство союза зависѣло, конечно, отъ выгоднаго обмѣна товаровъ. Съ сѣвера, изъ Россіи, привозили въ Любекъ пеньку, ленъ, деготь, мѣха и особенно много сушеной и копченой рыбы, которую употребляли милліоны католическихъ постниковъ; такимъ образомъ русскій рынокъ въ нѣкоторомъ отношеніи поддерживалъ католицизмъ. Съ юга, изъ Азіи, товары шли чрезъ Альпійскіе проходы; азіатскіе товары составляли: пряности, фрукты, шелковыя матеріи, золотыя и серебряныя издѣлія. Очевидно, что нѣмцы съ давней поры занимались тѣмъ же, чѣмъ и ганзейцы; они должны были обогатить весь транзитъ до Сѣвернаго моря. Вездѣ были замѣтны слѣды той наживы, которой хотѣли пользоваться ганзейскіе купцы или въ видѣ платы за доставку, или же въ видѣ пошлины, такъ какъ каждому торговцу предоставлялось право облагать свой товаръ какою угодно пошлиной. Конечно нѣмцы обогащались главнымъ образомъ потому, что выгодно сбывали свои произведенія, при чемъ, надо замѣтить, предметы существенной необходимости нѣмцы исключительно выработывали на собственныхъ фабрикахъ, и всего вѣроятнѣе, что эти-то произведенія болѣе обогащали ганзейскихъ купцовъ, чѣмъ товары съ Востока, каковыми были сукна, полотна и проч. Конечно, всѣ города Ганзы откупались отъ князей и императоровъ, получали политическую самостоятельность, соединялись вмѣстѣ, держали общій флотъ. Государи невольно склоняясь передъ союзниками, стали заискивать дружбы съ Ганзой. Такъ въ войнѣ съ Даніей ганзейскій флотъ четыре раза овладѣвалъ столицей королевства, отда-

---

(1) Кромѣ Любека—Ростокъ, Висмаръ, Стральзундъ, и Грейфсвальдъ. За исключеніемъ послѣдняго — всѣ прочіе города чисто славянскіе. Фортинскій, 59.

вая ее въ видѣ милости обратно. Англія въ XIV вѣкѣ купила миръ цѣной 10 тысячъ фунтовъ стерлинговъ, чтобы только избавить этимъ способомъ Лондонъ отъ назойливыхъ ганзейцевъ. Какъ богатъ былъ ганзейскій союзъ, видно уже изъ того, что въ Любекѣ считалось болѣе 200,000 жителей. Одинъ этотъ городъ могъ вооружить до пяти тысячъ купцовъ, помимо наемниковъ. Ахенъ и Страсбургъ въ XIV вѣкѣ доставляли каждый по 20 тысячъ человѣкъ, Нюренбергъ въ XV вѣкѣ болѣе 50 тысячъ ([1]). Можно представить себѣ средства, какими обладалъ этотъ союзъ при открытіи новыхъ рудниковъ, гдѣ добывались самородки золота въ тысячу пудовъ вѣса, что, понятно, увеличивало въ Германіи количество звонкой монеты. Но это обогащеніе вмѣстѣ съ торговлею было призрачно; открытіе рудниковъ не только не принесло обществу пользы, но, напротивъ, повредило ему; богатства не вели страну къ государственной и политической силѣ, а напротивъ скорѣе парализировали послѣднюю. Все разсыпáлось. Въ виду отсутствія правительственной судебной власти, всякій считалъ себя полновластнымъ, всякій прибѣгалъ къ кулачному праву. Произволъ оказался бы еще болѣе безпощаднымъ, если бы не существовало тайныхъ вестфальскихъ судовъ, или, какъ ихъ называютъ Vehmgerichte, о которыхъ мы будемъ вскорѣ говорить. Это учрежденіе тайныхъ судовъ было въ высшей степени благодѣтельно для общества той суровой эпохи. Если еще святой Бернаръ скорбѣлъ о свѣтскихъ наклонностяхъ духовенства, то можно себѣ представить, каковы были нравы духовенства въ разсматриваемую эпоху, спустя полтора или два столѣтія послѣ знаменитаго подвижника. Современныя извѣстія свидѣтельствуютъ, что духовные грабятъ свои церкви, что всякое повиновеніе исчезаетъ, чѣмъ подкапывается зданіе церковной іерархіи; подъ маской смиренія аббаты скрываютъ гордость, они не любятъ повиноваться епископамъ и избѣгаютъ ихъ надзора; каждый изъ епископовъ хочетъ быть какъ можно ближе къ папѣ, что нарушаетъ общественный порядокъ. Между тѣмъ число монастырей увеличивалось; монастыри стали претендовать не только на самостоятельность, но они желали, чтобы государи и города освобождали отъ всякихъ повинностей, какъ монастырскую братію, такъ и ихъ работниковъ и ремесленниковъ. Свѣтскіе князья давно уже тянули

([1]) Vehm—судъ, отсюда до сихъ поръ verwehmt значитъ осужденный.

Германію на части. Хроники Альберта фонъ Стаде (доведенная до 1324), Кранца для сѣверной Германіи (написанная въ XVI вѣкѣ), Оттокара фонъ Горцега (риѳмованная до 1309 г.) передаютъ ужасныя сказанія про это царство насилія, безправія, или точнѣе, царства кулака.

Надо замѣтить, что дѣйствовавшее тогда германское уложеніе было очень сурово. Если обвиняемый не хотѣлъ повиноваться приговору, то его принуждали къ тому силой, причемъ исполненіе этой обязанности возлагалось на князей или города, вообще на представителей силы. Это явленіе тайныхъ судовъ во всей своей силѣ и рѣзкости обнаружилось въ періодъ многоцарствія, когда ослабла императорская власть, когда не стало прежней могучей и сдерживающей силы, когда не существовало болѣе предварительныхъ судовъ, установленныхъ до этихъ фемгерихтовъ, проявившихся во всемъ своемъ обаяніи въ концѣ XIII столѣтія.

Саксонское зерцало. Въ 1215 году саксонецъ Эйке фонъ-Репгофъ издалъ такъ называемое Саксонское Зерцало—полное собраніе всѣхъ дѣйствовавшихъ законовъ, которое и получило оффиціальный характеръ. Это въ то же время—уложеніе о наказаніяхъ. Здѣсь еще нѣтъ началъ римскаго права, появившагося лишь позднѣе, ибо въ Германіи до XV столѣтія почти не ссылались на римское право. Слѣдовательно, характеръ права въ Германіи во всѣ средніе вѣка былъ національный, обычный, мѣстный, чѣмъ и объясняется невѣроятная строгость германскаго уложенія о наказаніяхъ ([1]). Мы знаемъ изъ очерка древне-германскаго права (см. I, 187—194), что наказаніе оплачивалось пеней и что только въ случаѣ неуплаты этой пени практиковались карательныя мѣры; за неуплату пени виновныхъ подвергали обыкновенно или позорному вы-

---

([1]) Iastrow. Die Volkszahl (Beilage I — zur Nürnberger Volkszahlung von 1449), 177—188.

([2]) Hochmeier, Der Sachsenspiegel (1835). Lassberg, Der Schwabenspiegel (1840). Wilda, Das Strafrecht der Germanen (1842). Классическія сочиненія Eichhorn, Deutsche Staats und Rechtsgeschichte (L. 5 B. 1843). Waitz, Deutsche Verfassungsgeschichte (L. 1865, 2 Ausg.); кромѣ того соч. Венфля, Вальтера, Филипса. Въ русской литературѣ самостоятельное и обстоятельное изсл. С. М. Шпилевскаго, Семейныя власти у древнихъ славянъ и германцевъ (Каз. 1869).

купу, или же смертной казни. Но въ виду проявленія насилій, въ виду своевольства бароновъ и рыцарей признано было полезнымъ ввести возможно строгія наказанія. Тогда творчество нѣмецкихъ юристовъ разыгралось въ изобрѣтательности безпощадныхъ, разнообразныхъ, жестокихъ истязаній и пытокъ дѣйствительно ужасныхъ, превосходившихъ пытки тогдашнихъ инквизиторовъ. Въ каждомъ городѣ были свои особыя уложенія о наказаніяхъ. Если кто-либо отравлялъ своего господина, то, по германскому обычному уложенію, его должно было сжечь въ кипящемъ маслѣ безъ всякаго суда. За насилованіе женщины въ Гессенѣ виновному вбивали колъ въ сердце, а въ Нюренбергѣ преступника живымъ зарывали въ землю. Если крещеный еврей снова обратится въ жидовство, то его жгли безъ всякаго суда. Клятвопреступнику вырывали языкъ сзади, черезъ затылокъ. Воровъ подвергали смертной казни на эшафотѣ; ночныхъ же воровъ всегда вѣшали, на какую бы незначительную сумму украденное ни простиралось. Женщинъ преступницъ никогда не вѣшали, а прямо топили или сжигали. Невѣрныхъ женъ зарывали живыми, а нецѣломудренныхъ монахинь замуравливали въ стѣны. Отцеубійцъ и матереубійцъ варили въ кипящемъ маслѣ. Четвертованіе было также въ большомъ ходу и производилось особенно мучительно: къ оконечностямъ привязывали молодыхъ коней. Женщину, побившую своего мужа, сажали верхомъ на осла задомъ на передъ. Сварливыхъ женщинъ, шулеровъ и мелкихъ воришекъ бросали въ холодную воду и потомъ вытаскивали. Обмазываніе дегтемъ и посыпаніе перьями и пухомъ было обыкновеннымъ возмездіемъ за самые ничтожные проступки.

Тайныя судилища.

Несмотря на такія суровыя мѣры трудно было въ эпоху многоцарствія, наступившую послѣ смерти Фридриха II, заставить повиноваться установленнымъ законамъ, и вотъ, чтобы принудить къ повиновенію, общество выставляетъ противъ оффиціальныхъ судовъ свои фемгерихты. Эти суды, организованные въ Вестфаліи, получили названіе тайныхъ, потому что постороннія лица (т. е. всѣ кромѣ обвиняемаго и судей) не могли присутствовать при разбирательствѣ; засѣданія же суда никогда не происходили тайно, а всегда среди бѣлаго дня. Фемгерихты представляли упрощенный видъ народныхъ судовъ. Рѣшенія тайныхъ судовъ были окончательны, безапелляціонны. Приговоръ суда приводилъ въ исполненіе одинъ

изъ засѣдателей въ присутствіи трехъ членовъ. Дѣло рѣшалось здѣсь очень скоро и просто: обвиняемаго или оправдывали или вѣшали; никакихъ среднихъ степеней наказанія не существовало. Суды эти пользовались большой популярностью, потому что представляли собой народную болѣе или менѣе легальную расправу въ виду отсутствія всякой гарантіи (1).

Вольные суды коренятся въ правовыхъ условіяхъ исторической жизни Вестфаліи. Тамъ, издревле были такъ называемые сотенные суды. Въ нихъ раньше засѣдатели избирались изъ рыцарей и землевладѣльцевъ, а потомъ даже изъ ремесленниковъ и бюргеровъ. Князь страны былъ обыкновенно предсѣдателемъ суда и назывался Freigraf. Въ судѣ было не болѣе 7 засѣдателей, которые въ одно время назначались императорскою властью, а потомъ стали избираться изъ круга честныхъ и благонамѣренныхъ людей. Засѣдателей было неограниченное число, но всѣ остальные, за исключеніемъ семи, были только зрителями. Въ качествѣ зрителей могло присутствовать какое угодно число засѣдателей и публики. Эта форма суда удержалась надолго въ Вестфаліи, долѣе, чѣмъ гдѣ-нибудь. Суды были въ каждомъ вестфальскомъ городкѣ, но центральный судъ находился въ вольномъ городѣ Дортмундѣ, который пользовался полнымъ самоуправленіемъ. Этотъ судъ назывался зерцаломъ, а также государственною палатой. Въ немъ производились ревизіи, подтверждались или отвергались рѣшенія отдѣльныхъ судовъ въ случаѣ апелляцій и т. д. Впослѣдствіи вестфальскіе суды, даже самые незначительные, присвоили себѣ апелляцію на другіе трибуналы и безъ всякихъ жалобъ рѣшали дѣла. Эта форма народнаго суда перешла и за предѣлы Германіи; такъ напримѣръ, была попытка перенести ее въ Чехію. Но вестфальскіе графы всегда протестовали противъ этого и требовали, чтобы всѣ подсудимые являлись непремѣнно къ нимъ. Отсюда произошло выраженіе: „встань на красную землю", т. е. на землю Вестфаліи, потому что почва Вестфаліи въ значительной степени обладала глиноземомъ и была красноватаго цвѣта. Сперва судьями могли быть только природные вестфальцы и притомъ знатнаго происхожденія, но впослѣдствіи сюда стали выбирать и другихъ

(1) Подробности — Lorenz, Deutsche Geschichte im XIII und XIV Jahrh. W. 2 B. 1863—67, Barthold (въ «Исторіи городовъ»), Büsching (въ «Эпохѣ Рыцарства») и въ юридическихъ сочиненіяхъ цитованныхъ на стр. 468, прим. 2. Старыя работы: Kindlinger (L. 1793), Kopp (G. 1794), Hütter (L. 1798), Berck (Br. 1814), Wigand (Das Fehmgericht Westphalens, Hanau 1825) и его же Archiv für Westphalische Gesch. (Lemb. 4 B. 1828—31).

честныхъ, ничѣмъ незапятнанныхъ мужей, и такъ какъ дѣятельность вестфальскихъ судовъ распространилась на всю Германію, то выборы производились въ каждой большой области. Теперь двери судилищъ были закрыты, отчего и суды назывались тайными.

Предсѣдатель и засѣдатели.

При выборѣ предсѣдателя поступали чрезвычайно осторожно, такъ какъ послѣдній пользовался огромными правами: въ его рукахъ была жизнь и смерть подсудимаго. При выборахъ предсѣдателя требовалось поручительство со стороны двухъ засѣдателей, что онъ полноправный гражданинъ и что за нимъ нѣтъ даже и подозрѣнія въ какомъ-нибудь дурномъ поступкѣ. Выбирали предсѣдателей только въ предѣлахъ Вестфаліи. Званіе предсѣдателя, а равно его товарищей, сдѣлалось столько же почтенно, какъ и званіе рыцаря. Что касается до чиновъ судилища, до засѣдателей, то у нихъ былъ свой пароль и особый способъ здороваться, по которому они узнавали другъ друга. Пренія были покрыты тайной, и никто изъ постороннихъ лицъ не могъ проникнуть въ судъ; засѣдатели не должны были открывать тайнъ суда даже и на исповѣди; они обязывались хранить тайну „отъ жены, дѣтей, песка и вѣтра“. Если засѣдатель проговаривался, то его постигала мучительная казнь: ему вырѣзывали языкъ чрезъ затылокъ и вѣшали на сажень выше, чѣмъ обыкновеннаго преступника. Конечно, рядомъ съ этимъ существовали въ Вестфаліи и оффиціальные суды, какъ и во всей Германіи. Подсудимый могъ не являться на оффиціальный судъ, но онъ никогда не могъ избѣжать тайнаго суда. Здѣсь сословность теряла всякое значеніе; всѣ частные люди могли попасть въ число засѣдателей и часто рыцаря судили подъ предсѣдательствомъ ремесленника. Обаяніе судовъ этихъ было такъ сильно, что никто не могъ распечатать письма, посланнаго кому либо, если была на немъ печать судилища. Неукоснительное исполненіе обычнаго смертнаго приговора было всегда гарантировано. Незримыя силы находили преступника повсюду на землѣ.

Судопроизводство и кара.

Судъ происходилъ подъ открытымъ небомъ на какой нибудь горѣ, подъ грушевыми или яблочными деревьями, при свѣтѣ солнца. Судья всходилъ на возвышеніе, предъ нимъ лежали мечъ и веревка. Вызывался подсудимый, который являлся безъ всякаго оружія. Одинъ изъ судей излагалъ обвиненіе отъ своего лица, или отъ лица обвинителя. Если подсудимый былъ правъ, то дѣло кончалось сразу. Онъ давалъ

присягу надъ крестомъ меча и бросалъ монету графу за судъ, но иногда дѣло затягивалось долѣе, особенно въ виду оправдательнаго приговора. Судья, недовольный оправданіемъ подсудимаго, могъ возобновить дѣло и подсудимый снова долженъ былъ явиться на судъ. Если судья, обвиняющій подсудимаго, имѣлъ на своей сторонѣ 14 свидѣтелей, то подсудимый долженъ былъ имѣть 21 свидѣтеля; тогда только онъ оправдывался. Если подсудимый не могъ оправдаться, то тутъ же на ближайшемъ деревѣ его вѣшали. Бывали случаи, что подсудимый не хотѣлъ явиться на судъ, но тогда, послѣ троекратнаго приглашенія, ему грозила безусловная смерть. Произносилось заочное обвиненіе безъ различія, былъ ли подсудимый правъ, или нѣтъ. Графъ предъ собой бросалъ веревку и всѣ засѣдатели плевали по три раза въ знакъ того, что какъ бы видѣли передъ собой повѣшеннаго. Одинъ изъ засѣдателей, по большей части обвинитель, былъ назначаемъ для исполненія приговора. Каждый засѣдатель былъ обязанъ содѣйствовать ему въ исполненіи казни подъ страхомъ обвиненія въ непослушаніи. Наконецъ графъ произносилъ слѣдующее:

— „Я повелѣваю всѣмъ князьямъ, графамъ, рыцарямъ, оруженосцамъ и вольнымъ засѣдателямъ, всѣмъ тѣмъ, которые принадлежатъ къ священной Римской Имперіи, чтобы они поступили съ осужденнымъ, какъ повелѣваютъ законы государства. Обвиненный до того зачерствѣлъ въ своей злобѣ, что пересталъ почитать законы и честь. Такъ какъ онъ презираетъ высшій судъ имперіи, то я произношу противъ него фему, лишаю его мира, свободы и правъ, которыя онъ имѣлъ отъ своего рожденія. Пусть отступятся отъ него всѣ стихіи, которыя Господь сотворилъ на благо людямъ; пусть каждый поступаетъ съ нимъ, какъ съ преступникомъ! Его жизнь и имущество пусть будутъ отнынѣ внѣ всякой защиты, его жена да будетъ вдовой, а дѣти сиротами. Да не вступитъ нога его ни въ чей замокъ, ни въ чей городъ! Я предаю его шею петлѣ, тѣло птицамъ и звѣрямъ, а душу Господу Богу, если только Ему будетъ угодно принять ее“.

Осужденнаго, если заставали на улицѣ или на дорогѣ, обыкновенно вѣшали на ближайшемъ деревѣ или на воротахъ, или закалывали, оставляя въ рукѣ его кинжалъ. Живымъ доказательствомъ того, что смерть послѣдовала отъ фемы, а не отъ разбойниковъ, служила полная сохранность вещей, а иногда протоколъ. Тайный судъ энергично доби-

рался до самыхъ отдаленныхъ и темныхъ убѣжищъ. Его агенты были всегда точными исполнителями велѣній фемы; имъ измѣнить было невозможно, потому что они ежечасно сами могли быть жертвой другихъ своихъ товарищей, ибо состояли невольными орудіями фемы. Даже люди непосвященные, не спрашивая за что и почему, должны были закалывать кинжаломъ намѣченнаго человѣка. Невольно князь или рыцарь, за крѣпкой стѣной своего дворца ни во что ставившій судъ императора, обыкновенно вздрагивалъ, когда вдругъ передъ воротами его замка раздавался голосъ, призывавшій его на судъ фрейграфа. Всѣ подлежали юрисдикціи фемы, но она не касалась женщинъ, духовныхъ лицъ и евреевъ. Нельзя, конечно, отрицать пользу этого учрежденія въ тотъ тяжелый періодъ. Послѣ оно стало мало по малу приходить въ упадокъ и лишаться своего авторитета. Впослѣдствіи въ члены тайныхъ судовъ стали попадать люди, которые пользовались своею властью въ личныхъ интересахъ.

Въ XV вѣкѣ современники констатировали тяжелыя обвиненія противъ вольныхъ судовъ. Тогда сказалась императорская власть и тайныя судилища сдѣлались излишними. Противъ нихъ даже возникли союзы князей, рыцарей и городовъ. Тогда уже прекратилось кулачное право, которое господствовало въ Германіи безнаказанно во время многоцарствія.

Кулачное право и земскій миръ.

На кулачное право нужно смотрѣть, какъ на продолженіе стариннаго германскаго права, права побѣдителя. Такъ какъ оффиціальные суды при розни Германіи были безсильны, то каждому предоставлялось право защищаться самому, не отвѣчая за послѣдствія. Нѣмцы смотрѣли на это право какъ на привилегію, даваемую рожденіемъ. Земскій миръ 1187 года констатировалъ явленіе, существовавшее на практикѣ, и давалъ ему реальную основу. Законъ строго предписываетъ всякому желающему расправиться своеручно заявить объ этомъ за три дня. Но изъ сферы личной расправы были исключены: духовенство, евреи, купцы, пилигримы, возницы, ремесленники и винодѣлы. Извѣстно, что Церковь не разъ пыталась прекратить эту расправу провозглашеніемъ Божьяго перемирія, но далеко не всегда достигала цѣли (I, 424—427). Церковь старалась выгородить отъ самоуправства по крайней мѣрѣ извѣстные дни. Такъ, только 4 дня въ недѣлю посвящались расправѣ, а остальные 3 дня считались свободными. Не помогала Церкви

и эта мѣра, не помогали и убѣжища. Церкви, монастыри и кладбища были изъяты отъ расправы и въ нихъ могъ спрятаться всякій преслѣдуемый. Но вышло то, что въ эти убѣжища стали прятаться разбойники, которые не могли избѣжать справедливаго наказанія. Впрочемъ служители фемы не уважали этихъ убѣжищъ и не давали пощады обвиненнымъ. Безправіе и анархія отразились и на слѣдующихъ столѣтіяхъ. „Вся Германія есть вертепъ разбойниковъ, говоритъ одинъ итальянскій прелатъ XV вѣка; а изъ дворянъ въ Германіи считается самымъ знаменитымъ тотъ, кто отличается грабежемъ". У нѣмцевъ даже выработалась интересная поговорка: „грабежъ не позоръ". Тяжело было жить при такой обстановкѣ даже вооруженному человѣку. Какова же была участь вилана, котораго могъ уничтожить одинъ взмахъ кулачнаго героя? Когда 1382 г. въ Эхингенѣ установился земскій миръ, тайные суды и кулачное право сами собой исчезли (1).

Когда Ричардъ умеръ, а объ Альфонсѣ не было изъ Кастиліи никакого извѣстія, то князья осенью 1273 г. собрались во Франкфуртъ съ рѣшительнымъ намѣреніемъ выбрать императоромъ кого-нибудь изъ среды себя, человѣка достойнаго поддержать значеніе главы священной Римской Имперіи. Выборъ палъ на одного изъ мѣстныхъ владѣльцевъ, Рудольфа Габсбургскаго, который былъ безупречнымъ рыцаремъ и умѣлъ ладить столько же съ баронами и горожанами, сколько и съ прелатами.

Рудольфъ I Габсбургскій (1273-91 г.).

По дорогѣ изъ Базеля въ Цюрихъ, въ сѣверной части Швейцаріи, на вершинѣ небольшой горы Вюльпельсберга, путешественникъ еще до сихъ поръ можетъ видѣть развалины и башни бывшаго замка Габсбургъ, построеннаго въ 1020 году рыцаремъ Радбодомъ Альтенбергомъ. Замокъ этотъ назывался Габсбургомъ и потомки строителя получили отъ него свое имя. Тамъ, гдѣ теперь у развалинъ пріютилась хижина мызника, нѣкогда Габсбургскіе бароны наблюдали за своими владѣніями по Аару и Рейну. У подошвы горы пріютились лачуги виланов, покровительствуемыхъ этими баронами. Рудольфъ Габсбургскій во второй половинѣ XIII столѣтія выстроилъ себѣ гораздо южнѣе, на берегу прелестнаго Люцернскаго озера, тамъ, гдѣ оно дѣлаетъ изгибъ къ сѣверу, къ Кюснахту, другой замокъ Neu Habsburg (Новый Габсбургъ). Отправляясь на пароходѣ изъ Люцерна, и теперь еще

(1) F. Maier. Allg. Gesch. des Faustrechts. B. 2 B.

можно видѣть на лѣвой сторонѣ развалины этой колыбели Габсбургскаго дома. Отсюда пошла новая династія Габсбурговъ, съ именемъ которой такъ тѣсно связана исторія имперіи въ средніе вѣка. Здѣсь, у Люцернскаго озера, развились тѣ идеи германизма, которыя потомъ отразились на массѣ славянскаго населенія, подпавшей Австрійской коронѣ. Ничтожныя доселѣ Австрійскія земли, благодаря Габсбургамъ, вырвались изъ славянской опеки и ихъ новые владѣтели сами сдѣлались господами славянъ. Роли перемѣнились...

Рудольфъ, бѣдный рыцарь, но весьма бережливый, часто самъ чинившій свою сѣрую куртку, пользовался хорошей репутаціей въ странѣ. Онъ былъ защитникомъ всѣхъ гонимыхъ и слабыхъ, грозой всѣхъ разбойниковъ. Его любили даже горожане, но еще болѣе симпатизировали ему монахи. Онъ былъ фохтомъ Ури, Швица и Унтервальдена и начальствовалъ надъ Цюрихомъ. Для этихъ должностей выбирали обыкновенно рыцарей самыхъ храбрыхъ на войнѣ, но не честолюбивыхъ и умѣвшихъ ладить съ бюргерами. Архіепископъ кёльнскій писалъ о Рудольфѣ, что онъ „любитъ правду, отличается благоразуміемъ и благочестіемъ, угоденъ Богу и людямъ, счастливъ въ войнахъ и крѣпокъ тѣломъ и душой". Будучи крестникомъ Фридриха II, Рудольфъ участвовалъ въ шестомъ крестовомъ походѣ и былъ на полѣ битвы произведенъ имъ въ рыцари. Вмѣстѣ съ чешскимъ королемъ Оттокаромъ II онъ участвовалъ въ 1255 году въ походѣ противъ прусскихъ язычниковъ. Ему было 55 лѣтъ, когда ему досталась императорская корона. Онъ никогда не могъ ожидать ее, какъ ничтожный мелкій владѣтель. Говорятъ, что выборъ былъ обязанъ случайности. Тогда выборы были въ рукахъ семи владѣтельныхъ лицъ, курфюрстовъ. Такими избирателями были: архіепископы майнцскій, кёльнскій и трирскій (какъ канцлеры имперіи, Италіи и Арелата), пфальцграфъ рейнскій съ званіемъ стольника, король чешскій съ званіемъ чашника, маркграфъ бранденбургскій, какъ камергеръ, герцогъ саксонскій, какъ маршалъ императорскій. Майнцскій вліятельный архіепископъ хлопоталъ за Рудольфа на выборахъ во Франкфуртѣ, потому что былъ обязанъ ему благодарностью за личную услугу, а Людвигъ, пфальцграфъ рейнскій ратовалъ за Рудольфа изъ ненависти къ Оттокару чешскому, котораго постарались лишить голоса, заявивъ, что чашничество съ бо̀льшимъ правомъ принадлежитъ герцогу баварскому, какъ

кровному швабу. Впрочемъ, избиратели не придавали никакого значенія выборамъ 30 сентября 1273 года; они не предполагали, что маленькій владѣтель, этотъ „бѣдный рыцарь“, выкажетъ столько энергіи. Предложеніе короны застигло Рудольфа въ то время, когда онъ осаждалъ Базель, съ которымъ онъ воевалъ. Судьба хотѣла, чтобы это извѣстіе привезъ никто иной, какъ Фридрихъ фонъ-Гогенцоллернъ, бургграфъ Нюренбергскій, потомки котораго чрезъ 600 лѣтъ лишили Габсбурговъ германской короны. Базельцы тотчасъ же покорились, и первые привѣтствовали новаго государя. Рудольфъ торжественно короновался въ Ахенѣ въ октябрѣ 1273 года. При коронаціи не оказалось скипетра; Рудольфъ взялъ вмѣсто него распятіе. Эта находчивость всѣмъ очень понравилась. Рудольфъ и послѣ выбора въ императоры продолжалъ держаться просто. Онъ не любилъ роскоши и внѣшняго блеска и по прежнему чинилъ самъ свою куртку и носилъ заношенный плащъ. Тогда впрочемъ императоры, если бы и желали, то не могли жить роскошно, потому что не было государственной казны. Не успѣвъ короноваться въ Римѣ, Рудольфъ хорошо сознавалъ свое положеніе и свое назначеніе. Онъ обязалъ бароновъ къ пятилѣтнему миру. Затѣмъ онъ лично объѣхалъ Франконію, Швабію и прирейнскія земли, отыскивая нарушителей спокойствія и строго наказывая ихъ. Конечно это сначала примѣнялось къ слабымъ, но потомъ перешло и къ болѣе сильнымъ (1). Такъ какъ чешскій король не признавалъ законности выборовъ Габсбурга, то въ Рудольфѣ онъ нажилъ врага.

Борьба съ Чехіей. Оттокаръ II (1252-78 г.).

Австрійскія сословія жаловались Рудольфу на притѣсненія со стороны своего сюзерена, чешскаго короля Оттокара II. Земли австрійскія достались Оттокару частью посредствомъ покупки, частью завоеваніями. Ни одинъ чешскій король, послѣ Болеслава II, не правилъ столь обширными землями;

(1) Лѣтописи: Hermannus Altahensis abbas, Annales 1137—1273 (Pertz, XVII, 381—407) и прод. до 1303 года. Изъ городскихъ Ellenhardus изъ Страсбурга съ 1218 до 1297 году, Johannus Vitoduranus до 1346 г. Пособія: Lichnowsky, G. des Hauses Habsburg, W. 1837. Hagen, Die Politik Rudolfs und Albrecht I, Fr. 1857. Старыя монографіи: Meister (N. 1785), Fischer (T. 1784), Girtanner (L. 1817). Общее пособіе Krones. Handbuch der Geschichte Oesterreichs, W. 5 B. 1876—79.

его власти подчинялись Моравія, Лузація, нижняя и верхняя Австрія, хотя каждая изъ этихъ областей сохраняла свое внутреннее устройство. Рудольфъ потребовалъ отъ чешскаго короля ленной присяги. Но Оттокаръ II не явился ни въ Нюренбергъ, ни въ Аугсбургъ. Онъ объявилъ, что не признаетъ выборъ Рудольфа въ императоры законнымъ. Тогда чешскій король былъ объявленъ лишеннымъ престола. Но чехи издавна, въ виду безсилія императорской власти, привыкли къ самостоятельности; притомъ же Оттокаръ II отличался воинственностью. Онъ велѣлъ повѣсить императорскихъ герольдовъ на воротахъ Праги, вмѣсто того, чтобы принять ихъ съ почетомъ. Тогда Рудольфъ началъ рѣшительнѣе дѣйствовать противъ него. Онъ началъ съ Австріи. Собравъ подъ свои знамена значительное число рыцарей, онъ въ 1276 году завоевалъ австрійскія области. Затѣмъ, оставивъ часть войска подъ Вѣной, вторгнулся въ славянскія земли. Оттокаръ, застигнутый въ расплохъ, не рискнулъ впустить его въ Чехію и заключилъ съ нимъ миръ, по которому Рудольфъ получилъ отъ него Австрію, Штирію, Каринтію и Крайну. Сверхъ того заключенъ былъ родственный союзъ между королемъ чешскимъ и императоромъ: сынъ Оттокара, Вячеславъ былъ обрученъ съ дочерью Рудольфа, Готтою, а дочь чешскаго короля Анешта (Агнеса) съ сыномъ императора, Рудольфомъ. Оттокаръ явился въ станъ Рудольфа, чтобы просить въ ленъ Чехію и Моравію. Онъ былъ сопровождаемъ блестящею свитою, между тѣмъ какъ Рудольфъ былъ окруженъ воинами въ бѣдныхъ одеждахъ, но за то закаленными въ бояхъ. Самъ Рудольфъ былъ въ сѣрой обычной курткѣ и поношенномъ плащѣ. — „Моя сѣрая куртка смѣется надъ твоимъ золотомъ“, сказалъ онъ Оттокару не безъ гордости. Оттокаръ считалъ этотъ миръ только перемиріемъ. Не прошло еще года, какъ онъ снова объявилъ войну императору. Но и Рудольфъ не распускалъ своего ополченія. Въ 1278 году оба войска сошлись на такъ называемомъ Мархфельдѣ, на правомъ берегу Моравы, недалеко отъ Маршека, въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Вѣны. Вслѣдствіе измѣны моравовъ, бывшихъ подъ начальствомъ Милота, который долженъ былъ съ тылу ударить на поколебавшіеся ряды нѣмцевъ, чехи были разбиты, и самъ Оттокаръ погибъ въ этой битвѣ отъ руки своего личнаго врага, штирійскаго рыцаря Бертольда Шенка, брата котораго онъ когда-то казнилъ. Шенкъ нанесъ уже сбитому съ коня

и обезоруженному королю 17 ранъ. На берегу Моравы пало 12 тысячъ чеховъ, кромѣ множества утонувшихъ въ рѣкѣ. Побѣда надъ Чехіей дала габсбургскому дому на пять лѣтъ Моравію. Австрію же и Штирію Рудольфъ раздѣлилъ между своими сыновьями Альбрехтомъ и Рудольфомъ. Хорутанію, согласно обѣщанію, онъ предоставилъ, впрочемъ только черезъ нѣсколько лѣтъ, графу Мейнгарду Тирольскому, дѣятельно помогавшему ему (¹). На дочери Мейнгарда былъ женатъ Альбрехтъ, сынъ Рудольфа; поэтому Хорутанія также въ скоромъ времени должна была перейти въ габсбургскій домъ. Такъ внезапно разрослись владѣнія Габсбурговъ изъ двухъ невзрачныхъ замковъ, а одновременно сила Чехіи была сломлена надолго. Ея малолѣтній беззащитный король Вячеславъ, уже обрученный съ дочерью Рудольфа, Гутою, отданъ былъ подъ опеку племянника короля, Оттона бранденбургскаго и своей матери Кунигунды, русской княжны по происхожденію. Вдовствующая королева была дочерью князя кіевскаго Ростислава Михайловича, бѣжавшаго съ отцомъ своимъ отъ татарскаго погрома и скрывшагося въ Венгріи.

Отношеніе Рудольфа къ Италіи.

Князья впрочемъ не завидовали Рудольфу, имѣя ручательство въ томъ, что владѣнія будутъ раздѣлены между дѣтьми. У Рудольфа было много практическаго государственнаго такта. Онъ понялъ весь вредъ, какой приносили итальянскіе походы и далъ своему сыну завѣтъ никогда не посѣщать Италіи. Потому между прочимъ оба его преемника, не будучи вѣнчаны въ Римѣ, оффиціально въ памятникахъ именовались „королями“, какъ и онъ самъ. Онъ обѣщалъ папѣ Григорію X отказаться отъ всякихъ правъ на Церковную область. Онъ сравнивалъ Италію съ той львиной пещерой, въ которую многіе входили, но изъ которой никто не возвращался. Онъ посвятилъ всю свою дѣятельность на умиротвореніе Германіи. Ему предстояла трудная задача сдержать анархію и произволъ въ своемъ государствѣ. Онъ лично, въ сопровожденіи вѣрныхъ ему рыцарей, объѣзжалъ всю страну и наказывалъ хищниковъ. Такъ онъ осадилъ Штутгардтъ, гдѣ сидѣлъ Вюртембергскій графъ Эбергардъ, одинъ изъ самыхъ хищныхъ и наглыхъ феодаловъ, тирановъ имперіи,

(¹) Palacky, Dejiny nar. ĉeskeho; t. II, I (Pr. 1874); Lorenz, Ottokar II von Böhmen und seine Zeit, W. 1866; Hormayer, Gesch. Tirols.

называвшій себя другомъ Бога и врагомъ всѣхъ людей. Графъ творилъ всевозможныя безчинства и отказывался даже признавать Рудольфа императоромъ. Рудольфъ взялъ этотъ городъ и уничтожилъ его. Въ одной Тюрингіи императоръ разрушилъ до 66 замковъ и повѣсилъ 29 бароновъ.

Его смерть. Понятно, эта строгость не могла внушить феодаламъ расположенія къ Габсбургскому дому. Потому Рудольфъ встрѣтилъ оппозицію, когда попытался въ Франкфуртѣ на сеймѣ назначить своего сына наслѣдникомъ. Ему отвѣчали, что императорскій престолъ избирателенъ. Рудольфъ поплылъ въ Шпейеръ внизъ по Рейну и внезапно умеръ 15 іюня 1291 года на самой рѣкѣ, будучи 73 лѣтъ отъ роду. Его трупъ положили рядомъ съ Фридрихомъ II Гогенштауфеномъ. Онъ дѣйствовалъ въ самое трудное для Германіи время. Имя его перешло къ потомству съ репутаціей глубокой честности. Нѣмецкіе патріоты, конечно, придали должную цѣну его политикѣ по отношенію къ Чехіи, которую онъ лишилъ столькихъ земель. Вражда въ его политикѣ и національная ненависть къ славянамъ оправдывали все. „Der hat Rudolfs Redlichkeit nicht“, говорилъ народъ, когда хотѣлъ выразить порицаніе чему нибудь худому.

Адольфъ I (1292-98 г.). Князья выбрали въ короли Адольфа Нассаускаго, неопаснаго и недалекаго человѣка, который правилъ не болѣе шести лѣтъ. Новый властитель отличался храбростію и физической силой, но у него не было ни бережливости, ни практическихъ способностей его предшественника. Онъ не постыдился съ первыхъ же дней опозорить императорскій престолъ обманомъ. Онъ обѣщалъ англійскому королю Эдуарду I содѣйствіе за извѣстное вознагражденіе, взялъ условленныя деньги, но не двинулся на помощь. На полученную сумму императоръ расплатился съ долгами и купилъ еще нѣкоторыя земли. Онъ не стѣснился вести войну съ дѣтьми Альбрехта Негоднаго изъ-за Тюрингіи, хотя они собственно и были законными наслѣдниками этой страны ([1]).

Рядъ всякаго рода насилій вывелъ изъ себя большинство князей, и они рѣшились низложить императора, обвиняя его

([1]) Старыя монографіи Günderrode (Fr. 1779) и Leuchs (A. 1798). Новыя изслѣдованія: — L. Schmidt, G. Droysen.

въ томъ, что онъ ограбилъ церкви, принималъ жалованье отъ чужаго короля, а именно отъ англійскаго, не умножалъ владѣній государства, не озаботился о сохраненіи земскаго мира, наполнилъ государство разбойниками и допустилъ возобновленіе замковъ и притоновъ. Со времени Карла Толстаго это было первымъ нарушеніемъ господствовавшаго принципа, въ силу котораго власть императора считалась исходящей отъ Бога и могла быть отнята у него только за проступки противъ Церкви и ея служителей, и притомъ неиначе, какъ съ разрѣшенія папы.

Альбрехтъ I (1298-1308 г.).

Низложивъ Адольфа, князья выбрали Альбрехта, сына Рудольфа Габсбургскаго, который управлялъ имперіей въ продолженіи 10 лѣтъ. Конечно Адольфъ не хотѣлъ уступить, но въ битвѣ при Вормсѣ онъ былъ убитъ. Альбрехтъ не обладалъ выдающимися качествами. Стремленіе къ порядку переходило у него въ насиліе, которое само по себѣ порождало безпорядокъ. Недовольный Австріей, новый габсбургъ имѣлъ также замыслы на Тюрингію, Чехію, Эльзасъ и даже Голландію. Онъ притѣснялъ своихъ подданныхъ и самъ довелъ швейцарцевъ до возстанія вслѣдствіе насилій фохтовъ. Онъ не умѣлъ даже поладить съ своими родственниками. Онъ обидѣлъ Іоанна, своего племянника. Это было причиной его погибели. Іоаннъ задумалъ убить его. Однажды императоръ отправился въ родную ему Швейцарію и остановился въ одномъ замкѣ на берегу Рейссы. Заговорщики, переправившись чрезъ рѣку, убили Альбрехта, причемъ Іоаннъ самъ вонзилъ мечъ свой въ спину своего дяди съ словами: „вотъ награда за несправедливость“. Послѣ этого заговорщики скрылись неизвѣстно куда. Его смерть обрадовала швейцарцевъ.

Освобожденіе швейцарскихъ кантоновъ.

Въ настоящее время историческая критика сняла поэтическій покровъ, который покрывалъ такъ долго исторію швейцарцевъ. Книга Миллера подверглась спокойному анализу. Авторитетъ этого знаменитаго въ свое время историка, державшійся чуть не 50 лѣтъ, былъ поколебленъ позднѣйшими изслѣдованіями. Но поэтическій колоритъ начала швейцарскаго союза до сихъ поръ еще обаятеленъ, благодаря можетъ быть чуднымъ окрестностямъ Люцернскаго озера, на берегахъ котораго положено начало освобожденію. Возстаніе въ Швейцаріи началось съ того, что императоръ послалъ туда суровыхъ фог-

товъ, правителей, къ жестокостямъ которыхъ не привыкли свободолюбивые швейцарцы. Три самыхъ трудолюбивыхъ и дѣятельныхъ кантона—Швицъ, Ури и Унтервальденъ рѣшили единодушно сопротивляться насилію.

Высшая власть въ нихъ, издревле принадлежавшая общинѣ, теперь находилась въ рукахъ габсбургскихъ фогтовъ, которые стали въ странѣ полными распорядителями, заправляли судомъ, чеканили монету, стараясь распространить свою власть и на другіе кантоны. Алчный Альбрехтъ хотѣлъ сдѣлать кантоны своимъ наслѣдственнымъ достояніемъ; съ угрозами онъ требовалъ отъ нихъ безусловной покорности своей власти и предоставлялъ фогтамъ притѣснять народъ и поселившихся среди его землевладѣльцевъ. Поэтому замыслы Альбрехта не могли исполниться. Жители кантоновъ, натерпѣвшись всякихъ притѣсненій отъ фогтовъ, единодушно стремились освободиться отъ ихъ господства. Желаніе независимости съ особенною силою обнаружилось въ выше упомянутыхъ трехъ лѣсныхъ кантонахъ, которые расположены въ самомъ узлѣ швейцарскихъ Альпъ, по берегамъ Люцернскаго озера, на его изгибахъ и долинахъ; обитатели этой страны, благодаря выгодному географическому положенію, съ давнихъ поръ привыкли къ свободной политической жизни, и потому всякое посягательство на самостоятельность чувствовалось здѣсь сильнѣе, чѣмъ гдѣ либо.

Насилія фогтовъ.

Между тѣмъ Ланденбергъ въ Унтервальденѣ и Гесслеръ фонъ Брунекъ въ Ури отличались особенно жестокою тираніею. Насилія фогтовъ послужили предметомъ многихъ разсказовъ, имѣющихъ эпическій характеръ: такъ объ одномъ изъ фогтовъ Берингерѣ фонъ-Ланденбергѣ разсказывали въ кантонѣ, что однажды онъ отнялъ воловъ у Арнольда Мельхталя изъ Унтервальдена. На жалобу потерпѣвшаго, суровый фогтъ отвѣчалъ: „если хотите ѣсть хлѣбъ, то сами впрягайтесь въ плугъ". Оскорбленный такимъ отвѣтомъ, унтервальденецъ ударилъ Ланденберга палкой и убѣжалъ, но отецъ его остался въ рукахъ фогта и ему выкололи глаза.

Другой фогтъ, Германъ Гесслеръ фонъ-Брунекъ палъ жертвою мести молодаго поселянина Вильгельма Телля, воспѣтаго геніемъ Россини въ его знаменитой оперѣ. До сихъ поръ еще на самомъ берегу Люцернскаго озера въ густой чащѣ показываютъ часовню, около которой, по народной са-

31

гѣ, Вильгельмъ выскочилъ изъ лодки на берегъ. Гесслеръ везъ скованнаго Вильгельма въ свой замокъ, лежавшій на другой сторонѣ Люцернскаго озера. На пути поднялась буря; съ Вильгельма сняли оковы и поручили ему, какъ искусному кормчему, управлять лодкой. Онъ улучилъ минуту, когда лодка близко подошла къ берегу, соскочилъ на землю и скрылся въ горахъ, оставивъ Гесслера въ жертву бурнымъ волнамъ. Вильгельмъ былъ вызванъ къ мести, какъ говоритъ то же преданіе, безчеловѣчнымъ поступкомъ Гесслера, который будто заставилъ его стрѣлять въ яблоко, положенное на голову его собственнаго сына. Хотя Вильгельмъ счастливо исполнилъ приказаніе, но рѣшился мстить Гесслеру и впослѣдствіи, когда Вильгельму не удалось потопить ненавистнаго фогта, во время переправы чрезъ озеро, онъ убилъ его стрѣлою, изъ засады между скалами.

Анализъ сказки о Теллѣ.

Этому преданію вѣрили очень долго. Національный исторіографъ Швейцаріи Іоаннъ Мюллеръ, жившій въ прошломъ столѣтіи, не могъ или не успѣлъ поколебать авторитетъ этого преданія и признавалъ его за быль. Только въ 1760 году нѣкто Фрейденбергеръ въ своей книгѣ—„Guillaume Tell, fable danoise"—рѣшился доказать, что преданіе о Вильгельмѣ есть ничто иное, какъ скандинавская сага. За такое открытіе, встрѣченное очень недружелюбно, Фрейденбергъ былъ признанъ врагомъ отечества, а сочиненіе его было сожжено. Въ 1835 году нѣмецкій ученый Коппъ сдѣлалъ вторичную попытку разувѣрить швейцарцевъ въ ихъ сказкѣ, доказавъ что она исходитъ не изъ лѣтописи, а обратно, т. е. занесена въ лѣтопись изъ устныхъ народныхъ преданій. Въ „Urkunden zur Geschichte der Eidgenössischen Bünde" онъ приводитъ данныя, что легенда имѣла нѣсколько варіантовъ, что только послѣ выработалась общая редакція, что Вильгельмъ не могъ имѣть дѣла съ Гесслеромъ, который не былъ фогтомъ его околодка и что только послѣ латинскихъ басней Чуди, именно съ 1743 года, выработалась общая редакція (въ его Chronicon Helveticum). Наконецъ въ 1824 году Гизели въ критической диссертаціи о Вильгельмѣ высказалъ сомнѣніе даже въ дѣйствительномъ существованіи героя, ибо слово „телль" есть нарицательное и значитъ простякъ,—эпитетъ, часто прибавлявшійся къ собственнымъ именамъ въ Германіи. Тотъ же Гизели, а за нимъ Гейссеръ и Рохольцъ доказываютъ, что по-

добная сага о стрѣлкахъ съ такою же обстановкой и подробностями встрѣчается въ скандинавской поэзіи. Возможность перехода сказки изъ отдаленнаго сѣвера находитъ подкрѣпленіе въ смутномъ представленіи жителей Швица объ ихъ скандинавскомъ происхожденіи. Вмѣстѣ съ утвержденіемъ скандинавовъ на берегахъ Люцернскаго озера, естественно самая сказка могла быть занесена сюда. Это тѣмъ вѣроятнѣе, что въ Ури не было самого семейства Телля, а часовня построена уже послѣ того, какъ преданіе распространилось въ народѣ изъ хроникъ, которыя заговорили о немъ лишь съ XV вѣка. Первыми лѣтописцами упомянувшими о Теллѣ были авторъ Бѣлой Зарненской книги и Мельхіоръ Руссъ; оба они жили въ концѣ XV вѣка (1).

Возстаніе кантоновъ.

Какъ бы то ни было, но достовѣрно только то, что насильственныя отношенія фогтовъ къ правителямъ кантоновъ вызвали народное возстаніе. Въ 1307 году, наканунѣ Мартынова дня, трое самыхъ вліятельныхъ швейцарцевъ—Вальтеръ Фюрстъ изъ Ури, Вернеръ Штауфахеръ изъ Швица и Арнольдъ Мельхталь изъ Унтервальдена собрались въ долинѣ Грютли, на южномъ берегу Люцернскаго озера и тогда же заключили между собою союзъ. Въ присутствіи представителей кантоновъ они дали обѣтъ отстоять свою независимость и поклялись изгнать фогтовъ. Чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ заговоръ былъ приведенъ въ исполненіе. Въ первый день 1308 года народъ окружилъ замки и прогналъ фогтовъ. Первый былъ обезоруженъ Ланденбергъ въ Сарненѣ, такъ звѣрски поступившій съ отцомъ Мельхталя (с. 481). Такъ какъ швейцарцы рѣшились не проливать крови, то относительно ненавистнаго фогта ограничились тѣмъ, что разрушили его замокъ и изгнали изъ города. Тогда же были выпровожены и всѣ другіе фогты. Швейцарцы

---

(1) Liebenau. Die geschichtliche Ursachen der Entstehung einer Schweizerischen Eidgenossenschaft, Luz. 1857. — Riliet, Les origines de la confèderation Suisse, P. 1869. — Blumner, Staats und Rechtsgeschichte der schweizer Demokratien, St. G. 1850—82, 2 B. — Meyer, Gesch. der schweizer Demokratien, Wint. 1878. — Huber, Die Waldstätte, L. 1861. — Lorenz. Leopold III und die Schweizerbünde, W. 1860. — Häusser, Die Sage von Tell, H. 1840. — Hisely, G. Tell, mythe et histoire, 1843. — Liebenau. Arnold Winkelried, Aarau, 1862. — Kleissner, Die Quellen der Sempacher Schlacht und die Winkelriedsage, G. 1874. — Rocholtz, Tell und Gessler, Heidelberg, 1877.

возобновили старинную конфедерацію кантоновъ, и республиканская форма правленія съ тѣхъ поръ здѣсь упрочилась. Храбрые горцы съ успѣхомъ отстояли свою независимость и заставили новаго императора признать ихъ вольности.

Императоръ Генрихъ VII (1308-1313 г.).

То былъ Генрихъ VII. Онъ происходилъ изъ дома Люксембургскаго. Его мало интересовали чуждые ему кантоны, тѣмъ болѣе что усилія императора подчинить швейцарцевъ оказались безполезны. Благодаря своему замкнутому положенію среди неприступныхъ горъ и замѣчательной воинской храбрости, они были неуязвимы. Къ тому же вниманіе императора было обращено теперь па Италію. Вскорѣ по вступленіи на престолъ, Генриху удалось увеличить свою власть доставленіемъ чешской короны сыну своему, Іоанну. Чехи, недовольные жестокимъ правленіемъ Генриха, герцога Каринтійскаго, возведеннаго на престолъ по смерти сына Альбрехтова Рудольфа, предложили руку чешской принцессы Елизаветы и верховную власть сыну Генриха — Іоанну. Почувствовавъ усиленіе своего дома, онъ рѣшился возобновить предпріятія нѣмецкихъ императоровъ противъ Италіи.

Генрихъ VII, по сужденію даже нѣмецкихъ историковъ, всегда былъ скорѣе героемъ романа Сервантеса, чѣмъ представителемъ императорской власти ([1]). Онъ былъ прежде всего человѣкъ восторженнаго воображенія и высокихъ идеаловъ; суровая дѣйствительность была не по немъ; жизни для себя онъ не понималъ. Онъ говорилъ, что императоръ долженъ быть тѣмъ же рыцаремъ, съ тою разницею, что его арена будетъ гораздо шире, какъ органа правосудія, хранителя мира. Такія убѣжденія не раздѣлялись итальянцами, которые въ то время готовились зажить самостоятельною республиканскою жизнью и совсѣмъ отвыкли отъ германскихъ пришельцевъ.

([1]) Для походовъ Генриха VII: поэтъ Albertinus Mussatus, De gestis Henrici VII, l. XVI seu Historia augusta (Muratori; X, 9—568), епископъ Nicolaus Botrontinensis, Relatio de Heinrici VII (ib. IX, 887—934), Ferreto (изъ Виченцы), H. rerum in Italia gest. ab a. 1250—1318 (ib. IX, 935—1182), Joh. de Cermenate (нотарій миланскій), H. de situ Ambrosianae urbis (ib. IX, 1225—96). Документы собрали Dönnigs (Acta Hen. VII, B. 2 B. 1839) и Bonnani (Fir. 1878, 2 v.). Пособіе, впрочемъ весьма пристрастное: Barthold, Der Römerzug Heinrichs VII (Kön. 2 B. 1830).— За то Kortüm отзывается о Генрихѣ такъ: «Henrich wirkte gegen seine Zeit; er war der fahrende Ritter, der gleichsam veredelte Don Quijote des deutschen Kaiserthums». Die Geschichte des Mittelalters; II, 301.

Походъ въ Италію Генриха VII и воззваніе Данте.

Гвельфы торопились оказать сопротивленіе вторженію императора въ Италію, но папа Климентъ V, къ величайшему удивленію современниковъ, рѣшается привѣтствовать его вступленіе и совѣтуетъ своимъ гвельфамъ даже подчиниться ему. Причина такого страннаго переворота заключается вѣроятно въ личныхъ стремленіяхъ папы, для котораго французское иго становилось невыносимымъ, а Климентъ V разсчитывалъ на содѣйствіе Генриха VII, въ случаѣ своего возвращенія въ Римъ. Но въ Италіи въ это время былъ человѣкъ, который безкорыстно, съ теплымъ патріотическимъ чувствомъ желалъ присутствія императора на полуостровѣ. Это былъ Данте. Вторженіе нѣмецкихъ латниковъ, неистовство грубыхъ рыцарей казалось ему золотымъ вѣкомъ, счастливою эрою родной исторіи. Что бы ни говорили про политическія убѣжденія великаго поэта, нельзя не признать двойственности въ общемъ впечатлѣніи отъ его образа. Одинъ изъ французскихъ біографовъ Данте довольно удачно подмѣтилъ внутреннія противорѣчія характера Алигіери (1). Уваженіе къ Церкви, вражда съ феодализмомъ могутъ заставить думать, что Данте принадлежитъ къ гвельфской партіи, хотя, съ другой стороны, монархическія тенденціи, ненависть къ Франціи тѣсно сближаютъ его съ гибеллинами. Изъ этого впрочемъ не слѣдуетъ, чтобы поэтъ переходилъ отъ однихъ убѣжденій къ другимъ, или чтобы онъ когда либо измѣнялъ своимъ принципамъ; напротивъ, онъ всегда честно держался своей программы. Онъ искренно вѣрилъ, что для блага Италіи необходимо примиреніе двухъ противоположныхъ системъ, необходимо среднее рѣшеніе между ними. Оттого въ его симпатіяхъ къ императорскому оружію нельзя видѣть національнаго отступничества. Потому не слѣдуетъ удивляться, если итальянскій публицистъ XIV вѣка оскорбляетъ тѣхъ императоровъ, которые равнодушны къ Италіи, какъ напримѣръ Альбрехта, презрительно называемаго имъ „tedesco“. Не слѣдуетъ также удивляться, если тотъ же Данте пишетъ Генриху VII страстное письмо слѣдующаго содержанія:

— «Наступаетъ время радости и мира; новый день всѣхъ озаряетъ своимъ свѣтомъ. Вотъ, съ Востока занимается заря, она разгонитъ тучи нашихъ долгихъ бѣдствій. Мы готовимся скоро вкусить отраду, мы, которые съ давнихъ поръ живемъ въ жалкой

(1) Ozanam. Dante et la phil. catholique au XIII siècle (P. 1845), 277.

пустынѣ. Солнце мира восходитъ,—и правосудіе, доселѣ мрачное, скоро засіяетъ новымъ свѣтомъ. Теперь тебѣ будутъ завидовать, о Италія! Будутъ завидовать потому, что твой супругъ, гордость вѣка, слава итальянскаго народа, нашъ милостивый Генрихъ, великій цезарь, спѣшитъ пировать на твоей свадьбѣ. Утри свои слезы, брось эти печальныя одежды, о ты, прекраснѣйшая изъ дѣвъ!... Народы Италіи, преклоните колѣна передъ вашимъ государемъ! Помогайте ему, уважайте его, повинуйтесь ему, вы всѣ, которые пьете воды Италіи, которые плаваете по морямъ ея, вы всѣ, которые получаете свои богатства и лишаетесь ихъ только по его произволу».

Понятно, что совѣты поэта не подѣйствовали на народъ итальянскій. Лишь только Генрихъ VII съ двумя тысячами пѣхоты и кавалеріи перешелъ черезъ Альпы (въ сентябрѣ 1310 году), какъ уже встрѣтился съ враждебнымъ настроеніемъ итальянцевъ. Ломбардцы смотрѣли на нѣмцевъ, какъ на давнихъ своихъ враговъ и давали имъ деньги только для того, чтобы выжить ихъ поскорѣе изъ страны. Впрочемъ не всѣмъ городамъ удалось счастливо раздѣлаться съ императоромъ. Закрѣпленіе тираніи отдѣльныхъ синьоровъ—вотъ осязательные слѣды императорскаго нашествія на Италію. Были и другіе признаки пребыванія Генриха, показавшіе, что онъ далеко не былъ тѣмъ желаннымъ женихомъ Италіи, какимъ представлялъ его Данте. По приказу Генриха срывали стѣны и укрѣпленія сопротивлявшихся городовъ, лишали вольностей независимыя общины, грабили до тла и выгоняли упорныхъ гвельфовъ. Даже короля неаполитанскаго, Роберта Мудраго, Генрихъ вызвалъ къ своему трибуналу, какъ виновнаго въ оскорбленіи величества. Когда тотъ отказался явиться, то нѣмецкіе судьи распорядились заочно приговорить дерзкаго къ лишенію лена и даже къ смертной казни, если только нога его будетъ на императорскихъ земляхъ. Вмѣстѣ съ нимъ подверглись нѣмецкой опалѣ Флоренція, Павія, Падуа и Асти за то, что вездѣ прогоняли императора. Понятно, что современники нисколько не сомнѣвались въ ничтожности уголовной рекламы и не обращали на то никакого вниманія.

Съ такимъ же чувствомъ относились итальянцы къ его вѣнчанію короной Италіи, совершившемуся въ январѣ 1311 года въ Миланѣ. Послѣ безуспѣшной осады республиканской Флоренціи, Генрихъ пошелъ на Римъ. Большая часть города была занята неаполитанскими войсками, и нѣмцы, не смотря

на всѣ усилія, не могли выбить ихъ отсюда. Папа Климентъ V жилъ тогда въ Авиньонѣ; онъ прислалъ для императорской коронаціи въ Римъ трехъ кардиналовъ и вотъ въ Латеранскомъ соборѣ Генрихъ VII спѣшитъ показать своимъ спутникамъ картину коронованія. Императоръ писалъ Клименту, что онъ не думаетъ нарушать права Церкви, которыя напротивъ хочетъ оградить, но что его главная цѣль—показать міру достоинство и величіе римской имперіи. Папа, можетъ быть, не обратилъ бы вниманія на такой отвѣтъ, если бы не получилъ прискорбнаго извѣстія о томъ, что Генуя и Пиза открыто соединились съ Генрихомъ. Въ то же время Аррагонія и Сицилія объявили войну Неаполю и естественнымъ образомъ примкнули къ императору. Тогда же и Леопольдъ Австрійскій привелъ значительное вспомогательное войско въ нѣмецкій лагерь. Генрихъ VII самъ удивился своему внезапному и неожиданному счастію. У него въ распоряженіи были теперь не разсѣянныя сотни усталыхъ воиновъ солдатъ, а стройная сорокатысячная армія и превосходная флотилія изъ 32 галеръ пизанскихъ, генуэзскихъ, сицилійскихъ и аррагонскихъ. Непріятель уже готовился блокировать Неаполь. Робертъ не думаетъ о защитѣ и собирается бѣжать въ родной Провансъ. Въ это время Генрихъ смертельно заболѣваетъ и чрезъ нѣсколько дней умираетъ въ замкѣ Бонконвенто, не далеко отъ Сіены. Какъ высоко поднялись было надежды гибеллиновъ, такъ низко и опустились. Полагали, что императоръ умеръ отъ отравы; такія объясненія были въ духѣ времени; подозрѣвали одного доминиканца, будто онъ подлилъ яду въ святые дары, чтобы скорѣе прекратить жизнь больнаго. Говорили также, что трупъ покойника разлагался необыкновенно быстро, такъ что не было возможности довезти тѣло Генриха до родины. Дорогою трупъ вынули изъ ящика и ночью сожгли; пепелъ привезли въ Пизу и тамъ зарыли, а по другимъ извѣстіямъ его успѣли довезти до Германіи. Во всякомъ случаѣ мы не имѣемъ достаточныхъ основаній винить гвельфскую партію въ злодѣйскомъ поступкѣ ([1]). На него не согласился бы Робертъ, одинъ изъ честнѣйшихъ дѣятелей итальянской исторіи.

([1]) Difenbach. De vero mortis genere Henrici VII (Fr. 1685).—Изъ историковъ сколько намъ извѣстно, только Rehm (G. des Mittelalters; IV, 138) вѣритъ въ насильственную смерть Генриха VII. См. Barthold, Der Römerzug Heinrichs VII; II, 436.

Послѣдніе походы въ Италію средневѣковыхъ императоровъ.

Со смертью Генриха VII рушились всѣ надежды гибеллиновъ, желавшихъ нѣмецкаго преобладанія въ Италіи. Дальнѣйшія попытки императоровъ уже не могутъ имѣть твердой опоры; онѣ должны были стать еще болѣе отвлеченною мечтою. Бѣднякъ Людвигъ V Баварскій думалъ поправить свои скудные финансы походомъ на Италію, но этотъ походъ кончился позорнымъ fiasco. Людвигъ не прошелъ и половины страны и всюду отражаемый долженъ былъ бѣжать изъ Италіи. Внукъ Генриха VII, Карлъ IV, чехъ родомъ, свергнувшій стараго Людвига, также пытался подчинить себѣ Италію. Но съ нимъ было только 300 безоружныхъ воиновъ. Итальянцы встрѣтили его презрѣніемъ. Виллани говоритъ, что императоръ вѣроятно собрался на рынокъ запастись припасами. Въ своей Золотой Буллѣ (1356 г.) Карлъ IV называетъ себя едва ли не властителемъ вселенной, а между тѣмъ на дѣлѣ является униженнымъ слугою папы, забывая и своихъ гибеллиновъ и свое императорское величіе. Онъ даетъ честное слово папѣ, что не пробудетъ въ Римѣ болѣе одного дня послѣ коронаціи. Даже слабоумный Венцель (1368—1400 г.) не перестаетъ утверждать, что короли римскіе Божіею милостію выше свѣтскихъ государей, а между тѣмъ на дѣлѣ они принизились до того, что напримѣръ Рупрехтъ (1400—1410 г.) дѣлается простымъ итальянскимъ кондотьеромъ. Преемники могущественныхъ гогенштауфеновъ скоро перестали и думать о римскомъ престолѣ и своимъ молчаніемъ какъ будто удвоили торжество папъ, которые изъ чужаго Авиньона сумѣли поддерживать свои права и неприкосновенность своей духовной силы.

Чтобы уяснить причины неудачъ нѣмецкихъ предпріятій на Италію, мы должны ознакомиться съ положеніемъ дѣлъ на Аппенинскомъ полуостровѣ въ лучшее время его исторіи т. е. въ XIII столѣтіи. Это введетъ насъ въ кругъ интересовъ итальянскихъ городовъ, пользовавшихся издавна политическою самостоятельностью. Мы ознакомимся съ положеніемъ этихъ маленькихъ республикъ, жившихъ богатой исторической жизнью. Главнымъ образомъ благодаря духовному и гражданскому процвѣтанію этихъ муниципій, Италія дала второй разъ цивилизацію міру.

---

4) Папство въ концѣ XIII вѣка, положеніе Италіи и развитіе ея городовъ. Флоренція до Медичи.

Мы говорили, что Южная Италія явилась нѣкоторымъ образомъ ареною послѣдняго состязанія между папствомъ и имперіей. Къ несчастію для папъ южная часть полуострова, которая была исторгнута изъ рукъ гогенштауфеновъ, попала въ руки гораздо болѣе крѣпкія и сильныя. Французскіе анжуйцы принесли съ собою въ Италію тѣ политическіе пріемы, тѣ принципы, которые были извѣстны исторіи тогдашней Франціи. Тиранія Карла Анжуйскаго возмущала гуманное чувство Климента IV. Убѣжденіе папы не подѣйствовало на короля, а между тѣмъ положеніе римской куріи съ каждымъ годомъ становится плачевнѣе. Страшная нѣкогда сила грозила лишь сдѣлаться слабымъ представленіемъ минувшаго. Жалкое состояніе круто застигаетъ вождей католицизма на другой день ихъ полнаго счастія и торжества.

Междупапствіе и Григорій X (1271-76 г.).

Когда въ 1268 году умеръ Климентъ IV, то кардиналы три съ половиною года не могли согласиться между собою. Наконецъ вступилъ на папскій престолъ въ 1271 году Григорій X. У него былъ предпріимчивый умъ, было много замысловъ, энергія въ характерѣ къ ихъ осуществленію, но счастіе не улыбалось ему. Въ 1274 году онъ созываетъ соборъ въ Ліонѣ, гдѣ и держитъ рѣчь о соединеніи церквей, о новомъ крестовомъ походѣ. Король Карлъ I былъ приглашенъ въ Ліонъ, но не поѣхалъ, не ожидая для себя ничего хорошаго отъ этого собранія. Поэтому Григорій сталъ искать противъ него опору и скоро нашелъ ее въ Рудольфѣ Габсбургскомъ. Онъ призналъ Рудольфа императоромъ, помогъ ему возстановить свое формальное, но не дѣйствительное вліяніе въ Ломбардіи и потребовалъ, чтобы Карлъ I сложилъ съ себя званіе императорскаго викарія въ Тосканѣ. Но Карлъ не обращалъ на его совѣты вниманія. Въ 1276 году Григорій X умеръ.

Папа Николай III (1277-80 г.).

Слѣдующіе послѣ него первосвященники: Иннокентій V, Адріанъ V, Іоаннъ XXI умирали одинъ за другимъ, вскорѣ за своимъ избраніемъ. Опять тіара стала вакантною болѣе чѣмъ на полгода и только Николай III, изъ дома Орсини, кардиналъ-діаконъ, пользовавшійся большимъ уваженіемъ и

въ Витербо единодушно избранный конклавомъ, могъ укрѣпить престолъ. Онъ мечталъ о расширенiи церковной территорiи подъ защитой императора. Какъ патрiотъ, онъ ненавидѣлъ французовъ и отказалъ королю Сицилiи въ званiи сенешала. У него не было осторожности его предшественника, хотя онъ и не былъ чистымъ отъ упрековъ въ непотизмѣ и въ корыстолюбiи, почему Данте помѣстилъ его въ третьемъ кругѣ въ отдѣленiи симонистовъ.

По смерти Николая III, король Сицилiи употребляетъ всѣ усилiя, чтобы поддержать въ конклавѣ своего кандидата. Съ этою цѣлью Карлъ анжуйскiй съ вооруженной силой прибылъ въ Витербо и, захвативъ всѣхъ, которые могли быть соискателями, приказалъ выбрать французскаго прелата. Это былъ первый выборъ подъ влiянiемъ иностранной военной силы. Такими-то путями въ февралѣ 1281 года захватилъ тiару Мартинъ IV, ознаменовавшiй себя обжорствомъ и дружбою съ своими соотечественниками. Онъ преслѣдуетъ гибеллиновъ и приказываетъ сицилiйцамъ повиноваться французамъ.

Сицилiйская вечерня.

Тогда въ Сицилiи росли постоянныя неудовольствiя. Съ своей стороны Карлъ сдѣлалъ все, чтобы его власть возненавидѣли въ предѣлахъ Сицилiи. Французскiе воины неистовствовали на островѣ, который всегда отстаивалъ свою независимость. Воспоминанiя о Фридрихѣ II, Манфредѣ, Конрадинѣ еще болѣе разжигали ненависть къ Карлу. 30 марта 1282 года разразилась народная революцiя. Революцiя эта подготовлялась давно. Французы дозволяли себѣ на улицахъ всякiя насилiя, а народу было запрещено носить оружiе. Жители Палермо собрались праздновать наступленiе весны. Въ то время, какъ горожане шли къ вечернѣ въ загородную церковь, одна дѣвушка, сопровождаемая своими родными, была грубо оскорблена дерзкимъ французомъ, который, желая удостовѣриться, не было ли у ней оружiя подъ платьемъ, обхватилъ ее. Знакомый молодой человѣкъ, бывшiй свидѣтелемъ оскорбленiя, заступился за нее; къ нему подоспѣли другiе, дѣло дошло до кровопролитiя. Произошла серьезная схватка. Ожесточенное населенiе Палермо выместило на французахъ давно сдерживаемую злобу. Въ то же время раздался звонъ колоколовъ, призывавшiй къ вечернѣ; звонъ былъ принятъ толпою, какъ сигналъ къ избiенiю французовъ. Въ нѣсколько часовъ погибло около 3000 ненавистныхъ враговъ. Обыкновенно тѣхъ,

которые отрекались отъ французскаго происхожденія, заставляли произносить невозможное для французовъ слово чичери (cіceri). Не щадили никого; послѣ говорили, что со всего острова спасся только одинъ французъ.

Революція Палермо отразилась и на другихъ городахъ острова; въ одной Мессинѣ, при звукахъ вѣчеваго колокола, было перерѣзано до 4000 человѣкъ ([1]). Но народу было нужно во всякомъ случаѣ приготовиться къ оборонѣ, такъ какъ Карлъ I, хотя и не признанный король, готовилъ ужасную месть островитянамъ. Ходили слухи, что онъ собралъ чуть не 70 тысячъ войска.

Переходъ Сициліи къ аррагонской коронѣ.

Революція была произведена во имя республики, но послѣдняя была невозможна. Сицилійцы провозгласили королемъ мужа Констанціи, короля аррагонскаго Педра III; онъ вступилъ въ войну съ Карломъ анжуйскимъ. Адмиралъ Педра III, Лорія въ первой же схваткѣ, разбивъ непріятельскую эскадру, взялъ въ плѣнъ сына Карла. Онъ отвезъ его въ Аррагонію; тамъ, чтобы устрашить отца, плѣнника приговорили къ смертной казни; но его спасла Констанція, эта послѣдняя отрасль дома гогенштауфеновъ. Несмотря на то, что Констанція много выстрадала отъ анжуйскаго дома за свое происхожденіе отъ гогенштауфеновъ, она не хотѣла смерти французскаго принца, ни въ чемъ неповиннаго; ему возвратили свободу. Но французы не сдержали своего слова. Война возобновилась и Сицилія перешла въ младшій аррагонскій домъ. Преемники Мартина — Гонорій IV (1285—87 г.) и послѣ 9-мѣсячнаго промежутка Николай IV (съ 1288—94 г.)—не успѣли умиротворить Италію.

Сицилія ликовала, что не подпала плачевной участи Неаполя. Съ искреннимъ усердіемъ жители острова давали своимъ королямъ средства для борьбы съ Карломъ, который нимало не думалъ отказываться отъ Сициліи. Въ досадѣ на дона-Педра, онъ вызывалъ его на рыцарскій поединокъ. Тотъ принялъ вызовъ. Противники съѣхались въ Бордо, но дуель не состоялась. Оба короля боялись засады и не явились на мѣсто боя. Война за Сицилію долго продолжала за-

([1]) Amari, Storia de'vespri Siciliani. Позднѣйшіе драматурги впослѣдствіи часто пользовались этимъ сюжетомъ, а Верди взялъ его для одной изъ своихъ оперъ. Спеціальная хроника, составленная мнимымъ современникомъ, пом. въ Cronache Siciliani и изд. Di-Giovanni (Bol. 1865) подъ заглавіемъ Lu Ribellamentu de Sic. contra re Carlo,—признается подложною.

нимать неаполитанскихъ королей и послѣ Карла I. Было время (въ 1295 году), когда островъ подвергался опасности испытать гнетъ анжуйцевъ. Король Іаковъ, вступая на аррагонскій престолъ, измѣнилъ своему вѣрному народу. Онъ продалъ богатую страну. Тогда сицилійцы избрали себѣ новаго короля. Это былъ братъ Іакова, донъ-Фридерикъ. Геройски оборонялись островитяне отъ враговъ, со всѣхъ сторонъ налетѣвшихъ на Сицилію. Началась отчаянная народная война и только ей былъ обязанъ островъ сохраненіемъ своей независимости. Къ такой самозащитѣ народъ прибѣгалъ всякій разъ, какъ только короли неаполитанскіе возобновляли свои покушенія.

Целестинъ V (1294 г.).

Послѣ смерти Николая IV, конклавъ долго совѣщался объ избраніи новаго папы. Среди гробоваго молчанія вдругъ раздался голосъ, предрекавшій смерть всѣмъ кардиналамъ, если они въ продолженіи двухъ мѣсяцевъ не выберутъ папу. Этотъ голосъ принадлежалъ одному бѣдному бенедиктинскому отшельнику, жившему въ горахъ Абруццо; его при жизни считали за святаго, говорили, что самъ Христосъ сходитъ съ неба пѣть съ нимъ псалмы. Его жизнь была рядомъ разныхъ лишеній. Онъ не думалъ никогда о тіарѣ и совершенно искренно молилъ Бога избавить его отъ почестей и заботъ. Между тѣмъ вниманіе избирателей остановилось именно на немъ. Конклавъ быстро собрался и выборъ палъ на самого пророка. Онъ искренно и упорно отказывался. Выбранный подъ именемъ Целестина V, онъ совершилъ торжественный въѣздъ въ Аквилу. Его мула велъ за узду молодой король неаполитанскій Карлъ II рядомъ съ королемъ венгерскимъ. Но отшельникъ былъ совершенно не на своемъ мѣстѣ. Онъ думалъ только о томъ какъ бы избавиться отъ почестей и заботъ, которыя были для него тяжелымъ бременемъ.

При его дворѣ быстро выдвинулся честолюбивый кардиналъ Бенедетто Каэтано. Характеръ этого кардинала представлялъ смѣсь великодушія и коварства, жестокости и замѣчательной энергіи. У него было слишкомъ много враговъ, и потому противъ него всегда расточали клеветы и французы и гибеллины, такъ какъ онъ не вставалъ ни на ту, ни на другую сторону. Ему приписываютъ очень темную роль въ дѣлѣ отреченія Целестина V, который долженъ былъ отказаться въ силу своей немощи отъ папской тіары. Курія заставила его подписать постановленіе, въ силу котораго каждый папа могъ

отречься отъ тіары. Этотъ первый примѣръ отреченія не нашелъ впрочемъ подражателей. Целестинъ надѣлъ простую рясу и оставилъ папскій престолъ. По другимъ же извѣстіямъ въ интересахъ кардиналовъ не было причинъ побуждать Целестина къ отреченію.

Бонифацій VIII (1294-1303 г.).

По отказѣ Целестина отъ тіары, чрезъ 10 дней, въ ночь на Рождество, въ 1294 году, Каэтано былъ избранъ и назвался Бонифаціемъ VIII. Целестинъ удалился и скоро умеръ. Говорили, что въ черепѣ умершаго папы нашли гвоздь; пошла молва, что подкупленный злодѣй, убилъ старика. Вообще надо быть очень осторожнымъ при оцѣнкѣ фактовъ папствованія Бонифація VIII. Во время коронованія Бонифацій клялся не разлучаться съ Церковью ни по какимъ причинамъ, ни подъ какими опасностями, по до послѣдней капли крови охранять её. Въ посланіяхъ къ патріарху іерусалимскому онъ проситъ прелатовъ оказать ему содѣйствіе. Его папство, повидимому, обѣщало въ первые годы возвращеніе ко временамъ замѣчательнѣйшихъ первосвященниковъ. У него было много задатковъ для болѣе славной дѣятельности. Какъ человѣкъ, отстаивавшій папскую теократію, онъ конечно служитъ предметомъ ненависти большинства историковъ (¹). — Здѣсь мы должны прервать теченіе нашего разсказа.

Итальянскіе города въ XIII вѣкѣ.

Излагая исторію папской власти въ XIII столѣтіи, мы дошли до того момента, когда судьбы куріи опредѣляются отношеніемъ къ итальянскимъ средневѣковымъ республикамъ.

(¹) Для эпохи Бонифація VIII сочиненія Tosti (Storia de Bonifazio VIII, 1846, 2 vls. переведенное на французскій и нѣмецкій языки) и болѣе обширное Drumann (1852, Kön. 2 B.). Höfler помѣстилъ статью о Бонифаціѣ VIII по ватиканскимъ документамъ въ «Запискахъ Мюнхенской Академіи» (1842, XVII). Du-Puy. H. du différend entre le pape Boniface VIII et Philippe (P. 1864). Bailles. Hist. des démelès de Boniface VIII et de Philippe le Bel.— Изъ общихъ историковъ Sismondi смотритъ на папу подъ вліяніемъ республиканскихъ симпатій и не всегда основательно нападаетъ на него. Онъ считаетъ его недостойнымъ своего поста. «Народы, говоритъ онъ, должны желать, чтобы деспотическіе властители признавали подъ собой ту могущественную власть, которая останавливала бы ихъ отъ преступленій» (Hist. des republ. italiennes au moyen âge; IV, 200). Итальянскіе историки, какъ старые, такъ и новые, не безпристрастно относятся къ личности Бонифація VIII, то превознося его неумѣстными похвалами, то незаслуженно порицая; такъ Denina (Rivol. d'Italia; II, 291) находитъ, что не стоитъ долго останавливаться на личности этого «недостойнаго первосвященника».

Мы должны сдѣлать сжатый очеркъ ихъ, привести общія черты этой жизни, подробно изображенной въ кодексахъ итальянскихъ муниципій, изданныхъ въ Historiae patriae monumenta([1]). Должно замѣтить, что итальянская исторіографія въ средніе вѣка, которая считается одной изъ богатѣйшихъ, сама по себѣ даетъ богатый матеріалъ. Итальянскіе средневѣковые лѣтописцы безконечно превосходятъ своихъ собратій за Альпами. Большая часть ихъ въ XIII столѣтіи пишутъ на родномъ языкѣ. Каждый городъ имѣлъ множество своихъ хроникеровъ.

Вліянія древности. Въ виду особыхъ историческихъ условій Италіи въ средніе вѣка, Аппенинскій полуостровъ представляетъ богатую самостоятельную народную жизнь. Большимъ количествомъ городовъ, богатыхъ и независимыхъ, опредѣляется главнымъ образомъ значительное число итальянскихъ исторіографовъ. Нигдѣ исторіографія не могла конкурировать въ средніе вѣка съ хронографіей Италіи ([2]). Условія существованія Италіи не представляютъ никакой аналогіи съ жизнью заальпійскихъ народовъ. Въ то время, какъ заальпійскія страны стремились постоянно централизоваться въ государства, итальянцы задавались другими цѣлями. Въ Италіи, въ виду борьбы папства и имперіи, исчезла идея единства. Населеніе Аппенинскаго полуострова, состоявшее изъ разныхъ элементовъ, не имѣло національнаго чувства, не проявляло склонности къ объединенію; оно не чувствовало никакой потребности образовать не только монархію, но даже и республику. Римская

([1]) Это изданіе начало прежнее сардинское правительство. Теперь оно стало общимъ для Италіи. Эти Monumenta особенно важны для городовъ. Такъ, въ 1876 году изданы въ двухъ фоліантахъ статуты для XIII и XIV вѣковъ Комо, Новары, Верчелли, Брешіи и частію Милана (Statuta jurisdictionum). Они ожидаютъ спеціальныхъ изслѣдователей.

([2]) Такой богатый матеріалъ должны были разработать новѣйшіе итальянскіе историки; но выдающіеся таланты не останавливали своего вниманія на среднихъ вѣкахъ. Извѣстно, что лучшіе труды итальянскихъ историковъ посвящены новому времени, какъ Ботты, Колетты о Неаполѣ, и только на какой нибудь десятокъ историковъ XVIII и XIX вѣковъ можно указать какъ на пособіе къ изученію исторіи среднихъ вѣковъ. Таковы напр. общіе труды Денины, Джьанноне, Сисмонди и Канту. За то наука располагаетъ въ этомъ отношеніи массою спеціальныхъ критическихъ мелкихъ изслѣдованій, помѣщаемыхъ обыкновенно рядомъ съ памятниками въ весьма цѣнномъ изданіи Archivio Storico italiano, котораго вышло нѣсколько серій и около сотни томовъ. Такого богатаго и столь цѣннаго изданія нѣтъ ни въ одной исторической литературѣ.

республика была агломерацией различныхъ республикъ. Каждый городъ древней Италіи имѣлъ свое управленіе и жилъ болѣе или менѣе своей самостоятельной жизнью; условія этой жизни опредѣлялись разными обстоятельствами. Тѣ города, которые внушали довѣріе римскому правительству, получали самостоятельное внутреннее управленіе; но на самомъ дѣлѣ они не имѣли права на политическую независимость, а должны были держать у себя римскихъ квесторовъ, правителей, префектовъ и т. п. Города Аппенинскаго полуострова болѣе всего имѣли нравственныхъ и матеріальныхъ правъ на самостоятельное управленіе; даже римскіе императоры не покушались на консуловъ южной Италіи. Всѣ распоряженія римскаго правительства сообщались только къ свѣдѣнію. Но тѣмъ не менѣе нельзя было города Аппенинскаго полуострова возмутить противъ римской власти, ибо обѣ стороны связывало единство правъ и идей. Въ самомъ дѣлѣ, когда римская имперія была сокрушена варварами, то рука этихъ варваровъ не поднялась на автономію аппенинскихъ республикъ. Вотъ причина, которая дала историческое бытіе тѣмъ городамъ Аппенинскаго полуострова. Въ силу этого ни одна земля не представляла такихъ задатковъ къ выработкѣ государственныхъ идей, какіе представляла средневѣковая Италія. Здѣсь что городъ,—то государство, то свои обычаи. Исторія каждаго города влекла къ обоюдному столкновенію. Столкновенія поселяли междоусобную вражду внутри городовъ. И до сихъ поръ Италія представляетъ въ себѣ постоянный зародышъ борьбы, причины которой мы поймемъ, ознакомясь съ средневѣковой исторіей итальянскихъ республикъ. Та вражда, которая раздѣляетъ французовъ и нѣмцевъ, раздѣляла Флоренцію и Пизу. И до сихъ поръ мы должны признать фактъ, что неаполитанецъ никогда не можетъ имѣть ничего общаго съ флорентинцемъ, а тѣмъ болѣе съ римляниномъ.

Общій строй городовъ средней Италіи.

Намъ нѣтъ надобности долго сосредоточиваться на внутреннемъ устройствѣ и частной исторіи итальянскихъ республикъ въ средніе вѣка ([1]). Довольно будетъ привести общій характеръ управленія итальянскихъ республикъ. Борьба этихъ республикъ внутри, на улицахъ городовъ, борьба внѣшняя между городами —оказывали вліяніе на исторію папства; папы были государями

([1]) Объ условіяхъ возникновенія итальянскихъ муниципій литература указана въ 1 т. стр. 151 нашего труда. Интересныя подробности приведены между прочимъ въ русскомъ извлеченіи изъ 4 томнаго соч. Гюльманна. Общ. и частная жизнь въ городахъ среднихъ вѣковъ (П. 1839).

въ предѣлахъ вѣчнаго города. Римъ хочетъ добыть себѣ самостоятельное устройство и, понятно, ищетъ себѣ опоры въ представителяхъ аристократическихъ родовъ. Папы были безсильны въ предѣлахъ кварталовъ Рима, они должны были невольно входить въ столкновеніе съ аристократіей; этимъ обстоятельствомъ и опредѣляется безсиліе папъ. Вотъ чѣмъ обусловливалось значеніе средневѣковой исторіи Италіи по отношенію къ папской власти.

Эпоха гогенштауфеновъ была важнымъ моментомъ для развитія городовъ; она дала особый характеръ республиканской жизни Италіи. Хотя эта гражданская дѣятельность не проявила особеннаго умственнаго богатства, но она очень способствовала экономическому благосостоянію итальянскихъ республикъ, возбуждала конкуренцію между городами. За деньги, нажитыя торговцами, этимъ республикамъ можно было имѣть войско, сначала пѣшее, а потомъ и конное. Такимъ образомъ каждый ничтожный городокъ могъ постепенно приравняться къ могучей Флоренціи. Вотъ стимулъ, въ силу котораго итальянскія республики конкурировали между собой въ экономическомъ отношеніи. Уже было замѣчено, какъ итальянцы эксплуатировали святыя чувства крестоносцевъ, какъ изъ каждаго транспорта пилигримовъ они извлекали для себя матеріальныя выгоды. Мы сказали, что умственная сила страннымъ образомъ явилась уже во время „принчипатства“. Когда Италія подчинилась мелкимъ князькамъ, явилась возможность со стороны послѣднихъ оказывать покровительство наукѣ и искусству. Понятно, что не слѣдуетъ смущаться такимъ явленіемъ; происхожденіе таковаго ясно. Свободныя стремленія въ средніе вѣка развивались весьма энергично въ народной массѣ. Тиранія не сама вѣдь содѣйствовала умственному развитію народа; она была счастлива только тѣмъ, что умѣла воспользоваться механической работой народа.

Каждый республиканскій городъ въ Италіи имѣлъ во главѣ правительства или синьорію, или консульство. Напр. во Флоренціи синьорія состояла изъ осьми пріоровъ (т. е. старшихъ), 12 добрыхъ людей, 16 гонфалоньеровъ (знаменоносцевъ), подъ предсѣдательствомъ верховнаго гонфалоньера. Если городомъ управляла не синьорія, то имъ управляли консулы, по римскому обычаю производившіе судъ и расправу. Надъ консулами впослѣдствіи возвышался подеста̀, избираемый на годъ или на полгода. Подеста̀ предсѣдательствовалъ

въ совѣтѣ, разбиралъ при помощи засѣдателей (assessori) уголовныя дѣла, исполнялъ приговоры и постановленія народа и предводительствовалъ войскомъ. Подеста̀, при вступленіи въ должность, даетъ присягу въ исполненіи статута, т. е. законовъ общины, а съ окончаніемъ службы онъ даетъ отчетъ въ своихъ поступкахъ, такъ какъ его могутъ обвинять въ превышеніи власти. Если обвиненіе справедливо, то виновный, обезчещенный навсегда, лишается вознагражденія за свою службу, хотя бы онъ и занималъ высокій постъ. Исполнительная власть исходила изъ народныхъ совѣтовъ, которыхъ было два. Одно собраніе называлось довѣреннымъ (consiglio di credenza); другое, гдѣ собирались всѣ свободные граждане, именовалось народнымъ или генеральнымъ собраніемъ (consiglio generale del popolo). Въ меньшемъ совѣтѣ засѣдало около ста лучшихъ гражданъ; всѣ текущія государственныя дѣла обыкновенно подлежали его рѣшенію. Для утвержденія новыхъ законовъ и объявленія войны собирался генеральный совѣтъ. Для участія въ его преніяхъ необходимъ былъ опредѣленный цензъ и извѣстныя лѣта. Впослѣдствіи, около XIV столѣтія, генеральный совѣтъ сталъ называться „большимъ совѣтомъ“. Когда обозначилось, что съ возрастаніемъ народонаселенія не было возможности приглашать всѣхъ полноправныхъ гражданъ въ народное собраніе, то послѣднее пришлось ограничить. Явились видоизмѣненія въ организаціи народныхъ собраній. Народное собраніе получаетъ характеръ строго демократическій, оно созывается рѣдко, а т. н. собраніе коммунальное (il consiglio del commune) является въ формѣ представительства плебса и аристократіи. Особенно ярко проявились эти порядки во Флоренціи. Мы старались начертить лишь общій типъ итальянскихъ коммунъ.

Что касается до корпоративности итальянскихъ общинъ, то она развивалась постепенно. Въ полномъ своемъ развитіи сословія представляются въ слѣдующей градаціи: знать, среднее или высшіе цехи, низшее или простой народъ. Среднее сословіе было опорой республики; оно горячо боролось съ родовой аристократіей и имѣло почти постоянный перевѣсъ. Съ развитіемъ демократическаго духа вмѣшивается въ борьбу простой народъ, который до крестовыхъ походовъ почти не имѣлъ гражданскихъ правъ въ большей части заальпійской Европы. Всѣ спѣшили записаться въ цехи. Знаменитые гибеллины считались въ рядахъ торговцевъ. Могущественный

торговый классъ принудилъ правительство признать право участія простыхъ гражданъ въ государственной администраціи. Въ Италіи политическое положеніе горожанъ обусловливалось ихъ финансовыми операціями. Во Флоренціи человѣкъ торговый пользовался бóльшимъ уваженіемъ, чѣмъ дворянинъ. Этотъ фактъ доказывается существованіемъ закона, по которому гражданинъ за дурные поступки переводился въ высшее сословіе, а напротивъ патрицій за заслуги записывался въ число гражданъ. Подобный законъ существовалъ и въ нѣкоторыхъ другихъ демократическихъ итальянскихъ городахъ, но болѣе всего онъ практиковался въ демократической Флоренціи. Цехи тамъ опредѣлили, что гражданинъ за предосудительныя дѣянія лишался права на государственныя должности и причислялся къ простымъ обывателямъ. Вообще тосканскіе города жили иначе, чѣмъ ломбардскіе. Въ тосканскихъ городахъ папы находили опору, а съ именемъ папъ связывалась идея демократизма. Изъ среды гражданъ являются неограниченные руководители Ломбардіи, обыкновенно принадлежавшіе скорѣе къ числу даровитѣйшихъ государственныхъ дѣятелей; они сами выплывали наружу; они не нуждались въ поддержкѣ и кліентахъ. Благодаря своимъ способностямъ и знанію, такіе люди встаютъ во главѣ государства, какъ напр. Висконти и тѣмъ уничтожаютъ старый политическій порядокъ. Можно прямо сказать, что въ началѣ XIV вѣка во Флоренціи и Тосканѣ идетъ борьба не за демократическіе принципы, а за владычество и за выгоды. Къ тому времени Пиза, истощенная генуэзской борьбой, подчиняется Флоренціи на ряду съ другими второстепенными городами. Является такимъ образомъ одна обширная республика на томъ мѣстѣ, гдѣ прежде было пять, съ сохраненіемъ только на нѣкоторое время тѣни самостоятельности каждой изъ нихъ.

Ломбардскіе города.

Сѣверные города Ломбардіи не были такъ счастливы, какъ Тоскана и цѣлымъ вѣкомъ раньше подчинились князьямъ. Одной изъ болѣе главныхъ причинъ единовластія было довѣріе гражданъ къ военнымъ начальникамъ. Восторженность ломбардскихъ гражданъ не имѣла границъ. Народъ съ оружіемъ въ рукахъ, съ латами на груди бѣжалъ въ народное собраніе, если слышалъ, что хотятъ наказать какой нибудь кварталъ за измѣну. Обитатели ломбардскихъ городовъ были чутки къ свободѣ; поэтому каждый слухъ о новомъ на-

силіи необыкновенно возбуждалъ гражданъ. Цехи группируются въ приходы; эти — въ кварталы; въ залѣ ратуши произносится безпощадный приговоръ; раздается набатъ. Неистовые воины ломятся въ крѣпкія ворота, разрушаютъ дома, поднимаютъ подъемные мосты. Импровизованныхъ воиновъ сограждане не останавливаютъ. Увлекаясь побѣдой, воины—граждане врывались во дворцы заподозрѣнныхъ и торжествовали тамъ какъ побѣдители. Плѣнныхъ наказывали, лишали имуществъ и изгоняли. Въ то же самое время шла борьба городовъ между собою, а иногда соперничество цѣлыхъ союзовъ городовъ. Замѣчательнѣе всего, что кровавые раздоры происходили главнымъ образомъ изъ любви къ подвигу; объ увеличеніи территоріи и не думали. Народъ поголовно увлекался военнымъ духомъ; всѣ дѣлались воинами; искали только искуснаго военачальника. Города ломбардскіе постановили учредить должность постояннаго главнокомандующаго. Поэтому-то подесту, этого мирнаго гражданина, несшаго только обязанности городскаго головы, замѣнили военнымъ начальникомъ, капитаномъ. Приглашались также чужеземные отряды, которые служили честолюбцамъ средствомъ для удовлетворенія ихъ цѣлей. Нѣкоторыя республиканскія общины дѣлаются доменомъ кондотьера; надъ ними царилъ монархъ со всѣми аттрибутами власти. Начальниками войска были знатные патриціи; они были хитрѣе простыхъ гражданъ. Если города сразу не подчинялись этимъ князьямъ, то благодаря своему блестящему экономическому положенію. Бѣдные землевладѣльцы, мелкіе рыцари охотно поступали подъ знамена кондотьеровъ. Во всякомъ случаѣ для ломбардскихъ городовъ было лучше имѣть одну власть, чѣмъ аристократическую олигархію. Такъ въ Миланѣ народъ призналъ княземъ Мартино делла Торре (1245 г.). Оффиціально онъ считался только предсѣдателемъ или лучше старшимъ членомъ городскаго совѣта, а на дѣлѣ онъ имѣлъ обширную власть. Капитанъ былъ болѣе сильнымъ врагомъ баронамъ и всѣмъ патриціямъ, чѣмъ торговому сословію, отъ котораго зависѣлъ въ денежномъ отношеніи. Онъ обязывался защищать народъ отъ богатой знати, т. е. аристократіи; его любили; ему довѣряли. Но такъ какъ Торре были крайніе демократы по убѣжденіямъ и тѣснили знатныхъ, то власть ихъ не могла прочно удержаться. Въ 1273 году преемникъ Мартина, Наполеонъ принялъ отъ Рудольфа титулъ императорскаго викарія; съ этимъ титуломъ юридически было упрочено его

положеніе; онъ сдѣлался представителемъ нѣмецкой императорской власти. Къ нему обращались всѣ права и выгоды, выговоренныя нѣкогда Барбароссой въ пользу императоровъ. При Дезіо Наполеонъ былъ разбитъ другимъ претендентомъ, выставленнымъ народной партіею или точнѣе прикрывавшимся ею. Духъ свободы и національности пробудился не только въ вельможахъ, но и въ народѣ. Выразителемъ его явилась фамилія Висконти знатнаго происхожденія. Въ 1277 году Оттонъ Висконти вошелъ въ Миланъ. Тогда началось единодержавіе. Судьба опредѣлила этому дому счастье и славу (1277—1471 г.). Одинъ изъ Висконти, Джіованни Галеаццо назвался герцогомъ въ 1395 году. Эта династія была свергнута другимъ болѣе счастливымъ авантюристомъ, сыномъ карманьольскаго сельчанина и Аттендолы Сфорцы, герцогомъ Франческо Сфорца. Объ этомъ будемъ говорить послѣ нѣсколько подробнѣе.

Флоренція. Если борьба политическихъ партій составляетъ суть исторической жизни въ сѣверной и средней Италіи, то наиболѣе существенное значеніе имѣетъ борьба партій во Флоренціи.

Большинство древнихъ хроникъ приписываетъ основаніе Флоренціи (Firenze) Юлію Цезарю. Иные историки производятъ названіе этого города отъ обилія цвѣтовъ (fiore), другіе же отъ имени любимаго центуріона Цезаря — Фіорина. Разсказываютъ, что онъ съ своимъ отрядомъ расположился на берегахъ Арно, на мѣстѣ нынѣшней Флоренціи. Цезарю вѣроятно понравился этотъ стратегическій пунктъ, — и онъ задумалъ основать здѣсь городъ, маленькое подобіе Риму. Всѣ приближенные спѣшили содѣйствовать плану полководца. Сооружались массивныя зданія. До сихъ поръ на сѣверной сторонѣ города остались слѣды древней классической архитектуры. На нынѣшней торговой площади—piazza Vecchia,—возвышался угрюмый Капитолій; на мѣстѣ церкви S. Giovanni, въ самомъ центрѣ города, былъ построенъ храмъ Марса; недалеко отъ Santa Croce чернѣлся Колизей. Тотила разрушилъ всѣ эти произведенія римскаго искусства; онъ раззорилъ Флоренцію самымъ варварскимъ образомъ; остались только развѣ водопроводы и фонтаны,—постоянные спутники римскихъ городовъ. Карлъ Великій возстановилъ городъ и даровалъ Флоренціи самостоятельное управленіе, которое продолжалось до 1207 года; номинально онъ подчинилъ ее феодальнымъ владѣтелямъ, не имѣвшимъ на дѣлѣ никакой власти.

Такіе сюзерены носили титулъ маркизовъ; первый изъ нихъ былъ Бонифацій I (съ 622 г.), послѣдній—Филиппъ V, сынъ Барбароссы (съ 1195 г.). Восемь консуловъ, выбираемыхъ народомъ изъ извѣстныхъ фамилій, управляли общественными дѣлами; изъ иностранныхъ рыцарей выбирался какъ и въ другихъ городахъ правитель съ титуломъ podestà. Все это относится къ тому времени—когда по замѣчанію Виллани—„флорентійцы были еще воздержны, употребляли пищу самую грубую, носили одежду самую простую; жены ихъ еще не знали тогда различныхъ украшеній, не предавались удовольствіямъ свѣта". Около 1200 года по всей Италіи закипаетъ ожесточенная борьба гвельфовъ и гибеллиновъ; вражда эта залила кровью богатую отъ природы страну и не принесла никакихъ благотворныхъ послѣдствій. Эти партіи служили только прикрытіемъ эгоистическихъ цѣлей ихъ вождей—папы и императора, боровшихся за преобладаніе въ Италіи. Папа, какъ поборникъ самостоятельности и независимости Италіи, конечно, пользовался бо̀льшею популярностію нежели императоръ, напустившій на страну своихъ желѣзныхъ рыцарей. Высшій классъ итальянскихъ городовъ дѣлится на два лагеря: гвельфовъ—съ папскимъ знаменемъ и гибеллиновъ—подъ защитою императорскаго орла. Среднее сословіе и чернь скорѣе сочувствовали папѣ, какъ представителю принципа народности. Во Флоренціи было такое же распредѣленіе народопаселенія (¹). Гибеллины почти не скрывали того, что

(¹) Для общей исторіи итальянскихъ гвельфовъ и гибеллиновъ мы указываемъ, какъ на лучшій источникъ: Ferrari. Histoire des révolutions d'Italie, ou guelfes et gibelins. Paris. 1858, 4 vls. Хотя общая идея сочиненія не вѣрна и взглядъ автора на исторію Италіи отличается односторонностью и узкостью, хотя изложеніе слишкомъ кудревато и не всегда ясно,—однако при всемъ томъ, по полнотѣ и внимательной отдѣлкѣ фактовъ, сочиненіе Феррари можетъ быть признано лучшимъ источникомъ для исторіи этого запутаннаго времени. Запуганный противорѣчіемъ итальянскихъ коммунъ, Феррари не видитъ въ нихъ ничего, кромѣ случайной игры обстоятельствъ. «Здѣсь коммунальная, тамъ феодальная, въ Сициліи норманская, въ Венеціи византійская, въ Римѣ теократическая, въ Павіи королевская, Италія творитъ царства, республики, сеньорства, независимые округи, свободные города, обширныя церковныя и императорскія вассальства; вездѣ странныя явленія, вездѣ контрасты, повсюду безконечная фантасмагорія. Какой бы ни былъ внѣшній блескъ фактовъ, побѣды Италіи были безъ цѣли, пораженія безъ причины, революціи безъ идей (?),

готовы подчинить Италію императорамъ, сдѣлавъ Римъ столицею обѣихъ властей — папской и императорской, вслѣдствіе чего пало бы всякое значеніе первосвященниковъ.

Гвельфы и гибеллины.

Съ тѣхъ поръ, какъ сложились эти партіи, каждая вражда не только за общее итальянское дѣло, но и междоусобная борьба внутри городовъ дѣлила соперниковъ на лагери гвельфовъ и гибеллиновъ. Знамена великихъ политическихъ партій осѣняли часто мелкіе гражданскіе раздоры и ничтожныя дрязги. Во Флоренціи, дщери Рима (figliuola di Roma), какъ по справедливости именовали себя эти средневѣковыя Аѳины, такое явленіе было обычнымъ. Ничтожный поводъ заставилъ флорентійцевъ подвергнуться всѣмъ ужасамъ междоусобій.

„Одинъ знатный молодой гражданинъ,—разсказываетъ лучшій лѣтописецъ Флоренціи Дино Компаньи, — по прозванью Бондельмонте, обѣщалъ жениться на дочери Одриго Джьантруфетти. Разъ довелось ему проходить около дома Донати. Хозяйка дома Альдруда, супруга Фортегверра Донати, имѣвшая двухъ очень красивыхъ дочерей, стояла на балконѣ. Она замѣтила проходившаго Бондельмонте и подозвала его. Указывая ему на одну изъ своихъ дочерей, она спросила его выбралъ ли онъ себѣ невѣсту.—„Я прочила выдать за тебя вотъ эту“, прибавила Альдруда. А дѣвушка очень понравилась Бондельмонте и онъ отвѣчалъ.—„Я не могу располагать собою отнынѣ“, намекая на свое обѣщаніе. — „Ты можешь располагать собою, перебила его Альдруда; вину твою я беру на себя“.—„Въ такомъ случаѣ я желаю имѣть ее своей“, отвѣтилъ Бондельмонте. И онъ взялъ ее себѣ въ супруги, презрѣвъ ту, которой клялся раньше. Вслѣдствіе этого Одриго, его родственники и друзья рѣшились отмстить Бондельмонте, побить его и устыдить“.

„Узнавъ объ этомъ, Уберти, знатнѣйшая и могущественная фамилія въ городѣ и ихъ родственники сказали, что они желаютъ умертвить его, презирая раны и самую смерть. Составился заговоръ. Они положили убить его въ годовщину того дня, когда онъ увезъ невѣсту. Такъ и сдѣлали. Вслѣдствіе смерти Бондельмонте, граждане раздѣлились, при чемъ родство и дружба между обѣими партіями исчезли, такъ какъ

войны безъ конца» (I. 10, 11). См. дѣльную рецензію на эту книгу: Rosa (Archivio storico italiano; t. VIII, nuova serie, 1858. parte I e II; p. 85).— Позднѣйшіе извѣстнѣйшіе труды о Флоренціи издали Perrens и Thiers.

упомянутое раздѣленіе между ними никогда болѣе не прекращалось. Результатомъ этого явились многія неурядицы, пожары и гражданская междоусобная борьба“ (1).

Народное движеніе 1250 г.

Въ началѣ борьбы гвельфы были побѣждены. Императоръ Фридрихъ II учредилъ аристократическое правленіе. Верховная власть была ввѣрена наиболѣе преданной императору фамиліи Уберти, отличавшейся богатствомъ и не менѣе того честолюбіемъ. Своимъ деспотизмомъ и жестокостью Уберти вывели народъ изъ терпѣнья,—и вотъ 20 октября 1250 года толпы народа съ скрытымъ подъ плащами оружіемъ, раннимъ утромъ сбираются на площади Santa Croce; грозная толпа постепенно растетъ и медленнымъ шагомъ направляется черезъ людныя улицы города, мимо недавно отстроенной церкви Santa Maria Novella къ площади S. Lorenzo. Здѣсь жилъ императорскій podestà; толпу поддерживаютъ гвельфы, которые разсчитали всю выгоду пріобрѣсти господство въ городѣ и всѣ шансы своего вѣрнаго торжества. Народъ окружилъ домъ Уберти и требовалъ отреченія отъ власти и изгнанія нѣмцевъ. Захваченные въ расплохъ, гибеллины исполняютъ желаніе народа, такъ настойчиво и грозно высказанное. Такимъ образомъ народъ, безъ пролитія капли крови,

(1) Dino Compagni. Cronaca delle cose accorrenti ne' tempi suoi (Muratori; IX, 463—576; Manni, Fir. 1728). Цитованнымъ мѣстомъ начинается хроника, съ продолженіемъ съ 1378 года Gino Capponi (Fir. 1858). Явившаяся въ нѣмецкой критикѣ въ послѣднее время манія заподозривать подлинность выдающихся итальянскихъ средневѣковыхъ хроникъ коснулась и Дино Компаньи, къ которому когда-то съ искреннимъ благоговѣніемъ относился Шлоссеръ. Тотъ же самый Scheffer-Boichorst, который опрокинулся на Малеспини, обрушился, руководимый предвзятой отрицательной тенденціей на Компаньи, считая всю его хронику составленной какимъ-то фальсификаторомъ въ позднѣйшее время. C. Hegel въ 1878 г. въ «Ueber den historischen Werth der älteren Dante-Commentare» доказалъ нелѣпость пріемовъ такого рода критики, а Del-Lungo въ изданіи Дино (D. Compagni e la sua cronica; 2 v. 1878—81) окончательно возстановилъ авторитетъ знаменитаго историка. Мы считали излишнимъ въ «Очеркѣ средн. исторіографіи» упоминать объ этихъ псевдо-критическихъ упражненіяхъ, но, къ сожалѣнію, оказывается, что они внушили нѣкоторое довѣріе и русскимъ критикамъ, довѣріе слишкомъ поспѣшное, опрометчивое и незаслуженное. Уже одинъ языкъ убѣждаетъ всякаго, кто въ состояніи читать по-итальянски, что хроника относится къ первой половинѣ XIV вѣка, а участіе автора въ государственныхъ дѣлахъ республики давно доказано.

сдѣлался полнымъ распорядителемъ своего государственнаго устройства. Граждане были раздѣлены на 20 частей; каждая изъ нихъ избрала себѣ начальника и знамя. Званіе подесты, напоминавшее народу императорскій деспотизмъ, было уничтожено; во главѣ управленія становится верховный народный начальникъ,—il capitano del popolo; его контролируетъ, кромѣ народныхъ собраній, т. н. синьорія, смѣняемая каждые полгода; ее составляютъ 12 лучшихъ гражданъ. Но за это новое устройство надо было еще сражаться съ императоромъ, который нисколько не думалъ уступать возмутившимся.

Первымъ дѣломъ новоорганизованнаго правительства было образовать милицію. Каждый изъ 20 кварталовъ города спарядилъ извѣстное число воиновъ. Къ нимъ было прибавлено еще 36 вспомогательныхъ отрядовъ, выставленныхъ союзниками. Всѣмъ синьорамъ было приказано снабдить свои замки достаточнымъ запасомъ провіанта. Крѣпости города, Basso и Belvedere, расположенныя на сѣверномъ и южномъ концахъ Флоренціи, были тщательно осмотрѣны, снова укрѣплены и унизаны башнями. Флорентійцы, какъ видимъ, готовы цѣною жизни защищать свое новое государственное устройство, ознаменовавшее перевѣсъ демократизма и простыхъ торговыхъ цеховъ надъ родовою феодальною знатью. Смерть Фридриха II прекратила всякую возможность борьбы. Слабый преемникъ императора Манфредъ не могъ быть опасенъ Флоренціи и народъ въ 1251 году предсказывалъ вѣка своему новому государственному устройству. Это было въ духѣ легкомысленныхъ аѳинянъ средневѣковаго времени.

Тосканскій союзъ.

Однако, какъ ни мало было залоговъ прочности въ новомъ правительствѣ, оно могло продержаться нѣсколько лѣтъ, и, пока еще не ослабли его нетвердые спаи, даже доставило Флоренціи значительное политическое преобладаніе въ Италіи. Сильная, хотя только искусственнымъ и условнымъ согласіемъ своихъ гражданъ, она скоро дала почувствовать свое временное преимущество сосѣднимъ городскимъ общинамъ. Впродолженіе какихъ нибудь десяти лѣтъ, Флоренція, благодаря своимъ смѣлымъ воинственнымъ руководителямъ, становится во главѣ союза тосканскихъ городовъ. Вольтерра была разрушена, а Пистойя, Ареццо и Сіена принуждены вступить въ флорентійскую лигу. Не только въ Тосканѣ, но и по всей Италіи прогремѣла слава Флоренціи. „Одну минуту

можно было подумать, что ей выпадала завидная роль древняго Рима, который когда-то примиривъ внутреннія партіи, обратилъ всѣ силы отечества на окрестныя земли и мало по малу сгруппировалъ около себя разсѣянныя итальянскія народности. Но обольщеніе продолжалось недолго. Флоренція остановилась на самыхъ первыхъ началахъ той исторической роли, которую, повидимому, сама судьба отдавала ей въ руки". Личная ненависть партій не дала прочно скрѣпиться государственному организму республики.

Битва на Арбіи и торжество гибеллиновъ въ 1260 г.

Такъ въ 1258 году распространился по городу слухъ, что гибеллины, жившіе до сихъ поръ въ ладу съ гвельфами, умышляютъ ниспровергнуть демократію, а вмѣстѣ съ нею истребить своихъ исконныхъ враговъ. Конечно слухъ этотъ пустили тѣ же гвельфы, ибо врожденная ненависть не позволяла имъ ужиться рядомъ съ императорской партіей. Нѣтъ также сомнѣнія что и гибеллины, съ своей стороны, не переставали сноситься съ своими нѣмецкими друзьями. Какъ бы то ни было, народъ пришелъ въ движеніе и, не думая долго, бросился на дворцы гибеллинской знати. Напрасно тѣ думали защищаться въ своихъ палаццо; чернь стремительно окружила ихъ. Одинъ изъ Уберти былъ убитъ; другой взятъ въ плѣнъ и обезглавленъ, обвиненный въ государственной измѣнѣ. Братъ ихъ, даровитый Farinata degli Uberti, принялъ начальство надъ оставшимися въ живыхъ гибеллинами; всѣ они бѣжали въ Сіену, чтобы тамъ переждать невзгоду и приготовиться къ новой борьбѣ. Они разсчитывали всего болѣе на помощь Манфреда и не обманулись въ своихъ ожиданіяхъ. Изгнаніе ихъ продолжалось только два года. Въ 1260 году, благодаря стараніямъ неутомимаго Фаринаты, Манфредъ прислалъ изгнанникамъ обѣщанное вспоможеніе. Оно состояло изъ 800 хорошо вооруженныхъ латниковъ. Подъ гогенштауфеновскимъ знаменемъ стали, сверхъ того, многіе граждане Сіены, Пизы и другихъ тосканскихъ городовъ. Флорентійскіе гвельфы вышли къ нимъ на встрѣчу, но въ битвѣ на рѣкѣ Арбіи, при мѣстечкѣ Монтаперти, были побиты на голову и тѣ изъ нихъ, которые уцѣлѣли отъ пораженія, не считая себя болѣе безопасными въ родномъ городѣ, спѣшили укрыться отъ преслѣдованія въ стѣнахъ союзной Лукки. Сраженіе арбійское принадлежитъ къ числу кровопролитныхъ дѣлъ того вѣка; битва продолжалась около семи

часовъ сряду; болѣе 2500 флорентійцевъ осталось на мѣстѣ и болѣе 1500 взято въ плѣнъ. Черезъ нѣсколько дней послѣ роковой схватки, гибеллины съ трубными звуками вступили въ городъ и провозгласили республику, подъ покровительствомъ Манфреда, которому должны были присягать всѣ граждане; слѣдовательно, на дѣлѣ, выходила та же монархія.

Двухлѣтнее испытаніе нисколько не сдѣлало гибеллиновъ благоразумнѣе. Сильные своимъ союзомъ съ императоромъ, гордые своею побѣдою, они и на этотъ разъ, какъ и прежде, забыли всякую умѣренность. Гвельфскимъ изгнанникамъ не оставлено были ни ихъ жилищъ, ни имуществъ. Городское устройство Флоренціи, составлявшее главную силу, было ниспровергнуто, и народъ лишенъ тѣхъ правъ, которыя вынесъ было несокрушимыми среди пыла борьбы двухъ враждебныхъ факцій. Гибеллины хотѣли властвовать безраздѣльно. Мало того: имъ все еще была страшна эта живучесть богатой республики, служившей постояннымъ прибѣжищемъ для гвельфовъ. Надо положить конецъ могуществу этихъ папистовъ, говорили гибеллины на военномъ совѣтѣ въ Эмполи ([1]), а для этого надо ослабить ихъ столицу—буйную, безпокойную Флоренцію; горячіе гибеллины предлагали, какъ лучшее средство, срыть городскія стѣны и разрушить укрѣпленія; нѣкоторые же изъ нихъ поговаривали уже о совершенномъ уничтоженіи города, приводили въ примѣръ Фридриха Барбароссу и его поступокъ съ Миланомъ. Собраніе рѣшило, въ порывѣ ненависти къ гвельфамъ, срыть Флоренцію до основанія и не оставить въ ней камня на камнѣ. Тогда поднялся съ своего мѣста главный вождь гибеллиновъ, уже извѣстный намъ Фарината, и сказалъ горячее слово въ защиту погибающаго города. Его рѣчь была порывиста, но энергична; имъ руководила не узкая вражда партій, не какія либо личныя цѣли, а патріотическая любовь къ общей родинѣ, къ Италіи. Именемъ ея онъ молилъ своихъ увлекшихся товарищей прекратить всякія враждебныя отношенія къ городу, уже покоренному, подавить въ себѣ ненависть къ гвельфамъ, требовалъ общаго примиренія; наконецъ онъ рѣшительно объявилъ себя за Флоренцію, прибавляя что готовъ „тысячу разъ умереть“ за сохраненіе цвѣтущей столицы Тосканы ([2]). Рѣчь Фаринаты до-

([1]) Городокъ къ западу отъ Флоренціи, расположенный на рѣкѣ Арно.

([2]) Вотъ что говорятъ объ этой благородной личности два лучшихъ

стигла своей цѣли. Благодаря ей, одинъ изъ лучшихъ городовъ Италіи былъ спасенъ отъ рукъ новыхъ вандаловъ. Это былъ послѣдній подвигъ патріотическаго сердца Фаринаты, который вскорѣ потомъ погибъ насильственною смертію отъ руки одного изъ своихъ родственниковъ и какъ будто унесъ съ собою въ могилу тайну успѣховъ своей партіи и самое ея счастіе.

Измѣненія во внутреннемъ строѣ.

Когда такимъ образомъ гибеллинская партія торжествовала въ Тосканѣ, новая опасная для нея вражда загорѣлась въ южной Италіи. Манфредъ нашелъ себѣ соперника въ лицѣ Карла Анжуйскаго, который и разбилъ его при Беневентѣ; гвельфы опять ожили. Императорская партія рѣшается сдѣлать уступки. Во главѣ ея является нѣсколько дѣльныхъ личностей и они повели переговоры съ своими врагами. Въ результатѣ ихъ явилось новое смѣшанное правительство. Верховную власть предложили двумъ podestà,—гвельфу и гибеллину; ихъ ограничиваетъ совѣтъ 36 правителей, опять изъ каждой партіи поровну; демократія не была нарушена,—корпораціи цеховъ и ремесленниковъ оставлены въ своей силѣ. Но, дѣлая уступки по формѣ, гибеллины хотѣли въ то же время оставаться полными господами на дѣлѣ. Подозрѣвая въ народѣ гвельфскія симпатіи, они призвали въ городъ нѣмецкія дружины и обнаружили неосторожно намѣреніе возстановить прежнее самовластіе. Цехи не хотѣли отдать даромъ уступленныя имъ права и рѣшились отчаянно защищать ихъ съ оружіемъ въ рукахъ. Они вооружились и тѣмъ вызвали на себя нападеніе. Въ самыхъ улицахъ Флоренціи произошло кровавое побоище. Нѣмецкая кавалерія не устояла противъ множества и принуждена была выступить изъ города, осы-

---

флорентійскихъ историка: «Lodano le nostre storie ragionevolmente messser Farinata degli Uberti, perciocchè con la constanzia e fortezza del suo generoso animo diffese la patria dalla destruzione» (Nardi. Le storie della città di Firenze t. 1, p, 7); Макіавелли отзывается слѣдующимъ образомъ: «Era messer Farinata uomo di grande animo, eccelente nella guerra, capo de' ghibellini, ed appresso a Manfredi assai stimato, la cui autorità pose fine a quel rapionamento, e pensarono altri modi a volersi lo stato preservare(Machiavelli. Delle storie fiorentine. Capolago.. 1842. 2 vls; t. 1, p. 92; lib. 2)». Прибавимъ, что Нарди, какъ страстный республиканецъ, не терпѣлъ иноземнаго вмѣшательства; между тѣмъ онъ не можетъ отказать въ сочувствіи къ Уберти представителю императорскихъ интересовъ.

паемая каменьями, которые летѣли на нее со всѣхъ сторонъ изъ домовъ и съ высокихъ башенъ. Гибеллины, лишившіеся всякой опоры, бѣжали изъ Флоренціи и въ этотъ разъ навсегда.

Такимъ образомъ Флоренція сдѣлалась городомъ исключительно гвельфскимъ. Республика, потрясенная постоянными раздорами, требовала самаго тщательнаго отношенія къ своему внутреннему государственному устройству. Успокоить гражданъ, дать болѣе или менѣе правильную организацію правительству — было не легко. Требовалось не только подрѣзать самые корни гибеллинизма во Флоренціи, но по возможности согласить притязанія оставшихся въ ней элементовъ населенія, такъ какъ цехи вовсе не думали отказываться отъ своихъ правъ въ пользу побѣдившей партіи, а желали сохранить свое самостоятельное значеніе. Слѣдовательно двѣ задачи представлялись новымъ администраторамъ. Первая изъ нихъ повидимому достигалась тѣмъ, что всѣ владѣнія удалившихся гибеллиновъ были конфискованы и раздѣлены на три равныя части. Одна изъ нихъ обращена была въ собственность города и поступила въ его управленіе, другая отдана была гвельфамъ въ вознагражденіе за понесенные ими убытки, третья же превращена въ капиталъ для покрытія издержекъ въ случаѣ войны съ изгнанниками. Кромѣ того учреждена была особая полиція для наблюденія за проявленіемъ гибеллинскаго духа въ городѣ; его истребляли въ самомъ зародышѣ. Конечно, подобныя мѣры могли принести только временную пользу, но тѣмъ не менѣе спокойствіе города было обезпечено. Гораздо труднѣе было разрѣшить вторую задачу, — привести къ единству прочія составныя части флорентійскаго народонаселенія. Каждая изъ нихъ, какъ знатные, такъ и цехи, хотѣли сохранить свою самостоятельность; ни одна не расположена была совершенно подчинить себя другой.

Вмѣшательство папъ.

Въ 1280 году папа Николай III отправилъ во Флоренцію, по желанію гвельфовъ, своего легата Латино, съ цѣлью возстановить миръ между гвельфами и изгнанными гибеллинами. Результатомъ этого посольства было возвращеніе гибеллиновъ во Флоренцію и временный миръ между обѣими партіями. Но въ 1282 году уже совершился переворотъ во Флоренціи. Дѣло состояло въ слѣдующемъ. Вскорѣ послѣ возстановленія мира кардиналомъ Латино, гвельфы мало по-малу

начали нарушать условія договора, а потомъ и совершенно позабыли объ этихъ условіяхъ: они не хотѣли давать гибеллинамъ никакихъ должностей въ республикѣ. Возстаніе гибеллиновъ не замедлило вспыхнуть. Городъ пришелъ въ сильное волненіе. Въ это-то время нѣсколько благонамѣренныхъ флорентійскихъ гражданъ, не желая видѣть гибели города, собрались въ приходскую церковь и здѣсь выбрали изъ среды своей шесть человѣкъ, назвавъ ихъ пріорами и давъ имъ законодательную власть на два мѣсяца (15 іюня 1282 г.). Но это нисколько не помогло. Городъ по-прежнему волновался. Да къ тому-же въ это время произошла распря флорентійцевъ съ аретинцами, — распря, кончившаяся знаменитой битвой при Кампальдино, гдѣ въ рядахъ флорентійскаго ополченія находился Данте Алигіери (какъ онъ самъ говоритъ въ одномъ своемъ письмѣ). Хотя битва при Кампальдино (11 іюля 1282 г.) и кончилась совершеннымъ пораженіемъ аретинцевъ и полной побѣдой флорентійцевъ, однако послѣдніе не могли слишкомъ радоваться своей побѣдѣ, потому что внутри города происходила полнѣйшая неурядица. Знать совершенно подавляла беззащитную чернь, которая не находила себѣ защиты въ законахъ. Въ это время является на сцену благородная личность Джіано делла Белла, стараніями котораго въ 1292 году учреждена была должность верховнаго судьи (gonfaloniere di giustizia). Джіано, за его благодѣтельныя реформы въ пользу флорентійскаго народа, синьоры изгнали въ 1294 году. Спустя нѣсколько времени послѣ его изгнанія, во Флоренціи произошелъ сильный раздоръ между двумя фамиліями, Черки и Донати, — раздоръ, принявшій огромные размѣры послѣ того, какъ одна изъ этихъ фамилій (Черки) пристала къ партіи бѣлыхъ, а другая (Донати)—къ партіи черныхъ. Эти двѣ партіи образовались въ Пистойѣ, въ семействѣ Канчелліери. Тогда, вслѣдствіе семейныхъ распрей, Пистойя распалась на двѣ части.

Черные и бѣлые.

Эти новые раздоры возникли по слѣдующему обстоятельству. Разъ два близкихъ друга, двоюродные братья, изъ фамиліи Канчелліери, поссорились за игрою въ кости. Друзья обнажили оружіе, и одинъ изъ нихъ былъ раненъ. Виновникъ явился къ отцу раненаго для оправданія, но тотъ приказалъ отрубить ему руку. Тогда братья поклялись въ вѣчной враждѣ. Родственная фамилія раздѣлилась на два враждебные лагеря,

и каждая сторона искала себѣ приверженцевъ. Сторонники одной партіи назвали себя Bianchi („бѣлые“ въ прилагательной формѣ) въ честь прародительницы дома; въ противоположность имъ, враги ихъ назвались „черными“ (neri). Пистойскія власти, для прекращенія безпорядковъ, совершенно основательно предположили изгнать партизановъ изъ города, ибо дальнѣйшая вражда въ эту эпоху самоуправства была бы большимъ несчастіемъ для гражданъ. Предводители обѣихъ партій переселились во Флоренцію и перенесли, такимъ образомъ, свою вражду въ городъ и безъ того уже волнуемый враждою и политическими страстями гвельфовъ и гибеллиновъ, демократовъ и аристократовъ. Впослѣдствіи бѣлые слились съ гибеллинами, а черные съ гвельфами, вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣлавшись сторонниками папскихъ интересовъ. Данте, прежде бывшій на сторонѣ гвельфовъ, постепенно дѣлается гибеллиномъ.

Тогда папою былъ Бонифацій VIII. Еще будучи кардиналомъ, онъ заправлялъ дѣлами куріи (II, 493). Онъ мечталъ о возстановленіи папскаго всемогущества; онъ посвятилъ себя защитѣ всемірныхъ папско-католическихъ интересовъ. Мы увидимъ послѣ, какъ въ немъ папская идея потерпѣла жестокое пораженіе. Онъ сдѣлалъ большую политическую ошибку, призывая чужеземнаго принца въ итальянскій городъ, сравнительно съ другими отличавшійся своимъ демократизмомъ, ненавистью къ титуламъ. Этимъ Бонифацій VIII навлекъ на себя отвращеніе и нерасположеніе Италіи, симпатія которой ему была бы весьма полезна въ предстоящей борьбѣ со свѣтской властью и тѣмъ болѣе, что стремясь подчинить своей власти иноземныхъ государей, онъ не имѣлъ власти въ самомъ Римѣ.

Пока остановимся на отношеніяхъ папы Бонифація VIII къ итальянскимъ республикамъ.

Карлъ Валуа. Въ іюнѣ 1300 г. великій патріотъ и поэтъ Италіи Данте Алигіери былъ выбранъ однимъ изъ пріоровъ во Флоренціи. Онъ хотѣлъ посвятить себя дѣлу водворенія порядка во Флоренціи. Но разъ во время похоронной процессіи случайно произошла схватка между черными и бѣлыми. Данте, укрѣпившись въ ратушѣ, старался водворить порядокъ. Донати, предводитель черныхъ, личный врагъ Данте, собралъ своихъ, предложилъ имъ противъ бѣлыхъ покровительство и помощь отъ имени папы, мудраго и святѣйшаго отца. Папа, по его словамъ, пришлетъ

на помощь ихъ партіи французскаго принца Карла Валуа, брата короля Филиппа IV. Съ принцемъ Валуа Донати былъ давно уже въ сношеніи. Вооруженная французская сила, сопровождаемая благословеніями папы, должна была, по обманчивой мысли Донати, успокоить городъ, волнуемый политическими страстями. Напрасно Данте предупреждалъ флорентійцевъ, что опасно довѣряться папской, а тѣмъ болѣе иностранной помощи.—„Какія наши заслуги передъ французами, говорилъ онъ, чтобы утверждать, что папа побудитъ французскаго принца заботиться о нашихъ интересахъ, о нашемъ благосостояніи? Не богатство ли наше привлекаетъ его сюда. Я знаю, что говорилъ ему папа:—я посылаю тебя къ золотому источнику, и ты самъ будешь виноватъ, если не утолишь своей жажды. Вспомните, граждане, примѣръ Карла Анжуйскаго, не довѣряйтесь французамъ. Богатство наше пойдетъ на удовлетвореніе ихъ роскоши; торговля и промышленность наша падутъ въ конецъ". Таковъ былъ смыслъ рѣчи Данте. Пріоры послушались благоразумнаго совѣта оратора. Вожди черныхъ, стоявшіе на сторонѣ принца, были изгнаны. Самъ Данте отправился посломъ въ Римъ, умоляя папу не вызывать принца во Флоренцію. Но все было напрасно. Донати тоже лично просилъ папу настоять на своемъ, то есть, не уступая просьбамъ флорентійскаго пріора, отозвать Валуа. Дѣйствительно Карлъ съ небольшимъ отрядомъ французовъ прибылъ во Флоренцію подъ маской умиротворителя. Только одинъ цехъ, одни хлѣбники со своими рабочими оказали ему сопротивленіе. Правительство же Флоренціи молчало; оно даже согласилось дать Карлу большія суммы на военные расходы, лишь бы онъ обязался формальнымъ договоромъ не принимать титуловъ, такъ ненавистныхъ для Флоренціи, и не нарушать привилегій города. Но что значила клятва для Валуа? Теперь Флоренція была подъ властью Донати, гвельфовъ и черныхъ, которые на другой же день ворвались въ городъ. За ними явились туда же бандиты, бродяги скрывавшіеся въ сосѣднихъ лѣсахъ. Донати началъ свирѣпствовать въ городѣ надъ своими политическими противниками. Тюрьмы были отворены, преступники выпущены, начался грабежъ. Смертные приговоры произносились ежедневно. Въ нѣсколько недѣль погибло до 600 гражданъ на эшафотѣ, не считая тѣхъ, которые погибли безъ суда. Въ продолженіе пяти лѣтъ не погибло столько гражданъ отъ домашнихъ смутъ, сколько

погибло ихъ отъ проскрипціи въ первые дни власти чужеземца. Пріоры были выбраны изъ низшаго класса гражданъ. Данте, сначала только осужденный на изгнаніе, былъ потомъ приговоренъ къ казни, въ случаѣ возвращенія его на родину. Великому поэту и не пришлось уже болѣе увидать свой родной городъ. Съ него начинается въ Италіи рядъ политическихъ мучениковъ и страдальцевъ за политическую и духовную свободу. Данте стоитъ первымъ по времени въ этомъ рядѣ великихъ людей, каковы: Бруно, Галилей, Беккаріа, Альфіери, Пеллико, тѣхъ знаменитыхъ уроженцевъ Тосканы, каждый изъ которыхъ сдѣлалъ много для блага не одной маленькой Флоренціи, но для исторіи всего человѣчества.

Карлъ Валуа, поддерживаемый куріей противъ флорентійскихъ гибеллиновъ и противъ Аррагоніи, какъ кандидатъ на аррагонскій престолъ, по иниціативѣ папы, предпринялъ экспедицію противъ Сициліи, находившейся подъ властію аррагонской династіи, именно короля Фридерига II, но былъ разбитъ, послѣ чего онъ долженъ былъ оставить Италію и ни съ чѣмъ воротиться домой, во Францію. Не смотря на поддержку папъ и своего брата, французскаго короля Филиппа IV, Карлъ Валуа, вмѣсто всѣхъ папскихъ обѣщаній, успѣлъ пріобрѣсти себѣ только насмѣшливое прозвище безземельнаго короля.

Бонифацій VIII.

Когда Бонифацій VIII готовился во имя теократіи дать послѣднюю битву свѣтской власти, вступивъ въ борьбу съ могущественнымъ королемъ Франціи, его положеніе среди римскихъ аристократическихъ партій, было самое жалкое. Римская коммуна, имѣвшая свою долгую исторію (¹), не хотѣла знать папской куріи, не признавала ея господства; интересы той и другой имѣли мало общаго между собою. Папа, всесильный гдѣ нибудь въ отдаленной Скандинавіи, былъ безсиленъ у себя дома. Еще съ первыхъ временъ папской исторіи въ Римѣ пріобрѣли большое значеніе аристократическія фамиліи. Мы когда-то говорили о honorati и possessores (I, 151). Это не были потомки древнихъ римлянъ; они имѣли большее сходство съ германцами, чѣмъ съ пеласго-итальянской расой. Изъ этихъ honorati и образовалась римская аристократія. Защищая свои права, бароны организовали даже собственную милицію.

(¹) Gregorovius. Rom im Mittelalter, 6 B. Русскій пер. очень неудаченъ.

Присутствіе вождей духовнаго міра въ стѣнахъ города нисколько не стѣсняло бароновъ. Они, такъ хорошо знавшіе своихъ владыкъ, видѣвшіе всѣ ихъ слабости, не смотрѣли на папъ съ тѣмъ благоговѣніемъ, которое проявляли иностранцы, приходившіе издалека цѣловать туфлю св. отца. Между знатными патриціанскими родами въ Римѣ были такіе, у которыхъ ненависть къ папамъ передавалась какъ бы по наслѣдству. Такова была аристократическая фамилія Колонна. Десять членовъ этой фамиліи и между ними два кардинала въ самомъ началѣ XIV вѣка вступили въ открытую борьбу съ Бонифаціемъ VIII. Говорятъ поводомъ къ этой борьбѣ послужило вмѣшательство папы въ семейные раздоры этого дома. Одинъ изъ Колонновъ, молодой Джакопо, вздумалъ проучить своего государя. Онъ съ своими сообщниками захватилъ папскій транспортъ. Тутъ было 80 лошадей, нагруженныхъ имуществомъ папы. Впрочемъ въ этомъ нельзя еще видѣть серьезной борьбы, а скорѣе проказу молодаго Джакопо Колонна. Бонифацій приказалъ возвратить похищенное. Между тѣмъ, въ виду явнаго мятежа приверженцевъ Колонна, папа созвалъ соборъ, желая наказать виновныхъ. Но тѣ распространили въ народѣ враждебные для папы слухи относительно смерти Целестина V (см. выше—II, 493). Одни говорили, что Бонифацій задушилъ Целестина; другіе, что онъ умертвилъ его, приказавъ вбить гвоздь въ голову отрекшагося папы. Тогда Бонифацій предалъ проклятію Колонна и приказалъ объявить крестовый походъ противъ непокорныхъ бароновъ. Все это ни къ чему не повело; врагъ папы съ блескомъ продолжалъ жить въ своемъ дворцѣ, что ясно доказывало какъ безсиленъ былъ папа, позволяя жить возлѣ себя человѣку, противъ котораго онъ проповѣдывалъ крестовый походъ. Склонивши на свою сторону Орсини и нѣкоторыхъ другихъ вельможъ, Бонифацій одержалъ верхъ надъ своимъ противникомъ. Колонна былъ заключенъ въ тюрьму, но ему удалось освободиться. Чрезъ французскаго посланника Колонна сносится съ врагомъ Бонифація, Филиппомъ IV Красивымъ. Такимъ образомъ противъ первосвященника составляется организованный заговоръ, участіе въ которомъ принимаютъ и бандиты, подкупленные французскимъ золотомъ.

Въ этотъ моментъ папа Бонифацій VIII завязываетъ узелъ западно-европейской политики. Всѣ оппозиціонныя силы, направленныя противъ теократіи, возстаютъ противъ него....

Судьба Бонифація VIII связываетъ исторію Италіи съ судьбами Франціи и съ ростомъ монархической государственной идеи, а вмѣстѣ съ тѣмъ служитъ переходнымъ звеномъ отъ XIII къ XIV столѣтію. Мы будемъ говорить объ этой борьбѣ въ слѣдующемъ отдѣлѣ; пока остановимся только на судьбахъ Флоренціи.

Республикѣ нельзя было и думать о томъ, чтобы удовлетворить всѣ противоположныя стремленія и сразу достигнуть полнаго единства государственной машины. Флорентійцы еще разъ рѣшились остановиться на сложной комбинаціи, которая нисколько не скрывала внутреннихъ трещинъ зданія и, подобно предшествовавшимъ системамъ, означала лишь переходное состояніе. Нѣтъ надобности обозрѣвать этотъ новый механизмъ флорентійской администраціи; онъ выдержалъ много измѣненій и различныхъ преобразованій, пока не переработался въ то окончательное государственное устройство, которое упрочилось въ первые года XV вѣка, когда появились Медичи. Вотъ эта окончательная формація правительственнаго строя флорентійской республики.

Форма правленія. Исполнительная власть была ввѣрена восьми пріорамъ (signori priori di libertà) и гонфалоньеру (il gonfaloniere di giustizia). Послѣдній имѣлъ одинаковую власть съ пріорами и пользовался только правомъ предсѣдательства: къ нимъ присоединялись еще 28 избранныхъ гражданъ; всѣ вмѣстѣ составляли совѣтъ 36, называвшійся синьоріею (il collegio, la signoria, i collegi). Члены этого главнаго правительственнаго совѣщательнаго собранія выбирались каждые два мѣсяца и жили во все продолженіе этого времени безвыходно во дворцѣ. Во главѣ республики стоялъ сенатъ, число членовъ котораго не опредѣлялось и зависѣло отъ обстоятельствъ. Власть же, облеченная верховною юрисдикціею, управлявшая судьбами государства, совмѣщалась въ двухъ собраніяхъ: совѣтъ народный (il consiglio del popolo), въ которомъ засѣдали лишь простые граждане, и совѣтъ общинный (il consiglio del commune), не исключавшій и знатныхъ. Безъ утвержденія этихъ совѣтовъ законъ не могъ получить никакой силы. Избраніе правителей, что составляло самый жизненный вопросъ для развитія города, происходило въ особомъ собраніи черезъ баллотировку (lo squittino). Права каждой власти были слѣдующія: главная и непосредственная обязанность гонфалоньера заключалась въ охраненіи спокой-

ствія города отъ враговъ внутреннихъ и внѣшнихъ и, если понадобится, то даже съ оружіемъ въ рукахъ; въ его распоряженіи была огненная гвардія (guardia del fuoco), расположенная въ четырехъ удобнѣйшихъ мѣстахъ города. Всѣ законы и распоряженія, какъ частные, такъ и общественные, шли отъ синьоріи къ сенату и оттуда уже въ совѣты общинный и народный ([1]). Граждане, которые предназначались руководить судьбами своей родины, всегда выбирались изъ знаменитыхъ семействъ и родовъ. Всегда между правителями блистали люди способные и опытные въ дѣлахъ государственныхъ. Въ XV столѣтіи насчитывалось до 400 семействъ, которыя имѣли право засѣдать во всѣхъ указанныхъ нами собраніяхъ; въ половинѣ же XVI вѣка таковыхъ уже было до 4000. Постоянное стремленіе простаго народа (il popolo minuto) возвыситься и достигнуть участія въ правленіи всегда колебало это число. Наконецъ мало по малу простой классъ овладѣваетъ верховною властью въ республикѣ. Флоренція изъ источника гвельфскихъ аристократическихъ идей дѣлается источникомъ демократическихъ идей. Если изъ среды гражданъ и является полу-неограниченный властитель въ родѣ Медичи, то такая личность принадлежитъ къ числу даровитыхъ государственныхъ умовъ безъ исключительныхъ претензій партій; силою своихъ способностей Медичи становятся во главѣ свободнаго народа. Къ началу XV вѣка во Флоренціи почти не имѣютъ понятія о соперничествѣ средневѣковыхъ партій; исчезаетъ всякій узкій характеръ отдѣльныхъ стремленій. Флоренція представляется довольно крѣпко сплоченнымъ государствомъ, въ которомъ умиротворились партіи, а гражданская борьба уже потеряла прежній острый характеръ. За власть борьба продолжается, но кто участвуетъ въ ней? Какой смыслъ ея? Въ лицѣ соперниковъ мы видимъ представителей своихъ личныхъ интересовъ, не справляющихся объ убѣжденіяхъ родовитыхъ предковъ. Къ тому же теперь на сценѣ не знатность, а умъ и болѣе всего богатство.

Сословія во Флоренціи.

Около того времени встрѣчаемъ въ городѣ такой раздѣлъ населенія: знать (la nobilità), купцы (il popolo grasso),

([1]) Флорентійское государственное устройство изложено обстоятельнѣе всего у Нарди, котораго мы беремъ за источникъ для даннаго вопроса.—Nardi. Le storie della città di Firenze; t. I. p. 9, 10 (lib. 1); ed. di Gelli. Fir. 1858. См. нашу моногр.: Савонарола и Флоренція (К. 1865).

чернь (il popolo minuto); въ строгомъ смыслѣ первое изъ нихъ дробится на двѣ степени: родовыхъ знатныхъ людей и богачей, вышедшихъ изъ простыхъ гражданъ. Между сословіями легкія схватки за право преимущественнаго вліянія въ государствѣ. Толчекъ даетъ народная масса. Чернь напирала и вливалась въ popolo grasso, т. е. въ среднее сословіе; это въ свою очередь тѣснило аристократію и занимало ея ряды, при чемъ однакоже часто теряло власть, такъ какъ въ промышленномъ населеніи Флоренціи, наживавшейся главнымъ образомъ финансовыми операціями, человѣкъ торговый пользовался гораздо большимъ уваженіемъ нежели родовитый. Это фактически доказывается существовавшимъ во Флоренціи закономъ, по которому знатныхъ за заслуги записывали въ число гражданъ, а послѣднихъ за дурные поступки перечисляли въ высшее сословіе. Подобный законъ былъ и въ другихъ республиканскихъ городахъ, какъ напр. въ Пистойѣ. Тамъ еще въ 1285 г. цехи опредѣлили, чтобы тотъ, кто изъ промышленнаго сословія нарушитъ общественное спокойствіе, въ наказаніе вносимъ былъ въ патриціанскій списокъ, т. е. удаленъ отъ всѣхъ государственныхъ должностей и причисленъ къ простымъ обывателямъ (1).

Малѣйшее требованіе народа исполнялось правительствомъ безпрекословно. Изъ многихъ примѣровъ мы возьмемъ на выдержку одинъ, относящійся къ 1352 году. Однажды, среди бѣлаго дня, толпа молодежи разгуливала по городу, распѣвая серенады своимъ дамамъ. Вѣроятно, пользуясь своею многочисленностью, они начали безпокоить прохожихъ, врываться въ дома бѣдныхъ гражданъ. Тѣ должны были серьезно защищаться. Видя негодованіе народное, шалуны разбѣжались. Тѣмъ не менѣе ихъ розыскали. Предводителемъ уличныхъ героевъ оказался нѣкто Бордони, принадлежавшій къ одной изъ богатыхъ и вліятельныхъ флорентійскихъ фамилій. Тогдашній гонфалоньеръ Филикайя, человѣкъ справедливый и энергичный, хотѣлъ казнить его, но за осужденнаго оказались протекція и деньги. Пріоры, товарищи гонфалоньера, были подкуплены; они протестовали противъ строгаго приговора Филикайи. Гонфалоньеръ не стерпѣлъ такого явнаго злоупотребленія; онъ сложилъ съ себя свою должность и уѣхалъ въ Сіену. Едва лишь только народъ узналъ причину удаленія правителя, какъ пришелъ въ сильное движеніе; толпы

(1) Nardi. Le storie della città di Firenze; t. I, p. 1.

сбирались передъ окнами дворца синьоріи. Общій голосъ требовалъ безпрекословнаго исполненія смертнаго приговора и возвращенія гонфалоньера. Правительство принуждено было отправить къ нему депутацію съ просьбою снова принять участіе въ правленіи. Филикайя, снисходя общему желанію, возвратился и первымъ его распоряженіемъ было приказать отрубить голову шаловливому аристократу. Когда кончился срокъ правленія гонфалоньера, власти флорентійскія, по требованію народа, предложили ему въ награду за твердость и справедливость 2000 флориновъ ([1]).

Сила и богатство.

Такое правительство, опиравшееся болѣе всего на простой народъ и торговыхъ гражданъ, всегда могло разсчитывать на свою силу, всегда могло оказывать защиту слабымъ противъ сильныхъ притѣснителей. Въ рукахъ республики находилась вся область отъ моря до Аппенинъ, за исключеніемъ Лукки и Сіены, покоренныхъ впослѣдствіи. Могущество этого демократическаго государства основывалось на неутомимой предпріимчивости и богатствѣ отдѣльныхъ гражданъ, а также на политической дѣятельности, разлитой по всѣмъ сословіямъ. Народъ учился на практикѣ государственной наукѣ; онъ выросталъ среди постоянныхъ политическихъ раздоровъ, среди пылкой борьбы партій съ бо́льшимъ или меньшимъ значеніемъ. Даровитѣйшіе люди Флоренціи съ любовью занимались публицистикой, придумывали разнообразныя государственныя формаціи. Флоренція стояла во главѣ итальянской политической науки, подобно тому какъ Италія была передовою страною всей Европы въ этомъ отношеніи. Изъ Флоренціи вышли впервые идеи единства страны ([2]). И мудрено ли что въ столицѣ Тосканы такимъ блестящимъ

([1]) Cantu. Histoire des Italiens; t. VI, p. 406.

([2]) Приводимъ для доказательства интересные выводы Феррари изъ его Histoire de la raison d' Etat (Par. 1860). «Число политическихъ итальянскихъ писателей покажется весьма значительнымъ, если будемъ судить по отношенію къ прочимъ европейскимъ народностямъ. Послѣднія должны бы были выставить на своей сторонѣ по крайней мѣрѣ 4240 человѣкъ (принимая въ соображеніе ихъ населеніе), потому что одна Италія имѣла 424 автора. На дѣлѣ же мы встрѣчаемъ только 494 европейскихъ публициста... Между городами Италіи слѣдуетъ поставить на первомъ планѣ Флоренцію. Соблюдая пропорціональность, слѣдовало бы тамъ ожидать двухъ или трехъ, тогда какъ въ дѣйствительности Флоренція насчитываетъ двадцать, притомъ первокласныхъ публицистовъ,—какъ Данте, Макіавелли, Каппони, Джіаннотти и др. (p. 357)».

образомъ развилась публицистика, что тамъ явились лучшіе авторитеты государственной науки,—когда весь народъ флорентійскій создавалъ самъ себѣ общественное и государственное устройство. Постоянные раздоры между знатными и popolo grasso, т. е. гражданами вышедшими изъ ремесленниковъ,—поддерживали всегда въ государствѣ извѣстное напряженіе, которое не мѣшало тому, что торговля и промышленность Флоренціи увеличивались съ каждымъ годомъ. Цехи имѣли свои права и своихъ старшинъ. Ихъ было семь: мѣнялъ, врачей и торговцевъ пряными кореньями, скорняковъ, суконщиковъ, сукнопродавцевъ, судей съ юристами и торгующихъ разными товарами. Суконныя фабрики были въ самомъ цвѣтущемъ состояніи; шерсть ткали въ 200 мастерскихъ и тридцать тысячъ человѣкъ жили этою работою. Доходы республики въ то время, т. е. въ концѣ XIII и въ XIV вѣкѣ, доходили до трехсотъ тысячъ золотыхъ нѣмецкихъ гульденовъ, что составляетъ почти милліонъ рублей на наши деньги, но замѣтимъ, что тогда цѣнность монеты была гораздо выше настоящей. Такой доходъ получало рѣдкое государство въ то время, не говоря уже про то, что территорія и населеніе не могли идти въ сравненіе съ прочими европейскими государствами. Между тѣмъ издержки республики составляли лишь $^1/_4$ часть доходовъ. Жителей въ городѣ было до 90 тысячъ; изъ нихъ 25 тысячъ могло быть вооружено тотчасъ же. Чтенію обучалось до 10 тысячъ дѣтей; въ высшихъ же школахъ было около 600 молодыхъ людей.

Торговые обороты нѣкоторыхъ гражданъ флорентійскихъ доходили до огромныхъ размѣровъ. Богатства такихъ людей были велики, а извѣстно, что съ богатствомъ, а не съ древностью рода, было связано политическое значеніе въ республикѣ; поэтому многіе сильные капиталами купцы имѣли большой вѣсъ въ городѣ. Но всѣ авторитеты ихъ пали, когда въ началѣ XV столѣтія возвысился одинъ богатый банкирскій домъ, которому суждено было, впродолженіе нѣсколькихъ вѣковъ (1421—1737 г.), играть первую роль въ флорентійской исторіи. Мы будемъ въ свое время говорить о Медичи; теперь замѣтимъ только что первые изъ нихъ, правившіе Флоренціею въ теченіе XV вѣка, были замѣчательными государственными дѣятелями. Водворивъ монархію на развалинахъ республики по существу, они сумѣли сохранить обаяніе старыхъ излюбленныхъ формъ, которыя долго не переставали существовать вмѣстѣ съ личною свободою гражданъ.

5) Борьба христіанъ съ мусульманами на Пиринейскомъ полуостровѣ въ XII, XIII и въ началѣ XIV вѣка.— Культура и наука арабовъ.

Христіане еще въ VIII вѣкѣ потеряли большую часть Пиринейскаго полуострова; тогда они были загнаны въ дальній, сѣверный уголъ полуострова. Самъ Карлъ Великій безсиленъ былъ защитить христіанское наслѣдіе и не могъ ничего сдѣлать въ пользу христіанъ за Пиринеями. Но религіозный энтузіазмъ и политическія обстоятельства сдѣлали то, что представлялось невозможнымъ. Удобство, роскошь, культурное развитіе подѣйствовали на мусульманъ отрицательно; они предались отдыху и нѣгѣ, а христіанское оружіе между тѣмъ торжествовало съ каждымъ годомъ. Въ то время какъ христіанскіе короли переходятъ мало-по-малу въ наступленіе, господство мусульманъ начинаетъ ослабѣвать. Внутри мусульманскаго міра начинается непрерывная борьба разныхъ религіозныхъ сектъ, и если бы короли пиринейскіе дѣйствовали единодушнѣе, то конецъ мусульманскому господству былъ бы положенъ несравненно ранѣе XIII столѣтія. Но дѣло въ томъ, что христіане не умѣли пользоваться выгоднымъ моментомъ. Новыя орды изъ глубины Африки вторгались въ Испанію. Сокрушая прежнія династіи, водворяясь на ихъ мѣстахъ, онѣ приносили съ собою фанатическій сектантскій духъ, являсь жестокими врагами культуры. Дворцы халифовъ, блескъ южныхъ пиринейскихъ городовъ вмѣстѣ съ духовными завоеваніями арабовъ исчезали подъ пятой дикихъ наѣздниковъ сѣверной Африки.

Альмогады. Такими врагами арабской культуры и арабскаго міра на Пиринейскомъ полуостровѣ явились между прочимъ могады или альмогады, которыя окончательно утвердились на полуостровѣ въ 1157 году и смѣстили владычество альморавидовъ (¹). Послѣдніе еще раньше (I, 503) получили первенство

(¹) Лѣтописи для исторіи Пиринейскаго полуострова собраны въ старыхъ цѣнныхъ изданіяхъ: Schott, Hispaniae illustratae seu rerum urbiumque Hispaniae, Lusitaniae, Aethiopiae et Indiae scriptores varii (Fr. 4 f. 1603—1608). Florez, España sagrada (Madr. 51 v. 1747—1879). Llaguno Amirola, Coleccion de las cronicas y memorias de los reyes de Castilla (M.

среди мусульманскаго міра, а теперь новая секта грозила сокрушить ихъ. Вождемъ этой секты явился Магометъ бенъ-Тумиръ, называвшій себя Могади. Его фанатическія орды хлынули на земли альморавидовъ, разбили высланныя противъ нихъ войска и одержали близь Марокко полную побѣду, рѣшившую судьбу альморавидовъ. Впрочемъ самъ Могади вскорѣ умеръ, не успѣвъ дать прочной организаціи своимъ послѣдователямъ. Ему наслѣдовалъ Абдельмуменъ, подъ владычество котораго подпала вся африканская имперія альморавидовъ. Онъ считалъ себя уже на столько сильнымъ, что въ 1133 году принялъ титулъ главы правовѣрныхъ. Онъ подчинилъ своей власти весь сѣверный берегъ Африки до самого Египта и перешелъ въ Испанію. Халифы Кордовы, Гренады и др. покорились ему. Онъ уже намѣревался докончить свое дѣло, покорить всѣхъ мусульманъ полуострова, собралъ полумилліонную армію, состоявшую на половину изъ конницы, но среди приготовленій заболѣлъ и умеръ, передавъ окончаніе дѣла своему второму сыну Абу-Якубъ-Юсуфу. Напрасно послѣдніе халифы думали удержаться при помощи христіанъ Пиринейскаго полуострова. У послѣднихъ не было никакой организаціи.

---

7 v. in 4, 1779—87). Въ настоящее время послѣдовательно выходятъ три многотомные сборника: Navarete, del Valle, Rayon. Colleccion de documentos ineditos para la historia de España (M. 92 v. 1842—88), впрочемъ преимущественно для новой исторіи; Memorial historico espaı̃ol, изданіе Исторической Королевской Академіи съ актами по XIII столѣтіе (M. 1851—88); Mascaro (Col. de doc. ineditos de la corona de Aragon — спеціально изъ аррагонскихъ архивовъ (Barc. 1847 и слѣд.) съ множествомъ памятниковъ для каталонской литературы цвѣтущей эпохи трубадуровъ. Въ Португаліи, въ свою очередь, старавшейся подражать сосѣдней Кастиліи: L. A. Fereyras (6 f. 1728 — 1823), Portugaliae monumenta historica (M. 1856 e sq.). Изслѣдованія: Dozy, Recherches sur l'hist. pol. et littéraire de l'Espagne pendant le moyen-âge (Leyd. 2 v. 1860). Изъ старыхъ соч.—іезуитъ Mariana, Hist. de rebus Hispaniae (Mainz, 1605), Ferreras, Hist. de Espaı̃a, Zurita, Hist. de la corona de Aragon (Çar. 6 f. 1710). Изъ новыхъ общихъ: Lafuente, Hist. gen. de España (M. 22 v. 1850—59); Saint-Hilaire, Hist. d'Espagne (P. 1837—65, 9 v.), Lembke, Spaniens Geschichte изъ коллекціи Herren und Uckert. Изъ старыхъ сочиненій замѣчательна хроника Çurita, Historia de la corona de Aragon (Çar. 3 v. 1610) впрочемъ спеціально для Аррагоніи до 1451 г. Авторъ жилъ въ 1512 — 81 г. и пользовался подлинными документами, которые собиралъ во время своихъ путешествій.—Gervinus, Versuch einer innerer Gesch. Arragoniens (Fr. 1833, Hist. Schr.). Schirrmacher, Gesch. Kastiliens im XII und XIII Jahrh. (G. 1881).

Распаденіе пиринейскихъ государствъ.

Они дѣлились въ это время на нѣсколько самостоятельныхъ государствъ и постоянно ссорились между собой. Короли Португаліи, Кастиліи, Аррагоніи, Наварры дѣйствовали порознь. Португалія уже съ 1139 года жила самостоятельною жизнію ([1]). Теперь она управлялась Альфонсомъ I, происходившимъ изъ побочной бургундской династіи. Правда, Кастилія и Аррагонія соединились на нѣкоторое время подъ скипетромъ Альфонса I, короля Аррагоніи и Наварры, который былъ женатъ на дочери Альфонса VI кастильскаго, Уракѣ и потому унаслѣдовалъ и Кастилію въ 1104 г., гдѣ считался седьмымъ этого имени. Онъ всю свою жизнь велъ борьбу съ невѣрными, за что получилъ отъ своихъ подданныхъ названіе Батальдора, то есть бойца. Онъ далъ мусульманамъ не менѣе 40 сраженій и отнялъ у нихъ Сарагоссу, которая съ тѣхъ поръ сдѣлалась столицею аррагонскаго королевства. Но соединеніе Кастиліи и Аррагоніи продолжалось недолго. Альфонсъ поссорился со своей женой Уракой, которая и начала съ нимъ войну, вслѣдствіе чего Альфонсъ долженъ былъ отказаться отъ Кастиліи, и такимъ образомъ соединенное королевство вновь распалось и ослабѣло. Въ Кастиліи королемъ былъ избранъ Альфонсъ VIII (1126—1157 г.), сынъ Ураки отъ перваго брака съ бургундскимъ графомъ Раймундомъ, бывшій номинальнымъ императоромъ съ 1135 года. Аррагонію же Альфонсъ I завѣщалъ передъ смертію орденамъ тампліеровъ и іоаннитовъ; онъ предполагалъ свои провинціи подчинить военно-іерархической аристократіи подобно тому, какъ впослѣдствіи Пруссія была предоставлена тевтонскимъ рыцарямъ. Но аррагонцы не признали подобнаго распоряженія. Они выбрали королемъ брата его Рамиро II, который уже давно былъ постриженъ въ монахи. Теперь этотъ старый монахъ вышелъ изъ своей кельи монастыря на два года, чтобы прижить дочь Петронилью, а затѣмъ опять удалиться въ монастырь. Дочь его была помолвлена за Раймунда Беренгарія IV, графа Барселоны и Каталоніи, вслѣдствіе чего Каталонія навсегда слилась съ Аррагоніей.

Подобныя же сочлененія, раздѣленія и соединенія происходили въ предѣлахъ самой Кастиліи. Вообще удѣлы были злымъ рокомъ христіанской Испаніи. Эти постоянныя перемѣщенія королей могутъ быть интересны для насъ лишь настолько, на-

([1]) Scheffer, Geschichte von Portugal. См. у насъ I, 505.

сколько съ ними связана исторія борьбы съ маврами. Подробности же внутренней исторіи каждаго королевства интересны развѣ только для спеціалистовъ. Общій ходъ ея тотъ, что каждый король считалъ своею обязанностію дать каждому изъ своихъ наслѣдниковъ какой-нибудь удѣлъ и тѣмъ дробилъ безъ того уже ничтожную территорію. Такъ послѣ смерти Альфонса VIII кастильскаго старшій сынъ его Санчо III получилъ Кастилію, а младшій Фердинандъ: Леонъ, Галисію и Астурію, отчего довольно сильная территорія опять распалась. Санчо Кастильскій черезъ годъ умеръ (1158 г.) и ему наслѣдовалъ малолѣтній сынъ его Альфонсъ IX (1158 — 1214 г.). Этому королю удалось совершить трудные историческіе подвиги; онъ на долгое время дѣлается главнымъ героемъ борьбы съ невѣрными.

Вслѣдствіе раздѣловъ шли непрерывные раздоры между христіанскими государями, именно въ то время какъ имъ грозило новое нашествіе непріятеля. Къ этимъ раздорамъ присоединилась внутренняя борьба между грандами, которые хотѣли, пользуясь малолѣтствомъ короля, расширить свои права; кромѣ того двѣ могущественныя фамиліи открыли борьбу за право опеки надъ королемъ. Болѣе благородныя стремленія находимъ въ рыцарскихъ духовныхъ орденахъ, которые завели у себя испанцы, по примѣру тампліеровъ и іоаннитовъ. Еще въ половинѣ XII вѣка въ Кастиліи возникли ордена Алькантары и Калатравы, въ Галисіи орденъ св. Іакова, а затѣмъ въ Португаліи орденъ рыцарей Эворы или, какъ ихъ называли, рыцарей Ависы. Эти-то рыцарскіе ордена и сдержали впослѣдствіи напоръ альмогадовъ.

Юсуфъ и Якубъ въ Севильѣ.

Мы видѣли, что къ этому времени въ Испаніи утвердилась новая мусульманская орда, приведенная въ Европу Абдельмуминомъ. Сынъ и преемникъ его, Абу-Якубъ-Юсуфъ принадлежитъ къ числу замѣчательныхъ правителей. Покоривъ южную Испанію отъ Эбро до Картагены, Юсуфъ утвердился въ Севильѣ, которую сдѣлалъ своею столицей, украсилъ мечетями, мостами, акведуками и полезными сооруженіями. Пять лѣтъ пробылъ побѣдитель въ Севильѣ. Этотъ глава правовѣрныхъ умѣлъ сдерживать дикій фанатизмъ приведенной имъ орды. Цивилизація арабская нисколько не пострадала; великолѣпные дворцы халифовъ не только не были разрушены, но даже во многомъ улучшены. Такимъ образомъ даже выходцы изъ глубины Африки не были чужды чувства прекраснаго.

Юсуфъ долженъ былъ отлучиться въ Африку. Этимъ воспользовались христіане и португальскій король въ 1184 году напалъ на Сантаремъ. Юсуфъ быстро воротился, но подъ стѣнами города, благодаря ошибкѣ своего сына, былъ разбитъ на голову и самъ, смертельно раненый, умеръ. Вслѣдъ затѣмъ христіане взяли Сантаремъ и произвели страшное избіеніе мусульманъ. Все, что попало имъ въ руки, было перерѣзано и сожжено. Юсуфу наслѣдовалъ сынъ его Якубъ (1184—1199 г.). Онъ скрывалъ въ продолженіе долгаго времени смерть отца, а между тѣмъ тайкомъ истреблялъ своихъ братьевъ и всѣхъ опасныхъ соперниковъ. Черезъ пять лѣтъ онъ приготовился отмстить христіанамъ. Онъ опустошилъ Португалію, увелъ 13 тысячъ плѣнныхъ въ Африку и завоевалъ значительную часть страны. Тысячи христіанъ отправились въ неволю въ Африку. Мусульмане также не щадили своихъ враговъ. Все, что встрѣчалось имъ, погибало подъ ножомъ. Такія звѣрства не были рѣдкостью въ исторіи арабовъ. Якубъ побѣдилъ португальскаго короля и покорилъ большую часть его государства. Тогда-то тысячи французскихъ, англійскихъ и испанскихъ пилигримовъ собрались па защиту христіанскаго міра.

Битва при Аларкосѣ въ 1195 г.

Понимая, что послѣ завоеванія сосѣдней страны, та же участь можетъ угрожать и Кастиліи, Альфонсъ IX, который возмужалъ къ тому времени, рѣшился стать во главѣ собравшихся рыцарей. Онъ ворвался въ Андалузію. Якубъ собралъ противъ него громадное войско. Онъ велъ 400 тысячъ человѣкъ. Напрасно кастильскій король звалъ къ себѣ на помощь другихъ христіанскихъ владѣтелей. Никто не откликнулся на его зовъ. Альфонсъ укрѣпился на неприступной мѣстности, недалеко отъ Кордовы, на высотахъ близъ Аларкоса. Королю слѣдовало выждать нападенія противника. Если бы мусульмане аттаковали его, то они навѣрно погибли бы тысячами. Но христіане имѣли неблагоразуміе сдѣлать нападеніе первыми, и за то потерпѣли полное пораженіе въ іюлѣ 1195 г. Все кастильское войско было истреблено или взято въ плѣнъ. Только 10 тысячъ воиновъ, плотною стѣною окружившихъ своего короля, не сдавались; рыцари спасли и увлекли за собой Альфонса. Это было самое страшное пораженіе христіанъ, какое когда-либо испытывали они отъ мусульманъ съ самого водворенія послѣднихъ на полуостровѣ,

Къ счастію для Европы мусульмане не могли воспользоваться побѣдой. Якубъ былъ отвлеченъ въ Африку внутренними волненіями. Тогда Альфонсъ началъ войну противъ Наварры и Леона, короли которыхъ не оказали ему помощи противъ невѣрныхъ. Онъ такъ стѣснилъ ихъ, что даже Наварра, къ стыду христіанъ, прибѣгла подъ защиту невѣрныхъ, за что папа отлучилъ эту страну отъ Церкви. Когда Кастилія помирилась съ Леономъ, Альфонсъ IX кастильскій выдалъ свою дочь Беренгарію за леонскаго короля Альфонса IX, но папа Целестинъ III не призналъ этого брака, почему онъ былъ расторгнутъ (II, 29). Но сынъ Беренгаріи, Фердинандъ III, извѣстный подъ именемъ святого, впослѣдствіи соединилъ обѣ короны. Короля же аррагонскаго Педро II, Иннокентій III заставилъ признать свою власть (II, 30) и затѣмъ уже какъ вассала принудилъ дѣйствовать за одно съ кастильскимъ королемъ противъ невѣрныхъ. Якубъ умеръ на 40 году, передавъ власть и могущество Магомету Абу-Абдаллѣ (1199 — 1213 г.). Со смертію Якуба началъ падать арабскій халифатъ въ Испаніи. Начиная съ XIII столѣтія, христіанское оружіе получаетъ рѣшительный перевѣсъ. Это объясняется тѣмъ, что между единовѣрными народами Испаніи теперь стало больше единства. Горькій опытъ научилъ королей пиринейскихъ. Они руководились теперь одной общей идеей, — идеей священной борьбы. Дѣло борьбы съ мусульманами беретъ въ свои руки Церковь. Она проповѣдуетъ крестовую войну и въ Испанію стремятся тысячи рыцарей крестоносцевъ. Сюда идетъ всякій, кто желаетъ сражаться, кто хочетъ служить Церкви. Альфонсъ IX кастильскій опять становится во главѣ лиги. Въ виду его приготовленій, мусульмане также принимаютъ воинственное положеніе. Тогда-то Иннокентій III провозгласилъ крестовый походъ, для котораго изъ многихъ странъ были посланы въ Испанію огромныя суммы денегъ и явилось около 100 тысячъ войска, въ томъ числѣ 10 тысячъ всадниковъ. Такъ какъ провозглашенный передъ тѣмъ походъ въ Палестину не удался, то всѣ побуждаемые крестовымъ движеніемъ направились теперь на Пиринейскій полуостровъ. Всего собралось болѣе 100 тысячъ воиновъ.

Битва при Толозѣ въ 1212 г.

Уже въ самомъ началѣ похода большая часть воиновъ оставила кастильскаго короля, но пиринейское рыцарство, поддерживаемое аррагонскимъ королемъ Педро II и Санчо I пор-

тугальскимъ, бодро выступило на встрѣчу врагамъ. Рѣшительное сраженіе произошло 16 іюля 1212 года на равнинѣ близъ Толозы, между Гвадіаной и Гвадалквиворомъ въ дефиле Сіерры Морены. Христіане одержали полную побѣду надъ маврами, и владычество могадовъ окончательно пало. Это было великое торжество христіанъ, глубоко важное по своимъ послѣдствіямъ. Ожесточеніе было такъ велико, что христіанскій король велѣлъ убивать всѣхъ мусульманъ и никого не брать въ плѣнъ. Эта побѣда положила начало объединенію христіанскихъ государствъ на Пиринейскомъ полуостровѣ. На поляхъ Толозскихъ было поколеблено арабское владычество. Здѣсь легло до 200 тысячъ мусульманъ и только 25 человѣкъ христіанъ, какъ сообщаетъ Родриго, архіепископъ Толозы; другой свидѣтель, епископъ Нарбонны, увеличиваетъ это число еще на 30. Скорѣе здѣсь подъ единицами слѣдуетъ разумѣть тысячи. Какъ бы то ни было, пораженіе арабовъ было страшное; владычеству ихъ грозила неминуемая гибель. Магометъ спасся и укрылся въ Севильѣ, потерявъ всю армію. Трудно было найти болѣе выгодный моментъ для христіанъ, но они не умѣли воспользоваться этимъ случаемъ и тогда же окончательно погубить мусульманское могущество. Между христіанскими королями открылись междуусобія. Съ другой стороны и мусульманскій міръ раздирался неменьшими несогласіями. Сынъ Магомета Эль-Нафа не оставилъ наслѣдниковъ, и въ Африкѣ начались страшные безпорядки и кровопролитные споры за престолъ, пока власть не перешла къ Аламануну. Но испанскіе намѣстники отказались ему повиноваться. Халифатъ въ Испаніи распался на три самостоятельныя части. Изъ нихъ сильнѣйшей была территорія, состоявшая изъ Мурсіи и Андалузіи, гдѣ управлялъ Магометъ бенъ-Юсуфъ.

Въ 1214 году умеръ Альфонсъ IX кастильскій, передавъ престолъ своему малолѣтнему сыну Генриху (1214—1217 г.). Послѣ Генриха воцарилась Беренгарія, разведенная жена Альфонса IX Леонскаго. Но она скоро отказалась отъ короны въ пользу своего сына Фердинанда, который въ это время уже былъ королемъ Леона. Такимъ образомъ въ 1230 году Фердинандъ, подъ именемъ Третьяго, воцарился въ Кастиліи и въ Леонѣ. При немъ было постановлено, что Леонъ и Кастилія не будутъ болѣе раздѣляться и корона не будетъ переходить въ женскую линію, развѣ только при недо-

Фердинандъ III, король Кастиліи (1230-52 г.).

статкѣ прямыхъ наслѣдниковъ. Фердинандъ III всю жизнь свою посвятилъ на борьбу съ невѣрными. Онъ былъ истиннымъ типомъ дѣятеля первой половины XIII вѣка, когда католическій идеалъ достигъ своего высшаго роста. Онъ посвятилъ себя на борьбу съ невѣрными, относясь къ этому дѣлу со всѣмъ энтузіазмомъ, къ которому былъ способенъ. Но онъ съ одинаковою ревностью боролся и съ безвредными евреями, къ которымъ былъ безпощаденъ; онъ неутомимо принялся за осуществленіе своего великаго замысла очистить Испанію отъ мавровъ, или по крайней мѣрѣ ограничить ихъ власть Гренадскими горами. Рѣшительное пораженіе онъ нанесъ мусульманамъ при Хересъ де-ла-Фронтера (въ 1233 году). Побѣда христіанъ была блистательная. Историки-поэты украсили эту битву всѣми цвѣтами фантазіи: по словамъ ихъ, самъ апостолъ Іаковъ, на бѣломъ конѣ, принималъ участіе въ этой битвѣ; побѣда стоила христіанамъ только одного человѣка, тогда какъ со стороны мусульманъ пало до 100 тысячъ. Теперь впервые христіанскія знамена показались въ Кордовѣ и Севильѣ. Фердинандъ взялъ послѣднюю, послѣ 15-мѣсячной осады, предоставивъ удалиться 300 тысячамъ мусульманъ изъ столицы эмира. Мусульмане держались только въ Гренадѣ въ углу Андалузіи. Фердинандъ велъ потомъ до самой смерти войны съ невѣрными, одерживая надъ ними побѣды. Этотъ государь слѣдовалъ жестокой политикѣ въ покоренныхъ странахъ по отношенію къ иновѣрцамъ. Онъ преслѣдовалъ, жегъ, мучилъ и изгонялъ всѣхъ мавровъ и евреевъ. Благодарная Церковь превознесла его до небесъ и сдѣлала Фердинанда святымъ, удовлетворяя голосу народа, но страна, конечно, не могла благодарить за то, что промышленные люди изгонялись только потому, что не исповѣдывали христіанской вѣры. Иновѣрное населеніе покинуло страну и удалилось въ оставшуюся за магометанами Гренаду, доставивъ ей этимъ избытокъ рукъ, тогда какъ христіанская часть страны обращалась въ пустыню.

Іаковъ I Завоеватель, король Аррагоніи (1213-76 г.). Такія-же услуги христіанскому дѣлу и ту же энергію оказывалъ современникъ Фердинанда святого, король Аррагоніи и Каталоніи, правнукъ Раймонда-Беренгарія, Іаковъ I Завоеватель (Don Jayme el Conquistador). Въ свое шестидесятилѣтнее царствованіе онъ велъ безпрерывную борьбу съ невѣрными. Но въ покоренныхъ земляхъ Іаковъ дѣйствовалъ со-

всѣмъ не такъ, какъ Фердинандъ. Онъ преслѣдовалъ не однѣ религіозныя цѣли, но также промышленныя и экономическія. Онъ не истреблялъ иновѣрцевъ и еретиковъ, а напротивъ старался населять города промышленными и трудолюбивыми людьми. Прежде всего Іаковъ завладѣлъ густо населенными Балеарскими островами. Завоеваніе этихъ острововъ было особенно полезно для аррагонцевъ, такъ какъ ихъ значительная торговля сильно страдала отъ магометанскихъ пиратовъ, которые здѣсь имѣли притоны и склады. Затѣмъ онъ отнялъ у мавровъ Валенсію, хотя и послѣ долгой и сопряженной съ большими потерями осады. Вообще Іаковъ Завоеватель одна изъ замѣчательнѣйшихъ личностей XIII столѣтія. Его взглядъ болѣе широкъ, чѣмъ у многихъ его современниковъ. Это человѣкъ не первой, а второй половины XIII столѣтія, когда проявился скептицизмъ, когда цѣли утилитарныя, экономическія и промышленныя начинаютъ, хотя и робко, преобладать надъ религіозными интересами. Его аррагонскій хроникеръ Раймондъ Мунтанеръ, хотя сравнительно и глубокій и основательный наблюдатель, не понялъ его. Онъ видѣлъ въ немъ средневѣковаго рыцаря, борца за христіанскую идею, героя борьбы съ маврами ([1]). Въ этомъ смыслѣ онъ и воспроизвелъ характеръ короля. Передъ нами Іаковъ весь на лицо; онъ храбръ, суевѣренъ, хитеръ, благочестивъ. А между тѣмъ этотъ благочестивый король въ 1246 году былъ отлученъ папою за то, что приказалъ отрѣзать языкъ епископу жиронскому Беренгарію, который позволилъ себѣ бранить его. Когда на Ліонскомъ соборѣ 1274 года онъ, несмотря на рѣшительныя настоянія первосвященника, отказался вносить въ папскую казну обычную дань, которую обѣщалъ платить его отецъ король донъ-Педро II, то папа, отказавшись короновать его, снова подвергнулъ его отлученію. Правда, такое отношеніе къ папству не мѣшало осуществленію программы Іакова, раз-

---

([1]) Оригинальныя изданія рѣдки—1558, Val. и др. Хроника его издана въ нѣмецкомъ переводѣ (Bibl. des literarischen Vereins) въ Штутгартѣ. Онъ собиралъ разсказы объ Іаковѣ, какъ участникъ событій, и передалъ ихъ въ первоначальномъ, сказочномъ видѣ. См. Очеркъ Средн. исторіографіи, стр. 111. У Мунтанера много матеріала для исторіи Прованса, ибо судьба провансальцевъ была долго связана съ исторіей Аррагоніи. Провансальскіе владѣтели до подчиненія Лангедока французской коронѣ, приносили присягу королямъ Аррагоніи.

считывавшаго исподоволь прогнать мусульманъ съ полуострова. Въ 1238 году въ сентябрѣ король взялъ Валенсію, въ 1266 году завоевалъ Мурсію, которую предоставилъ королю кастильскому. Онъ обѣщалъ участвовать въ крестовой экспедиціи въ 1248 году, но первая буря, отбросившая испанскихъ крестоносцевъ къ берегамъ южной Франціи, заставила Іакова отказаться отъ дальнѣйшихъ путешествій. Онъ понялъ, что можно быть вѣрнымъ католикомъ, не бывши крестоносцемъ. Ему наслѣдовалъ его сынъ, Педро III (1276—85 г.) въ сильной и уже могущественной Аррагоніи.

Альфонсъ X, король Кастиліи (1252-84 г.). «Fueros». Въ этомъ прошла вторая половина его царствованія. Тогда корону Кастиліи носилъ Альфонсъ X, сынъ и преемникъ Фердинанда святого. При немъ историческія условія Кастиліи совершенно измѣняются. Кастилія входитъ въ кругъ европейской политики. Происходя по женской линіи отъ гогенштауфеновъ, Альфонсъ X предъявилъ свои права на императорскую корону и долго носилъ ее, конечно номинально. Гораздо важнѣе его внутреннія дѣла. Его ученость, поэтическій талантъ и труды по части астрономіи, исторіи и философіи заслужили ему прозваніе „Мудраго“. Ученая дѣятельность и старанія усовершенствовать законодательство и народный языкъ составляютъ главную заслугу этого государя. Онъ первый приказалъ писать законодательные и оффиціальные документы на народномъ языкѣ, сдѣлавъ первый испанскій переводъ библіи. Онъ устроилъ обширныя обсерваторіи и старался уравнять первый кастильскій университетъ, переведенный отцомъ его изъ Валенсіи въ Саламанку, съ двумя главными европейскими университетами,—парижскимъ и болонскимъ. Но ученыя и поэтическія занятія не помѣшали Альфонсу рѣзать своихъ братьевъ и всячески притѣснять подданныхъ. Вообще въ немъ еще смѣсь типа средневѣковаго государя съ дѣятелемъ новаго времени. Въ его внутренней дѣятельности нельзя не видѣть политическаго духа новой исторіи. Онъ безпощадно попиралъ все, что оставалось отъ среднихъ вѣковъ, но попирая дурное, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ уничтожалъ много хорошаго. Своимъ законодательствомъ стремился къ попранію гражданскихъ правъ кастильцевъ и свободы совѣсти. Въ Кастиліи каждый округъ и каждый городъ имѣлъ свои собственные fueros (отъ латинскаго слова forum — площадь), то есть законы и судопроизводство.

Альфонсъ совершенно уничтожилъ это обычное право своимъ писанымъ законодательствомъ. Только три города сохранили собственные fueros; въ остальныхъ же Альфонсъ безусловно воспретилъ обычное право. Правда, этимъ онъ шелъ дальше своего вѣка. Онъ проводилъ одну идею, — идею необходимости римскаго права и успѣлъ ввести нивелирующія юридическія римскія начала во всемъ королевствѣ.

Вообще въ концѣ XIII столѣтія на Пиринейскомъ полуостровѣ, среди христіанскихъ государствъ, складываются начала правильной государственной жизни и вмѣстѣ съ тѣмъ упрочивается идея единства. Первое видно въ законодательной дѣятельности (Las siete partidas) Альфонса X Кастильскаго, въ конституціонномъ строѣ Аррагоніи; второе въ общности интересовъ, сосредоточенныхъ на уничтоженіи иновѣрнаго владычества. Этотъ государь находилъ время и для ученыхъ занятій; онъ составилъ цѣнныя астрономическія таблицы и изобразилъ намъ свою эпоху въ хроникѣ (Cronica general de España), не отличающейся, впрочемъ, литературными достоинствами. Здѣсь изложены тѣ обстоятельства, которыя скоро побудили къ реформамъ въ законодательствѣ. Его попытки въ такомъ родѣ были общимъ стремленіемъ тогдашнихъ европейскихъ народовъ. Но тутъ-же рядомъ является противоположное направленіе въ Аррагоніи.

Педро III, король Аррагоніи (1276-85 г.). Хустисія.

Кастилія стремилась къ уничтоженію мѣстныхъ особенностей; Аррагонія же развивала эти особенности съ такимъ успѣхомъ, что онѣ могли служить для упроченія въ будущемъ конституціи. Здѣсь преемникомъ Іакова I Завоевателя былъ молодой сынъ его донъ Педро III. Онъ послѣ „Сицилійскихъ вечеренъ“ въ 1282 г. поддержалъ возставшихъ, такъ какъ былъ женатъ на дочери покойнаго Манфреда, Констанціи, внучкѣ императора Фридриха II. Провозглашенный сицилійцами королемъ, онъ при общемъ энтузіазмѣ высадился на островѣ и вступилъ въ борьбу съ Карломъ I неаполитанскимъ и съ Римомъ, который стоялъ за французовъ. Мартинъ IV передалъ аррагонскую корону брату французскаго короля Филиппа IV Красиваго, Карлу де-Валуа. Этимъ онъ вызвалъ горожанъ и рыцарей на защиту національныхъ интересовъ и побудилъ составить унію въ виду французскаго нашествія. Изъ нея-то, можетъ быть вопреки желанію аррагонскаго короля, и вышла аррагонская конституція. Унія за поддержку правитель-

ства потребовала для себя политическихъ гарантій. Король готовъ былъ тогда на всѣ уступки. Къ сожалѣнію, унія представляя собою силу, уравновѣшивавшую могущество короля, грозила превратить конституціонную монархію аррагонцевъ въ феодальную олигархію. По смерти Педро III гранды уже предписали его преемнику Альфонсу III (1285—1291 г.) условія, очень выгодныя для бароновъ, на которыхъ они соглашались признать его королемъ. Они даже вступили потомъ въ переговоры съ внѣшними врагами и на сеймѣ въ Сарагоссѣ въ 1287 году настояли на политическихъ гарантіяхъ для членовъ уніи, нисколько не интересуясь остальными сословіями. Они вынудили у короля двѣ новыя привилегіи, которыми унія окончательно была признана чѣмъ-то въ родѣ государства въ государствѣ, съ лишеніемъ короля значительной доли его власти. Съ тѣхъ поръ ни одинъ изъ членовъ уніи не могъ быть подвергнутъ тюремному заключенію, тѣлесному наказанію или лишенію жизни безъ согласія такъ называемаго „хустисіи", верховнаго судьи, который имѣлъ разбирать въ Аррагоніи всѣ недоразумѣнія между королемъ и сословіями. Такой верховный судья избирался сначала только изъ аристократіи; впослѣдствіи же хустисіи встрѣчаются изъ лицъ городскаго сословія.

Обладая значительной долей власти въ государствѣ, хустисія представлялъ собой самыя существенныя преграды противъ произвола королей. Въ случаѣ неисполненія королемъ принятыхъ обязательствъ члены уніи заранѣе разрѣшались отъ присяги ему въ вѣрности и имѣли право избирать новаго короля. Такимъ образомъ хустисія становится истиннымъ повелителемъ Аррагоніи, раздавателемъ должностей и блюстителемъ народныхъ интересовъ. Для гарантіи правъ уніи было предоставлено 16 замковъ, куда унія назначала своихъ комендантовъ, присягнувшихъ не королю, а ей. Другая прерогатива состояла въ томъ, что совѣтъ короля, то есть его министры, былъ назначаемъ аррагонскими сословіями, которыя король обязанъ созывать разъ въ годъ, въ ноябрѣ мѣсяцѣ. Эти министры должны были присягать сословіямъ, а не королю. При такомъ рѣшительномъ ограниченіи королевской власти бароны принадлежавшіе къ уніи, понятно, пріобрѣли перевѣсъ надъ остальными, а это возбудило неудовольствіе и сопротивленіе даже въ самихъ рыцаряхъ предпочитавшихъ власть одного короля власти олигархическаго кружка, уніи. Но, не смотря на то, Аррагонія, пользуясь тѣмъ, что король терпѣлъ пораженія и со стороны Франціи, и со стороны

папы, и отъ неаполитанцевъ, наслаждалась политической свободой, которая вскорѣ привилась вообще ко всей Испаніи.

Когда на аррагонскій престолъ вступилъ Альфонсъ III, то онъ отказался принять прежнія условія, обременительныя для королевской власти. Тогда гранды взялись за оружіе и борьба продолжалась до самой смерти его (въ 1291 г.). Кортесы избрали въ преемники ему его старшаго брата, бывшаго сицилійскаго короля Іакова II, который долженъ былъ возвратить Сицилію снова королю неаполитанскому, примирился съ папою и анжуйскимъ домомъ. Іаковъ перестаъ поддерживать кастильскихъ выходцевъ, принцевъ де-ла-Серда, искателей кастильскаго престола, которые мутили и Кастилію и Аррагонію одинаково. Онъ правилъ до 1327 года.

Преемники Альфонса X въ Кастиліи.

Альфонсъ X король кастильскій имѣлъ двухъ сыновей: Фердинанда де-ла-Серда и Санчо; старшій умеръ при жизни отца, оставивъ двухъ сыновей Альфонса и Фердинанда. Являлся вопросъ, къ кому долженъ перейти престолъ: старшему въ родѣ — дядѣ, или старшему въ линіи, его племяннику, — по праву старшинства, или по праву первенства. Такъ какъ по обычаю, въ случаѣ смерти старшаго сына короля прежде отца, ближайшими наслѣдниками престола становились не дѣти умершаго, а слѣдующій за нимъ братъ, то и на этотъ разъ старшій въ родѣ, опираясь на обычай, вступилъ на кастильскій престолъ подъ именемъ Санчо IV, а принцы де-ла-Серда лишились короны. Но вдова Фердинанда, Бланка, дочь французскаго короля Луи святаго, протестовала и подняла вопросъ о незаконности избранія Санчо. Ея притязанія были поддерживаемы французскимъ королевскимъ домомъ, но перевѣсъ все же остался на сторонѣ Санчо, котораго поддержали кортесы и аррагонскій король Педро III. Послѣдній даже задержалъ у себя принцевъ де-ла-Серда, которые и были отпущены изъ Аррагоніи только при Іаковѣ II. По смерти Санчо IV въ 1295 г., безпорядки въ Кастиліи еще болѣе усилились, такъ какъ сынъ его Фердинандъ IV былъ еще ребенокъ. Претендентами на престолъ явились братъ покойнаго короля донъ Хуанъ и принцы де-ла-Серда. Папа также содѣйствовалъ безпорядкамъ въ Кастиліи, продолжая считать незаконнымъ бракъ покойнаго короля и только чрезъ шесть лѣтъ по смерти Санчо согласился признать новаго короля на кастильскомъ престолѣ.

Марія де-Молина.

Кастиліей въ это время управляла даровитая женщина, Марія де-Молина, мать малолѣтняго короля. Казалось, что подъ вліяніемъ обстоятельствъ, кастильскій престолъ долженъ былъ погибнуть, но регентша вышла побѣдительницей изъ неравной борьбы. Она оказалась способнѣе, энергичнѣе и проницательнѣе всѣхъ своихъ враговъ. Противъ нея составился союзъ изъ донъ-Хуана, Альфонса де-ла Серда и короля Аррагоніи; къ этому союзу примкнули также нѣкоторые могущественные феодалы и мусульманскій владѣтель Гренады. Но Марія нашла поддержку въ португальскомъ королѣ Діонисіѣ, который энергично принялъ сторону молодаго короля за уступку пограничныхъ земель и за двойной брачный союзъ съ кастильскимъ домомъ. Его дочь была помолвлена съ Фердинандомъ IV, а старшій сынъ его съ сестрою короля. Въ самой Кастиліи народъ былъ за регентшу, потому что она отмѣнила тяжелый налогъ на хлѣбъ. Сторонниковъ же принца де-ла Серда она сумѣла переманить на свою сторону, обѣщая имъ разныя преимущества; легко также можно было разстроить мусульманъ. Только аррагонскій король Іаковъ, подкупленный Франціей, остался вѣренъ принцамъ де-ла-Серда; но для военныхъ издержекъ ему пришлось установить у себя чрезвычайные налоги, что возбудило противъ него аристократію, которая заключила союзъ съ Маріей де-Молина и принудила Іакова примириться съ нею. Вмѣсто благодарности Фердинандъ, по достиженіи совершеннолѣтія, удалилъ мать отъ правленія, подстрекаемый къ этому дядей своимъ донъ-Хуаномъ. Съ соперниками же своими онъ заключилъ сдѣлку, хотя невыгодную для него. Участіе въ этомъ принялъ португальскій король Діонисій, который вмѣстѣ съ донъ Хуаномъ и сарагосскимъ архіепископомъ былъ третейскимъ судьей въ спорномъ дѣлѣ. Кончилось тѣмъ, что нѣсколько городовъ въ Мурсіи было уступлено Іакову II, а принцамъ де-ла-Серда дали денегъ и лены. Но Альфонсъ продолжалъ спорить, не желая принять лены подъ условіемъ отказа отъ королевскаго титула, который онъ уже успѣлъ присвоить. Онъ удалился во Францію еще до обнародованія договора и только чрезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ старшій сынъ его, родоначальникъ герцогскаго дома Медина Сидонія, подчинился условіямъ договора. Уладивъ это дѣло, Фердинандъ вмѣстѣ съ Іаковомъ аррагонскимъ возобновилъ борьбу съ невѣрными (въ іюлѣ 1309 года), начало которой было весьма удачно.

Въ этой борьбѣ погибъ самъ Фердинандъ IV въ 1312 году жертвою ненависти. Его нашли мертвымъ въ постели. Но таково было отвращеніе къ этому человѣку, что смерть его приписали ничему иному, какъ мести, или по крайней мѣрѣ связали ее сверхъестественнымъ образомъ съ только что совершеннымъ имъ убійствомъ. Арабскіе лѣтописцы прямо говорятъ, что онъ былъ умерщвленъ, но испанскіе сообщаютъ, что двое братьевъ, которыхъ король не за долго до своей кончины казнилъ безъ всякаго суда, передъ смертью призвали его на судъ Божій и что онъ внезапно умеръ въ тотъ самый день, какой они назначили.

Послѣ Фердинанда кастильскій престолъ долженъ былъ занять малолѣтній сынъ его, Альфонсъ XI (1312—1350 г.), а такъ какъ Фердинандъ не оставилъ распоряженій относительно регентства, то смерть его подала поводъ къ жаркимъ спорамъ. Та же Марія де-Молина, которая опекала сына, была опекуншею и внука. Но дяди малолѣтняго короля донъ Педро и донъ Хуанъ ссорились изъ-за власти и каждый изъ нихъ хотѣлъ овладѣть ребенкомъ. Въ Кастиліи, казалось, исчезъ всякій порядокъ; правительства не существовало; донъ Хуанъ воевалъ съ донъ-Педро, поддерживаемые каждый своею партіею; сословія и многіе города сохраняли авторитетъ и управлялись пока сами собою; государственные доходы попадали то въ тѣ, то въ другія руки и, такъ какъ кортесы рѣдко утверждали новые налоги, то правительство постоянно нуждалось въ деньгахъ. Потому города, корпораціи и частныя лица богатѣли, дѣлались самостоятельными и въ своей свободѣ доходили до распущенности. Чтобы сколько нибудь возстановить порядокъ, было наконецъ рѣшено раздѣлить регентство между обоими инфантами такъ, чтобы каждый изъ нихъ правилъ въ той части страны, гдѣ имѣлъ болѣе приверженцевъ.

Битва на Хенилѣ въ 1319 г.

Такимъ образомъ явилось два регентства и два правительства: одно на сѣверѣ, другое на югѣ, одно на западѣ, другое на востокѣ. Конечно при такомъ разстройствѣ дѣлъ Кастилія не могла слѣдить за мусульманами и терпѣла отъ нихъ постоянныя пораженія. Особенно сильное пораженіе потерпѣли кастильцы отъ Измаила въ битвѣ на рѣкѣ Хенилѣ. Здѣсь оба регента, родственники короля, были разбиты и убиты. Первымъ слѣдствіемъ этого пораженія были набѣги африканцевъ, помогавшихъ Измаилу стѣснить пограничныя кастильскія владѣнія, вслѣдствіе чего христіане потеряли нѣсколько

областей; вторымъ и самымъ пагубнымъ—возстановленіе спора за регентства. Теперь уже явилось четыре регента; на этотъ разъ кортесы, чтобы избавиться отъ дальнѣйшей анархіи, рѣшились объявить Альфонса совершеннолѣтнимъ и онъ вступилъ на престолъ подъ именемъ Альфонса XI въ 1324 году, имѣя только пятнадцать лѣтъ отъ роду.

Альфонсъ XI въ первые же дни пожертвовалъ ненависти народа однимъ изъ своихъ министровъ Хуаномъ Мануелемъ, на дочери котораго Констанціи хотѣлъ жениться. Онъ велѣлъ умертвить его во время пира и взявъ все его состояніе себѣ, отказался отъ невѣсты. Затѣмъ онъ женился на дочери португальскаго короля Альфонса IV, что впрочемъ не помѣшало ему обзавестись любовницей Элеонорой де-Гусманъ, отъ которой онъ имѣлъ восьмерыхъ дѣтей. Жена оказалась въ заточеніи, а также и законныя дѣти. Альфонсъ XI вообще былъ неразборчивъ въ средствахъ для достиженія своихъ цѣлей: для него всѣ средства были хороши, если были полезны. Его открытая связь съ Элеонорой, оскорбленія, наносимыя женѣ, вызвали враждебныя отношенія къ нему португальскаго короля. Не смотря однако на то, что королева терпѣла публичныя оскорбленія отъ фаворитки, —которая отняла у ея сына и предоставленныя ему земли и города, стараясь устранить его отъ престолонаслѣдія въ пользу своихъ родныхъ дѣтей,—она была настолько великодушна, что когда мавры напали на Кастилію, уговорила отца помириться съ мужемъ, чтобы дѣйствовать вмѣстѣ противъ непріятелей. Альфонсъ обѣщалъ удалить фаворитку и возвратить королевѣ всѣ ея права, чего, конечно, избавившись отъ опасности, не сдѣлалъ. Христіанамъ между тѣмъ грозила опасность; многочисленное войско мусульманъ приступило къ осадѣ Тарифы.

Битва на Rio Salado въ 1340 г.

Тогда три христіанскіе государя: кастильскій, аррагонскій и португальскій соединились и дали маврамъ рѣшительное сраженіе въ 1340 году на Солепой рѣкѣ (Rio Salado), въ которомъ одержали полную побѣду надъ невѣрными. Испанскіе лѣтописцы увѣряютъ, что въ этой битвѣ пало 200 тысячъ мусульманъ и всего 25 человѣкъ христіанъ, чему можетъ повѣрить только гасконецъ, тогдашній испанскій монахъ, или невѣжественный хронографъ; подъ сотнями тысячъ мусульманъ, надо разумѣть только десятки тысячъ, подъ единицами же христіанъ — сотни. Побѣдителямъ досталась богатѣйшая добыча, состоявшая въ драгоцѣнностяхъ, оружіи и разной утвари; ее

раздѣлили между собою кастильскій и аррагонскій короли, потому что португальскій король отказался отъ своей доли, удовольствовавшись одной славой. Затѣмъ послали подарки папѣ. Тогда въ Авиньонѣ брали за всякое предпріятіе, если только давали. Португальцы и аррагонцы тотчасъ послѣ битвы вернулись домой, но Альфонсъ XI продолжалъ бороться съ наемными войсками и одержалъ еще нѣсколько морскихъ побѣдъ надъ маврами. Но это стоило большихъ средствъ народу, обложенному громадными налогами. Подражая маврамъ, Альфонсъ ввелъ пятипроцентную пошлину на товары; эта пошлина называлась алькавала, что уже показываетъ заимствованіе ея отъ мавровъ. Хотя она была установлена единственно для войны съ послѣдними, но осталась навсегда, во многомъ повредивъ торговлѣ. Наконецъ, вытѣсняя мало по малу мусульманъ изъ ихъ владѣній, Альфонсъ XI осадилъ Гибралтаръ, ворота Испаніи, и довелъ уже этотъ городъ до послѣдней крайности, когда въ 1350 году умеръ отъ чумы. Но паденіе арабскаго владычества осталось только вопросомъ времени.—Теперь перенесемся въ мусульманскую половину Испаніи.

Арабская цивилизація.

Исторія пиринейскаго халифата въ средніе вѣка представляетъ вообще драматическій интересъ, хотя не обнимающій особенно широкую сферу. Предъ нами театральная оживленная сцена съ перемѣнчивыми страстями, пестротою, эффектами, неожиданными потрясеніями, блестящими декораціями южной природы, дворцами халифовъ, роскошными городами, обставленными всѣми удобствами жизни [1]. Халифы Кордовы отличались покровительствомъ наукѣ и представляли примѣръ утонченности жизни, проявлявшей рѣзкій контрастъ рядомъ съ положеніемъ европейскихъ государей. Говорятъ, что при эмирахъ Кордова хвалилась болѣе чѣмъ двумя стами тысячъ домовъ. Улицы Кордовы были отлично освѣщены и вымощены. Ей не уступали и другіе мусульманскіе города. Но эта жизнь, не смотря на весь культурный блескъ, имѣетъ значеніе условное. Для всеобщей исторіи роскошно

---

(1) Пособіями служатъ новые труды по исторіи мусульманскаго Востока: Кремера, Брауна и для Испаніи Шака. Срв. Le-Bon, La civil. des Arabes и Надлеръ, Культура арабовъ и ея выраженіе въ поэзіи и искусствѣ (Х. 1867). — Girauld de Prangey, Essai sur l'architecture des Arabes en Espagne et en Sicile. Bourgeois, Les arts arabes и пр.

развившаяся мусульманская цивилизація важна уже тѣмъ, что послужила предметомъ подражанія для христіанъ по сю сторону Пиринеевъ. Христіанскіе же государи полуострова не усвоили себѣ почти ничего изъ арабской культуры. Они были съ невѣрными въ постоянной борьбѣ, но это была столько-же борьба за идею, сколько за территорію. Христіанскіе короли отнимали у мусульманъ то, что издревле считали своимъ наслѣдіемъ. Часто вражда между мусульманами и христіанами была слабѣе, чѣмъ между христіанскими королями. Отъ этого происходило такого рода явленіе, что христіанскіе короли часто заключали союзы съ мусульманскими халифами. Самое рыцарство по мнѣнію иныхъ ученыхъ заимствовано отъ арабовъ. Удобства, комфортъ, роскошь внѣшняго быта во всякомъ случаѣ получили начало у арабовъ. Въ XII вѣкѣ мусульмане пользовались тѣми удобствами, которыя были перенесены въ Западную Европу лишь 400 лѣтъ спустя. Кордова, Гренада, Севилья, Толедо были самыми удобными и роскошными городами въ цѣломъ свѣтѣ. Дворцы халифовъ были великолѣпно украшены. „Мусульманскіе повелители могли съ надменнымъ презрѣніемъ смотрѣть на жилища властителей Франціи, Англіи и Германіи, которые не имѣли никакого понятія объ удобствахъ. Испанскіе магометане принесли съ собой всю роскошь и расточительность Азіи. Ихъ дворцы или стройно высились къ голубому небу, или таились въ глубинѣ рощъ. Мраморные полированные балконы этихъ дворцовъ висѣли надъ померанцевыми садами; на дворахъ били каскады воды; тѣнистыя убѣжища манили къ дремотѣ въ жаркіе дни; внутреннія залы со сводами и разрисованными стеклами украшены были золотомъ; полъ и стѣны ихъ представляли собою великолѣпную мозаику. Здѣсь били серебряные фонтаны, которые выбрасывали сверкающія брызги воды, при чемъ блестящія капли падали съ тихимъ звукомъ, подобнымъ звуку маленькихъ колокольчиковъ; тамъ—комнаты, въ которыхъ лѣтомъ прохладный вѣтерокъ вѣялъ изъ цвѣтниковъ чрезъ вентилирующія башенки, которыя зимою нагрѣвались глиняными трубами, заложенными въ стѣнкахъ, такъ что комнаты наполнялись воздухомъ нагрѣтымъ снизу и надушеннымъ въ этихъ тайныхъ проходахъ. Стѣны не покрывались панелями, но украшались арабесками и живописью, которая изображала различныя сельскія сцены и райскіе виды. Подъ потолками, вокругъ которыхъ шли чеканные, золотые кар-

низы, висѣли большія люстры, изъ которыхъ одна была, говорятъ, такъ велика, что въ ней помѣщалось болѣе тысячи лампъ. Группы тоненькихъ нѣжныхъ мраморныхъ колоннъ, поддерживали тяжесть гигантскаго дворца. Мебель была изъ сандальнаго и лимоннаго дерева, выложеннаго перламутромъ, слоновой костью, серебромъ или украшеннаго рельефами изъ золота, ляписъ-лазури и малахита. Вазы изъ горнаго хрусталя и цвѣтнаго мрамора, превосходные мозаичные столы разставлены были въ изящномъ безпорядкѣ. Зимнія комнаты обиты были богатыми обоями; полы устилались вышитыми персидскими коврами. Подушки и диваны разставлялись кругомъ залъ, накуренныхъ ладономъ". Таковъ былъ дворецъ Абдеррахмана III, гдѣ онъ принималъ свою любимую султаншу. Это зданіе имѣло 1200 колоннъ изъ греческаго, итальянскаго, испанскаго и африканскаго мрамора. Зала для аудіенцій была украшена золотомъ и жемчугомъ. По длиннымъ корридорамъ сераля этого дворца тихо скользили черные евнухи. Число всѣхъ служителей было болѣе 6300 человѣкъ. Собственная стража халифа состояла изъ 12000 человѣкъ всадниковъ, сабли и перевязи которыхъ блестѣли золотомъ. Этотъ самый Абдеррахманъ, который послѣ славнаго пятидесятилѣтняго царствованія, вздумавъ сосчитать свои счастливые дни, могъ насчитать только 14 дней—„О человѣкъ, воскликнулъ съ горечью халифъ, не вѣрь этому міру!"

Арабскій архитекторъ, намѣренно скрывая отъ глазъ все живое, хотѣлъ сосредоточить вниманіе только на своемъ творчествѣ; изображеніе человѣческихъ формъ запрещалось религіей, и потому воображеніе, лишенное этого матеріала для украшенія, изобрѣло причудливыя арабески; строитель пользовался всякимъ случаемъ замѣнить запрещенныя созданія искусства всевозможными украшеніями и рѣдкостями садовъ. Поэтому у арабовъ никогда не было художниковъ; религія отвращала ихъ отъ красоты и дѣлала изъ нихъ солдатъ, философовъ и дѣловыхъ людей. За то сарацинамъ мы много обязаны въ нашемъ домашнемъ комфортѣ. Пріученные къ опрятности правилами своей религіи, они не могли, по обычаю европейскихъ туземцевъ, носить платье, не перемѣняя до тѣхъ поръ, пока оно не развалилось вполнѣ, накопивъ гнусную массу насѣкомыхъ, грязи и вони. Ни одинъ арабъ говоритъ историкъ культуры, который былъ-бы государственнымъ лицомъ или министромъ своего государя, не пред-

ставилъ бы послѣ смерти такого зрѣлища, какъ трупъ Томаса Бекета, когда съ него сняли его власяную рубашку; какъ извѣстно, прелатъ заживо былъ почти заѣденъ червями.

Покровительство халифовъ образованію.

Также благодѣтельно было вліяніе арабовъ на духовную дѣятельность Европы. Библіотеки были необходимой принадлежностью дворцовъ халифовъ. Библіотека халифовъ Кордовы была такъ обширна, что одинъ ея каталогъ состоялъ изъ сорока томовъ. Въ этомъ дворцѣ были особыя комнаты для переписыванія, переплета и украшенія рукописей. Вкусъ къ каллиграфіи и красиво разрисованнымъ рукописямъ у халифовъ Азіи и Испаніи предварилъ, кажется, любовь итальянцевъ къ ваянію и живописи. Испанскіе халифы, подражая примѣру своихъ азіатскихъ товарищей, радикально расходясь въ этомъ съ римскими папами, не только покровительствовали знанію, но и сами лично занимались съ усердіемъ науками. Одинъ изъ нихъ былъ авторомъ сочиненія объ изящной литературѣ, состоявшаго почти изъ пятидесяти томовъ; другой написалъ трактатъ объ алгебрѣ. Когда музыкантъ Заріабъ прибылъ съ Востока въ Испанію, халифъ Абдеррахманъ III самъ выѣхалъ къ нему на встрѣчу. Училище музыки въ Кордовѣ поддерживалось щедростью правительства; тамъ образовалось, говорятъ, много знаменитыхъ музыкантовъ, повліявшихъ на развитіе музыки на Западѣ и снабдившихъ Европу черезъ посредство крестоносцевъ лютней и гитарой, литаврами и трубами.

Арабы старательно собирали и переводили на свой языкъ греческихъ философовъ, но никогда не переводили великихъ греческихъ поэтовъ. Ихъ религіозное чувство и скромный характеръ внушали имъ отвращеніе къ эротическимъ сюжетамъ классической миѳологіи и возбуждали въ нихъ негодованіе на сопоставленіе развратнаго олимпійца Юпитера съ невидимымъ Богомъ, что казалось имъ страшнымъ богохульствомъ. Гарунъ-ар-Рашидъ удовлетворилъ своему любопытству, приказавъ перевести великую эпопею грековъ на арабскій языкъ. Не смотря на такое отвращеніе отъ прелестной, но не безукоризненной древней поэзіи, у арабовъ получили начало тенсоны, или поэтическіе диспуты, доведенные впослѣдствіи до совершенства трубадурами. Утонченное общество Кордовы гордилось изяществомъ обращенія. Домашнія веселыя развлеченія перешли отъ „невѣрныхъ“ женщинъ къ ихъ сестрамъ

по ту сторону горъ; югъ Франціи наполнился очарованіемъ женской прелести и танцами подъ звуки лютни и мандолины. Даже въ Италіи и Сициліи любовная пѣсня сдѣлалась любимой формой литературы и отъ этихъ геніальныхъ, но не ортодоксальныхъ началъ развилась новѣйшая изящная литература Европы. „Эта пріятная эпидемія охватила постепенно каждый холмъ и каждую долину, говоритъ Дреперъ. Въ монастыряхъ, голоса, посвященные безбрачію, распѣвали стансы, которые едва ли бы одобрилъ св. Іеронимъ". Степенные старцы Кордовы обращались къ верховному судьѣ съ просьбою о запрещеніи пѣсенъ испанскаго еврея Авраама-Ибнъ-Сагала, потому что въ городѣ не оставалось ни одного молодаго человѣка, ни одной женщины, ни одного ребенка, которые не повторяли-бы ихъ наизусть. Безнравственное направленіе этихъ пѣсенъ было общественнымъ скандаломъ. Легкая испанская веселость отражалась даже въ болѣе грубыхъ нравахъ. Этотъ веселый духъ перешелъ на сѣверъ съ нѣкоторою грубостью, такъ что немного спустя послѣ этого, въ половинѣ XIII столѣтія, оксфордскій архидіаконъ, упражняясь въ латинскихъ стихахъ, припѣвалъ: „mihi sit propositum in taberna mori", но только этимъ и проявилъ католическій прелатъ свое знакомство съ арабской поэзіею. Еще въ десятомъ вѣкѣ люди, любившіе науки и изящныя удовольствія, отправлялись изъ сосѣднихъ странъ въ Испанію; это обыкновеніе еще больше укоренилось знаменитымъ примѣромъ блестящаго успѣха Герберта, учившагося въ университетѣ невѣрныхъ въ Кордовѣ и достигшаго папскаго достоинства. Есть основаніе думать, что онъ же ознакомилъ Европу съ арабской нумераціей. Это заключаютъ изъ его письма къ императору Оттону II, въ которомъ онъ намекаетъ на нуль, замѣчая что если помѣстить этотъ знакъ послѣ другихъ цифръ, то онъ увеличитъ данное число въ десятеро. „Я пусть буду, прибавлялъ Гербертъ съ благородной скромностью, послѣдней цифрой во всѣхъ числахъ". Это было незамѣнимое благодѣяніе для процвѣтанія положительныхъ наукъ.—На состояніи послѣднихъ у арабовъ мы должны остановиться.

Успѣхи математики и астрономіи у арабовъ.

Арабы признавали, что они обязаны своими математическими познаніями двумъ источникамъ, греческому и индійскому, но они значительно усовершенствовали ихъ. Азіатскіе халифы заботились о томъ, чтобы достать переводы Эвклида,

Аполонія, Архимеда и другихъ греческихъ геометровъ. Альмоймонъ въ письмѣ къ императору Θеофилу выражаетъ желаніе посѣтить Константинополь, если-бы ему позволили. „Пусть различіе религій и странъ не помѣшаетъ вамъ согласиться на мою просьбу, говорилъ умный халифъ; сдѣлайте то, что вы сдѣлали бы для другихъ. Въ замѣнъ этого я предлагаю вамъ сто фунтовъ золота, вѣчный союзъ и миръ“. Византіецъ сурово отказалъ въ этой просьбѣ, говоря, что ученость, прославившая римское имя, никогда не можетъ быть раздѣлена съ варваромъ. Отъ индусовъ арабы заимствовали цифры и ариθметику; они всегда называли счетъ „индійской нумераціей“, а свои сочиненія по этому предмету именовали „правилами индійской ариθметики“. Это удивительно простое счисленіе посредствомъ девяти цифръ и нуля, произвело совершенный переворотъ въ математикѣ и въ ариθметическихъ вычисленіяхъ. Арабы и на этомъ оставили свой слѣдъ: слово цифра (Ziffer и пр.) происходитъ отъ арабскаго tsaphara или ciphra, бывшаго названіемъ нуля. Могамедъ-бенъ-Муса, котораго считаютъ самымъ первымъ изъ арабскихъ математиковъ по алгебрѣ и тригонометріи, который открылъ разрѣшеніе уравненій второй степени и ввелъ синусы вмѣсто хордъ, писалъ также объ этой индійской системѣ. Онъ жилъ въ концѣ IX вѣка. Ибнъ Джунисъ, опредѣлившій Юпитера и Сатурна, открылъ маятникъ, составилъ астрономическую таблицу и пользовался ею въ своихъ астрономическихъ работахъ. Арабское слово algorithum навсегда осталось въ математикѣ. Арабы давно также отличались въ приложеніи математики къ математической географіи и къ физикѣ. Альмоймонъ съ замѣчательною точностью опредѣлилъ наклоненіе эклиптики. Онъ опредѣлилъ также величину земли посредствомъ измѣренія градуса на берегу Краснаго моря. Гипотеза, предполагавшая истинное понятіе о формѣ земли, не сходилась съ тогдашними каноническими представленіями. Въ то время, когда въ Константинополѣ и Римѣ принималось во всей его цѣлѣности ученіе о плоскости земли, испанскіе мавры учились географіи въ своихъ народныхъ школахъ по глобусамъ. Гербертъ также употреблялъ въ своей Реймской школѣ глобусъ, привезенный имъ изъ Кордовы, а одинъ изъ арабскихъ географовъ сдѣлалъ серебряный глобусъ для Рожера II сицилійскаго. Изъ болѣе замѣчательныхъ задачъ, разрѣшенныхъ арабами, можно упомянуть опредѣленія астрономическаго года; точность астроно-

мическихъ наблюденій была увеличена великимъ открытіемъ атмосферическаго преломленія лучей Альгазеномъ въ началѣ XII вѣка, о заслугахъ котораго мы скажемъ особо. Нѣкоторые изъ астрономовъ составляли таблицы; другіе писали объ измѣреніи времени, объ усовершенствованіи часовъ, для которыхъ арабы въ первый разъ примѣнили маятникъ; третьи — объ инструментахъ, напр. объ астролябіи. Возникновеніе астрономіи въ христіанской Европѣ приписывалось переводу сочиненій Магомета Фаргани. Арабы первые также въ Европѣ построили обсерваторію. Въ Севильѣ, въ 1196 году, для этой цѣли была сооружена, подъ руководствомъ спеціалистовъ математиковъ, башня Джиральда. Судьба этой башни очень характеристична. Послѣ изгнанія арабовъ, она была обращена въ колокольню; испанцы не могли придумать для нея другаго примѣненія. Арабы оставили на небѣ свой умственный отпечатокъ; это признаетъ всякій, кто прочтетъ имена звѣздъ на обыкновенномъ небесномъ глобусѣ ([1]).

Научныя заслуги Альгазена.

Между арабскими учеными были замѣчательные энциклопедисты, напримѣръ Альгазенъ, жившій въ началѣ XII вѣка, сдѣлавшій открытія въ разныхъ научныхъ областяхъ. Его сочиненія объ оптикѣ были переводимы на латинскій языкъ. Въ противоположность древне-греческимъ теоріямъ, онъ доказалъ, что лучи свѣта идутъ отъ внѣшнихъ предметовъ къ глазу, а не наоборотъ, что главный пунктъ зрѣнія находится въ сѣтчатой оболочкѣ глаза и что отъ нея свѣтовыя впечатлѣнія передаются мозгу зрительнымъ нервомъ. Онъ же объяснилъ свѣтовыя иллюзіи. Онъ зналъ, что плотность атмосферы уменьшается съ увеличеніемъ высоты и безвоздушныя сферы считалъ на 58 миль выше земной атмосферы. Онъ выяснилъ тяжесть атмосферы въ связи съ ея плотностію, а равно соотвѣтственную разницу въ вѣсѣ тѣлъ въ разныхъ слояхъ атмосферы. Онъ опредѣлилъ довольно точно плотность различныхъ тѣлъ, хотя таблица удѣльнаго вѣса была составлена еще до него арабомъ Абуръ-Райханомъ. Онъ признавалъ силу притяженія въ земныхъ предметахъ, хотя не зналъ, поясняетъ Дрэперъ, что она дѣйствуетъ и по отношенію небесныхъ планетъ. Тотъ же Альгазенъ признаетъ послѣдо-

---

([1]) Дрэперъ. Ист. умств. разв. Европы; II, 31—46. Страницы объ арабахъ самыя увлекательныя у этого всесторонне образованнаго писателя.

вательность развитія человѣческой организаціи, при чемъ оговаривается, что это не значитъ, что будто человѣкъ былъ сначала воломъ, потомъ измѣнился въ осла, сдѣлался лошадью, сталъ обезьяной и только послѣ преобразился въ высшее твореніе. Онъ прибавляетъ, что такъ могутъ думать только непосвященные невѣжды.

Медицина. Другая страсть арабовъ была къ медицинѣ, о чемъ мы говорили ранѣе (I, 494). Авицена (по-арабски Абу-Ибнъ-Сина), замѣчательный врачъ и философъ, Аверроэсъ (Ибнъ-Рошдъ) изъ Кордовы, лучшій комментаторъ Аристотеля, стремились согласовать философію эллинскую съ ученіемъ Корана; ему же приписывается открытіе солнечныхъ пятенъ. Основною мыслью его философіи было численное единство человѣческихъ душъ, хотя и распредѣленное между милліонами существъ. Абу-Османъ писалъ по зоологіи; Разесъ, Аль-Аббасъ и Аль-Бейтаръ—о ботаникѣ. Ибнъ-Зоаръ, болѣе извѣстный подъ именемъ Авензоара, можетъ считаться авторитетомъ въ мавританской фармацевтикѣ. Изданы были фармакопеи, улучшенныя послѣ старыхъ несторіанскихъ, и имъ можетъ быть приписано введеніе многихъ арабскихъ словъ, которые еще и теперь употребляются нашими аптекарями (syrup, elixir и др.). Арабы первые приложили химію къ медицинѣ. Хирургія не отставала у нихъ отъ терапіи. Альбуказисъ изъ Кордовы не боялся дѣлать самыя рискованныя операціи, какъ хирургическія такъ и акушерскія; прижигательныя средства, извѣстныя теперь, и ножъ употреблялъ онъ безъ всякаго колебанія. Онъ оставилъ намъ обширныя описанія употреблявшихся тогда хирургическихъ инструментовъ; отъ него же узнаемъ, что для операцій надъ женщинами, въ коихъ требовалась извѣстная деликатность, обезпечены были услуги женщинъ, наученныхъ этому искусству.

Культура арабовъ. Нельзя отрицать, что арабы много сдѣлали, благодаря греческимъ предшественникамъ. Самъ Коранъ не благопріятствовалъ просвѣщенію. Толчекъ былъ данъ греческою философіею, которая породила высокую культуру на неблагопріятной почвѣ. Но въ средѣ арабовъ было много и самостоятельныхъ ученыхъ, потому что они выработали научный методъ. Такъ Альгацали въ XI вѣкѣ говорилъ, что достовѣрное знаніе должно быть такимъ, чтобы относительно

изслѣдуемаго предмета не оставалось больше никакихъ недоумѣній и чтобы въ будущемъ невозможны были никакія ошибки или догадки, ибо „знаніе безъ увѣренности не заслуживаетъ имени знанія“. Еще болѣе, чѣмъ въ высшихъ отрасляхъ науки, мы обязаны испанскимъ маврамъ въ промышленныхъ и техническихъ искусствахъ. Мавры дали Западу способы усовершенствованія земледѣлія. Имъ обязаны мы культурой многихъ важныхъ продуктовъ, напр. риса, сахара, хлопчатой бумаги и почти всѣхъ садовыхъ и огородныхъ плодовъ; имъ же обязана Испанія обработкой шелка. Они ввели египетскую систему орошенія съ помощію шлюзовъ, водяныхъ колесъ и насосовъ. Они усовершенствовали также многія важныя отрасли промышленности, улучшили произведенія фабрикъ ткацкія, глиняныя, стальныя и желѣзныя. Они знали водяные часы и пользовались маятникомъ для измѣренія времени. Они ввели также въ употребленіе изобрѣтеніе болѣе ужаснаго свойства—порохъ и его примѣненіе. Впрочемъ за это изобрѣтеніе, замѣчаетъ одинъ историкъ, они можетъ быть вознаградили съ избыткомъ устройствомъ морскаго компаса. Упоминаніе о компасѣ естественно приводитъ къ заключенію, что испанскіе арабы очень интересовались торговыми предпріятіями; къ этому же выводу приводятъ извѣстія о доходахъ нѣкоторыхъ халифовъ. Доходы Абдеррахмана III оцѣниваются напр. въ $5\frac{1}{2}$ милл. фунт. стерл., сумма соотвѣтствующая 50 милліонамъ рублей; при тогдашней цѣнности, эта сумма превосходила, вѣроятно, доходы всѣхъ тогдашнихъ европейскихъ государствъ взятыхъ вмѣстѣ. Чрезъ Барцелону и другіе порты велась торговля съ Левантомъ, Китаемъ и Индіею; районъ торговыхъ сношеній, направляясь отъ Чернаго моря и восточной части Средиземнаго во внутренность Азіи, достигалъ до Персіи, Индіи, Китая, и по африканскому берегу доходилъ до самого Мадагаскара. Просвѣщенные мавры писали трактаты объ обычаяхъ и правилахъ торговли и промышленности. Такъ высока была культура арабовъ въ XII и XIII вѣкѣ даже сравнительно съ современной намъ христіанской Европою.

---

6) Образованность, схоластика и поэзія въ XIII вѣкѣ. Записки путешественниковъ о татарскихъ нашествіяхъ. Географическія открытія; энциклопедіи и космографіи.— Католицизмъ въ поэмѣ Данте.

Духовная жизнь исторической эпохи проявляется въ философскихъ и поэтическихъ литературныхъ произведеніяхъ. Если литература есть продуктъ нравственной и умственной жизни общества, то она не можетъ быть изучаема безъ знакомства съ философскими стремленіями. Но никогда литература не вступала въ такія тѣсныя связи съ философіей, какъ въ поэтическихъ произведеніяхъ XIII столѣтія, а особенно въ поэмѣ Данте. Двое мыслителей оказали на схоластику весьма сильное вліяніе. То были Альбертъ Великій (doctor universalis) и Ѳома Аквинскій (d. angelicus). Другіе замѣчательные современники, какъ итальянецъ Іоаннъ Фиданца, мистикъ по направленію, прославленный Церковью подъ именемъ св. Бонавентуры (doctor seraphicus), англичанинъ Рожеръ Бэконъ, извѣстный своими открытіями въ оптикѣ (doctor mirabilis), и каталонецъ Раймундъ Луллій, алхимикъ, упростившій изученіе схоластики (doctor illuminatus), — не обладали такимъ сильнымъ геніемъ чтобы увлечь за собою умы.

Альбертъ Великій (1193-1280 г.). Вліяніе на умы и на образованность дѣлится между Альбертомъ и Ѳомою. Одинъ содѣйствовалъ успѣху эмпирическихъ знаній, другой подвизался въ области умозрительной. Первый былъ нѣмецъ по происхожденію, второй — итальянецъ. Оба они жили въ одно время и были близки между собою; впрочемъ Альбертъ былъ старше Ѳомы на 30 лѣтъ, хотя умеръ шестью годами позже послѣдняго. Альбертъ происходилъ изъ богатаго и стараго графскаго рода фонъ-Болльштедтъ. Склонность и семейныя обстоятельства заставили его въ 1223 году пойти въ монахи еще во время научныхъ занятій въ Падуѣ. Онъ избралъ доминиканскій орденъ, который тогда только что пріобрѣлъ славу. Онъ отправился пѣшкомъ — какъ путешествовали обыкновенно монахи—сначала въ Болонью, обратно въ Падую, потомъ въ Кельнъ учиться богословію и философіи. Въ Кельнѣ, Фрейбургѣ и Регенсбургѣ онъ началъ свою профессорскую дѣятельность. Въ средніе вѣка парижскій

университетъ былъ центромъ образованности. Всѣ тогдашнія ученыя знаменитости прошли черезъ высшую школу Парижа. Мы говорили какъ тамъ гремѣло имя Абеляра (I, 603—606) въ первой половинѣ XII вѣка. Туда въ 1245 году направился Альбертъ съ цѣлью получить званіе магистра. Ему тамъ пришлось дѣйствовать послѣ Абеляра сто лѣтъ спустя. Пріобрѣтя славу проповѣдника, онъ получилъ право чтенія лекцій въ качествѣ профессора метафизики и богословія. Онъ, подобно Абеляру, придерживался скорѣе номинализма, чѣмъ реализма и имѣлъ успѣхъ столь же громкій. Но слава его заключается не въ этомъ. Широта философскаго пониманія ввела его въ тѣ новыя духовныя сферы, которыя были закрыты для Абеляра. Онъ писалъ и училъ въ пользу развитія опытныхъ знаній, подрывая тѣмъ исключительность умозрительнаго направленія. Къ этому привело его изученіе подлиннаго Аристотеля, давно знакомаго арабамъ. Образъ Альберта производилъ могучее обаяніе па современниковъ; умственныя силы проявились въ немъ въ высшей степени. Одному человѣку, по убѣждепію средневѣковыхъ людей, такая подавляющая масса разнообразпыхъ свѣдѣній могла быть дарована только свыше. Эта мысль сказалась въ одной художественной легендѣ, въ основу которой положенъ общій мотивъ о внезапномъ полученіи могущества и силы, аналогично съ богатырями народной поэзіи ([1]). По этому преданію, наука съ трудомъ давалась Альберту въ бытность его болонскимъ студентомъ. Онъ не отличался будто ни памятью, ни способностью усвоивать предметы. Разъ предстала передъ нимъ сама Мадонна, сопровождаемая тремя небесными женами. Онѣ обѣщали исполнить всякую его просьбу въ награду за благочестіе и праведную жизнь. Молодой человѣкъ обратился съ мольбой къ Богородицѣ, дабы она ниспослала ему земную мудрость и всевѣдѣніе. Хотя Богоматерь предпочла бы снабдить Альберта даромъ усвоенія небесной созерцательной мудрости, но, исполняя данное обѣщапіе, благословила его на свѣтскія знанія, оговоривъ только что незадолго до смерти онъ забудетъ все что знаетъ и обратится въ ребенка. Альбертъ изъ жажды къ знанію согласился на все. Пророчество, къ сожалѣнію, оправдалось. Альберта постигъ параличный

(1) А. И. Кирпичниковъ, Ист. среднев. лит. (Пет. 1885), 470.

ударъ и впродолженіе трехъ лѣтъ до самой смерти онъ влачилъ жалкое существованіе.

Парижскій университетъ. Нельзя не удивляться обилію ученыхъ трудовъ Альберта. Онъ по справедливости заслужилъ имя Аристотеля среднихъ вѣковъ (¹). Онъ привлекалъ въ Парижѣ массы слушателей. Онъ училъ тамъ, недалеко отъ доминиканскаго монастыря, на площади, которую онъ излюбилъ и которая съ тѣхъ поръ стала называтьси площадью магистра Альберта, place de maître Albert, названіе теперь сохранившееся въ сокращенномъ „place Maubert". Около него всегда можно было видѣть сосредоточенныя фигуры двухъ чужестранныхъ монаховъ: одинъ, въ бѣлой рясѣ доминиканца, былъ итальянецъ Ѳома изъ Аквино, другой въ сандаліяхъ, кордильеръ, никогда не улыбавшійся,—англичанинъ Рожеръ Бэконъ. Тогда въ парижскомъ университетѣ, существовавшемъ на основаніи статутовъ 1200 года, богословскій факультетъ успѣлъ обособиться отъ юридическаго и медицинскаго, имѣлъ отдѣльнаго декана, и только ректоръ, избираемый профессорами и учащимися, продолжалъ объединять подъ своимъ главенствомъ весь университетъ, хотя скорѣе номинально, чѣмъ на дѣлѣ. Всѣ профессоры были обыкновенно монахи, что не мѣшало имъ, въ томъ числѣ и Альберту, касаться кромѣ богословія и другихъ предметовъ. Впрочемъ клерикальное направленіе преобладало; слушатели богословскаго факультета превосходили численностью количество студентовъ другихъ отдѣленій. Что ученіе парижскихъ профессоровъ распространялось среди огромной массы—можно заключить изъ того, что общее число студентовъ, равнявшееся третьей доли всего населенія столицы, въ то время превосходило 20 тысячъ человѣкъ. Студенты держали часто Парижъ въ своихъ рукахъ, угрожая правительству оставить городъ и разорить его въ экономическомъ отношеніи въ случаѣ нарушенія привилегій и уставовъ королемъ (²).

(¹) Кромѣ общихъ сочиненій по средневѣковой философіи, какъ Прантля, Каулиха, Штекля, Вернера, Франка, Юбервега, Русслo, Эберта (см. I, 599), Риттера, француза Горо, изсл. Келера (о номинализмѣ и реализмѣ въ ихъ вліяніяхъ), см. спеціальныя монографіи: I. Sighart (Alb. Magnus, Reg. 1857) и Octave d'Assailly (Albert le Grand. L'ancien monde devant le nouveau. P. 1870).

(²) De-Bulet. Histoire de l' Université de Paris.

Сочиненія и открытія Альберта.

Среди такой массы людей жаждущихъ знанія, Альбертъ впервые сталъ распространять понятія о природѣ и началахъ естествознанія. Онъ читалъ по Аристотелю, который былъ извѣстенъ тогда въ латинскомъ переводѣ арабскаго текста Авицены. Плодомъ этихъ чтеній остался 21 фоліантъ „Энциклопедіи", какъ слѣдуетъ называть эту грандіознѣйшую работу средневѣковья. Она имѣла универсальный характеръ и тщательно придерживалась порядка изложенія Аристотеля, о чемъ Альбертъ заявляетъ въ предисловіи. Но въ каждой книгѣ встрѣчались и самостоятельныя изысканія великаго мыслителя. Мы остановимся на содержаніи этихъ книгъ, которыя служили единственною ученою пищею въ теченіе всѣхъ среднихъ вѣковъ для всякаго кто интересовался природою.

Первыя восемь книгъ „De Coelo et mundo" посвящены физикѣ; сюда вошло также физическое описаніе земли и астрономія. Альбертъ, слѣдуя Аристотелю, трактуетъ о строеніи поверхности земнаго шара въ „De natura locorum", въ трактатѣ очень высоко цѣнимомъ Гумбольдтомъ въ „Космосѣ" (¹). Въ этихъ книгахъ Альбертъ подпимаетъ вопросъ о магнитѣ и намагниченной стрѣлкѣ; затѣмъ говоритъ о метеорахъ, аэролитахъ и минералахъ, при чемъ избѣгаетъ господствовавшихъ взглядовъ на значеніе алхиміи, даже совершенно устраняя ее. Онъ трактуетъ между прочимъ о зависимости климата отъ географической широты и отъ возвышенности надъ уровнемъ моря, а также о вліяніи угловъ паденія солнечныхъ лучей на нагрѣваніе почвы. Вмѣсто того чтобы говорить о сочетаніи и превращеніи камней и веществъ, — что только тогда и цѣнилось — Альбертъ ограничивается классификаціей и описаніемъ камней и металловъ, сознавая что только такое изложеніе принесетъ пользу его ученикамъ.

Подобные же пріемы Альбертъ примѣняетъ къ царству животному и растительному.

„De animalibus" считается лучшею и наиболѣе самостоятельною частью гигантской работы Альберта, составляя шестой фоліантъ его труда. Къ 19 книгамъ Аристотеля онъ присоединилъ девять своихъ. Онъ начинаетъ съ зоотоміи, всегда проводя параллель между строеніемъ скелета животныхъ и человѣка. Надо замѣтить, что если въ то время вскрытіе тру-

---

(¹) Ал. фонъ-Гумбольдтъ. Космосъ. Пер. Н. Фролова (3 части П. и М. 1848—63); II, 229. — Opera Alberti изд. въ 1651 г. въ 21 f.

повъ — благодаря первымъ смѣлымъ опытамъ медицинской школы въ Монпелье — не было уже рѣдкостью, то во всякомъ случаѣ великою смѣлостью со стороны монаха представляется попытка добиваться общихъ основныхъ формъ въ строеніи тѣла и отдѣльныхъ органовъ человѣка и животныхъ. Онъ распредѣляетъ животныхъ какъ въ климатическомъ отношеніи, такъ по ихъ образу жизни и по характеру. Послѣ описанія строенія костяка, онъ переходитъ къ мускуламъ, нервамъ и сосудамъ. Нервы онъ выводитъ изъ головнаго мозга, слѣдитъ за ихъ развѣтвленіями, а кровеносную систему излагаетъ гораздо полнѣе Аристотеля. Главы о физіогномикѣ и характерахъ являются уже совершенно самостоятельными, тѣмъ болѣе что Альбертъ первый сдѣлалъ попытку объяснить тѣ или другія нравственныя особенности индивидуума внѣшними выпуклостями черепа. Въ 20 и 26 книгахъ „De animalibus“ видимъ попытку установить послѣдовательность развитія организмовъ. Смѣлый естествоиспытатель старается прослѣдить рядъ ступеней въ умаленіи животныхъ органовъ по мѣрѣ отдаленія ихъ отъ органовъ человѣка. Въ пяти остальныхъ книгахъ изложена систематика животныхъ. Здѣсь Альбертъ даетъ матеріалъ гораздо болѣе значительный, чѣмъ Аристотель, такъ какъ вводитъ въ кругъ изслѣдованія тѣхъ животныхъ, которыхъ не знали древніе; такъ напримѣръ онъ подробно описываетъ охоту на китовъ. Систематика начинается съ описанія жизни и нравовъ домашнихъ животныхъ, при чемъ указываются способы лѣченія ихъ, затѣмъ авторъ переходитъ къ птицамъ, рыбамъ, ящерицамъ, гадамъ, змѣямъ, насѣкомымъ, пауковымъ, кольчатымъ, которыхъ характеризуетъ какъ животныхъ, лишенныхъ крови — sanguinem non habentes.

Въ „De Vegetabilibus et Plantis“ Альбертъ, не знавшій еще употребленія увеличительныхъ стеколъ и микроскопа, касается анатоміи и физіологіи растеній, усматривая въ этого рода вопросахъ основу для классификаціи. Задолго до Линнея онъ намѣтилъ существенныя данныя для систематики растеній. Ему былъ знакомъ сонъ растеній, какъ свидѣтельствуетъ исторія ботаники, періодическое раскрытіе и смыканіе цвѣтковъ, уменьшеніе растительнаго сока испареніемъ изъ верхней кожицы листьевъ и вліяніе расположенія волокнистыхъ пучковъ на очертаніе краевъ листа [1].

---

[1] Рядомъ съ тѣмъ Альбертъ проявляетъ отсутствіе критики и лег-

Такимъ образомъ Альбертъ Великій былъ столько же Аристотелемъ, сколько Бюффономъ XIII вѣка, какъ по широтѣ замысловъ, такъ и по тщательности изслѣдованія. **Его опыты.**

Современники не безъ основанія смотрѣли на Альберта, какъ на чудо природы. Надгробная многоговорящая надпись: — major Platone, vix inferior Salomone — ставитъ его выше Платона и не ниже Соломона. Но они цѣнили его значеніе не со стороны его дѣйствительныхъ заслугъ. Ихъ занимала его таинственная лабораторія, возбуждавшая самые разнообразные толки, его зимніе сады, его искусственныя поющія птички, поразившія короля германскаго Вильгельма, его автоматическія говорящія куклы и т. п. Образъ великаго ученаго былъ окруженъ обаяніемъ какого-то благоговѣнія и нѣмаго ужаса. Его математическія, техническія и физическія познанія представляли невѣжественнымъ современникамъ такія чудеса, что они считали его въ общеніи съ дьяволомъ. Альбертъ могъ не только сдѣлать все, но могъ угадывать помыслы и намѣренія людскіе. Онъ устыдилъ и наказалъ того же короля Вильгельма, когда тотъ, вопреки данному обѣщанію творить добро народу, прогналъ отъ себя философа, явившагося къ нему въ образѣ нищаго и больнаго; по одному манію Альберта, вся обстановка двора новоизбраннаго императора стала прахомъ, перестала существовать, а три года его правленія обратились въ три минуты. Вильгельмъ видѣлъ себя счастливымъ только во снѣ.

Но ни благоговѣніе передъ Аристотелемъ, ни стремленіе къ эмпирическимъ знаніямъ никоимъ образомъ не повредило репутаціи Альберта среди правящей высшей духовной іерархіи. Что онъ пользовался уваженіемъ при римскомъ дворѣ, видно изъ того, что онъ занималъ должность легата въ Польшѣ, послѣ чего его сдѣлали регенсбургскимъ епископомъ. Но онъ не любилъ славы; онъ отказался отъ епископства, продолжалъ носить рясу простаго монаха ради большаго простора для философскихъ занятій. Большую часть своей жизни онъ посвятилъ изученію естественныхъ наукъ. Онъ задался задачей сдѣлать человѣка-автомата на основаніи механическихъ законовъ и его кукла имѣла нѣкоторое сходство съ живымъ чело-

---

комысліе въ вопросахъ, въ коихъ достаточно было бы приложить самое простое наблюденіе. Онъ простодушно полагаетъ, что хорошая почва можетъ изо ржи породить пшеницу, что дубовыя вѣтви дадутъ виноградную лозу и т. п. Meyer. Ueber die Botanik des XIII Jahrh. Linnea; X, 719.

вѣкомъ, такъ что Ѳома Аквинскій не въ шутку испугался, когда кукла привѣтствовала его троекратнымъ „salve“, почему тотъ въ ужасѣ разбилъ въ дребезги плодъ 30-лѣтнихъ трудовъ учителя. Вообще эмпирическія и техническія науки обязаны ему много, и никто послѣ Аристотеля не работалъ болѣе его. Предпочитавшій уединеніе шуму свѣта, проводившій цѣлую жизнь въ лабораторіи, свѣтившейся разноцвѣтными огнями, онъ наводилъ какой-то страхъ на современниковъ. Только особенныя обстоятельства въ послѣдніе годы жизни вызывали Альберта на общественную арену. Такъ онъ былъ на второмъ Ліонскомъ соборѣ къ 1274 году въ качествѣ посла императора.

Его философскіе труды. Умственная дѣятельность Альберта Великаго была всесторонняя. Онъ былъ полигисторомъ и такимъ же остался въ глазахъ современниковъ. Про него говорили: „Vir in omni scientia adeo divinus nostri temporis stupor et miraculum vocari possit“. Его надо изучать не только какъ богослова и философа, а какъ энциклопедиста средневѣковья. Кромѣ вышеупомянутой энциклопедіи онъ оставилъ три фоліанта трактатовъ о ветхомъ и новомъ завѣтѣ. Развитію философіи Альбертъ принесъ не положительную, а отрицательную пользу. Онъ былъ завершителемъ схоластическаго метода, чѣмъ упрочилъ вліяніе схоластики. Послѣдняя обязана Альберту своимъ развѣтвленіемъ, своею пестрою и сложной оболочкой, обиліемъ подраздѣленій и самыхъ мелкихъ вопросовъ, затемнявшихъ дѣло и все болѣе запутывавшихъ обыкновенныя психологическія понятія. Вся его діалектика вращалась на пяти вопросахъ, которые онъ поставилъ для разрѣшенія будущему схоластику. Задачею его философіи было изучать: 1) проявленіе души, 2) ея способности, 3) кругъ дѣйствій отдѣльнаго индивидуума, 4) этику, 5) universalia. По отношенію къ послѣднимъ Альбертъ не высказывается съ достаточной опредѣлительностью. Строго говоря, онъ держался средины въ вопросѣ объ „universalia“, чему посвятилъ свое „De intellectu et intelligibili“. Все это доставило ему блестящую карьеру и не принесло тѣхъ горькихъ мукъ, какія испыталъ Абеляръ. Впрочемъ тогда трудно было встрѣтить точныя радикальныя представленія по этому основному схоластическому вопросу. Іаковъ Сольсберійскій говоритъ, что вмѣсто двухъ прежнихъ взглядовъ въ половинѣ XII вѣка явилось чуть не десять.

Альбертъ, по преданію, похитилъ тайну знанія съ неба; онъ не могъ унести ее съ собою въ могилу. Разбитый и изможденный болѣзнью, жалкій, ходячій мертвецъ, онъ выходилъ изъ своей кельи только для того, чтобы взглянуть на могилу, которую самъ себѣ приготовилъ.

Ученики Альберта были гораздо счастливѣе. Ѳома посвятилъ себя изученію не земли, а неба. Онъ далъ богословіе многимъ десяткамъ поколѣній, цѣлымъ сотнямъ милліоновъ католиковъ. Ѳома Аквинскій (1227-74 г.).

Мы не имѣемъ въ виду всесторонняго изслѣдованія дѣятельности Ѳомы; это слишкомъ отвлекло-бы насъ въ область богословія. Но мы укажемъ на характеристическія черты его личности и особенно на его заслуги для средневѣковой публицистики. Насколько Альбертъ Великій занимался изученіемъ внѣшняго міра, настолько Ѳома пытался изслѣдовать внутренній, нравственный міръ. Онъ былъ полнымъ отраженіемъ взглядовъ своего вѣка.

Между Римомъ и Неаполемъ есть городокъ Aquino; тамъ родился Ѳома въ знатной рыцарской семьѣ. Онъ приходился внукомъ императору Фридриху Барбароссѣ. Для воспитанія его отдали въ монастырь Монтекассино. Тогда въ католическомъ мірѣ совершалось обновленіе. Альбигойская ересь заставила опомниться и папу и духовенство. Ѳомѣ минуло едва только 18 лѣтъ, какъ онъ, бросивъ свои богатства, обуреваемый новыми стремленіями, поступилъ въ доминиканскій орденъ. Затѣмъ онъ сталъ профессоромъ въ Кельнѣ и Парижѣ. Уча въ Парижѣ, онъ и самъ въ тоже время учился у Альберта. Ѳома былъ поборникомъ аскетизма. Отдавшись иноческимъ подвигамъ и отвлеченнымъ богословскимъ вопросамъ, онъ, не смотря на почести, его окружавшія, вовсе не хотѣлъ показываться въ міръ. Только по настоятельному убѣжденію папы онъ пришелъ пѣшкомъ на соборъ въ Римъ. Отсюда онъ возвращался тоже пѣшкомъ, но дорогой почувствовалъ приближеніе смерти и принужденъ былъ остановиться въ монастырѣ. Здѣсь 7 марта 1274 года съ первыми лучами дня онъ скончался на рукахъ Альберта. День его смерти до сихъ поръ чествуется католическою Церковью съ большимъ торжествомъ.

Ѳома оставилъ послѣ себя полный кодексъ католическаго богословія. Этотъ кодексъ называется: Summa totius theologiae. Его „Богословіе“.

Это вторая библія для каждаго католика, а тѣмъ болѣе лица духовнаго. Трудъ Ѳомы, надъ которымъ онъ работалъ болѣе 10 лѣтъ, превосходитъ полнотой всѣ сочиненія предшественниковъ въ этомъ родѣ. Въ „Summa“ собранъ весь матеріалъ для обороны Римской церкви въ ея средневѣковыхъ претензіяхъ. Опираясь на эти громадные фоліанты, Церковь послѣ имѣла возможность отбиваться отъ мѣткихъ нападеній протестантовъ, вооруженныхъ силой свѣжихъ идей и всѣмъ раціонализмомъ вѣка ([1]). Насколько Ѳома привыкъ къ логической постройкѣ и діалектикѣ, видно изъ того, что у него всегда на готовѣ было множество отвѣтовъ, такъ что никто изъ учениковъ не могъ застать его въ расплохъ. Онъ носилъ съ собой цѣлый арсеналъ вопросовъ и отвѣтовъ для богословскихъ диспутовъ; онъ былъ въ состояніи предложить въ любой моментъ своему противнику 3000 вопросовъ и подкрѣпить свои отвѣты 1500 аргументовъ. Ѳома не любилъ эмпирическихъ пріемовъ и свое ученіе строилъ на отвлеченныхъ основаніяхъ. Тамъ, гдѣ нельзя было доказать логическимъ путемъ, онъ обращался къ вѣрѣ. Въ противоположность Альберту, онъ не имѣлъ желанія постигать причины фактовъ и находилъ, что такое стремленіе уже успѣло привести людей ко многимъ заблужденіямъ въ древнемъ мірѣ. Философія Ѳомы смотритъ на міръ съ свѣтлой точки зрѣнія. Онъ полагаетъ что человѣкъ созданъ для добра и что естественный законъ— это проявленіе небеснаго духа—влечетъ его необходимо къ добру, заставляя уклоняться отъ всего дурнаго. Дурные поступки объясняются дурнымъ элементомъ, закономъ человѣческимъ; послѣднимъ обусловливаются тѣ мелкія обстоятельства, которыя побуждаютъ человѣка измѣнять въ худую сторону свои добрыя начала. Человѣкъ не предоставленъ себѣ самому. Надъ всѣми стремленіями его тяготѣетъ небесный законъ, опредѣляющій и направляющій волю человѣка. Безъ того люди, какъ существа несовершенныя и слабыя, совращаются. Исторія показываетъ, что часто человѣческій законъ могъ торжествовать надъ небеснымъ. Ѳома это старается объяснить грѣхомъ прародителей.

Его политическая теорія.

Задаваясь такими отрадными взглядами на призваніе человѣка и его существо, Ѳома строитъ на нихъ свой идеалъ соціальныхъ и государственныхъ теорій. Политика развита

([1]) Opera, 8 f. Roma, 1570—71; 23 f. P. 1636—41, 20 v. in 4, Ven. 1745.

отчасти въ „Summa“, но главнымъ образомъ въ специальномъ „De regimine principum“, въ которомъ вѣроятно только первая часть принадлежитъ Ѳомѣ, ибо вторая страдаетъ противорѣчіями. Это тоже замѣчательное произведеніе средневѣковой литературы и первое въ средневѣковой публицистикѣ. Авторъ высказывается здѣсь, какъ врагъ тираніи и притомъ не въ силу Евангелія, но на основаніи логическихъ соображеній. Признавая человѣка безусловно созданнымъ для общества, Ѳома выводитъ понятіе закона, необходимаго для обезпеченія его благосостоянія. Законъ имѣетъ цѣлью развитіе всѣхъ добродѣтелей въ человѣкѣ; потому положительный законъ подчиняется естественному, какъ отраженію небеснаго и всякое отклоненіе отъ послѣдняго уже не законъ, а исключеніе изъ закона. Такой несправедливый законъ можетъ появиться или вслѣдствіе противорѣчія съ человѣческимъ благомъ, или отъ противорѣчія съ божественными установленіями. Законъ перваго рода—насиліе; онъ необязателенъ для подданныхъ; закону же, несоотвѣтствующему божественной волѣ, не слѣдуетъ повиноваться. Законъ долженъ быть одинаковъ и обязателенъ для всѣхъ; ему подлежатъ даже праведные. Равнымъ образомъ всѣ должны признавать законосообразнымъ подчиненіе низшихъ высшимъ. Observantia и obedientia—высшія добродѣтели и притомъ богословскія, которыя всегда выше нравственныхъ. Этимъ Ѳома платилъ дань своему времени. Власть имѣетъ божественное происхожденіе; потому власти, незаконно пріобрѣтенной, можно не повиноваться. Во всякомъ случаѣ рекомендуется ослушаніе власти нехристіанскаго государя, владѣющаго христіанами. Народу предоставляется въ извѣстныхъ случаяхъ право возмущенія; оно, будучи направлено во имя общей пользы, не есть грѣхъ, такъ какъ тираническое правленіе само по себѣ безнравственно, ибо установлено не для общей пользы, а для частной. Разрѣшается даже тираноубійство. Въ принципѣ Ѳома стоитъ за ограниченную монархію. Наилучшій образъ правленія по его мнѣнію—въ единовластіи добродѣтельнаго человѣка; затѣмъ стоитъ аристократія немногихъ, выбираемыхъ изъ всѣхъ или выбираемыхъ всѣми. Эта смѣсь монархіи, аристократіи и демократіи была у евреевъ установлена закономъ Божіимъ. Благодаря этому всѣ имѣютъ долю власти (pars populi). Монархія наилучшее правленіе, пока не извратится въ тиранію. Это все развито въ равной степени и въ „Summa“ и въ политическомъ трактатѣ, но въ послѣднемъ значительное

вниманіе обращено на взаимныя отношенія властей свѣтскихъ и духовныхъ. Здѣсь Ѳома является сыномъ своего вѣка. Такъ какъ цѣль человѣческихъ обществъ — служеніе добродѣтели то высшая задача ихъ не земная, а небесная; только намѣстникъ Христа можетъ направлять къ этой цѣли. Ему подчиняются всѣ цари. Ибо тому, кто имѣетъ заботу о конечной цѣли, должны подчиняться тѣ, на кого возложено попеченіе о средствахъ, ведущихъ къ этой цѣли. У язычниковъ было иначе, потому религія служила земнымъ цѣлямъ. Такимъ образомъ цѣль государства чисто божественная. Извѣстно до какихъ крайностей дошла послѣ эта теорія. Въ XV вѣкѣ договорились до проблемы: Papa non est homo simpliciter, sed Deus etc. Папа—Богъ и, подобно сыну Божію, соединяетъ въ себѣ два естества. Это уродливое проявленіе теократіи было началомъ разложенія средневѣковой жизни. Теократическая идея достигла въ твореніяхъ Ѳомы высшаго развитія, за которымъ должна была слѣдовать реакція (1).

Мистика. Одновременно съ философскимъ движеніемъ шло другое направленіе, чисто созерцательное, имѣвшее отрицательное вліяніе на тогдашнюю образованность. Религія устраняла всякій раціонализмъ и даже враждовала съ нимъ. Чтобы усвоить ее, слѣдовало примѣнять къ ней вѣру вмѣсто разума, сердце вмѣсто логики. Восторженныя натуры въ родѣ святыхъ Бернара и Бонавентуры были такъ поражены великимъ внутреннимъ содержаніемъ религіи и ея нравственнымъ значеніемъ, что отказывались допускать малѣйшій анализъ ея вопросовъ; ихъ вѣра стала поэтому мистикою (2). Эта святая восторженность,

---

(1) Едва ли какой ученый имѣлъ такое обширное количество біографовъ, какъ Ѳома во всѣхъ западныхъ литературахъ. Эти біографіи, обыкновенно въ формѣ панегириковъ, стали появляться съ первыхъ временъ печати, какъ Novelli (Panegyricus, 1490) и др. Въ одномъ XVII вѣкѣ вышло такихъ трактатовъ 16, а всего до 1850 г. болѣе 40. Выдающаяся монографія Touron. Vie de S. Thomas d'Aquin, avec un exposé de sa doctrine et de ses ouvrages (P. 1757, 1640, 1722). На основаніи этой книги составлялись другія. Интересно сочиненіе Jellinek. Thomas von Aquino in der jüdischen Literatur (L. 1853).—Кромѣ общихъ сочиненій, по исторіи среднев. философіи мы пользовались: Reuter, G. der rel. Aufklärung im Mittelalter (1876) и монографіями Jourdain, La philos. de S. Thomas (1858) и Werner, Der heil. Thomas (1858).

(2) По исторіи средневѣковой мистики, кромѣ спеціальныхъ нѣмецкихъ новыхъ обширныхъ сочиненій Герреса и Прегера (1881), см. русское изсл. Вертеловскаго, Западная средн. мистика (Вѣра и Разумъ, 1886).

полная самопожертвованія и лучшихъ душевныхъ порывовъ, искупаетъ отсутствіе практическаго элемента въ мистикахъ и фанатическую нетерпимость ея борцовъ. Мистика вышла изъ глубины монастырей и была порождена борьбой со школами схоластиковъ. Св. Бернаръ, основатель монастыря Клерво въ Бургундіи, былъ недостижимымъ образцемъ всѣхъ мистиковъ. Извѣстно, что этотъ аскетъ, при своей склонности къ созерцанію, какъ почти всѣ мистики, питалъ ненависть къ образованію. Мыслящіе люди для него были еретиками. Его послѣдователи или облекли діалектикой его идеи, или просто передавали ихъ въ формѣ восторженно благочестивой поэзіи.

Эти мистики представляютъ значительный интересъ; ихъ цѣлью было исканія яснаго представленія о божествѣ. Ради того они были готовы на всѣ истязанія. Іоаннъ Фиданца, прозванный Бонавентура, родомъ изъ окрестностей Витербо, выросъ на глазахъ св. Франциска: „О Bonaventura", желанный, воскликнулъ послѣдній, когда увидѣлъ выздоровленіе ребенка. Это прозвище было присвоено Іоанну въ позднѣйшихъ поколѣніяхъ. Имѣя только 22 года, Фиданца сталъ миноритомъ. Черезъ 13 лѣтъ онъ пріобрѣлъ извѣстность и сталъ генераломъ ордена и кардиналомъ. Онъ всегда отличался суровостью характера и не пользовался любовью. Онъ не велъ отшельнической жизни, подобно Бернару, а занимался литературными работами. Онъ придалъ христіанскому ученію философско-поэтическій характеръ, чѣмъ послѣ воспользовался Данте. Арабы были его учителями въ этомъ отношеніи, такъ какъ на Востокѣ мистика пользовалась особымъ уваженіемъ. Фиданца работалъ въ области схоластики, но подобно Бернару, онъ отличается восторженностью; капитальное его твореніе называется Itinerarium mentis ad Deum, т. е. путь души къ Богу. Основная мысль этого сочиненія — пантеистическая. По его словамъ, всякое истинное знаніе даровано небомъ. Божественная благодать находится съ познаваніемъ въ таинственной связи. Въ его сочиненіи играютъ важное значеніе священныя цифры: 3 и 7. Духовная жизнь, по мнѣнію Бонавентуры, имѣетъ три послѣдовательныхъ ступени. Потому Бонавентура дѣлитъ процессъ познанія на три части и при этомъ ссылается на священное писаніе, которое, по его мнѣнію, имѣетъ три смысла: буквальный, таинственный и нравственный. Поэтически художественное развитіе этого ученія увидимъ у Данте, въ его „Раю", гдѣ

Бонавентура (1221-74 г.).

эпосъ вступилъ въ тѣсную связь съ философіей. На великаго поэта несомнѣнно оказала свою долю вліянія схоластика, но еще болѣе мистика.

Рожеръ Бэконъ (1214-1294 г.?).

Богословское направленіе образованности, установленное трудами Ѳомы Аквинскаго, не исключало также и утилитарнаго характера; всестороннимъ выразителемъ послѣдняго въ свое время явился Альбертъ Великій. Мы упоминали про одного изъ его внимательныхъ слушателей и учениковъ въ Парижѣ, прибывшаго изъ Англіи. То былъ Рожеръ Бэконъ, прозванный „doctor mirabilis", происходившій изъ знатнаго рода въ графствѣ Соммерсетъ. Онъ посвятилъ себя съ юныхъ годовъ наукѣ и для этого, по примѣру другихъ средневѣковыхъ ученыхъ, отказался отъ міра ([1]). Но, по несчастью, Рожеръ поступилъ не въ доминиканскій орденъ, въ средѣ котораго открывался просторъ для кабинетной ученой дѣятельности, а въ францисканскій, гдѣ вообще подозрительно относились къ теоретическимъ изслѣдованіямъ и гдѣ часто такихъ любознательныхъ братьевъ сажали въ наказанье на хлѣбъ и на воду. Въ Парижъ Рожеръ прибылъ еще міряниномъ въ 1248 г. за полученіемъ магистерства, слѣдуя общеустановившемуся въ ученомъ мірѣ обычаю и тамъ рѣшилась его судьба. Въ 1250 или 1253 году онъ сталъ монахомъ и сразу встрѣтился съ тяжелыми затрудненіями. Онъ стремился къ литературной работѣ, а ему ставили всякія преграды и стѣсненія. Братія его заподозрила въ занятіяхъ магіей, кабалистикой, чуть не въ колдовствѣ; донесли въ Римъ и генералъ францисканскаго ордена, извѣстный уже намъ Фиданца, самъ писатель и богословъ, прославившійся подъ именемъ Бонавентуры, запретилъ Рожеру писать. Онъ отправилъ его на покаяніе въ Парижъ, къ тамошнимъ францисканцамъ, предписавъ ничего не давать ему кромѣ хлѣба и воды, предварительно отобравъ всякія рукописи.

Причиной наказанія были свѣдѣнія о характерѣ работъ Бэкона. Онъ производилъ физическіе и химическіе опыты, трудился надъ изготовленіемъ стеколъ для телескоповъ, запирался въ обсерваторіи, откуда изучалъ небо, что признавалось Бонавентурой совершенно излишнимъ и неумѣстнымъ

([1]) Emile Charles. Roger Bacon, sa vie, ses ouvrages, ses doctrines, d'après des textes inédits (P. 1861). Авторъ этой образцовой монографіи отказывается опредѣлить съ точностью годъ рожденія и смерти Бэкона.

занятіемъ. Къ счастію для Бэкона, въ его положеніи принялъ участіе папскій легатъ въ Парижѣ, кардиналъ Фулькоди, который вскорѣ былъ избранъ папою подъ именемъ Климента IV. Онъ далъ возможность Рожеру написать его знаменитый Opus majus ad Clementum IV, который былъ оконченъ въ заключеніи около 1267 года, когда автору приходилось часто съ великимъ трудомъ, и только благодаря преданности друзей, добывать бумагу и чернила. Тайно Бэконъ передалъ свой трудъ одному францисканцу, который добрался до Рима и тамъ повергнулъ его „Opus" къ ногамъ папы, вмѣстѣ съ разными предметами необходимыми для опытовъ и наблюденій. Въ числѣ ихъ была доставлена папѣ хрустальная чечевица для провѣрки оптическихъ опытовъ. Слѣдомъ за тѣмъ Бэконъ препроводилъ Клименту IV сжатый „Opus minus", какъ дополненіе къ главной работѣ. Папа остался вполнѣ доволенъ трудами Рожера и приказалъ немедленно его освободить. Обрадованный монахъ уѣхалъ въ Оксфордъ. Но на слѣдующій годъ могущественный покровитель Бэкона скончался и его опять стали преслѣдовать враги. Озлобленные францисканцы привлекли его къ инквизиціонному суду. На этотъ разъ Рожеръ самъ дѣйствовалъ неосторожно, выступивъ съ рѣзкими обвиненіями противъ доминиканцевъ, которыхъ онъ въ „Compendium philosophiae" обвинялъ въ распущенности и невѣжествѣ. Въ этихъ выходкахъ онъ задѣвалъ и папскій дворъ. Поводомъ къ процессу послужили занятія Бэкона въ оксфордской обсерваторіи, слѣды которой указывали путешественникамъ еще въ концѣ прошлаго вѣка за городомъ, въ предмѣстьи подъ названіемъ „friar Bacon's Study". Выстроенная имъ башня, которая во время религіозныхъ войнъ служила сторожевой, была предшественницей астрономическихъ обсерваторій въ Европѣ. Она была снабжена приборами и снарядами, которые всѣ были изготовлены собственными руками неутомимаго францисканца. Враги распустили слухъ, что „братъ Рожеръ", запершись, занимается здѣсь колдовствомъ и бесѣдуетъ съ Сатаной, отъ котораго научается адской мудрости. Его судили какъ колдуна и какъ еретика, такъ какъ доказывали его прикосновенность къ дѣлу Петра д'Олавы, обвинявшагося въ ереси Іоанна Пармскаго и аббата Іоахима, ожидавшихъ страшнаго суда, сверженія папства и называвшихъ римскую курію—блудницею, синагогою дьявольскою и друг. прозвищами.

Судъ былъ безпощаденъ; судьи не слушали оправданій. Предсѣдательствовалъ самъ генералъ ордена, Іеронимъ д'Асколи, будущій папа Николай IV. Бэконъ вмѣстѣ съ д'Оливою былъ присужденъ къ 14-лѣтнему одиночному заключенію въ одномъ изъ французскихъ францисканскихъ монастырей. Онъ вышелъ оттуда хилымъ изможденнымъ старцемъ, но духъ его былъ бодръ, несмотря на всѣ преслѣдованія. Разсказываютъ что его освободилъ новый генералъ ордена Раймундъ Гоффриди, отличавшійся мягкостью и справедливостью, поступивъ такъ вопреки желанію Асколи, избраннаго папою. Прибавляютъ, что Гоффриди просилъ прощенія у заключеннаго за его поносителей и враговъ и что за это мягкосердіе онъ былъ лишенъ своей должности и низведенъ въ епископы.

Рожеръ вышелъ изъ тюрьмы, чтобы умереть. Онъ не прожилъ и двухъ лѣтъ послѣ своего заключенія. Послѣдними словами его было скорбное сожалѣніе о томъ что онъ трудился ради блага людей. Но ненависть монаховъ преслѣдовала его даже за могилой. Его сочиненія уничтожили и только заботливость Климента IV, помѣстившаго его подлинныя рукописи въ Ватиканской библіотекѣ, сохранила для исторіи знанія его „Opus majus et — minus“ цѣликомъ. Что касается до его „Opus tertium“, то отъ этой работы уцѣлѣли случайно только отрывки.

Нельзя не удивляться разнообразію и обилію знаній, а равно и тщательности изслѣдованій Бэкона, особенно принимая въ соображенія условія того вѣка и тяжелую обстановку жизни знаменитаго ученаго, умѣвшаго восторжествовать надъ всѣми препятствіями.

Изучивъ и дополнивъ Евклида, онъ положилъ математику въ основу изученія физическихъ явленій. До насъ не дошли его книги по математикѣ непосредственно, но на основаніи ихъ въ Opus majus онъ трактуетъ о законахъ отраженія и преломленія свѣта. Переходя отъ теоріи оптики къ изученію зрѣнія, онъ становится на почву анатоміи, говоритъ о зрительныхъ нервахъ и устанавливаетъ явленія зрѣнія въ связи съ послѣдними. Онъ изслѣдуетъ законы перспективы и положеніе фокуса въ вогнутыхъ зеркалахъ. Онъ развиваетъ теорію плоскихъ вогнутыхъ и выпуклыхъ стеколъ въ своемъ „De scientia perspectiva“, по отношенію къ пользованію ими для наблюденія предметовъ въ увеличенномъ или уменьшенномъ видѣ. Полагаютъ, что онъ открылъ пользу очковъ,

о которыхъ подробно говоритъ и въ томъ же трактатѣ. Вѣроятно его изобрѣтеніе пошло въ ходъ, потому что въ одной рукописи 1305 года монахъ Іорданъ свидѣтельствуетъ, что уже 20 лѣтъ занимаются полировкой стеколъ для очковъ, а въ документахъ конца XIII вѣка часто упоминается объ очкахъ (1). Онъ зналъ, что для прохожденія не только звуковыхъ, но и свѣтовыхъ волнъ необходима извѣстная продолжительность, и былъ всегда убѣжденъ, что свѣтъ распространяется быстрѣе звука. Его новѣйшій біографъ Эмиль Шарль нашелъ между прочимъ у Рожера мѣсто о томъ, что „молнія видна раньше чѣмъ бываетъ слышенъ громъ, хотя въ дѣйствительности среди облаковъ шумъ предшествуетъ свѣту". Этотъ францисканецъ XIII вѣка считалъ вполнѣ возможнымъ измѣрить движеніе свѣта. Таковую же ученую пытливость и замѣчательную проницательность, рядомъ съ химерами и смѣлыми гипотезами, Бэконъ обнаружилъ въ своихъ „Тайнахъ природы и искусства и о ничтожествѣ магіи" (2). Въ этомъ посланіи (Epistola de secretis etc.) говорится также объ оптикѣ, механикѣ, но болѣе всего о физикѣ и химіи. Онъ проектируетъ экипажи безъ лошадей, двигающіеся съ поразительной быстротой, приспособленія для плаванія по воздуху, по морскому и рѣчному дну, мосты безъ подпоръ, волшебный фонарь, оптическія зеркала, вводящія въ обманъ и производящія всякаго рода иллюзіи, взрывчатыя селитряныя вещества, заключающіяся въ приборѣ величиною съ палецъ и т. п. Въ этомъ же интересномъ трактатѣ Бэконъ снимаетъ съ себя нелѣпое обвиненіе въ колдовствѣ, отрицая все сверхъестественное, объясняя что магія, „которою часто пользовались для обмана народа, основана на общихъ законахъ природы", а что кажущіяся чудеса ея зависятъ отъ внутреннихъ химическихъ составовъ тѣлъ и что если онъ изучаетъ законы творенія, то потому именно что они созданы Богомъ, а не дьяволомъ. При

---

(1) Впрочемъ, по другимъ даннымъ, очки изобрѣтены лишь въ послѣдніе годы XIII вѣка флорентинцемъ Сальвино дель Армати, гробница котораго сохранилась въ церкви S. Maria Maggiore. Что касается до замѣчаній объ очкахъ Альберта, «при помощи коихъ маленькія буквы могутъ казаться большими», то сторонники Сальвино усматриваютъ въ нихъ только гаданія и желанія.

(2) E. Charles считаетъ многія гипотезы Бэкона «химерами, недостойными науки» (p. 301), но такой приговоръ не совсѣмъ правиленъ.

этомъ Рожеръ сознается, что мусульманскіе ученые далеко обогнали латинянъ и эллиновъ и что именно въ писаніяхъ арабовъ заключается источникъ истинной мудрости.

Незадолго до смерти, какъ бы чувствуя приближеніе вѣчности, Бэконъ сосредоточился на общихъ философскихъ и между прочимъ телеологическихъ вопросахъ. Въ 1292 году онъ написалъ „Compendium studii theologiae", изъ котораго не дошла цѣлая половина, именно: 3, 4 и 6 книги. Вопреки заглавію, содержаніе трактата не отличается выдержанностью богословскаго характера. Авторъ говоритъ здѣсь между прочимъ и объ обстоятельствахъ творенія, и о логикѣ, и о грамматикѣ, и снова объ оптикѣ. Въ средніе вѣка всѣ знанія сходились въ богословіи и именовались такъ потому, что признавались направляемыми волею Господа. Въ этомъ послѣднемъ трудѣ великаго францисканца замѣчательно сужденіе о вѣчности міра. „Ранѣе появленія живыхъ тварей, говоритъ Бэконъ, не было ни времени, ни движенія. Существовали только вещества постоянныя, неизмѣнныя, не подлежащія законамъ времени. Только съ возникновенія живыхъ существъ создалось понятіе о времени. До того былъ не старѣющійся, непрестанный вѣкъ, который есть созданная вѣчность и который даетъ возможность предполагать вѣчность несозданною".

„Чудный докторъ" обладалъ высокимъ даромъ объединять общею идеею всѣ явленія природы. Въ то отдаленное и сравнительно грубое время онъ приносилъ сознаніе высокаго значенія науки. Вмѣстѣ съ Сенекою онъ считалъ ее даромъ, низведеннымъ Богомъ съ неба для блага человѣка. „Наука даетъ крылья душѣ, говорилъ Бэконъ, приготовляетъ ее къ познанію небеснаго міра и содѣлываетъ ее достойной набожественнаго существованія. Она есть вѣнецъ, высшее назначеніе человѣка; воздымаясь въ возвышенныя сферы, она низвергаетъ въ прахъ зло; проникая въ таинственныя нѣдра природы, она проявляетъ себя и между звѣздами".

Раймундъ Луллій (1235-1315 г.).

Его современникъ, каталонецъ Луллій, родомъ съ острова Майорки, какъ бы дополняя своихъ предшественниковъ, сосредоточился на общихъ логическихъ соображеніяхъ въ своемъ „Ars magna", имѣя въ виду положить таковыя въ основу всякаго знанія. Его называли обыкновенно „doctor illuminatus" при чемъ цѣнили конечно главный его трудъ, а не тѣ многочисленныя изысканія въ области физики, химіи и вообще

въ естественныхъ наукахъ, которыя, строго говоря, и до сихъ поръ не потеряли интереса, если устранить туманъ алхиміи, въ который они облечены согласно вкусамъ той эпохи. Рѣдкій ученый написалъ такъ много и рѣдкій отличался въ то же время такой бурной, кипучей, всегда практической дѣятельностью. Его жизнь до 32-лѣтняго возраста прошла въ бурныхъ увлеченіяхъ молодости, въ разнузданномъ развратѣ, которымъ онъ прославился даже будучи семьяниномъ. Послѣ одного романическаго приключенія онъ раскаялся въ своемъ загрязненномъ прошломъ, отказался отъ имущества, оставивъ одну половину семьѣ, а другую бѣднымъ и посвятилъ себя миссіонерству, не принимая монашества. Первые годы предавшись уединенію и наукѣ, онъ въ послѣдніе 25 лѣтъ своей жизни предпринялъ нѣсколько путешествій въ Африку, гдѣ надѣялся обратить въ католичество Тунисъ и Алжиръ, терпѣлъ заключенія, истязанія, наконецъ отъ рукъ раздраженныхъ мусульманскихъ фанатиковъ былъ побитъ каменьями въ Тунисѣ на 80-году жизни. Генуэзскіе купцы, бывшіе свидѣтелями этой страшной мести, думали спасти Луллія, взяли обезображеннаго миссіонера на свой корабль, гдѣ онъ скончался на второй день въ виду роднаго города, изъ котораго онъ началъ свои странствія, чтобы опочить въ немъ послѣ долгихъ трудовъ и приключеній.

Его опыты и сочиненія.

Раймундъ написалъ до 480 сочиненій, одно перечисленіе которыхъ у схоластиковъ занимало нѣсколько десятковъ листовъ ([1]). Сюда входятъ какъ схоластическіе трактаты по богословію, логикѣ, грамматикѣ, риторикѣ, метафизикѣ, такъ и сочиненія по каноническому и гражданскому праву, по математикѣ, астрономіи, медицинѣ, химіи. Ему-то главнымъ образомъ приписывали обладаніе обаятельной тайной приготовленія золота изъ ртути, олова и свинца. Разсказываютъ, что въ 1313 году Луллій, прибывъ въ Лондонъ съ цѣлью убѣдить Эдуарда III предпринять запоздалый походъ въ Св. землю, былъ схваченъ по приказанію короля и посаженъ въ Тоуэръ, гдѣ подъ страхомъ смерти принужденъ былъ будто изготовить нѣсколько милліоновъ фунтовъ золота для государственной

([1]) По другимъ, полный списокъ долженъ быть увеличенъ до 4000 названій. Усердные біографы забываютъ, что авторъ долженъ бы работать надъ такой массой сочиненій по крайней мѣрѣ до 150 лѣтъ.

казны. Конечно, это мнимое золото только цвѣтомъ и блескомъ походило на драгоцѣнный металлъ (1). Оставляя въ сторонѣ эти басни, слѣдуетъ замѣтить что Луллій дѣйствительно открылъ нѣкоторыя химическія вещества, напримѣръ бѣлую ртуть, разныя эѳирныя масла, извлекъ поташъ изъ растительной золы, изслѣдовалъ способы очистки виннаго спирта. Онъ проводилъ общую мысль въ своихъ химическихъ изслѣдованіяхъ, заключавшуюся въ томъ, что форма есть существенное качество матеріи. Впослѣдствіи такая гипотеза нашла себѣ подтвержденіе въ теоріи кристализаціи.

Его „Ars magna“ была оригинально синтетическою попыткою связать во едино всѣ нравственныя и физическія явленія природы, при чемъ въ основѣ имѣлась мысль номиналистовъ, что между всѣми вещами въ мірѣ существуетъ тѣсная связь и что достаточно изучить основательно одну изъ нихъ, чтобы понять и усвоить остальныя (2). „Только тотъ, говорилъ онъ, можетъ называться ученымъ, постигающимъ бытіе, кто владѣетъ полнымъ знаніемъ природы и частей его, а такъ какъ всѣ науки занимаются или бытіемъ или различіями, то все имѣющее бытіе составляетъ предметъ нѣсколькихъ наукъ“—„Великая наука“ Луллія, въ своемъ непосредственномъ практическомъ примѣненіи, имѣла педагогическую и частію риторическую цѣль; она содѣйствовала усвоенію діалектики и софистики, какъ вообще схоластическіе трактаты. Въ общей таблицѣ авторъ намѣтилъ 18 отвлеченныхъ представленій, комбинаціи которыхъ образуютъ общія понятія имѣющія самостоятельный смыслъ (3).

---

(1) Cremerius. Testamentum. Museum hermeticum (Fr. 1677).

(2) Распредѣленіе ученаго матеріала среднихъ вѣковъ Луллій далъ въ своемъ «Древѣ знаній» —„*Opus preclarum et valde mirabile Arbor scientie vocatus*“. In quo omnium scientiarum tradit notitia. Изложеніе знаній въ слѣдующемъ порядкѣ: „*arbor elementalis, vegetalis, sensualis, imaginalis, humanalis, moralis, imperialis, apostolicalis, ecclesialis, angelicalis, eviternalis, maternalis, divinalis, exemplicalis, questionalis*“. Весьма рѣдкій инкунабулъ 1480 г., стр. 2. Луллій проникъ и въ древне-русскую литературу въ переводной польской редакціи XVIII вѣка: «Великая и предивная наука Богомъ просвѣщеннаго учителя Раймунда Луллія, новаго ученія творца и уставителя». См. Кирпичниковъ, ib. 481. Подробности и извлеченія изъ Луллія см. у Владиславлева въ Логикѣ, 244 и сл. (2 изд.).

(3) Время, величіе, доброта, могущество, знаніе, желаніе, доблесть,

Совершенно иное практическое значеніе имѣла обширная энциклопедія сотрудника короля Луи IX, клирика Викентія Бовэ. Она по характеру отличается отъ массивнаго труда Альберта Великаго, имѣя цѣлью ознакомить читателя со всею мудростью вѣка in extenso, хотя такое извлеченіе наполняетъ 31 книгу, при чемъ нѣтъ никакихъ спеціальныхъ и самостоятельныхъ трактатовъ. Тѣмъ не менѣе это т. н. „Великое Зерцало" составлено подъ вліяніемъ одной общей идеи, бывшей въ духѣ вѣка, идеи религіозно-дидактической. Весь видимый и духовный міръ созданъ Господомъ для прославленія Его величія. Каждое знаніе изложено въ богословскомъ тонѣ. Великое Зерцало дѣлится на 4 части:—*Speculum naturale*, вмѣщающее богословіе, физику, естествознаніе и исторію свѣтскую; *S. doctrinale*, трактующее о послѣдствіяхъ грѣхопаденія, что вызвало потребность въ наукахъ и искусствахъ; *S. morale* —о внутренней природѣ человѣка, о порокахъ и добродѣтеляхъ; *S. historiale*—искупленіе грѣхопаденія, разныя легенды, житія святыхъ, назидательные разсказы и т. п.

„Великое Зерцало" Викентія Бовэ (1190-1264 г.).

Въ первой части говорится о пяти актахъ творенія. Прежде Богъ сотворилъ внутри себя Сына и идеалъ міра, который представляется въ формѣ самостоятельно существующихъ „universalia"; второй актъ—твореніе ангеловъ и элементовъ; третій—раздѣленіе элементовъ; четвертый—современный намъ; пятый — въ будущемъ, которое наступитъ послѣ страшнаго суда. По поводу каждаго дня творенія, Бовэ излагаетъ содержаніе того или другаго знанія, имѣющее къ нему какое либо соотношеніе. Говоря о свѣтѣ, Зерцало знакомитъ средневѣковаго читателя съ оптикой; отъ свѣта переходъ къ мраку и царству дьявола, которому Зерцало приписываетъ способность видоизмѣняться и являться на землѣ въ призрачныхъ образахъ. По поводу втораго дня Бовэ передаетъ основы астрономіи, или точнѣе астрологіи. По поводу третьяго дня авторъ говоритъ о рѣкахъ, цѣлебныхъ водахъ и т. п., увѣряя что Нилъ, Гангъ, Тигръ и Евфратъ текутъ изъ рая. Земля изображается въ видѣ круга, одну половину котораго занимаютъ люди, а другую воды, при чемъ высказывается предположеніе, что на другой половинѣ за океаномъ находится неизвѣстный материкъ. Въ этомъ отдѣлѣ въ алфавитномъ порядкѣ приведенъ

истина, слава, различіе, согласіе, противоположность, начало, средина, конецъ, большинство, равенство, меньшинство.

списокъ минераловъ и растеній. По поводу шестаго дня говорится о царствѣ животномъ и о „vis vitalis". По поводу седьмаго дня говорится о грѣхѣ, объ отношеніи Бога къ природѣ и излагается современная этнографія, а за нею и *исторія*, чѣмъ кончается т. н. Естественное Зерцало.

Непосредственно въ Научномъ Зерцалѣ излагаются элементы всѣхъ наукъ, кои извѣстны были средневѣковому времени, т. е. семь свободныхъ искусствъ (о коихъ мы говорили ранѣе—I, 249). Бовэ дѣлитъ ихъ на двѣ группы: искусства мышленія,—куда относитъ грамматику, логику, риторику съ піитикой,—и искусства измѣренія, т. е. ариѳметику, музыку, геометрію и астрономію. Это наслѣдіе и традиціи древности. Но Зерцало представляетъ интересъ собственно въ томъ, что въ него внесены новыя знанія, а именно искусства практическія и механическія. Подъ первыми разумѣются: этика, экономика и политика, въ которую входятъ также начала юриспруденціи. Подъ вторыми значатся: медицина, собственно какъ распознаваніе и лѣченіе болѣзней, и гигіена, о которой уже имѣли понятіе въ XIII вѣкѣ. Далѣе слѣдуютъ отдѣльно также спеціально выработавшіяся науки, поставленныя самостоятельно, т. н. натуральная философія или физика и богословіе съ миѳологіей.

Въ Зерцало Нравственное, на основаніи Ѳомы Аквинскаго, входитъ ученіе о добродѣтели, наградахъ и наказаніяхъ въ будущей жизни и о грѣхахъ. Главныя т. н. богословскія добродѣтели для средневѣковаго человѣка: вѣра, надежда и любовь, а кардинальныя: мудрость, справедливость, мужество и умѣренность. Сверхъ всего этого перечисляются 12 даровъ Духа Святаго и 7 евангельскихъ блаженствъ. Адъ и Рай разукрашены тѣми красками, которыя были извѣстны съ давней поры: наказанія усиливаются по преступленіямъ, а наслажденія Рая, будучи одинаковыми, испытываются праведниками различно. Эти картины послужили для Данте основою или точнѣе канвою, на которую онъ положилъ такія роскошныя краски. Смертные грѣхи изложены въ обычномъ порядкѣ: гордость, зависть, гнѣвъ, недовольство (acidia), жадность, чревоугодіе и пьянство, роскошь и чувственность.

Послѣдняя часть, Зерцало Историческое не есть что либо самостоятельное, а скорѣе необработанный сводъ разнаго рода отдѣльныхъ произведеній церковно-историческаго и повѣствовательнаго содержанія, хотя именно этотъ отдѣлъ

переписывали, переводили и сокращали наиболѣе усердно, между прочимъ и въ древне-русской литературѣ ([1]). Полагаютъ, что эта часть редактировалась произвольно переписчиками. Сокращеніе изъ этого историческаго отдѣла колоссальной энциклопедіи сдѣлалъ Адамъ Клермонтскій.

Рѣдкія творенія въ средніе вѣка послѣ библіи и сочиненія Ѳомы Кемпійскаго были въ такой степени популярны, какъ Зерцало Бовэ ([2]). Оно сохранилось въ большомъ числѣ рукописей XIII, XIV и XV вѣковъ, а со второй половины XV столѣтія, особенно въ 70-хъ годахъ, „Историческое Зерцало“ спѣшили печатать каждое пятилѣтіе.

Путешествія на Востокъ.

Рядомъ съ энциклопедіями занимаютъ важное мѣсто въ исторіи тогдашней образованности описанія путешествій, предпринятыхъ въ XIII вѣкѣ отважными и предпріимчивыми монахами. Ихъ труды, имѣющіе огромное значеніе въ исторіи землевѣдѣнія, труды, передъ которыми нельзя не преклониться, въ то же время содѣйствовали расширенію кругозора грамотныхъ людей, возбуждали ихъ пытливость, обогащали массою новыхъ незнакомыхъ фактовъ и заставляли судить о вещахъ не съ односторонней, а съ болѣе общей и широкой точки зрѣнія. Передъ народами Запада открывались цѣлые міры и горизонтъ умственный естественно стремился вдаль вмѣстѣ съ новыми картинами, надвигавшимися съ таинственнаго Востока, этой страны чаръ и чудесъ. Важно было то, что западные путешественники вносили въ свои сочиненія извлеченія изъ восточныхъ космографическихъ описаній, такъ что китайскіе и персидскіе писатели получили съ тѣхъ самыхъ поръ извѣстность въ Европѣ.

Всѣ путешествія тогда предпринимались съ цѣлью распространенія католичества среди восточныхъ дотолѣ невѣдомыхъ племенъ. Героями ихъ были образованнѣйшіе домини-

---

([1]) Болѣе подробное изложеніе содержанія у Кирпичникова, Ист. ср. лит. 483—485; См. у Wattenbach. Deutschlands Geschichtsquellen. Спеціальныя монографіи: Schlosser, Vincent von Beauvais (Fr. 1819, 2 B.); Vogel, Litterarisch-historischen Notizen über des Vincent (Fr. 1843).

([2]) Изданія: Vincentius Bellovacensis. Speculum historiale, l. XXXI— Arg. 1473, 2 f.; Aug. Vind. 1474, 3 f.; Bas. 1481; Ven. 1483; Nor. 1484; Ven, 1494; Aug. Vind. 1496; Ven. 1591. Франц. переводъ Miroir historial, Lyon, 1471, Par. 1495, 1531.

канскіе и францисканскіе монахи, которые смотрѣли на свою благородную, чрезвычайно трудную задачу, какъ на служеніе Богу и Церкви. Они первые сообщили массу географическихъ замѣчательно точныхъ свѣдѣній о монголахъ и китайцахъ.

Прежде чѣмъ говорить объ этихъ путешествіяхъ, надо отмѣтить главнѣйшія историческія событія, совершившіяся въ широкихъ степяхъ Азіи въ XII и XIII вѣкахъ, послужившія поводомъ къ путешествіямъ монаховъ и о которыхъ мы еще не имѣли случая говорить.

Монголы и ихъ завоеванія.

Вся та степная часть Азіи, которая заключается между Великимъ Океаномъ, южной цѣпью сибирскихъ горъ, собственно Китаемъ, Тибетомъ, рѣкою Яксартомъ и Каспійскимъ моремъ, была издревле покрыта кочевыми народами, изъ среды коихъ, въ отдаленные вѣка, гунны бурнымъ потокомъ прошли по Европѣ. Эти кочевники принадлежали къ тремъ племенамъ: монгольскому, тюркскому и манджурскому или чурскому, которое часто называютъ тунгузскимъ. Всѣ народы, причислявшіеся къ этимъ племенамъ, вели кочевой образъ жизни и только немногіе изъ т. н. тюрковъ были способны къ осѣдлому быту. Послѣдовательно эти степи извергали одно племя за другимъ вслѣдствіе недостатка пастбищъ, средствъ къ существованію и взаимной вражды. Прежде всего эти степняки опрокидывались на цивилизованный Китай, который долженъ былъ еще за 250 лѣтъ до христіанской эры оградиться отъ воинственныхъ дикарей великой стѣной. Китайцы узнали монголовъ впервые подъ именемъ *татовъ*, *татанъ*, откуда западные путешественники XIII вѣка произвели *татаръ*. Въ дѣйствительности таты, какъ болѣе храбрые и искусные наѣздники, двигались впереди монгольскихъ полчищъ, сокрушая все на пути. Имя же монголовъ пріобрѣло извѣстность только со временемъ Чингисъ-хана, успѣвшаго послѣ долгихъ усилій объединить разрозненныя кочевья своихъ соплеменниковъ. Онъ происходилъ изъ народа кьятовъ въ горахъ Бурканъ-Калдунъ, въ истокахъ Тулы, притока Селенги, Онона и Карулана, притоковъ Амура. Кромѣ татаръ и кьятовъ тогда китайцамъ (въ началѣ XIII вѣка) были извѣстны многіе другіе народы, какъ-то: найманы, уйраты, онгуты,

тонгуты,—монгольскаго племени и сверхъ того: киргизы, когуры, кипчаки, карлуки, канкали, агачери — тюркскаго племени, дававшіе по преимуществу владыкъ и повелителей мусульманской Азіи и Африки, съ которыми тщетно боролись вожди крестоносцевъ ([1]).

Чингисъ-ханъ и первый русскій походъ.

Объединеніе кочевыхъ народовъ въ степяхъ Монголіи, совершившееся благодаря талантамъ и отвагѣ Темучина, прозвавшагося Чингисъ-ханомъ, отозвалось далеко въ Европѣ. Темучинъ и обликомъ и языкомъ не походилъ на монгола. Всѣ монголы отличались широкимъ, плоскимъ, чуть не четвероугольнымъ лицомъ съ выдавшимися скулами, глазами безъ рѣсницъ, вообще отвратительною наружностью. Темучинъ же обращалъ на себя вниманіе огромнымъ ростомъ, широкимъ лбомъ и длинной бородой. Его имя было не монгольское, но онъ научился языку побѣжденнаго имъ племени ([2]). Подчинивъ себѣ монголовъ, онъ въ 1206 году, собравъ ихъ старшинъ на лугу въ верховьяхъ Онона, провозгласилъ себя „императоромъ". Этимъ онъ хотѣлъ выразить китайскій взглядъ на власть, въ силу котораго подобно одному солнцу на небѣ, долженъ быть одинъ властитель на землѣ, всѣ прочіе государи должны ему подчиниться ([3]). Завоеванія Чингиса, благодаря правильной военной организаціи его полчищъ, росли съ каждымъ годомъ. Въ 1206 году онъ утвердился въ южной Монголіи, въ 1210 году — въ сѣверномъ

([1]) Для исторіи центральной Азіи болѣе всего сдѣлали русскіе ученые, а именно Бичуринъ (отецъ Іоакинфъ), Записки о Монголіи (П. 1828), Исторія первыхъ четырехъ хановъ изъ дома Чингисова (П. 1828), Исторія о народахъ ср. Азіи (П. 1842). В. П. Васильевъ Исторія и древности В. Азіи (Зап. Арх. Общ.). И. Н. Березинъ, Ханскіе ярлыки (П. 1850), Улусъ Джучіевъ, нашествіе Батыя на Россію (Ж. М. Н. Пр. ч. 86). Григорьевъ, О достов. ханскихъ ярлыковъ (М. 1842) и пер. Землевѣдѣнія Азіи Риттера (т. I, Пет. 1857). Источники, кромѣ западныхъ путешественниковъ, о которыхъ скажемъ послѣ, — персидскій лѣтописецъ Рашидъ-Эддинъ (1247—1318), пер. Березинымъ въ 1858—61 г. въ Сборникѣ Лѣтописей Востока, Абульгази, Родосл. исторія о Татарахъ (старый р. пер. 1762 въ 2 ч.), монгольскіе: Алтанъ-Тобги (что значитъ «Золотое Сокращеніе» пер. въ Зап. Арх. Общ. т. XIV) и Сананъ-Схаценъ, Монгольская Исторія (нѣм. пер. изд. въ Петерб. въ 1829).

([2]) В. П. Васильевъ, Ист. и др. Средней Азіи, 129.

([3]) Тамъ-же, 145.

Китаѣ, въ 1218 году взялъ Бухару въ Ховарезміи, послѣ того какъ ханъ бѣжалъ изъ нея. Чингизъ вернулся въ Китай, а своихъ храбрыхъ военачальниковъ Чепе и Субудай-багадура послалъ преслѣдовать и поймать хана, когда то оскорбившаго его пословъ. Направляемые какой-то стихійной силой, монголы двинулись на Западъ, переправились черезъ Аму-Дарью, взяли Мервъ, вступили въ долину Атрека и, держась къ ЮЗ., обогнули южный берегъ Каспійскаго моря, черезъ Арменію проникли въ Грузію, а оттуда вступили въ землю Половецкую. Половцы бѣжали цѣлымъ становищемъ подъ защиту русскаго князя Мстислава Мстиславовича. Неосторожный князь увлекся воплями и мольбами половцевъ и втяпулъ въ войну двухъ Мстиславовъ, князей Кіевскаго и Черниговскаго. Въ русскія лѣтописи занесено преданіе о нежеланіи татаръ вступить въ роковой поединокъ съ русскими. Князья напрашивались сами и были разбиты на берегахъ рѣчки Калміусъ (въ предѣлахъ нынѣшней Екатеринославской губерніи) въ 1223 году, при чемъ погибъ князь Мстиславъ Кіевскій. Вѣроятно, не смѣя забираться въ невѣдомыя степи, монгольскіе вожди, не воспользовавшись своей побѣдой, поспѣшно повернули назадъ, чтобы донести великому хану о своемъ путешествіи (1).

Походы Батыя.

Чингисъ уже утомился своими войнами и побѣдами. Чувствуя приближеніе смерти, онъ раздѣлилъ свою „имперію“ на четыре части, отдавъ сыновьямъ: Чагатаю—Туркестанъ, Огатаю—Китай, Тулую—Персію и Хорасанъ, т. е. нынѣшніе ханства—Бухару и Хиву; внукъ же, отъ старшаго сына Чучи (Туши, Южи), Батый получилъ западныя земли, только что завоеванныя, именно: Кавказъ, землю Половецкую и Русь. Умирая въ 1227 году, Чингисъ назначилъ старшимъ надъ всѣми наслѣдниками третьяго изъ сыновей, т. е. Огатая съ титуломъ Каана или Какона. Преемники Чингиса расширили его завоеванія и въ Азіи и въ Европѣ.

(1) Спеціальное изслѣдованіе о первомъ походѣ академика Куника въ Зап. Акад. Наукъ, т. II по I и III отд. Общее пособіе представляетъ классическій трудъ Hammer, G. der goldenen Horde in Kiptschak (Pesth, 1840), а также d'Ohsson, H. des Mongols depuis Tchinguis-Khan jusqu'à Timour-Lanc (La Haye, 1835) и до сихъ поръ цѣнное: Petis de la-Croix, H. du grand Genghiz-chan, P. 1710,—на основаніи записокъ путешественниковъ.

Наводя страхъ и трепетъ на всѣ народы, они подчинили себѣ Китай, Тибетъ, Индію до Ганга, большую часть Анатоліи съ Багдадскимъ и Дамасскимъ халифатомъ, съ долиной Тигра и Евфрата. Тронъ халифовъ пересталъ существовать. Бразды власти надъ Востокомъ перешли въ руки татаръ, которые уже перестали быть язычниками и приняли мусульманство.

Батый въ свою очередь воевалъ въ Европѣ. Великій ханъ послалъ вмѣстѣ съ нимъ своего сына Куюка и племянника Менке; но главную силу орды представлялъ тотъ же Субудай. Теперь татары шли другимъ путемъ, а именно великими Каспійскими воротами. Они покорили землю торговыхъ и богатыхъ болгаръ на нижней Камѣ и средней Волгѣ и, пользуясь раздорами русскихъ удѣльныхъ князей, не прекращавшихъ своихъ счетовъ, опустошили землю Рязанскую въ 1237 г., взяли Владиміръ, разбили между рѣками Ситью и Мологой въ слѣдующемъ году великаго князя, направились было на Новгородъ, вернулись назадъ, очутившись, вѣроятно, среди болотъ, взяли Козельскъ послѣ долгой осады, въ 1239 году устремились на Югъ, опустошили южныя русскія области, а въ 1240 году разгромили Кіевъ и двинулись далѣе на Западъ, направляясь къ проходамъ Карпатовъ. Вся Европа была въ ужасѣ, узнавъ о появленіи грознаго безпощаднаго врага, для котораго разрушеніе было стихіей и жизнью. Императоръ Фридрихъ II хотѣлъ самъ встать во главѣ христіанскаго воинства, но ссора съ Римомъ этому воспрепятствовала. Казалось, западные народы, славяне и германцы будутъ беззащитны отъ враговъ. Но военное искусство рыцарей съ одной стороны и усталость монголовъ съ другой дали перевѣсъ христіанамъ. Впрочемъ, первое время Польша, Венгрія и Чехія подвергались опасности раззоренія и потери политической самостоятельности. Надо замѣтить, что, слѣдуя обычнымъ военнымъ пріемамъ, еще во время русскаго похода, татарскіе наѣздники, въ качествѣ развѣдчиковъ, показались въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Чехіи, гдѣ ихъ въ насмѣшку прозвали „картасами“, не придавая имъ особаго значенія и не зная какое зло несутъ они за собою странѣ. Батый все еще имѣлъ около полмилліона воиновъ, когда двинулся въ Западную Европу; по всегдашнему обычаю монголовъ, за конницею тянулись коровы, бараны, козы, служившіе пищей арміи и замѣнявшіе всякій обозъ. Въ концѣ зимы 1241 года татары

вторглись въ Малую Польшу, взяли и сожгли Сандомиръ и Краковъ. Здѣсь, въ виду карпатскихъ проходовъ, Батый раздѣлилъ свою орду на двѣ части: одна ворвалась въ Венгрію, другая въ Великую Польшу, разсчитывая проникнуть въ Чехію и Германію.

Вторженіе монголовъ въ западную Европу.

Всей европейской цивилизаціи грозила великая опасность. Татары обѣщали не оставить камня на камнѣ. Германское рыцарство, не дожидаясь императора, спѣшило вооружаться вмѣстѣ съ польскимъ и чешскимъ. Чешскій король Вячеславъ собралъ до 50 тысячъ сбродныхъ воиновъ, въ рядахъ которыхъ было не болѣе 6 тысячъ конныхъ, способныхъ къ геройской оборонѣ. Но польскій князь не хотѣлъ подождать его и при Легницѣ (въ Силезіи) одинъ думалъ остановить цѣлыя сотни тысячъ конныхъ монголовъ, соединившихся теперь въ одну армію. Татары легко растоптали своихъ противниковъ; 10 тысячъ поляковъ легло въ этомъ бою, а между ними погибъ и самъ князь Генрихъ. Когда король Вячеславъ подошелъ къ Легницу, татаръ уже не было. Они перебросились частію въ Венгрію, частію въ Моравію. Самъ Батый руководилъ походомъ въ Венгрію; Пета пошелъ на Моравію. Пользуясь раздорами между королемъ Бѣлою и магнатами, Батый, отбросивъ послѣ битвы на рѣкѣ Слонѣ венгерскую конницу, произвелъ страшное опустошеніе страны, обративъ заселенныя долины въ пустыни; отъ городовъ едва оставались слѣды. Король бѣжалъ въ Австрію, а оттуда въ Хорватію. Батый, овладѣвъ большею частію Венгріи, хотѣлъ идти по его слѣдамъ, но, получивъ извѣстіе о неудачахъ Петы, долженъ былъ пріостановиться. Монголы подъ Ольмюцомъ встрѣтились съ чешскимъ войскомъ предводимымъ Ярославомъ, извѣстнымъ послѣ подъ именемъ графа Штернбергъ. Потерпѣвъ пораженіе, монголы отступили на соединеніе съ Батыемъ. Теперь нѣмцы и чехи стали дѣйствовать съ большимъ единодушіемъ. Ихъ силы оказались столь внушительны, что Батый не счелъ возможнымъ рисковать битвой, а, отыскивая новой добычи, направился лѣтомъ 1241 года на Югъ въ Хорватію, дошелъ до Далмаціи, все разрушая на пути и, увидѣвъ берега Адріатики, зазимовалъ на нихъ. Въ началѣ 1242 года Батый, не видя дальнѣйшей цѣли похода, вернулся назадъ въ Кіевъ въ привольныя степи Южной Руси, и, пройдя ихъ, расположился въ Сараѣ (близъ нынѣшняго г. Царева, въ Астраханской губерніи), откуда

управлялъ своими громадными завоеваніями. Здѣсь на поклонъ явилисъ къ нему русскіе князья. Куюкъ же поспѣшилъ на родину.

Батый и его преемники не разрывали связей съ великимъ ханомъ. Тогда уже не было въ живыхъ Огатая; онъ умеръ въ годъ наибольшихъ воинскихъ успѣховъ монголовъ—(1241 г.). Одна изъ его женъ или точнѣе сказать наложницъ, такъ какъ монголы до принятія мусульманства не знали брачной жизни,—Туракина правила имперіею 4 года, можетъ быть поджидая прибытія съ Запада Куюка, котораго дѣйствительно водворила на престолѣ отца. Молодой властитель, утомленный долгимъ походомъ, горделиво именовавшій себя „силой Божіей и властелиномъ человѣчества“, скончался черезъ три года, и въ 1251 году великимъ ханомъ, по желанію Батыя, былъ избранъ сынъ Тулуя, Мангу (умершій въ 1259 году), а послѣ него его братъ Кублай, старавшійся ввести среди монголовъ китайскую образованность.

Плано-Карпини въ 1246 году.

Въ это-то время прибыли въ Монголію первые изслѣдователи—монахи съ отдаленнаго Запада. Итальянскій миноритъ Джіованни де-Плано-Карпини съ монахомъ Бенедиктомъ были посланы въ 1246 году въ станъ Батыя съ миссіонерской цѣлью. Карпини описалъ свое путешествіе черезъ Чехію, Польшу, Кіевъ въ Сарай, откуда онъ былъ направленъ Батыемъ за Уралъ въ степи къ великому хану, при дворѣ котораго пробылъ недолго и въ 1247 году уже вернулся въ Кіевъ. Онъ первый сообщилъ основательныя свѣдѣнія о нравахъ и обычаяхъ монголовъ, изъ среды которыхъ выдѣляетъ татовъ или татаръ, считая ихъ передовой дружиной монголовъ. Онъ же, по созвучію татаръ съ тартаромъ, упрочилъ мысль въ умахъ современниковъ, что татары, наполнившіе ужасомъ Европу, суть не что иное, какъ исчадіе ада. Онъ мѣткими чертами обрисовалъ деспотическую власть великаго хана и обрядъ присяги ему. „Чтобы императоръ ни приказалъ, разсказываетъ Карпини, въ какое бы время и гдѣ бы то ни было, на войну, на смерть-ли, на жизнь-ли, все это исполняютъ они безъ прекословія. Также, если ханъ потребуетъ у кого незамужнюю дочь или сестру, безпрекословно отдаютъ ему. Ежегодно или черезъ нѣсколько лѣтъ онъ собираетъ дѣвицъ изъ всѣхъ татарскихъ владѣній; изъ нихъ онъ оставляетъ себѣ тѣхъ, которыхъ хочетъ, а другихъ раздаетъ

своимъ людямъ, какъ ему вздумается“. Этой безграничной власти предшествуетъ символическій обрядъ, совершающійся при самой примитивной обстановкѣ. Вельможи кладутъ мечъ передъ своимъ владыкой и говорятъ: „Мы хотимъ, просимъ и приказываемъ, чтобы ты владѣлъ всѣми нами“. Ханъ спрашивалъ послѣ того: „Если вы хотите, чтобы я владѣлъ вами, то готовъ ли каждый изъ васъ исполнить то, что я прикажу: приходить—когда призову, идти туда—куда пошлю, убивать того—кого велю“. На это они отвѣчали: „готовы“. —„Если такъ, продолжалъ ханъ, то впредь слово устъ моихъ да будетъ мечемъ моимъ“. Наконецъ, его сажали на войлокъ и говорили что въ случаѣ хорошаго управленія онъ будетъ счастливъ, а въ случаѣ дурнаго у него не будетъ и войлока, на которомъ онъ сидитъ (¹).

По возвращеніи въ Европу, Карпини неутомимо проповѣдывалъ въ Чехіи, Венгріи и Норвегіи. Въ томъ же 1247 году отправленъ былъ францисканецъ Николай Асцелинъ съ цѣлой миссіей въ Бухару (Ховарезмію) и въ Монголію. Онъ ѣхалъ другимъ путемъ: черезъ Сирію, Месопотамію и Персію. Его описаніе не отличается полнотою наблюденій Карпини, равно какъ и Записки францисканца Рубруквиса изъ Брабанта, о которомъ однако нельзя не упомянуть.

Рубруквисъ въ 1253 году.

Онъ былъ отправленъ непосредственно королемъ Луи IX къ великому хану въ качествѣ посла, а вмѣстѣ съ тѣмъ съ принесеніемъ поздравленія по поводу слуховъ о принятіи самимъ Мангу христіанства. Слухъ оказался ложнымъ, но подробное описаніе путешествія Рубруквиса значительно расширило кругъ географическихъ свѣдѣній въ тогдашнемъ обществѣ (²). Въ Крыму Рубруквисъ нашелъ остатки готовъ, съ которыми могъ свободно объясняться. Онъ проникъ въ Азію черезъ южные отроги Урала, гдѣ встрѣтилъ башкиръ, которыхъ называетъ паскатирами. Черезъ Кенкатъ (Ташкентъ), проходами Белуръ-Тага и Алтая, онъ достигъ Монголіи, въ сопровожденіи Варѳоломея Кремонскаго. Въ Монголіи онъ встрѣтился съ плѣнными латинами, вѣроятно чехами, поляками и нѣмцами, увезенными послѣ силезскаго похода. Здѣсь,

(¹) Д. Языковъ, Собраніе путешествій къ татарамъ (Пет. 1825). Здѣсь помѣщенъ переводъ Записокъ Плано-Карпини и Николая Асцелина. См. 40, 147 стр.—На франц. въ изд. Recueil de Voyages et de Mémoires, publié par la Soc. de Géogr. (P. t. IV, 1839).

(²) На франц. въ IV т. цитованнаго изданія, а также въ Voyage de Benjamin de Tudèle etc. (P. 1830).

въ качествѣ ремесленниковъ, европейцы оказались незамѣнимыми людьми, какъ рудокопы и оружейники. Монголы относились къ нимъ очень любезно. Въ степи Гоби, недалеко отъ береговъ Онона, была расположена столица ханства подъ именемъ Каракорума, на мѣстѣ нынѣшняго Карчина. Тутъ Рубруквисъ встрѣтился съ соотечественникомъ, французомъ Гильомомъ Бушье, который устраивалъ ханскіе сады, украшалъ ихъ серебряными статуями, ставилъ фонтаны и исполнялъ разныя механическія работы. Убѣдившись, что слухъ объ обращеніи великаго хана ложенъ, послы отправились назадъ тѣмъ же путемъ, но, переправившись черезъ Волгу, направились черезъ Кавказскія горы въ Грузію, Арменію, Анатолію, Сирію, Египетъ и Триполи, куда прибыли уже въ въ 1255 году. Получивъ приказаніе поселиться въ Палестинѣ въ Санъ-Жанъ д' Акрѣ, Рубруквисъ приступилъ къ отчету о путешествіи, который подалъ своему королю. Онъ прожилъ послѣ того почти 40 лѣтъ и умеръ въ 1293 году. Его заслуги для этнографіи были замѣчательны. Онъ первый призналъ, что гунны, башкиры и венгры суть народы финскаго племени и умѣлъ разобраться въ ихъ языкѣ. Рядомъ съ тѣмъ у него невозможныя сказки въ родѣ того что въ одной счастливой землѣ близъ Восточнаго Океана иностранцы перестаютъ старѣться послѣ того, какъ въ ней поселятся.

Марко Поло (1254-1324 г.) и «Mirabilia mundi».

Еще болѣе подробное описаніе Востока уже на исходѣ XIII вѣка составилъ венеціанецъ Марко Поло, происходившій изъ зажиточной купеческой семьи. Онъ наполнилъ Западъ славой чудесъ и богатствъ Азіи. Самое сочиненіе его носитъ названіе „Чудесъ міра". Оно дало ему имя *Геродота среднихъ вѣковъ*. Рѣдкій путешественникъ столько видѣлъ, столько вынесъ и столько написалъ. Его краски такъ роскошны; вещи и богатства, которыя онъ описываетъ, казались столь невѣроятными, что его прозвали „милліонщикомъ" (il Millione, messer Marco Milioni). Но большая часть того, что онъ говорилъ, была подтверждена впослѣдствіи въ XV и XVI вѣкахъ учеными португальцами. Его „Mirabilia" стало основаніемъ географіи Азіи. Онъ первый отправился на Востокъ въ 1271 году исключительно съ торговою цѣлью съ отцомъ Николо и дядею Маффеи, въ сопровожденіи приказчиковъ и слугъ, оберегавшихъ товары. Путь шелъ по слѣдамъ Рубруквиса. У хана Кублая торговцы встрѣтили неожиданное гостепріимство.

Открытія новыхъ странъ.

Изучивъ монгольскій языкъ, Марко своими разнообразными свѣдѣніями оказался необходимымъ для Кублая, при дворѣ котораго провелъ болѣе 20 лѣтъ. Изъ столицы, сопровождаемый конвоемъ, пользуясь милостью повелителя, Марко совершалъ продолжительныя путешествія по степямъ, Китаю, Тибету, Индіи. Онъ всесторонне изучилъ Азію и узналъ ее, благодаря особымъ выгоднымъ условіямъ, какъ никто. Онъ, напримѣръ, четыре года участвовалъ въ китайскомъ походѣ въ должности инженера, устраивая монголамъ метательныя машины; онъ видѣлъ покореніе двухъ государствъ: Ка-тая и Ма-хина, которыя соединились въ одну монархію, столицею которой дѣлается Пекинъ съ 1280 года. Одно время Поло былъ назначенъ начальникомъ города Янгуи. Авторъ подробно въ двухъ главахъ описываетъ богатѣйшій приморскій городъ съ серебряными стѣнами и золотыми башнями—Кинсай (нынѣшній Ханг-чеу-фу). Онъ зналъ Японію подъ именемъ островов Ципанго или Іипенъ. Онъ описалъ южные острова Восточнаго Океана, которые хотѣлъ завоевать великій ханъ. Онъ участвовалъ также въ походѣ на Тибетъ и изобразилъ эту плоскую возвышенность, гдѣ утвердился ламаизмъ съ Далай-Ламой ([1]). Онъ въ странѣ Пегу собралъ свѣдѣнія о передней Индіи, которую назвалъ Бангалой, и впервые ознакомилъ Европу съ пряностями ея. По этому поводу онъ упоминаетъ про абрагамовъ (браминовъ). Онъ останавливался съ китайской эскадрой на Зундскихъ и Малуккскихъ островахъ, открылъ для изслѣдованія Яву, Суматру, Борнео, Целебесъ и полуостровъ Малакку, провѣривъ Птоломея и отвергнувъ его голословныя сказанія о цѣлой тысячѣ островов. Онъ былъ на Цейлонѣ, описалъ восточный берегъ Африки, который съ его словъ по племенному имени воинственныхъ Зенгви сталъ называться Зангебаръ, былъ на островѣ „Магастарѣ“, начальствуя китайской флотиліей не разъ высаживался на берегъ для своихъ изслѣдованій, убѣдился въ существованіи цѣлыхъ негритянскихъ царствъ, которыя считалъ возможнымъ объѣхать на корабляхъ съ Юга, произвелъ развѣдки о землѣ Абасція (Абиссинія), въ которой тогда процвѣтало христіанство. Въ Іерусалимѣ онъ встрѣтился съ абиссинцами, приходившими поклониться Гробу Господню, записалъ эти бесѣды

([1]) Гумбольдтъ въ Космосѣ полагалъ, что это описаніе взято цѣликомъ изъ сочиненія буддійскаго пилигрима VII вѣка Гіуинцанга (II, 426).

и тогда пошла молва о далекомъ христіанскомъ таинственномъ Габешѣ, который послѣ такъ магнетически притягивалъ къ себѣ португальцевъ и всѣхъ изслѣдователей.

Вообще позднѣйшіе мореплаватели XV вѣка, не исключая и Колумбо, благодаря подробнымъ описаніямъ Марка Поло, влекомые любознательностью, наталкивались на свои открытія. Знаменитый путешественникъ также хорошо зналъ Сибирь, какъ и Югъ Азіи. Онъ обстоятельно описалъ жизнь бурятъ и тунгузовъ у Байкала.

Вернувшись съ огромными средствами и драгоцѣнными матеріалами въ Венецію въ 1295 году, онъ не сразу приступилъ къ своему сочиненію. Онъ былъ отвлеченъ войной съ Генуей, въ которой принялъ участіе изъ страсти къ приключеніямъ; въ одномъ изъ сраженій онъ былъ раненъ и взятъ въ плѣнъ вмѣстѣ съ адмираломъ Дандоло. Сидя въ заточеніи, онъ диктовалъ своему другу Рустигелло свое описаніе по запискамъ, полученнымъ изъ Венеціи. Оригиналъ весь былъ написанъ по-итальянски въ 1298 году и былъ въ 1320 году переведенъ на латинскій, но въ печати вышли сперва переводы нѣмецкій и французскій, потомъ итальянскій оригиналъ и португальскій переводъ. Какъ многочисленныя рукописи, такъ и эти изданія внесли цѣлый міръ географическихъ данныхъ въ среду тогдашняго общества. Они много содѣйствовали развитію любознательности и пытливости новыхъ предпріимчивыхъ дѣятелей,— вообще образованности (1). Замѣчательно, что Марку мало довѣряли; до того казались невѣроятными его удивительные разсказы. Друзья просили его передъ смертью, для успокоенія души, отказаться хотя отъ половины его расказовъ.—„Я ничего не преувеличилъ, отвѣчалъ обиженный путешественникъ, и не передалъ даже половины того, что видѣлъ“.

---

(1) Первое итальянское изд. Marco Polo veneziano—delle Maraviglie del Mondo da lui vedute (Ven. 1496). Лучшее изданіе съ комм. графа Baldelli Boni—Il Millione di messer Marco Polo Veneziano (съ «Исторіей Азіи», Fir. 1824). Нѣмецк. пер. вышли въ Нюренбергѣ и въ Вѣнѣ въ 1477 году; португал. въ 1502 году въ Лиссабонѣ. Русскій переводъ въ Чтеніяхъ Общ. Ист. и Древн. Росс. (1861, кн. 3 и 4, 1862, кн. 1—4). Лучшее старо-француз. изданіе, которое считали за оригиналъ, сдѣлано Soc. de Géogr. de Paris въ Rec. de Voyages et de Mémoires (P. t. I; 1824). Лат. изд. Ed. Müller (Ber. 1671). См. соч. Риттера (Землевѣдѣніе Азіи и Исторію Землевѣдѣнія), Гумбольдта (Asie Centrale; II, 495) и сборникъ Григорьева (Азія).

Готье и его „Картина міра“.

Къ этому же роду произведеній относятся космографическія обозрѣнія или компиляціи, написанныя современниками на народныхъ языкахъ, иногда въ поэтической формѣ, на основаніи древнихъ авторовъ или предшествовавшихъ латинскихъ опытовъ. Наибольшее значеніе имѣла поэма: „Картина міра“ или – во французскомъ оригиналѣ XIII вѣка—„C'il livre de clergie (книга знаній) qui est appelez en romans l' Ymagene del monde“ (¹). Авторомъ этой поэмы былъ Готье изъ Меца; впрочемъ ему принадлежитъ скорѣе стихотворная форма, потому что матеріалъ заимствованъ у Исидора Севильскаго (изъ 20 книгъ его Началъ или Этимологій, въ которыхъ имъ было собрано около 630 г. все что осталось отъ древней образованности), у Гонорія Отэнскаго (изъ его Imago mundi, составленной около 1140 года) и у Гильома де Коншъ (изъ его Philosophia mundi, написанной около 1150 года). Эти серьезные латинскіе труды, бывшіе достояніемъ записныхъ ученыхъ, французъ Готье сумѣлъ сдѣлать интересными, передавъ ихъ въ довольно привлекательной формѣ.

Поэма Готье, оконченная въ 1245 году въ трехъ отдѣльныхъ частяхъ въ 27 тысячъ стиховъ, излагаетъ по своему космогонію, географію и астрономію. Системы во всей поэмѣ, раздѣленной на 55 главъ, нѣтъ—хотя задѣты болѣе или менѣе подробно всѣ вопросы естествознанія. Она начинается библейской картиной сотворенія міра и появленія первыхъ людей, надѣленныхъ разумомъ въ отличіе отъ другихъ тварей. Семь свободныхъ искусствъ даны были человѣку на зарѣ его бытія. Это даръ Верховнаго Создателя, по выразителями его явились великіе люди, въ ряду коихъ первое мѣсто занимаетъ Виргилій, бывшій будто бы предметомъ восхищенія самого апостола Павла. Изъ числа „свободныхъ искусствъ“ авторъ исключаетъ медицину, потому что она занимается тѣломъ, грѣховной оболочкой человѣка, а не духомъ. Изображая космосъ, Готье восхищается его общей гармоніей. Вся сфера міра имѣетъ видъ яйца, въ серединѣ котораго помѣщается земля. Послѣдняя имѣетъ круглую форму также какъ и небо, находящееся въ вѣчномъ движеніи. Въ этомъ, конечно, не было ничего оригинальнаго, такъ какъ всѣ космическія представленія заимствованы у древнихъ.

(¹) Histoire littéraire de la France; t. XXXIII.

Во второй части авторъ даетъ обозрѣніе извѣстныхъ частей свѣта, начиная съ Азіи. Прежде всего Готье отыскиваетъ мѣсто земнаго рая, которое изображаетъ согласно съ Библіей. Затѣмъ переходитъ къ странѣ чудесъ—Индіи, для которой не щадитъ красокъ. Въ ряду диковинокъ Индіи описывается звѣрь единорогъ „съ туловищемъ лошади, ногами слона и головой оленя; на лбу у него огромный рогъ въ 4 локтя; его можно поймать не иначе, какъ если онъ, приблизившись къ невинной дѣвушкѣ, положитъ голову къ ней на колѣна и заснетъ" ([1]). Съ такою же обстоятельностью, не щадя красокъ, авторъ описываетъ чудеса Африки, безсистематично, собирая матеріалъ откуда возможно и занося въ поэму все фантастичное что только было извѣстно въ тогдашнемъ обществѣ относительно этой части свѣта и что въ свою очередь упрочилось въ слѣдующихъ поколѣніяхъ, благодаря чтенію „Картины міра". Тутъ говорится объ адѣ, размѣщеніе котораго очень обстоятельно знакомо автору, о чистилищѣ св. Патрика, о разныхъ волшебныхъ мѣстахъ. Замѣчательно, что объ Европѣ Готье говоритъ мелькомъ въ нѣсколькихъ стихахъ. За то съ особеннымъ вниманіемъ останавливается на общихъ географическихъ соображеніяхъ по вопросу объ отношеніи суши къ водѣ и т. п. Описаніе небесной сферы, падающихъ звѣздъ, семи планетъ, служитъ переходомъ къ астрономіи. Въ этой послѣдней части поэмы говорится о фазахъ луны, о суточномъ измѣреніи времени, о солнечныхъ и лунныхъ затменіяхъ, о небесныхъ свѣтилахъ и звѣздахъ, ихъ величинѣ и взаимныхъ разстояніяхъ. Конечно, всѣ такія соображенія автора и его описанія небесной сферы не имѣютъ за собою никакихъ научныхъ данныхъ, но въ исторіи тогдашней поэзіи эти замѣчанія важны потому, что они послужили матеріаломъ для „Li Tresors" Брунетто Латини, а черезъ него и для Данте, который могъ помимо того пользоваться подлинникомъ Готье. Небо видимое, хрустальное, эмпирей изображено у Готье также, какъ въ соотвѣтственныхъ пѣсняхъ „Рая". Эмпирей нѣчто неподдающееся человѣческому воображенію; эмпирей ярче самого солнца; тамъ находится небесный рай; тамъ пребывали прежде падшіе ангелы. Авторъ дѣлаетъ неожидан-

([1]) Въ русской литературѣ извлеченіе изъ «Картины міра» сдѣлалъ г. Болдаковъ въ цитованной Ист. средневѣковой лит. 600—602.

ный переходъ снова къ Виргилію, и кончаетъ сжатымъ, довольно спутаннымъ повтореніемъ разнообразнаго содержанія поэмы.

Вліяніе „Картины міра“ и другихъ подобныхъ произведеній на современниковъ было огромное; въ нихъ грамотные люди находили все, что удовлетворяло ихъ любознательности. Доказательствомъ того служитъ обиліе современныхъ манускриптовъ, которыхъ только въ Парижской Національной Библіотекѣ насчитывается около 30. Прочіе бревіаріи (руководства) и энциклопедіи не могли имѣть такой популярности, хотя въ иныхъ частяхъ превосходили поэму Готье; имъ не доставало увлекательной формы. Такъ итальянецъ Брунетто Латини (1220 — 1294 г.), флорентійскій сановникъ, составилъ свою обширную „Сокровищницу“ (Li tresor) на старо-французскомъ языкѣ (¹). Манфредъ Эрменго на провансальскомъ составилъ „Lo breviari d'amor“ въ 21 тысячу стиховъ. Эта поэма о любви земной и загробной, при чемъ авторъ пытается изложить энциклопедію тогдашнихъ знаній и особенно подробно богословіе. Того же содержанія было анонимное „Il libro di Sidrac“ переведенное въ XIV вѣкѣ съ итальянскаго на французскій языкъ подъ заглавіемъ: La fontaine de toutes sciences. Во всѣхъ этихъ произведеніяхъ знаніе протягиваетъ руку поэзіи, къ которой мы должны обратиться.

Существенными двигателями средневѣковой исторической жизни были рыцарство и католицизмъ. Эпосъ воплотилъ въ себѣ то и другое въ замѣчательной полнотѣ и художественной законченности,—рыцарство въ нѣмецкихъ и французскихъ образцахъ, современныхъ цвѣтущей эпохѣ рыцарства, т. е. періоду гогенштауфеновъ; а католицизмъ въ личности Данте, который въ своей Divina Comedia, этомъ великомъ твореніи человѣческаго духа, олицетворилъ въ безсмертныхъ образахъ средніе вѣка. Мы остановимся подробнѣе на нѣмецкомъ эпосѣ и на Данте, а прежде всего скажемъ нѣсколько словъ о поэзіи болѣе ранняго времени.

(¹) Этой энциклопедіи предшествовало итальянское Il Tesoretto, посвященное королю Луи IX и неоконченное авторомъ. Оно имѣетъ дидактическій характеръ и трактуетъ между прочимъ о правѣ и политикѣ; можетъ быть по фабулѣ оно въ нѣкоторыхъ частяхъ послужило предметомъ подражанія для Данте.

Языческіе мотивы народной поэзіи.

Въ первый періодъ средневѣковья, приблизительно до XII вѣка, воображеніе питалось богатымъ содержаніемъ древне-германской или точнѣе скандинавской эпической народной поэзіи, которая разработывалась въ каждой странѣ согласно мѣстнымъ художественнымъ вкусамъ, средствамъ и преданіямъ. Величественные въ своей первобытной простотѣ мотивы языческихъ скандинавскихъ пѣсенъ, миѳическихъ и героическихъ, сохранившихся во всей чистотѣ въ отдаленной Исландіи, такъ называемой Старшей Эдды (вѣщуньи), въ позднѣйшей редакціи приписываемой Сэмунду Сигфуссону, съ ея полными колоссальной силы, полудикими по содержанію сказаніями о богахъ и богиняхъ, герояхъ и героиняхъ, о Нифлунгахъ, Сигурдѣ, Гельги, Кудрунѣ, съ Вӧлусповой сагой,— были записаны лишь въ XII столѣтіи, но передавались въ болѣе ранніе вѣка изъ устъ въ уста. Также издавна были извѣстны: пѣсни скальдовъ, составившія такъ называемую Младшую Эдду, въ обработкѣ Снорре-Стурлесона, поэма англо-саксонская о Беовульфѣ, въ которой пластично выражена борьба человѣка съ грубыми силами природы, сказанія о Гильдебрандѣ и Гадубрандѣ, этихъ отдаленныхъ прототипахъ рыцарства, а равно потрясающая до сихъ поръ Вӧльзунгова сага [1]. Позже явились поэты, или точнѣе стихотворцы, которые изобрѣтали тотъ или другой размѣръ, укладывали богатый матеріалъ, оставленный скандинавскими языческими преданіями, уже нѣсколько видоизмѣненный, въ болѣе или менѣе красивую стихотворную форму, составлявшую личное изобрѣтеніе каждаго пѣвца и называвшуюся его именемъ, при чемъ поэты примѣнялись къ вкусамъ сравнительно болѣе культурнаго и изнѣженнаго времени.

Съ XII вѣка, при дворахъ князей и рыцарей, исполнялись миннезенгерами пѣсни на сюжеты древнихъ скальдовъ, въ формѣ, которая стала неузнаваемой. Знаменитая Иліада Германіи, „Dei Nibelungen Noth"—Пѣснь о Нибелунгахъ—изображаетъ роковую гибель знаменитыхъ германскихъ родовъ, пользуясь сказаніемъ о Сигурдѣ, о валькиріи Брунгильдѣ,

---

(1) По-русски нѣкоторыя саги цѣликомъ переведены въ изданіи А. Н. Чудинова (Образцовыя произв. сканд. поэзіи В. 1875; I, 28—169). Въ прозаическихъ отрывкахъ переводъ Гудруны и Нифлунговъ въ соч. Грановскаго, въ изд. Стасюлевича и Кирпичникова. Спеціальное изслѣдованіе Н. Полеваго. Древн. нам. нар. поэзіи герм. и слав. II. 1864.

о мести Кримгильды, сагами о Дитрихѣ Бернскомъ и гуннскомъ королѣ Этцелѣ, въ котораго обратился сѣверный колдунъ Атли. Это созданіе всего германскаго народа, которое редактировалъ, по предположенію критики, малоизвѣстный поэтъ Кюренбергеръ (¹). Сказаніе о Кудрунѣ было въ то же время переработано въ поэму о Гудрунѣ, эту Одиссею Германіи. Во Франціи Нибелунговъ замѣняла великолѣпная пѣснь о Роландѣ, которую пѣли также въ Нормандіи и въ Англіи труверы и менестрели.

Въ концѣ XII столѣтія поэзія получила подъ французскимъ вліяніемъ иное содержаніе. Изъ народной она стала рыцарской придворной и получила искуственный, индивидуальный характеръ.

Рыцарскій эпосъ. Господство гогенштауфеновъ повело за собою процвѣтаніе въ Германіи этого рода поэзіи, которую также называютъ романтической, такъ какъ она есть плодъ романскаго, именно провансальско-французскаго вліянія. Какъ провансальцы прославились своею лирикою, главными предметами которой были и остались страданія и радости любви и восхваленіе возлюбленной, такъ сѣверо-французскіе труверы проявили весьма богатую содержаніемъ эпику, благодаря которой Франція сдѣлалась истиннымъ средоточіемъ романтической поэзіи. Крестовые походы завязали постоянныя сношенія между французскимъ и нѣмецкимъ рыцарствомъ. То и другое стремилось проявить идеальное братство въ поэтическомъ вдохновеніи. На характеръ этой рыцарской поэзіи крестовые походы повліяли непосредственно. Французское рыцарство, покрывшее себя неотразимымъ блескомъ чести и славы въ первомъ крестовомъ походѣ, сдѣлалось образцомъ для нѣмецкой знати. У него нѣмцы заимствовали законы и учрежденія рыцарства, придворнаго этикета, куртуазію и романтическо-рыцарское почитаніе женщины (²). Существенную часть кур-

---

(¹) Переводъ Нибелунговъ недавно сталъ выходить въ Пантеонѣ Литературы (1889, № 2 и слѣд.).

(²) Для Германіи въ этомъ вопросѣ—капитальное сочиненіе Weinhold, Die Frauen im Mittelalter. См. рефератъ Петрова. Ульрихъ фонъ-Лихтенштейнъ (въ его Очеркахъ изъ Всем. Ист. X. 1882, 2 изд.), составленный по этой книгѣ. — Въ дополненіе къ нашимъ примѣчаніямъ (II, 255, 267) слѣдуетъ указать на соч. Th. Wright (Womankind in western Europe),

туазіи составляло идеальное служеніе женщинамъ, имѣвшее (II, 265) религіозное основаніе въ поклоненіи Дѣвѣ Маріи, которое сильно развилось во время крестовыхъ походовъ. Мечтательность же германскаго характера выразилась въ одной отличительной чертѣ — въ стремленіи за предѣлы видимаго міра, zu Himmel, въ мечтахъ о небесномъ блаженствѣ, короче въ представленіи о непрестанномъ противорѣчіи между духомъ и матеріей.

Все это особенно рельефно высказалось въ нѣмецкомъ рыцарскомъ эпосѣ. Два цикла средневѣковаго эпоса нашли себѣ мѣсто и въ Германіи. Артуровъ циклъ въ большинствѣ поэтическихъ сказаній о животныхъ въ общемъ не вызвалъ сочувствія, но за то въ этомъ же циклѣ одинъ сюжетъ подчинилъ себѣ всѣ другіе и получилъ самую поэтическую обработку подъ перомъ нѣмецкихъ средневѣковыхъ поэтовъ. То были сказанія о св. Гралѣ и Тристанѣ и Изольдѣ. Замѣчательнѣйшіе представители германской поэзіи: Вольфрамъ фонъ-Эшенбахъ и Готфридъ Страсбургскій, близкіе къ геніальности, работали надъ этими мотивами (1).

Нѣмецкая поэзія въ XII вѣкѣ.

Но если упомянутыя легенды породили блестящія творенія, то все это произошло не съ разу. Нѣмецкая поэзія шла историческимъ путемъ. Въ XII вѣкѣ она отдаетъ дань исключительно религіозной эпохѣ, тѣмъ болѣе, что въ первое время находилась въ рукахъ духовныхъ лицъ. Здѣсь мы встрѣчаемся

а также соч. Schultz, Falke и Roth von Schreckenstein о придворной и вообще рыцарской жизни въ Германіи, и непосредственно — Bergemann. Das höfische Leben nach Gottfried von Strassburg, 1876.

(1) Пособія: Гервинусъ, Gesch. der poetischen National-Literatur der Deutschen (пятое, изд. 1871); Vilmar, Gesch. der deutschen National-Literatur (2 изд. Marb. 1881); Erlach, Die Volkslieder der Deutschen 1834—37, 5 v. Изданія историческихъ пѣсенъ: Вольфа и позднѣйшее для 13—16 вѣка — Лиліенкранца (1865—69 г.), о чемъ статья Оппеля въ Hist. Zeitschrift (1871, № 1). Общіе курсы для нѣмецкой литературы: Rosenkranz, Gesch. der deutschen Poesie im Mittelalter (1830); Cholevius, Gesch. der deutschen Poesie nach ihren antiken Elementen (2 v. 1854); W. Scherer, Gesch. der deutschen Litteratur B. 1880. Сборники и выборки памятниковъ сдѣлалъ между прочимъ Huttemer, Denkmäler des Mittelalters (1844). Спеціально для Граля: Parcival, Studien von S. Marte, 3 V. (1861). Для исторіи животнаго эпоса на русскомъ языкѣ спец. изсл. проф. Л. З. Колмачевскаго, Животный эпосъ на Западѣ и у славянъ (К. 1882).

со многими сочиненіями, которыя составляютъ переходъ отъ монашеской жизни къ рыцарской. Таковы: поэма евангельскаго содержанія, оригиналъ которой хранится въ Гёрлицѣ— такъ называемая Görlitzer Evangelienharmonie, написанная неизвѣстнымъ авторомъ въ XII ст., передѣлка Моисеевыхъ книгъ, которую Гриммъ относитъ къ началу этого вѣка, стихотворное житіе Дѣвы Маріи монаха Вернера, отрывокъ легенды о Пилатѣ, императорская хроника—„Kaiserchronik“—въ 1600 стиховъ, написанныхъ въ половинѣ XII столѣтія, собраніе легендъ и новеллъ, наполнившее исторію римскихъ императоровъ самыми странными анахронизмами, забавные разсказы, повѣствованія изъ жизни святыхъ и т. п. Болѣе серьезная поэзія началась именно тогда, когда въ нѣмецкихъ рыцарскихъ кружкахъ стали знакомиться съ поэтическими сюжетами, распространявшимися въ южныхъ областяхъ Франціи. Первымъ результатомъ такого знакомства была передѣлка извѣстнаго сказанія о Роландѣ — священника Конрада и современная ей пѣснь объ Александрѣ священника Лампрехта, написанная по итальянскому источнику. Въ первой части ея авторъ держится Курція, а потомъ бросается въ романтическій міръ чудесъ, въ которомъ прихотливо перемѣшиваетъ западные элементы съ восточными. Тутъ весьма поэтическій эпизодъ о томъ, какъ герои пребывали съ очаровательными дѣвушками, которыя являются въ заколдованномъ лѣсу изъ чашечекъ красныхъ и бѣлыхъ цвѣтовъ. Въ продолженіе лѣта дѣвы блаженствуютъ, какъ нимфы, а осенью вымираютъ вмѣстѣ съ цвѣтами и деревьями.

Подобное забавное смѣшеніе историческихъ эпохъ, географическихъ представленій, пестрота и живописная амальгама встрѣчаются въ Энеидѣ Генриха фонъ-Фельдеке (1190 г.). Эней облеченъ въ рыцарскую броню; Виргиніи навязана сентиментальность. Фельдеке родоначальникъ рыцарской поэзіи; его Энеида долго пользовалась популярностью, потому что совмѣщала въ себѣ все то, что считалось признакомъ высокаго поэтическаго искусства; звучность риѳмы и красоту стиха. Съ тѣхъ поръ какъ поэзія перешла въ руки привилегированныхъ поэтовъ, оставивъ хижины народа, она измѣнилась и во внѣшней формѣ. Въ прежнихъ памятникахъ поэзіи была Нибелунговская строфа, четыре длинныхъ стиха изъ 4 арзисовъ съ аллитераціей, тогда какъ въ рыцарской эпикѣ— два короткихъ стиха съ 4 арзисами съ риѳмой, а въ лирикѣ

трехчленное съ аллитераціей строфъ сочетаніе. — Гербертъ фонъ-Фрицларъ подражалъ Фельдеке въ пѣсни о Троѣ и только Гартманъ фонъ деръ-Ауэ въ началѣ XIII вѣка вступилъ на широкую дорогу, хотя идетъ по ней осторожно. Онъ также заимствуетъ свои сюжеты изъ Артурова цикла. Говорящій міръ животныхъ, преданія о кладѣ и о великанахъ привязываютъ его къ миѳической старинѣ; рыцарское пониманіе чести и обоготвореніе женщины, разсказы о томъ какъ рыцарь бьется за угнетенную дѣву и ищетъ приключеній, — все это отраженія современности. Въ свою очередь дѣвушка въ „Бѣдномъ Генрихѣ" готова принести себя въ жертву и спасти рыцаря отъ смертельной проказы. Надъ ней заносятъ ножъ. Божество удовлетворено и рыцарь исцѣляется. Подвижница, совершая это геройство, мечтала объ искупленіи и вѣчной жизни.

Преданіе о св. Гралѣ.

Эти поэмы подготовили вкусъ публики къ пониманію произведеній Вольфрама и Готфрида. Стремленіе къ подвигу и высокимъ нравственнымъ совершенствамъ составляютъ идею преданія о Гралѣ. Во время тайной вечери, Христосъ спросилъ чашу, въ которой подалъ вино своимъ ученикамъ. Эта чаша принадлежала Іосифу Аримаѳейскому; потомъ, когда изъ бока Распятаго, пронзеннаго Лонгиномъ, потекла кровь, она была собрана его учениками въ эту же чашу, которая становится такимъ образомъ священною въ глазахъ христіанъ. Она сдѣлана изъ камня, который выпалъ когда-то изъ короны Люцифера во время его низверженія съ неба; она переходила изъ рукъ въ руки, и какимъ-то чудомъ сохранилась на Западѣ до среднихъ вѣковъ. Такъ какъ Граль былъ связанъ со сказаніемъ о чудѣ христіанскаго искупленія, то понятно, что его представляли одареннымъ чудотворными силами. Граль не только надѣлялъ своего обладателя всею полнотою мірскаго блаженства, но награждалъ его счастливою жизнію на сотни лѣтъ. Тѣ, которые удостоивались высокаго счастія смотрѣть на Граль, не страдали и не болѣли, а больные исцѣлялись отъ болѣзней. Такая святыня конечно не могла принадлежать людямъ; ее охраняютъ ангелы въ небесномъ пространствѣ. Св. Граль увидятъ на землѣ только тогда, когда отыщется человѣкъ высоконравственный, храбрый, мудрый, однимъ словомъ, который былъ бы воплощеніемъ совершенства. Онъ долженъ быть одаренъ непоколебимой вѣрой въ Бога и полнѣйшей преданностью людямъ. Отыскать такого человѣка было зада-

чею Вольфрама фонъ-Эшенбаха, современника Фридриха II. Поэтъ хочетъ воспѣть торжество духа надъ чувственнымъ міромъ, чего требовало христіанство, хочетъ создать психологическій эпосъ, гдѣ была бы изображена внутренняя душевная борьба пытливаго разума. Шерръ сравниваетъ Вольфрама съ Данте. Это нѣсколько смѣло, но тѣмъ не менѣе благородная идея возвышаетъ Вольфрама надъ другими средневѣковыми поэтами, хотя онъ и не можетъ считаться геніемъ. Онъ остается католикомъ и осуждаетъ чувство, но тамъ гдѣ онъ пользуется легендами Артурова цикла, онъ открыто и рѣшительно становится на сторонѣ папства; онъ анализируетъ процессъ сомнѣнія, который можетъ быть побѣжденъ только при помощи таинства искупленія.

Вольфрамъ фонъ-Эшенбахъ и его «Парциваль».

Поэма Вольфрама, исторія о Парцивалѣ, состоитъ изъ шести книгъ. Парциваль происходитъ отъ Титурелей, отъ королевскаго дома хранителей Граля, по женской линіи. Глубоко огорченная раннею смертью супруга, мать воспитываетъ сына вдали отъ свѣта, въ какомъ-то пустынномъ мѣстѣ, для того чтобы онъ не имѣлъ никакого понятія о рыцарствѣ и, подобно отцу, не нашелъ бы преждевременной смерти въ боевой сумятицѣ кочевой жизни. Пытливая и мыслящая натура мальчика рано обнаруживается въ его столкновеніяхъ съ матерью и съ окружающею природою. Спиритуалистическія стремленія и наклонности пробуждаются въ немъ, когда, благодаря какой-то случайности, онъ добился отъ матери отвѣта на свои вопросы о Богѣ и дьяволѣ. Онъ встрѣчается въ лѣсу съ толпою рыцарей въ сверкающихъ латахъ, и это даетъ возможность мальчику, вступающему въ юношескій возрастъ, вдуматься въ міръ рыцарства, къ которому съ этой минуты его влечетъ непреодолимая сила. Мать соглашается наконецъ на его отъѣздъ, но чтобы отучить его отъ рыцарскихъ похожденій, надѣваетъ на него дурацкое платье. Въ этихъ забавныхъ столкновеніяхъ Парциваля съ дѣйствительностью много трогательнаго. Парциваль является ко двору Артура, гдѣ, благодаря шутовской одеждѣ, своей ловкости и пылкой храбрости, онъ возбуждаетъ всеобщее вниманіе, между тѣмъ какъ въ придворномъ кругу ничто не приковываетъ его къ себѣ. Въ продолженіе своего путешествія онъ уже въ настоящемъ рыцарскомъ костюмѣ является ко двору Артура. Здѣсь его неиспорченная натура быстро внушаетъ сочувствіе въ жен-

щинѣ. Семейная жизнь не въ состояніи избавить отъ страсти къ похожденіямъ. Онъ женится, но бросаетъ жену; томимый тоскою по родинѣ, онъ не созданъ для семейной жизни. Онъ снова отправляется на похожденія безцѣльныя, случайныя. Случай приводитъ его на „Munsalvaesche", Дикую гору, гдѣ онъ видитъ служеніе Гралю. Это цѣлый городъ; обитатели его охраняютъ храмъ. Описаніе храма является образцомъ средневѣковой романтики. Сапфиры, изумруды и алмазы горятъ по мраморнымъ колоннамъ. Во дворцѣ роскошный пиръ, но веселья на немъ нѣтъ. Король Граля, укутанный въ мѣха, сидитъ израненный и грустный, а въ сосѣдней комнатѣ Парциваль видитъ старика, сѣдаго какъ лунь, лежащаго на кровати. Оруженосецъ проноситъ чрезъ залу окровавленное копье при видѣ коего начинается всеобщее сѣтованіе. Парциваль съ удивленіемъ замѣчаетъ все это, но, помня давнишнее наставленіе одного стараго рыцаря, никогда не вмѣшиваться въ дѣло съ неумѣстными вопросами, онъ не спрашиваетъ о значеніи всѣхъ этихъ таинствъ ([1]). А если бы онъ предложилъ подобный вопросъ, онъ узналъ бы, что сѣдой какъ лунь старикъ — его собственный прадѣдъ, что старый король Граля—Титурель, что королева—сестра его матери, что израненный король—его дядя Анфортасъ, котораго онъ могъ бы излѣчить отъ его ранъ именно этимъ вопросомъ. Но онъ упускаетъ случай получить полное разъясненіе. Такъ часто, объясняетъ Шерръ, свѣтская мудрость мѣшаетъ людямъ стремиться къ высшему познанію правды. Его ведутъ затѣмъ въ постель со всѣмъ великолѣпіемъ рыцарски-романтическаго гостепріимства, но на другой день, при его пробужденіи, въ чудесномъ замкѣ уже царитъ безлюдная пустота, и когда онъ уходитъ, подъ впечатлѣніемъ тягостнаго чувства, оруженосецъ, стоя на стѣнѣ, насмѣшливо упрекаетъ его въ глупой сдержанности. Сейчасъ же вслѣдъ за этимъ онъ встрѣчаетъ дѣвушку, которая горько плачетъ, держа въ объятіяхъ трупъ своего убитаго жениха. Это тоже неузнанная родственница,— его пріемная сестра. Она сообщаетъ ему, какой вредъ онъ причинилъ своимъ молчаніемъ Гралю и его хранителямъ и съ проклятіемъ прогоняетъ его отъ себя. Онъ считаетъ свое общество позорнымъ для рыцарей Круглаго Стола и отправляется дальше, отчаяваясь въ себѣ, во всемъ

([1]) Domanig. Parzivalstudien. Der Gral des Parzival, Paderb. 1880.

окружающемъ, даже въ Богѣ. Во все время долгихъ и тревожныхъ скитаній, поэтъ отодвигаетъ его на задній планъ и въ пестрыхъ приключеніяхъ, которыя переживаетъ безстрашный Гаванъ, онъ изображаетъ намъ самую блестящую сторону свѣтскаго рыцарства. Наконецъ Парциваль, колеблющійся между упорнымъ скептицизмомъ и жгучею жаждою того источника благодати, которымъ является Граль, снова встрѣчаетъ Сигуну отшельницею въ дикомъ лѣсу, и она указываетъ блуждающему потерянный путь къ Богу, — дорогу на Дикую гору, съ которой онъ однако снова сбивается въ чащу лѣса. Еще не совершилось въ немъ то внутреннее возвращеніе на родину, которое должно предшествовать внѣшнему. Полное обращеніе Парциваля совершается въ кельѣ отшельника, его дяди. Здѣсь наконецъ Парциваль получилъ рѣшительное откровеніе о Гралѣ и о своемъ собственномъ призваніи. Дядя сообщаетъ племяннику, какъ онъ самъ, несмотря на свое происхожденіе отъ Титуреля, изъ дома королей Граля, отказался отъ достоинства хранителей Граля, потому что почувствовалъ себя недостойнымъ подобнаго счастья; далѣе, какъ братъ его Анфортасъ, теперешній король Граля, отвлекшись отъ своего высокаго назначенія, слишкомъ ревностно отдался мірской славѣ, какъ по этому случаю онъ былъ побѣжденъ въ бою и раненъ тѣмъ самымъ отравленнымъ копьемъ, которое при Парцивалѣ носили взадъ и впередъ въ замкѣ Граля, какъ онъ теперь влачитъ несчастную жизнь, пока, когда нибудь, какъ гласитъ пророческая надпись на Гралѣ, не придетъ рыцарь, который станетъ распрашивать о тайнахъ Граля и о страданіяхъ короля, и покажетъ именно этимъ распросомъ, что онъ какъ разъ тотъ, кому Анфортасъ долженъ передать королевство Граля. Только теперь Парциваль чувствуетъ глубокое раскаяніе въ томъ, что онъ велъ себя какъ разъ наоборотъ въ замкѣ Граля, и только утѣшенія дяди и его увѣренія, что Богъ всегда посылаетъ снова свою милость искренно кающемуся, внушаютъ ему новую бодрость. Онъ отправляется немедленно отыскивать Граль, а вмѣстѣ и свою жену; онъ проходитъ равнодушно и безъ малѣйшей зависти мимо полноты свѣтскаго могущества. Но такъ какъ божественное не достигается одною только бездѣйственною жизнею мысли, то и случилось, что Парциваль побѣдилъ на поединкѣ Гавана, это воплощеніе свѣтскаго рыцарства, и, вслѣдствіе этого, пріобрѣлъ право

вступить въ число рыцарей Круглаго Стола въ качествѣ всѣми уважаемаго бойца. Это вступленіе есть только внѣшній символъ совершившагося очищенія внутренняго. Потомъ онъ отправляется на Дикую гору, исцѣляетъ своими заботами страданія дяди, принимаетъ святыню въ свое владѣніе и правитъ съ своею найденною супругой, какъ праведный король Граля. Въ качествѣ эпилога сюда еще прибавленъ разсказъ о приключеніяхъ старшаго сына Парциваля, Лоэнгрина, героя извѣстной оперы Вагнера, разсказъ, въ которомъ древнее сказаніе о лебедѣ вошло въ циклъ сказаній объ Артурѣ и о Гралѣ.

Готфридъ Страсбургскій и его «Тристанъ и Изольда».

Равное мѣсто съ Вольфрамомъ слѣдуетъ отвести Готфриду Страсбургскому. Въ противоположность Вольфраму, онъ былъ не рыцарскаго происхожденія. Его „Тристанъ и Изольда“ не окончена. Здѣсь, въ контрастъ идеализму—чувственность, при чемъ представленъ художественно любовный взглядъ на человѣческія страсти. Поэтъ возстаетъ противъ мистическо-мечтательныхъ стремленій къ небесамъ, противъ аскетизма. Въ немъ какъ бы предупреждается Возрожденіе, хотя онъ и былъ современникомъ Вольфрама. Это тотъ же вѣчно присущій литературѣ контрастъ двухъ направленій идеальнаго и чувственнаго, какой послѣ въ той же Германіи проявился въ параллели Клопштока и Виланда, Шиллера и Гете.

Готфридъ заимствовалъ изъ французскаго рыцарскаго эпоса свой кельтскій легендарный сюжетъ, но, благодаря своему таланту, превратилъ его въ оригинальное произведеніе. Вотъ краткое содержаніе поэмы (¹). Сестра короля Марке, дѣвушка, родила отъ одного рыцаря сына, прозваннаго Тристаномъ, т. е. печальнымъ, потому что онъ вступилъ въ жизнь сиротою, такъ какъ отецъ его палъ въ битвѣ съ сосѣднимъ княземъ еще до его рожденія. Одинъ вѣрный маршалъ Руаль беретъ мальчика къ себѣ, и съ семилѣтняго возраста обучаетъ его всей придворной наукѣ, а также рыцарскому искусству, что составляетъ рѣзкую противоположность съ юношескими годами Парциваля, взросшаго сыномъ природы. Норвежскіе купцы похищаютъ мальчика и

(¹) Bossert, Tristan et Iseult, comparé à d'autres poèmes sur le même sujet, P. 1865.—Kottencamp, Zur Kr. und Erklärung des Tristans, Gött. 1879.

продаютъ его въ рабство. Но вдругъ подпимается буря, которая грозитъ опасностью кораблю; моряки считаютъ ее карою за похищеніе человѣка и высаживаютъ Тристана въ Корнваллисѣ, въ землѣ его дяди. Тамъ онъ дѣлается любимцемъ двора. Тайна его происхожденія открывается. Дядя признаетъ Тристана своимъ племянникомъ и посвящаетъ въ рыцари. Онъ съ честью носитъ рыцарское достоинство; онъ убиваетъ не только Моргана въ отмщеніе за смерть отца, но кромѣ того освобождаетъ Корнваллисъ отъ тягостной дани, платимой Ирландіи, убивая на поединкѣ сборщика этой дани, свирѣпаго Марольта. Но павшій отмстилъ побѣдителю, поразивъ его отравленною стрѣлою, такъ что Тристанъ чахнетъ отъ неизлѣчимой раны. Среди этихъ страданій онъ узнаетъ, что его можетъ излѣчить посвященная въ волшебство, королева Ирландіи—сестра Марольта. Онъ отправляется на кораблѣ въ Ирландію, принимаетъ тамъ чужое имя и является ко двору переодѣтымъ музыкантомъ; королева исцѣляетъ его и за это онъ преподаетъ ея дочери, бѣлокурой Изольдѣ, музыку, латинскій и французскій языки и науку тонкаго обращенія (moralitas). Онъ возвращается въ Корнваллисъ здоровый и, такъ какъ любовь еще не коснулась его, совѣтуетъ своему дядѣ Марке взять въ жены прекрасную Изольду. Старый холостякъ принимаетъ его совѣтъ; племянникъ снова отправляется въ качествѣ свата въ Девелинъ (Дублинъ) и придаетъ своему предложенію еще больше вѣса тѣмъ, что мечомъ своимъ освобождаетъ Ирландію отъ опустошеній чудовищнаго дракона. Очевидно, что реализмъ Готфрида задаетъ герою совершенно другую работу, чѣмъ идеализмъ Вольфрама. Тристанъ приноситъ пользу обществу, между тѣмъ какъ Парциваль вдумывается въ смыслъ человѣческой жизни и размышляетъ о ея значеніи. Въ качествѣ невѣсты Марке, Изольда пускается въ морское путешествіе съ Тристаномъ. Во время плаванія Тристанъ и Изольда случайно выпиваютъ заколдованный напитокъ,—и въ обоихъ тотчасъ пробуждаются „злобная любовь и страстные порывы“. Готфридъ изображаетъ съ тонкимъ психологически-реальнымъ анализомъ внезапную вспышку страсти, которая уже давно подготовлялась въ молодыхъ людяхъ, не сознаваемая ими обоими. Любовный напитокъ является для него только символомъ, наглядно изображающимъ страстное волненіе всемогущаго чувства. Тутъ начинается исторія, исполненная горя и ра-

дости,— соціальный романъ среднихъ вѣковъ, какъ справедливо называютъ произведеніе Готфрида. Жаръ самой пламенной любви вступаетъ въ борьбу съ холодными приличіями; страсть торжествуетъ надъ нравственностью. Дядя узнаетъ объ измѣнѣ, выгоняетъ Тристана изъ своего дома и принуждаетъ Изольду оправдаться отъ тяжкихъ обвиненій посредствомъ божьяго суда. Изольда сумѣла отдѣлаться отъ предстоявшей кары, а поэтъ пользуется случаемъ безпощадно осмѣять институтъ ордалій. Новые обманы влюбленныхъ опять возбуждаютъ подозрѣніе Марке, который удаляетъ отъ своего двора племянника и жену. Они отправляются вмѣстѣ въ дикую мѣстность, и описаніе ихъ жизни, полной любовныхъ восторговъ, среди природы, не налагающей на нихъ никакихъ стѣсненій,— одно изъ очаровательныхъ мѣстъ въ средневѣковой литературѣ. Новая хитрость влюбленной пары опять примиряетъ Марке съ женою и племянникомъ. Здѣсь поэту представляется случай чрезвычайно умно высказать свое мнѣніе о положеніи женщины и о томъ, какъ слѣдуетъ смотрѣть на влюбленныхъ, при чемъ Готфридъ искусно перемѣшиваетъ похвалу и порицаніе. Неосмотрительность ихъ окончательно открываетъ глаза Марке и подаетъ поводъ къ разлукѣ Тристана и Изольды. Тристанъ отправляется на чужбину, скитается по Германіи, Испаніи и Франціи, является ко двору герцога Арунделя и здѣсь знакомится съ другой Изольдой, которую за бѣлоснѣжныя руки, прозвали бѣлоручкой. Уже одно это дорогое имя сближаетъ Тристана съ бѣлоручкой Изольдой; тоска по отсутствующей возлюбленной дѣйствуетъ за одно съ обаяніемъ красоты Изольды и Тристанъ впадаетъ наконецъ въ томительное состояніе, по поводу чего поэтъ мастерски изображаетъ непостоянство влюбленныхъ. Здѣсь произведеніе Готфрида внезапно обрывается.—Продолжатели Готфрида оканчиваютъ преданіе такимъ образомъ. Тристанъ настолько поддается софистикѣ любви, что не отвергаетъ привязанности бѣлоручки Изольды, а напротивъ того, женится на ней. Но въ первое же время имъ овладѣваетъ горькое раскаяніе, которое доходитъ до отвращенія къ женѣ. Такія безотрадныя отношенія длятся до тѣхъ поръ, пока Тристанъ не получилъ смертельной раны по случаю одного любовнаго приключенія своего зятя. Во время предсмертныхъ страданій въ немъ еще разъ съ неудержимою силою вспыхиваетъ любовь къ бѣлокурой Изольдѣ. Онъ посылаетъ въ

Корнваллисъ вѣрнаго слугу и проситъ возлюбленную супругу пріѣхать къ нему:—если просьба его будетъ исполнена, то на обратномъ пути посланный долженъ будетъ натянуть бѣлый парусъ, если-же нѣтъ, то парусъ долженъ быть чернымъ. Бѣлокурая Изольда пріѣзжаетъ. При входѣ корабля въ гавань, Тристанъ спрашиваетъ свою жену, какой на суднѣ парусъ, бѣлый или черный? Черный, отвѣчаетъ ревнивая бѣлоручка. Услыхавъ этотъ отвѣтъ, раненый мгновенно умираетъ. Бѣлокурая входитъ, бросается къ мертвому возлюбленному, осыпаетъ его поцѣлуями и умираетъ. Марке хоронитъ влюбленныхъ и сажаетъ на ихъ могилѣ розовый кустъ и виноградную лозу, которые неразрывно переплетаются своими вѣтвями.

Это поэма любви, но вмѣстѣ и соціальная по воззрѣніямъ ея автора на условія общественнаго быта и по выведеннымъ въ ней типамъ. Въ XIII столѣтіи Готфридъ вѣрѣ предпочитаетъ умъ. У его Тристана ничего нѣтъ кромѣ ума и чувственной страсти; влеченія сердца всегда одерживаютъ верхъ надъ узкой моралью. Потому-то эта поэма есть знаменіе времени. Она обозначаетъ переломъ, совершившійся во внутренней исторіи, аналогичный съ тѣмъ потрясеніемъ начала папской теократіи, которое знаменуетъ радикальный поворотъ въ области политической.

„Романъ Розы“

Французскій эпосъ далъ только одно произведеніе подобной важности. Гильомъ де-Лоррисъ и Жанъ де-Мёнъ написали общими силами „Романъ Розы“, поэму въ 22 тысячи стиховъ аллегорическаго характера и дидактическаго содержанія. Мёнъ продолжалъ Лорриса послѣ 40-лѣтняго перерыва, начавъ свой трудъ въ 1265 году и окончивъ около 1280 года. Этотъ романъ воспѣваетъ „науку любви“ съ замѣтнымъ подражаніемъ Овидію и съ нѣкоторымъ намѣреніемъ представить соціальный характеръ эпохи. Интересъ слабѣетъ вслѣдствіе темной и скучной аллегоріи. Исключеніе составляютъ только рѣчи „Лицемѣрія“ (Faux Semblant),—коими характеризуется безнравственность современныхъ священниковъ и прелатовъ, большихъ охотниковъ „ловить въ мутной водѣ великія богатства“,—а равно выходки „Цѣломудрія“. Лицемѣріе въ большой дружбѣ съ духовенствомъ; оно держится религіи ради обмана другихъ; ему нужны только покровы религіи, ея одежды и больше ничего.

— «У меня нѣтъ, хвастаетъ оно, недостатка ни въ деньгахъ, ни въ многочисленныхъ стадахъ; много надавали мнѣ люди по своей глупости и я веду превеселую жизнь, благодаря простоватости прелатовъ... поступаю во всемъ по собственной прихоти, благодаря моему притворству. Хотя я и прикидываюсь убогимъ, но къ нищей братіи не благоволю. Когда я вижу, какъ всѣ эти полуобнаженные бродяги трясутся въ лихорадкѣ на зловонной навозной кучѣ, голосятъ и завываютъ отъ голода и холода, я и не думаю мѣшаться въ ихъ дѣла. Если же иного изъ нихъ отправятъ въ больницу, то онъ отъ меня ничего не дождется кромѣ милостыни —вѣдь какого же ждать угощенья отъ того, кто самъ облизываетъ ножикъ?.... Если же кто вздумаетъ попрекнуть меня за то, что я оставляю безъ вниманія бѣдняковъ, то знаете-ли, какъ я увертываюсь отъ такого упрека? Я, какъ духовное лицо, заявляю, что богатые болѣе погрязли въ грѣхахъ чѣмъ убогіе, а слѣдовательно больше нуждаются въ моихъ назиданіяхъ, оттого я и чаще у нихъ бываю, и чаще назидаю».

Авторъ романа питаетъ особую, принципіальную ненависть къ женщинамъ того времени и подтверждаетъ свой взглядъ рядомъ фактовъ. Онъ говоритъ про ихъ легкомысліе, безнравственность, продажность, отсутствіе прочности семейныхъ узъ и рисуетъ тѣ же картины, которыя въ свое время прославили VI сатиру Ювенала, а съ произведеніями послѣдняго авторъ видимо былъ знакомъ. Печальную рѣчь держитъ Цѣломудріе:

«Даже по монастырямъ и аббатствамъ, плачется Цѣломудріе, всѣ онѣ сговорились противъ меня и какъ ни запирай ихъ, онѣ не перестанутъ меня ненавидѣть и будутъ стараться нанести мнѣ посрамленіе.... Никто не можетъ поручиться, что благодаря своей женѣ, не будетъ сопричисленъ къ братіи св. Арнульфа, имѣй онъ хотя тысячу глазъ для наблюденія за нею. Всѣ онѣ ищутъ чужихъ ласкъ и если этого не случается по чему либо на дѣлѣ, то все же ихъ воля всегда направлена въ эту сторону до перваго удобнаго случая.... Но это еще меньшій изъ ихъ недостатковъ, по увѣренію Ювенала, такъ какъ каждая изъ нихъ, по самой природѣ своей, только и думаетъ какъ бы устроить какое либо зло. Кто же не знаетъ, какъ мачихи подносятъ ядъ своимъ падчерицамъ, а другія женщины прибѣгаютъ ко всякаго рода чарамъ, колдовству и всевозможной чертовщинѣ, которой и не перескажешь. И если не на дѣлѣ, то въ своихъ желаніяхъ всѣ онѣ были, есть и будутъ распутницами. Всякій, кому дороги собственная жизнь и спасеніе души, долженъ остерегаться женщинъ и пуще всего не открывать

имъ своихъ задушевныхъ тайнъ; нельзя ждать ни въ чемъ удачи, если женщина будетъ соучастницей тайны, потому что всѣ онѣ тщеславны и своевольны; ихъ языкъ, какъ у ядовитой змѣи, губителенъ и безпощаденъ. Отъ рожденія онѣ вольнолюбивы» (¹).

Романъ Розы, плодъ самостоятельнаго творчества, высказывая самобытное міровоззрѣніе автора, имѣетъ цѣлью поучить общество, внушить ему высшую мораль и извѣстные идеалы. Врядъ ли это удалось поэту, который принесъ въ жертву своей задачѣ художественныя цѣли. Тѣмъ не менѣе эта самостоятельность даетъ основаніе считать Мёна предшественникомъ Рабле, Мольера и даже Вольтера. Въ тогдашней литературѣ романъ Розы по своему содержанію и направленію представлялъ исключеніе.

Данте (1265-1321 г.). Вся литературная производительность Европы носитъ на себѣ богословскій оттѣнокъ. Это теологическое направленіе въ XIII вѣкѣ достигаетъ высшаго развитія. Вѣчнымъ памятникомъ ему является „Divina Comedia“ Данте Алигіери,— полное воплощеніе католицизма въ поэзіи. Изучать Данте— значитъ изучать всю средневѣковую жизнь. На Западѣ, въ университетскихъ аудиторіяхъ, особенно въ Италіи, комментируютъ его произведенія. Во Флоренціи еще въ XIV вѣкѣ была учреждена спеціальная каѳедра для объясненія Данте. Римскій дворъ хотѣлъ сжечь поэму и, чтобы спасти её, стали комментировать, при чемъ затемнили ея смыслъ; но итальянскій народъ всегда называлъ её „Божественной“. Въ эпоху паденія національной литературы она была слишкомъ высока для пониманія, ее сократили, назвавъ „Видѣніемъ Данте“. Въ XVIII столѣтіи ея авторитетность не могли поколебать нападки Вольтера и энциклопедистовъ, которыя обрушились на произведеніе Данте. Въ періодъ обновленія Италіи, когда страна волновалась въ ожиданіи свободы, изученіе Данте сдѣлалось необходимымъ; тогда открыли настоящій смыслъ и значеніе поэмы и научились понимать и уважать благородныя

(¹) Le Roman de la Rose, лучшее изд. Fr. Michel. и Marteau, 1878. Приведенные отрывки у Болдакова. Ист. средн. лит. 586, 587. Критика у Paul Paris, Hist. littér. de la France. XXIII, 1—60. Ampère, Revue des deux mondes, 1843; III, 441—481.

стремленія великаго патріота. Потому пониманіе Данте никогда не достигало такихъ размѣровъ и никогда не было такъ сознательно и разумно, какъ въ наши годы, когда вѣковая мечта достигла наконецъ своего осуществленія, когда Италія создалась въ единое свободное государство. Слава Данте распространилась за предѣлы Альпъ и его великое произведеніе единодушно признается художественнымъ воплощеніемъ католицизма (1). Все политическое броженіе тогдаш-

(1) Литература для Данте громадна. Одинъ перечень статей и книгъ до 60-хъ годовъ составляетъ особый томъ такъ называем. Bibliografia dantesca (Fir. 1869). Общія пособія: Tiraboschi, Sismondi, Ruth, Etienne и новѣйшее Bartoli (Storia della litt. it. 4 v. 1878—81) останавливаются долго на Данте. Изъ старыхъ монографій, кромѣ основной, принадлежащей перу Boccaccio (Vita di Dante) R. 1544, F. 1576, R. 1644,— Fil. Villani (F. 1826), L. Aretino (Bruno. Vite di Dante e del Petrarca, F. 1672),—до сихъ поръ цѣнны: Fr. Schlosser (Ueber Dante, H. 1825), Fauriel (P. 1834), Ozanam (уже цитованная нами), Fauriel (Dante et les origines de la langue it. P. 1891). Изъ новыхъ: классическое соч. Wegele (р. переводъ подъ ред. А. Веселовскаго, М. 1881). Лучшее изд. въ Берлинѣ— Witte. Русскія изсл. Шевырева (въ его Ист. Слов.), Кудрявцева (Сочиненія; I. 412—544, неокончено), Пинто (Пет. 1866), А. Веселовскаго (Данте и символическая поэзія, В. Е. 1868, № 12). Чуйко (Легенда о Данте; В. Е. 1889, № 4). Превосходная статья Карлейля о Данте изъ его «Героевъ» перев. въ Современникѣ (1856, № 1). Русскіе переводы Ада: прозою Ванъ-Димъ съ ит. текстомъ и съ прекраснымъ предисловіемъ Струкова, терцинами Мина (1860) и Петрова (П. 1871); прозою, въ формѣ изложенія, Зарудпаго (П. 1887, съ введеніемъ, объясненіями и дѣльными примѣчаніями), начало Чистилища въ Пантеонѣ Литературы (1889, № 4 и слѣд.) и вся Божественная Комедія въ стихотворномъ переводѣ Минаева (изд. Вольфа въ 3 т. Лейпцигъ и Пет.).—Многихъ критиковъ занимала мысль о томъ, не заимствовалъ-ли отъ кого нибудь Данте основную мысль своей поэмы. Указывали на Songe d' Enfer Рауля де Годана, на Tesoretto Латини, который также блуждалъ въ дремучемъ лѣсу, руководимый Овидіемъ. На основаніи словъ аббата Giustino di Costanza,—который, будучи назначенъ въ 1800 году настоятелемъ знаменитаго монастыря бенедиктинцевъ на Monte Cassino, нашелъ здѣсь копію Божественной Комедіи, писанную вѣроятно въ концѣ XIII столѣтія—и рукописи 1177 года «Admirabilis visio Alberici Diaconis», нѣкоторые историки итальянской литературы полагаютъ, что фабула Данте была подсказана діакономъ Альберикомъ. Этотъ Альберикъ разсказываетъ, какъ онъ однажды видѣлъ видѣніе. Ему казалось, что онъ былъ вознесенъ голубицею на небеса, что апостолъ Петръ и два ангела, водили его по чистилищу и аду, что оттуда онъ былъ перенесенъ въ семинебесный Рай. Вся обстановка ада сходна

ней Италіи отразилось въ Данте, какъ въ зеркалѣ; въ проповѣди политическихъ, притомъ національныхъ идей заключается все обаяніе и популярность Данте. Онъ былъ мученикомъ своихъ политическихъ убѣжденій; его жизнь была безотрадная. Онъ лишился счастія быть гражданиномъ — „а нѣтъ ничего хуже для человѣка какъ не быть гражданиномъ, говорилъ онъ послѣ въ одной изъ пѣсенъ „Рая“.

Его біографія. По рожденію Данте принадлежалъ къ гвельфской партіи; его фамилія была собственно Каччіягвида—по мужскому колѣну, Альдигьери—по женскому; собственное-же имя поэта образовалось чрезъ сокращеніе изъ Д*ур*анте. Онъ родился въ 1235 году, незадолго до изгнанія гибеллиновъ изъ Флоренціи и пораженія гогенштауфеновъ. Тогда слава Флоренціи гремѣла; она сдѣлалась столицей латинско-тосканскихъ городовъ; гвельфскіе вожди, вернувшіеся изъ изгнанія, вступили во вражду между собою, но правленіе ихъ было организовано въ прочномъ демократическомъ духѣ. Данте росъ на рукахъ матери; чуть не десятилѣтнимъ ребенкомъ онъ влюбился самымъ восторженнымъ образомъ въ дочь Фолько де-Портинари—маленькую Биче, которая стала на всю жизнь его божественнымъ идеаломъ. Дѣти рѣдко видѣли другъ друга; отецъ готовилъ для Беатриче другую партію. Данте также женился на другой дѣвушкѣ и никогда у него не было въ помыслѣ ничего чувственнаго относительно предмета его идеальной любви. Брунетто Латини не былъ учителемъ Данте въ тѣсномъ смыслѣ слова; но идеи его и запасъ знаній были усвоены Алигіери, который всегда принадлежалъ къ числу самодѣятельныхъ натуръ. Школа Данте была въ немъ самомъ; онъ учился всю жизнь. Къ людямъ онъ былъ нѣсколько суровъ, именно потому что много перестрадалъ. Для него одинаково были ненавистны и гвельфы и гибеллины. Покинувъ гвельфовъ, онъ не сдѣлался и гибеллиномъ.

«Новая жизнь». Раньше политическихъ элементовъ, послужившихъ основаніемъ для великой эпопеи католицизма, Данте развилъ поэтическую основу его,—обоготвореніе Беатриче. Онъ посвятилъ послѣдней свою „Vita nuova“, Новую жизнь, написан-

съ Данте, но изложеніе Альберика сухое, порывистое, между тѣмъ какъ Данте одухотворилъ свои творенія идеями религіозныхъ и гражданскихъ реформъ и политическимъ возрожденіемъ Италіи, являясь великимъ гражданиномъ и провозвѣстникомъ лучшаго времени.

ную то сонетами, то прозой. Онъ началъ писать эти стихи съ первыхъ годовъ молодости; съ 16 лѣтъ, послѣ случайной встрѣчи съ Беатриче, плѣнительный образъ ея не покидалъ его и вызывалъ въ немъ одно поэтическое видѣніе за другимъ.

Первый сонетъ былъ не особенно удаченъ; знатоки приняли его сухо и насмѣшливо; но во всей поэзіи трудно встрѣтить „болѣе счастливое выраженіе робкаго и стыдливаго чувства юноши“. Замужество Беатриче не отразилось ничѣмъ въ поэзіи Данте; смерть-же ея отца (1289 г.) навела его на горькія размышленія о ничтожествѣ человѣческой жизни. Кончину возлюбленной (1290 г.) Данте перенесъ спокойно; пламенное воображеніе поэта переноситъ Беатриче въ небеса, гдѣ она продолжаетъ привлекать его взоры и ведетъ его неуклонно къ служенію высшимъ идеаламъ добра, красоты и истины. Въ честь Беатриче онъ скоро создастъ свое величайшее твореніе, въ которомъ ей отведетъ самое видное мѣсто. Идеальное чувство не помѣшало женитьбѣ Данте на Джеммѣ Донати черезъ два года послѣ смерти Беатриче.

Его политическая дѣятельность.

Поэзія и философія не отвлекали Данте отъ гражданскихъ обязанностей. Гибеллины дѣлаютъ попытки снова водвориться во Флоренціи и Данте участвуетъ въ походѣ противъ пизанцевъ. Послѣ того онъ 14 разъ былъ посломъ въ Сіенѣ, Перуджіи, Неаполѣ, Венеціи, Феррарѣ, Парижѣ и три раза въ Римѣ. Съ 1290 года во Флоренціи междоусобія возобновляются еще съ большей силой. Городъ принимаетъ участіе въ ссорѣ Канчелліери; въ немъ образуются двѣ враждебныя партіи (II, 509). Въ 1300 году, будучи 35 лѣтъ, Данте былъ избранъ пріоромъ; тогда-то видоизмѣнились его политическія убѣжденія. Онъ поставилъ себѣ цѣлью отрѣшиться отъ духа партій и всталъ на исключительно патріотическую почву. Когда Бонифацій VIII вмѣшался во внутреннія дѣла Флоренціи, Данте сталъ во главѣ антипапской партіи и смѣло высказался противъ военной помощи Бонифацію въ его замыслахъ на Романью. Когда папа послалъ Карла Валуа наказать Флоренцію, Данте взялъ на себя тяжелое порученіе умолить Бонифація о снисхожденіи (II, 511). Онъ поѣхалъ въ Римъ съ посольствомъ въ октябрѣ 1301 года. Ему не суждено было вернуться въ родной городъ. Черные, прислужники папскіе, восторжествовали. Карлъ Валуа и Донати царили въ республикѣ. Съ ноября 1301 года Данте начинаетъ вести скиталь-

ческую жизнь, дѣлается мученикомъ за патріотическую попытку. Сограждане въ январѣ 1302 года приговорили его къ двухлѣтнему изгнанію и штрафу, а потомъ (въ мартѣ слѣдующаго года) конфисковали имущество и осудили на сожженіе; его семейство бѣжало изъ наслѣдственнаго дома, преданнаго пламени. Данте былъ еще въ Римѣ и, какъ-бы предугадывая будущность роднаго города, началъ проклинать Бонифація и Карла Валуа, этихъ „Пилата и Іуду". Наконецъ, покинувъ Римъ, онъ пересталъ быть гвельфомъ. Христосъ и имперія — стали его паролемъ. Онъ скитается въ Сіенѣ, Падуѣ, Веронѣ. Когда сограждане предложили ему амнистію подъ условіемъ раскаянія, онъ съ благороднымъ негодованіемъ отъ нея отказался. „За твои правдивыя дѣла этотъ народъ станетъ твоимъ врагомъ"; — такъ говоритъ ему въ аду учитель Брунетто. Данте не разъ послѣ упоминалъ, что его постигло изгнаніе за то, что онъ слишкомъ горячо любилъ Флоренцію. Въ Миланѣ, а частію еще во Флоренціи, онъ задумалъ соорудить достойный памятникъ своимъ политическимъ врагамъ, — который явился въ то же время безсмертнымъ памятникомъ католицизму и художественной эпопеей всемірной исторіи до XIII вѣка. Онъ узнаётъ какъ тяжело входить и спускаться по чужимъ лѣстницамъ (quanto è duro il calle). Онъ прибѣгаетъ къ мщенію самому дѣйствительному, ужасному; благодаря силѣ поэтическаго творчества, онъ предалъ своихъ соперниковъ на вѣчное проклятіе потомства, а надъ Италіей и особенно Флоренціей произнесъ строгій безпощадный судъ въ шестой пѣсни Чистилища:

«Италія! несчастная рабыня
Домъ скорби, безотрадная пустыня,
Безъ кормчаго корабль, и безъ руля....
О ты, порабощенная земля,
Для чуждыхъ странъ теперь ты не царица,
Вертепъ ты непотребный, ты блудница!»...

Говорятъ, что чтеніе Ада наводитъ трепетъ. Современники Данте заключали о дѣйствительномъ знакомствѣ его съ преисподней и поэтическіе образы принимали за дѣйствительность. Его темные волосы и борода, смуглое лицо, величественная осанка, — все это заставляло женщинъ говорить при видѣ его:

— Вотъ человѣкъ, который былъ въ аду.

Данте умеръ въ Равеннѣ 21 сентября 1321 года.

Содержаніе и смыслъ Божественной Комедіи.

Мы замѣтили, что Данте требуетъ для своего понимания не бѣглаго чтенія, а серьезнаго изученія, при томъ изученія съ коментаріями, такъ какъ поэма тѣсно связана съ исторіей Божественная Комедія блестящимъ гармоническимъ стихомъ передаетъ сложные и серьезные вопросы политики, схоластики и богословія. Она непосредственно связана съ тогдашнимъ міросозерцаніемъ, но смыслъ сокрытъ подъ аллегоріей и мистикой. Оттого въ самой Италіи поклоняются Данте безсознательно, поклоняются тѣ, которые не въ состояніи даже понять его, инстинктивно уважая въ немъ нѣчто болѣе чѣмъ достоинства поэта. Для массы народа Данте былъ пророкомъ. Вообще его поэзія напоминаетъ тономъ и складомъ ветхозавѣтныхъ пророковъ. Надо отдать уваженіе той пропагандѣ, которая въ продолженіе трехъ столѣтій успѣла внушить даже безграмотной толпѣ благоговѣніе къ великому творенію. Флоренція, замѣчаетъ одинъ изъ его біографовъ, не хотѣвшая признать славы Алигіери при жизни, нынѣ оберегаетъ какъ святыню его домъ и камень, на которомъ онъ сиживалъ во время прогулокъ, а изображеніе поэта, украшенное лаврами, помѣстила на портикѣ епархіальной церкви въ числѣ святыхъ покровителей города. Въ Толмино и по сю пору пастухи и дѣти указываютъ камень, на которомъ Данте, въ грустные дни своего изгнанія, нерѣдко отдыхалъ, погруженный въ печальныя думы. Въ монастырѣ Фонте-Авеллино, гдѣ онъ однажды провелъ нѣсколько часовъ, хранится его изображеніе. Верона съ гордостью показываетъ церковь, гдѣ онъ публично защищалъ богословскіе тезисы. Въ Равеннѣ и понынѣ покоится прахъ его въ небольшой часовнѣ, при входѣ въ которую воспроизведены черты его. А во Флоренціи, подъ величественными сводами церкви Св. Креста, этого національнаго Пантеона, возвышается въ честь Данте Алигіери великолѣпный саркофагъ. Его окружаютъ памятники Макіавелли, Микель-Анджело и Галилея,—„памятники всего, что есть самаго великаго въ области политики, литературы, науки и искусства". Такое почтеніе приличествуетъ поэту, который предвидѣлъ судьбу Италіи. Въ самыхъ первыхъ стихахъ Божественной Комедіи высказывается ея задача,—необходимость религіозной и гражданской реформы и политическаго возрожденія Италіи.

Въ полночь на 5 апрѣля 1302 года, при свѣтѣ полнаго мѣсяца, въ одеждѣ братіи св. Франческо, во влася-

ницѣ, опоясанный вервіемъ и обутый въ сандаліи, Данте отправляется въ область вѣчности. То была половина его человѣческой жизни. Недовольный существующимъ положеніемъ, онъ устремляетъ взоры въ будущее. Среди затрудненій, колеблясь, поэтъ теряетъ прямую дорогу и видитъ себя посреди дремучаго лѣса. Въ страхѣ продолжаетъ онъ путь, тщетно стараясь выбраться изъ глухихъ дебрей, и къ утру переступаетъ границу незримаго міра. Онъ достигаетъ подножія холма, позлащеннаго первыми лучами восходящаго солнца. Онъ начинаетъ взбираться на холмъ, какъ вдругъ его останавливаетъ появленіе пантеры, которая преграждаетъ ему путь. Въ испугѣ онъ готовъ отказаться отъ своего намѣренія, но пестрая шкура животнаго, свидѣтельствующая объ измѣнчивомъ его характерѣ, утренняя прохлада и чарующее обаяніе весны возвращаютъ ему бодрость духа и спокойствіе. Онъ идетъ впередъ, но снова останавливается при видѣ льва и волчицы. Эти животныя смущаютъ его, отнимаютъ всякую надежду на возможность достигнуть вершины горы и гонятъ его внизъ. Въ то время, когда онъ стремглавъ катится назадъ, взорамъ его представляется образъ человѣка, къ которому онъ обращается съ мольбой о помощи. Это Виргилій. Послѣдній замѣчаетъ о зломъ правѣ волчицы, о томъ, какъ она, выйдя изъ ада, будетъ источникомъ несчастія людей, пока не придетъ песъ, который станетъ её гнать изъ города въ городъ и наконецъ снова ввергнетъ въ адъ. Затѣмъ Виргилій объявляетъ, что если Данте желаетъ выйти изъ этого дикаго мѣста, то ему слѣдуетъ идти другимъ путемъ и обѣщается быть его проводникомъ. Но Виргилій самъ по себѣ безсиленъ вести Данте въ жилищѣ блаженныхъ; для этого римлянинъ посылаетъ Беатриче, обитающую въ высочайшихъ предѣлахъ неба.

Эти странствованія поэта изображаютъ судьбу его родины. „Италія сходитъ съ высоты древне-римской цивилизаціи въ мрачную долину невѣжества, по другую сторону которой возвышается и сіяетъ гора новѣйшей цивилизаціи". Въ глубинѣ долины стоитъ дремучій лѣсъ — явный намекъ на времена варварства. Италія приходитъ въ ужасъ и сама не можетъ дать себѣ отчета въ томъ, какимъ образомъ она дошла до такого униженія.

Но вотъ занялась заря новаго XIV вѣка; её-то и изображаетъ холмъ, освѣщенный первыми лучами новой науки

и новаго языка. Италія стремится завоевать эту гору, но междоусобія препятствують тому. Почти при самомъ началѣ восхожденія, Флоренція, проворная и легкая пантера (безпрестанно мѣняющая партіи), съ пестрой шкурой, одѣтая въ цвѣта „бѣлыхъ и черныхъ“, преграждаетъ Италіи путь и заставляетъ ее нѣсколько разъ уклоняться съ дороги. Но то было время весны, когда природа, пробуждаясь отъ сна, начинаетъ весело улыбаться. Все, казалось, предвѣщало Италіи новую и счастливую будущность, какъ вдругъ Франція въ лицѣ Филиппа Красиваго и Карла Валуа возстаетъ противъ нея подъ видомъ льва, сильная, гордая и жадная къ наживѣ. Въ то же самое время Римъ, тощая волчица, преисполненная всѣхъ желаній и которая уже для многихъ въ жизни сей была отравой, является, чтобы терзать Италію и парализовать ея старанія выйдти изъ невѣжества. Эта волчица лишаетъ её всякой надежды войти на вершину горы и гонитъ её туда, гдѣ „солнца лучъ угасъ“.

По мнѣнію Данте только разумъ можетъ спасти заблудшую Италію, а именно образованіе политическое, философское и религіозное. Этотъ разумъ олицетворяется въ представленіи о Виргиліѣ, который предлагаетъ себя въ проводники Италіи и обѣщается вести её по пути новой цивилизаціи. Виргилій былъ представителемъ ученія о возможности совершенствованія рода человѣческаго въ земной жизни и объ искупленіи за гробомъ посредствомъ покаянія. Беатриче —это олицетворенное богословіе. Ловчій песъ, который будетъ гнать волчицу изъ города въ городъ и потомъ ввергнетъ её опять въ адъ — императоръ, поборникъ единства Италіи.

Чтобы укрѣпить въ добрѣ итальянскій народъ посредствомъ разума и философіи, Данте доказываетъ, какъ грѣхъ карается Провидѣніемъ и рисуетъ глубины ада. Потомъ, указавъ на раскаяніе и дѣятельность, онъ подаетъ надежду на спасеніе и мы видимъ ступени Чистилища. Наконецъ поэтъ показываетъ, какъ человѣкъ, очищенный отъ житейской грязи, возвышается до лицезрѣнія Бога, и предъ нами художественная и величественная картина Рая [1].

---

[1] Пинто, бывшій лекторъ итальянскаго языка въ Петербургскомъ университетѣ, въ своей книгѣ, переведенной по-русски г-жею Никитенко, даетъ превосходный комментарій, которымъ мы воспользовались.

Сообразно съ этой мыслію вся поэма раздѣляется на три части. Три лица играютъ въ ней главную роль: Данте, Виргилій и Беатриче, олицетворяющія собой: человѣка, философа и богослова. Всѣ части поэмы гармонируютъ одна съ другой и согласуются съ цѣлымъ посредствомъ чиселъ трехъ и девяти. Адъ раздѣляется на 9 круговъ, Чистилище—на 9 ступеней, Рай — на 9 сферъ. Вся поэма состоитъ изъ 12,230 стиховъ, расположенныхъ съ такою соразмѣрностью, что Чистилище имѣетъ тридцатью стихами болѣе Ада, а Рай —шестью стихами менѣе Чистилища. Каждая часть поэмы оканчивается словомъ „звѣзда".

Степень наказанія за грѣхи послужила поводомъ къ подробному описанію ада со всѣми его ужасами.

Въ распредѣленіи грѣховъ и степеней наказанія, Данте руководствовался теоріями св. Отцевъ и ученіемъ Аристотеля. Три главныхъ рода грѣховъ: невоздержаніе, злоба и насиліе. Первому, невоздержанію, посвящены 5, 6 и 7-ая пѣсни; злобѣ — 9, 10 и 11-ая, а насилію — всѣ остальныя пѣсни. Невоздержаніе заключаетъ всѣ грѣхи, причастные тѣлу; злоба —всѣ обдуманные поступки, клонящіеся ко вреду ближняго; насиліе имѣетъ самый обширный кругъ грѣшниковъ; насиліе совершаютъ: разбойники, лицемѣры, развратники, колдуны и т. п. Сообразно съ этой теоріей возрастаетъ степень наказанія.

На вратахъ ада Данте читаетъ надпись: „за мной—обитель слезъ; за мной—вѣчная скорбь, за мной—міръ падшихъ и осужденныхъ душъ,.... оставь надежду всякій, кто сюда входитъ".... Каждый изъ девяти круговъ подземнаго царства охраняется особымъ демономъ, котораго изображеніе и имя поэтъ заимствуетъ изъ миѳологіи.

Все пространство ада раздѣляется рѣками на три части. Подъ Ахерономъ находятся люди самые жалкіе. Это тѣ, которые при жизни не заслужили ни хвалы, ни порицанія. Небеса ихъ отвергли, но и адъ не отверзся предъ ними. Вина ихъ въ томъ, что они не очищены крещеніемъ. Міръ забылъ о нихъ; для нихъ нѣтъ ни милосердія ни казни; удѣлъ рабовъ—одно презрѣнье. „Но что говорить о нихъ, замѣчаетъ поэтъ, взгляни и иди дальше". Харонъ плаваетъ въ своей ладьѣ по Ахерону и перевозитъ черезъ него грѣшниковъ на противоположный берегъ, гдѣ начинается первый кругъ ада. Тамъ томятся души тѣхъ, которые жили безъ грѣха, но и безъ вѣры. То души древнихъ ученыхъ и героевъ, незнавшихъ истиннаго Бога. Посреди философовъ Данте видитъ

Аристотеля. Далѣе въ пяти кругахъ, между Ахерономъ и Стиксомъ, помѣщены тѣ, которые презираютъ нравственное ученіе и не слушаютъ голоса разума, за что они и наказуются. На первомъ планѣ стоятъ сластолюбцы, на второмъ обжоры, на третьемъ скупые и расточители, на четвертомъ гнѣвные и завистливые. Вступивъ туда, гдѣ казнятся сладострастные, Данте и Виргилій видятъ, что „подземный вихрь, бушуя на просторѣ, съ толпою душъ кружится въ царствѣ мглы; разя, вращая, онъ отягчаетъ горе". Въ этой толпѣ путники встрѣчаютъ между прочимъ Паоло и Франческу, трогательный разсказъ которой о ея любви и несчастіяхъ до такой степени поражаетъ Данте, что онъ лишается чувствъ. Ни одинъ эпизодъ поэмы не пріобрѣлъ такой популярности, какъ эпизодъ о Франческѣ да-Римини.

Переправившись черезъ Стиксъ, Данте и Виргилій приближаются къ адскому городу Дите, защищаемому демонами. Являются три фуріи и показываютъ Данте Медузину голову, чтобы превратить его въ камень. Но Виргилій защищаетъ его, закрывши ему глаза рукою. Вслѣдъ за тѣмъ является ангелъ, укрощаетъ демоновъ и предъ путниками открываются городскія ворота. За ними простирается шестой кругъ, гдѣ въ открытыхъ могилахъ, изъ которыхъ выходитъ пламя, горятъ въ вѣчномъ огнѣ невѣрующіе, еретики и ересіархи. Затѣмъ путники входятъ въ долину, издающую страшное зловоніе и которая служитъ началомъ седьмаго круга ада. Здѣсь истязуются насильники. Минотавръ охраняетъ этотъ кругъ, который раздѣляется на три отдѣла, гдѣ караются провинившіеся противъ ближняго, противъ природы и противъ Бога. Это самыя интересныя по художественности и силѣ пѣсни Ада, въ которыхъ представляется обширное поприще для восторженной фантазіи Данте. Въ первомъ отдѣлѣ этого круга находится громадный ровъ съ потокомъ кипящей крови; въ немъ мучатся тираны. Центавры, вооруженные луками, подстерегаютъ тѣни, которыя поднимаются надъ кровавымъ потокомъ болѣе, чѣмъ это имъ дозволено, и пускаютъ въ нихъ стрѣлы. Во второмъ отдѣлѣ наказывается насиліе противъ самого себя. Грѣшники превращены въ ядовитыя и сучковатыя деревья; въ нихъ гнѣздятся гарпіи, которыя рвутъ и ѣдятъ ихъ листья. Въ числѣ этихъ грѣшниковъ Данте встрѣчаетъ и Петра Винейскаго, канцлера Фридриха II, о чемъ мы говорили въ своемъ мѣстѣ. Затѣмъ путники входятъ въ третій отдѣлъ седьмаго круга. Здѣсь, въ сухой безплодной пустынѣ, подъ непрестанно

спадающимъ огненнымъ дождемъ, истязуются насильники противъ Бога, природы и искусства. Въ восьмомъ кругѣ, который раздѣляется на десять рвовъ или вертеповъ, наказываются различные виды обмана и лжи. Симонисты занимаютъ третій ровъ. Они уткнуты головою внизъ въ отвратительныя ямы, между тѣмъ какъ ноги ихъ торчатъ къ верху и горятъ вѣчнымъ огнемъ. Сюда поэтъ помѣщаетъ многихъ папъ, въ томъ числѣ Николая III, и здѣсь-же заранѣе приготовлено мѣсто для Бонифація VIII. Въ 25 пѣсни описывается удивительное превращеніе человѣка въ змѣю и змѣи въ человѣка—наказаніе похитителей чужой собственности (седьмой ровъ). Въ 27 пѣсни занесенъ разсказъ о графѣ Гвидо де Монтефельтро, помѣщенномъ между разрядомъ злыхъ совѣтниковъ, которые занимаютъ восьмой ровъ. Когда папа Бонифацій VIII, побѣдивъ Колонна и занявъ ихъ дворецъ, отправилъ отрядъ войска осаждать принадлежащія имъ крѣпости, то нѣкоторые города сдались почти добровольно, но за то Палестра встрѣтили его мужественнымъ отпоромъ. Бонифацій, теряя надежду овладѣть ею посредствомъ силы, обратился за совѣтомъ къ престарѣлому Гвидо де-Монтефельтро, нѣкогда знаменитому полководцу, но на старости лѣтъ постригшемуся въ монахи. Гвидо осмотрѣлъ крѣпость, объявилъ, что ею невозможно овладѣть силою, но въ тоже время намекнулъ, что для этого есть другое средство, о которомъ онъ не рѣшается говорить изъ боязни согрѣшить. Но св. отецъ поспѣшилъ успокоить совѣсть монаха, давъ ему предварительное отпущеніе во грѣхѣ, изъ котораго намѣревался извлечь для себя выгоду. Тогда благочестивый старецъ произнесъ слѣдующія многознаменательныя слова: „обѣщайте много и не торопитесь исполнять“ (lunga promessa col' attender corto). Этимъ отвѣтомъ отлично воспользовался Бонифацій. Наконецъ, Данте и Виргилій спускаются въ девятый и послѣдній кругъ, имѣющій видъ узкаго колодца.

Тамъ различнаго рода измѣнники и категоріи грѣшниковъ караются въ ледяномъ озерѣ: а) Каины, гдѣ содержатся души измѣнившихъ своимъ родственникамъ, в) Антеноры, гдѣ находятся измѣнники отечеству, г) Толомеи, куда помѣщены измѣнники друзьямъ и д) Джіудекки, гдѣ пребываютъ убійцы Цезаря Брутъ и Кассій и Іуда, предавшій Христа. Іуду, Брута и Кассія держитъ Люциферъ, который стоитъ въ центрѣ адской пропасти (пѣснь 34). Цѣпляясь за длинную шерсть, покрывающую Люцифера, Данте и Виргилій проходятъ сквозь центръ

земной и, слѣдуя теченію небольшаго ручья они, день спустя послѣ того какъ начали свое странствіе, выходятъ на свѣтъ Божій, къ подножію горы Чистилища и видятъ блескъ и сіяніе звѣздъ.

Разсказывая свои странствованія, Данте является передъ ними поэтомъ, философомъ, физикомъ, химикомъ, богословомъ, политикомъ и проявляетъ обширнѣйшія свѣдѣнія по всѣмъ отраслямъ знаній.

Въ первой части Божественной комедіи, Данте даетъ полный анализъ напластыванія земли и свойства земель и камней; постепенно углубляясь во внутренность земнаго шара, онъ говоритъ о водѣ, пескѣ, желѣзѣ, гранитѣ, о минеральныхъ и горячихъ источникахъ, о газахъ, объ огнѣ и наконецъ о вѣчномъ льдѣ, заключенномъ въ центрѣ земли. Въ Чистилищѣ—ботаника и зоологія занимаютъ болѣе мѣста. Въ Раѣ эти науки уступаютъ мѣсто астрономіи, метафизикѣ и богословію. Въ 30 пѣсни Ада Данте говоритъ объ образованіи дождя изъ паровъ; онъ замѣчаетъ, что цвѣты и растенія своими сѣменами наполняютъ воздухъ, а послѣдній, вращаясь, разбиваетъ эти сѣмена. Данте зналъ о преломленіи свѣтовыхъ лучей. Онъ говоритъ о венахъ. Ему извѣстны свойства магнитной стрѣлки. Ему основательно знакома классическая астрономическая система Птоломея. Онъ пытается объяснить пятна на солнцѣ. Вообще, Божественная комедія—своего рода энциклопедія знаній, изложенная въ художественной формѣ. Поэтому-то изученіе Божественной комедіи есть изученіе среднихъ вѣковъ въ широкомъ смыслѣ.

По выходѣ изъ ада, Данте и Виргилій очутились на одномъ островѣ, находящемся въ антиподахъ отъ Іерусалима, составляющаго, по тогдашнему вѣрованію, центръ обитаемой земли. На островѣ находится гора Очищенія, Чистилище, высота которой должна быть равна высотѣ ада. Она опоясана девятью уступами на подобіе девяти круговъ ада. Въ противоположность аду, гдѣ съ каждымъ кругомъ страданія усиливаются, здѣсь съ каждымъ уступомъ выше, они уменьшаются. Вообще въ ступеняхъ чистилища замѣчается самая строгая аналогія съ кругами ада. Основанія чистилища также омываются рѣкою, черезъ которую перевозитъ ангелъ души грѣшниковъ. По переѣздѣ черезъ рѣку, Данте съ Виргиліемъ проходятъ постепенно всѣ девять ступеней. Восхожденіе, сначала утомительное, становится все легче и легче, по мѣрѣ того, какъ путники поднимаются къ вершинѣ горы, гдѣ находится рай

земной. На каждой ступени у Данте стирается по буквѣ изъ слова „peccato", начертаннаго у него на лбу ангеломъ при самомъ входѣ въ чистилилище. Каждое преступленіе омывается въ чистилищѣ противоположнымъ подвигомъ добродѣтели. Гордые здѣсь ходятъ вокругъ горы, согбенные подъ огромною тяжестью; завистливые одѣты въ грубую власяницу; гнѣвные бродятъ въ непроницаемомъ мракѣ и густомъ смрадномъ дымѣ; лѣнивые, безъ отдыха, съ необыкновенной скоростію бѣгаютъ вокругъ горы; скупые и расточительные стонутъ, лежа на землѣ лицемъ внизъ; обжоры въ очищеніе своихъ склонностей терпятъ голодъ и жажду, которые еще болѣе возбуждаются видомъ дерева, обремененнаго сочными плодами, и тихимъ журчаньемъ прозрачнаго ручья; сладострастные искупаютъ свой грѣхъ въ пламени. По выходѣ отсюда, путники достигаютъ вершины горы, гдѣ находится земной рай. Задача Виргилія здѣсь оканчивается и онъ оставляетъ своего спутника. Данте одинъ входитъ въ рай. Онъ встрѣчается здѣсь съ Матильдой—олицетвореніемъ дѣятельной жизни. Идя далѣе, поэтъ достигаетъ рѣки Эвноé; онъ пьетъ изъ нея и чувствуетъ себя „чистымъ, чтобы вознестись ко звѣздамъ".

Здѣсь ему является Беатриче. Описаніе встрѣчи Данте съ предметомъ его чистой платонической любви принадлежитъ къ самымъ художественнымъ и въ то же время самымъ трогательнымъ мѣстамъ въ поэмѣ.

Когда, спустя 200 лѣтъ, Рафаель задумалъ изобразить „Богословіе" въ ватиканской „Stanza", то онъ нарисовалъ ту фигуру, которую обезсмертилъ Данте, говоря о появленіи Беатриче. „Въ облакѣ цвѣтовъ, которые сыпались изъ рукъ ангеловъ, развѣваясь повсюду, подъ бѣлымъ покрываломъ, увѣнчанная масличнымъ вѣнкомъ, появилась передъ мною женщина. На ней былъ зеленый плащъ, а платья ея было багрянаго (di fiamma viva) цвѣта" ([1]). Поэтъ былъ потрясенъ дорогимъ образомъ.

«И въ первый мигъ при образѣ такомъ

Божественномъ не могъ волненья скрыть я;
Сперва я весь почти оцѣпенѣлъ,
Но на меня потомъ сошло наитье:

Я въ образѣ той женщины узрѣлъ
Моей любви старинной воплощенье,
Передъ которымъ нѣкогда я млѣлъ,

([1]) Purgatorio; XXX, 28—33.

Исполненъ неземнаго восхищенья,
Когда предъ этой чистой красотой
Я сталъ лицемъ къ лицу, и слѣдъ сомнѣнья
Во мнѣ исчезъ (¹). . . .

Данте возносится къ Беатриче въ сферу огненнаго эѳира; начинается третья, глубоко поэтическая и вмѣстѣ самая мистическая часть поэмы. Поэтъ постепенно проходитъ семь планетъ: Луну, Меркурія, Венеру, Солнце, Марса, Юпитера и Сатурна, затѣмъ небо неподвижныхъ звѣздъ и небо кристалловъ. Переходя изъ одной сферы въ другую, Данте начинаетъ все болѣе и болѣе отрѣшаться отъ всего тѣлеснаго; улыбка Беатриче дѣлается все радостнѣе и свѣтлѣе. Данте наконецъ уже не въ силахъ услѣдить тѣлеснаго облика Беатриче и совершенно погружается въ слушаніе раздающагося вокругъ него пѣнія. Въ этой части поэмы замѣчается аналогія съ первыми двумя; здѣсь также наблюдаемъ постепенность въ распредѣленіи блаженствъ, какъ въ аду или чистилищѣ—въ распредѣленіи мукъ; количество круговъ также одинаково съ кругами и ступенями. Душа каждаго праведника по смерти переносится въ планету, соотвѣтствующую добродѣтели, въ которой онъ наиболѣе подвизался во время своего пребыванія на землѣ. На Лунѣ находятся души тѣхъ, которые обрекли себя дѣвственности и отреклись отъ всего мірскаго, хотя бы и силою были вырваны изъ монастырей. На Меркуріи помѣщаются души царей, принесшихъ счастіе подданнымъ своимъ умомъ, правленіемъ и мудрыми законами. На Венерѣ обитаютъ души тѣхъ, которые при здѣшней жизни довольствовались лишь платоническою любовью. На Солнцѣ витаютъ богословы. На Марсѣ пребываютъ распространители христіанства и воины, пролившіе кровь свою за Христа и Церковь. Въ ряду этихъ свѣтлыхъ духовъ Данте узнаетъ своего предка Каччіагвиду, который разсказываетъ ему о различныхъ историческихъ событіяхъ, предсказываетъ ему изгнаніе изъ отечества и долгое странствованіе, изображая первобытную простоту нравовъ Флоренціи и порицая ея настоящую распущенность. На Юпитерѣ обитаютъ хранители правосудія. На Сатурнѣ живутъ созерцатели. Тамъ глазамъ Данте представляется золотая лѣстница, столь высокая, что концы ея скрываются въ небесахъ. Свѣтлые духи восходятъ и нисходятъ по ея ступенямъ. Затѣмъ поэты проходятъ небо неподвижныхъ звѣздъ, небо кристалловъ

(¹) По переводу Минаева, Чистилище; XXX, 39—38; стр. 282.

и достигаетъ пространства, гдѣ растилается Эмпирей, престолъ Божій, жилище ангеловъ и блаженныхъ духовъ. При вступленіи въ Эмпирей, Данте предъ лицомъ трехъ апостоловъ (Петра, Іакова и Іоанна) произноситъ исповѣданіе вѣры. Въ сферахъ девятаго неба Беатриче (27 пѣсня) распространяется о строеніи видимаго неба и по этому поводу порицаетъ современную безнравственность, ту тяжелую эпоху, которую пришлось пережить Данте. Это переходное время къ XIV столѣтію и къ новому порядку поэтъ провожаетъ грустною рѣчью, которую влагаетъ въ уста Беатриче и только въ послѣдній моментъ по челу его пробѣгаетъ отрадный, хотя слабый лучъ надежды.

— «О алчность человѣческая.... Сколькихъ
Людей ты погубила, потерявшихъ
Послѣдній стыдъ.... Хотя еще у нихъ
Есть воля, но безсильная; такъ сливы
Становятся отъ проливныхъ дождей

Завядшими и чахлыми.... *Невинность*
И вѣру у однихъ грудныхъ дѣтей
Найдешь теперь, но прежде чѣмъ младенцы

Успѣютъ волосами обрости,
Ихъ вѣра и невинность покидаютъ...
Тотъ, кто постился въ дѣтствѣ, возмужавъ

Обжорству предаваться начинаетъ,
Не различая времени, и тотъ,
Кто въ дѣтствѣ мать любилъ, ей повинуясь,

Ставъ взрослымъ, схоронить ее мечтаетъ [1]».

Затѣмъ Беатриче оставляетъ Данте и занимаетъ мѣсто на великолѣпной брилліантовой звѣздѣ. Трогательнѣе всего сцена прощанія Данте съ Беатриче, которая кидаетъ долгій прощальный взоръ на своего возлюбленнаго. Поэзія не представляетъ болѣе страстнаго и восторженнаго изображенія.

— «О дѣва, вѣчно милая, звѣзда
Моихъ надеждъ, для моего спасенья

Въ самомъ аду оставившая слѣдъ!
Все, что я видѣлъ, все, что испыталъ я,
Могуществу и добротѣ твоей

---

(1) По переводу Минаева, Рай; XXVII, 146—160; стр. 252.

Обязанъ этимъ я. Меня изъ рабства
Ты вывела на свѣтлый путь свободы
Путями, лишь доступными тебѣ.

Такъ сохрани-жь, блаженная подруга,
Твои всѣ драгоцѣнные дары,
Чтобъ духъ мой, лишь тобою исцѣленный,

Земную оболочку покидая,
Могъ быть тебя достойнымъ»... Такъ молился,
Я дѣвѣ, дорогой мнѣ; а она

Изъ дальняго небеснаго пространства
Съ улыбкою взглянула на меня
И обратилась снова, какъ другіе,
Къ источнику небеснаго блаженства (1)».

Сопровождаемый св. Бернаромъ, который заступилъ мѣсто Беатриче, Данте идетъ далѣе. Онъ удостоивается созерцать престолъ Божій и св. Троицу. Никогда поэзія не достигала до такой пластичности въ описаніи крайне отвлеченныхъ предметовъ, какъ въ 33 пѣснѣ Рая. „Пресвятая Троица, это— вѣчный свѣтъ, который самъ въ себѣ покоится, одинъ постигаетъ, себя любитъ и себѣ улыбается". Тайну воплощенія Данте объясняетъ разностью и переливомъ цвѣтовъ, переходомъ ихъ изъ одного въ другой. Такою богословскою апоѳеозою кончается это геніальное созданіе человѣческаго воображенія.

Со времени Данте прошло болѣе пяти съ половиною вѣковъ; почти 20 поколѣній исчезло съ лица земли; прежніе идеалы измѣнились; священная имперія рушилась окончательно; вопросы, волновавшіе улицы итальянскихъ республикъ, эти раздоры дня, покоятся подъ ихъ развалинами. Колумбъ и Америго Веспуччи открыли новые міры и народы на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ по теоріи Данте возвышалась гора чистилища; стройный хоръ девяти блаженствъ исчезъ предъ ученіемъ Галилея; лучи новой цивилизаціи измѣнили все: науку, обычаи, политику, а Данте—этотъ гигантъ среднихъ вѣковъ, говоритъ историкъ итальянской поэзіи, продолжаетъ стоять непоколебимымъ и по прежнему плѣняетъ своимъ чуднымъ стихомъ. Всѣ человѣческія страсти знакомы ему и самый тщательный анализъ дѣлаетъ изъ него великаго психолога, равнаго геніемъ Шекспиру. Но при этомъ надо пом-

(1) Рай; XXXI, 92—103, стр. 285.

нить, что наслажденіе отъ чтенія Данте дается нелегко. Оно дается только тѣмъ, кто приступаетъ къ нему съ запасомъ знаній, кто рѣшится проникнуть въ средневѣковую эпоху и отнесется къ ней съ научной точки зрѣнія. Шерръ, авторитетъ въ исторіи всемірной литературы, относится къ Данте скептически, а Шлоссеръ, который 20 разъ прочелъ поэму, не могъ говорить о ней безъ энтузіазма. Для итальянцевъ безъ различія партій это великое имя.

Въ 1865 году Италія и вся образованная Европа праздновали 600-лѣтній юбилей рожденія Данте. Тогда, какъ и теперь, всѣ сознавали, что Данте есть національный итальянскій поэтъ, какъ Гомеръ — поэтъ всей Греціи. Данте въ общественно-политическомъ смыслѣ еще выше Гомера, потому что онъ одинъ, назадъ тому 580 лѣтъ, проводилъ мысль объ единствѣ Италіи. Потому Викторъ Гюго былъ правъ, когда въ письмѣ къ флорентійскому муниципалитету, по поводу юбилея, высказалъ мнѣніе, что Италія выразилась въ Данте. „Подобно Данте, Италія была какъ бы въ изгнаніи и вышла изъ ада; она испытала гибельное раздробленіе, была тѣнью и географическою фразою. Въ данную минуту одинъ человѣкъ олицетворяетъ всю націю. Шесть вѣковъ составляютъ пьедесталъ Данте; вѣка эти были ступенями цивилизаціи и безсмертіе поэта шесть разъ было подтверждено шестью новыми поколѣніями. Подавленная, закованная, окровавленная, погребенная Италія просвѣтила весь міръ. Во всѣ эпохи ея исторіи у нея видны вездѣ великія начала“.

Въ этихъ словахъ Гюго вѣрно опредѣлилъ значеніе Данте для Италіи. Но величайшій изъ итальянскихъ писателей былъ въ то же время лучшимъ и типичнѣйшимъ пѣвцомъ католицизма. Здѣсь онъ является не итальянцемъ, а космополитомъ. Поэтъ міровой, Данте создалъ достойный монументъ средневѣковью вообще, потому что католицизмъ былъ центромъ, вокругъ котораго вращались другія историческія идеи. Его поэма явилась завершеніемъ среднихъ вѣковъ. Послѣ него средніе вѣка близятся къ смерти, а въ замѣнъ ихъ развивается новая жизнь, которая ищетъ идеаловъ въ будущемъ и постепенно отрѣшается отъ прошедшаго.

